

УДК 59(081)
ББК 26я44
В35

Составитель
академик *Э.М. Галимов*

Вернадский В.И.

Собрание сочинений : в 24 т. / В.И. Вернадский ; под ред. академика Э.М. Галимова ; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – М. : Наука, 2013– . – ISBN 978-5-02-038093-6.

Т. 17. Письма жене – Н.Е. Вернадской (1886–1894) / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов. – 2013. – 662 с. – ISBN 978-5-02-038126-1 (в пер.).

Предлагаемое Собрание сочинений в 24-х томах включает почти все научные работы В.И. Вернадского, тексты выступлений, дневники и основную часть его эпистолярного наследия. Основу настоящего издания составили тематические выпуски, публиковавшиеся в виде отдельных книг, начиная с 1992 г., в серии «Библиотека трудов академика В.И. Вернадского» Комиссией РАН по разработке научного наследия В.И. Вернадского. В собрание включены также избранные сочинения В.И. Вернадского в пяти томах, изданные Институтом геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского Российской академии наук (тогда АН СССР) в 1954–1960 гг., а также прижизненные и другие издания.

В семнадцатый том включены письма В.И. Вернадского жене из их переписки в период с 1886 по 1894 год. Письма В.И. Вернадского удивительно содержательны. В них часто присутствуют оценки и глубокие мысли, не нашедшие своего места в опубликованных работах. В особенности это касается его общественно-политической позиции, взглядов на философию и религию.

ISBN 978-5-02-038093-6
ISBN 978-5-02-038126-1 (т. 17)

© Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского, 2013

© Галимов Э.М., составление, предисловие, 2013

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕМНАДЦАТОМУ ТОМУ*

Эпистолярное наследие В.И. Вернадского обширно. В одном из писем к Н.Е. Вернадской (6 марта 1892 г., Москва) В.И. Вернадский пишет: «... я в эти дни страсть расписался: вот уже 107-ое письмо в 33 дня! Вчера написал 7 писем, да сегодня это уже 6-ое».

Письма В.И. Вернадского вполне оправдано рассматривать в контексте собрания его сочинений. Они удивительно содержательны. Они не только рельефно и всесторонне характеризуют его личность, но часто содержат глубокие мысли и оценки, не нашедшие свое место в опубликованных им работах. В особенности это касается его общественно-политической позиции, взглядов на философию, религию.

В 17-й том включены письма В.И. Вернадского к Н.Е. Вернадской из их переписки в период с 1886 по 1894 год.

Первые письма адресованы еще невесте. В.И. Вернадский пишет ей из деловых поездок. 8 сентября 1886 г. состоялась свадьба. Из писем можно увидеть довольно критическое отношение В.И. Вернадского к церкви в это время. В.И. Вернадский отмечает «Исполняя неизбежные по свадьбе обряды, я давно не был христианином и привык к этой личине относиться формально. Свадьба была светская». В письме жене 2 июля 1887 года из Несонова в Смоленской губернии, Владимир Иванович пишет: «... о клерикализме (не удивляйся!). Попы растут, растет и поповство, забирает власть и силу к великому удовольствию Победоносцевых... Попы здесь играют свою роль, и их лапки становятся, по рассказам, из года в год сильнее, могучее и длиннее...». «...Я не смотрю на народ, как на зверя с дурными инстинктами, которого сдерживает от дурных поступков религия – это очень обычное в пользу религии положение никогда не было проверено и исходит из обобщений, которые приняты, быть не могут. Так называемое религиозное чувство и есть сумма нравственных устремлений, которые могут облекаться в те или иные формы, но сами эти формы имеют очень малое значение». В.И. Вернадский считал, что религию не следует рассматривать как способ удерживать людей в нравственных рамках. Он писал: «Взгляд на такое значение религии, какое высказывали в 18-ом столетии еще Вольтер и другие, кажется мне в корне недосказанным и весьма вредным, т.к. ведет к распространению веры...» (из письма к Н.Е. Вернадской 3 июля 1888 г.).

Переписка возобновилась летом следующего года из экспедиции, в которой участвовал В.И. Вернадский. Письма первой части (1986–1989) охва-

* См. общее предисловие к настоящему собранию сочинений В.И. Вернадского, первый том, стр. 3–5.

тывают период жизни В.И. Вернадского, включавший начало его участия в общественно-политической жизни (он был председателем Совета объединенных студенческих землячеств) и его заграничную командировку. Членами студенческого объединения, председателем которого был В.И. Вернадский, являлись, в том числе старший брат В.И. Ленина А.И. Ульянов, а также П.Я. Шевырев, которых В.И. Вернадский близко знал которые были казнены 8 мая 1987 г. после покушения на Александра III. Позже в воспоминаниях В.И. Вернадский писал «... у меня чуть ли не ежедневно собирался Совет объединенных землячеств, председателем которого был я, а заместителем А.И. Ульянов» ... «Александр Ильич Ульянов, секретарь студенческого научного литературного общества, мне помнится, бывал у меня в минералогическом кабинете, у Шевырева очень часто. Это был умный, привлекательный человек с большими интересами» ... «Шевырев бывал у меня очень часто в минералогическом кабинете, и в последнее время я не только догадывался, но определенно понял, что он был в террористической ячейке»... «Я спорил с ним против террора.» (цитируется по «Страницы автобиографии В.И. Вернадского», М., Наука, 1981 г., стр. 54–55.

Над В.И. Вернадским, хотя он и не участвовал в деятельности террористической группы, но был председателем организации, в которую эта группа входила, также нависла угроза. Ее удалось отвести Е.П. Старицкому отцу Наталии Егоровны, который был высокопоставленным чиновником, членом Государственного Совета Российской Империи, добившись для В.И. Вернадского заграничной командировки. Письма этого периода содержат впечатления В.И. Вернадского от пребывания в европейских странах. Он записывает в дневники: «Только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные – только тогда приобретается необходимый кругозор, глубина ума, знание каких не найдешь в книгах» (из дневника 18 мая 1984 г., Петербург).

Второй блок публикуемой переписки охватывает период с 1889 по 1892 г. Частично они включают письма, написанные за рубежом. В марте 1889 г. В.И. Вернадский переезжает из Мюнхена в Париж, а Н.Е. Вернадская с сыном находятся в Сан-Ремо. В 1890 г. заканчивается заграничная научная командировка В.И. Вернадского и он готовится к переводу в Московский Университет. Летом 1890 г. он работает над исследованием почв Кременчугского уезда Полтавской губернии. Работы этого раннего периода научной деятельности В.И. Вернадского включены в 1-й том настоящего собрания сочинений. 27 октября 1891 г. В.И. Вернадский защищает магистерскую диссертацию в Петербургском университете на тему «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах».

Третий блок писем, включенных в этот том, охватывает 1893 и 1894 гг. Это годы работы В.И. Вернадского в Московском Университете. В это время он публикует первые труды по кристаллографии. Они вошли в первый том настоящего собрания сочинений.

Письма в этом томе собрания сочинений публикуются по тексту книг: «В.И. Вернадский. Письма Н.Е. Вернадской», выпущенных издательством «Наука» в 1988 и 1991 году и издательством «Техносфера» в 1994 году. Ответственный редактор этих книг – Б.В. Левшин, редактор-составитель Н.В. Филипова. Письма расположены в хронологическом порядке. Сохранены примечания, сделанные редакторами исходных книг.

Э.М. Галимов

ПИСЬМА 1886–1889 гг.

№ 1

21 мая 1886 г., [С.-Петербург]

Среда, 21 мая, 86

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Эти дни я был все сам не свой. Мне казалось, причиной всего так или иначе я, так как не убедил Вас поехать, а прошли Вы так много и долго пешком. Но я не знал.

Я старался забыть в работе, но работа валилась из рук, и с большим трудом заставил я себя все эти дни заняться самой механической работой – разными формулами да вычислениями. Результатов не знаю, да, должно быть, там ошибок страсть сколько.

Отъезд свой отложу до последней возможности и поеду сперва в Финляндию, где пробуду не более 3-х недель, а оттуда, пробыв сколько можно в Питере, отправлюсь в Тамбов; часть июля и август пробуду тут, так как много будет работы.

Поправляйтесь скорей, живей и бодрей. Нас не забывайте.

Вл. Вернадский

Д. 33, л. 1.

№ 2

24 мая 1886 г., С.-Петербург

Слава богу, что все кончилось так скоро и легко, и Ваша болезнь уехала далеко – пусть уедет так далеко, чтобы и не возвращаться, за тридевять земель в тридесятое царство. Получил я Ваше письмо и не все в нем понял – в конце стояло: вечером буду у «М»¹, а я сперва вообразил, что сегодня вечером, но потом, на досуге, хорошенько изучил письмо, я разобрал, что, должно быть, это будет во вторник вечером, а никак не сегодня, что, наверное, ни доктор, ни Ваши не выпустят Вас сразу в такую даль, как Васильевский остров, да и самого страх разбирал, как это Вы туда отправитесь, да опять заболете, опять сляжете. А вначале задали Вы мне работу – найти предлог попасть к Гревсам, так как без предлога явиться я все еще не решусь и по моей сноровке, и по застенчивости, все еще у меня оставшейся, и по привычке скрытничать. Предлог нашелся, но потом я разобрал, в чем дело, и отчасти успокоился, отчасти и неприятно. Хотелось Вас повидать, если не поговорить с Вами, а то эти дни уж больно много пришлось перечувствовать от незнания, что с Вами, от полнейшей невозможности хоть чем-нибудь помочь, хоть так или иначе узнать, в чем дело. Приходилось пускаться на всякие выдумки, чтобы

получить хоть какое-нибудь известие, принимать на себя холодный и важный вид, скромно и индифферентно выпрашивать о том, что в данную минуту не давало покоя ни голове, ни сердцу, что захватывало всего, сглаживало и уничтожало все другие мысли и помыслы. Притворяться вообще нелегко, скрывать то, что всю жизнь составляет, еще трудней, и невольно рождается эстетическое желание прекратить скорее такое притворство. Теперь, должно быть, оно скоро кончится.

Может быть, вследствие каких-нибудь обстоятельств нам и не удастся собраться перед разездом, а потому я решаюсь обратиться к Вам с просьбою, в которой Вы, может быть, мне не откажете. Я хочу просить позволения писать Вам во время моих поездок по Руси и не отказать мне в ответах. Конечно, многого в письмах не скажешь, конечно, мысль и чувство как-то обрезаются, складываются в письмах в какие-то форменные рамки, но все-таки многое может дать и письмо, много и оно может волновать, может дать для узнания человека, его деятельности, его душевной жизни, мыслей и мечтаний.

Написал я это письмо и хотел было послать его к Вам, да вдруг и явилась мысль, как Вы посмотрите на эту переписку, не причину ли я Вам этим каких-нибудь неприятностей. Но Вы мне это ведь прямо напишите или скажите, а я письмо это уже pošлю лучше так, чтобы оно пришло к Вам не раньше субботы утра. Была не была.

Вл. Вернадский

СПб., май 24, 1886.

Д. 33, лл. 2–3.

¹ Мария Сергеевна Гревс.

№ 3

29 мая 1886 г., С.-Петербург

С.-Петербург, май 29, 1886

Вы дозволили мне писать Вам из моей поездки, но я решился написать Вам раньше. Не знаю, не понимаю, что со мной делается. Я не могу не писать Вам, не могу не видеть Вас, не слышать Вас. Мне хотелось сейчас же написать Вам, как только возвратился от Вас, все эти дни я никак не мог успокоиться, мне хотелось видеть Вас. И только боязнь сделать Вам неприятность сдерживала меня; могли возникнуть те или иные неприятности для Вас, расспросы да разговоры, подвергать Вас которым я никак не хочу, да и не имею права. Я прекрасно понимаю, что из одной Вашей глубокой доброты Вы позволяете мне писать Вам и относитесь ко мне хорошо, и неужели мне за эту доброту подвергать Вас разным мелким, правда, но тем более сильным уколам, разным неприятностям. Я, впрочем, не знаю, может быть, их не может быть? Мне вспомнились здесь несколько фраз, Вами сказанных в субботу, про Териоки¹, когда Вы заметили мне: «Вы боитесь приехать», и я Вам ответил утвердительно. Потом я сообразил, что мы друг друга не поняли, а для меня теперь кажется невозможною пыткой, чтобы Вы неверно думали или понимали то или другое из моих мнений, тот или другой из моих поступ-

ков. Не то, чтобы я не решился приехать вследствие боязни разных светских стеснений и т.п., их всегда можно обойти или примириться с ними. Никогда конфузливость моя не доходила до того, чтобы я из-за нее отказывался от какого-нибудь нужного для меня или для других дела. Не доходила уже потому, что я никогда не обращал особого внимания на мнения окружающих, никогда не сообразовал свои поступки с их мнениями. Вы теперь одни, мнение которой, действительное или предполагаемое, может удержать, удерживает меня от тех или иных поступков; да и это случилось со мной после страшной, мучительной борьбы, доводившей меня иной раз чуть не до испуга. Я боюсь приехать потому, что не могу полагаться на свою сдержанность, на ту силу выдержки, какой я еще недавно владел вполне, боюсь, что какое-нибудь слово, фраза доставит Вам неприятность, боюсь еще потому, что положение мое будет очень тяжелое, и после каждого такого свидания я долго не могу успокоиться, а это для меня невыносимо тяжело. Лучше ждать, пока определится для Вас Ваше отношение ко мне, тогда будет легко и не будет стоить говорить обо всех этих «боязнях». А пока нет определенности, я буду «бояться».

Мне хочется переговорить с Вами о многом, мне даже кажется, что обо всем хочется переговорить с Вами, о всем узнать Ваше мнение, Ваши взгляды. И я готов забросать Вас вопросами, так как для меня, к моему удивлению, совсем иную получает окраску каждое явление, о котором я знаю Ваше мнение или то впечатление, какое оно на Вас произвело. Но лучше Вы напишите мне, что можете и хотите, что кажется Вам нужным. Мне хочется знать о Вас все – и что Вы делаете, и что думаете, и что занимает Вас. Все, все мне хочется знать о Вас.

Как-то Вы говорили, что мы мало друг друга знаем, что как-то нам, каждому, неизвестны и те условия, среди каких приходится жить, и то, среди каких обстоятельств складывался характер. А потому я хочу здесь набросать Вам род моей автобиографии; это так как-то легко мне писать для Вас, так как-то хочется передать Вам то, что когда-то волновало всего меня. Если для Вас это будет малоинтересно, Вы мне это, конечно, скажете или напишите, но теперь мне почему-то ужасно хочется Вам передать все, что я знаю сам о себе.

Скоро 24 года, как я живу на свете и почти ничего нет такого, что сделал я и что принесло кому-нибудь более или менее видную пользу; все это время было временем подготовки, и только теперь начинается сама жизнь, и только теперь может определиться, упала ли подготовка на хорошую почву или пропадет даром. Критический момент, так сказать. Родился я здесь, в Петербурге, в начале 1863 года, отец мой тогда был здесь профессором в Лицее² и Технологическом институте и издавал экономический журнал³. Но я недолго остался в Петербурге, и нет у меня почти никаких воспоминаний, связанных с этими первыми годами жизни. Как в тумане, вспоминаются мне Летний сад с памятником Крылова, вспоминаются и первые уроки грамоты, которой я учился тогда по деревяшкам и по заглавиям газет, вспоминается первая елка, произведшая на меня, по рассказам, такое впечатление, что я, никогда до тех пор не ходивший, сразу пошел, побежал; помнятся кое-какие первые встречи, как в тумане, неясно носятся какие-то образы, связанные с этими первыми годами жизни. Если порыться хорошенько в памяти, то можно вспомнить

многое и другое, но относительно всего этого никак нельзя сказать, сколько здесь таких неясных воспоминаний пережитого и сколько воспоминаний о тех разговорах, о тех случаях, какие бывали со мной и передавались или мне самому, или при мне значительно позже. Мне кажется, что такие воспоминания, какие я пытаюсь здесь Вам набросать, интересны для каждого из нас и в другом отношении, они интересны потому, что с помощью их можно глубже проникнуть в тот чудный механизм, какой называют душой человека; они интересны потому, что дают одно из указаний на то, что сознание человека, личность человека, не есть что-нибудь резко определенное, цельное, а вечно меняется и не вполне однообразна; что, следовательно, она есть одно из общих следствий организма, а не есть что-либо внешнее, постороннее, какой-нибудь бессмертный дух, поселенный волею особого бога в наше «грешное тело», мне кажется, что подобными воспоминаниями укрепляется верование в подобную более верную постановку вопроса, и они, может быть, могут оказать влияние на хоть некоторое разъяснение вопроса о сознании, последнего пункта, на котором еще прочно держатся теисты (они, т.е. такие наблюдения, а также и исследования перехода от ясно колониальных организмов к таким, каков наш). Такое значение для каждого из таких воспоминаний мне выясняться стало, впрочем, только недавно, после просмотра не ахти какой статьи Рибо: «Les maladies de personnalité»⁴. Но возвращусь назад. По рассказам, я был здоровый, замечательно тихий и серьезный ребенок; любил поспать, хорошо поесть, одним из моих любимых занятий было рассматривание разноцветных лоскутков и украшение ими своей собственной особы. Любил я рассматривать и раскладывать бумаги, и, курьезная вещь, я еще теперь, когда пишу, с каким-то удовольствием вспоминаю большую корзину под большим письменным столом (хорошие письменные столы были одной из причуд отца) в темноватом кабинете отца; помню, кажется перед отъездом в деревню, как я вытаскивал оттуда бумаги, и помню радость, с какой нашел там какую-то книжку с картинками, должно быть преискурант. Должно быть, однако, она доставила мне глубокое, большое наслаждение, так как эпизод этот силен и теперь у меня в памяти. В 1868 году, когда мне было не более 5 лет, мы должны были покинуть Петербург и уехали сперва в деревню, в Рязанскую губернию (имение моего брата⁵, которое отец после его смерти в 1874 г. отдал его тетке – Гославским). С отцом от усиленной работы сделался удар, и он лишился возможности хорошо говорить (а он был, говорят, замечательным оратором), и доктора посоветовали ему уехать на юг. Он взял место директора конторы Государственного банка в Харькове. Для того чтобы Вам было все ясно, я позволю себе сделать Вам несколько отступлений о себе и о нем, тем более, что семейные предания имели в детстве на меня довольно сильное влияние, и я думаю, что семья должна иметь известные предания, конечно, хорошее влияние может оказать семья только тогда, когда мало-мальски хорошие предания. Семья должна вырабатывать хороших работников на пользу человеческую, она должна дать счастье тем, которые составили семью, она должна связывать молодое поколение с поколением, кончающим жизнь. И никогда такая семья не будет существовать, если нет известных семейных преданий, известных общих целей, на которые положена работа и предков и будущих, подрастающих поколений. Мне кажутся неважными вопросы, имеет вся семья известный *raison d'être*⁶, нельзя ли устроить каких-ни-

будь лучших отношений вроде тех, какие предполагались в известном фаланстере Фурье⁷, неважными потому, что семью вообще уничтожить нельзя, ее можно только изменить. Уничтожить нельзя потому, что она органически связана как с человеческим организмом, так даже и с животными, никакие убеждения, никакие меры не могут прекратить ее существование, как не могут они прекратить способности любить, как не могут они прекратить желание людей жить вместе, а не порознь, поодиночке. Если семья имеет кое-какие дурные последствия, иной раз крайне важные, это зависит не от нее самой, а от тех условий, в какие она теперь поставлена, и от тех искажений, какие она сплошь да рядом получает по сравнению с тем идеальным типом, какой носится в наших головах. Не только искажений случайных, но и искажений самых существенных, самых серьезных. До сих пор если не *de jure*, то *de facto* господствует взгляд на главенство мужчины в семье как главного работника, мужчина, обыкновенно **устраивает** семью, он выбирает себе жену, обыкновенно гораздо моложе его самого, причем главное внимание обращает на ее красоту (оставляя в стороне такие прямые гадости, как женитьба на деньгах etc.). Между тем мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны, когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях; в такой семье, где существуют дружба и полнейшая искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут вместе работать на пользу общего, где дается возможность полному развитию всех сил и способностей, различных несколько для разных полов, – здесь могут вырабатываться хорошие люди и хорошие работнички, такие, которые могут легко найти себе счастье. Я не говорю уже о том счастье, поддержке, какие может и должна дать семейная жизнь и которые не может заменить никакая дружба. С такой точки зрения мне совсем кажутся абсурдными утверждения, что муж может быть лет на 20 старше жены и это будет хорошо, а жена если на 1–2 (года) старше, – нельзя быть семье. Ну, да возвращусь к прежнему. Семья должна да и, очевидно, вырабатывает известные предания, выражающиеся как в известных поступках лиц – предков, так и иной раз в кое-каких тезисах. Я хочу здесь передать Вам кое-что из тех семейных преданий, какие были в семье отца, и передать потому, что на выработку моих взглядов или, вернее, симпатий и характера они имели большое влияние. Наша фамилия (в начале просто Верна) происходит из Литвы. Во время войн Хмельницкого против Польши⁸ литовский шляхтич Верна перешел на сторону казаков и с ними вместе боролся против панства. Не думаю, чтобы он сделал это вследствие убеждений, причины были, вероятно, более низменные, но факт остается фактом, и он имел большое влияние на все дальнейшее. Он был казнен поляками; потом его дети и потомки служили в казачестве Малороссийском и Запорожье; при уничтожении Запорожья⁹ Екатериной II¹⁰ мой прадед бежал в Черниговскую губернию и там, после нескольких лет тихой жизни, был выбран священником¹¹ – в Малороссии тогда еще сохранился старинный обычай русской церкви: выбор священников из прихожан. Однако в данном случае выбор этот оказался далеко не удачным. Священник-запорожец с прихожанами не ладил. Это был человек надменный и гордый, довольно хорошо образованный (он кончил курс в Киевской духовной академии – тогдашнем высшем учебном заведении в Малороссии¹²), он был страшным деспотом и в семье и по отношению

с окружающими. От него сохранилась у меня только бумага, в которой он старался доказать свое дворянское происхождение, так как с моим дедом он вполне разошелся. Кончил он плохо; когда после каких-то разногласий с прихожанами он отказался крестить, погребать и запер церковь, его силою, старика лет 80, привели на кладбище для похорон, но со злобы или огорчения с ним случился удар, и он тут же умер. Мой дед, его средний сын, еще в молодости с ним разошелся; он хотел заставить его быть или священником, или военным, не знаю, но во всяком случае хотел, чтобы он пошел не по той дороге, по какой хотел. Это был тихий и скромный человек, с сильным желанием учиться; тогда был только один Московский университет, и мой дед ночью бежал от своего отца и пешком из глуши Черниговской губернии пришел в Москву, в университет; отец его после того не хотел видеть и не простил до самой смерти, мать же способствовала его бегству. В Москве он страшно бедствовал, но мало-помалу пробился, кончил лекарем и стал военным врачом. Во время наполеоновских войн он попал в плен, и это имело огромное на него влияние – несколько лет пробыл он во Франции и возвратился оттуда масоном и мистиком. Последние годы он пробыл в Киеве, где умер в 1830-х годах, будучи одним из самых деятельных членов кружка масонов, бывшего тогда в Киеве и главарем которого был тогда Пилецкий. Из его детей выжил только один мой отец. Это был, бесспорно, прекрасный человек, я его очень любил, хотя по характеру мы с ним не совсем и сходились и сходимся. Лицом я на него очень похож. Он был очень горяч и вспыльчив, особенно в молодости, но был человеком ясного ума, замечательно нежной, мягкой души; ему недоставало только силы и настойчивости в характере, и этот недостаток имел на него большое влияние. Он кончил Киевский университет и после недолгого учительства в начале 40-х годов был послан за границу, где пробыл 3 года; возвратившись, он был профессором политической экономии и статистики сперва в Киевском университете, потом в Московском¹³; в начале царствования Александра II он хотел более практической деятельности, перешел сюда в Министерство внутренних дел¹⁴ сперва, но там ему не особенно нравилось, хотя он принимал кое-какое участие во многих реформах начала прошлого царствования; тогда же он был профессором политической экономии и занимался изданием «Экономиста» и «Политического экономического указателя»¹⁵. Он был женат два раза; первая его жена – Шигаева – умерла через несколько лет после женитьбы; она была, по рассказам, очень хорошая и умная женщина и на отца моего имела большое влияние¹⁶. От нее у него остался один сын¹⁷. Потом он женился на моей матери – Константинович. Но о матери, брате и сестрах я Вам напишу после, когда до этого дойду в своей «исповеди».

Удар с отцом совершенно разбил его жизнь, и я никогда не видел его вполне здоровым, это, очевидно, имело большое влияние на всю мою будущность. Лечиться сперва мы поехали в Рязанскую губернию. Здесь я довольно хорошо помню и усадьбу и сад etc., но пребывание в деревне связано у меня с неприятным для меня эпизодом. В детстве я был нехраброго десятка и, между прочим, ужасно боялся купаться; мать, желая уничтожить такое скверное качество, насильно меня выкупала. Я долго не мог успокоиться, и в ту же ночь все домашние были разбужены страшным криком, я, мальчуган лет 5, начал петь, представляя хороводы, кричать, бегать, стал лунатиком.

Ну, да и так написал страсть сколько. Если Вам интересно, напишите, буду продолжать.

Из Рускеалы и Вильманстранда мне придется присылать письма с финляндскими марками. Не может ли это вызвать для Вас каких-нибудь неприятностей, возбудив расспросы etc.? Напишите, пожалуйста, прямо, до получения Вашего письма я писать не решусь. Мой адрес: Рускеала (Ruskeala), окрестности Сердоболя (Sortavala), Выборгская губерния, до востребования. Из Териок Вам надо также посылать письмо с финскою маркою, так как Териоки в Финляндии.

Вл. Вернадский

P.S. С нетерпением буду ждать ответа. Из Рускеалы напишу, куда писать после. В Рускеале пробуду недели 1^{1/2}. Еду в пятницу утром. Ради всего святого, напишите.

В.

Д. 33, лл. 4–7.

¹ Териоки – прежнее (до 1948 г.) название г. Зеленогорска в Ленинградской области.

² Профессором Александровского (ранее Царскоевельского) лицея Иван Васильевич Вернадский был с 1861 по 1868 г.

³ И.В. Вернадский был основателем и редактором журналов «Экономический указатель» и «Экономист». См. комментарий № 15.

⁴ Где была опубликована статья, установить не удалось.

⁵ Николай Иванович Вернадский.

⁶ Разумное основание, смысл (фр.).

⁷ Французский утопический социалист Фурье основной ячейкой будущего общества считал фалангу, состоящую из нескольких производственных серий. Каждый член фаланги имеет право на труд. В фаланге устранен калечащий человека узкий профессионализм; каждый член фаланги в течение рабочего дня несколько раз переходит от одного вида труда к другому, занимаясь каждым из них 1,5–2 часа. Благодаря этому труд превращается в потребность, становится предметом наслаждения. В результате общество достигает высокого уровня производительности труда и изобилия материальных благ. Распределение в фаланге осуществляется по труду и таланту. Основные труды Фурье: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Теория всеобщего единства» (1822), «Новый промышленный мир и общественный мир» (1829).

⁸ Освободительная война украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого против шляхетской Польши 1648–1654 гг.

⁹ Точнее, Запорожской Сечи.

¹⁰ Ликвидация Запорожской Сечи была осуществлена в 1775 г., после подавления Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева (1773–1775), во время которой в Сечи происходили волнения. Запорожское войско было объявлено распущенным, а земли розданы русским и украинским помещикам.

¹¹ По семейным преданиям, И.Н. Вернадский был избран в священники в с. Церковницы в 1786 г.

¹² Числился учеником в 1742 г.

¹³ И.В. Вернадский в Киевском университете преподавал в 1846 г., а в Московском университете – с 1847 по 1856 г.

¹⁴ В Петербург И.В. Вернадский переехал в 1856 г.

¹⁵ «Экономический указатель» (1857–1858), позже имевший названия «Указатель политико-экономический» (1859) и «Указатель экономический, политический и промышленный» (1860–1861), еженедельный журнал, в котором И.В. Вернадский вел полемику с Н.Г. Чернышевским по вопросу об общинном землевладении. «Экономист» – приложение к «Экономическому указателю». Издание было посвящено политической экономии, статистике и вспо-

могательным наукам. С 1861 г. после прекращения «Указателя» выходил самостоятельно. В обоих изданиях И.В. Вернадский выступал как редактор-издатель.

¹⁶ Мария Николаевна Шигаева скончалась в 1860 г. Это была первая русская женщина-экономист. «Экономический указатель» И.В. Вернадский издавал при ее содействии. В нем она напечатала целый ряд статей, которые в свое время пользовались большим успехом. Самыми замечательными из них были статьи о женском труде, о котором Шигаева заговорила одна из первых. Позже эти статьи были собраны ее мужем и изданы под заглавием «Собрание сочинений покойной М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой». СПб., 1862.

¹⁷ Николай Иванович Вернадский.

№ 4

2 июня 1886 г., Рускеала

Рускеала, 2 июня, 86, понед.

Сегодня пришла почта, а от Вас письма нет, да и быть не могло; я не понимаю, как я ожидал его и чего волновался. Если Вы получили мое письмо, посланное Вам в четверг¹, то и тогда ответа быть не могло. Сперва я думал не писать Вам из Финляндии, так как письма должны быть с финскими марками и это могло бы вызвать неприятные для Вас дома расспросы, но потом, подумав, решил, что это-то для Вас беда невелика – такую самостоятельность Вы, должно быть, имеете, да иметь и должны, но, впрочем, не знаю, может быть, письма этого не пошлю, боюсь, не говорит ли здесь во мне эгоистическое чувство: не писать Вам я не могу, мне и так кажется, что целую вечность Вам не писал, тогда как написал Вам всего несколько дней тому назад, да еще не письмо, а письмище. Мне потом стало даже совестно, что утруждаю Вас такими сочинениями, и постараюсь больше таких длинных писем не писать. Если пошлю это письмо (почта отходит отсюда во вторник), то Вы получите письмо не раньше четверга, а следовательно, срок между ними не будет очень короток.

В этом году мне снова пришлось проехать по тем самым местам, по которым ехал я ровно год назад, и, странное дело, места эти произвели на меня совсем иное впечатление, чем тогда, и я перед неизменившейся природой, перед картинами, мне знакомыми, вполне понял и почувствовал, до какой степени изменился я, как стал сам на себя непохож. И так скоро, и так вдруг. Вспомнился мне один разговор, который велся ровно год (назад) на палубе по Ладоге, разговор шел о любви, мое отношение к любви и ее силе было до тех пор вполне скептическое, я насмешливо улыбался, когда выставлялась сила этого великого чувства, когда говорилось о его значении; мне кажется даже, я и высказал это. В гордости своей я думал: нет того чувства, какого нельзя бы перебороть, нет ничего, нет никого, кто бы мог свернуть меня с дороги, ясно и резко поставленной; всякое чувство сломя я своей волей, не преклонюсь ни перед одним человеком, что решил я, то и сделаю – хорошо ли, дурно ли **мое** дело, никто мне не будет судьей, ни на кого я не обращаю внимания при поступках своих. Теперь мне странны и дики эти мысли, чем-то далеким веет от них. И все произвело чувство, да, понятно, и то было чувство – чувство гордости, чувство чувством и вышибается.

И раньше моего были люди с моим характером и правом, и разنو поступали они в разные времена. Я любил всегда в общих фактических картинах

представлять себе, как они жили, как поступали в далекие и еще более далекие времена. И вот представляются мне средние века; я не помню, чтобы часто являлись мне в фантазии рыцари, было и их время, но прошло давно; меня больше всего прельщали рыцари монашеских орденов, бойцы так или иначе за идею, приносившие ей в жертву все и из-за нее все выносившие; целыми братствами они боролись за то, что считали тогда истинным, и представлялось мне, что я один из них, что я борюсь против любви и против других чувств, как против соблазнов дьявольских. И могли тогда такие люди или не могли превозмочь это великое, чудное чувство, становились жестокими и черствыми фанатиками или гибель находили в битве, в плену, в тюрьме. Представлялись мне потом другие люди времен Возрождения – чистые поклонники Эпикура или Лукреция; эти боролись словами за счастье людей, эти претерпевали от них насмешки и даже гонения; они из-за чистого, высшего «наслаждения», они, служа одной чистой истине, не ожидая никаких благ ни в жизни этой, ни в жизни будущей, приносили все в жертву и смело вступали в бой за правду, за истину, и их жгли на кострах, но за ними становились последователи; их гнали за проповедь истины, они отвечали за это миру открытиями, изобретениями, они не хотели связывать ничем мирским себя и далеко не всегда поддавались чувству любви, но если поддавались ей, то вполне, всей мерою. Но и для них чувство любви было чем-то побочным, чем-то таким, что стояло поперек их дороги. Представляется мне время иное, время будущее. Поймет человек, что не может любить человечество, не любя отдельных лиц, поймет, что не любовью будет его сочувствие к человечеству, а чем-то холодным, чем-то деланным, постоянно подверженным сомнениям или отчаянию, что много будет гордости, много будет узкости, прямолинейности – невольного зла – в его поступках, раз он не полюбит, раз не забудет самого себя, все свои помыслы, все свои мечты и желания в одном великом чувстве любви. И только тогда в состоянии он без сомнений, без тех искушений и минут отчаяния, когда все представляется нестоящим перед неизбежною смертью, только тогда способен он смело и бодро идти вперед, все время и все силы свои направить на борьбу за идею, за тот идеал, какой носится в уме его. Суха и черства всякая религия перед этим чувством, и кажутся ее утешения, ее наставления чем-то таким деланным, если только нет в них любви, любви не умственной, любви не деланной, а любви беззаветной, которой легко принести в жертву все, самого себя, все, все. И для людей, которые не надеются найти лучшую жизнь за гробом, которые не хотят поступать здесь хорошо из-за цацек² будущей жизни, для таких людей необходимо это чувство, необходима поддержка, оказываемая этим чувством, без него невозможна жизнь для них.

Не знаю, хотите ли Вы или нет, интересно Вам или нет, но я чувствую потребность продолжать перед Вами свою исповедь. Если Вам не интересно, Вы отложите чтение, но когда-нибудь да прочтете.

Из деревни (Шигаевка) мы поехали прямо в Харьков. Это перемещение имело на меня большое влияние, детство на юге (природа на меня всегда имела влияние) и, наконец, та среда, среди которой пришлось жить, та обстановка, – все это имело громадное на меня влияние. Наша семья богатой долго не была, все приобретено было отцом, но с тех пор, как я себя помню, я жил в довольстве и даже в гораздо большем, чем следовало. Наряду с этим никаких

замашек барства у нас не было, их не любил и страшно на них нападали мой отец, их не любила, да и не любит моя мать. Но чтобы Вам стало понятным все нижеследующее, я хочу Вас познакомить здесь с моею матерью. Человек она хороший, хотя отношения между ней и мною довольно странные и во всяком случае ненормальные. Родилась она в Киеве в помещицкой семье, уже тогда почти исключительно состоявшей из военных. Ее отец – артиллерийский генерал – был служака, но человек хороший, судя по рассказам, оригинальный тип старого малорусского казачества (он говорил почти только помалороссийски). Особенное влияние имела на нее ее мать. Они были люди далеко не бедные, но после смерти отца их осталась большая семья, чуть ли не 12 человек детей, так что у них, у детей, уже ничего не было. Моя мать в молодости была бедовой девушкой, после смерти отца она захотела сама себя содержать и поступила в Москве классной дамой в Институт³, там пробыла недолго, обладая большими музыкальными способностями и чрезвычайно сильным голосом, она хотела поступить на сцену, но этому воспротивилась ее мать; приехала в Петербург, где тоже давала уроки, кажется, и здесь познакомилась с дальним своим родственником, моим отцом, за которого скоро и вышла замуж. Они любили друг друга чрезвычайно, я не помню никогда, чтобы между ними происходила ссора, да, кажется, ее и не было никогда. Я знал отца уже больным, как писал Вам, и в это время моя мать имела на него неоспоримое влияние, хотя далеко не всегда. Не получив хорошего образования (она воспитывалась в каком-то, модном тогда пансионе в Киеве), моя мать значительно ниже стояла по образованию по сравнению с отцом, читала она также не особенно много; однако ум у ней очень хороший (теперь ослабел) и особенно замечательна та практичность, которой она отличалась перед моим отцом, в сущности большим фантазером и идеалистом, – практичность, довольно часто развивающаяся в женщинах. Я, по крайней мере, знаю несколько таких случаев – обобщить не могу, но указываю только на очень избитое выражение такого же наблюдения многими другими – у женщины-де ум более практический. Во всех подобных обобщениях (у нас с Вами как-то был разговор на эту тему) для меня неясно, сколько зависит от самой организации, от тех отличий, какие существуют между организмом мужчины и женщины, и сколько зависит от различия **воспитания**, образования и жизни, какие выпадают на долю обоих полов, ну, да об этом как-нибудь позже. До конца жизни сохранила она к отцу род некоторого обожания: он ей казался самым умным, самым ученым человеком, какой только может быть. Нас, своих детей, она любит страшно, но той любовью, какая мне кажется эгоистической. Преданность и самопожертвование – она совершенно расстроила свое здоровье – с какими она ухаживала за отцом во время его многолетней, страшно тяжелой для него и для окружающих болезни его, всегда представлялась мне удивительной. Наряду с этим в характере ее есть некоторые черты, которые не были мне симпатичны никогда, это: некоторая черствость по отношению к лицам, задевающим интересы семьи, черствость, всегда ужасно нехорошо на меня действовавшая, злопамятность, упрямство (последнее качество в значительной степени обще всем членам нашей семьи, и я думаю, что я имею его не в меньшей степени, чем она, хотя борюсь против него всеми силами) и т. д.; но всего этого придется коснуться дальше, и

я буду иметь случай дальше изложить Вам все это, так как на меня это имело влияние большое и, думаю, нехорошее. Скрывать от Вас ничего я не могу.

Предстоит опасность, что и это письмо выйдет невообразимо длинным, и мне представляется то чувство страха, с каким Вы приступаете к его чтению, то чувство скуки что ли, нечто вроде того, с каким я приступал после первой попытки к чтению знаменитого Федоровского «*Departement français*»⁴. Но, мне кажется, я Вам писать могу бесконечно долго и много, и для предотвращения подобных штук письмо это я сделаю все-таки короче предыдущего и, чтобы не завлечься, пишу на полулистике.

Обыкновенно во время моих поездок я вел род дневника или летучих заметок о том, что приходилось видеть, теперь мне этого не хочется, а ужасно хочется передавать все это Вам, и я думаю (если Вы против этого ничего не имеете) излагать свой дневник к Вам в письмах, а другого не иметь. Все равно, скрывать от Вас ничего не могу.

Опять мне приходится переправляться по Ладоге, по этому холодному, угрюмому озеру, занявшему огромную площадь на севере России. Берега его носят ясные следы ледниковой деятельности, гранитные скалы изглажены и в местах, открытых от покрова ягельями или мхами, блестят на солнце, как полированные, все горы имеют округлый вид; громадный ледник, покрывавший многие тысячи лет тому назад всю Финляндию, весь север России и всю ее середину до самой Харьковской и Екатеринославской губерний, сгладил все неровности; Вы не увидите почти нигде здесь тех резких контуров, тех заостренных высот, какие видны в А⁵... и те большею частью ютятся у берегов. Блестит громадная зеркальная поверхность озера, изредка пробежит по ней волна, а иные места все время играют мелкою зыбью. И это чередование полос зеркальных и гладких полос, подернутых мелкою зыбью, производит особое впечатление: точно и в этой громадной массе жидкости есть стремление к определенной форме, точно и в ней скрываются силы, которые распределяют воду на разные полосы: и здесь происходит вечное движение, здесь вечное перемещение – но что за причина его как не причина причин, как не те бесконечные изменения сил, движений, какие мы видим всюду и везде. Бурной бывает Ладога, и тогда масса (людей) гибнет в ней, и эти волны погубили много жизней, много страданий принесли они людям, но зато сколько принесли и счастья. Еще больше они видели: они видели первых новгородских славянских купцов и разбойников, гнавших отсюда бедных тавастов и выгнавших их в Западную Финляндию, здесь скрывались первые отшельники, видевшие всю цель жизни в стремлении к тому, что ими считалось истиной, а между тем это ложь, и сколько за эту ложь принесено и приносится жизней, сколько претерпелось страданий, сколько и счастья дала эта ложь. Блаженны неведующие, несомневающиеся...⁶

Д. 33, лл. 8–10.

¹ Т. е. 29 мая 1886 г.

² Цаца – прикраса (разг.).

³ Институт благородных девиц – закрытое учебное заведение в царской России для дочерей дворян в Москве. Институт был открыт в 1802 г.

⁴ Где была напечатана статья, установить не удалось.

⁵ Утрачено пол-листа текста.

⁶ Утрачено пол-листа текста.

[До 3 июня 1886 г., Вильманstrand]²

Вообще из нескольких фраз в этом и прошлом письме мне кажется, что Вы меня слишком идеализируете, т. е. ставите меня в своих глазах не только лучше, чем я есть, но даже выше, чем я есть, и это для меня ужасно неприятно и страшно именно потому, что Вы легко можете разочароваться, и я неожиданно-негаданно полечу вниз; между тем как, в сущности, ничем такого падения не заслужил. Вообще боюсь я, не является ли вместо меня в Вашем воображении «я», Вами созданное? (вот так туманная фраза). И мне очень страшно, чтобы я так понапрасну и незаслуженно не полетел вниз.

Мне очень многое хотелось бы заметить еще по поводу одного Вашего выражения, именно выражения об «оторванности», которая мучит не одну Вас, а и многих других. Мне кажется, давно пора или отбросить, или сузить этот фантом, сбивший с пути уже многие сотни сил, которые пропали даром. Но об этом в другой раз, а теперь мне хочется поскорее окончить Вам свою автобиографию, так как иначе вместо меня в Вашем воображении рисуется что-то другое. А я не могу, чтобы Вы меня считали лучше или выше, чем я есть, так как это выходит что-то вроде лжи, и я хочу, чтобы Вы меня знали, каков я есть. Продолжаю.

Мои религиозные воззрения в детстве развились сильным образом благодаря влиянию детской – няни, детей сторожей банка, с которыми я играл, и затем под влиянием чтения священных книг, причем особенно сильно на меня действовали тогда «Жития»³ и «Ветхий завет»⁴. В семье у нас царил полный религиозный индифферентизм; отец был деистом, мать была неверующая, я ни разу, например, в жизни не был на заутрене перед Светлым Воскресением⁵; каждый раз собираюсь, да все как-то нельзя бывать. Сильное влияние имела, должно быть, няня (она и теперь нянчит моего племянника у сестры и является другом дома), человек чрезвычайно хороший и положительно умный. Ей обязан я и резким порицанием барства, которое она очень не любила, впервые узнал про освобождение крепостных и помню в детстве ее выговоры, если, будучи избалованным ребенком, грубо или резко говорил ей или прислуге: «Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар – все люди» и т.п. В эти первые детские годы все запечатлевается очень сильно, и я думаю, что эти слова, выражение которых не помню, но которые были резче и сильнее, действовали очень и очень сильно. Няня не была нашей крепостной, у нашей семьи (отца) никогда крепостных не было, и когда в начале 1850-х годов отец получил в приданое за своей первой женой имение, населенное крепостными, он их тогда же освободил (я думаю, что это было главным образом сделано по настоянию его первой жены М. Н. Вернадской – замечательно, по рассказам, чуткой и талантливой женщины; биография ее помещена в «Древней и новой России» за 70-е годы)⁶. Ну, заехал в сторону. Я любил всегда чудесное, фантастическое; меня поражали образы «Ветхого завета», и я теперь еще помню то наслаждение, с каким я читал историю Саула и Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялся Авель и Каин и т.д. Эти образы вызывали у меня бесконечный ряд вопросов; я верил существованию рая и задумывался, где он находится, меня интересовали вопросы, как жили Адам и Ева, на каком они говорили языке etc. Среди мальчуганов, детей

сторожей, с которыми я, несмотря на запрещение, любил играть, я слышал также рассказы, почерпнутые из апокрифических книг⁷, которые ходят и поныне в Малороссии среди народа; а рассказы о домовых, о чертях наполнили мою фантазию еще и еще сильнее. Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду. Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душою после смерти, и рисовалось мне, что она долго (40, кажется, дней) летает вокруг тел, не может попасть туда, и ей холодно, ей страшно тяжело, она видит, как плачут, как рыдают кругом родные, как ее тело предадут земле. То слышал я, что и тело это еще долго слышит, хоть и не видит... Все такие образы все сильнее и сильнее смущали меня; я писал Вам, что я был в детстве трусом, а тут кругом и всюду мне стали рисоваться образы домовых или мертвых, летающих душ, я боялся оставаться один в темной комнате, со страхом пробегал из одной в другую, потому что мне казалось, что я их вижу, что я их слышу. Иной раз ночью я просыпался, и мне казалось, что я слышу голос, звавший меня: Володя, Володя, Володя! Дрожа отзывался я: «Я здесь, господи», но все смолкло, и только, казалось мне, кто-то где-то захохочет, из одного угла перейдет в другой хохот, и я со страхом зажмурил глаза, крестился, читал молитвы, с головой закутывался в одеяло... Я помню, как сильно на меня действовала смерть, я, казалось мне, видел этих мертвецов, мрачных, унылых, становившихся вокруг меня, и помню, как перепугал няню, с которой спал в одной комнате; ночью, проснувшись, я стал уверять ее, что ее брат, который недавно умер, стоит тут, в углу и грозит мне...

Между тем приходилось кругом слышать совсем иное, над верой в чертей смеялись, домовым не верили; когда я приступал с вопросами, или надо мною смеялись, или передавали, что ничего этого нет. Я помню, что брат мой был одним из первых, который стал уверять, что если мне кажется все, то только потому, что я трус, что надо присмотреться и окажется чепуха; что не было ни Адама, ни Евы, нет ада и не было рая... Разговоры с отцом и Е.М. Короленко о том же также подкрепляли это мнение, и Евграф Максимович на звездном мире старался мне сделать понятным единство, кое существует, которому он верил. Голова начала работать, преодолевая себя, я стал оставаться в темной комнате, хотя вначале очень часто удирал оттуда во все лопатки, присматриваясь к пугающим предметам, замечал, что остов составляло или платье, или сапоги, или другие какие-нибудь предметы. Помню, как вера в домовых была поколеблена тем, что за домового я раз принял кошку и вызвал компанию мальчуганов выгонять ее, они верили, что домовый принял вид кошки (черной), но я был положительно сконфужен, когда на другой день опять в саду увидел ту же кошку. Мало-помалу я привыкал оставаться в темной комнате (еще в университете, однако, бывали со мной такие минуты, когда меня разбирал страх, особый, но об этом я еще расскажу). Мне было 10 или 11 лет, когда я решился сделать окончательный опыт. Я вызвал черта. В темную июльскую ночь (мы жили в Осколе – имении известного малорусского писателя Квитко-Основьяненко) я пробрался далеко в сад и там, весь дрожа, на перекрестке двух или трех дорожек я повторил заклинание, которому меня научили, все было тихо, 2-й, 3-й раз – раздался где-то шорох, я помню тот ужас, какой охватил меня и с которым я справился не знаю как, когда лягушка прыгнула на дорогу. Я скоро оправился, взял эту лягушку, но и на следующий

день у меня она жила – то был не черт, а действительно настоящая лягушка! Я был окончательно сконфужен и никому не говорил о своей попытке. Но как следы этого периода долго остался страх темной комнаты, и не знаю, не им ли приписать галлюцинации, которые иной раз бывают у меня. Это была сильная работа, так как я отдался раньше этой религии весь, до фанатизма.

Пишу из Вильманстранда, и письмо это придет, пожалуй, раньше 3-го, так как Вильманstrand с Териоками прямо соединен железной дорогой и письма приходят на другой день. Пишите же все, все, что хотите. Я буду в нескольких верстах от города и очень часто буду бывать в нем. На обратном пути буду, должно быть, проезжать Териоки.

Не знаю, получили ли Вы мое 3-е письмо (я их нумерую), но мне еще хочется Вас спросить: неужели Вы волнуетесь все еще, Вам еще страшно за будущее, если бы оно устроилось, как я хочу? Ответьте, потому что мне это не дает покоя. Не кажется ли Вам, что эти волнения напрасны, так как нет никаких данных у Вас предполагать возможность подобных несчастий. Пишите скорее.

Как Ваше здоровье?

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 21–22.

¹ Начало письма утрачено.

² Время и место написания письма устанавливаются по его содержанию: «Пишу из Вильманстранда, и письмо это придет, пожалуй, раньше 3-го, так как Вильманstrand с Териоками прямо соединен железной дорогой...»

³ «Жития» – «Жития святых» – вид церковной литературы, описывающей жизнь и «подвиги» христианских подвижников, церковных деятелей и т.п.; составляются с первых веков христианства и занимают десятки объемистых томов.

⁴ «Ветхий завет» – часть Библии, собрание иудейских «священных» книг, рассматриваемых как «священные» и в христианстве. «Ветхий завет» складывался в течение многих веков, его состав претерпевал различные изменения. По своему жанру книги «Ветхого завета» весьма разнообразны. Сюда входят старинные хроники, исторические повести, саги и мифы, победные, свадебные, похоронные гимны, притчи, молитвенные песнопения, религиозно-философские трактаты, любовно-эротические новеллы, правила жертвоприношений, ритуальной чистоты и т.п.

⁵ Пасха, церковный праздник.

⁶ *Быков П.В.* Русские женщины-писательницы: М.Н. Вернадская // Древняя и новая Россия. 1877. Т. II, № 7. С. 235–238.

⁷ Ветхозаветные и новозаветные произведения, не включенные в канонический текст Библии.

№ 6

6 июня 1886 г., Рускеала

Рускеала, июнь 6, 1886

Наконец-то сегодня я получил Ваши письма, дорогая Наталия Егоровна, и хоть немного пришел в себя. А то эти дни я был ни на что не похож, так нехорош, и работалось плохо, и думалось еще хуже. Экскурсия вообще едва ли приведет к большим результатам, но теперь я опять чувствую силы, я опять готов работать, и я добьюсь, чего только могу добиться. Бродя с проводником

финном среди здешних скал и ломок, мысль неслася к Вам, и я не раз среди работы бросал все и задумывался бог знает над чем, я старался в уме вспомнить Ваше лицо (способность вспоминать, вызывать произвольно образы у меня развита чрезвычайно слабо), зато хорошо слышал Ваш голос, не скажу, чтобы я не боролся с собой, напротив, боролся упорно, сильно, но не всегда удачно; моя записная книжка, в которой я веду результаты своих геологических наблюдений, носит ясные следы этой борьбы, особенно тяжел был вчерашний день, и я никогда не забуду, как три раза возвращался на одно и то же место, это полверсты по ужасной дороге, когда все время приходилось лезть, цепляясь за камни да за деревья, чтобы снять угол наклона одних и тех слоев мрамора; по рассеянности я все записывал и измерял неверно и вспоминал, только пройдя, пролазив достаточно; мой проводник думал, по-видимому, или что я сошел с ума, или, наверное, что-нибудь подобное.

Вас мучит что-то, что, может быть, хорошо сперва, потом принесет мне или Вам горе; конечно, никто из нас не может ручаться абсолютно, что ничего подобного не может быть, как не может ручаться, что сегодня на меня или Вас не упадет с неба метеорит и не убьет нас, но предполагать, что ничего подобного случиться не может, мы можем. Я как ни думаю, ничего не нахожу, чтобы могло привести к таким печальным результатам; и Вас, если я Вас верно понял, смущают главным образом те ужасные 2 года (как много!), на которые Вы меня старше. Но я никак не могу понять, причем тут эти 2 года разницы и как они могут так скверно повлиять на мою жизнь, как Вы это пишете. Неужели Вы думаете, что я могу увлечься, полюбить кого-нибудь другого? Не думаю. Я не могу любить нескольких одной и той же любовью и не думаю, чтобы кто-нибудь мог. Любовь – чувство цельное, она не допускает никаких сделок, никаких разделений. Я не понимаю, как, каким образом можно разлюбить человека, которого раз полюбишь, а мне кажется, что те, которые потом разлюбили, – никогда не любили: они увлеклись красотой или молодостью, может быть, иной раз, находились под впечатлением минуты, под влиянием целого ряда случайно сложившихся обстоятельств. Но они не любили так, как мне это чувство представляется: когда оно составляет все, перед ним исчезает все, оно обновляет, возрождает человека. И я на себе чувствую это возрождение, я уверен, верю, что не может оно пройти, так как слишком большую долю моей души оно заняло.

Я чувствую, что это не может успокоить Вас, раз Вы не поверите вполне всему здесь мною сказанному, всему, что вылилось прямо из души, но вылилось не ярко, не ясно, слабо – это я чувствую. До тех пор, покуда у Вас может быть сомнение в истинности чувства моего, покуда Вы будете думать, не обманываюсь ли я сам – Вы успокоиться не можете. И я не знаю, как Вас успокоить, а между тем я не хочу, чтобы Вы волновались, чтобы Вы мучились, потому что все же я причиной этого, и я не хочу, не хочу таких неприятных для Вас минут. Когда я в первый раз Вас увидел, я почувствовал, что Вы мне близки, мне никогда не казалось так легко и свободно говорить о чем бы то ни было, как с Вами. Но я сдерживался, я старался удалиться, старался не думать о Вас. И когда я стал чувствовать, что это невозможно, то точно 2 человека боролись во мне. Один говорил, что я должен это бросить все, если хочу познать истину, если хочу сделать что-нибудь, хочу пережить возможно больше; другой говорил, что я не могу познать истину, не испытав этого чувс-

тва, что странно и смешно и нехорошо жить одним умом и ему все приносить в жертву, что, наконец, тут я рассуждать не могу, что иначе это чувство, так долго во мне дремавшее, меня сломит. Но я рассуждал, я старался победить в себе это чувство, и тут в моих поступках ясно начала проявляться двойственность: я стал чаще выдумывать предлоги, чтобы видеть Вас, и в то же время заявил дома, что, вероятно, осенью уеду за границу; я старался всеми силами отбояриться от предложенной мне экскурсии, чтобы иметь возможность летом скорее устроить свои финансовые дела и в то же время все более и более захватывал здесь дела, работал так, как будто предполагал здесь долго остаться. Как тяжело это время было для меня, Вы не можете и представить себе. Наконец, после одного разговора с Вами я почувствовал, что все точно порвалось во мне, что исчезли, побледили все прежние мечты, все прежние желанья. Как в лихорадке, не помню где, бродил я несколько часов по городу, и, возвратившись домой, я несколько часов пролежал в беспмятстве. Тогда я понял, что все кончено и что переворот во мне совершился. Я понял все, понял, что ничто не может уничтожить это чувство. По характеру своему я довольно трудно поддаюсь каким-нибудь захватывающим всего чувствам или идеям, но если раз они овладели мной, то нужно много борьбы, чтобы они меня оставили. Я верю, что, когда Вы меня ближе узнаете, исчезнет в Вас сомнение в силе, искренности того, что я говорил Вам в тот вечер, сомнение, которое Вас мучит и которое, может быть, исчезнет, если мне удастся раскрыть перед Вами всю душу мою. Для меня нет ни малейших сомнений, что я не ошибаюсь в том, что говорил Вам тогда, да и даже как-то странно слышать такое сомнение. Мне хочется, чтобы и Вы почувствовали это, чтобы Вас оставили сомнения во мне. Поверьте, поверьте!

Наконец, еще несколько возражений могу представить Вам, возражений, которые мне представляются не имеющими никакого значения перед первым, но которые Вас, может быть, могут хоть несколько успокоить. Не представляется ли Вам, что эти два года, которые Вас смущают, есть простое следствие одного из тех предрассудков, которыми мы с детства окутаны. Если бы чувство какого-нибудь человека было слабо или он ошибся в нем, то он также легко может разлюбить и человека моложе его хоть на десять лет – и мы сплошь да рядом такие примеры видим. Мне кажется, что редкие случаи семьи, где женщина старше немного, есть главным образом следствие той подчиненности, той приниженности женщины, какая еще так сильна у нас. Затем и сама жизнь наша, кажется, должна исключить всякие такие сомнения. Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди каких пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. В разные эпохи разное может она выражаться, может преобладать та или иная сторона, но во всяком случае такая в сильной степени идейная и рабочая жизнь должна исключить все увлечения, все такие семейные драмы, которыми наполняют свои произведения французские и иные беллетристы и которые могут быть и бывают при малой искренности и незанятой голове тех, с кем они случаются. Мне теперь как-то представляется такая моя деятельность в тесной связи с деятельностью Вашей; здесь возможна и должна идти совместная работа, и в этом, как я Вам писал, кажется, представляется мне сила и значение семьи. Причем же тут 2 года разницы – ради бога, ответьте.

Конечно, в этой деятельности, при тех обстоятельствах, при каких мы живем, может быть и горе и несчастье, но их ведь Вы не боитесь? Их ведь легче переносить вдвоем. Я так долго распространяюсь об этом, потому что мне кажется, что чем скорее покончить с этими ужасными 2-мя годами etc., тем лучше, так как и мне и Вам будет лучше, а то и Вам тяжело, и мне так совсем мучительно.

Мне еще хочется продолжить Вам свою автобиографию и свои заметки из поездки, хотя все это необходимым образом выходит ужасно отрывочно. Ну, да не беда.

Жизнь в Харькове, где отец был управляющим конторою Государственного банка, представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие возможно желать. Жили мы хорошо, богато, все наши желания – детей – исполнялись очень скоро и даже слишком; никаких неприятностей нам испытывать не пришлось. Самыми светлыми минутами представляются мне в это время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и моим двоюродным дядей Е.М. Короленко, помнится также сильное влияние дружбы с моим старшим братом¹ (он был значительно старше меня, родился в 1851 году). Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца, довольно большой, хотя и случайной, так как библиотека, которую он составлял всю жизнь, была частью продана, частью пропала во время его болезни в 1868 г. Книг было очень много у меня и у сестер², с которыми я жил не очень дружно. Характеры у нас были разные, я был больше флегматик (вскоре, однако, переменялся), они – живые, бойкие девочки, ужасно балованные. Я читал все, что попадалось под руку, но в эти первые годы я особенно помню разные географические книги, не только путешествия, но даже и довольно сухие и, казалось, малодоступные для моего возраста, например Реклю: «Земля»³ и затем (вышедшие в издательстве) Лихачева и Суворина «Великие явления и очерки природы»⁴; последней книгой я положительно зачитывался и до сих пор помню страшно сильное впечатление, какое произвело на меня описание моря (кажется, из «Фрегата Паллады» Гончарова)⁵. Кроме этих географических книг, любил я стихи, рассказы, но терпеть не мог тех, которые плохо кончаются, и обыкновенно раньше просматривал конец, если плох – не читал (это, впрочем, и теперь осталось у меня); в это же время я зачитывался историей, главным образом греческой, причем источниками мне были Вегнера «Эллада»⁶, какая-то сильно растрепанная, сухая книжка, без начала и конца, которую я вырыл между книгами отца, затем Петискуса «Олимп»⁷ и т.д. Вообще я читал все, что попадалось, и для своих лет был довольно развит, я присутствовал при всех разговорах отца, очень любил слушать их, притаившись где-нибудь в уголке, и живо помню только про Амадея и Карлоса, а Гарибальди⁸ был одним из моих героев. Конечно, все это было так смутно, так неясно, но в то же время захватывало довольно сильно. Хотя я читал очень много, но учиться не любил, хотя по сравнению с сестрами в семье считался очень трудолюбивым; и действительно, я сидел над книгой, точно готовясь учиться, а фантазия моя в это время витала бог знает где, или я читал дальше то, что не надо.

Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко. Он жил в Петербурге, но очень часто

приезжал и подолгу гостил у нас, уже непременно, каждый год. Это был оригинальный и довольно сильный человек. Самолюбивый в высшей степени, остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты. Он сохранил привычки александровских времен, хотя был еще очень молодым, когда умер Александр I, любил рассказывать, как во время восстания декабристов он и другие пажи (он воспитывался в Пажеском корпусе) бежали на площадь и как их поймали и заперли в карцер. Выйдя в офицеры, он за какую-то историю полгода просидел в крепости и затем бросил военную службу. Был человеком хорошо образованным, хотя образования себе сам добился благодаря главным образом влиянию своего отца, по рассказам, вольтерьянца pursang⁹ (этот человек имел большое влияние и на моего отца). Он мне всегда представлялся странным остатком старинных времен – человеком конца 18-го века, попавшим случайно в нашу эпоху. Он был самых либеральных убеждений, но в то же самое время был эгоистом и bon vivant¹⁰, и я помню, как он говорил, что никак не понимает, как можно было давать сжигать себя, как хотя бы Гус или Джордано Бруно. Он ставил обыкновенно в пример Вольтера и признавался, что если бы к нему пристали попы, он двадцать раз перецелует крест, а не даст себя сжарить. Попов он не любил от глубины души. Глубоко уважал Фурье и Сен-Симона, но считал это все очень далеким, недоступным; к современному ему социалистическому движению относился то скептически, то сердился, но глубоко уважал Герцена и Огарева, и первым моим знакомством с эмигрантами я обязан ему. Трусил всех обысков etc. безмерно, но когда представлялась возможность, не щадил насмешкой ничего и никого, и никогда я не забуду одной истории, случившейся значительно, правда, позже. Все равно я расскажу ее здесь. Мы жили в Петергофе, и у нас гостил один мой двоюродный брат (а со стороны матери у меня родичей неисчислимо количество и почти все военные), дело было после одной из историй конца 70-х годов, и мой родственник высказался в том смысле, что так и надо вешать и что если бы он мог, то он сам бы пошел etc. Старик вспылил (ему было тогда под 70 лет), я никогда не видел и не представлял его таким, и он чуть не выгнал его. Если так рассуждают молодые, так что же говорить нам, старикам, сказал он. Я, говорит, уже близок к могиле, я вижу, что почти ничего из того, чем я жил, для чего жил, не сделано, что все больше и больше совершается гадостей, будь я моложе, я сам бы пошел и силой стал бы добиваться лучшего. Так идите донесите на меня. А с рабом царя я знаться не хочу etc. Родственник этот больше у нас не бывал, но старик долго не мог успокоиться. Уже на старости лет он увлекся учением Дарвина и лет 15 был занят сочинением над происхождением человека, которого не кончил и рукопись которого хранится теперь у меня. Сколько энергии и труда ему нужно было потратить, сколько сил – трудно сказать, он начал тогда же заниматься естественными науками, он перечитал, что мог, и смерть застала его над его любимым трудом. И все напрасно. Когда мне представляется, сколько даром гибнет людей при нынешнем устройстве общества и как редко, какие немногие из способных сделать действительно поставлены в возможность что-нибудь сделать, то как-то делается холодно. Сколько даром теряется сил, когда так необъятно поле, на котором нужны работники, когда так много надо сделать, когда так много важного не тронуто. И на каждом из нас, кто может работать, лежит двойная тяжесть, и за себя и за других должны

мы сделать. Никогда не забуду я того влияния и того значения, какое имел для меня этот старик в первые годы моей умственной жизни, и мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю. Вспоминаются мне темные, зимние, звездные вечера. Перед сном он любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный Путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне о них рассказывал; я долго после не мог успокоиться; в моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них. Эти рассказы, а также разговоры с ним, с отцом и братом впервые вызвали у меня религиозный скептицизм, работу мысли, но об этом я Вам расскажу в следующем письме.

А теперь о своей поездке. Курьезно, мое письмо каждое выходит точно журнал какой-нибудь: а) передовая статья (собственно письмо), в) биография etc. и с) путешествие. Никогда я не думал, что могу столько писать и что все будет еще хотеться писать больше и больше. А такой бочкой Данаид¹¹ и является мое к Вам писание. О стольком, кажется, хочется написать Вам, что не наполнится она никогда.

Пароходные спутники мне попались не ахти какие. Я вообще люблю разговаривать, потому что в это время научаешься и в это время живешь иной жизнью; разговоры на пароходе и железной дороге интересны еще потому, что позволяют хоть по рассказам, живой речью знакомиться с жизнью не тех мест, где едешь, а других – далеких. Так, например, имели для меня значенные разговоры прошлым летом с рабочими, возвращавшимися и шедшими на отхожие промыслы, на юге. Но здесь ничего подобного не представилось, и я остановлюсь только на одном лице, на ратмане¹² города Сердоболя¹³, с которым я познакомился. Эта часть Финляндии населена финнами, имеющими наибольшее соприкосновение с русскими, и здесь чаще можно встретить людей, знающих по-русски; торговля ведется главным образом с Петербургом, и даже товары местных финляндских изделий покупаются в Петербурге. Здесь, таким образом, образовался целый ряд купцов, торгующих с Россией, постоянно имеющих с ней сношения, одним из которых и был ратман Сердоболя – Тиайнен, а другим, с которым я знаком, мой рускеальский хозяин. Здешний купец совсем не напоминает купца русского, хотя, кажется, есть какое-то сходство между ними и между купцами Новороссии, имеющими совсем особый характер. Но это общее есть, вероятно, один европейский лоск. Тиайнен не представил из себя ничего замечательного, разговоры с ним меня мало научили чему, но я не забуду той радушной любезности, с какой он дал мне нужные указания, и только благодаря ему я оказался в состоянии кое-что сделать. Он представляет из себя тип кареляка¹⁴, добродушного, очень веселого и чрезвычайно болтливого. Вся восточная часть Финляндии населена этим народом, радушие которого, действительно, поразило меня, так как, ехав сюда, я ожидал совсем обратного. На пароходе я больше всего разговаривал с одним купцом из Рыбацкого, а затем с петербургским булочником, а теперь открывшим мелочную лавку. Этот последний довольно интересный

тип старика-петербуржца, довольно простоватого; интересно проследить по нему то влияние, какое оказало на всю их семью то, что его племянники (он бездетен) – один студент медик, а другой тоже хочет туда поступить; он говорил о своем ремесле как о деле полезном; он к монахам (кроме Валаама) относится скептически, особенно не любит ходить по монастырям; а поехал на богомолье от временного безделья. От него, между прочим, пришлось узнать кое-какие сведения о положении рабочих-булочников (он сам не хозяин, но нечто вроде главного приказчика; он прошел все ступени с самого начала, и сам говорит, что труд каторжный, почти не оплачивается – рублей 10–15 в месяц), особенно плохо и тяжело приходится мальчикам [...] Виноват, еще забыл одну встречу и очень интересную. На палубе в теплой ватной одежде не то дьякона, не то священника расхаживал какой-то человек; лицо поражаало своей некрасивостью: слезливые глазки, все сморкается, сморщенный, переморщенный, с толстым синевато-красным носом, он производил на меня впечатление ощипанной хищной птицы. Оказалось, что это Понятовский – автор и издатель сочинения «Народное чтение», которое предназначено для всех и каждого. «Народом, – поучал он меня, – неправильно называют только простонародье; есть три отдела – народ, простонародье и чернь, как по-латыни *natio*¹⁵, *populus*¹⁶ и *plebs*¹⁷. Вот и моя книга назначена для народа – *natio*. В этой книге есть все: и духовная часть, и история и т.д.»; ее покупали у него больше всего священники. Для меня разговор с ним был как с далеким отзвуком старых времен. Три писателя представлялись ему великими: Погодин, Полевой, автор знаменитой некогда «Истории русского народа»¹⁸, и Галич, профессор философии 30-х годов. Я поспешил от него избавиться, когда он заговорил о бытии божьем. Нет места¹⁹.

Пишите. Адрес: Wilmanstrand, Вильманstrand, Выборгской губернии, до востребования. Еду туда завтра, буду в понедельник. Пишите.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 11–14.

¹ Н. И. Вернадский.

² Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна Вернадские.

³ Реклю Э. Земля: Описание жизненных явлений земного шара. СПб., 1872. Великие явления и очерки природы: Географическая хрестоматия, составленная по сочинениям известных русских и иностранных ученых и путешественников. СПб., 1866.

⁴ Гончаров И.А. Фрегат Паллада: Очерки путешествия. СПб., 1858.

⁵ Вегнер В. Эллада: Очерки и картины Древней Греции. СПб.; М., 1901.

⁷ Петискус А. Олимп, или Греческая и римская мифология в связи с египетской, германской и индийской. СПб.: М. О. Вольф, 1861.

⁸ Амадей, Карлос, Гарибальди – участники политических событий в Европе в середине XIX в.

⁹ Чистокровный (фр.).

¹⁰ Кутила (фр.).

¹¹ Дочери египетского царя Даная – Данаиды – в Тартаре были осуждены наполнять водой бездонную бочку.

¹² Ратманы – члены городских магистратов и ратуш, а также управ благочиния.

¹³ Современное название Сортавала (Sordavala, Sortavala – фин.) – город в Карельской АССР.

¹⁴ Точнее, «карелы» (самоназвание – карьяла), народ, живущий в Карельской АССР.

¹⁵ Нация (лат.).

¹⁶ Народность (лат.).

¹⁷ Народная масса, простой народ (лат.).

¹⁸ *Полевой Н.А.* История русского народа. М.: Тип. Августа Семека при Мед.-хирург. акад. 1832–1833. Т. 1–6.

¹⁹ Так у В. И. Вернадского.

№ 7

13 июня 1886 г., Вильманstrand

5¹

13 июня 86, Вильманstrand

Плывя по Сайминскому² озеру, я видел, как крупные капли дождя, шумя и звеня, мешались с волнами, как плескались волны, сталкиваясь и сбиваясь от ветра. И в шуме падающего дождя, и в плеске волн мне слышался Ваш голосок: «Ужасно, ужасно страшно». И я просил тучи, летевшие на юг, чтобы они у вас рассыпались дождем и чтобы в каплях дождя Вы услышали мою просьбу, мое поручение: «Он просит, чтоб она не боялась». Я просил волны, чтобы эту просьбу они передали, ударяясь, каменным берегам своим, чтобы те неслышным дрожанием передали ее цветам в Териоках и чтобы Вы, срывая цветы или вдыхая их аромат, слышали все ту же мою просьбу: «Он просит ее, чтоб она не боялась...»

Сидя на смытой льдом скале в Нейшлоте, осторожно ступая по ее трещинам, покрытым мхом и желтыми камнеломками, я видел, как птицы кружились над старым шведским замком, я чувствовал ветер, качавший деревья. И в крике птиц, в завываниях ветра мне чудился все Ваш голосок: «Ужасно, ужасно страшно». И я просил птиц: «Летите на юг, оставьте развалины старого замка. Там есть замок моей волшебницы; вам будет тепло и уютно, она добра и приютит вас. А вы напевайте все время ей все ту же одну мою просьбу: он просит ее, пусть она не боится». И ветер просил я: «На юг, на юг полети и в завывании бури иль в нежном прозрачном дрожании летнего воздуха одну передай мою просьбу: он просит ее, пусть она не боится...»

Разбивая в Ихалайси камни, сотни тысяч лет лежавшие нетронутыми, слыша шум пылавших в печах дров, мне казалось, что в треске разбитого камня и в шуме огня я слышу все тот же Ваш голос: «Ужасно, ужасно страшно». И я просил дым, что летел от огня, окутать туманом Ваш замок. Когда взойдет солнце, исчезнет туман – да также исчезнут и Ваши сомненья! – и убегающий туман пропоет Вам: «Он просит ее, чтоб она не боялась». Освобождая незримые, микроскопические кристаллики, что не видали свободы с рожденья, я говорил им: «Я дал вам свободу, неситесь, куда лишь хотите, из одного планетного мира в другой, но раньше в Териоки летите, нет вам заповров, нет мест недоступных, всюду, везде вы можете быть, и пусть же всюду она от вас слышит одну лишь мою горячую просьбу: он молит ее, пускай перестанет бояться...»

Дошел ли, сказал ли мою Вам просьбу хоть один из моих послгов: дождь и цветы или ветер и птицы? А может быть, туман или мелкие, незримые, всюду бывающие молекулы? И мне точно кажется, что хоть один из них да дошел до Вас, что Вы его слышали, но захотели ли внять его просьбам? Ведь Вы

волшебница – не шутя, мне так кажется – и в состоянии понять все, что Вас окружает; ведь то же и у меня вызывает мысли и чувства и разве не может это вызвать чувств одинаковых, когда мысли настроены и думают все об одном же?

Но не шутя, мне представляется иной раз, что Вы волшебница, что где-то далеко, далеко есть ручки, которые могут делать все с моим сердцем, и мне иногда кажется, что какие-то пальчики перебирают его, давят в груди моей, ему там тесно и хочется простора, хочется бесконечного моря, бесконечной степи. Но и там ему будет тесно, но и там не найдет оно спокойствия.

Вы сделали для меня, дорогой, дорогой друг, великую вещь. Не знаю, не могу понять, что в Ваших письмах повлияло на меня, но на днях с какой-то неудержимой силою, точно от Вас шедшею (неужели у Вас мелькала мысль об этом?), захотелось мне употребить все средства, чтобы устроить лучшие дружеские отношения с моей матерью, которая так меня любит, да и которую и я люблю. Я на днях написал ей длинное письмо, в котором высказал то, что пришлось пережить за последние годы (в одном из ближайших писем я напишу непременно Вам об этом) и что я так скрывал по своей гордости; я думаю, что письмо должно произвести на нее сильное впечатление и мне как-то легче стало, а то уже страшно тяжело становилось, гнетом ложилось на меня чувство, что человек страдает из-за твоей гордости или сдержанности, и ты ничего, ничего не делаешь, чтобы уничтожить эти страдания, и такой гнет, страшно давивший меня, я нес несколько лет. Мне так хотелось прочесть Вам это письмо, хотелось, чтобы Вы Вашей чуткой душой и нежным сердцем сгладили резкости, какие, вероятно, есть там и какие мало заметны моей, боюсь, грубой и резкой душе.

О скольком хочется писать Вам, просто, кажется, никогда конца не станет тому, что так хочется Вам передать. Но сперва, по порядку, относительно того, что Вы пишете в Вашем письме, последнем. Я очень хочу Вас видеть, мне очень хочется поговорить с Вами, но думаю, что едва ли до июля придется быть у Вас. Сегодня выезжаю я в Питер, окончив кое-как экскурсию, где не думаю пробыть больше недели, а оттуда поеду в Тамбовскую губернию (кстати адрес: станция Вернадовка, Моршанско-Сызранской ж.д.). В эту же неделю никак не могу быть по самой прозаической, но, к сожалению, трудно поправимой в такой короткий срок, причине. У меня нет приличного летнего платья, а явиться в том костюме, в каком я здесь путешествую, совсем не идет. Согласитесь сами: высокие сапоги, блуза, горный компас и молоток за поясом, гуттаперчевый плащ-альмавива с капюшоном и такую же шляпою на голове, да в довершение в руках здоровая палка. Явиться в таком костюме было бы очень оригинально, пожалуй, романтично, но думаю, меня бы, скорее всего, приняли бы за помешанного. Однако я постараюсь устроить как-нибудь, но если будет нельзя, то через месяц, думаю, явиться будет можно. Один являться я не особенно желаю, а надо прихватить кого-нибудь из компании.

Когда я думаю о своей экскурсии, то иногда не знаешь, что о ней думать, она мне представляется каким-то *carrière mâcher*'ством³, мне кажется непонятным, и зачем это все, отчего и для чего. Без всякого сомнения, покуда я не побываю несколько раз на экскурсиях, я не могу быть профессором. Я учусь на экскурсии, но, в сущности говоря, до этого *de jure* не должно бы было

быть дела Обществу естествоиспытателей, которому я должен буду представить отчет и которое дало мне на это деньги. Сама экскурсия (Рускеала) была назначена сплеча, и хотя предлагали выбор, но я, как Вам писал, вследствие чисто внутренних причин нарочно тянул дело, да и мне тогда было все равно. Рускеала – одно из немногих мест в России, где есть мрамор (из него Исаакиевский собор в СПб. etc.), и вот для «решения» был предложен вопрос: как произошел мрамор? Вопрос подымался сотни раз, и никакого решения представлено не было. Я позволю себе здесь несколько коснуться моей экскурсии, так как мне ужасно хочется, чтобы Вы все, все понимали, что волнует и интересует меня самого.

Первые, самые древние организмы, какие известны на земле, являются очень сложными, очень совершенными: это разные моллюски, черви, раки и даже скорпион. Есть все данные предполагать, что они развились из более простых форм, но нигде, ни в Европе, ни в Америке, Азии или Африке, нигде не находят других, более простых остатков. Везде под слоями с этими остатками находятся мощные пласты пород, носящие на всем земном шаре один и тот же характер: это сланцы, слюдястые, тальковые и др. (в Териоках, когда буду, я Вам, если хотите, их покажу). И вот среди таких слоистых, не содержащих и следа каких-нибудь организмов, порой находятся мраморы. Этим слоям дают разное объяснение; одни их считают отложением первичного горячего моря, когда не было еще никаких организмов, когда наша планета неслась вокруг солнца, едва-едва начав охлаждаться, и вот будто из такого расплавленного моря и осаждались эти породы; другие считают, что и здесь были организмы и что эти осадки когда-то были похожи на те, какие мы кругом видим, но прошли миллионы лет, в это время постоянно и непрерывно действовала на них вода, размывая и осаждая в них разные вещества, сильное давление в много сотен атмосфер еще более изменяло их характер, и под влиянием давления, внутреннего жара земли, действия неизвестных нам сил, воды в многие-многое миллионы лет эти слои получили совсем иной характер и приняли совсем другой вид. Кто же прав – покуда данных нет. Но вот среди этих слоев являются толщи мраморов, кристаллических известняков. Они состоят из тех же самых веществ, как и обычные известняки, содержащие окаменелости; но как произошли они? Все известняки (в том числе и мел) произошли путем деятельности организмов – это все скопления их раковин, створок, кораллов и пр. и пр. Если эти мраморы так произошли и если они произошли в одно время с этими измененными первичными сланцами, то, значит, тогда были организмы. Но для мраморов есть и другое объяснение, пытались объяснить их изменение действиями жара, воды. А давным-давно так думали, что в раскаленных массах они вышли изнутри земли. Но расплавить мрамор мы не можем, и все опыты были до сих (пор) тщетны, и есть некоторые данные думать, что должны быть тщетны.

Мне в Рускеале были поставлены вопросы: определить, есть ли связь мраморов с окружающими их породами, т.е. одного ли они происхождения или нет? И какие химические процессы происходили в мраморах? На оба вопроса я ответить кое-как, думаю, смогу и набрал матерьял. Главная же работа будет не теперя, а всю осень и часть зимы.

У меня тут явилась другая мысль, которой не хочу тут утомлять Ваше внимание, но которую все-таки хочется Вам передать.

Теперь еще на один вопрос хочется мне ответить Вам: понимаю ли я, что Вам трудно писать мне. Как Вам сказать? Иной раз мне кажется, что я прекрасно понимаю и Ваше отношение ко мне и то, что Вы должны чувствовать, а потом овладевает сомнение, и мне кажется, что я ничего, никак не могу понять. Вы видите, я не считаюсь письмами, я Вам поверил, что Вам приятно, что ли, получать мои письма. Иной раз мне кажется, что все, что так волнует Вас, происходит от призраков и страхов, созданных Вашими воображениями, иной раз мне кажется, что я все-все, что писали Вы мне, ложно, неверно понимаю, что я себя обманываю, читая то, чего там нет, и мне кажется тогда, что Вы это чувствуете, но не хотите прямо сказать мне. Я не могу и не смею требовать Ваших писем, но я могу просить хоть самых коротких записочек на мои письма. И их я прошу. В июле мы увидимся, не хотите ли, чтобы я не писал до тех пор? Ради бога, ответьте прямо.

Очень спешу, так как не укладывался, а теперь около часу (в 4 часа уходит поезд). Письмо это Вы получите, когда я буду проезжать мимо Териок. Мне хочется здесь сделать несколько замечаний по поводу моего практического **profession de foi**⁴, если можно так выразиться.

Я хочу начать с того же самого выражения Спенсера, какое на Вас, говорите Вы, произвело такое сильное впечатление. Только я хочу рассмотреть подробнее и последовательнее. Пример хороший и который ясно выразит мое мнение.

Если ударять по листу железа, желая уничтожить небольшое на нем возвышение, мы, уничтожив это [небольшое] вызвышение, вызовем в другом месте большее. Согласен, что это возможно. И это будет 1-й случай, самый печальный, какой только может быть при всякой работе (так ведь?). Но совершенно также возможно: 2) что уничтожив это небольшое возвышение, мы вызовем на нем образование другого, не меньшего или равного, 3) что не вызовем почти никакого, 4) что если сил много, то появляющееся большое возвышение может быть сразу задержано, так как оно появляется мало-помалу и всегда почти может быть замечено. Вот главные возможные случаи (когда я читал Ваше письмо, я помнил еще какой-то 5-й случай, но его припомнить я не могу – спешу).

Но что будет, если мы не будем бить по небольшому возвышению на листе железа? Вы думаете, по-видимому, что останется небольшое возвышение и больше ничего не будет. А между тем на деле будет совсем не то; железо, как и общество, имеет свою структуру, оно всегда стремится принять наиболее устойчивую форму, число вещества (сил) в нем вполне определенное; поверхность же его при выдавливании увеличилась, и потому в одних слоях оно будет тоньше, а в других толще, одни слои легче будут подвергаться действию разных внешних и внутренних агентов, чем другие. Кроме того, в нем происходит вследствие такого неоднородного уже строения внутренняя ломка; ближайšie к месту возвышения частички начинают терять свою связь со всем листом и группируются вокруг нового центра. Удар спустя некоторое время по этому возвышению или какой-нибудь случай вызовет отпадение этого куска, дыру в листе железа, а это вызовет дальнейшее, более быстрое разложение всей той агрегации частичек, кристалликов, металлического железа, какую мы видим в листе железа. Так как для такой переработки нужно время, то при быстром уничтожении появляющихся возвышений могут

быть временные ухудшения или неизменения, но не может быть хронического изменения и вместе с тем распадения. Поэтому гораздо-гораздо лучше быть. Чувствую, что я Вам неясно все это высказал, но прилагать все это к дальнейшему своему изложению мне не хочется. Да я вообще больше люблю образы.

Должен кончить письмо, так как иначе не успею уехать (а я сегодня только приехал из Нейшлота – более 100 верст и плохо спал ночь). Если бы получил Вашу, коротенькую хотя бы, записку (адрес: СПб., Надеждинская, д. 34, кв. 8). Это было бы счастьем для меня. А то одна мука. Напишите, писать Вам до июля или нет?

Вл. Вернадский

Д.33, лл.15–18.

¹ Номер письма, проставленный В. И. Вернадским.

² Точнее, озеро Сайма.

³ Топтаться на одном месте (фр.).

⁴ Символ веры, убеждения (фр.).

№ 8

15 июня 1886 г., С.-Петербург

15 июнь, 86, СПб.

В Вашем плане дурно только одно, что это может повлечь для Вас такие неприятности, каким Вы подвергаться не должны и каким я Вас подвергать никак-никак не хочу. Не особенно приятно еще так или иначе действовать скрытно. Но это последнее – пустяки. Я должен уехать отсюда самое позднее через неделю; правду сказавши, я должен был бы уехать сейчас же, да все задерживает мысль, что так или иначе удастся устроить себе возможность видеть Вас.

Я думаю, как-нибудь удастся дать своему костюму более приличный вид, и тогда я могу явиться к Вам; раз Вы хотите, чтобы я приехал один, то и то можно будет; немного сконфузишься, покраснеешь, промелькнет мысль об удивлении Ваших окружающих etc., но это такие в сущности пустяки, которые ничто в сравнении с тем, чему Вы можете подвергнуться, если принять Ваш план. Ведь можно так устроить, чтобы явиться, раскланяться, перекинуться обычными фразами и затем идти с Вами. Я употреблю все усилия, чтобы устроить это, а затем Вы найдете возможность сделать это как-нибудь проще. Приеду я как раз с тем поездом, какой Вы назначили, но когда, сказать не могу, и это будет зависеть и от того, что Вы напишете, во всяком случае это надо устроить между 18–19 и 20–22 июня. А видеться нужно, потому что иначе уж больно все же мучительно и для Вас и для меня, а на бумаге нельзя совсем всего передать. И пора все разъяснить, чтобы это было просто, чтобы главное было между нами сказано; тогда ведь и легче будет нам переписываться. Я бы предпочел приехать так 20–22 июня, так как больше времени более прилично устроить свой костюм (вот никогда не думал, чтобы меня стал так интересовать костюмный вопрос, и с непривычки это все ужасно трудно, а тут еще сегодня праздник, а вчера весь день пробыл у сестры в Павловске).

А может быть, удобнее приехать так к 1 часу, а уехать в 4? Впрочем, не знаю, как поезда. Во всяком случае Вы мне напишите, что обо всем этом думаете, и напишите скорее, потому что времени мало.

Да что Вы все про время, «которого я ужасно много потеряю», говорите. Неужели я потеряю время, когда увижу Вас, переговорю с Вами, неужели Вы не чувствуете, что для меня это ныне важнее, дороже всего на свете, что не только время, я готов потерять больше и потерять безвозвратно, лишь бы увидеться с Вами, лишь бы быть в состоянии хоть несколько покончить с теми мучительными сомнениями, какие тесной, вечно колыхающей, неуловимой стеной меня опутали. Только после разговора с Вами исчезнут те последние следы дисгармонии, какие режут мне теперь ухо, какие поселились в душе моей, только Вы, одни Вы, в состоянии их уничтожить, сгладить. И Вы говорите о времени, которое я потеряю! Да на что же употреблю я здесь это время? Неужели Вы не чувствуете, что постоянно мысль моя следует за Вами, что я ловлю себя на этом на каждом шагу, что больше времени своего посвящаю я Вам, чем чему бы то ни было иному. Да разве есть для меня что-нибудь дороже, что-нибудь ближе. И на что надо употреблять время? На уче- нье, на работу, на пользу человечества? Но разве можно работать на пользу человечества сухой, заснувшей душой, разве можно сонному работать среди бодрствующих и не только машинально, летаргически делать данное дело, а понимать, в чем беда и несчастье этих бодрствующих людей, как помочь им из этой беды выпутаться? Разве можно узнать и понять, когда спит чувство, когда не волнуется сердце, когда нет каких-то чудных, каких-то неуловимых обширных фантазий. Говорят: одним разумом можно все постигнуть. Не верьте, не верьте! Те, которые говорят так, не знают, что такое разум, они не понимают, что волнует, что интересует в этих работах, какие считаются одними умственными работами. Мне представляется разум и чувство тесно- претесно переплетенным клубком; одна нить – разум, а другая – чувство, и всюду они друг с другом соприкасаются, и когда одна из них бодрствует, а другая спит, тогда в этом клубке рядом мертвое и живое, разве может быть сила, разве может быть какая-нибудь работа с помощью такого помертвело- го, чуть не загнившего клубка?

Да нет, нет. Мне кажется, когда Вы писали эти слова, Вы не то думали, мне кажется, Вы думали, что я так или иначе, по той или иной причине не соглашусь видеться с Вами. И мне кажется, что перед Вами мелькала моя застенчивость, моя неловкость в обществе, страх, что ли, или то чувство, о каком я пишу в начале письма – но только не это. Ведь правда?

Отвечайте скорее. На сегодня довольно, так как сейчас надо ехать в университет, везти туда камни, а писать вечером – Вы поздно получите письмо. Жду письма. Сегодня, если успею, забегу к Гревсам.

Вл. Вернадский

Сегодня, вернувшись из Павловска, нашел я у себя, моя дорогая Наталия Егоровна, Ваше письмо и очень ему обрадовался. Обрадовался тому, что, кажется, начинают исчезать в дивном тумане все построенные Вами, Вас и меня мучившие фантомы и другие подобные же создания Вашего воображения. Обрадовался и тому, что Вы вполне, кажется, почувствовали силу чувства и, мне кажется, не захотите и не сможете посадить его в известные, определенные, вследствие каких-то неясных опасений, рамки, поставить известный предел его силе, как Вы говорили еще на последнем свидании. Не сможете потому, что чувство сильнее нашей воли и что в нем вся жизнь, раз оно захватит вас в свою власть. Вернулся я домой тогда как-то очень усталым и очень мало мог о чем соображать: мне только хотелось еще раз Вас увидеть эти следующие дни и представлялось большое искушение снова поехать в Териоки и снова быть около Вас. Употреблю все усилия, чтобы вернуться раньше, хотя, с другой стороны, и для нас с Вами важно устроить какой-нибудь *modus vivendi*¹ с этой землей. Я не думаю, чтобы мне удалось устроить продажу, вероятно, придется сдать на год в аренду часть земли, а с крестьянами завести переговоры о продаже; переговоры эти будут тянуться довольно долго, так как я вообще очень плохой финансист и делец. Если же не удастся устроить так, то надо будет опять сдать в аренду какому-нибудь синьору и опять прямо искать покупателя. С моим жалованьем и с доходом с имения при самых худших условиях будем получать более 2000 руб. в год, чего не прожить, и несколько сот прямо (не тратя капитала) можно и надо будет употреблять на другое. Следовательно, Вы при искании дел прямо можете обладать на это известной суммой, и одно такое «дело» давно носится у меня в голове. Мне хочется, однако, сперва насколько возможно разъяснить себе, чего Вы собственно хотите и что под делом разумеете. С постановкой Шаховского я не согласен, как знаете, потому, что она мне кажется узкой и слишком теоретической²; не совсем согласен и (с) Вами выраженным мнением, что, может быть, было бы лучше и важнее употреблять вырученные деньги на месте.

При тех обстоятельствах, в каких ныне находится жизнь людей, чрезвычайно важной работой является работа людей, скученных в отдельных центрах умственной жизни, скученных отчасти поневоле и по необходимости самой работы. Я поясню это примером, так как теоретически разбирать вопрос сию минуту не имею времени (укладываюсь), а на это пошло бы много времени. Для Вас, моя голубушка, ясно, что учительство дело хорошее, но также Вы думаете, что им заниматься не имеете способностей; не приходило ли Вам в голову: не пропадает ли теперь значительная часть работы тех людей, которые жертвуют на это всю жизнь. Из тех результатов, какие достигнуты после довольно усиленной работы в течение почти четверти столетия, для меня это совсем ясно (пишу ужасно кратко и потому, может быть, неубедительно). Причина здесь следующая: учение прекращается после школы, а прекращается по 2-м причинам: 1-я – нет книг и 2-я – их трудно доставать. В последнее время, как знаете, сильно усилились старания горсточки людей улучшить народную литературу. До сих пор такое стремление было очень односторонним

и как таковое опять-таки будет иметь очень малое влияние. Не было обращено внимания на популярную научную народную литературу. Ее надо поднять, и много сил направить на нее. Я говорил с Бирюковым, и, кажется, можно будет «Посреднику»³ направить на это часть своей деятельности; думаю, можно будет прямо самим издавать – вот Вам одна **неотложная** теперь деятельность, которая непременно образом отнимет у Вас много времени и от которой Вы отказываться не имеете права. Если Вы будете чувствовать себя неподготовленной, то Вы весь свой век будете такой себя чувствовать, если не начнете работать по мере сил (сперва едва ли удачно) и возможности. Наряду с этим должна стоять прекрасно организация **народных читален и библиотек**, опять-таки на что должна пойти масса времени, энергии и веры, и это никак нельзя вести из закоулка провинции. Я не хочу яснее развивать сейчас ни ту, ни другую мысль; мне хочется, чтобы Вы подумали и представили мне свои возражения против той и другой, которые, по-моему, чтобы быть успешными, должны необходимым образом идти **неразлучно вместе**. Мне кажется самым главным, чтобы человек никогда не падал духом, чтобы он вел смело, энергично и неумоимо каждую полезную работу, какая ему является возможной в данную минуту, чтобы он из-за **возможности** ошибки не относился вяло к какому-нибудь делу и, таким образом, по необходимости делал уже ошибку не возможную, а **реальную**. Если Вы хорошенько вдумаетесь во всякое полезное дело, то всегда окажется вероятность той пользы, какую оно принесет, бóльшим вероятия ошибок. А все колебания, все падения духом, все терзания из-за возможности сделать злое вместо доброго должны быть выгнаны вон, должны быть отброшены совсем, совсем... Им нет места у того человека, который ясно понимает, что и все сомнения, все слабые действия его, все удаления от дела – есть уже сами по себе известные поступки, имеющие общественное значение. Он сам явился недаром и находится в постоянной, вечной связи со всеми окружающими. И особенно теперь, когда разгулялась реакция, когда и при большой энергии получаешь немного результатов, когда так мало людей, поставленных в условия, мало-мальски благоприятные для дела, и действительно что-нибудь делающих. Теперь нет права сомневаться, колебаться, теперь надо смело, упорно, во что бы то ни стало идти вперед и добиваться всякого полезного дела со всей возможной энергией и силой. И горе нам, если мы будем колебаться. Вперед, вперед и смело.

Когда я вижу, как колеблются, мне иногда просто хочется взять их в охапку, этих колеблющихся людей, и ринуться вместе с ними, чтобы они в горячке работы и среди получаемых отовсюду щелчков очнулись и поневоле энергично принялись за работу. Но Вы, моя дорогая, мое все, не колеблетесь. Вы ищите себе более подходящего, неотложно нужного дела. Ну, так теперь все подходяще, все неотложно нужно, и нужнее всего теперь горячая работа, смелая, гордая мысль и неумоимая, неукротимая сила порыва. И они у Вас есть и будут.

Всегда, когда я начинал какое-нибудь дело, у меня в голове проносилась старинная запорожская поговорка, с какой они бросались на какое-нибудь трудное дело: «**Або збуду, або дома не буду**», и когда хотело напасть отчаяние, я повторял себе эту поговорку, и мне казалось, точно целая масса насмешливых голосов раздавалась кругом: «Эге, эге, гарный хлопец, та с першого ж разу и виру потеряв», «Та я ж думав, що вин и зправда що-небудь зробить,

а вин тильки бреше» и т.д. И мне представлялось, среди каких невероятных усилий добивались люди своей цели, и мне становилось стыдно, далеко-далеко отгонял я от себя все сомнения и снова бросался на работу, и каждая неудача только больше подстрекала, подзадоривала меня, еще большую вызывала во мне энергию.

И то «дело», какое Вы ищите, найдется, и его Вы возьмете и проведете. И славно ж поведете, моя дорогая. Мне кажется, я Вас вижу, как, склонив набок Вашу голову (откуда у Вас эта привычка?) или подняв ее кверху (так как то особенно Вам хорошо), Вы смело и безбоязненно, упорно и непреклонно ведете какое-нибудь хорошее дело. Вперед же, вперед!..

Мне хорошо теперь, когда Ваши слова рассеяли мои последние сомнения, все еще очень сильные, когда я убедился, что то, что казалось такой недоступной мечтой, есть и будет, тогда как-то так хорошо, так хорошо стало у меня на душе. И я чувствую теперь себя гораздо сильнее, точно то, что связывало мои силы, исчезло по мановению какой-то новой лучезарной силы. Да будет же и Вам хорошо, и ничего, ничего, дорогая моя, не хочу я так, как этого, и верю, что это так. Ведь так?

Я говорил с моей матерью. Она очень хочет с Вами познакомиться, и я думаю, что Вы ее полюбите, да, полюбите, потому что у Вас так много любви ко всем, ко всем. Вы хотите знать, кому я скажу? Да никому теперь, потому что никого не увижу, но мать скажет сестре. Ведь против этого Вы ничего не имеете?

Пишите как только можете скорее. Я употребляю все усилия, чтобы быть здесь в июле. Адрес: Ст.Вернадовка, Моршанско-Сызранской ж.д.

Пишите обо всем, обо всем!

В. Вернадский

Д. 33, лл. 23–25.

¹ Образ жизни (лат.).

² В письме от 20 июня 1886 г. Н.Е. Старицкая писала: «А об деле (об деле жизни) – это (все) еще вопрос, об котором мы много, много должны поговорить, вопрос, который часто мучит, неотступно меня преследует... найти такое дело (для меня), так как у Вас оно есть, которое было бы теперь нужнее и важнее и которому я могла бы отдаться вся всей душой (и не учительство, так как я не хочу быть учительницей, мне иногда кажется, что я, значит, ни на какое настоящее дело не способна, так как это самое важное, бесспорно хорошее дело...), значит, непременно ценное дело, чтоб, как Шаховской говорит: “Уметь что-нибудь (конечно, хорошее и важное) делать”, – ремесло и, с другой стороны, чтоб через него в каждом часе и мгновении имелся б вечный смысл, дающий право жить...» (ф. 518, оп. 3, д. 252, л. 30 об.–31).

³ «Посредник» (1884–1935) – книгоиздательство культурно-просветительного характера. Возникло в Петербурге по инициативе Л. Н. Толстого. Руководителями издательства были В.Г. Чертков, П.И. Бирюков, а в 1897–1925 гг. – И.И. Горбунов-Посадов. Основная цель «Посредника» – издание для народа доступной по цене литературы. Издательство выпускало дешевые брошюры, в том числе серийные издания («Деревенское хозяйство и деревенская жизнь», серии по вопросам экономики и др.), художественные произведения (Пушкин, Короленко, Лесков и др.), религиозно-нравственные произведения Толстого, некоторые из которых были написаны им специально для «Посредника» («Два старика», «Свечка», «Много ли человеку земли нужно?» и др.).

22 июня 1886 г., Вернадовка

Вернадовка, июнь 22, 1886

Дорогая моя, только сегодня приехал я в Вернадовку и спешу написать Вам, моя дорогая, мое все, не могу, не могу не писать Вам и буду писать часто. Уезжая из Петербурга по крайней мере на целый месяц, мне казалось, точно я отрываю себя от чего-то дорогого, от чего-то такого, что составляет для меня всю жизнь, перед чем меркнут все прочие интересы. Вчера, уезжая из Петербурга, я радовался, спокойно оставляя я этот город, всей душой старался войти в облики новых мною видимых мест, старался войти в интересы, мысли и положение новых встречаемых лиц. А теперь все заслоняется Вами одной, и почти всю дорогу я продумал про Вас, мне хотелось знать, о чем Вы думаете, о чем Вы мечтаете, хотелось Вас видеть, проникнуть во все Ваши мысли, и меня пробирала дрожь, когда я вспоминал, что целый месяц не буду иметь возможности Вас увидеть, говорить с Вами, слышать ваш голос, видеть Ваше лицо и Ваш взгляд. Это невозможная попытка, и я употреблю все усилия, чтобы сократить этот срок; я не могу, не могу этого вынести. Да что ж это такое, в самом деле; что ж это за сила такая, которая так беспощадно ломит все, которая овладела всей душой и перед которой являешься бессильным, бессловесным, беззащитным как дитя. Да и нет охоты защищаться против нее, да и нельзя; ведь чувствуешь, точно когда сломишь эту силу, так сломишь самого себя, точно все, все существо, вся душа твоя сошлась в ней одной, в этой великой силе любви.

Я не в состоянии рассчитывать, сколько я здесь пробуду, право, мне кажется иной раз, что я теперь в тюрьме, что меня сюда завезли нарочно, чтобы мучить, терзать меня; да, точно, тюрьма кругом, и только один, небольшой узкий выход – это писание к Вам и особенно получение Ваших писем. Завтра их не может быть, но послезавтра, если, если только Вы вовремя получили и вовремя ответили на мое письмо, посланное перед отъездом, я должен получить ваше письмо. И опять мучение, опять тоска. Но это вовсе не тоска бессилия, апатии – вовсе, вовсе нет. Да и вы этого, конечно, не думаете, моя голубушка. Я никогда в жизни не чувствовал себя таким мощным, никогда мне не казалось, чтобы у меня была такая сила, какая точно растет у меня на глазах. Но я вполне сознаю и понимаю, что только Вы одни можете вызвать во мне эту силу и что без вас она плоха; что только мысль о вас увеличивает, усиливает мою деятельность, мою энергию, мое желание и способность работы. Без Вас я останусь ничтожеством, но я чувствую, что при вашей поддержке, при участии я в силах буду сделать что-нибудь, я, положительно, станулюсь и умней, и сильней, и энергичней, когда у меня промелькнет мысль о вас, пронесется ваш неясный образ.

Я заявил здесь прямо, что более 3 недель пробыть не могу, и это крайний срок, я хочу кончить все скорей и уехать к Вам; ну, что же если потеряем известную сумму, но только зачем, за что так мучиться. Ведь надо же было всему этому так в одно время случиться. Мне кажется, что лучше всего будет (если Вы позволите) приехать в Териоки и сделать официальное предложение, просить вашей руки у ваших отца и матери. Ваша мать ведь знает о том, что я это хочу сделать; ведь вы ей все сказали? Ведь не может же она меня

больше знать из-за того, что я три-четыре раза проторчу в гостиной? А между тем это будет гораздо проще, гораздо прямей; это сразу упростит наши отношения – ведь, не правда ли, это будет самое-самое лучшее. Напишите, как вы об этом думаете. А мне представляется нехорошим явиться в ваш дом как простой знакомый и украдкой (я не могу этого) видеться с вами, а я не могу разлюбить вас, и я вполне уверен, что и вы этого сделать не в состоянии, и не думаю, чтобы ваши отец или мать пошли против этого желания вашего, потому что это дело касается вас одной и потому что здесь не может быть и речи и разговора о каких-нибудь меркантильных затруднениях; нужно только одно их согласие, нужно для того, чтобы вам не было горя и неприятностей. Напишите обо всем прямо, и мне кажется, что эдакий исход будет для нас обоих самым лучшим. О согласии моей матери, как я Вам, кажется, писал, нечего и говорить; она только один вопрос сделала мне: любите ли вы меня (à-propos¹: ваши, так много меня помучившие «2 года и многое другое», не произвели на нее **никакого впечатления**). Она просила (опять не помню, точно я вам это писал) вам кланяться от нее, когда буду писать, и сказать, что она очень хочет с вами познакомиться. Когда приеду, я это устрою. Во всяком случае напишите, что вы об этом думаете [...] (позволяю себе уж слишком официальное «Вы» заменить менее, но все же очень-таки официальным «вы») [...] напишите скорей, скорей.

Здесь мне выяснилось дело приблизительно так: сдам крестьянам на год паровую землю (всей земли у меня более 500 десятин) и заведу с ними переговоры о продаже им земли, они соглашаются дать за нее по 100 руб. за десятину (цена эта в этих местах невелика), но все затруднение представляет тот долг (около 9 500) Обществу взаимного поземельного кредита, который, кажется, не может быть на них переведен. На днях еду в Тамбов, чтобы разузнать все, и во всяком случае, моя дорогая, я не предприму никакого окончательного решения этого вопроса, пока не переговорю с вами; надо только устроить известный *modus vivendi*², чтобы несданная земля была сдана etc. и чтобы в будущем году получить что-нибудь, что нужно и для нас с вами, и для дела. Получение же арендной платы для меня лично ужасно тяжело по чисто нравственным причинам, и это главная причина, почему я хотел и хочу развязаться с землей. Но мы об этом переговорим еще. О сдаче паровой земли в аренду я уже сегодня говорил одному крестьянину, что дам им знать, когда это будет (между прочим, я едва-едва не пропустил срока [...] неделей позже уже сдать было бы нельзя, но теперь едва ли что потеряю, а если потеряю, так рублей 100), а когда с этим покончу, еду в Тамбов.

Мне хочется поговорить с вами еще о нескольких вопросах, которые интересуют одинаково нас обоих и где нужна наша посильная работа.

В Комитете грамотности³ надо с осени опять поднять вопрос о библиотеках и читальнях; вопрос о библиотеках далеко не такой далекий и неважный вопрос, как с первого разу кажется. Комитет грамотности имеет возможность делать это при нынешних обстоятельствах лучше всякого другого отдельного лица. Между тем «за недостатком средств» (или «за недостатком энергии») Комитет прекратил почти рассылку библиотечек. Вопрос этот надо поднять следующим образом: 1) необходимо образовать известный фонд, а основание можно, я думаю, добыть даже и при паллиативном решении вопроса о Вернадовке, и для этого читать публичные лекции etc.; 2) необходимо заин-

тересовать важностью этого вопроса как Комитет грамотности, так и печать. Кетриц⁴, с которым я говорил перед отъездом, составит статью и прочтет в Комитете грамотности сообщение о немецких библиотечках, а мне и вам хорошо было бы составить свод сделанного по русским и другим иностранным библиотечкам – каждому из нас отдельно времени не хватит, а вдвоем сможем сделать – ведь правда? Необходимо для этого собрать тот материал, какой присылался в ответ на брошюру Шаховского⁵. Так и хранится у Яроцкого материал по пересланным братьями Ольденбург и К^о библиотечкам и который хранится в голове Федора⁶, материал по письмам из Ям, Весьегонского уезда⁷, и то, что должен был узнать Шаховской, и это он обещал мне прислать, да не прислал. Очень было бы для этого важно изложить, что сделано для этого за границей; у меня собрана очень небольшая литература; надо будет ее разобрать и собрать больше*. Во всяком случае это дело необходимо двигать вперед, и из письма одного к К[омитету] чрезвычайно ясно, что много вредит его расширению незнание о том, что до сих пор сделано. Ведь мы сделаем? Да?

Другое дело гораздо труднее, и я думаю, чтобы мы могли, кроме ознакомления, что-нибудь теперь же для него сделать. Еще в прошлом году во время моих летних поездок меня положительно поразили 2 вопроса, тесно переплетенные и связанные друг с другом, и вопросы, имеющие огромный философский и чисто практический интерес, – это вопрос о массовых передвижениях, т.е. вопрос о перемещении и об отхожих промыслах. Значение этих великих агентов в жизни народной огромно, и именно здесь для урегулирования возможна и необходима работа интеллигенции, и между тем именно здесь ничего не сделано, а от отсутствия ее гибнут и мучаются люди. Для переселения было сделано много самых разнообразных попыток, и я в прошлом году пытался устроить даже кружок а) для ознакомления и б) для издания целого ряда популярных описаний мест, куда может идти переселение. Мера эта будет проведена в исполнение, и опять с осени примемся за дело. Другой вопрос, об отхожих промыслах, не менее важен. В прошлом году, году, таком неурожайном для юга, мне пришлось в Херсонской и Екатеринославской губерниях пробыть среди рабочих средней полосы России, пошедших на юг в надежде на заработок, они возвращались разоренными, нищими, наугад они бросались всюду, на всякую работу, их обманывали на каждом шагу, из них высасывали соки последние. И неурожай юга отразился страшно на благосостоянии всей средней полосы России, я потом узнал, что шедшие в разные стороны всюду потерпели такие же лишения. Масса несчастий была бы избегнута, если бы были хоть малейшие попытки упорядочить это дело, значение которого для чисто **духовной** жизни народных масс вам, конечно, ясно. Единственная мне известная общественная попытка упорядочить это дело – это попытка одного Поволжского земства в середине 70-х годов, где много потрудились и женщины. Я не могу теперь писать об этом подробно и еще не знаю, что предпринять можно для этого, так как очень мало известен самый вопрос (кроме довольно устарелых статей Чаславского⁹ и Воропанова¹⁰, есть кое-какие заметки у Янсона¹¹, но свода нет, а он теперь необходим); но узнать это необходимо. Вопрос этот положительно гнетет меня каждое

* Посмотрите статью Янжула в его «Опытах и исследованиях»⁸. Годится ли или нет?

лето. В связи с ним, как знаете, находится стремление масс в города, на фабрики etc. – всюду, всюду, где можно ожидать заработка, так как своего не хватает на прокормление и на уплату податей. В сущности говоря, эти передвижения составляют один из самых крупных культурных агентов, какие мы только знаем, и ознакомление с коими, посильная работа для их улучшения положительно необходимы». В последнее время масса народа шла на фабрики и в города, где прельщала та сравнительная легкость работы, но главным образом гнала нужда, так как надо было платить подати etc. Теперь, этим летом, совершается настоящее бегство назад, в деревню, и с этим бегством из СПб. мне пришлось столкнуться здесь, в вагоне. В СПб. в этом году пришло столько народа, сколько никогда не было, а работы оказалось мало; фабрики стали распускать значительную часть рабочих, так как нет спроса; цены на квартиры, углы страшно поднялись. Масса столпившегося и все шедшего из деревень народа, ищущего и жаждавшего работы, все увеличивалась, а работы нет, никто не хочет брать рабочие руки. Рассказывают, что на Никольском рынке (надо туда сходить или Федору, или Александру¹², или Ивану¹³), где нанимают рабочих, происходит плач и скрежет зубовой, что за бесценок просят и молят взять их в работу; на фабриках не пускают не только в коридор, но даже во двор; прежде очень частые сверхкомплектные рабочие теперь совсем исчезли, и прежний комплект уменьшен чуть не наполовину; в то же самое время усилились требовательность и строгость к предоставленной работе; за малейшее нечаянное поущение, на какое прежде не смотрели, ныне штраф или исключение. Кто мог, ушел назад из СПб. и возвращается ни с чем (как в прошлом году возвратились с юга ни с чем рабочие из средних губерний). Увеличилось в городе с голоду воровство, и полиция в один этот (июнь) месяц выслала назад, на родину, в деревни, до 1000 человек. Их ловят так: на Никольский рынок является переодетый полицейский в качестве нанимателя, нанимает рабочих, приводит их во двор, запирают и высылают. Делается все хуже и хуже, говорят сами рабочие. С одной женщиной и другими у меня был разговор на эту тему [...] Идти назад в деревню, где опять там нет никакой надежды улучшить свое положение. Иные поговаривают отправиться на юг, в Одессу, где будто бы лучше (хотя я знаю, что там еще хуже и оттуда высылают рабочих назад). Но что будут делать эти рабочие руки на местах, когда нет, над чем работать. И какое огромное значение должны иметь эти массовые движения на дальнейшее решение о выходе из нынешнего положения. Отсюда, из Моршанского уезда Тамбовской губернии, в этом году, после прошлогоднего бедствия, на отхожие промыслы отправились немногие, но здесь бедствуют, увеличиваются недоимки (в прошлом году здесь за недоимки стали применять неслыханную прежде тут меру – продажу крестьянского инвентаря – окончательное их разорение) . К чему все это приведет, трудно сказать. Но с вопросом о народных массовых передвижениях необходимо познакомиться и надо узнать, что делается теперь в Питере. Кажется, точно скапливается та гроза, пока беспорядочно ищущая **свободного** выхода. Тем более, что вопрос это – не местный, а захватил всю Россию, и даже в Финляндии пришлось мне с ним столкнуться. Там прекратились последние ресурсы жизни для значительной части – нескольких уездов Выборгской губернии – все уменьшение работы на железодельных заводах, а уменьшились они от наложения недавно пошлин на привозное заграничное железо (пошлины

наложены для «поднятия русской промышленности»). Между тем в этой части Финляндии вопрос о посторонней, не земледельческой работе, вопрос коренной, так как свойства климата и почвы позволяют пользоваться своим хлебом только до мая, а с мая по август – покупной (крупных землевладельцев здесь почти нет). Надо этот хлеб купить, а чем? Необходимо собрать об этом все, что только можно.

Что Иван с своей статьей об женских гимназиях?¹⁴

Пишите подробно и скорее все, все, что только хотите и можете. Для меня получение каждого вашего письма – большая радость. Сердитесь, не сердитесь, а я решусь здесь высказать одну свою просьбу, которую, вы, может быть, будете так добры, что не отвергнете. Не можете ли вы дать, прислать мне вашу фотографическую карточку, а если у вас нет – сняться. Я решаюсь просить вас об этом потому, что для меня это будет несказанной радостью и большим облегчением. Пишите скорей, скорей.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 26–29.

¹ Кстати (фр.).

² Образ жизни (лат.).

³ С.-Петербургский комитет грамотности (1861–1895) – общественная просветительная организация – была создана при Вольном экономическом обществе (ВЭО). Программа, утвержденная ВЭО, предусматривала материальную помощь школам, издание книг, рассмотрение и рекомендацию учебников для начальных школ и книг для народного чтения, сбор сведений о народном образовании. В состав комитета входили Л.Н. Толстой, И. С. Тургенев, педагоги И.И. Паульсон, Ф.Ф. Резенер и др. В 1885–1886 гг. в комитет влилась Группа для изучения народной литературы, в которую входил В. И. Вернадский. Деятельность комитета вызывала широкую общественную поддержку. К 1895 г. число членов комитета достигло 1025 человек. Издательство выпустило (1894 г.) 449 000 экз. книг, был издан каталог лучших книг для народа и др. Царское правительство признало деятельность комитета «опасной» в политическом отношении, и комитет в 1895 г. прекратил свое существование.

⁴ Бернард Эрнестович Кетриц был членом С.-Петербургского комитета грамотности.

⁵ Шаховской Д.И. О народном образовании в Весьегонском уезде, Тверской губернии: Отчет кн. Д.И. Шаховского. Рыбинск, 1886.

⁶ Федор Федорович Ольденбург.

⁷ Весьегонский уезд Тверской губернии, ныне Весьегонский район Калининской области.

⁸ Янжул И.И. Очерки и исследования: Сборник статей по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1884. Т. 1–2.

⁹ Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы, в связи с переселением крестьян // Сборник государственных знаний. СПб., 1876. Т. II.

¹⁰ Где была опубликована статья, установить не удалось.

¹¹ Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах: С приложением «Очерка правительственных мер по переселению крестьян после Положения 19 февраля 1861 г.». СПб.: М. Стасюлевича, 1881.

¹² Александр Александрович Корнилов.

¹³ Иван Михайлович Гревс.

¹⁴ Где была опубликована статья, установить не удалось.

27 июня 1886 г., Вернадовка

Июнь 27, Вернадовка, 1886

Дорогая моя, сегодня, наконец, я получил от вас весточку, очень и очень меня порадовавшую, хотя, конечно, очень и очень хотелось бы, чтобы она была подлинней, но тешу себя надеждой, что теперь идет от вас, находится в дороге, гораздо более длинное письмо. Где это оно теперь? И что вы поделяете, о чем думаете. Как хочется скорей, скорей увидеться с вами, переговорить с вами и переговорить не урывками, не скрываясь и прячась, как тогда, а смело, спокойно. И мне кажется, нет и не может быть сил, какие бы решились стать между нами, и, несмотря на далекое расстояние, мы близки, близки друг к другу. Здесь целый день в работе я все чаще мыслью живу с вами и нетерпеливо ждал вашего письма, которое запоздало, а еще с большим нетерпением жду ответа на мое письмо, посланное отсюда, и нетерпение это, конечно, вполне, вполне понятно вам, моя дорогая. Я получил очень милое, теплое письмо от сестры, которой, как я вам писал, моя мать сказала обо всем, и мне хочется его вам передать, т.е. оно касается вас, да и вы по нему лучше узнаете мою сестру, если хотите, я его перешлю вам.

Мне хочется здесь рассказать вам все, что пришлось видеть, перечувствовать эти последние дни, и передать кое-что, по-видимому, оставшееся непонятным из ранее писанного. Почти наверное я около 15 июля буду в Питере и только на два дня (мог бы 13) отложу свой отъезд, так как хочется быть на земских выборах и познакомиться со здешними земцами, а выборы будут 9 июля. Для меня это все совсем новое, неизвестное или, вернее, известное по книгам да по разговорам. Еще недавно я почти был уверен, что буду земским деятелем, и я только мечтал о том, чтобы продать землю здесь и купить себе что-нибудь поужнее, в Малороссии, – обстоятельства сложились иначе, хотя, может быть, и можно будет через несколько лет устроить что-нибудь подобное, получив кафедру в одном из южных университетов. Говоря о продаже земли, я говорил о продаже не отдельному какому-нибудь лицу, а целому крестьянскому обществу, аренда отдельному лицу представлялась для меня промежуточной, временной мерой. Здесь крестьяне страшно нуждаются в земле; отсюда идут переселения, и из одного большого села – Липовки – в это последнее время переселилось до 300 душ – шли в губернии Оренбургскую и Бийский округ Томской губернии, земли мало как у помещичьих, так и у государственных крестьян – помещичьи (Нарышкина) получили полный надел, но этому прошло много лет, а государственные здесь оказались в худшем положении, чем те, так как государство здесь роздало все земли (интересно, как получили здесь землю Нарышкины, у них тут до 60 000 десятин*, а было до 120 000)¹. Окрестные помещики не любят сдавать в аренду землю, а больше обрабатывают ее сами, что ставит крестьян в еще худшее положение. Делается так, что осенью или в это время они нанимают уже крестьян на весенние работы, давая им вперед деньги, за цену, само собой разумеется, очень низкую, таким образом, «рабочие руки» находятся в их руках и стоят им очень недорого (это явление общее, помещики новороссийские и курские

* Надо будет справиться у Карновича: «Замечательные богатства частных лиц в России».

иной раз предпринимают поездки далеко и нанимают за такую цену «рабочие руки» из далеких губерний – потом выходят столкновения etc.). Иные помещики, например мой сосед купец Рымарев, являются настоящими кулаками и держат в руках и в бедности целые деревни. Я теперь сдаю 146 десятин паровой земли крестьянам по небольшим участкам, и какая недостача земли, можете судить по тому, что ее разобрали в один день, несмотря на то, что время пахоты пропущено и едва ли когда-либо им приходилось пахать в это время, когда начинается самое жаркое рабочее время. Цену я, правда, по здешним местам положил невысокую (10 руб. за десятину, десятин паровая обычно 13–15 руб.), но эта цена не за бесценок. Между тем мне теперь нет проходу, отовсюду наезжает все более и более крестьян и положительно молят, предлагают 14–15 руб., только бы сдал им землю, и не верят, когда я говорю, что у меня нету. Впопыхах я боюсь, как бы не сдал больше того, что есть, и должен прекратить раздачу до завтра. Голод и бедность не шутка, пускаются на всякие хитрости, чтобы получить землю (имейте в виду не задаром, а за деньги), уговаривают обмануть, и эти переговоры, разговоры тянутся целыми часами. Только что я вернулся с поля, где сдал 55 десятин земли крестьянам села Липовки. Это село самое старинное в здешней местности, уже около 300 лет стоит здесь и было когда-то монастырским. Народ рослый, сильный, много белокурых – совсем новый тип, произношение их резко отличается от произношения остальных крестьян – они говорят «що» вместо «что» и «е» произносят как «э», так что произношение напоминает малороссов, а лица двух-трех бывших солдат с выбритой бородой и длинными усами удивительно напоминают малорусских казаков; среди фамилий преобладают Поляковы, Брянчуковы (окончание на «чук» характерно для народных малороссийских фамилий), и очень вероятно, что они из Западной России, тем более, что браки между крестьянами различных сел здесь очень редки. Народ дерзкий, иной раз остроумный, то гордый, то приниженный. Вчера я толковал и ходил с ними по полю подряд 5 часов; они все хотели лучшей земли и никак не могли столковаться между собою. Надо иметь в виду, что общество здесь недружное и что мирское устройство несколько не гарантирует от давления слабых сильными. Большая часть крестьян липовских de facto земли не имеют, хотя земля считается собственностью всей общины; и большинство взявших у меня землю или теперь приехавших (из 3 разных волостей) все именно такие фактически безземельные, а юридически обеспеченные землею люди. И такой пролетариат здесь составляет значительную часть крестьян, я думаю, больше половины. Делается это так, что он передает право продажи своей земли своему более зажиточному соседу в то время, когда зимою* надо денег, а их нет, и из года в год тянется такая кабала. Я вообще никогда не был поклонником общины, а из того, что вижу здесь, не могу им сделаться. Конечно, этот факт я не обобщаю. Сдается таким образом земля за 5–6 руб. десятин, тогда как настоящая цена на нее по здешним местам 12–15 руб., и такой, сдавший свою за 5–6, нанимает чужую за 10–15 – сосчитайте его убыток! Общество крайне недружное, при заключении условия я сперва спросил их, пойдут ли на круговую поруку, но они не согласились, прямо говорят, что

* На уплату податей в декабре, в этом году, кто не внес, во всей здешней «округе» продавали скот рабочих и озимый хлеб, по распоряжению правительства. Поневоле сдашь так землю!

как же – один не заплатит, а он будет отвечать за него; «Он не заплатит, а с моего поля нельзя будет свезти хлеб!» и т.д. Я на круговой поруке не настаивал, но трудно себе представить ту массу ссор, какие при этом происходят, и вы можете представить себе мое положение, когда они приходят просить меня так или иначе рассудить их. Я вообще очень немного в этом их понимаю и потому избегаю этой чести, елико возможно, но в иных случаях положительно нельзя ничего сделать: дело доходит чуть не до драки, и я, как вам сейчас расскажу, чуть не вызвал довольно серьезной истории; теперь я немного начинаю ориентироваться. Расскажу лучше по порядку; когда я приступил к раздаче земли, я сказал своему бывшему арендатору, что высокую цену брать не хочу, что деньги буду ждать до уборки хлеба, а теперь надо взять только задаток. Переговоры я просил вести его. Работающие у меня крестьяне села Подъемы были созваны, и мы с ними начали говорить о цене, он запросил сперва 13, потом 12, они давали 7. Дело ладилось плохо; мы ушли, и я ему сказал, что за такую цену отдавать не хочу, а что 10 руб. – цена невысокая и такая, за какую можно отдать. За эту цену мы и объявили. Записалось подъемовских человек 12, и они хотели известить других, которые придут завтра; думая, что подъемовские не возьмут много земли, я послал своего объездчика в другие окрестные деревни оповестить о раздаче, или, как здесь говорят, «продаже», земли – в Липовку, Красивку, Каменку... Все это, кроме Липовки, села бывших нарышкинских крестьян, а все в земле нуждаются, а к подъемцам я обратился раньше, так как веду с ними переговоры о продаже им 150 десятин совсем, особенно бедствуют крестьяне с. Каменки (где 3 кабака), где высасывает соки Рымарев, и только помощь сектантам [...] там живущим, от сектанта же помещика Аносова позволяет тем кое-как справляться. Уже скоро приехало верхом на лошадях 10 каменских крестьян, и я в первый раз в жизни повел с ними самостоятельно переговоры, они хотели уступки, но я заявил, что цена, как сами знают, невысокая и странно просить об уступке (указание с моей стороны на то, что цена божеская, не обидная, невысокая, почти всегда прекращало такие разговоры, и окружающие поддерживали меня против своего же товарища; как я заметил, торговались больше состоятельные, бравшие более, чем им нужно, для перепродажи другим)*. С этими каменскими я отправился на поле отводить им землю, получить задаток; с ними покончил я скоро. Но недалеко, сбоку, появилась целая кавалькада – верхом человек 20–25 липовских крестьян, которые ехали нанять у меня землю. О цене спора не было, но зато о земле начались споры; они непременно хотели землю, ближайшую к хутору, которая несколько (сомнительно) лучше и которую я обещал подъемцам. Все объяснения мои, что эту землю я обещал, что не могу им отдать, не приводили ни к чему, равно как и объяснения, что не могу же я не держать своего слова. Они упирали на то, что те взяли 15–20 десятин, а они берут больше, что те не давали задатка, а они дают etc. Я говорил им, что часть земли я там им дать могу, еще остается, но остальное не могу. «Тогда нам и не надо!» «Лучше в миру с нами жить, Владимир Иванович!» «Мы искони здесь пахали, к вам как к своему барину относимся, чего ж вы чужим, подъемским, отдаете!» Разговаривая то с тем,

* Покуда я не раскусил это, я так сдал десятин 5–6 – потом таких крупных (участков) этим спекулянтам я не давал.

то с другим, я заявил, что все-таки могу дать только часть, а часть не здесь и что, наконец, если кто не хочет брать, я не неволю, пускай не берет, не все ли мне равно, кто возьмет – Иванов или Петров. Затем сразу шли отказы в круговой поруке, иные боялись вместе писать условия etc. Коноводами были 2 (Семен Гуляев etc.). Однако никто не уехал, и после 2–3-часовых споров они самым спокойным образом стали отсчитывать землю; раньше, когда никто не соглашался, этот Гуляев тихо, когда все отошли, обращается ко мне и говорит, что он и другой берут эти 10 десятин, но отдельно от других и вот задаток. Я взял. Между тем остальные сговорились, я с ними скоро совсем поладил, очень хорошо даже разговорились; перед отъездом толпа окружает меня и просит, чтобы я приказал Гуляеву и другим идти вместе с ними, а то он отобрал у них землю, что те забрали лучшую землю, идут против всего общества и т.д. Среди крика, перебранки и шума я заявил, что буду завтра утром и тогда посмотрю, а что теперь зашло солнце, поздно, и уехал. Сзади крики между ними продолжались и слышались угрозы Гуляеву, что они не допустят, что это не по-божески и что мир весь возьмет на себя, да не за 10, а за 11, лишь бы не был Гуляев и другой; от прибавки я отказался и, обращаясь к окружавшей меня кавалькаде, заявил, что завтра утром все разберем, а теперь – ночь. Сегодня утром Гуляев и другие выехали с сохами; отделившись от массами пришедших за землей крестьян, так как земли почти не оставалось, я отправился в поле; здесь меня встретили выборные от липовцев и сами липовцы и опять стали требовать, чтобы Гуляеву я приказал идти вместе с ними или отобрал у него землю, что они и по 12 дадут, лишь бы ему не досталась земля; если я не соглашусь, они произведут скандал, отберут силой у него сохи, выгонят вон, что он взял, наконец, 10 десятин, а сам столько не обрабатывает. Пришлось призвать Гуляева, и тут у нас начался разговор, перед криками Гуляев ступешевался, и я заявил, что против мира я не пойду, что раз весь мир хочет идти вместе, так и они не должны выделяться, что земля та лучше, а цену я беру одинаковую и они должны делиться по жеребьям, что, наконец, раз сначала нанимались вместе, так и теперь нельзя отставать. «Так какой же ты будешь хозяин своего слова?» – спрашивает Гуляев. «Ну да, я не буду хозяином своего слова, взял задаток я, не зная, а теперь предлагаю тебе идти вместе со всеми или отказаться, и я возвращаю тебе задаток». Он согласился сперва. Затем начался дележ. Между собой их делить не стал, хотя, как теперь думаю, напрасно, так как они перессорились, и мне завтра придется посылать размежевать 2 участка между 4-мя крестьянами, так как они не верят друг другу и думают, что каждый норовит обмануть один другого, и просят меня их поделить; сам я мерить не умею и pošлю им своего объездничего. Вообще ссоры теперь из-за земли почти все время, и недавно у меня был крестьянин С. Питим: просит защитить его от красавских крестьян, так как участки рядом, а ему земля попалась хуже. Завтра утром еду разбирать их.

Вы видите, дорогая моя, что я живу здесь в очень интересной, совсем новой для меня обстановке. Целый день я то в поле, то в селах, где буду заключать условия. В понедельник, самое позднее в среду окончу сдачу, а затем еду в Тамбов, чтобы справиться об условиях Крестьянского банка. Продажа земли крестьянам этой местности представляется мне делом, для них очень необходимым; сход их будет к началу августа, но мне надо раньше знать условия. Я было начал склоняться на временную сдачу в краткосрочную аренду

одному лицу, но ваши слова, моя голубушка, славная вы моя Наталия Егоровна, вразумили меня, и я постараюсь найти иной *modus vivendi*², хотя это будет трудно. Может быть, можно найти будет доверенное лицо, которое бы осталось на хуторе и заведовало б сдачей земли. Посмотрим. Проеду для этого в Липецк к одному знакомому. Пишите чаще, больше. Ваши письма для меня положительно необходимы. Как вы далеко, далеко!

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 30 – 32.

¹ Своим богатством Нарышкины были обязаны браку Наталии Кирилловны Нарышкиной с царем Алексеем Михайловичем в 1671 г. Обширные земли в Тамбовской губернии были пожалованы Дмитрию Львовичу Нарышкину Александром I. См.: *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 98–102.

² Здесь: образ действий (лат.).

№ 12

29 июня 1886 г. [Вернадовка]

29 июнь, 1886

Дорогая моя, сегодня получил я ваше письмо, и тем более было оно мне дорого, что я его не ожидал, хотя и была маленькая надежда, что вы будете такой умницей, что не ограничитесь маленькой записочкой 24 июня, и с этой надеждой я вот уже 2-й день марширую на станцию, но надежда казалась довольно призрачной, и велика была моя радость, когда она меня не обманула. Мне положительно не живется здесь, так и тянет поближе к вам, и я постараюсь устроить отъезд свой раньше и не поеду, может быть, на земские выборы; простое любопытство, так как делать я теперь здесь ничего не могу, так как почти ничего из здешней жизни не знаю, а посмотреть успею в другой раз, теперь же для нас с вами гораздо важнее устроиться как следует. Вы теперь получили мое первое письмо из деревни и можете, конечно, себе представить, с каким нетерпением жду я вашего ответа на него, так как ваш ответ сразу определит для нас обоих все, как быть теперь в этом году. И чем более я думаю, то тем более прихожу к заключению, что такой путь, прямой и быстрый, есть единственный и самый лучший. Конечно, вы сперва переговорите с вашими отцом и матерью. Если бы ответ ваш был благоприятный моему желанию, я устроил бы свой отъезд отсюда очень скоро. Вообще числа 11-го я буду в Питере, постараюсь же быть еще раньше, мне только придется быть в Вернадовке еще раз – к самому началу августа, на какие-нибудь 1¹/₂ недельки, таким образом, дней через 10–11 мы, может быть, увидимся, моя дорогая.

Употребляю все усилия, чтобы устроить следующим образом: вся земля у меня, кроме огорода и десятин 2–3, а также лугов, находится в аренде у крестьян*; для этого, для раздачи etc. надо будет нанять простого приказчика, причем раздавать он будет под моим руководством. Может, будущим летом и вы захотите сюда приехать, посмотреть, хотя надо заметить, хутор находится верстах в 3-х от ближайшей деревни. В то же время надо вести переговоры с

* Сегодня сдал последнюю десятину паровой земли. Теперь остались одни условия.

крестьянами о продаже им земли и, если продажу удастся устроить, продать все, кроме десятин 50 или, может быть, 200 (земский ценз), что оставить совсем, совсем не мешает (ведь так?).

Здесь все окончу к июлю 2–3; затем надо мне проехать в Тамбов, Липецк и Моршанск. Но я не выеду до получения от вас ответа на мое первое письмо. В Тамбове мне надо справиться об условиях продажи в отделении Крестьянского банка, в Липецке у меня есть приятель, который, может быть, может мне указать человека честного и годного в приказчики, а в Моршанске надо выдать одну доверенность. И тогда я свободен до 1 августа! Просто сердце радуется, когда подумаю, что я так скоро могу увидеть вас, могу говорить с вами, могу слышать вас, могу быть около вас... Только бы скорей был ваш ответ, моя дорогая, ненаглядная (ведь, вы не сердитесь на то, что я вас так называю, но если я, против своего желания, причиняю вам неприятность этим, то вы напишите, и я их буду давать вам только мысленно... Я так вас люблю, просто не знаю, ни что пишу, ни что делаю. Скорей бы все это кончилось).

Одно только придется отложить – это магистерский экзамен, ну, да это беда невелика: лучше приготовлюсь, да скорее и сдам. За это лето я ничего почти не успел сделать, да и в голову как-то очень мало лезут разные геометрические фигуры или оптические явления; и никак почти нельзя предаться изучению систематики геологических систем. В сущности говоря, я только выиграю от такого отложения экзамена, хотя, может быть, буде в течение года славно поработаю, успею и сдать его. А мне кажется, точно силы у меня удесятирились, точно ум мой прорвал какую-то тесно державшую его пелену и вылез на свободу, на свежий воздух. И вся невозможность систематической работы вполне, вполне временная, вполне, вполне исключительная: ведь теперь стараешься устроить все лучше для своей новой для нас обеих жизни, какую начнем мы скоро (ведь, скоро?), и дело идет не об одном дне или часе, а о всей жизни моей и того человека, дорожке которого нет у меня ничего на свете. Перед этим бледнеют все другие интересы, отходят временно на задний план и оставляют всю душу свободной этому чувству. Поэтому я очень скептически отнесся к выражению вашему, моя дорогая, что вы хотите **теперь** много сделать, постарайтесь меньше об этом думать... Я очень сомневаюсь в том, чтобы вы в душе были уверены в том, что пишете, а еще более в том, чтобы это вам удалось. Ведь правда? До скорого свидания, моя дорогая. Скорей бы, скорей бы пришел ваш ответ. Неужели вы его не послали, когда пишу это письмо? А что если письмо не дошло? Лучше повторю вкратце. Я писал, что думаю, лучше всего будет, если по приезде в Териоки буду официально просить вашей руки у ваших родителей, с которыми вы, конечно, заранее переговорите. И просил на это вашего позволения и спрашивал об этом ваше мнение.

Если вы получили письмо, то на это второе мое упоминание, конечно, не надо отвечать, но если нет – отвечайте.

Вл. Вернадский

P.S. Мою мать зовут Анна Петровна, а сестер – Оля и Катя. Оля писала мне и просила передать вам, что если вы позволите, она готова вас полюбить, очень хочет познакомиться с вами. Да, ее письмо я вам позже переishлю или передам.

Д. 33, лл. 33 – 34.

1 июля 1886 г., Вернадовка

Июль 1, 1886, Вернадовка

Сегодня получил ваш ответ на мое письмо, дорогая, родная моя. Я очень и очень рад, что вы говорили с вашими отцом и матерью – ужасно как-то не по душе, как-то больно, когда приходится делать что-нибудь скрываясь, утайкой – особенно больно это в таком, дорогая, важном для нас обоих шаге. Скоро, через несколько дней после того, как вы получите это письмо мое, буду я около вас; сегодня покончил сдачу земли крестьянам и с первым же, вечерним, поездом выезжаю в Тамбов, завтра буду там, потом в Липецк, Моршанск и 8 или 9 буду в Питере. Теперь скоро, скоро увижу вас, моя дорогая.

Сегодня едва ли напишу длинное письмо; еще столько дела осталось недоконченного, еще надо принять полный расчет за яровую, сданную крестьянам землю, надо еще устроить страховку здешнего дома и хозяйственных построек, распорядиться о ремонте двора, совсем покосившегося. Но ничем этим я не в состоянии заняться, пока не напишу вам хоть несколько слов.

Условие с крестьянами покончил гораздо раньше, чем ожидал. Мой бывший арендатор уверял меня, что с этим страшно много возни, что крестьяне не собираются вовремя; особенно же крестьяне с. Липовки (их здесь зовут лгунами); обыкновенно они не позволяют начинать пахоту, пока не заключат условия; между тем я пахоту позволил начать сейчас же. И я очень доволен, что дело сделалось не так, как он предсказывал. Они все собрались, и когда я приехал – условие было уже готово с большинством крестьян, и только то, что писарь напился пьян и не хотел писать, не позволило и другим, остальным его приготовить. После окончания старик, который распоряжался этим, просил меня заехать к нему в сад напиться чаю, и я очень хорошо провел у него время, разговоривая с его дочерью и родственником, недавно возвратившимися из Иерусалима, куда отсюда ходит довольно много народа. Вообще мне кажется, что недоразумения с крестьянами при сдаче им земли происходят главным образом от высокой ренты, которую берут помещики, так что за свой труд крестьянину остается очень мало. Уже теперь иные просят меня, чтобы земля, им данная, и впредь осталась за ними – что, очевидно, самое лучшее. Ужасна только безграмотность их, ужасно только то вполне беспомощное состояние, в какое они поставлены, и те ссоры, то недружеское, эгоистическое чувство, с каким они друг к другу относятся: но это и понятно при бедности и неразвитости. Крестьяне одного села относятся скверно к крестьянам другого, и интересно слушать, как они стараются друг друга дискредитировать в моих глазах, очевидно, в надежде, что им земли больше достанется. А ссоры здесь очень часты, их приходилось видеть, о них на каждом шагу слышишь, и судятся они часто (вчера я просмотрел решения здешнего волостного суда – сколько дрязг). Конечно, в этом году, этим летом, нельзя ничего узнать хорошо и завязать близкие с ними сношения, но я думаю потом это можно будет. Школы здесь есть почти в каждом селе, но устроены недавно; зато настоящее бедствие – это кабаки, и их теперь открывается все больше и больше; в последнее время здесь их стал распространять генерал – помещик, кажется, по фамилии Отрыгальев...

Дорогая моя, что-то вы теперь поддельваете? Странная вещь, я не могу мысленно видеть ясно ваш образ, но у меня мелькают иные, туманные ваши образы, и мне так ясны иные ваши привычки и особые, вам только свойственные манеры. Мне очень хочется сказать несколько слов по поводу приведенной вами выписки из письма Федора¹: она мне кажется не хорошо им продуманной, и такое отношение много вредит ему. Он говорит, что теория сказала все, что сказать могла, и советует не думать, а делать. Между тем уж из его слов ясно, что «теория» сказала очень мало или ничего не сказала, по крайней мере такого, что приложимо к жизни. Мне кажется, вся задача и состоит именно в том, чтобы «жить–делать» и думать, и его излишняя уступчивость и страсть к изменению компромиссом именно и происходит от ложного его взгляда. И он таким образом живя–делая, сделает меньше, так как будет слишком уступать, будет разбрасываться на ненужные мелочи. А-проpos², и относительно меня у домашних сложился взгляд, что я витаю в облаках, что далек от действительной жизни, но это всегдашняя судьба всех, кто стремится устроить себе цель жизни, более или менее приближающуюся к истине, всех, кто только думает, кто только стремится познать правду. И все, что до сих пор ни приобретено людьми, приобретено людьми из того класса, который называли от жизни далеким. И не только научные истины, религиозные обобщения, но и великие промышленные и технические изобретения сделаны ими. Будет время, когда такого наименования не будет – это будет тогда, когда шире и глубже, постояннее и непрерывнее будет образование, когда сильнее будет развита привычка думать. А Федор говорит совсем неладное...

Это письмо вы получите 5-го, а 6, самое позднее 7-го я уеду из Вернадовки, так что вы больше не пишете сюда, а пишете в мою городскую квартиру.

Посылаю вам письмо моей сестры³ ко мне. Скорей бы увидеть вас, быть около вас. Скорей, скорей бы.

Вл. Вернадский

P.S. У меня нет фотографической карточки, но в Питере я снимусь – здесь негде. А вашу я хочу иметь в полную собственность. Снимитесь.

Д. 33, лл. 35–36.

¹ Ф.Ф. Ольденбург.

² Кстати (фр.).

³ Ольга Ивановна Вернадская.

№ 14

3 июля 1886 г., Тамбов

Тамбов, 3 июля 1886

Несколько дней, дорогая, радость моя, я не буду получать ваших писем; будут они лежать на хуторе и ждать моего возвращения из моей «деловой» поездки. Но ваше последнее письмо поедет со мной, читал и перечитывал я его в вагоне, читаю и здесь в гостинице. Все как-то легче, все как-то лучше себя чувствуешь. Так страстно хочется скорей, скорей быть у вас, скорей,

скорей увидеть вас и близко-близко около вас находиться. Мне дорог тот лес в Териоках, где мы с вами в последний раз виделись, и каждое проходящее стадо, звон колокольчиков напоминает мне ваших врагов, напоминают, как мы с вами храбро и не оглядываясь отступали перед натиском враждебного войска. Моя мысль работает над тем, чтобы как-нибудь сократить мое здесь пребывание, перед ней начинает даже колебаться мое упорство, и большой соблазн представляет для меня – не ехать в Липецк. А между тем туда надо, необходимо поехать. Там живет мой приятель – Земятченский (другой консерватор Минералогического кабинета), он здешний коренной тамбовец, и через него могу я найти честного приказчика, а кроме того, с ним надо сговориться по делам Кабинета, так как я не думаю теперь там летом особенно усердно заниматься. Зато, к великой моей радости, я думаю, можно оставить поездку в Моршанск, думаю устроить все здесь, в Тамбове, и если это удастся, я буду очень рад. Дело в том, что в конце июля и в августе я должен получить 1200 до 1700 руб. за яровую землю, а так как я буду опять здесь не раньше 6–11 августа, мне надо оставить доверенность на получение этих денег моему бывшему арендатору. В Моршанске нотариус Коренев меня знает, а здесь никто не знает меня, но надеюсь, поверят моему совершеннолетию, вид у меня внушительный, серьезный, педантичный даже, говорят, а разве может быть педантом несовершеннолетний юноша, да и моя борода, самая длинная во всей Восточной Финляндии, чего-нибудь да стоит. Теперь 7 часов утра, а в 10 я отправляюсь на свои деловые похождения. Если удастся устроить здесь – а я решился в случае неудачи обойти всех тамбовских нотариусов и найти благоразумного человека (хотя едва ли кто из них откажется, ведь это отказываться от денег, а какой же практический, не парящий в небесах человек станет отказываться добровольно от денег, ведь деньги – все), то, наверное, днем 6-го выеду из Вернадовки. Мое отсутствие, значит, продолжаться будет всего недели 2–3. В Питере я пробуду почти целый месяц, и тут мы с вами, моя голубка, будем часто-прещасто видеться.

Все это время живешь точно в двух, совсем разных мирах. Здесь – среди самых обыденных, самых материальных хлопот, возни и где-то далеко там – среди идеальных мечтаний, в царстве фантазии. Каждую свободную минуту, иногда посреди работы здесь, забывается здешнее царство, и одно только то далекое, но славное остается. Мечтаешь о том, как устроим мы с вами свою жизнь, мечтаешь о том, что в Териоках теперь делаете, о чем вы думаете, и кажется, будто думаете вы о том же, будто мы, отделенные друг от друга таким большим пространством, умом, а следовательно и чувством, живем в одном мире, будто одинаково настроены, будто близко, близко друг около друга находимся. А я чувствую, что не могу долго спокойно или хоть так сдерживаясь, как теперь, далеко, не все время вместе с вами, находиться, и хочется, невыносимо сильно хочется, чтобы скорей мы и на деле устроили свою жизнь так вместе, как теперь, наверное, оба, рисуем ее в своей фантазии. И вполне убежден, что только в этом счастье для нас обоих, что в этом вся задача работать, жить, думать без тех подавляющих сомнений, какие необходимо приходится испытывать каждому мыслящему честному человеку нашего времени. Сомнение – великая сила, сомнение вызвало и создало то могучее, чудное знание, которое еще так малодоступно большинству человечества, но иной раз оно страшно тяжело ложится на отдельных лиц. Иной

раз оно доставляет невыразимое удовольствие, но в другие минуты, когда беспощадно анализирует все созданные идеалы, когда всюду и везде все колеблет, оно давит, оно мучит. И в ту эпоху, какую нам приходится переживать временно, особенно тяжело должно быть действие сомнения. Приближается время, когда наука, когда знание человека достигнет многого, когда даст оно ясную цель жизни, но раньше, как все установится, страшно тяжело и трудно будет жить отдельным лицам, в такие переходные эпохи невыносимо больно бывает, оттого-то так много слабохарактерных, нервных лиц впадает в оптимизм или пессимизм, равно вредные, в сумасшествие, в грубый эгоизм и в ту «практичность», которая особенно вредна и особенно опасна; а еще стали появляться и признаки маниловщины (сюда и Толстой) ... Когда работаешь над каким-нибудь научным вопросом, в уме мелькают облики лиц, раньше над этим думавших, чувствуешь, точно какая-то неведомая, невидная цепь сильно связывает тебя с философом-греком, средневековым монахом, арабским врачом или одним из великих ученых последних трех столетий – над тем же вопросом они работали, думали, на каждом шагу видишь следы их работы, их мысли и только дальше продолжаешь их, а твоя мысль сливается с их мыслью, и все вместе является общей непрерывной работой к неясному, но всем нам понятному идеалу, куда мы все неуклонно, сильно стремимся. И это не только в общих вопросах, но и в частных случаях. В последнее время я начал работать над вопросом о связи состава тела с геометрической их формой и их оптическими свойствами, вопросом, который, думаю, послужит темой для моей магистерской диссертации¹. И вот в этом вопросе мне кажется, точно я живу в далеких странах, в далеких временах, точно моя мысль как-то тесно сплетается с мыслью стародавних эпох и людей. Представляется великий средневековый мученик науки Роджер Бэкон; пытливым умом он один из первых заметил постоянство формы горного хрусталя, этого окаменевшего льда, как тогда думали; но долго бесплодны (ыми) были все попытки проникнуть глубже в этот вопрос, и только в XVII столетии 3 человека сразу двинули вопрос по одной дороге, независимо друг от друга, и мне кажется, точно их работу я продолжаю, точно тесно и сильно меня обхватили остатки их мысли, носящейся еще теперь в человечестве. Это были англичанин Роберт Бойль, датчанин Николай Стенон и итальянец Гульельмини. Один из величайших умов человечества, основатель современной химии Роберт Бойль в туманной Англии пытался понять все происходящее всеми доступными ему средствами, во всех отделах знания видны следы работы его ума; он пользовался и опытами, и наблюдениями, и вычислением; он пытался найти истину и путем онтологическим, и углублялся в дебри теологии, и всеми силами и на практике проводил в жизнь, что считал истинным. Работая над солями, он первый сделал важное обобщение о том, что каждому составу, по-видимому, соответствует своя особая форма; все философское значение этого обобщения, кажется мне, и теперь еще не понято как следует. В далекой Дании в это время был великий медик, так много сделавший для анатомии, – Стенон, судьба перенесла его в Италию, и здесь он, перейдя в католицизм, сделался вскоре кардиналом; он глубоко задумывался над всем, что видел кругом, и в своей знаменитой работе «О твердых телах»² первый ясно указал историю земного шара, образование его поверхности etc., и здесь же он первый указал на правильность наружной геометрической формы тел, указал на общие

законы симметрии, каким эта форма подчиняется, и дал, таким образом, новое указание на простоту основных положений разнообразных форм, такую простоту, которая позволяет нам в уме рисовать значительно раньше те фигуры, которые может образовать материя, значительно раньше, чем мы их видели. Путем вычисления мы находим, что такую или иную фигуру может дать твердая материя, а такую дать **не может**, и уже теперь мы имеем не один случай, когда блестяще оправдываются такие предсказания. В начале этого столетия немецкий ученый Науман начертил идеальную фигуру из 24 плоскостей, которая может быть найдена и через 70 лет, года три тому назад была она найдена австрийцем Чермаком и т.д. Почти в одно время со Стено при одном из герцогских дворов Италии жил медик Гульельмини; он работал над разными солями. Мне представляется, как в далекой башне герцогского замка сидит, следя пытливо за начавшейся кристаллизацией, Джузеппе Гульельмини; его считают за колдуна, и масса готова была бы побить его как страшного преступника; в кабинете набросаны и фолианты, и кости, и чучела, а всюду кругом разные вещества, добываемые им с помощью приборов – прототипов наших нынешних химических орудий. И мне кажется, будто его непреклонное стремление узнать внутреннее строение вещества сообщило тем веществам, над которыми он работал, частичку его мысли, и оттого-то, кристаллизуя это вещество, мне так страстно хочется проникнуть поглубже внутрь, узнать, что там внутри происходит, почему и чем вызывается эта правильность формы. А с тех пор непрерывно, всюду, видна и чувствительна работа массы лиц...

А если взять оптические свойства, то тесно и сильно связывают они меня с нынешними, средневековыми, древними учеными и с теми первыми пытливыми умами, которых поражала радуга и которые создали начало мифологии – это начало религии. Всюду, всюду непрерывная цель, всюду, всюду живешь в разных эпохах, в разных обстоятельствах, в разных странах, и такая тесная, такая глубокая является связь со всем человечеством, со всем земным шаром, а следовательно, и дальше, со всей вселенной...

И такую же цельную, ясную цель жизни, цель деятельности на пользу людей, на достижение известного идеала, я думаю, даст наука. Она должна дать такую цель, которая бы вполне удовлетворяла скептический ум, чтобы сомнение свободно здесь гуляло, а цель оставалась. В религии исключается сомнение, и потому она так мертва по своим продолжительным **положительным** результатам, в философии одно сомнение царствует, но, кроме него, целый ряд ложно установленных, вследствие недостатка знания, перегородок, а только в одной науке есть полная свобода сомнению наряду с положительными результатами. Здесь сомнение – сила созидающая.

Как-то в разговоре с вами или с Сергеем³, не помню, кто-то из вас выразился, что то, что желательно, то уже давным-давно выставлено Иисусом, или Сократом, или из моралистов древности, которые, однако, были людьми необразованными. Мне кажется, что тот идеал, какой рисовался в уме, что ли, Христа, не может служить новым идеалом теперь; он касается только одной стороны жизни, в нем недостает двух вполне необходимых для человечества сторон – развития и свободы деятельности умственной и эстетической; в уме таких реформаторов конечным идеалом являлось положение человека в виде чрезвычайно мягкого, славного, сытого стадного животного. Такой же идеал рисуется и у Толстого. Очевидно, такой идеал не может

удовлетворить теперешнего мыслящего, образованного человека, а потому, мне думается, что видеть цель в доставлении человечеству жить по какому-нибудь из этих утопических идеалов – едва ли можно. Но положим на время, что желательный идеал установлен уже древними или новыми моралистами. Что же с этого? Как же быть дальше? Как достигнуть такого идеала? И это последнее положительно в состоянии указать одна только наука. Развитие науки в последнее время определило главные причины бедности и позволило вести борьбу против нее не какими-нибудь паллиативами или случайными средствами, а позволило направить силы на самые коренные причины. Сбивая предрассудки, она доставила человеку большую свободу etc. Но дело не в том, что дала наука, важно то, что дает она не туманный желательный идеал, а указывает ясно причины, почему de facto нет того идеала, какой должен был бы быть de jure; на чем зиждутся противодействующие причины, какова их сила или их слабость; она дает уверенность, что недаром пройдет жизнь и что при продолжительном, определенном образе действий победа обеспечена. Конечно, много еще теперь неясного, неизвестного, но это неясное, неизвестное должно быть открыто при дальнейшем развитии науки.

Еще более того: она прямо указывает на невозможность или непрочность тех идеалов, какие строит жизнь человечества без соответствующего развития науки. Возьмем хоть бы учение Толстого. Положим: по широким степям и равнинам России все живут одним ручным трудом; каждый зарабатывает свой хлеб сельскохозяйственными работами, и все, что только вокруг него ни находится, он делает сам, всякий сыт, одет, хорошо спит... Ну, а дальше? Знание исключено совсем ведь; народонаселение все увеличивается, все места заняты, и надо или искусственным путем уменьшить прирост народонаселения, не сдерживая естественных склонностей человека как животного (мальтузианцы), или же воздерживаться от того, чтобы не было много детей, как теперь делают крестьяне в Нормандии и некоторых других областях Франции; но первое – прямо безнравственно с точки зрения Толстого, а второе необходимым образом ведет к безнравственности. Но положим, что так или иначе известный *modus vivendi*⁴, известное равновесие поддерживается, но другая причина остается: земля ухудшается, так как знания нет и можно только пользоваться дедовскими способами работы, необходимо или уменьшить народонаселение, или жить хуже. Ведь у нас, хоть бы в России, беда не только в том, что мало земли у работников, но и в том, что средства и способы обработки часто негодны, земля истощена etc., etc. Уже не говоря о том, что такие идеалы могут касаться только частей человечества, что они не могут быть проведены вследствие того, что построены абстрактно, вне внимания к нынешнему положению дел, они в конце концов приведут опять к прежнему, к анархии. Да, что и говорить. Не могут они привести ни к какой прочности. Так как и стремление к знанию, к наслаждению прекрасным – одни из коренных свойств человеческого организма, так как вызываются окружающей его природою...

Написал страсть сколько и чего только не написал; но, коли вам неинтересно или коли б в иных местах показалось что-нибудь несуразным, вы, не сомневаюсь, прямо мне это и скажете, моя голубушка. Только что пришел от нотариуса, который доверенность мне выдал, справился и в Крестьянс-

ком банке, так что все дела кончены и жду поезда, чтобы ехать в Липецк. Скоро, скоро увижу вас, моя дорогая, моя милая; все, все для меня. Только этой мыслью и живешь. Все она носится, неотвязная, да и прогнать ее не хочется.

Пишите на городскую квартиру. Скоро увидимся, так даже радостно.

Ваш всегда Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 37–40.

¹ Магистерскую диссертацию «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах» В.И. Вернадский защитил в Петербургском университете в 1891 г.

² *Стенон Николай*. О твердом, естественно содержащемся в твердом / Пер. с лат. Г.А. Становского. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

³ Сергей Федорович Ольденбург.

⁴ Образ жизни (лат.).

№ 15

4–5 июля 1886 г., Грязи

Грязи, 4–5 июль, 1886

Три часа ночи. Вы уже спите, моя дорогая, и далеко-далеко живете в вашем сне, а я сижу здесь вот уже три-четыре часа и жду поезда. Покончил удачно все и в Тамбове, и в Липецке и думаю, что устроимся так, как писал вам, без общего арендатора, а с мелкими съемщиками- крестьянами и с верным приказчиком, заведывающим хутором etc. Приказчика найти Земятченский обещал. Таким образом, 5-го вечером буду в Вернадовке, а утром 6-го я свободен и в 2 часа дня выезжаю в Питер. И скоро-скоро теперь увижу вас, моя дорогая. И этой надеждой, этим страстным сильным желанием живешь, о нем мечтаешь, оно заставляет сильнее, быстрее и неуклоннее добиваться намеченных целей. Вы мне напишете на городскую квартиру, когда приехать к вам и как это все устроить, все это вы мне напишете, и, может быть, застану я ваши дорогие, милые сердцу каракульки у себя дома; а теперь мыслится, что ждет меня в Вернадовке 2–3 ваших письма, ваша фотографическая карточка, и злишься на все остановки и замедления с поездом, и кажутся ваши письма вознаграждением за все труды и лишения. Так напишите же скорей, когда к вам приехать и какова в общих чертах должна быть форма моего официального прошения вашей руки (вот так выражение!), все-все напишите, а я в первый же день начну улучшать свой костюм и могу приехать хоть на другой день. Да и хочется, ужасно хочется скорей к вам, разлука истомила; да и вы, моя голубка, ведь тоже чувствуете. Скорей же, скорей!¹

Д. 33, л. 41.

¹ Письмо написано карандашом.

6 июля 1886 г., Моршанск

Моршанск, 6 июля 1886

Дорогая моя, вчера вечером вернулся я в Вернадовку и думал сегодня утром выехать в Питер; не понимаю, как, но я чрезвычайно быстро все делал – ночью ездил, а днем работал; я не могу здесь сидеть ни одного лишнего часа, так хочется, так тянет к вам, моя голубушка, «рыбка моя». Вот уже 3-ю ночь, что едва ли сплю больше 2–3 часов, а чувствую себя физически сильным, хотя, кроме неспанья, мне не совсем здоровится. Первые две ночи не мог спать, так как через 2–3 часа приходилось менять поезд, а эту всю продумал про вас, меня сильно беспокоило ваше письмо от 2 июля¹. Вернувшись часов в 9 вечера домой из Липецка, я получил ваше письмо, где вы пишете, что не получали моего письма уже 5 дней, а между тем, по моим расчетам, вы должны были получить одно, очень длинное письмо, где я подробно описываю все, что делал в деревне 30 или 1 июля, а другое, более короткое, 2–3 июля, затем 5 и после каждый день. Неужели они пропали, и меня мучает мысль, что если они все-все пропали. Дорогая моя, я не гадкий, как вы меня называли, а гадкий – почтампт или почтальон, которых, по-видимому, заинтересовали мои письма, и я злюсь на них страсть как; я вам писал очень, как видите, часто – из Вернадовки раза 4, из Тамбова, Грязей, а теперь из Моршанска. Но, нет – не может быть, чтобы пропали мои письма, вы их наверное, наверное, получите и теперь, должно быть, получили. А между тем все же мучаешься, все же грызет сомнение, а какое это мучение, я знаю по опыту, когда запаздывали ваши письма. Голубушка моя, это письмо придет и поздно, а хочется написать вам, что никакие болезни, никакая неприятность не могли бы меня заставить не писать вам; в болезнь написать вам было бы облегчением, а при неприятности у кого бы я стал искать поддержки или сочувствия, как не у вас. Так страстно хочется быть около вас, хочется не одними словами уверить вас в этом, хочется приголубить вас... Вечером же застал я и повестку на получение вашей карточки – я должен был ехать за ней в Моршанск, так как заказные письма иначе нельзя получить, а потому, чтобы не запоздать и 8-го быть в Питере, я решил ехать сейчас же – в 1-м часу ночи; лихорадочно став укладываться, уложился, ночью приехал в Моршанск и вот теперь, получив вашу карточку, пишу вам. Как я ей обрадовался, и мне эта карточка очень и очень нравится; так хорошо на ней уловлено то выражение вашего лица, которое я люблю на нем видеть. Я не знаю, как благодарить М.С.², и буду просить дозволения переснять себе эту карточку, хотя хочу, чтобы вы теперь снялись еще. Когда вы здесь снимались?

Теперь опять оживился; если вы получили 5-го мое письмо, то вы знаете, что я 8-го могу быть в Питере, то, следовательно, вы будете у Гревсов, написали мне записку, когда я могу увидеть вас, когда мне прийти туда, и эта мысль, мысль, что послезавтра, если вы умница, я могу вас видеть, не знаю как возбудила меня. Я знаю, что устану, а потому решил с Москвы ехать почтовым поездом, чтобы отдохнуть, чтобы приехать в Питер рано утром, а не днем, и там, должно быть, ждут меня дорогие каракульки ваши, и так я узнаю, когда-когда могу вас увидеть. Как время долго тянется. А мучает мысль, что если вы не получили письма, что если вы 8-го не будете у Гревсов,

но нет, нет, этого быть не может – меня даже подмывало послать телеграмму, но этого я не могу. Нет! Хорошая моя, долго жить не вместе нельзя, и скорее-скорее надо все устроить. Мне очень жаль, что не застаю вашего отца, не буду иметь возможности переговорить с ним, и ведь неловко будет бывать тогда у вас, ну, да это как-нибудь устроится.

Вы пишете; хорошо ли «сильно-сильно любить» – да как же иначе можно любить? Любить можно только сильно, а то будет не любовь, то будут какие-то игрушки, забава... Мне интересно, как вы все пытались и пытаетесь еще (хотя уже очень слабо?) положить известные пределы этому чувству, и как оно сильнее вас, и все ваши «добрые намерения» рушатся перед ним. Дорогая моя, если и могут быть неприятные минуты, вроде тех, какие вы переживали, не получая моих писем, то они неизбежны, но слабы перед теми хорошими часами, какие приходится и придется переживать; только при сильной, цельной любви возможна и может быть полная вера друг в друга, откровенность, поддержка; только при ней и возможна настоящая семейная жизнь. И я уверен, что хорошо знаю вас, уверен, что иначе вы полюбить не можете и что все являющиеся сомнения кажутся и вам самим очень слабыми, простыми шумихами, которые сильно пугали при зарождении этого чувства, а истинная природа всех этих страхов все ясней и ясней вам теперь выясняется. Если вы почему-нибудь 8-го не будете у Гревсов, то напишите, когда же я могу вас увидеть, моя радость, мое счастье. Но нет, я чувствую, что послезавтра увижу вас.

Мне очень и очень многое хочется передать вам, но не могу теперь ни о чем писать, хочется, страстно хочется вас видеть, болит сердце, что вы неспокойны, что вы волнуетесь. Скорей бы прошло время, и никак, никак нельзя поспеть раньше утра 8-го!

Сейчас уезжаю и завтра утром в Москве. До скорого, скорого свиданья. Не волнуйтесь. И никогда не имейте в мыслях, чтобы я не писал вам – письма, значит, не доходили, а не то, чтобы я не написал.

Крепко целую ваши ручки.

Вл. Вернадский

Д. 33, лл. 42–43.

¹ Ф. 518, оп. 3, д. 252, лл. 43–44.

² Мария Сергеевна Гревс.

№ 17

10 июля 1886 г., С.-Петербург

10 июля 1886, СПб.

Я знаю – я скверен, я гадкий, дурной эгоист. Я только об одном себе думал. Я не мог вспомнить о тебе. Дорогая моя! Теперь здесь мне представляется, как ты до 8-ми часов не евши, как ты ослабела, и я один, я один виноват – я дурной, скверный эгоист. Прости, прости меня, не буду. Я рассудил все, возвращаясь назад с вокзала, проводив тебя, дорогая; точно в голову вдарило – все так ясно и так сильно стало передо мной; мне не хотелось самому есть,

мысль неотвязно летела к тебе, и я злился на себя, мне досадно было, что мне не хочется есть, а хотелось – чтобы голод мучил меня и чтобы я не обедал, чтобы хоть как-нибудь помучил себя за тебя. Дорогая моя, и ты не сказала, и ты молчала. Нет, нет... [...]

Д. 33, л. 44.

№ 18

4 августа 1886 г., Вернадовка

4 августа 1886, Вернадовка

Дорогая, милая, славная моя Натуня, только что приехал и сейчас же пишу тебе – видишь, как я мало торгуюсь своими письмами, видишь, что я в своей гордыне не ценю их на вес золота и не выспрашиваю дозволения писать поменьше, как это делают иные наши общие знакомые. Только что приехал и, мне кажется, мог бы приехать несколькими днями позже; дожди вовсе не навредили так, как писал мне мой бывший арендатор, и урожай окупит вполне все, несмотря на то, что часть пропала; урожай же яровых хлебов очень хорош. Мне не хочется оставить получать с крестьян (до 1400–1800 руб.) этого бывшего арендатора, и потому завтра же вечером еду в Усмань, хотя, может быть, прогуляюсь туда задаром – не застану там Земятченского. Получение денег мне следует с крестьян главным образом с земли под овсом, просом, гречихой и горохом; в августе должна произойти уплата за овес, который уродился в этом году прекрасный. Очень трудно доверить получение и пересылку таких крупных сумм объездчику Лазарю; неужели придется доверить это получение бывшему арендатору Попову?

Если нет ответа от Земятченского, боюсь, что придется это сделать, хоть временно. Положительно не знаю, как устроить, тем более, что сидеть тут долее 10-го никак не могу. Так хочется поскорей-поскорей увидеть тебя, моя дорогая, моя Натуня. Еще теперь ничего решительного не предприниму, хотя, может быть, опять придется остановиться на временной, паллиативной мере – именно того разряда, который я не люблю от всей души. А между тем другого исхода я не вижу. Сегодня я телеграфировал в Липецк Земятченскому (и отчего я, дурень этакий, не сделал этого раньше – русский человек задним умом крепок) и вечером или завтра утром получу ответ, написал письмо главному арендатору – видишь, без дела не сидел. Вечером сведу счета о поступавших деньгах (всего 50–60 руб.) и осмотрю яровые поля; завтра днем останется только осмотр, вечером уеду и вернусь сюда 7-го или 8-го, и тогда придется так или иначе порешить дело, так как получение денег, вся возня эта продлится до 15 сентября; поручить это дело Попову можно временно потому, что он мне должен уплатить до 15 сентября 1000 руб. и самое нахождение на хуторе (необходимое ему) находится в зависимости от меня... Ведь эти подробности мелочны, неприятны и скучны, а между тем мне хочется, чтобы ты все-все знала о том, что меня волнует теперь, чтобы помогла мне разобраться здесь своим чистым сердцем, своей славной, дорогой головкой, мне приятно думать, что тяжесть, какую наложила на меня судьба, разделяет со мной самое дорогое для меня существо, что вместе мы снесем ее, доведем до наилучшего исхода. Уже одно, головка моя золотая, Натуня моя, ты сде-

лала, одно из паллиативных средств – сдача в аренду Попову (он предлагает 3000 руб., но возьмет, уверен, и за 3500) – будет мной отброшена благодаря твоим словам, твоему желанию, может быть, по слабости я, чтоб разделаться, согласился бы на такой **временный** исход. Но теперь, хорошо подумав, я все более и более убеждаюсь, что в обыденной жизни, в повседневных, сереньких делишках одним из коренных условий нравственной, честной жизни является старание подыскать наиболее лучшие, честные временные разрешения вопроса, лучшие паллиативы и не оставлять без внимания коренного разрешения вопроса. Так и тут: с именем коренной целью является обращение его в опытную мелкоземельную сельскохозяйственную станцию с народным училищем (сельскохозяйственным), библиотекой. Такой план все более и более развивается у меня в голове, его мы с тобой хорошенько разработаем (ведь так, дорогая моя?), и я в одном из следующих писем напишу тебе об этом подробнее. Мешает до сих пор провести этот план: 1) недостаток капитала, с каким надо начать дело (тысяч 20–30), 2) недостаток знаний и 3) необходимость пользоваться частью дохода, получаемого с имения: а) на житье и б) на те или иные необходимые дела (устройство запасного фонда etc.). Все эти противящиеся условия должны и будут уничтожены: дохода имение ежегодно приносит чистого около 2500, таким образом, в лет 8–10 данный, необходимый капитал будет составлен; знания начнем приобретать теперь же, а затем изучим и посетим учреждения сельскохозяйственные Германии, Австро-Венгрии и Франции (и, может быть, наиболее важное, С. Америки – а?) и средства брать из имения мало-помалу доведем до *minimum*'а, через 4 года **наверное** совсем брать не будем. Все это приводит к тому, что через 6–8 лет эта идея может быть приведена в исполнение, и вопрос состоит в том, как устроить дела в этот переходный период времени. Одним из таких мероприятий представлялась отдача в аренду земли на 6 лет Попову за 3500 руб. ежегодно – мера очень вредная и опасная, а другим – то, что хотели теперь сделать, т.е. мелкая раздача земли крестьянам за сходную цену и маленькое хозяйство (разведение сада фруктового etc.), первое легко, второе требует массы хлопот, времени, неприятностей, но первое дурно и второе хорошо, а коренная цель при сильном желании может быть проведена и тогда, и теперь. Это и есть тот выбор, какой дает жизнь, выбор между паллиативными, временными мерами. Но, как видишь, даже и такая временная мера является слишком далекой, обширной, отвлеченной, решив, что должно стремиться ко 2-му способу, жизнь представляет на разрешение опять новый выбор конкретных удачных решений, и где, на чем остановиться, опять не знаешь. Так-то, моя дорогая, славная «умница» (ведь так?).

И точно мой ум, фантазия проникает в душу мне родственную, мне открытую. Мне хочется тогда узнать, чем занята эта головка, мне хочется яснее взглянуть в скрывающиеся глазки, мне хочется понять, правду ли говорит ротик-выдумщик. И вот они рисуют мне ее. Только что она возвратилась из церкви, где она вся была далека от жизни житейской, где какой-то не то страх, не то трепет, какое-то неясное сознание силы, веры в людей и в себя и в то же время какое-то неудовлетворенное недовольство собой, сильное, страшно сильное чувство своих недостатков, вера в возможность их улучшения

(все же **еще** боязливая и полузакутанная) привели ее в какое-то странное строение, совсем измучили ее, мою голубушку. Она вернулась домой и едва не отправилась к своим Маше и Ивану¹, а если и отправилась, если видела их тотчас же, то не совсем следуя своему внутреннему, самому глубокому желанию – ей в душе хотелось пробыть одной, хотелось «разобраться» в хаосе теснящихся чувств и идей. «Разобраться» – хотя она вполне и ясно сознает невозможность сознательного разбора, ведь никогда ей сознательно не приходилось в них «разбираться», а стройный порядок устанавливался вполне бессознательно, самыми скрытыми, самыми глубокими колебаниями ее организма... То рисует ее моя фантазия в другие минуты, когда в ее головке роится ряд мыслей неясных, несвязных обо мне. В полусумраке комнаты свободно разгуливает ее сердце и рисует оно ей неясные, но знакомые, понятные, близкие образы, и ужасно любит оно представлять ей [...] как она будто бы обижала меня, и так сильно, сильно хочется ей тогда утешить обиженного, так ясно, так резко представляются ей тогда обиды, ею нанесенные. Не знаю почему, но мне кажется, что тебя теперь иной раз волнуют такие сумасбродные мысли, мысли, ни на чем не основанные, и мне хочется написать тебе, что это мысли, созданные силой воображения и ничего за собой не имеющие реального... То рисуется ей моя голова, большая и опухшая от ушиба, от которого не осталось и следа и о котором я забыл совсем... То... но довольно об этом, так как очень может быть (если я ошибся в чем-нибудь, хоть не думаю), в твоей головке промелькнет мысль: фи! гадкий, какой самоуверенный...

Пиши же и не забывай самоуверенного или малоуверенного, но всегда, всегда твоего Владимира. Жду твоих писем с нетерпением. Поклон твоим.

P.S. Получил письмо от Сергея². Деньги Зайцеву посланы. Была ли Марья Ивановна³ (а может, и ты?) на квартире нашей. Пиши же и не забывай всегда твоего.

Вл. Вернадского

Что [...]⁴

Д. 33, лл. 45–46.

¹ Гревс.

² С. Ф. Ольденбург.

³ Старицкая.

⁴ Далее неразборчиво два слова.

№ 19

5 августа 1886 г., Вернадовка

Вернадовка. Август 5, 1886

Дорогая моя, славная Натуня. Пришла почта, а от тебя нет еще ни строчки, и вот уже 3-й день я ничего про тебя не знаю; думаю, что завтра придет-таки твое письмо сюда, но завтра меня здесь не будет – я уеду в поиски за Земятченским. А надо его мне, кроме обещанного им человека, и для того, чтобы устроить себе время посвободнее от 20 августа (ведь оно будет го-

раздо лучше – так ведь?). Теперь хочу тебе рассказать все, что совершилось сегодня. Во-первых, на телеграмму получил ответ, что Земятченский уехал в Хомутовку, Усманского уезда, и сегодня вечером я туда еду, хотя очень неясно знаю, где находится знаменитая Хомутовка, думаю быть там завтра, т.е. 6-го, выехать 7-го назад, 8-го быть в Вернадовке и 9 или 10-го выехать назад в Питер; значит, в Териоках буду около 12-го числа, если от Земятченского не узнаю ничего утешительного, то деньги оставлю получать Попова, с которым уже говорил, а так как он должен их прислать к 20–22 августа, то ничем он меня надуть не может. С ним я говорил уже, что не хочу сдавать землю в аренду одному лицу и вообще в долгосрочную аренду. Разговор этот был довольно тяжелый, так как землю эту арендовал еще его дед, и он здесь прожил уже 18 лет... и теперь должен будет искать другое занятие. Я не совсем согласен с характеристикой и нелюбовью матери к Поповым и уверен, что она здесь ошибается, увлекаясь нелюбовью, несимпатичностью – одна из очень ярких черт ее характера. Что Попов не безусловно честный человек – это бесспорно, но это вовсе не мошенник, который стремится как бы надуть, да надуть – умом не отличается, но и не дурак – с некоторым лоском. Я думаю, переговорив с Земятченским, пригласить выбранного им человека к 1-му сентября, а теперь оставить на время Попова. Впрочем – увидим. *Qui vivit – vivit*¹. Скоро, вероятно, приедет дядя Попова – главный арендатор, и с ним еще предстоит долгий и неприятный разговор. Увидим.

Не могу похвастаться своим настроением, моя дорогая Натуня. Точно вот взяли да ⟨за⟩ здорово живешь и окунули в холодную воду. Так кругом холодно, грязно, скверно... брр... никак не разберешься, как попал сюда, зачем, для чего приехал. А потом крайне неприятны и все такие чисто паллиативные, временные решения вопроса. Между тем ничего поделывать нельзя. Присматриваясь ближе, думаю, неудобно даже пригласить сразу нового приказчика, так как заключил условия со сдачей ярового поля этот самый Попов. Ну, да бог с ними, подальше от этих всех дел, вернее, дряг, надоевших хуже горькой редьки. Так и рвешься к тебе, в Териоки, серые, пасмурные, холодные, так и хочется идти в лес, сидеть с тобой рядом, вздрагивать и вслушиваться в каждый шум и шорох, острить над проходящими молодыми и старыми поколениями чухонцев или спастись бегством перед звон разносящим стадом рогатых коров. Бедные коровы! Кто же их сочтет теперь бешеными, безумными, кто же теперь наделять станет их умом, которого их все лишают, и видеть потерю ума только иными их индивидами. И иной раз мне кажется, что я слышу звон их колокольчика, иной раз мне представляется, будто шумит вблизи море, будто мы с тобой гуляем по серым песчаным дорожкам леса и я смотрю в твои правдивые глазки и оставляю без внимания уверения и отрицания твоей головки... А все это так далеко, почти тысяча верст отделяет меня от тебя – тысяча верст – шутка ли, двое суток должен я быстро ехать, чтоб увидеть тебя, быть около тебя, и мне хочется вместо Усмани, бросить все и ехать скорей, ехать к тебе, моя дорогая, моя единственная, моя радость, Натуня, милая моя... А что в самом деле?.. Не знаю, устою ли... И вот в такие минуты какой-то насмешливый голос шепчет мне: «Напрасно; совсем напрасно уехал! Зачем тебе здесь быть? К чему ехать к Земятченскому, которого, может, там давно и нет? Брось же все, оставь и уезжай к себе назад, да хорошенько заруби у себя на носу: не спросясь броду – не суйся в воду. А что если, правда, так сделать? А? Но нет, нет... Так нельзя. Надо же устроить хоть

какой-нибудь *modus vivendi*². Нельзя же заочно нанять человека, нельзя же устраивать все с бухты-барухты, ведь дело это не тебя одного касается, ведь разница всего в 2–3 днях, и не умрешь же ты, не умрет же она от 2–3-дневной лишней разлуки. И стараешься подальше отогнать фантазию, стараешься не давать мечтам лезть в голову, не давать им рисовать твой нежный образ, твое лицо, твои слова и движения, стараешься занять ум чем-нибудь далеким, монотонным, методичным. И вот то разговариваешь с Поповым про хозяйственные дела, то, сидя в комнате, силичишься читать, заставляешь себя сидеть над сухими, специальными трактатами. И вот я читаю вперемежку Roth'a «Allgemeine und chemische Geologie»³, 2-ю часть, касающуюся одного из самых малообработанных и сухих отделов геологии – петрографии, и Rossi «La meteorologia endogena»⁴, также 2-ю часть, касающуюся совсем нового отдела: микросейсмологии, т.е. учения о вечных, незаметных невооруженным чувствам нашим колебаниях земной коры, и стремишься уйти умом в эти далекие, но полные глубокой прелести факты и стараешься выжать из сухого перечня хоть какой-нибудь материал для разыгравшейся фантазии. И я успеваю в этом, по крайней мере, прочел более 100 страниц Roth'a, написанных ужаснейшим языком и сухо, сонливо до невозможности, прочел толково, медленно, иной раз даже с увлечением, так как совсем иное являлось мне среди хаоса фактов методического, пунктуального немца. Но иногда вдруг среди мечтаний о силах, изменяющих громадные пласты древних изверженных пород, о тех процессах, какие происходили и происходят в них в неисчислимые, долгие промежутки времени, мне является в голову какая-то головка с чрезвычайно болтливым ротиком, на меня смотрят чудные, такие искренние глазки, всю мысль мою охватывает чья-то чужая, но очень невыразимо близкая мысль, страшно сильная своей искренностью и цельностью. И все скрывается предо мной. Уходят далеко, далеко картины мощной, могучей жизни планеты, картины медленного созидания и разрушения, какие только что гордо и смело восстанавливал мой ум, – все это исчезает, и другие мысли, другие картины наполняют мою голову, теснятся, волнуют мою грудь. Как видишь, у меня еще в голове очень и очень неясно, как следует и выгодно поступить в этих наиболее частных случаях, но все-таки хочется написать тебе, держать тебя *ap coignant*⁵ всего. Сделаю так, как покажется мне лучшим, имея в виду быть скорее около тебя и желая, чтобы не пропали деньги. С тобой я силен, тебя я люблю, у меня ты одна, одна всего. Моя Натуня дорога...

Всю дорогу я очень мало всматривался в окружающее, еще менее думал о том, для чего я еду, все это было мне противно, раздражало меня, так как отрывало меня от тебя, от тебя, которую я так сильно, горячо люблю. Я хотел забыться в чем-нибудь далеком и читал дорогой, пока мог, прочел «Conferences d'Angleterre» Ренана⁶ (чрезвычайно интересная книга, вызвавшая много дум и мечтаний), газеты, рассказы М. Туэна⁷ и некоторых других авторов. А-проpos⁸, попался один рассказ (очень небольшой) Гюи де Мопассана, очень удобный для народной переделки и даже, быть может, перевода – это «Симонов батько»⁹ (кажется, так перевод «Le papa de Simon», что ли?), тема очень избитая, но очень хорошая – преследования ребенка, у которого нет законного отца, рассказ написан очень живо; помнится, у нас в народной и детской литературе есть несколько рассказов, мало удачных, на ту же тему. Вообще мне кажется, если ты будешь заниматься (а я думаю, что в этой работе ты можешь быть очень полезна) писанием для народа, то гораздо лучше такие переводы, чем сокращения больших

романов, то была ошибка – взяться сразу за них; а из таких новеллистов надо познакомиться с молодыми французскими и затем с другими, о которых я говорил. Между прочим, есть подходящие в польской литературе [...] особенно некоторые этюды из сборника Г. Сенкевича «Szkice weglem»¹⁰ положительно прелестны; кое-что переведено даже на русский язык.

Очень хорошо бы просмотреть очерки из галицкой жизни Захер-Мазоха и Францоza; мне приходит на мысль издать сборник лучших новелл старинных итальянских писателей; это ведь и были те сочинения, какие лучше и легче еще до книгопечатания проникали во все литературы (в том числе и русскую и малорусскую), которые нравились народу, им переделывались. В минуты досуга надо будет просмотреть (у меня есть старинный сборник итальянских новелл от XII до XVIII века). Вообще в этом отделе иностранной литературы ужасно много можно взять, а этот отдел и есть один из тех, который наиболее требуется в народной среде, так как по размеру и содержанию ближе всего приближается к обычным лубочным листовкам. Отчего бы тебе не купить и не просмотреть собрания рассказов Поля Гейзе или деревенских рассказов Шпильгагена (жаль, что не любишь Ауэрбаха), де Мопассана* и др. Если меня не обманывает память, много найдешь у Гейзе; хорошо бы просмотреть фламандские рассказы Климента, они переведены и на французский, и на немецкий язык (чуть ли не в «Univ. Bibl.»), вообще в этих мелких, новых литературах найти можно больше, так как тамошние писатели ближе других стоят и стояли к народу, а высокоталантливые всегда в них были. Просмотри Гейзе. Пиши больше и скорее, дорогая моя Натуня, и помни, что каждый день отсрочки, когда не получаю я твоего письма, очень и очень тяжел для меня. Как хочется скорее быть около тебя. Пиши же и не забывай всегда твоего Владимира. Поклон всем твоим.

P.S. Скажи Ивану¹¹, если увидишь, что он проиграл пари, так как я сдал багаж, поспел на поезд, достал место в спальном вагоне и позавтракал у матери [...]

Твой навсегда Вл. Вернадский

* Кажется, один или 2 очерка из книжки **France'a** «Les vassus pieds de Londres» годятся. Книжка вообще заставляет много думать.

Д. 33, лл. 47–49.

¹ Поживем – увидим; время покажет (фр.).

² Образ жизни (лат.).

³ *Roth Ludwig*. Allgemeine und chemische Geologie. B.: W. Hertz, 1879–1893. Vol. 1–3.

⁴ *Rossi Michele Stefano*. La meteorologia endogena. Milano, 1879–1882. T. 1–2.

⁵ В курсе дел (фр.).

⁶ *Renan Ernest*. Conférences d'Angleterre; Roma et le Christianisme Marc Aurèle. P.: Calmann Lévy, 1880.

⁷ Очевидно, в такой транскрипции В. Л. Вернадский дает фамилию Марка Твена. См., например: *Mark Twain's sketches, new and old*. Chicago: Amer. Publ. Co, 1875.

⁸ Кстати (фр.).

⁹ На русский язык переводилось как «Отец Симона», «Папа Симона», «Семусшкин отец», «Как Симон нашел себе отца» (М.: Посредник, 1901).

¹⁰ *Sienkiewicz Henryk*. Szkice weglem. W-wa, 1880.

¹¹ И.М. Гревс.

6 августа 1886 г., Вернадовка

Вернадовка, август 6, 1886

Дорогая моя Натуня, только что, только что получил и прочел твое письмо, и мне очень многое хочется сказать тебе по его поводу, объяснить тут многое из того, что ты не поняла из моих слов и объяснений. И на первом месте тут вопрос о личной святости, вопрос об упрощении жизни и все другие, которые так или иначе заставляют нас волноваться теперь.

Мне кажется, что пререкания по этому поводу, какие происходят в нашем кружке, носят ужасно много формального, носят страшно много вздутого наподобие мыльного пузыря; гонятся за пустяками, за лицевой стороной, наполняют этим всю жизнь, все мысли и за этим ничего не видят и поневоле упускают более важное и серьезное. Это, конечно, не раз ты слышала от меня, но понимала, да и теперь еще понимаешь не совсем так – это и понятно, так как многие слова у меня имеют особенный смысл, не совсем им обычный (дурная привычка, всегда сопровождающая попытки мыслить самостоятельно, не следуя слепо за мнениями других и не обладая обширным, основательным систематическим знанием). Я попытаюсь здесь изложить возможно ясно и понятно (хотя за успех не ручаюсь) по крайней мере главные свои мнения и мысли об этом. Вдумываясь в то, что приходилось слышать по этому поводу от тебя, я думаю, что разница в оттенках наших мнений происходит главным образом от того, что у тебя больше знаний в одной области; а у меня в другой.

Я вполне убежден, что одним из необходимейших условий дальнейшего развития самого существования человека является то, чтобы каждый человек жил согласно своим убеждениям и наивозможно более работал на пользу общую; я считаю одним из важных условий такой жизни «личную святость» и только, как объяснял раньше, считаю безусловно вредной и *de facto** невозможной одну или преобладание одной личной святости, что так ясно сквозило в письме Шаховского. Но мне кажется, сама личная святость, как показывают наши теперешние знания, вовсе не такая простая вещь, какую можно доставить с бухты-барахты, по известному, общему для всех шаблону, да и едва ли она может подвергаться какой-нибудь общей мерке, как нельзя счесть равными и одинаковыми способности или здоровье людей и требовать от слабого физически человека, чтобы он снес ту многопудовую поклажу, какую снесет здоровый человек, требовать от честного, хорошего, но малоспособного человека, чтобы он сделал столько же, сколько сделал Галилей, или Лаплас, или Эйлер. Прочел я только что все, что написал, и понял, что из этого можно вывести еще заключение, какого я делать не хотел. А потому спешу объяснить. Отсюда следует **только** одно, а именно, что невозможно делать одну формальную мерку, какой и оценивать святость всех окружающих, и к чему есть поползновения у наших близких. Например (преувеличивая, но логически идя прямо):

* Но вполне возможной *de jure* в виде деланности, привычках etc. обрядности.

Посылка: свят тот человек, который ест немного, **раз** в день обед из двух блюд, а затем только вечером и утром пьет чай.

Положение: Вернадский хочет есть **два** раза в день, дешево и просто, но с условием не чувствовать голода и без вреда для здоровья.

Вывод: Вернадский поступает или хочет поступить нехорошо, а потому я должен употребить все старания, чтобы убедить Вернадского поступать хорошо, т.е. есть раз в день, хотя бы для этого пришлось употребить целые дни и часы и перемучиться.

2-й пример:

Посылка: свято или хорошо поступает тот человек, который не носит фрака.

Положение: Вернадский согласен, чтобы не причинять горя людям, которых он любит и которые вполне невиноваты в своих мнениях, в которых эти мнения глубоко вкоренились и жизнь которых скоро кончится, надеть фрак во время венчания.

Вывод: Вернадский поступает дурно и должен употребить все усилия, чтобы не надевать фрака, а надеть сюртук и только подчиниться невозможности. Вообще пререкания, споры, все огорчения (отзывающиеся всегда страшно вредно и на физическом здоровье, особенно старых людей) и обиды, какие вы этим сделаете, – не беда, так как он стремился жить свято.

Таких примеров, немного преувеличенных, но по духу верных, можно было бы привести очень много из того, что пришлось нам пережить последние недели. Я все-таки написал ужасно неясно, туманно, скверно. Но из этого выяснилось все-таки два условия, обыкновенно забываемые:

- 1) различие организации разных людей;
- 2) узость взгляда.

Написал, а так и хочется зачеркнуть, так как это все не то, что носится в голове, совсем неясно выражает мою мысль. Подожди – понял, понял!!

Жизнь свят(ая) – есть жизнь по правде. Это такая жизнь, чтобы слово не расходилось с убеждением, чтобы возможно больше, по силам, помогал я своим братьям, всем людям, чтобы возможно больше хорошего, честно-го, высокого я сделал, чтобы причинил возможно меньше, совсем, совсем мало горя, страданий, болезни, смерти. Это такая жизнь, чтобы умирая я мог сказать: я сделал все, что мог сделать. Я не сделал никого несчастным, я постарался, чтобы после моей смерти к той же цели и идее на мое место стало таких же, нет, лучших работников, чем каким был я, не-сколько...

Я думаю, что и ты ставишь тот же идеал личной святости и что мы не разойдемся в этих общих положениях. Из него прямо возникает важность того, чтобы обстановка нашей жизни не противоречила такому ясно сознанному и постоянному идеалу. В этом опять мы согласны, но тут начнутся пререкания. Дело в том, что в жизни часто одно из положений святой жизни становится в противоречие с другими, и потому на деле ужасно трудно бывает решить, как поступить верно, по правде, так как жизнь является крайне, чрезвычайно сложной и поступить по правде можно, обращая внимание на все последствия, на все стороны жизни, а не имея в виду одно только какое-нибудь положение. Разница у нас с тобой не в том, что значение хорошей, т.е. справедли-

вой, обстановки для тебя или для меня важнее, а в том, что мы неодинаково сильно принимаем, знаем, чувствуем все последствия принимаемой нами меры. А эта разница прямо внешняя, которая необходимым образом исчезает при дальнейшем общении друг с другом, при дальнейшем развитии и образовании. Поэтому я думаю, что в жизни, желая не только по букве одной, но и в самой сути поступать хорошо и справедливо, нельзя никак пользоваться какими-нибудь отвлеченными от места, времени, людей формулами, вроде тех, в каких издавна любили моралисты излагать свои взгляды. Нельзя, например, сказать: надо есть один раз в день, не надо мягкой мебели etc., etc. Следуя таким правилам, ты, если ум и сердце твое не спят, очень и очень часто только обманываешь себя, только вызываешь тяжелые минуты раскаяния и муки в бессилии добиться нравственного удовлетворения. Или же такими мерами может притупиться нравственное чувство, может обратиться в ханжество, обрядовый формализм и в крайнем случае дать Тартюфов или Фотиев Спасских. Но оставим пока в стороне эти возможности, эту дорогу вырождения, к какой легко может привести такая мелочность (и почему отчасти я так нападаю на нее), и перейдем к частному, для нас, однако, более важному вопросу – вопросу об устройстве обстановки и строя нашей будущей жизни.

Вопрос трудный, но решать его нам приходится теперь, придется всю жизнь, и, наверное, мы наделаем здесь много глупостей и ошибок. Но важно одно, чтобы с чистым сердцем и ясным умом мы все это делали, чтобы постоянно работал наш ум и не спало наше сердце. Тогда будет хорошо, тогда все исправим, тогда не будет розни у нас с нашими детьми или внуками. Времени мало, и я не могу разобрать этот вопрос так стройно, как этого хочется, мне хочется коснуться самого главного, но ты, наверное, поймешь мою мысль всю, целиком.

Мы воспитывались в среде, где, если был труд, так только труд умственный, где одним из стимулов труда и стимулом, несмотря на относительно высокий нравственный и умственный уровень наших семей, – сильным было добиться возможности доставить детям безбедное и даже богатое существование; в нашем кругу слишком много тратилось и тратится на обстановку, так много, что это скрывает многие другие интересы, принижает человека. Вообще эта обстановка в связи с привычками, ее вызывающими, является вредной по следующим причинам и по следующим причинам должна быть изменена:

1. Она увеличивает до *pes plus ultra* потребности человека, семьи и заставляет рабочие члены семьи употреблять почти все свое время на удовлетворение этих потребностей. Он является рабом их и не в состоянии уже делать много на пользу общую, для саморазвития, для прочной установки семьи. Да это все понятно.

2. Богатство достается на счет других людей. Каждый может пользоваться большим от среднего богатства страны, только заставляя *volens-nolens* других жить *minimum*'ом.

3. В этой обстановке воспитываются дети; с детства ложатся тяжело все привычки на их развитие, на склад их ума и характера. Не говоря уже о том, как вредно отзывается на них такое стремление семьи к приобретению земных благ etc.

4. Многие из таких привычек etc. прямо антигигиеничны и тем еще тяжелее ложатся как на нынешнем поколении, так и на потомках.

Отсюда ясно следует, что та обстановка, в какой живем мы, тот склад жизни, какой существует в нашей (да и во всякой) среде, не могут остаться без изменения и должны быть изменены. Но прежде чем касаться вопроса об изменении, укажу еще на крайне важный стимул для изменения его именно нами и на пределы, границы изменения. Очень важное значение в жизни русского общества может иметь фактическое изменение строя жизни целым кружком. Это я прекрасно понимаю, отчего всегда стоял за братство и даже вовсе не против мasonicких атрибутов etc. Ну, да об этом не стоит, так как это для тебя также совсем ясно.

Гораздо важнее не упускать из вида те причины, которые могут приниматься в расчет при положении границ такому сокращению и изменению. Их немало.

1. Пределом всякого изменения является условие недопущения вреда для здоровья, т.е. гигиеничность обстановки. Это условие является для меня условием страшного, невыразимо громадного значения, и значительная часть пререканий между нами происходит от разной оценки этого условия, а разная оценка зависит от того, что мы более знаем в разных областях. Да это понятно, и об этом мы распространяться не будем, но в нескольких штрихах я попытаюсь изложить громадное значение этого условия. Не думаю, чтобы это мне удалось, но попытка не пытка. Дальнейшее развитие человека зависит от нас самих; на земле происходит вечное изменение, эволюция организмов, но вовсе не необходимо происходит дальнейший прогресс, улучшение, мы видим, наоборот, целый ряд, целые тысячи видов животных, подвергнувшихся вполне такому вырождению, у нас есть примеры вырождения животных позвоночных в беспозвоночные (аспидии) и т.д. Мы видим в человеческих расах примеры вырождения (например, индейцы С. Америки), а в развитии науки и искусства также такие приостановки и даже обратный ход развития очень и очень заметны во многих случаях; у меня нет уверенности, что само собою будет продолжаться то развитие умственное человека, какое идет с XV столетия, оно будет продолжаться, если работать для этого будем и мы. Одним из существенных условий недопущения вырождения являются правильные условия питания, воспитания, работы – одним словом, всякая правильная постановка физической жизни человека, да собственно этим и достигается и правильное умственное развитие человека – *mens sana in corpore sana*. Всякое неисполнение такого условия прямо приводит и к умственному вырождению, и к физическому и приводит очень быстро. Дурные привычки делают то, что мы почти не знаем семей, где бы наследственная талантливость передавалась целыми поколениями (исключения представляют классики, Бернулли и др.), а в физическом мы замечаем быстрое вырождение в очень и очень быстрое время, например в России фабричное население Владимирской губернии или то четвертое сословие всех больших городов, существование которых является позором и страшным вредом в развитии человека. Я вполне убежден в полной невозможности дальнейшего развития и даже сохранения *status quo* человеческим родом без помощи науки (об этом я тебе, кажется, писал), и одно из наиболее важных

условий является деятельность науки на почве оздоровления человека, т.е. гигиены. Значение его тем сильнее вследствие существования наследственности.

Д. 33, л. 50–53.

№ 21¹

12 мая 1887 г.², Петербург

Дорогая Натуся, во вторник быть не могу – забыл, что в среду утром практические занятия, приеду в среду до субботы.

Твой Вл.

Целую тебя крепко.

На обороте: Ст. Териоки, Финляндской ж.д., Наталье Георгиевне Вернадской, Дача Старицких.

Д. 34, л. 2.

¹ Письма № 21 и 22 были отправлены В.И. Вернадским из Петербурга, где он продолжал работу в университете, в Териоки, куда Наталия Егоровна с семьей своих родителей переехала на дачу.

² Письмо датируется по штемпелю на открытке.

№ 22

19 мая 1887 г., Петербург¹

Дорогая Натуся, буду не раньше четверга или пятницы. В пятницу уже кончатся занятия, а теперь масса здесь подготовительной работы и экскурсий. Твое предчувствие о Маше², как и следовало ожидать, оказалось совсем **неосновательным** – видел Ивана³, он говорит, что Маша чувствует себя прекрасно, сейчас иду к ним. Ольденбург уехала. Целую тебя крепко. Поклон всем родным.

Твой Вл.

На обороте: Ст. Териоки, по Финляндской ж.д., Наталье Георгиевне Вернадской, Дача Старицких.

Д. 34, л. 3.

¹ Письмо датируется по штемпелю на открытке.

² М.С. Гревс.

³ И.М. Гревс.

4 июня 1887 г., Смоленск

Смоленск, 4 июня, 1887

Дорогая моя, родная Натуся, что теперь с тобой, как ты себя чувствуешь, что ты делаешь? Так сильно-сильно хочется узнать все это, хочется прижать тебя к себе, поцеловать, приголубить, и между тем я не могу, я далеко и несколько дней не буду иметь о тебе ни весточки. Я не знаю и не могу до сих пор рассчитать, когда получу от тебя или от кого-нибудь какое-нибудь письмо, которое бы рассеяло мое беспокойство, так как не могу выбрать ни одного пункта, где бы мог с уверенностью ожидать твоего письма.

В Смоленск больше не пиши, а пиши пока в Рославль, а потом напишу, куда писать.

Все эти дни, как я выехал из Питера, я почти не спал, но чувствую себя совсем бодрым и здоровым; экскурсия настоящая начинается только завтра, и сегодня я хочу выспаться: завтра встану в 4 часа (сегодня встал в 3 часа утра, а лег вчера в 12 ночи), теперь 8 часов, часов в 9 лягу – выплюсь за все эти дни. В прошлом письме моем я писал тебе, отрывочно правда, моя дорогая, о своей дороге до Москвы; из Москвы я ехал в Дурово, в 7-ми верстах от Батищева, деревня Энгельгардта, очень неудобно: попал в вагон, наполненный евреями и немцами, немилосердно кричавшими, им от времени до времени подпевал хор маленьких детей, выражавших свое неудовольствие на беспокойную и неудобную поездку. Притулившись в уголку, я то дремал, то читал Энгельгардта³ и купленную в Москве книжонку: питомники при школах Верейского уезда Московской губернии – дело последнее⁴ представляется мне отчасти дутым; вот где похвал и благодарностей, холопства – страсть! (Кстати вышла брошюра: Мичурин. В защиту книги «Что читать народу?», стоит всего 20 коп., поручи кому-нибудь купить для нас в городе – в Москве не было.)⁵ Мне хотелось знать, что делалось в Питере, хотелось знать, что Маша⁶ и не повредила ли ты себе волнениями о ней. Все такие мысли целой сумятицей, длинной цепью, непрерывным кольцом, теснились в мою голову, но я старался забыть, отогнать их от себя. Что пользы в таких беспокойствах? К чему и для чего они? Я теперь совсем, совершенно бессилен что-нибудь сделать, я могу быть только терпеливым зрителем всего происходящего, а исстрадаться из-за, может быть, пустых опасений не хочется и не след совсем.

И я думал забыть. В голове рождались и росли картины деревенской жизни, отчасти навеянные чтением Энгельгардта и тому подобного, навеянные теми рассуждениями, какие приходилось иметь в последнее время, мыслями, которые неотвязно, мучительно лезли в голову... Я обыкновенно думаю картинами, и фантазия представляла мне картины, где действующими лицами являлись то ты, то я, то близкие люди, я ставил нас в близкие сношения с жизнью деревни, с мужиками и во всех случаях представлял себе, что мы делаем, что мы хотим и что можем сделать. Меня давно тянет в деревенскую жизнь, мне давно хочется быть ближе к более нормальным условиям жизни и только раньше хочется больше узнать, передумать, пережить. Не хочется лезть неподготовленным. Но подготовишься ли, и в чем такая подготовка должна

заклучаться... Как быть с той землей, которая тяжелым камнем легла на нас, и какие мы скверные, что не умеем, не хотим устроить ее как следует. Не фариесеи ли мы – говорим на словах об одном, а на деле не сумели справиться и с тем, что нам дано и что мы можем поставить на свой новый лад. Я борюсь со своей слабохарактерностью, но слабо, так как живешь слишком интенсивно и разнообразно, а раз так, некогда думать и никогда долго не волнуешься и не оцениваешь вполне все свои поступки и помышления. Но тем хуже и мучительнее иногда, когда вдруг рельефно и ясно представится все наше неверное и ложное положение относительно Вернадовки! Читал я Энгельгардта, читал об абсентеизме помещиков – тут еще ничего дурного нет, и о самом что ни на есть скверном типе абсентеизма – об управлении именьями с помощью приказчиков, большей частью кулаков. И такими абсентеитами мы с тобой являемся. Единственное, некоторое оправдание: он **только** раздаает землю...

В Дурово я приехал рано утром, часов в 5. Маленькая полустанция представляла из себя картину разрушения: она ремонтировалась, такая ремонтровка происходит из года в год – выгодно и полезно для служащих. Вся станция заключалась в маленькой каморке, где помещался начальник станции, телеграфист, все эти люди суетились, бестолково сновали из угла в угол, все были заспанные, недовольные, что их разбудили в такой холод. А холод страшный; недавно был мороз и погубил огурцы. В легком летнем пальто и платье – блузе – мне холодно; лошадей не приводят. Из ближней деревни их приведут, они пасутся где-то далеко. Надо ждать и бродить бесцельно по платформе, приставая то к тому, то к другому служащему, станционному начальству, скоро ли приведут лошадей и приведут ли. Утешают, что приведут. Кроме меня, на платформе еще 2 пассажира: какая-то горничная, едущая к соседней помещице, и несчастная легавая собака, которая отправлялась в Смоленск и случайно заспанными кондукторами была высажена в Дурове. В последней я принял участие, убедил послать телеграмму, дать несколько более ей свободы; разговорился с начальником станции, говорили о разведении кур, о петухе, который недавно попал под поезд и покончил печально свою жизнь, а славный был петух и погиб лишь потому, что не хотел прекратить битвы со своим соперником... Но скучно и холодно; рабочие монотонно и вяло поправляют крышу, невдалеке из товарного поезда раздаются песни, там едут на работы нанятые рабочие парни и девки [...] Все серо и холодно. Темны, грязны наклонившиеся набок избы соседней деревушки, тощи и немощны глухие поросли, остатки могучего некогда леса, а вон белеет большое здание, при нем садик, при нем сараи и амбары – то кабак. Историю кабака я узнал от возницы. Дурово, хотя и полустанок, является довольно важным железнодорожным пунктом, здесь рубят и отсюда отправляют в Москву лес. Рубка леса дает работу летом и зимой здешним крестьянам, дает возможность им оставлять в кабаке выработанные рубкой деньги. Содержится кабак вдовой какого-то бывшего приказчика, оставшеюся владелицей кабака и при нем 100 десятин земли по смерти мужа. У ней трое детей – надо их содержать, одеть, обусть. Деревни кругом бедные.

Дорога из Дурова в Батищево к Энгельгардту ничего особенного не представляет. Мне казалось, что я давно знаю и давно видел все эти места и около Бахмута, и в Приволжье, и около Харькова. Всюду лески, несколько болотистые низины, поля. Форма всей поверхности – ровные, малые увалы – обык-

новенная форма поверхности России, здесь видим мы результат медленной вековой деятельности проточных вод. Они нивелируют все контуры, делают их мягкими, переходы незаметными, и малоувалистой является поверхность матушки Руси, на взгляд, так совсем ровной она является. Мой возница – бывалый человек, он видел Турцию, был солдатом, служил в гвардии в Питере. Но теперь настоящий крестьянин и нетрудно, говорит, было перейти к крестьянскому хозяйству. Измала привыкши. Он шеголяет иной раз иностранными для русского языка оборотами, но добрый малый. С ним мы рассуждали о войне, он рассказывал свои похождения [...] Господа во время войны совсем иначе обходились с солдатами, чем во время мира. В гвардии, правда, не бьют и в мирное время, зато в армии бьют так, что страсть... Турки славный народ: как стали цепью, сейчас это наши идут в гости к туркам и турки к нашим... И уже угощают турки наших, так угощают, что страсть. Табак какой у них хороший.

Разговорились об Энгельгардте, о его хозяйстве, о фосфоритах. Лучше Энгельгардта хозяина здесь нет; хозяйственный человек, стар только становится, а сын не в него, не доходит ни до чего, вот дочь та больше понимает... Но разговор скоро перешел на фосфориты; об них говорить начал он сам; он начал мне рассказывать, что вот стал Александр Николаевич ⁷ теперь камешком посыпать землю, и земля эта родит такую рожь, какой никогда не родила. Но на деревне никто не пробовал, поздно узнали об этих опытах (Энгельгардт ведет их с 1885 г., а деревня их верстах в 7–8), но ходить смотреть все ходили. Рожь такая высокая, что можно бояться, что она упадет. Но ему во всем удача – хозяйственный он человек; обо всем подумает, ну и знает. Тут рядом «студент» Мертвого работает – тоже хорошо работает; рожь у него растет, где прежде испокон веков было болото да мелкая густая поросль. Я позже узнал довольно интересное значение здесь слова «студент», крестьяне называют так некоторых только помещиков, держащихся не по-барски: так они называют студентом здешнего помещика адмирала Никонова и т.п.

Рожь действительно отличалась поразительной густотой и вышиной в тех местах, где было удобрено фосфоритом. На взгляд, резко и ясно проявлялась эта разница, и надо было видеть то глубокое, радостное удивление, какое выражалось на лице моего мужика, когда он мне показывал на эту рожь. Мы с ним согласились во мнениях, что не в одном доходе тут дело, а и в том, что веселит и дорог хозяину самый успех затеянного дела, как охотника веселит и радует удачная охота, а не то, сколько денег от этой охоты он получит; хотя и деньги не мешают.

Меня интересовало, как меня встретит Энгельгардт, смогу ли я сойтись с ним. Человек этот интересовал меня давно, и я с детства привык относиться к нему с большим уважением. Перед усадьбой нас прохватил дождь, и я довольно сильно промок от ливня, а ливень был холодный. Но приехали скоро (а à-propos, сегодня только заметил, что мое старое пальто, в котором я здесь езжу, все изъедено молью, в дырах – вот казус! оно лежало в шкафу, что стоит теперь на Литейной в передней, надо бы все осмотреть).

Дом Энгельгардта не имеет и вида помещичьего дома; во дворе службы, вход в дом через кухню; я прямо пришел в кабинет к Александру Николаевичу, встретившему меня в высшей степени радушно. Это высокий старик, с умным энергическим лицом, с седой бородой и с седыми до плеч волосами.

Лицо мне его очень понравилось, мы с ним как-то быстро, просто и задушевно разговорились. По-моему, это один из самых замечательных людей, каких мне только случалось видеть. Но поздно, напишу тебе подробно в следующий раз. Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая. Береги себя. Поклон всем твоим. Когда-то получу от тебя весточку.

Весь твой Владимир

Д. 34, лл. 1, 4–5.

¹ Письма № 23–37 были отправлены В. И. Вернадским из экспедиции, которую он проводил по поручению Вольного экономического общества (1765–1919). ВЭО по предложению Д.И. Менделеева с 1865 г. начало научное исследование почв и способов их улучшения. Для этого особая комиссия составила программу проведения опытов в некоторых губерниях России, в результате которых был осуществлен физический и химический анализ почв и подпочв в Симбирской, Смоленской, Московской и Петербургской губерниях, изучено влияние туков на урожай овса и ржи и др. Первые успехи пробудили в Обществе сознание необходимости основательного изучения почв. Начиная с 1876 г. Общество постоянно и с большой энергией занималось русским почвоведением. В 1876 г. В.В. Докучаев выступил в Обществе с докладом «Итоги о русском черноземе», из которого вытекала необходимость основательного изучения чернозема как главной хлебной почвы России. В.И. Вернадскому было поручено исследование фосфоритов в Рославльском уезде Смоленской губернии. За полтора месяца, которые он провел в экспедиции, им были обследованы места разработки фосфоритов – Несоново и его окрестности, определены границы их распространения, новые залежи, указаны места, наиболее богатые фосфоритами, сделан химический анализ обнаруженных фосфоритов и др.

² Номер письма проставлен В.И. Вернадским.

³ Очевидно, В.И. Вернадский имел в виду книгу: Из деревни. 11 писем (1872 – 1882) А.Н. Энгельгардта. СПб.: А.С. Суворин, 1882.

⁴ О какой книге идет речь, установить не удалось.

⁵ Мичурин А. В защиту книги «Что читать народу?». Тифлис: Тип. Я. Либермана, 1887.

⁶ М.С. Гревс.

⁷ Энгельгардт.

№ 24

6 июня 1887 г., Несоново

Несоново, июнь 6, 1887

Дорогая моя Натуся, вообрази себе, что я до сих пор не получил еще ни одной от тебя строчки и не знаю совсем, что с тобой, писала ли и что именно писала мне. Вместе с этим письмом я отправляю просьбу в Смоленский почтамт переслать мне сюда твои письма. Теперь я нахожусь в с. Несонове, самом центре разработки фосфоритов, и туда же пиши мне, так как несколько дней я еще здесь пробуду (ст. Ивановская, Орловско-Витебской ж.д., с. Несоново, Константину Васильевичу Мясоедову, для передачи В.И. Вернадскому); письма здесь есть okazия получать каждый день.

В прошлом письме я остановился на описании своего прибытия к А.Н. Энгельгардту, в знаменитое в летописях русской умственной жизни Батищево. Меня всегда поражало то, что человек, удалившийся так глубоко в глухую провинцию, сумел и смог влиять на жизнь и склад интеллигенции, на брожение умов, писавши очень, крайне мало. И мне казалось, что такой человек не пропал для родной страны, сделал свое дело для развития русского народа,

а следовательно, и всего человечества. Мне казалось, что насильственная ссылка его в глухой провинции представляла здесь редкий случай отсутствия вреда. Вред, нанесенный ссылкой и заточением многих ученых людей, очевиден, вред такой вырванности из среды русского общества Радищева, Чаадаева, Арсеньева, Щапова, Чернышевского и т.п. более или менее ясен, здесь же вред, нанесенный ссылкой на целые 11 лет (1871–1882) Энгельгардта, сделался мне ясен только теперь. Я увидел перед собой редкий тип мощного ученого профессора, способного завлекать толпы слушателей, направлять их на все доброе, хорошее, честное; человека, преисполненного редкой энергией, одаренного редкой привлекательностью, живостью ума и отзывчивостью. Такие люди рождаются не часто, и такие люди суть именно те, которые нужны теперь в центрах умственной жизни, где сходятся сотни и сотни людей, людей, которые разойдутся во все концы родной земли и там будут прилагать, там будут работать во имя того, что нашли они в этих центрах. Такую хорошую сторону видим мы в центрах умственной жизни во все время существования человечества; у древних ли философов Эллады и Греции времен римлян, когда сходились слушать тех или иных замечательных ораторов и философов толпы слушателей из разных концов Греции и римского царства; в Александрии, где происходил живой обмен мыслей, живые споры, диспуты между людьми разных верований, мнений, складов. Тот же характер носили университеты средних веков, когда тысячи слушателей сходились в Оксфорд или Париж, Болонью и т.п. слушать тех или иных знаменитых схоластиков. Тогда имело значение личное слово, влияние одного лица на массы входящей молодежи. Перед окончательным вступлением в жизнь и утопанием в ее мелочных интересах молодежь тогда проникалась теми или иными идеалами, интересами, которые связывали ее и между собой, и с прежней жизнью всего образованного люда. Нет ничего, чтобы действовало сильнее живого, свободного слова, слова человека, который верит всей душой тому, что он говорит, человека, который хочет, чтобы все те, которые слышали его, так же как и он, поверили тому, чему он верит, желали того, чего он желает, знали то, что он знает. Свободного слова нельзя заменить ни газетой, ни блестящим памфлетом, ни печатной статьей, как нельзя заменить пейзажной живописи фотографией или олеографией. У нас слишком мало обращают внимания на свободное слово, у нас слишком пренебрегают ораторским искусством, и в силу теперь косноязычность, холодный формализм речи или пресная изысканность салонной болтовни; между тем и у нас есть примеры влияния свободной речи – и у нас влияние Грановского, которое помнится до сих пор, пример Лассаля, удивительное искусство Тиндаля или Гекели указали на то, какое влияние имело и может и должно иметь ораторское искусство на распространение идей, на расширение и укрепление образования в массах, может и должно иметь на массы сила речи одного человека... Нет религий, которые распространялись бы исключительно путем брошюр, путем газет, печатного слова; и все секты даже теперь публичностью собраний, проповедями хотят заменить то недостающее, что замечается всеми ими без исключения, и я сомневаюсь, чтобы одним путем печати могло теперь, да и когда-либо, образоваться и сплотиться какое-нибудь религиозное общество, какой-нибудь союз людей, какое-нибудь братство, которое обнимало бы не десятки людей, а сотни и тысячи, а всех, возможно больше людей. Нужно

слово, нужна свободная речь, нужна горячая проповедь. И положение университета, чтений в нем лекций таково, что если не будет таких выдающихся в нем лиц, не будет хороших ораторов, университеты не будут иметь никакого влияния, университеты не будут служить тому, чему они должны служить, они не будут центрами, где бы охранялось искание правды, любовь к науке, прогрессу, человечеству, где бы возбуждалось и поддерживалось стремление к общей работе, сознание общей связи, близкой связи своей со всем человечеством. Наука одна, неразделенна, она дала и много даст, она не знает ни племен, ни сословий; она не знает и времени, так как в ней все преемственно переходит от поколения к поколению и память об этом ходе тщательно сохраняется. У нас таких людей нет, и они не являются. И мне кажется очень нехорошим занимать в университете кафедру, не обладая такой способностью... Одно только, что такие люди являются далеко не часто, их так немного. Энгельгардт именно такой человек, и, правду сказавши, я впервые встречаю человека, так цельно и полно выражающего этот тип. При виде его (больного – у него недавно было воспаление в легких, и теперь он себя чувствует не особенно хорошо) мне вдруг сделалось ясным, как много зла сделано всем, России, оттого, что такой человек был оторван от дела, ему сродного, и брошен в отдаленную глушь деревни. И мне сделалось как-то больно и жутко. Всюду, везде натыкаешься на одно и то же, на какое-то бессмысленное, непонятное глумление над людьми, ни для чего не нужное их угнетение, их связывание. Точно у России так много хороших работников и людей, что их можно давить, как лишних, ненужных, негодных. И как ни отвертывайся – всюду, везде видишь, как давят людей. И мне иной раз кажется, что я слышу, как под безжалостной пятой, в казематах, тюрьмах, по разным городам мест отдаленных и не столь отдаленных, среди блестящей обстановки благородных семей или бедной народной нищеты бюрократией давятся людские души. И мне точно слышатся стоны, слышится треск и стенание... И подумай, родная, сколько такого горя сделано и делается последние годы! Я помню одну немецкую легенду о белой даме, она дала завет девства и посвятила себя богу; запершись в часовне, она (в средние века) проводила дни в посте и молитве, прогоняла от себя как наущение злого духа желание быть матерью, необходимость детской любви, детской ласки, любви другого близкого человека. И много лет прошло, и она умерла, оставшись до конца верна своему обету, вокруг часовни, где погребено ее тело, раз в год слетаются с немим укором печальные тени; они всемером летают вокруг часовни – то семь детей, которых она должна бы иметь! если бы не дала и не исполнила своего обета... И они, бездушные, летают, не имея ни людских радостей, ни счастья, умерев, не живя. При всей ее наивности и такой чисто немецкой мечтательной слащавости эта легенда вспомнилась мне. Тут предо мной сидел человек, который бы породил своим примером, своим словом толпу учеников, его бы слово запало бы в душу не одного человека и не одного бы направило на ту дорогу, по которой шел он сам, шли другие до него и пойдут, будут идти всегда. И этот человек был брошен в деревню, глушь. Конечно, он и тут сделал, но то, что он сделал тут – очень мало по сравнению с тем, что он мог и должен был сделать. В самом деле, он поставил на хорошую ногу свое хозяйство и потратил на это 15 лет – а после него оно, верно, распадется, не будет идти, как должно идти; никто из помещиков ни здесь, ни в других местах не следу-

ет его примеру, да и он сам сознает, что будущность предстоит не таким хозяйствам, как его, а таким, в которых сам хозяин и работает. Его идеалом является интеллигентная деревня, где бы **семьи** интеллигентов, поселившись вместе в деревне, работали как простые крестьяне и своим примером, своей деятельностью направляли к лучшему и хозяйство крестьян etc., он проповедовал и словом и делом необходимость образования интеллигентных земледельцев – рабочих; к нему приходили молодые люди из разных мест и как простые рабочие работали на его землях – силы интеллигентов не ниже сил крестьян, их хватает для этого дела, но, научившись, почти все возвращались к прежней деятельности; наконец, с 1882 г., кажется, образовалась целая интеллигентная община, снявшая 100 десятин земли, но просуществовав всего 1½ года, она в 1884 г. распалась. И теперь около Энгельгардта ведет свое хозяйство только один человек из его учеников, но ведет хозяйство того же типа, какое ведется Энгельгардтом, и видит до известной степени в этих хозяйствах известную будущность. Энгельгардт не берет теперь к себе рабочих, но устроил так, что крестьяне берут их к себе в ученики-работники с платой от 3 до 15 руб. в месяц; таких работников всегда бывает летом несколько, но зимой все разбегаются. Энгельгардт остается зимой один в глуши, и он говорит, что чувствует тоску, которая гнетет и давит его. С 1884 г., после распада общины, он передал хозяйство своей дочери, а сам хотел заняться поездками по Смоленской губернии с целью изучения ее естественных богатств, но в первую же поездку, в том самом Несонове, его понесли лошади, чуть не убили, и последствия ушибов сильны до сих пор. И теперь он не может ездить так далеко. Мне кажется, что теперь он живет только фосфоритами, только это и поддерживает его – и все-таки это дело он начал в 1867, и оно было насильственно прервано его ссылкой, причем были **уничтожены** все им собранные коллекции – потеря невознаграждаемая; если, как это кажется, дело имеет будущность, оно было отсрочено на много лет. В Смоленской, да и в других губерниях много земель, заросших мелким леском и т. п., земель, которые дают урожаи ржи сам-1–2, и своего хлеба крестьянам не хватает, между тем как при заправке тех же почв фосфоритной мукой с той же десятины зерна получается в 3 раза более (сам-6–7), следовательно, можно надеяться, что этим будет достигнуто то, что крестьяне будут иметь свой хлеб, не будут в этих местах чуть не умирать с голоду и всякое лето перебиваться невозможной вредной пищей. Это дело теперь только начинается и идет при сильной борьбе с целой массой противников, (между прочим, чиновниками министерства государственных имуществ), но результаты на десятинах, удобренных фосфоритом, у Энгельгардта видны всякому и удивительны.

Надо кончить; до следующего раза. Целую тебя крепко, много раз. Что ты делаешь? Что маленький? Что Маша¹ и пр., и пр., так и хочется завалить тебя вопросами, так хочется скорее быть вблизи тебя. Поклон всем твоим. Писала ли ты маме – я ей смог отправить всего одно письмо, она, верно, сильно беспокоится.

Твой Владимир

Д. 34, лл. 6–8.

¹ М.С. Гревс.

7 июня 1887 г., Несоново

7 июня 1887, Несоново

Дорогая моя Натуся, пишу тебе сегодня после довольно утомительной экскурсии – промочил меня дождь здорово, насквозь, да и лазить пришлось порядочно – на один глинистый обрыв сажен 10, а может быть, и больше влез, да и кубарем оттуда и скатился, картина, должно быть, была оригинальная; хорошо, что мягкая глина, не больно, но зато кое-что и интересного и нового увидел там. Завтра надеюсь получить от тебя письма и хоть что-нибудь узнаю о тебе, а если получу их не завтра, то послезавтра уж наверное – ведь ты мне писала в Смоленск – да?

С Энгельгардтом, хотя я пробыл у него всего день, я говорил много и об общем, и о нем, и о себе, и о деле – как-то все выходило с ним просто и хорошо. Он знал моего отца и был сотрудником в издававшемся им журнале; встретил он меня, как я и писал, чрезвычайно радушно и дал все необходимые мне указания, массу рекомендательных писем в разные концы Рославльского уезда. Разговоры у нас велись самые разнообразные.

8, июнь

Вчера не докончил писать – и сегодня со мной беда, дал высушить свои сапоги, а мне их сжарили! нельзя надеть, придется завтра ехать в Рославль и купить там какие ни на есть. Нельзя сказать, чтобы это было приятно – уж больно хорошие были сапоги.

До сих пор экскурсия не неудачна, хотя мне довольно трудно ориентироваться во всем, что приходится видеть, но, надеюсь, что я справлюсь с течением времени. Что ты, моя родная голубушка? Думаешь ли ты обо мне, что читаешь, с кем споришь, говоришь? Мне хочется все, все знать [...]

С Энгельгардтом говорил я, между прочим, и об издании популярных книжек для народа по сельскому хозяйству, он говорил, что стар, что найдутся другие, которые напишут без него, что ему страшно трудно писать, он подумывает писать записки – они должны быть интересны, потому что ему много интересного пришлось видеть. Мне, пожалуй, давно не приходилось вести такой массы общих разговоров и споров об общих вещах, как здесь, – с Энгельгардтом, Мертваго, с сыном Энгельгардта – ботаником. Это очень неглупый малый, много читающий, работающий – по воззрениям напоминает Лельку¹, большой поклонник Спенсера и Золя. С ним у нас споры бывают довольно частые. Живу я теперь у помещика Мясоедова, первого начавшего разработку фосфоритов, он старается нас угощать елико возможно и, к ужасу моему и моего спутника, все утешает нас, что покуда он один, но что нам не будет скучно – приедут гости и его «барышня» (так называет он свою дочь); сегодня приезжает его двоюродный брат – живописец, который будет рисовать здесь картину. В общем Мясоедов – тип помещика, *bon vivant*, любит много и громко говорить о чем угодно, гостеприимный и скупой в одно и то же время, самоуверенный.

Надо кончать, так как сейчас идет почта. Завтра еду в Рославль и, думаю, там найду письмо [...] Целую тебя крепко, крепко. Поклон всем твоим.

Твой Владимир

Д. 34, лл. 9–10.

¹ Лев Александрович Оболянинов.

№ 26

10 июня 1887 г., Несоново

Несоново, 10 июня 1887

Дорогая моя Натуся, вчера ездил в Рославль и только вчера получил там твою первую записку от 5 июня. Сегодня, сейчас я отправляюсь в окрестности Несонова и вернусь, должно быть, только к вечеру. Погода стоит невозможная: дожди, холод, так что очень неприятно и трудно экскурсировать, особенно среди глинистых и других подобных отложений. Покуда результатами похвалиться не могу.

Ты меня спрашиваешь, как я отношусь к жизни вместе с Гревсами, я ничего не имею против этого, и даже мне хочется такой жизни. Не то, чтобы я видел в этом что-нибудь особенное, нечто в виде следствия идеи братства¹ и т.п. – вовсе нет, а потому что это будет во многом лучше и удобнее. Я думаю, что люди должны в конце концов жить по-братски, более близко друг к другу, чем теперь живут, но я не могу совсем заметить подобных последствий братства в жизни Гревсов с Ольденбургами. Это просто две семьи, более дружные между собой, которые зажили вместе; в семьях родных или близких мы встречали подобное сожителство всегда, и мне кажется неверным, что Сергей выставял подобную жизнь как нечто совсем особенное, страшно важное, исполнение идеи братства на деле. Такое увлечение кажется мне крайне вредным, так как оно суживает идею братства и прививает ему все дурные стороны секты или семьи. Не в соединении одного, другого, очень близких друг к другу семей, а в отсутствии семейного эгоизма, в отсутствии противопоставлений интересов чужих семей, чужих лиц – интересам своей семьи состоит настоящее братское чувство. Братство должно охватывать возможно больше людей, оно **должно** развивать чувство терпимости к другим людям, должно развивать стремление находить в них хорошие стороны и не отталкивать, не бросать комком в человека, с которым приходится встречаться и с которым не вполне соглашаешься. А между тем общая жизнь Гревсов и Ольденбургов делала только то, что такое семейное чувство охватывало вместо 2-х людей – 4-х людей и не прививало им никаких лучших отношений к людям; я вижу и чувствую большую опасность в подобного рода устройстве жизни; больше всего на свете боюсь и не хочу я секты, я не хочу и считаю страшно гадким известное себя превознесение, самодовольство, которое у нас развилось и которое всегда является следствием подобного устройства. Итак, не считая жизнь вместе осуществлением идеи братства, сомневаясь даже, что так мы приближаемся к этой идее, я все-таки хочу и могу жить вместе с Грев-

сами. Хочу я вот почему. Такая жизнь будет значительно, гораздо дешевле, тогда как никаких жертв, может быть, опасных для необходимых санитарных условий жизни, делаться не будет – это условие, крайне и крайне важное. Во-2-х, при этом будет тратиться гораздо меньше времени при сношениях с людьми и возможно устроить более близкие отношения между некоторыми людьми, которые должны *coûte que coûte*² сойтись; в-3-х, при общей жизни легче и свободнее становится положение каждого члена, в-4-х, при известной необщительности Гревсов трудно было бы поддерживать с ними такие же отношения, какие были теперь: у Ивана – экзамен, у Маши – школа и ребенок...

Но, однако, есть кое-что, что заставляет обдумывать это дело: 1) отношение твоих, и не причиним ли мы им этим большого горя, не вызовет ли это большего отчуждения, особенно если такое наше сожителство будет выставляться как нечто особое от семьи, более важное, во-2-х, я боюсь, что у тебя не хватит сил ухаживать за 2-мя детьми; особенно если у нас будет ребенок в середине августа, а Маша начнет ходить в школу в середине же августа; эта причина для меня страшно важная, и я думаю, что и ты не должна смотреть на нее так, как ты смотришь до сих пор; кроме маленького, твое здоровье и бодрость нужна для нашей общей жизни, а я думаю, что ты вполне приобретешь здоровье, если не будешь вначале сильно утруждать себя, и вполне потеряешь его, если сейчас же начнешь непосильную работу, а такой уход в связи с кормлением – работа тяжелая, в твоём здоровье – мое счастье, и я думаю, что едва ли могу приносить я его в жертву Машиным фанабериям; наконец, если так устроится – у меня относительно Маши будет неприятное чувство, и, я думаю, будет оно и у других. Наконец, я не чувствую себя вправе ни перед твоими, ни перед матерью удаляться опять так далеко. Крепко, крепко целую тебя, родная. Надо ехать. Маме своей не успел написать. Напиши, поклон всем твоим.

Твой Вл.

Д. 34, лл. 11–12.

¹ «Братство» – студенческий кружок очень близких друзей, искавших совместно смысл и цель жизни. Уже на втором курсе В.И. Вернадский познакомился с будущими членами «Братства». Это были студенты различных факультетов Петербургского университета: братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги (востоковед и филолог), А.А. Корнилов, И.М. Гревс (историки), Д.И. Шаховской (историк и литературовед), Н.Г. Ушинский, А.Н. Краснов (биологи). В 1884 г. в кружке было 10 человек. К названным выше прибавились: Л.А. Обольянинов, С.Е. Крыжановский. А.А. Корнилов вспоминал впоследствии о кружке: «Связь наша сделалась тесной дружеской связью – даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам, у Ольденбургов и иногда засиживались далеко за полночь и даже раза два до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности» (*Корнилов А.А. Воспоминания о юности Ф.Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. № 8. С. 56*). Члены кружка, помимо составления рефератов и обсуждения их на заседаниях, стремились к практической деятельности. Ими была создана Группа для изучения народной литературы. Члены «Братства» поддерживали дружеские связи в течение всей их жизни.

² Во что бы то ни стало, любой ценой (фр.).

12 июня 1887 г., Несоново

Несоново. Июнь 12, 1887

Дорогая моя Натуся, нельзя, однако, сказать, чтобы ты баловала меня своими письмами, до сих пор я получил всего одно письмо от тебя, посланное 5 июня, а с тех пор нет от тебя ни слуху, ни духу. Пиши, хоть немного (адрес: ст. Ивановская, Орловско-Витебской ж. д., Константину Васильевичу Мясоедову, для передачи В. Вернадскому). Сегодня отправляюсь из Несонова на экскурсию и вернусь только дней через 5–6. Надеюсь, что к этому времени я застану от тебя какое ни на есть письмецо. Эти дни все я ездил на целый день: уезжал утром, возвращался вечером. Не могу сказать, чтобы эти экскурсии дали мне много; они скорее дали очень и очень мало, и отчасти виною этому ужасная дождливая погода, крайне неблагоприятная для экскурсий.

Езжу я вместе с сыном Энгельгардта – ботаником, но мы ездим, если хочешь, с большими удобствами, но зато массу времени теряем даром: живя у помещика, невольно приходится выезжать позже, ждать обеда etc. В последние дни мы предпочитали поэтому выезжать на целый день.

В прошлом письме я писал тебе то, что думалось, о жизни нашей вместе с Гревсами, я ничего не говорил относительно одного – воспитания ребенка; здесь ты думаешь, что общая жизнь поможет нам, я, со своей стороны, сильно сомневаюсь в этом. Дело в том, однако, что мы проживем вместе с Гревсами едва ли больше года, а это время особенно важным для жизни педагогической ребенка быть не может. Ни в педагогические способности Саши Ольденбург, ни Маши я веры не имею, я думаю, что больше всех нас об этом знает и думал Иван, но он слишком резко судит в таком деле, которое надо вести слишком осмотрительно, так как, в сущности, многих основ здесь научных нет. В таком деле, где нужна такая осторожность в применении вычитанного из книг, я не считаю особенно полезным пример людей, которые, подобно нам, ниоткуда, как из книг, извлекать своих знаний не могут. Притом когда эти люди бесспорно хорошие, умные, обладают некоторыми субъективными качествами, которые заставляют опасаться за прямолинейность и верность такого применения; относительно Ивана я распространяться не буду, так как ты относительно него, мне кажется, делаешь неверную оценку, и мы не раз с тобой об этом говорили. Педагогических способностей Саши Ольденбург я не знаю и ты не знаешь; ее аккуратность (если она есть) теперь никакого значения не имеет; правду сказавши, мне очень не понравились ее письма к Маше, и мне казалось, точно она искусственно возбуждает себя, (чтобы) приноровиться к мужу и Маше. Ну, да не в этом дело. Относительно Маши мы говорили, да притом со своей школой она едва ли будет добросовестно исполнять обязанности матери. Всякая работа над ребенком, всякое нововведение можно применять на нем только тогда, когда уверен вполне в его полезности и необходимости; здесь, кажется мне, меньше, чем где-либо, можно делать уступки; каждая уступка, которая не кажется тебе лично неизбежной для блага ребенка, не может быть применена к нему. Я положительно чувствую, что не соглашусь сделать что бы то ни было относительно ребенка, в полезности чего я не уверен, хотя бы все близкие и знакомые, Иван и Маша стояли за то, что это надо сделать. Относительно себя etc. я уступлю, а здесь я уступать считаю себя не вправе. Относительно Ивана я не боюсь, потому что он много

знает и он может мне доказать мою ошибку, если она есть, с ним можно спорить на основании фактов, я не знаю, можно ли это и легко ли это с Машей, которая действует и думает больше по чувству, причем чувство ее очень сильное, делает ее очень односторонней: погнавшись за одним, она упускает все остальное, она прямо неспособна, занимаясь одним делом, понимать и другие. В этом есть и хорошие, и дурные стороны: это обыкновенная черта цельных, нервных натур, но черта эта очень страшна в таком деле. Вот почему я так скептически отношусь к полезности жизни вместе с Гревсами для лучшего воспитания ребенка. Может быть, я ошибаюсь, но я это пока считаю очень и очень вероятным. Я заметил уже, что не считаю вред, который может произойти, особенно сильным, так как первый год ребенка не так уже важен и потому, что думаю, что здесь сильно, так чтобы чувствовалась горечь, мы расхотеться с Иваном и Машей не станем. Влияние Саши Ольденбург я желал бы для своего ребенка меньше, чем чьего бы то ни было; я гораздо больше хочу влияния Маши, если уже это влияние необходимо, а считаю лучше, больше всего хочу твоего и своего влияния и не понимаю, что может быть тут дурного и нежелательного.

Крепко, крепко целую тебя, родная. Пиши же, а то я беспокоюсь. Поклон всем твоим. Так мало здесь времени, что едва успеваю писать. Здесь гостит замечательно симпатичный человек – художник Мясоедов, о котором напишу позже и с которым много разговариваем. Толстой и Фрей преследуют меня и здесь. Что мама – от нее нет ни письма.

Твой Владимир [...]

P.S.¹ Все забывал послать тебе список книг для мальчиков; но здесь, к сожалению, составить его очень трудно. Приблизительно: **Липинский**: Погода² (сам не читал – говорят, хорошая), **Фигье**: Жизнь насекомых³, **Фриккен**: Определитель жуков⁴, **Корш**: Определитель насекомых⁵, **Степовик**: О вредных и полезных насекомых⁶. По зоологии лучшие: **Брем**: Жизнь животных⁷. Русских определителей грибов (кроме «Карманной книги для любителей грибов»), мхов нет; **Постель**: Определитель растений⁸, **Фигье**: Жизнь растений⁹ (из русских все-таки лучшее), **Сорокин**: Пресноводный аквариум¹⁰; **Герд**: Определитель минералов¹¹.

Д. 34, лл. 13 – 14.

¹ Приписка сделана слева на полях л. 13.

² О какой книге идет речь, установить не удалось.

³ *Фигье Луи*. Жизнь насекомых. СПб.: Ред. журн. «Всемирный путешественник», 1869.

⁴ *Фриккен Вильгельм*. Карманная книжка для собирателей жуков / Пер. с нем. М. Мелиоранского. СПб.: И.И. Паульсон. 1884.

⁵ О какой книге идет речь, установить не удалось.

⁶ *Комаров А.Ф.* [Степовик О.]. Общепонятные рассказы о полезных и вредных насекомых: Пер. с малорус. Харьков: Тип. окр. штаба. 1882.

⁷ *Брем Альфред*. Иллюстрированная жизнь животных: Всеобщая история животного царства. Пб., 1866–1880. Т. 1–6.

⁸ *Постель Эмиль*. Для ботанических экскурсий: Карманный определитель сосудистых растений, как дикорастущих, так и разводимых / Пер. с нем. М. Мелиоранского. СПб.: И.И. Паульсон, 1875.

⁹ *Фигье Луи*. Жизнь растений. СПб.: Ред. журн. «Всемирный путешественник», 1870.

¹⁰ О какой книге идет речь, установить не удалось.

¹¹ *Герд А.Я.* Определитель минералов. СПб.: Д.Д. Полубоярников, 1885.

17 июня 1887 г., Бельская

Бельская, июнь 17, 1887

Дорогая, родная моя Натуся, вот уже несколько дней, что я не писал тебе, и, кажется, так давно, так страшно («ужасно, ужасно») давно я не получал от тебя, моя голубушка, ни строчки. И правда, я получил от тебя всего одно письмо; надеюсь завтра или послезавтра, когда вернусь в Несоново, застаю там от тебя весточку. Минутами мне очень страшно, и я пеняю на себя за то, что уехал и оставил тебя одну [...] Мне так хочется скорее быть с тобой, хочется скорее видеть тебя, слышать твои умные речи – так хочется скорее покончить эту экскурсию. А между тем я, вероятно, буду ездить до середины июля и не раньше 15-го буду в Питере – еще, значит, целый месяц! Ужасно тяжело то, что ты так редко, так мало пишешь мне – что я ровно ничего ни о чем, что ты делаешь, как себя чувствуешь, не знаю, и поневоле иной раз приходят самые скверные мысли.

Теперь я вот уже 4 или 5 день выехал на экскурсию из Несонова и был в целом ряде деревень и сел в юго-западном углу Рославльского уезда; общий обзор этой, наиболее для меня важной, местности я окончу завтра или послезавтра и приеду в Несоново, откуда на другой день выеду дальше для осмотра юго-восточной части.

Пока все еще результатов получается меньше, чем ожидалось, и теперь вопросы начинают намечаться, и, думается мне, на многие можно будет ответить после лабораторных испытаний. Только бы хорошенько провести эти последние, но этого я ровно, совсем, не знаю, смогу ли, потому что слишком вдаюсь в частности и хочется слишком обширно завладеть предметом. Рождается здесь на месте масса вопросов о происхождении фосфорита, о тех процессах, какими он вызван, и какие процессы происходили в этой местности: здесь еще интересны кое-какие новейшие образования и удивительная масса археологических остатков.

Вот 2-й раз уже мне приходится быть в стране, где пробудился интерес к тому, чтобы узнать, что под землей, где чувствуется недостаток в одной земледельческой культуре и хотят найти какие-нибудь другие источники существования. Край здесь глухой, народ бедный, малоразвитой; земля выпахивалась сотни лет – эта местность одна из древнейших, заселенных русскими, и теперь отказывается давать достаточно хлеба, его не хватает на пропитание и приходится покупать. Очевидно, здесь плохи условия культуры, и вопрос состоит в том, будут ли в состоянии крестьяне ввести необходимые улучшения для культуры, я думаю, что здесь несколько меньшее, более временное, значение имеет количество земли, предоставленное крестьянам для запашки; эти вопросы, по всей видимости, сильно возбуждаются и в умах самих крестьян; очень многие из них пробуют удобрять фосфоритом, и в общем результаты получаются удовлетворительные. Когда едешь по деревням, всюду встречаешь самый радушный прием, все показывают, стараются, что возможно, узнать, просят, чтобы у них посмотреть хорошо: мы-де люди темные, а может, нам будет счастье; когда начинаешь работать, обыкновенно собираются крестьянские ребятишки и все указания даются с охотой, при этом, однако, стараются охаить то, что находишь у их соседей. Народ здесь темный, школ мало,

и девочки в школах вовсе не учатся: засмеют на селе, если «девка» станет учиться грамоте: ребятишки, однако, попадаются очень интеллигентные, читают с охотой. По-видимому, и здесь начинается брожение какое-то; дурные (дела) вызвали стремление узнать, что это вызвало, и ум начинает шевелиться. Уезд этот, кажется, главным образом помещичий, южная часть, по крайней мере; здесь сохранились многие старые помещики, но среди интеллигентов встречаются очень интересные типы. Я познакомился, между прочим, со священником в с. Новоселках, отцом Андреем; это очень интересная, симпатичная личность. Поборов с крестьян, по их рассказам, он не делает никаких, от бедных за требы ничего не берет, назад возвращает, от остальных берет, что дадут; в поле работает сам и плугом пашет лучше всякого крестьянина, он благотворителен, и крестьяне очень его любят, живет просто и даже бедно. Благодаря его энергии устроился здесь отдел «Общества улучшения народного труда», которого он состоит председателем; устроилась школа (судя по ученикам, которых я видел в деревнях, должно быть, идет прекрасно), и в эту школу ученики повалили; там до 90 человек; дети о. Андрея учатся там же. Но школа, по его мнению, никакого значения одна иметь не может; учитель должен быть в то же время и земледельцем, он должен на том же наделе, что и крестьяне, на 4 десятинах вести хозяйство улучшенным образом, прилагая все возможные указания науки, и так увеличивать в глазах крестьян значение науки (по словам о. Андрея), и в то же время школа должна помогать крестьянам в их бедах, должна войти в их жизнь. Для этого ему удалось отделить из церковной земли 4 десятины, которые должны были идти на него, и устроить, таким образом, образцовую ферму, это дело только что начинается, и еще трудно сказать, как пойдет, но очень важное, и ты понимаешь, как оно для меня интересно. Для школы ввиду недостатка здесь леса, обилия глины и пожаров о. Андрей выстроил здание из глины, глинобитную постройку, причем работал над ней сам, один, иногда с помощью одного крестьянина. Выучился глинобитной постройке по книгам; так же научился делать черепицы и приготовил их из глины сам. Его сын и племянник работают как простые крестьяне. Во всяком случае поп очень и очень интересный, и как-то легче делается, когда встречаешься с такими, как он, типами. К нему помещики относятся то насмешливо, то недоумевающе. Я буду с ним переписываться по возвращении в СПб.; такие люди нужны. Другой интересный, редко мне симпатичный человек, художник Мясоедов; с ним много говорили, и, между прочим, недавно был у нас длинный разговор о семье. До другого раза. Около 6 часов утра, мне в 8 надо выехать, а еще много писать своих наблюдений. Целую тебя крепко, крепко. Пиши, ради всего святого. Поклон всем твоим. Что Маша?¹ Напиши маме хоть 2 слова, что получила от меня письмо. Пиши, моя рыбка. И не забывай твоего совсем Владимира [...]

Д. 34, лл. 15 – 16.

¹ М. С. Гревс.

№ 29

20 июня 1887 г., Несоново

Несоново, 20.VI 1887

Дорогая, родная моя Натуся, пишу второпях, несколько слов, потому что сейчас едут на почту. О Васе¹ я писал вчера². Теперь завтра уеду опять на долго в Кочеву и на Ипать к границам Черниговской и Могилевской губерний, так что решительно не знаю, как и когда могу писать; не беспокойся, если не будет долго писем; буду писать при первой возможности. Целую тебя крепко, крепко, крепко. Береги себя. Пиши и не забывай своего Владимира.

P.S. [...] Поклон всем твоим; напиши моей маме.

Д. 34, л.17.

¹ Василий Васильевич Водовозов. В 1880-е годы примкнул к революционному движению. В 1886 г. за издание в литографированном виде работ Шеффле «Сущность социализма» и Туна «История революционных движений» был арестован и сослан на 4 года в Архангельскую губернию. В письме от 13 июня 1887 г. Н.Е. Вернадская писала: «Напишу тебе только два слова, чтоб тебе сказать, что Вася будет скоро в Смоленской губернии, на зиму он должен ехать в Архангельскую губернию. Вот страшно за его здоровье. Пишу тебе скорее об этом, чтоб ты постарался его увидеть непременно...» (ф. 518, оп. 3. д. 253, лл. 13–13 об.).

² Письмо не сохранилось.

№ 30

21 июня 1887 г., [Несоново]

21 июнь, 87

Родная моя Натуся, пишу несколько слов, приехал сюда еще один геолог – Кудрявцев, и мы несколько изменили маршрут; мы объедем с ним опять прежние места и затем поедем в Брянск. Поездку на Ипать отложил дня на два. Пишу тебе несколько слов, так как сейчас выезжаем в Бутырки. Ты спрашиваешь, когда окончу я свою поездку. Я хочу 16–17 июля быть в Питере и сообразно с этим и буду ездить; здесь окончу все около 8–9 июля, а потом съезжу к Васе¹, Энгельгардту, в Вязьму. О Васе напиши **скорее**, говорили ли с его матерью – у него я могу быть около 10–12 июля. Экскурсию не могу счесть особенно удачной, какая-то в голове невообразимая кутерьма; массу времени приходится терять даром. Целую тебя крепко, крепко. Береги себя. Пиши.

Твой Владимир

P.S. [...] Поклон всем твоим.

Д. 34, л. 18.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 29.

№ 31

22 июня 1887 г., Несоново

Несоново, 22/VI 87

Дорогая моя Натуся, моя маленькая рыбка – все писать тебе приходится короткие письма, так как все едва-едва успеваешь написать до почты. Маме я давно уже не писал, но думаю, что она с тобой виделась и знает, не беспокоится про меня. Вот уже 2 почты, а от тебя нет ни слуху, ни духу. Может быть, моя дурочка сообразила, что если я ей пишу, что дней 5 не будет от меня писем, то и ей не надо писать – письмо не застанет меня. Но ведь письма идут 4–5 дней, и как раз ей надо писать. Или ты нездорова, чувствуешь себя нехорошо? Я все колеблюсь между этими 2-мя версиями и не знаю совсем на какой из них остановиться. Теперь я сейчас отправляюсь на экскурсию с Н.В. Кудрявцевым, о котором я тебе говорил в СПб., я сперва покажу ему здешние юрские отложения, а потом проеду с ним в Брянск, где он мне покажет типичные меловые отложения.

Вчера простился с Гр.Гр. Мясоедовым – художником. С ним мы очень сошлись, и я просил его быть у нас, когда он осенью приедет в СПб. Это человек очень подходящий и близкий нам по воззрениям, что крайне редко мне случалось (а и случалось ли?) видеть в человеке его возраста. Мы с ним много говорили, между прочим, про воспитание, про необходимость и важное его значение, про трудность: Он мне многое рассказывал из того, что ему приходится видеть в своем маленьком 5–6-летнем сынишке. Личное его желание, чтобы сын сделался садоводом (он и сам страстный садовод), так как таким образом он меньше живет на счет других, совсем, совсем даже почти не живет; он не хочет, чтобы он был чиновником, чтобы так или иначе служил государству. Передо мной так и воскресли мои мысли о фермерской жизни в тропической Америке, далеко от скверных форм государственной жизни. Требуют письмо. Целую тебя крепко, крепко. Береги себя. Следующее письмо напишу из Брянска. Завтра еду опять к о. Андрею. Пиши, ради всего святого, моя маленькая Туття. Поклон твоим. Маме никак не успеваю написать.

Твой Владимир

Д. 34, лл. 19–20.

№ 32

23 июня 1887 г., Брянск

Брянск, 23 июня 1887

Дорогая, родная моя Натуся; сегодня от тебя опять не было письма; по дороге в Брянск я заезжал на станцию в Ивановку, думая застать от тебя письмо, но там его не было. Моя Туття стала что-то не особенно аккуратной.

Все это время, когда приходилось заполнять прорехи, сделанные во время первоначальной экскурсии, масса времени теряется и уходит даром, и иногда как-то невольно становится совестно, что так плохо умеешь распоряжаться временем, беречь его. Прорех в моих работах много; частью прямо неуменье

располагать хорошо экскурсией, часто неполнота моих знаний, особенно для меня чувствительная; все это заставляет меня сильно сомневаться в результатности моей экскурсии, и теперь мне представляется вся надежда на лабораторные занятия в СПб. Я вообще сильно сомневаюсь в своих научных способностях, и эта работа явится пробным камнем, который позволит решить мне, способен ли я или нет сделать какую-нибудь научную работу. До сих пор наблюдениями своими в поле я решительно недоволен, и мне кажется, сделал свое дело плохо. А поправить очень и очень трудно. Едва ли можно даже поправить; не говоря о недостатке времени, поправка потребовала бы и средств, значительно больших, чем те, которые отпущены мне Вольным экономическим обществом; она заставила бы меня захватить и больший район – поехать в Орловскую губернию; и теперь я сижу в Брянске, в губернии Орловской – здесь я на очень ненадолго; мне просто интересно было видеть более мощное и правильное развитие тех самых слоев, какие видел я в Рославльском уезде, и с этой точки зрения я доволен, так как многое мне она, думается, объяснит. О своей экскурсии я переписываюсь с Энгельгардтом – тот, по-видимому, по крайней мере в начале, был доволен моими результатами, но, по моему глупому характеру, его письмо вместо ободрения или самоудовлетворения вызвало больший критический анализ, какое-то неприятное чувство – сознание, что он неверно понял меня и считает работу лучшей, чем она есть. Мне как-то не хотелось писать ему об этом, и я в следующем письме написал ему сводку моих следующих выводов со всеми ограничениями и сомнениями, какие они вызвали. Он пишет мне, что я сделаю хорошую работу, а я чувствую, что у меня выйдет очень, очень скверная работа; он советует мне взять эту работу магистерской¹, а я думаю, что и для отчета Вольного экономического общества она едва ли годится. Меня несколько успокаивает только то, что многое улучшение находится не в моей воле и невыполнимо при тех средствах, какие отпущены на экскурсию Вольным экономическим обществом. Другое, что мне неприятно, это то, что много времени ушло даром, и кажется, будто я сознательно, из лени, нерадения, много потерял его. Я думаю еще из Брянска съездить в Кочеву и Ипуть (что возьмет дней около 6), затем опять хорошенько осмотреть Несоново, некоторые его окрестности и затем, буде останется время, проехать к Десне, так что числу к 8 я выеду к Васе*,² около 11 буду у Энгельгардта и затем к 16 или 17 вернусь в Питер и увижу мою маленькую. Переедешь ли ты 15-го или еще нет?³

Ужасно, что у Маши так долго нет ничего⁴ – неужели доктора ошиблись на целый месяц, ведь это очень странно; но постарайся как-нибудь меньше думать об этом и меньше этим волноваться. Скорее бы, скорее бы это все кончилось, моя родная, бедная Туття [...] О чем ты теперь думаешь, как ты теперь себя чувствуешь, что ты делаешь – мне все это непременно хочется знать. Я чувствую, что буду сильно беспокоиться, когда не буду получать о тебе писем; завтра и, может, сегодня вечером получу еще их, а после почти целую неделю не будет ни одного, совсем ни одного письма от тебя. Ты пиши мне по прежнему адресу, только не выставляй на них Несоново, потому что я не знаю, буду ли я там или в другом имении Мясоедова – в Бутырках, а отправлять надо все на ту же станцию Ивановскую.

* Ничего ты не пишешь про него!

Письмо Шаховскому я все так и не кончил, совсем, совершенно забыл о нем и только недавно, случайно, нашел его, и мне хочется кончить его, но не хочется отправлять, пока ты не прочтешь его. Меня очень радует перемена с Катей⁵, мне очень и очень жаль ее было, и, правду сказавши, наряду с этим связывалась горечь сознания, что не она виновата, а виноваты близкие мне люди. Нередко являлись мысли, не виноваты ли самые основы жизни нашей, наши принципы. И делалось жутко, и страшно становилось при мысли о том, через сколько жертв приходится переступать для достижения в будущем чего-то, кажется, хорошего и нужного. Это выходит нечто вроде цели, оправдывающей средства, нечто вроде тех «железных» законов, о каких любят толковать иные люди, хорошо сумевшие соединить непримиримое. Но мне все не верится в то, что исход, который представляется тебе таким вероятным и которого хочет Н. Фед.⁶, действительно хорош для Кати. У меня прямо как-то на душе кажется, что этот исход не удовлетворит их обоих, и очень, очень жаль, что Маша и Иван⁷ повлияли тут. Это, по моему мнению, очень большая ошибка, следствие известной узости их мировоззрения.

Я делаюсь решительным пропагандистом известных отношений, более близких и братских. Теперь ееду с Н.В. Кудрявцевым, и мы с ним о многом говорили, говорили просто и тепло о близких нам людях, о семье, о всем том, что обыкновенно скрывается и скрывать чего я считаю, и все более в том убеждаюсь, одной из скверных сторон теперешнего устройства семьи. Для меня начинает выясняться необходимость такого общества и журнала, который был бы посвящен вопросам воспитания, где бы сходились люди, большей частью родители, и могли бы знакомиться как с обоюдным опытом, так и с теми данными науки, которые теперь все более и более начинают проясняться. Если не ошибаюсь, такое общество существует, и мне очень бы хотелось узнать о нем; эти знания больше всего теперь необходимы, и я все более и более убеждаюсь, что не мы одни их чувствуем, а что ту же потребность (чувствуют) и многие другие хорошие лица, и мне устройство подобного органа и общества кажется одним из важных средств улучшения самой семьи. Слишком мало у нас обращали внимания на подобные задачи и слишком мало обдумывали те средства, какие есть для лучшего устройства семьи и лучшей постановки семейного воспитания. Вот хорошо бы и создать такой орган, все органы вроде «Женского образования»⁸ мне не нравятся, они, по моему мнению, слишком узки, педантичны, в них нет живой мысли, философской жизни. В них как-то все вяло и сухо. Очень может быть, возможно присоседиться к какому-нибудь из этих органов, но еще лучше, если попытаться начать издавать небольшой, дешевый журнал, посвященный вопросам образования и воспитания. Об этом надо серьезно подумать. Напишу подробнее позже. Целую тебя крепко, крепко, моя родная Туття. Как ты себя чувствуешь, моя маленькая. Пиши и не забывай твоего Владимира.

От мамы я давно не имею писем. Что с ней? [...]

Д. 34, лл. 21–23.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 14.

² См. комментарий № 1 к письму № 29. Очевидно, письма, в которых Н.Е. Вернадская писала о Водовозове, пропали, так как в письме от 3 июля она писала: «Про Васю ты уже вид-

но получил мои письма (ты спрашиваешь, когда он выехал), он должен был выехать 1-го или 2-го» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 31 об).

³ В письме от 5 июля 1887 г. Н.Е. Вернадская писала: «Мы решили не переезжать раньше 1-го августа, так как погода тут чудная, да и будет все, наверное, не раньше августа. Если ты приедешь, как предполагаешь в этом письме, 17-го, мы с тобою и с мамою вместе и переедем...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 33).

⁴ В письме от 27 июня 1887 г. Н.Е. Вернадская писала о М.С. Гревс: «Получила утром телеграмму от мамы: Поздравляю с племянницей, Маша здорова» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 24).

⁵ Возможно, Екатерина Сергеевна Кавос (урожденная Зарудная).

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ М.С. и И.М. Гревс.

⁸ «Женское образование. Педагогический журнал для родителей, наставниц и наставников», издателем-редактором которого был Василий Дмитриевич Сиповский, выходил в С.-Петербурге с января 1876 г. по 1891 г.

№ 33

25 июня 1887 г., Бутырки

Бутырки, 25.VI 1887

Дорогая, родная моя Натуся, я сижу в Бутырках, и с утра, не переставая, монотонно идет дождь, и я не могу двинуться с места. Вчера, третьего дня была такая чудная, теплая, летняя погода, а теперь этот дождь положительно не дает ни малейшей возможности какой-нибудь работы; он наводит на меня какое-то оцепенение, тоску, бессильную злобу. Так хочется скорей все кончить, так хочется скорее быть с тобой, так досадно даром терять время, а между тем я наверное даром, совсем даром, потерял целую неделю из-за дождя... Вчера, наконец, получил еще весточку от тебя, мой голубчик, рыбка моя, и обрадовался ей; а все-таки беспокоюсь о тебе, а все-таки как-то легче, как-то спокойнее мне будет, когда буду возле тебя [...] И тут терять еще один день, целый день! Это положительно несносно! Я не мог сперва заставить себя чем-нибудь заняться и только теперь как-то успокоился, подчинился – а нет ничего неприятнее, хуже, как подчиняться чему-нибудь сильнее тебя. Я понимаю, что легко и возможно подчиниться чему-нибудь, что в твоей власти или что слабее тебя, но нет ничего хуже, неприятнее, тяжелее, как подчиняться, преклонять голову перед чем-то таким, что неизмеримо, гораздо больше, сильнее тебя. Это самое злое унижение, самая постыдная, тяжелая неизбежность. И тут так скорее хочется бороться с ней, с этой далекой, мощной природой, обезопасить себя от ее бесцельных, но смелых случайностей. И в этом интерес научной работы, тот огонь, который часто заставляет все приносить в жертву науке. Не преклонение перед ней, не восхищение ее псевдо-закономерностями, а понимание, а получение возможности известным, мне желательным образом координировать ее явления, изменять и перестраивать их по своему плану и желанию. В этом большая прелесть научных знаний, отдельных опытов, наблюдений на месте. Но теперь мне (не) хочется писать тебе об этом; мне хочется написать тебе о тех выражениях, которые проскальзывают в том или другом письме твоём и, между прочим, в последнем, мною вчера полученном (от 21/VI). Ты пишешь, что ты была часто гадкая зимою, что я знаю, что ты часто была нехорошей, и т.п. Этого я не знаю. И мне кажется, что ты совсем напрасно рисуешь себе такие картины, которых никогда не

было, придаешь слишком много значения каким-нибудь мелочным, совсем, совсем никому, кроме тебя, незаметным «грехам» вроде лишней конфетки, какую съела Туття, лишней слезинки, которую пролили ее глазенки по какому-нибудь чрезвычайно важному и серьезному поводу... Где эти грехи, где эти случаи, когда моя добрая Туття была скверной, злой или гадкой. Я этих случаев не знал и не знаю и как ни думаю, не могу узнать или припомнить. Да их и никогда не было. Это одно из следствий мышления и анализа, необходимых при том процессе, который ты теперь переживаешь. Ты стараешься восстановить, передумать о нашей жизни вместе этим годом, жизни, так хорошо, так несказанно счастливо (ведь да?) нами проведенной. При этом ты сравниваешь наши взаимные отношения и невольно строже, пристрастнее относишься к себе и легче, снисходительнее относишься к поступкам любимого тобой человека. Ведь это так понятно! Ведь разве ты не дороже мне меня самого, разве не кажется мне тяжелым проступком с моей стороны по отношению к тебе то, что от тебя перенести мне казалось бы так естественно и просто! Я вообще думаю, что такие сравнительные оценки надо делать очень осторожно, что они больше всего удаляются от истины, рисуют нам не то, что было в действительности, и выражают известное наше теперешнее душевное настроение. И как такое душевное настроение я принимаю твои слова. Это известная метафора любви, метафора, тем более дорогая и сильная, что она исходит не от мысли или от фантазии, а от сердца, а от ума и чувства вместе взятых, от всего организма. Но нехорошо, когда они для тебя имеют характер правды и истины. В стремлении к правде надо внимательно оценивать каждое свое суждение, и можно ли доверять здесь своим субъективным чувствам, своему субъективному размышлению о том, к чему не в состоянии относиться хладнокровно, спокойно, где холодный вид рассудка неуклюже надевает на себя горячее, пылкое чувство. Такое суждение не может иметь характер вечной правды и истины. Оно не может, не должно казаться тебе таким. А раз не может и не должно – нельзя допускать его мучить себя. Здесь скрыт самообман. И пусть твой «анализ» не обманывает тебя, и пусть Туттин умишко не старается найти какие-то грехи ее, злые поступки. Их нет, и это ненужное, вредное, занятие. Целую тебя крепко, крепко. Поклон твоим. Еду завтра дальше; не беспокойся, если целую неделю не будет писем.

Твой Владимир [...]

Д. 34, лл. 24 – 25.

№ 34

28 июня 1887 г., Петраково

Петраково, 28/VI 1887, 7 ч. утра

Дорогая моя Натуся, только что узнал, что по дороге у нас будет почтовая станция и спешу тебе написать несколько слов. Пишу в деревне, по дороге на Ипать, куда приеду сегодня же через несколько часов. Погода стоит ужасная: холод, сумрак, грязь; дороги здесь не менее ужасные; есть такие, каких я никогда не видывал; например, ехавши сюда в Петраково, пришлось

ехать по лесной дороге, где были громадные выбоины, заполненные водой, целые участки дороги превратились в настоящие болота, покрылись обыкновенными болотистыми растениями – здесь расплодилось масса белых *Aliema Plantago*, кое-где кустиками торчат страшно ядовитые болотные лютики (*Ran Sceleratus*), осоки с целой толпой обыкновенных болотных растений и водорослей покрыли сплошь всю дорогу; эти своеобразные искусственные водоемностища (за)селились целой массой самых различных видных и невидных жителей. Поездка по такой дороге, очевидно, никогда не высыхающей, не обошлась нам благополучно. В одну из таких луж вывалилась наша телега с нашими вещами и с пассажирами – только один я успел вовремя спрыгнуть, а кучер и М. Энгельгардт выкупались; к довершению всех благ это случилось во время холодного осеннего дождя. Вообще такая погода ставит в крайне тяжелое, неудобное положение экскурсанта, и так плохо, так трудно в это время работать. В следующие экскурсии надо снаряжаться иначе и лучше.

Мне так сильно хочется скорей быть уже с тобой, мой голубок, так много и часто я думаю о тебе, о моей бедной маленькой Тутте, которая теперь страдает где-то далеко, и с ней нет близкого ей человека, который уехал наслаждаться экскурсией. То, что теперь не так жарко – Тутте легче? Ведь да?

Относительно Шаховского и покупки им земли¹ – я этой мысли вполне сочувствую, как и говорил Федору² и тебе, и думаю, что на это можно потратить часть капитала уже прямо потому, что капитал не теряется, будучи вложен в землю. Разве ты не помнишь, что мы говорили об этом с тобой, и я рассказывал свой разговор с Федюшей, я ему говорил, что деньги у нас будут лишь осенью, но что, если надо, мне кажется, можно на это употребить капитал (заложить etc.). Так что я не вижу никакой надобности вторично писать об этом; ведь мне казалось, с Федюшей мы обо всем этом условились, если же у него или у Шаховской (А.Н.) есть известная неловкость поговорить с нами об этом, писать совсем лишнее – такие недоверия исчезают только со временем. Оно, это недоверие, часто мною лично чувствовалось и очень меня удивляло, так как я никак не мог себе объяснить и понять его. Может быть, впрочем, я ошибаюсь. Дело мне казалось совсем просто, а цирлих-манирлих я совсем не понимаю, раз их нет и не должно быть между нами в принципе. Я лично не уверен совсем даже, чтобы с их стороны было ко мне полное, братское доверие.

Что Вася?³ Выехал он или нет. Меня удивляет, что ты мне об этом ничего не пишешь. Напиши скорей.

Надо кончить – ехать. Поклон всем твоим. Как долго, еще несколько дней, не буду получать от тебя писем! Целую тебя крепко, крепко. Береги себя и не забывай любящего тебя Владимира. Ты мне не пишешь, что маленький – бунтует или нет [...]

Писала ли статью из⁴ *Edinb. Review*⁵.

Д. 34, лл. 25а–25б.

¹ В письме от 23 июня 1887 г. Н. Е. Вернадская писала: «Получила письмо от Маши (Гревс. – *Ред.*), очень длинное. Она, между прочим, пишет, что Дмитрий Иванович (Шаховской. – *Ред.*), кажется, в довольно стесненных обстоятельствах и что она себе не представляет, откуда он возьмет остальные деньги (часть они с Ольденбургими послали) на уплату имения. “Может быть, – пишет она, – следует ему помочь? Я думаю, что если Владимир согласен, то

не мешало бы ему или тебе написать Дмитрию Ивановичу или Федору (Ольденбург. – *Ред.*) и спросить их об этом. Мне кажется, нам надо знать наверно, нуждается ли Дмитрий Иванович в деньгах, и тогда помочь. Ведь, Владимир сочувствовал покупке имения». Что ты об этом думаешь? Напиши скорее...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, лл. 22–23).

² Ф.Ф. Ольденбург.

³ См. комментарий № 2 к письму № 32. В письме от 7 июля 1887 г. Н.Е. Вернадская писала: «Приехали сегодня Паша и Георгий (Старицкие. – *Ред.*), они вчера видели Васю, который должен был выехать только сегодня утром...» (ф. 518, оп. 3, д. 253, л. 38 об.).

⁴ Так в тексте.

⁵ Очевидно, «The Edinburg review or critical journal London», журнал, выходивший в Лондоне с 1802 г.

№ 35

29 июня 1887 г., местечко Разрытое

Местечко Разрытое, 29/VI 87

Дорогая моя Натуся, пишу тебе уже с Ипути и сейчас отправляюсь по реке на лодке – надо будет проплыть на лодке до 70 верст – вероятно, дня два. Экскурсия моя приходит к концу, а между тем результатами ее я не доволен и даже вовсе не доволен. И так кажется, потрачено много времени, а результаты такие мизерные. Ну, да что делать – ничего не поделаешь.

Из Ипути я вернусь опять сюда, в Разрытое (1.VII), и затем 3. VII и 4.VII буду в Несонове – только тогда получу твои письма и узнаю, что поделявает моя маленькая. 8.VII я выеду из Несонова к Васе¹, а 12.VII или 11.VII буду у Энгельгардта и оттуда прямо (заехав в Вязьму) приеду к тебе, моя маленькая. Мне хочется, чтобы все это время прошло скорей, больше всего хочется быть с тобой, возле тебя. А то все как-то не знаешь, ни что ты делаешь, ни что думаешь. Меня постоянно мучит мысль, не сильно ли страдаешь ты...

В Питере надо сейчас же приняться за занятия, мне надо так много перечитать по педагогике и о детях, надо готовить доклад Комитету грамотности о библиотеке для народа и надо готовить отчет в Экономическом обществе о своей поездке². Я не знаю и иногда думаю, не ложное ли и болезненное у меня это ужасное, тяжелое чувство вечного недовольства собой и не ложится ли оно скверно на самую деятельность мою и не отражается ли оно скверно на самих результатах. Теперь моя надежда на лабораторные занятия, и я должен хорошенько сделать их, но уже теперь у меня является сомнение в том, смогу ли я хорошенько провести их. Положительно нужна, необходима борьба с собой. Может быть, на этот раз удастся справиться с делом.

Я думаю, много повлияла и плохая погода и действительное незнание; ну, да довольно теперь об этом; я боюсь, что ты, мое неоценимое счастье, огорчишься тем, что я пишу, но как-то хотелось мне тебе написать об этом, потому что Туття, знаю, примет все это всей душой и мне как-то легче, когда ты, моя родная, знаешь и чувствуешь все, что и я знаю и чувствую, – ты же одна можешь помочь мне. Может быть, это и скверно, и эгоистично, но я как-то не могу не написать этого.

Из моего приблизительно верного маршрута ты можешь рассчитать, что пиши до 4-го июля по прежнему адресу в Несонове, а позже по следующему

адресу: ст. Дорогобуж, Московско-Брестской ж. д., Александру Николаевичу Энгельгардту, для передачи Вл. Вернадскому.

Пора ехать. Целую тебя крепко, крепко. Поклон всем твоим. Напиши маме; ей я не писал.

Твой Владимир

P.S. Я думаю, лучше маме не писать, что я еду на лодке, так как она лодок до смерти боится и будет волноваться, что я утонул, тогда как я еду на очень хорошем, прочном баркасики; это самый любимый мой способ передвижения.

Относительно Шаховского я писал в прошлом письме³ – что Маша⁴ Целую тебя крепко, крепко – до скорого свидания [...]

Д. 34, лл. 26 – 27.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 29.

² См.: *Вернадский В.И.* Краткое сообщение о фосфоритах Смоленской губернии // Тр. Вольного экон. о-ва. 1888. № 3. С. 84–85; *Он же.* О фосфоритах Смоленской губернии // Там же. № 1. С. 263–294.

³ См. комментарий № 1 к письму № 34.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 32.

№ 36

30 июня 1887 г., местечко Разрытое

Местечко Разрытое, 30.VI 87

Дорогая моя Натуся, только что вернулся со своей экскурсии на Ипать и завтра рано утром еду через Бутырки в Несоново заканчивать свою экскурсию, и недели через 2–2½ увидимся с тобой, моя родная, бедненькая Туття. Так, как хочется быть скорей с тобой, а завтра так жду твоих писем в Бутырках, так как я просил на станции пересылать их туда. Наверное, они там есть и не одно. Ведь да? Последнее письмо твое я получил от 23.VI и с тех пор не знаю, что моя дурочка делает, о чем она думает.

Поездка на Ипать не дала того, что я ожидал, и я даже не спустился до Католина, как хотел раньше, а проехал только до станции Ширковской. Погода стояла неказистая, но хотя несколько раз шел дождь, мы выбрались все-таки довольно благополучно. Меня влекла мысль найти на Ипать объяснение возраста тех слоев, в которых лежит фосфорит в Несонове, и т.п. Фосфорит органического происхождения – он образовался на счет гниения животных остатков, скопившихся на дне бывших когда-то здесь морей; в то время здесь скопились большие количества трупов разных животных – ящеров, рыб, сносились большими, когда-то здесь текущими реками деревья, здесь роились бесчисленные моллюски, росли кораллы, мшанки и губки. Прошли века, и от этих остатков не осталось почти следа, только изредка находим обратившиеся в фосфорит губки, кости. Иногда сохранили они вполне всю свою внутреннюю структуру, и видим куски дерева, близкого к кипарисам, сохранившего вполне всю свою структуру; все эти куски дерева проточены моллюсками, что указывает на то, что долго плавали и носились они по морю,

прежде чем попали на дно, занесли песком и илом. Из этих остатков вода мало-помалу вымывала заключавшиеся в костях соли фосфорной кислоты; по неизвестным, нам непонятым до сих пор законам эти соли скоплялись в определенных местах, принимали причудливые формы, образовывали конкреции; и среди тонкого песка находим массу камешков особенной формы – это слои фосфорита, а камешки – самый фосфорит. В такой форме, в виде отдельных кругляков, он распространен на огромном пространстве, по всей Средней России, причем только в некоторых местах является отдельными плитами, более богатыми песком и бедными фосфорной кислотой. Кругляками он находится в Несонове. Эти фосфориты образовались в самых древних пластах меловой эпохи, эпохи, когда еще царила причудливая, нам диковинная и непонятная фауна и флора, когда только-только начали выясняться зачатки тех форм, какими населена наша земля теперь. В это время фосфорит образовывался в местах неглубокого моря, с бедной морской фауной, он отличался в слоях песчаных, в песках, состоящих из кварца и из особого минерала, довольно плохо изученного, – лавконита, одного из переходных соединений, играющего большую роль в химической жизни земли. После этого неглубокого моря началось постепенное углубление; здесь – в губерниях Курской, Воронежской и на юге Смоленской и пр. – образовались целые скопления из остатков организмов, живущих в более глубоких участках моря, – кое-где простирались устричные мели; это углубление моря продолжалось и дальше и закончилось отложениями чистого мела – отложениями самых глубоких, нам известных, частей моря. Это отложения морские, но не океанические; есть все данные думать, что **никогда** не было океанов там, где теперь материки, и никогда не было материков там, где теперь океаны. Распределение суши и моря обуславливается какими-то глубокими, чисто космическими причинами; оно не изменялось существенным образом в те миллионы лет, в какие, мы видели, совершилось изменение органического мира; нигде не находим остатков океанического типа, типа, где царит своя жизнь, где все процессы совершались и совершаются под давлением многих атмосфер, где нет света, а сами животные и растения подают свой, своеобразный свет – разноцветный, фосфоритный. Вследствие каких-то причин нигде углубление моря не шло так далеко, и здесь скоро началось обмеление и опять появились устричные мели, только более редкие. Что было позже, мы не знаем на огромном пространстве, но вот в последние года в губерниях Черниговской, Полтавской, Харьковской находят и более новые пески с фосфоритом и лавконитом – это пески уже более новой, третичной эпохи, эпохи, когда в Европе уже жили главные типы наших млекопитающих животных. В это время опять видим отложения фосфоритов и лавконитов. Мне казалось, точно и здесь, в Рославльском уезде, я присутствую при следах того же вторичного обмеления, точно и здесь я вижу фосфориты не древнего мелового моря, а более новые, эоценовые. Энгельгардт считает их нижнемеловыми, я написал ему мои сомнения, но ответа до сих пор не получил. У меня, однако, нет настоящих доказательств, у меня нет таких доводов, опираясь на которые, я мог бы сказать, что это так, а не иначе – у меня* есть только ряд отрицательных доводов, заставляющих сомневаться в верности определения фосфоритных слоев Несонова за нижнемеловые. А эти доводы обманчивы, и так часто можно ошибаться, и я теперь все время бьюсь, чтобы разъяснить себе этот вопрос. Мне

кажется, только одно может быть решение – это прямое наблюдение того, в каком положении относительно мела лежат рославльские фосфориты; если они лежат выше мела – они новые, если ниже – древние, нижнемеловой эпохи. Если они выше мела, в глуби земли здесь, в Смоленской губернии, лежат еще новые толщи фосфорита, если ниже мела – этих слоев здесь нет. Мел выходит здесь во многих местах, но все запутано, перепутано, я никак, никак не могу с этим разобраться. Я думал, что на Ипути я увижу эти обнажения, соотношение слоев мела с фосфоритом, но надежда моя оказалась тщетной – мел я нашел, а фосфорита нет. И придется уехать, не разрешив вопроса, а это как-то тяжело и неприятно, и меня постоянно мучит вопрос, как разрешить этот вопрос, что же я вижу перед собою. Иногда мне кажется, что я недобросовестно сделал, не дав Ферхмину поехать вместо меня; он больше меня знает, он лучше бы сделал это.

Однако поездка на Ипуть представляла некоторый интерес, но не геологический. Впрочем, это место еще не было посещено ни одним геологом, а потому тут имеет значение и отрицательный результат.

Ипуть – приток Десны, большая, лесная река, богатая рыбой, довольно глубокая и не мелеющая; она протекает по Рославльскому уезду Смоленской губернии и впадает в Десну в губернии Черниговской. В той части, где я проехал, она извивается, делает массу изгибов и пустынна...

Однако надо кончить! и нести письмо на почту. А то не успею. Целую тебя крепко, крепко, моя рыбка. Поклон всем твоим. Теперь скоро, скоро увидимся. От мамы я не получал почти писем, я хочу и ей сейчас написать. Переедешь ли 15-го в город¹, напиши, чтобы я знал, где ты, если случайно приеду около этого времени (еще надо к Васе, Энгельгардту и <в> Вязьму!); думаю дня через 3–4 выехать из Рославльского уезда; пиши к Энгельгардту (Московско-Брестская ж.д., ст. Дорогобуж, Александру Николаевичу Энгельгардту, для передачи Вл. Вернадскому). Целую тебя крепко [...]

Твой Владимир

Д. 34, лл. 28–29.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 32.

№ 37

1 июля 1887 г., Бутырки

Бутырки, 1/VII 87

Дорогая моя Натуся, только сегодня получил я твои записки от 25 и 26 и потому только сегодня могу ответить на них. Мне очень досадно, что ты не получила моего письма от 19.VI, хотя не припомню, что именно я писал в нем. Относительно Василия¹ спрашивал, как относится его мать к моему посещению. Опасаясь пропажи, я имел предусмотрительность повторить тот же вопрос в одном из следующих писем, и ты, вероятно, мне на него уже ответила, если же нет, отвечай, как и писал, в Дорогобуж (ст. Дорогобуж, Московско-Брестской ж.д., д. Батишево, Александру Николаевичу Энгельгардту, для передачи etc.), куда поеду раньше.

Мне помнится, что я писал тебе и мои желания, и мои сомнения относительно жизни вместе с Гревсами. Я лично хочу этой жизни, но боюсь, чтобы при тех условиях, при каких она устраивается, не было бы слишком многих нехороших последствий, главным образом для твоего здоровья. Очень может быть, я ошибаюсь и неверно представляю себе условия этой жизни, но мне кажется очень страшным уход твой, одной маленькой Натуси, за 2-мя маленькими – я боюсь, что, во-1-х, у тебя не хватит для этого сил и, во-2-х, будет занимать все твое время, так что ты не будешь больше в состоянии **заниматься** чем бы то ни было. А такой исход представляется мне **крайне плачевным** и неприятным; и я думаю, что подобный исход надо избежать во что бы то ни стало. Я не решаюсь на этом одном основании решительно восставать против нашей общей жизни, потому что это все еще одни предположения, которые могут вовсе не подтверждаться на практике. А потому, может быть, будет лучше, если мы оставим практике решить этот вопрос; но мне будет очень тяжело и неприятно, если ты вся уйдешь в возню с маленькими и забудешь при этом многое остальное и на это остальное у тебя не будет хватать твоих сил. Со всем этим еще можно было примириться и оставить практике решить дело, но мне представляется вполне невозможным, чтобы ты сейчас до и после родов принялась за эти ухаживания. У Маши классы начинаются 4/VIII, следовательно, уже с этого времени она не имеет свободного времени, а это время самое тяжелое для тебя, и ты едва ли без вреда для себя можешь начать настоящую возню раньше конца сентября или начала октября. Ты видишь, что все мои возражения сводятся не на возражения против жизни вместе с Гревсами, а против [...] Машиной школы; я объяснял тебе, что никак не могу понять ни возможности и значения этой ее деятельности, ни ее преимущества перед занятием с ребенком. Может, моя оценка и неверна, но пока я никак не могу понять вполне все ее такое большое значение и не могу счесть Машу хорошей матерью, если она будет бросать ребенка в первый год для школы, где вся ее деятельность никак не больше, если не меньше полезна. Итак, я боюсь, следовательно, главным образом непосильной для тебя работы, вредной для твоего здоровья или, если для здоровья невредной, то такой, которая тебя будет утомлять до такой степени, что больше ты ничем, никаким **делом** заниматься не будешь в состоянии – а это для меня тоже **очень и очень** будет тяжело и вообще **очень нехорошо**. Относительно моих условий для жизни вместе я считаю условием *sine qua non*² одно: **невысоко**, не **выше** нашей теперешней квартиры; с одной стороны, я не думаю, чтобы тебе было полезно всходить на высокий этаж, а с другой – это невозможно для моей матери, которая не может подниматься высоко, а я ни в каком случае не считаю себя вправе лишать возможности ее видеть своего внука или внучку. Это слишком жестоко. Расстояние очень далекое мне не хотелось бы, и я бы просил не нанимать дальше Среднего проспекта и нанять в линии, возможно близкой к университету, в 8-й ничего (конка), по словам моей матери, если бы нам жить на Васильевском, ей бы хотелось, чтобы мы жили возможно ближе к Неве, так как это значительно ближе, и я думаю, что тут дело не в 10 коп., о которых пишет Маша, а в больших или меньших страданиях при езде больного человека. Относительно совместной жизни я не знаю, как на это посмотрят мать и сестры, да, правду сказавши, это мне все равно – это наше личное дело, и я думаю, что никаких особых разговоров об этом не будет, а если и будут, ни к

чему они не приведут, и я ни в каком случае не считаю себя вправе допустить их вмешательство в эту нашу чисто внутреннюю жизнь. Очень может быть, мама будет не особенно довольна, так как предубеждена против Маши (кем?), но я почти убежден, мне она ничего ни скажет, кроме простого вопроса.

Если Маша будет ходить в школу, придется во всяком случае держать 2 слуг (что, по моему мнению, очень гадко), и уже не кухарку, а еще нечто вроде няни или горничной. На два семейства это немного в денежном отношении, но как-то неприятно с чисто принципиальной стороны. Если же Маша не будет в школе, то одной Аксиньи достаточно. Еще одно условие, это, чтобы не были клетушки, я думаю, за это мы имеем право заплатить 5–10 лишних рублей в год – нас в этой квартире будет жить *minimum* 7–8 человек и два с нежным, едва развивающимся организмом, хотелось бы две комнаты побольше, одна для малышей, а другая – чтобы заниматься и иметь возможность принимать близких людей. Ни то, ни другое я не считаю неважным и думаю лучше сделать сокращение на покупках книг и т. п., чем на этом.

Наконец, последнее – это ежемесячное наемление квартиры, так как, очень может быть, зимой я получу командировку за границу.

Я вполне сознаю массу хороших сторон такой жизни и искренне хочу ее; я думаю, что все дурные стороны прежней жизни Гревсов с Ольденбургскими можно побороть, и одно из них прямо в нашей воле – это излишняя трата времени на болтовню, но это, надеюсь, удастся устроить лучше. Я согласен сделать попытку жить вместе даже и тогда, когда Маша будет ходить в школу, но не ручаюсь за то, что тогда жизнь пойдет хорошо и как следует, но это мы посмотрим на деле, и я буду очень рад, если я ошибаюсь. Мне – остановка за первыми месяцами, об этом я пишу сегодня или завтра Гревсам, но думаю, что ты можешь переслать им это мое письмо.

Я не мог ответить к 1-му июля, так как получил письмо только 1 июля, но, вероятно, это ничему не мешает, так как Маша ведь теперь не может больше недели встать с постели и придется все-таки искать квартиру позже 1-го, что ли, августа. Кстати – наша, верно, не сдана; если не сдана, надо как-нибудь устроить уплату (35 руб.) – нельзя ли через Пашу³, если заплатила мама, ей надо вернуть, так как не думаю, чтобы у ней было теперь много денег.

Целую тебя крепко, крепко, моя дорогая Туття. До скорого свиданья. Окончу в Рославльском уезде все около 5–6 июля, следовательно, через несколько дней и меньше чем через 2 недели – увидимся. Поклон всем твоим. Маке⁴ отвечу на днях – но поблагодари ее за ее милое письмо. Меня беспокоит, что я давным-давно не получаю писем от мамы, ты тоже об ней ничего не пишешь – что с ней, отчего она мне не пишет? Целую тебя крепко. Береги себя.

Твой Владимир

P.S. Так рад и успокоился, что с Машей все благополучно⁵.

Д. 34, лл. 30–31.

¹ В. В. Водовозов. См. комментарий № 1 к письму № 29.

² Непременное условие (лат.).

³ Очевидно, Павел Егорович Старицкий.

⁴ Очевидно, Мария Егоровна Старицкая.

⁵ См. комментарий № 4 к письму № 32.

2 июля 1887 г., Несоново

Несоново, 2/VII 87

Дорогая моя, родная Натуся, сегодня получил я твои письма от 28–30 июня и спешу ответить на них, получил также письмо от мамы, которой, бедной, очень, очень тяжело. Мне на многое хотелось бы ответить тебе по поводу твоих писем. О жизни вместе с Гревсами я писал тебе вчера из Бутырок, и, надеюсь, ты получила это письмо, но вкратце повторю и здесь. Этой жизни я хочу, считаю ее вполне возможной, но вижу главное неудобство в Машинной школе, особенно чувствительное в первое время, когда ты еще не вполне оправишься, а Маша будет уходить на целые дни; условием *sine qua non* я ставлю только, чтобы квартира была не выше нашей теперешней и **прошу** нанять возможно ближе к набережной, ну, хоть между Средним и Большим проспектами. О том, что тебе, моей родной, будет легче выходить, я не подумал, а это правда, и это очень хорошо. Прибавлять больше, кажется, нечего по этому поводу. Знаешь, когда мелькает передо мной эта зима, мне почему-то вспоминается Рейтлингер и кажется, что так горячо и полно понял он все и так хорошо ко всему относился и так к нему нехорошо и как-то холодно, гордо относились! Не знаю, отчего мне это вспомнилось. Так хочется связать ближе возможно больше людей, вдохнуть в них всю ту энергию, какую желаешь, чтобы была у них, заставить их сплоченным строем, дружной толпой работать для осуществления одной великой, общей идеи – счастья всего человечества... У Васи¹ буду непременно, я только и хотел узнать, возможно ли это для него; мне самому очень хочется повидать его, побыть с ним. Кроме личной любви и привязанности к нему, я вполне сознаю и горько чувствую, как мы все виноваты перед ним, как скверно, нехорошо с ним поступили. Буду у него не раньше 10-го июля.

Мне хотелось поговорить с тобой о моей магистерской² теме; брать вопрос о фосфоритах мне не хочется, у меня не так уж сильно лежит душа к ним, гораздо больше лежит она к «схоластическим кристаллам». Я сознаю полную важность и значение этого вопроса для России и думаю, что он стоит на очереди, но это вопрос чисто частный и имеющий значение только благодаря своему практическому применению. Если его взять вообще, надо много, конечно, объездить, и я бы взял, может быть, его, если бы голова не была полна другими идеями и образами. Ученые – те же фантазеры и художники; они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. У них идеи сменяются; появляются самые невозможные, часто сумасбродные; они роятся, кружатся, сливаются, переливаются. И среди таких идей они живут, и для таких идей они работают; они совершают много сравнительно механической, временно нужной работы, но удовлетворить их она не может. Не может удовлетворить вольную душу художника составление рисунков для каких-нибудь народных изданий, не может удовлетворить ученого работа над каким-нибудь вопросом, который кажется теперь нужным и необходимым. Есть общие задачи, которые затрагивают основные вопросы, которые затрагивают идеи, над решением которых бились умы сотен и со-

тен разных лиц, разных эпох, народов и поколений. Эти вопросы не кажутся практически важными, а между тем в них вся суть, в них вся надежда к тому, чтобы мы не увлеклись ложным камнем, приняв его за чистой воды бриллиант.

Один из таких вопросов теперь мучит, всюду преследует меня; он снится мне во сне, он видится мне на каждом шагу; он рисуется мне в туманных образах моей необузданной фантазии. По природе я мечтатель, и это опасная черта; я вполне сознаю, что я могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить их идти по дорожке, практически важной, но такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучат меня. Знаешь, нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения; знаешь, когда при знании фактов доходишь до вопросов «почему, отчего», их непременно надо разъяснить, разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было. И это искание, это стремление есть основа всякой ученой деятельности; это только позволит не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющейся среди всякого книжного хлама и сора; это только заставляет вполне **жить, страдать и радоваться** среди ученых работ, среди ученых вопросов; ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была!

Мы знаем только малую часть природы, только маленькую частичку этой непонятной, неясной, всеобъемлющей загадки. И все, что мы ни знаем, мы знаем благодаря мечтам мечтателей, фантазеров и ученых-поэтов; всякий шаг вперед делали они, а массы только прокладывали удобные дорожки по первому проложенному смелой рукой пути в дремучем лесе незнания. Я вполне сознаю, что только немногим из многих мечтателей удалось чего-нибудь добиться, и потому я говорю, что, может быть, я никуда не пойдусь, и почему у меня являются дни отчаяния, дни, когда я вполне и мучительно больно сознаю свою неспособность, свое неумение и свое ничтожество. И тогда я не хочу быть ученым, я стремлюсь к другой деятельности, но и ее я рисую бурной, блестящей, иногда печальной, но бурной и огромной, потому что и в этих сомнениях я все же остаюсь тем же бедным мечтателем-сумасбродом. Часто все во мне клоочет, рвется, мне хочется высказать все, что волнует и мучит меня, а я не имею сил и возможности, у меня нет способности высказать ясно всем и каждому, что так ясно, рельефно и, казалось бы, полно я вижу в своих образах фантазии. И тогда становится еще тяжелее... Но бывают другие минуты, когда сильно и смело рвешься вперед, когда видишь, понимаешь все, что казалось раньше непонятным и недостижимым; тогда является вера в себя; тогда чувствуешь какую-то особую живую силу в себе, чувствуешь ясно связь свою со всеми, что было и **жило** раньше, что работало на **том же пути**, чувствуешь ясную, непонятную, невыразимую словами связь с тем, что будет работать на том же пути много позже... Но всегда у меня являлась одна мысль, и она разбивала все: никогда не сумел ты доказать, что то, что ты в эту минуту чувствуешь, не самообман, а правда. Не вернее ли, что это одно самовозвеличение, а не действительная сила, не настоящее чувство ее,

этой силы. И все разлетается... Я хочу понять те силы, какие скрываются в материи, я хочу узнать те причины, которые заставляют ее являться в тех правильных, математически гармоничных формах, в каких мы всюду видим и чувствуем ее. И одно из звеньев этой гармонии материи – мы сами и все живые существа. Свойства одного сущего – одной материи – мы представляем себе в виде сил, в виде света, теплоты, электричества, магнетизма, и в последнее время магнетизм занял мое внимание; я много думал и мечтал над тем, что не могут дать никаких верных теоретических представлений о силах электричества и магнетизма, и мне кажется, что причина здесь только в логическом методе, только в том, что рассматривают эти силы в связи с субстратом, в связи с формой материи. И я остановился на магнетизме, и в уме пронесли сумасбродные мысли, что магнетизм есть только частичка, маленькая частичка тех особых свойств, которых мы не знаем и которыми обладает материя в прямой зависимости от формы, – магнетизмов много... Много столетий тому назад заметили, что особый минерал – магнитный железняк – обладает способностью притягивать частички другого минерала – железа; это наблюдение положило начало всему учению о магнетизме, из него вышли все многочисленные его применения, позволившие нам глубже вникнуть в явления природы, страшно увеличившие силы человека. Затем нашли, что некоторые тела так же относятся к железу, другие наоборот, наконец, что тела – кристаллы – относятся к железу особым, непонятным образом и зависят эти явления от разных, вполне определенных направлений в кристаллах, от внутреннего строения, внутренней формы этих кристаллических тел. Отбрасывая термины, в которых излагается все учение, наблюдаемые явления представляют <из> себя именно то, что я пишу. Затем 2-й отдел явлений о магнетизме составило наблюдение, что свободно привешенные тела магнитные принимают особые определенные положения, одни и те же для каждого места, разные для разных, так как подобная определенность, в положениях наблюдается при свободном висении 2-х магнитов, то землю рассматривают как магнит, в то же время здесь совершается малопонятое явление, совсем не аналогичное наблюдаемым в магнитных телах явлениям, – эти направления правильно меняются с течением времени. Наконец, 3-й разряд явлений – магнитная стрелка правильно располагается относительно тока, и движениями магнита можно вызывать в железной проволоке сильные электрические токи – эти наблюдения Эрстеда, Ампера, Ленца положили начало учению об электромагнетизме, невыразимо сильно увеличившем силы человека и в будущем обещающем совершенно изменить **строй** его жизни... Все это исходило из наблюдений над особыми свойствами магнитного железняка – тела, особенных свойств вообще не имеющего; и у меня является вопрос: нет ли подобных свойств у других минералов, нет ли взаимных притяжений и отталкиваний между ними и каким-нибудь другим веществом, кроме железа, и если есть, то не откроет ли это нам целый ряд новых **сил**, не даст ли нам возможности новых приложений, не удесятерит ли силы людей... Землю, которую рассматривают как магнит, едва ли можно так рассматривать, в ней видны какие-то неясные, но вполне, вполне ощутимые особые свойства; если так, то не располагаются ли относительно нее правильным образом, но не так, как железо или магнитный железняк, другие тела? И если они располагаются, не даст ли это нам возможности открыть в них новые

свойства, целые новые, скрытые от человека силы? Есть старинные, забытые, заброшенные наблюдения, что минералы кианит (представляющий из себя соединение кремнекислоты и глинозема) и особенно касситерит (окись олова) располагаются особым, им только свойственным образом относительно земли; что палочки касситерита, или оловянного камня, располагаются в направлении, диаметрально противоположном тому, в каком располагается магнитный железняк или железо. Но каковы дальнейшие свойства их? Как изменяется с течением времени это положение под влиянием так называемых «магнитных» свойств земли – подобно железу и магнитному железу или нет? Мы знаем, что оловянный камень не притягивает железа, но почему ему не притягивать тел одинакового с ним строения – порошок оловянного камня и т.п. А если так, то нельзя ли вызвать **невидимые, страшные** силы в разных телах простым движением около тех тел или иных других тел – разве нет в природе массы явлений, которые **никак** не могут быть объяснены, но отбрасывать которые как неправдоподобные, ложные, кажущиеся мы не имеем права, рассуждая научно и логически... Все явления в природе, по видимому, зависят от внутреннего строения вещества, от формы, а на это до сих пор почти не обращали внимания, и нет еще отдельной отрасли знания, захватывающей этот отдел во всем объеме, и этот отдел должен быть создан...

Как часто являются подобные мысли, их не отгонишь, потому что они въедаются во все существо, потому что они проникают всего человека. Когда человек живет умом и фантазией, тогда такие мысли парализуют волю, они способны сделаться *idies fixes*; они доводят или до успеха, или до сумасшествия. У меня лично есть одна черта – и дурная и хорошая, но для всего этого дела гибельная. Я имею привычку относиться хладнокровно-скептически к самому себе, я не могу вполне отогнать эти мысли, я могу отгонять их, могу не допускать себя тратить на их проверку время. И это я делаю. И это очень, кажется мне, нехорошо (?) и во всяком случае очень мучительно. Я думаю, однако, теперь потратить в этом году на это время, но мне хочется ⟨знать⟩ твое мнение, ⟨нужна⟩ твоя поддержка или чистосердечные твои сомнения. Поэтому я не могу теперь заняться фосфоритами; я чувствую, что если убежусь, что все мои идеи и фантазии (а их у меня масса!) в применении к естественным наукам неудачны, я брошусь, всей душой, всем существом брошусь в другие области, в деятельность общественную, или в философию, или юриспруденцию.

Здесь, в вопросе о фосфоритах – главная **суть** в лабораторных опытах: **все** может решить опыт; подвинуть дела может только опыт: и опыт на месте – агрономический опыт, и опыт в лаборатории – минералогический и агрономический. И мои надежды поэтому основаны на лаборатории не потому лишь, что неудачны наблюдения в поле, а потому, что в них вся суть. Для дела важно не определение всех условий залегания фосфоритов в Рославльском уезде, а изучение свойств вообще фосфоритов – их строения, состава, их физических свойств и отношения их к разным химическим агентам. А это до сих пор почти *terra incognita*, и на это, хотя не вошедшее в прямые требования Вольного экономического общества, я нахожу нужным потратить возможно больше сил, времени и средств. Тратить на месте их для **дела** я не

считаю здесь особенно важным; это вопрос более чисто геологический. Посещать больше мест я опять-таки не могу, так как у меня **нет времени**. Лучше сознаться в том, что эти [отношения] мне определить не удалось. Жаль только, что тут у нас разногласие с Энгельгардтом, который **не** сомневается в положении этих слоев. Ему я хочу писать еще раз, так как он меня не совсем понял.

[...] Целую тебя крепко, крепко, моя голубка. Меня очень беспокоит моя мать – ей кажется **очень** плохо и нравственно и физически. Поклон всем твоим. Пиши [...]

Твой Владимир

Д. 34, лл. 34–35.

¹ В.В. Водовозов; см. комментарий № 1 к письму № 29.

² См. комментарий № 1 к письму № 14.

№ 39

4 июня 1887 г., Несоново

Несоново, 4/VI 1887

Дорогая моя, маленькая, милая Натуся, сегодня окончил все в Несонове и завтра отправляюсь в самую последнюю свою экспедицию по Рославльскому уезду; послезавтра вечером или, самое позднее, во вторник утром я выеду к Энгельгардту. Мне так сильно хочется быть скорей с тобой, быть ближе к тебе, моя дорогая, неоцененная Туття.

Я догадался теперь, какое письмо мое (от 19-го) к тебе не дошло, – это письмо, где я писал тебе о деревне, о кое-каких своих планах, но так как ты просила меня не писать тебе об этом, то я оставляю все эти переговоры до личного свидания [...]

Энгельгардт-сын уже уехал к своему отцу – ему отчасти надоела экскурсия, и я решительно и упрямо заканчиваю кое-как свои дела, не знаю, однако, каковы будут результаты этой работы, так как на месте никак нельзя решить их, и только одним я все-таки сильно недоволен – это тем, что я так и не смог определить взаимное отношение между слоями мела и лавконитовыми песками с фосфоритом. Сегодня осмотрел внимательным образом главный здешний овраг Меловку (я его прохожу уже 4-й раз), провозился там ровно 9 часов, не считая отдыхов, и все-таки получил только подтверждение своих сомнений, получил новые косвенные доказательства и никаких прямых. А я так и не решусь утверждать на основании одних, хотя бы и многочисленных, косвенных доказательств – они всегда слишком **субъективны**, и я думаю, что они ни для какого прямого решения служить не могут; они могут только вызывать сомнение в правильности предлагаемого объяснения и больше ничего. Завтра я не надеюсь получить никаких новых данных для решения этого вопроса, и он так и останется нерешенным, если неожиданно не решит его изучение собранных окаменелостей, но это все главным образом остатки рыб и растения, которые одинаково жили и в меловую эпоху, и в эоцене; наконец,

если я не ошибаюсь, то до сих пор эти животные геологически так плохо изучены, что определение возраста слоев по ним делать нельзя с достаточной вероятностью.

Сегодня тихая летняя ночь, та ночь, которые я так сильно и сильно люблю; уже видны звезды, хотя еще слишком светло, но это свет совсем особенный, зеленоватый, мерцающий, это свет непонятный для меня, и мне кажется, точно это мерцает так называемый зодиакальный свет, освещающий в это время фосфоритным светом южное полушарие и юг северного. Это мерцание как-то невольно бодрит человека, придает ему новые силы. Вообще тепло подействовало на меня хорошо. Я сегодня с $1/2$ 7-го утра на воздухе, проходил больше 10 часов и не чувствую ни малейшей усталости, головные боли, которые меня мучили несколько дней тому назад, прошли, перестала болеть и шея, которую я как-то умудрился частью застудить, частью на ней образовался большой нарыв, который я нечаянно раза 2 содрал. Теперь все это прошло, и я чувствую себя совсем бодрым и сильным. Вот тебе раз! Совсем становлюсь *pater familias*, жалуясь на разные боли, говорю и рассказываю своей дорогой половине о них, того и гляди, буду толковать о ревматизме и всех других неисчерпаемых «измах». Но бог с ними. Впрочем, нет – об одном «изме» я хочу толковать. Это о **клерикализме** (не удивляйся!). Попы растут, растет и поповство, забирает власть и силу, к великому удовольствию Победоносцевых и *tutti quanti*. Попы здесь играют свою роль, и их лапки становятся, по рассказам, из года в год сильнее, могучее и длиннее... Вот несколько типов. Здешний поп – пьяница, но крестьяне относятся к нему довольно хорошо, это враг фосфоритного дела, и он раза 2 прогонял рабочих, запрещая им работать то в какой-нибудь праздник, то громко браня их за то, что они занимаются богомерзким делом, хотят подрывать церковь (залези фосфоритов у самой церкви) и. т.п. Несколько дней тому назад он открыл где-то на чердаке у себя «чудотворную» икону, устроил празднество, молебен, ярмарку и «заработал» в этот день 25 руб. В общем от пьяниц он отличается, однако, оригинальными чертами: венчает кого угодно и вовсе не из-за денег. При венчании недели 4 назад случился следующий казус: он так напился, что падал, обводя кругом новобрачных, и громко приглашал прийти всех: «Приходите все, всех перевенчаю!»; недавно перевенчал каких-то офицера и барышню без бумаг, захотевших перевенчаться после знакомства на железной дороге, и т.п. Другой поп – в Кочеве – этот другого типа: он имеет привычку в проповедях нападать, чуть ли не называя их, на чем-нибудь ему ставших поперек дороги прихожан, начиная с помещика и кончая крестьянами; причем, конечно, держит их этим в значительном повиновении, и помещик попался такой, очень «набожный» (по мнениям, приверженец господствующей ныне партии) и постоянно слушает эти проповеди. Не правда ли, точно какой-нибудь католический патер? 3-й – отец Дмитрий в Епишеве – «ненавистник бар», гроза помещиков – он их преследует, где возможно, для крестьян он устроил библиотеку, и она идет хорошо (напомни мне потом – мне надо написать ему и послать нашу программу), но, несмотря на все это, он, по рассказам, является кулаком и ростовщиком и держит всех крестьян, как какой-нибудь Разуваев. В общем в захолустье начинает проявляться и чувствоваться влияние духовенства; к сожалению, среди него

личности а'1а о. Андрей исключительны. Кстати о нем (я у него буду завтра): на него собирается гроза; на этих днях едет к нему архиерей для следствия, и его, говорят, непременно переводят в другой приход, Архиерей находит, что он позорит священный сан, так как сам пашет и лепит. Говорят, будто ничего нельзя поделатъ. Его положение вообще, должно быть, тяжелое, так как **против** него **вся** его семья (кроме молодого племянника) и обозлен весь причт...

Вообще среда здесь незавидная, и уезд спит глубоким сном. Мне как-то невольно припомнилась вся жизнь этого уезда, вся она, такая монотонная, бесцельная, горемычная и такая гадкая. Я прочел недавно книгу здешнего купца Рокачевского: «Опыт собрания исторических записок о городе Рославле» (Р., 1885), написанную без таланта, но очень поучительную. В ней рисуется чуть не 400-летняя жизнь города и уезда, жизнь миллионов людей, и при размышлении об этой жизни и о ее бесцельности, о ее заглушенности, о ее страдальческой спячке и толчении воды в ступе становится невольно как-то тяжело, грустно и ужасно. Это захватывает действительную историю, описывает то, как все эти явления, о которых мы знаем из книг, проходили в действительном уголке России, а как здесь проходили, так проходили почти и везде. Надо скорей, надо сильней, сильней работать. Но, боже мой, как мало работников, и как они разбросаны, как они бессильны. Они почти все при- нуждены быть ипокритами...

Целую тебя крепко, крепко, моя родная, добрая, милая, неоцененная, славная, хорошая, любимая Туття [...] Поклон всем твоим. Письмо получишь 7–8, следовательно, ответить мне можешь только так, что я получу 11–12, так что, верно, буду или у Васи, или по дороге к тебе. Значит больше не пиши. До скорого свидания [...]

Д. 34, лл. 36–37.

№ 40¹

8 июня 1888 г., Мюнхен

8/VI 88, Мюнхен²

Дорогая моя, маленькая [...] Натуся, так как-то скверно, странно без тебя, моя милая, маленькая рыбка, и так хочется, чтобы ты опять скорей была со мной. Возвратился только что от Гарольд и только брошу письма (от Маши³ и Марии Ивановны⁴ – такие скверные ты дала конверты) и лягу. Как ты до-ехала, моя радость? Так хочется скорей получить от тебя весточку. Взяла ли паспорт? Пиши скорей, скорей. У Гарольд было очень скучно, а Фетов ничего себе – имеет вид неудачника, может быть, мы будем экскурсировать вместе. Разговор самый бессодержательный: одно время только, когда Гарольд поймала профессора Купфера (анатома), разговор шел о Достоевском, и как странно было, что немцам Раскольников и т.п. так же и даже лучше известны, чем нам. Крепко целую тебя [...] Пиши скорей. Береги себя и не делай экономии.

Твой Додя

Д. 35, л. 2.

¹ Письма № 40–68 В.И. Вернадский писал жене в Вильдунген. После рождения сына у Н.Е. Вернадской возобновилась старая болезнь почек, бывшая у нее в детстве (осложнение после скарлатины). Здоровье ее было так плохо, что несколько месяцев опасались за ее жизнь. Молодой матери пришлось оставить сына родителям, а самой вместе с В.И. Вернадским, который получил заграничную научную командировку, выехать сначала в Италию, в Сан-Ремо, а потом в Германию, в Вильдунген.

² В 1888 г. В.И. Вернадский получил двухгодичную научную командировку с целью совершенствования в области кристаллографии и минералогии и подготовки магистерской диссертации. Начал командировку в Неаполе у итальянского минералога А. Скакки. В это время итальянскому ученому было 78 лет, и он фактически прекратил научную деятельность. Чтобы не тратить времени зря, В.И. Вернадский переехал в Мюнхен, где работал в лаборатории кристаллографа Пауля Грота. Из Мюнхена было отправлено большинство писем Наталии Егоровне в 1888 г.

³ М.С. Гревс.

⁴ Старицкая.

№ 41

10 июня 1888 г., [Мюнхен]

10.VI 88

Дорогая моя Натуська, только что получил твое письмо из Вильдунгена и очень рад, что ты устроилась. Сегодня я не получил письма от Марии Ивановны¹ – верно, она уже писала в Вильдунген, а получено письмо из Италии², в котором видно, что у них нашего письма нет, и сегодня же я отправляю карточку генералу³ с просьбой справиться в почтамте в Варшаве и потребовать письмо; пришло затем толстейшее письмо Шаховского к Гревсам⁴ от апреля, из которого видно, что был маленький инцидент Шаховского–Гревса, о котором мы не знали (письма я еще не кончил), но послать его не могу, так как у меня единственная марка, которую ты прислала, а сегодня воскресенье; пришло еще письмо Васи⁵ и Андрея⁶, и их я посылаю. Андрею я сегодня же утром отправил ответ; я не послал его тебе, потому что надо было отвечать скорей (что ты видишь и по письму, в общем хорошему) и ⟨поэтому⟩ я еще более считаю нужным сделать скорей, так как хорошо знаю Андрея, у него теперь сильная, напряженная работа; в длинном письме моем я ничего почти не писал о политических взглядах (напишу на днях и тогда пришлю тебе), я решительно, определенно и довольно резко возражал против его поездки на Яву, если он решил заняться не ботаникой, а географией; основывался я на том, что для географии он слишком мало знает и что, по моему убеждению, и Берлин, и Бреславль – чужь для географии, а также и Герланд в Страссбурге; можно изучать только для этого: антропологию и сравнительную историю религий и этнографию в Париже, тектонику земли в Вене, море – в Англии или Гамбурге. Ехать теперь и делать в 1/2-годовой поездке в тропики «наблюдения» à vol d'oiseau⁷, когда «наблюдать» умеешь только самоучкой, – не след. Затем вкратце указал ему, что можно и ему найти школу вроде той, какую нашел я, и указал на то, что его «знание людей» я не ставлю ни в грош, как не понимаю подобное знание и у других «знающих людей» (эти знатоки большей частью барышни, да некоторые юноши, а вредное влияние

ты видишь на Андрее, где мысль суживается и вертится в круге). Я его приглашал в Вильдунген и просил написать тебе; мне кажется, теперь приходит то время, которого я давно ждал и хотел, когда Андрей может стать нашим. Мне хочется ему ясно, просто написать о братстве, хочется, чтобы ему пересылались общие письма (так, например, письмо Васи, Адино⁸ etc. пошли ему, **напиши**, и пусть он перешлет их тебе обратно)⁹. Еще перед отъездом я говорил с Иваном¹⁰ о том, что думаю, что Андрей будет очень скоро нашим, что он не так далек, как то думалось Ивану, и хотя Иван саркастически улыбался и возражал, но я этого **хочу**, понимаешь, **хочу**. Когда я получу тот ответ от Андрея, который он должен дать на мое длинное письмо, я напишу Ивану, и мы посмотрим, что Иван должен для этого делать¹¹ (об этом Гревсам не пиши). Напиши мне адрес Александра¹², так как я хочу Васе послать несколько интересных вещей, связанных с отставкой Путткаммера¹³. Вот еще что: как ты расплатилась с хозяйкой? Я думаю, мне решительно невыгодно готовить дома, платить ей ежедневно 50 пф., а если чай утром и вечером – что надо? Напиши скорей.

Сегодня был с Юргенсоном в National Museum (у нас все дождь) и потом с ним и Майером в кафе и читал – «Петербургские ведомости»¹⁴, «Figaro»¹⁵, «Pall Mall Gas.»¹⁶, «New York Herald»¹⁷, «Allgem. Zt»¹⁸. Юргенсон предлагал мне займы, когда узнал, что у меня теперь мало денег, но я, поблагодарив, отказался. Очень все-таки с его стороны любезно. Целую тебя крепко [...]

Твой Додя

Д. 35, л. 3.

¹ Старицкая.

² Письмо из Италии принадлежало, вероятно, итальянскому минералогу А. Скакки или кому-нибудь из его окружения. В лаборатории у А. Скакки в Неаполе В.И. Вернадский начал научную командировку, но пробыл у него всего один месяц. См. комментарий № 2 к письму № 40. В архиве В.И. Вернадского сохранилось одно письмо от Eugenio Scacchi от 26.VIII 1888 г. (ф. 518, оп. 3^a, д. 273).

³ «Генералом» за внушительную внешность в шутку называли одного из самых старых членов «Братства» – Николая Васильевича Харламова.

⁴ Письмо не сохранилось.

⁵ В.В. Водовозов.

⁶ Андрей Николаевич Краснов. Письма А.Н. Краснова к В.И. Вернадскому за 1888 г. опубликованы в сборнике: Профессор Андрей Николаевич Краснов (1862–1914). Харьков, 1916. С. 114–132.

⁷ С высоты птичьего полета (фр.).

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ В открытке от 13 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Я написала два слова Краснову и послала ему письмо Васи» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 44).

¹⁰ И.М. Гревс.

¹¹ В своих воспоминаниях И.М. Гревс писал: «Сам (Краснов. – *Ред.*) отделился от кружка, отчасти разойдясь в исканиях и влечениях, отчасти чем-то обиженный против нас, задетый как-то в личном самолюбии или не захотев разъяснить какое-то происшедшее недоразумение: часто бывает, что мелочи служат причиной порчи доброй связи между людьми» (Былое. 1921. № 16. С. 147).

¹² А.А. Корнилов. В открытке от 13 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская сообщает адрес Корнилова: «СПб., Саперный переулок, д. 11, кв. 29» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 44).

¹³ Роберт-Виктор Путткаммер с 1881 г. был министром внутренних дел Пруссии и вице-президентом. Во время выборов 1887 г. допустил грубое давление на избирателей, чем вызвал чрезвычайную ненависть к себе. В 1888 г. при Фридрихе III получил отставку.

¹⁴ «Санкт-Петербургские ведомости» – старейшая русская газета, основанная по указу Петра I, выходила с 1703 по 1917 г.

¹⁵ «Le Figaro» – ежедневная газета, издается в Париже с 1826 г. до настоящего времени. Одна из старейших и наиболее информированных буржуазных газет Франции.

¹⁶ «The Pall Mall Gazette» – английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне с 1865 по 1920 г.

¹⁷ «New York Herald» – ежедневная газета, основана в 1835 г. В 1924 г. слились с «Tribune». «New York Herald Tribune» одна из ведущих ежедневных буржуазных газет США.

¹⁸ «Allgemeine Zeitung» – ежедневная газета, издается с 1850 г. до настоящего времени в Майнце.

№ 42

11 июня 1888 г., Мюнхен¹

Дорогой мой, родной, славный цыпленок. Крепко, много раз целую тебя [...] Погода здесь отвратительная, холодно очень – неужели и в Вильдунгене то же самое, надеюсь, что там лучше. Сегодня (около 8 часов утра – иду сейчас в библиотеку) напишу еще, а пока пишу несколько слов. Работаю порядочно, и работа об оптических аномалиях оказывается интересной. Вчера Грот говорил, что хочет пойти на следующей неделе со мной в библиотеку, чтобы узнать какие там есть русские журналы, чтобы я составлял рефераты для «Zeitschrift»². Я очень поблагодарил его, но говорил, что я плохо пишу по-немецки и не лучше ли мне вместе с Юргенсоном, но Грот не согласился и сказал, что поправлять мы будем вдвоем с ним. Для работы дает мне книги, как он говорит, *privatim*³ из своей библиотеки. Он говорил с Зонке, тот оставил мне место⁴... Купил я вчера книгу или, лучше сказать, подписался на журнал, который выходит 4 раза в год, и плачу за каждый номер по 3 марки. Это: «Archiv f. soz. Gesetzgebung u. Statistik, vier teljarschrift zur Erforschung d. gesellsch. Zustände aller Länder»⁵. Начал издаваться в этом году в Тюбингене, но главная редакция в Мюнхенской...⁶ Хорошо бы по прочтении посылать в Россию. Это чисто научный журнал. Крепко, много раз целую тебя. Пишу каждый день. Пиши больше.

Твой Додя

Д. 35. л. 1а.

¹ Очевидно, письмо было написано 11 июня, так как в Вильдунгене Н.Е. Вернадская находилась с 9 июня (открытка Н.Е. Вернадской от 8.VI из Франкфурта), письмо В.И. Вернадского от 10 июня сохранилось, в письме от 13 июня В.И. Вернадский пишет о том, что 12 июня он не писал.

² Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie) – международный кристаллографический журнал, который издавался в Лейпциге на немецком языке, издателем его был П. Грот. В.И. Вернадский, находясь в Мюнхене, начал работу по подготовке реферативных обзоров новейших исследований русских кристаллографов. Возвратившись в Россию, он продолжил эту работу (ф. 518, оп. 7, д. 37, лл. 76, 105).

³ Частным образом (лат.).

⁴ Речь идет о месте в лаборатории Л. Зонке в Мюнхене, где осенью 1888 г. В.И. Вернадский изучал капиллярные свойства кристаллов, кроме того, В.И. Вернадский прослушал его курс лекций по кристаллографии.

⁵ «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik, vier zur Erforschung der gesellschaftlichen Zustände aller Länder».

⁶ Одно слово неразборчиво.

№ 43

13 июня 1888 г., Мюнхен¹

[...] Вчера не писал тебе, потому что был физически уставшим, хотя занимался все-таки довольно долго, до 1/2 2. Вчера кончил учиться с определением кварца с университетским прибором и сегодня начну работать с совсем новым для меня прибором – Total refractometer Кольрауша. Работа моя идет так себе, и я чувствую, что все более и более научаюсь методам, т.е. у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленнее и сильнее работает мысль. Вообще с головой моей делается странное, она как-то так много фантазирует, так полна непрерывной работой, как давно, давно не было. Минуты, когда ты обдумываешь те или иные вопросы, когда, соединяя известное уже ныне, стараешься связать эти данные, найти способ проникнуть глубже и дальше в строение вещества, в такие минуты переживаешь какое-то особое состояние, это настоящий экстаз. Я боюсь, что Грот меня примет за фантазера, потому что я постоянно все выдумываю новое. Вчера не удержался и еще ему наговорил. Ну, да все равно, потому что все это сильнее меня и я не могу не стараться познать. Вчера вечером особенно сильно работала мысль, и, продолжая дольше раздумывать над явлениями капиллярности (над чем буду работать зимой), мне пришла мысль, которая теперь мне кажется очень верной, а когда она явилась мне внезапно, как луч света, меня охватило какое-то волшебное состояние. Мне кажется, я нашел способ узнать настоящие расстояния между мельчайшими частичками твердой материи, проникнуть так глубоко, как еще не проникала до сих пор человеческая мысль, а это сделать опытом, воспользовавшись явлениями транспирации газов. Но я боюсь пока говорить об этом. Мысль поддало чтение книги Роско², которую я вчера-таки купил. В эту субботу буду в Тегернзее с Юринацем и другими из молодых людей, с которыми познакомился на первой экскурсии. Это очень милые люди – зоологи, а Юринац, посланный хорватами для приготовления к профессуре, мечтает о славянской федерации и особенно тепло ко мне относится как к брату-русскому. Мы говорили много – обедали вместе я, Юринац, Вольтер и Дриш (гамбуржец) – и о студенчестве, и о политике.

Твой Додя

Оля³ не шлет. Крепко целую.

N.B. Не захватила ли ты письма Агафонова, а то не знаю его адреса⁴. Написал ему письма и не могу послать⁵.

P.S. Пиши чаще. От мамы нет письма. Верно, обиделась. Посылаю тебе 300 марок. Что такое за «Ladies plaid» по-немецки? Плед это или нет?

Д. 35, л. 7.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² Очевидно, одно из изданий «Химии». См., например: Роско Генрих. Химия/Пер. с англ. М.А. Антоновича. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1879.

³ Очевидно, Ольга Ивановна Вернадская.

⁴ В письме от 14 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Адрес Агафонова: Островки (между Петербургом и Шлиссельбургом) у Фаминцына. Точный адрес он еще не знал».

⁵ Приписка слева.

№ 44

[14 или 15 июня 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя [...] Натусик [...] Только что вернулся из университета. Сегодня утром послал я тебе письмо Марии Ивановны² и Лидии Карловны³, а вчера Марии Ивановны и Маши⁴. Есть еще письмо Дмитрия Ивановича⁵, которое пришлю завтра или послезавтра, так как буду, должно быть, отвечать ему, а посылаю письма О.П.⁶ и Лиды⁷. Работал порядочно после обеда и кончил измерять 3-е вещество и начал 4-е (Грот сказал надо 10–12!) и все утро работал с определениями оптическими, плохо выходило, и я страшно, как всегда в таких случаях, злился. Сегодня со мной скандал и пренеприятный при теперешних финансах сюрприз: иду в Академию – смотрю, локоть моего сюртука прорван до невозможности. Пришлось зайти в английский магазин и купить единственный пришедшийся мне впору (остальные велики) светло-серый сюртучок (3 марки!). Бруньятели, впрочем, уверяет, что в Мюнхене это ничего (не знаю, замечает ли он, что у него локти также прорваны), но я шел в кафе «Луитпольд», и было неудобно (в «Луитпольде» оказались русские газеты – «Петербургские ведомости»⁸ и «Journal de [...] рb») ⁹, я вообще решил следить за газетами лучше: читаю русские, польские, итальянские, австрийские, французские, английские, американские и местные немецкие. Меню мое: утром чай, днем обед (сосиски, макароны, редька, кофе), каждый вечер картофель и какао – очень нравится. Сегодня разговорился с Бруньятели – действительно, очень знающий и довольно интересен, хотя, кажется, итальянец с немецкой подкладкой. Статья Зимонсфельда¹⁰ довольно интересна, очевидно, он страшно добросовестный и знающий человек, но излагать не умеет, судя по статье, это симпатичный человек, так как я не люблю ученого самомнения и мне нравится осторожность настоящей эрудиции (впрочем, статью не кончил).

Целую тебя очень крепко [...]

Получил твои письма из Аугсбурга, Вюрцбурга и Франкфурта¹¹.

Д. 35, л. 4.

¹ Письмо датируется на основании сведений, имеющихся в переписке Н.Е. и В.И. Вернадских. В письме от 13 июня Н.Е. благодарит Вернадского за присланное письмо и вложенное в него письмо Д.И. Шаховского (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 44); в данном письме имеется указание: «Есть еще письмо Дмитрия Ивановича, которое пришлю завтра или послезавтра» (л. 204), а в письме от 17 июня он пишет о том, что письмо Шаховского еще не придет.

² Старицкая.

³ Возможно, Вульфорт.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ Шаховской.

⁶ Возможно, Ольга Павловна Тимофеева – сестра Александры Павловны Тимофеевой (впоследствии жена С.Ф. Ольденбурга).

⁷ Личность установить не удалось.

⁸ См. комментарий № 14 к письму № 41.

⁹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

¹⁰ Где была напечатана статья, установить не удалось.

¹¹ Фраза написана на л. 4 (об.) поперек текста.

№ 45

[16 июня 1888 г., Мюнхен]¹

Сегодня ждал от тебя письма [...] но его не получил, за что тебя надо хорошенько выдрать за ушки, если только ты не больна. Сегодня вообще нет ни одного письма, а получил я только «Известия Геологического комитета» № 1, из того, что Мария Ивановна² не пишет сюда, я убеждаюсь, что она получила телеграмму, но меня беспокоит, что нет денег. Вчера я написал пять писем (Мелиоранскому о деньгах, Харламову, Скакки, тебе и Краснову) и сегодня буду писать, должно быть, Ону, Агафонову, Арцруни или Паше³. Денег мне для житья достаточно, но придется, как получу (надеюсь, на днях), затратить 40–50 марок на книги и карты для занятий, да и для экскурсий придется. Я думаю, что это не будет лишняя трата, да я еще очень волнуюсь, что ты [...] сидишь без денег в Bad Wildungen'e. Сегодня работал порядочно; лег вчера в 3-м часу и проспал сегодня утром, так что попал в Академию только к 10 часам, затем до 12 часов занимался, 12–1 – лекция Грота (сегодня без демонстраций, и вся мне известная вообще кристаллофизика в том объеме, в каком он ее читает до сих пор, – мне все старое; вот только со следующей недели начнет он менее известный мне отдел), затем ⟨от⟩ 2 ⟨до⟩ 4 опять работал и ⟨от⟩ 4 ⟨до⟩ 5 – лекция Зонке, ⟨от⟩ 5 ⟨до⟩ 6 в кафе «Луитпольд» читал газеты (сколько везде выходит интересного, как бьется жизнь под ногами, кругом; читал газеты разных стран света, кажется, живешь вместе и чувствуешь всю вселенную, огромную, тесную, бессознательную и, может быть, бессмысленную связь свою со всем кругом находящимся). Сегодня имел, кажется, довольно важный разговор с Гротом, говорили о той работе, которую предложил мне Мутман и которая оказывается и более сложной, и более общей, чем я думал. Она касается, как мне кажется, уже слишком раздутого вопроса, одного из модных вопросов науки – вопроса об оптических аномалиях. Вопрос состоит, в сущности, вот в чем (бедная Тутька!): в связи с известным геометрическим строением всякое вещество обладает определенным отношением к свету, строго зависящими от этого строения оптическими свойствами. Есть целый ряд веществ, которые составляют исключение из этого закона, в которых оптические свойства находятся не в такой связи с геометрической правильностью вещества, какую мы наблюдаем в других телах. Или та теория, тот закон, который мы думаем, что нашли, неверен (а он является одним из основных положений наших предположений о строении твердой материи), или такое исключение кажущееся. Такие тела называются обладающими оптическими аномалиями. Есть 2 теории: одна Малляра – указывающая на строение таких веществ вследствие правильного срастания кристаллических частичек меньшей симметрии, вследствие особых явлений притяжения какие-нибудь

косоугольные таблички, срастаясь вместе, дают правильный прямоугольный кубик и т.п. (помнишь, я тебе говорил об этом, когда составлял реферат о работе Вырубова), и 2-я теория, объясняющая эти явления разными растяжениями etc. Грот, по-видимому, увлекается работой Малляра и Вырубова; он же боялся пускаться в этот вопрос, который мне казался очень трудным и искусственно запутанным. Надоело мне с ними и в СПб. Теперь Грот хочет, чтобы я работал над этим вопросом над органическим веществом (мысль вполне правильная, что можно решить его только в некоторых случаях и работая над цепными **рядами** соединений, над чем давно возится Вырубов). Затем, к моему удивлению и смущению, предложил одну работу сделать сообща с ним, над какой-то его мыслью – под влиянием давления на оптические аномалии^{*}. Вышло очень неловко, так как я сразу не разобрал, в чем дело. Я очень поблагодарил его, но сказал, что очень бы хотел, но не знаю, достаточно ли времени; что затем зимой не хотелось бы бросать капиллярности; я сказал ему, что думаю, что лучше (как неуклюже перо передает мою мысль) мне этот семестр работать у него; он сказал, что если я решил это, то он переговорит с Зонке, чтобы тот оставил мне для зимы место в физической лаборатории, и что я могу вести обе работы. Заниматься я могу начать с **сентября**. Мы говорили о плане дальнейших моих занятий: в Париж, он находит, что **необходимо** ехать; лучше всего там работать от **января**, и он думает, что я успею сделать обе работы до **января** и уехать в январе в Париж (я возражал против этого, так как я работаю очень медленно и торопливо делать работы очень не люблю), что он спишется с Фуке, чтобы мне приготовили там место (лаборатория Фуке – лучшая, но я и не надеялся туда попасть), и даст всякие рекомендации. Он советовал мне для петрографии ехать к Кочечу в Грейфсвальд, так как это единственный профессор петрографии – учитель, со своими учениками он сидит целый день и следит за их работой и прочим. Он очень хороший химик. Но потом Грот согласился, что мне лучше в Вену, куда он мне даст всякие рекомендации и указания. Так что я могу свободно работать у Чермака, да, кроме того, он напишет Бржезине, и я буду свободно работать в Mineral Hof. Kabinett – лучший в Европе, но куда попасть трудно. Видишь ли, не правда ли, довольно важный разговор. Его любезность меня совсем смутила. Вообще странно. Надо подумать о зиме. Сентябрь – январь etc.

Твой Додя

Целую крепко, крепко.

P.S. Пришли адрес Ивана⁵; как только получу деньги, куплю ему книгу (новая книга о происхождении семьи!)⁶, а также и Шаховскому («Schulwesenskunde»), на основании австрийских школ – 5 марок, ведь не лишнее – напиши [...]

^{*} «Das wird eine kleine, aber sehr schon Arbeit»⁴.

Д. 35, лл. 5–6.

¹ Датируется по указанию в письме № 46 от 16 июня (см. с. 120).

² Старицкая.

³ Очевидно, Павел Егорович Старицкий.

⁴ «Это маленькая, но прекрасная работа» (нем.).

⁵ И.М. Гревс. В открытке от 13 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Адрес Ивана: Курская губерния, город Новый Оскол».

⁶ Возможно: *Engels Friedrich. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats.* Hottingen-Zürich: Verlag der Schweizerischen Volksbuch-handlung, 1884.

№ 46

[16 июня 1888 г., Мюнхен]¹

Моя маленькая [...] рыбка – получила ли ты мое большое письмо, посланное сегодня утром [...] (так как вчера у меня не было марки, а мне хотелось, чтобы оно пошло сегодня в 7 часов), а также получила ли ты 300 марок? Сегодня, вчера у нас была премерззейшая погода, теперь к вечеру лучше. Завтра праздник, я, может быть (если будет хорошая погода), отправлюсь на Шлирзее и Тегернзее, но не знаю как, так как до 12–1 часу буду работать – начну мою настоящую работу (об оптических аномалиях); сегодня кончил возню с рефрактометром Кольрауша, и случился маленький скандал: немного испортился Fadenkreuz, хотел отдать его починить на свой счет, но Грот не согласился, так как он был немного испорчен раньше. Сегодня я сделал покупку – купил сюртучок из настоящего тирольского сукна, очень хороший и для экскурсий, и для города (довольно дорого – 12 марок). Смерти императора Фридриха² здесь совсем не заметно: газеты ничего не пишут и о побитии Леопольда. Вот так свобода печати! История эта, однако, очень интересная. Весною унтер-офицер одного из полков, наказывая, искалечил солдата, так что солдат не может теперь работать (повредил ему ногу); при разбирательстве этого дела председательствовал принц Леопольд (сын регента), который обращался с солдатом бесчеловечно-грубо (заставил **стоять** больного!) и в конце концов присудил его к заключению. Мюнхенцы (простой народ) возмутились, устроили подписку и собрали солдату до 3000 марок, затем на принца Леопольда начались покушения, разбили окна его дворца и т.д. Вчера было уже 3-е покушение; напали на него **рабочие**, разбили экипаж и изранили его, подоспевшие солдаты и жандармы выручили его из рук толпы. Во всяком случае это очень интересно и рисует жизнь не совсем с той стороны.

Получил письмо от мамы, она очень, бедная, больна. Напиши ей, пожалуйста. Ее адрес?³

[...] Через 2 недели и 4 дня праздники. Читтель устраивает большую экскурсию, но я думаю, что приеду к тебе. Целую тебя множество раз. Пиши больше.

Твой Додя

Д. 35, л. 8.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² Фридрих III – король прусский и император германский (1831–1888), скончался 15 июня 1888 г.

³ В письме от 19 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Адрес твоей мамы – Павловск, Зверинская ул., дача Фотиевой» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 88).

№ 47

16 июня 1888 г., [Мюнхен]

88, VI, 16

Дорогая моя девочка [...] Получил от тебя сегодня твои короткие, но славные каракульки. От мамы получил сегодня еще письмо, отправлю их и другие письма завтра. Крепко, крепко целую тебя, моя [...] рыбка. Сегодня погода очень холодная и пасмурная, идет дождь, а я не рассчитал, не заказал дома обед, приходится выходить!

На экскурсию поэтому я не отправился. Получил еще книгу от Сергея¹ (а от него ни слова) и каталоги Панафидина², из них увидишь, что вышла очень интересная книжка о воспитании первоначальном ребенка, составленная Оболенским и К^{о3}, надо отдать им справедливость: в то время, как мы думаем делать, они делают. Книжка стоит всего 50 коп., и ты можешь ее, если интересно, выписать. Каталог посылаю.

Писал эти дни мало, как-то не пишется [...]

Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая, маленькая Тутя, как хорошо, что ты не в Мюнхене – это преотвратительный город по погоде – лета совсем нет, а уже половина июня. Хотел сегодня на выставку⁴, да засиделся, поздно (3¹/₂ ч.).

Крепко целую тебя, пиши чаще.

Будет хорошая погода, завтра поеду с Юргенсоном в Шлирзее и Тегернзее. Юргенсон просил тебе кланяться.

Д. 35, л. 9.

¹ С. Ф. Ольденбург.

² Панафидин А.Я. Каталог книжной торговли специально для иногородних. СПб., 1888.

³ О какой книге идет речь, установить не удалось.

⁴ Очевидно, на национальную выставку картин и скульптурных произведений.

№ 48

[17 июня 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя [...] посылаю тебе письма О.Ал.² и Сергея³, а письмо Шаховского – еще не пришло – все не прочитал. Погода невозможная, уже дня 2–3 не видно солнца, все очень холодно и идет дождь. Ну, и климат в Мюнхене – как-то задумываешься перевозить Юрку⁴, хотя, говорят, зимой немного лучше. Недавно прочел статью Ганна⁵ (одного из лучших современных метеорологов) о температуре в Восточных Альпах и понял, что еще в Мюнхене лучше, в долинах Крайны и Каринтии зимы обыкновенно не теплее сибирских, там царит настоящий континентальный климат; только в южных долинах на южных склонах хорошо. Досадно, что в праздники такая погода, что едва можно высунуть нос из дому. Отвечала ли Краснову? Письмо его пошлю сегодня или завтра. Из твоих писем (пришли в одно время) вижу, что по одному – ты останешься, по другому – переезжаешь в другую виллу (что это за «виллы»? в Вильдунгене?)⁶, и я боюсь, нехорошо ли тебе утомляться, так далеко и много ходить. Отдыхаешь ли дорогой? И это ничего в хорошую погоду, а в дурную? Напиши, что Мария Ивановна⁷ пишет про Юрку – она наверное пишет, так как знает, что на водах одна ты еще больше будешь беспокоиться,

просто, верно, письмо не дошло – они идут через Берлин, где теперь сумятица. Какие противные воззвания к солдатам и морякам нового императора⁸.

Занимаюсь так себе, хотя на меня очень скверно влияет эта пасмурная, грозная погода, она как-то густой паутиной окутывает мысль, то ли дело когда ясное, живое солнце и кругом зелень! Из красновского кружка знаю всех, из них Владимир Храповицкий (брат тебе известного Александра), мой большой приятель, очень искренний, очень добрый человек, человек способный, но, по моему убеждению, не особенно умеющий продумывать свои убеждения, это человек очень хороший и, я думаю, довольно к нам близкий (2 пункта: славянофил немножко и прежде был православный ортодокс), когда один остается – плохой борец. Другой – «поросенок» (прозвала Александра Михайловна⁹) Кузнецов – его я физически не люблю, но, может быть, мы говорим на разных языках: боюсь, что он влияет на Краснова, а ему я не доверяю, но, может быть, ошибаюсь. Половцов – наиболее интересен из кружка, потому что, несомненно, человек с характером, очень неглупый и порядочный работник, много только у него барского и помещичьего – но сходит; Симонова знаю мало, но, кажется, безличность. Это тоже молодые люди, про которых говорил Фом.¹⁰: меня удивляет, что Андрей¹¹ не называет еще нескольких лиц, одно – молодой Ивановский, мой приятель, из кружка Васи¹², несомненно, человек недюжинный, если не по уму, то по характеру, я его ставлю выше, чем ставит его Вася, и думаю, что прав я. Прежде Андрей был ближе с Александром Храповицким, но потом разошелся. Этот кружок составил из людей, вышедших из разных кружков. Владимир Храповицкий и Половцов были в кружке Новгородцева, о котором я тебе говорил (в сильной степени по моему настоянию), но, к сожалению, события не дали им ближе связаться, а Половцов стал в очень неловкое положение.

Крепко, крепко целую тебя, моя родная, милая Тутик.

Пиши мне чаще и больше, береги себя и ничем не занимайся. Что ты ешь – напиши подробно.

Твой Додя [...]

Д. 35, л. 10.

¹ Датируется по ответу на это письмо Н.Е. Вернадской от 18 июня 1888 г., в котором она пишет: «Получила сегодня твое письмо от вчерашнего числа» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 5).

² Личность установить не удалось.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Георгий Владимирович Вернадский.

⁵ Где была напечатана статья, установить не удалось.

⁶ В письме от 18 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «... не разобрал, остаюсь я или переменяю комнату. Я остаюсь и очень этим довольна... Ты спрашиваешь, какие у нас виллы? Настоящие виллы – дома-особняки, окруженные садом» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 5).

⁷ Старицкая.

⁸ «Сумятица», о которой пишет В.И. Вернадский, была вызвана смертью Фридриха III (15 июня). На престол вступил его сын Вильгельм II, который в тот же день обратился с воззванием к армии и флоту, указывая в нем на неразрывные традиционные связи своего дома с военным сословием. Только 18 июня, через 5 дней, появилось его послание к народу.

⁹ Калмыкова.

¹⁰ Личность установить не удалось.

¹¹ А.Н. Краснов.

¹² В.В. Водовозов.

№ 49

[18 июня 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя Тутька – потерял или не записал адрес Андрея, а потому посылаю это письмо через тебя; пришли мне его адрес² [...] Относительно знания людей ты все-таки меня не поняла, не понимаю, отчего я стал так темно писать (сам это чувствую). В газетах прочел (в русских), что Потапов, инспектор студентов в Казани, которого побили, назначен товарищем попечителя – вакханалия, по-видимому, продолжается. Вчера был на выставке³. Очень интересно, и сожалею, (что) не захватил каталога – только немцы со своими военными и патриотическими картинами тошнят. Из мюнхенских новостей: по Neuhauser str. ходит конка (и вообрази – ай да немцы – с бубенчиками!). Зимонсфельд выпустил толстое 2-томное сочинение⁴: в объявлении помещения и реклама, восхваляющая и его, и его труд, нашел я еще одну издающуюся здесь социал-демократическую газету: «Recht auf Arbeit»⁵ – по-видимому, очень интересная, главным образом по хронике; как-то умышленно другие газеты обо всем этом молчат.

Крепко, крепко целую тебя, моя маленькая [...] рыбка. Пиши больше.

Твой Додя

Долго ли шла? не пишешь?

Д. 35, л. 11.

¹ Датировано А.Д. Шаховской.

² В письме от 22 июня 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Адрес Краснова: Albrecht strasse, 20» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 11). С мая по 1 июля 1888 г. А.Н. Краснов находился в Берлине.

³ См. комментарий № 4 к письму № 47.

⁴ Очевидно: *Simonsfeld Henry. Der Fondaco dei tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. Stuttgart: J.G. Cotta, 1887. Bd. 1–2.*

⁵ «Das Recht auf Arbeit» – газета, выходившая в Мюнхене с 1884 г.

№ 50

20 июня 1888 г., Мюнхен

20.VI 88, Мюнхен

Дорогая моя, милая, родная Тутя [...] Я думаю, что на Петра и Павла¹ я приеду к тебе, тем более что Циттель едет в Зальнгофен в эту субботу и воскресенье и это последняя экскурсия Циттеля, придется отказаться от приглашения Зимонсфельда, хотя мне очень хочется у него быть.

Погода сегодня чудная, ясное синее небо, и солнце так светит, что чудо, хотя я чувствую какой-то странный оттенок, точно не верится, что после этих мерзких дней опять наступило лето. Работа моя идет понемножку, вещество очень интересное, и я, вдумываясь, вижу, что может выйти интересная работа, более даже, чем сперва казалось – только может выйти и казус. Я подозреваю, что один молодой итальянец (Пиутти) в Сардинии работает над тем же вопросом*, и вчера Бруньятелли написал ему, чтобы узнать – а то выйдет,

* Его химическая работа над этим веществом очень интересна, и – комизм – он встретился на том же пути с немцем, который работал, не зная о его работе, и часть потерял даром.

как с Сергеем². Мы решили с Мутманом, однако, продолжить работу. Я очень усердно теперь принялся за химию и за органическую и очень этому рад, потому что тут масса таких живых, горячих вопросов, так хорошо, когда ум углубляется в эти интересные вопросы, когда мысленно анализируешь строение материи, ищешь законы. Мне много даст книжка Меншуткина («Очерк развития химических воззрений»)³, затем читаю Роско⁴ (хотя, как теперь оказывается, я гораздо меньше забыл из химии, чем думал, и это заставляет меня несколько сомневаться в моем положении, что экзамены и хорошее к ним готовление – значения не имеют), а сегодня Мутман обещал мне принести 2 органические химии, по его мнению, лучшие – одна американца Ремсена⁵, другая шведа⁶, и он, несмотря на некоторый немецкий научный шовинизм, должен был признаться, что лучшие книжки – американца и шведа. Мутман мне все больше нравится, и как-то смешны Майер и Юргенсон, которые его ужасно мелочно не любят (они мне напоминают тогда шавок). Мне очень нужно знать органическую химию, потому что, я думаю, тогда можно совсем изменить систему минералов, да и работу над строением белковых веществ (в связи с генезисом жизни) я хочу рано ли, поздно ли начать. Сегодня на секции, по поводу работы Кюри, Грот говорил о явлениях капиллярности в кристаллах, говорил, что изменения (которые я и хочу сделать) еще не сделаны ни одним человеком, но что по теории они **несомненно** должны существовать. Он пришел к этому мнению совершенно из других соображений, чем я, и дал некоторые выводы, которые я сам не делал, но теперь вижу, что эти его выводы являются частными следствиями моих предположений, и я начинаю понимать, какой это важный, **коренной** вопрос. Если это, как думает Грот, удастся, получатся поразительные результаты – как-то боишься и мечтать – я начал теперь читать довольно внимательно по капиллярности и как-то, мне кажется, на меня приятно подействовало, что в первый раз человеческий ум познал существование капиллярных сил под чудным небом дорогой мне Италии и человек этот был один из самых лучших людей, величайших гениев – ученый, художник и общественный деятель Леонардо да Винчи... Тутя! Если бы больше мне сил и знания!..

Сегодня в «Nature» прочел очень интересную заметку о практическом воспитании; это изложение автором работы его⁷. Автор – американец Charles Leland – напечатал в Лондоне в этом году книгу «Practical Education»⁸, где он на основании опытов над 2000 детей пытается дать научные основы воспитанию ума и познания. Он горячий поклонник новейшей науки и считает, что память может развиваться очень сильно и что хорошее воспитание имеет целью развитие памяти в связи с развитием мышления (соображения). Он видит могучий рычаг этому – в ученье рисовать, пластике etc. Эта мысль гораздо серьезнее и важнее, чем она вначале кажется; я впервые узнал о ее существовании в прошлом году, знакомясь вкратце (по поводу проекта о промышленном образовании Вышнеградского⁹) с этим сравнительно новым методом, который особенно развился (и могуче) в Америке, и меня тогда очень поразило это на первый раз простое явление. Я думаю, что эту книжку очень интересно потом (когда ты выздоровеешь) иметь и хорошо прочесть. Леланд расхваливает (ставит наряду с Гекели, Спенсером etc.) сочинение совсем мне неизвестного автора David'a Kay'a¹⁰ о памяти. Вышла очень по теме интересная книга Моро: «La Folie chez les enfants»¹¹.

Сегодня у нас – у Юринаца, Дриша и меня – шел отчаянный спор о том, можно ли или не надо иметь на родных языках научные вещи. Мы с Дришем стояли за один научный язык, Юринац согласился, если только это будет латинский язык, а мы оба ставили английский, Дриш – даже французский. Во всяком случае это в немце очень интересно. Юринац с гордостью хочет, чтобы наряду с необходимыми для всех языками стоял и один славянский (русский). Вообще это очень милые люди, и я думаю, что с Дришем мы в очень, очень многом сойдемся. Мне нравится его стремление к науке и то, что он стремится к обобщениям и к вопросам общеинтересным (он ученик и страстный поклонник Эрнста Геккеля). Интересно, чем кончится новая эра в Германии. Курьезно: здешние баварцы-студенты держатся совсем в стороне от северных германцев. Как жаль, что мы теперь не в Риме, где теперь такие интересные движения и такая горячая уличная жизнь. Обратила ли ты внимание на торжество в Болонье – на тамошние депутации студентов, на речи там итальянских и немецких ученых о необходимости разоружения, мира – о приветствии **немецкими** студентами студентов французских и о греческих студентах. Здешние газеты стараются представить это как апофеоз Германии, но, читая это, видишь всю натяжку.

Крепко, крепко целую тебя [...] Береги себя, скорей поправляйся, не жалея денег. Отчего ты не пишешь, что ты ешь, меня это немножко наводит на подозрение. Не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем. Пишу каждый день (некоторые писал: *poste restante*)¹². Получила ли и отправила ли мое письмо к Андрею (его адрес?)¹³ и к маме*¹⁴ адрес?).

Крепко, крепко целую тебя, моя родная рыбка. Пиши больше.

Твой Доля

* Пошли скорей, а то она огорчится.

Д. 35, лл. 12–13.

¹ Праздник святых апостолов Петра и Павла приходится на 29 июня.

² Личность установить не удалось.

³ *Менишуткин Н.А.* Очерк развития химических воззрений. СПб.: Тип. В. Демакова, 1888.

⁴ *Роско Генрих.* Химия / Пер. с англ. М.М. Антоновича. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1879.

⁵ Возможно: *Ремсен Ира.* Введение к изучению органической химии или химии углеродистых соединений / Пер. с англ. и предисл. Н.С. Дрентельна. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1887; или: *Remsen Ira.* An introduction to the study of the compounds of carbon: or organic chemistry. Boston: D.C. Heath, 1887.

⁶ Возможно, В.И. Вернадский имеет в виду книгу шведского химика Берцелиуса. См., например: *Berzelius Jons Jakob.* Die Anwendung des Löthrohrs in der Chemie und Mineralogie. Nürnberg: Y.L. Schrag, 1844.

⁷ *Leland Ch. God.* Practical Education // Nature. 1888. Vol. XXXVII. April 12. P. 562–564.

⁸ *Leland Ch. God.* Practical Education. L.: Whittaker and Co, 1888.

⁹ Член совета министра народного просвещения Иван Алексеевич Вышнеградский в 1884 г. составил проект “нормального промышленного образования».

¹⁰ *Kay D. Memory:* What it is and how to improve it. L.: Regan Paul Trench and C°, 1888.

¹¹ *Moreau Paul.* De la Folie chez les enfants. P.: Bailiere fils, 1888.

¹² Фраза написана на полях.

¹³ См. комментарий № 2 к письму № 49.

¹⁴ См. комментарий № 3 к письму № 46.

[20 июня 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя [...] удивляюсь, отчего ты не получаешь моих писем – пишу каждый день, а сегодня второй раз. Сегодня получил диссертацию Клейбера (а раньше Левинсона), начал было читать, но слог очень плох. Тезисы мне его очень не нравятся, так взял вопросы, в которых или никто не сомневается, или решить хоть немного достоверно нельзя пока. Погода начинает проясняться, и может быть, надо надеяться, будет хорошо. Сегодня Зимонсфельд пригласил меня к обеду в воскресенье – надо будет пойти, хотя, кажется, будет экскурсия Циттеля вместо Петра и Павла² в эту субботу и воскресенье. А на Петра и Павла я тогда приеду к тебе. Здесь уже снят траур³, открыты сегодня королевские театры, и я было думал пойти на Вагнера, но жаль денег, хотя, надо думать, как-нибудь пойду. Бедные зоологи совсем промокли, хотя поймали 20 горных саламандр и черепах. Я с ними вместе обедал, они указали ресторан, где можно обедать дешево и хорошо, хотя со всем, с пивом, с прислугой обходится не меньше 80 [пф.] – 1 марки, а вся еда стоит мне не меньше 2, 2 с небольшим марок. Ужасно это скверно, а никак не могу лучше устроиться, потому что я не Сергей⁴. Утром пью какао (остатки; чай вышел) с хлебом и молоком; потом обедаю, т.е. ем одно, иногда 2 блюда, потом кофе (в кафе, это, как выйдет какао, изменю, так что буду пить в кафе утром), потом что-нибудь холодное – сыр или колбаса и опять какао, да еще вишни. И все это очень дорого. Да и за квартиру плачу дорого, и нанять теперь другую нельзя. Ну, да не беда.

Отчего ты не пишешь мне, что ты ешь, я так боюсь, что ты на этом будешь делать экономию, потому что ты пишешь, что у тебя так много денег. А из Питера мне не шлют; что это значит, верно, перепутал имя, отчество Мелиоранского.

Послал тебе брошюрку о ребенке (кажется, пустячная) вовсе не для того, чтобы ты занималась, а так, для твоей библиотечки – я понимаю, как приятно получать книжки по интересующему вопросу. Ивану⁵ непременно pošлю.

Крепко, крепко целую тебя, мой родной, ненаглядный цыпленок [...]. Здоровый. Пиши больше твоему Доде.

От мамы письмо какое-то нехорошее по духу.

Д. 35, л. 14.

¹ Письмо датировано А.Д. Шаховской.

² См. комментарий № 1 к письму № 50.

³ Траур по умершему императору Фридриху III.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ И.М. Гревс.

№ 52

[21 июня 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя девочка, крепко, крепко целую тебя, моя родная [...] очень сильно люблю тебя. Меня очень не радует, что у тебя болит бок, ты, может, не бережешься. Сегодня послал тебе плед, т.е. собственно из магазина обещали послать, но вот еще, я не взял никакой квитанции и боюсь – вдруг они не пошлют. Напиши мне скорей, когда получишь. Плед большой – серый в больших клетках. Боюсь, что не по вкусу. Мешочек атласный при пледе – мой подарок не в счет абонемента. Тутя моя [...] любит всякие мешочки. Сегодня не посылаю тебе писем, но скоро пришлю – есть еще письмо от Сережи². Сегодня был у Мутмана – заходил взять книгу, он очень славный малый, но много немецкого, много спорили и об искусстве: он не ходит на выставки и в оперу, потому что не любит людей в цилиндрах. Библиотека у него очень порядочная, большинство книг по физике и химии, но есть и по философии (Вундт, Ланге и т.п.), и беллетристика.

Крепко, крепко целую тебя, моя родная [...] Береги себя. Не жалея денег. Что ты ешь? Отчего ты об этом мне не пишешь. Пиши мне больше. Получила ли книжку и письмо к маме. Письмо Андрея³ (я получил тоже) хорошее. Он теперь тебе совсем предан.

Твой Додя

Д. 35, л. 15.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² Сергей Ефимович Крыжановский.

³ А.Н. Краснов.

№ 53

22 июня 1888 г. Мюнхен

22.VI 88

Дорогой мой цыпленок, еду завтра с Циттелем на 2 дня в Зольнгофен и пишу теперь несколько слов, так как надо встать завтра в 4 часа утра. Крепко, крепко целую тебя, моя маленькая девочка – в следующую субботу, может быть, буду с тобой на 1–2 дня. Мне так хочется скорей увидеть тебя [...]

Меня удивляет, что ты не получаешь моих писем; пишу, положительно, каждый день (теперь 2 дня не получишь) [...] Получила ли плед? – пиши все время. Получил письмо от Андрея¹ и очень недоволен им – такую чушь он делает с этой географией². Отчего ты не написала, согласна ли с моим письмом к нему; посылаю теперь другое, пошли ему немедленно – может, и он приедет к Петру и Павлу³. Целую тебя много раз.

С Циттелем далеко – 7 часов по железной дороге.

Твой Додя

Д. 35, л. 16.

¹ А.Н. Краснов.

² См. письмо № 41 и комментарий № 6 к нему.

³ См. комментарий № 1 к письму № 50.

№ 54

[23 июня 1888 г., Вассертрюдинген]¹

Дорогая Натуся! Пишу несколько слов с экскурсии. Очень было хорошо. Теперь возвращаемся в Гумпенгаузе спать и итальянцы (двое с нами) [...] Целую тебя крепко-крепко. Береги себя.

Твой Додя [...]

Д. 35, л. 17.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 55

24 июня 1888 г., Зольнгофен

24.VI 88

Дорогая Натуся! Пишу тебе несколько слов – мне хочется, чтобы ты получала и эти дни от меня письма, хотя я лишен удовольствия читать каракульки моей маленькой девочки. Поездка была очень удачная, и я имел несколько довольно интересных разговоров – между прочим, с японцем-геологом и американцем – оба довольно неразговорчивы. Со мной разговорились как с соседом, и мы чувствовали себя, действительно, ближе, чем к немцам. Еще один интересный разговор (научный) с бароном Толем, который был с Бунге на Новосибирских островах, то, что узнал я от него про занятия географией (он из Берлина), еще более *〈убедило〉* меня в моей правоте¹ ... Напиши мне и об этом твое мнение.

Крепко, крепко целую тебя, мой дорогой Тутик.

Твой Додя

Д. 35, л. 18.

¹ См. письма № 41, 53, 58.

№ 56

25 июня 1888 г., Мюнхен

25.VI, Мюнхен

Дорогая моя [...] пишу несколько слов. Сегодня опять начал заниматься – надо бы писать письма и т.п. – да лень и только тебе напишу несколько слов [...] Какую книгу выслать Марии Ивановне¹? Не знаю. На какие вопросы я не отвечаю? Сегодня получил письмо от «генерала»². Варшавский почтамт послал официальное требование в Неаполь о выдаче денег. Не понимаю, отчего нет денег из министерства. Завтра буду вторично писать. Вчера был интересный разговор о свободе и республике. Борелли (зоолог) – отчаянный республиканец – вступил в спор с немцами, в котором и я принял участие, потом спор перешел на Францию (за нее стоял Борелли и [М...]³, я, Юринац и Дриш, а против два немца), а затем с медиком, о котором я говорил тебе, – о

грамотности. С Дришем сегодня очень интересный разговор; у него интересно идет теперь ускоренно работа – говорили мы немного о социализме, свободе и милитаризме.

Крепко целую тебя.

Твой Додя

На обороте: Frau Natalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, **Wildungen Waldeck**.

Д. 35, л. 19.

¹ Старицкая.

² Н.В Харламов (см. комментарий № 3 к письму 41).

³ Фамилия написана неразборчиво.

№ 57

26 июня 1888 г., [Мюнхен]

26.VI 88

Дорогая моя Тутя, пишу тебе сегодня несколько слов. Работа моя идет понемножку, и тема оказывается очень интересная. Вчера в новой рабочей газете (выходящей в Нюрнберге и очень хорошей)¹ прочел интересную заметку о социализме в Мюнхене – собрания там запрещаются, но ⟨число⟩ социалистов в Мюнхене все увеличивается, что показывают выборы. Статья заканчивается, что о их силе в Мюнхене скоро узнают. Здесь сегодня опять дождь.

Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая рыбка. Не понимаю, отчего нет денег, и сегодня послал заказное письмо Мелиоранскому, а завтра заказным пошлю к Богушевскому – с просьбой справиться о деньгах и о статье².

Крепко целую.

Твой Додя

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, **Wildungen (Bad) Waldeck**

Д. 35, л. 20.

¹ О какой газете идет речь, установить не удалось.

² Очевидно, речь идет о статье: *Вернадский В.И.* О фосфоритах Смоленской губернии // Тр. Вольного экон. о-ва. 1888. № 11. С. 263–294.

№ 58¹

[29 июня 1888 г., Мюнхен]²

Тутька [...] читала, читала мою переписку с Андреем³ и ничего не поняла. Ведь я в немногих словах говорю следующее. Если Андрей хочет на **вновь** учрежденную кафедру географии, то он **не имеет права** ставить главным предметом своих занятий физическую географию. Для этого есть уже кафедра, раньше основанная, а на новой кафедре должно читаться новое, и для этого нового Андрей много еще должен учиться. Андрей хочет на вновь учрежденную кафедру географии, а между тем готовится по физической

географии – я ему говорю, что я считаю это **общественным грехом** и не могу принимать во внимание ничего, что полезно для физической географии (да и для физической географии профессор раньше тропиков должен знать основы методики, чего Андрей не знает). В этом весь разговор, и как надо тут действовать – ясно, что география – философия естествознания. Это немножко trop fori⁴, что в географии есть известные обобщения – несомненно, но целые отделы географии и по своей методике, и по своей обработке совсем к естествознанию пока не принадлежат; каким образом география будет обобщать данные наиболее развитых естественных наук: физики, механики, химии, астрономии и пр. – решительно не знаю. Вообще это очень опасное мнение, так как легко приведет к чтению легкого, популярного попури – что особенно легко, когда лектор талантлив, а основ методов и продуманной переработки материала у него нет. Тропики я считал и считаю очень важными, но когда мне надо делать какое-нибудь дело и я, не зная первых условий этого дела, поеду под тропики – я считаю легкомысленным; для меня лично очень важно побывать под тропиками, оно будет, вероятно, нужно и для одной работы, о которой я давно думаю (назову минералогической географией) – но теперь ехать было бы с моей стороны бессмыслицей. Совершенно то же и со стороны Андрея. Завтра еду к тебе, моя рыбка, и буду в пятницу около 6 часов вечера в Вильдунгене (постараюсь попасть с другим поездом и тогда приеду в 12–49 дня, только от Ульма во Франкфурт с курьерским⁵). Крепко целую [...] У меня несчастье с костюмом. На экскурсии порвал брюки, а вчера в лаборатории сжег сюртук (новый английский) и едва не сжег рубашку!

Целую тебя крепко, крепко, скоро свидимся.

Твой Додя

P.S. Завтра снимаюсь в группе с Циттелем и другими участниками экскурсии.

Д. 35, л. 21.

¹ Письмо написано карандашом.

² Письмо написано, очевидно, 29 июня, так как он пишет: «Завтра еду к тебе, моя рыбка, и буду в пятницу около 6 часов вечера в Вильдунгене». Пятница в конце июня 1888 г. приходилась на 31 число (см.: *Селезников С.И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1972. С. 199). Второго июля утром Вернадский уже вернулся в Мюнхен.

³ См. письма № 41, 53, 55 и комментарии к ним.

⁴ Слишком (фр.).

⁵ Вписано над строкой чернилами.

№ 59

2 июля 1888 г., Мюнхен

2.VII 88, Мюнхен

Дорогая Натуська, пишу из Мюнхена – утром, так как во Франкфурте на вокзале нет почты и я ни в буфете, ни в окрестных лавках не мог купить писем. Представь себе – в буфете вокзала я в 9 часов вечера не мог достать

кофе! Доехал хорошо и сейчас иду в Академию. Крепко, крепко целую тебя, моя дорогая, маленькая девочка.

Еще не был дома. Пиши скорее и хорошо ешь. Моя радость и счастье.

Твой Додя

На обороте: Frau Nathalie **Vernadsky**, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad **Wildungen** Waldeck
Д. 35, л. 22.

№ 60

3 июля 1888 г., Мюнхен

Дорогой мой цыпленок, моя миленькая драгоценная славная девочка, посылаю тебе письма Сережки¹ и Маши Щербацкой, письма очень хорошие, хотя с Сережкой я в корне не согласен – я писал о ближайших друзьях, а не о стране. А стремление к образованию всеросс. всечеловеч.² считаю очень вредным именно потому, что оно **возбуждает** национальную вражду. Да и вообще я не понимаю, как он не видит того, что de facto его теория ни к чему, как и национальная вражда и борьба, не приведут. Ему я буду отвечать. Относительно М. Щербацкой не согласен потому, что не согласен с исходным положением³. Я не смотрю на народ как на зверя с дурными инстинктами, которого сдерживает от дурных поступков религия – это очень обычное в пользу религии положение никогда не было проверено и исходит из обобщений, которые приняты быть не могут. Так называемое религиозное чувство и есть сумма нравственных стремлений, которые могут облекаться в те или иные формы – но самые формы имеют очень малое значение. Существование «религиозного» чувства есть прямое следствие общественной, не одинокой жизни – оно сильнее всяких религиозных форм и для народных масс может иметь значение и все то, что есть и для образованных людей – никаким зверем они не сделаются. Понимаешь, жизнь вместе, в одном обществе, постоянно питает «религиозное чувство», и они, т.е. хорошие нравственные отношения, не могут исчезнуть, каковы бы ни были формы. Взгляд на такое значение религии, какое высказывали в 18-м столетии еще Вольтер и другие, кажется мне в корне недосказанным и весьма вредным, так как ведет к распространению веры. Крепко, крепко целую тебя, моя родная, ненаглядная Натуся.

[...] Вчера была хорошая вечером погода, а теперь с утра дождь. Целую тебя крепко.

Твой Додя

3.VII. 88. Мюнхен. P.S. Денег до сих пор нет!

Д. 35, л. 23.

¹ С.Е. Крыжановский.

² Так в тексте.

³ В письме от 5 июля 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «То, что пишет Маша Щербацкая о невозможности разрушать религию в народе, я как-то всею душою разделяю, да ты это знаешь...» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 149 об.).

№ 61

4 июля 1888 г., [Мюнхен]

4.VII 88

Дорогая Натуська, только что получил твою коротенькую записочку о Сергее¹. Очень хорошо, что все хорошо. Я переселился в новую комнату – устроился хорошо. Работа моя идет хорошо, но вчера, кажется, случилось маленькое несчастье – я потерял свою тетрадь с результатами наблюдений по приборам, тщательные поиски мои, Мутмана, Бруньятелли не привели ни к какому результату. Придется все делать снова, что очень и очень неприятно, так как около недели работы, да и на другом кристалле у меня получаются результаты еще более интересные – нельзя сравнить. Надеюсь, что не пропала. 28 июля по поводу столетия Людвига² официально кончается летний семестр. Крепко, крепко тебя целую.

Твой Додя

Денег до сих пор нет – это меня начинает удивлять. Я решительно не могу понять, в чем дело. Напиши твоим, чтобы выслали скорей, так как можем очутиться в очень неприятном положении. Во всяком случае, это черт знает что!

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen Waldeck

Д. 35, л. 24.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Очевидно, Людвиг I, Карл-Август (1786–1868) – король Баварский (1825–1848), который в 1826 г. перенес университет из Ландсгута в Мюнхен.

№ 62

5 июля 1888 г., [Мюнхен]

Дорогая моя Тутя, моя славная, милая девочка – пишу немного, так как спешу в Академию – уже 9-й час утра. Вчера свою Notizbuch нашел – и был очень рад, по ошибке ее захватил Майер. Вчера весь вечер прокутил: приехал из Петербурга Введенский – читает в университете и на женских курсах физиологию, и мы вместе с ним были у «Изара», а вечером в английском кафе, где порядочная музыка, но как-то все по-бюргерски. Введенский, знакомство с которым у меня было шляпочное, довольно интересный человек, но неприятно действует его высокое о себе мнение, которое проскальзывает все время, человек он, впрочем, кажется, не дурной. Он сообщил мне приятную новость, что Книпович в СПб.¹ – получил разрешение туда вернуться; незадолго перед отъездом Введенский его видел – он нашел на первое время какую-то корректуру. Надо бы ему написать, но не знаю адреса. Целую тебя крепко, крепко, моя маленькая, дорогая, славная девочка. Здесь погода тоже ужасная. Пиши мне больше. От Ани² получил письмо, где она пишет, что Егор Павлович³ думает выплатить 1500 руб. долга (краткосрочного) в банк из твоих денег и спрашивает мое мнение. Я хочу отвечать, что мы об этом и

раньше думали и что вообще даю ей *carte blanche*, так что если хочет, то может выплатить, может и нет.

Целую тебя крепко, моя родная, ненаглядная Тутя.

Твой Додя

5.VII 88.

Д. 35, л. 27.

¹ Николай Михайлович Кнппович в 1886 г. был арестован за революционную деятельность.

² Анна Егоровна Старицкая.

³ Старицкий.

№ 63

6 июля 1888 г., [Мюнхен]

6.VII 88

Дорогая моя, родная, славная Тутя – получил сегодня твою коротенькую записочку и очень удивился, что ты пошла пить воды – ты мне писала, что тебе нельзя пить [...] Напиши. Сергею¹ пишу сегодня. Эти все дни был в какой-то кутерьме и частью сильно уставал. Денег до сих пор нет, и это решительно меня удивляет, во всяком случае со стороны Мелиоранского большое свинство – если вышло какое-нибудь затруднение, то должен был бы написать. Подожду несколько дней и напишу Саше², чтобы он отправился и разузнал. Написала ли своим о деньгах? Крепко целую тебя. Скорее была бы ты тут.

Твой Додя

На обороте: Frau Nathalie **Vernadsky**, Brunnen Str., Villa Schreiber, **Wildungen Waldeck**

Д. 35, л. 25.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Очевидно, Александр Сергеевич Зарудный.

№ 64

6 июля 1888 г., [Мюнхен]

Моя дорогая радость [...] так хочется [...] поговорить с тобой и так недостаёт, что тебя нет возле меня. Хотел сегодня написать тебе довольно много, но не успею тогда бросить, а потому лучше напишу несколько слов. Погода ужасная. Получил письмо Андрея¹ – ответь, что ты думаешь, я думаю, что **надо** помочь². Ответь скорее. Денег до сих пор нет! Введенский говорил, что он думает, что задержка в том, что их вносят в смету, но отчего не извещают! Он был так любезен, что предлагал мне денег, говоря, что я ему вышлю, как получу, но у меня еще есть. Меня беспокоит, как будешь ты. Написала ли своим? Ответь. Есть два письма от сестер³ – мне как-то все это неприятно – Катиного письма еще два дня не прочел – неприятно. Мне не нравится,

что ты во многом согласна с Сережкой⁴ – я отвечу тебе, и ты пошлешь ему; мне кажется, вы недостаточно серьезно относитесь к моему мнению, между тем это одно из очень немногих убеждений, относительно которого я **уверен**, что ближе к правде, чем вы все (может, за исключением Шаховского, Кати⁵ etc.). Так много я не только передумал, но и перестрадал по этому вопросу. А как Сережка фельетонно легко отнесся к вопросу о Достоевском и чувству поляков! Мне кажется так ясно, что вы непоследовательны и стоите за такое **насилие**, перед которым остановится и иной последователь теории насилия (мне вспомнились твои слова в последний приезд, что в школах на чужом языке является страдательным одно поколение – точно этого мало! Да это и неверно). Пока довольно – напишу скоро: завтра весь день буду писать. Так хотелось бы, чтоб ты была тут у меня, моя ненаглядная [...] девочка. Целую тебя.

Твой Додя

6.VII 88.

Д. 35, л. 26.

¹ А.Н. Краснов.

² Речь идет о материальной помощи. В письме от 24 июля 1888 г. А.Н. Краснов писал: «Благодарю тебя за обещание устроить мне заем. Тогда мы могли бы устроить совместную экскурсию...» (ф. 518, оп. 3, д. 851, л. 56).

³ Екатерина Ивановна и Ольга Ивановна Вернадские.

⁴ С.Е. Крыжановский.

⁵ Возможно, Е.С. Кавос.

№ 65

[8 июля 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя, радость моя, моя неопенимая, ненаглядная Натуся – так, так сильно люблю я тебя, что ужасно сильно хотелось бы, чтобы ты была возле меня [...] Писем я писал мало в последнее время, написал только письмо маме, Сергею² да начал Докучаеву. Меня начинает брать злость, что не шлют денег! Писал мало писем, потому что был с Введенским и не было времени заниматься, а сегодня, например, воскресенье провел следующим образом: утром кое-что читал, затем отправился в Английский парк и там штудировал статью Малляра об оптических аномалиях³. Во 2-м часу пошел обедать, а оттуда зашел в кафе и читал газеты. Туда пришел Дриш, Юринац и молодой румын – зоолог Антипа, который хотел перед отъездом (в Иену) поговорить со мной; мы были в кафе, потом гуляли, и я много говорил, особенно с Дришем – выпили на брудершафт **водой**. Проводили Антипу и в 1/2 8-го отправились закусить, и после отправился я с Дришем домой, но вместо дома попали в Английский парк и проходили там часа два, и теперь, вернувшись (11 часов ночи), пишу тебе. Говорили мы сперва о психологии и самых выспренных вопросах философии, а затем разговор сошел на более простую почву – мы говорили о братстве, я ему много рассказывал о том, что мы устроили и переживали в СПб. Это человек замечательно близкий по воззрениям к нам; он говорит, что от социализма в том виде, в каком он есть в Германии, его отвле-

кает только то, что он стеснит личную свободу, которую он высоко ставит, и может привести к падению науки. Дриш говорит, что его мнение – почти нет лиц в Германии (ему не встречались, кроме 2–3 лиц [...]), и я убеждаюсь, как велико брожение и богатство мысли в России. Он жил в Гамбурге со своею матерью, по-видимому, чрезвычайно замечательной женщиной – она переживала все с ним и по мере того, как он переходил из религиозного фанатизма, который у него был, к увлечению Дарвином и тому подобным – **то же самое** переживала его мать. Когда она умирала, она говорила ему, что не верит в бессмертие души, но что ей не страшно умирать и что ему она может желать такого же спокойствия, когда придет его конец, так как она ясно чувствует и сознает общую связь свою с миром и вечное перерождение природы. Настоящий пантеизм (немка!!). Мы говорили очень, очень много, и я ему много говорил про тебя. Пиши.

Твой Додя

P.S. Написала ли про деньги своим? Ответь. А то для лечения. Для меня у меня еще есть. Пиши, моя маленькая, ненаглядная девочка, больше [...]

Д. 35, л. 28.

¹ Очевидно, письмо было написано 8 июля, на которое приходилось воскресенье (см.: *Селешников С.И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1972. С. 199), так как в письме В.И. упоминает: «...а сегодня, например, воскресенье провел следующим образом...».

² С.Ф. Ольденбург.

³ См.: *Mallard Ernest.* Prenom. opt. Anormaux // Ann. d. Mines. 1876. N 10. P. 143.

№ 66

[10 июля 1888 г., Мюнхен] ¹

Дорогая моя, маленькая девочка, крепко, крепко целую тебя – меня очень беспокоит, что тебе не хватает 20–40 марок, я подожду еще один день и тогда займу (20 марок могу и так прислать) и пришлю. С этими деньгами в самом деле поступают бессовестно, и я решительно не могу понять, в чем дело, хотя бы ответил – отчего не присылает, а то так это настоящее свинство. Я написал сегодня Александру ², чтобы он пошел в Университет и справился. Пиши и скорее приезжай, моя родная, неоценимая [...] девочка – я не понимаю, каким образом тебе хватит денег – наверное, экономничала. Это просто ужасно [...] Завтра утром или сегодня вечером вышлю 25 марок, которые у меня есть. Крепко целую тебя, рыбка. Пиши [...]

Твой Додя

Скандал: не знаю адреса Александра – напиши скорей.

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad **Wildungen, Waldeck**

Д. 35, л. 29.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

№ 67

[11 июля 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогой мой, маленький, милый цыпленок! Вчера послал тебе 25 марок, которые у меня были, но все ужасно боюсь, что ты в последние дни наделала массу глупостей и слишком берегла деньги. Теперь так скоро будем вместе, моя дорогая, золотая рыбка. Я, правда, не исправился – да не знаю, эта противная погода совсем не дает мне работать, и голова что-то болит последние дни. Работа моя подвигается понемножку. Письма Шаховского не послал, потому что скоро все равно приедешь. Относительно космополитизма etc. мы поговорим. Мне кажется, у вас о космополитизме какое-то очень странное представление. О хохламонстве², мне кажется, тем будет яснее мое отношение: я всюду стою за такие движения (вспомни об армянах etc.), и если буду жить на юге, то, конечно, буду принимать участие в национальном движении – на Кавказе – местных народов, в Малороссии – украинцев etc.

Целую тебя крепко [...]

Достану [монетов], приеду³.

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen, Waldeck
Д. 35, л. 30.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Так в тексте.

³ Приписка на полях слева.

№ 68

[12 июля 1888 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя девочка. Пишу тебе только несколько слов, чтобы сказать, что люблю тебя и жду. Вечером в субботу встречу. Получила ли деньги? А денег все не высылают!

Целую тебя крепко.

Твой Додя

На обороте: Frau Nathalie Vernadsky, Brunnen Str., Villa Schreiber, Bad Wildungen, Waldeck.
Д. 35, л. 31.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 69

[31 июля 1881 г., Зальцбург]¹

Дорогая моя Натуся. Пишу тебе из Зальцбурга, выезжаю сейчас отсюда и еду в Цель, чтобы посетить, если возможно, Зульцбах – одно из самых замечательных по минералогии мест Зальцбурга. Здесь страшно жарко, и я вспоминаю тебя, бедненькую, в душном вагоне с массой дам (собственно го-

вора, я думаю, что самое ужасное – ездить в таком обществе), беденькая моя девочка – теперь ты, должно быть, подъезжаешь к Вене.

Крепко целую тебя, моя дорогая, пиши мне. В Инсбруке надеюсь получить твое письмо. Краснову послал деньги и телеграмму, а также Харламову. Был в музее – очень много интересного, да и устройство самого музея – очень интересно. Пиши.

Крепко тебя целую, моя ненаглядная.

Твой Додя

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж.д., дача Старицкого, Russland, via St. Petersburg.

Д. 35, л. 57.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 70

31 июля 1888 г., Цель¹

Дорогая моя Натуся. Сейчас (впрочем, недобровольно) выезжаю в Инсбрук. Начал свои экскурсии очень удачно; здесь (очень хорошенькое местечко) нашел интересные образчики минералов и было собрался сделать большую экскурсию (через Зульцбах, в Зальцбурге, в Циллерталь и Пфин в Тироле), как все пришлось изменить. Полез я на гору Шмиттенгофен – лез уж $\frac{3}{4}$ горы (она вся до 2000 (метров)), как сломал очки, и пришлось возвращаться назад, и теперь еду в Инсбрук, где куплю очки, и если будет малейшая возможность, то сделаю ту же экскурсию с другого конца, т.е. Циллерталь и Пфин и Зульцбах. До 7 августа у меня еще есть время, а это одно из лучших мест по минералам. Все-таки досадно, так как с Шмиттенгофена прекрасная панорама, и она только-только начала мне открываться!! Крепко целую тебя, мою дорогую, родную, берегись. Мой сердечный поклон всем. Теперь, как я пишу, ты должна быть в Варшаве. Моя дорогая Натуська.

На обороте: Наталье Георгиевне **Вернадской**, Териоки по Финляндской ж.д., дача Старицкого, Russland, via St. Petersburg.

Д. 35, л. 58.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 71

1 августа 1888 г., Инсбрук

Инсбрук, 1 август, 88

Дорогая моя, маленькая, милая Натуська, меня очень беспокоит, что от тебя нет письма – сегодня бы оно должно было быть, и я решительно не понимаю, отчего нет его – благополучно ли ты доехала до Питера?

Погода отвратительная, и я застрял в Инсбруке и решил ждать, если будет время, лучшей погоды. Все время идет дождь, и даже Инсбрук не удалось хорошенько осмотреть. Но пока еще есть время ждать, и мне не хочется упустить времени и побывать в Циллертале, куда иначе придется ехать, так как Циллерталь и Пфин – классические места для минералога в Европе и не побывать в них, бывши так близко, совсем будет не хорошо. Я оставлю тогда для отдельной поездки Фасса и Ала, которые или посетю в сентябре в виде отдельной экскурсии из Мюнхена, или позже, так как они лежат на границе и частью в Пьемонте. Если погода будет хорошая, то я, кажется, научусь здесь тому, чему до сих пор никак не умел научиться, да, впрочем, и не мог научиться, – это знанию минералов, уметь различать их не только друг от друга, но и определять местности, откуда тот или другой минерал происходит, – например, различать друг от друга какие-нибудь кварцы из Каррары, Альп или Кавказа и т.п. До сих пор все это знание чисто эмпирическое, достигается оно больше всего опытною и умением хорошо изучать данные образчики, т.е. навыку глаза к различию блеска, различному цвету, различию в группировке минералов друг с другом. У меня не доставало до сих пор этого умения наблюдать явление, и теперь мне приходится учиться ему, учиться тому, чему я должен был бы научиться с детства. Странная вещь – у нас так немного способов узнавать окружающее, у нас так немного разнообразия в каждом органе чувств, что грешно нам не пользоваться ими во всем их объеме. Между тем мы доживаем до конца жизни и научаемся пользоваться только одной маленькой частью – теряем и то немногое, что вложено нам природой. Много говорят о порче зрения нашей системой, или, вернее, организацией (так как система предполагает что-нибудь строго осмысленное, имеющее ясно определенную цель, чего в нашей «классической системе» совсем нет), образования, о целом ряде физических уродств и расстройств организма, ею вызываемых, но это только одна сторона дела; другая – что из тех средств, которые предоставляет человеческий организм, она целой массе не дает развиваться. Глаз не умеет ясно и тонко различать оттенки, связывать их с другими свойствами тел мы почти не умеем; осязание не в состоянии большею частью ясно различать разные свойства различных веществ и т.п. Между тем в природе этих чувств скрыта возможность широкой ориентировки их среди сложных условий внешних явлений, и, может быть, они способны к огромному развитию не только в отдельном организме, но и во всем человечестве. Смотри на то или иное вещество так, как я привык все рассматривать, или с некоторым усилием, заставляя себя пользоваться всеми чувствами, я выношу совершенно разные впечатления и разное понимание явления. Для меня ясно, как много я **потерял** оттого, что наблюдать явления я не умел. А я в этом случае не представляю исключения – большинство нас таково. Школа и домашнее воспитание должны развивать эти чувства во всем объеме, ум должен образовываться среди самого разнообразного пользования органами чувств, среди самых разнообразных оттенков впечатлений. Общение с природой, изучение ее или умение видеть, чувствовать ее – лучшие средства для этого. Я – натуралист, вот уже 7 лет так или иначе занимаюсь естественными науками и только в последнее время начинаю овладевать этим методом и начинаю сознавать и чувствовать значение этого умения для моего общего развития. Между тем целые годы, когда складывался мой ум –

он складывался под впечатлением плохо наблюденных, грубых впечатлений, он складывался под влиянием явлений природы, которые я видел в пелене, в тумане, в неясных контурах. В этом одна из очень важных, труднооценимых бед нашего воспитания – и не только реального или классического, а всего, «среднего» воспитания во всем его объеме. Лично для меня, мне кажется, я могу теперь ясно сознать заглушение и возрождение этого умения. В детстве я обладал некоторой способностью довольно тонко наблюдать явления окружающей природы, я помню, какое сильное впечатление производили на меня различные оттенки цветов и блески, я помню мои старания различать разные шумы, мальчуганом меня преследовала мысль воспользоваться слухом для большего познания явлений, и я мечтал придумать инструмент, который бы по данному шуму определял то явление, которое его производит, и те тела, какие при этом принимают участие (мне кажется и теперь, что неумение пользоваться слухом лежит главным образом в том, что наше общее воспитание не приучает нас ценить это чувство, и взрослыми большей частью мы идем по проторенной дорожке исследования, где слуху нет места; впрочем, в последнее время начинается поворот, например, применение телефона к исследованию нервных явлений; мне кажется, что, например, резонаторам Гельмгольца в измененной форме предстоит великая будущность). Знаешь, теперь в Альпах я начинаю вспоминать, как много я тогда понял и чувствовал здесь мальчуганом, и мне иногда кажется, точно я просыпаюсь ото сна. Совсем поворот произвело во мне увлечение историей – война сербов с турками и пр., во все гимназические годы после 1876 года я ничему не научился, если не считать огромного, теперь большею частью забытого количества исторических фактов и некоторых взглядов и идей, порядочно, но отдельно продуманных. В университете я набросился с жадностью на естественные науки, но больше читал, чем наблюдал, и настоящим образом начал наблюдать, мне кажется, только в прошлом году, просматривая некоторые силикаты нашей университетской коллекции, теперь этому я все более и более научаюсь – по крайней мере мне так теперь кажется. Но я увлекся в сторону, одна из задач моей летней поездки в Альпы – это узнать минералы Альп, суметь отличить их от других минералов. По совету Грота я для этого просматриваю коллекции местных собирателей и при этом покупаю немногие; пока нашел одного только в Целе и, просматривая его товары, проверяя его обозначения местностей, научился гораздо больше, чем сидя долго в кабинете. Знание этого – практической минералогии – мне нужно для того, чтобы быть хорошим хранителем музея, да чтобы читать хорошо минералогию, оно очень важно и практически – во всех вопросах, касающихся рудного дела. Раньше я совсем почти не интересовался этим, потому [так] ясно сознаю, как трудно теперь на этом пути связать явления. Теория здесь невыразимо трудна, нужен гениальный ум, чтобы связать эти отдельные, беспорядочно собранные факты, это заставляло меня держаться в стороне от этих явлений, и теперь я хочу их изучить, только поскольку это нужно для кафедры. Собирать же факты, как они собираются теперь – без программы, без сознания зачем, к чему – перспектива далеко не интересная. Задача, которую здесь разрешит когда-нибудь человеческий ум, однако, чрезвычайно интересна. Минералы – остаток тех химических реакций, которые происходили в разных точках земного шара; эти реакции идут согласно законам, нам неизвестным, но которые, как мы мо-

жем думать, находятся в тесной связи с общими изменениями, какие претерпевает земля как звезда. Задача – связать эти разные фазисы изменения земли с общими законами небесной механики. Мне кажется, что здесь скрыто еще больше, если принять сложность химических элементов и неслучайность их группировки в группе так называемых редких минералов церитовой группы. Тогда происхождение элементов находится в связи с развитием Солнечной или звездных систем и «законы» химии получают совершенно другую окраску... Для этого нужны страшные знания и такой смелый ум, какой верно еще не скоро явится.

Здесь, в Зальцбурге и Инсбруке, я просматривал еще коллекции минералов, но, к сожалению, их не удалось хорошенько просмотреть, так как минералы находятся под стеклом, я вижу так далеко плохо, а минералогов ни Фуггера в Зальцбурге, ни Пиклера в Инсбруке я не застал. В Инсбруке 3 коллекции минералов – две в университете и 1 в Фердинандеуме – я видел только последнюю, а 2 первые пока видеть не удалось, так как никак не мог дозвониться – не было ни профессоров, ни слушателей – вакации. Если буду здесь завтра, снова пойду. Самые музеумы – зальцбургский и инсбрукский – чрезвычайно интересные учреждения. Оба они созданы по почину частных лиц – теперь зальцбургский принадлежит городу, а инсбрукский находится в ведении особого общества; оба явились вследствие пробуждения местного чувства, вследствие того «возрождения национальностей», которое является логической необходимостью развития демократии и любви к народу, которые, говорят, «характеризуют наше столетие» (по-моему, не совсем верно). Оба музея имеют задачей – собрать все важное для истории, современного состояния, природы родного края: один – Зальцбургского епископства, другой – Тироля. Они являются типом тех естественноисторических музеев, о которых я много с тобой говорил в прошлом году, только дело здесь поставлено шире. Мне кажется, однако, что в таких музеях оно должно быть поставлено еще шире, и некоторые стороны такого расширения, мне кажется, начинаются в минусинском музее. Они должны служить средством и для изучения природы или истории, археологии, этнографии края, а следовательно, должны иметь и коллекции для сравнения типичного из других частей земного шара. Изучать геологию края нельзя, не имея типичных образцов пород или окаменелостей из разнообразных других местностей, также нельзя изучить и археологию или развитие искусства etc. В Зальцбурге, впрочем, начинается расширение музея, но случайное и потому носящее не тот характер, какой нужно, – здесь довольно большая картинная галерея самых разнообразных школ (большинство – тиролицы) и этнографическая коллекция, очень случайная. Меня больше всего заинтересовали, кроме естественноисторических коллекций (очень богатых), археологические. И Зальцбург, и Инсбрук заключают многочисленные римские памятники. В Зальцбурге находятся особенно большие остатки, и даже части домов (à l'a Помпей) были раскопаны (там, где памятник Моцарту, – неужели они их закопали! – в музее слепки и мозаика). Сохранились мозаичные полы, статуи etc. Все это производит особое впечатление после посещения Помпей и Рима. Здесь, так далеко (особенно это было далеко в то время, когда не было железных дорог), была когда-то также цивилизация, какая была на юге Италии, мысль людей здесь находилась в тесной связи с мыслью Рима, и обычаи, образ жизни в общем были

те же. Сознаешь и понимаешь великую силу Рима и всемирное значение его империи, захватившей Испанию, Францию, Британию, значительную часть Германии, протянувшейся на юг России, за Малую Азию и на всю Северную Африку. И теперь, видя, как постепенно в различных местах из его общего наследия развивались, коверкаясь частью, отдельные государства или народности, сознаешь ту потерю, какую понес мир от его гибели. Многие дурные стороны жизни и теперь – следствие его падения. Только в последнее время, когда Америка, Россия начинают принимать живое участие в культурной жизни человечества, когда начинается пробуждение мысли, работа людей науки в далеких колониях Англии, на севере Африки, в старинных цивилизациях Азии, – начинается сравнительно большее число людей, ищущих правды и знания, чем могло их быть при нераздельном существовании Римской империи. Падение ее вообще интересно во многих отношениях: местная народная жизнь, местные учреждения были сильны, могучи, хороши до самых последних ее дней; они почти не погибли и развились почти непрерывно в современные нам учреждения. Погибла общая связывающая их цепь, погиб тот класс людей, который среди порочных, может быть, преступных действий охранял все то, что особенно дорого нам в древней цивилизации: они охраняли науку, искусство, философию... С их гибелью рушилось и это все. На меня страшно сильное впечатление (странно, только теперь начинаю я в нем разбираться) произвело посещение римских музеев, где я сразу как-то очутился в двух разных мирах – среди произведений искусства, следовательно, среди понятий древнего античного общества, и среди остатков христианского искусства – среди эпохи так известного падения искусства. Было ли, действительно, такое падение? Мне кажется, что такое «падение» совсем сомнительно – наряду с прекрасными статуями существовали безобразные провинциальные божки, наряду с изяществом домашней утвари и украшений сохранялись аляповатые, безвкусные обиходные украшения провинциальной утвари – в Помпеях такое различие с Римом сильно чувствуется, в музеях Рима – много таких безвкусиц из провинции, а здесь еще больше. Развилось в христианском искусстве – это безвкусье, узкое, провинциальное, а погибло вместе с богатыми классами то, что теперь кажется нам выражением античного искусства и произведением. Те понятия красоты и гармонии, которые так сильно поражают нас и так сильно, хорошо на нас действуют. Много веков и работы прошло, пока мы опять пришли почти к тому же. Мне представляется это явление очень важным во многих отношениях: нет ли и теперь того же, не связано ли, действительно, и теперь все это, для меня самое ценное на земле почти неразрывно с существованием богатых классов? Связь эта несомненна, она существует, и только одно средство существует предотвратить падение науки и искусства при том или ином очень возможном социальном изменении (все равно кем оно будет сделано: церковью ли, той или иной династией или народной революцией) – это всеми силами и всякими жертвами стремиться расширять образование и глубже заставлять проникать его в народные массы; не сторониться от могущих произойти социальных изменений, не идти против них, а тесно связать их с развитием искусства и знания, увеличение средств достижения истины (музеи, лаборатории, университеты), как бы дорого оно не стоило, всегда полезно; еще одно – это возможно большее

расширение европейских, вообще культурных влияний в других частях света и увеличение обмена между народами.

Народная жизнь в общем везде одинакова – между их интересами мало антагонизма. Не знаю – отчего она одинакова, всегда ли это будет, или это следствие малой культурности, узости интересов?

А интересы узки. В прошлом году, читая в Рославле историю города, написанную местным купцом Рокачевским¹, меня взяла дрожь от сравнительной бесцельности и незамеченности в течение целых веков этой народной жизни; теперь, читая истории Зальцбурга, Пинцгау, Тироля, совсем то же получается впечатление, и видишь небольшое различие, и то не качественное, а количественное. И то же было почти везде... Может быть, распространение знания и искусства в народные массы внесет больше разнообразия, не будут даром пропадать огромные силы, скрытые в массах, для развития, и, может быть, сохранится отсутствие антагонизма между интересами разных национальностей или государств, которое сильно среди правящих, культурных классов. До сих пор я встретил очень мало людей, у которых малозаметен такой антагонизм, и, к сожалению, они составляют меньшинство и в нашем близком кружке.

Видишь, как много написал, моя дорогая, милая Тутя, – целое, довольно, впрочем, несвязное сочинение. Мне хотелось дать тебе понять то, что я переживал эти дни и о чем мечтал. Погода все еще не совсем хорошая, но лучше, и я думаю ехать в Циллерталь и сегодня выеду в Чембах.

Крепко, много раз целую тебя, мою дорогую. Интересно, как ты нашла Юрку?² Очень хочется иметь от тебя весточку – пиши чаще (теперь в Базель). Адрес мамы моей не знаю, напиши. Мой сердечный поклон всем. Крепко тебя обнимаю.

Твой Додя

P.S. Знаешь, Фринкенштейн, которого ты кажется, читала, издает теперь «Zeitschrift für Agrarpolitik» и, кажется, в духе или католического социализма, или что-то в этом роде. Впрочем, не знаю. Сегодня прочел о ближайшем открытии Сибирского университета³. Ты не можешь себе представить, как я этому рад.

Твой Д.

Пиши чаще, моя дорогая рыбка.

Д. 35, лл. 59–64.

¹ См. комментарий № 5 к письму № 39.

² Г.В. Вернадский.

³ Речь идет о Томском университете, решение об открытии которого было принято в 1878 г., заложен он был 26 августа 1880 г. и открыт 22 июля 1888 г. с одним медицинским факультетом.

4 августа 1888 г., Цюрих

Цюрих, 4/VIII 88

Дорогая моя, милая девочка, моя славная Натуся. Вот уже второй день, что я в Цюрихе, думал завтра выехать, но останусь еще, так как тут замечательно большие, просто чудные коллекции. Погода стоит отвратительная, ночью, когда я ехал из Инсбрука в Цюрих, все время шел дождь и был такой холод, что я продрог в своей тирольской куртке, пальто и пледе; вчера был очень скверный день – и холодно, и дождь, сегодня все утро было очень холодно, дождь, туман, но вечер, хотя холодный, но гораздо лучше. Сегодня в первый раз я увидел перистые облака, и если вся эта погода была произведена циклоном или целым рядом связанных друг с другом циклонов, что возможно предполагать, то, может, начнется хорошая погода, так как перистые облака – самые высокие и они двигаются, когда проходят последние, самые высокие части циклонической воронки. В эти 2 дня я успел осмотреть здесь: ботанический сад, зоологический музей, зоологическую коллекцию позвоночных Швейцарии, антикварный музей с очень интересными остатками свайных построек доисторической археологии вообще, педагогический музей, аквариум. Был два раза в минералогическом музее, сегодня три часа проработал в нем, но не знаю, когда с ним покончу – такая масса в нем чрезвычайно для меня важного материала. По образчикам – это один из первых музеев Европы. К сожалению, и здесь я не застал проф. Кеннгота, и приходится смотреть что выставлено – но выставлено с такой любовью и знанием дела, что видеть есть очень много, да и устройство такое удобное, что я могу прекрасно смотреть и видеть и с моими глазами. А то в Зальцбурге и Инсбруке – хоть в бинокль смотри. Систему занятий в музеях [таких] я, впрочем, выработал только теперь и действительно могу научиться минералогии Альп. Мне хочется изучить одну целую географическую область – ту горную цепь, которая, начинаясь на юге Франции, по-видимому, непрерывно идет к горным хребтам Азии и дальше. В последнее время начинают приходиться к заключению, что ее расположение обусловлено определенными законами, она лежит в определенном круге и тесно связана с происхождением континентов, которые почти не изменялись в своих основах в течение всего нам геологически доступного времени. Самое их расположение, т.е. расположение глубин и высот на земле, математически строго определенное и, раз оно было неизменно, находится в связи с законами планетного мира. Интересно, что для некоторых минералов, например окиси олова, можно также заметить строго определенное математическое распространение. Сiju я в музее, окруженный минералогиями Швейцарии, Тироля и Зальцбурга, сверяю и читаю про всякое месторождение, заново новое или то, что приходит в голову. Я уверен, что, основательно просмотрев таким образом 3–4 коллекции, я буду очень хорошо знать главные образчики минералов Альп; к сожалению, у меня нет под руками минералогий Пьемонта, Штебермарка, Коргентии и вообще Австрии, юга Франции, да и сводки, какие есть, устарели, и работа, самая простая, пока хорошо не сделана. Работает масса людей, но все разрозненно, без ясного плана, и потому многого нужного нет, а много никому не нужного делается. Организация научной работы очень нужна, но какая? Здесь тоже теперь один из очень важ-

ных вопросов дальнейшего развития, и надо как-нибудь его разрешить так, чтоб сохранилась индивидуальная свобода инициативы – так как известное дело, как легко впадают «люди науки» в педантизм и узкую специализацию и какой они обладают нетерпимостью. Для целого ряда отделов науки такая организация есть единственный залог успеха, мне представляется, что такая судьба почти всех так называемых нравственных и политических наук и значительной части тех отделов естествознания, где преобладает наблюдение или где наряду с опытом возможно приложение сравнительного метода (эти части народились в последние 10–15 лет) в виде сравнительной физики, физической химии, к ним примыкает опытная геология etc. – оригинально здесь столкновение этих двух методов и то быстрое накопление фактов, которое здесь происходит, тем более что самые логические пути не оформлены. Я еще непременно хочу осмотреть геологический музей, где собрано много по тектонике Альп, и энтомологический со знаменитой коллекцией Освальда Геера, одного из замечательных ученых нашего столетия, восстановившего с удивительной силой воображения третичный мир. Я видел в ботаническом саду его бюст (он умер 4 года тому назад и был выходящим из ряда вон ботаником, энтомологом и геологом) – какое прекрасное лицо. Он так и напомнил тот образ швейцарских ученых, какой рисуется при знакомстве с их работами, кажется, в них соединились вместе, слились хорошие черты французской и немецкой национальности; много зависит здесь и от того, что нигде, кажется, нет такой последовательности выдающихся талантов в целых поколениях, какая наблюдается в Швейцарии, – здесь находятся целые ученые династии: Бернулли – с 17 века (теперь почти вымерли), Соссюры, Декандоли, Сорэ и т.п. Для меня швейцарские ученые и их деятельность кажется очень важной еще и потому, что эти единственные почти (если не считать Австрию, университет которой я плохо знаю) живые источники, которые могут поддержать немецкие университеты от падения. Теперь опять – новая история! – в Берлинском университете – не выбрали в ректоры Вирхова по «политическим» причинам, т.е. потому, что он является представителем противной Бисмарку партии – так называемой *freisinnig*'ов¹; даже консервативные органы признают, что это так. Как легко какая-нибудь прочная организация является проводником хорошего и дурного; в былое время существование немецких университетов во многих государствах являлось одним из важных условий поддержания духа свободы и искания лучшего в европейском обществе; в последние 20 лет внешне достигли немцы того, что они под свободой понимали, и значительная часть немецких профессоров явилась людьми с мнениями немецкого общества, а что это такое – мы знаем. Связь между немецкими государствами Швейцарии, Австрии и Германии сохранилась, и в Швейцарии и Австрии немецкие профессора стремятся проводить свои идеалы. Германия теперь ограждена пошлюхой от профессоров с нежелательными ей мнениями – но Швейцария, Австрия принимают немецких профессоров всяких мнений, и, таким образом, теперь продолжается влияние той же организации в другую сторону. Немецкие профессора в Швейцарии или Австрии стремятся к идеалу своего *Vaterland*'а² (что очень хорошо проявилось в *Deutsch-nationale Verein*³ Австрии; здесь явились бурши с их дуэлями – так что не привыкшие к таким явлениям швейцарские университеты должны были прибегнуть к исключительным мерам (в Цюрихе один из таких немецких *Verein*'ов на днях

распушен университетским сенатом); здесь же такие профессора и во всех других вопросах тянут большей частью к идеалу Германии). Интересно, чем все это кончится? Одно только, несомненно, составляет большую силу – это связь немецких и французских швейцарских университетов и та любовь к науке, которая так сильна во многих швейцарских семьях и развилась поколениями – это сила великая предания. Характерно, что и другая культурная сила играет ту же роль – это немецкая печать. Она является чрезвычайно централизованной, главным образом в Лейпциге и отчасти Берлине, и издания тех же мнений распространяются очень быстро и всюду: прославления Бисмарка, апотеозы⁴ Вильгельма, разные немецкие патриотические брошюры ты найдешь и в Австрии, и в Швейцарии. Оригинально, что в последнее время они и выходят главным образом в Берлине и Лейпциге и издаются лучшими фирмами: швейцарские издания далеко не так распространены в Германии. Немецкая печать вообще играет довольно печальную роль во все это время; периодическая со знаменитым Reptilienfonds⁵, непериодическая со своим узким патриотическим направлением.

В свободное время теперь я с наслаждением читаю Марка Аврелия: Самонаблюдения⁶. Какая чудная вещь, как много в этом сочинении человеческого, сильного, как много, много мыслей рождается при ее чтении. Я помню, во время одного из последних наших разговоров с тобой и англичанином кто-то из вас, кажется ты, указала, что в стоицизме главное внимание было направлено на выработку физической закаленности. Я возражал, так как в былое время, когда стоицизм казался мне самым чистым и высоким идеалом, увлекался той чисто нравственной и умственной выработкой человека, какая им дается. Но, кроме такого впечатления, очень общего, я не мог ничего сказать тогда, потому что **не знал**. Вообще иногда становится жутко, когда умом анализируешь свои мнения, когда собираешь *pro* и *contra*⁷ тех своих убеждений, которые считаешь верными – очень часто не находишь тех фактов, которые послужили к их выработке – они забыты. На их место появились новые факты, иногда гораздо, несравненно менее важные. Это тем более тяжело, что в знании многих фактов есть своего рода красота, прелесть, что один и тот же факт в разное время дает разное. Необходимое ли это следствие умственной работы или просто следствие неумения распоряжаться своим мышлением? Самонаблюдения императора Марка Аврелия я прежде вполне не читал; теперь, после этого разговора, и особенно здесь, на местах, на которых более 1¹/₂ тысячи лет тому назад начал писать этот человек свое сочинение, мне особенно хотелось прочесть их. Я скоро их кончу; отмечаю на полях все, что мне интересно, и на днях пришлю тебе книжку – мне **очень, страшно, ужасно сильно** хочется, чтобы ты прочла эту небольшую книжку **скорей** со свободным, смелым, не предупрежденным взглядом и чтобы скорей, даже до ее окончания, написала мне свое о ней мнение. Заметь, что это все написано врагом христианства, написано, по-видимому, раньше, чем было написано какое-нибудь из произведений Нового завета – Марк Аврелий писал, несомненно, в середине 2-го столетия, а относительно книг Нового завета сомнительно или по крайней мере спорно, появилась ли которая-нибудь из них раньше 2–3 столетия⁸. То, что он говорил, вовсе не было что-нибудь новое в греческой философии – это были взгляды и мнения, которые не раз высказывались и выливались в греческой философии, и все то, что ты считаешь

специфически новым для христианства, ты найдешь здесь сказанным: главным поводом действия и здесь является любовь к людям. Вообще для меня все более и более является сомнительным, было ли явлением прогрессивным победа христианства, не кажется ли это нам таким только оттого, что лучшие произведения древней, античной мысли и творчества до нас не дошли? Посмотри на все это, голубушка моя, дорогая Тутя, смело, безбоязненно – это так, так важно, чтобы человек **свободно** жил в мире идеалов. Как хорошо об этом сказано у Марка Аврелия. Еще одно пока напишу (когда кончу книгу – напишу подробно) – страшно много дает для развития уже факт, что это было написано так давно и человеком, более могущественным, чем кто-либо из современных нам людей. Книжку сохрани: там пометками на полях я еще хочу воспользоваться. Знаешь, я начинаю понимать греческие статуи – это все то же, все то же великое стремление к идеалу, к истине, к лучшему... Пора кончать.

Как ты доехала, моя радость, мое сокровище, получил только твою записку из Вильны и еще не знаю, как ты встретила с нашим маленьким богатырем.

Вот тебе несколько фактических новостей. Вышло сочинение Martig. *Anschauungspsychologie mit Anwendung auf die Erziehung*. Bern, 1888⁹ (3 fr. 50). В Германии уже 3-й год выходит журнал: «Die Jugend und Volksliteratur. Ein Rathgeber und Warner», издается Mullermeister'ом в Аахене, стоит пустяки (2 марки), я просмотрел за 1887 год – очень интересно, выпишу на имя Kalmork (кстати, напиши ей, что ты приехала – она теперь скоро в городе). Из немецких педагогических журналов – для нас подходящих нет (я просмотрел почти все). На днях читал о [Васе] – довольно верно. Да вот еще что: узнай и напиши мне, что с народными библиотеками¹⁰ в Петербурге, что с женскими курсами¹¹ (достань и позже пришли мне брошюру Пиклер)¹². Маме написал в **город** (дай ей знать). Получила ли мое большое письмо из Инсбрука? Адрес Агафонова? Крепко целую тебя, моя дорогая, родная рыбка. Пьешь ли коньяк и вообще **подробно** обо всем, что с тобой. Как сильно люблю я тебя, мою радость. Мой сердечный привет всем. Когда Анина свадьба?¹³

Твой Д.

Из Цюриха проеду в Базель или через Ригу, или через Шафгаузен. Подумываю вернуться не через Германию, а через Пьемонт и Северную Италию – хочется посетить итальянский университет и Циммерталь и Фосса. Сегодня в концерте слышал сцену из «Мейстерзингеров». Вагнера – пролог, что ты [слышала].

Д. 35, лл. 65–68.

¹ «Партия свободомыслящих» была организована в 1884 г. из слияния части национал-либеральной партии и прогрессистов.

² Отечество, отчизна (нем.).

³ Немецкий национальный союз.

⁴ Обогащение человека.

⁵ Секретный фонд для вознаграждения продажных журналистов, агентуры (нем.).

⁶ Размышления императора Марка Аврелия о том, что важно для самого себя. М., 1888.

⁷ За и против (лат.).

⁸ Римский император Марк Аврелий Антонин жил с 121 по 180 г. В Новый завет вошли религиозные тексты различных авторов и различных эпох – от середины I в. до середины II в.; процесс формирования канона продолжался еще несколько столетий и завершился лишь ко второй половине IV в.

⁹ *Martig Emanuel*. Anschauungspsychologie mit Anwendung auf die Erziehung.

¹⁰ Bern, 1888.

¹¹ Далее письмо написано на полях л. 66 об. – 69 об.

¹² В.И. Вернадский спрашивает о Высших женских курсах (высшее женское учебное заведение в царской России), которые были закрыты в 1885 г. Это было одним из проявлений реакционной политики министерства народного просвещения. Предлогом для закрытия послужило создание при министерстве народного просвещения особой комиссии для рассмотрения общего вопроса о женском образовании. На время деятельности этой комиссии по распоряжению министра народного просвещения Д.А. Толстого был прекращен прием слушательниц на курсы, т.е. фактически курсы прекратили свою деятельность, которая была возобновлена под давлением передовой общественности России и профессорской коллегии. В письме от 10 октября 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Женский университет процветает: занятия уже начались и, кажется, очень идут удачно, по крайней мере профессора и ученицы в бодром настроении и очень довольны. Твой Земятченский, который прекрасный человек, но порядочный кисляк, по-моему туда вовсе не годится, и я совсем не сочувствую твоей страсти его пихать всюду» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 141).

¹² О какой брошюре идет речь, установить не удалось.

¹³ А.Е. Старицкая; ее свадьба с М.М. Любошинским состоялась 6 ноября 1888 г. в С.-Петербурге.

№ 73

5 августа 1888 г., Цюрих

Цюрих, 5/VIII 88, воскресенье

Дорогая моя Натуся. Завтра выезжаю отсюда в Шафгаузен и послезавтра буду в Базеле. Все никак не могу покончить с минералогической здешней коллекцией: сегодня просидел за минералами семь часов и не кончил! А <на> энтомологическую даже не удастся, вероятно, и взглянуть. Погода такая отвратительная – холодно и идет дождь, что ни о какой экскурсии в горы нечего и думать. По-видимому, придется совершенно изменить весь план экскурсии – об этом в Базеле с Андреем. Ездить по университетам и смотреть лекции – не стоит, так как мне довольно просмотреть хорошенько несколько больших, зимой просмотрю Мюнхенскую, а затем ознакомлюсь с Парижской, Венской, Лондонской, таким образом, из больших коллекций Европы останутся мне неизвестными только коллекции Берлина, Болоньи, Бонна и Стокгольма, да еще несколько меньших с течением времени осмотрую (в Базеле: где их 2, и прочие). Особенно вдаваться в эту область не стоит – много тут спорта, а обобщения здесь сделать, связать теперешнюю безалаберную кашу – не по Сеньке шапка. Если не Швейцария, то у меня рисуется несколько планов поездки: 1) Лондон, 2) третичные вулканы Оверни и древняя вулканическая область Эйфеля, 3) Пиренеи, 4) Эльба, Каррара и другие области Италии.

Еще не знаю: будь больше времени можно бы съездить в Северную Африку (стоит это вдвоем не дороже поездки в Италию etc.) – на фосфориты etc. Одним словом, пока еще не знаю (как жаль, что я оставил свои тетрадки – там у меня выписки по всем этим поездкам! И фрак! Где он – не у хозяйки ли? Напиши), но оставаться тут и сидеть в гостиницах совсем негоже. Для меня

эта погода – одна маленькая, пустышная загвоздка, да и не важная, а кругом, здесь, это несчастье: на горах снег, и в «альпах» (горных пастбищах) скот голодает, кругом наводнения, хлеба пропадают, и не только в Швейцарии, но и в Германии, как-то в России – ничего не знаю (напиши). В здешних газетах появились известия, что над Цюрихом пролетели дикие гуси на юг – предвестье холодов, а в метеорологических бюллетенях пишут, что есть вероятность холодной осени и зимы (впрочем, это «вероятие» имеет, конечно, одно теоретическое значение, так как это не что иное, как логический вывод, принимающий одинаковую возможность обоих событий, что, конечно, в природе не так).

6.VIII

Только что окончил совсем с минералогической коллекцией, хотя конец сделал очень спешно, геологически же осмотрел совсем бегло, между тем она чрезвычайно интересна. Гейм, профессор геологии здесь, один из самых лучших и широких современных геологов, и здесь собрана единственная почти (кажется, есть подобные же в Эдинбурге и в 2–3 музеях Америки) коллекция влияния горообразования на разные породы, окаменелости etc. Это один из очень важных шагов вперед в геологии, который был доказан главным образом Геймом несколько лет тому назад, его поддержали главным образом шотландские геологи, и только в самое последнее время он получил еще большее развитие благодаря работам Зюсса в Вене и Чверульда, Брёггера и другим скандинавским геологам. Между тем все эти идеи имеют огромное будущее. Земля понемногу остывает, и, остывая, ее кора под влиянием тяготения сжимается; на ней в определенных местах появляются складки, сдвиги – горы. В этих местах под влиянием давления происходит целый ряд химических и физических изменений пород; простые известняки, песчаники кристаллизуются, всякие химические процессы идут особенно сильно, и в результате является образование руд, выделение целого ряда кристаллизованных, превосходных минералов etc. Эта идея, логически развитая, обусловленная целым рядом опытов и точной переработкой материала, может дать много для минералогии (теперь она стоит от минералогии совсем в стороне). Вообще мне кажется, система минералов должна быть совсем, коренным образом изменена...

Удивительно богатство коллекциями, превосходное, почти роскошное устройство Цюрихского политехникума и университета, тем более, что это вовсе не государственные учреждения в нашем смысле слова – это учреждения кантональные, из бюджета Швейцарии на них ничего не тратится: некоторые кантоны не очень многочисленны; а между тем лаборатории, музеи в Цюрихе несравненно лучше Петербургского университета, который обставлен еще лучше других; в Базеле, по-видимому, устройство еще лучше: и здесь, и там выстроены лаборатории, особые здания, приновленные ко всяким современным требованиям, а в Петербурге лаборатория помещается почти в подвале, совсем плохо приновленном для занятий, или как у нас в Минералогическом кабинете, – помещена в коридоре. И вовсе это не нечувствительно для Швейцарии – страна вовсе не так богата, но здесь совсем другая трата денег, и, например, из бюджета Женевы 10% идет на университет – и все эти деньги идут на университет, на науку, тогда как у нас и из тех крох,

сравнительно, какие идут на высшее образование, добрая доля идет на траты, с образованием и наукой ничего общего не имеющие, вроде содержания педделей, тайной и явной полиции.

Д. 35, лл. 69–70.

№ 74

6 августа 1888 г., Шафгаузен

Замок Лауфен у Шафгаузена, 6/VIII 88

Дорогая моя Натуська. Уже давно не имею от тебя писем – верно, ты писала в Базель, где я буду только завтра в 6 часов вечера, так что завтра или послезавтра получу твои записочки (вероятно, не письма). Пока последнее известие имею из Вильно, да «генерал»¹ написал из Варшавы. Погода все скверная, да, главное, холодно; начал было писать тебе письмо (1 послал из Инсбрука, 2-е из Цюриха), но уложил его, и все вещи остались в Шафгаузене. Теперь жду $\frac{1}{2}$ 10 вечера, когда водопад будут освещать электричеством. Пиши в Базель, а не в Женеву, так как если погода не переменится, я совершенно изменю маршрут своей поездки.

Крепко целую тебя и карапузика нашего: не забудьте сняться. Мой сердечный поклон всем. Из Базеля напишу подробно.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж. д., дача Старицкого, Via St. Petersburg

Д. 35, л. 71.

¹ Н.В. Харламов (см. комментарий № 3 к письму № 41).

№ 75

[9 августа 1888 г., Базель]¹

Дорогая моя, радость моя Тутя – получил я здесь 2 твои письма и очень, очень был им рад. Меня удивляет, что ты не получаешь моих писем. Сейчас с Андреем² едем в Мутье, где думаем догнать экскурсию швейцарских геологов (Андрей перепугал несколько, и мы опоздали). Из Мутье, если их догоним, с ними пройдемся по Юре, а оттуда через Berner Oberland пройдем в Bieserithal и Церматт и затем проедем в Женеву, пиши теперь в Женеву, хотя ужасно неприятно, что так долго не буду получать от тебя писем; с дороги напишу, куда еще можно писать, напиши все-таки одно письмо в Берн и Лозанну, где я, вероятно, остановлюсь, чтобы осмотреть музей. Пиши мне обо всем, моя дорогая. Сегодня второй хороший день, и это даст мне возможность надеяться, что погода переменится, и мы можем хорошо поездить. Сейчас Мутье и спешу кончить. Крепко целую вас обоих. Мой сердечный поклон всем.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне **Вернадской**, Териоки по Финляндской ж.д., Russie, via **St. Petersburg**

Д. 35, л. 72.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² А.Н. Краснов.

№ 76

11 августа 1888 г., Бьенн

Бьенн, 11.VIII 88

Дорогая моя Натуся, не знаю, получаешь ли мои письма, а я еще долго не получу ни одного твоего, так как буду в Лозанне или в Женеве только 12–20 августа, а так хочется знать о тебе и о всем. Экскурсией с швейцарскими геологами очень доволен. Все 3 дня была превосходная погода, и в Юре мы видели очень много; теперь выезжаем из Бьенна в Берн; завтра из Берна отправимся в Интерлакен, из Интерлакена перейдем пешком через Фурку в долину Роны, а затем в Бонн и затем по железной дороге через Лозанну в Женеву. Мы почти решили отправиться на конгресс французских геологов (в Куртене 19 августа), а затем через Овернь поехать в Лондон; по словам Маржеро, с которым здесь познакомились, экскурсии конгресса чрезвычайно интересны, и стало очень жаль пропустить их. Между швейцарцами и немцами разница громадная. Мне здесь нравится.

Крепко целую вас обоих, мои дорогие; мой поклон всем. Пиши все пока <в> Женеву, а потом напишу, куда – в Лион или Куртене. Крепко, много целую.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне **Вернадской**, Ст. Териоки, по Финляндской ж.д., Russie, St. Petersburg

Д. 35, л. 73.

№ 77

11 августа 1888 г., Берн

Берн, 11/VIII 88

Дорогая моя, радость моя, моя маленькая ненаглядная Натуська – так давно, страшно давно не получал я от тебя ни одной строчки [...] И еще несколько месяцев пробуду я без тебя, но с радостью жду я, когда приеду в Женеву или в Лозанну и там получу твои письма. Меня очень беспокоит, не утомило ли тебя путешествие, не очень ли устала ты с дороги, моя радость, ты – мое сокровище, которое я люблю больше всего на свете, и как я счастлив, что так сильно и горячо люблю тебя, верю в тебя – как ты мне нужна, дорогая, какое ты мне дала хорошее и славное счастье. И никогда не думал я, чтобы я мог так сильно, так неэгоистично полюбить кого-нибудь и чтобы это было так хорошо и так глубоко-сильно. Моя родная, маленькая, милая, бесконечно добрая, дорогая Натуська. Теперь я сижу в Берне. Прошло уже несколько дней, как

я не писал тебе письма и давал о себе знать только открытыми карточками. Последний раз писал я тебе из Цюриха, да из Базеля письмо в чемодане уехало в Женеву, где, как знаешь, буду не раньше 19 августа, и я тебе напишу обо всем, что было со мной с Цюриха, – а в это время я побывал в Шафгаузене, Базеле, где встретился с Андреем¹, из Базеля проехали в Мутье, Кур – дня 1½ проходили в окрестностях, пересекли цепь Юры и осмотрели окрестности Бьенна и частью Бьеннского озера, а затем теперь проехали в Берн. Цюрих, как я писал тебе, мне очень понравился. Не знаю почему, с детства у меня о нем осталось впечатление грязноватого города (осталось еще впечатление, как мама боялась, чтобы мы там говорили по-русски – из-за русских «нигилистов» и пр.), между тем это город с прекрасным местоположением, расположенный на берегу одного из самых живописных озер (какая прекрасная вещь вообще озеро и какую прелесть придает оно пейзажу). Очень недурно отстроенный и вообще очень и очень миленький городок. Цюрих как бы то ни было должен быть дорог русскому, который не чужд тех умственных движений, которыми жило или живет русское общество. Какие бы излишества не происходили в том движении и среди тех людей, которых называют «цюрихскими студентами» или «студентками», все это движение все-таки носит характер страстного, горячего движения людей к знанию, приобретая это знание из-за той [нестойкой] стены, какой окружено его получение условиями жизни или управления на родине. И в это тяжелое время (а теперь наступили еще более тяжелые времена, еще труднее добиваться знания, учиться) многие русские люди нашли приют в Цюрихе, где им был открыт доступ к тому образованию, которое было недоступно им на родине. Меня поразило в Цюрихе, как часто слышу я русскую речь: в музеях, на улице не раз слышится русский говор, вечером несутся русские студенческие песни. По-видимому, теперь сюда съехалось еще больше русских, они приехали раньше, так как гимназии окончились теперь только, и ждут начала лекций; да этого и надо было ожидать при затруднениях, какие поставлены теперь получению образования. Очень бы было интересно проверить это впечатление – верно ли оно? Цюрихский политехникум по устройству своих музеев, лабораторий несравненно больше и лучше поставлен, чем Петербургский университет, а Петербургский университет в этом отношении [почти] богаче всех других. Мне представляется, что в сильной степени здесь зависит все от того самоуправления, какое предоставлено цюрихскому политехникуму и университету и от малой доли бюрократичности в их управлении. Вообще еще одна сторона в швейцарской жизни – жизни университета – дорога и нравится мне в Швейцарии – это тесная связь его с местностью, это постоянное, непрерывное участие кончивших курс во всех судьбах своей родной alma mater. Вообще и все городское население относится с большим интересом ко всему, что совершается в жизни университета: есть общество, которое помогает ему своими средствами, и т.п. В Цюрихе я обратился с вопросом, как пройти на вокзал к простому, по-видимому, старичку рабочему, и он мне говорил с гордостью о том, что Цюрих является умственным центром всего Bund'a, о том, какие они построили теперь лаборатории (видел ли я их), указал библиотеки и говорил, что много к ним приезжает учиться. На геологической экскурсии я встретился, кроме профессоров, с целым рядом ученых, которые прекрасно знают свою местность, но которые не что иное, как купцы, мелкие помещики,

аптекари, учителя, почти в каждом городке (я видел такие музеи в Шафгаузене, Бьенне и пр.) найдешь ты музеи, особые здания, которые поддерживаются, улучшаются местными горожанами; вообще нигде до сих пор меня не удивляло то широкое распространение умственной жизни и такой широко распространенный интерес к науке, какой я встречаю в Швейцарии.

В Цюрихе и потом позже окончил я своего Марка Аврелия² (пришлю из Женевы) и теперь начал читать «Essais» Монтеня³, хотя теперь, когда погода стоит такая чудная, читать мало времени. Мне не хочется теперь писать тебе о Марке Аврелии, так как уже после того в эти несколько дней я видел слишком много другого и не могу еще разобраться в этом материале.

Надо мне кончать, так как выезжаю часа через 3–4 из Берна в Интерлакен (а если там теперь слишком дорого – все туристы теперь бросились в горы, то в Бриенц), а мне еще надо осмотреть музей, где нас ждет к 11 часам проф. Штудер, и купить кое-какие вещи. Докончу письмо из Интерлакена или Бриенца.

Крепко, много раз целую тебя, мою ненаглядную рыбку; так горячо и сильно я тебя люблю. О как я тебя люблю, мою радость, мое сокровище [...] Юрку⁴ поцелуй от меня хорошенько, мой сердечный поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, лл. 74–76.

¹ А.Н. Краснов.

² См. комментарий № 6 к письму № 72.

³ *Montaigne. Essais...* / Publ. par E. Courbet, Ch. Royer. P.: Lemerre, 1872–1900. Vol. 1–5.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 78

12 августа 1888 г., Гриндельвальд

Гриндельвальд. 12.VIII 88

Дорогая моя Натуська. Пишу тебе с дороги, вчера вечером из Интерлакена мы начали наше путешествие, ночевали в небольшой деревушке и теперь отдыхаем, взобравшись на высоту более 1000 м, сделали сегодня около 18 верст, и еще сегодня осталось сделать верст 20 с лишком – теперь полезем еще дальше в гору. Наше пешеходное странствие продолжится еще дней 5. Отдохнув, отправимся на ближайший глетчер, но глетчерного тура делать не будем – нет времени. Из Лозанны напишу, куда писать во Франции, а пока пиши непременно в Женеву – так будет приятно и хорошо получить много твоих писем. Здорова ли ты, моя голубушка? Так неприятно ничего про тебя не знать. Целую вас обоих много раз. Мой сердечный поклон всем. Хочу ехать в Лондон.

Твой Д.

Кланяюсь и желаю всего лучшего. Краснов¹

На обороте: Наталья Георгиевна Вернадской, ст. Териоки, по Финляндской ж.д., Russie, St. Petersburg

Д. 35, л. 77.

¹ Приписка сделана рукой А.Н. Краснова вверху на полях карандашом.

14 августа 1888 г., Фиш

88, 14/VIII, Фиш

Дорогая, милая радость, моя Натуська, так давно, давно я ничего совсем о тебе не знаю и еще дня 2–3 не получу от тебя весточки – пока не приеду в Женеву или Лозанну, если ты только туда написала. Так хочется скорей получить от тебя записочки, а еще больше хотелось бы быть возле тебя [...]

Теперь я уж кончил экскурсию по Швейцарии, на днях мы будем во Франции, которую прорежем значительно, так как хотим проехать в Лондон (куда я почти наверное решил ехать через Бискайский залив, чтобы увидеть хоть часть Пиренеев). Из Лозанны напишу тебе, куда писать во Франции, так как не знаю совсем, поедem ли на съезд французских геологов – если это будет большой крюк, не поедem.

С Красновым говорили порядочно. Он вполне со всем согласился (твои письма ему ужасно понравились), и мне очень хочется, чтобы он пожил и поговорил с Сергеем¹, так как Краснов останется в Лондоне по крайней мере до конца октября. Я думаю и хочу (поговорю об этом с Сергеем), чтобы его лучше поняли, [чтобы] лучше отнеслись к нему, чем до сих пор относятся очень многие и Сергей один из первых, и я думаю, что весьма, почти вполне возможно, что он станет нам совсем близким человеком². Я пишу довольно несвязно, так как несколько устал – сегодня часов 8 маршировали (влезали через Гримзельский перевал – больше 2100 метров и потом ехали по жаре), но мне так хочется написать тебе, моей ненаглядной, несравнимой девочке, хоть несвязно, так как так сильно люблю тебя и чувствую, что моя маленькая головка обо мне думает, а сердечко бьется. Мне хотелось тебе писать более или менее подробно обо всем виденном, но письма сильно отстают, и я не знаю, не лучше ли писать не старое, а новое – мне думается, что такое отставание всегда будет при пешеходных, довольно утомительных хождениях. А по горам – хотя когда влезешь и очень хорошо, сегодня на Гримзеле было превосходно, но влезать страшно тяжело и очень неприятно. Я думаю, что никогда альпинистом не сделаюсь – слишком ленив я для этого.

Все время нашему пешеходному путешествию погода благоприятствовала, так что даже тяжело было идти по жаре по горам с тяжелым мешком за плечами. Видели много и довольно интересно, но теперь совсем ничего писать не могу.

Крепко, крепко целую тебя, мою ненаглядную радость, а сынишку расцелуй хорошенько. Из Лозанны обо всем напишу обстоятельно. Мой искренний поклон. Как я сильно люблю тебя, моя дорогая девочка.

Твой Д.

Д. 35, лл. 78–79.

¹ С.Ф. Ольденбург.² См. комментарий № 11 к письму № 41.

№ 80

16 августа 1888 г., Бриг

Бриг, 16/VIII 88

Дорогая моя Натуся. Сегодня окончили нашу поездку по Швейцарии и теперь через час едем из Брига по железной дороге в Вильнёв, а оттуда завтра по Женевскому озеру в Женеву. Пиши мне теперь во Францию, в Коммантри (Kommentry), poste restante – письма два, а потом в Лондон на имя Сергея¹ – в Лондоне будем 30 августа или 1 сентября. Погода все время стояла прекрасная и только сегодня началась опять гадкая – боюсь, что во Франции нам не повезет. Вот еще забыл взять все рекомендации во Францию, но думаю, что обойдусь и так, по крайней мере проф. Ренестье и Маржеро, с которыми здесь познакомились, уверяют, что совсем ничего и так явиться. Видели очень много, в Женеве отдохнем день, день пробудем в Лионе, а из Коммантри будем экскурсировать неделю, а может больше. Так рад, что завтра получу твои письма.

Крепко целую вас обоих. Мой сердечный поклон всем.

Твой Влад.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, ст. Териоки, по Финляндской ж.д., дача Старицкого, Russie, via St. Petersbourg

Д. 35, л. 80.

¹ С.Ф. Ольденбург.

№ 81

18 августа 1888 г., Женева

Женева, 18/VIII 88

Дорогая моя, ненаглядная, славная девочка, сегодня в Женеве получил я твои все письма (4 письма – последнее № 6 без числа!). Моя маленькая, драгоценная Натуська, много, очень много мне хотелось бы написать тебе по поводу этого, но главное, что я хочу написать тебе, – это то, что я очень сильно, очень, очень люблю тебя, мою ненаглядную рыбку, и что ты не должна волноваться, что ты временно физически не сильна, потому что не физическая сила делает человека, а работать, развиваться дальше мыслью ты можешь и дальше без физической силы. Конечно, надо приобретение новых фактов, но и все мы их приобретаем, только внимательно и постоянно следя, работая над какой-нибудь **одной** областью, а по другим – стараюсь пополнять свое знание с помощью общих обзоров, статей или отдельных популярных очерков, лекций, разговоров. И я считаю, что только имея определенную, строго ясную цель, человек теперь может получать новый материал для мысли, ведь вся сила, какую может получить человек из знания, состоит в том, чтобы у него было солидное знание, чтобы у него не было легкости, дилетантизма. А это возможно только при практически возможной, небольшой области изучения. Мне вспомнились здесь очень славные наблюдения Монтеня, которые я про-

чел сегодня утром на пароходе: «...ainsin estil des espris. Si on ne les occupe a certain sujet, qui les bride et contreigne, ils se jettent desreiglez, par cy par la, dans le vaque champ des imaginations ... Et n'est folie ny reverie qu'ils ne produisent en cette agitation... L'ame qui n'a point de but estably, elle se perd: car comme oni diet, c'est n'estre en aucum lieu, que d'estre par tout» (Essais, Livre 1, chapitre VIII)¹.

И, действительно, не в количестве изученных фактов, не в их значении является сила нашего мышления, а в том, чтобы эти факты составляли так называемое знание, т.е. являлись продуманными, ясна была нам взаимная между ними связь. А это возможно только при ясном, определенном предмете изучения, это возможно только с помощью строго научного **изучения**. А при этом необходимо иметь цель – **что** именно изучаешь, для чего и как; а раз изучаешь что-нибудь, то, так как все находится в связи, сразу кладутся рамки и остальных знаний в размере, необходимом для действительного понимания явлений. Это определяет не всю сумму знаний, но определяет его характер и отделяет, таким образом, довольно резко во всех делах – дилетанта от человека, привыкшего к научной работе. Но для нас это еще не все – надо необходимо сохраниться на той высоте современного знания, какой достигнут был при изучении, надо умело набирать новые факты, выбирать из безбрежной массы сырья, наносимого всюду сознательной и несознательной работой целых тысяч работников. А это тоже возможно только при имении сознанного района исследования и старания понять изучаемое возможно полно и глубоко. И мне кажется, что то, что ты теперь чувствуешь, не есть необходимость новых фактов – а чувство необходимости достигнуть этой ориентировки ума; пока ты, интересуясь общественными вопросами, начала было так или иначе изучать их, тебя не страшила эта мысль отстать, потому что перед тобой являлись новые факты и ты в их массе разбиралась мыслью, выходила за их пределы и жила среди кипучей, определенной, умственной работы. Ты не продолжила, однако, изучать это, как начала, даже сперва строго придерживаясь Дюринга и tutti quanti², и теперь ум, испробовавший чего-то лучшего, более полного, страшится и **хочет** новой, такой же работы. И твоя задача теперь и стоит в определении и в искании этой новой области – она перед тобой. Это область вопросов – воспитание ребенка, т.е. педагогики не в смысле учения, а в смысле Действительно воспитания лучшего человека, и это такая область, к которой лежит твое сердце и в которой может и должен работать твой ум. Ты должна стараться изучать старательно этот вопрос со всех сторон – ознакомиться со всей литературой, собрать ее, знать ее – знать не то, что именно каждый по этому вопросу работавший думает, это не так важно, а то, что он принес или приносит нового, фактически важного. Это область, как все, почти безбрежна, она входит в пределы всех наук, но задача изучения состоит в том, чтобы в каждом частном вопросе, к какой бы области он ни относился, раз понимание его нужно для тебя, вполне разобраться, вполне уяснить себе его, и тогда тебе очень скоро станет ясно, чего именно недостает тебе в твоём образовании и какого рода новых фактов тебе надо. Мне кажется, что процесс работы, укладка ума везде одинакова, какими бы вопросами мы ни занимались: историей ли римского государства, строением твердой материи или воспитанием человека – и везде мало-помалу вырабатывается общая умственная атмосфера фактов и понятий, для всех одинаковая. Приступить к изучению педагогики

возможно многими путями: ты уже начала, и ты должна продолжать. Я лично считаю лучшим путь частной определенной небольшой работы, во время которой ты уяснила бы себе и все вопросы, с которыми ты сталкиваешься; чтобы ты при этом продолжала находиться au courant³ всего, теперь в этой области совершающегося. Таким образом: 1) разработка частного вопроса по источникам и 2) слежение и уяснение всего выходящего нового. Я сперва думал, что хорошо в виде частного вопроса взять тебе вопрос об итальянской педагогической литературе, но теперь думаю, что это для начала очень трудно и гораздо лучше брать отдельные, частные вопросы, которые ты могла бы брать один за другим, и, сделав 1–2 работы, ты, конечно, легко пойдешь дальше. А итальянскую литературу надо читать, как надо читать со строго определенными выписка ми и все новое. Как такие вопросы – обработка по литературным данным – мне теперь, например, представляется: игры у детей, их значение (в последнее время об этом много вышло работ, и интересно указать, как мало в таком важном вопросе сделано педагогикой и как много здесь простой традиции, случая, невежества и меркантилизма), другой вопрос, имеющий значение, представляется мне, например, изложение взглядов на воспитание ребенка после Локка и до настоящего времени, хорошо было бы взять именно все направление научное, хотя это работа очень большая, но зато она и тебе должна дать очень и очень много. А пока, моя дорогая, ненаглядная рыбка, окончи свою программу, отошли в «Русские ведомости» или «Неделю» свой реферат о статье Франкенштейна и не волнуйся мыслью о своей слабости. Человек силен не телом, а духом, и настоящая сила в этом духе самом и заключается – в нем твоя главная сила, и если ты не будешь волноваться, то дух будет все расти и стремиться вперед и дальше.

Хочу отослать это письмо, а потому пока ничего не буду писать. Пиши в Лондон. Во Франции побудем с неделю – проедем по Оверни, а затем поедем в Лондон. Пиши мне больше, моя дорогая, родная девочка [...] Напиши хоть несколько слов Сереже⁴ и Лельке⁵.

Васино⁶ письмо мне не понравилось: ему, вероятно, тяжело. Получила ли Аня⁷ мое письмо? Каким нашла Александра?⁸ Из Мюнхена и я не получаю ни писем, ни денег.

Пиши, моя голубушка. Сердечный поклон всем.

Твой Владимир

Не забудьте сняться – пиши мне обо всем, о каждой мелочи. Моя родная, ненаглядная, неопенимая, любимая Туля.

Д. 35, лл. 81–83.

¹ Очевидно, В.И. Вернадский пользовался выходящим в то время изданием: *Montaigne. Essais ...*/Publ. par E. Courbet, Ch. Royer. P.: Lemerre, 1872–1900. Vol. 1–5. Цитата сверялась по более позднему изданию, вышедшему в Париже в 1962 г.: *Montaigne Michel. Essais...* P.: Ed. Garnier Freres, 1962. P. 29. «... так же с нашим умом. Если не занять его определенным предметом, который держал бы его в узде, он начинает метаться из стороны в сторону, то туда, то сюда, по бескрайним полям воображения... И нет такого безумия, таких бредней, которых не порождал бы наш ум, пребывая в таком возбуждении ... Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде». Перевод дан по книге: *Монтень Мишель. Опыты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. С. 41.*

² И всех ему подобных (ит.).

³ В курсе дел (фр.).

⁴ С.Е. Крыжановский.

⁵ Л.А. Оболянинов.

⁶ В.В. Водовозов.

⁷ А.Е. Старицкая.

⁸ Очевидно, Александр Сергеевич Зарудный.

№ 82

20 августа 1888 г., Лион

Лион, 20/VIII 88

Дорогая моя Натуня. Вчера вечером приехали в Лион и сегодня целый день просидели сперва в библиотеке, готовясь к Оверни, а потом были часов 4–5 в превосходном (лучшем из мной виденных) ботаническом и небольшом зоологическом садах. Были на народном гулянье, нечто вроде наших балаганов, а теперь пишу тебе тоже с гулянья-концерта (нельзя сказать, чтобы было очень хорошо). Из Лиона мы едем в Клермон, откуда будем, думаю, делать большей частью экскурсии опять пешком, может быть, еще раньше спустимся ниже по Роне, где южная средиземная флора.

Целую вас обоих очень крепко. Так сильно люблю и так хорошо любить. Пиши. Сегодня напишу всем. Сердечный поклон всем. Целую тебя, мою неопенимую, Натуся, моя радость, гордость и счастье.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж.д., дача Старинного, Russie, via St. Petersbourg

Д. 35, л. 84.

№ 83

20 августа 1888 г., Лион

Лион, 20/VIII 88

Дорогая моя, родная, ненаглядная девочка, моя хорошая, милая, единственная Натуся [...] Мне хочется, чтобы ты, отбросив всякие стеснения, старалась делать все для своего здоровья, так как самое важное теперь – это восстановить его всеми средствами, и я вполне уверен, что это легко можно сделать, если ты не будешь теперь сильно волноваться и не будешь стеснять, делать глупые в этом случае экономии на каких-нибудь мелочах.

21.VIII

Моя маленькая девочка, сегодня в Лионе я получил твое письмо, адресованное в Женеву, и очень ему рад, но вот что – к Любошинским отправиться не мог, потому что получил, как видишь, письмо поздно¹. Еще хотел заметить: не напрасно ли, смеясь проделкам сынишки, приучать его делать всякие штуки; мне всегда казалось, что это самое вредное для ребенка и что этим развиваются многие нехорошие инстинкты. Может быть, я тебя не так понял, но все-таки подумай. Кстати, о детях – вышла новая книга Пере: *L'art et le poésie chez l'enfant*², очень бы хорошо было тебе эту книжку достать и прочесть, а может, прореферировать ее, в СПб. ты ее найдешь. Относительно банка – я не

понимаю, когда это могло случиться; относительно передачи дел Мих. Ив.³ – делай как хочешь, **теперь**, когда нас нет, это, конечно, лучшее, а позже – я не знаю. Относительно письма Шуры⁴ – боюсь, что опять мудрят, меня страшит, чтобы та узость, которая проявилась в нашем братстве вначале, не проявилась снова, приняв формы узкого знания одной местности, и чтобы не скрылись интересы всей России – как большой различной группы людей, я говорю это не потому, чтобы считал хорошим существующую Россию, как она есть, а потому что думаю, что настоящая политическая деятельность возможна только тогда, когда берешь ее как факт. Не может быть хорошим русским политическим деятелем (что теперь **прямо нужно**) узкий украинофил, узкий армянофил или узкий русофил (как, например, большинство из вас и, к сожалению, и ты [...] но это пройдет). Это меня пугает больше всего, так как по опыту знаю, что в нашем кружке много элементов, которые могут это сделать. И нового, совсем уже губительного, проявления узости и переюродничества в этой форме я боюсь для братства, если Приютино осуществится где-нибудь на севере. Я боюсь, что в переговорах с Сергеем⁵ я очень сильно разойдусь с ним: я не могу быть исключительно великорусским деятелем, как не могу быть исключительно малорусским – я считаю вредным для образованного интеллигента основывать свою деятельность **исключительно** на почве одной народности, какая бы она ни была; особенно скверна здесь господствующая народность. Я думаю, что это опять не особенно ясно мною высказано, но в настоящую минуту я не в расположении писать подробно. Я не хочу, чтобы нашим детям передалась та национальная узость, которая порядочно сильна во всех вас и которая разовьется еще сильнее, если мы поселимся в исключительно великорусской северной стороне; с этой точки зрения для меня является наиболее желательной деятельность в стране смешанной. Перебирая еще раз, я вполне остаюсь при своем мнении за юг и еще с прежних 2 точек зрения: 1) большее разнообразие, больше возможности развиваться на воздухе, большая легкость физической работы и 2) слишком важное значение юга России в недалеком будущем как для жизни России, так и его всемирной роли. Ну, да об этом напишу после разговора с Сергеем.

Франция мне нравится, хотя пока из Франции видел только один Лион – большой, широко раскинувшийся город с характером жизни и частью построек, напоминающими Италию. В Лионе осмотрели сады, археологический и художественный музеи; музей минералогический с очень, как слышал, богатой коллекцией минералов Франции осмотреть не удалось, так как вследствие переделок он заперт. Здесь не слышна та жизнь, которая теперь идет в различных частях Франции, вследствие катавасий, поднятых Буланже и К^о⁶. Эти последние выборы⁷ как-то и мне дали чувство жалости, чувство, которое лучше из здешних газет – «Temps»⁸ выразила как humiliation⁹. Все это заставляет сильно задумываться над теми формами местного управления (в них, кажется, мне, весь вопрос), какие могут и должны быть даны для лучшей жизни страны. Теперь мы видим кругом какую-то кашу, поднимаемую самыми различными людьми, которым в руки попала власть и которые ею пользуются невесть для чего. Как-то сильнее чувствуешь необходимость не держаться в стороне от текущих событий, не оставлять власть в руках лиц, которые завладевают ею, когда другие ее не берут. Много заставляла меня думать и та история стачек рабочих, которая происходила, а частью и происхо-

дит до сих пор во Франции. Как относиться к этому явлению? Право не брать работы, когда она кажется невыгодной, право требовать повышения платы, когда она чрезвычайно низка – отрицать у рабочих нельзя, но при теперешних обстоятельствах Франции эти стачки являются для нее тяжелой вещью. С другой стороны, верна ли оценка той силы, которую, как мне кажется, имеет Германия, – не сильнее ли, могучее, говорят, брожение, которое происходит во всех рабочих массах, в том числе и немецкой? Эти стачки очень интересны потому, что они ставят прямо вопрос об организации работы, должна она быть организована государством? У меня в последнее время является все больше неприязни к этому способу организации – он мне кажется слишком вредящим личной свободе и дающим слишком много силы центральному правительству, система управления, например, прусскими железными дорогами не совсем так ясно хороша, как казалось мне еще недавно; с другой стороны, организация в виде отдельных рабочих корпораций может привести, может быть, опять к тем же самым гибельным последствиям, к каким приводит и современная система организации работы. Но есть ли для этого способа сохранение государственных форм как посредника между отдельными самоуправляющимися рабочими товариществами или *communes*¹⁰? Не явится ли тогда самый вопрос об организации так называемых отношений труда и капитала следствием вопроса о лучшей организации местного самоуправления, о лучшем способе федерации возможно свободных коллективных единиц? Еще одно из всей этой истории – это довольно несимпатичный способ действий здесь анархистов. Сколько среди них искренних? И кто большинство? Убеждение ли это или привычка и распушенность?

В Лионе мы были раза 2 на народном гулянье. Каждый квартал, чередуясь в течение лета, имеет дней 15 подряд вечером нечто вроде балаганов – собственно совсем почти тот же характер увеселения, что и наши балаганы, здесь даже *montagnes russes*¹¹. «Разница между нашими и здешними самая несущественная. Общий характер – даже отношение масс здесь то же самое. Все это абсолютно дешево, но относительно дорого, и снова сильнее вспомнилась необходимость облагораживания этих народных удовольствий, о чем еще недавно говорили с Дришем. Здесь благодарное поле работы. Сколько здесь действительно вкуса настоящего и сколько здесь следствия незнания ничего лучшего?

[...] Завтра, может быть, еду в Клермон. Пиши в Лондон и чаще – так рад твоим письмам. Целую вас обоих. Мой сердечный поклон всем. Очень жаль, что не удалось быть у Любоцинских. Что Егор Павлович¹²? Что Свешников¹³? Пиши все.

Твой Додя

Д. 35, лл. 85–87.

¹ В письме от 5/17 августа 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Зайди в Женеве к Любоцинским, их адрес – Rue Pierre-Fatio, 14, Docteur Saloz» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 33).

² Perez B. *L'art le poesie chez l'enfant*. P.: Alcan, 1888.

³ Личность установить не удалось.

⁴ А.П. Ольденбург.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Буланже Жорж Эрнест Жан Мария – французский генерал и политический деятель, глава буланжизма – шовинистического движения во Франции, возникшего в конце 80-х годов XIX в. в условиях политического и экономического кризиса Третьей республики.

⁷ В.И. Вернадский пишет о дополнительных выборах, которые происходили 19 августа 1888 г. в трех департаментах Франции. Буланже, чтобы привлечь внимание, сложил свои депутатские полномочия и выступил кандидатом в трех департаментах, во всех трех он был избран. Буланже и его сторонники стремились к государственному перевороту. Вокруг Буланже концентрировалась преимущественно мелкая и средняя буржуазия, его поддерживала партия радикалов, но главной его опорой были монархисты, с которыми он поддерживал тайные связи, крайние националисты, мечтавшие о реваншистской войне против Германии, и клерикалы.

⁸ «Le Temps» – французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1861 г. до середины XX в.

⁹ Самоуничтожение.

¹⁰ Коммуны.

¹¹ Русские горы (аттракцион).

¹² Старицкий.

¹¹ Возможно, Митрофан Иванович Свешников.

№ 84

24 августа 1888 г., Клермон-Ферран

Клермон, 24/VIII 88

Дорогая Натуся, пока пишу коротенькое письмо, а сегодня вечером напишу длинное. Сегодня не получил от тебя письма – верно, дня 2 ты не писала. Погода пока стоит хорошая, но боюсь, что завтра будет скверно. Завтра будем экскурсировать в окрестностях Клермона, среди его вулканов, а послезавтра утром выедем в Исуар и оттуда пешком пройдем в Лакель и из Лакеля проедем в Лондон, еще не знаю как – через Бордо или через Париж. Сегодня получил только письмо от мамы. Погода может расстроить наши планы, а надо быть в Лондоне до 1-го сентября. Здесь осмотрел очень порядочную минералогическую коллекцию, ботанический сад и просидел в библиотеке, окончательно подготовившись к Оверни. Пиши, моя дорогая, чаще и не делай таких промежутков, как теперь. Спешу идти, так как времени мало; пиши чаще. Крепко целую вас обоих; мой сердечный поклон всем.

Твой Владимир

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки по Финляндской ж.д., дача Старицкого via St. Petersburg, Russie

Д. 35, л. 88.

№ 85

24 августа 1888 г., Клермон-Ферран

Клермон-Ферран, 24/VIII 88

Дорогая моя, милая моя, родная Натуська. Скоро мы окончим нашу поездку по Франции и отправимся в Англию, мы еще никак не можем решить – отправиться ли через Бордо или Париж.

Бордо, правда, ближе Парижа, но из Бордо в Лондон ехать очень долго, зато интересно проехать океаном, нигде не можем узнать, когда идут парохо-

ды из Бордо в Лондон и есть ли правильное пассажирское сообщение. Андрей¹, правда, уверяет, что есть, но я ему в этих делах не особенно доверяю. Меня очень удивляет, что от тебя давно не получаю писем [...] Сегодня получил письмо от мамы, она в восторге от Юрки и говорит, что ты с него просто глаз не сводишь, моя родная девочка, так ясно я представляю себе, как ты сидишь и смотришь на него, мое дорогое сердечко – такое доброе. Я так уверен, что ты можешь сделать из него хорошего честного человека, хотя он еще долго будет просто дорогой, маленькой обезьянкой.

Франция и французы мне очень нравятся; после Германии они производят на меня впечатление чего-то очень культурного; в Германии, в обществе, очень многое меня шокировало и казалось грубым, варварским; здесь, наоборот, я чувствую себя стесненным, и иной раз мне кажется, что многие мои движения, поступки должны казаться дикими, шокировать моих соседей. Разница, положительно, огромная, даже до невозможности резкая. С французским языком справляюсь, и меня даже не всегда принимают за иностранца, а иной раз за провинциала (в Швейцарии то же самое случилось и с немцем, который все хотел знать, из какой я провинции, и страшно поразился, когда я говорил, что я не немец, что мне совсем не понравилось), очевидно, иностранцы очень нетребовательны к языку. Клермон – очень порядочный городок; в нем очень недурной ботанический сад, прекрасная публичная библиотека и очень порядочный музей. И музей, и ботанический сад, частью и библиотека созданы главным образом на средства одного человека, хорошего местного натуралиста Лekoка. Вообще меня поразило широкое развитие таких музеев и библиотек в городах запада, и я все более и более сознаю, какая заключается в этом сила и как необходимо устроить то же самое в России. Одна хорошая сторона таких учреждений везде здесь – для них нет определенного шаблона, определенных рамок, которые стесняют так сильно нашу деятельность и заставляют во всяком деле на родине тратить так много сил и времени на борьбу с регламентацией и непонятной деланной рутиной курьезно, рутиной почти без традиций. Завтра или послезавтра осматриваю еще частную коллекцию одного из местных продавцов минералов, с которым вхожу в сношения (курьез и неприятно: в Женеве совсем забыл сделать это, хотя у меня был адрес и рекомендация конторы, и вспомнил на железной дороге!). Затем завтра сделаем экскурсию на вулканы в окрестностях Клермона, а потом пройдем часть более южную, около Мон Доре, в области более древних вулканических извержений.

Узнай – напечатаны ли мои фосфориты². Я думаю, когда буду во Франции, хорошенько изучить положение этого вопроса во Франции и сделать ряд поездок в главные месторождения, тем более что такие поездки стоят вовсе не так дорого. А вопрос совсем бросать жаль.

Пока устал и больше напишу позже. Крепко, крепко целую тебя, моя ненаглядная, милая, родная, любимая девочка. Веди себя хорошенько. Снимишь с сынишкой. Сердечный поклон всем. Пиши мне чаще.

Твой Додя

Д. 35, лл. 89–90.

¹ А.Н. Краснов.

² См. комментарий № 2 к письму № 57.

26 августа 1888 г., Клермон-Ферран

Клермон-Ферран, 88, 26/VIII

Моя дорогая, ненаглядная, милая девочка, моя родная, славная Тутя, так сильно, так горячо люблю я тебя, мою милую девочку, так мне хорошо с тобой и так мне дорого, так мне нужно быть любимым [...] моей неоценимой Тутей. И теперь, когда я знаю, что есть сердечко, которое бьется такой чистой, такой не эгоистической любовью ко мне, когда маленькая, дорогая головка обо мне думает, мне как-то сильнее хочется быть лучше и как-то оживотворяется, согревается тот правильный мир, какой создает фантазия в бездушном и пустом, в сущности, хаосе, нас окружающем и в нас находящемся. Моя родная Тутя, мое сокровище, моя единственная [...] Как я тебя сильно люблю [...]

Сегодня получил я твое (9-е) письмо, и тебя надо хорошенько наказать, что ты сделала столько промежутков, дней, в которые ты мне не писала, между 8 и 9 письмами. Или ты была очень слаба? Ты мне не пишешь подробно про свое здоровье [...] Есть ли боли в боку? Пиши все **подробно**, мое сокровище, пиши больше, мое **счастье**, моя радость, твоя любовь, твое сердечко и все существо твое есть для меня убежище в сомнениях и анализе, сухом, смелом и холодном, каким снабдила меня моя природа. Твоя любовь и любовь к тебе есть что-то сильное, что-то такое, что стоит вне всего окружающего [...]

Из твоих писем я живо довольно представляю себе твою жизнь, но все-таки мне хочется несколько подробностей. Я очень рад, что будут фотографии Териок – так дорого мне это место, как никогда не было дорого ничто. Из детства мне дороги темные, летние звездные ночи, когда я впервые детским умом старался проникнуть в глубь звездного мира; тогда родились во мне некоторые образы, явились иные фантазии, которые и теперь иногда рисуются мне и принимают новые формы, более смелые, более, кажется мне, широкие. В эти ночи я ребенком пережил очень многое. Затем темная ночь, какая-то узкая темь меня окутала, и я проснулся только в последние годы, когда я смотрел в какие-то милые глазки [...] когда я весь жил и упивался дорогим, ненаглядным, чистым и в то же время смело-честным существом [...] Мне дороги те места, где я видел тебя, где я снова совсем родился [...] тобой, одной тобой жил и становился лучше. О, мое маленькое, ненаглядное, дорогое, родное, близкое сокровище. Натуся, моя Натуся...

Мне неясно из твоего письма **твое** отношение к Саше¹: о чем вы говорили, как его биография? Мне неясно и твое отношение, разговоры с Егором Павловичем²? Обо всем этом ты мне должна написать, и мне очень хочется и верится, что та сердечная, глубокая и мне дорогая нежность, какую ты к нему чувствовала, вполне и ясно сказала и созналась. Мне вспоминается мой отец...

Моя рыбка, любимая и нежная, пусть улетят от тебя все сомнения и все те гадкие и злые образы, которые иногда мутят тебя и говорят ложь и скверное. Они говорят, что моя Тутя не может ничего делать, потому что не может поднять сорок пудов, разогнать сорок сороков злой татарвы, не может проскакать тридевять земель и съесть пироги пудовые. Они говорят ложь и неправду! Не сила физическая делает человека сильным, прекрасным, не она делает человека полезным; а есть сила внутренняя, которая может больше сделать, которая одна только и создала все то, что есть на свете, из-за чего хорошо и

весело, свободно и красиво жить. И эта сила есть в тебе, она сделала, и она сделает еще больше. И пусть тебя охватит эта уверенность, пусть она подвинет тебя свободно предаться этой внутренней силе; даст ярко разгореться тому священному огню, который не многим дан, а в тебе живет, есть и будет жить и который греет и светит все кругом [...]

Завтра, вероятно, едем в Париж, пробудем там день и затем в Лондон... Пока Франция мне очень нравится. Я тебе писал про Лион, из Лиона мы проехали во Вьенну и там сделали экскурсию, чтобы ознакомиться с тамошней, приронской природой. Для меня было и новое. Я ознакомился с оригинальной флорой; здесь есть так называемая область матисов – вечнозеленых, густых кустарников, которые одни подымаются на север и окаймляют всю ту область, где развиты вечнозеленые леса. Это отдельные, последние могикане подтропической полосы, это кустарники тех семейств, которые южнее становятся деревьями, дают роскошные леса, в которых пробудилась и росла человеческая мысль, где родилась священная, мистическая, но чистая и гордая фантазия востока и где началась смелая, чудная, удивительно красивая и широкая философия Греции. Идя на север, они хиреют, и в виде колючих кустарников, в которые не продерется человек, они поднимаются дальше от своей прекрасной родины... А еще севернее – еще хуже, еще печальнее, и плоше, и мглистее.

В Оверни мы видели немного; но видели главное. В окрестности Клермона мы поднялись на наибольший, давно потухший и частью размытый вулкан Пюи де Дом (1500 м), и перед нами открылась картина оригинальная и красивая. По обе стороны совершенно параллельными рядами вытянулись 20–30 больших вулканических конусов [...] когда-то земная кора дала здесь несколько параллельных трещин, из этих трещин в некоторых местах вышли наружу разогретые и расплавленные части в отверстия, и эти отверстия, эти отдушины трещин и являются нам горами. Какие силы и что это за явления?...

Пиши мне чаще, больше, моя любимая. Поклон сердечный всем. Сынишку, моего дорогого маленького мальчика, хорошенько за меня прижми и поцелуй. Пусть он будет так чист и хорош, как ты.

Д.

Д. 35, лл. 91–92.

¹ Очевидно, Александр Сергеевич Зарудный.

² Старицкий.

№ 87

28 августа 1888 г., Париж

Париж, 28.VIII 88

Дорогая моя Натуся, пишу в вагоне в Лондон. Вчера ночью приехали в Париж и сегодня выезжаем – завтра утром будем в Лондоне. В Париже только осмотрели немного город, были в зоологическом саду и послали минералы в СПб. Париж как город действительно самое грандиозное, что я видел, и тут будет, наверное, лучше жить, чем в Мюнхене. В Лондоне останусь недели три, наверное, так как главные экскурсии конгресса (в Валлис, на о. Уайт

и пр.) будут после 20 сентября. Если получу там деньги из Мюнхена, обойдусь совершенно, обошелся бы и с этими, но Андрей¹, бедный, совсем сел на мель. Из Лондона напишу подробно. Целую вас обоих. Пиши больше, моя голубушка.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, Ст. Териоки, по Финляндской ж.д., дача Старицкого via St. Petersbourg, Russie

Д. 35, л. 93.

¹ А.Н. Краснов.

№ 88

30 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 30/VIII 88

Дорогая моя, милая Натуся. Вчера приехал в Лондон – пишу подробно, но не успею рано бросить, и хочется, чтобы к тебе дошла хоть короткая обо мне весточка. На пароходе была очень сильная буря, и я не выдержал и страдал морской болезнью (очень неприятная вещь эта морская болезнь). Сегодня идем сейчас в Музей с Андреем¹ и еще одним нашим петербургским университетцем – Батюшковым. Я поселился у Сергея² и вчера, к большой моей радости, нашел там две твои каракульки, моя дорогая. В Лондоне начну писать диссертацию. Пиши мне больше, моя дорогая девочка, не скупись на твои письма. Целую вас обоих крепко. Сердечный поклон всем. Пишу письмо.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне Вернадской, ст. Териоки, по Финляндской ж.д., дача Старицкого, Russie vie St. Petersbourg

Д. 35, л. 32.

¹ А.Н. Краснов.

² С.Ф. Ольденбург.

№ 89

30 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 30.VIII 88

Дорогая моя, родная рыбка – моя любимая, неоценимо хорошая девочка, моя Натуся золотая; так сильно люблю я тебя, мою единственную, мою радость, мое счастье [...] Сегодня утром приехал в Лондон – нас встретил Сергей¹ (он еще похудел); при переезде была буря, и я очень сильно страдал морской болезнью; англичанин, который с нами ехал, говорил, что он 20-й раз переезжает Ламанш и в первый раз видит такой ветер и такую бурю. Такой гадости, как морская болезнь, я давно не испытывал; пароход так качало, что стоять не только на палубе, но и в каютах было невозможно, и постоянно заливало все соленой водой – волнами. Я поместился с Сергеем, а Андрею² нашли особую комнату. С ним я довольно много говорил дорогой, но говорил не особенно складно, и все время меня ужасно поражала та кутерьма,

которая царит у него в голове по целому ряду вопросов. Лондон пока произвел на меня очень печальное впечатление: казарменностью своих построек и вообще чрезвычайной грязью и серостью – видели, впрочем, не особенно большую часть.

31.VIII

Опять от тебя нет письма [...] за это тебя надо хорошенько, очень хорошенько наказать, если только моя маленькая девочка здорова, не больна. В Лондоне был только в British Museum³, да и то немного, а сейчас иду к секретарю конгресса⁴. Хочу сообщить тебе несколько подробностей. От Скалона получил письмо – он корректуры не получал, и, по-видимому, она пропала, очень это неприятно, прошу прислать другую⁵. Ушинский женился в июле и кончил академию; от Ону получил очень странную коротенькую заметку – он в деревне. Денег от Мелиоранского не получал – написал в Мюнхен (вообще Мюнхенская почта! – после моей жалобы из Женевы они прислали сюда несколько писем, но не все, например письма Сергея etc., французская и швейцарская почта переслали письма очень аккуратно, так что не пропало ни одного твоего письма – вот говори после того о немецкой аккуратности и французской дурной системе управления!), но попросил Александра⁶ зайти опять к Мелиоранскому и узнать, посылал ли он их или нет. Меня беспокоит, что не получил письма от Юргенса о получении книг, напишу ему еще. Говорили с Сергеем кое о чем, а больше, довольно все-таки безалаберно говорили с Андреем и отчасти Батюшковым – очень милым и симпатичным человеком. Сегодня приезжает сюда Кл.⁷, которого я еще пока не видал. В общем пока еще не принимался за работу, так как частью вся эта поездка немного утомила, а частью не сегодня-завтра уезжаю из Лондона – на неделю в Бат, около Бристольского залива, где будет съезд естествоиспытателей⁸, с одной стороны, и очень важные геологические экскурсии – с другой: английские геологи делают ряд экскурсий на места, положенные в основу классификации Смита. Вильям Смит был английским инженером и ученым начала этого столетия, он составил первую геологическую карту Англии, и вся наша классификация древних осадочных образований в общих чертах обоснована им; осмотр этих классических примеров очень для меня, конечно, интересен, не знаю только, много ли я пойму по-английски. Мнение об англичанах, кажется, совсем неверное – всю дорогу они были чрезвычайно любезны, и, несмотря на мое отчаянное произношение, я много разговаривал со своими спутниками, и мы понимали друг друга.

Очень крепко целую тебя, моя дорогая рыбка, спешу идти. Пиши мне больше, а то меня очень беспокоит отсутствие твоих писем.

Сергей тоже волнуется, – нет писем от Шуры⁹, которая еще и нездорова. Пиши, пожалуйста, чаще, моя девочка. Крепко целую вас обоих. Отчего ты не пишешь? Теряюсь в предположениях. Сердечный поклон всем своим дорогим, родная девонька, отчего не пишешь, здорова ли ты, здоров ли Юрка¹⁰?

Твой Додя

Д. 35, лл. 33–34.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² А.Н. Краснов.

³ Британский музей.

⁴ Международного геологического конгресса. Это был первый Международный геологический конгресс, на котором присутствовал В.И. Вернадский. Впоследствии В.И. Вернадский вспоминал: «После Лондона был на Парижском, Венском, Торонтском, Петербургском, Московском – 1888–1937 – на протяжении 49 лет» (см.: Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 64–65).

⁵ Очевидно, корректура статьи о фосфоритах. См. комментарий № 2 к письму № 57.

⁶ Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

⁷ Возможно, Иосиф Андреевич Клейбер.

⁸ Точнее, Конференция Британской ассоциации наук.

⁹ А.П. Ольденбург.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 90

[20 августа/3 сентября 1888 г.]¹, Лондон

Лондон

Дорогая моя Натуся, сегодня год нашему мальчику, и мне хочется написать тебе хоть несколько слов и хочется, чтобы ты поцеловала крепко и сильно его от меня – да и знаю, что ты в этот день особенно сильно и много обо мне думаешь. Как быстро время летит – едва успеваешь разбираться, а уже проходят годы. Я пишу тебе длинное письмо, а пока посылаю эту записочку. Ужасно редко ты пишешь, моя дорогая, и уж совсем не отвечаешь на мои вопросы. Сергей² тоже беспокоится, потому что скоро неделя – нет писем от Шуры³, это, действительно, очень странно, и бедный Сергей все-таки не в своей тарелке, тем более, что он знает, что Шура не совсем здорова. Пиши мне больше, моя дорогая девочка, напиши, как думаешь устроиться с поездкой, – об этом нам надо списаться очень серьезно, очень серьезно подумать. Береги себя и не возись слишком много с мальчуганом. Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем. От мамы также давно не имею писем.

Твой Д.

На обороте: Наталье Георгиевне **Вернадской**, ст. Териоки по Финляндской ж.д., дача Старицкого, **Russie, via St. Petersburg.**

Д. 35, л. 52.

¹ Датируется по дате рождения сына В.И. Вернадского Георгия – 20 августа 1887 г.

² С.Ф. Ольденбург.

³ А.П. Ольденбург.

№ 91

5 сентября/24 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 24 авг./5 сент. 88

Дорогая моя, ненаглядная радость моя Натуся. Получил я только что твое письмо от 19 августа и сейчас тебе на него отвечаю; письмо это довольно важное, и для меня многое осветилось, что раньше мне было совсем непонятно. Напишу тебе возможно ясно и, оставив, как могу, всякое волнение чувства, то, что думаю.

Я **очень рад**, что разъяснились отношения с деньгами¹, гораздо лучше, когда знаешь: 1-е) как поступать в этих делах и во-2-х – потому что делаешься свободнее относительно очень многих поступков, которые прежде являлись для нас запутанными и неясными. Я считаю самым высшим благом свободу человека, и ты знаешь, как неприятно часто бывали для нас с тобой всякие недоразумения, как поступать с деньгами. Хотя обстоятельства деятельности привели нас всех к сознанию необходимости обладать большими средствами, но это может идти только до известного предела, и обладание средствами никак не может всегда оправдываться. И с этой точки зрения я **очень и очень рад**, что дело это разъяснилось.

Я думаю, что деньги твои должны остаться все у твоих, и затем, если Егор Павлович² захочет, он может положить их на имя Георгия³, хотя я думаю, что Георгий при том устройстве наших общих отношений – братство, которое, я вполне убежден, будет существовать – ни в каких деньгах нуждаться не будет. Я не хочу делать сердечной боли Егору Павловичу, которого считаю, равно как и ты, выше того поступка, который он сделал, и потому не буду противиться завещанию их Георгию, хотя для меня, может быть, было бы несравненно приятней, **чтобы этого завещания не было**. Относительно той суммы, которая должна идти на твое лечение и на заграничную командировку, если возможно ее не брать, надо во что бы то ни стало это устроить. Говорить, что мы **не хотим** брать – совсем лишнее, это будет только лишняя боль, лишнее горе для близких твоих, и к делу совсем не нужно; но устроить так, чтобы не брать – это надо будет нам постараться всеми силами. В переводе денег на Георгия – я совсем не хотел бы, даже больше, прямо считаю нехорошим, если мы – ты или я – будем об этом знать, об этом говорить с Егором Павловичем или кем бы то ни было, так как такой перевод нужен не для Георгия, а для Егора Павловича. Я не могу издали решить этот вопрос, но мне бы очень хотелось, чтобы было возможно как-нибудь устроить так, чтобы нам этих денег не знать и никаких дел по ним не вести; не знаю отсюда, возможно ли это устроить без всяких лишних и ненужных разговоров и волнений. Смотреть теперь на эти деньги как на деньги Георгия я не могу и не хочу, и потому, если бы возможно было, чтобы управление ими шло от Егора Павловича, а не от тебя, я был бы очень рад. Переговори об этом с Марьей Ивановной⁴, как устроить это возможно просто и так, чтобы причинить меньше боли Егору Павловичу.

На распоряжение Вернадовой я, конечно, смотрю совсем иначе; единственное затруднение это то, что нельзя там действовать без причинения боли Егору Павловичу. В этом частном случае, впрочем, может, ничего сделать не придется, и боли причинить также не придется, так как едва ли можно **сразу** и **без трат** достать 6000 из Вернадовки – подобно имению Гревсов она заложена и перезакладывать одинаково трудно и медленно ту или другую. Наконец, Вернадовку я считаю общей братской собственностью и сомневаюсь в целесообразности траты и еще большего запутывания дела, я напишу тебе и Ивану⁵, хорошо подумав и переговорив об этом частном вопросе с Сергеем⁶. Но вот что надо устроить – надо справиться, нельзя ли взять на Вернадовку краткосрочную ссуду тысячи в две* (выплачена ли старая?), а на эти деньги можно лечиться и учиться. Аня, верно, теперь в больших хлопотах, но пе-

* Больше брать нельзя.

реговори с ней, может, она может дать кому-нибудь доверенность и таким образом справиться в Обществе взаимного поземельного кредита.

Моя маленькая, родная рыбка, так сильно люблю я тебя, мою золотую, мою ненаглядную, милую девочку, и так мне больно, что ты опять волнуешься и что моему дорогому, маленькому сердечку больно и что оно сильно бьется. Мое сокровище, мое родное, неоценимое, милая девочка [...]

Во всей этой истории для меня самое главное и самое неприятное – это то, что ты не можешь поступать, как ты хочешь, как ты считаешь нужным, и я думаю, что это для нас с тобой в настоящую минуту самый важный вопрос из всего этого происшествия. О нем я хочу переговорить с тобой и приложу сюда мое письмо к Марье Ивановне, которое я хотел бы, чтобы ты ей передала (но, конечно, если найдешь это **решительно невозможным**, можешь не передавать)⁷. Однако прямо лучше будет, если передать, для сохранения **моих** отношений к твоим. Передай, если будет малейшая возможность. Мне кажется, что здесь надо выяснить это дело до конца, чтобы не было никаких недомолвок и непониманий. Я не нахожу нужным, чтобы ты не принимала Машу⁸ или кого бы то ни было из близких тебе людей, и думаю, что в таком случае тебе надо устроиться так, чтобы не жить с твоими, т.е., несмотря на расходы, надо будет постараться устроить приезд твой сюда с Георгием и сократить срок моей командировки, в чем ничего ужасного для моих занятий – могу сказать вполне искренно – не будет. Я думаю, что ты можешь жить с твоими только тогда, когда ты будешь обладать полной свободой принимать, кого ты хочешь, и распоряжаться своим временем, как ты хочешь, не стесняя, конечно, общего стиля дома. Делать в этом отношении какие бы то ни было уступки я не нахожу нужным и не думаю, чтобы они могли бы чем бы то ни было оправдаться. Если по состоянию здоровья Егора Павловича нельзя будет прямо и ясно выставить этот вопрос, то тебе надо будет не жить с ними. Я думаю, что жить с одними Гревсами одной тебе не придется, так как это при взаимных отношениях между Гревсами и твоим отцом было равнозначно открытому разрыву, и едва ли есть в этом надобность. Остается два пути: или 1) переехать тебе с Георгием за границу, что может не явиться возможным при наших средствах, хотя об этом вопросе надо подумать, или 2) ускорить мой приезд в СПб. и тогда устроиться там лучше. Об этом я серьезно подумываю и считаю вполне возможным. Методике, главным методам я научусь, и затем очень легко будет работать и у нас в кабинете, где я найду и другую работу, которая дала бы мне возможность зарабатывать деньги. Можно даже приехать из Мюнхена, следовательно, к весне, хотя бы я этого не хотел, но осенью можно вернуться наверно, тогда останется вопросом, как тебе устроиться это время. Если (а везти теперь Георгия за границу с кем-нибудь из твоих трудно, расставаться тебе с ним, я вполне убежден, невозможно и **нежелательно**) тебе надо будет делать операцию в СПб., я к этому времени приеду, и тогда можно будет окончательно решить все это дело. Но даже оставаться тебе и до твоей операции в таком положении **нельзя**; и, кроме того, что это влияет на состояние твоего духа и здоровья, это прямо вредно для всего, с каких бы то ни было точек зрения на это не посмотреть. Я думаю, следовательно, что как-нибудь надо сделать, чтобы было ясно, что ты теперь находишься и в своей семье в ином положении, чем прежде, даже с точки зрения твоего отца: ты теперь моя жена, и я не хочу, чтобы ты жила при стеснениях. Таким образом, как вывод я ставлю: 1) постараться всеми силами

устроить так, чтобы нам **не иметь** никакого отношения к деньгам этим, и 2) переговорить и устроить так, чтобы ты была более свободна в доме твоих, ты должна принять Машу или кого бы то ни было. Мне так больно, что нельзя сразу устроиться нам с тобой, и жалею, что ты переехала к своим.

Крепко, много, много раз целую тебя, моя дорогая, неопенимая, любимая.

Твой Додя

Д. 35. лл. 35–36.

¹ Отец Наталии Егоровны боялся, что молодые Вернадские раздадут все свое состояние друзьям, членам «Братства», и оставят внука нищим. Поэтому он отобрал деньги у дочери, которые даны были Н.Е. как приданое, а так как речь шла о финансовой помощи родственникам Гревсов, он отказался принимать в своем доме М.С. Гревс.

В письме от 31 августа 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «Вчера вечером уже в постели еще раз перечла твоё письмо ко мне и маме, и охватило какое-то беспокойство и волнение. Все оттого, что хотелось тебе сейчас же ответить на твоё письмо. Зачем тебе писать маме, ставить требования через нее, которая без того всеми последними своими силами всегда старается доставить мне все. Ее, нежную, самоотверженную, невыразимо дорогую, хочется только беречь и окружать глубокою ласкою и любовью... и отчего не через меня. Ты ведь веришь, что я всегда поступлю как кажется хорошим... Про деньги же ты неверно понял: папа так говорил, потому что он боится, чтоб мы остались без ничего. Нехорош его прием, но чувство понятное в нем и даже не может быть другим. Так же неприятно ему, если б мы тронули Вернадовку и так же бы он сказал, что мы не имеем права ее трогать, что она Георгина. С его точки зрения это все понятно. И опять-таки, повторяю, только прием его был нехороший, и в этом он раскаивается, говорит, что погорячился и поступил нехорошо, и теперь просит, чтоб мы поступили как считаем лучшим. Значит, с нашей стороны было бы жестоко отдавать ему эти деньги. Это было придавать совсем другое значение и смысл его чувству, сильно обидело и огорчило бы его. А огорчать и обижать людей, которые меня так сильно любят – не по моим физическим силам теперь. Пойми и не требуй, чтобы я отдавала то твоё письмо, и не говори, что иначе твоё чувство к моим изменится, и от этого поднимается большая тревога в душе, а так хочется, такая чувствуется потребность в спокойствии, в мире сама с собой, и со всем окружающим... Что же касается денег – они все-таки остаются общою нашею собственностью, и только тратить их на общее будем немного позже, хотя можем и теперь...» (ф. 518, оп. 3, д. 254. лл. 112–113).

² Старицкий.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Старицкая.

⁵ И.М. Гревс.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

⁷ См. комментарий № 1.

⁸ М.С. Гревс.

№ 92

5 сентября/24 августа 1888 г., Лондон

Дорогая моя Натуся, пишу тебе эту коротенькую записочку, чтобы сообщить, что вместе с ней посылаю заказным письмом ответ на твоё письмо от 19-го августа. Пиши мне чаще, моя дорогая. Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем.

Твой Владимир

24 авг./5 сент. 88, Лондон

На обороте: ст. Териоки, по Финляндской ж.д., Наталья Георгиевна **Вернадской**, Дача Старицкого, **Russia, via St. Petersburg.**

Д. 35, л. 150.

№ 93

5 сентября/24 августа 1888 г., Лондон

Лондон, 24 авг./5 сент. 88

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слов: сейчас еду на заседание Британской ассоциации¹ в Бат на неделю. Пиши по прежнему адресу. Из Бата напишу. Крепко целую вас обоих. Береги себя, моя голубушка, дорогая девочка. Да будет с вами все хорошо. Мой сердечный поклон всем, моя дорогая.

Твой Додя

На обороте: Ст. Териоки, по Финляндской ж.д., Наталье Георгиевне **Вернадской**, Дача Старицкого, Russia, via **St. Petersburg**.

Д. 35, л. 37.

¹ Точнее, Британская ассоциация наук.

№ 94

7 сентября/26 августа 1888 г., Бат

Bath, Авг. 26/Сент. 7, 1888

Дорогая моя, ненаглядная, единственная голубушка, в самом деле тебя, мою маленькую рыбку, надо хорошенько наказать за твое редкое писание – особенно в дни, когда я так жду твоих писем и когда я недоумеваю, что у вас делается.

Мне хочется, моя любимая, написать тебе сперва еще несколько слов по поводу «истории», а затем дать общее понятие о моей жизни в Англии, что я не успел сделать в более ранних письмах. Вообще описательные письма мне как-то не удаются.

Трудно решить издалека, не зная всех подробностей дела, но мне представляется, что ты неверно поняла мою мысль о помощи людям близким и членам братства. Я говорил это о тех случаях, когда мы имеем возможность помочь без всякого нарушения наших, т.е. братских, дел, без всякого ущерба братскому имуществу. Когда дело шло о 300 руб., которые у нас были, я ничего против не имел¹; теперь мы находимся в совершенно ином положении – 6000 руб. очень значительная сумма для всех нас, а принимая, что **не на словах** одних распоряжение нашим имуществом есть дело общее, я считаю, что мы **не имеем права** тратить эти деньги или решать это дело без совета и спроса других, по крайней мере деятельных членов братства – Федора², Шаховского и Адьки³. Ни я, ни Сергей⁴ (во всем этом мы сошлись) не можем ничего решить, пока не будем знать ясно дело, а ясно из твоего письма мы не знаем. Из того, что ты пишешь, для меня является сомнительным возвращение этих денег через год, а из небольших наших средств, которые – мы по крайней мере громко, даже слишком громко это раньше говорили – мы будем тратить на общую пользу, истратить 6000 руб. на сомнительную поддержку лицам, с нами общего ничего не имеющим, я считаю с нашей стороны скверным делом. Совершенно так же я мало могу помочь в этом Гревсам, как мало могу помочь Кате Короленко etc. И я думаю, что я совершенно прав, если только не ложь и не пустые слова, что мы говорили так часто, громко и долго. Даже из твоего капитала выдача была бы сомнительно-нужной, хотя

этот капитал стоял в странном положении относительно братского состояния, но из Вернадовки выдавать можно только в крайнем случае, когда это нужно на общее, важное дело, а теперь входить в новые долги и еще больше запутывать наши дела – мы не имеем права. Меня больно поразило во всей этой истории непонятное отношение Ивана и Маши⁵: они не соглашаются дать несколько сот рублей на устройство Сережки⁶ – важность чего прямо для укрепления братства ясна, считая «квартирный» капитал собственностью трех семей и думая «о черном дне» (sic!), а тут, когда дело идет о бедных родных их, поступают совсем наоборот. Что это такое... Все это заставило нас с Сергеем⁷ много думать, и мы неясно еще выяснили, но, мне кажется, я выскажу наше общее мнение: нам надо скорей возвращаться, а то в СПб. в нашем братском кружке может пойти все на упадок... Напиши мне, что делается с Гревсами. Ты получила мое письмо, и тебе и Марии Ивановне послал заказные, и знаешь, [следовательно], что я думаю обо всей этой истории, и хотя, может быть, не зная всех подробностей – пока не согласен с выдачей денег Гревсам, но согласен со всем, что ты делала. Я понимаю, что Егор Павлович, может быть, сильнее погорячился, желая спасти капитал, может быть, оттого он и не хочет, чтобы бывала Маша, но я не хочу, чтобы ты была стеснена в этом отношении, и думаю, что теперь относительно тебя, даже с его точки зрения, нельзя поступать, как поступали, пока ты не была замужем. На такого рода жизнь твою у твоих я не согласен.

Неделя, проведенная в Лондоне, прошла очень быстро. Осмотрел я только часть Британского музея и его библиотеки, ботанический сад в Кью, зоологический сад и отчасти геологический музей, но такое богатство Лондона всеми такими учреждениями, что просто не знаешь, что и делать. Был еще на митинге в Гайд-парке и в Армии спасения (брр...)⁸. Говорили довольно много с Сергеем, Красновым, Клейбером и Батюшковым. Клейбер еще изменился к лучшему: он теперь говорит прямо, что будет действовать в России, и его уже туда тянет. Мне очень нравится Батюшков. Это совсем культурный человек, и хотя мы с ним далеко не во всем сходимся – у нас много, очень много общего. У нас бывали и долгие разговоры за полночь, и из как 2 более важных: о христианстве (напомнило мой разговор с Госкинсом) и о собирательной работе масс – вопрос, о котором я все больше и больше в последнее время думаю...

В Бате нас встретили, как гостей Британской ассоциации, устроили даром, и хотя это несколько неловко, но отказываться было еще больше неловко, а меня, по недоразумению, очевидно, даже выбрали членом комитета геологической секции – понимать их речи мне довольно трудно, а Андрей⁹ (все он чепушит) и совсем ничего не понимает. Здесь [пока] познакомился с молодым французским геологом и профессором Московского университета – Павловым и его женой¹⁰, которые занимаются палеонтологией, они очень милые, простые и **живые** люди. Надо кончать, мой дорогой цыпленок, пиши больше, моя радость, а то как приеду, сильно накажу. Да будет с вами все хорошо. Скоро 2 года, как я счастлив, имея у себя маленькую Тутьку. Будь спокойна, моя радость, и не сильно волнуйся.

Твой Д.

Д. 35, лл. 38–39.

¹ Помощь была оказана тверскому знакомому Ф.Ф. Ольденбурга, о котором он в письме от 6 мая 1888 г. писал: «... среди моих тверских знакомых есть один бывший естествовед

Петербургского университета. Он желал приняться за дело, которое мы все считаем очень важным, но на которое у нас лично нет ни охоты, ни возможности: за ведение мелкого сельского хозяйства, при котором сам хозяин являлся ее бы и главным работником, но хозяйством, не ограниченным одними крестьянскими работами, а дополненным огородничеством, парниковым и тепличным, довольно развитым в Тверской губернии... Обещает, т.е. хочет [...] отдавать деньги по 200 рублей в год, не совсем, конечно, может ручаться, поручителем (т.е. нравственным) непосредственно должен быть, конечно, я и косвенно, значит, и братство...» (ф. 518, оп. 3, д. 1198, лл. 5–6).

² Ф.Ф. Ольденбург.

³ А.А. Корнилов.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ И.М. и М.С. Гревс.

⁶ С.Е. Крыжановский.

⁷ С.Ф. Ольденбург.

⁸ Армия спасения (Salvation Army) – международная религиозно-филантропическая организация. Возникла в Лондоне в 1865 г. для религиозной пропаганды среди беднейших слоев населения. Получила поддержку буржуазии. Рост бедности в промышленных и торговых центрах Англии стал беспокоить правящие круги Англии как нарастающая угроза существующему порядку. Армия спасения стремится при помощи религиозно-моральной пропаганды отвлечь внимание городской бедноты от политических и социальных вопросов и привлечь ее симпатии филантропическими подачками. Армия спасения содержит на свои средства ночлежные дома, столовые, больницы. Получающие материальную помощь должны принимать участие в разнообразных религиозных мероприятиях. С 1880 г. пропаганда Армии спасения ведется и вне пределов Англии. В настоящее время действует во многих капиталистических странах.

⁹ А.Н. Краснов.

¹⁰ Мария Васильевна Павлова.

№ 95

8 сентября 1888 г., Бат

Дорогая Натуся, моя родная милая девочка [...] вчера отправил тебе письмо подробное, а теперь пишу несколько слов, чтобы отправить тебе вексель. Как жаль, что не прислала его раньше, а теперь сильно просрочили и придется заплатить штраф – впрочем немного. Ведь Аня¹ могла подписать. Сейчас отправляюсь на экскурсию на с.-з. от Бата и потому спешу закончить поскорее это письмо, чтобы успеть отправить заказным.

Крепко целую тебя, моя дорогая радость. Здесь в Бате попался очень неприятно: нас только поместили даром, но развозят и кормят, как *hospitality*, от Комитета², от Ассоциации³, а затем получили приглашение от 2-х разных лиц поселиться у них на несколько дней перед Конгрессом в местностях, геологически интересных – в Челтнеме у какого-то эсквайра Райта и в Солсбери у генерала Пит-Риверса, я предпочел все-таки эсквайра – не так важно, хотя все это довольно неприятно, отказываться же нет ни малейшей возможности.

Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем. Очень рад, что история с Егором Павловичем⁴ прекратилась. Целую тебя, мою маленькую рыбку, как здоровье, есть ли боли в боку.

Твой Додя

Бат, 8 сент. 88

Д. 35, лл. 40–41.

¹ А.Е. Старицкая.

² Очевидно, Организационный комитет по проведению Международного геологического конгресса.

³ Британская ассоциация наук.

⁴ См. комментарий № 1 к письму № 91.

№ 96

11 сентября 1888 г., Бат

Бат, 11/IX 88

Дорогая моя [...] получил я вчера еще одну твою записочку, моя голубушка милая [...] Мне так дорого и приятно получать каждое твое письмецо, как бы мало в нем не было бы сказано.

В Бате я познакомился с очень многими, хотя знакомств с англичанами сделал, сравнительно мало – мешает невозможность бегло объясняться по-английски, но зато познакомился с венгерскими минералогом Сабо и геологом Ганткеном, румынским геологом Стефанеску, французскими, американскими etc. Еще мое положение лучше многих здешних иностранцев, так как из речей, сообщений я понимаю почти все, а иные, как Стефанеску, Андрей¹ не понимают совсем. Очень много дали экскурсии в окрестности, и здесь пришлось видеть довольно много и очень интересных черт природы Западной Англии. Жизнь здесь не стоит нам ничего, и это очень стеснительно – так и теперь никак нельзя было отказаться от геологической экскурсии, устраиваемой в Солсбери генералом Пит-Риверсом, и приходится к нему ехать, хотя у меня с собой нет фрака; мы устроились, впрочем, так, что у Пит-Риверса пробудем всего 2 дня, а он приглашал к себе нас на 5 дней.

Сегодня я слышал здесь фонограф в новой, недавно Эдисоном усовершенствованной форме. На меня этот прибор произвел очень сильное впечатление – раньше как-то я не придавал ему такого значения, какое придаю теперь. И прав Клейбер, который пророчит, что фонограф произведет революцию вроде той, какую произвел печатный станок. На маленькой восковой пластинке, которую ты легко можешь получить в тысячах оттисков, твой голос или иные звуки отпечатываются, и, вкладывая эту пластинку в прибор, ты до малейших подробностей и оттенков ясно слышишь и голос, и все звуки... Я слышал здесь разговор Эдисона с кем-то и различные шумы, какие они производили у себя в кабинете, – грохот посуды, крики etc., несколько месяцев назад, а потом слышал какую-то пьесу, игранную на фортепьяно, и все это передавалось точно, со всеми оттенками... Восковая бумажка может пролежать годы и, вложенная в фонограф, она даст тебе через много лет и дорогой голос, и все так же точно, как если бы все это происходило тут же, теперь же. Так сохранится голос человека, как фотография, портрет сохраняет его лицо, и так, как мы читаем теперь глазами, мы можем слушать и в передаче хоть самого автора. Когда прибор получит настоящее устройство, ему несомненно будущее; а теперь как-то много мыслей родится. Эдисон записывает точно все крики, речь etc. своих детей etc. ...

Здесь приходилось говорить много с Андреем, я боюсь, что я слишком с ним резок, но он меня очень раздражает какой-то несвязностью и необдуманностью своей речи. Он теперь хочет бросить географию – он вполне убедился, что я прав и для него занятие его губительно, но как-то неприятно, тем более

что положение Андрея очень не из приятных. Для меня во время всех этих разговоров еще яснее все выяснилось и обосновалось, но для Андрея, может быть, вследствие этого все это еще тяжелее.

Из людей здесь пока, как я тебе писал, встретили только очень хорошего – это Батюшкова, с которым много говорили. В Лондоне познакомился я проездом с Оболенским, который мне, нельзя сказать, чтобы очень понравился. С Павловыми же мы все сошлись, и они довольно симпатичные люди, работают и интересуются наукою от души, да и от жизни не сторонятся [...]

О Приютине² не говорили: мне не хотелось, но одно хочется тебе написать, что я никогда не позволю себе задерживать хорошее общее из-за личных чувств, но я не знаю, насколько хорошего и сколько скверного в Тверском Приютине.

Крепко вас обоих целую. Сердечный поклон всем. Жду очень письма на мои ответы по поводу инцидента. Да будет тебе все хорошее, моя нежная, дорогая голубка.

Твой Д.

Д. 35, лл. 42–43.

¹ А.Н. Краснов.

² Члены «Братства» (см. комментарий № 1 к письму № 26) на одном из своих собраний пришли к мысли о создании «Приютина». Объяснение этого названия мы находим в воспоминаниях А.А. Корнилова: «Связь наша сделалась тесной, дружеской связью даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам у Ольденбургов и всегда засиживались далеко за полночь и даже иногда до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности... В одно из таких всенощных бдений возникла у нас мысль, не помню, кем первым формулированная, укрепить нашу дружескую связь в будущем покупкой на общий счет какой-нибудь земли, где мы могли бы впоследствии съезжаться хоть летом и обновлять таким образом постоянно и наше дружеское общение, и те этические принципы жизни, которые нас связывали, хотя тогда еще и не были, сколько я помню, никем из нас точно формулированы. Так как мысль о покупке такого маленького имения связывалась у нас и со стремлением стать ближе к народу, и с желанием иметь общий уголок земли, в котором мог бы в трудный в материальном отношении момент своей жизни каждый из нас найти временный приют, то и будущее имение наше – так и оставшееся потом в наших мечтах – решено было тогда же назвать «Приютиним», а отсюда и члены нашего кружка стали потом называть себя «приютинцами»...» (ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 41).

№ 97

16/4 сентября 1888 г., Лондон

Лондон, 4/16 сент. 1888

Дорогая моя, родная девочка – Натуся моя, радость моя. Вот уже 2 года как я счастлив с тобою, с моей маленькой, ненаглядной рыбка, моим золотым сердечком. Моя рыбонька, так мне больно, что ты волнуешь себя там из-за моего письма к твоим¹. [...] мое отношение к твоим вовсе не переменялось, и я также их люблю, и в этом ты не могла сомневаться, ты знаешь, как я всегда к ним относился, и то, что ты видишь в моем письме (думается мне – ты преувеличиваешь то, что тебе в нем не понравилось), вызвано было твоим письмом ко мне [...]

Я, может быть, думаю, что лучше приехать тебе в Мюнхен к началу октября, если и Аргутинский и П.С.² советуют делать там операцию. Здесь конгресс продолжится еще с неделю, затем неделя геологических экскурсий (я еще окончательно не выбрал места – поеду или в Норфолк, или в Северный Валлис), боюсь, что вследствие моей поездки в Бат придется мне еще пробыть неделю в Лондоне, так как бессмысленно уехать, не изучив возможно основательно музея – лучшего в мире. Следовательно, в Мюнхене я буду около 10 октября – надо рассчитывать, когда выехать тебе – моему счастью.

Поездкой своей в Бат я очень доволен, главным образом вследствие некоторых знакомств и очень доволен теми геологическими экскурсиями, которые я сделал с английскими геологами. Из всех таких экскурсий эти до сих пор дали мне больше всего, может быть, благодаря тому, что я научился больше, как с ними быть и лучше готовлюсь к ним.

Англичане мне очень понравились – только не генерал (брр!...) Пит-Риверс, у которого мы пробыли сутки в его замке Рошморе. От него мы все бежали, и как-то ужасно больно и горько было за глупую и чванливую роскошь и вместе с тем какую-то мешанственность. Но обо всем этом поговорим при свидании, мой голубчик. Натуська, Натунька, моя родная девочка, так сильно и хорошо я тебя люблю.

Тебе не надо волноваться, а то Тусе моей дорогой опять будет нехорошо. Напиши, как твое здоровье и про все мне **очень** подробно. Мне хочется знать подробнее и о твоих разговорах с Ниной, Пашей и Георгием³.

В Бате от французского ученого Говелака и от проф. московского Павлова узнал, что летний семестр в Париже **начинается** в марте и идет до конца июля, так что для меня теперь несомненно, что надо ехать туда, а не в Вену. А в Вену проеду позже. Мне хочется еще раньше побывать во Франции, потому что я окончательно решил сделать, насколько могу, enquête⁴ положения вопроса о фосфоритах во Франции, причем я посещу возможно больше, если не все места выработки и места опытов. Это, я все более и более убеждаюсь, **необходимо** теперь для разъяснения вопроса; в пользу общественной этого дела я убежден, а ждать инициативы со стороны министерства государственных имуществ сомнительно, а сделать это и представить потом в министерство я могу. Перечитывая корректуру моей статьи⁵ (мне прислали новую – старая пропала) и еще знакомясь с кое-какими по этому поводу статьями, мне несомненно выяснилась полезность решения этого вопроса. Для правильной постановки дела в России необходимо, кроме опытов и исследования положения дела в России, изучить все, что сделано во Франции и Северо-Американских Штатах. Последнее, к сожалению, мне не удастся, вероятно, сделать, но первое я могу и должен. Кстати, привези **непрерывно** с собой вновь вышедшую книжку Густавсона «Лекции земледельческой химии», которая недавно вышла в Москве⁶. Густавсон – лучший из современных русских, химиков, занимающихся земледельческими вопросами, и мне эта книжка очень нужна.

В Лондоне мне не удалось выработать плана работы у Грота, но я все более об этом думал и, должно быть, выработаю, возможно, скоро, во всяком случае в Мюнхен поеду с более или менее готовым планом.

[...] О Приютине⁷ говорили с Сергеем⁸, и я пересылаю тебе мои ответы на вопросы Дмитрия Ивановича⁹, которые ты, прочитав и если не будешь иметь сильных возражений, перешли ему. Я думаю, как узнаешь, что Приютино

должно теперь основываться – но жить в северном Приютиве я не могу, и, может быть, это все лучше устроит и для нас всех, а на юге мало-помалу устроится новый центр, хотя бы в Крыму, как хотели раньше¹⁰. Лично я думаю, что это для всех нас будет лучше. Поговорим при свидании.

Вообрази, почти всю экскурсию, начиная с Инсбрука, меня каждый почти вечер мучает зубная боль, и сегодня плохо спал оттого.

Крепко целую тебя, мою маленькую, ненаглядную рыбку, мою родную Натусю. Натунька, Натунька как я тебя люблю сильно, как я тобою счастлив. Мальчугана нашего хорошенько поцелуй, очень и очень буду рад его видеть, но хочу, чтобы вы снялись **непрерывно** в Питере вдвоем. Мой сердечный поклон всем. Мое дорогое сокровище. А твоих я также неизменно **всех** люблю. Пиши, моя радость, о своем здоровье подробно, а то ты ничего не пишешь об этом [...]

Твой Доля

Д. 35, лл. 44–45.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 91.

² Петр Семенович Черторасев – лечащий врач Н.Е. Вернадской.

³ Старицкие.

⁴ Здесь: исследование (фр.).

⁵ См. комментарий № 2 к письму № 57.

⁶ *Густавсон Г.Г.* Двадцать лекций агрономической химии. М.: Типолит. И.Н. Кушнерева и К^о, 1888,

⁷ См. комментарий № 2 к письму № 96, письмо № 137 и комментарий № 6 к нему.

⁸ С.Ф. Ольденбург.

⁹ Шаховской.

¹⁰ См. письмо № 103.

№ 98

22/10 сентября 1888 г., Лондон

Лондон, 22/10 сент. 1888

Дорогой мой, родной Натусенок, моя милая славная девочка, вчера получил я твои каракульки и скорей хочется ответить тебе [...] моя дорогая девочка, ты мне до сих пор не пишешь никаких подробностей о своей болезни и о том, как ты себя чувствуешь, надо также скорей выяснить, поедешь ли ты в Мюнхен или останешься для операции в Питере – обо всем этом надо ясно и точно списаться, чтобы я мог, сообразуясь с этим, распределить свой маршрут. Я не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем [...] ты мне очень поздно написала писать в СПб., и я посылал их в Териоки, потому что они, верно, там. Из Лондона я скоро уеду. В этот понедельник еду в Северный Валлис и на остров Англси – эта экскурсия от конгресса продолжится неделю, но я, может быть, уеду раньше, потому что хочу проехать в Норфолк или Кембридж, чтобы осмотреть находящиеся там самые, может быть, важные в Англии залежи фосфорита. Затем пробуду несколько дней в Лондоне и затем через Брюссель (откуда сделаю небольшую экскурсию в Монс, где также одни из европейских самых значительных выработок фосфорита – местность чрезвычайно поучительная и в геологическом отношении), из Брюсселя, если

будет время, проеду более длинным путем через Кельн по Рейну. Поездка в Англию стоила мне немного, а между тем дала довольно много и особенно для геологического моего образования и расширения умственного научного кругозора. С Сергеем¹ мы говорили довольно много и в общем с ним во всем сошлись. Не могу не сознаться, что мне теперь кажется, что Андрея² я ставил слишком высоко, и не то, чтобы во многом разочаровался, но просто не считаю, что он, вне влияния компании, всегда будет поступать так, как хорошо, но даже не всегда будет к этому стремиться. Клейбер в этот приезд мне еще более понравился (мы с ним на ты)... Мы телеграфировали Ивану³ (ему на днях пишу), что согласны с общим решением, хотя до сих про не знаем в чем дело: ты написала очень неясно и мало (надо наказать), Шура⁴, по-видимому, тоже, а Иван фактически дела совсем не разъяснил. И во избежание худшего приходится это делать – мы это делаем, потому что любим Ивана, и эту любовь я как-то очень сильно теперь чувствую.

Моя дорогая девочка, мое золотое сердечко, мне очень жаль, что тебя нет со мной во время моей поездки [...] Знаешь, следующий конгресс назначен в 1891 году в Филадельфии, и я мечтаю туда проехать⁵, так как поездка в это время будет стоить гораздо дешевле, да и там будут устроены грандиозные экскурсии. Это было бы очень хорошо.

Курьезно – здесь, в Лондоне, я познакомился главным образом с русскими учеными (Армашевским из Киева, Феофилактовым отсюда же, Никитиным etc.), познакомился я еще с несколькими иностранцами.

Пока, крепко целую тебя, мое сокровище, мое счастье. Снялись ли вы оба? Очень бы хотелось повидать теперь Юрушку⁶. Когда свадьба Ани?⁷ Пиши чаще, так жду твоих писем. Сердечный поклон всем. Спроси Ивана: покупает ли он Штилера и Венгерова.

Крепко целую тебя, мою ненаглядную радость Натуську. Как я сильно тебя люблю. Пиши.

Твой Додя [...]

Д. 35, лл. 46–47.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² А.Н. Краснов.

³ И.М. Гревс.

⁴ А.П. Ольденбург.

⁵ В работе V сессии Международного геологического конгресса, который проходил в 1891 г. в Вашингтоне, В.И. Вернадский не принимал участия.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ См. комментарий № 13 к письму № 72.

№ 99

29/17 сентября 1888 г., Лондон

Лондон; 29/17 сент. 88, суббота

Дорогая моя, родная, ненаглядная, любимая Натуська, мое ясное солнышко, мое родное золотое сердечко [...] Мое дорогое сокровище, как тяжело быть не вместе, так долго, как мы теперь.

Я не понимаю, моя родная девочка, отчего ты не получаешь моих писем, я тебе пишу часто, и, верно, письма не доходят.

На днях я пишу Винбергу и Шаховскому, чтобы они присмотрели небольшое место в Крыму, покупать не решусь, не поговорив хорошенько с тобой, но, по-моему, нам надо решить это дело скорей, чтобы, вернувшись, можно было уже там поселиться; а мне представляется самым лучшим нам устроиться в Крыму.

Относительно твоего решения – мне представляется лучшим не делать операцию и отправить Винкелю письмо с деньгами, но необходимо устроить так, чтобы тебе не жить в СПб. или Мюнхене. Моя дорогая, ненаглядная Натунька [...] нам надо это решить скорее, потому что все эти колебания совсем лишни. Нельзя ли устроить так, чтобы тебе холодное зимнее время провести где-нибудь в окрестностях верхнеитальянских озер, например в Лугано, где можно прожить не так уже дорого и куда я могу из Мюнхена раз-два приехать. Я думаю, нам так важно, чтобы тебе не сидеть лишнее время в болотистом Питере или Мюнхене, в январе я постараюсь из Мюнхена уехать в Париж (я здесь познакомился с некоторыми французскими профессорами – Ляппараном, Госселе, ужасно мне Госселе нравится и пр., и оказывается, что я свободно могу заниматься в Париже в лабораториях до конца июля). Но для того, чтобы решиться, это надо раньше тебе переговорить и хорошенько обсудить, можешь ли ты справляться с Юркой, если его (чего бы я очень хотел) повезти тоже в Лугано или куда-нибудь в другое место около Комо или Маджиоре, и, во-вторых; узнать у Радецкого etc., явится ли тебе житье зимы в этом климате для почек полезным. Об этом ты узнай скорей и напиши мне ответ уже в Мюнхен, так как послезавтра я, должно быть, из Лондона выезжаю. Из Лондона я еду на Остенде – в Брюссель, откуда еду в Монс на ломки фосфорита и затем на Кельн и Страссбург – в Мюнхен. Вот еще: денег из Мюнхена я не получил, тамошний почтамт все перепутал и отослал деньги назад в Россию (вот и хвалена немецкая аккуратность!), так что мне опять придется возиться с Мелиоранским, а пока **вышли мне в Мюнхен скорее марок 400–500**, так как я здесь беру у Сергея¹, которому самому деньги будут скоро нужны. Моя поездка в Англию стоила гораздо все-таки, меньше, чем я думал.

Мой дорогой, ненаглядный светик, я так уверен, что ты, прожив **постоянно** некоторое время в теплом, хорошем климате, скоро и быстро поправишься, и Неаполь нам это с тобой доказал [...] напрасно ты волнуешься, что все еще болеешь – разве мы с тобой не счастливы? Разве нет у нас самого большого и глубокого счастья, какое возможно человеку, – любви? [...]

Ты мне пишешь, что я мало тебе пишу про наши разговоры здесь: я говорю и спорю вообще, может быть, больше, чем следует, и, к ужасу, заключаю, что говорю так туманно, что меня не понимают, но голова так полна, так много мыслей роится и носится, что я едва-едва успеваю справляться с ними. Сергей теперь сильно огорчен делами компании – ему кажется, что все расползается, я думаю, что он увлекается, но, несомненно, нужно скорее быть там кому-нибудь познергичнее, чем оставшиеся. Отчего у тебя не бывает Сережа²? **Напиши** ему, чтобы пришел. Для библиографии земской людей – работников, может быть, может **указать** Вал. Конст.³ (только ему давать этой работы не следует).

Крепко, прекрепко целую вас обоих, моих дорогих. Мой дорогой Натусенок – рыбка моя, нежная птичка. Сердечный поклон всем. Когда Анина свадьба⁴?

Твой Додя

Д. 35, лл. 48–49.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² С.Е. Крыжановский.

³ Очевидно, Валериан Константинович Агафонов.

⁴ См. комментарий № 13 к письму № 72.

№ 100

[Ранее 1 октября 1888 г.] ¹

Дорогая моя Натуся, меня очень удивляет, что ты не получаешь моих писем, я пишу тебе довольно часто. Довольно давно я не писал маме – напишу при первой возможности. Сейчас отправляюсь в Честер, а оттуда в Северный Уэлс, но не пробуду там очень долго, потому что иначе будет очень дорого. Из Уэлса вернусь в Лондон, сделаю, если будет возможность, экскурсию в Кромер на фосфориты, а потом через Брюссель (4-го экскурсия от Конгресса в Монс на бельгийские фосфориты) и Рейн вернусь в Мюнхен, где буду во всяком случае около 10 октября. Я только что получил твое письмо о Радиком, и с нетерпением жду дальнейших подробностей, я думаю, что если можно избежать операции, надо все для этого сделать. Расспроси точно и подробно, где и как тебе надо жить, не думаю, чтобы было хорошо жить в СПб. или Мюнхене. Пиши скорей, моя дорогая. Напиши подробно про свое здоровье. Крепко целую тебя. Сердечный привет всем. Пиши и не волнуйся.

Твой Додя

А карточку?

На обороте: **Петербург**. Наталье Георгиевне **Вернадской**, Литейный пр., д. 18, **St. Petersburg, Russia**.

Д. 35, л. 51.

¹ Открытка написана до 1 октября, так как в ней описываются маршруты путешествий по Великобритании, а в открытке от 1 октября В.И. Вернадский пишет: «...сейчас выезжаю из Лондона в Брюссель».. На открытке имеется штемпель лондонской почты от 3 октября 1888 г.

№ 101

1 октября 1888 г., Лондон

Лондон, 1 окт. 88

Дорогая Натуся, сейчас выезжаю из Лондона в Брюссель и оттуда напишу тебе сейчас по приезде. Моя дорогая Натуся, скоро в Мюнхене получу твое письмо и из него узнаю о том, как ты думаешь о моем проекте переезда твоего куда-нибудь в теплое место. Я не понимаю, отчего ты не получаешь моих

писем, я пишу очень часто и ни разу не было, чтобы я хоть один раз не писал 6 дней подряд – верно, пропадают письма. Пиши мне чаще – я так жду твоих писем и так хочу, чтобы ты скорее, была со мною. Мне уже хочется покончить с поездками и засесть за работу в лаборатории. Лондон во время всех этих поездок не успел хорошо осмотреть и кое-где не был, но делать нечего, 3-го марта будет экскурсия на фосфоритные залежи в Монсе. Получила ли ты мое письмо, где я просил тебя переслать мне 500 марок в Мюнхен? Пиши мне чаще и больше. Снялись ли – отчего не отвечаешь. Сердечный поклон всем. Пиши мне чаще.

Твой Д.

На обороте: **Петербург**, Наталье Георгиевне **Вернадской**, Литейный пр., д. № 18, **Russia, St. Petersbourg.**

Д. 35, л. 50.

№ 102

2 октября 1888 г., Брюссель

Bruxelles, 1e.

2 October 1888, вторник

Дорогая моя, родная Натуська, моя милая любимая девочка, мое дорогое счастье, перед отъездом из Лондона получил я твое письмо, на которое хочется мне написать тебе несколько слов – о моем так называемом «долгом» молчании я писал, а теперь напишу по поводу того, что моя [...] мартышечка недовольна моими письмами, находит их слишком внешними [...] опять все прежняя история. Моя Натуська, если «внешность» их выразится тем, что я не излагаю содержания своих разговоров, а пишу о том, что во мне сильнее всяких разговоров, ты обманываешься, думая, что я пишу тебе только о внешних событиях. Для меня разговоры в сильной степени являются внешностью, очень даже неприятною и совсем мне надоевшею внешностью, а внутри я живу совсем другим – я живу своим чувством к тебе, и если я пишу тебе об этом чувстве, не значит, что я пишу тебе о внешнем – я пишу о том, что для меня главным образом имеет значение среди всех треволнений [...] И вот, чтобы исполнить твое желание, я передам вкратце один разговор, который был у нас накануне моего отъезда. Мы говорили о поводе делать так или иначе, о той причине, которая укладывает и устраивает всю нашу нравственную жизнь. Клейбер терялся в своих сомнениях, Андрей¹ по обыкновению говорил что-то несуразно непродуманное, Сергей² утверждал, что у него является коренной причиной **вера** в то, что с течением времени все будет становиться мир сознательнее. Я не мог удовлетвориться этим Сергеевым построением, потому что оно разбивалось об отсутствие у меня веры в это и разбивалось на том, что я не видел возможности и надобности делать тут логический скачок; для меня совсем ясно, что если я поступаю теперь так, а не иначе, если я теперь являюсь не скверным и, может быть, даже хорошим человеком с точки зрения обычной нравственности, то вовсе не из-за каких-нибудь оснований, оснований, научно проверенных, выдерживающих самую снисходительную критику, я не знаю и думаю, что их нет. Если я поступаю так или иначе, то

вовсе не значит, что я так буду всегда поступать, не значит, что так поступать лучше,— это значит только, что мне так надо поступать для того, чтобы не нарушилась гармония моей и твоей любви, так что передо мной жив твой образ и потому что я тобой живу... Если бы этого не было, я, несомненно, был бы другим человеком, и если этого не будет – много данных есть, что я другим человеком буду. Я не могу вдаваться здесь в причину, почему любовь является таким странным, сильным орудием, я более чувствую и сознаю это, продумывая в последнее время (говорил обо всем этом я еще менее складно, чем пишу здесь), я как-то яснее понял две вещи, которые прежде казались мне малозначащими и неважными, – Дон Жуана и ту странную силу и глубокую мысль, какая рисовалась в физической красоте древней классической пластики и в некоторых произведениях новых мастеров, иногда как-то отрешавшихся от влияния христианства и его культа. Об этом мы поговорим как-нибудь после, а теперь пойми, моя дорогая [...] что если я тебе пишу об этом, то потому, что ничего более важного писать не могу [...]

Я думаю, что если тебе можно приехать и поселиться на юге, то лучше приехать скорее; в Париж (там зимой очень, говорят, скверно) приехать только в марте (и очень сильно желаю иметь Юрку с нами все время).

Получила ли мое письмо о том, чтобы ты прислала мне 500 марок в Мюнхен, пришли скорее, не забудь. Море переехал в Остенде 5 часов без морской болезни. Крепко целую тебя. Сердечный поклон всем.

P.S. Фрей живехонек. Что за история с Александром³, отчего ты о ней ничего не писала? Или он от тебя скрыл? Кир⁴ написал письмо, которое тебе посылаю.

Твой Д.

Всю ночь сплошь не спал, поздно и завтра в 7 часов надо вставать на экскурсию, да и голова что-то болит, а потому откладываю письмо маме и Киру. Скажи маме, что я совсем ничего и ее целую.

Д. 35, л. 53.

¹ А.Н. Краснов.

² С.Ф. Ольденбург.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Кир Алексеевич Алексеев.

№ 103

4–5 октября 1888 г., на Рейне

На Рейне, 4/5 окт. 88

Дорогая моя, неоценимая Натуська, так дума моя неотступно тобой занята, так тоскливо ноет сердце, когда подумаю, что так еще долго не увижу тебя подле себя, мою дорогую, ненаглядную девоньку.

[...] Мое родное сокровище, боюсь, что в моих планах относительно тебя много чисто личного, эгоистического [...] но это не личное чувство – мы так близки друг другу, что, наверное, и тебе разлука так же тяжела, как и мне, что, наверное, и тебе легче будет перенести ее вблизи, чем вдали. До Лугано

всего сутки езды из Мюнхена, и езда туда и обратно стоит немного более 30 марок, следовательно, я могу приехать к тебе туда, и мы можем от времени до времени свидеться. А в СПб. приехать – совсем другое; если бы я думал, что ты останешься в СПб., то я бы не поехал в Лондон, а приехал бы на это время в СПб. Да я и не спокоен, что тебе в СПб. хорошо, я глубоко убежден, что тебе там **вредно**, и я буду все время волноваться и беспокоиться. Единственное облегчение, что тебе легче возиться с Георгием и что есть вблизи дорогие люди, но для здоровья все-таки много, очень много вредного. Если только тебе не справиться с Георгием, тогда ничего не остается, как остаться тебе в СПб., так как я вполне сознаю, что снова расставаться с Георгием тебе нельзя, но если с Георгием можно тебе сладить в Лугано, то это будет самое лучшее. В Лугано ты бы осталась до марта, а в марте вы бы приехали в Париж или окрестности, так как зима в Париже нехороша и квартиры совсем не приновлены. Хорошо бы было, если бы ты приехала сперва одна, мы бы проехали в Лугано* или куда лучше (спроси докторов) и все приготовили, а Георгия бы потом привезли, если только это возможно, не очень трудно. Поездки твоей с Георгием по железной дороге я страшно боюсь, надо, чтобы ты его на месте встретила отдохнувши, а не усталая и разбитая. Так жду твоего ответа на все эти планы и так хочу, чтобы это так устроилось – самое лучшее!

[...] О, Натуся моя, мое ты сокровище, иногда хочется бросить всю эту командировку и взять скорее тебя куда-нибудь в теплое место, поселиться где-нибудь в Крыму и там жить, думать, работать. И я не знаю, не самое ли это лучшее, я жду твоего ответа, чтобы написать Винбергу (может быть, ты бы сама переговорила с ним – он в СПб., написала бы, и он бы к тебе приехал), и мне хочется решить это скорей, чтобы по возвращении из-за границы там поселиться; часть зимы можно будет пристроиться в одном из южных университетов, а ты бы с Юркой весну, лето и осень проводила там недалеко от берега моря. Натуся, я чувствую и **верю**, что я при таких условиях могу работать горячо, с увлечением, с убеждением успеха, что я буду на своем месте. Если только нам удастся это, я думаю, что наше южное Приютино¹ осуществится, а я вполне теперь уверен, что я в силах провести его на юге. Когда я с тобой и на юге, у меня является энергия, если хочешь, самоуверенность. Пусть я ошибаюсь, но ты, моя чистая, жестоко во мне ошибиться не могла, и с тобой я самоуверен. Моя хорошая крошка, решай скорей, и как я хочу, чтобы это так решилось, и какая тоска – тоска неизвестности и страха... Я думаю, что во всяком случае нам нечего возвращаться в СПб. для новой работы в СПб. университете, надо пристроиться в университете на юге. Я начинаю думать, что через несколько лет возможно будет, может быть, занять кафедру в Киеве – здесь познакомился довольно хорошо с профессорами Киевского университета – Феофилактовым (геолог) и Армашевским (минералог), Армашевский оставляет кафедру при первой возможности и переходит на геологию, а затем мне очень важно работать где-нибудь в местности, где развиты различные породы, например в Крыму, – над удобрениями у меня после посещения Бельгии начал выясняться целый ряд вопросов, решить ко-

* В Лугано, по словам швейцарца проф. Реновье, очень хорошо и, зная итальянский язык, можно устроиться дешево. Он советует Монтрё.

торые мне кажется возможно. Вообще посещение фосфоритов Монса было для меня чрезвычайно полезно, и многое, что было мне непонятно, если не выясняется, то по крайней мере выясняется путь, как это все решить. Я непременно решил сделать enquete² фосфоритного дела во Франции, тем более, что теперь у меня завязались связи, которые очень мне облегчат задачу. Арденны я посетил с лучшим знатоком этих мест профессором Госселе из Лилля (он меня пригласил), Пикардию и Северо-Восток Франции – с бельгийскими геологами, с которыми у меня завязались довольно близкие связи; мне очень жаль, что было слишком дорого посетить лучшие залежи Англии в Кромере etc. и не удалось видеть немецких [Ланских] (или совсем особых – но, может быть, удастся и сделать все это). Я все более и более убеждаюсь в необходимости работать на этом поприще, так как это ставит меня вне зависимости от министерства народного просвещения – не только потому, что я, может быть, случайно могу работать по министерству государственных имуществ, но просто потому, что позволяет работать **научно** вне зависимости от богатых университетских пособий и лабораторий, а дело это я люблю. А теперь нельзя считать устойчивым положение профессора, который хочет остаться честным и независимым.

Мне как-то грустно возвращаться в Мюнхен, как-то пусто в нем без тебя, моей дорогой крошки, но хочется скорей за работу и для тебя хочется успеть в...³ Решай и отвечай **немедленно** о моих планах.

Крепко целую вас обоих – скорее бы вы были вместе со мной. Сердечный поклон всем. Если можно ехать в Лугано, выезжай **как можно скорей**.

Как я нетерпеливо жду твоего ответа. Маме не пишу, потому что в Кельне вечером мог достать всего одну марку, а на пароходе нет. Напишу, как только будет можно (получить ее), Рейн прекрасен, хотя скверная холодная погода. Да будет вам все хорошее. Отвечай, отвечай.

Д.

Д. 35, лл. 54–56.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 96.

² Здесь: исследование (фр.).

³ Неразборчиво одно слово.

№ 104

6 октября 1888 г., [Мюнхен]

Суббота, 6 окт. 88

Дорогое мое, ненаглядное, невыразимо близкое сокровище, моя голубка, маленькая птичка Натуська, сегодня я приехал в Мюнхен, но никакого письма от тебя, моей родной девочки, не застал, хотя, по моим расчетам, от тебя в субботу могло быть уже письмо в Мюнхене, да и Сергей¹ что-то мне писем твоих не переслал. Мое родное сердечко, как мне сильно хочется, чтобы ты была возле меня, как мне тоскливо без тебя, и как я сильно чувствую, что тебя нет возле меня, тебя, моей единственной Натуськи. Так, так мне тяжело без тебя и так страшно хочется, чтобы ты была возле меня, моя ненаглядная

Натуська. Я так счастлив твоею любовью, так невыразимо сильно люблю тебя [...] Дорогая моя, родная птичка, так люблю я слышать твой голосок, видеть, как морщится носик и как в увлечении прыгает и волнуется моя вся Натуська. И подумать, что я тебя еще так долго не увижу, если только ты не найдешь возможности переехать в Лугано или другое какое место здесь сравнительно вблизи. Чем более я об этом думаю, тем все лучшим и лучшим исходом мне это представляется: перевозить Юрку зимой в Париж – совсем страшно, а не видется нам с тобой до марта слишком тяжело для нас обоих. Меня только смущает – можешь ли ты там с ним справляться и **кто** может привезти его к тебе, так как я думаю, что тебе везти его не следует. Я нетерпеливо жду твоего ответа, а его все еще нет.

Воскресенье

В Мюнхене страшно холодно; все поля около Мюнхена покрыты снегом, и я едва-едва хорошо себя чувствую в своем старом теплом пальто (как хорошо, что я его не бросил в Вене!). В Брюсселе, когда я выехал, было тепло, и я там гулял без пальто, а здесь и в теплом холодно... С Гротом встретились очень дружественно, и с понедельника начну работать; Грюнлинг даже нашел мне и тебе какую-то, по его словам, прекрасную комнату около Академии – я не ожидал от него такой любезности, но 1 ноября я уже раньше сказал фрау Герман, что буду у нее (у нее все комнаты не заняты, кроме одной; она, между прочим, очень, кажется, огорчена, что ты ей не отвечала на ее письма). Здесь познакомился с Лагорио и переговорил с ним (около 2 часов – вчера вечером), он профессор минералогии Варшавского университета – очень милый и довольно живой человек; его брат здесь занимается и мне понравился. Комично, я за границей познакомился с русскими профессорами и учеными: Павловым из Москвы, Армашевским и Феофилактовым из Киева, Никитиным, Чернышевым, Шмидтом из СПб. и теперь Лагорио из Варшавы. Эти знакомства, кроме того, что интересны, они и полезны мне очень, тем более, что мы говорили вообще друг с другом довольно много и хорошо.

Вчера пришлось провозиться в почтамте очень долго; по ошибке (Centenarfeier!² – мы за день до него сдали наши записки, когда была масса народа) почтамт отправил назад и деньги, присланные мне из университета, и деньги, присланные Дришем, я тебе писал уже об этом и просил прислать мне пока марок 500, когда еще я добуду и те и другие деньги, а теперь у меня денег очень мало, а скоро придется много платить. Вот еще что [...] купила ли ты мне книжку Густавсона³, о которой я писал, если купила и приедешь скоро (как я все мечтаю и надеюсь), тогда не присылай, а если нет – пришли под бандеролью [...] Мне хочется очень видеть тебя вместе с Юркой и смотреть, как ты вся в это время живешь радостью [...] Как нехорошо, что ты мне так долго не пишешь... После отъезда из Лондона вечером в понедельник, я писал тебе открытую карточку из Лондона, письма из Брюсселя, Майнца и вот теперь из Мюнхена. Скорей бы получить от тебя письмецо.

Крепко, крепко целую вас обоих, моих дорогих. Сердечный поклон всем. Пиши чаще.

Твой

Отчего ты не пишешь, бывают ли у тебя боли в боку, я тебя просил написать об этом, а ты не отвечаешь – меня это очень беспокоит.

Д. 35, лл. 93-а – 94.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Непонятно, что имел в виду В.И. Вернадский.

³ См. комментарий № 6 к письму № 97.

№ 105

7 октября 1888 г., [Мюнхен]

7 окт. 88

Дорогая моя [...] Натуська, рыбка маленькая, получил я вчера твое письмо (№ 31), на которое отвечаю по пунктам и которое мне довольно не понравилось и за которое тебя надо хорошенько наказать.

1. Ты недовольна, что я не отвечаю на очень много, для тебя важное и нужное. Но моя маленькая [...] чтобы ответить на что-нибудь, надо иметь, на что отвечать. А я совсем почти не имею понятия, что тебя теперь волнует, так как в письмах твоих этого совсем нет или есть между строк и так пугливо сказано, что я могу заметить, только внимательно перечитывая твои письма. Итак [...] прежде чем обвинять, надо было спросить себя – да писала ли я ему то, что меня волнует, или же этого в ясной форме писано не было. Так и теперь ты пишешь, что у меня, вероятно, не было времени подумать «о том», что составляет для тебя предмет самых напряженных дум, но что это за предмет, не пишешь **ни одним словом**, и я могу понимать это, очевидно, весьма различно, а уж отвечать на это совсем нельзя. Вообще обвинительный тон твоих писем и такое же твое настроение мне не нравятся, и я никак не могу понять, откуда явились они.

2. Ты пишешь, что недовольна, что я передавал Сергею¹, что ты писала для меня одного, – то, что ты писала для меня одного, так, конечно, при мне одном и осталось: ни об истории Егора Павловича² с Машей³ etc.⁴ ничего Сергею не известно etc., но это твое мнение о продлении моей командировки я вовсе никаким секретом не считал, сказал о нем, говоря с одним из самых нам близких людей, и, вероятно, приводил и другие твои мнения, как он приводил мнения Шуры⁵. Мне и в голову не приходило и не приходит, что это мнения «неоформленные», которые почему-то нельзя говорить, и твое чувство, которое этим вызвано, я считаю чувством нехорошим.

3. Третье обвинение в этом, полном обвинений (таково это не первое письмо) письме – это, что я решил о покупке имения в Крыму, с тобой не списавшись, и написал об этом Шаховскому и Винбергу. Я думаю, что это опять моя маленькая торопяшка поспешила, никому, ничего я не писал и прямо писал тебе, что, не сговорившись с тобой, я ничего решать не буду (может быть, ты не получила этого моего письма).

4. Четвертое обвинение уже совсем странное: я думаю, что оно **не твое**, как вообще я замечаю многие рассуждения не твои в этих последних письмах. Я не знаю, чье оно – Александра⁶, Свешникова или кого другого, но я уверен, что оно **не твое**. Ты мне пишешь, что я не имею права «жить да занимать»

ся отвлеченной наукой в каком-нибудь уголку Крыма», бросив общественную деятельность, точно я говорил или даже думал о чем-нибудь подобном. Я вполне убежден, что ты меня слишком хорошо знаешь, чтобы что-нибудь подобное обо мне думать. Правду сказать, все-таки мне было горько и обидно, и я только радуюсь теперь, что мне нет дела до других мнений, кроме твоих, потому что часто испытывать подобные чувства далеко не приятно. Я, конечно, не считаю скверным жить и заниматься где бы то ни было «отвлеченной» наукой (выражение «отвлеченная наука» – что-то тоже не твое, это какая-то смесь гостинной и юридических терминов) и никогда в такого человека камнем не брошу. Но я столько раз говорил, что этого не буду делать, никогда не делал, и вот мне самый близкий и лучше, конечно, всех меня знающий человек приписывает это желание. Я думаю, что ты не подумала о том, что писала, сгоряча передала чье-нибудь мнение, не подумавши, что такое мнение может быть только о пошлом или трусливом человеке, а пошлости и общественной трусости у меня не было и не будет. Поэтому я не буду в защиту Крыма говорить об этом твоим доводе против Крыма.

Но прежде чем говорить в пользу Луганно и Крыма, я хочу еще сделать замечания о нескольких местах этого твоего письма, мне неясных. Пиши, пожалуйста, яснее «о русской действительности» – твое выражение – которую ты противопоставляешь «заграничной жизни» (опять чужие фразы). Я могу теперь только слегка составить понятие о той «действительности», которая, по-видимому, теперь тебя заинтересовала, и думаю, что этим руководиться нельзя: вообще я вовсе не так уехал из России, чтобы не понимал того, что там делается, и моя жизнь в Европе есть не что иное, как продолжение той же жизни. Я вижу теперь в твоих письмах большое влияние понимания «действительности» Александром, Свешниковым и *tutti quanti*⁷ – понимания, с которым я довольно сильно не согласен. Второе, мне непонятное, явление – это указание, что мы в этом году должны быть особенно осторожны с деньгами. Это повторяется в нескольких местах письма, везде одинаково таинственно и одинаково неясно. Я могу здесь видеть 2 вещи: или 1) история с деньгами, которая была у тебя с Егором Павловичем, имела свои последствия, от меня, к сожалению, скрытые. Если это так, то я считаю, что те деньги, которые теперь получишь с Вернадовки, не должны были идти в этот капитал для пополнения взятой из него суммы, потому что этими деньгами мы можем распоряжаться, как мы хотим, а этим капиталом – нет. Затем я думаю, что потратить из этих денег на командировку или еще более – на твое лечение – мы всегда из капитала этого можем с согласия Егора Павловича. Хранить его для Юрки, как хочет Егор Павлович, **мы** не имеем права, так как это противно тому, что мы всегда говорили. Или 2) это та же самая узкая экономия, которую мы с тобой должны были хорошо понять в эту поездку: экономия в еде, которая должна была дурно отозваться на твоём здоровье, и т.п., ну да об этом как-то не хочется и вспоминать. Во всяком случае я хочу, чтобы ты мне этот вопрос вполне выяснила. Замечу пока, что есть такие обстоятельства, где стесняться тратами нельзя, и такими обстоятельствами я ставлю твое здоровье и, может быть, некоторые случаи в моей командировке. Во всяком случае напиши же ясно, в чем дело, что-то тут для меня неизвестное есть. Кстати, денег от тебя до сих пор нет, а у меня осталось всего-навсего две марки...

Итак, теперь я более или менее покончил с этими очень неприятными объяснениями [...] моя родная Натуська, девочка моя, ты должна иметь в меня больше веры, чем имеешь. Теперь тоже ты пишешь, что я решаюсь на Крым «легкомысленно», что вообще у меня в последнее время «легкомысленное» (тоже ведь не Тутькины слова?) настроение. Я не буду оспаривать, что у меня легкомысленные настроения, поступки бывают и бывали, как бывают они у всякого человека, но совсем не согласен, что на Крым я решаюсь легкомысленно. Именно потому, что я не хочу заниматься одной отвлеченной наукой, именно потому я хочу осесть в такой местности, где есть ряд людей мне симпатичных и по воззрению близких, такова пока на юге – Таврическая губерния, где Винберг, Келлер и колония профессорская. Войдя туда, почти сейчас можно стать на прочную ногу в общественной кутерьме. Еще более заставляет меня на это решиться, что и выбор юга очень невелик, так как и в Киеве, и в Полтаве и слишком холодно, да и условия экономические с крестьянского чернозема помещика очень тяжелы⁸. Наконец, если я начну теперь высматривать и расспрашивать, не значит, что я сейчас и куплю, но, может быть, можно скоро и купить. Где бы ни были, но оселье надо иметь совсем на юге. Оселье – это важнее для меня в настоящее время профессорской деятельности, важнее – не потому, чтобы оно было лучше, полезнее и пр., а потому, что это более постоянный элемент. Надо поселиться на месте, войти в **местную** жизнь и для меня (лучше) на юге, которого историю и природу я лучше знаю и понимаю, чем севера. Долго ли я буду профессором и буду ли когда-либо – сказать нельзя.

О Лугано, я хочу, чтобы ты подумала более серьезно, чем ты мне отвечала. Конечно, ехать тебе одной туда не может быть и речи, но нельзя ли ехать туда тебе с Юркой, там вы останетесь до марта, а в марте приедете в окрестности Парижа. Я вполне убежден в пагубности для тебя петербургского климата и просто прошу сжалиться и над собой, и надо мной и посмотреть серьезно – ведь нельзя же делать мелкие экономии там, где дело идет обо всем для нас обоих, и нельзя брать пальятивы, где нужны решительные меры. Нельзя ли найти верного человека, который бы тебе помогал с Юркой*; правду сказать, теперь, когда сильно развивается сознательность, мне бы хотелось его в другую обстановку, и очень я считаю важным теперь для него живую природу (о значении этого я не раз думал в последнее время). Переезжать в Париж зимой тебе или ему я не считаю хорошим. Подумай еще раз, прежде чем отвечать мне так решительно.

Писала ли Винбергу. Нехорошо, если нет. Отчего ты мне высылаешь 400, а не 500 марок (когда мне надо отослать Сергею, заплатить более 100 марок за лекции, да новое пальто теплое надо сделать). Вообще с деньгами творится мне что-то непонятное. Хотелось бы мне очень поговорить об этом с тобой; вообще твой план – не видется нам до Парижа – я считаю совершенно ничем не обоснованным. Подумай хорошенько, отчего нельзя ехать в Лугано, и напиши, что мешает; представь себе, что решительно отказываясь ехать в Лугано, ты в письме **ни слова** не говоришь, **почему же** туда не ехать. Если есть у тебя доводы, напиши их мне. Я пишу тебе в каждом письме и прошу написать, как твой бок, но не получил до сих пор никакого ответа, что дозво-

* Не поехал бы кто из наших знакомых?

ляет мне делать предположение, какое вызывает то или иное расположение моего духа или фантазии.

Крепко целую тебя и страшно люблю тебя [...] Отвечай мне немедленно, особенно о деньгах и Лугано. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Моя маленькая рыбка, моя дорогая Натуся, перечел письмо и боюсь, что оно огорчит тебя, но оно не должно это сделать, потому что я так люблю, люблю больше всего на свете и для меня эта любовь – все.

Д. 35, лл. 95–98.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Старицкий.

³ М.С. Гревс.

⁴ См. комментарий № 1 к письму № 91.

⁵ А.П. Ольденбург.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ И всех им подобных (ит.).

⁸ Так и тексте.

№ 106

11 октября 1888 г., [Мюнхен]

11 окт. 88

Дорогая моя, ненаглядная, моя родная, любимая, неоценимая, моя милая, дорогая девочка, моя Натуська, радость и солнышко, как я тебя люблю, никогда, никогда я не думал, чтобы мог я так любить, как люблю тебя, мою голубку, мою чистую, мою бесценную, мое дорогое сердечко [...]

Очень мне теперь неприятно, что я послал тебе предыдущее письмо, так как оно должно было очень огорчить тебя, мою маленькую пташечку, мое жемчужное зернышко, но я так, так тебя люблю и так хочу, чтобы между нами не было никаких, даже видимых, недоумений, так как внутренних не может быть, потому что мы одно и потому что ты моя, у меня была, есть и будешь [...]

Твое письмо 29 – очень для меня важное, где ты впервые ясно высказала все, что волнует тебя и на что ты хотела моих ответов, я получил только сегодня, так как оно прогулялось в Лондон назад и только благодаря аккуратности Сергея¹ пришло так скоро.

Хотя у меня голова болит и отвечаю я несвязно, но напишу тебе, мое родное дитяtko, что теперь смогу, так как я напрасно обвинил тебя, мою единственную, родную и бесценную, в том, что ты хочешь ответа на вопросы, которые не ставишь. Но письмо не дошло.

Мое родное сердечко, я думаю, что нам пожить втроем хорошо, хорошо, чтобы ты отдохнула со мной [...]

Но я думаю, что нельзя разочаровываться в братстве, нельзя сомневаться в Приютине² – не могут быть они доказаны и целым рядом неудач, потому что это идеал, к которому надо стремиться и которого мы далеко не достигли; узкое понимание повредило, и ты знаешь, я никогда не был защитником этого

направления, но самый принцип остается чистым и непоколебленным; теперь каждая семья живет **только** личной жизнью, но братство есть соединение **семейной** жизни целого ряда семей с сохранением индивидуальной семейной формы. Я думаю, что много неправильного и ложного, неверного и узкого в приложении этого принципа пока на практике, но принцип, к которому надо стремиться, остается для меня все так же светлым, ясным и важным.

Натуся моя, родная моя девочка, в этом теперь начавшемся сильным недовольстве приложения братского идеала и к своей собственной жизни, и к жизни других членов, недовольстве, которое я замечаю и у тебя, и у Сергея, я вижу залог дальнейшего развития, дальнейшей прочной устойчивости, потому что развивается только то, что подвергается сильной и смелой оценке мысли и сердца. Мы все тесно связаны, для нас ясно, что мы такими и останемся, и в этом наша сила – пусть отпадут иные, но все-таки многие останутся, и провести хоть часть, чего хотели, мы сможем, если у нас останется искренность, найдется достаточная смелость и широта мысли и чувства, а я уверен, что найдется³.

Я пишу пока немного, но напишу скоро больше [...]

Еще на одно хочу я тебе ответить здесь. Я понимаю, как тебе тяжело одной в Лугано, я хочу, чтобы ты поехала с Юрусей⁴ и не одна, а с кем-нибудь, если нельзя никому из твоих, то с кем-нибудь из близких (не может ли это Бекер или Ольга Павловна⁵?) [...]

Д. 35, лл. 99–100.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² См. комментарий № 2 к письму № 96.

³ В письме № 29 от 16 сентября 1888 г. Н.Е. Вернадская писала: «У меня такое на душе пустое, неудовлетворенное чувство. Мне так нужно было ответа на мои письма о Приютине, о том, что я хочу пожить до общей жизни с тобой вдвоем... у меня в душе масса сомнений относительно братства... Кажется, что, в сущности, всякая семья живет своею жизнью и что так верно, естественно, потому что так делается даже теми, которые думают иначе, и другого ничего не видишь нигде, нигде... вижу, как многим совсем посторонним был сделан вред исключительностью и узкостью... так сильно это чувствуешь в эти дни и хочется твоего слова, живого слова и поддержки, обмена мыслей...» (ф. 518, оп. 3, л. 61 об.).

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Возможно, Тимофеева.

№ 107

15 октября 1888 г., Мюнхен

Окт. 15. 1888, Мюнхен

Дорогая моя девочка, моя родная, милая, золотая Натуська, мое красное [...] солнышко, уже давно я не получал твоих писем, а сегодня получил 2 сразу, а также и письмо к тебе Шуры¹, письмо, которое мне очень понравилось. Мне очень о многом хочется написать тебе, но постараюсь ответить на твои сперва вопросы, которые находятся в этих 2-х письмах, и потом напишу и свое, хотя боюсь, что тогда уже ничего не напишу, потому что отвечать надо много. А мой [...] воробушек [...] любит, чтобы ему отвечали на его вопросы,

и я буду это делать аккуратно, тем более что прежде и не понимал, что надо отвечать так на письма. Может быть, это и верный способ переписываться.

Относительно Лугано, если нельзя везти Георгия², нечего и думать, конечно, ехать, хотя там зимой не холодно. Я понимал и понимаю Лугано только с Георгием, но вполне понимаю, что без него ехать тебе даже вредно, а также боюсь за тебя, если он там заболит, если с ним случится что-нибудь подобное, тем более, что там и доктора такого, как Аргутинский, найти будет трудно. Из Мюнхена, не знаю, удастся ли уехать в январе, но если переезд состоится в феврале, то, может быть, можно будет приехать на рождественские каникулы, если только удастся выхлопотать в Питере отпуск, тем более, что переезд из СПб. в Мюнхен и обратно можно, кажется устроить не так уж дорого. А приехать, может быть, во многих отношениях хорошо. Работу – главную – еще не начал и начну недели через 1^{1/2}, но сегодня говорил с Гротом – у меня вырабатывается теперь способ приступить к работе, и Грот находит ее очень интересной и думает, что результаты получатся. Я же теперь все более убеждаюсь, что если действительно результаты получатся, то стоит работать и дальше, тогда, может быть, над газами буду продолжать работать в Париже и выйдет уже большая работа*.

Для будущей зимы я все очень хочу, чтобы ты переговорила с Винкелем, тем более, что при возвращении **необходимо** иметь местное осеље и что в Таврической губернии – все самые благоприятные условия. Это вопрос гораздо большей важности, чем, по-видимому, ты представляешь себе. Напишу об этом отдельное письмо, когда получу твое разъяснение о финансах.

Относительно Федора etc. я думаю, что во многом у вас простое непонимание. Сергей и Федор³ здесь действуют под влиянием сильного чувства – любви к матери⁴, они (и я думаю, тяжело им) внутренне бессознательно чувствуют, что **они** не дают ей того, что она ожидала от них, и что для нее вся надежда и вся утеха теперь во внуке; тем более я думаю, что им тяжело еще потому, что они ясно понимают, что ее жизнь кончена и что ничего ей больше нет. Это все при их любви к ней очень важно и, может быть, недостаточно оценивается вами.

Относительно приведенной тобою Федюшиной фразы – я с ним не согласен, но ничего плохого в этом самобичевании **пока** не вижу, тем более, что мы многого, может быть, мечтали достигнуть, чего на самом деле достигнуть и нельзя было. Я думаю, что это так называемое «падение», «поражение» чисто внешнее, кажущееся явление, потому что оно касается не того, что было и есть возможного в наших стремлениях, а тех мечтаний, которые выходили из границы нам доступных фактов и которые являлись у каждого из нас сообразно его индивидуальным наклонностям. Я думаю, что я мечтаю, может быть, еще больше и шире о будущем «компании», но у меня все всегда рисовалось в очень далеком будущем, и потому теперь я не чувствую ни поражения, ни падения. Братья же мечтали о более близком будущем, и потому они «поражение» и «падение» видят, но это поражение и падение есть поражение и падение в их фантазии и потому не беда. Но я думаю, что тот

* Раздумывая, мне кажется, я нашел, **почему** это распространенное явление не было до сих пор замечено, и думаю, что способ работы, предложенный мне Гротом, был неверен. Через неделю я буду говорить с Зонке, и тогда все выяснится.

разброд, который теперь в Питере, очень печален и вреден и что нам надобен теперь там центр, и я думаю, что он явится с приездом Сергея.

Мнение Сергея, что только Федор⁵ и Дмитрий Иванович⁶ теперь исполняют общественные обязанности, и я разделяю, но не разделяю укора его этим другим членам компании, потому что только они стоят теперь в возможности это делать, а затем относительно других мое мнение ты знаешь: 1) относительно Сережки – я очень боюсь, чтобы неудача в устройстве ему места не явилась нашей ошибкой, и решительно считаю необходимым возможно скорее это место устроить⁷; 2) Адьку⁸ и «генерала»⁹ надо вытащить; 3) Иван и Маша¹⁰, я думаю, не в состоянии работать для общественной деятельности компании (как **целого**, и это очень важно не забывать), потому что Маша погружена в школу вместе с массой возни¹¹.

Д. 35, лл. 101–102.

¹ А.П. Ольденбург.

² Г.В. Вернадский.

³ С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги.

⁴ Надежда Федоровна Ольденбург.

⁵ Ф.Ф. Ольденбург после окончания университета занялся практической деятельностью по организации школьного образования в Тверской губернии.

⁶ Д.И. Шаховской после окончания университета посвятил себя земской деятельности; он был помощником предводителя дворянства по заведыванию начальным образованием в Весьегонском уезде Тверской губернии.

⁷ С.Е. Крыжановский после окончания университета поступил в кандидаты на судебные должности при петербургском окружном суде.

⁸ Речь идет, очевидно, о переводе поближе к Петербургу А.А. Корнилова, который с апреля 1887 г. в течение 5 лет работал комиссаром по крестьянским делам Конского уезда Радомской губернии. В течение всего этого времени А.А. Корнилов поддерживал тесную связь с членами «Братства» через переписку и ежегодные встречи в Петербурге, Твери, за границей.

⁹ Н.В. Харламов (см. комментарий № 3 к письму № 41) после окончания университета уехал в Польшу, служил в канцелярии Варшавского генерал-губернатора. Связи с членами «Братства» ослабели, поэтому его хотели «вытащить» поближе к Петербургу.

¹⁰ И.М. и М.С. Гревс.

¹¹ Конец письма не сохранился.

№ 108

18 октября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен. 18/10 88

Дорогая моя, ненаглядная Тутька, моя золотая, неоценимая девочка [...] сегодня получил твое письмо, моя родная, в ответ на мой злой ответ на твое 31 письмо. Письмо твое, мое дитяtko, мне понравилось, и разбирать эту историю больше не стоит, но только мне хочется еще некоторых сведений, которые ты не даешь. Я хочу, чтобы ты, моя дорогая птичка, писала о своем боку подробнее и чтобы ты писала мне не в общих выражениях, что бок болит иногда, а чтобы в каждом письме писала подробную хронику бока. Непременно. Затем, я не понимаю, как мне сознаваться, что я некоторое время писал редко, когда я все время писал часто; может быть [...] Тутька не сообразила, что при передвижении моем с места на место она не могла получать письма аккуратно, и, может быть, иногда она получала письма через несколько дней,

хотя бы я писал и часто, потому что расстояния, откуда посылались письма, постоянно менялись.

Я очень доволен, что ты поедешь к Короленко. Мне нравится вся их семья, и я думаю, что с ним нам надо более сойтись; еще очень рад, что Щербачка была у тебя (я как раз писал в предыдущем письме об этом), а что Сережка¹ (его адрес?) и **Тунька**², о последнем никто ни слова. Я хочу, чтобы ты отвечала мне на все мои вопросы, я как-то спрашивал тебя о женском университете и никакого ответа не получил. Если только он есть – напиши, и если будет у тебя Земятченский, напомни ему, что он хотел там читать химию³. Достала ли и читала ли книгу Пере: «L'art et le poesie chez l'enfant»?⁴ Я тебе вышлю еще одну немецкую брошюрку о ребенке – но все в том же роде, а Леланда (Practical Education)⁵, о котором я тебе писал давно (в Вильдунген), купи у Уоткинса (6 shii.), мне кажется, очень важно ознакомиться с этим отделом, и вообще о воспитании внешнего чувства все сильнее думается, потому что с этим постоянно сталкиваюсь и потому что этого у меня, например, недостает. Вообще старайся следить за этой литературой, сколько у тебя сил, – не пересиливай себя, потому что самое главное, чтобы моя дорогая маленькая любимая птичка набралась сил, а покупать книги по известному предмету – не роскошь и не лишняя трата денег: в известную специальную библиотеку вкладывается всегда знание, мысль, и если даже она не будет в это время никем читаться, кроме владельца, книги эти делают свое дело и через несколько лет, такая, старательно составленная библиотека является своего рода **произведением**, общепольной работой, и если она не разрознится, этот **труд** всегда будет полезен. Самое главное, чтобы она хранилась и росла в аккуратном порядке (отдай Прейста в переплет).

В этом письме я буду писать целый ряд мелочей, своей жизни, которые не удалось написать раньше [...] а которые мне хочется передать. Во-первых, здесь очень холодно, и я думаю переходить от фрау Герман, так как в этой маленькой комнатке между окном и дверью в передней невозможно холодно, совсем плохо могу заниматься, во-вторых, хочу купить фуфайку или [...] рубашку, а то по ночам мерзну, а пальто, может быть, до Парижа не буду заказывать, похожу в старом. В Париж поеду, верно, не раньше февраля. Кроме занятий и работы по [ним] (идет так себе и главная вина – комната), читал я в последнее время много газет, а из книг некоторые немецкие народные книжки, читал недавно брошюрку о продаже девушек и девочек в **Мюнхене**, продажу, случайно открытую года 2 назад, причем оказалось, что продажа производится часто **матерями** с заведомым намерением и их отправляют в дома терпимости в разные страны... Брошюрка плохо написана, но много заставила думать. Теперь читаю из общего: биографию Блюма⁶, одного из немецких деятелей февральской революции – пока ничего особенного. А что Тутька читает? Писал много писем, и это вот 15-е по возвращении в Мюнхен, веду аккуратно запись и письмам, и расходам. Да, моя маленькая рыбка, а что ж книжка Густавсона?⁷ Купи мне также и вышли, если вышла, Русскую геологическую библиотеку **за 1887** год (напечатана в 1888) Никитина (в «Новом Времени» – издание Геологического комитета, 1 рубль, если вышла; за 1885 и 1886 у меня уже есть). Из лаборатории больше всего разговариваю с Абрахомом (удивительные успехи он сделал в русском языке – читает «Полтаву» Пушкина и учит ее наизусть!).

Крепко, много раз целую тебя [...] и моего маленького сынишку. Да снялись ли – ведь в каждом письме спрашиваю?!?! Моя дорогая, ненаглядная девочка, моя радость и мое счастье милое и мое сокровище. Пиши мне как можешь чаще – всегда так жду твоих писем.

Твой Додя

Кир⁸ мне как-то написал очень милое, искреннее письмо, где говорил, как вследствие нравственных противоречий ему трудна служба в его департаменте и что хочет переходить в другую, и спрашивает, может ли он посоветоваться с Егором Павловичем, я ему ответил, что да, но чтобы он все-таки поговорил с тобой и что он Егору Павловичу может вполне поверить etc. Говорил ли?

Д. 35, лл. 103–104.

¹ Речь идет о женитьбе С.Е. Крыжановского на М.И. Щербацкой.

² Возможно, Никодим Исаевич Амадуни. См. письма № 159, 162, 163.

³ См. комментарий № 11 к письму № 72.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 83.

⁵ См. комментарий № 8 к письму № 50.

⁶ Возможно: *Uebknecht Wilhelm*. Robert Blum und seine Zeit. Nurnberg, 1888.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 97.

⁸ К.А. Алексеев.

№ 109

21 октября 1888 г., Мюнхен

Окт. 21. 1888, Мюнхен

Моя дорогая рыбка, моя ненаглядная, неоценимая Натуся, моя радость, счастье и сокровище, так мне хочется чаще получать письма от тебя, а между тем вот уже 3-й день, как нет письма, – получил последнее письмо 18 октября, а сегодня вечер 21 и письма не будет, так как сегодня воскресенье, я писал тебе 8, 10, 12, 16, 19 и вот это значит будет 6-е письмо из Мюнхена [...]

Я пишу теперь письма очень усердно, считая это письмо и письмо Васе¹, сюда вложенное, я написал с 8 октября двадцать три письма и думаю, что с письмами буду продолжать так же старательно. Вчера получил я деньги от Мелиоранского, который мне пишет, что может мне прислать сразу и остальные деньги до января 89 года; он меня спрашивает, куда мне их выслать, но я не знаю, не оставить ли их в СПб., т.е. я могу написать ему, чтобы он выдал тому, кто придет за ними с моей распиской, а расписку пришлю к тебе – кто-нибудь может сходить: во-первых, и Мелиоранскому нет надобности возиться с пересылкой, что он очень не любит, да и пересылка всякий раз стоит 2 рубля. Напиши свое мнение [...] Дриш пришлет, как только я ему напишу, но писать теперь не могу, так как адреса его не помню, забыл у Сергея², а Сергей не отвечает; получу также на днях часть денег от Андрея³, который теперь в Париже.

[...] Работу **своею** еще не начал, но только что написал план ее и завтра заведу переводить его на немецкий язык, чтобы переговорить с Гротом и Зонке, работу с Мутманом продолжаю, и, кажется, это действительно новый слу-

чай гемиздрии – во всяком случае несомненно теперь, что это неслучайное явление, Мутман уже ликует, но у меня все еще сомнения и все рождаются. С Гротом у меня недавно был разговор, и он непременно хочет, чтобы я остался до конца февраля: он говорил, что думал, что я у него буду и это лето работать (не понимаю, откуда он взял), он все напирает, что в Париже всего одного лета достаточно, что кристаллографии мне больше нечего учиться etc. Я ему сказал, что мне хочется скорее сделать то, что у меня в программе, говорил, что, может быть, вернусь раньше полгодом в Россию etc.; он приглашал после Парижа вернуться сюда и сделать *grosse Arbeit*⁴. Дело в том, что я с ним говорил о дальнейшем выводе из чисто теоретических представлений о явлении кристаллов с газами и о значении этого для теории изоморфизма и морфотропии (последняя есть самый ценный вклад Грота в науку), и Грот нашел, что если это верно, то это очень важно, и что над этим стоит работать; он говорит, что он думает, что я получу результаты. Эта «большая» работа и есть эта работа, конечно, если бы Грот мне предоставил большой материал, то это было бы лучше всего здесь, но мне хочется скорей отсюда вырваться. Тем более, что я думаю, что в Париже газами можно заняться. Если моя работа с жидкостями будет неудачна, это будет для меня совсем необъяснимо. Для большей уверенности я решил добиться результата 5 методами, из которых один совсем новый (явления, никогда не наблюдавшиеся, но которые, по моему мнению, должны существовать), за другой говорит несколько опытов, деланных лет 50 назад, третий, четвертый и пятый применялись для других целей, а для этой цели дали непонятно отрицательные результаты (3 – работали в прошлом столетии и начале этого, 4 – в последние годы и дали кашу, а 5 – в той форме, какую думаю ему дать я, собственно тоже новый), но мне кажется, что я понял, почему они не дали результатов. Явления должны открыться каждым методом – так как явления должны существовать, то едва ли их не удастся открыть хоть одним способом... Посмотрим. Достал я свои карточки – что с ними делать? Если ты с сынишкой снялась – пришли мне. Мой дорогой, ненаглядный цыпленок – моя Тутька – воображаю, как возится она с сынишкой. Чем решилось дело с Шурой⁵? Отослала ли вложенное в твое письмо письмо к Ивану⁶? Что Пашина⁷ работа на фабрике? Что Георгий читает⁸? Что Нина⁹? Видишь ли Лидию Карловну¹⁰? Трудно ли тебе поехать к старикам Короленко (генералу – помнишь, который, кажется, огорчен, что я уехал, не простившись, а мне бы не хотелось огорчать его и для себя – человек он хороший, и для памяти отца). Читал недавно «*Volkslektüre*»¹¹ – книжку о том, что читает немецкий народ, очень интересно. Пиши, моя родная [...] Тутя. Поцелуй сынишку. Поклон всем.

Твой Додя

Письмо Васе выйдет очень длинное, и потому я его откладываю до следующего раза. Крепко целую тебя [...]

Д. 35, лл. 105–106.

¹ В.В. Водовозов.

² С.Ф. Ольденбург.

³ А.Н. Краснов.

⁴ Большая работа (нем.).

⁵ А.П. Ольденбург.

⁶ И.М. Гревс.

⁷ П.Е. Старицкий.

⁸ Георгий Егорович Старицкий.

⁹ Нина Егоровна Старицкая.

¹⁰ Вульфорт.

¹¹ Народное чтение.

№ 110

23 октября 1888 г., Мюнхен

Ок.23.X

Дорогая моя девочка, моя радость [...] Я хочу, чтобы ты отвечала на все те вопросы, о которых я спрашивал или спрашиваю, даже самые частные или пустые на вид.

«Работа моя идет порядочно – сегодня получил еще новое яркое доказательство того, что мое предположение о новой гемиздрии в веществе¹, над которым работаем с Мутманом, верно, но все-таки у меня есть целый ряд сомнений, и пока их я не разьясню себе, я решительно буду противиться печатанию, за что горячо стоит Мутман. Впрочем, сделаю на днях сводку всего материала, и тогда посмотрим; окончить работы было бы, конечно, хорошо, а то больно много веду их сразу. Даже принимая эту гипотезу, является несколько аномалий в этом веществе, которые не могут быть вполне поняты, во всяком случае эта гипотеза становится все вероятнее, и мне кажется, что сделай еще одно допущение, она будет совсем верной, но это допущение объясняет одно явление совсем новым, непринятым, необъятным образом, а с этим надо быть осторожным... У меня это, впрочем, все еще не совсем ясно. Сегодня вечером буду разбирать с Гротом свой проект работы, а завтра, вероятно, переговорю с Зонке.

Мой маленький цыпленок, моя Тутя, дорогая девочка, отчего ты не пишешь хронику бока, как я просил: ведь мне тогда будет спокойнее.

Из лаборатории чаще вижусь с Абрахомом, который старательно учится русскому языку, он передал в виде подарка тебе книжку Раскина «Sesam und Lilien»², которую я на днях тебе вышлю, а ты купи и пришли ему что-нибудь хорошее из русской литературы³ (например, что-нибудь из Пушкина или «Детство и отрочество»⁴ Толстого или драматическую трилогию Ал. Толстого⁵ etc.).

Сегодня пока довольно, и пошли приложенное письмо Васе⁶. Напишу на днях – после разговора с Зонке [...] Хорошенько поцелуй сынишку, моего дорогого. Пиши мне чаще и больше, так мне нужны твои каракульки. Как только немного освобожусь, напишу Егору Павловичу⁷. Сердечный поклон всем.

Твой Доля

Д. 35, л. 107.

¹ С Мутманом В.И. Вернадский работал над сложным органическим веществом – эфиром тримединовой кислоты.

² См., например, позднее издание: *Ruskian John. Sesam und Lilien* Leipzig: E. Diederichs, 1905. Bd. 2. 266 S.

³ В письме от 15 ноября 1888 г. Н. Е. Вернадская писала: «Книгу Абрахоло купила – Пушкина, но все не присылают мне от Панафидина, самой же трудно часто выезжать, но завтра проеду...» (ф. 518, оп. 3, д. 254, л. 99).

⁴ См., например: *Толстой Л.Н.* Детство и отрочество. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1885.

⁵ См., например: *Толстой А.К.* Драматическая трилогия. СПб.: Тип М.М. Стасюлевича, 1876.

⁶ В.В. Водовозов.

⁷ Старицкий.

№ 111

25 октября 1888 г., [Мюнхен]

25.X 88

[...] моя девочка думает, что в декабре я уже могу защитить диссертацию! Если работа выйдет, то я, может быть, мог бы, если бы занимался исключительно ею, написать ее, приготовить к началу мая или сентября и то благодаря тому, что затронутый мною вопрос совсем новый. Работа моя идет порядочно: с тем веществом, с которым работаю с Мутманом, – все еще неясно, но мне кажется, что явление, как я и думал, – **сложное**, но во всяком случае интересное. О программе работ по капиллярности говорил и с Зонке, и с Гротом; Гроту план моей работы, кажется, понравился, и часть ее буду делать у него; Зонке говорил, что он не уверен, что результаты получатся, но что считает работу очень теперь полезной и интересной, что если получатся результаты, так все будет новое – потому что никто не работал. С планом моим в общем он согласился. Завтра или послезавтра начну работать у него; сперва проделаю опыты, уже сделанные со стеклянными пластинками, а потом перейду на кристаллы. Мне кажется – так или иначе – результаты должны получиться, а если не получатся, должно быть объяснение – даже отрицательный результат научно интересен. В физическом кабинете у Зонке у меня своя комната. Во всяком случае [...] никак не мог бы я приехать на праздники для защиты диссертации, если бы мог приехать, то только для нас всех, и я этого очень хочу, но не знаю, как выхлопотать отпуск в министерстве...

Не особенно я радуюсь назначению Сережки¹ товарищем прокурора – уж очень для него и для выработки человека место трудное, а Сережка был сперва в Царстве Польском, а потом товарищем прокурора – все-таки прецеденты неудачные для политической выработки человека. Но, конечно, теперь это лучше, только пусть Сережка не бросает мысли об университете (ему письмо у меня все на очереди – а времени нет, теперь написал 29 писем!), а что устроится его брак с М. Щербацкой, так это расчудесно, я как-то ей очень верю и верю, что Сергею будет это страшно хорошо. Мне хочется, чтобы ты написала подробности о свиданиях с ней. Я не согласен с твоим отношением, что не стоит чаще видеться, когда все сговорено etc., во-первых, не все сговорено (лично за Сережу я не очень боюсь, если ты сойдешься с М. Щербацкой, а потому **очень** важно не то, чтобы ты сходилась, а и чтобы и близкие тебе люди сходились – теперь это особенно важно, и я ужасно рад, что Адька² был у твоих), и ты должна, если даже Сережкина обстановка и тяжела, заставить его дружески бывать. Мне кажется, нельзя так узко оцени-

вать то, что выносятся из сношения с человеком, и важно, чтобы возможно больше переживалось вместе. Я думаю, что именно братское чувство и должно постоянными сношениями, перепиской etc. все выше и выше поднимать человека, и я думаю, что ты можешь это больше других людей. Я считаю особенно важным, чтобы с теми **хорошими** людьми, которые теперь тебя окружают, возможно большее число членов кружка сошлось. А уж отношение к Аматауни совсем мне непонятное. Что значит, что свидания «**ничего** нового» не дадут, что это новое, зачем надо именно новое – зачем надо оценивать неоценимое. Аматауни, **ему** важно, чтобы он бывал. Аматауни при его горячем сердце, при его замечательно чистом уме, необходимо, чтобы сношения постоянно поддерживались, мне недостает, что я об нем ничего не знаю, и мне было бы очень и очень приятно, если бы он чаще и больше с тобой виделся. Я не хочу брать никакой общественной оценки всем этим свиданиям, а хочу брать чисто человеческую, и я думаю, что чем чаще люди видятся – а особенно хорошие люди – в житейских мелочах – тем лучше и выше они становятся.

Ты мне не отвечаешь на мои вопросы. Адькино письмо по ошибке вместо меня Сергей³ послал в СПб. – пришли; я очень рад, что ты писала Сергею – о чем? Какой доклад читал Таиров⁴? Какое письмо получил Шаховской? Я ему писал из Бата и затем 18 октября открытую карточку [...]

Вчера вечером был снова у Абрахолой. Мать мне очень нравится, и это очень оригинальная женщина, и такой прямой, смелый ум у нее – я почти первую такую старуху вижу. Отношения ее к детям такие, какие бы и мне хотелось, и я думаю, что если останется смелость ума у нас, терпимость (а разве может быть нетерпимым – больший или меньший скептик?), отношения и у нас будут такими же. Что с Винб.⁵ – неужели так никаких сношений? [...] Я писал Ивану⁶ (в твоём письме 19-го) об адресе Лаппы⁷ – узнай его.

Крепко, крепко целую тебя, мою дорогую, любимую, ненаглядную, милую девочку и сынишку моего родного. Сердечный поклон всем. Что земский проект Толстого⁸?

Письмо Рейтлингер получил и на днях отвечу [...]

Твой Додя

Д. 35, лл. 108–109.

¹ С.Е. Крыжановский.

² А.А. Корнилов.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Очевидно, речь идет о докладе, прочитанном В.Е. Таировым на первом съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. См.: *Таиров В.Е.* Общий обзор учебных заведений по виноделию в Австрии // Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России, 1889–1890. СПб.: Типолит. «Владимирская» (Л. Мордуховской), 1890. С. 71–86.

⁵ Очевидно, Владимир Карлович Винберг.

⁶ И.М. Гревс.

⁷ В приписке к письму М.С. Гревс от 20 октября 1888 г. И.М. Гревс писал: «... адрес Лаппы: Мытная наб., 13 ...» (ф. 518, оп. 7, д. 165, л. 11).

⁸ Назначенный в 1882 г. министром внутренних дел Д.А. Толстой поддержал дискутировавшуюся в то время в печати идею преобразования земства. Канцелярия возглавляемого им министерства приступила к выработке проекта преобразования земства. 8 января 1888 г. Толстой внес в Государственный совет проект нового положения о земских учреждениях. Проект

предполагал возможно полное подчинение земских учреждений правительственным органам, предлагал отмену самостоятельности земств, утверждение всех постановлений земских собраний губернатором, замену земских управ присутствиями из назначенных административных лиц, преобразование земского представительства на сословных началах с приданием ему характера повинности. Земства, таким образом, превращались в совещательные органы при административном управлении. Проект имел многих противников, среди них были министр финансов И.А. Вышнеградский и министр государственных имуществ М.Н. Островский. В связи со смертью Д.А. Толстого проект не получил своего осуществления, в него были внесены существенные изменения. В результате земское самоуправление осталось, но самостоятельность земства оказалась серьезно урезанной. Новое Положение о земских учреждениях было принято 12 июня 1890 г.

№ 112

29 октября 1888 г., [Мюнхен]¹

29.X 88

10-е письмо

Дорогой мой цыпленочек, моя маленькая Тутя, пишу это короткое письмо, чтобы ты получила его через день, так как длинного написать не успею.

Сегодня (вчера) начал заниматься у Зонке и теперь утром (7 часов) пишу тебе – сейчас иду в лабораторию. Вернувшись из лаборатории вчера вечером, я несколько читал, но сильная головная боль не позволила хорошо читать. Потом пришел Абрахоль, и мы с ним немного почитали, а потом заговорились почти до 2-х часов ночи [...]

Вчера после долгого перерыва получил я коротенькое письмецо от тебя, моя дорогая, пиши мне чаще и подробнее. Карточки как-нибудь на днях пришлю. Не выезжа...² Относительно писем Вы с Шурой³ хорошо придумали – мы говорили о том же с Сергеем⁴. Никаких интересных писем я не получал.

Читаю я теперь, между прочим, Менгера «Recht auf vol 1. Arbeitsetrag»⁵.

Крепко целую тебя, мою родную сероглазку, и моего маленького детеныша – Юру. Узнает ли он меня? А, как ты думаешь, моя дорогая Тутя! Мое горячее сердечко.

Целую тебя крепко, крепко. Поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, л. 110.

¹ Место написания установлено на основании письма от 31 октября 1888 г. В.И. Вернадский писал: «Я посылал из Мюнхена письма 8, 10, 12, 16, 19, 22, 24, 26, 28, 30 октября».

² Оторван угол страницы, нарушено по девять строк с обеих сторон листа.

³ А.П. Ольденбург.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ *Menger Anton. Das Recht auf den vollen Arbeitsetrag in geschichtlicher Darstellung. Stuttgart: J.G. Cott. 1891 (2-е издание, В.И. Вернадский читал, очевидно, 1-е издание).*

31 октября 1888 г., Мюнхен

31. окт. 88, Мюнхен
11-е письмо

Мое счастье и радость, моя любимая неоценимая девочка. Получил я сегодня твою маленькую записочку [...] и спешу тебе ответить на нее. Меня очень удивляет, что ты не получила моего письма, так как давно уже я пишу через день, я посылал из Мюнхена письма 8, 10, 12, 16, 19, 22, 24, 26, 28, 30 октября, и вот это пойдет 1-го, так что не через день я посылал письма только от 12 до 22, т.е. одну неделю, когда я совсем не мог этого делать – было всего немного таких писем, так что я совсем не могу понять, отчего ты не получаешь вовремя моих писем, так ли ты рассчитываешь?

Дорогая моя, неоценимая, родная девочка, так сильно и глубоко я люблю тебя и так скорее, скорее хочется быть вместе с тобой, и я все более и более склоняюсь, что необходимо сократить командировку и скорее вернуться [...]

Сегодня в письме твоём находится план твоей поездки в Ниццу, и, несмотря на все мое страстное желание, чтобы ты ехала на юг, этот план во многом заставил меня задуматься. Признаюсь тебе, меня пугает компания Зои Алекс.¹ и Анаст. Серг.², которые и здорового человека могут больным сделать; меня пугает и семья Башкирцевых – то, что я о них слышал, заставляет думать, что они одного типа с Зоей Алексеевной, и особенно, если ты думаешь остановиться у Башкирцевых. Я думаю, что если тебе не страшна вся эта обстановка, останавливаться у Башкирцевых совсем не надо, а лучше нанять себе небольшую квартирку. Если только П.С.³ тоже находит, что теперь для твоего здоровья надо ехать на юг, то надо постараться устроить это всеми силами, и если ты не очень боишься компании Зои Алексеевны и tutti quanti⁴, то жить в Ницце, я думаю, очень полезно и очень, очень хорошо. Но ты пишешь мне обо всем как-то очень мало подробно. Я решил приехать на праздники [...] в Питер – затруднение с дозволением. Напиши мне скорее и подробнее об этом плане.

Я думаю, что раньше конца февраля и начала марта мне нельзя будет уехать из Мюнхена (хотя *qui le sait?*)⁵; в Париже нам надо поселиться где-нибудь в окрестностях – на расстоянии $\frac{1}{2}$ -1 часа езды по жел. дор. Моя дорогая, любимая птичка, моя ненаглядная Тутя – девочка моя неоценимая – так легко было бы мне бросить всю командировку, только чтобы скорее быть с тобой, с моей дорогой, единственной.

Работу у Зонке веду, но пока еще ничего нельзя сказать – все предварительные приспособления, хочу еще некоторые опыты проделать дома и потому хочу переговорить с фрау Герман, чтобы занять две комнаты, а то в моей конурке совсем нельзя повернуться. Если только ты, моя дорогая, приедешь в Ниццу, то я при первой же возможности к тебе приеду [...] Напиши только об этом плане подробнее.

Ты мне не пишешь, что ты читала в это время, и очень прошу тебя, пиши мне подробнее и распределение твоих дней, и что мой умишко думает.

Моя радость, моя радость, Натуня моя [...] Так сильно люблю я тебя, и если я чувствую силу, то только потому, что люблю, и так я глубоко счастлив твоею любовью. Если есть в жизни что-нибудь сильное – то только любовь.

Что Юра⁶ – в последних 2 письмах мало пишешь. Изменяется ли его мордочка, на кого он похож, как его зубы. Сердечный поклон всем.

Твой Додя

Ты мне как-то писала про книги Абиха⁷ – что такое, не понял?

Д. 35, лл. 111–112.

¹ Зоя Алексеевна Зарудная.

² Возможно, Анастасия Сергеевна Зарудная.

³ П.С. Чертораев.

⁴ И всех ей подобных (ит.).

⁵ Кто знает? (фр.).

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ *Abich N. W.* Atlas zu den geologischen Forschungen in den kaukasischen Landern // Geologische Forschungen in den kaukasischen Ländern. Wien: Hölder, 1878–1887. Т. 1–3.

№ 114

2 ноября 1888 г., Мюнхен

2 нояб. 88, Мюнхен

12-е письмо

Дорогая моя, родная неоценимая Натуся – мое сокровище, мое ясное солнышко – сегодня получил я твою записочку с планом о Крыме. Я об этом думал раньше, но я думал, что это невозможно устроить у Келлеров. Но прежде чем писать что-нибудь об этом плане, я хочу сперва знать, не хуже ли тебе, моей ненаглядной – если доктора тоже находят, что тебе лучше всего ехать на юг, жить на юге? Ведь ты об этом ничего мне не написала, и я ничего не знаю, ничего... [...] Ты мне пишешь план Радецкого до января остаться в СПб. и затем ехать в Париж, но я никак не могу уехать отсюда раньше февраля, и у меня мелькает мысль покончить командировку на Мюнхене, а в Париж не ехать – вернуться к тебе. Если только устроится план Крыма, то мы можем на зиму поселиться в Одессе, где, наверное, можно будет так или иначе работать и писать там свою диссертацию, так как ее я так или иначе, а напишу, а между тем ты присмотришься и к людям вокруг, и к месту, и когда я вернусь в Крым или на юг, можно устроить оселье и так или иначе приспособиться к местной деятельности. Но разберем лучше все по порядку. Я лично считаю очень и очень важным твою жизнь на юге, я очень считаю также важным, чтобы ты не была одинока, а была с хорошими людьми. Поездка в Крым является еще более важным, потому что, раз решившись жить на юге, – более теплого места найти нельзя, и это почти единственное место, где я сразу могу найти людей и одинакового образа мыслей, и деятельности, людей, которые давно там живут и сжились и слились с местной жизнью. Поселившись там и мало-помалу присмотревшись к тамошней жизни, ближе сошедшись с ними, легче и лучше нам решить, как там устроиться. Все это является преимуществом перед Ниццей, но против этого одно очень важное и тяжелое условие, это то, что я не могу так скоро увидаться с тобой, но для меня это такое важное условие, что я хочу теперь думать именно как раз о том, **как** миновать это условие, если лучше ехать в Крым, а если миновать нельзя, то лучше не ехать. Сейчас

сразу я не могу вполне выяснить все дело, но представляется мне несколько возможностей:

1. Покончить заграничную командировку Мюнхеном, что, может быть, легко сделать – всегда можно сослаться на семейные обстоятельства, и в случае невозможности оставаться 2-й год **отложить** командировку на другое время – через год, два. Собственно говоря, я главного достигнул теперь и сознаю, что в целом, самом важном для меня отделе могу действовать самостоятельно. В Париже я не буду заниматься ни кристаллографией, ни чистой минералогией, а буду изучать только химические методы искусственного получения минералов, на что потребуется всего 2 месяца. В общей сложности эта поездка в настоящую минуту явится научной роскошью и важна по тем связям, знакомствам, которые я мог бы этим путем приобрести, но для этого можно приехать в другой раз. Таким образом, я мог бы освободиться к началу марта.

2. Не бросать Парижа – довести командировку до конца или почти до конца. И тут для меня кажется возможным изменить все распределение времени. В марте проехать к тебе в Крым, взяв отпуск на месяц, и затем или проехать в Париж после (кончить все к концу августа), или остаться в Вене, а в Париж поехать осенью (в Париж проеду через Марсель – не очень будет дороже). Можно еще устроить так, что из Мюнхена уехать в феврале, а к маю или к июню совсем покончить **всю** командировку.

Моя маленькая, дорогая девочка, моя радость милая, мне так не только хочется, но и всей душой вполне чувствую, что надо скорей покончить эту командировку и нам с тобой зажить настоящей жизнью, на месте. Я очень серьезно и вполне спокойно могу оставить теперь Париж и могу окончить свою командировку Мюнхеном – никакой жертвы с моей стороны не будет здесь, если только это даст возможность нам начать жить на месте, поселиться на юге, летом в Крыму, зимой в Одессе. Для нашей **семьи**, для нашего спокойствия, для нашей **работы**, для братства это все будет самое, самое лучшее. Таким образом, этот твой план кажется мне самым лучшим, потому что так кончатся не только наши мытарства, но и подготовительная работа, которая своим готовленьем так или иначе мешала и работе, и силе духа. Я чувствую, что я за это время возмужал, что мне ни для моего политического или другого какого развития не даст много Париж и что для **меня** самое важное и нужное – это зажить вполне **самостоятельно** с тобой на месте. Поселившись в Крыму, мы, вероятно, не сразу найдем достаточно средств к жизни, но это год-два, и на это время можно **даже** потратить часть капитала, потому что он вполне вознаградится. Итак [...] если только можно устроиться у Келлеров, **так** надо сделать, и в марте я совсем вернусь из командировки – к тебе с радостью. Я жду с нетерпением твоего ответа на это письмо и всяких подробностей. Меня пугает только – не хуже ли тебе, что ты так вдруг стала хотеть ехать на юг, когда сначала отбросила весь мой план? Пиши, ради бога, не тощие записочки, а подробные. Моя любимая, родная девочка, мое сокровище, моя радость.

Получил сегодня письмо Дриша, которое тебе посылаю, и письмо Сергея¹. Сергей решительно восстает против [должности] товарища прокурора Сережки², потому что с этим сопряжены политические дела, если это так, то и я с ним согласен – тогда **надо** Сережке дать возможность прожить (деньгами) до тех пор, пока не удастся найти другого места. Напиши, правда

ли? Сергей тебя целует и скоро будет писать. Крепко тебя и Юру³, дорогих, целую. Сердечный поклон всем.

Твой Додя

P.S. План окончания командировки – **теперь же** – мной давно обдумывается, и это самое лучшее⁴.

P.S. Я чувствую потребность работы на месте, я знаю – у меня хватит и энергии, и силы, и ума, когда я с тобой. Мне надоело и кажется лишним готовление – я хочу живой работы, и я чувствую, что смогу провести ее⁵.

P.S. Пиши на Kaulbach str., а то я по праздникам и воскресеньям etc. писем не получаю. На днях пришлю мелкие русские деньги, остался у фрау Герман, только взял 2 комнаты (26 марок) и очень доволен, потому что она благодаря этому сразу сдала **одну** комнату, и вот она довольна и счастлива. Как мало...⁶

Д. 35, лл. 113–114.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² С.Е. Крыжановский.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Приписка сделана на полях л. 1–14 об.

⁵ Приписка сделана на полях л. 113 об.

⁶ Приписка сделана на полях лл. 113–113 об. и на этом обрывается.

№ 115

5 ноября 1888 г., Мюнхен

14-е письмо
5/XI 88, Мюнхен

Моя дорогая, родная девочка [...] Сегодня я получил твое письмо с вложенным письмом Ал. Мих.¹, и чем более вдумываюсь, тем более убеждаюсь, что надо **ехать в Ниццу** (а что – Зоя Алекс.² и К^о туда не едут?) и ехать скорей, потому что позже перевозить будет труднее и труднее – я не знаю потому, хорошо ли, что ты думаешь теперь привить оспу Юре³. Крым пытаться теперь не следует, и мы лучше поедem туда вместе. Я могу встретить вас в Вене (ты думаешь там отдохнуть?) или могу встретить в Ницце, или по дороге – в Милане, что ли, только напиши заранее. Я думаю, что условия жизни с Неклюдовой будут хорошие, она, кажется, очень простая барыня, только не будут ли тебе мешать ее знакомые, но это все, конечно, очень не важно. В Меран ехать совсем нельзя – даже Юргенсон, который был там три раза, говорит, что он всякий раз с радостью спешил уезжать оттуда, так **тяжело** было ему видеть всех этих чахоточных. Он говорит, что лучше в этом отношении в Боцене, но я думаю, что гораздо лучше ехать тебе в Ривьеру, и я приеду к тебе недели на 2 между декабрем и январем, а в феврале снова. Только выезжай скорей [...] При такой обстановке я проеду в Париж и, следовательно, не буду откладывать ни знакомств, ни учения тамошнего, ни фосфоритов, хотя все это не так уже важно. Мне кажется, вопрос не надо более еще держать в суспензированном состоянии, а **надо решать ехать в Ниццу и торопиться...**

Моя золотая маленькая Тутя, Сережке⁴ я напишу, верно, завтра или послезавтра (сегодня написал Скалону, ответил Дришу и довольно много еще

вычислений и писать надо по прочитанному, а теперь 11 часов), я думаю, что Лельке⁵ надо написать серьезно и что надо в случае упорства братству устроить ребенка иначе, даже против его желания, если бы мы были в России, то, конечно, нам или Гревсам, или Тимофеевым–Ольденбургам **надо** его взять. Если бы у меня была какая-нибудь уверенность, что с Лизой Гр.⁶ не сделается там припадок, то надо бы ей устроить эту поездку с тобой, но я не уверен в этом, а тогда ты вместо поправления будешь еще хуже, я это не только вследствие моей любви к тебе говорю, это не излишняя заботливость о тебе, я совершенно так же посмотрел бы на это дело, если бы Лиза поехала с Ан. Ник.⁷ etc. А потому при таких условиях, когда ты должна поправляться, Лиза мне кажется не должна ехать. Я думаю, что как только мы устроимся на юге – будет ли это в Крыму или где-нибудь в другом месте – Лиза будет одной из первых, которая к нам приедет, и, может, ей будет лучше, когда она **все время** будет жить в кругу близких лиц и понятных интересов.

Мой дорогой, ненаглядный Натусик, так сильно мне хочется скорей зажить вместе с тобой, так верится мне в твою душевную силу и в то, что благодаря ей можно многое и многое, если не все, провести в жизнь, из чего мы хотели. Что письмо к Васе⁸, получила ли его, послала ли?

Крепко, крепко целую тебя, мою дорогую девочку, очень хорошо сделала, что не пошла в родительский кружок, бедная Тутя – верно, не «чуть-чуть не», а совсем поплакала, а? Юру крепко целую, дорогого мальчика. Сердечный поклон всем, пиши больше про своих. Что Агафонов? Напиши ему и спроси, получил ли он мое письмо от 16-го. Да будет тебе все хорошее. Адрес Лаппы?⁹ Пиши же моя пташка, дорогая Тутя.

Твой Додя

Д. 35, лл. 117–118.

¹ Возможно, Александра Михайловна Калмыкова.

² З.А. Зарудная.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ С.Е. Крыжановский.

⁵ Обольянинов. У него в ноябре 1888 г. родился внебрачный ребенок, которого он сдал в воспитательный дом, чем возмутил всех членов «Братства» (см. комментарий № 1 к письму № 26), особенно Вернадских. См. также письма № 136, 153, 155.

⁶ Е.М. Гревс.

⁷ Возможно, Анна Николаевна Шаховская.

⁸ В.В. Водовозов.

⁹ См комментарий № 7 к письму № 111.

№ 116

7 ноября 1888 г., Мюнхен

15 письмо
Мюнхен, 88.7/Х1

Дорогая моя девочка [...] получил я сегодня твою 45-ую записочку и спешу ответить тебе на нее. Ты знаешь, что, приняв все во внимание, я думаю, что лучше всего тебе ехать в Ниццу, но я совсем не думаю, чтобы было удобно прививать оспу в Мюнхене. У фрау Герман комнаты заняты, да если бы это и не было, то квартира так устроена, что очень легко простудиться, и с ребенком здесь жить

почти невозможно было бы. В гостинице, даже хорошей, едва ли можно иметь нужные удобства, и я думаю, что ты только измучаешься это время, а никакого облегчения от всего этого не было бы. Если считать нужным привить **теперь** Юрке оспу, то надо сделать это или в СПб. перед выездом, или в Ницце.

Но я думаю, что надо тебе, моей маленькой девочке скорей выехать и скорей на юг, где тепло и хорошо. Мне кажется, очень важно тебе возможно **комфортабельнее** там устроиться, и никак не могут быть допущены никакие экономии, которые так или иначе могут отозваться на твоём здоровье. На это время надо смотреть как на время, посвященное восстановлению твоих сил, Юра будет с тобой, потому что одной, без него, тебе нечего и думать о поправлении, следовательно, он играет в данном случае роль очень важного лекарства для своей маленькой мамашки. Но надо **все** сделать, чтобы он не утомлял тебя, **нельзя**, чтобы ты хоть изредка возилась с ним **одна**, и потому надо так устроить, чтобы этого не было, и в квартире экономии делать **нельзя**. Если, не делая экономий, тебе придется для поправления здоровья пробыть 1–2 года на юге, то с экономиями для того же поправления потребуется 5–6 лет, и, следовательно, экономии выйдут не экономиями. Я глубоко убежден, что не делай мы экономий в Италии, ты бы поправилась гораздо больше. Я поеду в Ниццу и непременно хочу быть при всем устройстве, а пока хочу знать, как ты думаешь с прислугой: одну – няню – возьмешь из России, а другую – кухарку и прачку – надо нанять. Если не устроишься с Неклюдовой, не поехать ли мне в Ниццу и не приготовить ли мне раньше – напиши мне, моя голубушка, моя родная Тутька. Только выезжай скорее, и так тогда скоро увижу тебя, мою дорогую птичку. А бояться – не следует, и жизнь не такая страшная штука, когда спокойно и прямо смотришь на нее, когда не делаешь фантомов [...]

Крепко целую вас обоих, сердечный поклон всем. Какой «атлас» Абиха¹ подарил мне Егор Павлович²? Тутя, верно, что-нибудь напутала [...]

Твой Д.

P.S. Пиши на Kaulbach str., 52/1, links, потому что иные дни я вычисляю дома, и в праздники все-таки получаю письма. Работа идет понемножку³.

Д. 35, лл. 119–120.

¹ См. комментарий № 7 к письму № 113.

² Старицкий.

³ Приписка сделана на полях л. 120 об.

№ 117

9 ноября 1888 г., Мюнхен

Ноября 9.88
Мюнхен. Kaulbach Str., 52/1, links
16-ое письмо

Дорогая моя Натуська, моя неоценимая девочка, последнее письмо (**вернее**, маленькую записку) получил я 7-го, а сегодня от тебя письма нет. Пиши мне не в Академию, а сюда на квартиру, потому что тут я скорей получаю письма, а в Академии часто ухожу до часа прихода писем и потому могу получать их позже.

Как ты уже знаешь, я теперь больше всего стою за твою поездку в Ниццу и думаю, что там можно устроиться. Напиши мне, где хочешь, чтобы я тебя встретил, в Вене или Ницце? Я думаю, что надо ехать **скорей** и не откладывать поездки. Отчего нельзя Юре¹ привить оспу, когда будем в Париже или же в Ницце, и сколько дней с оспой будет задержка? Против привития оспы в Мюнхене я решительно стою, потому что здесь и погода очень холодная, и сильнейшие ветры, и квартиры не приспособлены, прожить тебе здесь хотя бы недели две совсем не следует, и ты только утомишься, да и простудиться легко можешь. Очень хочу от тебя получить уже не проект, а решение, и другого места, как Ницца, по-видимому, нет.

Перед отъездом извести Агафонова – он хотел с тобой мне писать, кажется [...]

Работа моя идет помаленьку – до сих пор еще ничего решить не могу, хотя все более и более склоняюсь к тому, что эти явления существуют. Работается так себе, и эти последние дни работалось довольно плохо, частью хотелось скорей все выяснить – да и Тутька пишет так **мало**, что ужасно много непонятного и неясного. В последние дни я все сводил и вычислял ту работу, которую мы делали вместе с Мутманом (хотя, правду сказавши, делал-то один я), пока не кончил, но не могу сказать, чтобы я понимал, в чем дело – вижу, что что-то есть, а что – не знаю. Совершенного же говорит Грот. У нас теперь еще один новый работает – швед Рамзай из Стокгольма и будет работать еще Пфафер и, вероятно, русский Вульф. У Зонке все время мы с ним устанавливали прибор и до сих пор все не вполне удачно: одно сделаем, за другое зацепимся, но дело пойдет все-таки на лад, и такая борьба с препятствиями мне по вкусу, я люблю, когда дело дается не сразу. Получил за это время письмо от Глинки, Оли², Маши и Ивана³, записочки Сергея⁴ (он в Кембридже) и мало-помалу отвечу им всем.

[...] Тутя моя, девочка моя, побольше смелости, силы, Тутя моя маленькая, знаю я и понимаю я, что тяжело тебе, тебе, моей ненаглядной, уезжать далеко от твоих, что тяжело нам не быть вместе, что тяжело пробыть одной, и больно иногда становится, что так складывается жизнь, хотя в этом сложении сам виноват. Но моя девочка, оставь это все, эти мысли, и подумай, как все-таки мы счастливы, как полна наша жизнь и как мелки, в сущности, наши огорчения, наши горести по сравнению с нашими радостями и по сравнению с чужими горестями. Часто слышал я, что надо здоровых работников, может быть, наверное, надо и их, но самое главное и нужное теперь – это здоровье духа, это силу и бодрость, смелость и спокойствие духа, и она в таких мелочах проявляется и укрепляется. Тем, что тебя страшит эта будущая поездка, тем, что ты горюешь или размышляешь, пишешь мне, что «жизнь тяжелая штука», ты только ослабляешь свою силу духа, то, что всегда наше, самое главное наше, наш залог победы. И я думаю – надо знать, что тяжело, надо стараться изменить это, но не имеем все-таки повода **мы** стонать и жаловаться, когда кругом... Неужели ты и я можем думать, что «жизнь тяжелая штука», неужели мы даже этакой тяжести без мучений перенести не можем? Я думаю, что мы слишком счастливы, чтобы говорить это, и надо **бороться** против таких мыслей как самого лукавого, а не против лишних трат и т.п.

Крепко целую вас обоих.

Твой Додя

¹ Г.В. Вернадский.

² О.И. Вернадская.

³ М.С. и И.М. Гревс.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

№ 118

11 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 11/XI 88

Дорогой мой Натусик, моя радость и счастье мое, я очень и очень рад, что и ты решила ехать в Ниццу, и думаю, что в Ницце тебе будет лучше, чем в Лугано или Меране, где совсем уже не так хорошо.

Работается мне так себе, но, впрочем, чего-то очень ленюсь последние дни, вот уже недели 1^{1/2} делаю все, но как-то нехотя, не знаю, когда пройдет это состояние и я начну работать как следует, а пока борюсь с собой насколько могу и умею [...] Но теперь скоро увидимся, напиши мне подробно, когда выедешь, где встречать тебя, и выезжай скорее, а то начнутся холода и перевозить Юру¹ будет неудобно. Я получил вчера письмо от Дмитрия Ивановича², которому буду на днях писать, письмо пришлю, хотя в нем нет ничего особенного. Я очень рад его переезду в СПб. и для него, и для Анюты³. Посылаю тебе письмо Сережки⁴, которое перешли.

Пишу сегодня плохо, как-то не пишется, и как-то ужасно много времени у меня уходит без толку, а своего дела все-таки не делаю; надо взять себя в руки, да как-то не могу.

Писать диссертацию в Генуе или где-нибудь я не могу, потому что я за границу поехал или послан не для писания диссертации, которая может выработаться только попутно по заграничной командировке; если оставаться на зиму еще за границей, что, может быть, правда, полезно для твоего здоровья – решит будущее, надо заниматься или в Париже, или в Вене. Относительно своей работы я пока не имею никаких определенных результатов, но как-то вяло [все] работал – по-видимому, однако, могут получиться результаты.

Крепко целую тебя, мою дорогую птичку, и жду так сильно тебя, а пока сегодня пошлю это коротенькое письмо, следующее напишу подробнее. А что же мои книжки? И Тутька [...] сказала Ивану⁵ про атлас и думает, что сделала дело: сколько выпусков куплено (выпуски ведь на Литейной старые, ты должна была их взять – помнишь, но можешь не брать, чтобы не тащить лишнего).

Крепко, много раз целую тебя, мою дорогую, и сынишку. Сердечный поклон всем.

Твой Додя

P.S. Что Агафонов?

Д. 35, лл. 123–125.

¹ Г.В. Вернадский.

² Шаховской.

³ А.Н. Шаховская.

⁴ С.Е. Крержановский.

⁵ И.М. Гревс.

13 ноября 1888 г., Мюнхен

13/XI 1888, Мюнхен

Моя дорогая, родная птичка, моя ненаглядная Натуська, ты, однако, моя девочка, не пишешь мне **аккуратно** через день, и вот уже второй раз на неделе, что я получаю письма не через день, а через два дня. А я так ждал сегодня письма.

[...] Когда думаешь выехать в Ниццу, напиши. Я очень рад приезду Дмитрия Ивановича¹, так как думаю, что этим сильно упростятся наши отношения с А.Н.², и вообще думаю, это будет хорошо для дела.

Работа моя подвигается понемножку, хотя до сих пор решительно ничего не знаю. Работу с Мутманом кончаю, вчера вечером сопоставил все цифры, и результаты получаются очень интересные, но надо еще несколько дополнительных данных. Но в общем не могу сказать, чтобы хорошо мне работалось. Лекции Гаусгофера слушаю и пока очень доволен. С Мутманом мы много говорили, и в общем он мне нравится, и это так странно, как много хорошего заставляет скрывать человека привычка и обычаи.

Я думал и много думал о магистерской диссертации и чувствую, что не могу ее написать спешно, что не могу сработать ее. Некоторые, очень, впрочем, грубые опыты указали мне, что вероятность существования явлений, мне теперь интересных, велика, но я не хочу смастерить из этого диссертацию, если не переработаю ее в тех рамках, в каких она сложилась пока в моем уме, а на это потребуется время. Если бы я только над диссертацией работал, то это $\frac{1}{2}$ года хорошей лабораторной работы и месяца 2–3 литературной; но теперь, когда у меня большая часть времени уходит на другую работу, потребуется гораздо больше времени, а командированный за границу я не имею права тратить главное время на диссертацию. Думаю я, что очень важно, чтобы выходила работа, которая удовлетворяла бы самого работника, я вовсе не гонюсь за тем, чтобы сделать какое-нибудь широкое, обобщающее открытие; цель, мною поставленная, ясна и резко ограничена, но я чувствую, что диссертацию я могу написать только тогда, когда всю эту мною поставленную задачу разрешу, когда я это сделаю для разрешения интересующего меня научного вопроса, и потому, что я сознательно убежден в важности разрешения этого вопроса для дальнейшего развития интересующей меня отрасли науки, а не потому, чтобы написать диссертацию.

Мой маленький, дорогой Тусик, скорей бы ты уехала на юг, где так тепло и хорошо, и я постараюсь уехать возможно раньше из Мюнхена. Пиши мне больше и подробнее, моя дорогая девочка [...] Получила ли мои книжки, которые я послал тебе? Посылаю письмо и Гревсам, которое им перешли; получила ли письмо к Васе³ и что о нем знаешь? Узнай адрес Николая Михайловича (Кн.)⁴ и напиши мне [...] Сердечный поклон всем.

Владимир

14-го утром. И с этой почтой нет письма: что это значит? Только что получил его. О приезде в Мюнхен, я писал, я думаю – едва ли хорошо, лучше

выбрать более южную дорогу на Вену и Ломбардию. Я встречу или в Италии, или на Ривьере⁵.

Д. 35, лл. 125–126.

¹ Шаховской.

² Шаховская.

³ В.В. Водовозов.

⁴ Книпович.

⁵ Приписка сделана на полях л. 125.

№ 120

14 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 14/88

Дорогая моя, родная, неоценимая Тутя, мое золотое дитяtko [...] чем более я думаю, тем больше и больше хочу, чтобы ты решилась на один из планов – или в Ниццу, или в Крым, или куда-нибудь в другое место – Меран, Лугано и т.п. Разберем все эти планы:

1. Из Мюнхена проехать в Ниццу часов 34–35 езды, в Лугано – 20 часов, в Меран – 12 часов, за Ниццу стоит то, что ты будешь все-таки иметь так или иначе близких людей около себя. В декабре, если ты будешь в одном из этих мест, я наверное к тебе приеду. Если я буду продолжать свою командировку до конца или, как я думаю, часть ее, т.е. до осени, то перед Парижем мы тоже увидимся, и, может быть, можно тогда (весной) переехать вам ближе к Парижу – поселиться где-нибудь в городке, час-полтора по железной дороге от Парижа. Разница между Лугано и Мераном не такая большая, чтобы я мог очень часто приезжать в Меран по сравнению с Лугано или другим каким-нибудь местом там же. Против Мерана – это то, что туда съезжаются чахоточные, и вот где уже легко заразиться, да и жить, конечно, грустно там. Так что из заграничных мест если где поселиться, то лучше, кажется мне, в Ницце, если нельзя уехать еще далее на юг.

2. Второй план – это Крым. Если этот план исполнится, то я или покончу командировку весной, или протяну ее до осени, приехав на месяц к тебе весной в Крым. За этот план говорит то, что ты будешь среди хороших людей и будешь на тех местах, которые в общем мы наметили для нашей будущей жизни, но я боюсь тех условий, которые указывает А.М.¹, и в таком случае, думаю, лучше нам начать там жить вместе и не ехать **теперь** тебе туда, ветры самое для тебя скверное.

3. Чем более я думаю обо всем этом, тем более стою за Ниццу, если тебе не страшна компания Зои Алексеевны² и К^о, тогда я думаю, что в Ниццу приеду дня на 2–3, когда будешь устраиваться, затем на праздники в декабре наверное и, наконец, в марте: следовательно, мы все-таки увидимся в ноябре, декабре и феврале или марте. Даже если покончить командировку к августу или сентябрю, т.е. $\frac{1}{2}$ годом раньше, тебе **решительно** стоит и надо ехать, моя голубушка, моя золотая, дорогая девочка, как хочу [...] я тебя увидеть и жучка увидеть хочется. Как ты поедешь, если в Ниццу, на Париж? Я думаю, что, может быть, я не совсем прав относительно Зои Алексеевны и она будет тебе

помощью, так как ты с ней как-то больше других умеешь ладить. Я против долгих медлений – чем дальше, тем труднее будет выехать. Отвечай скорее, моя дорогая птичка. В Ницце разве так тепло? – впрочем, Ривьера. Скорей, скорей [...] на юг [...]

Сережке³ напишу на этих днях. Писем не пересылал, потому что больших или интересных не было – все больше открытые карточки или записочки, которые очень хороши, но пересылать их не стоит. Как понравилось тебе письмо Дриша?

Работа моя идет себе, хотя пока все подготовительная, так что нельзя решить, есть ли что-нибудь или нет. Я хочу некоторые опыты проделывать дома, как писал тебе. Адькиного⁴ письма еще не кончил (я ему в нескольких письмах напишу о летней поездке), как кончу – пришлю тебе. Писем (считая и открытые) я писал все это время много; много купил и переслал народных книг, и я теперь начинаю ориентироваться в народной немецкой литературе (как близко к нашей) – в последнее время мне все приходится покупать по частям, то ножницы, то носовые платки etc. – все расходы, когда поедешь в Ниццу, заведи вещи мои. Увы, мое пальто, кажется, не выдержит, для Ниццы уже придется купить – его можно носить только в Мюнхене. Был в концерте – на мессе Бетховена. Собираюсь в театр, но еще не был. Купила ли русские книги для Абрахоля⁵ – его подарок на днях пришлю⁶. Получила ли посланные книжки – Марка Аврелия⁷ (которую прочти) и две немецкие? Брошюрка о зубах очень, кажется мне, важная, и ее следовало бы распространить и между остальными матерями. На днях пошлю 63 руб., чтобы моя Тутька не делала экономии на бумаге и писала, на какой все люди пишут (хитрая девочка).

Крепко целую тебя, мою родную. Отчего ты мне не отвечаешь на вопросы, буду записывать – я спрашивал, что ты читаешь, про Георгия⁸, про то, в чем состоял доклад Таирова etc.⁹ Узнай адрес Яроцкого. Сердечный поклон всем [...]

Твой Додя

Д. 35, лл. 115–116.

¹ Возможно, Александра Михайловна Калмыкова.

² Зарудная.

³ С.Е. Крыжановский.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ См. письмо № 110 и комментарий к нему № 3.

⁶ См. письмо № 110 и комментарий к нему № 2.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 72.

⁸ Г.Е. Старицкий.

⁹ См. комментарий № 4 к письму № 111.

15 ноября 1888 г., Мюнхен

15/XI 88, Мюнхен
19-е письмо

Моя дорогая, маленькая Тутька, моя любимая рыбка. Скоро я тебя увижу, и я очень, очень рад, что моя маленькая девочка будет на юге и будет не в холодном и туманном Питере, хотя и сознаю, что тебе будет довольно тяжело вдали от людей, тебе дорогих и близких. Я очень рад, что оживились у вас сношения, потому что это очень важно вообще, и потом я вижу, что это важнее для поддержания бодрости духа в окружающих, чем я это думал. Я стараюсь писать сколько могу, чему тебе доказательством, что с 8 октября я написал 63 письма. Мне хочется, чтобы ты узнала хоть через Рейтлингера – об Ону, о том, где он, и доставила бы мне его адрес; ничего также не знаю о братьях Анич¹. Отчего ты мне почти ничего не пишешь о Георгии² большом, хотя я просил не раз тебя об этом.

Тутя, «Геологическую библиотеку за 1887 г.»³ ты еще не прислала, а она мне нужна для работы, а что она вышла – доказательство, что я видел ее здесь у Грота, пришли поскорее. О неудобстве мюнхенского плана я писал, если нужна остановка, можно остановиться в Вене или Милане, куда я могу приехать. Работа моя идет понемногу; в работе с Мутманом мне удалось доказать, что явление сложное, но существование этой неизвестной гемиздрии геометрически теперь несомненно, что само по себе интересно. У Зонке сегодня только в первый раз удалось установить прибор.

В письме к Маше и Ивану⁴ я указал на одну необходимость, которую я, вероятно, подробнее разовью в письме к Дмитрию Ивановичу⁵, но о которой я хочу, чтобы подумали теперь. Мне представляется одним из самых необходимых дел теперь это критическая история всех практических мер со времени восторжествования полной реакции. В этой истории должно все разбираться с точки зрения общих принципов, совсем не прикрывая их в какие-нибудь [рамки]. Я глубоко убежден в неотложности этого для того, чтобы могло образоваться что-нибудь сильное у нас, и готов употребить на участие в этой работе сколько хватит моих сил. Мне представляются, например, следующие вопросы: деятельность министерства народного просвещения с 1881 года (я об этом много думал, и если никто не возьмет этого, я решил, что я напишу это), необходимость настоящего контроля, как она вытекает из нашей финансовой истории последних лет, деятельность по крестьянскому вопросу, полиции etc. Если только можно что-нибудь сделать, то, между прочим, это одно из самых сильных средств – для меня это, несомненно, очень важно, чтобы к этому приступили не в одиночку, а по обдуманному плану. Но об этом подробнее напишу позже.

Отчего ты мне **не** отвечаешь на мои вопросы (просмотри последние письма: о Марии Ивановне⁶, о земстве⁷ etc.). Что знаете о Васе?⁸ Письма собираю и понемногу буду пересылать. Думал сегодня послать письмо Шаховскому, но сегодня не в расположении писать и напишу завтра. Послал Александре Михайловне⁹ брошюру «Volkslektüre»¹⁰, получила ли она? Что ты купила Абрахолю¹¹? Письмо Лельки¹² получил и отправлю Адьке¹³ (ему я послал

июльское письмо Шаховского). Читал я на днях «Ahnen» Фрейтага¹⁴, и в общем много хорошего и очень много мыслей навеивает; читаю еще из общего Menger'a¹⁵, кончаю и биографию Борна Гуцкова¹⁶ (не особенно нравится, так что, верно, брошу); прочел «Petit chose» Доде¹⁷ – многие сцены хороши и в общем хорошая вещь. Что Дотик¹⁸ – никто ничего о нем не пишет, написала бы ты ему, чтобы повидалась с ним. Славный он **человек**.

Крепко целую тебя, дорогую, так рад, что скоро увижу тебя. Знаешь ли книгу Moreau «Folie chez les enfants» (3 fr. 50)¹⁹, что за книги «Perier. Première enfance» etc.²⁰, кажется, гигиеническая медицина? Книжка Брамсена²¹ переведена и по-французски. Крепко тебя и Юрука²² целую. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Вышла на днях итальянская книжка о воспитании женщины – по сути по реферату – es ist nichts besonderes²³.

Д. 35, лл. 127–128.

¹ Очевидно, речь идет о братьях Аничковых – Евгении Васильевиче и Иване Васильевиче, которые по распоряжению министра народного просвещения в декабре 1887 г. были исключены из университета за участие в студенческих сходках, происходивших 9–10 декабря 1887 г. Иван Васильевич был оставлен в Петербурге, но вынужден был дать подписку о невыезде, а Евгений Васильевич отбывал воинскую повинность; вновь был принят в университет лишь осенью 1889 г.

² Г.Е. Старицкий.

³ Точнее, «Русская геологическая библиотека» (приложение к «Известиям Геологического комитета»); выходила в Петербурге с 1885 по 1901 г. (т. 1–17) под редакцией С.Н. Никитина. См. за 1887 г.: Русская геологическая библиотека. СПб., 1888. Т. 3. 178 с., 405 зап.

⁴ М.С. и И.М. Гревс.

⁵ Шаховской.

⁶ Старицкая.

⁷ См. комментарий № 8 к письму 111.

⁸ В.В. Водовозов.

⁹ Калмыкова.

¹⁰ Очевидно, «Народное чтение» (нем.).

¹¹ См. комментарий № 3 к письму № 110.

¹² Л.А. Оболянинов.

¹³ А.А. Корнилов.

¹⁴ Freytag G. Die Ahnen. 1872–1881. Т. 1–6.

¹⁵ См. комментарий № 5 к письму № 112.

¹⁶ Gutzkow Karl. Bornes Leben. Hamburg, 1840.

¹⁷ Daudet Alphonse. Le petit chose. Histoire d'un enfant. Paris: Semeur, 1888.

¹⁸ Б.Э. Кетриц.

¹⁹ См. комментарий № 11 к письму № 50.

²⁰ Périer Elié. Hygiène de la première enfance, soince applicables aux cas urgents; guide des mères et des nourrices. P.: Baillière, 1886.

²¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

²² Г.В. Вернадский.

²³ Нет ничего особенного (нем.).

17 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен. 17/XI 88

20-е письмо

Дорогая моя, родная Тутя, получил я твое письмо. Ты мне не пишешь, получила ли ты мое письмо к Сережке¹, Гревсам, Васе² (которые я послал 24-го октября и несколько раз тебя спрашивал – получила ли ты их). Не забудь, если будешь ехать на Берлин, визировать паспорт в посольстве германском, да еще вот – ведь Юра³ не прописан в моем послужном списке, надо достать метрическое свидетельство от отца Николая и передать секретарю Совета университета Белозерову для прописи. Не пишешь также, что за книгу купила Абрахолю, а он скоро уезжает из Мюнхена, и вообще на мои вопросы Тутька отвечает очень и очень скверно.

Работа моя идет себе понемножку и все в том же изо дня в день монотонном порядке, так что об этом не стоит писать. Не знаю, застанет ли это письмо тебя в СПб. – я думаю, что это еще застанет, но ты мне напиши, когда перестать писать в СПб.

[...] Жалко, что вы не снялись, но снимитесь в Сан-Ремо. Ты мне не только дай знать телеграммой, но и извести раньше, когда и как (подробно) думаешь ехать. В Мюнхен заезжать нечего и думать – уж кроме того, что квартиры здесь отчаянные, здесь туманы и, по словам Абрахоля, напоминают fogs'ы⁴ Лондона, только цвет другой – пренеприятное ощущение, когда в 5–6 шагах ничего ровно не видно.

В последнее время в здешних газетах появилось как слух известие, что царь начал склоняться к более либеральному направлению, что в Харькове он, осматривая земские больницы и пр., сказал, что он очень рад видеть все в таком порядке, тем более, что его все время уверяли, будто земство ничего не делает, что против земского проекта Толстого восстали и Островский и Вышнеградский⁵ и что Толстой будто бы уйдет, что произведенное расследование показало, что только 7% земского бюджета идет на администрацию земства etc., etc. Интересно отношение здешней печати к этим слухам: органы, заведомо нерасположенные к России, стараются убедить, что это пустые слухи, пущенные с целью возратить России доверие для биржевых и т.п. финансовых операций [...] Газеты, более расположенные, относясь к этим слухам тоже не совсем доверчиво, выражаются об этом как о самом лучшем для России исходе. По поводу крушения поезда в одной из симпатизирующих России венских газет появился рисунок, где представлен царь, держащий в руках гнилую шпалу с надписью «нигилизм», а перед ним стоит скованная «свобода» и, простирая к нему руки, говорит: «Государь, на моем пути вы можете ездить более безопасно...» Интересно знать, сколько во всех этих слухах верного – по отношению, какое высказалось в здешней прессе, очень интересно, и здесь чрезвычайно ясно проявилось значение **всех** мер внутри России на положение наше международное. Но пока довольно. Крепко целую вас обоих. Сердечный поклон всем. Получена ли моя телеграмма?

Твой Д.

¹ С.Е. Крыжановский.

² В.В. Водовозов.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Туманы (англ.).

⁵ См. комментарий № 8 к письму № 111.

№ 123

19 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 19/XI 88

Дорогая моя девочка, моя родная Натуська, только что получил твое письмо, 51-е. То, что ты не получила пока моего письма – верно, оно замедлило, так как пишу аккуратно через день. Если ты поедешь на Базель, то, конечно, в Базеле я тебя встречу и провожу до С.-Ремо. Непременно надо будет каждую ночь останавливаться, и с мальчуганом ездить ночью по здешним дорогам немислимо, тогда надо остановиться в Женеве и Генуе, и на 3-й день приедем в С.-Ремо, если поедем через Италию, но можно ехать на Лион, Марсель и Ниццу – не знаю еще, какой путь ближе. Отчего ты хочешь ехать на Базель? Не удобней ли ехать на Вену, тогда до Варшавы можно доехать в спальном вагоне (это, правда, неудобно), в Варшаве переночевать и выехать в Вену, где также отдохнуть (хотя здесь ужасно неудобные поезда – прямое сообщение только ночью!), так что, может быть, лучше ехать не через Вену. Я думаю только, что с ребенком **нельзя** ехать ночью по здешним дорогам; билеты лучше возьми прямого сообщения, насколько далеко возможно. Я могу тебя встретить и не в Базеле, а в Берлине, если поедешь через Берлин, и это гораздо удобней, чем в Базеле: тогда мы из Берлина, отдохнув там и переночевав, не знаю, впрочем, когда ты приедешь, переночуем еще или во Франкфурте, Базеле, Женеве и Генуе, или во Франкфурте, Берне и Медоне, что гораздо удобней; я думаю, моя дорогая девочка, гораздо будет лучше, если я тебя встречу в Берлине; мне кажется, что ехать, не останавливаясь ночью, едва ли можно и нужно с ребенком – и ему, и тебе **непрерменно** надо ночью выспаться. Я писал относительно Вены только потому, что мне казался этот путь теплее – но зато, действительно, поезда устроены там, кажется, чрезвычайно неудобно. Напиши только мне сначала обо всем подробно, чтобы я мог устроиться.

Моя маленькая, дорогая девочка, так я рад тебя увидеть; я очень рад, что, может быть, старая няня поедет, потому что всегда лучше, когда человек есть, которому можно доверять.

На Вену неудобен путь из Варшавы в СПб., и потом из Варшавы в Вену, потому что никак, кажется, нельзя избежать, чтобы не ехать ночь.

Сегодня я был в здешнем институте для исследования глаз при оптическом магазине, и они мне сделают очки; глаза оказались не совсем одинаковыми, и, кроме близорукости, – ненормальное положение слепых пятен, насколько я понял их, и неправильное положение глаз относительно общего строения черепа, я все-таки еще думаю сходить и к доктору – очки надо мне носить двоякого рода и читать в более легких очках etc.

Я все-таки боюсь, что ты сильно утомишься, дорогой мой Тутик. Сегодня получил письмо от Агафонова, и еще много мне писем писать и отвечать – боюсь запустить переписку.

Моя дорогая девочка, так надо тебе хорошенько, хорошенько устроиться в С.-Ремо, чтобы было и тепло, и уютно. Получила ли письмо от Неклюдовой?

Работа моя идет себе и, кажется, будет не неудачной. Уехали ли Аня и Марк¹ – я буду им писать, не знаю только куда. На днях – завтра, послезавтра – напишу и Егору Павловичу² по поводу свадьбы и т.п. Мама, судя по ее письмам, очень волнуется, и жаль ее, и какое-то все-таки нехорошее чувство есть, так как там ясно видишь, как во многом она сама в этом виновата. Крепко целую тебя, мою дорогую, и мальчугана. Сердечный поклон всем.

Твой Влад. [...]

Д. 35, лл. 131–132.

¹ А.Е. и М.М. Любошинские.

² Старицкий.

№ 124

21 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 21/XI 88

Дорогая моя девочка, моя родная Тутя, кажется, надо тебя за ушко – опять нет письма, или что-нибудь помешало?

В последнее время меня несколько смутили письма мамы по поводу истории с Сергеем¹, хотя я и думаю, что она несколько все преувеличивает, но будет-то действовать под влиянием этого преувеличения, да и несомненно происходит среди них что-то нехорошее. Так мне это напомнило бурное время, какое приходилось мне пережить и которое опять начинается. И жаль их, а сделать ничего нельзя и приходится ждать, может быть, и скверного и запастись философией спокойствия, а иной раз все-таки жутко, что с ними со всеми будет, так как я боюсь, чтобы кто-нибудь из них чего-нибудь не наделал – в такие минуты или дни наша семья уподоблялась, я думаю, превосходила семью Зар². Когда ты приедешь, я покажу письмо мамы, но ты ей пока ничего не говори [...]

Когда ты выезжаешь? и напиши мне все, все подробно. Поедешь ли с Зоей Алексеевной³ до Берлина – это было бы хорошо, она помогла бы тебе [...]

Получила ли мое письмо к Сережке⁴ и Ивану⁵ – ты ничего не пишешь. Послал я вчера письмо Дмитрию Ивановичу⁶ – не рассчитал, что оно тебя наверно застанет, но я думаю, что он пришлет его, так как я затрагиваю там кое-какие общие вопросы о Приюитине⁷.

Заказал пальто и встречу Тутьку в новом пальто, а это уже превратилось в нечто невозможное.

Работа идет понемногу, но я не вхожу в нее, чтобы можно бросить ее и поехать навстречу моей девочке.

Что ты купила Абрахолю⁸? Отчего не отвечаешь совсем на мои вопросы?
[...]

Крепко, много раз целую тебя, мою ненаглядную детоньку – сердечный поклон всем.

Твой Додя

Д. 35, лл. 133–134.

¹ Сергей Александрович Короленко.

² Возможно, семья Зарудных.

³ Зарудная.

⁴ С.Е. Крыжановский.

⁵ И.М. Гревс.

⁶ Шаховской.

⁷ См. комментарий № 2 к письму № 96.

⁸ См. комментарий № 3 к письму № 110.

№ 125

23 ноября 1888 г., Мюнхен

23/XI 1888, Мюнхен
23-е письмо

Дорогая моя, родная девочка, моя ненаглядная Тутька, после долгого молчания (последнее твое письмо я получил 19-го ноября) получил я сегодня твою записочку. Об Юре¹ – напиши мне подробнее – бедном мальчике, и подробно напиши, как поедешь. Ты разве хочешь остановиться в Ницце, а не в С.-Ремо? В С.-Ремо живет тетка Абрахоля (что же ему книга – Тутя – ай, ай, ай!!!!), и так как я сказал, что ты будешь рада с ней познакомиться etc., то это и устроится она очень любит детей и живет долго, много лет в С.-Ремо. Я все жду, когда же я тебя увижу [...] Писем и записочек я тебе привезу довольно изрядное количество – недавно получил письмо от Агафонова и записочку от Клейбера. А адрес Яроцкого (Тутя ай, ай, ай!!!!), а книги (Тутя etc. etc!!!!)? Отчего ты мне упорнейшим образом не отвечаешь, получила ли посланное через тебя письмо Васе² (и о нем?) 24/X, Крыжановскому – 12/XI, Гревс – 14/XI, напиши (Тутя etc! etc!!!!)!

Вообще Туте достанется. Работа моя идет помаленьку, и, может быть, некоторые результаты получатся. **Не забудь** узнать адрес Книповича Николая Михайловича. Получена ли была моя телеграмма 6-го? И как адрес Ани и Марка³ в деревне? Будешь ли с Аней переписываться? Что Нина⁴, бедненькая?

Мне очень интересно, что мне ответит Шаховской (был ли Федор⁵ в СПб., я ему писал открытую карточку 16/XI) – мне кажется, я ясно высказался (хотя все-таки темновато) о моем отношении к Приютину⁶ – что я согласился на нем не только на словах, что буду принимать в нем самое живое участие, **хочу** его возможно более быстрого основания и только жить там не буду и имею большую надежду, что образуется и южное Приютино и что они будут нераздельно тесно связаны. Чем более я думаю и чем больше я присматриваюсь кругом, тем более убеждаюсь в важности и необходимости Приютина.

Я думаю, что мое понимание отличается несколько от других, потому что я больше, чем другие, провожу значение Приютина как центра для нескольких поколений и значительная доля его значения, очень первостепенная, для меня заключается именно в этом. Мне кажется, что наша обязанность (т.е. всех людей теперь) заботиться не только о достижении известных, нужных теперь, в настоящую минуту вещей, но и в том, что <б> устроить живую клеточку, из которой **постоянно** бы выходило больше бойцов и работников идеи, которая бы постоянно росла бы, и вот такую единицу должно представить Приютино. Это вовсе не исключает настоящей, современной политической деятельности, но я ее не связывал бы с приобретением Приютина, а только с приютинцами (впрочем, это вышло неясно).

Крепко тебя целую.

Мой сердечный поклон всем.

Твой Додя

Д. 35, лл. 135–136.

¹ Г.В. Вернадский.

² В.В. Водовозов.

³ А.Е. и М.М. Любошинские.

⁴ Н.Е. Старицкая.

⁵ Ф.Ф. Ольденбург.

⁶ См. комментарий № 2 к письму № 96.

№ 126

26 ноября 1888 г., [Мюнхен]

26/XI 88

24-е п.

Дорогая моя Натуська, это письмо, может быть, придет немного позже, так как я вчера вечером не имел времени написать тебе и пишу утром, но от тебя письма **опять** аккуратно нет; хотя Тутька и пишет, что она пишет через день, кроме последнего раза, но письма со странной правильностью приходят нередко через 2 дня без перерыва нумерации и без того, чтобы следующее письмо приходило на следующий день, как объяснить это, не знаю; например, получил письмо 7/XI, а следующее 10/XI etc. После конца октября (с 22/X) сегодня **четвертый** раз неаккуратно (т.е. не через день) получаю письма твои. Вообще Тутьку надо хорошенько наказать.

Ты спрашиваешь, что я думаю о том, что Аргутинский не берет денег. Я понимаю, что это нам не особенно приятно, но это неприятное чувство я считаю скверным чувством. Если бы я был на месте Аргутинского, вероятно, я делал бы то же самое, и мне было бы неприятно, если бы мне хотели платить. Ты относительно таких случаев как бы берешь обязательство **так же** к ним относиться. Собственно говоря, было бы важно, чтобы такие простые дружеские отношения существовали с возможно большим числом людей, но пока они возможны с небольшим. В случае, если что-нибудь надо будет Аргутинскому, мы, конечно, все сделаем, и от него принимаем, как прини-

маем от Сергея¹ или других нам близких людей, и как спокойно можем им давать.

В последнее время все сильнее и сильнее заставляет меня задумываться правильное устройство Вернадовки. Это больное место не меня одного, но всего братства. Так, как дело стоит теперь, – это прямое жгучее противоречие между тем, что мы думаем, и тем, что делаем. Я, убежденный во вреде абсентеизма помещиков, являюсь сам абсентеистом; убежденный в необходимости пользоваться всеми правами, какими могу пользоваться, не пользуюсь теми, какие имею; убежденный в том, что съёмка земель есть варварский грабеж, это делаю, желающий местной деятельности, лучших отношений к крестьянству – позволяю всему идти по-старому, там, где **могу** это не позволить, я даже не знаю точно, не является ли того или иного рода кулачество на моей земле. Это все такие противоречия, которые не могут существовать и не могут быть извинимы. И это дело является одним из самых важных, самых первых дел, какие нам – всему братству – являются. Я знаю, что до моего возвращения из-за границы ничего нельзя сделать, но сделать надо возможно быстрее и возможно скорее.

Мы с тобой поговорим подробно при свидании, но чем больше я думаю, тем более убеждаюсь, что надо решить вопрос совершенно коренным образом – если что-нибудь делать с Вернадовкой, надо **там** поселиться, что совсем меня не прельщает; если же не поселиться нам там, то надо устроить кого-нибудь там из близких людей, а себе на юге купить небольшой клочок, продав часть земли в Тамбовской губернии. Если решить постоянно работать в университете, придется купить недалеко (часа 3–4 по жел. дор.) от университетского города, а если заниматься научной деятельностью, не связывая себя университетской службой, то можно гораздо дальше. Все это еще более заставляет меня желать возвращения осенью.

Нехорошо Тутьке неаккуратно писать теперь, когда Юрка² нездоров. Сперва мне не понравилось также, что Тутька ничего не могла написать о земском деле³. Но потом я подумал, что это не от недостатка интереса, а оттого, что ты не входила в это дело, занимаясь другим. Я думаю, однако, что надо входить в это более, чем входил, – главное в жизни, где расходятся и сходятся люди, являются практические приложения, и чем более мы будем входить в жизнь, тем большее значение эти интересы, вопросы получают в жизни отдельных лиц; из нашей компании – это необходимое следствие большей возможности действовать, какую мы получаем. Отдаление, какое ты всегда показываешь к этого рода вопросам, ненужное и может быть вредным.

Крепко целую тебя [...] Юру целую. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, лл. 137–139.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 8 к письму № 111.

27 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 27/XI 88

Дорогая моя, родная, ненаглядная Натуся, мое золотое сердечко, письмо твое, действительно, до меня не дошло, и по-видимому та же участь постигла и некоторые другие твои письма, потому что о получении тобой писем к Васе¹, Сережке² и Гревсам я ничего из твоих писем не знаю (ты, правда, писала мне о первом моем письме к Гревсам, но я спрашиваю тебя про **второе** мое письмо к ним).

Я так рад увидеть тебя, мою дорогую девочку, когда ты выедешь? Не знаю, хорошо ли будет с Аг. Ив.³ – я ее совсем мало знаю, но, кажется, она человек хороший. Отчего бы не поехать с тобой Ольге Павловне⁴, а в С.-Ремо вы наняли бы помощницу и кухарку?

Напиши мне заранее, когда выедешь. Зачем ты привила **себе** оспу [...] Туська! Ты меня просишь писать больше и чаще в СПб., но я пишу аккуратно через день, и отчего в СПб. – больше и чаще – а то куда же Тутьке писать?

Работа моя подвигается понемногу, и я довольно много читаю и работаю. Иногда мне кажется, что из меня выработается порядочный кабинетный ученый-экспериментатор, но часто снова и снова рисуется в моей фантазии план местного деятеля, работающего и научно, и занимающегося сельским хозяйством, и так хочется тогда этого, а иной раз рисуются планы чисто политического общественного деятеля. И все, кажется, имеет свои хорошие стороны, свой интерес, и то кажется, что я более способен к одному, то к другому, то к третьему. Но передумал – перемечтал я в это последнее время по всем этим вопросам очень много и так чувствую, что становлюсь серьезнее и определеннее. Я это вижу и в своих научных работах, где я вырос, как мне теперь кажется, за последнее время. Одна беда – это леность, которая никак покинуть меня не хочет, и она может мне мешать на всех путях, и тогда окажусь негодным ни к одному из них.

Я теперь думаю, что одно из самых важных для какой бы то ни было практической и общественной работы – это имение ясно сформулированного плана деятельности с ясно определенными задачами. Такой план, несомненно, будет неверен, задачи будут во многом также нехорошо и неумело сформулированы – но это не беда. Неверность и неформулированность могут быть замечены только по сравнению и по приложению чего-нибудь определенного, т.е. этого плана, и можно делать что-нибудь, только **зная**, куда хочешь и **как** хочешь в данную минуту идти. И много я об этом теперь думаю. Один из пунктов, о котором я писал в последнем письме вкратце Гревсам, это составление исторически-критического очерка деятельности реакции – я просил написать мне мнение компании. То, что я хочу знать, это не то, возможно ли это или нет, так как возможное – всегда чисто субъективное понятие, и для меня возможность является вне всяких сомнений, а то, признают ли они это очень важным орудием против реакции и, с другой стороны, очень важным и сильным связующим средством. Не кажется ли им это средство достойным работы?

Второе и не менее важное дело это выяснение себе тех **практически** возможных действий, которых надо добиваться. Я только хочу формулировать, что надо подразумевать под словом «практически» – это не то, что возможно сделать **теперь**, сейчас, при современном правительстве, а то, что возможно при современном развитии и образованности народа и общества русского при лучшем правительстве. Далеко не все хорошее является практически (в этом смысле слова) возможным. Мне кажется, что для образования у нас действительно сильного и цельного (общества) надо обратить при этом внимание не на одну юридическую, государственную деятельность, но и на другие стороны, которые зависят или от государств, или от частной инициативы. Например, желательно и необходимо возможно ясное понимание тех общественно полезных работ, которые должны быть сделаны, – например, вопросы орошения юга, устройства лучших путей сообщения, где необходимы каналы и т.п. К этого рода вопросам принадлежат и другие подобного же рода – например, ясное, насколько оно возможно, понимание тех мер, какие могут и должны быть приняты в народном хозяйстве для улучшения общего положения в нынешнем кризисе. Я не говорю о протекционизме (вопрос о протекционизме для меня неясен), но о том, какие изменения должны быть произведены в культуре, в удобрении etc. Я несколько не уменьшаю значения всяких мер чисто политических, законодательных, но я совершенно убежден, что долго и сильно влиять может только та группа людей, которая является энергичным деятелем на путях, где она идет **во главе** общественной и частной инициативы. Для того чтобы создалась сила, мало иметь известные принципы и добиваться их приложений в законодательной деятельности, необходимо еще идти впереди, необходимо иметь ясно сознанные задачи, куда и направлять государственную машину, эту огромную силу, которая может явиться такой благодетельной. Например, вопрос о переселении – вопрос о значении переселения для улучшения положения остающихся на месте – это одна сторона, но другая, не менее ясная – это значение переселений как средства теперь, положим, в Азии, создать и увеличить русскую культуру, не упустить того момента, какой теперь возможен и через несколько лет может быть потерян. Тут надо понимать, как действовать в системе будущих поколений. Везде, однако, важно иметь в виду 2 стадии – одна невозможна, пока стоит теперешняя дряблая паутина, но другое всегда возможно, и иметь связь с этим другим – с общественной самодеятельностью и инициативой – страшно важно. Так родится сила, потому что в государственной деятельности – полезная инициатива, деятельная, не одна словесная (вот тебе раз – на той стороне – начатое письмо, ну, не беда!), и есть настоящая главная сила.

Третье – внешние сношения. Другой раз, как-нибудь.

Крепко, крепко целую тебя, мою дорогую, и мальчугана нашего. Сердечный поклон всем.

Твой Владимир

Д. 35, лл. 140–142.

¹ В.В. Водовозов.

² С.Е. Крыжановский.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Тимофеева.

29 ноября 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 29/XI 1888

№ 25

Дорогая моя, родная рыбка, получил я сегодня твою минимальную записочку, а твоего «письма», затерянного кем-то, так и не получил. Ужасно много дела, – пишет Тутька, – и писать некогда – вчера была у Мин., сегодня гости – все дела такие важные. Вообще Тутьку надо наказать.

Сегодня был на заседании здешнего географического общества, читал Глазер об Аравии – так себе, были и довольно интересные сведения, но и здесь не смог не читать он гимнов Deutschland¹ и резкие филиппики англичанам. Попались они с своими африканскими владениями. Очень интересно, чем это у них кончится. Работа моя идет себе. Сегодня, впрочем, и в той, и в другой начинают выясняться результаты. Грот просматривал со мной мои результаты и находит, что никаких сомнений нет, что у меня вещество трапецоэдрической гемиздри и гемиморфное еще, и я в последние дни засел за вычисления. Правду сказать, у меня все же есть некоторые сомнения и недоумения. Что форма этого вещества такова – это, правда, почти совсем несомненно, но само вещество – не знаю. Таким образом, случай, предсказанный как возможный в начале этого столетия, найден впервые теперь мною. Правду сказать, никакой особой радости я не испытываю. Сегодня же в работе у Зонке получились совсем уже неожиданные и непонятные и для него, и для меня результаты. Если они подтвердятся, то мои предположения оправдаются так, как я не ожидал никогда; возможно, однако, что я все эти 2 недели ошибался. Дело вот в чем (бедная Тутька!): я измерял притяжение, какое оказывает стеклянная пластинка на воду, и для 3-х разных стеклянных пластинок, сделав 20–30 независимых одно от другого измерений, получил я в общем одну и ту же величину; для слюды – получается величина другая (разница почти на 1 m). До сих пор считается аксиомой, что эти явления от вещества пластинок не зависят, и если результат подтвердится, он, я вполне понимаю, будет иметь значение не только для кристаллографии, но и для физики – для всего учения о частичных силах и теории жидкостей. Ужасно неприятное у меня чувство – знаешь, я все сомневаюсь. Теперь не делал ли я все 30–40 раз, все эти дни одной и той же ошибки в отсчитывании? И хотя я прекрасно помню, как я несколько раз думал о возможности этого и раз по 6 пересчитывал показания прибора, но все-таки сомнение очень сильно. И правда, это возможно, хотя было бы совсем курьезно и теоретически почти невероятно. И вместо удовольствия я испытываю очень неприятное чувство. Но ум работает – притяжение разное воды кристаллами возможно **только** в одном случае – если допустить строение материи из атомов – что молекулы твердых тел по разным направлениям притягивают различно, хотя для меня атомистическая теория строения материи совсем не кажется доказанной. Вопросов является множество, и много у меня намеченных дальнейших путей.

Бедная Тутя – какое ей скучное письмо. Крепко целую тебя, мое сокровище, и нашего мальчугана [...] Все еще не написал письма Егору Павловичу². Мой сердечный поклон всем. Адрес Яроцкого?

Д. 35, лл. 143–144.

¹ Германия (нем.).

² Старицкий.

№ 129

4 декабря 1888 г., [Мюнхен]¹

4/XII 88

Моя родная, дорогая, неоценимая Тутик, пишу эту записочку (по-Тутиному – «письмо»), не знаю застанет ли она тебя. Как только ты выедешь из СПб., я еду сейчас же в Вену, где хочу еще посмотреть Минералогический музей, и там буду вас ждать. Выезжай скорей [...] Крепко целую тебя и Юрку. Сердечный поклон всем. Телеграфируй из Варшавы: Вена – Poste restante. Получил сегодня книгу Абрахолю². Крепко целую тебя.

Твой Додя

[...] Погода здесь вот недели 3 прекрасная, и снегу уже давным-давно не видать – ясно, тепло. Как я рад буду быть с тобой.

Д. 35, л. 145.

¹ Письмо написано в Мюнхене, так как до марта 1889 г. В.И. Вернадский никуда не выезжал.

² См. комментарий № 3 к письму № 110.

№ 128

7 декабря 1888 г., Мюнхен

Мюнхен, 7/XII 88

Дорогая моя девочка, моя рыбка [...] твое последнее письмо запоздало, и я уже начал сердиться на Тутьку, потому что, собственно говоря, целую неделю от нее не было порядочного известия. Кроме этого письма, были 2 какие-то едва видные записочки. Скажи Сережке¹, чтобы он непременно написал мне **скорее** про Лельку², и Гревс скажи, что [бы] они хотя коротеньким письмецом мне ответили на мое письмо от 14/XI – много писать, конечно, нет времени, а чтобы немного написать – время есть, и надо только взять себя немного в руки. Получил я письмо Адьки³, где он пишет, что «генерал»⁴ будет очень рад, что ты у них отдохнешь. Издалека очень трудно давать советы, но если не взять няню, то лучше, чтобы с тобой поехал какой-нибудь близкий человек, и мне не раз приходила в голову Ольга Павловна⁵. Но ты, верно, уже теперь решила. Я очень рад, что ты больше, кажется, познакомилась с Агафоновым и с Поссе – это очень честные и очень близкие нам люди. Относительно Книповича [...] очевидно, никто тебе не мог ничего сказать, потому что общих близких знакомых у нас нет и, насколько я знаю, Николай Михайлович с очень немногими хорошо знаком. Если нельзя узнать кому-нибудь в адресном столе, то скажи Агафонову, чтобы он справился в Зоологическом кабинете у Петра Петровича Шалфеева или же узнал от проф. Фандер-Флита, или вот

3-й путь – пусть через Ферхмина узнает у Кузнецова, служит в министерстве государственных имуществ. Адрес Яроцкого и Ани⁶ получил.

Работа моя подвигается, хотя эти 2 дня – субботу и воскресенье – очень поздно просыпаюсь, проспал и довольно мало вычислял, а теперь – утро воскресенья – хочу отправиться в старую Пинакотеку, которую хочу осмотреть возможно хорошо. Недавно я был в новой Пинакотеке, и меня все более и более увлекают эти произведения искусства, и мне хочется не просто ходить, но вдумываться и узнавать об них, стараться понять и проникнуть глубже. Читаю из общего я теперь – довольно плохую историю 1830–1888, издаваемую здесь для рабочих, читаю еще роман [...] из римской жизни [...] ⁷. В немецкой литературе эти исторические романы, кажется, теперь в моде, Эберс, Дан [...] – кажется, главные их представители. Как-то чувствуется, однако, что это все потуги и что жизнь им представлять вполне не удастся. С живейшим интересом кончаю я новые *Etudes Agronomiques*⁸.

Крепко целую тебя, мою дорожную, родную девочку, и мальчугана. Сердечный поклон всем.

Твой Д.

Д. 35, лл. 146–147.

¹ С.Е. Крыжановский.

² Л.А. Обольянинов.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Н.В. Харламов. См. комментарий № 3 к письму № 41.

⁵ Тимофеева.

⁶ А.Е. Старицкая.

⁷ Какое издание имел в виду В.И. Вернадский, установить не удалось, так как фамилия автора написана неразборчиво.

⁸ Какое издание имел в виду В.И. Вернадский, установить не удалось.

№ 131

30 декабря 1888 г., Верона

Верона, 30/XII

Дорогая моя Натуся, видишь, я уже в Вероне и не поехал ни в Павию, ни в Милан. Университеты итальянские во время праздников совсем закрыты, и в Генуе я не только не видел музеи, но даже ботанический сад университета был закрыт. После такого опыта я не решился наудачу ехать в Павию или Милан и, вероятно, завтра буду в Мюнхене, отсюда, от Вероны, нет 3-го класса в поездах прямого сообщения, и если не будет стоить уже очень дорого, то поеду во 2-м, потому что иначе надо ночевать или здесь, (или) в Кудекстейне, и в Мюнхен приеду только послезавтра. Пока не холодно. В Генуе погода была отчаянная. Берег видел – очень красив. Крепко целую тебя и Юру. Поклон Елли Ивановне¹. Береги себя.

Твой Д.

На обороте: S-ra Nathalie Vernadsky, Hotel Pavilion, San Remo

Д. 35, л. 148.

¹ Лерке.

№ 132

1 января 1889 г., Мюнхен

1 янв. 1889 г., Мюнхен

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, моя родная, золотая девочка. Вчера к вечеру приехал в Мюнхен и теперь пишу тебе только несколько слов, чтобы ты скорее получила обо мне известие. Тутя моя, мое счастье, так сильно я тебя люблю, так счастлив с тобой, и так тяжело, что мы не вместе – так было бы хорошо быть вместе.

Посылаю тебе очень печальное известие о Тане¹ – я буду писать Корнилову сегодня или завтра. Меня очень сильно взволновало и огорчило это – так, бедным, им тяжело, так много для них пропало из того, на что они надеялись, чего ожидали.

Мне вспомнилось и то ужасное время, когда я так мог потерять тебя. Как это все ужасно.

Крепко, крепко целую тебя [...] Скорее бы быть вместе. Что Юра – Гага², вспоминал ли меня? Жду с нетерпением твоего письма. Поклон Е.И.³ Напиши Николаю Васильевичу⁴.

Твой Д.

Тутя моя неоценимая. Как я счастлив твоею любовью. Письмо Корнилова пошло Сергею⁵.

Д. 36, л. 1.

¹ Татьяна Александровна Харламова, родная сестра А.А. Корнилова, заболела оспой и потеряла ребенка.

² Г.В. Вернадский.

³ Лерке.

⁴ Харламов.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

№ 133

2 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 2 /XII 89¹

Дорогая моя, родная, неоценимая Тутька, моя родненькая, так сильно ждал я сегодня твоего письма, а его нет, а если ты написала мне, как хотела, 30-го, я должен был бы получить его. О, как бы хотелось быть с тобой, не расставаться с тобой [...]

Здесь получил я письмо Адьки², тоже печальное, которое послал тебе, получил еще короткую записочку Шаховского, письмо и карточку от Дриша (он, может быть, в Ницце – напиши ему *poste restante*, чтобы он к тебе приехал, – Н. Driesch), Краснова (мрачное), Армашевского, Докучаева, Саши Ребиндера (детское). Грот меня встретил очень радушно, и я приступил к занятиям. Абрахоль получил место *fellow*³ в Манчестере и скоро туда едет, он очень доволен и держит скоро здесь экзамен на доктора. Сегодня, как только начали свою работу, я, кажется, получил еще новые, интересные результаты и все

над тем же веществом, над которым хотел работать с Мутманом. Помнишь, я тебе говорил, что одна часть формы этого вещества остается все-таки непонятной. Для того чтобы добиться результатов, я предложил способ исследования, к которому Грот отнесся сомнительно, а Мутман решительно восстал, я все-таки сегодня его попробовал, и на вид результаты самые блестящие – не знаю еще, наверное, завтра буду работать с новым собственным прибором Грота и с его помощью. Для меня эти результаты интересны, пожалуй, больше всего прочего. Вот натолкнула судьба на вещество! Я постараюсь кончить эту работу в течение этого же месяца.

Моя дорогая, неоценимая, Тутька, так, так сильно хочется быть скорее с тобой, с моей родной. Что сынишка? Что твой бок, и **все** подробно напиши про свое здоровье. Посылаю тебе Доде.

Не забудь, что к 30-му надо послать письмо в СПб. – я пошлю раньше его тебе, но ты тоже **непрерывно** напиши – отчет, насколько возможно, за год.⁴ [...]

Твой Д.

О какой эпохе пишет Шаховской⁵? Напиши. Глупый Шаховской – как может Лобко ответить из ареста?

Д. 36, лл. 2–3.

¹ Описка у В.И. Вернадского: в годе, который он первоначально написал «88», он исправил последнюю «8» на «9», а месяц оставил «XII».

² А.А. Корнилов. См. комментарий № 1 к письму № 132.

³ Стипендиат, занимающийся исследовательской работой (англ.).

⁴ Речь идет о письме членам «Братства» (см. комментарий № 1 к письму № 26), которые договорились ежегодно собираться всем вместе 30 декабря, а отсутствующие присылали письма.

⁵ В письме от 24 декабря /5 января 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Я не понимаю, о какой эпохе пишет Дмитрий Иванович, верно, о какой-нибудь газете, но я ничего не слышала» (ф. 518, оп. 7, д. 36, л. 4 об).

№ 134

3 января 1889 г., Мюнхен

3/1 1889, Мюнхен

Моя родня, ненаглядная Тутя, получил я твое письмо и записочку Сержа¹. Во-первых, о Янсоне². Я писал Агафонову еще 29/1–очень, правда, кратко, но Агафонову еще буду довольно скоро писать. Я решительно не думаю, чтобы что-нибудь можно было сделать издалека, этим путем, кроме, конечно, знакомства. Но знакомство–вещь хорошая, важная, конечно, но это одна сторона дела, а другая – ничего этим путем не сделаешь. А ему одно из самых важных – дать занятие, я писал об О.А.³, между прочим, но надо написать Тимофеевым, Гревс, Рейтлингеру и т.п. Здесь теперь я вполне почувствовал, какая у меня осталась малая связь с университетской молодежью – я теперь, кроме Агафонова или Поссе, не могу ни через кого обратиться, а Агафонов и Поссе захватывают очень и очень малую часть университета. Ни тот, ни другой не годятся в настоящие организаторы и заменить выбывших не могут. Передо

мною промелькнула вся последняя пора: через студенческое общество и т.п. у нас была сильная связь с целой массой людей, и это **почти** кончилось, но это восстановится довольно легко, если один, два из нас поедут в университет; у меня было очень обширное знакомство с землячеством и т.п., и все это пропало, и теперь, теперь почти ничего нет.

Тутя, моя дорогая, родная, милая девочка, мое золотое солнышко. Сегодня, наконец, я решил главные трудности вычислений, и передо мной стоит целая гора новых. Я довольно небрежно вел все это раньше, тогда как я вполне теперь вижу, что это главная сторона, не позволяющая мне самостоятельную кристаллографическую работу. В измерениях и т.п. работе с микроскопом я вполне усвоил технику. Мне эти вычисления интересны, понимаешь, в форме кристаллов есть строгая, математическая зависимость – измерив 4–5 углов, ты знаешь всю гармонию форм [тела], ты можешь вычислить, под каким наклоном возможны для данного вещества новые плоскости, все новые углы, ты вычисляешь расстояния между имеющимися плоскостями и т.п. Это одна из очень немногих отраслей, где так силен и так полон наш анализ. Меня это интересует, и между тем я страшно плох в технике: я расположил теперь так работу, что в этот месяц надеюсь добиться многого. Странная судьба. Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой – философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественноисторическую и потом перейти на историю, не пошел по математической, потому что не верил и не верю в свои математические способности (я помню, как мне **трудно** было признаться себе в этом, и я несколько колебался, не поступить ли мне на математический факультет, особенно когда у меня выпускной экзамен по математике прошел с блеском, я помню, как был тогда доволен покойник (знаешь?) (все редет) Верещагин; еще на 2-м курсе естественного я хотел переходить на математический и даже подготовился). Теперь я занялся областью, где математика есть настоящий фундамент, а его у меня нет, но геометрия все более и более захватывает меня – есть стремление, но нет сил.

Письмо Фуке пошлю сегодня – я почти не изменил, что ты написала, и перечтя, мне понравилось [...]

Тутя, Тутя, я так, так тебя люблю, и так, мне кажется, многое я могу сделать для тебя, и теперь я стал аккуратнее и в работе, и в общежитии только для тебя, моего дорогого ненаглядного светика. Что сынишка? Что-то из него выработается. Мне часто представляется, как хорошо мы заживем, когда устроимся где-нибудь на юге...

Целую тебя много раз [...] и мальчугана дорогого. Елли Ивановне поклон⁴. Как твое здоровье? Пиши мне.

Твой Д.

Д. 36, лл. 4–5.

¹ С.Е. Крыжановский.

² В письме от 9 января Н.Е. Вернадская писала: «... у Елли Ивановны есть знакомый, она говорит, очень хороший человек – юрист 3-го курса Петербургского университета – Николай Кириллович Янсон. Он почему-то лишился теперь стипендии (участвовал в беспорядках университетских), и если не достанет уроков, ему придется на год уехать в деревню. Мне и

пришло в голову: может, кто-нибудь из твоих друзей мог бы с ним познакомиться (что очень важно, так как важно, чтоб хорошие люди знали друг друга), и, может быть, что-нибудь устроится...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 21–21 об.).

³ Личность установить не удалось.

⁴ Лерке.

№ 135

3 января 1889 г., [Мюнхен]¹

3/1 89

Дорогая моя, родная Тутя [...] Сегодня получил твои каракульки. Не очень ли устала в Ницце? Что сынишка? Пошли это письмо Яроцкому (не знаю адреса). Письмо Андрея² никуда не посылай, а пришли обратно. Целую тебя [...] Поклон Елли Ивановне³. Пиши, моя родная, подробнее и о себе. Юру целую. Не подымаешь ли его? Не болел ли бок? Где спишь?

Д. 36, л. 8.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² А.Н. Краснов.

³ Лерке.

№ 136

3 января 1889 г., [Мюнхен]¹

Вторник, 3/1 89

Дорогая моя, родная, ненаглядная девочка, моя милая Тутя, моя радость и счастье, получил я сегодня твои каракульки, письмо славное Адьки², мамы, etc. Я ждал так сильно твоего письма, моя дорогая, которое запоздало днем. Не запаздывай теперь, потому что я буду думать, что или тебе нехорошо, или Гага³ заболел. Не ходите в город. Отчего ты не пишешь мне – пьешь ли сыворотку, я спрашиваю об этом тебя в каждом письме? Бедненькая моя пташечка – верно боится и волнуется, но я как-то так верю в твою силу духовную, моя родная, дорогая, ненаглядная. Как я люблю тебя и как я тобою счастлив. Мама пишет, что полному счастью недостает только твоего полного здоровья. Какая она смешная. Я так с тобой полно счастлив, как только можно быть, и полное поправление здоровья счастья не увеличит. Мне даже странно, как можно думать, чтобы **счастье** уменьшалось от слабости или нездоровья человека, когда **любишь**, когда сильна духовная связь, когда весь, совсем, без раздела и без сомнений живешь этим чувством, сливаешься с любимым существом [...]

Начал я работу, веду ее понемногу, еще пока никаких особенных результатов, конечно, нет. Работается так себе, погода ужасная – холодно, сыро. В такую погоду работать трудно, а меня еще вечером все клонит ко сну, и сегодня, я думаю, первый вечер, что я занимался как следует, хотя у меня много дела нетронутого. Надо непременно на этой неделе его кончить.

Ты мне пришли «Русские ведомости»⁴. Здесь русские газеты можно читать в кафе, но я хожу туда редко. Адрес неаполитанский: Coeso R. Umberto, 1, Casa Consiglio – фамилии хозяйки не помню.

С взглядом Адьки на Лельку я, ты знаешь, согласен только в основе, т.е. что объяснение им притянуто позже поступка, но мотивы поступка я объясняю иначе и потому вполне убежден и уверен, что Лелька скоро поймет, если даже не понимает теперь⁵. Холодности к нему я не люблю в компании и думаю, что это нехорошо, но об этом в другой раз, а теперь второй час ночи, и мне еще надо кое-что прочесть. Целую тебя, моя дорогая, ненаглядная, любимая девочка. Гагу поцелуй. Елли Ивановне⁶ поклон.

Твой Д.

Д. 36, лл. 4–5.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² А.А. Корнилов.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Газета, выходившая в Москве с 1865 г.

⁵ См. комментарий № 5 к письму № 115.

⁶ Лерке.

№ 137

4 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 4/1 1889

Дорогая моя, родная Тутя, мое золотое ненаглядное дитяtko, сегодня получил снова каракульки, моя рыбка, и очень им обрадовался, хотя хотелось бы больше знать про тебя [...] Мне хочется, чтобы ты писала мне подробно, хотя если Тутя будет от этого уставать, пусть она пишет и не так подробно, но чаще [...]

Я не понимаю, отчего Адька не получил наших писем, верно, он все был в Конске¹, и теперь он просит, чтобы ему написал я хоть открытую карточку, я писал «генералу»², писала ли ты Адьке и «генералу»? Послал я тебе Доде, письмо к Яроцкому и письмо Краснова (которое верни мне), от Сергея³ нет ни слуху, ни духу.

Мой маленький, дорогой цыпленок, знаешь, я так сильно почувствовал и понял то горе и тяжелое состояние, которое постигло Харламовых, и почувствовал так сильно, как близки мы и как необходимо нужно глубже и полнее и ближе жить! Только при этом условии жизнь может пройти полнее и может быть достигнуто большее спокойствие и счастье. Меня очень озабочивает устройство наших всех семей, и много есть у меня опасений, хотя я их старательно прогоняю, не даю им завладеть собою. Я боюсь часто, чтобы жизненные условия не увлекли с собой в одну сторону очень многих из нас – Федора⁴, Александра⁵, Шаховского и т.п. и чтобы для минутно-важного не было принесено в жертву важное на многое долгое время. Я, кажется, с тобой не говорил об одном, может быть, практически исполнимом плане – хоть несколько помогать и нам образованию хоть какого-нибудь капитала, это решение, принятое на М. Вишере, – отсылать в общий капитал 5% расходов, ведь расходы эти можно вычислить, и, мне кажется, мы можем и должны это сделать. Теперь такое время, когда чтобы устояло братство, зависит в сильной степени от того, насколько отдельные члены его будут пополнять и работать

для него, несмотря ни на что. И очень важно, чтобы хоть некоторые решения исполнялись, и такими являются в настоящую минуту: переписка, образование капитала, устройство Тверского Приютина⁶. Напиши, что думаешь.

Крепко, горячо целую тебя, моя родная голубка, мое счастье, и мальчугана дорогого Гагу. Что тебе пишут твои? Что Елли Ивановна⁷? Что читаешь? Мое дорогое счастье, как сильно, сильно я счастлив нашей любовью.

Твой Д.

Прилагаемое письмо пошли Васе⁸.

Д. 36, лл. 9–10.

¹ А.А. Корнилов с апреля 1887 г. в течение пяти лет был комиссаром по крестьянским делам Конского уезда Радомской губернии.

² Н.В. Харламов. См. комментарий № 3 к письму № 41.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Ф.Ф. Ольденбург.

⁵ Возможно, А.С. Зарудный.

⁶ Д.И. Шаховской купил в Весьегонском уезде Тверской губернии близ Красного Холма небольшую усадьбу «Малашкино», из которой предполагалось сделать «Приютино» (см. комментарий № 2 к письму № 96). Однако усадьба оказалась довольно неудобной, поэтому вскоре решено было ее продать.

⁷ Лерке.

⁸ В.В. Водовозов.

№ 138

6 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 6/1 89

Дорогая моя девочка, моя родная, ненаглядная Тутя, мое красное, любимое солнышко. Получил я твои каракульки и так, так рад им, так жду их от моей дорогой, родной Тутьки, так мне хочется скорее быть все время с тобой [...]

В Мюнхене теперь холодно, хотя снегу совсем нет, а в комнатах совсем холод, потому что печи сейчас же остывают, когда перестают топить, и сейчас же становится совсем холодно. Да и устройство печей ужасно неудобное. Я теперь все вожусь с собой, хочу приучить себя к большой порядочности в распределении своих занятий, переписки и т.п. Да все еще не совсем справляюсь. Так и теперь. Надо бы было послать письмо к 30-му декабря¹ через тебя, а я все еще не мог написать его, а сегодня теперь не могу писать – поздно и несколько устал. А адреса Гревсов или Тимофеевых не знаю, найду ли? Пошлю тогда через Сержку², что ли (каб. 13?). В общем все-таки я пишу много и уже написал до 12 писем (со 2-го числа – и большинство больших). Работа моя идет понемножку. Вообще во мне идет теперь борьба между двумя сидящими во мне «людьми» (не знаю, чье это сравнение – чуть ли еще не старых народных сказаний), и хотя пока я, кажется, справляюсь с собой, но не могу сказать, чтобы вполне удачно. Меня беспокоит, что у тебя болит бок – пиши мне о здоровье все и подробно [...]

Только бы тебе было хорошо в С.-Ремо – не возись много и не носи сынишку.

С моей работой все потихоньку, хотя я думаю, что удастся ее обработать довольно интересно. Интересно – как поступит Мутман? Вчера я получил, кажется, доказательство возможности исследовать это вещество другим способом.

Получила ли ты Доде? И что ты делаешь, моя голубка, что Гага – что он поделывает? Ты мне не пишешь, правда ли, что у него зубы. От мамы и своих я не имею ни строчки. Больше ли вам времени, которое вы можете употреблять на себя, или нет? На все эти вопросы Тутя должна отвечать. Крепко, горячо целую тебя [...] и сынишку. Поклон Елли Ивановне³ [...]

Твой Д.

Докучаев выдумал делать сообщение в Вольном экономическом обществе (в почвенной комиссии) из моей старой необработанной статейки – о почвах Новомосковского уезда, правду сказать, я не очень этому рад.

Д. 36, л. 11–12.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 133.

² С.Е. Крыжановский.

³ Лерке.

№ 139

8 января 1889 г., [Мюнхен]¹

8/1 89

Моя родная девочка [...] получил от тебя вчера твое 3-е письмо из С.-Ремо. Я теперь понемногу работаю; хотя последние 2 дня совсем как-то не работалось – сильно болела голова, и я почти уверен, что постоянно простуживаюсь в лаборатории – в одной комнате градусов 20, а коридор и сообщение с другими комнатами совсем не отапливаются, и там всего градуса 2–3. Ужасное здесь устройство. Думаю, что завтра будет лучше работаться, но не знаю, намереваюсь пойти к зубному врачу, так как разболелись и зубы. Мне иногда кажется, что как у Ивана² страсть ворчать, у Тутьки – плакать, так у меня есть слабость жаловаться на свои болезни, и я серьезно боюсь, чтобы к старости из меня не выработалось нечто в этом отношении вроде Лидии Карловны³ или моей мамы (кстати, от нее до сих пор никаких известий). Не правда ли, это было бы плохо? Нездоровье не позволило мне работать и у Зонке, и я к нему в первый раз пойду завтра.

[...] Конечно, систематично я почти что достиг эти первые дни известного распорядка в своих работах – и вот вдруг! Разболелась у меня голова, когда я вечером писал предыдущее письмо к тебе, я его не мог кончить и лег спать; утром через силу работал в лаборатории (еще наказание – все теперь работаю с хлороформом, которого совсем не выношу, тут ты права – такой противный запах!), а после полудня уже не пошел к Зонке на занятия – не занимался весь день совсем. И следующий день тоже не особенно хорошо, хотя работал больше. Я все пишу об этом, а это может огорчить мою девочку, которая мне

дороже всего, всего, но мне хочется все писать моей умнице, да и это ничего. Я думаю, что я сегодня (теперь пишу утром) более справлюсь с собой и больше не допущу раскисаний, хотя и голова, и ухо, и зубы болят (очевидно, простуда).

Вчера вечером у меня был Абрахоль, с которым мы много, довольно хорошо говорили и спорили. Крепко-крепко целую тебя, мою голубку, и сынишку Гагу Владимировича. Поклон Елли Ивановне⁴. Пиши, моя радость.

Твой Д.

Очень рад, что вы устроили ему елку. Интересуется он мячом?

Д. 36, лл. 13–14.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² И.М. Гревс.

³ Вульфорт.

⁴ Лерке.

№ 140

10 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 10/1 1889

Моя дорогая, родная, ненаглядная Тутя, я несколько жалею, что написал тебе последнее письмо, потому что боюсь, что ты беспокоишься. Но чувство мое какое-то двойственное – мне как-то странно было бы не написать тебе об этом, потому что я хочу, чтобы ты все обо мне знала, и потому что мне дорого и ужасно важно, что мое здоровье тебе близко и что я ничего, ничего не могу скрывать от тебя. Теперь я принял энергичные меры, и мне лучше, по крайней мере и вчера, и сегодня занимался я несколько лучше. Во-первых, я был у зубного врача – оказалось хорошего [...] Теперь зубам несколько лучше. Затем я нашел вторую причину нездоровья – я заметил, что два дня промачиваю ноги, и когда осмотрел хорошенько сапоги, то в подошве оказалась дырка в два пальца (!!), и, следовательно, я маршировал в чулках по снегу. Наконец, эти дни я лучше питался. У Зонке работы не начинал, и меня берет раздумье, стоит ли ее вести на те 6–7 недель, которые здесь пробуду, и когда надо так много кончать у Грота. К 30-му декабря с письмом опоздал¹, но я **серьезно** говорю, что не по моей вине – я, в самом деле, не в состоянии был работать (даже до сих пор **не мог** делать вычислений); теперь я мелко написал 9 страниц письма и пошлю его (когда, кому) тебе. Я получил письмо Сережки², которое пришло на днях (пришли скорей его адрес), – Иван³ выдержал новый экзамен, Калмыкова едет в Ниццу (положение ее мужа безнадежно), Лелька⁴ в СПб., о других подробностях узнаешь из письма. Записочку Сережи⁵ и письмо мамы получил, прилагаемое письмо пошли Рейтлингеру (пиши, пожалуйста, получаешь ли и отсылаешь ли посланные на твое имя письма: 3/1 – Яроцкому, 4/1 – Васе⁶). Я не согласен с мнением Сергея о мнении Поссе – мне кажется, оно происходит от неумения понимать людей. Мнения Агафонова, Поссе и многих других – есть **по форме** наши мнения еще недавно, это форма, которая делает их на вид узкими и

близорукими. Это форма всех юношеских мнений, а мнение Поссе, как оно было высказано в письме Шуры⁷, конечно, по форме юношеское. Мне не нравится, что оно произвело такое впечатление на Сергея, потому что в очень многих и многих случаях среди сношений с молодежью может произойти раздор, если **форма** мнений будет производить такое впечатление. Я думаю, что непонимание и разлад молодых и более старых сил именно от этого происходит.

Не понимаю несколько, что ты пишешь, что я придаю слишком много значения внешним формам и думаю, что их изменением может быть много сразу достигнуто, когда надо заботиться о перерождении людей. Я совсем не понимаю этого возражения, не понимаю потому, что здесь два явления разного порядка. То, что «перерождение» происходит медленно, что наши идеалы вполне нами не проведутся (а я думаю, что и не **должны** вполне провестись, потому что **часть** их только правда и, может быть, только эта **правдивая** часть и выживает – об этом я писал в одном из писем Васе), совершенно мной не отрицается. Необходимость такой работы я признаю, и все наши старания провести лучше нашу жизнь, улучшить наши отношения к людям, вся работа по народной литературе и т.п. и есть этого рода деятельность. Но в письме я писал о деятельности другого рода. Для меня несомненно, что наряду с этой деятельностью должна существовать деятельность политическая. И для политической деятельности **необходимо** создание партии, а для партии нужны не расплывчатые общие положения, а категорические, немногие, ясно определенные положения. Поэтому тут я считаю вредным и ненужным выставление работы другого рода, потому что та работа достигается не образованием партии. Я думаю, что полезно не выставлять ее. Например, как думаешь, отнесли бы ко мне многие люди [разные], если бы знали только, что я хочу земского собора, [политики], знали еще, что я еще какие-то новшества желаю ввести в жизнь семьи. Не повредило ли нам то, что мы говорили об этом там, где не нужно. Еще одно – у нас часто противопоставляют одну другой эти две деятельности. Но это противопоставление кажется мне логически неверным. Обе деятельности существуют для каждого человека, потому что воздержание от политической деятельности есть своего рода политическая деятельность, иногда страшно сильная (много исторических примеров – например, чехи, герм[анские], соц[иал]-дем[ократы] в Нюрнберге и т.п.) . Крепко-крепко целую тебя, Гагу. Поклон Елли Ивановне⁸. Пиши, моя ненаглядная.

Д. 36, лл. 15–16, 22.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 133.

² С.Е. Крыжановский.

³ И.М. Гревс.

⁴ Л.А. Оболяяинов.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ В.В. Водовозов.

⁷ А.П. Ольденбург.

⁸ Лерке.

№ 141

[11–13 января 1889 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя Тутя, моя родная рыбка, сильно и крепко целую тебя. Посылаю тебе мое приютинское письмо², которое пошли **заказным** или Сереже³, или в Питер. Пришло письмо от Сережи, которое пришлю, когда отвечу.

Надо ответить серьезно, а времени нет. Смесь непонимания, стремительности и односторонности и правды! О получении этого приютинского письма ответь и напиши мне свое мнение.

Газеты тебе пересылать не буду, потому что я не покупаю немецких газет, так как порядочная газета стоит здесь столько же, сколько чашка кофе, и я предпочитаю ходить в кафе и читать разные газеты.

Писем у меня еще много не отвеченных, но, надеюсь, справлюсь. Работа идет понемногу.

С зубами окончу на этой неделе [...]

Крепко целую тебя, мою ненаглядную девочку [...] Крепко поцелуй сынишку. Елли Ивановне⁴ поклон.

Твой Д.

Адьяка⁵ пишет – Тане сказали, и она спокойна⁶.

Д. 36, л. 17.

¹ Письмо написано в промежутке между 11 и 13 января, так как В.И. пишет: «Посылаю тебе мое приютинское письмо», в письме от 10 января, говоря о письме к 30 декабря, он сообщает, что письмо написал и пошлет, а в письме от 14 января уже спрашивает: «Получила ли ты мое письмо к 30-му декабря и послала ли его?»

² См. комментарий № 4 к письму № 133.

³ С.Е. Крыжановский.

⁴ Лерке.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ См. комментарий № 1 к письму № 132.

№ 142

14 января 1889 г., Мюнхен

Понедельник, 14/1 1889, Мюнхен

Дорогая моя, родная, ненаглядная девочка, моя нежная умница (да?), Тутя. Так я рад твоим письмам, моя дорогая, так сильно, горячо я люблю тебя, мою рыбку, так счастлив твоей, нашей любовью.

Мне теперь совсем хорошо. Несколько иногда побаливает голова, но это не беда [...]

Получила ли ты мое письмо к 30-му декабря¹ и послала ли его?

Работа моя идет понемногу, и к началу марта я непременно покончу со всеми работами у Грота, у Зонке же придется, кажется, отказаться, потому что не хватит времени, так как я теперь усиленно занимаюсь минералогией, просматриваю собрания, коллекции, что я обещал сделать. Работа же у Зонке есть работа лично для меня, и, наконец, ее лучше вести, когда я могу ей предаться вполне, я все больше и больше убеждаюсь в верности моей основной идеи.

Хочу ответить на Тутины вопросы, на которые раньше не отвечал. О Ян-соне² постараюсь (Агафонов не пишет – получил ли он мое письмо?). Газет присылать не могу, потому что их не покупаю [...] Переменять квартиру совсем не стоит – здесь везде скверно устроены окна и печи, топлю усердно, а теперь холодов настоящих в Мюнхене не было и снега еще нет.

О весе «килограмма» нигде не могу пока справиться (у меня нет русских книг, но найду и тогда напишу).

Тутя спрашивает меня, что я думаю, что ты так мало занимаешься, но, мое родное, дорогое сердечко, ведь теперь тебе самая, самая важная вещь – скорей поправиться, и нечего печалиться, что ты теперь мало работаешь – тебе совсем не надо утомляться; если же потом, когда она поправится, она вздумает лениться, тогда ей достанется. Но мне даже смешно подумать, что ты можешь лениться при развитом у тебя так сильно чувстве долга и сознательности. То, что ты теперь мало делаешь, совсем не страшно – тебе теперь и нельзя работать.

Французских книг я не могу от Андрея³ выписать, потому что Андрей на днях уезжает из Парижа в Россию держать экзамен по географии и защищать диссертацию (он, может быть, заедет к тебе в С.-Ремо – не говори ему ничего про его письмо и т.п.).

Я не совсем понимаю, что значат такие сочинения по политической экономии, социологии, этике, которые могли бы служить основанием для дальнейшего изучения. Я думаю, что, может быть, единственно в политической экономии можно найти что-нибудь подобное, но «социология» и «этика» по их необработанности, неопределенности самих задач едва ли допускают даже существование подобных сочинений. Вообще самая этика и социология едва ли могут считаться наукой, и начинать **изучать** их – одно из самых трудных и, может быть, непосильных дел, какие возможны в настоящее время. Я думаю, что если ты думаешь сознательно работать над известными этическими, или социологическими, или экономическими вопросами, лучше взять один такой вопрос и его изучать по первоисточникам, расширяя поле только постольку, поскольку тебе необходимо является для **понимания**. Как можно изучать этику и что такое этика? Можно изучать историю этических воззрений, можно стараться понять разные существующие или существовавшие этические системы, но все это целый ряд отдельных, запутанных вопросов, в которых надо разбираться по **первоисточникам** – знакомиться с сочинениями философов, их комментариями, биографиями и т.п.

Еще в более запутанном состоянии находится вопрос о социологии. Это или все, или ничего – это такая вещь, которая понимается всеми различно и меняется с каждым работником на этом как будто бы ясном поле.

Несколько лучше дело стоит с политической экономией.

Мне кажется, что не надо брать такое широкое, такое не ясно определенное поле для изучения (это, например, все равно, если бы я вместо минералогии захотел бы изучать все о материи), единственным результатом подобного изучения является только сомнение в своих силах, сознание своего ничтожества – что все вовсе не надо развивать в себе.

Я думаю, что и раньше ты читала по всем этим вопросам довольно много, но вся беда в том, что ты по ним не **работала**. Работать же можно только тогда, когда берешь резко (на вид) определенную область, погружаешься в нее и

с остальным знакомишься по мере того, как перед тобой выясняются те или иные проблемы и необходимости.

Я думал сперва, что ты возьмешь вопрос о воспитании – не только вопрос о воспитании одного индивида, но вопросы о воспитании в связи, положим, со всем строем жизни людей.

Но если тебя тянет к другого рода вопросам, надо взять их, но взять в начале – большое или небольшое, но определенное.

Возьмем для примера один какой-нибудь вопрос и рассчитаем, как за него взяться. Я беру для примера, но вовсе не для того, чтобы ты именно его взяла.

Положим, ты бы взяла такой вопрос: мнения и знания о развитии ребенка и влияние этих знаний на теорию или практику воспитания в разное время. Как приступить к этому, столь важному и практически вопросу? Я, конечно, не могу сказать, как **надо** приступить, а буду говорить, как бы я приступил или хотел бы, чтобы ты приступила.

Первым делом – надо прочесть критически внимательно истории педагогики, выбирая оттуда все то, что касается этого вопроса, – делая выписки о тех лицах или сочинениях, распоряжениях, какие этого вопроса касаются.

Для этого раньше надо узнать, какие истории педагогики или педагогических идей имеются, и ориентироваться в этой литературе.

О всех главных работниках на этом поприще надо прочесть биографии и более частные исследования и затем перейти к их сочинениям, читать их, о них, о той эпохе, в какую они жили, чтобы понимать их.

Наверное, во время работы ты сузишь вопрос и изберешь какое-нибудь отдельное лицо, вопрос и т.п., но это делается само собой, работой.

Параллельно тебе надо читать догматические сочинения по этим вопросам, делать наброски мыслей, систематически следить за новой литературой, составлять списки и т.п.

Но читать сознательно, систематически.

Подумай и реши – какой бы вопрос ты выбрала (**не бойся**, что потом перейдешь на другой). На другие вопросы отвечу позже [...]

Крепко-крепко целую тебя и сынишку – дорогого жучка. Е.И.⁴ поклон.

Твой Д.

Д. 36, лл. 18–22.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 133.

² См. комментарий № 2 к письму № 134.

³ А.Н. Краснов.

⁴ Лерке.

№ 143

16 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 16/I 1889

Моя дорогая, родная, ненаглядная рыбка, моя Тутя, дорогая девочка. Получил я сегодня твое письмо с письмом Сергея¹ и мамы и отвечу на него, а также на незаконченные ответы на прежние письма. Сергей уезжает из Лондона 27/I, следующее еще ты успеешь написать ему, а в Париж пиши на имя хоть Деникера (Jardin des plants), по крайней мере я так думаю.

Елли Ивановне² книгу по физиологии вышлю³, как только получу деньги (Мелиоранский что-то не отвечает, у меня еще есть, но не знаю, когда получу). Об Италии я очень не решаюсь рекомендовать; для меня много дала «Geographie Universelle» Э. Реклю (1-й том)⁴. Читала ли ты и она письма об Италии Тэна⁵? Как я чувствую свое невежество, когда приходится отвечать на такие вопросы, и они каждый день толпятся передо мной. Я вспомнил «Доктора Антонио» Руффини⁶ – почти непременно, не говоря уже, что она описывает те же места, где ты живешь, – она описывает очень интересную эпоху и людей, я так вспоминаю, как я читал ее в Харькове или Полтаве, когда в детской голове носились неясные образы Италии и Рима, которыми я восторгался и любил, – Рима, республики и империи; то, что читал я из этого периода, я помню довольно хорошо. Я думаю, что по истории Новой Италии лучше всего для начала прочесть какую-нибудь хорошую историческую хрестоматию, где есть очерки из лучших историков. Я читал по истории Италии совсем вразброс – читал о папах Ранке⁷ (очень интересная книга), о Данте Вегеле⁸ и затем больше из компендиумов и по истории науки и философии.

Письмо мое к Федору⁹ **осталось** на столе, и помнишь ли, что я просил тебя послать его, если не найдешь письма Васи¹⁰, с письмом Адьки¹¹? Там же осталось письмо к Реневье, которое переведи и пришли скорее мне.

Работаю я теперь особенно усиленно по минералогии. От Зонке придется отказаться. Лекциями Грота и работой у Гаусгофера (какой милый человек) я очень доволен. Мне надо набить руку в минералогии, которую я не знаю и которую в Париже (где главным образом буду работать по минеральной химии и, может быть, петрографии) <изучать> не придется. Тем более, что она меня все более интересует. Получил письмо от Докучаева (вот аккуратный человек, – см. Глинке писал 12/XI, Агафонову – 27/XII, Земятченскому – 24/XI – ответа нет, а Докучаеву – 4/I и получил ответ!), советует скорее писать диссертацию и думает, нельзя ли переделать из моей работы «с Мутманом», но это было бы, по моему мнению, чем-то нехорошим. Кстати, о ней – сегодня, кажется, я уже и последние сомнения победил – понимаешь, теоретически надо было думать, что свет, проходя через тело такой формы, изменяется – будет колебаться по кругам или эллипсам. И я сегодня это нашел. Посылаю тебе немецкое письмо неизвестного мне лица – здесь есть и книга, пришло еще **летом** (запало, и о письме я не подозревал!). Ответь, что делать с книгами, и на письмо ответь. Напиши Винкелю и спроси его просто – они ведь здесь прямо присылают счет! Не сделать это будет **слабостью**. Непременно сделай. У меня нездоровье почти совсем прошло. Письмо Дриша сохрани. Пиши, моя голубка дорогая, моя золотая девочка. Что мальчуган наш, как он ведет себя? Моя работа о фосфоритах напечатана (пишет Докучаев, который считает ее удачной). Знаешь, я думаю, что если мне удастся обработать фосфориты Франции, выйдет интересно – у меня совсем новый взгляд и мысли о круговороте фосфора в природе!...

Д. 36, лл. 34–35.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² Лерке.

³ См. письмо № 151 и комментарии к нему № 10–13.

⁴ *Rectus Elisée*. Nouvelle géographie universelle: La terre et les hommes. P.: Hachette, 1876. Vol. 1.

⁵ Очевидно, не «Письма об Италии», а «Путешествия по Италии»: *Taine Hippolyte*. Voyage en Italie. P., 1866.

⁶ *Руффины Джованни-Доменико*. Доктор Антонио. СПб., 1861–1862.

⁷ *Ранке Леопольд*. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. И. Глазунова и К^о, 1842–1847. Кн. 1–8.

⁸ *Веделе Франц*. Данте Алигьери, его жизнь и сочинения / Пер. с 3-го изд. Алексей Веселовский. М.: К.Т. Солдатенков, 1881.

⁹ Ф.Ф. Ольденбург.

¹⁰ В.В. Водовозов.

¹¹ А.А. Корнилов.

№ 144

18 января 1889 г., [Мюнхен]¹

18/I 89

Моя дорогая, родная девочка, моя рыбка золотая, Тутя, получил я сегодня твою милую карточку (Гага прекрасно, ты не очень. А-пропос², Fr. Hermann³ просит тебя –ты обещала) – и не строчки! и письма от тебя нет. За это Тутю надо очень хорошо наказать, тем более, что я жду ответа на мое приютинское письмо⁴, посланное тебе 12/I, от Винкеля получил сегодня счет за твое лечение 25 марок и завтра заплачу ему.

Работаю понемногу и, боюсь, несколько лениво. Сергея⁵ письмо сохрани – я написал ему сегодня (видишь, сейчас тебе отправлю, как освобождается!) большой ответ и просил ответ переслать тебе. Я так много писал сегодня, что Туте пишу немного [...] Тутя, пиши мне через день – не очень ли ты устала? Собираете ли раковины? Собрали ли в спирт цветы эвкалиптуса?? Гагу обнимаю.

Д. 36, л. 23.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Кстати (фр.).

³ Хозяйка мюнхенской квартиры, в которой жили Вернадские.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 133.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

№ 145

20 января 1889 г., [Мюнхен]¹

20/I 1889

Моя дорогая, ненаглядная, милая девочка [...] Получил я вчера твое письмо и 1) на вопросы Тутика я все отвечаю, что, впрочем, Тутя, вероятно, теперь и сама знает.

Словарь русско-французский etc. надо выписать из СПб., а не из Парижа – и лучше всего, я думаю, Макарова².

Относительно Вернадовки и ее доходности я несколько иного мнения и особой радости от присылок Попова не ощущаю. При том способе хозяй-

ничания (какой есть теперь – сдача земли) Попов мог получить [больше], только сдав дороже крестьянам или же получив с них больше вперед, и то и другое возможно, так как и хлебная торговля, и вообще этого рода дела у нас улучшились, хотя, мне кажется, временно. Я думаю долга не выплачивать, а деньги оставить лежать, и вот почему. Долг этот, если мы его выплатим, даст нам экономии немного более 100 руб. в год и даже того менее, если деньги пролежат на текущем счету, иметь же небольшую сумму, которой мы можем распоряжаться, как мы хотим и куда хотим, очень небесполезно, а потому если не переслать эту сумму нам, то надо оставить ее в СПб. (какова она?). Может понадобится нам или друзьям. В братство, чтобы не путать, теперь будем вносить только 5%, что рассчитаем с тобой в Париже, и тогда, я думаю, надо будет послать рублей около 200.

Относительно Янсона – подожди: 1) мы его не знаем, 2) управляющего в Вернадовке можно держать, только начав вести хозяйство, т.е. затратив на это некоторый капитал, что издалека сделать нельзя. Тот способ ведения дела, какой теперь может нести только человек, вполне пустивший корни в этой местности; я не думаю, чтобы Попов вполне притеснял крестьян, потому что отношения у него с ними не вполне скверные, но **чужой** добрый и хороший человек в таком деле и опасен, и рискован. Оттого я держался Попова – как единственно благоразумного исхода.

Был вчера у Винкеля и уплатил 25 марок. Меня удивляет, что Мелиоранский не присылает денег – я ему писал заказным письмом еще 3 января, и вот никакого нет ответа, а мои финансы начинают приходить в расстроенное состояние [...] Еще подожду и буду просить отчета, потому что я получил только до 1 сентября 1888, а теперь январь 1889!

Писем я Тутьке назад не присылаю, потому что храню их аккуратно, а пересылка – лишний расход (мне с приезда почта стоила и так более 10 марок в год, наверное, больше 100 руб., мы, компания, тратим на это ежегодно не меньше 700–800 руб.!). Конечно, пересылать письма надо, но незачем лишний раз пересылать, я пересылаю тебе письма, тобой не читанные. Письма моей мамы пересылай не все (не забудь, что 30/18 рождение сестер). Послал я тебе вчера книгу – о ней я тебе говорил, по прочтении пошли Федору или Адьке, в присланном номере³ «Недели»⁴ статья о юге⁵, о которой тоже говорил. Что ты читаешь?

Работа моя идет все медленно. У меня явилась мысль обработать одну теоретическую часть, которая вызывается этой работой, боюсь только, что не хватит математических знаний, но попробую. Голова все этим занята – но рук, рук нет [...]

Твой Д.

Прилагаемое письмо пошли Александру⁶ и напиши свое мне мнение⁷.

Д. 36, лл. 24–25.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Макаров Н.П. Полный русско-французский словарь. СПб., 1867.

³ В подлиннике «номер» обозначен значком «№».

⁴ Ежедневная газета с приложением ежемесячных книжек, выходила в С.-Петербурге с 1887 по 1894 г. Издатель-редактор П.А. Гейдебуров.

⁵ Абрамов Я.В. Наш юг // Неделя. 1888. № 13. 24 июля. Стлб. 950–955.

⁶ Возможно, А.С. Зарудный.

⁷ Фраза вписана на полях л. 24.

22 января 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 22/I 1889

Моя дорогая [...] получил я вчера и сегодня твои письма и на них отвечаю [...]

Потом отвечаю на вопросы: отчего я тебе не пересылаю писем – отвечал, письмо Сергея¹ отправил тебе, письмо Сережки² – на днях, когда отвечаю (потому что Тутьке **неважно** получить его неделей позже, а мне его надо иметь для вовсе не шуточного письма Оболянинову). Вообще я тебе посылаю все более или менее интересные письма тотчас же и задерживаю только те, которые мне надо иметь для ответа, а не посылаю неважные. Письма Шаховского Сергей не пересылал. Письмо Шуриной³ приятельницы отправил ей еще 15 января и адреса не сохранил. Деньги получил вчера, и мне денег теперь не надо. Хочется мне ответить тебе по поводу общего направления твоих двух последних писем и по поводу вашей жизни вне гостиницы. Если ты думаешь, что это удобнее – что же делать, хотя я боюсь, что хлопоты и возня могут помешать твоему выздоровлению, но, конечно, и в гостинице, если ты будешь себя не сдерживать и бояться глупостей, будет то же самое, а потому, что же делать (вы не знаете также, каковы эти дома⁴, вы видите одну парадную сторону; всякая проба не беда, когда ты не приехала **лечиться**, где первое дело – спокойствие). Боюсь еще (из одной твоей фразы), что ты начнешь делать экономию в еде – помни, что ты мне обещала.

Относительно парижского плана, я не думаю, чтобы я мог так устроиться, это будет зависеть, впрочем, от того, что найду в Париже. На днях буду писать Фукэ и узнаю (отчего ты мне не пересылаешь перевода письма к Реневье?).

Я не думаю, чтобы можно было мою работу переделать в диссертацию – но об этом позже...

В предыдущем письме ты пишешь, что я плохо исполняю твои поручения, но [...] это твое обвинение совершенно поспешно или неверно. Подумай сама – **мог** ли я исполнить то, что ты поручаешь? Покупать книги я не мог, потому что неожиданно истратил 115 марок (Винкель и дантист!), следовательно, должен был ждать; затем русско-французский словарь достать в Мюнхене! Да разве ты не знаешь, что здесь за книжные магазины – мы бы его получили через $\frac{1}{2}$ года и втридорога (брошюрку из Голландии – 3 дня езды – я получил через $2\frac{1}{2}$ месяца – большой скоростью!).

Словарь ты должна купить не в Мюнхене или в Париже, а в СПб. (только не через Гревсов – Иван не пересылает мне брошюрок, о которых я просил его, хотя знает, что они мне нужны для работы!). Затем ты хочешь французских книг по политической экономии или этике и т.п., если бы хотела немецких – да, можно достать, и то ждешь обыкновенно 3–4 недели, потому что в здешних магазинах, кроме учебников и случайных книг, ничего недостать. Из Франции получишь, если теперь выписать, только в конце февраля. Никогда я себе представить не мог, чтобы в центре германской учености так плохо был поставлен этот научный обмен. Затем, выписывая французские книги через здешние магазины, ты покупаешь **(на) 25% дороже**, потому что

они упорно (за исключением одного-двух) марку считают за франк! Затем ты хочешь, чтобы я купил что-нибудь новое, общее по политической экономии, этике или социологии, и пишешь, чтобы я справился!... У кого я тут справлюсь? Этим интересуется из моих знакомых один Абрахоль, но и он, и я в Мюнхене – нового совсем не знаем и знать не можем. Наконец, из общего по политической экономии в том роде, как ты пишешь, мне неизвестно ничего; сколько я ни спрашивал у Васи⁵, у Адьки⁶ – они ничего не знают. Я совершенно сомневаюсь, чтобы по этой отрасли вышло новое по-французски, скорее всего, по-английски (может быть Кэрнса – читала его?⁷) и, может быть, по-немецки, хотя немцы – швах⁸ (политическая экономия, новая, есть Шенфельда, по словам Васи, единственная, но по направлению несимпатичная); по этике интересна книга Вундта⁹ – по-немецки (есть русский перевод – есть у Ивана), по социологии общего ничего не знаю, а отдельные этюды, вероятно, есть, но здесь без библиотек, без Verkehr'a¹⁰ с людьми, этим интересующимися, я ничего не могу знать. Я тебе постараюсь найти и выслать, но скорее найдешь в С.-Ремо – особенно богатую теперь по этим вопросам итальянскую литературу. Вот, кажется, все поручения, которые не исполнил, еще до сих пор не прислал «килограмм» – сколько русских фунтов, но пока, где ни рылся, не нашел, но это найду. Я, может быть, слишком близко принял все к сердцу это, но потому что, право, я думаю, что я теперь аккуратен во всех этих делах, **сколько могу.**

[...] Работа моя идет тихо, но необходимо ее кончать. Теперь я все более и более занят одной общей мыслью, вызванной этим веществом. Если эту мысль мне удастся разработать, может выйти диссертация. Вопрос важный, и удобно, что главная работа по литературе, математическим выкладкам и несколько опытов, которые, думаю, можно делать и дома, если куплю микроскоп. Это работа о гемиморфизме. Я усердно принялся теперь за математику и математическую кристаллографию – что мне очень и вообще нужно знать, но что до сих пор делал неудачно.

Получил записку от Агафонова, которую посылаю, но ты ее сохрани* – отдельно (оно в группу 5-ю, смотри внизу примечание). Дриш будет на день в конце февраля здесь, я ему обещал твою карточку, мне очень приятно его увидеть. Что это А.М.¹¹ вздумала перейти на ты? (сегодня послал тебе ее письмо), я ничего, в сущности, не имею, но произойдет много пустых криков (Сергей с тобой тоже?). Да, посылаю я назад вексель и писал Марии Ивановне, а на днях буду писать Егору Павловичу¹². Андрей¹³ молчит. Из письма Агафонова – думаю – работать научно будет. Да – Калмыкова тоже. Теперь я подумываю о статейке, о которой просит Докучаев, для Вольного экономического общества об агрономических лабораториях (от этого я не пишу в «Русские ведомости», двух дел сразу не могу), поддерживать связь с Вольным экономическим обществом для меня очень важно. Крепко, много раз целую тебя [...]

Гагу поцелуй крепко. Елли Ивановне¹⁴ поклон.

Д. 36, лл. 26–29.

* Письма я сохраняю в особых пакетах: 1) Твои. 2) Братство. 3) Близкие (Рейтлингер и т.п.). 4) Семья (моя и твоя). 5) Имеющие научный интерес и в будущем.

¹ С.Ф. Ольденбург.

² С.Е. Крыжановский.

³ А.П. Ольденбург.

⁴ Описка у В. И.: слово «дома» написано два раза.

⁵ В.В. Водовозов.

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ Возможно: *Cairnes John Elliott. Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded*. L.: Macmillan, 1874.

⁸ Слабы (нем.).

⁹ Возможно: *Вундт Вильгельм. Этика: Исследование фактов и законов нравственной жизни*. СПб.: Изд. журн. «Русское богатство». 1887–1888. Т. 1–2.

¹⁰ Связь (нем.).

¹¹ Возможно, Александра Михайловна Калмыкова.

¹² Старицкие.

¹³ А.Н. Краснов.

¹⁴ Лерке.

№ 147

24 января 1889 г., [Мюнхен]¹

24/I 1889

Дорогая моя девочка [...] мне кажется иногда, что решение твое переехать из Hotel Pavillon было слишком легкомысленным – очень сомнительно, чтобы вам удалось значительно дешевле устроиться и чтобы были все те удобства, какие все-таки имеет Hotel Pavillon. Довольно неудобно и так жить с чужим, совершенно незнакомым и неблизким человеком, как эта русская дама. Правду сказать, и у меня нет никакого спокойствия, и этим твоим шагом ты заставила меня бояться, чтобы опять не вышло вроде Вильдунгена – в другом роде, но, конечно, дело сделано и ничего теперь не поделаешь, так что пока ничего об этом говорить не буду. Но ты пиши мне обо всем подробно и должна дать мне обещание, что, если только будет много возни и будет отнимать хозяйство у тебя или у Елли Ивановны² время или будут другого рода неприятности, ты должна оставить это поселение и вернуться назад, несмотря на ту потерю денег, которая от этого произойдет. Вообще я не спокоен и мне очень жаль, что ты это сделала. Есть и неприятное чувство по отношению m-me Ригаллэ: как-то много в этом переезде обычного эгоистически-буржуазного: она делала все, что могла, и вот пока это было выгодно, ее услугами пользовались, а когда оказалось, что под конец сезона все, терпя убытки, пускают все дешевле – ее оставляют, когда именно в это время она особенно в жильцах нуждается. Я знаю, что ей и раньше не давали обещания, а все-таки чувство у меня такое, что по отношению Ригаллэ, может быть, поступили нехорошо. Надо было, как я писал тебе, сговориться с ней о диетном столе для тебя. Но дело сделано.

Я все продолжаю свои занятия с прежней монотонностью и с несколько большей аккуратностью и настойчивостью. Чувствую, что как будто совсем забираю себя в руки, боюсь, не временное ли это настроение. Подумываю все более и более о покупке микроскопа, потому что в голове целый ряд работ, которые могу вести тогда дома и, главное, в которых я буду хозяином. Никому я

о них не должен говорить, никого спрашивать позволения – я могу пробовать многое. А в лабораториях и т.п. я, конечно, всегда в большой зависимости от заведывающего и т.п. Но микроскоп, минимальный для научных работ, стоит 240 марок и, вероятно, с пересылкой больше. Меньше этого уже не стоит покупать. Если Краснов мне возвратит деньги, то я могу купить из тех денег, какие у меня есть. Микроскоп Фусса в 240 марок годится вполне для научных работ как по минералогии, так и по петрографии, ботанике, зоологии, только придется тогда прикупить большие увеличители, что всегда можно. Микроскоп Цейса (который хотел раньше) совсем недоступен по цене, и купить его будет роскошью. Еще не знаю, решусь ли. Пиши моя дорогая, ненаглядная девочка [...] Гагу³ поцелуй. Елли Ивановне поклон.

Твой Владимир

Д. 36, лл. 30–31.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Лерке.

³ Г.В. Вернадский.

№ 148

27 января 1889 г., [Мюнхен]¹

27/1 1888²

Моя родная, ненаглядная птичка, моя Тутя золотая, любимая девочка. Пишу тебе сегодня утром, вчера не писалось (я обыкновенно пишу вечером и потому сегодня числом, на вид, письмо позже) – от тебя не было писем, а от мамы я получил письмо, где она пишет, что, по слухам, Н.Д. Похитонов жив и свидеться с отцом ему не дали ...³ Уже более 4 лет он сидит в одиночном заключении и в Шлиссельбурге ... Как это ужасно, какие силы нужны для того, чтобы сбросить это давящее, это гноящееся заразительное ярмо, неужели надо скрыться в себя и стараться медленной работой воспитывать и других, и себя – воспитывать, чтобы не погрязнуть и не заглохнуть в болоте, суметь передать другим поколениям хоть чуточку святого огня, который мы получили от предков. Но и «воспитывать» при этих условиях тяжело, тяжело потому, что далеко не все обладают темпераментом, нужным для того рода борьбы, или не у всех навык и выработка скоро приходят. Ты должен чувствовать нечто вроде такого чувства, что своей деятельностью ты не одну честную, не одну хорошую душу отправляешь на гибель, на смерть. Если ты возбудишь мысль и если ты откроешь глаза лицам, у которых раньше их мысль спала, а веки были опущены, ты не можешь остановить их на пути опасном и неясном, по которому пойдут они. А между тем это тесно и неразрывно связано с тобой и если ты хочешь жить, ты не можешь не действовать, так или иначе, на ум и на чувство людей, с которыми сталкиваешься. Беспощадно падает гибель на людей, вполне сознательных, и на людей, у которых все еще неясно и нет ясного сознания, нет живой веры, если гибнут первые, то они не раскаиваются... а вторые? – а их большинство. Между тем всякая педагогическая деятельность, всякая литературная деятельность есть деятельность такого

рода. И это единственное орудие, которое не могут отнять у меня иначе, как убив меня или засадив в одиночную тюрьму, что еще хуже смерти...

Но для меня не так мучительно это, я чувствую силу спокойно перенести это, я сознаю, что я могу добиваться чего-нибудь, хотя бы с успехом была связана гибель многих людей. Как-то точно сильнее этих чувств чувство желания достигнуть ближе идеала, и идея более могуча, чем все это внешнее, которое ее окружает, и чувство зависимости от минувшего, чувство долга перед будущим отбрасывают в сторону эти препятствия. Для меня мучительно-горько чувство бессилия, сознание, что я ничего не могу теперь сделать и, может быть, всю жизнь буду жить с этим дразнящим, тяжелым чувством: видеть, понимать и не быть в состоянии помочь!

Может быть, и хорошо, что вы переехали из гостиницы, но не будешь ли ты очень бояться (кто живет в вилле и рядом?), что едите (приблизительное меню – помни, что ты обещала мне два раза в день есть мясное). Куда писать? Видишь – ты уже тут устаешь! Крепко, много раз целую тебя [...] Что сынишка? Поцелуй его. Поклон Е.И.⁴ Да, о Янсоне я думаю, что гораздо лучше, если возможно достать ему уроки через О.А.⁵ или других подобных знакомых. Это самое возможное. Пиши, моя родная.

Твой Д.

Д. 36, лл. 32–33.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Описка у В.И. Вернадского, письмо относится к 1889 г., так как в нем он передает поклон Елли Ивановне Лерке, с которой Н.Е. отдыхала в Сан-Ремо в 1889 г.

³ Николай Данилович Похитонов – друг семьи Вернадских с середины 70-х годов, помогал В.И. Вернадскому в 1881 г. ухаживать за больным отцом. Оказал огромное влияние на духовное развитие Вернадского. Он писал: «Я не знал лучше личности, глубже ума, добрее сердца, и не было человека более на меня имевшего влияния, исключая моего дяди да отца» (ф. 518, оп. 1, д. 212, л. 18). В 1880 г. Н.Д. Похитонов вступил в партию «Народная воля». Как и другие члены «Народной воли», он был предан С.Л. Дегаевым, проходил по «процессу 14-ти» (24–28 сентября 1884 г.) и приговорен сначала к смертной казни, а затем к пожизненной каторге. Двенадцать последних лет провел в Шлиссельбургской крепости, в 1894 г. в тюрьме заболел тяжелой формой психического расстройства и вскоре умер.

⁴ Лерке.

⁵ Личность установить не удалось.

№ 149

28 января [1889 г.]¹, Мюнхен

28/1, Мюнхен

Моя дорогая, родная, ненаглядная Тутя, мое золотое сердечко, мне так сильно недостает, что от тебя давно нет порядочной вестки. Недели 1½ я получаю только краткие записочки, и все ты то устала, то болит головка. Тутя моя, радость моя, не много ли ты возишься с сынишкой, не много ли тебе возни? Ты, верно, несколько ночей не спала последние дни в гостинице? Тутя моя, ты должна больше совладать с собой, ты должна теперь сама сдерживать себя, не забывать, что главное теперь тебе лечение и что каждый день, потраченный не на это, потом не вернется. Это очень трудно с собой справиться,

очень не легко, но это надо, а в исполнении того, что надо, в умении направить свою деятельность, свою мысль именно к этому и состоит самое главное умение человека, самое чистое и высокое его качество. Я не требую от тебя, моей дорогой девочки, больших писем, но хоть краткие твои записочки чаще мне нужны...

Вчера я был в Пинакотеке и в опере. В том настроении, о котором я писал тебе в прошлом письме, на меня лучше всего действует художественный, эстетический интерес, и как бы новое спокойствие, какое-то непонятное укрепление я нахожу в нем. Я сливаюсь тогда с чем-то более высоким и чувствую себя сильнее, и мысль получает нужную ширь для правильной, менее субъективной оценки событий. В Пинакотеке я окончил более внимательный обзор немецкой школы и просмотрел дальше, бегло и все другие отделы. Передо мной до сих пор стоят некоторые образы Дюрера, и я редко видел что-нибудь более могучее, более чудное, чем 4 фигуры апостолов. Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии – это необыкновенные изображения старой символики, где мысль и понимание пробиваются только рабски, исподтишка, это мощное, яркое изображение и всей силы, всей прелести, и всей мерзости страстных народных религиозных движений. В этих 4 лицах совместились все: ты видишь глубоко проникающую в искание правды душу одних делателей религии – они все забывают, они все совсем ушли в эту правду, ты видишь, как рядом к этому же стремится и другое лицо, которое не может понимать всей сути, для которого дорога буква, который ближе к жизни и который потому будет понятен массам. Он в конкретных словах разъясняет то, что говорил другой, то, к чему мчалась мысль и чувство другого, более глубоко понимающего человека, он не поймет его, исказит его, но именно потому его поймут массы: потому что он ухватит частичку нового и соединит с вековым народным. И Дюрер представил таким апостола Петра, который с ключами от царства правды. Но вся фигура, лицо и выражение этих искателя-мыслителя и искателя-казуиста так цельно и глубоко переданы, как только можно передать их. Рядом *en face* – другая группа. Это два строгих лица, это уже не мысль, а рука – это деятели. Один гневно смотрит кругом, он готов биться за правду, он не пощадит врага, если только враг не перейдет на его сторону, для распространения и силы своей идеи он хочет и власти, он способен вести толпу, но он понимает, в чем дело, это боец-мыслитель. А рядом, рядом фанатическое, зверское лицо четвертого апостола – это мелкий деятель, это не организатор, а исполнитель, он не рассуждает, он горячо, резко, беспощадно-узко идет за эту идею. И вот в этих 4 деятелях, в этих 4 фигурах распространителей христианства мощный ум Дюрера выразил великую истину: мечтатель и чистый, глубокий философ ищет и бьется за правду, от него является посредником более осязательный, но более низменный ученик – он соединил новое со старым и вот старыми средствами вводит это новое, 3-й апостол – политик, а 4 является уже совсем низменным выразителем толпы и ее средств. Но он самый понятный и *de facto* самый сильный. Едва лишь может быть узнана мысль первого в оболочке 4-го, и так частично может пройти даже такое, что наиболее сильно и мощно влияло на человечество...

Вечером был я в опере – давали Моцарта «Свадьбу Фигаро» – переделку из Бомарше. Я не особенно люблю «Свадьбу Фигаро» Бомарше, мне гораздо ближе к сердцу его «Севильский цирюльник», но все-таки к этой пьесе я отно-

пущь с каким-то странным уважением. Более 100 лет тому назад она пришлось как раз в свое время, она дала толчок брожению, и свободе, и тем великим, сильным чувствам, какие водили² тогда людьми культурного общества. Теперь она кажется нам совершенно политически бесцветной: намеки непонятны, новое сделалось общим местом. Но тогда она была смелым поступком и нанесла сильный удар всем прерогативам сеньории, осмеяла их, ярко представив руководящие поводы пользования властью одних людей над другими. И хотя к Бомарше я не чувствую никакого пристрастия – а его образ мне все-таки не противен, хотя это и плут, и, может, даже и больше. Здесь все исчезло, и из пьесы остался лишь фарс, но так и должно было стать – среда того общества, где вращался Моцарт. А все-таки, верно, сто лет тому назад музыка в связи с именем пьесы немало чувств возбудила, каких не возбуждает теперь. Хотя я вообще больше люблю эти старинные оперы, где много разговоров и где музыка тесно связана с игрой, но тут мне много было чего-то неприятного, потому что соль и содержание пьесы исчезли и остался фарс, в некоторых местах с чудной, сильной музыкой – какой-то диссонанс, дисгармония...

Работа моя подвигается понемногу; вчера уехал Абрахоль в Манчестер.

[...] Скорее бы нам быть вместе. Крепко поцелуй Гагу (не возись слишком с ним). Поклон Елли Ивановне³.

Что ты читаешь? Прочла ли Гарибальди? Теперь очень интересное явление происходит в Италии – это развитие движения в пользу мира, против союза с Германией, интересно оно, потому что глубоко связано со всем экономическим строем страны и потому что здесь главари явились пока социалисты (большей частью аграрные – очень характерная для Италии черта) и крайние радикалы – демократы. Не поздно ли? Экономическое расстройство в Италии все увеличивается, и комично – при деспотизме и Бурбонах в иных местах экономике жилось лучше, как у нас в иных местах при крепостном праве. Целую тебя много раз. Купи и пришли мне № № «Campana dei Studenti»⁴ (выходит по четвергам).

Твой Д.

Д. 36, л. 36–38.

¹ Письмо относится к 1889 г., так как в нем В.И. передает поклон Е.И. Лерке, с которой Н.Е. Вернадская отдыхала в Сан-Ремо в 1889 г.

² Так в подлиннике.

³ Лерке.

⁴ Студенческая газета, выходившая в Италии в XIX в.

№ 150

29 января 1889 г., [Мюнхен]¹

29/I 89

Мой дорогой, ненаглядный, родной Тутик, посылаю письмо Сережки², Лельке³ письмо отправить не решился...⁴

Сегодня получил твое дорогое письмо. Отправлять ли дальше письма Адьки⁵?

Мое дорогое сокровище, отчего не писала ты, что ты слаба так, что даже не гуляешь? [...] Я постараюсь, почти наверное, буду в марте. Как мне хочется знать, лучше ли тебе, моему родному детенышу. Поцелуй сынишку, поклон Елли Ивановне⁶.

За письмо Реневье благодарю [...]

Твой Д.

Д. 36, л. 39.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² С.Е. Крыжановский.

³ Л.А. Оболяянинов.

⁴ См. письмо № 155.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ Лерке.

№ 151

30 января 1889 г., Мюнхен

30/I 1889, Мюнхен

Моя дорогая, родная [...] сегодня получил твою записочку и 400 франков – самого важного в письме не нашел: как твоя слабость, лучше ли тебе, Тутя моя, мне так, так надо это знать. Напиши мне скорей, подробно [...]

Моя ласковая птичка, сейчас послала мне 400 франков, чтобы купить микроскоп [...] Моя дорогая девочка, о микроскопе я еще думаю, еще не решил окончательно, а денег возможно, что мне хватило бы. Микроскоп стоит будет около 120–130 руб., а у меня теперь 400 руб., да еще получу из университета ежемесячно, да Краснов должен 200 марок, да Кабинет около 100 руб. Так что денег достаточно, даже для переезда в Париж. Наконец, я микроскоп, верно, закажу, потому что едва ли есть такой, какой мне нравится, а это потребует 2–4 месяца ожидания. Я на днях напишу Фуссу для справки... Сюда еще один русский минералог приезжает учиться – Прендель из Одессы. Он тоже будет учиться у Грота. Вот через года 2–3 нас будет целый ряд новых русских минералогов: Прендель, Вульф, я, Юргенсон, Рамзай (финляндец, командирован от Гельсингфорсского университета), очень это хорошо, а то в этом отделе науки Россия совсем отстала, да и то – теперь 3 кафедры минералогии пустуют (Одесса, Московская Петровская академия и Лесной институт), и нет минералогов, которые могли бы законно занять их. Работа моя идет понемногу: надеюсь я к середине или началу марта кончить. Очень жаль, что у Зонке не удалось докончить: собственно несколько неловко перед ним. У Гаусгофера работаю я вместо 2 часов в неделю часов 6–8 и очень доволен.

Послал вчера тебе письмо Сережки¹. Сегодня посылаю письмо Адьки². Бедный Адька – как бы с ним не случилось вроде того, что случилось с мистером Пиквиком³. Прочел я некоторое из Бальзака. Его «Recherche de l'absolu»⁴ – хорошо, некоторые места чудесны, но так, как Сергей⁵ или Бат.⁶, восторгаться не могут, теперь читаю «Nouv. contes philos.»⁷ его же. Я не понимаю, отчего тебе Бальзак мало нравится, мне кажется, он во многом тебе очень должен нравиться. Если найдешь в магазине по-итальянски речь Молашотта⁸

о Дондерсе, пришли мне (Дондерс – один из самых выдающихся физиологов – голландец). Елли Ивановне «Физиологию» на днях вышлю. Собственно говоря, я не знаю, что выбрать. Из известных мне физиологий лучшая – небольшая английская⁹, а она не переведена, Фостер мне не нравится¹⁰. Прейер – тоже¹¹. Хвалят Ландуа – но это слишком большой труд¹². Я, верно, вышлю Германна¹³, я читал старое русское издание – неплохое. Мое родное дитяtko, пиши мне о своем здоровье. Что пишут твои (отчего их писем не пересылаешь?). Целую тебя. Гагуню. Е.И.¹⁴ поклон.

Твой Д.

Д. 36, л. 19.

¹ С.Е. Крыжановский.

² А.А. Корнилов.

³ Герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

⁴ *Balzac Honore. La recherche de l'absolu suivie de Un episode sous la terreur.* P.: Marescq Navard, 1851.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Очевидно, Федор Дмитриевич Батюшков.

⁷ *Balzac Honore. Nouveaux contes philosophiques.* P.: Gosselin, 1832.

⁸ О какой речи Молешотта пишет В.П., установить не удалось.

⁹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

¹⁰ Возможно: *Фостер Майкл.* Учебник физиологии/Пер. с послед. англ. изд. и доп. проф. И. Тарханова. СПб.: И.И. Билибин и А.А. Генкина, 1882 Т. 1–2.

¹¹ Возможно: *Прейер Вильям.* Элементы общей физиологии / Пер. И. Тарханова. Б. м., Б. г.

¹² Возможно: *Ландуа Л.* Руководство к физиологии человека, с включением гистологии и микроскопической анатомии, обработанное с точки зрения практической медицины / Пер. с только что вышедшего (2-го) нем. изд. (по соглас. с авт.) д-р В.Х. Кандинский. М.: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1881.

¹³ Возможно: *Краткий учебник физиологии Л. Германна/Под ред И. Сеченова.* СПб.: Тип Н. Тиблена и К°, 1864.

¹⁴ Лерке.

№ 152

[После 30 января 1889 г., Мюнхен]¹

Дорогая моя, родная [...] Тутя хитрая: прислала мне как-то записочку и затем написала через 1 день. Сперва отвечу на твои вопросы: «Физиологию» послал², на замечания о письме Саши³ теперь как-то писать не хочется. Письма к Реневье и Фуке получил и, верно, скоро отошлю, но письмо к Фуке несколько изменю (отчего ты мне не поправила то, что я написал?).

Работа моя вдет понемножку. В последнее время сижу довольно много за вычислениями, которые, не могу сказать, чтобы шли очень удачно, даже, собственно говоря, совсем малоудачно – постоянно я ошибаюсь, слишком рассеян, а между тем теперь это для меня самое важное – научиться вычислять... Не знаю, смогу ли. Отчего ты мне не пишешь ничего про свое здоровье: выходишь ли уже гулять или все сидишь на балконе? И отчего у тебя такая слабость сделалась? [...] Я думаю, что в марте я хоть на несколько дней (так, на неделю) приеду. Очень хорошо, что собираешь раковины. Мне как-то не пишется, от вычислений совсем голова кругом пошла, а главное, какая-то досада берет, что не могу, вот уже второй вечер, решить часть (часть решил)

нужных мне треугольников⁴ и чувствую, что беда в каком-нибудь пустяке. Сегодня праздник, и я хотел для отвлечения отправиться в какой-нибудь музей, но все заперто и только попал в National Museum, где очень много интересного (я, впрочем, там второй раз), и много очень, очень думалось, но как-то писать не могу – могу писать теперь только о треугольниках!

Моя радость, моя девочка, я так хочу, чтобы ты поправилась – ты должна стараться и делать все, все для этого – никакие такие мысли о деньгах, о чем ты пишешь в этом письме, не должны смущать тебя – ты должна отогнать их прочь.

Мой родной голубок, как понравился Доде «Tartarin»?⁵ Чем занимается там Гага, что с ним меньше возни? Рисует ли он и любит ли по-прежнему гусей рисовать? Поцелуй его от меня крепко.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Поклон Елли Ивановне⁶. Пиши, моя радость.

Твой Д.

Д. 36, лл. 40–41.

¹ Письмо без даты написано после 30 января в Мюнхене (см. комментарий № 1 к письму 129), так как в нем он пишет о том, что «Физиологию» для Лерке он послал, а в письме от 30 января он пишет: «Елли Ивановне “Физиологию” на днях вышлю».

² См. письмо № 151 и комментарии к нему № 10–13.

³ Возможно, Александра Павловна Ольденбург.

⁴ В тексте слово обозначено значком «Δ-ков».

⁵ *Daudet Alphonse. Tartarin de Tarascon. P.: Flammarion. S. a.*

⁶ Лерке.

№ 153

5 февраля 1889 г., Мюнхен

5/II 1889 г., Мюнхен

Моя дорогая, родная Тутя [...] очень я рад, что ты теперь несколько лучше себя чувствуешь, и я очень хочу иметь более подробные и обстоятельные бюллетени о твоём здоровье – для меня теперь это самое важное.

Послал я тебе вчера два номера¹ «Allgem. Ztg»², где помещена статья о греческой религии, которую мне интересно, чтобы ты прочла, я не считаю эту статью очень хорошей, но все-таки некоторые ее части, некоторые мысли интересны. Читала ли статью о юге России в «Неделе»?³ Прочла ли Доде: «Tartarin»⁴, а как он тебе понравился?

Вчера я был здесь в русской читальне и начал, между прочим, читать новый рассказ Короленко: «Ночью»⁵ – из детской жизни, начало прекрасное, и это, кажется, очень хорошая вещь.

Ты спрашиваешь, кто такой Слонимский⁶, это, вероятно, сотрудник и, кажется, один из главных управителей «Вестника Европы» – человек, кажется, хороший и безусловно порядочный; он [...] был раньше присяжным поверенным, но делами, кажется, не занимается и как присяжный поверенный сохранил славу честного человека, в сделки с совестью не входящего. Писал он по юридическим и политическим вопросам и, кажется, в «Вестнике Европы»

ведет политическую хронику – то, что я читал, мне особенно талантливым не казалось, но не скверно.

Лельке я писать пока не буду⁷ – издали очень трудно писать, пока еще не знаем, что он сделал то, что говорил. Я думаю, что написать ему тебе было бы хорошо, но не лучше ли сперва узнать еще (не пишут ли Шура⁸ или Маша⁹ о нем?). Его адрес обычный: Гдов, Петербургской губернии, г. члену Уездного по крестьянским делам присутствия.

Мне очень не нравится, что Иван¹⁰ взял новый урок – надо непременно передать им деньги, присланные Поповым (кстати, сколько их?), но надо устроить так, чтобы Егора Павловича¹¹ это не огорчило. Напиши, что по этому поводу сделаешь¹².

Егору Павловичу скоро напишу. Отчего ты мне не пересылаешь письма твоих?

Тутя, моя золотая девочка, как люблю я тебя и как мне хочется быть скорее с тобою, возле тебя, возле моей родной, неоценимой. Что жучок? Бывает ли он теперь сам вполне свободно? И что его зубы? Писал ли тебе Аргутинский? [...]

Мне кажется, это время я как-то яснее начинаю понимать жизнь, понимать связь, какую имеет наша жизнь с прошедшим и будущим. И я все ясней и полней оцениваю значение работы жизнью. Работа жизнью, она рисуется мне возможно полной теперь жизнью – такой, где взаимным, горячим сочувствием, любовью согревается душа, сбита противоречиями, неясностью, слабостью. Я все глубже и глубже вдумываюсь во все это, и хотя я пока не могу еще словами передать этого, но я чувствую, что скоро, скоро я пойму.

Мне хотелось написать тебе об одном значении строя, последовательно проводимого жизнью, на который мало указывают, – но до другого раза, а теперь как-то несколько устал, хотя не так поздно.

Знаешь, в газете¹³ пишут, что Толстой написал статью против праздников и против него хотят принять более решительные меры¹⁴.

Крепко целую тебя, мою чистую, ненаглядную Тутю и Гагу. Елли Ивановне¹⁵ поклон.

Твой Додя

Получили ли «Физиологию»?

Д. 36, лл. 44–45.

¹ В тексте «номера» обозначены знаком «№ №».

² Газета (1798–1928), выходившая под разными названиями сначала в Аугсбурге, а с 1882 г. – в Мюнхене; с 1807 г. – «Allgemeine Zeitung».

³ См. комментарий № 4 к письму № 145.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 152.

⁵ *Короленко В.Г.* Ночью // Северный вестник. 1888. № 12; Собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 238–268.

⁶ Леонид-Людвиг Зиновьевич Слонимский, публицист, с конца 1882 г. – постоянный сотрудник «Вестника Европы», вел в журнале раздел «Иностранное обозрение». Статьи его посвящены в основном экономическим и общественно-политическим вопросам.

⁷ В письме от 21 января/2 февраля Н.Е. Вернадская писала об Обольянинове: «Лелька меня возмущает, и если ты ему не напишешь, я ему напишу. Я не могу иначе – или я дружна с ним, или нет, но все должно быть высказано ясно, я не могу не сказать ему, что меня его поступок возмущает так же, как и нас всех, и если считает себя близким человеком, он **обязан**

поступить иначе и взять ребенка из воспитательного дома. Напиши скорее: напишешь ли ему и пришли его адрес» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 34–45). См. также комментарий № 5 к письму № 115.

⁸ А.П. Ольденбург.

⁹ М.С. Гревс.

¹⁰ И.М. Гревс.

¹¹ Старицкий.

¹² Н.Е. Вернадская в письме от 28 января/9 февраля 1889 г. писала: «Относительно денег от Попова для передачи Ивану и вообще друзьям я написала записочку для мамы одной (чтоб не огорчать папу), и она через Сашу передаст их Маше. Мне кажется, что если не для Шаховского, эти деньги должны пойти на начало устройства жизни Сережки. Я вчера ему писала об этом. Начали Сергей, Шура с меньшего, и потом мы можем пока отделять часть наших денег на них, а потом временно взять из «приютинских» или квартирных денег. Иначе их нерешительное положение очень тяжело и бессмысленно – можно же было бы устроиться! И слова об общности средств иначе фраза, потому что живем же мы за границей, а они даже жениться не могут из-за недостатка денег! Все-таки важно иметь в своем распоряжении средства; и вся ваша компания вышла в люди, потому что были средства дать дорогое ... воспитание!» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 39–40).

¹³ Очевидно, В.И. Вернадский читал статью: По поводу проповеди гр. Л.Н. Толстого в Татьянин день // Новое время. 1889. № 4641. 29 янв. См.: *Битовт Ю.Ю.* Граф Л. Толстой в литературе и искусстве. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1903.

¹⁴ Статья Л. Н. Толстого «Праздник просвещения 12 января» впервые появилась в газете «Русские ведомости» (1889. № 11. 12 янв.). См.: ПСС. М.: Худ. лит., 1936. Т. 26. С. 446–450.

¹⁵ Лерке.

№ 154

7 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 7/II 89

Мое счастье, дорогая, моя родная, золотая Тутя. Получил я сегодня твои письма и на много надо ответить.

Я написал Фуке и жду его ответа, оказывается, Грот раньше писал Фуке и Мишель Леви (одному из лучших европейских минералогов и петрографов) обо мне и рекомендовал им меня. Он не писал Фуке, что я буду работать у него, и говорил, чтобы я, когда буду писать, кланялся от него Фуке, чего я не сделал, боясь наделать ошибок по-французски. Я Гроту сказал, что к середине марта уеду. Работы я надеюсь закончить: ту работу, которую будем публиковать вместе с Мутманом, он торопит, чтобы вместе закончить и напечатать в одной из следующих книжек «*Zeitschr. f. Kryst.*»¹. Правду, искренно говоря, мне решительно все равно, появится ли она под моим именем или под моим и Мутмана, и что так чувствую, доволен².

От Абрахоля получил хорошее письмо, которое скоро перешлю, когда отвечу.

О микроскопе еще не решил, потому что я думаю, может быть, куплю в Париже у Наше, его приборы мне больше нравятся, чем микроскопы Фусса, хотя несколько дороже; но я раздумываю, не купить ли лучше **совсем хороший** микроскоп, и вот почему: с микроскопом я могу работать по отделу науки, каким я специально занимаюсь, всюду, куда меня судьба не забросит, если у меня будет хорошая специальная библиотека и возможность тратить ежегодно небольшую сумму на реактивы. Я в последнее время серьезно и **осторожно** (тратил не много) собираю специальную библиотеку (кстати,

отдай **непрерывно** в переплет Доде (как понравился мой милый Тартарен? и Прейста, это скверно, так держать книги), но, может быть, потом истрочу сразу на библиотеку 200–300 марок: это не роскошь, а возможность работать научно вне стен университета (долго ли я там высижу?). Хороший микроскоп мне нужен будет и для агрономических научных работ, если невозможна мне будет кафедра.

Относительно научных работ у меня все двойственное настроение и полное сомнение в своих научных силах и бесчисленное множество научных тем, задач, вопросов, которые лезут в голову. Одно решил окончательно – о фосфоритах Франции работать, и если это не будет диссертация, то даст возможность вполне независимо работать (можно начать! практически переработку фосфорита, тем более, что залежи должны быть, по моим расчетам, около Вернадовки, если не в ней самой, а в Рязанской губернии – еще более важные фосфориты и [...]). Хотя я сомневаюсь в своих научных силах, но вполне уверен в своей силе для устройства себе деятельности полезной и в том, что среда меня не затрет. Если это и скверно – что же делать, я сильно это чувствую.

Относительно «приютинского» письма моего не совсем понимаю: было ли оно в конверте с деньгами или отдельно? Бояться нечего, потому что сделать могут нам очень мало плохого и куда бы ни послали (только мысль о севере иногда пугает, но не за себя, а за золотое сердечко мое, мое незаслуженное счастье – мою Тутю), но за письмо это ничего сделать [...] не могут, а все то, что там написал, я могу и скажу всегда прямо. Я вполне чувствую, что я не мальчик и гнущся сильно не могу.

Относительно письма Серезки³ – оно меня не удивило, потому что ничего другого я от Маши и Ивана⁴ не ждал (я написал Ивану письмо 3-е, на которое не имею ответа и в котором немного пожурил его), я вполне убежден, что Приютино⁵ будет и что мы сделаем, что хотим; возврат Сергея⁶ очень хорошо подействует. Деньги от Попова⁷ непременно надо им передать. Лельке **напиши** непременно, моя голубушка, моя родненькая умница. Они наделали с ним глупостей, и я уверен, что с ним можно прямо говорить, но писать лучше тебе, чем мне: во-1-х, ты **превосходно** пишешь, выражаешь **чувство** и, во-2-х, Лелька очень и очень мягкий человек, и тут надо повлиять на его чувство, чего я не могу. Но если хочешь, я ему припишу к твоему письму и тогда пришли его мне. Это еще, может быть, будет лучше или нет? Я теперь опять думаю, что, может быть, скверно сделал, что уничтожил первое письмо. Напиши непременно, голубка моя. Мы вовсе не так сильны, чтобы терять близких людей из-за глупых светских приличий, только тогда не распадемся, когда будем против этого **бороться**, а не когда будем ныть и разводить руками⁸.

Ты напрасно пишешь, что не умеешь писать, ты пишешь превосходно, и я думаю, что редко кто умеет так выражать в письмах чувства, как ты [...]

К вам, вероятно, приеду, и роскошью это не будет, потому что хочу проэкскурсировать в окрестностях и осмотреть итальянские университеты. Летом мне придется много вообще экскурсировать (для фосфоритов – почти по всей Франции, и если не будет очень дорого, то в Испании; главные разработки теперь: 1. Франция, 2. Испания, 3. Норвегия и Германия и Англия*, я убежден, что Россия может найти важный источник в этом вопросе).

* Несколько жаль, что не поехал в Кроммер!

Письмо Анны⁹ посылаю. Ее адрес? Ты мне ничего не написала: получила ли мое письмо к Сергею¹⁰ и что о **нем думаешь?** Бальзака брал из библиотеки, покупать не стоит, потому что Сергей купил всего – напиши Шуре¹¹, чтобы выслала тебе, что хочешь. Читаю теперь, кроме специальности, «Пенденниса» Теккерей¹² – [пока] нравится.

Собираете ли цветы – **непременно** собирайте, потому что это очень важно и для будущего: для деревни, детей, музея: альпийскую флору можно превосходную купить за 3–8 франков, а эту не купишь, а она характерна для целой полосы и в России, terra incognita¹³. Между тем определять растения можно по сухим экземплярам; брать каждого 4–5 экземпляров, хранить и сушить в больших листах простой бумаги, флору Германии возможно тоже купить, но это все иное.

Целую тебя и мальчугана дорогого крепко, много раз, береги себя, моя неоценимая. Елли Ивановне¹⁴ поклон.

Твой Вл.

(то место, которое не поняла в письме Сережки¹⁵, значит: «Винберг больна – тиф»); рад я за Клейбера, если это правда (помнишь его приписку мне о трусости?).

Д. 36, лл. 46–49.

¹ Статья вышла под фамилией одного В.И. Вернадского. См.: Ein Beitrag zur Kenntnis des hexagonalen Kristallsystems // Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie). 1889. Bd. 15, N. 5. S. 473–486.

² В письме от 29 января/10 февраля Н.Е. Вернадская писала: «Какой удивительный человек Мутман! По-моему, его поступок совсем бесчестный и скверный, и как ему не совестно перед Гротом и другими, которые видели, что ты один пишешь работу, но я рада, что тебе все равно...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 59). См. также письмо № 166.

³ С.Е. Крыжановский.

⁴ М.С. и И.М. Гревс.

⁵ См. комментарий № 2 к письму № 96.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

⁷ Те. деньги, полученные с имения Вернадских – Вернадовки (Тамбовская губ.), где Попов был управляющим.

⁸ См. комментарий № 5 к письму № 115.

⁹ Возможно, А.С. Зарудная. В письме от 29 января/10 февраля 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Адрес Ани: Рязанско-Козловской жел. дор. станция Богоявленская» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 59).

¹⁰ С.Ф. Ольденбург.

¹¹ А.П. Ольденбург.

¹² *Теккерей*. История Пенденниса, его приключений и бедствий, его друзей и величайшего врага. СПб.: В.В. Лепехин, 1887. Т. 1–2.

¹³ Здесь: неизвестная область (лат.).

¹⁴ Лерке.

¹⁵ С.Е. Крыжановский.

10 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

Воскресенье, 10/II 1889

Моя дорогая, родная Тутя, пишу тебе сегодня днем, вместо вчерашнего вечера.

Получил я вчера письмо от Лельки, на которое сегодня послал ответ заказным, в этом ответе я прямо высказал ему, что я думаю о его поступке с ребенком, т.е. считаю отдачу ребенка в воспитательный дом нечестным поступком – следствием трусливого и легкомысленного отношения к окружающему обществу². Я пишу ему, чтобы он приехал в Питер и устроил ребенка в какой-нибудь семье и что если он не может по каким-либо соображениям и потом взять его к себе, то мы, т.е. ты и я, после нашего возвращения берем к себе бедного дитенка. Я написал ему так резко, как никогда еще не писал писем, но у меня все еще до сих пор не прошло раздражение на него и на наших петербургских мямлей, которые неизвестно по каким причинам молчали (как видно из письма Лельки) и не сделали шагу, чтобы не допустить его совершить эту гадость. Уже не говоря о том, что они **должны** были переговорить с ним, они должны были не дать ребенка в воспитательный дом, а если не могли взять его сами, то отдать на воспитание в какую-нибудь семью. Совсем мокрыми курицами стали. Я Лельке написал, что я теперь должен краснеть за него, что ни о каких планах он не должен думать, пока не изменит своего поступка. Да, и главное: из письма его ты увидишь, что он даже **не понимает**, в чем гадок его поступок, я вполне **верю**, что он не соблазнял эту девушку и что его, как он выражается, «ловили», но ребенок же тут при чем. Я ему писал, что он с «законным» своим ребенком не посмел бы сделать того, что сделал с «незаконным»... Какая ужасная нравственная тупость не понять, что не факт рождения ужасен, а то, что для **своих личных** выгод устранить с дороги маленькое существо – это все равно, что для своих личных выгод украсть, убить и т.п. какого-нибудь человека, если можешь совершить это безнаказанно... Я не знаю правил воспитательного дома – нельзя ли найти и взять этого ребенка помимо Лельки и устроить его? Я напишу об этом Гревсам, напиши и ты – им и Тимофеевым.

Я посылаю тебе письмо Лельки – сохрани его до времени. Постарайся прочесть его спокойно и не дать своему уму пугаться слов, которые он употребляет. Быстрый ответ его на мое письмо, старание оправдать себя, свой поступок указывают, что у Лельки на душе неспокойно, хотя удивительна его невинность, непонимание зла...

Получил я сегодня чрезвычайно любезный ответ Фуке, который мне пишет, что охотно принимает меня в лабораторию и что ждет меня к началу марта, последнее мне вовсе не нравится, потому что я хотел приехать только к концу марта. Надо писать ему благодарность; переведи присланную записку и сейчас же пришли ее **немедля** мне. Мне ужасно хочется к тебе, и только в случае невозможности не приеду.

Нет ли в записках Сергея³ ко мне у тебя адреса Батюшкова (Федора Дмитриевича) в Париже. Если есть, пришли адрес скорей.

Что маленький плутишка? Целую и его и тебя крепко.

Твой Д.

Что деньги Попова – передала ли Гревсам? Надо это сделать скорей. Только и надежды, что на Сергея, а Гревсы никуда не годятся. Целую тебя, мою родную, золотую девочку. Поклон Елли Ивановне⁴.

Д. 36, лл. 50–51.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² См. комментарий № 5 к письму № 115.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Лерке.

№ 156

11 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 11/II 1889

Дорогой мой, родной Тутик, моя родная рыбка, получил я «*Campana dei Studenti*»¹, письма Адьки², Клейбера, Сиротининой etc. Адьке я всегда отправляю интересные письма (последний раз отправил ему 21/I письма Васи³ и Александра⁴, и теперь у меня готовы к отправлению ему 2 письма Шуры⁵) [...] как ты не видишь, что твои дорогие письма очень важны и что они благодаря тому, что ты умеешь так выражать в них чувство, очень дороги всем, кому пишешь. Но ты не должна писать через силу и уставать в писанье. Относительно передачи денег – я согласен с тобой (ты мне все не пишешь, какова сумма) и думаю, что теперь это даже важно для поднятия духа некоторых членов компании. Если можем помочь устроиться Сережке⁶ – хорошо. Чем окончилось твое заявление о пропаже заказного письма – если оно задержано с умыслом, то тебе выдадут деньги, а я думаю, что там ничего нет, что стоило бы скрывать!⁷

Сегодня как-то занимается и пишется плохо: болит голова немного, погода стоит ужасная – теперь везде бури. Пришлось сделать новый сюртучок – вот все расходы, моя знаменательная Лорре⁸ начала совершенно разрушаться, да так быстро прогрессирует, что не было никакого исхода. Вообще платье и все остальное здесь гораздо хуже нашего – не даром немецкие фабрики ценятся низко. Я не согласен с Адькой [...] спроси его, что он думает про английского экономиста Cairnes⁹ – то, что мне известно (изложения и отдельные статьи его) заставляет меня относиться к нему с интересом, как к научному мыслителю. Прочла ли Менгера?¹⁰ Вышла здесь интересная брошюра, которую, если достану, пришлю: история движения рабочих – женщин в Германии¹¹. На днях Совет Бреславльского университета исключил одного студента за то, что он принадлежал к социал-демократической партии – решение постановлено, как сказано, единогласно. В газетах здесь все упорнее идут слухи, что проект «реформы» Толстого¹² будет принят царем: отзывы здешних газет по этому поводу удивительны по невежеству.

Крепко целую тебя [...] и цыпленка поцелуй хорошенько. Больше ли он говорит? Елли Ивановне¹³ напишу, как только будет лучше писаться, может быть, завтра. Книга Адькина здесь – пошлю ему. Елли Ивановне поклон [...]

Я думаю, что относительно необходимости иметь в своем распоряжении некоторую сумму не может быть разногласий среди компании. Я считаю, что

братство должно быть богато, потому что в богатстве сила и залог нашего дальнейшего развития в поколениях. Но **как** приобрести богатство – очень важный вопрос и трудный, но над которым, наверное, придется работать.

Марии Ивановне¹⁴ я писал, посылал вексель, не помню точно о чем и о себе, и о тебе, и о них.

Твой Д.

Д. 36, лл. 52–53.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 149.

² А.А. Корнилов.

³ В.В. Водовозов.

⁴ Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

⁵ А.П. Ольденбург.

⁶ С.Е. Крыжановский.

⁷ В письме от 23 января/4 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Очень неприятно, что пропало твое “приютинское” письмо и письмо от Рейтлингера, которые я послала заказным Шуре вместе с деньгами. Деньги она получила, а все письма пропали...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 32–32 об.). Позднее в приписке от 24 января/5 февраля к письму С.Ф. Ольденбурга Н.Е. Вернадская писала: «Письмо, очевидно, вскрыли, как бы тебе не было неприятностей» (ф. 518, оп. 3, д. 1194, л. 6). См. также письмо № 154.

⁸ Куртка, тужурка (нем.).

⁹ Очевидно, ирландский экономист Джон Элиот Кэрнс. См., например, его работы: *Cairnes I.E. The Character and Logical Method of Political Economy*. L., 1857–1888. Т. 1–2; *Idem. Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded*. L.: Macmillan, 1874; *Idem. Essays in Political Economy: Theoretical and applied*. L.: Macmillan, 1873. В письме от 3/15 февраля 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Спроси сам, если тебя интересует, Адьку про Cairnes’a. Я не хочу его читать в подлиннике и читала уже многие выдержки из его сочинения» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45 об.).

¹⁰ Очевидно, имеются в виду работы профессора права Венского университета Антона Менгера. В письме от 3/15 февраля 1889 г. Н. Е. Вернадская писала «Менгера еще пока не читала» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45 об.).

¹¹ О какой брошюре идет речь, установить не удалось.

¹² См. комментарий № 8 к письму № 111.

¹³ Лерке.

¹⁴ Старицкая.

№ 157

[13–14 февраля 1889 г., Мюнхен]¹

Моя дорогая, родная, неоценимая девочка, моя родная Тутик, получил я сегодня твои письма, а также присланные тобой письма Георгия², Марии Ивановны³, Сережки⁴, за которые благодарю.

Я думаю, что письма вынуть из депешного пакета – так, чтобы это было незаметно, нет возможности, верно, в гостинице затеряли (легко узнать по весу: 9 страниц)⁵.

Твое письмо к Лельке⁶ посылаю сегодня, оно мне понравилось, и вот уже после моего – совсем не резкое. Может, я напрасно Лельке так уж резко написал, но я написал то, что думал и думаю⁷.

Письмо Георгия очень мне понравилось; жаль, что нет времени ему написать!

Отчего Саша⁸ перестает читать Егору Павловичу⁹, не вышло ли чего?

О посылке книг сестре Елли Ивановны¹⁰ с тобой согласен, но сколько лет ей?

Приехать – еще наверно не знаю, во всяком случае думаю, Вам в Геную на встречу ехать не следует: 1) довольно дорого; 2) сама Генуя ничего особенного не представляет; 3) с Юрой¹¹ возня и уставанье и 4) если я приеду, то, верно, часть дороги по Генуе и в С.-Ремо сделаю пешком.

Относительно Маши и Ивана¹² с тобой не согласен. Я Ивану говорил про открытые карточки – не писать **их** в течение двух месяцев (я ему писал 3-е письмо без ответа!) вахлачество, и у Сергея¹³ и у меня не меньше работы. Все происходит от неверного взгляда на вещи: неправильная переписка уже много навредила нам, а теперь, в минуты для братства трудные, каждый из нас обязан делать возможно больше – это **дело**. Ты напрасно обвиняешь Серрежку: ты увидишь из письма Лельки то же самое впечатление – в письме Шуры скользит то же самое. Я никогда не говорил и не говорю, что Маша и Иван не делали пользы, я говорю только, что они не делают того, что для нас теперь является **общим** делом и что, по моему убеждению, очень для нас важно, – они совершенно никуда не годятся как строители братства. Я боюсь, что это вредно и для них, потому что Иван совсем отходит от многих членов и потому что Маша может совершенно отстать среди той каторжной работы, какую она напрасно взяла на себя. Каждый из них в своей области приносит пользу, но нельзя забывать: или все наше прежнее является или явится словами, или мы теперь должны **работать!** над выполнением, осторожно, но упорно и **сознательно**, того, что мы считаем в жизни хорошим: для наших детей и, может быть, и для нас является первым делом правильное устройство братства, правильная организация сношений, по возможности общей умственной жизни и деятельности общества, общего управления делами. Я решительно не вижу ничего, что бы показывало неисполнимость этого, кроме нашего **личного** неумения, и считаю первым делом для нас от этого неумения избавиться. Я глубоко убежден, что, если хватит у нас силы воли и характера, мы добьемся и правильной братской организации, и составим действительную силу, и жизнь проведем среди более сознательной, развитой атмосферы. И вот с этой точки зрения я всегда восставал против Машиной школы, потому что в **настоящую минуту** от нее нужно другое дело. Я никак не могу тебе это ясно выяснить; подумай над моим, правда, несколько туманным объяснением: жизнь конечна, и ты строишь известную цель, да такую, которая достигается строем самой жизни; чтобы эта цель была достигнута, надо, чтобы в известные, определенные периоды делалась известная работа, если в данный момент не будет делаться эта работа, а будет делаться другая – тоже полезная, то цель не достигается. С этой точки зрения я смотрю на Машину школу как на другую полезную работу, отвлекающую работника от нужной, с точки зрения самых сокровенных наших идеалов, работы. И я рассматриваю нашу жизнь как служение нашему идеалу – считаю более полезной твою или Шурину деятельность, чем Машину, хотя если братство **не удастся** или наши дети не пойдут по этому пути, Машина будет в много раз полезней вашей. Все равно как может случиться, что деятельность профессора, не принимавшего **никакого** участия в судьбе университета, а продолжавшего свое узкое (с этой частной точки зрения) дело (например, Коновалова),

окажется для университета полезнее Меншуткина. Но мы должны смотреть на вещи с другой точки зрения, пока **хотим** работать согласно нашему идеалу. Я, впрочем, Ивана пожурил (как мне кажется, довольно мягко) не за это: я просил его прислать мне книги, которые нужны мне для работы, и вот уже почти два месяца – нет их, а между тем для одной ему надо зайти в магазин на 5-й же линии, а другие лежат у него на полке! Я, зная Ивана (его вахлачество), так и рассчитывал, что он не пришлет мне их скоро, да случилось, что посланная Андреем¹⁴ мне книга пропала, а то **он задержал бы мне всю работу**, и я написал ему, дав месяц сроку, прося прислать их и указав, что так делать не надо. Я теперь им скоро еще, может быть, напишу (послать надо твои письма). Несомненно, у Ивана времени мало, но у меня его тоже мало: неприсылка книг Иваном и Андреем посадила меня на мель с фосфоритами, и я вместо того, чтобы выработать ясный план, сижу с обрывками! Я знаю, что, кроме неимения времени, Иван не любит (что нехорошо), когда его беспокоят.

Царь согласился с мнением меньшинства, проект Толстого принят, а Государственный совет получил род реприманда¹⁵. Событие очень важное. О сколько во мне подымается какой-то бессильной, но страстной злобы! И хочется скорей назад и верится, что все-таки можешь добиться, через хоть десятки лет, силы и власти, чтобы раздавить их, отстранить их. Мне кажется теперь, тот победит, кто неуклонно, спокойно и сознательно твердо может годами на мелочах добиваться одной и той же цели. И я чувствую себя способным к этой мелочной, упорной работе и знаю, что могу выдержать ее много лет. Ты говоришь, впрочем, что не думаешь, чтобы я был способен к политической деятельности, но здесь как раз у меня есть вера, и в этой деятельности у меня есть страстное желание и есть общие, мною прочувствованные задачи. Но все это решит будущее. А теперь еще труднее будет жизнь на родине.

Ты мне не пишешь, **сколько** денег прислал Попов?

Вот для деревни: прием больных и лечение – вещь почти неисполнимая для тебя и для меня. Так – как Аня, так и Лелька – целые дни лечили, но для нас с тобой это очень трудно, а между тем это дело нужное. Иногда у меня теперь скользит мысль: не устраиваться ли в Вернадовке, но зачем она не на юге? Еще посмотрим.

Целую тебя, мою родную, золотую девочку много раз. Шалуна поцелуй – это хорошо, что он бойкий мальчуган. Треплет ли он тебя за волосы? «Самрапа»¹⁶ присылай и дальше. Ты мне прислала № 4 и 6, а 5 не получил. Советую просматривать тебе: очень интересные заметки о связи этих итальянских движений молодежи с венгерскими и испанскими [...]

Д. 36, лл. 72–75.

¹ Письмо относится к 13–14 февраля, так как письма из Мюнхена до Сан-Ремо обычно шли 3–4 дня, по содержанию – это ответ на письмо Н.Е. Вернадской от 29 января/10 февраля, а в письме от 15/27 февраля Н.Е. Вернадская писала: «... получила твое письмо от непомеченного числа...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 48).

² Г.Е. Старицкий.

³ Старицкая.

⁴ С.Е. Крыжановский.

⁵ В письме от 29 января/10 февраля Н.Е. Вернадская писала: «Приютинское письмо было внутри пакета с деньгами, но я не уверена, не пропало ли оно здесь, так как не я сама отправ-

ляла (на почте долго приходилось стоять), а через гостиницу, хотя они и уверяют, что могут выставить свидетелей в доказательство того, что письмо было вложено в конверт! Но на почте говорят, что из денежного пакета, перевязанного тесемкой и запечатанного сургучом, невозможно вынуть что бы то ни было, не разорвав конверта. Не знаю. Слонимская думает, что вынули в России!» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 59–59 об.). См. также комментарий № 7 к письму № 156.

⁶ Л.А. Оболянинов.

⁷ См. комментарий № 7 к письму № 153.

⁸ А.С. Зарудный.

⁹ Старицкий.

¹⁰ В письме от 29 января/10 февраля 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Пошли пожалуйста... книгу или две дешевого издания немецких классиков. Это младшей сестре Елли. Ивановны. В ней происходит теперь усиленная работа, а кругом полное одиночество и даже книг нет никаких... Книги же нам будут стоить очень недорого. Ведь да? Ты сочувствуешь моему желанию? Мне кажется, никогда, никогда не нужно идти мимо таких явлений, когда пробуждается потребность к умственной деятельности и нет никаких средств поддерживать эту потребность. Выбери, что сам знаешь. Я думаю, Шиллера и, может, что-нибудь Гейне» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 58–59).

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² М.С. и И.М. Гревс. В письме от 29 января/10 февраля Н.Е. Вернадская писала: «К Маше и Ивану ты несправедлив, и я очень огорчена, что ты пожурил Ивана. Нужно же принять в соображение его характер и то, что он **завален** буквально работой. Твое же непонимание его положения и требование писем его, наверно, очень огорчило. Ему так дорого было, что ты не накидывался на него, как другие. Сережка же вполне неправ. Машина школа дала гораздо более общественное, чем моя и Шурина любовь к обществу. Ты недостаточно вникаешь в то, как Маша трудится и каким хорошим трудом, в который она кладет всю душу свою. Я думаю, многим даже со стороны то, что она продолжала вести свое дело, несмотря на семейные обязанности, она дала возвышенное понятие о семье, а энергию и силу душевную она за эти годы выказала удивительную. Я даже не ожидала, что она сможет не бросить ее, и стала ставить ее еще выше за этот поступок! Всякий выказывает “общественность” по-своему, а Иван и Маша своею деятельностью учебною, своим отношением к людям... сделали, я думаю, больше, чем многие другие...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 59 об.–60).

¹³ С.Ф. Ольденбург.

¹⁴ А.Н. Краснов.

¹⁵ См. комментарий № 8 к письму № 111 и письмо № 122.

¹⁶ См. комментарий № 4 к письму № 149.

№ 158

15 февраля 1889 г., Мюнхен

15/II 89, Мюнхен

Дорогой мой, родной Тутик, получил сегодня твое письмо со вложением Лизиного¹ письма и «отвечу сперва на него. За присылку письма Фуке благодарю и письмо уже отправил. Тутик придумал и написал хорошо. Твое письмо к Лельке² отправил тотчас же. Относительно Гревс Тутик [...] никак не хочет понять: ведь я не говорю, что Иван и Маша не работают, напротив, я только говорю, что за специальным делом и семейной жизнью они не находят времени посвящать его на строение братства. Хорошо ли это или дурно – другой вопрос, как я уже тебе писал об этом раньше. Ты никак не можешь смотреть беспристрастно на вопрос, раз он касается Гревсов. Я их люблю и вовсе не говорю, что они бездельничают – письмо Лизы ничего не доказывает, кроме того, что они хорошо живут со своими родственниками и работают. Но этого мало. Ивана я вовсе не забрасываю поручениями, а дал ему одно, которое

он не исполнил. Я думаю, что Иван много делает, чего не нужно, а многого, чего нужно, не делает. И весь вопрос состоит не в том, чтобы кричать [...] что они делают то-то и то-то и что нельзя требовать больше, а в том, чтобы sine ira³ рассчитать, действительно ли нет времени на переписку, раз это действительно нужно теперь, нельзя ли оставить что-нибудь другое для этого. Мне кажется, в таком отношении все еще остатки несистематичности в применении к жизни того, что считаешь нужным. Этой болезнью мы страдаем все, но от нее надо избавиться. Я не хочу ни сводить Машу⁴ с мнением других, ни принижать значение ее деятельности, я только смотрю на эту деятельность с точки зрения нашего общего идеала и наших сил: конечно, если бы братство было очень велико, крепко, вполне организовано, никакого значения не имеет, когда одна семья уходит в какую-нибудь общепользную деятельность и не делает ничего ни для поддержания сношений, ни для единения находящихся в данном месте братчиков. Совсем другое – в нашем положении: здесь общественное дело, которое исключает эту братскую деятельность, может явиться нежелательным. Так, я считаю совершенно непродуманной и для братства вредной Машину школьную деятельность.

Относительно того, что ты говоришь о Лельке, не совсем с тобой согласен, я обвиняю издали (т.е. говорю, что петербуржцы были в этом деле мямли), но я вполне убежден, что я бы переговорил с Лелькой в СПб., да прямо бы не позволил ему сделать этого – если я не знал, писать ли ему, то потому, что принципиально (может быть, неверно) не люблю писать в таких делах со слов чужих, и потому я сперва спросил его. То, что ты не переговорила с Лелькой, будучи в СПб., моего мнения не меняет [...]

Как нарочно, теперь мне не особенно работается, и хотя я заставляю себя, но, как всегда в таких случаях, дело не идет быстро. Сегодня сидел за вычислениями и оканчиваю эту работу с Мутманом – результаты при вычислениях оказываются еще удивительнее, чем думал.

Закись, окись и перекись – различные стадии окисления элементов, некоторые элементы могут соединиться с различным количеством кислорода и в таком случае давать соединения, обладающие совершенно различными свойствами. Когда соединение дает только **два** продукта окисления, то **тот**, в котором кислорода больше, называется окисью, **тот**, где меньше, называется закисью. Например, железо дает окись – Fe_2O_3 , т.е. на два атома железа три атома кислорода (т.е. на 1 атом Fe $1\frac{1}{2}$ атома O), и закись – FeO (т.е. одна на одну). **Перекисью** называется соединение с еще большим количеством кислорода, и в таком случае у тебя имеется 3 стадии окисления, например марганец, подобно железу, дает:

				O
закись – MnO	–	т.е. на 1 атом Mn	–	1
окись – Mn_2O_3	–	“ “ “ “	–	$1\frac{1}{2}$
и перекись – MnO_2	–	“ “ “ “	–	2

Для очень многих тел эти различные степени окисления обладают характером кислот, т.е. способны с основаниями (не кислотными окислами) давать соединения – **соли**. В таком случае соли закиси и соли окиси являются совершенно различными и не имеющими ничего или очень мало между собой общего: например, **фосфат** и **фосфит** являются солями различных окислов

фосфора. Фосфор соединяется с кислородом в различных пропорциях; наивысшая степень окисления его будет на два атома Р – пять атомов кислорода, это соединение P_2O_5 , так называемый фосфорный ангидрид. Соли фосфорного ангидрида, называемые фосфатами (или фосфорнокислыми солями, солями фосфорной кислоты), – например, очень обычная известковая соль фосфатной кислоты $CaHPO_4$ и т.п. (различные известковые соли фосфорной кислоты в костях – фосфориты и т.п.). **Фосфит** – название вполне не употребительное, вероятно, это соли фосфористого ангидрида, т.е. низшей степени окисления фосфора – P_2O_3 , например кальциевая соль $CaPO_2$. **Альбумином** различные авторы называют разные соединения – состав альбуминов точно не известен, но это тела **белковые**. Об альбаминуиде никогда не слыхивал, и, верно, это тело похожее на альбумин. Зачем тебе это [...] Или встретилось Е.И.⁵ в «Физиологии» – не слишком ли это курс трудный? Я думаю вообще, что прежде чем изучать физиологию, непременно надо старательно изучить начала анатомии, химии и физики. Анатомию она знает, а химию и физику надо... Пришли непременно мне следующие № № «Самрана»⁶, мне очень интересен отзыв по поводу постыдной истории с профессором Лабриола в Риме (я читал одну его речь – очень хороша). Крепко целую тебя, мою птичку дорогую. Гагу хорошенько поцелуй. Как твоё здоровье? Отчего о нем не пишешь?

Твой Д.

Д. 36, лл. 54–56.

¹ Е.М. Гревс.

² Л.А. Обольянинов.

³ Без гнева (лат.).

⁴ М.С. Гревс.

⁵ Лерке.

⁶ См. комментарий № 4 к письму № 149.

№ 159

[Около 18 февраля 1889 г., Мюнхен]¹

Моя дорогая [...] Тутя – моя родная девочка.

Сперва отвечу на твой вопрос: Винкель сам прислал²; Адьке³ послал старое письмо Александра – забыл, что ты говорила, да и оно должно идти дальше (Шаховскому). Очень рад, что читаешь итальянские газеты (я здесь их довольно часто просматриваю), но отчего ты выбрала «Secolo»⁴ – римская «Tribuna»⁵ лучше. Если найдешь № № «Messaggero»⁶ и «Il 89»⁷ (газета, издающаяся в Генуе и очень интересная), купи несколько № № и сохрани с описаниями этого времени. Относительно покупки имения – хорошо; выплачивать эту сумму мы можем, нельзя ли обойтись без долга родителям? не можем ли мы достать? потому что начинать в долг – самое что ни на есть худшее*.

Получил очень хорошее письмо Туньки⁸, который просит карточку Юрки⁹, записку Юринаца, которую посылаю. Сегодня уехал Дриш, который пробыл

* «Приютинский» капитал должен на это пойти – это будет 600 руб., следовательно, надо еще около 1000 руб. Я еще не знаю – думаю.

здесь день вчера, вместе со своим молодым товарищем они отправляются работать на зоологическую станцию в Триест, а оттуда проедут в Черногорию, где хотят изучать фауну оз. Скутари. Он все прежний, несколько похудел. Этим летом, может быть, приедет в Париж, куда я его сильно подбиваю. Жалко очень, что умер Пассек, хороший наш знакомый и бывший консулом в Дубровнике, и теперь я никого не знаю там, а достать ему рекомендации в Цетинью было бы очень хорошо, тем более что там русские рекомендации важнее других.

Вчера вечером был я вместе с Дришем в театре – на «Лоэнгрине»¹⁰, очень мне понравилось, и я в первый раз так ясно уловил основной мотив, основную мысль оперы и то, что в ней действительно есть идея – идея потерянности, недостижимого, [отметаемого] блаженства.

Вчера пробыл все время с Дришем, упустил свои вычисления – результаты получаются. Комично, Грот, с которым я в субботу долго их пересматривал, говорит, чтобы я их ему показывал, и когда говорю, что буду *zusammenstellen*¹¹ с Мутманом, он говорит – зачем с Мутманом, пускай я ему, Гроту показываю; кто их разберет тут!

[...] очень и очень боюсь я, что мне теперь не придется приехать к тебе, к моей дорогой девочке. Ну да, что же делать, увидимся в апреле. Моя радость дорогая, ты мне не пишешь про свое здоровье. Гагу поцелуй крепко. Это хорошо, что он шалун. Елли Ивановне¹² мой поклон.

Твой Д.

Д. 36, лл. 57–58.

¹ Письмо написано, очевидно, 18 февраля, так как это ответ на письмо Наталии Егоровны от 3/15 февраля, а письма из Сан-Ремо в Мюнхен шли 3–4 дня.

² В письме от 3/15 февраля Н.Е. Вернадская спрашивала: «Отчего ты не написал, каким образом Винкель прислал счет – ты его просил или он сам собой это сделал» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 45).

³ А.А. Корнилов. В письме от 3/15 февраля Н.Е. Вернадская спрашивала: «Какое письмо Александра (А.С. Зарудный. – *Ред.*) ты послал Адьке, если о “Приютине” – я же тебе говорила, что давала им его читать проездом, а если другое, то отчего ты не присылал его мне...» (ф. 518, оп. 3 д. 255, л. 45).

⁴ Очевидно, «Il Secolo XIX» – итальянская газета, выходившая в Генуе с 1888 г.

⁵ «Tribuna» – газета, выходившая в Риме.

⁶ «III Messaggero» – ежедневная газета, выходящая в Риме с 1878 г.

⁷ «II 89» – газета, издававшаяся в Генуе.

⁸ Возможно, Никодим Исаевич Аматауни.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Опера Рихарда Вагнера.

¹¹ Здесь: вместе работать (нем.).

¹² Лерке.

№ 160

19 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 19/II 89

[...] моя дорогая девочка, получил я сегодня твое хорошее, бодрое письмо и очень ему рад – отчего ты мне только не пишешь ничего про свое здоровье? Во-первых, о письмах твоих – я их никуда не пересылаю, во-вторых, относительно Гревсов – ты меня не поняла, но писать об этом – уже и так слишком

много писал. Я говорю не об «историческом» моменте, когда бывает нужна та или иная деятельность, а об определенном «деле» – об определенной работе, которую надо сделать в определенное время, если хочешь, чтобы твое, определенное дело было достигнуто. Никакой фанатичности тут нет. Например, если я хочу быть профессором минералогии, я должен раньше подготовиться и сдать магистерский экзамен, если я его не сдам, я не могу быть профессором, а если я хочу быть возможно скоро профессором, я не могу откладывать экзамен на 20–30 лет; или еще лучше – какой-нибудь человек решил приобрести состояние, жениться и т.п. и еще хочет часть своей жизни «отдохнуть» – несомненно, он должен всеми силами спешить приобретать состояние, и с этой его точки зрения в известное, определенное время деятельность его должна направляться желанием обогатиться. Совершенно такой же «частный» пример и наше строение братства, которое именно должно делаться теперь, если мы не хотим расплыться в отвлеченностях или если мы хотим еще иметь время вновь поставить его на ноги. Я не согласен с твоим взглядом на жизнь – именно потому, что она так широка, так сильна и так непонятна, а именно потому **должен** входить в нее с ясно намеченной резко определенной малой задачей деятельности, если, конечно, я почему бы то ни было **хочу** чего-нибудь добиться. Иначе я пропаду в вечных бросаниях из одного угла в другой и вместо какого бы то ни было дела буду вертеться как белка в колесе. Сегодня примусь за одно дело – а подвернется завтра, когда я кончил сегодняшнее, другое, которое мне покажется интересным или важным, – примусь за него. Так – жить нельзя. Если я имею ясную для данного момента программу нашей деятельности, программу по самой сути своей на несколько лет – не значит являться фанатиком, если неуклонно и по возможности стараться проводить ее; от лиц, которые хотят того же, чего хочу и я, я в такое время могу и должен требовать **посильной** работы, и если я вижу, что другая работа мешает им делать эту, я считаю эту другую работу нежелательной (такова Машина школа). Относительно Ивана¹ я думаю, что во многом с тобой согласен, я думаю, что недостаточно принял во внимание его здоровье и его уроки, хотя думаю, что ты совсем неверно рассуждаешь о научной работе. Я думаю, что научная работа более интересна, чем другая, но представление об ней у тебя совсем ложное. И я выясню это на себе. Иван может только урывками заниматься той работой, которая его особенно интересует, я могу ею заниматься только урывками тоже. Уроки утомляют его, меня, по моему здоровью, работа утомляет мало, но это исключение, и не знаю, долго ли оно продолжится. Я видел многих работающих в лаборатории, и далеко не все могут **еще** работать вечером; здесь даже если день прошел в работе в лаборатории или кабинете, вечером занимаются очень мало – так и Мутман, и Вебер (кажется, Зонке), да и все почти – они устают. Неверно твое мнение и об интересе научной работы; интересно известное обобщение, может быть интересна иная обработка результатов, очень интересно читать ту или иную работу научную, но в самой сути научных работ громадная масса работы чисто механической, которую делаешь по чувству долга, по предвидению цели – работы скучной, утомительной, **тяжелой**. Эта работа является превосходной школой терпения, требует нервной выдержки. Если ты наблюдаешь лиц, работающих научно, или делаешь наблюдения над самим собой, ты замечаешь, как часто они находятся в раздраженном состоянии вследствие хода и сути

работы или как часто они не могут заставить себя работать, потому что вся их воля ушла в мелкой, напряженной работе и им надо опять собраться с силами...

Меня интересуют те или иные вопросы, но я не могу ими заняться, потому что моя деятельность должна направиться на другое. Меня интересуют многие книги – читать их нет времени, хотя мне бы было несравненно приятнее читать их, чем делать ту работу, которую я делаю. Мои вычисления, в большинстве случаев громадные, меня не интересуют – как, я знаю, не интересуют и всех других, я делаю это как неприятную механическую работу, а на это уходят часы; я сидел, положим, для вещества, которое теперь обрабатываю, часов 200 в темной комнате, и все мое занятие состояло в том, что я измерял углы, причем ни самые углы, ни самые результаты меня почти не интересовали, потому что они значения особого иметь не могут, взятые отдельно, да, и может, и вообще. Ту работу, которая меня интересовала, я вести так, как хотел, не мог и еще долго не [с] могу.

Мне пришлось так потратить все это время, потому что я думаю, что это будет нужно для моей будущей деятельности, хотя я сознаю, что (в этом много) условного и необходимого только благодаря определенности понятия о требуемых знаниях – понятия, с моими взглядами далеко не всегда согласного). Мне пришлось сидеть часы и пересматривать минералы, стараясь запомнить их так, чтобы сказать, что этот апатит, положим, из Шлаккенвальда, а этот с оз. Байкал, но знания – чисто условные и никакого «интереса» не представляют, по крайней мере пока.

Интерес научной деятельности состоит в исследовании или в ясном понимании цели, но научная деятельность не легкая, и большая часть времени посвящена механической, совсем не интересной работе; следовательно, совершенно неверно, что я могу посвятить мою деятельность, весь день, как **хочу и интересно**. Совершенно неверно – то, что я хочу, я делаю урывками, а того, что меня интересует, добиваюсь массой времени, потраченного неинтересно и утомительно. Также и педагогическая деятельность, которая имеет и свои тяжелые, и свои хорошие, интересные стороны, как я знаю по тому же Ивану.

Отчего ты читаешь все «Secolo»? Газета эта по направлению порядочная, но она все-таки носит характер бульварности, она играет роль сплетницы во многих случаях и т.п. Уже «Tribuna»³ лучше, но если ты хочешь более ясно понять теперь происходящее, ты не должна читать одну какую-нибудь газету, а непременно разные, и с этой точки зрения Италия является наиболее подходящей. Я очень рад, что ты, наконец, увидела, что много сходства в итальянской умственной жизни с нашей, я думаю, что в ином итальянцы ушли значительно вперед от нашего общества – и их философско-научное движение отразится у нас только через несколько лет. Если не дорого, купи **Sergi**. «Le generazione umana. Mil.», 1889⁴. Из итальянских газет лучшие – «Diritto»⁵, «Tribuna» (к сожалению, прекрасных неаполитанских здесь не найдешь), очень интересно «Messaggero» (социал-радикальная)⁶, которая пользуется большим влиянием. Я советую тебе покупать возможно различные – ты об одном и том же встретишь совсем разные мнения. Интересны и католические газеты (в S. Remo распространена «Lombardiu»⁷ и т.п.).

Я думаю, что Елли Ивановна⁸ изучает физиологию, не изучив сперва **основ** химии, тратит напрасно и довольно вредно время. Я ей постараюсь достать более или менее популярный учебник химии, хотя изучать это по книгам нельзя. Понимать никогда не будешь. Напиши, **что** она читала или учила по химии и **физике**?

Крепко целую тебя, мою родную, и Юрика хорошенько поцелуй. Любит ли он рисовать галок и строить дом?

P.S. Непременно возьми в спирте листьев эвкалипта. От Сергея⁹ получил письмо (сведения мне для Парижа, а почту не переслал) – пишет: Шура и Сережа¹⁰ с дороги не оправились. Адька¹¹ <произвел> ужасно <хорошее> на него впечатление и т.п.

Д. 36, лл. 59–62.

¹ И.М. Гревс.

² См. комментарий № 4 к письму № 159.

³ См. комментарий № 5 к письму № 159.

⁴ *Sergi Giuseppe*. *Le degenerazioni umana*. Milano: Dumolard, 1889.

⁵ «Il Diritto» – газета демократического направления, выходившая в Риме с 1871 по 1895 г.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 159.

⁷ О какой газете идет речь, установить не удалось.

⁸ Лерке.

⁹ С.Ф. Ольденбург.

¹⁰ А.П. и С.С. Ольденбург.

¹¹ А.А. Корнилов.

№ 161

21 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

21 / II 89

Дорогой мой, родной Натусик, моя родная девочка, пишу сегодня очень немного, так как, не знаю почему, устал и большого письма писать не стану.

Я боюсь, что не могу приехать к тебе, если я выеду из Мюнхена 3-го марта вечером, то попаду к тебе 5-го, а 10–11-го должен буду уехать и, следовательно, около 15-го буду в Париже. Если же поеду через Страсбург, то буду в Париже 6–7, считая и остановку в Страсбурге, где осмотрю тогда минералы, коллекцию. Дороже поездка через С.-Ремо будет стоить на кусок от Марселя до Парижа. Но еще не знаю.

До 3-го же едва ли я кончу свои работы. Мне бы не хотелось публиковать свои наблюдения над веществом, над которым я все это время работал, потому что я их нахожу совершенно недостаточными и у меня масса вопросов, которые совсем мной не разрешены и остаются мне непонятными. Я думаю, впрочем, может быть, продолжить работу. Грот настоятельно хочет публиковать, потому что находит результаты достаточно интересными и важными, так что говорит, что неважно, если я не кончу другие работы.

Послал вчера «Русские ведомости», присланные Адькой² – № 2, где помещена статья о научном движении в России в 1888 г.³ (порядочная), пошли,

подчеркув статью, Абрахолю – Manchester, Cecil street, 135 (J.Z. Hoskyns – Abrahall)⁴.

Я ничего не имею против посылки писем Abrahall и Fouque, но мне бы хотелось их сохранить, особенно Abrahall'я.

Мне так страшно хочется к тебе, моя родная, неоценимая девочка, и так мне тяжело, что, может быть, не придется к тебе приехать [...] Поцелуй крепко мальчугана нашего. Пиши мне **больше** и **подробно** о твоём здоровье. Не очень ли ты утомляешься перепиской и чтением? Моя родная, ненаглядная голубушка, целую тебя несчетное число раз. Как бы хотелось быть с тобой.

Елли Ивановне⁵ поклон [...]

Твой Вл.

Д. 36, л. 63.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² А.А. Корнилов.

³ См.: 1888 год. Наука //Русские ведомости. 1889. № 2. 2 янв. С. 3.

⁴ Два абзаца написаны на полях л. 63.

⁵ Лерке.

№ 162

23 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

23/II 89 г.

Моя дорогая, родная, неоценимая девочка, моя Тутя, мое сокровище, получил я сегодня твое письмо [...] отчего только ты так мало пишешь мне про свое здоровье, а я так, так сильно хочу знать, как ты себя, моя дорогая, драгоценная, себя чувствуешь. **Подробно**. Я все-таки не отчаялся приехать к тебе, мне так хочется увидеть тебя [...]

Юра², по-видимому, производит всеобщий восторг своей мордочкой, и Сергей³ пишет, что, судя по карточке, он восхитительный ребенок. За что ты обидела бедного Туньку и не послала ему карточку, я так люблю Ама⁴ – пошли ему непременно. Правду сказать, я не понимаю, отчего ты к нему так относишься, посылаю тебе его письмо – напиши о впечатлении.

Я теперь работаю над составлением результатов, и, правду сказав, мне бы хотелось побольше еще поработать, т.е. теперь не публиковать. Но, может быть, в этом сказывается и плохое: потому что благодаря этому я до сих пор ничего не кончил. Между делом я кое-что читал и обдумывал о фосфоритах, и мне стыдно за свою общую часть в моей статье, хотя в русской литературе она самая полная. Вопрос может быть разработан чрезвычайно интересно. Целую тебя много, много раз [...] Поклон Елли Ивановне⁵.

Д. 36, л. 64.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Г.В. Вернадский.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Очевидно, Никодим Исаевич Ама⁴тунни.

⁵ Лерке.

24 февраля 1889 г., [Мюнхен]¹

24/II 89

Моя [...] Тутька, пишу тебе несколько слов по вопросу о деньгах. Во-первых, Гревсам я пошлю сейчас 75 руб., а 200 руб. не могу **сейчас** послать, так как не знаю, сколько будет стоить устройство в лаборатории в Париже, и, как увидишь из дальнейшего, может, можно устроить иначе. У меня, впрочем, денежные дела теперь хороши: есть 275 руб. русскими деньгами, твои 400 франков и 160 с лишком марок – да получил я жалованье всего до 1-го января 1889 года. Следовательно, **должны** мы постараться (ради бога, не делай **экономии** на жизнь!) выплатить хоть часть из наших денег. 2) У меня есть долги (т.е. мне должны), которые, может быть, возможно, выплатят в Питере, – а именно Краснов около 200 марок и университет франков 70–80, да еще 30 марок из университета мне пришлют сюда. 3) Ты совсем не поняла письма Марии Ивановны² – краткосрочный долг вовсе не должен быть выплачен: ведь долга 1500 руб., и ты напрасно думаешь, что он стоит так дорого – он стоит нам **в год** меньше 100 руб. А выплачены из этих 400 с лишком рублей – всего % по **имению** и % по краткосрочному долгу, именно то, на что ты хотела, чтобы было вынута 400–500 руб. из твоих денег. Следовательно, если возможно вынуть эту сумму, то, может быть, было бы хорошо, и тогда и можно передать, а если нет, то мы из Парижа – если нужно – я из Парижа в марте – вышлем еще друзьям.

План приезда твоих в Сан-Ремо в сентябре мне очень нравится, и я думаю, что, может быть, моему сокровищу [...] было бы хорошо и вторую зиму провести в тепле. Я все еще думаю, что, может быть, заеду к тебе, когда двинусь в Париж [...]

О письме П. Мих.³ писал, что оно мне понравилось. Письмо Туньке⁴ послал. Юринацу ответил открытой карточкой. Абрахолю отвечал (по-французски!) на его вопрос о прогрессе – просил разъяснений, а с прозаичностью ученых и влиянием на это науки, я думаю, он неправ, потому что делает логическую ошибку: он забывает – сколько «непрозаиков» среди не людей науки, и его мысль будет верна, когда там таких людей, любящих Идею, будет больше, что весьма сомнительно. Количество людей прозы среди людей науки, по-моему, зависит: 1) от того, что занятие наукой является часто теперь выгодным материально и 2) потому что количество научных работников очень велико. Его работа (я думаю, что тема дана Гротом) – очень интересна, и, по моему мнению, может дать интересные результаты.

Ты еще спрашивала о Бальзаке. Я далеко не такой поклонник его, как Сергей⁵, но мне кажется, он дает гораздо больше, чем один тонкий анализ человеческого сердца, анализ чувства любви. Он дает еще замечательно четкий анализ **всех** поводов человеческой деятельности – среди его героев особенно сильно и полно видна индивидуальность как в мелочах, так и в крупном. Я думаю, что он захватывает и целую жизнь массовую. Возьмем, например, его превосходное описание фламандского характера в связи с обстановкой в

«Recherche de l'absolu»⁶; прелестно с этой точки зрения описание церкви в Contrphilos.

Некоторые вещи кажутся нам старомодно-сентиментальными, но, по моему, это не является недостатком – оно необходимый аксессуар (как через 30 лет будут старомодны Доде, Толстой и т.п.), и среди этой обстановки особенно сильно выделяется глубоко проходящая в его произведениях мысль. Старомоднее комедии Мольера (мне представляются старомодными некоторые комедии Островского), но именно потому, что они цельны. Как целен и Бальзак – человек, по внешности, своей эпохи. Читала ли ты Рабле? Или ничего не читала? Его произведения скрыты совсем в средневековой оболочке – или оболочке Возрождения, но это придает им особую прелесть.

Я на днях вышлю Елли Ивановне⁷ учебники физики и химии и думаю, что до тех пор пока она [не] пройдет эти основы, вредно изучать физиологию. Я все более и более убеждаюсь в необходимости дисциплинированности ума, и наука важна не по количеству тех или иных знаний, которыми человек обладает, а потому, что она дисциплинирует ум, приучает к строгому научному мышлению. Очень жаль, что приходится ей учиться исключительно по книгам.

Книгу ее сестре, а равно и Сергею пошлю на днях.

Поцелуй крепко нашего шалунишку – сынишку. Целую тебя крепко-крепко, мою золотую, дорожую Тутю. Мое дорогое счастье, сокровище, мою чистую.

Твой Д.

Д. 36, лл. 65, 67.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Старицкая.

³ Очевидно, Петр Михайлович Аргутинский.

⁴ Возможно, Никодим Исаевич Аматыни.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ *Balzac Honore*. La recherche de l'absolu suivie de Un épisode sous la terreur P.: Mareseq Havard, 1851. См. также Оноре Бальзак. Собр. соч.: В 24 т. М.: Правда, 1960. Т. 20. С. 5–190.

⁷ Лерке.

№ 164

26 февраля 1889 г., Мюнхен

Мюнхен, 26/II 1889 г.

Дорогой мой, родной Тутик, моя золотая, ненаглядная девочка, сегодня получил твое письмо со вложением писем Васи¹, Сергея², Адьки³, мамы, Винб.⁴ (очень я рад, что ты в переписке с ними – какой это живой, хороший центр в Питере, не правда ли?). Васино письмо, по-видимому, заварило кашу в СПб., и я думаю, что он несколько неправ, неправы несколько Агафонов и Винберг. Васе я на днях буду писать.

Мне хочется тебе написать по поводу Сережиного письма: надо уметь «читать» письма, т.е. понимать письмо, зная образ выражений человека, нам,

среди близких людей, – не надо пугаться слов. И я думаю, что ты не совсем верно поняла Сережину мысль, и думаю, что в очень многом я буду с ним согласен. Добиться чего-нибудь можно только дружной, сознанный, целесообразной работой, а потому раз поставлена известная цель и много людей **вместе** должны стремиться к ней, должна быть выработана программа и по этой программе надо по мере сил действовать, здесь возможны случаи подчинения воли одного человека, раз это необходимо для общего дела, и не только пассивное подчинение, но и активное участие (например, таково мое участие в Тверском [Приютино]⁵). Другой вопрос – о пределах такой регламентации, Сергей его не затрагивает, и я думаю, что вопрос о братстве⁶ сложнее, чем вопрос о политической **партии**, что имеет в виду Сергей, и, насколько я понимаю явление, неудача всех попыток братств и т.п. происходила от того, что не умели выбрать нужную **степень** регламентации, или заходили слишком далеко в регламентировках, или совсем не доходили. Для меня Приютино, в частности, и братство вообще имеют большое значение именно потому, что им дается возможность породить хорошую идейную атмосферу в нескольких семьях на поколения. Мне кажется, это будет возрождением родовой организации в нашем обществе, которая через 2–3 поколения перейдет, вероятно, в кровную родовую общину – наша сила, как сила рода, именно будет состоять в том, вся внутренняя жизнь не имеет других регламентировок, кроме тех, какие имеет семья (я думаю, что регламентация рода не была чувствительна отдельным ее членам, потому что они с детства к ней привыкали, подобно регламентации в семьях у нас), и что по отношению к внешним мы являемся цельным. Но для каждого частного случая, для известной, поставленной братством цели, нужна та организация, о которой говорит Сергей, но это касается только частью нас, а еще более – нас вместе с целым рядом других лиц. Мне кажется, **ты** забываешь одно – конечно, опасно стремление к узкой, насильственной регламентации, и оно даст только часть правды (т.е. поступков, действительно согласных с твоим идеалом и им не противоречащих, правда в практически нравственном смысле и есть это), но совершенно также опасно и именно потому же и другого рода деятельность, т.е. отсутствие всякой регламентации, более или менее боязливая и случайная организация жизненных условий. Как одно грозит несозданием того, что мы создать, по-видимому, можем, так грозит этим и другое. И далеки от правды эти оба течения. Сверх того, я думаю, что в общем эта вся регламентация братства сведется к очень немногому, исключая известных, прямо необходимых не только для нас, но и для всех русских деятелей, других организаций.

Ты пишешь дальше, что боишься, что не всегда будешь согласна с Сергеем – весьма возможно, но поступки не только твои будут обуславливаться мнением Сергея, но и Сергеины – мнением твоим. Вопрос идет не об известном подчинении мнений одного человека мнениям другого, а о выработке более или менее общих их мнений отдельных людей. Если жизнь вместе наложит иной раз на тебя известные условия, то она наложит их и на других людей – и взамен всегда даст много такого, чего никак без этого ты иметь не могла. Я думаю, что у тебя здесь много остатков недавно пережитого, где было много узкого в суждениях и поступках Сергея, Гревсов и т.п. и где ты не сумела или не захотела достаточно сдержать их (весьма возможно, и сама

тогда поступала также «узко»). Будет ли так идти дальше, гораздо больше зависит от нас самих.

Относительно вопроса о Вернадовке – вопрос для меня не так ясен, по крайней мере не в такой форме, как для Адьки и Сергея. Но многое для меня кажется верным в их мнении, потому что во многом их мнение – мое мнение.

Мы несколько раз говорили с тобой относительно того, что нехорошего в управлении Вернадовкой, и я удивляюсь и огорчен, отчего ты опять ставишь вопрос не так, как надо, ты пишешь: какая разница между Вернадовкой и капиталом – и то и другое с народа. Совершенно это верно, но весь вопрос состоит **совершенно не в этом**. Адька написал совсем верно: иметь имение как «доходную статью» мы не имеем права, а я скажу, что иметь капитал как «доходную статью» мы не имеем права. Я сделаю маленькую оговорку: резервный фонд я считаю нужным. Но резервный фонд не может быть в имении, поставленном так, как поставлена Вернадовка. Плохая сторона состоит не в том только, что мы берем деньги с крестьян, а в том, что мы управляем ею **так**, как на словах мы считаем бесчестным. Следовательно, это является лицемерием с точки зрения нашего политического идеала и ложью. Я тебе приведу аналогию: если бы существовал политический деятель, который бы вместе с Гладстоном воевал против Coercion Act⁷ в Ирландии и в то же время практически применял бы этот Coercion Act ежедневно? Мы – настолько уже мы определились и не изменились – считаем, что абсентеизм является наиболее вредной вещью в нашей местной жизни, и в то же время мы являемся абсентеистами; мы объясняем теперь это временными условиями, но если нет шансов, что это не будут не временные условия, то мы держать большое имение не имеем права. Мы или по крайней мере я глубоко убежден во вреде для России той бесшабашной системы хозяйства, которая у нас определяется краткосрочной съемкой, и я это делаю; если мы не поселимся в имении, то все это будет продолжаться все время. Но жить с таким камнем на шее решительно нельзя – это можно год, два, но больше – нет. Разве ты не понимаешь, что это противоречие мешает мне и говорить и действовать!!!! И тут не могут быть приняты ни мнения мамы, ни мнения Егора Павловича*. Мама не могла понять, что есть плохого в том случае, когда имение было в аренде у купца за большую сумму и который драл с живого и мертвого для выплаты, но я и ты – мы понимаем это; совсем то же и теперь. И я совершенно согласен, что раз и в будущем ничего не предвидится, чтобы можно изменить условия, Вернадовка или по крайности большая ее часть должна быть продана. Если не поселиться там, то нам надо будет поселиться где-нибудь на юге – в Крыму или где-нибудь в Малороссии, а потому надо будет купить там именье, очень небольшой хутор.

Еще недавно в разговоре с Abrahall'ем я еще раз почувствовал всю ложность моего положения и что, кроме того, как что это «временное», я мог ему ответить!

* Мне странно, что и Гревсы, и ты, вообще большинство компнии в ненужных мелочах настаивали и сгорали там, где это было для дела не нужно, а в случаях **важных** настаивать не хотят.

Видишь, разница **есть** между капиталом и Вернадовкой, или я неясно выразил? Не забудь, что local selfgovernment⁸ – самый **коренной** параграф нашего политического credo и логическое следствие идеи братства. **Очень прошу тебя написать мне, согласна ли со мной.**

Гагу поцелуй хорошенько в его дорогую мордашку. Я так уверен, что ты сможешь сделать из него хорошего человека, и если уж не сможешь ты, так никто не сможет.

Работа моя подвигается вперед с чрезвычайной медлительностью, и, как нарочно, теперь довольно плохо работается, но я все-таки надеюсь ее на днях кончить и тогда уехать. Так мне хочется приехать к тебе – к моей дорогой Натусе – если возможно будет, приеду дней на 4, на 5.

Послал Елли Ивановне⁹ химию Ценгерле¹⁰, я ее не знаю, но его учебники минералогии из популярных – лучшие; начальных химий в немецкой литературе много, но все мне совсем не известны, а химия Рихтера¹¹ по-немецки значительно дороже русского издания, так что выгоднее выписать из России. Книга Ценгерле вышла в 1886 г., когда Елли Ивановна будет учить, пусть заметит, что фтор получен в прошлом году французом Муассоном, это газ. Крепко целую тебя, мою неоценимую радость. Мой поклон Елли Ивановне.

Не понимаю, причем сумма 200 рублей – ты мне, очевидно, не все написала¹².

Д. 36, лл. 68–71.

¹ В.В. Водовозов.

² С.Ф. Ольденбург.

³ А.А. Корнилов.

⁴ В.К. Винберг.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 137 и комментарий № 2 к письму № 96.

⁶ См. комментарий № 1 к письму № 26.

⁷ Закон о приостановке конституционных гарантий.

⁸ Местное самоуправление (англ.).

⁹ Лерке.

¹⁰ *Zengerle J. N. Physiologie der Verdauung, Blutbildung, Anbildung und Rückbildung, sowie Entwicklung der thierischen Wärme in menschlichen Organismus: Vom organisch-chemischen Standpunkte aus betrachtet und nach dem gegenwärtigen Stande der Wissenschaft bearb. Freiburg im Breisgau: Herder, 1857.*

¹¹ *Рихтер В.Ю.* Учебник неорганической химии по новейшим воззрениям. СПб.: Тип. «Обществ. польза», 1883.

¹² Фраза написана на полях л. 71 об.

№ 165

1 марта 1889 г., [Мюнхен]¹

Пятница, 1 марта 1889 г.

Моя дорогая, родная, неоценимая Тутик, это письмо придет немного позже. Все время сидел вчера за писанием статьи и надеюсь к воскресенью быть совсем готовым и во вторник, может быть, выеду из Мюнхена или в среду [...]

Я надеюсь все-таки приехать к тебе, к моей ненаглядной, родной девочке – после этой работы у меня еще остаются неконченными вычисления и рисунки трех мелких работ, которые я сделал здесь, и их я, вместо того чтобы писать в Мюнхене, буду писать в Сан-Ремо, так как в Париж хочу поехать совершенно свободным. Я хочу в Париже взять определенную работу у Фуке, так чтобы работать над известным вопросом, из которого можно выработать магистерскую диссертацию, но все это еще мечты.

[...] Я боюсь из твоего письма к Агафонову (очень хорошего, которое я послал ему), что ты не бережешь себя. Тутя, моя радость, ты должна больше беречь себя, мое сокровище, родная неопределимая [...]

Крепко целую тебя, мою дорогую, и мальчугана нашего карапузика, береги себя [...] дорогая Тутя. Поклон Елли Ивановне².

Твой Влад.

Адрес [...] Серезкин³ (на его имя – Кабинетская, 13? [...]) или на имя Саши^{4?5}

Д. 36, лл. 76–77.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 129.

² Лерке.

³ С.Е. Крыжановский.

⁴ Возможно, А.С. Зарудный.

⁵ Приписка сделана слева на полях л. 76.

№ 166

[4 марта 1889 г., Мюнхен]¹

Моя золотая, родная Тутик – получил я сегодня твой ответ на мое письмо по поводу Вернадовки etc. и на него хочу ответить тебе.

Мое родное, дорогое дитяtko, я вовсе не хотел и не хочу таких результатов моих слов, которые, боюсь, будут у тебя проявляться частью в самых невозможных экономиях, а частью в волнованьи и т.п. – что тебе яд². И все это еще более убеждает меня в необходимости захватить в С.-Ремо [...] Пока что я употреблю все усилия, чтобы приехать в С.-Ремо. Работу кончил (оттого пишу мало). Прочитал и оставил Гроту, который захотел сам исправить мой отчаянный немецкий слог и конструкции. С выводами он согласился. Вероятно, напечатаю под одним моим именем: Грот потребовал от Мутмана, чтобы он предоставил свои результаты (которых у того почти нет), а Мутман вчера говорил мне, чтобы только упомянуть о нем etc.³ Вообще история все-таки неприятная. Я оставил свою работу Гроту с полной *carte blanche*⁴ решать, как он хочет, о Мутмане.

Верно, послезавтра выезжаю из Мюнхена и еще не знаю, еду ли к Тутке – верно, приеду [...] и тогда обо всем подробно переговорим.

Целую тебя [...] и сынишку целую. Елли Ивановне⁵ поклон.

Твой Д.

Может быть, скоро увидимся!

Д. 36, л. 78.

¹ Очевидно, письмо было написано 4 марта, так как это ответ на письмо Н.Е. Вернадской от 1 марта, а письма из Сан-Ремо в Мюнхен шли 3–4 дня.

² В письме от 1 марта 1889 г. Н. Е. Вернадская писала: «Я согласна с тобой в отношении имени... нужно скорее решить: можем мы хотеть жить и действовать в Вернадовке, иначе продать ее скорее... Должны еще решить меньше тратить на свою личную жизнь, не принимая во внимание в такой мере, как до сих пор, условия здоровья и пр. Передать средства наши или в общее распоряжение кружка, или на деятельность в деревню, чтоб возратить в местную жизнь то, что должны. Иначе так жить невозможно. Невозможен этот внутренний разлад, нестерпим, получаешь отвращение к себе...» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 54–54 об.).

³ См. комментарий № 1 к письму № 154.

⁴ Предоставить полную свободу действий (фр.).

⁵ Лерке.

ПИСЬМА 1889–1892 гг.

№ 167

[18 марта 1889 г., Париж]¹

Париж, Rue Le Goff, 10

Дорогая моя, родная Тутя, моя славная девочка, приехал я вчера ночью в Париж и сегодня, благодаря помощи Батюшкова, устроился довольно хорошо (за 40 франков в месяц) в Hotel de Brésil (кажется, так называется, надписи нет) в Rue Le Goff, 10 и жду с нетерпением твоего письма, моя ненаглядная дорогая девочка.

Так мне хорошо с тобой и так тяжело без тебя, так все сердце не в покое, когда не вижу тебя, не слышу тебя, не ласкаю тебя, мое счастье и радость. И я бы остался с таким удовольствием с тобой в С.-Ремо, а не поехал сюда. Так ты мне дорога и так я живу тобой, моей нежной, моей умницей. Я очень прошу тебя непременно: 1) посоветоваться с доктором по поводу болей, 2) пить аккуратно сыворотку, 3) не очень много работать и 4) извещать меня о здоровье подробно.

Мне хочется написать тебе несколько отдельных впечатлений из моей поездки и дня, проведенного в Париже.

Во-первых, о Калмыковых. Сам Калмыков так плох, как только можно представить себе, и я никогда не ожидал, чтобы мог человек так быстро и так страшно сгореть. Очень может быть, он переедет или в С.-Ремо, или в Бордигеру etc., и ты напиши ей подробности. Она, вероятно, вследствие домашних обстоятельств уедет (ей довольно тяжело теперь) и по дороге проживет у тебя в Сан-Ремо (приедет другая дама, которую, по-видимому, сам Калмыков больше любит etc. – целая история теперь там). Все это между нами.

Между прочим, Калмыкова говорила мне о проекте, очень, по моему мнению, важном, и о котором, к удивлению, никто ничего не пишет. Чертков прекращает деятельность «Посредника» и предлагает нам взять эту фирму. Калмыкова писала об этом Ольденбургу и Свешникову еще за недели 2 до своего отъезда, и на них никто ничего ей не ответил, между тем она согласна взять это дело². Мы с ней решили, что упускать такой случай нельзя, и она напишет Черткову в таком смысле. Конечно, направление «Посредника» – не наше направление, но разница не так уже велика, и мы по-нашему улучшим его, а затем тут готовая клиентура и масса связей, и начинать дело при таких условиях очень важно. Я думаю, что это дело станет на ноги...³

Дорогой мне вспомнился наш разговор о виноделии etc. и вспомнилась формулировка Рескина, о которой ты говорила. Вся Côte-d'Or, все пространство от Лиона и раньше до Дижона – все это, богатая низменность и холмы, является страной исконного виноделия. В настоящее время здесь во многих

местах произошло сильное обеднение: филлоксера уничтожила лучшие виноградники, и около железной дороги ты встречаешь виноградники брошенные или на месте виноградников поля хлеба. Почти все это мелкие крестьянские собственники, и тот удар, который нанесло падение виноделия благосостоянию массы народа, здесь ужасен и едва ли восстановится многолетней работой. Такое впечатление вынес я из разговора с крестьянином-виноделом, с которым я ехал, и из тех фактических примеров, какие видел. Появилась филлоксера лет 10 назад, и процесс ее развития не окончился; большие фермы легче переносят, чем маленькие хозяева, все благосостояние которых в одном винограднике. С этим связано все: и дальнейшая судьба семьи, и возможность удовлетворять дальнейшие высшие умственные интересы. Теперь начинают сажать американские сорта – легче сопротивляются филлоксере, и временно хлеб, который дает в много, много раз меньше дохода... Мне вспоминалась вся история этой филлоксеры при ее появлении во Франции, бессилие науки и та огромная масса труда, средств, какие тратились и тратятся на опыты борьбы почти безрезультатно. Но с общей точки зрения, с точки зрения науки, это бедствие имеет много хороших сторон – знаешь ли, что все работы Пастера, создавшие новое и, по-видимому, такое важное течение в медицине, имели первым поводом, кажется, изучение филлоксеры, наконец, целые области зоологии и сознание необходимости этого знания явились также ее следствием. Здесь появилось то же, что случилось у нас, когда появился знаменитый жук кузька – бросились изучать врага только тогда, когда он сделался ужасен, а всякая научная работа может дать средства и победы над известным явлением только после многих лет работы. И много лучших результатов имели бы, когда бы эта предварительная работа, которая теперь делается, была сделана, когда враг был мал и незначителен. Все так в мире живом тесно связано между собой, что мы, добиваясь известных результатов, добиваемся невольно и других, для нас иногда пагубных, и которые являются неожиданными для нас только потому, что мы не знаем «законов» биологии. Но я не об этом хотел писать тебе... Все это еще больше заставило меня вдуматься в наш разговор, и еще сильнее, еще яснее я вижу неверность формулы: «Производиться должны предметы первой необходимости» и что только это является нужной работой – не должны тратиться силы на производство предметов роскоши. Мне кажется это отрицанием всего самого мне дорогого – отрицанием развития умственного человечества, науки, искусства. «Роскошь» – понятие очень неопределенное, она является следствием условий времени и места и главным образом следствием известного распределения продуктов в данном месте в данное время. Прекрасный пример – шелк – роскошь теперь в Европе и не предмет роскоши в Китае, насколько я знаю, и т.п. Единственный материальный прогресс, какой могут указать в положении рабочего класса, – это именно то, что предметы «роскоши» сделались доступны ему и потеряли вследствие этого этот свой характер. Много, страшно много таких предметов, которые получили теперь характер (например, картофель, например, в истории человечества – железо, например, библиотека и т.п., и т.п.) предметов почти «первой необходимости». Мне кажется, мы переживаем теперь целый ряд таких процессов – вспоминаются мне два, которые совершились почти на наших глазах: в России керосин был недавно роскошью, а теперь вытеснил лучину (одно из самых важных улучшений жизни массы у нас в последнее

время); новые способы искусственного рыбозаведения делают всюду общедоступными лучшие сорта рыбы; наконец, все предметы электричества и т.п. Следовательно, характер «роскоши» не может определять важность производительности деятельности. Производство продуктов первой необходимости – это застой, предметов роскоши – развитие. Производство не может оправдываться условиями распределения, потому что это условия местные, временные, а производство накапливает весь капитал, все достояние человечества без взгляда на распределение.

Но, несомненно, есть правда, что иногда производство предметов «роскоши», иногда производство и предметов дешевых для массы (нельзя их назвать роскошью) является вредным, и я старался найти их, чтобы на основании этих известных мне фактов формулировать, чем должно оцениваться производство. Так[ой] вредны[й] факт: производство опиума, обогатившего Англию и дававшего такой славный заработок индейцам и пагубного для Китая etc.

Такими являются производство предметов изысканности, предметов, тесно связанных с известным нравственным упадком общества или вредных для производителей. Одним словом, оценка должна явиться с характером **этическим** (не в смысле только личной этики).

А потому не может явиться стыдной или ненужной деятельность в таких областях, которые только теперь являются предметами роскоши вследствие дурных условий распределения, и желательно, чтобы стали доступны желающим.

Развитие этих областей производства – прогресса – желательно и необходимо...

Когда, вследствие развития достатка человечества, является выгоднее производить предметы первой необходимости в более девственных странах, страны в других условиях необходимым образом **обязаны** переходить к развитию предметов «роскоши» и делать их более доступными массам, так как производство их этим удешевляется.

Весь Европейский континент находится в таком положении, и Россия теперь входит в него.

Ни развитие шелководства, ни виноделия не считаю я безнравственным и т.п.

Мне было бы довольно долго говорить об этом, напиши, ясно ли так. Еще – все эти мысли снова возбудили во мне вопрос о протекционизме и фритредерстве, и основы протекционизма опять являются у меня шатающимися. Познакомил меня Батюшков сегодня с двумя здешними барышнями ([Мосовитинова] – тебя знает – что это за человек? Батюшков очень хвалит, и пассия Андрея⁴ (и Батюшкова?) – Остр.)⁵ и с двумя молодыми русскими юристами. Андрей делал отчаянные глупости, по рассказам. Венгерова, говорит, не симпатичная. У них здесь образовался такой довольно дружеский кружок и, кажется, на Батюшкова хорошо подействовал, и, по рассказам, большинство – славная молодежь.

Целую тебя и Гагу⁶. Поклон Елли Ивановне⁷. Пиши мне больше, моя девочка, моя золотая рыбка, Тутя – сокровище.

Твой Доля

¹ Очевидно, письмо было написано 6/18 марта, так как в письме от 9/21 марта 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Получила сегодня твое первое письмо из Парижа» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 76); письма из Парижа в Сан-Ремо шли обычно три дня.

² «Посредник» – русское просветительское издательство, основанное по инициативе Л.Н. Толстого в Петербурге в 1884 г. В.Г. Чертковым. Основная цель «Посредника» – издание доступной по цене для народа художественной и нравоучительной литературы. В 1892 г. издательство переехало в Москву, где И.Д. Сытин взял на себя печатание и распространение изданий «Посредника». Помимо А.М. Калмыковой, помощь издательству оказывали многие интеллигенты, среди них И.И. Горбунов-Посадов, который после изгнания из России в 1897 г. В.Г. Черткова и П.И. Бирюкова (руководитель издательства) возглавил «Посредник» (1897–1925). Издательство существовало до 1935 г.

³ В письме от 9/21 марта 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Ужасно важным мне показался проект о “Посреднике”... Ведь это ужасно, ужасно важная вещь. Мысль об этом меня всю захватила! Как я рада, что Александра Михайловна берется за это дело. Наверно, великолепно его поставит. А дело страшно важное и может сделаться центром, вокруг которого группируются многие силы! Таким центром он именно может сделаться. Привлечет сочувствие очень многих и объединит многие разрозненные теперь деятельности и желания!.. Я все думаю о “Посреднике”, вот дело общее, в которое можно вложить направление, которое положит основание серьезной неразрывной связи в кружке, ведь долго толковали, что нет именно общего дела для всех. В его доме может и Приютин петербургское основаться. Все это мне кажется таким хорошим и исполнимым» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 76 об., 77 об.). А.М. Калмыкова в 1889 г. в Петербурге открыла склад народных изданий, существовавший до 1902 г. Склад служил явкой для социал-демократов. В 1890 г. издала каталог книжного склада, который явился ценным пособием для составления народных библиотек, издала ею же составленные две серии дешевых книг для народа под заглавиями: «Жизнь прежде и теперь» и «Силы природы и труд человека».

⁴ Андрей Николаевич Краснов.

⁵ Очевидно, М.А. Островская. В.И. Вернадский вспоминает: «Выставка имела для меня и другое значение. На нее приехало много русских, и здесь впервые завязались у меня дружеские связи с П.И. Новгородцевым, В.Э. Грабарем, М.А. Островской, дочерью драматурга, по мужу Шателен» (см.: Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 72). Ф.Д. Батюшков в письме к В.И. Вернадскому указывает инициалы девушки: «М.А.» (ф. 518, оп. 3, д. 102, л. 10).

⁶ Георгий Владимирович Вернадский.

⁷ Лерке.

№ 168

20 марта 1889 г., Париж

Париж, 20/III 1889 г.,
10, Rue Le Goff

Дорогой мой, родной, ненаглядный Тутик [...]

В Париже я еще очень мало осмотрелся и еще почти нигде не был – как-то все затуркивался и особой охоты не было. Был у Фуке и начал работать в лаборатории – работаю вместе с Шарицером, о котором говорил тебе (он приват-доцент Венского университета), который со страхом ехал в Париж и которого я устроил. А! Так что я теперь очень часто в компании Шарицера – как два Диоскура – говорит он. Это очень милый человек, любит науку, простой, не особенно культурный, и я думаю, что несколько узкий в работе, но честный, приветливый и добрый, по-французски он почти не говорит, так что я уже не раз в разговорах с Фуке etc. являлся переводчиком. Фуке мне

очень понравился – чрезвычайно милый старик, работать здесь, хотя помещение мало, очень, думаю, хорошо. Может быть, смогу написать магистерскую – надо, главное, скорее приняться, а месяца 1,5–2 буду учиться методам. Здесь еще один мюнхенский немец – д-р Вейншенк, которого я не люблю за его хвастовство и немецкое самомнение. Он скоро уезжает. Познакомился с двумя французскими минералогами – Буржуа и Лакруа, довольно милые. На лекциях был пока только у Фуке в Collège de France – очень доволен: понимаешь, Collège de France – учреждение очень оригинальное, и мне нравится – там нет студентов etc., а есть профессора и небольшие лаборатории (и превосходная библиотека), профессора читают ежегодно небольшие курсы, обязаны излагать отделы науки согласно самым последним данным, касаться вопросов спорных etc., таких лекций в Германии, насколько мне известно, почти нет (исключая приват-доцентских курсов – но это совсем другое, когда читает молодежь, в действительности знающая один-два вопроса), в России редкие курсы носят такой характер. Здесь все даром и все открыто, кто хочет посещает большинство лекций, где угодно (сейчас хочу идти в Ecole des Mines к Малляру), и в лаборатории работа даром и все к твоим услугам. В научных устройствах, несмотря на простоту и тесноту, поражает культурность. В Германии – я чувствовал, что мы несколько не ниже, а здесь ты понимаешь, какая сила в традиционной работе поколений – как в Англии.

Был у Ольстенов¹ (...² докт.) – довольно милы, советуют устроиться в Медоне – кругом лес, в много километров, помещение можно около 500 франков в год, на 200–300 франков можно купить мебели (уезжая продать), дорогá прислуга – обещает познакомить etc., на следующей неделе еду – сообщение очень удобное и дешевое (пароход и железная дорога), место здоровое. Пиши, мое сокровище. Целую тебя [...] Получила ли мою записку и письмо?

Гагу³ поцелуй. «Русские ведомости»⁴ не посылай. Прочла ли рассказ Короленко в «Русской мысли»?⁵ Мое счастье.

Оп. 7, д. 36, лл. 83–84.

¹ Такую транскрипцию дает В.И. Вернадский фамилии Holstein – Гольштейн.

² Одно слово неразборчиво.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ «Русские ведомости» – газета, выходившая в Москве (1863–1918), орган либеральных помещиков и буржуазии, выступавших за конституционную монархию, сотрудничали в ней либеральные профессора: К.Д. Кавелин, Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, А.А. Мануйлов, П.Б. Струве, Б.Н. Чичерин, А.И. Чупров и др.; в 1880–1890-х годах печатались демократические писатели и народники: В.Г. Короленко, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский и др.

⁵ Очевидно, речь идет о рассказе: *Короленко В.Г.* С двух сторон (рассказ о двух настроениях) // *Русская мысль*. 1888. № 11. С. 174–206; № 12. С. 214–266.

24 марта 1889 г., Париж

24/III 89 г., Париж

Дорогая моя [...] получил я сегодня твое письмо и не понимаю, отчего ты аккуратно не получаешь моих писем, – я пишу тебе совершенно аккуратно, и ты должна так получать мои письма [...]

25/III

Начал работать у Фуке, и один препарат уже сделал. Если только нельзя будет сделать магистерскую работу здесь, оставаться дольше сентября не стоит, а все это решится в близком будущем, через месяца 1 1/2. У Фуке я хочу взять работу над соединениями глинозема с кремнеземом, которые, если мне удастся развить эту тему, как я хочу, могут дать магистерскую работу: все зависит от того, удастся ли мне получить эти соединения. До сих пор попытки получить их были почти безрезультатны и все испробованные, обычные способы дали отрицательные результаты; мне пришел в голову новый способ их получения, который, по моим соображениям, должен дать их и целый ряд других соединений. Если моя мысль окажется верной, то я через несколько месяцев окончу работу. Фуке я говорил о ней в общих чертах – он советует попробовать. Работу еще я не начал вполне целно, потому что теперь учусь; кроме того, начинаю подробнее знакомиться с фосфоритами Франции и на праздники отправлюсь на первую экскурсию. От Докучаева ничего не было, я ему сегодня пишу. Проводил на днях Батюшкова в Мадрид: он, бедный, в том же почти положении, как Андрей был (строго между нами), и мне очень жаль его, потому что это великолепный человек (как он сильно изменился к лучшему в Париже). Я никак не могу понять, как могла на них всех такое впечатление произвести эта девушка, которая, боюсь, ниже его. Батюшков видит ее недостатки, но у него прямо сильное, нерассуждающее чувство, которое сильнее его, и хотя я ему всячески вселял бодрость, а боюсь, что он будет страдать, что его не поняли. Но обо всем расскажу при свидании (моя Тутька любит все такие события? да?).

Читаю теперь, кроме специальных сочинений по искусственному получению минералов к фосфоритам, Мюнтца «Histoire de l'Art pendant la Renaissance»¹ – очень интересно, и у меня все более развивается страсть к искусству, ведь все несчастье – любовь к музыке и искусству, в которых ничего не понимаю! Кончаю Kaufmann'a «Gesch. d. Universitäten»² – факты интересные, но тянет, повторяется – нет ясности ума и смелой широкой мысли. Целую тебя, Гагу³ крепко. Поклон Елли Ивановне⁴. Покупаешь ли «Samrana»⁵? Покупай. От Александры Михайловны⁶ узнай адрес Клейбера и пришли мне. Как мне недостает тебя, как мне грустно без тебя, моей родной.

Оп. 7, д. 36, лл. 85–86.

¹ Müntz M.E. Histoire de l'Art pendant la Renaissance: In 3 vol. P., 1889. Vol. 1: Les Primitifs; 1891. Vol. 2: L'age d'or; 1895. Vol. 3: La Fin de la Renaissance.

² Kaufmann G. Geschichte der deutschen Universitäten. Stuttgart, 1888–1896.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Лерке.

⁵ Возможно, «Samrana dei Studenti» – студенческая газета, выходившая в Италии в XIX в.

⁶ Калмыкова.

28 марта 1889 г., Париж

28/III 1889 г., Париж

Мой дорогой, родной цыпик, перепутал я дни и потому ставил, верно, неверные числа, когда писал, а также боюсь, все ли время шли мои письма через день.

Я еще все как-то не вошел в колею здесь. Надоел мне и немец мой (мне больше приходится говорить по-немецки, чем по-французски!), и я все не могу, вероятно до его отъезда, приступить серьезно к работе. Мой немец – оригинальный – ограничен, очень добр, не особенно умен, верит в привидения, каждое воскресенье в костеле etc. – вот будущий профессор минералогии в Вене, а в то же время работает и наблюдает точно и старательно. Сделали мы с ним тут вещества, и до сих пор все они, по-видимому, удачны. Через Фуке познакомился еще с 2-мя здешними светилами – М. Леви и Фриделем, а завтра иду к Готфейлю, послезавтра – к Вырубову. Коллекции здесь огромные, так что работы много, а для успеха мне так надо иметь возле себя своего родного, дорогого Тутика, чтобы он сидел возле меня, мой неоцененный цыпик. Как я люблю, как я живу тобой, моей радостью, счастьем. Получил я письма (твою краткую записочку, письма Сережки¹, Адьки², мамы, Марии Ивановны³). Деньги Гревсам отправляю завтра. Я думаю, что ввиду всего, может, лучше микроскопа не покупать – я стараюсь держаться от соблазна, хотя, наверное, работать можно дома хорошо. Сережке написал, что книги ему **мы** можем покупать: ни я, ни Федор⁴, ни Сергей⁵, ни Адька на этом не стесняемся, а Сергей из-за этого не может работать! На такие некрупные (не сразу) расходы у нас есть средства. Я вижу теперь вполне, что я теперь могу самостоятельно работать, так что для учения дальше сентября оставаться не стоит [...] Сегодня получил письмо Батюшкова, которое пересылаю тебе одной, и пришли мне – ты увидишь, какой он хороший человек (напиши мнение свое и пришли мне назад письмо) [...]

Твой Владимир

Оп. 7, д. 36, лл. 87–88.

¹ Сергей Ефимович Крыжановский.² Александр Александрович Корнилов.³ Старицкая.⁴ Федор Федорович Ольденбург.⁵ Сергей Федорович Ольденбург.

30/18 марта 1889 г., Париж

30/18 марта 1889 г., Париж

Дорогой мой, ненаглядный Тутик, мое счастье, моя хорошая девочка [...] Завтра я поеду в Медон посмотреть и немного ориентироваться, сегодня вечером хочу пойти к Ольстенам, у которых я с тех пор не был, так как они сказали, что они дома по субботам, а в прошлую субботу я к ним пойти не мог.

У меня здесь оказывается очень порядочно знакомых, но как-то мало хочется идти к кому бы то ни было, мне хочется скорее уже быть с тобой [...] Не бегай много и не волнуйся слишком.

Работать систематично все еще не начинал, чему частью виною, что часть лаборатории занята Вейншенком, который уезжает через неделю, а частью, боюсь, виноват в этом я: холод и отвратительная погода как-то подавляюще на меня действуют – я просто всей душой рвусь к теплу, мне его нужно, необходимо.

Получил достаточно интересное письмо Абрахоля, которое перешлю скоро тебе. Послала ли мое письмо Маше?¹ В Лувре Венера Милосская мне меньше понравилась статуи римских, но одна фигура – «гладиатора» – так и до сих пор стоит у меня перед глазами. Какая еще великолепная, чудная картина – «Мадонна» Мурильо. Мне кажется, я ничего лучше и выше не видел, и только после этой картины я начинаю больше ценить Мурильо. Перед ней захватывает дух. В ней выражено то, что выражено в очень немногих мадоннах (например, в мадонне Ван Дика в Мюнхене) – я не могу сказать, что! это, но что-то такое, что сильно, и тепло, и гордо – хорошо действует на человека.

У меня выясняется план работы и даже двух работ, но одна из них едва ли может явиться магистерской диссертацией, но, знаешь, мне как-то боязно приступать к работе, не то что лень, а какая-то не то неуверенность, не то не знаю что. Но с этим, конечно, я скоро слажу. Мне и хочется вести эту самостоятельную работу и что-то точно сдерживает, отталкивает – не особенно приятное настроение. Во всяком случае, я со следующей недели приступлю к этой работе и буду работать над ней как над магистерской диссертацией, если к июню не получу достаточных результатов, надо будет возвращаться в Россию и писать диссертацию о фосфоритах². Микроскоп задерживает меня купить цена: меньше 800 фр. покупать микроскоп не стоит, а так без него работа обойдется мне франков в 300–400 – делание препаратов и тому подобное. О фосфоритах писано здесь необозримо много, но нет общей идеи. Моя мысль кажется мне все более верной, и тогда я через года два работы с ней покончу (вот если бы удалась мне работа с глиноземом – была бы докторская диссертация!). Целую тебя [...] только для тебя мне хочется работать, тобой хочется жить. Поцелуй плутишку-сынишку. Елли Ивановне³ поклон. Что ее химия?

Твой Додя

Оп. 7, д. 36, лл. 89–90.

¹ Мария Сергеевна Гревс.

² В.И. Вернадский написал магистерскую диссертацию на тему «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах» и защитил ее 27 октября 1891 г.

³ Лерке.

1 апреля 1889 г., Париж

1/IV 1889 г., Париж

Дорогой мой, родной цыпик, моя золотая девочка. Мне так уже хочется скорее видеть тебя у себя, мою радость. Был я на днях у Ольстенов, познакомился там с американской художницей Келлер – и Келлер, и Александра Васильевна Ольстен увлекаются теософизмом (буддизмом), и здесь есть даже салон такой. В Медон проехать не удалось – все время, не переставая, шел дождь, и вообще погода ужасная здесь все эти две недели, что я тут.

2/IV

Пишу утром, и поэтому письмо, может быть, придет несколько позже. Сейчас иду с Осиповым (командированным сюда из Харькова химиком) к Вырубову; еще оказалась у меня знакомой семья Пуаро (ботаник), к которым пойду завтра. Ни у Деникера, ни у Венсокова, ни у Говелака еще не был – надо будет как-нибудь отправиться.

Работу свою вчера начал и, как выясняется моя тема, может быть, смогу провести, но для этого надо мне быть свободнее в лаборатории – это будет, когда уедут мои немцы (один уезжает на этой неделе, другой – на следующей).

Получил хорошее письмо от Агафонова, которое, когда отвечу, пришлю тебе. От мамы я давно не получал писем и потому не знаю, что и думать о Кате¹ [...] Как тебе понравилось письмо Федора Дмитриевича Батюшкова? Клейбер в Лондоне (Montague Place, 4. W.C.) – в июне приезжает сюда.

Познакомился здесь с симпатичным москвичом – Грабарем, занимающимся международным правом, напоминает Агафонова по манере говорить, ходить etc., но мнений вполне умеренных. У них, по-видимому, славный кружок молодых юристов, оставленных при университете.

Тутька спрашивает об американской полиции (хочет поступить туда брат Елли Ивановны?)² – трудно ответить на этот вопрос, мне кажется, мы даже молoduшно оставляем его в стороне, стараемся не думать о нем. Я, впрочем, считаю совсем незачерным служить в полиции **явной**, не тайной и только не признаю возможного шпионство, как политическое, так и военное. С этой точки зрения, я думаю ужасно все-таки нехороша деятельность сыщиков и по уголовным и гражданским делам, но как ее заменить при современном строе – вообще этот частный пункт мне не ясен. Служение же в явной полиции бесчестным не считаю и думаю, что одна из важных реформ – это реформа полиции, которая, мне представляется: 1) должна быть выборной, 2) действовать только по закону (уменьшить «административные» распоряжения).

Целую тебя, мое дорогое сокровище.

Твой Владимир

Гагу³ мальчугана крепко очень целую.

Оп. 7, д. 36, лл. 91–92.

¹ Екатерина Ивановна Вернадская.

² Лерке.

³ Г.В. Вернадский.

5 апреля 1889 г., Париж

Париж, 5/IV 89 г.

Дорогая моя птичка, получил я твое письмо с письмом Сергея¹. Во-1-х, ты мне не отвечаешь так подробно про здоровье, как я хочу [...]

Затем относительно Сергея. Ему я пишу завтра, по-моему, непременно эти 500 руб. надо послать, и потому устройся; таким образом, мы теперь даем 675 руб. (а если считать 100 с лишком, посланных раньше, то до 750 и больше). Если бы мы были в Питере, занять 1000 руб. в банке было бы легко, а отсюда – невозможно.

Попов придет в августе или сентябре – уплату в банк можно просрочить месяцем (около 5 руб. приплатить), и надо узнать, когда Попов может прислать следующие деньги.

Не помнишь ли, когда ты получила в прошлом году? Я еще со всем разберусь и напишу позже.

Работаю плохо – мешают мои немцы (удивительно грязно работают), и затем я все простуживаюсь, и, например, сегодня такой насморк и такая страшная головная боль, что совсем не могу работать. Погода здесь отчаянная.

Сегодня иду обедать к Ольстенам, с которыми еще хорошенько совсем и не поговорил. А завтра пойду в Медон, если будет хорошая погода, с Грабарем (двойником Агафонова). Вчера был в Химическом обществе – ничего интересного не было.

Меня очень беспокоит Катя², и так мне ее, бедную, жалко, и самое ужасное, что ничем помочь нельзя [...]

Что Гага?³ Получила ли Доде? Покупаешь ли «Сапрана»?⁴ Что Александра Михайловна?⁵ О каких говоришь выписках, не знаю, – пока не нужно [...]

Пиши.

Твой Додя [...]

Получил от фрау Герман книги и плед.

Оп. 7, д. 36, лл. 93–94.

¹ Ольденбург.

² Очевидно, Е.И. Вернадская.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 169.

⁵ Калмыкова.

7 апреля 1889 г., Париж

7/IV 89 г., Париж

Дорогая моя [...] получил я сегодня твое письмо [...]

Меня очень удивило, что ты пишешь о женитьбе Васи – пишешь как о чем-то мне известном, тогда как я впервые узнал из твоего письма¹. Напиши мне подробнее.

Я думаю, что достать всю сумму для «Приютина»² мы не можем – что же делать, надо достать в долг и расплатиться позже, но 500 рублей надо послать! Писала ли об этом?

Маша³ молодец – так она славно и энергично принялась за хлопоты. Девочку надо пока поместить в приют⁴. Если Лелька⁵ будет платить – хорошо; а нет – 26 руб. в месяц всегда достанем – в случае чего можно меньше купить книг или устроить вкладчину. Тех 3000 франков, которые у тебя есть, пока не трогай, но ради всего святого, не делай экономии на жизнь.

Ты волнуешься, моя дорогая, спрашивая, что ты делаешь? И тебе кажется, что ты ничего не делаешь! Тутя, моя родненькая – ведь дело заключается не только в том, что один является чиновником, другой ведет школу, третий – портной или слесарь, ведь **дело** в нашей сложной жизни заключается и в том широком нравственном тепле, которое так страшно сильно у тебя и которое дает жизнь стольким людям, возбуждая их к хорошему, к доброму, к правде. Ведь **дело** заключается и в той работе, работе мыслью и сердцем и всем существом твоим, которую ты ведешь по отношению к нашему сынишке; ведь **дело** заключается и в том, что не тухнет в тебе живой огонь, а все больше и больше разгорается; ведь **дело** заключается и в той работе, которая идет у тебя, работе мыслью над вопросами, связанными с воспитанием: подготовка к переработке есть дело, потому что не может делать эту работу человек, который раньше не работал и не думал много, следовательно, раз ты теперь думаешь или читаешь – это дело. Не надо смотреть узко на «дело», не надо оценивать все одной меркой. Все это следствие излишней теоретичности в общих суждениях, известного стремления приложить к сложным жизненным явлениям нашу узкую, одностороннюю мерку. Ты теперь сильно чувствуешь сложность жизни и нежелательность одностороннего ее освещения. Будь же последовательна. Проведи эту мысль, эту идею и дальше и пойми, что не может быть для всех людей приложена одна рамка «дела», что многообразны потребности жизни и что разные проявления являются «делом» – что также нужна работа какой-нибудь Александры Михайловны⁶, как нужна твоя работа [...] Твой дух освободился от многих узких определений, которые ты прежде прикладывала к жизненным явлениям, людским мнениям. Освободись же от тех остатков, которые как осколки скорлупы еще остались на нем, и шире и проще посмотри на «дело». Отчего нужнее теперь, когда кругом являются сомнения и отчаянье, отчего нужнее теперь школьная деятельность, которая неизвестно что дает в результате, даже если и научит грамоте etc., чем горячее сердце и прямая речь, которые придают силу работникам, которые зовут их идти вперед, к правде и свету. Моя радость, мое солнышко, не для меня одного ты нужна, не для меня одного ты дорога, не мне одному много даешь ты. И прочь все сомнения: ясен и прост стоит перед тобой путь твой, и не умрачняй его ненужным нелогическим сомнением, то, что ты теперь даешь в сношениях с людьми, в которых ты вкладываешь душу, то что ты даешь мне, сыну, близким, а что ты **даешь**, я глубоко убежден в этом, когда начнешь писать по вопросам воспитания, где равно нужен ум и сердце, – большой и редкий и нужный «талант». И ты делаешь дело, когда этот талант не зарываешь в землю. Конечно, ты не можешь мыть полы или давать уроки, но из того, что не можешь по физическим силам делать подобную работу, не значит, чтобы ты не делала «дела»...

Много мыслей являлось у меня за последнее время, и о многом мне хочется переговорить с тобой [...], был сегодня в Медоне – еще весны не видно, на днях буду осматривать квартиры, боюсь, что будет трудно найти: кругом лес и хорошо, но квартиры (маленькие) большей частью в самом городке, напоминающем итальянские городки, там, впрочем, есть целый ряд еще деревенок вокруг – осмотрю и их.

Был у Ольстенов. Познакомился с Лефрансе, старым коммунаром, чрезвычайно симпатичным и довольно умным. Он много рассказывал интересного про здешние интеллигентные и тому подобные кружки. Читаю я теперь «Свободную Россию»⁷ – новый заграничный орган – много очень интересно, лучше других, хотя есть и неточности и лишнее. Хотелось бы переслать тебе, но боюсь перепугать М-ме Дем⁸. А у меня под влиянием всего вокруг много мыслей возбудилось, мыслей о необходимости таких ясных, определенных принципов, которые не должны допускать никаких компромиссов. Я ясно понял, что возможна борьба и возможна победа только тогда, когда есть основные положения, которые я не скрываю, которые я говорю смело и гордо. Раз не будет этого, не будет и борьбы. Отдельные лица могут лицемерить и, прикрываясь, например, защитниками самодержавия, de facto подкапываться под него, но не может так образоваться партия, группа людей, которая являлась бы хоть мало-мальской силой и могла бы надеяться на преемственность. Я вижу и чувствую, что это не вполне ясно всеми сознается, но для меня это теперь вполне ясно и я рад этому. Нужно именно делать компромисс в способах действия, а не в принципах – в принципе **свободы** человека: свободы слова, печати, религиозных верований, собраний, в необходимости гарантий для известной деятельности и т.п.

Мой родной [...] присылай мне, ужасно прошу тебя, бюллетени о твоём здоровье. Целую тебя. Поцелуй Гагуна⁹. Как его зубки? Поклон Елли Ивановне¹⁰.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 36, лл. 95–98.

¹ Речь идет о женитьбе Василия Васильевича Водовозова, в письме от 24 марта/5 апреля 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Дорогой мой, меня как громом поразило известие о женитьбе Васи, что-то трагическое в этой любви к девушке, которая недавно стрелялась, которая больна, как писал давно Вася, неизлечимую болезнью [...] Что это – отчаяние или любовь?» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 74).

² Дмитрий Иванович Шаховский – член теперь широко известного «Братства», в которое входили и супруги Вернадские, купил в Весьегонском уезде Тверской губернии небольшую усадьбу «Малашкино», из которой предполагалось сделать «Приютино». Объяснение этого названия мы находим в воспоминаниях А.А. Корнилова: «Связь наша (членов “Братства”. – *Ред.*) сделалась тесной, дружеской связью даже и независимо от тех общих этических и общественных интересов, которыми мы увлекались. Мы еженедельно собирались, кажется, по четвергам, у Ольденбургов и всегда засиживались далеко за полночь и даже иногда до утра, беседуя, мечтая и споря об основах нашей будущей жизни и деятельности [...] В одно из таких всенощных бдений возникла у нас мысль, не помню, кем первым формулированная, скрепить нашу дружескую связь в будущем покупкой на общий счет какой-нибудь земли, где мы могли бы впоследствии съезжаться хоть летом и обновлять таким образом постоянно и наше дружеское общение, и те этические принципы жизни, которые нас связывали, хотя тогда еще и не были, сколько я помню, никем из нас точно формулированы. Так как мысль о покупке такого маленького имения связывалась у нас и со стремлением стать ближе к народу, и с желанием

иметь общий уголок земли, в котором мог бы в трудный в материальном отношении момент своей жизни каждый из нас найти временный приют, то и будущее имение наше – так и оставшееся потом в наших мечтах – решено было тогда же назвать “Приютиным”, а отсюда и члены нашего кружка стали потом называть себя “приютинцами”» (ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 41). См. также: кн. 1, письмо № 27 и комментарий № 1 к нему. Купленная Д.И. Шаховским усадьба оказалась довольно неудобной, поэтому вскоре решено было ее продать. См. также письмо № 216.

³ М.С. Гревс.

⁴ Речь идет о незаконнорожденной дочери Л.А. Оболянинова, которую он сдал в воспитательный дом, чем возмутил всех членов «Братства», особенно Вернадских.

⁵ Лев Александрович Оболянинов.

⁶ Калмыкова.

⁷ Журнал, издававшийся за границей в 1888–1889 гг. русскими эмигрантами В.Л. Бурцевым и В.К. Дебогорием-Мокриевичем.

⁸ Фамилию установить не удалось, очевидно, хозяйка дома, где жила Н.Е. Вернадская.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Лерке.

№ 175

10 апреля 1889 г., Париж

10/IV 1889 г., Париж

Дорогой мой, родной цыпик, моя сильно любимая радость, мое счастье, так весь я стремлюсь к тебе, хочу к тебе, так я люблю тебя, так мне хорошо с тобой.

[...] Во-первых, отвечу на твои вопросы: Егору Павловичу¹ писал еще 5/IV, и в этом письме я приглашал Нину² приехать к нам в Париж. Теперь не устроятся ли они совсем на лето все около Парижа? Знаешь – Квицинский лечил 4 года отца – я его очень хорошо знаю, но говорили, что он сам нервно болен, в последнее время, может быть, поправился; он хороший человек.

Затем, Тутька глупенькая – ведь о квартире мне надо знать все подробно – сколько нанимать. Нанимать 3 или 5–6 комнат – разница огромная. Если Паша³ и Георгий⁴ захотят поселиться с нами, надо еще комнату, и попроси еще раз скорее написать об этом, а потому решай скорее с Аней Зарудной – мое мнение знаешь. Советуют мне торопиться, но я не могу нанять, не зная, кто с нами будет жить! Пуаро советует в Шарантоне – дешевле. Поеду посмотрю. Теперь все еще здесь мерзкая и холодная погода.

С работой, кажется, налаживается. Впрочем, еще не знаю.

Ты говоришь, что не понимаешь, как я так недоволен строгими мнениями о Лельке⁵, но я вовсе не удивляюсь этим мнениям, а мне больно и неприятно, что Сергей, и Шура⁶, и Маша⁷, и tutti quanti⁸, осуждая Лельку, не видят, что они делают (идейно) ту же гадость, если только не было ложью и пустословием все, что они раньше говорили. Мне как-то даже грустновато сделалось от этой нравственной затупелости, точно пелена им напала на глаза. Вот именно при этом условии меня больно шокируют их резкие отзывы.

Мысль занята у меня все сильнее и сильнее вопросами правильного устройства брошенных, бедных детей. Как сложны здесь условия жизни... Мы все знаем, как скверно в воспитательном доме, и это скверное принимаем как **должное**. А между тем если все скверно там, если гибнут тысячи ребятишек, то гибнут потому, что никто не знает, не думает, не заботится о том, что там творится. «Скверно» – и успокаиваются. Да правду ли необходимо, чтобы было скверно?

Правду ли, нельзя иначе устроить? Или при тех средствах, какие есть, но при добром желании и сильной воле можно добиться лучшего? Я не вполне сторонник ни фаланстера, ни других таких учреждений, но я ясно вижу, что много в них – во всех подобных теоретических представлениях – и важного, и, может быть, верного. И правильная организация подобных общественных учреждений во многих случаях может явиться очень важным ядром будущих организаций, наконец, много здесь и вопросов, которые должны направлять известным образом развитие идейных построений. Я помню, у меня много мыслей явилось по поводу несколько розовой, может быть, статьи в «Русской мысли» за несколько лет назад по поводу «Воспитательного дома в Рио-де Жанейро», но много там верного⁹. Читаю я теперь «Coffignon L'enfant a Paris»¹⁰ (пришлю на днях), много очень интересного, и много родится разных мыслей. Жизнь ставит вопросы, и их обходить мы не можем – тот только начнет ближе понимать жизнь и становиться в ней большей силой, кто продумывает и насколько может перерабатывает вопросы, предъявленные жизнью. И один из таких вопросов пред нами – вопросов страшно важных, и относительно которых мы все ничего не знаем. Воспитательный дом, судьба ребят, их гибель, их будущее поприще, и все те разнообразные нравственные и общественные вопросы, которые с ними связаны. Что по этому вопросу у нас сделано, кем и что надо сделать?

Мы столкнулись с вопросом жизнью, и я думаю, не должно кончиться дело одним устройством Обольяниновской девочки¹¹. Вопрос шире и важнее.

Как-то не пишется, и, хотя рано, 19 1/2 часов вечера, – что-то устал очень. Целую тебя, мою радость, скорее бы быть с тобой. Гагу¹² целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 36, лл. 99–101.

¹ Старицкий.

² Нина Егоровна Старицкая.

³ Павел Егорович Старицкий.

⁴ Георгий Егорович Старицкий.

⁵ Л.А. Обольянинов.

⁶ Сергей Федорович и Александра Павловна Ольденбургки.

⁷ Гревс.

⁸ Все до одного; и пр., и пр. (ит.).

⁹ См.: К., В. Воспитательный дом в Рио-Жанейро (Из записной книжки туриста) // Русская мысль. 1885. Кн. 2. С. 1–30.

¹⁰ *Coffignon A. Paris vivant, L'enfant à Paris...* P.: E. Kolb. [1889].

¹¹ См. Комментарий № 4 к письму № 174.

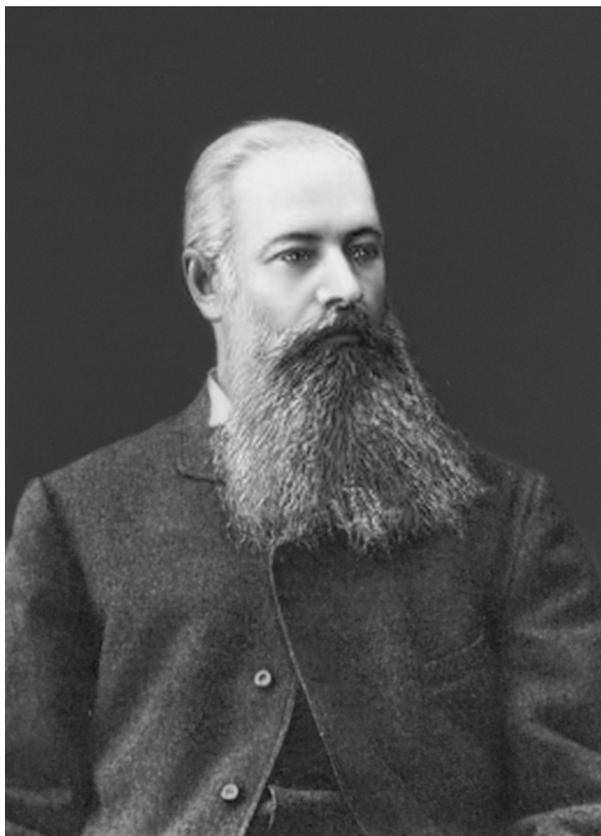
¹² Г.В. Вернадский.

№ 176

12 апреля 1889 г., Париж

12/IV 89 г., Париж

Дорогая моя девочка [...] С письмами я, правда, путаюсь и с числами и никак не могу войти в колею со складом жизни, да и нездоровилось [...] Б.¹ писал об Островской² (Андрей³ тоже). С Мосовитиновой я после того ни разу не виделся, а с Островской виделся довольно часто: довольно взбал-

В.В. Докучаев

мошная девочка, но, я думаю, довольно оригинальная и не глупая. Я надеюсь много на тебя и на твое теплое, хорошее влияние на нее, так как вы познакомитесь [...]

Что трудна книжка Доде – не беда⁴.

Работа идет себе понемногу. С минералогами здешними познакомился очень многими.

Жизнь здесь очень дорога – и еда, и все, и я ужасно недоволен этим, а тут еще сюртук надо заказывать. Вещи Докучаева на выставку, боюсь, запоздадут – я был в Русском отделе⁵.

Главное, **скорее** сообщи, **сколько** надо комнат – а то совершенно нельзя нанимать.

Мой светик, мое счастье, так постоянно, все время хочу я к тебе и душой с тобой; так мне тяжело без тебя, без моей единственной, без моей родной. Для тебя только хочется и работать, и добиваться, моя золотая, ненаглядная птичка, мой дорогой воробушек [...] – я хочу для тебя работать, я хочу для **тебя**, для **тебя** хочу и удачи, и хочется мне обладать и талантом, и силой, и знанием. И я чувствую, что мало я пока поддался этому желанию, но теперь я весь отдался ему, и я чувствую, что я хочу, что

Дарственная надпись на фотографии В.В. Докучаева,
подаренной В.И. Вернадскому

я добьюсь, что хватит ли у меня или нет сил – а я буду добиваться.
Моя радость.

Гагу⁶ целую.

Владимир

Оп. 7, д. 36, лл. 102–103.

¹ Федор Дмитриевич Батюшков.

² См. комментарий № 5 к письму № 167.

³ Краснов.

⁴ В письме от 28 марта/9 апреля 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Доде получила. Мне ужасно нравится “La belle Nevernaise”, но, я думаю, страшно будет трудно перевести, слог слишком оригинальный, чтоб было легко его передать, но это прелестная вещь и, мне кажется, очень подходит для народа» (ф. 518, оп. 3, д. 255, л. 82 об.). См., например: *Доде Альфонс. Прекрасная Нивернеза: История одного старого судна*. Харьков: Харьк. о-во распространения в народе грамотности, 1892.

⁵ Речь идет о коллекции русских почв, которую подготовили В.В. Докучаев и его ученики для Всемирной выставки в Париже (1889). В.И. Вернадский принимал участие в выставке в

качестве представителя В.В. Докучаева. Отдел русских почв получил Золотую медаль, а Докучаеву как организатору был присужден орден «За заслуги по земледелию» и звание «Chevalier du mérite agricole».

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 177

16 апреля 1889 г., Париж

Понедельник, 16/IV

Дорогая моя Тутя, получил я сегодня твое письмо.

Во-1-х, посылаю письмо о девочке¹, которое непременно прошу поскорее переслать Сергею² или Гревсам. Никаких сомнений у меня нет, и мне очень жаль, что у тебя они есть.

Относительно Марии³ – я не знаю и вот почему: 1. Как бы ей не было разочарование в Париже. 2. Как бы кухарка, не знающая условий Парижа и окрестностей, не делала нам все вдвое-втрое дороже. 3. Стоить будет, значит, если она останется у нас 3 месяца (ты говоришь в течение 3 месяцев ей надо выплатить 75 фр.), то будет стоить одно жалованье 60 фр. в месяц, а если она останется все 10 месяцев, что мы пробудем в Париже, – жалованье будет около 45 фр. Я еще не знаю здешних цен – узнаю. Затем не думаю, чтобы здесь нельзя было найти прислугу, и хотелось бы иметь подходящую кухарку. Кроме того, никаких у нас ручательств нет, сколько она останется (да и ты ее еще не знаешь). (Если она молодая, то в Париж ее тащить тем хуже.) Спроси Александру Васильевну Ольстен.

Вчера послал тебе письмо о квартире – можно ли нанять домик-особняк, 800 фр. в год, с малюсеньким садом, в Медоне – недалеко от прогулок, кухня и столовая (и спальня в то же время прислуги) внизу, 2 комнаты во втором этаже* и 2 – в третьем, с полной обстановкой, кроме постельного и столового белья. Отвечай скорее, потому что до четверга я должен дать ответ (телеграмма: да или нет).

Ехать: я думаю, что можно до **Парижа**, взять билет 2-го класса с **экспрессом**, выезжающим из Ниццы в 4 часа 57 минут дня (в Ниццу приехать с каким-нибудь поездом утренним), тогда в 10 часов 56 минут вечера того же дня вы в Марселе, а на следующий день в 5 часов 41 минута дня вы в Париже. Надо, однако, узнать на станции, берут ли с этим поездом пассажиров второго класса. Дороже, я думаю, сравнительно с усталостью не так уж много; да, кроме того, иначе приезжаешь в Париж ночью. Поезд, выезжающий из Вентимильи в 11 часов 5 минут ночи (приезжает в Париж в 3 часа 21 минуту дня), – неудобно, потому что ночью выезжать; тот поезд, на котором я приехал, неудобен, потому что ночью приезжает**. Если же приедешь в 6 часов вечера в Париж, то можем тогда же приехать в Медон.

Крепко целую тебя, мою мартышечку, и Гагу⁴. Очень рад буду скоро видеть тебя, моего дорогого поросеночка (Тутик!).

Обыкновенный билет 2-го класса из Вентимильи в Париж – 103 фр. 75 (сант.), увеличения цен для экспресса, кажется, нет.

Владимир

* Лестница очень маленькая, но крутая.

** Других прямых поездов нет. Останавливаться неудобно? Напиши.

Если думаешь, можно нанять эту квартиру, вышли мне скорее 400 фр. Мнение о письме моем напиши.

Оп. 7, д. 36, лл. 105–106.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 174.

² Ольденбург.

³ В письме от 1/13 апреля 1889 г. Н.Е. Вернадская писала: «Напиши скорее, в тот же день, как получишь это письмо: что ты думаешь о нашем плане взять с собой нашу кухарку Марию в Париж. Говорят, в Париже прислуга очень дорога. Ей же будем платить 35 фр. в месяц и через месяца три заплатим ей за дорогу туда – 75 фр.! Обратного не нужно платить. Даже если мы пробудем в Париже очень недолго, и то это выгодно, я думаю, будет [...] Марии ужасно хочется ехать. Она будет и стряпать, и комнаты прибирать, и белье мыть. А там, пожалуй, теперь даже трудно прислугу найти! Ей же хочется уехать из С.-Ремо, и потом ей выгоднее будет остаться в Париже. Она очень просит. Напиши скорее, что ты думаешь. Она честная, очень деятельная, быстро все делает и очень хорошо относится» (ф. 518, оп. 3, д. 255, лл. 99–99 об.).

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 178

24 декабря 1889 г., [Петербург]¹

Воскресенье. Утро, 24/XII 1889

Дорогая моя Натуся [...] сегодня получил твое письмо от 1-го²; очень доволен, что тебе лучше [...] Сегодня я тебе пишу немного, так как проспал и надо сейчас идти. Вчера был в университете и затем у Гревс. В университете видел массу народа, между прочим Глинку, диссертация которого кончилась ссорой и который сейчас в ней держал низкопоклонно etc., затем Агафонова, который очень просил тебе кланяться, очень похудел и решил теперь добиваться университетского положения. Докучаев ему уже предложил быть консерватором, как я был, и он согласился. Я очень рад. Он читать будет на съезде³. Видел Каракаша, Манфова etc.

Докучаев страшно завален работой, похудел, очень любезен, но переговорить с ним я не мог – такая масса народу его разрывала на части. Оказывается, я потерял право на возвратный проезд дороги, так как не посмотрел, что надо было предъявить билет, ехавши туда!! Весьма неприятно! В Киев нет ни малейшего расчета ехать. Армашевскому не удалось получить кафедру геологии, а профессором геологии назначен Венюков, которого я весьма не люблю, – а кабинеты минералогический и геологический там не разделены. Так что остается Харьков и Москва.

У Гревсов мало переговорили. Все мы были не в настроении. Я сидел долго. Катя⁴ и Сережа⁵ гораздо слабее нашего Гаги⁶, они почти не бегают, двигаются и ходят так медленно и неверно, что я просто удивлен. Говорят в общем не больше. Ужасно смешные. Кате очень понравились мои часы, игрушки еще не раздавал. Видел М-ме Гизетти: он (муж) нервно устал, мальчик нездоров. Леля Бекарюкова очень похудела и подурнела – у нее была инфлюэнца; Лиза Гревс похудела, но пока здорова. О родительском кружке я достану тебе все протоколы, и ты непременно составь маленькую заметку на французском языке. Иван⁷ с февраля будет читать курс (история Римской империи в период ее падения). Он все проговаривается, что хорошо бы нам

еще остаться и полезно для тебя etc. (серьезно говорит), чтобы прожить год с ними.

Вечером Иван ушел в родительский кружок, а пришел Лаппа и Кареев. Лаппа большой друг теперь Маши⁸ – мы много говорили, но как только начал разговор принимать свой хороший характер, пришел Кареев и помешал.

[...] Береги себя. Веди осторожно. Поцелуй Гагуню моего. Обтираете ли вы его холодной водой теперь? [...]

Твой Д [...]

Оп. 7, д. 36, лл. 109–110.

¹ Письма № 178–181 написаны в Петербурге, куда В.И. Вернадский приехал для участия в работе VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей; в письмах содержится информация о съезде, Петербургском университете, петербургских друзьях и знакомых Вернадских.

² 1 января 1890 г., так как Н.Е. Вернадская писала из Парижа по новому стилю, а В.И. Вернадский отвечал из Петербурга и число ставил по старому стилю.

³ Речь идет о VIII съезде русских естествоиспытателей и врачей, который проходил в Петербурге с 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. Председателем съезда был А.Н. Бекетов, товарищами председателя – проф. Московского университета Н.В. Склифосовский и А.Г. Столетов, секретарем съезда – В.В. Докучаев. В работе съезда приняло участие 2200 человек, в их числе и В.И. Вернадский. На 70 заседаниях было сделано около 400 сообщений. В.И. Вернадский дважды выступал на заседании секции геологии и минералогии: 29 декабря 1889 г. с докладом «О дистене и силлиманите» и 3 января 1890 г. – «О влиянии нагревания на барит и целестин» (см.: VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге от 28 декабря 1889 г. до 7 января 1890 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890. Отдел 4, геология и минералогия. С. 1, 3).

⁴ Екатерина Ивановна Гревс.

⁵ Сергей Сергеевич Ольденбург.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Иван Михайлович Гревс.

⁸ М.С. Гревс.

№ 179

26 декабря 1889 г., [Петербург]¹

Вторник, 26 дек. 1889

Дорогая моя [...] вчера среди всей здешней кутерьмы не написал тебе [...]

Я здесь совершенно завертелся, и вечные хождения в гости мне уже надоели; игрушки еще почти не передал (Елли Ивановны² вещи отослал) и даже Кате³ и Сергею⁴ не послал. 29-го я читаю. По словам Андрея⁵, в Харьков, **наверное**, можно устроиться, я отношусь, впрочем, ко всему этому немножко скептически. Но там нет ни профессора, ни консерватора, следовательно, в случае чего я возьму консерватуру с приват-доцентством. Егор Павлович⁶ совершенно ожил от этого плана и делает массу проектов – относительно их переезда и жизни вместе или вблизи. Это для него очень хорошо, и вообще я думаю, что можно и надо будет так устроиться. Может быть, выяснится все это скоро; я еще не мог видаться с Докучаевым. О Киеве я тебе писал, что туда нет смысла ехать.

Свой первый доклад почти что написал⁷ – как минералогическая работа он явится, несомненно, содержательным, но так как здесь нет почти других

интересов, то может таким не показаться. Вернувшись, усиленно примусь за диссертацию. Мне надо еще написать другой доклад, а у меня почти все время проходит в разговорах. Ох уж эти разговоры – болтовня! С толком ни с кем не переговорил, даже совсем нет. Сегодня идем к Гревсам–Ольденбургам – будет Паша⁸, Георгий⁹, Лаппа, Саша¹⁰. Сергей¹¹ мне говорил, что ему Паша и раньше очень нравился, а теперь очень нравится и Георгий, и он с ним подружился, так же как и Иван¹². В среду мы опять-таки все отправляемся к Клейберам, у которых я еще не был. Я был пока у своих, твоих, Гревсов – Ольденбургов, Ремезова и Краснова. Сегодня забегу к Кавос. Ремезов сильно вырос (нравственно), определился: убежденный альтруист. Мы с ним несколько спорили. Он говорил, что теперь, после деятельности Сергея в Комитете грамотности¹³, он относится к нему лучше, а раньше у него были для постороннего взгляда только слова и отсутствие стремления к живому делу. Вопрос не в том, насколько это верно, но так казалось другим.

Мое настроение неважное. Нет ни уверенности в себе, нет и спокойствия.

Чем больше я думаю, тем более убеждаюсь в необходимости для Гревсов уехать за границу и необходимости жить для Маши¹⁴ с известным комфортом – на 1200 руб. не проживешь, даже Сергей согласен, что надо иметь по крайней мере 2500 руб. (на год) – Ивану безбожно не проехать в Италию, а для Маши – вопрос первый важности. Я уверен, что надо нам занять (что придется и для денег за гревсовское имение) 1000 руб. Вопрос представляется мне очень серьезным для них. Никому не говори и не пиши – спишемся.

Целую очень крепко мою дорогую и Гагуню¹⁵ (он несравненно крепче, живее и здоровей Катюши). Поклон Елли Ивановне [...] Гольштейну. Ему я скоро напишу [...]

Твой Додя

Оп. 7. д. 36, лл. 111–112.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 178.

² Лерке.

³ Е.И. Гревс.

⁴ С.С. Ольденбург.

⁵ Краснов.

⁶ Старицкий.

⁷ См. комментарий № 3 к письму № 178.

⁸ П.Е. Старицкий.

⁹ Г.Е. Старицкий.

¹⁰ Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

¹¹ С.Ф. Ольденбург.

¹² Гревс.

¹³ С.-Петербургский комитет грамотности (1861–1895) – общественная просветительная организация, была создана при Вольном экономическом обществе (ВЭО). Программа, утвержденная ВЭО, предусматривала материальную помощь школам, издание книг, рассмотрение и рекомендацию учебников для начальных школ и книг для народного чтения, сбор сведений о народном образовании. В состав комитета входили Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, педагоги И.И. Паульсон, Ф.Ф. Резенер и др. В 1885–1886 гг. в комитет влилась группа для изучения народной литературы, в которую входил В.И. Вернадский. Деятельность комитета вызывала широкую общественную поддержку. К 1895 г. число членов комитета достигло 1025 человек. Издательство выпустило (1894 г.) 449 000 экз. книг, был издан каталог лучших книг для наро-

да и др. Царское правительство признало деятельность комитета «опасной» в политическом отношении, и комитет в 1895 г. прекратил свое существование.

¹⁴ Гревс.

¹⁵ Г.В. Вернадский.

№ 180

27 декабря 1889 г., [Петербург]¹

Среда, 27.XII 1889 г.

Дорогая моя рыбка, моя нежная птичка, получил я, моя ненаглядная, сегодня твое письмо – ужасно ему был рад – только ты не пишешь – все так же ли тебе не хочется есть?

Кончил свое одно сообщение², сегодня начну писать другое. Я прочел свое то, более общее, Сергею³, и он решительно советует прочесть его, но я сомневаюсь.

Вчера был у Кавосов. Катя⁴ страшно похудела и подурнела, Сережа⁵, их толстенький мальчуган, похож на Евгения Цезаревича⁶, только глаза чьи-то чужие. Затем обедал у Гревсов, где были вечером и Паша, и Георгий⁷, разговор мало клеился, Шура⁸ несколько было хуже, и она лежала (по-видимому, слишком много дала себе воли эти дни, и теперь это отразилось), Александр⁹ сидел совершенно ошпаренный (он меня злит, и я его прозвал слизняком), Иван¹⁰ тоже (я теперь понимаю многое из прежних твоих рассказов), Маша¹¹ тоже – одним словом, такая атмосфера. Даже Аматыни «начал философствовать» и, как он выражается, «пропал» (между прочим, он просит карточку Георгия¹² – разве ему не послали?). Детвора визжит ужасно (по сравнению с Гагой малоподвижна). Сережа¹³ (очень нежные у него волосенки, он толстенький, но очень мягкие щечки и т.п.) со мной сдружился, называет меня Нидимир, так что перед сном, говорят, вспоминал и кричал: «Нидимир! Нидимир!». Вообще для Кати страшно, мне кажется, будет полезно уехать из Питера. Конечно, действует и атмосфера больных.

За Гревсов надо будет в марте платить 3000 руб., и я пойду завтра справляться в банке, но хочу взять 5000, так как Маше и Ивану **решительно** (напиши свое мнение) необходим комфорт в Париже, а Маше – и лечение. Мержеевский не советует ей ехать к нам теперь. Я очень не верю вообще Мержеевскому; так Маша производит впечатление хорошее, и это очень страшно, что ее болезнь так мало, на первый взгляд, на ней отражается (не пиши ей ничего больше того, что она тебе пишет). С ней очень подружился и хорошо на нее действует Лаппа, который просиживает с ней часы и очень хорошо на нее действует своим спокойствием.

Сережа Кавос уже сломал игрушку.

Аргут¹⁴, приехал, но я его не видел [...]

Твой Д.

Оп. 7., д. 36, лл. 113–114.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 178.

² См. комментарий № 3 к письму № 178.

³ Ольденбург.

⁴ Екатерина Сергеевна Кавос.

⁵ Сергей Евгеньевич Кавос.

⁶ Кавос.

⁷ П.Е. и Г.Е. Старицкие.

⁸ А.П. Ольденбург.

⁹ Возможно, А.С. Зарудный.

¹⁰ И.М. Гревс.

¹¹ М.С. Гревс.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ С.С. Ольденбург.

¹⁴ Очевидно, Петр Михайлович Аргутинский-Долгоруков.

№ 181

28 декабря 1889 г., [Петербург]¹

Четверг, 28/XII 1889 г.

Дорогая моя, родненькая цыпка, моя нежная, золотая птичка. Сегодня от тебя не имел письмеца [...]

Сегодня было открытие съезда² – довольно хорошо. Главное, много народу. Было торжественное собрание в Дворянском собрании, были сильные мира сего, и несколько сделалось тошновато от фимиама благодарностей, которые им разносились. Но в общем было действительно торжественно – «праздник науки» – читали речи Делянов, Бекетов, городской голова Лихачев³, отчет читал Докучаев⁴, и прочтены были две речи: Менделеева⁵ о ценах (он считает, что законы цен являются весьма аналогичными законам удельных объемов и что цены далеко не определяются одним или главным образом спросом и предложением – во многом я согласен) и Склифосовского о нуждах медицинского образования в России⁶: эту ни я, ни кто другой не слышал. Интересно предложение профессора Богданова об устройстве Русской ассоциации естественных наук: начал так хорошо, а кончил опять фимиамом. Так и чувствуется, что хотя торжественно «наука» встречается, а все-таки она должна заискивать перед силою, что власть не в ее руках и что она все-таки только терпима. Масса рукоплесканий, фимиаму опять-таки как-то вызывала некоторую тошноту, и только горячая, совсем отличная от таких рукоплесканий встреча Менделеева несколько сгладила впечатление. А все-таки чувствуется, что, мол, ты пресмыкайся! Что хотят многие, очень многие крикнуть, что другие мы – и не могут! Среди возгласов рабского, сознательного или бессознательного ликования раздаются указания на благодарность земству, личной преданности науке и т.п., но что-то совсем не связанное со словами. Тон другой. Докучаев указывает на усиление интереса к естествознанию в провинции и т.п.

Вчера был у Клейбера. Клейберы очень были рады, у них были Винберг и К⁰ – в общем произвел весь вечер на меня несколько тяжелое впечатление, чувствовалось, точно я среди мышей, попавшихся в какую-то мышеловку, из которой они не знают, как выбраться. Кажется, прошедшее прошло и ничему не научило. «Все йде, та минае, та краю не мае...» Разглагольствовали Рейтлингер, старик Винберг, Клейбер, все это было что-то дряблое, неуверенное, неясное, страшно детское и старческое в одно время. Не умеют ни прямо посмотреть в глаза тому, что совершается, ни найти настоящий, сильный рычаг.

Молодые Клейберы произвели на меня хорошее впечатление; Л.В.⁷ жаловалась, что Пепо⁸ никуда не ходит, а тот сидит над диссертацией, считает, что у него получаются результаты, очень, по его мнению, важные, и говорит, что теперь, пока он работает, ему жалко тратить на другое время. Он вычисляет движение и скорость всех главных звезд и думает, что докажет для них принадлежность к одной системе. Вещь интересная, но ничего не могу сказать, пока не увижу доказательств.

На съезде видел многих пока мельком.

Целую тебя, мою девочку ненаглядную, и Гагуна⁹. Елли Ивановне¹⁰ поклон (письмо ее получил и благодарю). Гольштейн также.

О деньгах для Гревсов думаем с Марией Ивановной¹¹, выгоднее взять из твоих 3000, не говоря Егору Павловичу¹².

Мое счастье.

Твой Додя

Вчера видел у Клейбера Сергея¹³ – у них все то же.

Оп. 7, д. 36, лл. 115–116.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 178.

² См. комментарий № 3 к письму № 178.

³ Приветственные речи И.Д. Делянова (с. 1), А.Н. Бекетова (с. 3–8), В.И. Лихачева (с. 8–11) (см.: VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге. СПб.: Тип. В. Демакова, 1890).

⁴ См.: Отчет о VIII съезде русских естествоиспытателей и врачей, составленный секретарем съезда, профессором В.В. Докучаевым // Там же. С. XLI–LXXXIV.

⁵ Менделеев Д.И. Приемы естествознания в изучении цен // Там же. С. 11–17.

⁶ Склифосовский Н.В. Об одной из нужд нашего врачебного образования // Там же. С. 17–19.

⁷ Лидия Владимировна Клейбер.

⁸ Иосиф Андреевич Клейбер.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Лерке.

¹¹ Старицкая.

¹² Старицкий.

¹³ С.Ф. Ольденбург.

№ 182

30/18 декабря 1889 г., Берлин

И. Берлин, 30/18.Дек.1889

Утром отправился в университет (извозчик не знал, что «это» такое, и я должен был ему пояснить, что это возле цейхгауза – цейхгауз ему был известен: можно было сделать обычное для туриста скороспелое заключение). В университете феерии – все заперто, и минералогические коллекции перенесены из университета во вновь созданный Museum für Naturgeschichte. Опять проявление замечательного умения организации научных средств, которое поразило меня и в Мюнхене. Там почти все естественно-исторические лекции читаются в Академии, и таким образом достигается концентрировка научных средств и пользование ими большого числа людей; достигается и экономия

денег. Здесь то же самое. Университет приобретает возможность пользоваться и распоряжаться государственными коллекциями, и характер его изменяется; способ преподавания естественных наук также. К сожалению, музей еще не открыт для публики, профессора минералогии Клейна еще не было, и я на время отправился в Земледельческий музей, который помещается рядом. Его я осмотрел не весь, но он меня очень заинтересовал. Он находится при Сельскохозяйственной высшей школе и не только открыт и приурочен для публики, но и для сельских хозяев. Во многом его устройство не вполне хорошо, несколько казовое, но много и хорошего. В нем целый ряд отделов: машинный – я не осматривал, и затем: геологическо-педологический (т.е. почвенный), зоологический и ботанический. Эти три я вкратце осмотрел.

Геологическо-педологический отдел очень интересен; это первый подобного рода музей, мною виденный. Он недостаточно полон в целом ряде вещей (например: о тропических и об иностранных почвах вообще – почти ничего нет; слишком приурочен для научного музея к местным интересам, но в этом, конечно, его и сила). Находится он в заведовании профессора Грунера, которого я не застал; его ассистент (какой-то «Herr Doctor») показал мне небольшую лабораторийку, находящуюся при кафедре. Работать там едва ли удобно: в одной комнате и аудитория для лекций, и приборы (весы, аппараты для механического анализа почв и т.п.). Главные почвенные работы происходят у профессора Орта в особой почвенной лаборатории, которую я, к сожалению, не имел времени осмотреть, – здесь почвенные работы проводятся только в одном семестре. Из приборов меня заинтересовали приборы для определения почвопроницаемости – интересные по своей простоте. Большие стеклянные цилиндры с почвой в соединении с манометром; толщина столба почвы до 1/2 метра и больше?¹

Так как «Herr Doctor» ничего мне показать не мог, и они к посещениям, очевидно, не привыкли, то я отправился осматривать самый музей. Очень интересны образчики торфов и их происхождение; находимые в них органические остатки; некоторые минеральные продукты, например фихтелит, – как *in situ*², так и очищенный, выкристаллизованный из спирта. В другом месте интересные образчики почв, полученных культурной обработкой торфяных участков. Это вопрос, который будет иметь значение для целой полосы Северной России с каждым годом все больше. В Германии, где в северной части находятся торфяники и торфяные почвы, массами работают над этим давно, и, судя по читанному и здесь виденному, результаты очень интересные. К сожалению, я ничего не нашел здесь о подобных работах ни в Дании, ни на Скандинавском полуострове, где, по-видимому, этот вопрос разрабатывается не меньше, и чего можно было бы ожидать найти здесь, так как условия жизни Поморья, Мекленбурга etc. имеют много аналогии с тамошними. Но иностранный отдел здесь вообще хромает.

Целый ряд почвенных профилей Германии выставлен в больших цилиндрах – такая выставка позволяет легко следить за характером перехода почвы в подпочву, хотя не может, пожалуй, прилагаться к нашим глубоким, например степным, почвам. Другая коллекция представляет вертикальные разрезы в отдельных образцах из подразделений, очень поучительна коллекция почв, происшедших из выветривания вулканических или кристаллических пород.

В первый раз я видел здесь довольно много гуминовых кислот и их продуктов, как «естественных», так и «искусственных». Хотя коллекция эта очень сомнительна по научной полноте, но самая мысль интересна и предмет заслуживает большего внимания. После работ голландца Мульдера, вызвавших критику Либиха, единственно хоть несколько основательные работы – кажется, работы Детмера и Грандо; но и те, и другие (а равно как и сочинения датчанина Мюллера) представляют лишь начатки работы, которая должна будет сделана. В самом деле, черный цвет почв, к которому мы так привыкли, представляется нам до сих пор результатом неведомых соединений, которые, однако, играют первостепенную роль в столь важных вопросах, как питание растений, удобрение и т.п. Теперь при развитии органической химии должны приняться за это химики; по целому ряду свойств эти так называемые ульминовые и гуминовые соединения представляют глубокий научный интерес; в жизни Земли, в разрушении составляющих ее минералов они играют еще недостаточно оцененную роль. У нас, где представлены все почвы, кроме тропических, или в тропических странах должны особенно заняться этим вопросом ученые. Слышал я, что профессор Густавсон думает над ними работать. В коллекции, здесь выставленной, я не мог найти «органо-соединений» Грандо. Неужели их нет?

Очень интересны таблицы для сравнения разных приспособлений для механического анализа почв; продукты разных градусов наклеены на фарфоровую пластинку в кругах одинакового диаметра; таким образом можно сравнить аппараты Беннигсена–Фердера, Кюна, Кнопа, Нобеля, Шёне³. Кроме русского Шёне, остальные все немцы.

Не менее интересна и важна классификация почв; представлены таблицы и образчики целого ряда классификаций: Новацкого, Зеттегаста, Синсонская классификационная система 1842 г., Thaer'a, Schübler'a, Girard'a, A. Mayer'a, M. Wilckinb'a, Fallou, Grebe (1872 г.). Все это классификации немецкие; даже попытки австрийцев (например, Лоренца и других) не представлены. Нечего и говорить о других странах – о русских работах нет и помину. Вообще этот отдел почвоведения развивался всюду вполне местно; здесь не знают о работах, делавшихся в других странах, у нас Докучаев не знал или знал понаслышке о классификациях здешних, и всюду работали ощупью. Масса потерянного времени и работы. Странно – не представлены и новейшие немецкие: ни Детмер, ни Феска – это уже совсем стыдно (или я их не нашел?).

Коллекция фосфоритов и их месторождений очень интересная. Для меня интересно указание, что цветок *Convolvulus altaeoides*, по Грунеру, выбирает своим местопребыванием постоянно фосфоритные породы. Здесь же приведен экземпляр растения из знаменитого по своим фосфоритам Сасерес'a в Испании. Я никогда об этом не слышал. Надо справиться о распространении этого цветка. Я знаю, что Пумерел открыл фосфориты департамента Loh eh Gogonne на основании особенностей флоры, но таких «указателей фосфорита» я не знал. Впрочем, верно, это имеет местное значение?... **справиться.**

Не знал я и существования в изданиях испанского Геологического комитета карт всех главных фосфоритных залежей Испании [...]

О фосфоритах есть небольшая работа Грунера: «Gewinnung u. Verwertung fosf-haltig.» Dingenmittel. В. 1885.

Очень интересна коллекция образчиков селитровых залежей Чили; для меня представляли интерес как некоторые находящиеся там минералы (гипс), так и самые «селитровые земли» – например, так называемые *Caliche macizo* (65% NaNO_3) – масса, напоминающая совсем каменную соль. Залежи содержат иод, и маточные растворы окрашены от I в желтый цвет. Там же добывается иод.

Небезынтересны образчики аллювиальных и делювиальных почв и вообще явлений денудации.

Для меня заметить статьи:

Gruner. «Das miner.-pedolog.» Institut «Jahrbuch deutschen Landwirtschaft Gesellsch.» 1888. III.

Staring W.C.H. «Schoolkaart voor de Natuurkinde en de volksvlijt van Nederland.» Amst.: C.L. Brinkman, 1860.

Gruner. «Die Bedeutung d.geolog.-agronom. Bodenkantierung.» В., 1883 (Его же: «Landwirthschaft und Geologie.» В., 1879). Id. «Die geolog.-agronom.Kárte d. Kön Jachsens.» Jahrbuch deutschen Landwirtschaft gesellsch., 1882.

Он выставил и исторический очерк карт почвенных в образцах Германии (первая 1843 г.). К сожалению, выставлены так неудобно, что рассмотреть их я не мог.

По-видимому, этим музеем пользовались при устройстве соответствующего отдела в Политехническом музее в Москве; во многом последний кажется мне лучше.

Русская почвенная карта – здесь Чаславского (1879) – работы, столь важные за последние 10 лет, абсолютно неведомы здесь!

Для представления дарвиновской теории происхождения почв, кроме сочинения Дарвина, выставлены и образчики деятельности дождевых червей. Однако самые поучительные примеры (тропики) совсем не представлены. «Ходы» в [Zelleboden] являются здесь как ходы дождевых червей; это совершенно сомнительно, и характер ходов (например, их можно наблюдать и в окрестностях Парижа, и в нашем степном лёссе, и южноамериканском) скорее указывает, что они произведены корнями растений.

Полная коллекция материалов процесса Томаса (получение фосфорных удобрений как побочного продукта обработки железных руд, содержащих фосфор). Ввиду значения томасового процесса, который позволил добывать прекрасное железо из руд, самых обычных и прежде негодных, и дешевизны отбросов и это все заставляет думать, что они могут заменить фосфориты. Такая коллекция очень уместна. К сожалению, в этой коллекции нет никаких указаний на химический и кристаллографический характер фосфорных соединений в этих шлаках; не сведены новые опыты над их употреблением как удобрения. Первое имеет большой научный интерес, так как в этих шлаках мы имеем, может быть, совершенно новые соли кремнефосфорной кислоты или кислот, соединений для нас совершенно неведомых. Но и практическое значение этого не меньше, так как представляется для меня несомненным, что вся путаница в вопросе о фосфоритах происходит от того, что под именем фосфоритов смешивают самые разнообразные по свойствам вещества. Новые французские работы о резкой разнице французских фосфоритов, смотря по их кристалличности и аморфности, указывают на то же. К сожалению, никто

никогда не указал ясно и определенно на все значение этого для всех наших суждений о фосфорных удобрениях.

Отдел ботанический я прошел совершенно бегло; интересны японские семена культурных растений, доставленных японским правительством в 1886 г.

Большие образчики грибков, иные, например разных видов *Penicillium* etc., приготовленные Бренделем, очень хороши.

В зоологической коллекции, даже в той небольшой, которая выставлена, много интересного. Этим она обязана (коллекция собственно образована недавно, как и весь *Landwirthes museum*) теперь директору Нерингу. Меня давно интересовали его работы. Они указывают на существование еще недавно геологически **степи** почти по всей Западной Европе (в историческое время это была лесная область) и дают возможность предугадывать законность в теперешнем географическом распределении степи; и не менее интересны другие его работы о происхождении наших домашних животных, вопроса столь важного и интересного и для истории человечества, и для решения важных биологических вопросов – происхождения видов. Главную цену и приобрела эта коллекция для решения вопроса о домашних животных, и главным образом их остеологии, вследствие работ ее составителей Натузиуса и Неринга. Выставлено **очень** мало и очень плохо, что чрезвычайно жалко. Полный прекрасный скелет *Bos primigenius* из торфяников около Гулина в Нижних Лужицах. Остатки лошадей из делювия около Вестерегельна – раскопки Неринга. Ужасно интересны коллекции черепов собак и особенно **волков**, потому что показывают странную изменчивость в естественном виде. Это заставляет еще с большей вероятностью считать, что наши собаки произошли от разных видов животных: волков, шакалов etc. Интересно это с двух точек зрения: 1) создание общего **типа** из разных видов (на что не обращено внимания, но что, несомненно, страшно важно*), 2) историческое значение для вопроса о расах человека и для древней его истории [...] я думаю, позволит глубже понять причины наследственности и образования видов. К сожалению, главным образом эти работы основываются на остеологии. Мне неизвестны – или их нет – сравнительные исследования мозга, мускулатуры, эмбриологии разных рас, например, собак? В первый раз видел я здесь образчики черепов собак древних инков, которые образовались, по-видимому, из одной местной породы (южноамериканской) волка – разновидности североамериканского волка *Canis (lupus) occident Baird*. Решение вопроса о происхождении домашних животных старинных культурных рас Южной и Средней Америки особенно важно для решения вопроса о происхождении их культуры, а это так важно для нахождения законов истории человеческих обществ (если **не было** заимствования!).

Поразительна разница в костях разных рас домашних животных. Например, здесь можно было сравнить скелет породы коров *Niata* (Южная Америка) и голландской. Строй головы, челюстей (сильно закруглен у первой) резко их отличает.

* Например, произошли ли все человеческие племена – человек – от **разных** или от **одних** низших животных.

П. А 4452 – корова из вендского, славянского поселка около Новоруппинского озера – типич. *Bos primigenius* (судя по рис. 27 каталога Неринга)⁴. П. 2395 – *Bos taurus* из Хлудова в Познани. Обе, по-видимому, из славянских поселков или одно из другого племени? Значение изучения генезиса и состава домашних рас для первоначальной истории славянства до сих пор никем не создано, и материал для этого почти не собран. Здесь имеется для вымерших славянских рас Поморья и других прибалтийских славян. Сколько тут работы. . . Если *Bos primigenius* из Нового Руппина и *Bos taurus* из Хлудова принадлежат **одному** славянскому племени или если принадлежат разным – все равно задача этнографическо-исторически интересна и неясна. *Bos taurus* типа *frontösus*, который, может быть, происходит из *Bos primigenius*.

Судя по каталогу Неринга (изд. 1886), много хранится очень интересных вещей, много вещей из России (например, коллекция 38 черепов русских медведей – драгоценная для вопроса об изменчивости в области одного вида).

Задача местных музеев – например, Нижегородского и т.п. – собрать такие коллекции местных домашних животных. Какая неисчерпаемая, глубоко интересная цепь научных вопросов.

Коллекция Kensington Museum в Лондоне не уступит и, по-видимому, лучше и больше этой, но ее я, к сожалению, почти не видел.

Клейн был так любезен, что подробно показал мне свой еще не открытый институт. Я уже слышал о его грубости (от Рамзая и Брунъятели) и приготовился ко всему худшему. Швейцар дрожит подобострастно перед ним до смешного и смотрел на меня положительно с ужасом, когда я разговаривал с Клейном (дорогой швейцар меня предупредил, что Клейн сделал «Geheimsrath»)⁵ как с простым смертным. К удивлению моему, Клейн оказался в высшей степени любезным и водил меня в течение около двух часов по всему институту. Я передал ему свою работу о дистене⁶, которую он тут же просмотрел, заинтересовался и начал спрашивать о моих работах. Он говорил, что только устройство института заставило его оставить работу над влиянием нагревания на минералы; не скрывал своего огорчения, что так долго не мог работать, и сказал, что «первого января» (смеясь) начнет, особенно когда узнал от меня, что Le Chatelier нашел полимеры у SrCO_3 , а над углекислыми соединениями он уже давно начал работать. Клейн хочет изучать оптические явления в кристаллах при нагревании в сходящемся свете (для чего заказал, еще будучи в Геттингене, прибор) и (работать) над целитами. Он находит, что хорошо даже, когда работают несколько человек в одной области; по поводу моих наблюдений над образованием вихревых плоскостей нагреванием в лейците (мысль о чем ему, по его словам, никогда не приходила) заявил, что это не войдет в его область и, даже если он что-нибудь заметит по этому вопросу, пришлет мне. Так как он будет работать (а равно его ассистент Ринке, который еще с ним из Геттингена) по тому же вопросу, по которому работаю и я, то мне было очень важно переговорить с ним. Клейн очень опечален, что три года не мог работать с устройством института, он говорит, что, может быть, ученый мир уже думает, что он не может работать или что он бросил работу, что он постарается при первой возможности устроить так, чтобы ведение большого института не мешало ему научно работать (он думает, что научные работы легче и лучше будет делать

в маленьких институтах, а в больших слишком много возни с устройством, хозяйственной организацией занятий), – надеется организовать для этого ассистентов. Он говорит, что принес жертву, оставив Геттинген, где у него все приноровлено для работы, но ему хотелось организовать в Берлине такой институт, который был бы достоин столицы. (Я думаю, что почет, а может быть, большее содержание играли тут роль.) Впрочем, я вполне понимаю, что тут была жертва для научного работника. Теперь после трехлетней остановки ему, по его собственным словам, опять придется работать с изначала, учиться. Со мной он был ужасно любезен, работами моими он интересовался несомненно (даже мою работу, первую сделанную у Грота, он читал и говорит, что это **первый** наблюденный случай трапецеэдрической гемиздрии, т.е. признает результат, тогда как я сам, говоря ему, заявил, что считаю свои результаты не вполне для других убедительными). Когда я благодарил его за удовольствие, мне доставленное осмотром института, и, можно сказать, минералогическое «наслаждение» (я стараюсь быть верным своему обещанию тебе, моя дорогая, и все запоминать), он говорит, что он видит мой большой интерес к минералогии (!), и иначе он не стал бы так показывать. Я думаю, что ему просто было приятно показать с гордостью (и справедливой) свое детище. Одно несомненно, он обращался ко мне не как к ученику, а как к «ученому минералогу». Как я тебе говорил, в своей работе я попал на модный вопрос. Кстати, он обещал мне выслать в Париж все, что есть из своих статей, если не заказное, положи на стол в спальне: говорил, что надеется, что я не в последний раз в Берлине, и тогда он поможет или позволит осмотреть **самому** собрание, которое я теперь видел только слегка. Прощаясь, просил передать французским коллегам, что хотя они «abscheuliche prussen»⁷, но в науке они братья и всегда рады будут им etc.

Об аппарате Ле Шателье он ничего не знал (аппарат построен в 1870-х годах) и просил дать ему литературу, так как он хочет его устроить у себя.

По-видимому, с здешними химиками не в ладах.

Институт еще не вполне готов и будет открыт только через год. Ничего подобного я никогда не видел и не мог себе представить. Институт Грота совсем перед этим невелик, и я теперь понимаю многое в направлении Грота (стремление приноровить его не для химико-кристаллографических работ, для органических соединений (на место Мутмана консерватора опять химик)), так как на почве чистой минералогии конкуренция с здешним невозможна. По словам Дриша, подобное же впечатление производит Зоологический институт (новый) Берлина по сравнению со специальным очень известным Иенским. Если и все остальные в этом роде, то ничего подобного еще для каждой из данных наук пока делается не было, и мне очень интересно, что такое дает это для науки. Скоро будет выстроен институт в Париже, в Сорбонне (где, сколько мог я заключить со слов Готфейля, главное внимание будет обращено на лабораторию), новый Hofmuseum в Вене – какое влияние окажет это на развитие знания? Здешний институт, по-видимому, явится первым в Европе и, если нет лучших в Америке, то первым в свете. Нам далеко еще до таких институтов.

Минералого-петрографический институт носит характер Клейна, и я думаю, что от этого, а частью от соединения вместе минералогии и петрографии он получает и свои достоинства, и недостатки. Ясно, что он для чисто кристаллографических работ служить не может и что для этого нужны будут

приспособления, которых здесь почти не имеется. В этом отношении, если бы Грот не гнался ни за чем иным, институт в Мюнхене был бы первым. Разделение между кристаллографией и минералогией, которое начинает происходить все больше и больше, очень ясно из устройства этого института. К сожалению, это еще не проведено логически вполне в устройстве этого института, и он носит слишком (печатъ) влияния работ Клейна – петрографо-минералого-оптическое. Следовательно, во многом характер его случайный. Раз минералогия отделяется от кристаллографии и соединяется с петрографией, то ее целью явятся химические процессы Земли и планет, а следовательно, такие явления, как химические явления вулканизма, источники и осадочные образования, должны иметь больше места в институте.

Когда Клейн поступил, ничего почти не было, и собрание было в страшном забросе, гониометра было два, старой конструкции, с которыми работал сам Вебский, тонких шлифов и оптических препаратов минералов не было, библиотеки также и т.п. Одним словом, все было в забросе (совсем повторение того, что, говорил Грот, он нашел в Мюнхене после Кобелля; верно, вроде того, что застали мы в Петербурге). Приборы Розе и Вебского собраны у Клейна в особом шкафу (как у Грота приборы Кобелля), что, несомненно, будет исторически очень интересно через немного даже лет. Собрание разделено на несколько отделов: 1) Schausammlung⁸, выставленная для публики; 2) Hauptsammlung⁹ – в другом этаже для научных работ и т.п.; 3) собрание, которое дается для слушателей* во время лекций и 4) которое дается студентам в руки для практических работ их (практические работы – химического характера не могут вестись). Главное собрание выставленное очень велико, и масса замечательных образчиков (я его не мог осмотреть). Коллекция эрцгерцога Стефана составляет часть самую незначительную и, по словам Клейна, не так значительна и важна, как об этом говорят**.

Петрографическое собрание огромно. В одной зале выставлена Европа за исключением России (Россию он поместил отдельно от Европы, так как у них русское собрание очень велико и удобно поместить его с Сибирью), в другой – Россия и Азия, в третьей – Америка и, наконец, Африка и Австралия. Все это в закрытых шкафах. Клейн думает, что это самое большое петрографическое собрание в свете, раньше часть его находилась в нераспакованных ящиках. Определения многих пород совершенно неверны. Находятся только образчики вулканических, метаморфических и кристаллических пород. Это очень печально, так как с течением времени институт не будет в состоянии удовлетворить всем задачам петрографии и значение, чисто в химико-минералогическом смысле, осадочных пород гораздо больше, чем им придают до сих пор. По мне, это большая ошибка.

Выставленное петрографическое собрание – невелико. Клейн купил для выставки большое определенное собрание у mineralogischen Händler¹⁰ и пос-

* Слушателей у Клейна теперь меньше, чем в Геттингене, – до 30 человек. По его словам, так привыкли, что минералогию не стоит слушать (после Вебского), что студенты отвыкли от нее. (Заремба рассказывал подобное в Париже про астрономию до Вальди, который теперь ее читает.)

** По бокам выставлены большие штуфы, интересные в парагенетическом отношении или для техники. Так строго, как у Грота, это не проведено. Помещение лучше, чем у Грота. Система принята Науманна–Циттеля. (Вот уже досадно для такого собрания – особенно силикаты.)

тепленно заменяет экземпляры лучшими из собрания, проверенного и с приготовленными шлифами.

Расположено оно по системе Розенбуша (старой, классификации нового издания розенбушевской книги он не принимает). В классификации видно у него много колебаний, и научного характера она, по-видимому, носить не будет.

Библиотека довольно большая, но далеко не полная; библиотека Клейна отдельно, и, таким образом, вместе, по-видимому, больше Гротовской.

Собственная лаборатория Клейна роскошная; целая масса микроскопов и аппаратов, для вечерних работ употребляет синие стекла (у него большой синий шар – это очень дорого) [...] ¹¹ Микроскопы в его институте Фусса и геттингеновской фабрики. .. у него есть и микроскоп Наше. Удобство Наше – центрировка, неудобство – невозможность употребления очень слабых увеличений и невозможность снимать [нанос] при более слабых увеличениях; зато неудобство Фусса – необходимость центрировать.

При институте особые микроскопы для демонстраций и особые для студенческих работ и для специалистов (4 места).

Работать в темной комнате (4 отдельных помещения с приборами для определения угла оптических осей и для гониометрических измерений) может сразу 4 человека *. В ламповых стеклах удобное и простое применение от нагревания: второй, небольшой стеклянный колпак [...] ¹²

Для специалистов – горизонтальный гониометр **. Для студентов – вертикальные с трубой. Как сигнал студенты употребляют частью отвес, а в дурную погоду – щель Вебского далеко наверху комнаты (приспособление вроде гротовского, но улучшенное). Комнатой для студенческих работ Клейн особенно гордится, так как приновлено так, что свет с двух сторон и, кроме того, можно работать и в темноте.

Особая комната для шлифовки (аппаратов очень много), для работ с тяжелыми жидкостями, для спектроскопических исследований, для весов etc., etc.

Лаборатория вполне устроенная, но еще нет посуды и реактивов. Трудно достать денег, но Клейн через несколько времени надеется. Эти части лаборатории построены по последним требованиям науки. Однако и в устройстве лаборатории сделаны, кажется мне, некоторые важные упущения: для минерального синтеза со сложными приборами (вроде употребляемых Фриделем или Готфейлем) места не будет, а это через несколько лет будет чувствительно. В общем, следовательно, институт носит характер его устроителя, что и должно быть. С течением времени он должен был бы явиться центром для геологическо-минералогических работ, но, верно, не явится, судя по характеру работ Клейна.

Несомненно, трудно создать подобный институт и еще труднее выработать его одному человеку. Принимая это во внимание, все-таки велика заслуга Клейна и не даром пропали его труды; критика легче создания.

Большое неудобство – газовое освещение и отсутствие вследствие этого электрических проекционных приборов.

* Простая вентиляция, но сильная, без колпаков со слюдой, которую употребляет Грот.

** Клейн считает этот гораздо лучшим.

По Клейну, уже с этого года институт вступает на научную арену. Теперь обрабатывается коллекция Бракебуша, профессора в Кордобе, горных пород из Аргентинской республики. Ринке работает над влиянием нагревания на цеолиты; уже работа над жисмондином им напечатана.

Сам Клейн, несмотря на постоянно проглядывающее самомнение, произвел на меня впечатление приятное. Несомненно, для него в научной работе создается прелесть этой самой работы, он чувствует связи своих работ с другими работами, оживляет ее. А этого часто не замечаешь у других, у которых все уходит на личную известность или на механическую проверку мелких фактов. Раньше деятельность Клейна – довольно разнообразна. Его минералогические работы по установлению целого ряда новых фактов очень почтенны; его «*Krystallberechnung*»¹³ считается все-таки одной из лучших книг, работы по оптическим свойствам дали ему положение как главного антагониста Малляра (теперь Клейн, по-видимому, больше принимает Малляровские объяснения). После старых работников он был первым, который открыл изменения борациита от нагревания и, в сущности говоря, дал толчок тому движению, которое началось в этой области после его работы: принялся и Малляр, и ученик Розенбуша, и т.п. Даже его враги, как Грот, говорят, что его наблюдения чрезвычайно точны и добросовестны; что как теоретик он неважен, но как наблюдатель – выдающийся.

Случайно вчера же 30/18 попал я в Bergsakademie музей – небольшой музей, где выставлены руды и продукты их обработки. Я был в нерасположении его осматривать и заметил немного, обошел бегом.

Здесь я в первый раз, кажется, видел хорошо приготовленный большой корень сигиллярии (?).

Из руд урана выставлены, (например), переработанная урановая слюдка и урановая охра Иоган Георгенштадта: продукты хрома и окисел урана.

Небольшая, но небезынтересная коллекция *Höchofenbetrieb*'a¹⁴ иностранных государств – Северной Америки, европейских. Русская – небольшая, в одной витрине со шведской, но есть, например, и образчики железных руд Средней России и т.п.

Очень интересны образчики кристаллического железа из *Schweisechlacke Pseeder Hütte* у Рейна. Отдельные индивиды не имели возможности выкристаллизоваться, и масса имеет вид, например, крупнозернистого мрамора (например, из Вильманстранда). Тут же образчики железа из тех же шлаков опять с сильным стремлением выкристаллизоваться. Очень интересно изучить и узнать условия, при которых образуются эти шлаки, так как я думаю заняться после окончания моей магистерской диссертации изучением элементов, т.е. постараюсь получить элементы в разных видоизменениях. Железо до сих пор *de facto* кристаллографически почти что *terra incognita*¹⁵.

Geologischen Landesmuseum, который я осмотрел слегка, оставлю, так как наброски там сделанного уложил по ошибке в чемодан.

Аквариум меня очень заинтересовал, и я там провел время с большим удовольствием. В общем помещение его оставляет желать многого, и для бедных птиц и обезьян – мучительно, но в нем масса интересного.

В первый раз в жизни я видел живого паука птицеда *Mygale Blondü* из Южной Америки, о котором у меня осталось впечатление еще из детского

чтения Брема. Судя по указателю, *Mugale* питается в Аквариуме небольшими лягушками. Это великан из пауков. К сожалению, гид к этому аквариуму составлен небрежно и плохо, и массами посещающая его публика не может учиться по нему – полная разница с превосходно составленным гидом для Неаполитанского аквариума или, например, для Лондонского зоологического сада. В пояснениях приходящей публики (особенно отличаются маменьки своим ребятишкам, которые желают знать все доподлинно) иногда поражаешься ее невежеству – и посещение аквариума нисколько их не научает. Отсутствие хорошего гида лишает аквариум одного из самых сильных орудий влияния его на публику. Замечу *rôle-mêlé*¹⁶, бегло мои отдельные фактические впечатления.

Я не знал, что австралийский какаду *Phlyctolophus leadbeateri* живет на скалах: здесь он так помещен и чувствует себя отлично. У меня представление о крикливом народе попугаев соединилось с представлением тропического леса.

Большие летучие «собаки» – *Pteropus Edwardsi* – висят на потолке; когда зажгли электрический свет, они начали лезть носами прямо в фонарь, как бабочки ночные летят на огонь!

В первый раз видел больших японских саламандр – *Sieboldia maxima*, достигают здесь почти метра (?) длины.

Несчастные лемуры помещены в ужасном помещении – они подняли настоящее хрюканье или лай, когда к ним подходили. Эти своеобразные остатки фауны, нам неведомой, очень интересны по своему положению среди классов животных – ближе всех к обезьянам – вспомнились интересные теории, выводящие от них, а не от обезьян, человека; нет ли и здесь «типа», как у сумчатых? Как-то мне это никогда не приходило в голову, а здешние экземпляры, по-видимому, дают возможность это думать.

Целый ряд голотурий – *Cucumaria planci* и других – висят на морских растениях.

Здесь же хорошие живые экземпляры раковины точильщика – *Lithodomus lithophagi* из Средиземного моря. Эти моллюски, вытачивавшие скалы, теперь остались в немногих видах, а прежде их сколько было видов – одних фаладалий (я помню, как собирал я их сам в экспедиции с Циттелем в Баварии – среди эоцена?!).

Вот попался-то – я считал всегда *Vuccinum* за наземный моллюск, тогда как *Vuccinum* – один из обычных морских! (Северного моря).

Неподвижные раки *Balanus balanoides* из Северного моря торчат массами на старых раковинах и т.п. Эти *Balanus*'ы были одним из наиболее меня поразивших животных еще со времен студенчества: раки, которые неподвижны, как моллюски, и т.п.! Я не понимаю, как Кудрявцев мог ясно наблюдать их выше уровня вод на гранитных скалах Кольского полуострова – верно, другой вид?

Много раз я видел *Limulus*'ов, а до сих пор поражают меня эти ближайшие сродники могучего рода трилобитов, когда-то царивших на Земле, как странно, медленно-угрюмо они двигаются!

У *Raia [marginata]* и других; скатов жабры около глаз (на знал) – интересно изучить их шкуру – проблематические образования, попадающиеся en masse вместе с зубами акул в зеленых песках Рославльского уезда могут им принадлежать?

Какие оригинальные прозрачные небольшие рачки – *Palaemon squilla* – то плавающие, то бегающие стаями. Все тело их прозрачно и нежно, изящно.

Pagurus bernhardus – в отчаянной все время в драке – один был выгнан из раковины, и я мог наблюдать его всего – вся задняя часть тела деформирована, искривлена сидением в раковине (это раки, живущие в пустых раковинах моллюсков). Он двигался боком, неуклюже.

Туканы – *Rhamphastos Temmingai* – по движениям напоминают наших сорок и ворон. Не заменяют ли они их в тропической фауне?

Очень интересны птичьи колонии – колонии ткачей: *Ploceus cuculletus* и *Ploceus lanelius*.

Здесь хорошие экземпляры шимпанзе (пара – игравших) и орангутана.

II. 31/19 XII 1889

Сегодня я осмотрел «кусочки» разных музеев. Часть *Altemuseum* (часть заперта) и часть *Volkskunde Museum* (часть тоже заперта). Музеев здесь столько и столько интересного, так много-много родится мыслей, желаний при их посещении, и в общем выносятся какое-то меланхолическое, жгучее впечатление. В нем есть чувство удовольствия, но много и неудовлетворенности. В сущности, ты слышишь здесь все одну и ту же песню, одну и ту же видишь мысль, одно и то же чувствуешь желание. Это мысль человека о бессмертии, это желание человека найти удовлетворение и объяснение жизни и смерти, это песня об идеале, о чем-то лучшем и высшем, чем то, что кругом человека является. И никогда не может быть удовлетворения – да и «удовлетворяет ли удовлетворение»? Но, несомненно, самое тяжелое, самое мучительное, самое трагическое в нашей жизни – это невозможность нашего ума и чувства примириться с личным уничтожением, с отсутствием личного бессмертия.

Создания искусства, религиозные обычаи – все, с остатками чего ты здесь встречаешься, все это делалось разными людьми, в разные времена с одной и той же целью – и все – ты видишь и чувствуешь здесь ясно – напрасно? Теперь научные данные, взятые беспристрастно, не приводят ни к чему такому, что отвечало бы этому желанию, что сглаживало бы тоску. Что окажется сильнее – сторонняя ли от этой человеческой «загадки» работа его мысли или эта тоска? Не постарается ли она и в научной области вызвать реакцию – что тем легче, что самые основы знания беспочвенны? Не начинается ли это теперь в оживлении атомов, в одарении сознанием клеток, в искании духов и приведений и в других еще грядущих явлениях?

Я понимаю и чувствую, что «тоска», взятая как общее явление, не менее сильна, чем наука, и на чьей стороне окажется победа – нельзя сказать.

К сожалению, я не имел возможности осмотреть все в *Altemuseum*, так как многие для меня самые интересные отделы (новая скульптура, часть античной) оказались запертыми. А завтра все заперто, и я, таким образом, только-только бегло пробежал. Но я до сих пор под каким-то наплывом впечатлений и, главное, мыслей – знаешь, таких бесформенных мыслей, в которых ты все-таки чувствуешь гармоничность. Там так и кажется, что, когда ты эту внутреннюю гармоничность сумеешь передать в ясной форме речи, ты полу-

чишь удовлетворение. А это не по силам моему слабому уму. Больше родится мыслей, чем он может переработать.

Пергамские остатки¹⁷ произвели на меня чарующее впечатление. И когда думаешь, что еще много в земле хранится – гниет, гниет! – таких же чудных, могучих остатков красоты, мысли – становится грустно, хочется плакать от бессилия. Подумай – меньше 10 лет назад эти великие создания мысли лежали в земле разбросанные, неведомые. Все то, что они могли дать человеку, – все это пропадало, и, кажется, только теперь начинают они опять оказывать свое влияние. Мне кажется, я чувствую на себе влияние этих великих Греков, этих неведомых мыслителей-художников больше 2-х тысяч лет тому назад – точно что-то меня живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени (или это одно из проявлений «Тоски» – шепчет мне скепсис?). У меня возродилось тоже чувство, какое давно в детстве произвело на меня воззвание Лайелля раскапывать Геркуланум¹⁸, так как там могут сохраниться библиотеки (и вот уже 50 лет почти ничего для этого не делается!) – ведь сколько может еще быть спасено от прежней мысли и жизни; такой чудной и высокой, как лучшее из теперешнего. Ведь вот недавно открыты удивительные, по рассказам, остатки в Олимпии¹⁹, эти пергамские горельефы, недавние греческие портреты в Египте²⁰, статуэтки из Танагры²¹ и т.п.! А у нас – в Закавказье – сколько еще может быть найдено.

В Пергаме была когда-то знаменитая библиотека. Оно и понятно – эта война Гигантов с богами не могла быть создана там, где не было вообще научного, умственного движения. Если меня не обманывает память, то Пергамская библиотека составила основу Александрийской библиотеки²², и благодаря ей сохранились сочинения Аристотеля – и то движение мысли, которое изошло оттуда, до сих пор подымает нас, волнует наш ум, живет, живет в нас. И вот десять лет назад открывают, частью в крепостных стенах, построенных в тяжелую пору Византии, другие, живые остатки того же могучего духа, и они являются перед нами, являются близкими, родными, чарующими. До сих пор еще не все собрано.

Но одна уже группа, собранная в главной пока ротонде, удивительна. Это группа, представляющая борьбу Титанов – детей Земли – с богами. Я не знаю, какая фигура лучше, я не вижу, что меня больше всего поражает в этих частях обезображенных остатках. И фигура Зевса (без головы) и Аполлона (тоже) просто восхитительны, а Земля – Гея, подымающаяся наполовину (могучая и великая и по сравнению с богами и Гигантами), чтобы помочь сыну! Я не думаю, чтобы авторы хотели представить Гигантов проявлением животности, – мне видется в них сочувствие к побежденным, мне мнится тайное желание показать, что не все **богами** кончено. Это показывает и могучая фигура Матери-Земли – Геи – и чудные типы юношей Гигантов, например Отоса. Виден здесь миф ⟨о⟩ Прометее и то же самое гордое чувство свободной человеческой души, выразившееся хотя бы в иных мечтах и стремлениях греческих философов (например, позже в нам известном, часто указываемом месте Лукреция Кара). А это было как раз в то время. Мне противен сделался немецкий филистерский текст объяснения группы, где проводится «ортодоксальное» мнение (борьба духа богов с животностью – Титанами). Здесь видно другое, здесь видна свободная, гордая мысль, мысль, гонящая Тоску, движущаяся вперед, далеко – так далеко, как прорвались и в науке греческие философские учения! Не то ли это самое, что заставило их на основании

немногих данных построить такие синтезы, которые не раз удивляли нас своей справедливостью? Титаны не уничтожены богами, так как не могла быть ими тронута их мать! Первоисточник остался и победа богов должна была быть поверхностной. Как поверхностна была победа богов над Прометеем. Среди созданий греческого искусства это одно из самых замечательных проявлений этого направления. Я не припомню теперь ничего другого – хотя не раз, казалось мне, подмечал я то же самое... Но довольно. Другие обезображенные сложенные остатки еще не разобраны, но также прекрасны. На меня произвели сильное впечатление немногие остатки из украшений знаменитой Пергамской библиотеки – все вещественное, что от нее осталось. И что за народ был – эти не-греки, так хорошо воспринявшие греческий дух и мысль? Ничего от него не осталось.

Я бегло замечу, частью нужны для меня, для истории науки – факты, частью прямо меня поразившие.

Портреты: № 295 – Геродот; 68 – Асклепиос (статуя); 299 – двойной гермес Сократа и Платона, найденный в Chluus – плохой работы и из плохого материала. Мысль представить Сократа и Платона в виде Януса очень интересна. Какого времени? 302 – Демосфен; 298 – Сократ; 300 – гермес Платона (подарок графа Тышкевича); 368 – Марк Аврелий – молодой (ст.); 341 – Ю. Кесарь (ст.) – с свитком в руке? Isocrátēs (б.). Но самый замечательный бюст – это бюст Еврипида (№ 297). Наряду с немногими бюстами (например, замечательный Ю. Кесарь в Париже и т.п.) передает он лицом мысль и всю жизнь поэта. Это выражение глубокой человечности, мягкости, особенно форма щек придает какое-то странное выражение лицу.

№ 208. Танцующая Менада – одна из самых замечательных по грациозности и передаче движения (что все-таки так редки и до сих пор в скульптуре) фигур. Мрамор во многом получил, верно, с течением времени особый желтый отпечаток – не паросский ли, с которым это всегда, говорят, бывает.

Замечательная женская головка из Пергама.

№ 251. Серапис в виде Зевса – на этом бюсте больше еще, чем на других, виден восточный, искаженный, «придворный» характер. Кажется, точно Зевс припомажен для женщин – как помадятся для них теперь Мадонна и Христос. Это проявление влияния средней, самодовольной посредственности на искусство.

№ 52 – самый женственный Аполлон, которого когда-либо видел.

№ 466 – маленькая головка негра (сохранен тип) из диорита – откуда?

В Пергаме же найдена прекрасная статуйка (часть) Леды.

№ 278. Статуя Selenорорре в греческом театральном костюме.

На большой гробнице (в отд. В – без № !) очень интересная орнаментика – живая и свободная, в которой большую роль играют черепа коров. Черепа **чрезвычайно** верно (очевидно, с натуры) передают весь тип (тип frontosus? если даже не Vos primigenius?). Интересно сравнить с нынешними тамошними расами. Римского времени?

№ 195 – группа Сатира и Гермафродита. Для меня интересны аксессуары: черепаха и улитка, последнее – «вольная» фантазия.

В Этрусском отделе целый ряд интересных гробниц с барельефами. Там же одна статуя (1262) – с бритой (?) головой женщина, сидящая на кресле, ручки которого составляют крылатые чудища, – веет востоком. В положении фигуры есть сходство с вавилонскими (Париж), в Гениях – <с> ассирийскими.

В Мюнцкабинете выставлены 3–4 интересные славянские монеты когда-то существовавших на этих местах славянских государств. Между прочим, Генриха – Прибислава, герцога Брандебургского (Браниборского) – 12 ст.

Картины: только пробежал.

1216 В. Вестфальской школы 1250–1270 <гг.> из церкви в Soest'e – один из самых древних образчиков живописи в Германии. Особенно замечательны Бог-отец и Иоанн – точно влияние классики и статуй?

Оп. 7, д. 36, лл. 117–137.

¹ На полях В.И. Вернадский дает схематический рисунок прибора.

² На (нужном, прежнем) месте, в правильном положении (лат.).

³ Описание аппаратов см., например: *Сибирцев Н.М.* Почвоведение. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. Вып. 2. С. 5–15.

⁴ *Nehring Alfred.* Katalog der Säugethiere der zoologischen Sammlung der Kgl. landwirtschaftlichen Hochschulen in Berlin. B., 1886.

⁵ Секретное указание (нем.).

⁶ *Vernadsky V.I.* Note sur l'influence de la haute temperature sur le disthène // Bull. Soc. franç. minér. 1889. Т. 12. P. 447–456.

⁷ Отвратительные пруссаки (нем.).

⁸ Экспозиция (нем.).

⁹ Основное собрание (нем.).

¹⁰ Торговец минералами (нем.).

¹¹ Далее схематический рисунок устройства для вечерних работ.

¹² Далее схематический рисунок этого устройства.

¹³ *Klein Karl.* Einleitung in die Krystallberechnung. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung (E. Koch), 1876.

¹⁴ Доменного производства.

¹⁵ Незнакомая область (лат.).

¹⁶ Беспорядочно, как попало (фр.).

¹⁷ Остатки уникального памятника из Малой Азии – Алтаря Зевса в Пергаме (Древняя Греция, около 180–159 гг. до н.э.; современный Бергамо в Турции) – были открыты немецким инженером К. Гуманом (1839–1896), который по поручению турецкого правительства строил дороги и мосты в Малой Азии. По инициативе берлинских музеев раскопки на Пергамском акрополе велись в течение многих лет начиная с 1878 г. Найденные фрагменты алтаря были вывезены в Берлин и хранились сначала в Старом музее, а с 1930 г. в специально построенном для него здании – Пергамском музее.

¹⁸ Древнеримский город в Кампании у западной подошвы Везувия, извержением которого в 79 г. н.э. был уничтожен и засыпан вместе с соседним г. Помпеи.

¹⁹ Имеется в виду богатый археологический материал, полученный в результате раскопок Олимпии под руководством немецкого историка Э. Курциуса (1875–1881), когда были обнаружены остатки трех храмов, большое число скульптур и надписей на камнях.

²⁰ В.И. Вернадский имеет в виду заупокойные живописные портреты в Древнем Египте (I–III вв.), впервые найденные в 1887 г. в оазисе Фаюм и получившие название «фаюмские портреты». Фаюмские портреты создавались в греко-египетской среде под римским влиянием, они постепенно заменили традиционную древнеегипетскую заупокойную маску.

²¹ Небольшие, от 7 до 40 см, терракоты, производившиеся в VII–II вв. до н.э.; они были обнаружены в 70-х годах XIX в. на кладбищах Танагры в Беотии (территория Греции). Танагрские статуэтки – важный материал для изучения древнегреческой жизни.

²² Александрийская и Пергамская библиотеки – наиболее известные в древности библиотеки. Александрийская библиотека была основана в Александрии при Александрийском музееоне в нач. III в. до н.э. и включала в разное время от 500 до 700 тыс. свитков и книг. В I в. до н.э. в ее состав вошла Пергамская библиотека, которую римский полководец Марк Антоний преподнес в дар египетской царице Клеопатре. Часть библиотеки погибла во время пожара в 47 г. до н.э. во время войны. В 391 г. часть библиотеки была уничтожена христианами-фанатиками, последние остатки библиотеки погибли в VII–VIII вв. при господстве арабов.

Е.И. и О.И. Вернадские

№ 183

18 января 1890 г., С.-Петербург

Драгоценная моя [...] Какой я скверный, что так неаккуратно веду переписку, но ты знаешь, как меня утомляют сношения и разговоры с людьми – а я все это время ничего другого и не делаю! Как хочется скорее быть возле, возле тебя, моя дорогая.

Завтра хочу выехать и в среду или позже буду в Париже¹. Я думаю ехать не на Вену, так как нет времени (и, может быть, удастся на обратном пути), а через Германию на Бонн и Страсбург или другие немецкие университеты.

Даже не знаю, поеду ли на Варшаву – еще не рассчитал, хотя очень вероятно, что на Варшаву поеду. Мне уже хочется быть скорее с тобой [...]

Все это время я провожу в утомительном, ужасном делании визитов и посещений гостей – это страшно трудное занятие! Вчера был у Левенсона, Веберов (застал Валер. Ник. – очень славный, простой и, думаю, сердечный юноша). Познакомился с Хрущовым – был у него, так как он явился ко мне с визитом. Мне теперь представляется, что в его посещении была цель – не помогу ли я ему в его действительно тяжелом положении. Боюсь, что тут сильно напутал Андрей² (Хрущов – минералог, которого прочат в Харьков). Он мне так себе понравился. Впрочем, может быть, у меня это только впечатление. (Мама меня обвиняет в сильном недоверии к людям и удивляется, откуда это у меня явилось. Я думаю, она до известной степени права.) Обо всем поговорим [...]

Был у Свешникова – много говорили, общее мое впечатление о нем не рассеялось. Об этом всем подробно при свидании.

Хотел выехать сегодня, но не удастся, так как сегодня рождение сестер³ и мне придется быть на скучном вечере, куда приеду, однако, поздно.

Как я сильно и страстно люблю тебя, так мне хочется бросить все и скорей быть с тобой. Когда тебе лучше, я чувствую силу работать и охоту мысли – для тебя. Мне хочется видеть тебя с Гагой.

Как странно – из всей семьи у тебя так много индивидуального. Только у Нины⁴ есть черты твои. С Егором Павловичем⁵ говорили много и, между прочим, о религии! Как **страшно** (щемит сердце) изменилась Софья Марковна⁶. Я в первый раз почти вижу такую страшную перемену. Было бы хорошо, если бы ты ей написала. Целую тебя страстно.

Гагу родного поцелуй.

Твой Д.

18 января 1890, СПб.

Р. S. Пиши не в Бонн, а в Страсбург Poste-restante. Непременно, а иначе я там не высижу⁷.

Оп. 7, д. 37, лл. 6–7.

¹ 18 января 1890 г. приходилось на четверг, следующая среда была 24 января, т.е. В.И. Вернадский должен был приехать в Париж 24 января или позже.

² А.Н. Краснов

³ Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна Вернадские, которые родились 18 января 1864 г.

⁴ Н.Е. Старицкая.

⁵ Старицкий.

⁶ Возможно, Любошинская.

⁷ Приписка на полях л. 6.

№ 184

3 февраля 1890 г.¹, Кельн

Кельн

Дорогая моя Натуся, видишь, как я близко, если бы не сдержался, то завтра был бы у тебя. Но я через час еду в Бонн, где ночую, остановлюсь еще в Страсбурге и затем прямо в Париж. Так хочется скорее быть с тобой, моей дорогой. Если мне удастся видеть Бонн и Страсбург – я, значит, видел все

лучшее по минералогии в Германии. Целую крепко тебя, Гагу. Моя дорогая, как я стремлюсь к тебе.

Твой Д.

На обороте: Madame Nath. Vernadsky, 23 rue Belles Feuilles, Paris, Frankreich.

Оп. 7, д. 37, л. 5.

¹ Дата устанавливается по почтовому штемпелю на открытке (по ст. ст. 22 января).

№ 185

6 июля¹ 1890 г., Вена

Вена, 6.VII 1890 г.

Дорогая моя, родная Натуся, моя любимая, милая Тутя. Пишу тебе из Вены из Минералогического института Венского университета, где меня встретил очень радушно Шарицер. В Вене все теперь (2 часа дня) заперто, но я успел обменять деньги, купить геологический компас и пальто! (да еще по недосмотру какое-то с длинными фалдами – «englisch Mode»!²). Дорога была тяжела – все переполнено, тебе, я думаю, совсем нельзя будет ехать этим поездом, не беря спального вагона, – невысказанно. Эти две ночи я почти что совсем не спал – не было где лечь, и вагоны плохо устроены для сиденья. Сегодня выезжаю дальше в десять часов вечера и, если не перепутано расписание, буду, как рассчитывал, в Полтаве [...]

Моя Тутя милая, я думаю, что непременно, непременно приезжай в Полтаву 15 августа нового стиля. Надеюсь скоро найти от тебя там письмо.

В Вене был в Музее естественноисторическом – такое богатство и такая масса всюду интересного, глубоко завлекающего. Я частью от ночного бодрствования, частью вследствие того, что слишком много, мало осмотрел, но все-таки кое-что осталось у меня в голове, как общее устройство, так и разные частности устройства, среди минералов масса интересных, здесь же Гальштатские археологические находки³ – я видел раньше рисунки да отдельные находки в Берлине, но никак не ожидал того впечатления, какое произвели они на меня вместе: остатки достигшего высокой сравнительно культуры и, по-видимому, неведомого народа... Интересны остатки впервые виденных мной третичных дельфинов и других морских млекопитающих животных. Беглый осмотр только будит отдельные мысли, фантазию, но на меня всегда музей, где как-то сразу отражается коллективная неведомая никому работа массы отдельных работников, действует возбуждающе, завлекающе. Осмотрел подробно музей и Институт минералогии университета – есть интересные вещи, в общем не богат и очень мало оригинален, но здание университета великолепно, как вообще масса общественных зданий в Вене.

Дорогой ехал в обществе детворы, дам, неуклюжих молодых немцев с франтовским пошибом да одного молодого художника. Дама – француженка, едущая из Алжира в Россию, все возилась со своими ребятишками. Один (7 месяцев) страшно бойкий, живой, веселый ребяенок, она находила его красавцем, а на самом деле удивительно уродливый африканец (неужели вли-

яние обстановки??) – можно было изучать увлечения матери. Но ребенок замечательно развит: играет, гримасничает, всем интересуется. Дорогой я ехал, читая с увлечением «Анналы» Тацита⁴, и много мечтал и думал о тебе, моей родной дорогуське. Поцелуй всех, моя цыпка, глупенькая рыбка. Что Гага?⁵ Что Маша⁶, Иван⁷? Гольштейн? Послали ли мою статью и цинковую пластинку Ришару⁸. Где вы устроитесь? [...]

Крепко целую тебя, мою родную. Как мне трудно без тебя, без моей Тути ненаглядной [...]

Твой Додя

Оп. 7, д. 37, лл. 3–4.

¹ Дата дана по новому стилю, письмо подложено по старому стилю (24 июня), так как далее письма из России датированы по старому стилю.

² Английская мода (англ.).

³ Гальштатские археологические находки были обнаружены в Австрии на берегу небольшого озера близ местечка (теперь город) Гальштата (Хальштатта – Hallstatt). Здесь в 1846 г. нашли кладбище, или могильник, который археологи отнесли к началу железного века. Раскопки велись на протяжении многих лет, было вскрыто до 1000 могил, где были обнаружены бронзовые и глиняные сосуды, бронзовое и железное оружие, украшения и т.д. Открытие было столь значительным, что дало название археологической культуре – Гальштатская – культура племен южной части Средней Европы в период раннего железного века (примерно 900–400 гг. до н.э.). Она была распространена на территории современной Австрии, Югославии, Албании, отчасти Чехословакии, Южной Германии, прирейнских департаментов Франции.

⁴ См., например: *Тацит Корнелий*. Анналы: Малые произведения. М.: Наука, 1969. Т. 1.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ М.С. Гревс.

⁷ И.М. Гревс.

⁸ Речь идет о статье В.И. Вернадского: *Sur la reproduction de la sillimanite // Bull. Soc. franç. minér.* 1890. Vol. 13. P. 256–271. В письме от 21 июля 1890 г. из Женевы Н.Е. Вернадская писала: «Твою работу и клише он (Вульф. – *Ред.*) сдал в день нашего отъезда самому Ришару» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 45) и позднее в письме от 28 июля/9 августа 1890 г.: «... что касается твоей статьи, то ее и клише отдал Вульф самому Ришару, я тебе несколько раз об этом писала, но меня беспокоит, что ты не получал корректуры. Написан ли был на статье твой адрес, давал ли ты его Ришару, или мы должны были дать?» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 74 об.).

№ 186

26 июня 1890 г., Фастов

Фастов, 26/VI 1890 г.

Дорогая моя Натуся, моя родная милая детка, скоро я уже буду в Полтаве, но не так скоро, как думал, – только завтра утром: того поезда, на котором я думал ехать, по-видимому, нет: или, как я теперь рассудил, мне напутали в Волочиске, они отсоветовали ехать на Бирзулу, а выходит, на Фастов дальше. Всюду приходится сидеть: часа 3 (ночью в вагоне) в Жмеринке, теперь 2 часа в Фастове, да потом еще около того в Знаменке; поезда опаздывают на час и больше! Контраст весьма разительный, даже с австрийскими дорогами. Меня немного беспокоит, как ты сделаешь путь от границы до Полтавы, если туда поедешь. Вагоны хорошие, и пересадок не так много, но все-таки очень долго. На границе я чуть-чуть не прозевал поезд, так как австрийский поезд

опоздал и всего времени было 3/4 часа; артельщик, осматривавший мои вещи, начал очень усердно вытаскивать мои книги, которые должны были идти на просмотр жандарму, в конце концов я рассердился, не позволил ему больше брать книги и тетради (а то он хотел и бумаги тащить!), и книги мои не пошли к жандармам, а были тут же осмотрены таможенным чиновником или чем-то вроде этого и как невинные положены назад, а перепуганный артельщик дальше уж не решался рыться, но все-таки вещи, уложенные так старательно Елли Ивановной¹, пострадали, да еще и замок почти совсем оторвался.

Выспался сегодня я изрядно и утро все читал: Тацита² и «Nature»³. Много мыслей роится, и в роенье этом есть известная гармония, и хочется еще глубже, систематичнее работать мыслью. В Вене был на Международной сельскохозяйственной выставке⁴ – очень много интересного (я пишу так, чтобы можно было этим письмом мне пользоваться). Очень интересны народные сельскохозяйственные издания на славянских языках, частью субсидируемые правительством, обществами, особенно Краинское и Моравское. Очень было бы важно обратить на них серьезное внимание. В Черновицах местная Landwirthoch Lands Schub⁵ выставила образчики почв с анализами – настоящий наш чернозем. Надо с ними списаться. Выставка кустарных изделий, очень широко распространенных, очень поучительна, на них и здесь обращают все более и более сильное внимание. Меня очень интересует судьба кустарного производства и его организация в связи с общими вопросами экономического, а частью политического строя. Попытки улучшения путем школ, организации продажи, выставок дали здесь очень поучительные для нас результаты. Поражает неведомое нам богатство и могущество знатных родов, и можно было бы хорошо изучить способ хозяйничания их: Лихтенштейны, Шварценберги и т.п. выстроили отдельные павильоны и т.п. До сих пор еще чувствуется влияние этой аристократии, такой пагубной для развития Чехии, Польши. Но научные сведения в ведении хозяйства применяются здесь сильнее, чем в мелких хозяйствах, и там возможны лишь организацией, «спилками»⁶. Очень важные общества частные в Швеции для улучшения семян путем подбора – и здесь выращены лучшие для севера сорта.

В изданиях итальянских агрономических много по выветриванию почв [...]

Мой родной, золотой Тутик, мой нежный цыпленок, как сильно люблю я тебя, как мне тебя недостает, как грустно, страшно трудно будет не видеться до конца осени или зимы! Моя родная, любимая птичка, так я люблю тебя, так хочу для тебя жить, для тебя всего добиваться. Если будет холера, непременно выезжай. С нетерпением жду писем. Холера, говорят, в Японии.

Не забудь дать 14 франков Александре Васильевне⁷.

Что Гагун?⁸ Что ты делаешь, моя родная дивунька, – пиши обо всем, подробно, подробно. Не забудь дать сделать анализ. Написала ли Спинову?⁹

Поцелуй Машу¹⁰, Ивана¹¹. Кланяйся сердечно Гольштейн, Елли Ивановне.

Господи, как я люблю тебя, как я твой.

Твой Додя

¹ Лерке.

² См. комментарий № 4 к письму № 185.

³ Еженедельный иллюстрированный научный журнал, первый номер которого вышел 4 ноября 1869 г. в Лондоне. Издание продолжается до сих пор. В.И. Вернадский был постоянным читателем этого журнала в течение всей жизни.

⁴ Международная сельскохозяйственная выставка в Вене проходила с 15 мая по 15 октября н.с. 1890 г. В ней принимали участие все страны, входившие в состав Австрийской империи. Из иностранных государств в выставке принимали участие Франция, Италия, Швеция и Германия (см.: *Л. С. О бывшей Венской выставке // Сельское хоз-во и лесоводство. 1890. Ч. 165, нояб. С. 293–306; дек. С. 379–394).*

⁵ Группа богатых сельских хозяев провинции.

⁶ Союзы (укр.).

⁷ Гольштейн.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Ответ см.: письмо № 188 и комментарий № 27 к нему.

¹⁰ М.С. Гревс.

¹¹ И.М. Гревс.

№ 187

28 июня 1890 г., Полтава

Полтава, 28.VI 1890

Дорогая моя Натуся, моя родная милая девочка, мое золотое сердечко. Вчера я приехал к твоим, но раньше не мог тебе написать, а сегодня хочется написать тебе подробно, моя золотая. Так жду сегодня твоих каракулек.

Твоих всех я застал очень хорошо. Егор Павлович¹, кажется, оживился моему приезду, мы с ним очень много говорили обо всем – о тебе, обо мне, Докучаеве, политике, о Паше². Теперь он интересуется предложением места, которое сделано Паше, начальника завода (и главного механика) в Мальцевских заводах недалеко от Брянска. Мне кажется, это очень хорошо. Не так давно, вследствие страшных жаров, которые тут были, Егору Павловичу было нехорошо, но теперь опять гораздо лучше, и он значительно лучше на вид, чем в январе. Зрение, говорит он, хуже. Ему мелькает мысль поселиться где-нибудь не в Полтавской губернии, так как жары переносятся всеми очень трудно, но чем эта мысль выразится, еще неизвестно.

Марья Ивановна³ все прежняя, энергичная, добрая, деятельная, мы еще очень много с ней не говорили. Она говорит, что Егор Павлович очень оживился в последнее время моим приездом и Пашиным перемещением. Мы все очень горячо встретились. Нина⁴ очень томится жарой, которая на нее действует, совсем как на тебя, мы с ней немного говорили, но очень хорошо, я думаю, что у ней теперь пробудился интерес мысли. Здесь ей живется не особенно хорошо: кроме жары – родственники, отсутствие полной свободы и т.п. Она по всему этому в настроении довольно скверном. Мака⁵ похудела и все такая же милая. Сад большой, очень запущенный, но, конечно, очень хороший – скорее лиственный запущенный лес, чем сад, помещение также тебе будет удобное, но я не знаю, как выяснится твое здоровье – когда лучше тебе выезжать, моей милой родной девуньке.

Докучаева не застал, но через недели две он опять будет здесь, и тогда свидимся. Экскурсию начну 1-го июля. Может быть, с Москвой устроится, но все это выяснится, конечно, позже [...]

Пиши мне обо всем, что ты делаешь, что думаешь и очень ясно о твоём здоровье.

Как-то вы устроились? Что Маша⁶ и Иван?⁷ Гольштейны? Напишу на днях. Хочется привести в порядок свою переписку.

Пока дорогой читал Тацита: прочел «Анналы» и «Историю»⁸: очень много передумалось, перечувствовалось – об этом, может, напишу в другой раз. Степи я очень обрадовался; люблю я ее в сумерки, когда там все кругом широко, вольно, когда такая сильная, своеобразная таится жизнь. Дорогой меня заинтересовали зарницы, и я в наблюдении над ними стоял часы. Мне представляется, что есть возможность много найти рядом простых наблюдений и не есть ли это (может быть, это и известно) явления **верхних** слоев атмосферы. Во всем этом все-таки интересует не самый факт, а процесс, «биение» мысли.

Моя родная, золотая девочка. Целую тебя страстно, крепко, Гагуню⁹ поцелуй хорошенько. Пиши мне, дорога. Как я счастлив твоей любовью.

Твой Додя

Всем сердечно кланяюсь.

P. S.¹⁰ Когда будешь выезжать, купи и привези с собой сочинения Платона, только 5-й и 6-й (по 1 фр. 50 (сант.) – 3 фр., издание Шарпантье), под Одеоном. Я тебе писал из Цюриха, Вены, Фастова – получила ли? [...]

Оп. 7, д. 37, лл. 1–3.

¹ Старицкий.

² П.Е. Старицкий.

³ Старицкая.

⁴ Н.Е. Старицкая.

⁵ Мария Егоровна Старицкая.

⁶ М.С. Гревс.

⁷ И.М. Гревс.

⁸ См. комментарий № 4 к письму № 185, а также: *Тацит Корнелий*. История. Л.: Наука, 1969. Т. 2.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Приписка сделана на полях.

№ 188

[Не позже 1 июля 1890 г., Полтава]¹

№ 5²

Дорогая моя, родная Натуська, моя милая девочка. Верно, послезавтра уже отправляюсь на экскурсию – еще надо здесь делать визиты губернатору (!)³, председателю Земской управы⁴. Познакомился я с твоими дядями. Петр Павлович⁵ – председатель Уездной управы, очень мне понравился: живой, энергичный, умный человек. Даже странно, как в в такой относительной глуши многое известно и проходит не незамеченным. Я нахожусь не в

экскурсионном настроении, пока читаю некоторые работы (Эбельмена) для диссертации, много разговариваю с твоими и так почитываю. Работается неважно. Читаю «Вестник Европы»⁶, который выписывает Георгий⁷, «Русскую старину»⁸, которую получает Мака⁹. В «Русской старине» чрезвычайно интересные записки Никитенко о реакции после 1848 года¹⁰. Так подбивает писать и в настоящую минуту подобный «дневник», дабы не прошли неведомыми мерзость и гадости. Я вполне понимаю, какое важное значение могут иметь подобные дневники и, может быть, попытаюсь вести, не мудрствуя лукаво. Что ты думаешь? А кругом много, много гадостей! Скоро, должно стать, сильно ограничится земство: дворяне по выборам, гласные крестьяне по назначению (!), число гласных от городов и от купцов, мещан сокращается¹¹; ходят весьма верные слухи о передаче школ вполне в ведение духовенства, и школы грамотности уже подчинены¹²; при реформе гимназий хотели вполне уничтожить и существующие на бумаге естественные науки и думают ограничиться смехотворным сокращением древних языков¹³ – а одновременно сокращение **приема** в гимназии продолжается: в Полтавской гимназии вместо 500–600 учеников (года 3–4 назад) всего около 300, в Елисаветградской уменьшение количества учеников и того больше, также в Мариупольской и т.п. Присланные новые директора гимназий доводят систему шпионства и т.п. до *non plus ultra*¹⁴. А наряду продолжают колоссальные мошенничества, подкупы, гадости, об них слышишь кругом, их чувствуешь: вот фастовская дорога, где ряд мошенничеств совершены ради крупных, важных сахарозаводчиков: едешь и сам видишь размытые насыпанные возвышения для рельсов, гнилые шпалы, едва держащиеся мосты; в Полтавской губ. крестьянский банк возвышает плату за землю выше арендной стоимости и значительная часть покупателей-крестьян разоряется; в печать не могут проникать никакие сведения о деятельности даже мелких чиновников; переселения не допускаются, и тут масса страданий, масса тяжелого. Мне опять пришлось столкнуться с отхожими промыслами. Дорогой из «Крымского вестника»¹⁵ прочел о **голодной** смерти некоторых рабочих, умерших от голода, не найдя работы. Я помню, много теперь лет назад я видел, слышал все то же – хотел тогда заняться вопросом, изучал, собирался с Михайловским издавать книжки, листки, и все кончилось. Неужели вечно одни собирания да хотения! И злость берет, и энергия возбуждается.

А кругом новые меры Петербургского министерства, вызывающего неловкими, неумелыми распоряжениями вырубание лесов; опять толки об «угольном голоде» – в этой местности, где лежат богатые угольные копи, где мало лесов – нет топлива! Поощряются крупные промышленники, которые желают крупных барышей и субсидий, берут их, а угля мало добывают, подъездных путей к копиям нет (удивительно те же разговоры, какие я слышал 5 лет назад, а тогда еще не было «угольного голода», который был зимой!), а иностранный уголь обложен такой пошлиной, что он не может почти входить внутрь. И цена держится высокой во вред местным жителям, местной жизни, промышленности и в радость и усладу немногих лиц. Начинает еще больше сознаваться правильность английского принципа применения целого ряда законов – *local option*¹⁶.

В сущности, впечатление от поездки на родину не из веселых, но, конечно, оно ни в каком случае не неожиданное и не слишком поражающее.

Только глубже, только сознательнее становится отношение к жизни, строже отношение к себе, возбуждается желание работать и страстная жажда мысли. Понимается, что Мысль в общей жизни человечества – все, самое главное. Для жизни отдельных лиц имеют цель доброта, нежность, чувство, без этого, конечно, нельзя и не стоит жить, но для целого общества, для целой массы Мысль заменяет все. И я ясно, сильно чувствую, как это необходимо, как меня мутят, мучают, раздражают всякие стеснения Мысли. Когда на границе у тебя с жадностью набрасываются на всякое печатное произведение, когда хватают и тащат на просмотр произведения Тацита, Эбелмена или разные брошюры по химии и т.п., когда сразу в печати чувствуется систематическое замалчивание целого ряда необходимых, неизбежных событий в жизни человечества – ты чувствуешь, как глубоко внутри тебя что-то болезненно сильно мечется, подымается... Вот несколько новостей: Петровская академия не закроется, но, вероятно, подождут выхода **всех** студентов, чтобы начать дело при совсем новом составе студентов¹⁷. Думают, что традиционно передается дух заведения. В комиссии, которая решала об этом, 3 человека высказались за это, а 2 за окончательное, полное закрытие Академии. В «Вестнике Европы» много статей о гимназическом образовании¹⁸ и в июньской – о французской реформе¹⁹. Пусть Иван²⁰ скорее напишет статью о книге Пиара²¹ и вообще о возбужденном теперь вопросе о реформе высшего образования. Вышли для Егора Павловича²² Марка Аврелия, а также попроси Ивана купить для него же Вергилия (Георгики)²³ и Овидия (Tristes) на французском языке²⁴. Пришли мне адрес Дмитрия Ивановича²⁵.

Твои теперь все в прежнем настроении, и я себя хорошо с ними чувствую, хотя мне как-то грустно без тебя, хочется страстно иметь тебя возле себя и уже быть нам **вместе** на месте. Моя дорогая, родная Тутя. С Ниной²⁶ мы много разговариваем и о самых разных предметах, о литературе, искусстве, о теперешней реакции. Она хочет читать; зимою приедет к нам. Для нее очень было бы важно, чтобы ты была здесь. Мой родной, ненаглядный Тутик, что ты делаешь, моя радость? Тутя, написала ли ты Мих. Ив. Спинову?²⁷ Ведь Марья Ивановна²⁸ тебе писала, что деньги удобнее получить, если написать к 1-му июня – отчего ты об этом мне ничего не говорила?

Целую тебя крепко, мою радость, мое счастье. Гагу²⁹ поцелуй хорошенько. Машу³⁰, Ивана³¹, Катю³². Сердечный поклон Гольштейнам, Елли Ивановне³³.

Моя родненькая детка дорогая.

Твой Д.

Оп. 7, д. 37, лл. 10–13.

¹ Дата устанавливается по содержанию письма № 189 от 2 июля 1890 г.

² Номер письма, проставленный В.И. Вернадским.

³ В 1890 г. Полтавским губернатором был П.П. Косаговский.

⁴ Председателем Губернской земской управы в Полтаве был А.В. Заленский.

⁵ Старицкий.

⁶ Историко-политический и литературный журнал, выходил в Петербурге с марта 1866 г. по март 1918 г. (в 1866–1867 гг. – 4 раза в год; затем ежемесячно). В 1866–1908 гг. журнал издавал и редактировал М.М. Стасюлевич, с № 11 в 1908 г. до 1916 г. издателем был М.М. Кова-

левский и редактором – К.К. Арсеньев, с 1916 г. издателем стал Д.Н. Овсяннико-Куликовский и редактором – Д.Д. Grimm. «Вестник Европы» – орган умеренного буржуазного либерализма.

⁷ Г.Е. Старицкий.

⁸ Ежемесячный исторический журнал, выходил в Петербурге в 1870–1918 гг. Основан, издавался и редактировался (1870–1892) М.И. Семевским при участии В.И. Семевского. Последующими редакторами были Н.К. Шильдер (1892–1896), Н.Ф. Дубровин (1896–1904), военные историки С.П. Зыков, П.Н. Воронов.

⁹ М.Е. Старицкая.

¹⁰ Дневник Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. 1888. Т. 59. С. 305–311, 483–524. Т. 60. С. 61–83, 267–310, 549–582; 1889. Т. 61. С. 293–314, 506–523; Т. 62. С. 107–130, 577–598; Т. 63. С. 27–60, 265–299, 519–558; Т. 64. С. 103–122, 323–334, 729–758. См. также: *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1955–1956.

¹¹ Речь идет об утвержденном 12 июня 1890 г. Положении о губернских уездных земских учреждениях, которое было принято в добавление к Закону о земских начальниках от 12 июля 1889 г. Положение 1890 г. всю систему земских выборов построило на началах сословности, предоставления преимущественного руководства земским делом дворянам и лишения крестьян права непосредственного избрания гласных.

¹² См., например: Церковно-приходские школы и школы грамотности // Вестник Европы. 1890. № 6. С. 757.

¹³ В 1890 г. был принят новый учебный план для гимназий и прогимназий. По этому плану классическая система в гимназии была сохранена, но число уроков по древним языкам было урезано (на 10 часов в неделю), кроме того, уменьшено число уроков по математике (на 1) и по географии (на 2). Освободившиеся уроки были распределены следующим образом: Закон Божий – 3 урока, русский язык – 3, история – 1, физика – 1, чистописание и рисование – 5 уроков (см., например: Из общественной хроники // Вестник Европы. 1890. Кн. 8. С. 878–887).

¹⁴ До последней степени; до предела (лат.).

¹⁵ Ежедневная газета, выходившая в Севастополе с 1888 г.

¹⁶ Выбор, право выбора или замены; право жителей округа контролировать или запрещать продажу отдельных товаров (например, спиртных напитков и т.п.) (англ.).

¹⁷ В 70–80-х годах XIX в. в Петровской академии проходили студенческие волнения. Правительством стало принимать меры, стесняющие студенческую жизнь. В 1890 г. был принят новый (третий) устав Петровской академии, по которому увеличивалась плата за обучение, число студентов сокращалось, для всех поступающих требовалась предварительная практика в хозяйствах. Новый устав мало помог искоренению революционных настроений в Академии. В 1890 г. прием студентов в Академию был приостановлен. В 1894 г. Академия была закрыта и в том же году открыта под новым названием – Московский сельскохозяйственный институт. Число студентов, сокращенное по уставу 1890 г., было ограничено еще более, у Института отнято право давать ученые степени. Из Петровской академии был почти полностью изгнан прежний состав Совета, и многие из тех профессоров, которые создали славу Академии, не вернулись.

¹⁸ См., например: *Захарьин Г.А.* О «переутомлении» и «классицизме» // Вестник Европы. 1890. № 6. С. 434; Перемена в гимназических учебных планах // Там же. № 8. С. 878; Гимназические учебные планы по языкам древним, русскому, французскому и немецкому. Новое место древних языков в системе преподавания русского языка // Там же. № 10. С. 867.

¹⁹ Новые реформы в среднем образовании во Франции: Письмо из Парижа // Вестник Европы. 1890, № 6. С. 811–825.

²⁰ И.М. Гревс.

²¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

²² Старицкий.

²³ См., например: Буколики и георгики *Виргилия*. М.: Братья Салаевы, 1873.

²⁴ См., например: *Ovidius Naso Publius Oeuvres choisies*. P.: Garnier, [1861]. Т. 2: Les tristes.

²⁵ Шаховской.

²⁶ Н.Е. Старицкая.

²⁷ В письме от 15/27 июля 1890 г. Н.Е. Вернадская писала: «...я выписала 3 тысячи руб. от Спирова. Жизнь и лечение стоят довольно дорого, а путешествие в Полтаву в 1-м классе спального вагона и того дороже. Скажи об этом мамочке» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 45).

²⁸ Старицкая.

²⁹ Г.В. Вернадский.

³⁰ М.С. Гревс.

³¹ И.М. Гревс.

³² Е.С. Кавос.

³³ Лерке.

№ 189

2 июля 1890 г., Полтава

№ 6¹

Полтава, 2/VII 1890 г.

Дорогая моя, родная, золотая девунька, моя милая детка, получил я здесь 2 твоих письма – записочки, очень жду их всегда, так они мне страшно дороги. Моя рыбочка, не забудь сделать **анализ** и скорее, а также не жалея денег на переезды. Все – главное все, чтобы тебе было хорошо [...] Берет ли или будет ли Маша² брать души и вообще как она себя чувствует – не очень ли ты устаешь, мое серденько? Относительно твоих записочек – отчего они не личные такие? Ты пиши мне, ведь я не раньше дам прочесть письмо, пока сам не прочту. Моя дорогая, мое сокровище, как тяжело и неприятно быть вечно в разлуке. Еду в Кременчуг сегодня вечером или завтра, а сегодня был с визитом у губернатора³ и иду сейчас к председателю Губернской управы⁴. Вчера вечером с Ниной⁵, Варв. Епиф.⁶ и М-ле Гоголь были в городском саду, но ненадолго и пили чай у Надежды Викторовны⁷. Вообще знакомств здесь слишком, а еще надо видеть некоторых старых друзей нашей семьи. Работалось мало. Жара стоит страшная. На меня она не действует очень тяжело, но на всех других твоих это сильно отражается. С нетерпением жду заключения, где вы будете. Какое сообщение с Boulogne? Пришли мне полный план квартиры.

Сегодня в газете прочел указ о новых земских учреждениях⁸. Всюду та же ложь и всюду лицемерство! Указываются на согласие новых земских мероприятий с идеями старого земского положения! Характерной стороной нашего периода исторического русского будет, наверное, такое лицемерство. Все это было бы смешно, когда бы не было печально. Ознакомливаюсь с проектами гимназической реформы. Между прочим, например, по новым предположениям для усиления знания русского языка будет выкинута из гимназического курса – история русской словесности – единственное живое во всем курсе, а чтение писателей будет заканчиваться Гоголем! Единственный классик-стилист Тургенев остается вне изучения. Казалось – программы так плохи, что их нельзя сделать хуже, но нашлись художники. Право, все это было бы смешно, когда бы не было печально. А как тебе нравится в официальном документе следующее место о классической системе: «Уверенность в необходимости этой системы пустила такие сильные корни в основательно образованной части общества, что еще недавно, в пору прискорбного брожения, страх, обуявший всех благомыслящих людей, как бы наша школа не отступила внезапно от своего серьезного направления, был так велик, что Министерству народного просвещения (в 1881 г.) пришлось успокаивать общество уверением в сохранении всех существенных основ водворенной системы». Это историческое место – оно даже похоже на насмешку. Читал в последнее время, кроме «Вестника Европы» (прекрасная статья по поводу 25-летия пе-

Георгий Вернадский и Катя Гревс. Женева, 1890 г.

чатной «реформы» Валуева⁹), еще «Русскую старину», где глубоко заинтересовали меня записки Никитенко¹⁰. Ты непременно должна прочесть. Читал и по своим наукам, и много роится мыслей, планов, намерений.

А чувствуется, что больше всего нужна теперь сила духа, спокойная смелость мысли и безбоязненность ума. Где должны начинаться компромиссы?

Целую тебя, моя родную, золотую девочку, очень крепко, Гагу¹¹ поцелуй, Катю¹², Гревсят¹³ также. Сердечный поклон всем. Письмо Александры Васильевны¹⁴ получил и на днях ей напишу.

Твой Д.

P.S. Пусть Иван¹⁵ узнает, нельзя ли достать отдельно книжку Токвилля о представительном правлении¹⁶. Очень хорошая книжка, и мне бы хотелось ее иметь.

Оп. 7, д. 37, лл. 14–18.

¹ Номер письма, проставленный В.И. Вернадским.

² М.С. Гревс.

³ См. комментарий № 3 к письму № 188.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 188.

⁵ Н.Е. Старицкая.

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ Янович.

⁸ См. комментарий № 11 к письму № 188.

⁹ Из общественной хроники: Двадцатипятилетие закона 6 апреля 1865 г. Существует ли прямая связь между свободною печатью и ее влиянием // Вестник Европы. 1890. № 5. С. 408.

¹⁰ См. комментарий № 10 к письму № 188.

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² Е.С. Кавос.

¹³ Семья М.С. и И.М. Гревс.

¹⁴ Гольштейн.

¹⁵ И.М. Гревс.

¹⁶ См., например: *Токвиль Алексис*. Демократия в Америке: В 4 т. Киев: Тип. А. Гаммершмидта, 1860.

№ 190

4 июля 1890 г., Кременчуг

№ 7¹

Кременчуг, 4.VII 1890

Дорогой мой Тутик, моя славная рыбка, начал я экскурсию², и хотя большая жара, но чувствую себя ничего себе. С Докучаевым вышла какая-то путаница: от него была неделю назад телеграмма, что все указания он шлет письменно, но в Полтаве мы ничего не получили, и здесь нигде – ни на почте, ни в земстве он ничего не оставил. Так что я без денег и еду сегодня вечером в Полтаву, чтобы переговорить с Заленским – председателем Губернской управы, которого раньше не застал, как быть. Приехал в Кременчуг вчера утром – большая часть дня прошла на визиты, покупки, справки. Так что только к 4-м часам я мог отправиться на экскурсию на ломки гранито-гнейса здесь, весьма интересную. Сегодня в 10 часов утра должен буду быть в земстве, так что не надеюсь выехать раньше 11 1/2 утра. Вчера был с визитом

у предводителя дворянства Маценко (скажи Александре Васильевне³), [...] его я не застал – нет в городе и когда будет, неизвестно, еще может случиться, что увижу его, когда буду осматривать его землю, и тогда переговорю о Череп.⁴, у председателя Земской управы и у исправника никого из них не застал, а только виделся с исправляющим должность председателя управы и помощника исправника. Последний оказался любезнее первого относительно всяких указаний etc.

Если завтра утром от Заленского получу деньги, то завтра уже выеду снова и отправлюсь в настоящий разъезд, верно, на неделю, а может и больше. Жара стоит страшная, так что все время работаешь в поте лица своего, но вообще это ничего.

Кременчуг лучше Полтавы, живее и, может быть, даже многолюднее. Город имеет большие каменные ломки, ведет их разработку и торгует ими, а улицы его или немощены, или мощены удивительным образом. Около собора и во многих других местах улиц лужи буквально по колено, так что вчера даже мой извозчик не выдержал: «Вот какой наш город, – говорит он, – свой камень, а улицы не мощены, а с нас новых 8 руб. в этом году набавили» (теперь 20 руб. в год извозчичьих сборов). По его представлению, город выработать может миллиард из камня. Извозчик – еврей, а костюм русский, что здесь не редкость. Кременчуг – торговый город, Днепр и хорошие железные дороги делают его все более и более центром. Полтава падает, Кременчуг растет, и, верно, недалеко то время, когда уездный город станет губернским, и наоборот. Города падают, как исторические личности, и на юге мало-помалу теряют те места, которые когда-то были главными центрами гетманщины – Батурин – деревня, Чигирин – уездный городишко, а вот очередь и Полтавы. Зато новые города Кременчуг, Харьков и т.п. растут, и новые центры форм(ир)уются. Большая культурность Кременчуга сказывается и в относительном обилии книжных магазинов, которых здесь – 3, а в Полтаве – 1; всюду, и там и здесь, организована розничная продажа «Одесского вестника»⁵, «Одесских новостей»⁶, «Одесского листка»⁷, «Южного края»⁸, «Елисаветградского вестника»⁹. Печать провинциальная, забитая, все-таки пробивает мало-помалу себе место. А здесь нравы на этот счет удивительны. Недавно редактор неофициальной части «Полтавских ведомостей»¹⁰ был посажен на 3 дня губернатором на гауптвахту! (никак не могу понять на основании какой власти – верно тут, кроме всего, и незаконность). Редактор Иваненко перепечатал какой-то слух из «Нового времени»¹¹ или другой газеты о каких-то переменах в высшем управлении, а, по мнению губернатора, можно перепечатывать «такие» сведения лишь из «Правительственного вестника»¹². Начавшееся в начале 80-х годов оживление провинциальной печати теперь едва лишь сказывается, но опять наступит время, когда оно ясно и сильно проявится, так как сама жизнь создает на это требования. Интересно, например, и в лубочной литературе в последнее время сказалась неизбежность того же процесса, и сильно растут лубочки Киевские, хотя цензуре гораздо неудобнее (чтобы печатать книгу в Полтаве, надо ехать в цензуру в Киев или Харьков!). А «Новости»¹³ ликуют и по поводу положения провинциальной печати! Я думаю, нигде не отразится так сильно и неожиданно неизбежная рано ли поздно свобода прессы, как на юге России, – страшно только, чтобы за теперешний промежуточный период не очень опоганили вкус публики. Еще одна сторона здешней прес-

сы: это ее относительная дешевизна: 3 коп. номер большинства ходких газет. Цензурные условия, еще допускающие кое-как газеты, совсем не пускают провинциальные журналы, лишь «Киевская старина»¹⁴ кое-как держится. В создании и развитии хорошей **местной** прессы заключается одно из основных условий существования настоящего местного самоуправления. Я думаю и вижу, что нелегко здесь теперь на душе земских деятелей, когда все-таки значительная часть уставов их деятельности рушится, а между тем все-таки у них силы и понимания нет для сознательной формулировки своего положения. Мало-помалу, если это удастся, обратит земство в «коллегиальное» управление старого времени. Или это не так легко для того, что жило своей сильной жизнью? Полтавское земство, кроме всего прочего, немало оставило и оставит общего: и народную школу, и недавно начатые школки грамотности, и более рациональную организацию земской деятельности. На многих земских врачей земцы жалуются: грубы с народом, разные допускают шуточки и тому подобное, так что в последнем (на днях) Полтавском уездном собрании вышел скандал: неожиданно для главных заправил партий некоторыми гласными крестьянами поданы были официальные прошения крестьянских обществ об исключении со службы одного из врачей! – что, по-видимому, и будет сделано. Полтавское земство издавало лучшую в России земскую газету «Земский обзор»¹⁵, оно вело статистические, геологические и теперь почвенные исследования. Начинало и кустарные, но с ними случился позорный для университета скандал: профессор Зайкевич (Харьков) деньги взял, а отчета не представил! Прошло уже более 10 лет.

Но теперь довольно. Крепко-крепко целую тебя, мою дорогую, мое сердечко. Когда-то я тебя увижу! Гагуню¹⁶ поцелуй. Гревсам, Гольштейнам etc. сердечный привет.

Твой Д.

Что Маша?¹⁷ Как я благодарен ей за приписочки.

Что ты делаешь, как чувствуешь? [...]

Твой Д.

Оп. 7, д. 37, лл. 16–18.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² В.И. Вернадский проводил исследования почв Кременчугского уезда Полтавской губ. совместно с В.В. Докучаевым на средства Полтавского губернского земства.

³ Гольштейн.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ Газета, выходившая в Одессе в 1828 по 1893 г.

⁶ Ежедневная газета, выходившая в Одессе с 1884 г.

⁷ Ежедневная газета, выходившая в Одессе с 1872 г. как «Одесский листок объявлений».

⁸ Ежедневная газета, выходившая в Харькове с 1880 г.

⁹ Газета политическая, литературная и общественная. Выходила в Елисаветграде с 1876 г.

¹⁰ Точнее, «Полтавские губернские ведомости» – газета, выходившая в Полтаве с 1838 г.

¹¹ Газета политическая и литературная. Выходила в Петербурге с 1868 по 1917 г. (до № 234 1869 г. – 5 раз в неделю, затем ежедневно); принадлежала разным издателям, в 1890 г. издателем был А.С. Суворин.

¹² Ежедневная газета (орган Министерства внутренних дел). Выходила в Петербурге в 1869–1917 гг., публиковала распоряжения и сообщения правительства, отчеты о заседаниях Совета министров и Государственного совета, внутренние и зарубежные известия, статьи и рецензии на книги.

¹³ «Новости и биржевая газета» выходила в С.-Петербурге с 1880 г.

¹⁴ Ежемесячный исторический журнал. Выходил в Киеве с 1882 г.

¹⁵ Орган Полтавского губернского земства. Выходил еженедельно в Полтаве в 1883–1885 гг. Ответственный редактор – председатель Губернской земской управы А.В. Заленский.

¹⁶ Г.В. Вернадский.

¹⁷ М.С. Гревс.

№ 191

5 июля 1890 г., Полтава

№ 8¹

5.VII. 1890. Полтава

Дорогой мой Тутик, мой маленький дорогусик, моя родненькая, миленькая девочка. Послал я тебе письмо из Кременчуга уже в Женеву, а теперь пишу из Полтавы, где я снова, приехал за деньгами Докучаева, которые сегодня, наконец, получил, и завтра еду в настоящий объезд по уезду², надо видаться еще раньше с Заленским – председателем управы, да у меня и мигрень, так что сегодня выехать было нельзя; да и так как-то не совсем хорошо себя чувствовал.

Как-то вы устроились в Женеве, мои дорогие, как Маша³ и ты будете себя чувствовать? Я думаю, что Иван⁴ может заниматься в Женеве, что он найдет нужные книги: старинный университет, большой культурный центр и поколения гуманистов! Работа обещает быть интересной и не только в чисто практическом, но и в научном отношении: мне удалось уже заметить один член свиты слоев около Кременчуга, Гуровым упущенный, а равно и минералы, отсюда раньше неизвестные; один из них никак, впрочем, не могу определить – не имею под рукой ни книг, ни инструментов – а так знаний недостаточно.

Много, много мыслей родится, когда сидишь в тенистом густом саду, когда сумерки скрывают яркость теней как-то больше и глубже углубляют тебя в жизнь природы. А она здесь живет, и ты видишь эту жизнь в каждом листе, где роятся бесчисленные клеточки плазмы, видишь и слышишь ее в шуме, летании насекомых, движении червей, малозумном блуждании ежей и других более крупных жителей сада в сумерках. Та основа, которая определяет твою жизнь и отличает тебя от остальной природы, находится в каждом листе – есть ли и там «сознание», которое для тебя *de facto* единственно важное отличие одушевленной природы от неодушевленной? Или этого сознания там нет, совсем нет? Но тогда сознание даже в жизнеодаренной природе играет случайную роль, является случайным аксессуаром, не есть *conditio sine qua non*⁵ жизни? А если оно есть, то какова его форма и проявление в других существах и где граница между одушевленной и неодушевленной природой? Тогда явится неизбежным пантеистическое представление о природе, столь родное нашему уму и сердцу, если рассуждать априорно. А ведь пантеизм всюду – в языке, в обычном ходе мысли, в мире сказок, легенд – этом источнике живой веры.

Говорится, что естественные науки подняли силу человека, дали ему какую-то невиданную мощь: они скорее низвели природу до человека, дали возможность предугадывать ее мелкость, предугадывать, что по должном расследовании она явится с того же порядка, как и природа человека. Чувствуешь сильно суету сует – суету мира, всего мира, а между тем все великое, тобою созданное, перед чем все суета сует, само существует лишь в твоей фантазии, есть абстракция этой самой суеты.

Жаль или не жаль потерять возможность существования в природе движителей и деятелей более сильных, чем человек, одаренных большей степенью сознания? Возможна ли без них цель жизни?

Манфреды⁶ и Фаусты⁷ удовлетворяют большему чувству, чем Ньютоны, Лавуазье. Первые имеют надежду остаться и навеки личностями, и в них получает и в оживотворенной природе смысл жизнь личности, а вторые? Что они дали и что они **взяли**? Для чего дали?⁸

Оп. 7, д.37, лл.19–20.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 2 к письму № 190.

³ М.С. Гревс.

⁴ И.М. Гревс.

⁵ Непременное условие (лат.).

⁶ Манфред – герой одноименной поэмы (1817) Дж. Байрона.

⁷ Фауст – герой одноименной трагедии (1831) И.В. Гёте.

⁸ Конец письма не сохранился.

№ 192

7 июля 1890 г., Кременчуг

№ 9¹

Письмо личное
Кременчуг. 7.VII 1890

Только завтра начинаю настоящую поездку, и ты не жди теперь от меня особенно часто и аккуратно писем, так как не знаю, когда, где буду и когда буду недалеко от почты. Поеду завтра утром в 5 часов сперва к Псиолу², а потом по побережью Днепра.

В сущности, поездка может быть интересной, хотя я тут, как во всех своих поездках, вследствие своей лености и нераспорядительности многого, должно быть, не увижу.

Жара стоит отчаянная, и очень хорошо, что ты не здесь, – тебе бы было это невозможно трудно, а еще масса мух и, я полагаю, в плавнях, где завтра буду, комаров. Вообще природа здесь очень богатая числом живых существ и всяких ненужных часто, например сегодня ночью я совсем почти не мог заснуть от напастей клопов, ужасно неприятное положение. Думается мне, что тебе будет очень трудно здесь с Гагой³, трудно будет не соглашаться постоянно с Марией Ивановной⁴ и Егором Павловичем⁵, а они могут совсем Гагу забаловать. Хотя я не вижу никакого другого исхода, но это меня смущает за тебя, и я совсем боюсь, как бы сильно не уменьшилась полезность твоего здесь пребывания и как бы не пропало многое для Гаги, приобретенное. Очень все это трудно, и совсем не знаешь, как тут быть. Может, все это представляет-

ся таким страшным издалека, – не знаю, но пока мне оно так кажется. Егор Павлович, который собственно живет совсем отдельно, прямо и непосредственно не может много сталкиваться с тобой, но, вероятно, все-таки известные несогласия могут быть, и этого я боюсь для твоего здоровья. С другой стороны, я вполне вижу, до какой степени важен приезд Гаги для твоих, и не вижу выбора – иначе как между Полтавой и заграницей – где тебе жить, пока не выяснится Москва? А когда оно выяснится: в ноябре? в декабре? Ничего, ничего неизвестно. Переезжать на неизвестное тебе нельзя. Я очень боюсь и известных отношений Марии Ивановны и Елли Ивановны⁶ – иногда они имеют характер ревности; мне кажется, Марии Ивановне не хотелось бы, чтобы приезжала сюда Елли Ивановна, главным образом потому, что ей хочется поселиться с Гагой в одной комнате. Все это, может быть, мне так кажется. А приезд Гаги для Марии Ивановны очень необходим: ей вообще страшно трудно и тяжело теперь, и я думаю, что она старается казаться здоровее, чем она на самом деле это чувствует. И Гагино присутствие для **нее** очень важно. Между тем я считаю просто необходимым для Елли Ивановны и для нас прямо долгом, чтобы она оставалась у нас, пока не найдется **вполне** ей подходящего места. И тут очень трудное положение по поводу жизни в Полтаве. В удобную минуту я еще переговорю об этом с Марией Ивановной. Поездка Елли Ивановны к родным займет часть времени и всего дела не уладит.

Относительно многого можно будет настоять в воспитании Гаги, но многое, верно, не удастся, так как на этот счет у твоих очень ясные представления, и делать компромиссы они не особенно умеют. Они не являются сторонниками больших прогулок, верно, относительно еды, кутанья и т.п. будут очень требовательны; все прихоти и желания Гаги будут исполняться (у нас был по поводу этого разговор, где и я, и Мария Ивановна очень определенно высказали свои взгляды). Может быть, все это окажется мелочами по сравнению с той важностью, какую имеет приезд внука для стариков, очень может быть, но пока это неведомо. Мне бы очень хотелось знать на счет этого всего твое мнение до твоего приезда. Вообще пиши, отвечай на мои письма.

Чувствую себя порядочно. Желудок был не в порядке, но теперь, кажется, прошел – хотя для экскурсии это весьма-таки неудобно [...]

Крепко целую тебя [...], Гагуна, Гревсов поцелуй. Елли Ивановне, Варв. Сергеевне⁷, Маке⁸ кланяюсь. Где мои книги? Сдана ли моя статья?⁹ [...]

Твой Владимир

Оп. 7, д.37, лл. 21–22.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² По-русски Псёл, приток Днепра.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Старицкая.

⁵ Старицкий.

⁶ Лерке.

⁷ Возможно, Варвара Сергеевна Зарудная.

⁸ Возможно, М.Е. Старицкая.

⁹ См. комментарий № 8 к письму № 185.

№ 10²

Дорогая моя Наташа!

Сегодня опять в Кременчуге, оттуда завтра еду дальше. Я получил здесь твою записочку с вашим новым адресом. Очень мне грустно, что до сих пор я от тебя не получил ни одного письма или записки, все, которые ты писала на мое имя, по содержанию очень внешние и, очевидно, предназначались для общего чтения, такие записки меня совершенно не удовлетворяют, и мне только грустно от них. Я ничего не знаю ни о твоих мыслях, ни о твоём здоровье (подробно), а разные сообщаемые тобою мелочные факты меня интересуют гораздо меньше; ни на один из моих вопросов ты не отвечаешь, точно не читаешь моих писем. Вообще мне было бы очень интересно узнавать о том, что ты пишешь в письмах ко мне, из других писем – таких не личных писем я еще от тебя никогда не получал. Точно ты думаешь, что их прочтут. Лучше пиши мне реже, но пиши мне, а не отсылай на мое имя писем, писанных не мне. Очень мне тяжело не иметь от тебя писем. Начала ли ты души? Как твои дела? Писала ли Спинову? Послала ли мою статью Ришару?³ Что ты читаешь? Устала или нет с дороги?

Работу начал, но как-то сильно собой недоволен, своей леностью, халатностью, неподвижностью. И главное, сознаешь все это, а все-таки продолжаешь делать по-прежнему.

Эти три дня постоянных переездов и разных столкновений с новыми людьми и природой могли бы дать гораздо больше, чем они дали мне. Ездил я с 5 часов утра до 5 вечера с перерывами, самое большее час, следовательно, подряд 11 часов, а теперь вот приехал сюда, чтобы разобраться, ориентироваться в собранном материале и, обдумавши, изменить способ исследования, так как так, как я вел работу в этой небольшой части уезда, – не хорошо.

Странное впечатление производит жизнь в своей «простоте», жизнь главной массы людей. Особенно сильно чувствуется это, когда проезжаешь мимо хуторских кладбищ, маленьких окопанных мест, где ютятся могилы, над могилой – часто без крестов или с поломанными крестами, без возвышений. Обыкновенно они находятся на старом кургане, и покойника хоронят на покойника, и так поколениями ложатся здесь жители хутора. Крест, очень плохо и небрежно сделанный, хранится немного лет, а затем от времени или людей ломается и никогда не восстанавливается. «Довольно постоял, больше и не нужно памяти!» – объяснял мне мой ящик. И курганы – эти могилы неведомого племени, когда-то жившего в этой местности, сделались по традиции кладбищами всех живших здесь народов – в них хоронили своих воинственных покойников запорожцы и казаки, а теперь хоронят и хуторян. «Все йде, все минае и краю немае»⁴. Рядом с кладбищем стоят хатки хутора – с детства видно место, где сам будешь похоронен и где хоронят ближних, и жизнь, «простая» жизнь идет своей чередой: с ее вознею о пропитании, о рождении детей, о смерти... Какие цели руководят этой жизнью? Что она дает и чем осмысливается? И так поколениями, так столетиями. Тихо, медленно и глухо. Боже мой, как глухо.

А мысль и здесь бьется и пробивается, и здесь она стремится найти какую-нибудь формулу, какое-нибудь успокоение, цель. Находит ли она ее в ожидании будущей жизни или в чувстве красоты, величия, спокойствия природы – не знаю. Но думается мне, что последнее здесь почти не имеет места.

Нет тишины и нет мощи природных сил, которые еще недавно были в степи, которые мы знаем по прежним описаниям и можем восстанавливать на основании немногих уцелевших уголков прежнего мира. Я не раз вспоминал одно из лучших, сжатых описаний степи, которое дает Мицкевич в одном из своих сонетов⁵, я вспоминал и сравнивал его с теперешнею степью, обчищенной, пустынною, гладкою. В балках нет лесов, травы не растут густо, всюду тянутся поля, а в иных местах пески, солонцы. Прежние жители степи уничтожены: в разрезах чернозема находишь кротовины – заполненные лессом ходы живших тут грызунов, а о них не сохранилось и памяти; поймы Днепра стоят пустынные: жизнь мельчает на нашей планете деятельностью человека, остаются одни мелкие звери, а все более крупное, более сильное исчезает и губится невозвратно и беспощадно. Этот процесс идет всюду, и с ним не мирится чувство натуралиста, хотя именно он создает для этого главные средства.

Но иногда степь и теперь хороша. Хороша она утром при восходе солнца, когда солнце низко над горизонтом, когда все предметы дают странные тени, когда солнечные лучи как бы лишь касаются конца видимого пространства. Тогда просыпается жизнь. И ближе всмотревшись, ты и всюду, всюду видишь. Летают и кричат чайки, встречаешь «черногузов»⁶, молча и важно шлепающих своими длинными лапами. Их мясо так скверно, что даже неприхотливый вкус крестьянина ими не прельщается. А внизу на земле какое богатство форм, богатство особей, богатство жизни, борьбы – личинки, жуки, мухи всюду лазают, ползают, торопятся – наступаешь на них, давишь их, а они все-таки так и кишат своим многообразием, своей многочисленностью. Чувствуешь, что эта мелкая жизнь и сильнее тебя и что ты ее произвольно не изменишь!

Ведь в этой жизни есть красота: есть она в формах, в красках, есть она и в самом своем ходе, в вечном изменении. Но не такова ли и жизнь массы людей, отчего же нам так жутко чувствовать себя звеньями этой массовой жизни? Может быть, и массовая жизнь человечества явилась бы красивой для каких-нибудь существ выше нас? Да ведь и для нас она красива в песнях, сказках, пословицах, созданиях зодчества и искусства. А между тем нельзя удовлетвориться своим бесследным исчезанием и временным существованием в качестве звена этой цепи – без конца и начала?

Ты чувствуешь свою мелкоту, когда видишь бесчисленные массы людей, здесь прежде живших и бесследно исчезнувших. Ты чувствуешь, однако, и мелкоту всей этой жизни, взятой как целое, перед жизнью земли, и мелкоту земли в солнечном мире, и мелкоту солнечного мира перед чем-нибудь другим. Но разве не есть представление о мелкоте – какое-нибудь безотносительное, решающее понятие? Разве на чем-нибудь основано представление о непременном, бесследном исчезании мелкого и сохранении великого. Нет мелкого, и нет великого.

Как нельзя удовлетвориться религиозными представлениями, которыми живут массы, так нельзя удовлетвориться и тишиной массовой жизни, ее мелкотой. Только в минуту глубокого отчаяния могли Руссо и последователи

мечтать о возвращении в золотое, природное состояние, мог Паскаль вполне уйти в религию. Нельзя уйти ни туда, ни сюда, пока есть Сомнение – сомнение в том, что, может быть, Мысль – основа личности – бессмертие, и что **она** создатель гармонии в мировом хаосе, что она сама себе господин, что она не связана неразрывно с веществом, как не связаны колебания эфира, хотя бы, несомненно, они и находятся от вещества в зависимости. Опять рождаются в уме прежние мысли, о которых я писал тебе раньше.

Но жизнь «в своей простоте» мелка, тяжела и ужасна – ужасна потому, что мало дает для мысли, для ума, что как-то принижаяще на тебя действует. Вот она кругом: всюду ее видишь. Солонцы не родят ничего – около них все деревни; на черноземе хутор за хутором, и ты чувствуешь борьбу за землю и эту борьбу видишь всюду. Тебе приходится с ней сталкиваться. Входишь в хату зажиточного казака купить хлеба, он встречает тебя и просит совета в делах из-за земли, которые он ведет то с тем, то с другим. Сам он безграмотный, и из сыновей лишь одного научил немного грамоте. Полуобъеденные крысами нотариальные акты являются на сцену, начинается совещание, и ты видишь, что с него берут за расписку больше, чем следует (в податных расписках нет общей суммы, а деньги разнесены в ряд граф, и ты должен складывать сам: становые, пользуясь неграмотностью, берут наибольшие «круглые» цифры), и что он скопленными деньгами купил не один кусок и бьется всю жизнь из-за земли. В казаке этом меня удивил гонор: с него берут не взятые раньше по ошибке государственные деньги – он хочет идти в земство справиться – я ему говорю, что это будет хорошо, но что с него и там должны будут взять, если это верно. Он заявляет, что если он должен платить – он обходить этого не желает, но только не верит вполне становому. А если он должен, тогда должен заплатить и земские! Еще значительная часть населения Полтавской губернии именуется казаками – потомки малороссийских казаков, не знавшие крепостного права. Среди них есть очень богатые, владеющие сотнями десятин и живущие как крестьяне. Только большая чистота хаты, некоторый комфорт (стулья, посуда) отличают их от крестьян. Среди них масса безземельных, жизнь которых очень тяжела. Но и они сохраняют известный гонор, например мой ящик – безземельный казак – взяв сперва мне купить молока и разменять рубль, из которого 50 коп. (он мне копал землю) я ему сказал оставить себе. Через некоторое время является с молоком **баба** и, смеясь, заявляет, что казак не захотел нести молока; вместе с тем она приносит 90 коп. и говорит, что он возьмет, сколько я ему дам...

Но возвращаюсь к тем же вопросам о земле. Спрашивает меня мой другой ящик: какова земля в Самарской губернии, есть ли там хорошая, я говорю, что есть, и он мне рассказывает следующую драму, которая случалась не раз и случается постоянно. Выселилось туда около 500 **семейств** из Кременчугского и окрестного Кобелякского уездов⁷. Он сам хотел выселиться, но не решился. Приехали на место, и дали им землю – одну красную глину. Не родит она ничего, и тогда большая часть бежала: посоветовал им сам волостной писарь: бегите, пока вас не занесли в списки, и вот те, которые имели лошадь, приехали сюда со всеми семьями, разоренные, все здесь раньше распродавши... Как же вы раньше не послали узнать землю, на которую ехали? «Я говорил им тоже, – говорит ящик, – но они “поверили на правительство”, которое им давало землю». Те, что остались там, остались «пропадать».

Такая борьба за землю, сосредоточение всего интереса к земле здесь всюду...

Но пока довольно. Чувствую я себя так себе – ни шатко, ни валко. Работается тоже ничего себе, но не особенно. Еду теперь в большую глушь, не жди писем.

Расспросов о том, что делаю, удивительно мало – по сравнению с Нижегородской губернией. Больше думают, что ищу клады, но иногда предлагают и дельные вопросы: один крестьянин спрашивает, что сколько я беру образчиков и как я нанесу на план, какова земля, раз я беру образчики на их поле один, а в поле их земля не одинаковая.

Крепко целую тебя, Гагу⁸, Гревсов также. Что Елли Ивановна⁹ и В.С.?¹⁰ Так жду страстно хоть коротенькую записочку от тебя **для меня**.

Целую тебя крепко всю.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 31, лл. 142–147.

¹ Датируется по содержанию письма: в письме от 7/VII 1890 г. из Кременчуга он пишет: «...завтра (т.е. 8.VII) начинаю настоящую поездку», а в данном письме имеется указание: «Эти три дня постоянных переездов...» (т.е. 8, 9, 10 июля), следовательно, письмо было написано 10 или 11 июля.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ См. комментарий № 8 к письму № 185.

⁴ Начало поэмы Т.Г. Шевченко «Гайдамаки». См., например: *Шевченко Т.Г. Твори: В 5 т. Київ.: Дніпро, 1978. Т. 1. С. 86.*

⁵ Очевидно, имеется в виду стихотворение «Аккерманские степи» из цикла «Крымские сонеты»:

Я выплыл на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Уступы островов коралловых бурьяна...
(*Мицкевич А. Собр. соч. М., 1948. Т. 1. С. 234.*)

⁶ Аист.

⁷ Уезды Полтавской губ.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Лерке.

¹⁰ Возможно, В.С. Зарудная.

№ 194

1/13 июля 1890 г., Полтава

Полтава, 1/13 VII 1890

Моя дорогая Натуся, вот я и поправился. Осталось лишь небольшая слабость: послезавтра надеюсь выехать на экскурсию. Ужасно неприятны эти ни к селу ни к городу болезни. Впрочем, не беда. Эти дни и работалось, и читалось плохо. Получил и исправил корректуру статьи¹, немножко возился с солонцами, которых пытался определить химический характер – еще не кончил. Читал мало, урывками, а больше времени прошло в ничегонеделании. Впрочем, прочел книгу Рауля о криоскопических явлениях² – наблюдения над точками замерзания растворов, интересовало меня потому, что этот

новый способ (собственно говоря, с 1885 г.) дает возможность определять настоящую химическую формулу тел нелетучих; прочел еще преплохую биографию Эбельмена, написанную Шеврёлем³, читал «Русскую старину»⁴ и с увлечением прочел еще раз биографию Агриколы, описание Германии и т.п. Тацита⁵. Вообще же читалось плохо, да и думалось неважно.

Мне хочется ответить тебе на твои вопросы, хотя отвечать ясно не могу. Относительно времени твоего переезда – вот что мне кажется. Время теперь здесь начинается нежаркое, но все-таки, если приедешь к концу августа, не будет резкой перемены от умеренного климата к холодной нашей осени. Если же переедешь к концу сентября, то такой резкий переход будет: и **его я очень боюсь**. И этот вопрос **очень** важный: чтобы не потерять то, что с таким трудом приобретено, – как это было во время инфлюэнцы. Мне представляется поэтому очень и очень сомнительным возможность продления твоего пребывания. С другой стороны, я вполне понимаю, что для Гревсов это было бы важно – хотя **месяц** лишний не так, конечно, важен, как это им представляется. Мне лично страстно хотелось бы – не принимая ничего в расчет – тебя увидеть, быть возле тебя, моей дорогой, единственной Тути, хочется прижать тебя, успокоиться около тебя, моей родной, ненаглядной. Если с Москвой устроится, то перевезти я вас туда думаю возможно раньше, и это также надо принять во внимание, чтобы тебе провести некоторое время с твоими. Здоровье Марии Ивановны⁶ вовсе не плохо – я писал тебе лишь о том впечатлении, очень неуловимом, которое на меня произвело все здесь окружающее: она больше теперь устает, ей трудны всякие хлопоты, всякие движения. Егор Павлович⁷ все по-прежнему: он теперь почти совсем не видит.

Конечно, отсюда я не могу видеть ни влияния на тебя душ, ни общего настроения Гревсов, но, как теперь все складывается, я думал, что лучше тебе переехать в 20-му августа. Если ты поедешь в это время, я встречу тебя около Елисаветграда. Поехать надо через Вену, а затем через Краков, Львов, Волочиск, Елисаветград, Кременчуг, Полтаву. **Не верь**: в Волочиске будут говорить, что так ехать дольше и что надо ехать через Фастов: тут какое-то странное недоразумение: через Фастов и **далее**, и фастовская дорога одна из самых скверных, которую когда бы то ни было я видел. Остановишься ли в Вене – я тогда напишу Шарицеру? Я бы тебе советовал взять с собой **1000 руб.** – чтобы нам не брать первое время денег, а Гревсам можно будет всегда послать. Лично меня траты эти не особенно смущают [...]

Твой Владимир

Дневник весьма интересен.

В здешних газетах было известие, что Драгоманов издает в Женеве переписку Герцена с Тургеневым и Кавелиным⁸. Кроме работы Герша⁹ (которую очень прошу достать), мне еще надо: Boniger. Ueb. Tautomerie und Desmotropie bei Derivaten d. Succinylornsteinsäureäthers, Zürich, 1889¹⁰. Если можно, пусть Иван¹¹ справится в магазине о цене брошюрки (?) Schlaefler'a. Sur la composition des micas, вышедшей в Шаффгаузене в 1889 г.

Оп. 7, д. 37, лл. 36–37.

¹ Очевидно, статья В.И. Вернадского: L'influence de la calcination sur la baryte et la célestine// Bull. Soc. beige geol., paleont., d'hydrol. 1890. Vol. 4. P. 90–91.

² См., например: *Raoult F.M.* Sur les progrès de la cryoscopie, ou Etude du point de congélation des dissolutions. Grenoble: Breynat, 1889; *Raoult F.M.* La cryoscopie. P.: C. Naud, 1901.

³ *Chevreul M.-E.* Notice sur M. Ebelmen et sur ses travaux. Voir Ebelmen (Jacques-Joseph). Recueil des travaux scientifiques de M. Ebelmen., 1861. Т. 3.

⁴ См. комментарий № 8 к письму № 188.

⁵ См., например: *Taciti C. Cornelii.* Opera . . . De orat. dial., 1815. Т. 2: *Historiae Germania. Agricola.*

⁶ Старицкая.

⁷ Старицкий.

⁸ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева: Укр. тип. 1892.

⁹ *Hersch Carl.* Die Wassergehalt der zeolith: Inaugural-Dissertation. Ziirig: Typ. Orell Fiissli, 1887.

¹⁰ *Böniger Melchior.* Ueber Tautomerie und Desmotropie bei Derivatén des Succinylobernstein-säureäthers: Inaugural-Dissertation. Zürich: A. Diegelmann, 1889.

¹¹ И. М. Гревс.

№ 195

16 июля 1890 г., Полтава

Полтава, 16. VII 90

Дорогая моя [...] сегодня я получил твое дорогое письмо и так я жалею, что жаловался на твои письма: но целых два письма не дошли до меня: они поехали в Солонцы и оттуда, должно быть, в Кременчуг, и я их еще не скоро получу. А это было первое горячее дорогое письмо [...]

Я приехал в Полтаву, потому что у меня сломался бурав и надо его починить. Вчера заехал сюда Паша¹, а сегодня Александр². Мы еще мало говорили, еще немного виделись. Да я и не в особенно разговорчивом настроении. Карту, письмо Юргенсона получил.

Мне хочется описать тебе один день свой, один день экскурсии со всеми ее мелочными перипетиями, разными встречами, многими думами, догадками, мечтами. День описать трудно. Кажется, немного, а между тем сколько сейчас исчезает, скрывается. Бывало иногда, я вечером пытался проследить весь день свой, хотелось бесстрастно анализировать себя, вспоминать, оценивать свои поступки. Как это трудно!

17. VII 90

И теперь лучше отложу до другого раза описание дня, а хочется мне тебе передать кое-что о своих отдельных отрывочных впечатлениях. Разговаривал много с Александром, спорил о «Vête himaine» Золя³, которою он восхищается, разговор шел очень безалаберно, как всегда идут споры со мною. Но у меня осталось очень хорошее впечатление об общей, хорошей нравственной закваске Александра, которая особенно сильно проявлялась в иных мнениях, взглядах во время этого разговора моего и Пашиного – сидели мы почти до 3 часов ночи. Много рассказывал он про Васю⁴, которым все также восторгается. Грустное настроение, какое было видно в иных письмах вам, есть по-видимому, случайное настроение, он увлекался Тюремным конгрессом⁵, пишет статью о нем для «Северного вестника»⁶. В общем фоне настроения Александра и моего, думается, много общего – хотя мы отчаянно спорили и для него резко и сильно стоит, что без веры жить нельзя. Вопрос, что может

явиться такой верой, какую форму примет это настроение. С Пашей ужасно тепло встретились, да я его сильно люблю, он не думает окончательно принимать место главного механика на Мальцевских заводах, куда его командировало конкурсное управление для представления им своих соображений о ходе дела и способах его улучшения. Может быть, однако, он примет это место. Много есть и за, и против.

Получил сегодня отгиск своей статьи из «Comptes Rendus» Академии⁷, которую тебе посылаю. В одном месте Фуке исправил слог так, что смысл не ясен, но в общем не беда.

В поездке много впечатлений – отношение к евреям, к помещикам и тому подобным, о чем тебе напишу в другой раз, бывали интересные, характерные встречи. Немало думалось о воинской повинности, потому что жизнью столкнулся со значением реформы Милютин для народной жизни⁸. Очень было бы полезно в историческом очерке выяснить значение и ход реформы. Поразила меня масса остатков былой, старой жизни, с которой приходится сталкиваться. Едешь и постоянно, по-местному, курганы («могилы») кругом, городища, земляные укрепления – иногда дорога проходит через полусглаженные городища, с целой системой валов. Сколько народов сменялось здесь, сколько пережила страна разных изменений! На карты не нанесена и половина всех остатков старины, которые заполняют этот угол Кременчугского уезда. Никогда в жизни я не бывал в такой местности. Иные курганы разрыты – еще давно («во времена туретчины» и гов⟨орят⟩ крест⟨ьяне⟩), другие недавно – в двух городищах дорылись кладоискатели до крепкой закладки из кирпича и цемента, ниже чего неизвестно что находится. Иногда, кажется, в этих остатках старины какая-то правильность. Отчего их так много тут? Что тут было?

Еще поразили меня иконы – впервые видел иконы Господа-Вседержителя и т.п. Иные, старинные, прямо интересны, так как напоминают манеру писать старинные немецкие иконы XIV–XV столетий (а ведь была в Праге Чешская школа!), в иных одежды и т.п. – по-видимому, старинные местные. Богатое поле научной работы. Крепко целую тебя, мою дорогую, родную Натусю.

Как я жду твоих писем. Что мой дорогой мальчик? Как хочется, чтобы он был силен волей, умом и сердцем. Да я в тебя верю, что ты это ему дашь. Ивана⁹, Катю¹⁰ и Машу¹¹ крепко целую. Елли Ивановне¹², Варваре Сергеевне¹³ мой сердечный поклон.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 23–24.

¹ П.Е. Старицкий.

² Возможно, А.С. Зарудный.

³ *Zola Emile. La betehumaine*. P.: G. Charpentier, 1890.

⁴ В.В. Водовозов.

⁵ Речь идет о IV Международном пенитенциарном конгрессе, который проходил в С.-Петербурге летом 1890 г.

⁶ Ежемесячный литературно-научный и общественно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1885–1898 гг. До мая 1890 г. журнал выходил под редакцией А.М. Евреиновой, с 1891 г. издательницей была Л.Я. Гуревич, а фактическим редактором А. Вольнский (А.Л. Флексер). Упоминаемая статья А. Зарудного ни в 1890 г., ни в 1891 г. в этом журнале не была напечатана.

⁷ Vernadsky V.I. Sur la reproduction de la sillimanite et la composition mineralogique de la porcelaine // Comptes rendus hebdomadaires des sciences de l'Academie des Sciences. 1890. Vol. 110, p. 1377–1380.

⁸ Речь идет о преобразованиях в русских вооруженных силах в ходе буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. Реформы проводились по инициативе и под руководством военного министра (1861–1881) Д.А. Милютина. С 1874 г. вместо рекрутских наборов вводилась всесловная воинская повинность, по которой к службе в армии привлекалось мужское население по достижении 21 года. Срок военной службы с 20–25 лет сокращался в сухопутных войсках до 6 лет на действительной службе и до 9 лет в запасе, на флоте соответственно до 7 и 3 лет.

⁹ И.М. Гревс.

¹⁰ Е.С. Кавос.

¹¹ М.С. Гревс.

¹² Лерке.

¹³ Возможно, В.С. Зарудная.

№ 196

18 июля 1890 г., Полтава

18.VII 90, Полтава

Дорогая моя Натуся [...] сегодня от тебя нет письма. Я получил сегодня бур и еду или сегодня ночью, или завтра в Кременчугский уезд на экскурсию, где пробуду теперь очень долго. Меня беспокоит, что от душ(а) у тебя болит голова, и я очень прошу тебя вести себя гораздо осторожнее и уменьшить время душирования, равно как и температуру. Очень нехорошо, что ты этого не сделала сразу. Жду с нетерпением дальнейших сведений о действии душ(а) на тебя [...]

Статья твоя¹ может быть и принята, может и нет: это ровно ничего не значит, просто, верно, теперь каникулы (журнал летом не издается), и редактор отложил до осени всякие попечения, ничего, должно быть, не читает.

Здесь я сижу и ничего почти не делаю: как-то мне не совсем здоровилось эти дни, может, оттого поеду и не сегодня, а завтра. Так, какие-то недомогания, пустяки – пишу лишь потому, что обещал тебе написать обо всем. Читал я здесь «Вестник Европы», где в июльской книжке помещены интересные для тебя воспоминания математика Ковалевской² из времен детства; умер д-р Зеленский – его некролог в «Новостях»³ тебе доставит Александр, которому я уже говорил об этом.

Хочется уже скорее быть с тобой вместе, с моей любимой, родной девушкой, хочется ближе тебя чувствовать, думать вместе, рассуждать, целовать тебя, мою золотую, дорогую Тутю. Как хорошо нам будет встретиться! Как я уже жду тебя и думаю об этом дорогом для меня времени. Моя родная.

Опять подымаются сильные мысли о необходимости работы литературой, о необходимости печатного обмена мыслей – будет ли когда-нибудь это очень сильно и хорошо сделано – не знаю, но сознаю, что это надо делать – делать и при всяком другом деле. И мне хочется написать статью о вновь вышедшей книге Lasswitz'a «Geschichte der Atomistik»⁴. Я надеюсь – книги я еще не знаю, что она оправдает мои надежды, а меня опять неудержимо влечет в фантастический мир теоретических представлений о строении вещества и эфира. Как ты думаешь об этой теме для журнальной статьи? Важно начало: а отчего бы не быть этому началом?

Меня тянет все более и более к оседлой жизни, к тому, чтобы кончились наши кочевки и были бы home⁵, была бы не кочевая, умственная атмосфера – где бы можно было начать многолетние работы, где бы можно было пользоваться научным комфортом, столь необходимым для научной работы: т.е. хорошо подобранной библиотекой **под руками**, хорошо разобранным материалом выписок и заметок, хорошей лабораторией **на несколько лет подряд** и т.п. Я начинаю чувствовать, что отказаться теперь от научной работы в моей области было бы для меня тяжело, и хочется начать и довести до конца работы лабораторные нескольких лет: полиморфизм элементов, законы полиморфизма, строение силикатов, капиллярные явления кристаллов, и понемногу дойти до более глубоких вопросов: объяснения двупреломлений света в связи с **теорией** строения **материи** и т.п. Мне хочется серьезно работать и по другому пути в том же направлении: исторической критики основных представлений и законов, касающихся вещества. Как все это соединяется для меня с твоим присутствием, с тобой, моей горячо любимой Тутей. Моя, радость моя, счастье мое.

Твой Владимир

P.S. Твои все хорошо себя чувствуют. Мама была несколько нездорова. С Егором Павловичем⁶ мы говорили довольно много.

Что Гагуня⁷ – мой дорогой мальчик?

Гревсят⁸ целую. Елли Ивановне⁹ и Варваре Сергеевне¹⁰ мой сердечный поклон.

Оп. 7, д. 37, лл. 25–26.

¹ Литературный интерес Н.Е. Вернадской лежал в области педагогики. Так, например, в письме от 26 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Мне недостает знаний и фактов по общей истории, а ведь это знание важно и для истории педагогических идей, как общий фон, на котором они вырастали и с общим духом которых они неразрывно связаны» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 134 об.).

² *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства // Вестник Европы. 1890. Кн. 7. С. 55–98.

³ Некролог. Д-р М.С. Зеленский // Новости и биржевая газета. 1890. 12 июля. № 187.

⁴ *Lasswitz Kurd.* Geschichte der Atomistik vom Mittelalter bis Newton. Humburg; Leipzig: L. Voss, 1890. Bd. 1/2.

⁵ Дом (англ.).

⁶ Старицкий.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Семья М.С. и И.М. Гревс.

⁹ Лерке.

¹⁰ Возможно, Зарудная.

№ 197

20 июля 1890 г., Кременчуг

Кременчуг, 20.VII 90

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слов: сейчас выезжаю (в) Омельник и дальше. Как мне хочется скорее тебя видеть: когда ты выезжаешь? Я считаю дни. Писала ли ты Спинову? Еду и в смущении, что не знаю точно о влиянии на тебя душ(а) и узнаю не раньше недели, когда буду опять здесь. Мое родное солныш'ко. Было письмо Алекс. Вас.¹, которая пишет о Федоре², с которым

она очень сошлась. К твоим приехал Ал. Ив.³ Паша⁴ несколько прихворнул. Остальные твои здоровы. Крепко целую тебя и Гревсят⁵. Сердечный поклон Елли Ивановне⁶ и В.С.⁷ Моя дорогая.

Твой Владимир

Что Гага!⁸

Относительно твоего ответа на мое «личное» письмо, я думаю, ты права.

На обороте: Женева, Швейцария, Madame N. Vernadsky, Crêts de Champel, 35, Villa Richemont, Genève, Suisse.

Оп. 7, д. 37, л. 27.

¹ А.В. Гольштейн.

² Ф.Ф. Ольденбург.

³ Возможно, Александр Иванович Зарудный.

⁴ П.Е. Старицкий.

⁵ Семья М.С. и И.М. Гревс.

⁶ Лерке.

⁷ Возможно, В.С. Зарудная.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 198

23 июля 1890 г., Кременчуг

Кременчуг, 23.VII 90

Дорогая моя, пишу тебе несколько слов, так как сейчас уезжаю. Вчера вечером приехал, чтобы сдать почвы, которых у меня накопилось 6 пудов, и получить письма. Ужасно рад твоему письму от 15 июля и милую Машу¹ за ее письмо крепко целую; я буду ей на днях, может быть из Градижска, писать. Работаю порядочно, чувствуя себя также. Хотя и трудна экскурсия и леность одолевает на разъездах, но, как только сядешь на таратайку и потрясешься, опять хочется ехать, и я подумываю о поездке следующим летом: на Урал (на хромистые железняки, но надо предварительно списаться с Арцруни), в Финляндию или в бассейн Днестра и Западного Буга на тамошние вулканические и кристаллические породы². Тутик дорогой, ты мне ответила лишь на вопрос о Спиrove, а на другие (1. Отдала ли 15 франков Ал. Вас.³? 2. Сколько уплатила Рамбо? 3. Передана ли моя статья Ришару? (Я начинаю серьезно беспокоиться – это в каждом письме я тебя спрашиваю – и корректура должна была уже быть у меня)) и т.п. не отвечала. Пересмотри мои письма и ответь. Крепко целую тебя, мою дорогую, и Гагу⁴ моего. Как я тебя жду! Мой сердечный поклон всем.

Твой Владимир

На обороте: Женева, Швейцария, Madame N. Vernadsky, Grêts Champel, 35, Genève, Suisse.

Оп. 7, д. 37, л. 28.

¹ М.С. Гревс.

² Предполагаемые В.И. Вернадским экскурсии не состоялись, в июне 1891 г. В.И. Вернадский продолжил работы по изучению Полтавской губ. См. письмо № 253 и комментарий № 4 к нему.

³ А.В. Гольштейн.

⁴ Г.В. Вернадский.

24 июля 1890 г., Градижск

Градижск, 24. VII 1890

Дорогой мой Натусик [...] Получил я твое хорошее письмо от 15-го и жду с нетерпением дня, может быть 27–28/VII, когда могу поехать в Кременчуг получить там твое письмо. Я ничего не имею против взятия 3 тыс. у Спинова, и если только моя московская кафедра устроится, то дело будет весьма хорошо, а если нет – то придется искать другой работы. На другие мои вопросы ты мне не ответила [...]

Есть много трудного, скучного в такой обязательной работе: и несвоевременна-то она, и не вполне к ней я подготовлен, а между тем в ней много и полезного для меня. Полезно обязательство окончить ее к сроку и т.п. Научных же вопросов рождается достаточно, и намечается еще больше вопросов и способов их разрешения. Наблюдением исправляются и иные ошибки – свои и чужие. Сегодня провозился часа 3, лазая по оврагам у станицы Днепровской-Быстрица между Максимовкой и Градижском и изучая ее строение. Оно описано было Гуровым¹ и представляется мне очень важным для понимания строения всего Кременчугского уезда, и между тем мои наблюдения лишь отчасти совпадают с наблюдениями Гурова – кто-нибудь из нас ошибся. Но несомненно, что он как-то пропустил целый слой, который я нашел превосходно выраженным. Но у меня тут много недоумений, и я боюсь, что придется еще раз вернуться сюда. Мои старые наблюдения над лёссом – частью в Екатеринославской, частью в Смоленской губерниях – пополняются, и я рад, что лет 5 не опубликовал тогдашних данных, теперь могу их закончить с небольшой работой. Могут получиться интересные данные².

Около самого Кременчуга тоже получились новые данные и, если не ошибаюсь, не указанный способ происхождения почв.

Интересны для меня наблюдения над земляными червями, которых я, к своему изумлению, нашел в степи, целине и следы которых открываю всюду. Ведь целая жизнь кипит среди роющих зверей – это тоже море, где в верхнем слое меняется жизнь днем, ночью, в различные времена года, – думается, должно быть и тут, и я хочу как-нибудь мало-помалу проделать эти наблюдения – здесь абсолютная terra incognita³. Я же все более убеждаюсь в первостепенном значении этого элемента для происхождения почв.

Какое скучное письмо! Моя рыбка драгоценная, как страстно хочется быть вместе, мое сокровище. Что Гага?⁴ Целую вас обоих очень крепко. Елли Ивановне⁵ и В.С.⁶ мой сердечный поклон.

Моя рыбка Тутя.

Твой Владимир

P.S. О здоровье Марии Ивановны⁷ я тебе писал мои общие впечатления. Ей, верно, нелегко все теперешнее положение: здоровье Егора Павловича⁸ и т.п. Так же, на вид, она держится молодцом.

25.VII 90, утро

Опять почти не спал ночь, и мой желудок [...] довольно сильно дает себя чувствовать. Если будет продолжаться (от здешней воды), поеду завтра в Кре-

менчуг. А здесь нельзя даже достать красного вина, которое можно было бы безопасно пить!

Крепко тебя целую, моя радость.

Оп. 7, д. 37, лл. 29–30.

¹ Гуров А.В. Геологическое описание Полтавской губернии: Отчет Полтавскому губернскому земству. Харьков: Тип. М.Ф. Зильберберга, 1888.

Геологические исследования Полтавской губернии А.В. Гуровым проводились в 1883 и 1884 гг. по инициативе и на средства земства.

² Очевидно, статья не была написана.

³ Незнакомая область (лат.).

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Лерке.

⁶ Возможно, В.С. Зарудная.

⁷ Старицкая.

⁸ Старицкий.

№ 200

27 июля 1890 г., в поезде между Кременчугом и Рублевкой

Жел. дор. между Кременчугом и Рублевкой, 27.VII 90

Дорогая моя Натуся, моя родная рыбка, получил я сегодня твое дорогое, хорошее письмо от 17.VII – ужасно был рад ему. Моя дорогая, после того как я послал свое письмо из Кременчуга, где [жалко] жаловался на неполучение от тебя «писем», я получил столько хороших, дорогих каракулек моей девочки. Моя Натуня, я вовсе не требую и не хочу от тебя ответов на разные темы, требующие напряжения, – мое неудовольствие первыми письмами и жалобы на неполучение ответов на вопросы, чисто фактические и не требующие никакого напряжения, две совсем разные вещи. Вот вопросы, которые я неуклонно пишу почти в каждом письме и на которые не получаю ответа.

	Ответ	
	Да	Нет
1. Послала ли ты или оставила 15 франков Александре Васильевне? ¹	–	–
2. Что сделано с моей статьей и клише – переданы ли они Ришару и когда? ² Поправлена ли статья?	–	–
3. [...]	–	–
4. Адрес Шаховского		
5. Через Ольденбурггов адрес Яроцкого		
6. Сколько заплатила Рамбо?		

Заезжал в Кременчуг, чтобы немного оправиться от нездоровья. В Градижске у меня сделалась страшная революция в желудке с болями и тошнотой, и я не мог найти во всем городе порядочного вина, а ездить по степи без питья невыносимо. Я предпринял решительные средства и теперь чувствую себя значительно лучше. Принял капли Тальмана и с 4 часов утра до 8 часов вечера ничего не ел и почти ничего не пил, и в то же время с 6 часов утра по 6 часов вечера ездил – сперва было трудно работать, а потом не беда.

Вечером в Кременчуге поел бульону, цыпленка и выпил 1/2 бутылки крепкого красного вина и теперь еду, чувствуя себя порядочно, и имею изрядный запас вина (сделаюсь пьяницей!). Ужасно, что здесь нельзя почти ничего достать и, например, в Градижске из 3 яиц лишь одно оказалось съедобным. Молока достать очень трудно. Так что я думаю, что всю неделю моей пищей будет чай с вином и галетами, а иногда яйца. К 3–4 августа надеюсь быть в Полтаве и к этому же времени закончу первый объезд уезда и начну второй – окончательный.

Послал вчера письма тебе и Маше³ из Градижска.

Сочинения Герцена пусть побудут временно у Гревса [...] Если тебе лучше остаться в Женеве, лучше пробудь там дольше. Я буду здесь до 25 <июля> – 6 августа. Гагуна⁴ целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 31–32.

¹ Гольштейн.

² См. комментарий № 8 к письму № 185.

³ М.С. Гревс.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 201

27 июля 1890 г., Глобино

Глобино, 27.VII 90

Дорогая моя Натуся, я неожиданно сбегаю дня на два из экскурсии и еду отлежаться в Полтаву. К моим желудочным революциям прибавилась еще бессонница и слабость, так что я решил, что благоразумнее побережусь. Видишь, я тебе все пишу, и ты не беспокойся. Работалось вчера поэтому плохо, а сегодня вернулся с середины дороги. Все от того, что неосторожно напился в Градижске воды и наелся сырых слив. Из Полтавы напишу подробнее – в общем хорошей работы недели на 2 1/2–3, если Докучаев не заставит ездить к помещикам. Целую всех [...] Вчера тебе писал из Рублевки.

Твой В.

На обороте: Женева, Швейцария, Madame N. Vernadsky, Crêts de Champel, Villa Richemont, Genève, Suisse.

Оп. 7, д. 37, л. 33.

№ 202

29 июля 1890 г., Полтава

Полтава, 29.VII 90

Дорогая моя, родная Натуся [...] Я в Полтаве и лечусь, и злость на себя за этакую ни к селу ни к городу привязавшуюся болезнь, а ничего не поделаешь.

Надеюсь дня в 2–3 достаточно оправиться, чтобы быть в состоянии отправиться опять на работу. А то доктор теперь советует больше лежать.

Я получил корректуру своей другой статьи и сегодня же отправляю ее Ришару¹ – она ничего себе, хотя я ее не напечатал бы еще, если бы не выезд из Парижа.

Да, вот еще. Попроси Ивана² или Машу³ постараться поискать в Женеве книжку Hersch'a «Die Wassergehalt der Zeolithe», (Zurig), 1887, эта книжка мне очень нужна, так как молодой швейцарец Герш (уже умерший) проводил ту же мысль, что и я в моей диссертации. В Париже я не мог ее достать, а в Швейцарии (это «Inaugural Dissartaition» Цюрихского университета), очевидно, можно, и вышли ее мне **скорее** под заказной бандеролью. Она мне **очень** нужна.

Я не получил твоих писем, где ты пишешь о времени твоего приезда, – они в Кременчуге, а потому я и не знаю твоих доводов. Получил письмо об этом Ивана, которому буду скоро писать. Если тебе действительно помогают это время души все более и более, то, конечно, было бы очень неблагоприятно их оставлять, но вопрос в том, как **долго** еще ты можешь их принимать? Я думаю, что возвращаться сюда осенью – неблагоприятно, а уже скоро начнется здесь осень: едва ли благоприятно приезжать в Полтаву к 1-му октября и ехать из местности с теплым климатом **сразу** в местность холода. Если приедешь теперь, то целый месяц тебе останется мало-помалу привыкнуть к перемене климата. Второе условие вот какое: если наша жизнь в Москве устроится, то я надеюсь, что в ноябре* мы можем туда переехать: сколько же времени тебе останется пробыть с твоими и насколько полезны такие частые перемены?

Наконец, 3-е условие: я вполне понимаю, что для Гревсов очень было бы хорошо твое присутствие, и я сам этого желаю, но не вижу, чтобы была особая польза от лишнего месяца, если бы условия сложились так, что ты могла бы пробыть с ними все время, тогда нечего бы и говорить: это было бы очень хорошо, но это невысказано. А следовательно, для меня является вопросом, действительно ли так полезны эти лишние недели, как оно теперь представляется?

Я не беру здесь в расчет, что таким образом мы пробудем вместе неделю-другую перед моим отъездом в Москву и что иначе мы с тобой увидимся лишь в конце ноября или начале декабря – как бы это ни было тяжело мне и тебе такая разлука, ее надо было бы перенести, если бы действительно лучше было бы от этого Маше или Ивану. Но мне думается, что лишние недели ничего существенного не дадут, а тебе презжать сюда к октябрю сразу весьма страшно. Впрочем, все это я пишу, ничего не цредрешая. Целую тебя, Гагу⁴ очень крепко [...]

Твой Д.

* Оставаться в разлуке до января – невозможно. Оп. 7, д. 37, л. 34–35.

Оп. 7, д. 37, л. 34–35.

¹ См. комментарий № 8 к письму № 185.

² И.М. Гревс.

³ М.С. Гревс.

⁴ Г.В. Вернадский.

4 августа 1890 г., Полтава

4 августа 1890 г., Полтава

Дорогая моя, родная, милая Тутя, моя славная девунька, сегодня после твоего долгого молчания получил я твое письмо от 29 июля (предыдущее от 26 июля). Я сегодня выезжаю на экскурсию: так досадно, что пришлось потерять столько времени. Да и тут в это время почти не работалось или работалось весьма плохо. Мне ужасно хочется тебя скорее видеть, так сильно тебя недостает, и я чувствую и разумею, как трудно будет нам не видеться 5 или 6 месяцев, потому что едва ли я потом раньше, как в ноябре, могу сюда приехать, если только в Москве пойдет дело на лад. Если же ты приедешь к 20-му августа (ст.ст.), мы бы целую неделю провели вместе. Надо очень подумать, стоит ли из-за двух недель с Гревсами, потому что ты хочешь быть к 1-му сентября, нам не видеться 1/2 года. Об этом вы можете рассудить на месте – а равно как и о действии душ⟨а⟩ на тебя. Да и в Женеве, должно быть, погода скоро переменится. Очень нетерпеливо жду ответа. Если только ты выедешь, то вот маршрут: Цюрих–Вена–Краков–Львов–Волочиск–Елисаветград–Кременчуг–Полтава. Помни – не слушай, станут говорить в Волочиске: надо ехать на Фастов: не верь, обман – и дольше, и хуже. В Елисаветграде я тебя встречу. Как будет хорошо! Мой дорогой, маленький дурачок!

Как-то лениво бегут мысли; читал с Егором Павловичем¹ статью Гладстона в «Nineteenth Century»², статья слабовата, а «Rob. Elsmere»³ собираюсь прочесть, а здесь читал только кое-что из своих более специальных вещей, в последнее время очень плохую работу о Декарте, как геологе и космологе, написанную Добрэ⁴. В последнем отчете Комитета грамотности есть решение собрать и издать сведения о библиотеках, складах etc⁵, и интересная заметка о Макушине⁶ (сибирском деятеле)*. Письма Адьки⁷ и Васи⁸ получил: Адьке пишу сам – молодец, но я с ним не согласен. Пишу ему мой искренний совет: **взять** отпуск на 2 месяца и писать статью о социализме, хотя бы она здесь в печати не прошла. Я ему, может быть, стану отвечать. Пора в современном обществе перестать пользоваться одними средствами старого времени. Мы напоминаем немножко Коробочек⁹. В письмах будились у нас мысли, но письма только тогда могут иметь настоящее значение, когда они могут иметь большее распространение: пусть они не хорошо написаны, но раз написаны горячо, убедительно – пусть будят мысль, пусть идут в свет. Письмо Адьки совпало с моим раздумьем о недостатке, боязни в нас творчества, и пусть же начнем хоть с этого. Его идея о «Terre» Zola¹⁰ я не особенно сочувствую. В этом отношении, я думаю, возможно многое: возможно литография, переписка – литература á la Толстой. Но надо издавать в свет: в печати за кордоном или по рукам здесь. All right¹¹! Наступило время памфлетов, споров мысли, и хотя мы с Адькой весьма маленькие людишки, а начнем спор о значении социализма и либерализма. А я все больше и больше думал об этом и в письме напишу ему ряд тезисов.

* У нас 2 экземпляра – не интересна ли М.П.?¹²

1. Между социализмом и «социалистическими реформами» нет законной связи.

2. Законный рост радикальной партии вызвал к жизни так называемый социализм, его программу: в политическую жизнь вошли новые классы избирателей, усилилась демократизация и т.п. – о чем не раз мы препирались в Медоне и что теперь для меня яснее и яснее.

У меня теперь энергия злобы и «была не была» – коли нет у нас высоких талантов, то **должны** сделать, что могут, такие искренние люди, как мы с Адей, хотя бы и бесталанные.

Только так выясняются и таланты, только так **жизнью** вырабатываются, подбираются нужные люди. И в этом отношении история Англии прошлого и начала нынешнего столетия может многое дать. Жизнью выработались памфлетисты – Дефо, Юниусы, Свифты и т.п., и их работа шла среди самой большой сутолоки, стеснения цензуры, преследований...

Какие прекрасные есть страницы у Тацита о преследовании мысли. Я горячо хочу, чтобы ты прочла его «Анналы»¹³ (ведь да?): он говорит об этом в целом ряде мест, и та вера, глубокая, страстная вера в то, что мысль возьмет свое, что она вырастет среди преследований, что она не погибнет (он говорит о свободе: «мы забыли бы о ней, если бы в нашей **власти** было забыть, как в нашей власти молчать!»), – эта вера среди самых сильных гонений, среди слабости средств распространения и хранения мысли и круга ее влияния почти 2000 лет назад, эта вера теперь действует сильно, ободряюще, отрезвляюще. Теперь мысль – сила, и ничто не остановит ее, если будет вера. Вера – подайте нам веру! Тогда явится энергия, тогда опрокинутся все заставы, все затхлые, кишасие червями клетки, куда насажены разные чудища пугать мысль – точно она воробей. Смело, страстно вперед!..

Я много думал в последнее время о компромиссе, и мне бы хотелось об этом как-нибудь связно написать. Может быть, набросаю так. А пока крепко, крепко тебя целую, мою дорожную, родную, единственную. Гагуна¹⁴ также.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 38–41.

¹ Старицкий.

² Гладстон был постоянным автором журнала «The Nineteenth Century». В нем были опубликованы статьи: The Melbourne government: Its acts and persons (1890. Vol. 27. P. 38–56); On books and the housing of them (Ibid. P. 384–397); Daniel O’Connell (1889. Vol. 25. P. 149–169); Italy in 1889 (Ibid. P. 763–781); Plain speaking on the Irish Union (Ibid. Vol. 26. P. 1–21); Phoenician Affinities of Ithaca (Ibid. P. 280–294); Journal de Marie Bashkirtseff (Ibid. P. 602–608); The english church under henry the eighth (Ibid. P. 882–897); Electoral facts of to-day (Ibid. P. 1056–1066).

³ Ward M.A. Robert Elsmere. L.; N.Y.: Macmillan and C^o, 1888.

⁴ Daubree A.G. Descartes, l’un des createurs de la cosmologie et de la geologie. P.: Impr. nationale, 1880.

⁵ Отчет о деятельности состоящего при Императорском вольном экономическом обществе С.-Петербургского комитета грамотности за 1889 г. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1890. С. 76–78.

⁶ Михайловский Я.Т. Доклад о присуждении большой золотой медали Императорского вольного экономического общества Петру Ивановичу Макушину // Там же. С. 51–64.

⁷ А.А. Корнилов.

⁸ В.В. Водовозов.

⁹ Персонаж поэмы-романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842 г.).

¹⁰ Zola Emile. La terre. P.: G. Charpentier et C.-ie, 1888.

¹¹ Правильно, так и следует (англ.).

¹² Возможно, Михаил Петрович Драгоманов, с которым В.И. Вернадский был знаком лично.

¹³ См., например: *Tacitus Cornelius. Annales*: In 3 vol. P.: Panekoucke, 1835, 1837.

¹⁴ Г.В. Вернадский.

№ 204

10 августа 1890 г., Кременчуг

Дорогая моя, родная Натуля, моя милая, славная девуня, сегодня от тебя нет письма, и я не знаю, когда получу их. Очень мне хочется тебя увидеть и так думается хорошо, чтобы ты приехала к 20-му августа.

Я виделся с Докучаевым. Работу вел не совсем как следует и делал себе больше затруднений, чем надо было. В общем могут получиться интересные данные, и они мне, несомненно, полезны¹. Обращу внимание на солонцы, с которыми у меня получаются данные², кажется, – я хочу поставить кое-какие простые опыты в Полтаве, которые по моем отъезде поручу вести тебе, моей дорогой Туте. Очень просто, а мне большая помощь.

Диссертацию можно будет представить в январе–феврале³, если мои пробные лекции будут признаны удовлетворительными факультетом: а выяснится это, верно, в начале октября⁴. Я, переговорив с Докучаевым, останавливаюсь на теме «О полиморфизме как общем свойстве твердой материи» – в основу войдет не прочтенная мною на съезде речь. Докучаев переговорит, возможно, скоро с Деляновым etc.

Еду завтра в Полтаву. Там будет Андрей⁵, с которым я хочу связаться. Останусь там один день. К 20-му я еще не окончу экскурсию, но у меня уже и теперь сделана значительная ее часть.

Я очень доволен, что диссертацию отложил до зимы, так как к этому времени при хорошей работе действительно смогу что-нибудь сделать – а лучше представить порядочное, чем nichts⁶.

Чувствую я себя теперь совсем недурно. Очень крепко жду тебя, мое дорогое серденько, милую цыпку. Теперь ведь скоро будешь ты у меня. Напиши скорее точно, когда именно выезжаешь.

Целую Гагу⁷, Гревсят⁸, Елли Ивановне⁹, В.С.¹⁰ поклон. Моя родная, дорогая детка.

Твой Владимир

Кременчуг
10.VIII 1890

Завтра рано утром еду на экскурсию, а потому кончаю письмо и ложусь.

Оп. 7, д. 37, лл. 42–43.

¹ См.: *Вернадский В.И.* Кременчугский уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губернии. Естественноисторическая часть: Отчет Полтавскому губернскому земству / Под рук. В.В. Докучаева. СПб., 1892. Вып. 15.

² *Вернадский В.И.* [Несколько соображений о происхождении солонцов] // Тр. Вольного эконо. о-ва. 1892. № 2. С. 17–18.

³ Магистерскую диссертацию «О группе силиманита и роли глинозема в силикатах» В.И. Вернадский защитил в Петербургском университете 27 октября 1891 г.

⁴ Для утверждения в звании приват-доцента университета кандидату необходимо было прочитать две лекции: одну по своему выбору, другую на тему, предложенную факультетом.

Первая лекция В.И. Вернадского «О полиморфизме как общем свойстве материи» состоялась 28 сентября 1890 г., вторая – «Авгиты и роговые обманки» – 8 октября 1890 г. После этого 22 ноября 1890 г. он был принят в число приват-доцентов Московского университета для преподавания минералогии.

⁵ А.Н. Краснов.

⁶ Ничтожество (нем.).

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Семья М.С. и И.М. Гревс.

⁹ Лерке.

¹⁰ Очевидно, В.С. Зарудная.

№ 205

1 сентября 1890 г., Градижск

Градижск, 1/IX 1890

Дорогая моя, еду сейчас в Манжалею. Главную часть работы окончил. С разрезом в Градижске разобрался, кажется, окончательно: нашел в обоих сомнительных слоях остатки, которые позволят дать им несомненное положение. Погода благоприятствовала: ни разу не мок, но достаточно мерз. Надеюсь 3-го ночью быть в Полтаве, и то задержусь, если не удастся сдать вещи (почвы) в воскресенье. Целую тебя, Гагу¹, всех наших.

Твой Владимир

Как хочется быть скорее с тобой. И опять уезжать!

На обороте: Полтава, Наталье Егоровне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 44.

¹ Г.В. Вернадский.

№ 206

2 сентября 1890 г., Кременчуг

Кременчуг, 2 сент. 1890

Дорогая Натуся!

Только что приехал в Кременчуг и спешу тебе бросить письмо, чтобы не посылать телеграммы: буду завтра, 3-го сентября, ночью в Полтаве. Работу пришлось скомкать: оказалось геологической работы много интересной, но сделать хорошо некогда: недели 1 1/2–2 надо! Кое-что есть нового. Я вошел совсем во вкус работы: странно – и хочется, и колется, и надоело, и вперед тянет. Пробуду всего день-два в Полтаве: только закончу с опытным полем да приведу в порядок коллекции и тебе дам относительно оных инструкции. Сегодня воскресенье – почта заперта, а я жду так от тебя весточки. Не простудись в эти холода, моя дорогая. Целую тебя, Гагу¹ и всех наших крепко. Моя радость.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Наталья Георгиевна Вернадской, Институтская ул., д. Янович, кв. Старицких.

Оп. 7, д. 37, л. 45.

¹ Г.В. Вернадский.

№ 207

9 сентября [1890]¹, Москва

Москва, 9 сентября Воскресенье, утро

Дорогая моя, родная Натуня, моя милая девуня. Вчера вечером приехал в Москву. Мы-то хороши – забыли, что в субботу большой праздник, день неприсутственный. Сейчас иду в университет, оттуда к Павлову, Сахарову. Напишу обо всем сегодня же.

Москва произвела на меня несколько тяжелое впечатление, впрочем, может, оттого, что я сам был вчера в таком, довольно мрачном настроении. Мне не нравится, что такое задумывание теперь так часто меня охватывает, хотя оно является вполне логическим следствием всей моей умственной работы – период синтеза наступил. Забыл я книгу и довольно скучал: пробавлялся газетами да немного разговаривал: с одним человеком – весьма, кажется, недурным, познакомился – молодым здешним купцом, занимавшимся хлопковым делом, – говорили о Толстом, о хлопке, геологии, о железных дорогах, тарифах, газетах и т.п. А встречались типы, но как-то люди немного интересовали. Думалось достаточно недурно. В «Русских ведомостях»² есть статья о книге Лагранжа³, изданной редакцией «Вестника воспитания», так себе, так же Ферри о Гарибальди⁴. Прислать тебе? Я бы весьма хотел, чтобы ты ознакомилась с итальянским движением; но статья слабая. Целую тебя, мою радость и утешение, Гагуна⁵ и всех.

Владимир

Послала ли письмо Докучаеву?

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 46.

¹ Год устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Вопросы физического воспитания // Русские ведомости. 1890. 7 сент. № 246.

³ *Лагранж Фердинанд*. Гигиена физических упражнений для детей и молодых людей / Пер. д-ра Е.М. Дементьева. М., 1890.

⁴ *Ферри Энрико*. Гарибальди: Психологический этюд: (На основании «Мемуаров» Гарибальди). Рим, 30 августа 1890 // Русские ведомости. 1890. 6 сент. № 245; 8 сент. № 247.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 208

9 сентября 1890 г., Москва

Москва 9/IX 90, вечер

Дорогая моя, родная Тутя, хочется мне написать тебе о свидании с Павловым, у которого я сегодня обедал. Он принял меня очень радушно и дружески; от него я узнал следующее: минералогию теперь читает он, но ему очень трудно, и он крайне хотел бы, чтобы я его заменил скорее (по словам его жены¹, он держит эту кафедру чтобы не могли никого назначить, пока я буду готов). Я должен буду подать прошение и прочесть две вступительные лекции – они будут читаться не только перед профессорами, но публично, в университете; мою тему он одобряет. Другую назначит мне факультет, т.е.

Московский университет. XIX в.

поручит назначить Павлову, и мы с ним сговоримся. Он мне предлагает: о новейших работах по синтезу минералов. Тема для меня очень удобная². Павлов решительно настаивает, чтобы я не задерживал диссертацию, предлагает печатать ее здесь и обещает напечатать очень быстро. Он думает, что очень важно, чтобы я скорее имел степень, и тогда я с января могу быть утвержден исправляющим должность профессора. Он думает, что решительно не беда, если за диссертацию пощиплют. Я в этом с ним далеко не согласен, но постараюсь окончить диссертацию в октябре³. Курс я должен объявить уже теперь, и мы поедем справиться у декана с Павловым, какой мне удобнее объявить: или я назначаю абсолютно тот же курс с января, какой поручен факультетом Павлову, и тогда Павлов откажется читать ввиду появления специалиста приват-доцента, или я объявляю специальный курс, и факультет сам предложит мне взамен его читать курс, порученный Павлову. Все дело, здесь, конечно, в форме.

Теперь все в руках министерства – со стороны университета, как я мог заключить со слов Павлова, не будет никаких препятствий. Важно, чтобы в министерстве считали эту кафедру за мной и не подыскивали туда людей. Пока ничего здесь не слышно; приват-доцентов тоже не явилось. Я еду завтра на несколько дней в СПб. и тоже узнаю о результатах переговоров Докучаева в министерстве. Послала ли ты ему мое письмо?

Кабинетом здесь я остался очень доволен, именно лабораторией – она недавно устроена и очень полная, так что можно работать и с высокой температурой, продолжать опыты, начатые в Париже. Приборов – гониометров, микроскопов и даже полные приспособления для спектрального анализа – вполне достаточно. Помещение недурное. Зато коллекции и библиотека кабинета плохи, но это, конечно, вещь поправимая. Через год-два можно будет приспособить электрический фонарь для демонстрации – что составляет

А.П. Павлов

единственную возможность живо и ясно читать кристаллофизику. Если я заменю Павлова с января, то мне придется читать кристаллохимию и описательную минералогию; это для меня самое удобное, так как труднее всего для меня кристаллофизика. Кроме того, я наиболее специально и работал последний год по этим отделам. Если я объявлю специальный курс, то объявлю кристаллохимию или соединения кремния (силикаты). Познакомился с хранителем кабинета Кислаковским – он старше меня, мне понравился; из фармацевтов. Сам он страстный химик, и я думаю, что можно будет хорошо работать вместе. Встретились мы дружески. Студентов на первом курсе, где я должен буду читать, на естественном отделении около 150 человек, да, кроме того, я буду читать курс на медицинском 1-ом курсе, где их 400 человек! Так что если будут слушать, слушателей более чем достаточно. В этом отношении Московский университет лучше всех.

Нехорошая сторона – неизбежная всюду – та, что у них тут масса всяких ссор – два соперничающих общества «Любителей естествознания» и «Испытателей природы». Павлов секретарем в последнем. «Борьба» у них тут весьма обостренная.

По энергии и рабочей силе Павлов весьма напоминает Докучаева – в общем очень милые люди. Людей здесь, конечно, достаточно. А так Москва грязна и вонюча – куда Полтава, и та перед ней – образец чистоты!

Больше нигде не был, как-то не хотелось, шлялся по Москве порядком. Дома просматривал работы Кислаковского, новую работу Павловой да читал Геродота. Мое дорогое счастье и радость моя. Целую всех наших.

Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 47–48.

¹ Мария Васильевна Павлова.

² См. комментарий № 4 к письму № 204

³ См. комментарий № 3 к письму № 204.

№ 209

10 сентября 1890 г., [Москва]¹

Утро, 10 сентября 90

Дорогая моя птичка, кроме этого большого, довольно безалаберного письма, мало что могу сообщить. Настроение мое все неважное и вовсе не кислое или не безэнергичное, а так все настойчиво, все неустанно стоят перед мыслью общие задачи, и мысль невольно, болезненно-тревожно ищет путей их разгадки, и не мирится дух с находимыми. Я думаю, что раз мы устроимся здесь, то очень серьезно займусь этими общими философскими и логическими вопросами – но мой ум слишком слаб, слишком легок и неясен для этого. Интеллектуальная жизнь в Москве может быть сильной.

Целую тебя крепко, мое счастье, радость мою дорогую. Страстно хочется знать, как ты себя чувствуешь, что делаешь, прошло ли твое недомогание, что читаешь, о чем думаешь?

Поцелуй моего мальчугана².

Ищешь ясности в том, что едва чувствуется гармония. Не есть ли вся красота в чувстве движения мысли, веры в истину, в том, что так хорошо передается фразой: «*Errur si mouve*»!³

Оп. 7, д. 37, л. 49.

¹ Письмо написано в Москве, что явствует из его содержания: «Интеллектуальная жизнь в Москве может быть сильной».

² Г.В. Вернадский.

³ А все-таки она вертится! (ит.), слова, приписываемые Галилею.

№ 210

11 сентября 1890 г., С.-Петербург

СПб., 11 сентября

Дорогая моя, родная Натуня, моя милая Тутя, пишу тебе немного, так как ты понимаешь, как я в Питере завертелся. Мне ужасно недостает твоих писем, и я надеялся, что здесь ты догадаешься написать маме – все-таки хоть что-нибудь о тебе бы знал, а то с отъездом не знаю и беспокоюсь, как ты себя чувствуешь.

Сперва о деле. Докучаев видел вчера директора департамента¹ и секретаря Министерства народного просвещения², от которых de facto зависит назначение министерских кандидатов, они ему сказали, что кафедра Московского университета считается вакантной, никаких кандидатов нет и что меня они согласны утвердить, но советуют, чтобы предложение шло от Московского университета – они утвердят меня приват-доцентом с обязательным курсом и без защиты магистерской диссертации с января. Ввиду мнения Павлова о Москве, о чем я тебе писал в прошлом письме из Москвы, Докучаев думает, что мое назначение в Москву более чем вероятно. Завтра я отправлюсь к Делянову³ и Аничкову (директору департамента). Иностранцев советует мне **здесь** прочесть пробные лекции – конечно, это было бы самое для меня легкое ввиду того, что я тут знаю большинство факультета и меня знают да и лекции здесь производятся в заседании факультета, но это, конечно, гораздо хуже: если я лекции прочту плохо, то незачем мне и соваться к профессору, да и было бы некрасиво относительно Московского университета. Товарищи приняли очень радушно. Видел и П. Андр. (которому передал и твое поздравление)⁴ – встретился с ними со всеми дружески. Теперь все зависит от Москвы и моих лекций.

Чувствую себя так себе. Пробуду здесь недолго и еду скоро – верно, в субботу или воскресенье – в Москву. Докучаев считает ввиду заявления министерства лишним спешить диссертацией на месяц раньше⁵ – лучше ее отложить. Он обо всем обещал сегодня же написать Павлову.

Утро, 12 сентября

Да, забыл: жалование приват-доцента с обязательным курсом 1200 рублей, кроме гонорара, который должен быть значительным, так как более 500 обязательных слушателей. Если все устроится, значит тебе нечего волноваться.

Сегодня сейчас забегу к Калмыковой и Ремезову, затем отправлюсь в университет хлопотать о бумагах, а оттуда искать фрак и обедаю у Ольденбургов, где будут и более близкие здешние люди: Александр⁶, Маша Крыжановская, Батюшков, Лаппо-Данилевский, Клейбер. Сергей⁷ очень доволен свиданием с Шаховским, который будет жить в Твери (очень от нас близко), где немного будет учительствовать (в школе Максимовича), готовить экономическое описание Васьегонского уезда и разбирать бумаги; кроме записок декабриста-деда⁸, Дмитрий Иванович⁹ нашел интересную переписку Чаадаева, который ему приходится родственником. Анна Николаевна¹⁰ все нездорова. Шуру¹¹ видел мельком – Сегоня¹² спал – молодец мальчуган и очень хорошенький. Сергей завален работой, очень доволен. [Никодин]¹³ на Кавказе, и я **очень** беспокоюсь ввиду теперешних армянских волнений.

Крепко целую всех наших. Жду от тебя сильно письма.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 50–51.

¹ Николай Милюевич Аничков.

² Возможно, В.И. Вернадский имеет в виду делопроизводителя Департамента народного просвещения Петра Петровича Новицкого.

³ И.Д. Делянов – в это время министр народного просвещения.

⁴ Петр Андреевич Земятчинский; поздравления с законным браком – см. письмо № 211.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 204.

⁶ Возможно, А.С. Зарудный.

⁷ С.Ф. Ольденбург.

⁸ Федор Петрович Шаховской.

⁹ Шаховской.

¹⁰ Шаховская.

¹¹ А.П. Ольденбург.

¹² С.С. Ольденбург.

¹³ Фамилия написана неразборчиво.

№ 211

15 сентября 1890 г., С.-Петербург

Суббота, 15. IX 1890, СПб.

Дорогая моя, родненькая Натуся, пишу тебе немного, и вообще среди петербургской кутерьмы я писал тебе тебе неважно. Сперва о деле. Был я у Делянова и в министерстве¹. Делянов делал всякие пожелания, когда спрашивал, что я буду делать, по поводу приват-доцентуры в Москве; по-видимому, он раньше слышал об этом. В министерстве я видел директора департамента Аничкова – он говорил, что самое лучшее, что я могу сделать, это перейти в Москву, что сперва я буду приват-доцентом, а потом, «Бог даст», займу и штатное место, что все это должно идти оттуда, из Москвы, и через графа Капниста², говорил, что он обо мне слышал etc. В общем был очень любезен. Я еду в Москву завтра, в воскресенье рано утром, а в понедельник подам прошение о пробных лекциях и о приват-доцентуре с января, таким образом, выяснится все окончательно, надеюсь, в октябре³. Судя по отношению министерства, у них своего кандидата нет, и они не захотят назначить своего кандидата вопреки университету, как это было года два назад с Введенским, назначенным ординарным профессором, тогда как университет хотел назначения на эту ординатуру профессора Бородина etc. По крайней мере, так можно было заключить со слов Аничкова мне и Докучаеву.

Воскресенье

Здесь я был у очень многих, но далеко не всех товарищей и друзей. Докучаев отложил мне мой отчет⁴ до окончания моей работы по первому устройству с кафедрой и по диссертации⁵. Он просил меня изложить ему в частном письме мои наведения о солонцах⁶, так как он хочет, чтобы в случае их верности за мной осталось имя, а исследующий специально солонцы Беспалый совершенно упустил всю эту сторону вопроса. Я собственно ничего не имею и против разбора этой стороны другими и без моего имени, но, впрочем, все равно. Солонцы думаю я взять и разработать не только применительно к Кременчугскому уезду, но и в виде общей статьи, и уже довольно давно собирал материал: перебирая бумаги, нашел целый ряд выписок, которые я делал о солонцах лет 5 назад. Земятчинский женился на подруге Агафьи Ивановны⁷, которую ты знаешь, – его жена тоже акушерка, она говорила, что Агафья Ивановна теперь в Вязьме и что она там устроилась хорошо, глазам ее лучше, и она может читать и писать.

Видел Анатолия Медведева – он едет на 11 месяцев в плавание. Много я с ним говорил. Знаешь, общие мысли у нас, очень общие. Опять чувствуется близость мысли и даже ее течение. Он теперь сильно занят религиозными и философскими мнениями, идеями. Мысль его осталась ненадломанной, но сам он сильно похудел и как-то постарел; говорит, как тяжело страдает каждый раз, когда видит смерть, а видеть приходится чуть не ежедневно, и вопросы о жизни, о ее цели, о необходимости веры для жизни и тому подобное стоят для него сильно и ясно. Меня сильно привлекло к нему то, что, несмотря на все несчастья, осталась в нем живая и сильная мысль, осталось дальнейшее стремление к работе и научному сомнению и научной критике. Психиатром, говорит он, он чувствует, что не может быть – слишком больно и тяжело ему достаются всякие такие лечения, он снова хочет продолжать намеченную физиологическую работу, но его положение и на корабле, и на службе довольно трудное, и это гнетет его. В нем очень видно проявление душевной чистоты мысли; в своих математических работах он все же двинулся вперед, и чувствуется художник во взглядах на математику – что наиболее для меня в математиках ценно – такие математики больше всего понимают красоту и изящество логических построений. К сожалению, теперь вторгаются в эту область научные ремесленники.

Был у Книповича⁸ и познакомил его с Ольденбургом⁹. У него родился сын Борис, и Николай Михайлович, кажется, нежный папенька. Он выдержал хорошо магистерские экзамены, а теперь во время поездки на Белое море сделал очень важные и интересные наблюдения, которые дадут ему, несомненно, научное имя. Он нашел новое **семейство** ракообразных, очень интересное для зоологической философии, и другие его наблюдения над развитием Pteropoda весьма интересны, а так он остался все тем же, каким я его знаю много лет. Молодец он – ему закрыты официальные пути к научной деятельности, пробиивается он уроками, а все стремление к науке не оставляет его, и он, несмотря ни на что, идет своей дорогой. Я думаю, по защите диссертации ему удастся получить приватдоцентуру, может быть, с обязательным курсом и, верно, факультет станет его ходатаем. Он виделся в этот период с Обольяниновым¹⁰, и тот на него произвел впечатление неважное.

С Митр. Ив.¹¹ у нас было довольно длинное объяснение по поводу «Северного вестника»¹² и вообще. Я выставил ясно мое отношение: отрицательно-выжидательное. Во-1-х, я не верю целому ряду лиц, являющихся руководителями журнала, во-2-х, не совсем по мне и направление журнала, какое-то кашицеобразное и мне мало симпатичное, и, в-3-х, первые книжки журнала (а уже 1/3 года) до невозможности плохи. Разговор перешел, как всегда с Митрофаном Ивановичем, на личности, и он меня разозлил своей ни на чем не основанной бранью Корнилова и иных близких людей и самовосхвалением, так что мы разошлись более чем холодно. Был у Кати¹³, Боже, как она изменилась! Ее нельзя узнать совсем – и на той карточке, где она вместе с сыном, она еще полнее и юнее, чем на самом деле. Ее сынишка – молодец, но напоминает немного маленького немчика или еврейчика.

Об остальном позже. Теперь 7 1/2 утра, а поезд идет в 9 часов.

Целую тебя, Гагу¹⁴, всех наших.

Твой Владимир

Моя дорогая, родная, как мне недостает твоих писем, как хочется скорее быть вместе. Целую тебя крепко, сильно, горячо.

Оп. 7, д. 37, лл. 52–54.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 210.

² П.А. Капнист с 1880 г. был почитателем Московского учебного округа.

³ См. комментарий № 4 к письму № 204.

⁴ См. комментарий № 1 к письму № 204.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 204.

⁶ В.В. Докучаев неоднократно обращался к В.И. Вернадскому с этой просьбой. В письме от 22 февраля 1891 г. он писал: «Считаю долгом уведомить Вас, что около 15 марта (не позднее) состоится заседание Почвенной комиссии, исключительно посвященное солонцам; там будут сделаны сообщения г.г. Беспалым, Земятчинским и Вашим покорнейшим слугой. Крайне желательно, чтобы и Вы прислали хотя бы только существо Вашего взгляда. Я Вас очень прошу об этом». См.: *Докучаев В.В.* Научное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 810. О солонцах В.И. Вернадский ответил В.В. Докучаеву 14.III 1891 г. (см.: Там же. С. 813–815). В письме от 24 марта 1891 г. В.В. Докучаев писал: «Спасибо Вам за заметку о солонцах, она очень интересна; корректура будет прислана Вам» (Там же. С. 816). Это письмо было доложено В.В. Докучаевым на заседании Почвенной комиссии Вольного экономического общества и напечатано: *Докучаев В.В.* Несколько соображений о происхождении солонцов // Тр. Вольного эконома, о-ва. 1892. № 2.

⁷ Личность установить не удалось.

⁸ Николай Михайлович Книпович – член (с 1884 г.) социал-демократической группы Д.Н. Благоева, которая после покушения на царя 1 марта 1887 г. была полностью разгромлена. Книпович был арестован, просидел в одиночной камере 3 месяца, на год был выслан из Петербурга, после чего он был отдан под пятилетний гласный надзор полиции с запрещением занимать в это время общественные и государственные должности. После ареста его немедленно исключили из университета, где он был оставлен при кафедре зоологии для подготовки к профессорскому званию.

⁹ С.Ф. Ольденбург.

¹⁰ Л.А. Обольянинов.

¹¹ Возможно, Митрофан Иванович Свешников.

¹² См. комментарий № 6 к письму № 195.

¹³ Возможно, Е.С. Кавос.

¹⁴ Г.В. Вернадский.

№ 212

18 сентября 1890 г., Москва

Москва, 18.IX 90. Утро

Дорогая моя, родная Натуня, радость и счастье, вчера я приехал в Москву, но весь день прошел в возне, и я пишу сегодня утром. Я получил первое известие от тебя вчера, но последнее из них от 10, и я очень беспокоюсь, что от тебя нет писем ни на почте, ни в гостинице «Лоскутной»¹. Так мне необходимо от тебя письма, хотя бы самые краткие, так ты мне дорога, родная моя, неоценимая. Хочется быть вместе, скорее зажить вместе, и мне грустно и тоскливо одному в комнате – нет рядом со мной моей дорогой девуни. Ты непременно все-таки должна посоветоваться с доктором, и я очень беспокоюсь о твоей болезни: не следствие ли это переутомления в пути: Господи, как трудно быть в это время в разлуке. Я не согласен с тобой о влиянии, будто бы оказываемом твоей болезнью на твою умственную деятельность, на ок-

Н.Е. Вернадская с сыном Георгием

ружающих. Я думаю, ты преувеличиваешь. Умственная деятельность у тебя широка и глубока, как дай Бог всякому; не в массе приобретенных знаний заключается красота и мощь умственной деятельности, даже не в их систематичности, а в искреннем ярком искании – *Sehnsucht*² и масса удержанных умом фактов и систематичность познанных данных – ученическая работа, она не может удовлетворить свободную мысль. Я лично думаю, что систематичность даже невольно ограничивает мысль. А искренность, цельность искания, моя голубка, у тебя так сильна, как редко у кого, и это та сторона, которая наиболее живо и плодотворно действует на окружающих. Это чистая атмосфера, сопровождающая человеческую личность. Сколько ты даешь окружающим – это могут знать они, но есть противоречие – когда ты даешь все, что можешь, но не даешь всего, что ты хочешь. Ты пишешь: «Идея их (факты) одухотворяет, дает радость всей жизни, но, когда я говорю об этом Георгию³, Нине⁴, у меня всегда такое чувство внутри, точно я не имею права говорить такие высокие мысли, что я жизнью своею не провожу их в деле, что в моих устах это фразерство, которое унизит высоту мыслей»⁵. Это совсем неверно. Никто не может вполне проводить их в деле и не может знать **про себя**, проводит ли он или нет, потому что у человека с таким настроением и чувством силы идеи всегда является недовольство собой и чувство своей ничтожности перед идеей. Затем это логически неверно, потому что в жизни отрицательное отношение, молчание есть также **поступок**. Если ты не будешь говорить и передавать своего настроения окружающим или если будешь, ты одинаково

делаешь известное дело среди окружающих. И это никогда нельзя забывать. Я думаю, что ясное понимание этого правила в жизни весьма важно.

Вчера я был с визитом у декана⁶, но его не застал. Имел довольно долгий разговор с Глинским, который здесь, о «Северном вестнике»⁷, и он меня заставил сильно задуматься в правильности моего отрицательного отношения. Как жалко, что тебя нет возле меня! Я тебе обо всем этом напишу подробно завтра. Был у Кислаковского и там же, кажется, нашел себе комнату, дорого только, 30 рублей в месяц, зато удобства: несомненно, очень тихо и 2 шага от университета, что при интенсивной работе, которая мне предстоит, весьма важно. С Кислаковским говорили о самых разнообразных предметах, главным образом об университете, с ним, я уверен, поладить можно, плохо то, что он по уши погружен в университетские дразги. Вечером был у Павловых – понедельник их приемный день, познакомился с еще одним здешним геологом – Соколовым. У Павловых мне понравилось, и разговор живой, интеллигентный – о вопросах жизни, науки, философии – давал возможность ближе взглянуть в физиономию хозяев и гостей. Вообще в людях в Москве недостатка не будет. Было бы время и охота. У меня уже целый ряд приглашений, но я, верно, почти никуда не буду ходить – не в расположении, в свободное время от занятий буду что-нибудь читать. Теперь я погрузился несколько в теорию теплоты, которая нужна мне для моей пробной лекции⁸, читаю Максвелла учение о теплоте⁹, между делом читаю комедии Аристофана. В Институте¹⁰ я уже вчера установил микроскоп и скоро, сегодня, начну работать.

Послал Гаге¹¹ «Степку-растрепку», а тебе с Гонкурами¹² – недоразумение. Старый их дневник (до смерти брата в 1870 г.) ведь у тебя был, а из 3-х томов в России допущены лишь 1-й и 3-й том, а ты, верно, хотела новый – не так ли? Между тем здесь у Готье уверяют меня, что нового не выходило, а я помню, что еще летом в Париже это была новинка дня. Напиши, мой светик. Так хочется тебе прислать, моей родной, дорогой.

До Чудова ехал с Машей Крыжановской¹³ и очень хорошо говорили. Се-режка¹⁴ и она непременно хотят приехать к нам в Москву. Обо всех друзьях до другого раза.

Целую крепко тебя, Гагуню, всех наших.

Твой Владимир

P.S. Отчего с Ниной¹⁵ не прочесть тоже «Общественное движение при Александре I»¹⁶ или статью Грановского о Станкевиче¹⁷, Пыпина о Белинском (собственно переписка Белинского)¹⁸ и т.п.?

Моя радость, неужели сегодня не будет от тебя письма!

Оп. 7, д. 37, лл. 55–56.

¹ Гостиница «Лоскутная» в Москве не сохранилась, она была построена на месте Малого Лоскутного переулка – на территории современной Манежной площади.

² Страстное желание (чего-либо) (нем.).

³ Г.Е. Старицкий.

⁴ Н.Е. Старицкая.

⁵ См. письмо Н.Е. Вернадской от 10 сентября 1890 г. из Полтавы (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 77).

⁶ Точнее у и.о. декана Физико-математического факультета Московского университета П.А. Некрасова, деканом с 1886 по 1891 г. был математик Николай Васильевич Бугаев, который до октября находился в командировке. См. письмо № 220.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 195 и письмо № 224 и комментарий № 3 к нему.

⁸ См. комментарий № 4 к письму № 204.

⁹ Максвелл Дж. Теория теплоты. Владимир, 1883.

¹⁰ В.И. Вернадский имеет в виду Минералогический кабинет.

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² *Edmond et Jules de Goncourt. Journal: In 9 vol. P., G. Charpentier, 1887–1896.*

¹³ Мария Иннокентьевна Крыжановская.

¹⁴ Сергей Ефимович Крыжановский.

¹⁵ Н.Е. Старицкая.

¹⁶ *Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I: Исторические очерки.* СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885.

¹⁷ Описка у Вернадского. См.: *Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский (Биографический очерк).* М.: Тип. Грачева и К°, 1869.

¹⁸ *Пытин А.Н. Белинский, его жизнь и переписка.* СПб.: Вестник Европы, 1876. Т. 1, 2.

№ 213

[20 сентября 1890 г., Москва]¹

Дорогая моя, пишу тебе свой новый адрес, чтобы ты мне скорее писала, так как письма до востребования здесь не пересылаются на дом и приходится ходить за ними.

Вот мой адрес: Моховая улица, дом Скворцова, гостиница «Петергоф», комната № 46.

Подал вчера прошение декану, и моя лекция, вероятно, будет в пятницу через неделю². Целую тебя и всех наших крепко – скоро пишу подробнее. Гагуню³ поцелуй – получил ли он «Степку»?

Работается так себе. Моя дорогая, родная.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Наталья Георгиевна Вернадской, Институтская ул., д. Янович, кв. Старицкого.

Оп. 7, д. 37, л. 57.

¹ Дата и место написания даются по штемпелю на почтовой открытке.

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ Г.В. Вернадский.

№ 214

19 сентября [1890 г.]¹, Москва

Моховая улица, д. Скворцова, гостиница «Петергоф», № 46

19 сент., Москва

Дорогая моя, родненькая Натуня, моя бедненькая девочка. Сегодня получил я твою телеграмму и пишу тебе несколько слов. Мне очень трудно решать что бы то ни было издали, но вот что мне кажется. Если в Полтаве действительно «эпидемия» дифтерита, тогда придется не оставаться там, но тебе лучше всего доктор, и все твои могут выяснить, есть ли опасность или нет оставаться в Полтаве. Кроме опасности для Гаги², я думаю, что для твое-

го здоровья будет страшным вредом жить в постоянном страхе, а ты, конечно, теперь вовсе встревожена. Если надо выехать и тревога не была пустой, то надо выехать, кажется мне, в Москву, где ни о какой эпидемии не слыхать. Отдельные случаи дифтерита есть везде, верно, есть и здесь. Ехать к Ане³, теперь больной, с тем, чтобы опять в ноябре переезжать в Москву, совсем немислимо – это больше усталости, чем здесь пережить недели 3, пока можно будет устроиться с квартирой, в гостинице или меблированных комнатах. Я советую тебе, во всяком случае, телеграфировать Елли Ивановне⁴, чтобы ускорить ее приезд и иметь ее под рукой, а если ты думаешь выехать теперь же, то телеграфировать и мне, и ей. Я все-таки надеюсь, что тревога окажется напрасной, дифтерит, кажется, развивается не сразу, а постепенно, но как действовать, вам виднее. Целую тебя, Гагуню и всех наших.

Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, кв. Старицких.

Оп. 7, д. 37, л. 58.

¹ Год написания устанавливается по письму № 213 – тот же адрес.

² Г.В. Вернадский.

³ Анна Егоровна Любошинская.

⁴ Лерке.

№ 215

20 сентября [1890 г.]¹, Москва

Моховая ул., д. Скворцова, гостиница «Петергоф»

20/IX

Дорогая моя, родная Натуся, пишу тебе опять немного. Я думаю, что если тебе с Гагой² переезжать, то надо переезжать уже сюда. Относительно Ани³ еще одно условие: доктора близко нет – хорошо, если Гага или ты будете здоровы, а если нет? Болезни детские – скарлатина и т.п. теперь и здесь сильнее обыкновенного, по словам Шаховской. Как бы тоже и здесь – при гостиничной жизни – не было хуже. Итак:

против поездки к Ане: 1. Ее нездоровье. 2. Лишний большой переезд, а часть (в ноябре) по плохой погоде (**очень** важное условие). 3. Отсутствие вблизи доктора.

против Москвы: 1. Гостиничная жизнь при существовании детских болезней. Лучше вам решать на месте – куда. Если сюда – телеграфируй. Телеграфируй Елли Ивановне⁴, чтобы она ускорила свой приезд.

Целую тебя и всех наших, Гагуню.

Владимир

Вчера я послал тебе письмо подробнее, но не знаю, получила ли, так как говорит Шаховской, что не та марка.

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 59.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 216.

² Г.В. Вернадский.

³ А.Е. Любошинская.

⁴ Лерке.

№ 216

22 сентября 1890 г., Москва

Москва, Моховая ул., д. Скворцова,
гостиница «Петергоф», ком. № 46

Суб., 22. IX 90

Дорогая моя Натуся, среди кутерьмы, какую наделала твоя телеграмма, я не отвечал тебе на твое последнее письмо. Кстати, в последней мною полученной от тебя карточке пишешь ты, что мне «завтра» шлешь длинное письмо, но его я не получил. Неужели ты до сих пор не знаешь моего адреса?

Ты хочешь, чтобы я тебе отвечал по пунктам – я так и сделаю (О жеманнице П.А.¹ я писал (на акушерке, подруге Агафьи Ивановны)²). Сергей³ все такой же, занят довольно сильно писанием биографии Минаева, хочет закончить и издать оставшиеся недооконченными его сочинениями и затем ведет прежнюю жизнь. Он, однако, более сознательно стремится скорее кончить диссертацию, готовит послание о «Приютине»⁴: они предлагают ооновать в Ярославском имении Шаховских, взяв его в аренду лет на 10. Я совсем не сочувствую такому плану, и он мне кажется весьма малопрактичным (удобство – недалеко железная дорога, недалеко Тверь, хороший дом, сад etc.). Но очень желательно, чтобы можно было пожить вместе, по крайней мере части компании, – это надо для Крыжановского, Шаховского, Ольденбурга. Шура⁵ похудела, очень милая – я ее видел не часто – она ввела новое правило не пускать женский персонал во время разговоров, так что когда мы собирались вместе, я, кроме нее и М. Крыжановской – сестер Бекарюковых? etc., почти не видел. Вместо Бекарюковых будут, по-видимому, жить все Шаховские, без Дмитрия Ивановича, с Ольденбургами, а Дмитрий Иванович будет жить в Твери (Александр⁶ места не получил и все неизменно тот же). Сергей доволен свиданием с Шаховским, потому что он о многом сговорился с Шаховским, и своей определенностью Шаховской произвел на него прекрасное впечатление. Такое же впечатление Шаховской сделал и на меня, ты чувствуешь, что видишь человека сильного, «личность». Шаховской по убеждению вполне, думаю, согласен со мной и Сергеем, все мы расходимся кое в чем с Адькой⁷. Шаховского я видел здесь – он приезжал на день-два, и мы говорили кое о чем с ним, но о двух для нас наиболее в настоящее время важных делах: о «Приютине» и о «Северном вестнике» – нет, так как я вообще нахожусь не в разговорном, «нелюдимом» настроении. Шаховской поселяется с осени в Твери, отсылает, должно быть, семью в СПб. и занимается статистическим описанием Весьегонского уезда, что, думает он, даст ему 1500 руб. в год. Он смотрит на это как на предварительную подготовку к писательству. Так, он пробовал писать и читал мне один диалог или сцены – разговоры на тему, что теперь делать, где ясно ставит свои теперешние идеалы. Я не особенный лю-

битель этой манеры (он давно уже такие пробует), но очень все-таки хорошо, потому что она будит мысль. Он будет все эти попытки продолжать, и я уверен, что он доведет до конца. Затем он будет работать в земстве (он гласный etc.) и поддерживать связи etc. Они устроили кружок для рассылки библиотек по известной программе в Тверской губернии, и Шаховской настаивает на значении таких местных центров для рассылки книг для народного чтения. С Федором⁸ они решили, чтобы компания – три члена могли выбирать книги для чтения, т.е. желательно, чтобы все прочли эти вещи; таким образом, они теперь указали: Beliamy Кеннана, Midérable, Hugo и «Очерки русского самосознания» Влад. Соловьева⁹, но я отказался читать эти вещи, которые, кроме Кеннана, меня совсем не интересуют! В разговоре с Шаховским очень сильно действует страстная убежденность умного человека и вера его в неизбежность лучшего порядка. (У него родилась девочка, Наталья Дмитриевна, и мать¹⁰, и она более или менее здоровы.) После письма Ивана¹¹ к Сергею были письма, из которых видно, что у Маши¹² опять головные боли: ей надо скорее души, и нечего им, по-моему, сидеть в Италии. (Сергей что-то говорил про Елли Ивановну¹³, что он ее видел, но я его не расспрашивал. Пошли ей телеграмму.) О разговоре моем с Сергеем, кроме того, что я тебе писал, не было сказано ни слова: я думаю, что ввиду той тесной связи, которая существует между нами, и того значения, какое имеет жизнь каждого для всех, такие разговоры позволительны. Нужно только знать меру и такт. И мне кажется, ты их вела очень осторожно и всего двумя-тремя словами. Ни я, ни Сергей разговора этого не продолжали. Здесь нет характера скверного, как нет характера дурного, когда в семье родные, близкие говорят о чем-нибудь подобном. Ты прекрасно можешь не писать ему, так как он знает, что тебе писать...¹⁴

Воскресенье, 13.IX

Для меня совсем непонятно твое место о «Русских ведомостях» для Егора Павловича¹⁵. Верно, одно твое письмо не дошло: выписать надо? С какого времени, на сколько? «Русские ведомости» при постоянном чтении теряют: в них мало материала – лишь иногда попадаются интересные статьи; по-видимому, они большие скряги и мало улучшают газету. (Наши книги в Питере более или менее достал. Кстати: куда при переноске моего стола выложено, что было внутри его, нет в ящиках (Abich etc.)?) Купил я тебе в СПб. носовые платки и просил маму прислать тебе – получила ли? Писала ли Гольштейн про теплое пальто, а то здесь уже холодно? Купил тебе Дриля и на днях вышлю.

Вот я и ответил на все вопросы этого твоего письма. Сегодня был на почте, и опять от тебя нет письма: отчего это? Вот несколько названий интересных книжек: **Станкевича**: биография Грановского¹⁶; **Анненкова** – биография Станкевича¹⁷; его же: «Замечательное десятилетие»¹⁸; Пыпин «Белинский, его жизнь и переписка», 2 Vol. (очень стоит после даже купить)¹⁹. Его же: «Характеристика литературных мнений от двадцатых до шестидесятых годов» (как бы продолжение общественного движения при Александре I – весьма замечательная книжка)²⁰. Есть хорошие книги и биографии других писателей, например биографию Гюго, в переводе, изданную Стороженко, очень хвалит Шаховской (биография написана женой Гюго)²¹. Знаешь ли биографические очерки Вольтера²², Руссо²³, написанные Морлейем (теперь одним из вождей

либеральной партии в Англии), они имеются в русском переводе. Что-нибудь из этого могла бы, может быть, с интересом прочесть Нина²⁴. Георгию²⁵ я вышлю на днях автобиографию Милля²⁶, не мог найти по-французски, постараюсь найти по-русски.

Работается так себе; сегодня начал писать свою речь²⁷; виделся я за это время мало с кем, лишь с Глинским, да с Шаховским, да «по делам службы», т.е. со здешними геологами – Павловым, Кислаковским, Цебриковым (мне он нравится), Соколовым и Широковым; встретил неожиданно-негаданно одного из моих «учеников» из СПб., который здесь фармацевтом; сослепу принял я его за другого, и вышло прекомичное объяснение. У меня есть ряд адресов и даже приглашений, но быть нигде не был, так как просто какая-то нелюдимость нашла, разговаривать не хочется, и я во время отдыхов то марширую, то так себе мечтаю – думаю и сплю! Читал много по своим специальным вопросам: одолеваю теперь работу Брёггера, издавшего том страниц в 900²⁸ – в нем много данных, важных для меня для второй лекции²⁹ и диссертации³⁰, пока едва одолел 1/3 книги. Охота писать такую массу. Со многим совсем не согласен, и другое интересно, и в общем не было бы лени делать выписки, давно бы и кончил. Между прочим, он описывает новый случай, очень сходный с тем, который описал я и на который напал Вырубов. Но и с брёггеровскими объяснениями я не согласен. Читаю я теперь частью для лекций, частью для диссертации. Библиотека здесь в таком хаосе, что страх, и нет самых основных вещей – просто совестно. А другая теперь вследствие ремонта (тоже оригинально: ремонт печей и квартиры осенью – вообще здесь в университетские интересные нравы) закрыта, так что с этой стороны для работы совсем плохо. Хотелось бы скорее, чтобы ты была возле, чтобы все вошло в колею, а то теперь, например, пока не кончу лекции, совсем не уверен, и чувствуешь себя все на бивуаке.

Шаховской говорил через Сиротининых, что теперь и здесь усиление скарлатины и дифтерита, так что при жизни в меблированных комнатах или гостинице, где масса детворы, здесь еще может быть страшнее, чем в Полтаве. Пиши мне, моя милая птичка. Целую тебя крепко и всех наших.

Твой Владимир

Получил ли Гага³¹ книгу?

Оп. 7, д. 37, лл. 60–62.

¹ Л.А. Земятчинский.

² См. письмо № 211.

³ *Ольденбург С.Ф.* [Иван Павлович Минаев]. Некролог // Отчет Российского географического общества за 1890 г. СПб., 1891. С. 8–11.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 174.

⁵ А.П. Ольденбург.

⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

⁷ А.А. Корнилов.

⁸ Ф.Ф. Ольденбург.

⁹ *Соловьев В.С.* Очерки из истории русского сознания. СПб., 1890.

¹⁰ А.Н. Шаховская.

¹¹ И.М. Гревс.

¹² М.С. Гревс.

¹³ Лерке.

¹⁴ Далее зачеркнуты две строки.

¹⁵ В письме от 18 сентября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Не забудь написать папе “Русские ведомости” на 3 месяца с 1-го октября. Это очень важно, чтоб у него интересное чтение было, ты сам это говорил» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 81).

¹⁶ См. комментарий № 17 к письму № 212.

¹⁷ *Анненков П.В.* Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М.: Тип. Каткова и К^о, 1857.

¹⁸ *Анненков П.В.* Замечательное десятилетие (1838–1848) // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 216–243; № 2. С. 461–510; № 3. С. 5–53; № 4. С. 457–506; № 5. С. 5–67.

¹⁹ См. комментарий № 18 к письму № 212.

²⁰ *Пытин А.Н.* Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Исторические очерки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1873.

²¹ *Гюго Адель.* Виктор Гюго и его время, по его запискам, воспоминаниям и рассказам близких свидетелей его жизни / Пер. с фр. Ю.В. Доппельмайера. М.: Тип. К. Одарченко и Н.К...ого, 1887.

²² *Марлей Джон.* Вольтер: (Жизнь и творчество) / Пер. под ред. проф. А.И. Кирпичникова. М.: Т-во И.Н. Кушнерова и К^о, 1889.

²³ *Марлей Джон.* Руссо / Пер. с послед. англ. издания В.Н. Неведомского. М.: Тип. К.Т. Солдатенкова, 1881.

²⁴ Н.Е. Старицкая.

²⁵ Г.Е. Старицкий.

²⁶ *Милль Дж.Ст.* Автобиография Милля / Пер. с англ. под ред. Г.Е. Благоветлова. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1874.

²⁷ См. комментарий № 4 к письму № 204.

²⁸ *Brogger W.C.* Die Mineralien der Syenitpegmatitgänge der sudnorwegischen Augit und Nephelinsyenite. Leipzig: W. Engelmann, 1890.

²⁹ См. комментарий № 4 к письму № 204.

³⁰ См. комментарий № 3 к письму № 204.

³¹ Г.В. Вернадский.

№ 217

24 сентября 1890 г., Москва

Москва, 24.IX 1890 г. Понедельник

Дорогая моя, бедненькая Натуся, родная моя, только что получил твое письмо – я совсем, совсем понимаю, в каком ты положении и страхе¹. Завтра отправляюсь к Сиротининым, Сахаровым и Петрункевичам и переговорю с ними: от них достану нужные указания. Только вот в чем дело: а если меня не примут в приват-доценты? Что мы будем тогда в Москве делать? Для меня вопрос этот вырешится в эту пятницу². Если надо покупать мебель – вышли деньги. Я думаю, напрасно ты не телеграфировала Елли Ивановне³ – телеграмма стоила бы меньше рубля, а тебе бы было известно, выехала она или нет. Москва по санитарным условиям представляется мне чем-то ужасным: такая вонь, грязь. Садов в городе совсем нет! И кроме того, говорят, что и здесь усиление детских болезней – скарлатины и дифтерита, но, конечно, не так, как в Полтаве. Кто с тобой поедет, если не приедет Елли Ивановна? Сегодня был здесь первый снег.

Кроме мебели, надо кухонную посуду и т.п. – ведь часть у нас есть. Я думаю, что совсем невозможно найти квартиру и устроиться, когда у меня через неделю 2-я лекция⁴. Мне представляется лучшим на первое время поселиться в хорошей гостинице, подыскать квартиру, и все купить, и выписать наши вещи. Конечно, все это неудобно, но что же делать! В этих номерах, они

приспособлены для семейных, – живут годами, где я все бы хорошо (устроил), – лишь еда неважная, но можно на керосинке в кухне варить тебе и Гаге⁵. Я думаю, это самое лучшее. Целую тебя, мою дорогую, бедную девочку, Гагу и всех наших.

Владимир

На обороте: Полтава, Наталья Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, кв. Старицкого.

Оп. 7, д. 37, л. 64.

¹ В открытке от 18 сентября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «В Полтаве сильная эпидемия скарлатины, усложненная дифтеритом» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 82).

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ Лерке.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 204.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 218

[26 сентября 1890 г., Москва]¹

Дорогая Натуся, моя милая, послезавтра моя лекция² – я еще не все написал и в общем ею не совсем доволен. В иных местах не могу найти ясного выражения мысли, в других – есть лишнее, которое, однако, не умею выкинуть. В общем она будет **так себе** – впрочем, постараюсь ее напечатать, так как на русском языке нет ничего по этому вопросу, да и вообще мне неизвестны работы, где бы **последовательно** проводилась та же мысль³. А в общем нет ничего нового под луной: в забытых работах Франкенгейма и Джонстона в 1830-х годах нашел я довольно ясное выражение той же мысли. Если не буду печатать, пришлю тебе: в этом много зависит от приема, какой окажут моему детищу, хороший ли, дурной, меня, по **существу**, мало интересуется, я больше верю своей оценке, а она: «так себе». Целую тебя, Гагу⁴, всех наших. Сейчас иду в университет. Сегодня или завтра подробнее.

Владимир

Я думаю, можно будет найти квартиру в переулках у Пречистенских бульваров, туда поаживаю часто. Получила ли длинное письмо в ответ на твое?⁵

На обороте: Полтава, Наталья Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, квартира Старицких.

Оп. 7, д. 37, л. 65.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ *Вернадский В.И.* О полиморфизме как общем свойстве материи // Учен. зап. Моск. ун-та. Отд-ние естественно-историческое. 1892. Вып. 9.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Абзац вписан на полях слева и наверху.

[27 сентября 1890 г., Москва]¹

Личное

Дорогая моя Натуся, завтра лекция², я ее окончил – она так себе. Иногда кажется мне слишком сухой, иногда слишком наполненной общими местами. Письмо Александра Ивановича³ получил – в этих местах все самые, по-видимому, удобные квартиры. Пойду осматривать после лекции, а теперь совсем мне не до этого. Относительно величины квартиры решительно с тобой не согласен и думаю, что относительно приглашения Бекарюкова (кто это такой?)⁴ ты поступила по крайней мере легкомысленно. Можно **жить** лишь с человеком близким и дорогим; так, я очень хочу, чтобы сестры – Нина⁵, Мака⁶, и друзья, и братья у нас жили, иметь **постояльца** мы не можем, так как для этого нужны новые хозяйственные хлопоты, которые на тебя налагать я не хочу, а на Елли Ивановну⁷ – это тоже отзовется на тебе. Наконец, ты забываешь – Елли Ивановна, а это будет повторение Медона, при массе товарищей и тому подобное Бекарюков, разговоры, гулянья!!! Я решительно против его поселения у нас, по крайней мере в этом году, и, если можешь, устрой, чтобы этого не было. Не сочувствую я твоей мысли читать с Ниной только после приезда Елли Ивановны: этим ты убиваешь всю пользу чтения (втроем и с Елли Ивановной!!). Целую тебя и Гагуна⁸ моего дорогого, всех наших, моя маленькая глупенькая Тутя.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Наталья Георгиевна Вернадской, Институтская ул., д. Янович, кв. Старицких.

Оп. 7, д. 37, л. 66.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ Александр Иванович Старицкий.

В письме от 22 сентября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «...самое благодарное было бы по возможности скоро найти хорошую, здоровую квартиру в Москве (если возможно, флигель при саде) или 5 комнат.[...] обратиться к управляющему Александра Ивановича Старицкого, их собственного дома на Арбате. Александр Иванович говорил, что он знает много квартир, даст с удовольствием очень важные указания!» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 87 об. – 88).

⁴ В письме от 29 сентября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Ваня Бекарюков это брат Маши и Лёли, очень хороший, совсем молодой мальчик. У него очень нежный и любящий характер, и ему очень трудно одному жить в большом городе. Он может жить недалеко от нас и часто приходить» (ф. 518, оп. 3, д. 256, лл. 97 об. – 98).

⁵ Н.Е. Старицкая.

⁶ М.Е. Старицкая.

⁷ Лерке.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 220

28 сентября 1890 г., [Москва]¹

28 сентября 1890 г.

Дорогая моя, родная девочка, моя Натуся, пишу сейчас, вернувшись с лекции², которая была сегодня в 2 часа. Иду сейчас же и пошлю тебе телеграмму. Лекция сошла, говорят, хорошо. Павлов говорил, что весь факультет остался очень доволен, и другие поздравляли с успехом, Тимирязев и т.п., с которыми познакомился. Народу была масса и почти весь факультет. Я не рассчитал времени и скомкал весь конец, еще задержал их минут на десять. Чувствовал себя на кафедре очень плохо, так только и думалось, когда же минует чаша сия. А после, когда раздалась аплодисменты, я, верно, имел вид *très pitouable*!³, и еще, как ушел весь факультет и я начал снимать свои таблицы, к моему смущению, раздалась снова аплодисменты, и я кое-как выскочил. Правду сказать, мне вторая лекция⁴ совсем не улыбается. Говорят, и студенты остались довольны. Кислаковский говорил, что в начале было заметно, что я читал, а потом совсем нет, и не было заметно, что конец скомкал. Завтра начну искать квартиры, хотя вторая лекция меня сильно смущает.

Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Тутик – что от тебя так мало? Что ты делаешь? Думаешь? Как Гага?⁵ Моя Тутя.

На обороте: Полтава, Наталья Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович, кв. Старицких.

Оп. 7, д. 37, л. 67.

¹ Письмо послано из Москвы, так как В.И. Вернадский приехал в Москву 17 сентября (см. письмо № 212) и до конца года из Москвы не выезжал.

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ Очень жалкий (фр.).

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 204.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 221

29 сентября 1890 г., Москва

Суббота, 29 сентября 1890 г., Москва

Дорогая моя Натуся, моя роденькая девунька – так уже сильно, сильно хочется быть вместе, с тобой, с моей дорогой, единственной Натусей. Сегодня я ходил смотреть квартиры, но ничего не нашел, не заходил к управляющему Александра Ивановича¹, потому что вышел около 4 часов, а уже быстро темнеет. Завтра опять пойду. Только вот что: надо ведь деньги вперед, а у меня столько не будет.

Ты спрашиваешь, заказал ли я фрак и сюртук, – фрак сделан, а сюртук нет, можно еще в этом.

Я все еще не уверен, как будет с моим назначением. Еще вторая лекция² меня сильно смущает, тема очень неблагоприятная, и я чувствую, что мало знаю. Сегодня начал работать в лаборатории: к диссертации. Случился все же неприятный казус: я, по-видимому, забыл в Полтаве целую коробку с отобранным материалом для работы: посмотри, нет ли ее в той комнате, где мешки. Перед отъездом я попрошу тебя захватить с собой и мешочков с землей, номера я пришлю. Декан (исправляет его должность Некрасов) советовал мне спешить со всеми формальностями в подаче прошения, чтобы я мог с января начать читать. О том, что я буду читать, выяснится, верно, после этой второй лекции. Но, по-видимому, моя первая произвела хорошее впечатление, так что могут поручить. Павлов не советует мне совсем готовиться теперь к курсу, а – хотя это и не хорошо – готовиться к каждой лекции, а эти 3 месяца сплошь употребить на составление диссертации и окончить ее в январе. Может это практически и возможно, и самое лучшее. Они все-таки боятся, чтобы им не назначили кого-нибудь из министерства: веры, конечно, нет никакой, и такие случаи бывали – назначали сбоку припека путем знакомств и т.п.

Я теперь яснее поставил себе задачу диссертации и, думаю, смогу ее кончить. Я хочу ее озаглавить: «О роли глинозема в силикатах. Ч. 1» и включить: I. Историко-критический обзор современных представлений и II. Группу силлиманита; для следующей работы оставить вторую часть. Обзор химического состава остальных групп кремнеглиноземных минералов на основании изучения их химических реакций. В общем постановка вопроса, взятого в целом, будет вполне новая, и даже, если я ошибаюсь, то возбуждение этого вопроса считаю весьма полезным. При обдумывании вопроса, при его разработке чувствуешь всюду неполноту и недостаток своих знаний, всюду прорехи. В одном месте починишь, в другом – рвется³.

Нигде я не бываю. Читаю, работаю – а мысль отдыхает на постороннем чтении: теперь читаю с глубоким интересом Гиббона – историю падения Римской империи⁴. Кстати, читала ли ты Тацита? Прочти, я очень хочу, чтобы ты прочла. Его «Annales»⁵. Ты знаешь, я не могу работать, не отрывая постоянными урывками свой ум от специального предмета и не читая постороннего. И всегда – во время (при)готовления к экзаменам и спешных работ – я перечитывал гораздо больше книг, чем в обычное время. Так и теперь. Я одно время страдал от бескнижья, а окружающие материалы по минералогии, геологии, физике и химии не годились. Прочел Дриля⁶, не нравится, очень слабо, и, наконец, за неимением лучшего большую статью Вагнера о классификации пауков!⁷ Только постоянным оживлением ума он получает нужную интенсивность и ширь в работе. Вчера записался в библиотеке и взял Гиббона.

Думал о лекции – она начинает у меня выясняться. Мне везет с составлением библиотек! Библиотеку по минералогии в С.-Петербургском университете пришлось составлять, а теперь – в Московском. Уже выписано теперь по моему настоянию книг рублей на 150–200. Даже если в Москве не буду – это останется.

Павлов советовал мне, после диссертации, обработать немного мою речь и поместить ее в «Русской мысли»! Это по кристаллографии-то! Но вообще это какая-то terra incognita⁸ даже для натуралистов, просто удивительно: Тимирязев после лекции говорил мне, что она для них, не следящих за кристал-

логографией, была целым откровением. Как это ни преувеличено, а все-таки выражает целую прореху в естественноисторическом кругозоре.

Вышла «Минералогия» Лебедева⁹ – частью компиляция, а частью что-то невозможное. Подмывает разобрать ее.

Чувствую себя так себе. После лекции, как после скверного лекарства, осталось тяжелое, смутное воспоминание; и представь себе, физическое: во рту и т.д. Целую тебя, мое сердце, и моего дорогого художника¹⁰, поцелуй всех наших. Как здоровье Егора Павловича?¹¹ Часто ли его видишь? Что Георгий¹², Паша¹³. Пусть Георгий мне напишет. Мое серденько ясное.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 68–69.

¹ А.И. Старицкий. См. комментарий № 3 к письму № 219.

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ См. комментарий № 3 к письму № 204.

Диссертация вышла отдельной книгой: «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах. Рассуждение В.И. Вернадского». М.: Унив. тип., 1891.

⁴ *Гиббон Эдуард*. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1883–1885.

⁵ См. комментарий № 13 к письму № 203.

⁶ Очевидно, речь идет о книге: *Дриль Д.А.* Психические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1890. См. так же: *Дриль Д.А.* Малолетние преступники: Этюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с ней: В 2 вып. М., 1884. Вып. 1: Введение.

Очерк развития учения новой позитивной школы уголовного права, явлений наследственности порочных особенностей организма и явлений приспособляемости как оснований воспитания и перевоспитания; 1888. Вып. 2, ч. 1. Психология преступности. Половина 1.

⁷ *Вагнер В.А.* Наблюдения над *Araneina*. СПб., 1890.

⁸ Незнакомая область (лат.).

⁹ *Лебедев Г.Г.* Учебник минералогии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1890–1891. Вып. 1, 2 (I, II).

¹⁰ Имеется в виду сын Г.В. Вернадский.

¹¹ Старицкий.

¹² Г.Е. Старицкий.

¹³ П.Е. Старицкий.

№ 222

[5 октября 1890]¹, Москва

Москва. Четверг

Дорогая моя Натуся, от тебя давно нет писем, отчего это? Завтра моя вторая лекция². Я только что написал ее вчерне, еще поправлю. В общем она выглядит весьма скучноватой – но уж и тема такая. Да я вообще как-то не умею давать общих картин несколькими штрихами, а больше иду путем анализа от частного к общему. Ну да не беда. Вчера занимался как-то плохо, да и сегодня неважно – правду сказать, очень уж меня не прельщает необходимость вторично парадировать. Вчера даже не пошел на заседание Московского общества испытателей природы, куда меня приглашали и куда Павлов боится меня выбрать членом, пока я не утвержден, чтобы противники общества не наложили мне черных шаров! Так идет здесь с 60-х годов, и, говорят, все

сдерживал и не давал переходить дразгам в скверную форму один, по всему видно, очень замечательный профессор Усов³, недавно умерший. Это был, говорят, чистый человек, влиявший на всех своей нравственной личностью. У него остались ученики – весьма интересный кружок, говорят. Послал тебе сегодня Дриля⁴. О каких деньгах пишет тебе Александр Иванович⁵? Пришли мне скорее адрес Ани и Марка⁶ – я им буду писать. Злит меня вахлячество и лень моя: знаешь, я, как узду на себя, начал вести дневник набросков и фактической деятельности. Стараюсь поправлять переписку. Скорее бы ты была со мной, моя ненаглядная. Целую тебя, Гагу⁷ и всех наших.

Твой Владимир

P.S. Искала ли мой ящичек с минералами? Кажется, на этажерке во флигеле. Попроси Георгия⁸ поискать ящик или свертки разных минералов и т.п. (эти свертки не перевязаны и маленькие, в газетной бумаге). Жаль, если пропали, ну да не беда. Нине⁹ очень хочу прислать книгу (без всякой уплаты с ее стороны), но ведь этой нет в продаже.

Оп. 7, д. 37, л. 70.

¹ Дата устанавливается по почтовому штемпелю.

² См. комментарий № 4 к письму № 204.

³ Сергей Алексеевич Усов, профессор зоологии, преподавал в Московском университете с 1861 до 1886 г. В Московском университете Усов был большой нравственной силой. Вспоминает о нем, М.А. Мензбир писал: «Университетская жизнь всегда была для Усова неотделима от его личной жизни. Он не просто занимался интересами университета, а жил ими. Трудно представить себе более ревнивого охранителя университетской коллегии, нежели был Усов, и это хорошо понимали и его товарищи – сослуживцы и студенты. Во всех важных университетских вопросах голос Усова был из тех, с которым наиболее приходилось считаться. С.А. слишком хорошо был известен как человек, нигде и ни в чем не преследующий своих личных выгод, чтобы за ним можно было идти без осторожного оглядывания назад, и за ним шли, и почти не было вопроса, где бы голос Усова не имел более или менее решающего значения» ((Мензбир М. Сергей Алексеевич Усов. М., 1887. С. 11).

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 221.

⁵ А.И. Старицкий.

В открытке от 11 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Ты не читаешь хорошо писем, даже не разобрал, что Ал. Ив. пишет о деньгах маме, которой было адресовано его первое письмо, а не мне...» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 110). См. комментарий № 3 к письму № 219.

⁶ Анна Егоровна и Марк Маркович Любошинские.

В письме от 8 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Анин адрес – село Никольское, ст. Богоявленская, Рязанско-Козловской железной дороги» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 107 об.).

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ Г.Е. Старицкий.

⁹ Н.Е. Старицкая.

№ 223

[8 октября 1890 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуня, в последнее время от тебя очень мало и очень редко письма. Завтра иду осматривать квартиры, но я все-таки не имею от тебя сведений о деньгах. Ответь же скорее – ведь я не могу нанять квартиры иначе. Очень рад, что и Нина² приедет. Надо ли искать прислугу? Хотя об этом

посоветуюсь с Сахаровыми, у которых пока еще не был. Теперь несколько работаю для диссертации; надо уже скорее устроиться. Виделся опять с Шаховским, который приезжал сюда и будет опять завтра, и с ним был у Сиротининых и у Петрункевичей. В общем так себе. Сегодня у меня был Родичев и ташил на какой-то обед, чтобы познакомиться с Муромцевым etc., редакцией «Русских ведомостей»³, но я не пошел; обедов вообще недолюбливаю, да и так в большое незнакомое общество попадать не хочется. А все-таки надо заказать сюртук, а то не совсем удобно – может быть, завтра закажу. Теперь читаю и пишу разные статьи и работы о силикатах, а так урывками кое-что почитываю – журналы да теперь начал Фукидида «Историю Пелопоннесской войны»⁴. Надеюсь закончить диссертацию в январе⁵. Хочется пойти или в театр, или в концерт, но пока даже еще в музеях не был: масса времени тратится попусту: например, книги в университетской библиотеке доставать – часа 1 1/2 потерял вчера, а потом в Кабинете помогал выбирать образчики для коллекции минералов, которую теперь покупаю. Сегодня был на почте и послал заказное письмо Сергею⁶ и деньги за книги Фридл.⁷, и все как-то так много времени и уходит. Правда и то – долго с силикатами не просидишь – запутанные математические формулы. Вчера подал свой *curriculeum vitae*⁸ и решил не подавать прошения об отставке⁹, а сделать так, что отсюда от университета будет туда запрос. Недели три пройдет вся эта каша, пока буду назначен приват-доцентом. Что надо из мебели? В общем настроение неважное. Целую всех наших.

Твой Владимир

Писал ли тебе, что я веду род дневника?

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 71.

¹ Дата и место написания даются по почтовому штемпелю на открытке.

² Н.Е. Старицкая.

³ См. комментарий № 4 к письму № 168.

⁴ *Фукидид*. История Пелопоннесской войны: В 8кн./Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. М.: Тип. А.Г. Кузнецова, 1887–1888. Кн. 1,2.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 204.

⁶ С.Ф. Ольденбург; см. комментарий № 2 к письму № 224.

⁷ Фамилия написана неразборчиво.

⁸ Автобиография (лат.).

⁹ Речь идет об отставке из Петербургского университета, где он был хранителем Минералогического кабинета с 19 марта 1886 г.

№ 224

[9 октября 1890 г., Москва]¹

Дорогая, моя родная девуня, моя милая Натуся – получил сегодня твою карточку и сперва отвечаю на нее. О Глинском и «Северном вестнике» я уже послал третьего дня подробное письмо Сергею². Я признаю очень неудобство помощи журналу при нашем устройстве и т.п., но надо брать факт, как он есть. О размере помощи и о ее времени (до ноября 1891) мы поговорим с

тобою при свидании³. Очень рад, что Нина⁴ приедет с вами и поможет тебе. Относительно денег – не знаю, сколько, но, думаю, все-таки около 300 (руб.) надо будет – мебель, квартиру etc. О каком переводе в 1550 руб. пишет тебе Александр Иванович?⁵ Адрес Ани?⁶

Теперь я довольно усердно засел за силикаты – для диссертации. Пожалуй, можно будет ее кончить к январю⁷. Работается так себе; Павлов ужасно настаивает – он боится, что я увлекусь и слишком широко захвачу предмет. Правду сказать, я и сам этого побаиваюсь. Кроме силикатов, да так в свободное время Фукидида⁸, ничего не читал эти дни. Вчера вечером был и долго сидел у меня Федор Измайлович⁹. Мы с ним, собственно говоря, впервые долго разговаривали – он мне весьма понравился. Сегодня приехал Шаховской, но я его не вижу совсем – он где-то рыскает, был я у Людвика¹⁰ в лаборатории – он здесь профессор технической химии, а я у него учился в СПб. количественному анализу. Он интересовался моей работой о фарфоре, о которой, оказывается, была статья или реферат в немецких технических журналах – статью (изложение моей работы) я еще не видел. Если пришлют оттиски моей статьи из «Bul. Soc. Miner.», пришли мне их сюда заказным¹¹. Хочется скорее устроиться – на бивуаке как-то и работается неважно. Да, еще – не знаю, где часть моих минералов и образчиков – часть в Париже, но мне кажется, я больше взял с собой в Полтаву, чем сколько их у меня здесь. Если есть ящик – то это жестяной от алаберовских галеток, а, очень может быть, отдельные коробочки в ящиках стола, который был у меня во флигеле или наверху. Ну да не беда.

Моя родненькая, дорогая девочка, моя Натуся, милая – хочется уже скорее, скорее быть вместе с тобою, не расставаться. Целую всех наших. А что Гагун¹²? Что Егор Павлович¹³?

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 72.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Письмо В.И. Вернадского в фонде С.Ф. Ольденбурга не сохранилось. См.: ААН СССР, ф. 203, оп. 3, д. 106.

³ В открытке от 6 ноября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Глинский им (Ольденбургам. Ред.) сказал, что ты вполне с ним солидарен и обещал ему пай. Они не верят этому без твоего подтверждения, знать же им это нужно еще потому, что Глинский на основании твоего сочувствия требует участия Сергея в журнале» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 104). См. также письмо № 195 и комментарий № 6 к нему и письмо № 212.

⁴ Н.Е. Старицкая.

⁵ См. письмо № 222 и комментарий № 5 к нему.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 222.

⁷ См. комментарий № 3 к письму № 204.

⁸ См. комментарий № 4 к письму № 223.

⁹ Ф.И. Родичев – знакомый Вернадских, председатель Губернской земской управы.

¹⁰ Возможно, Людвиг Гуго-Альберт Каспари.

¹¹ *Vernadsky V.I. Sur la reproduction de la sillimanite // Bull. Soc. frans. miner. 1890. Vol. 13. P. 256-271.*

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Старицкий.

[10 октября 1890 г., Москва]¹

Дорогая моя, ненаглядная золотая рыбунька, Тутик мой дорогой, вчера от тебя не было письма – я так его ждал. Хочется сильно скорее иметь тебя возле, а между тем погода здесь совсем скверная – сырая, питерская. Советуют лучше переждать, когда ударят первые морозы.

Работа моя идет нормально, и я убеждаюсь, что очень свободно могу кончить диссертацию к январю и, может быть, в январе же и защитить ее². Это было бы весьма важно. А чувствуется, как все больше разбираюсь с предметом, что она будет не такая скверная, как я раньше думал. Теперь сижу все для работы над литературой, которую вообще достаю, хотя с трудом, так как лучшая здешняя библиотека – Общества испытателей природы – по случаю ремонта закрыта.

Моя родная, золотая девочка, так хочется постоянно видеть, иметь тебя возле себя, мою единственную, любимую. Как твоё здоровье? Что читаешь? Познакомился с Сахаровой, был у них вчера на часок – она очень простая и довольно милая. Теперь здесь Митя³, но мало видимся – он все по делам, которые его ужасно утомляют и мучают. Просто жаль, что он ввязался в этот разбор запутанных дел. Хотел написать вчера вечером, да не успел, а теперь надо кончать и идти в лабораторию. Может быть, вечером напишу подробнее. Целую тебя, мою родную, и дорогого художника⁴. Целую всех наших.

Твой Владимир

P.S. Относительно Капниста⁵, передай Егору Павловичу⁶, что мне надо будет у него быть, когда бумага обо мне пойдет к нему, а теперь она еще в 1-й университетской канцелярии (факультет), потом пойдет во 2-ю (Правление), а затем уже к попечителю.

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 73.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 3 к письму № 204.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ Павел Александрович Капнист – попечитель Московского учебного округа с 1880 г.

⁶ Старицкий.

12 октября [1890 г.]¹, Москва

Москва, 12 октября, утро

Дорогая моя, милая Тутя, моя радость. Получил я вчера твою записку, и хочется мне на многое в ней ответить. Сперва относительно квартир: осматривал я пока немного: это что-то ужасное московские квартиры – обыкновенно и грязные, и скверные, и дорогие; еще сегодня и, может быть, завтра сам посмотрю, а затем пойду к управляющему Александра Ивановича².

Работа моя идет понемногу – но надеюсь, весьма, в январе окончить диссертацию³. Собственно говоря, со стороны факультета препятствий быть не

может, а может быть лишь отсрочка до защиты магистерской диссертации; этого факультеты держатся довольно строго (не поручать курс лицам, не имеющим ученых степеней), и я это вполне понимаю. Меня же здесь мало и знают. В общем представление факультета о поручении мне чтения курса может воспоследовать тогда по защите диссертации, но, может быть, поручат и раньше. Опасностью является лишь то, что из министерства пришлют кого-нибудь вне университета, и в этом, несмотря на то что мне Докучаев говорил, в министерстве уверенным быть нельзя.

Теперь я работаю и в лаборатории, и дома; очень только неудобно с квартирой – приходится отрываться среди дня, в самое лучшее время для работы с микроскопом. Ну да не беда.

Относительно Шаховского и жизни вместе – я не могу сказать, чтобы сочувствовал этому. Во-1-х, я считаю совершенно немыслимым жизнь с 4-мя детьми, когда и ты, и Анна Николаевна⁴ нездоровы; во-2-х, это очень неудобно при устройстве жизни в Москве, и, в-3-х, Шаховской сам не может жить в Москве, а должен по принятому им на себя условию жить в Твери. То, что мы уйдем от жизни «Приютина» и т.п., нисколько этого я не боюсь и думаю, что именно ради всего этого нам надо главным образом обжиться теперь на определенном месте. Одним из главных условий является теперь – возможность таких условий для тебя, чтобы ты не утруждалась, могла спокойно вести свое попращение и жизнь. Когда Елли Ивановна⁵ будет с одним Гагой⁶ – это возможно, но когда с 4-мя Гагами – нет. Совершенно те же условия нужны и для Анны Николаевны – и Шаховской так иногда против Твери, потому что там надо устраиваться и тому подобное. А это все надо и здесь. **Ввиду этого я считаю этот проект вполне непрактичным и лишним.**

Ужасно мне досадно, что Дмитрий Иванович⁷ влез в эти поправки имений своего отца; долгу на них почти столько же, сколько и их стоимость – что-то больше 100 тысяч, а труда, неприятностей страсть сколько. Да я думаю, что его же семья будет на него и сваливать вину. Отчасти ввиду этих соображений я еще больше против довольно нелепого ольденбургского ярославского плана. Сергей⁸ иногда удивительно наивен в жизни. Познакомился с братом Дмитрия Ивановича – Сергеем Ивановичем – весьма так себе. Кстати, говорил Шаховской, что Павел Иванович Бирюков⁹ (помнишь его?) собирается жениться на дочери Толстого; но целая каша выходит: молодые не хотят жениться в православном храме, мать против брака без церкви, а отец против брака вообще. Бедный Бирюков! Положение все же несколько комичное. А здесь чувствуется Толстой – и его учение – недавно лаборант-химик Алехин¹⁰ бросил научную работу и отправился в земледельческую колонию в Смоленскую губернию и т.п.

Целую тебя крепко, Гагу и всех наших. Что ты читаешь? Об этом ты мне не пишешь. Неужели все еще не кончила Пыпина¹¹? Перечел я недавно некоторые из вещей Мюссе, которого люблю как лирика и ужасно не люблю как драматурга; а по своей специальности читаю много. В голове масса вопросов, целые классы соединений, никогда не полученных, роятся в голове – интересно получить их и проверять силу фантазии. Целую тебя, моя дорогую.

Твой Владимир

¹ Датируется по содержанию письма: В.И. Вернадский пишет о работе над диссертацией.

² См. комментарий № 3 к письму № 219.

³ См. комментарий № 3 к письму № 204.

⁴ Шаховская.

⁵ Лерке.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Шаховской.

⁸ С.Ф. Ольденбург.

⁹ П.И. Бирюков собирался жениться на Марии Львовне Толстой (1871–1906), брак не состоялся. С.А. Толстая категорически была против этого брака.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду химик Алексей Васильевич Алехин, который, разделяя взгляды Л.Н. Толстого на значение земледельческого труда, оставил научную работу и стал одним из организаторов земледельческой общины в Шевелево Дорогобужского уезда Смоленской губ. Община просуществовала два года и распалась. В 1896 г. Алехин вернулся к научной работе (о нем см.: Указатели к ПСС Л.Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1964. С. 124).

¹¹ В письме от 15 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я кончила “Общественное движение при Александре I”. Эта книга мне очень много дала фактов и возбудила сильнее мысль в этом направлении. Мне хочется дальше знать о развитии сознания в русском обществе. Это очень важные знания для всякого русского человека, и без которых невозможно традиция, важность которой ты с Сергеем (С.Ф. Ольденбург. – *Ред.*) так высоко ставите. Я тоже теперь понимаю всю силу ее значения [...] С папой читаю “Вестник Европы”. Очень интересная статья по поводу записок Никитенко. Это тоже страница из истории развития сознания в обществе!» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 115 и об.).

№ 227

13 октября 1890 г., [Москва]¹

Суб. 13.X 1890

Дорогая моя Натуся, вот уже два дня от тебя нет ни записочки. Отчего это ты так неаккуратна? Я продолжаю все прежнюю жизнь; поиски за квартирой пока мало удачны: квартир есть немало, но большая часть ужасные или очень дорогие. Я обходил теперь части около Поварской², Скатертного и т.п. В воскресенье или понедельник пойду к управляющему Александра Ивановича³. Да ты все и денег не высылаешь.

Работа моя идет так себе. С ноября примусь писать диссертацию. В общем, вероятно, ее закончу к январю; очень надеюсь, во всяком случае. Работаю и в лаборатории по обыкновению чрезвычайно медленно и неуверенно. Нет как-то решимости и быстроты в работе, а скорее порывистая настойчивость; возвращаюсь – иногда через долгий срок к тому же самому хотя раз двадцать. Теперь веду еще один анализ вещества из фарфора и анализ одного минерала той же группы силлиманита; да пытаюсь, пока неудачно, получить соответственное соединение титана.

Иногда к вечеру одолевает лень, и я с большим трудом досидел вчера до 11 часов – писал рефераты Гроту⁴, которые совсем запустил за это время, и работал кое над чем для диссертации. Прочел на днях несколько комедий Лопе де Вега, которого и раньше кое-что читал. Как-то в настоящем моем настроении мне гораздо больше по душе вещи для театра, чем романы и повести. В первых присутствует элемент, которого напрасно искать в последних (исключая, может быть, новеллы), это красота строения, структуры. Ты

в самой форме произведения, как целого, чувствуешь живую, полную красоту, изящество постройки, как в хорошем архитектурном или скульптурном произведении. Комедии нравов, обычной текущей жизни разных времен, народов, эпох очень сильно действуют, указывая на постоянное однообразие самой сути суеты жизни. Они – именно в таких, по необходимости сжатых, очерках, как комедии, дают всюду чувствовать самое главное, что направляет жизнь человека теперь, что направляло эту жизнь в XVI–XVII вв. в V (веке) до Р.Х. Иногда и очень часто эта обычная жизнь, эти обычные и даже «необычные» люди в обыденной обстановке кажутся мелкими, такая тоска ломит тебя, низит тебя, дает всюду, на каждом шагу чувствовать малость всего окружающего. А между тем и те величайшие и глубочайшие обобщения, до каких додумался или домечтался человек, отличаются от всего только количественно, а не качественно. И если мелки эти обыденные житейские заботы, мечтания и труды, то так же мелки и все более далекие, широкие обобщения и идеалы. Это *circulus vitiosus*⁵. Может быть, именно вследствие субъективности всех наших знаний и впечатлений и кажется нам все тесно связанным, цельным и единым...

На днях я обращаюсь с просьбой присылки целого ряда образцов почв для Докучаева (который воспользовался случаем поторопить, прислав поздравительное письмо с успехом моих лекций)⁶ – попроси тогда Георгия⁷ подобрать и сама посмотри.

Тебе надо написать в «Вестник воспитания» и спросить о причине помещения твоей статьи и в октябрьской книжке⁸ – ты и всюду в другом журнале можешь поместить. Читала ли ты Лиленда, Кью? Вообще, что ты делаешь, как твое здоровье, – об этом пиши больше.

Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Что Гагун?⁹ Целую его крепко.

Оп. 7, д. 37, лл. 76–77.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 219.

² С 1924 г. ул. Воровского.

³ См. письмо № 222 и комментарий № 5 к нему.

⁴ Немецкий кристаллограф и минералог П. Грот, в лаборатории у которого в Мюнхене В.И. Вернадский провел часть заграничной командировки, издавал на немецком языке международный кристаллографический журнал в Лейпциге («*Zeitschrift für Kristallographie und Mineralogie*»). Вернувшись в Россию, В.И. Вернадский по договоренности с издателем готовил реферативные обзоры новейших исследований русских кристаллографов. См. письмо № 312.

⁵ Заколдованный круг (лат.).

⁶ В письме от 8 октября 1890 г. из Петербурга В.В. Докучаев писал В.И. Вернадскому: «Спешу поздравить Вас с полным успехом лекций, о чем уведомил меня Павлов. Очень желаю, чтобы Вы поскорее окончили Вашу диссертацию и стали бы, таким образом, твердой ногой в Московском университете. Пожалуйста, если можно, поскорее выслать мне а) образчики почв (30) для определения гумуса и б) и все собранные Вами (хотя бы прямо в кусках) ракушки в лёссе и пресноводном мергеле. Последний должен быть отослан за границу для определения» (Научное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 805–806).

⁷ Г.Е. Старицкий.

⁸ Статья Н.Е. Вернадской в «Вестнике воспитания» не появилась и позже. См.: Вестник воспитания: Систематический указатель статей за 1890–1894 гг. М.: Тип. В. Рихтер, 1894.

⁹ Г.В. Вернадский.

15 октября 1890 г., [Москва]¹

Понед., 15 окт., 1890

Дорогая моя, родненькая, милая девуня, моя Тутя, золотая, получил я сегодня деньги и две твоих записочки. Моя радонька, бедненькая, я тебе писал закрытые письма, потому что в это время мне много приходится писать – много делать выписок, а затем понемногу я привожу в порядок свою переписку, и за это время, кроме тебя и мамы, я писал Сергею² (письмо и две открытые карточки), Адьке³, Краснову, Рамзаю, Дришу, Агафонову, Докучаеву, Воронцову, Гольштейн, Гревсу и сегодня или завтра пишу Ане⁴ и Попову. Видишь, сколько мне надо писать, моя глупенькая Тутя. Мое дорогое серденько, на все твои вопросы я всегда отвечаю. Письма, которые пересылаешь, по-видимому, получаю.

Вчера, кажется, нашел очень подходящую квартиру, только цена несколько дорогая – 650 руб., на Малой Никитской⁵, недалеко от Садовой улицы⁶ – место очень хорошее. Небольшой флигель с кухней и небольшой комнатой для прислуги и со всеми удобствами. Флигель на большом чистом дворе, никаких квартирантов нет – только один этот флигель и сдается. Комнаты довольно (по-московски) высокие, чистые и, кажется, светлые. Завтра пойду к управляющему Александра Ивановича⁷ и затем на днях решу с квартирой. Сегодня утром был все на почте – получал деньги, посылал письма (заказное Дмитрию Ивановичу⁸ с письмом Адьки ко мне – дальнейшие добавления к его большому письму, а Шаховской теперь, должно быть, отвечает ему, и Гревс), «Вестник Европы» (через Шаховского), а затем сидел в лаборатории и только что вернулся, пообедал и вот пишу тебе. Предлагают (Павлов) сегодня мне идти на заседание Общества любителей естествознания, но оно весьма парадное, и я, верно, не пойду, а буду сидеть дома и помаленьку работать. Сегодня-завтра начну писать диссертацию. Как-то мне не хочется идти в большое общество, а в театр или концерт страстно хочется, но пока ничего нет по вкусу.

Сегодня в лаборатории получил новое соединение – окиси титана с глиноземом, совершенно до сих пор неизвестное. Я раньше раза три пытался получить его в Париже, но неудачно – и здесь в первый раз тоже не смог совладать и, наконец, сегодня получил. Этим открывается целый новый ряд соединений, вполне аналогичных силлиманиту, – теперь надо получить соответственные соединения олова, циркона, чтобы закончить тот ряд, какой я положил себе для диссертации. Но целая бесконечность разнообразных форм, групп, соединений открывается передо мной, и им же нет конца. Верно, с этим титановым рядом закончу весьма быстро. Это соединение (должно быть, теоретически), аналогичное силлиманиту, т.е. составной части фарфора, только вместо кремния находится там близкий к нему элемент титан. Я думаю, что получил его даже в двух разностях. Он для меня еще интересен, потому что, по моим предположениям, должен обладать более ясно выраженными свойствами кислот, чем силлиманит. Получил я его как стемнело и еще совсем рассмотреть не мог.

Работается в общем так себе и, в сущности говоря, несколько лениво. Масса времени уходит на всякие возни, и временем своим совсем не умею

распоряжаться. Уехал Паша⁹ или нет? Как твое здоровье? Что ты читаешь, что делаешь? Читаешь ли с Ниной¹⁰ вслух и что? [...]

Твой Владимир

Гагу¹¹ поцелуй.

Оп. 7, д. 37, лл. 78–79.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² С.Ф. Ольденбург.

³ А.А. Корнилов.

⁴ А.Е. Любошинская.

⁵ С 1948 г. ул. Качалова.

⁶ Возможно, ул. Садово-Кудринская.

⁷ См. комментарий № 3 к письму № 219.

⁸ Шаховской.

⁹ П.Е. Старицкий.

¹⁰ Н.Е. Старицкая.

¹¹ Г.В. Вернадский.

№ 229

17 октября 1890 г., [Москва]¹

Среда, 17 окт. 1890 г., утро

Дорогая моя, родненькая Туся, моя милая, славная девуня, моя радость и сокровище, рыбка моя. Эти дни занимался неважно, только вчера несколько лучше, вчера я с большим удовольствием читал статьи Берцелиуса² об основах классификации силикатов – собрание его статей с 1811 по 1846 (гг.), ты можешь проследить изменение его взглядов, его способа охватывать предмет в старости и молодости. Меня поразили в общем яркость, красота слога и логичность, простота мысли, и я, почти не отрываясь, прочел всю книжку, страниц в 250, залпом. Из этих статей перед тобой ясно встает живая личность Берцелиуса, лучшего ученого, какой был в неорганической химии, и одного из самых замечательных людей нашего века. Начал писать диссертацию – довольно-таки трудно, видишь массу прорех, пополнить которые у меня едва ли хватит времени и умения. Хочется уже скорее разделаться с диссертацией³, быть свободным, работать над чем хочешь, менять разные научные вопросы.

Важнее всего теперь нам устроиться. Иду сейчас к управляющему Александра Ивановича⁴ и думаю на этих днях решить с квартирой. Погода стоит очень скверная, сырая, дождливая, туманная, совсем питерская осень. Я думаю, и все советуют, что лучше тебе переехать, когда зима установится [...]

Относительно письма Адьки⁵ я едва ли могу тебе теперь много написать, так как не хочется и трудно мне теперь на этом сосредоточиться. Я ему непременно отвечу одним отдельным связным письмом. Но вот в общем мои тезисы: 1. Между социализмом как этическим учением и практическими, так называемыми социалистическими мерами в современном государстве – мало общего. Как мало общего между теоретическим *contrat social*⁶ Руссо⁷ и ему современным практическим государственным либерализмом. Значительная

часть так называемых социалистических мер является простым логическим развитием либеральной демократической программы – частью вследствие изменения и расширения контингента избирателей (а следовательно, и их интересов), частью вследствие возвышения их умственного уровня, частью вследствие совершенно новых запросов **государственной** жизни вследствие общего развития человеческих обществ. Эти причины вызвали и в других **политических** партиях аналогичные течения. 2. Не признавая никакого большего практического значения социалистической доктрины вне современного государственного строя, я тем менее могу считать верной оценку, несомненно, теперь полезных мер – хотя бы и паллиативных – с точки зрения **предположений** о будущем строе. Я думаю, что значительная часть «законов», на которых основываются социалисты (например, учение Маркса) основаны на логических недоразумениях. 3. То, что дается либеральными демократическими программами, признаю **само по себе** за благо и за живое и очень существенное. 4. Ничего другого не может достигаться в политической жизни – а в политических программах может быть только то, что в политической жизни может быть достигнуто. Следовательно, никаким религиозным, этическим, всем вопросам **веры** нет и не может быть места в **политических** программах. С этой стороны у Адьки изрядная путаница. 5. Ввиду путаницы представлений о социализме у разных лиц и его определении в текущей русской жизни нахожу совершенно излишним вводить эти путанные представления в программу современной политической деятельности – рад, что можно прекрасно обойтись без них. А этическая сторона учений может быть верою или не быть ею каждого частного лица: никому до этого дела нет. Я не думаю, чтобы те практические приложения, какие приводит Адька, действительно вытекали из его социалистической веры: они вытекают только при известных упущениях. Можно верить, как он верит, и не допускать всех этих практических приложений (например, о сберегательных кассах), и это я ему докажу. Вот что в данную минуту припомнилось мне из письма Адьки. Его у меня теперь под рукою нет⁸.

Странно стремление людей всегда оставаться на полпути в своих чисто законных логических выводах. В программах наших либералов, вроде Фед. Изм.⁹, заметно то же самое. Социалисты не придают значения правам человека, забывая что это *conditio sine qua non*¹⁰ их же практической деятельности и достижений практически возможных результатов, либералы, принимая права человека, не придают значения признанию государственного значения и целей России, забывая что это *conditio sine qua non* достижения ими прав человека.

Целую тебя, Гагу¹¹, всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 80–82.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² *Berzelius J. Neues Chemie. Mineralsystem. Nürnberg, 1847.*

³ См. комментарий № 3 к письму № 204.

⁴ См. комментарий № 3 к письму № 219.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ Общественный договор (фр.).

⁷ *Rousseau J.J. Du contrat social ou principes du droit politique.* P., 1882.

⁸ См. письмо № 230 и комментарий № 5 к нему.

⁹ Родичев; см. комментарий № 9 к письму № 224.

¹⁰ Необходимое условие (лат.).

¹¹ Г.В. Вернадский.

№ 230

19 октября 1890 г., Москва

Пятница, 19.X, утро, 1890, Москва

Дорогая моя, родненькая, девунька – моя милая, славная Натуська, мое сокровище. За эти дни как-то занимался немного – только в лаборатории, по обыкновению весьма медленно и лениво, но довольно неуклонно веду работу. Был вечером у Петрункевичей¹ – довольно интересные были общие разговоры – все та же тема, которая возбуждается теперь везде среди искренних мыслящих людей, – тема о правах человека, о их нарушениях. Был вчера на заседании Общества испытателей природы, где было довольно, весьма интересно. От Шаховского есть письмо в ответ на письмо Адьки², которое я пересылаю Адьке, письмо, к сожалению, весьма неудачное и слабое. В разговоре он и лучше, и яснее говорил, а тут он отвлекся мелочами и весь разлезся. Как только я получу письмо от Дмитрия Ивановича³ – письма ко мне Адьки – я ему отвечу большим письмом. Я чувствую, что сильно вырос по многим вопросам за эти 2–3 месяца, и мне кажется (даже сам удивляюсь – не привык к подобным ощущениям – может быть, самомнение), что по целому ряду явлений я куда яснее и вернее понимаю, чем Адька, Дмитрий Иванович и другие либералы, с которыми мне приходилось это время толковать. Если это и ошибочное впечатление, то это начало, может быть, веры. Перешли Адьке мое предыдущее письмо к тебе, где я хотя и неполно, но несколько высказывал свое отношение к затронутым им вопросам. Адька сделал благое дело, что написал свое письмо.

В твоём последнем письме ты затронула вопрос «о научном» социализме⁴, а раньше вопрос о моем тезисе: люди существуют для науки⁵, и там и тут с твоим (а во втором случае и с Пашиным)⁶ мнением я не согласен. Я очень сильно сомневаюсь в «научности» социализма и не решаюсь пока высказываться достаточно ясно и резко лишь потому, что целый ряд мне близких людей – мнение и ум которых я ценю – мыслят об этом иначе. Но бессознательная, урывчатая работа мысли идет у меня по этому вопросу, и мое убеждение все больше и резче определяется. Я думаю, что логическим проведением принципов, входящих в состав либерального *profession de foi*⁷, достигается требование всех до сих пор выставленных требований разных практических социальных программ; я не понимаю, каким образом известное представление о какой бы то ни было регламентации, картине строя может быть известным мериллом или мировоззрением? По моему убеждению, все, что дается социализмом и что может быть выцарапано именно из его теорий, составляет очень маленькую часть мировоззрения – оно должно основываться на более широких, глубоких основаниях.

Относительно: человек существует для науки, а не наука для человека – мне кажется, я не только высказываю какое-нибудь абсурдное положение, а наоборот, выражаю даже факт, не раз наблюдавшийся. Я не вижу в природе никакой цели, а цель есть продукт человеческого развития, и им самим эта цель создается. По-видимому, это что-то, что в общей природе не существует, или по крайней мере мне неизвестны данные или явления, не позволяющие так думать. Я думаю, что таким же созданием человеческого развития является и представление о природе как о чем-то целом, едином, правильном, чего человек является лишь частью, связанною с целым. Очевидны все важные последствия для человеческого мировоззрения, раз вселенная как целое есть лишь продукт его же собственной несовершенной организации. Я думаю, что нет никаких данных, этому представлению противоречащих, и, с другой стороны, по моему крайнему убеждению, данные естественных наук не говорят совсем за иное мировоззрение. Единственным путем решения этого коренного вопроса является наука, является мышление, которое единственное как будто заключает в себе что-то, вне человека находящееся. Поэтому раз целью человеком создается, то легко можно и должно принять целью науку. Я думаю, в выражении *cogito ergo sum*⁸ надо *sum* придать лишь более глубокое значение. А приняв целью науку, проследить ее влияние – именно этой цели, т.е. искания, мысли, на всю человеческую деятельность, на все отношения его ко всему окружающему. Существование человека для науки (называется иногда в жизни служением науке, а я не отделяю от науки стремящееся к истине и искусство) вносит в жизнь светлые лучи идеала.

Вчера говорил Павлов, что декан⁹, только что приехавший, тоже считает, что мне надо поручить курс от факультета. Я, впрочем, не успел его спросить и сегодня постараюсь повидать и переговорить. Тогда напишу, но, кажется дело устраивается.

Сейчас иду в почтамт получать какую-то посылку, должно быть шубу, и затем по квартирам. Был у Успенского и получил ряд адресов. Но вчера зашел в лаборатории и пропустил время (пока светло). Сегодня же и в лабораторию лучше не пойду. Не сегодня-завтра с квартирой покончу.

Письма Гольштейн, Вульфа получил и обоим им отвечал.

Целую тебя крепко, мою родную. Гагу¹⁰, всех наших целую.

Твой Владимир

Ужасно прошу Марию Ивановну¹¹ простить меня, что не прислал письма Александра Ивановича¹² – я был убежден, что послал! Да еще – вспомнил. Когда я ехал в Москву, на вокзале в Харькове видел письмо, адресованное Евдокии Ивановне¹³.

Оп. 7, д. 37, лл. 83–85.

¹ Семья Ивана Ильича Петрункевича.

² А.А. Корнилов.

³ Шаховской.

⁴ В письме от 15 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Одна критика без творчества очень плохая штука! Очень мне хочется, чтоб ты мне написал, в чем именно ты не согласен с Адькой. Я понимаю одно, что не время выставлять в программе коллектив, нужна более общая, исключительно либеральная программа, которая бы объединила большее количество людей в общей борьбе. Но как идеал научный социализм коллективный, по-моему, –

очень хорош. И для нас его выработать важно именно как мировоззрение и нравственно-общественное мерило многих событий из хозяйственной жизни народа» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 115). См. письмо № 229.

⁵ В письме от 13 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Вчера говорили с Пашей о твоем петербургском споре о науке и людях, что люди, по-твоему, существуют для науки, а не наука для людей. Паша заметил очень глубоко, что природа с людьми существует, и неужели стремление к знанию этой природы с ее законами может быть выше, чем сама природа. Когда все это узнаешь о ней, она все же останется, и в ней вся сила и сущность. Я думала о том, как часто еще переменяется мировоззрение и идеи о целях и смысле жизни! И всякий человек может только жить и думать по-своему. В этом сила и красота. В конце концов, все дело сводится к индивидуальной вере, которая вырабатывается под влиянием основной идеи о жизни. У меня вера, что люди могут служить миру и прогрессу и исполнять свое назначение, работая для человечества, для его мысли, для улучшения положения всех, чтоб было больше сознания и меньше страданий, меньше бедности и пороков. Стремление к знанию для меня уже не отвлеченная и несколько безжизненная цель, как бывало, знать – является для меня глубокой необходимостью для жизни, для более осмысленного и действительного служения общему благу. Я поняла, что прочность и определенность идей и мыслей основывается на серьезных и глубоких знаниях. А идеи важны для того, чтобы общество определялось, выясняло свои цели и задачи в его служении народу» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 111 об. – 112).

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ Кредо (фр.).

⁸ Я мыслю, следовательно, я существую (лат.) – слова французского философа Декарта.

⁹ Декан физико-математического факультета Московского университета Николай Васильевич Бугаев.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

¹¹ Старицкая.

¹² А.И. Старицкий.

¹³ Очевидно, Голицына.

№ 231

[20 октября 1890 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуся, вот уже 3-й день, что от тебя нет письма. Что это значит? В четверг² в факультете было признано мое право на звание приват-доцента, и теперь это пошло по разным канцелярским столам. Приехал декан Бугаев (который был раньше в командировке в Одессе), и он вполне согласился с Павловым, чтобы мне поручить обязательный курс с определенным жалованием (1200 руб.). Как только бумаги мои кончат свое странствование по столам, Павлов войдет об этом с представлением в факультет и думает, что в факультете оно пройдет. Сегодня я, верно, отправлюсь с визитом к Бугаеву и подам ему заявление о тех курсах, какие буду читать с января, т.е. продолжение курса, теперь читаемого Павловым, – кристаллохимию и описательную минералогию. De jure декан не может принять этого заявления, пока я не буду утвержден, но тогда он не в состоянии составить программу и просил, чтобы я подал раньше. Я стану, таким образом, в положение доцента – звание, уничтоженное по уставу 1884 г., но которое жизнь снова восстанавливает в такой более путаной форме. Я совсем теряюсь в семестрах, зачетах и т.п. – ничего подобного не было в мое время, а тут каждый, ссылаясь на разные циркуляры, дает мне совсем противоречивые указания. Такая кутерьма, что страсть! Вначале следующей недели еду к Капнисту³. Вчера еще одна квартира понравилась (найденная Успенским⁴) на Плющихе, к Девичьему полю: комнаты большие, высокие, цену запрашивают 550 руб. – зала в три окна, что

в Москве почти нет, одно – прислуга должна спать в кухне, но это в Москве всюду. Сегодня опять ⟨пойду⟩ по квартиры. Целую, дорогая, Гагуна⁵, наших.

Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович. Оп. 7, д. 37, л. 86.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Т.е. 18 октября.

³ См. комментарий № 5 к письму № 225.

⁴ Далее следует схематический план квартиры.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 232

22 октября 1890 г., Москва

22 октября 1890, понедельник, утро

Дорогая моя Натуся, моя глупенькая девочка, моя Тутька, которую надо хорошенько, хорошенько наказать. То она недовольна, что я пишу ей короткие записки, то она находит, что я пишу какие-то внешние письма, когда я ей пишу длинно, пишу не о внешнем чем-то, а о том, что больше всего мутит, волнует мой дух, при одной мысли о чем иногда захватывает, щемит сердце. Не виноват я, что это кажется ей внешним: верно, глупенькая Тутька опять находится в настроении каких-то мерок. То она недовольна, что не ей пересылают письма друзей, а прямо друзьям – за это последнее ее надо-таки совсем побранить. Сперва отвечаю: у меня довольно много работы и много времени уходит на всякие хлопоты как с квартирой, так и с университетом, так что я иногда устаю и мне нелегко писать и такие письма, какие я пишу. Наконец, и переписка моя с другими только-только начинает приходить в порядок. Ничего ты этого, по-видимому, не принимаешь во внимание и рассуждаешь с чисто личной, узкой точки зрения. Во-вторых, ты хочешь ведь, чтобы я тебе писал о том, что всего больше меня за последнее время волновало, а это все о чем, сколько помню, я писал тебе: о политической и общественной деятельности, об основах знания, о впечатлениях, произведенных на меня комиками Аристофаном, Плавтом, Лопе де Вега, о впечатлении, произведенном работами Берцелиуса, от которых я нахожусь в каком-то угаре¹, наконец, о моих опытах. Разве это внешнее, разве ты не понимаешь, как важно это для меня и как мне больно, что единственный мною любимый человек, моя дорогая Тутька, под влиянием какой-то минуты называет это все «внешними» письмами. Что же тогда «внутренние» письма – не называешь ли ты их описаниями разговоров, описаниями поисков квартир, числа съеденных пирожков и тому подобной дребедени.

А относительно пересылки писем друзей раньше тебе – так это совсем-таки неслучайное требование, большие и более общие письма я писал Сергею² о «Северном вестнике», причем он отчаянно требовал скорого ответа, так как его бомбардировал Глинский, где же мне было посылать это письмо в Полтаву! Послал письмо Адьки³ Шаховскому, так как и то боялся, что оно опоздает. Я послал его в самый день получения, и то оно пришло поздно, так

как Дмитрий Иванович⁴ в тот же день послал ответ свой Адьке. А этот ответ я считал себя вправе лишь отправить Адьке, так как 1/2 года ему никто не отвечал! Ему я приписал, чтобы он отослал его первой тебе. Наконец, письмо мое Адьке было деловое, по поводу «Северного вестника», а остальные письма тебе адресовать совершенно затягивало бы время на неделю и больше. Надо смотреть на письмо, как на дело. Очень важно, чтобы они до всех доходили, но такое твоё желание мне лично не нравится, потому что ты при этом не думала о других, об Адьке, который мучится ответами, ни о Шаховском, и Тутьку хорошенько накажут.

Я со страхом прочел в твоём письме о новых предстоящих тебе разговорах, кажется, с Мих. Зарудным, то с Софьей Марковной⁵, то с Зарудным etc., и все разговоры, разговоры! Они хороши, когда или тебя они не утомляют и не отнимают времени, которым ты можешь располагать, от более важного, или когда они нужны. Начала ли ты заниматься психологией – отвлекла ли тебя жизнь с Гревсами, а теперь эта болтовня с Софьей Марковной, Мих. Зарудным и К°. Ты не читала ни Кью, ни Лиленда, и из твоих писем вижу, что, несмотря на возможность читать, едва ли какую-нибудь другую вещь по этим вопросам. Или я ошибаюсь? Точно так же ты хочешь следить более или менее и согласна со мной, что важно, чтобы мы могли работать над одним и тем же. Такое дело представляется, например, в задуманной мной истории научных идей, и теперь я все более и более знакомлюсь с древним миром – для тебя я выбираю для чтения только то, что считаю важным при наивозможно малой трате времени (Софокл, иные диалоги Платона), и теперь просил тебя прочесть летописи Тацита⁶. Но ты и не начала! А время, когда можешь читать, читала «Вестник Европы» и т.п. журналы – это все времяпровождение, а не чтение (исключение – Пыпин)⁷. Не знаю из твоих писем, что ты читаешь с Ниной⁸?

Я вполне сознаю, что это все можно читать далеко не всегда и что часто тебе трудно, но тем серьезнее и осторожнее надо читать в те времена, когда можно.

Крепко целую тебя, мою золотую, единственную Тутьку, и Гагу⁹, и всех наших.

Твой Владимир

P.S. Сегодня-завтра решу с квартирой и буду телеграфировать. Еще 3-я подходящая: на Тверском бульваре деревянный флигель с мезонином – отдельной, 660 руб. в год. В субботу¹⁰ подал Бугаеву (математику, декану) заявление о лекциях. Курьезный с ним был разговор: о буддизме, нирване, и он со страшным волнением излагал мне свою собственную метафизическую теорию (теорию живых монад).

Хочется скорее, скорее быть вместе и кончить эту бивуачную жизнь.

Моя родненькая, дорогая Тутька.

P.S. Относительно бивуачного устройства и этой зимы, жизнь врознь – совершенно с тобой не согласен, теперь дело обстоит так, что, если не случится какой-нибудь *deus ex machina*¹¹, я, по-видимому, наверное получу место. Завтра еду к Капнисту¹².

Оп. 7, д. 37, лл. 87–88.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 229.

² С.Ф. Ольденбург. См. комментарий № 3 к письму № 224.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Шаховской.

⁵ Очевидно, Любошинская.

⁶ *Тацит К.* Сочинения. СПб., 1887. Т. 2.

⁷ *А.Н. Пытин.* Грибоедов // Вестник Европы. 1890. Кн. 1. С. 185–224; *Он же.* Гердер // Там же. 1890. Кн. 3. С. 277–321; Кн. 4. С. 625–673.

⁸ Н.Е. Старицкая.

⁹ Г.В. Вернадский.

¹⁰ Т.е. 20 октября.

¹¹ Неожиданность, случайность (лат.).

¹² См. комментарий № 5 к письму № 225.

№ 233

24 октября 1890 г., [Москва]¹

Среда, 24. X 1890, утро

Дорогая моя Тутя, моя милая трепетушечка, моя родненькая девушка, моя любимая. Опять подробно не знаю о твоём здоровье, а в твоих 2-х последних письмецах нет совсем ничего о Гаге².

Вчера с Марьей Петровной Сахаровой ездил и осмотрел 3 квартиры, на которых пока останавливаюсь: на Тверском, на Малой Никитской³ и Плющихе. Остановился на Малой Никитской, на доме д-ра (глазного) Крюкова, на том отдельном флигельке, о котором я писал тебе и который тебе понравился. Сегодня отправляюсь с ним сговариваться. Вещи высылай и скорее, а также что надо покупать по мебели: есть ли кровати? Что приедет из мебели? и откуда? Я пишу маме, Ольденбургу, Клейберу и Гольштейн, чтобы высылали наши вещи и книги. Не знаю, есть ли диван? Есть ли кухонная посуда? А вообще посуда – напиши маме моей и скорее, если надо высылать нашу посуду, которая у нее есть. Обо всем этом мне напиши. Говорят, здесь трудно найти прислугу, чтобы она была и горничной и кухаркой, и Сахаров советует нанять кухарку и прислужкой девочку лет 14 (за рубля 1 1/2 в месяц), но мне этот план мало улыбается. Вещи высылай скорее и помоги в уложении нашего инвентаря. А сама приезжай лишь на готовое – теперь и погода отчаянная, сырая и теплая. От этой квартиры близки и гулянья для Гаги: бульвары Тверской, Никитский и Патриаршие пруды. Сахаров предлагает всякую помощь в покупке дров, мебели и т.п. – сама Сахарова, говорят, во всем этом очень практична.

Сегодня посылаю отставку от должности хранителя СПб. Минералогического кабинета и думаю, что в эти недели 3 окончательно решится мое положение⁴. Собственно говоря, по словам Павлова, если не будет какой-нибудь неожиданности, то я наверное получу от факультета поручение читать курс. Так мне говорил и декан⁵. Но какие это ужасные вещи – канцелярии! В четверг были приняты мои лекции, и еще вчера бумага не дошла из канцелярии факультета в канцелярию совета (в двух рядом комнатах!). Тут еще случилась история, которая сделала сильное впечатление: на кафедру римского права (которую раньше занимал Муромцев) министерство прислало на днях приват-доцента с двойным, против определенного законом, содержанием и не имеющего никакой ученой степени и не державшего магистерского экзамена или лекций – некоего Пассека, питомца Берлинской семинарии. Вещь, собственно говоря, прямо противозаконная, так как в новом уставе прямо сказано,

что министр может назначать только из лиц, имеющих ученые степени или выдержавших магистерское испытание и 2 пробные лекции. Факультет послал министру просьбу разъяснить ему, как ему быть с этим противоречием, требовать или нет от Пассека магистерских испытаний и пробных лекций, а равно как ему быть с программами, так как раньше Делянов утвердил на ту же кафедру на годовой срок профессора Боголепова⁶ и еще кого-то! Идет настоящая каша. Вся университетская жизнь до сих пор не улеглась после 1884 года – только разошлись подпольные интриги, разыгрались аппетиты и идет невообразимая путаница и в том, что читать и как читать. А уж в экзаменах, зачетах и т.п. что-то творится удивительное. Ясно видишь и понимаешь всю **невежественность** акта 1884 г. и чувствуешь, как ужасно, когда может ломаться без должного серьезного сознательного обдумывания то, что создается в течение многих лет работой массы людей⁷. К сожалению, минералогию новый устав весьма подрезал: прежде читалась она в течение 2-х лет – теперь количество лекций, а следовательно, и объем оставлен тот же, но должна она читаться в 1 год. Я решительно недоумеваю, как студенты могут в 1/2 года переварить кристаллографию, собственно говоря, самый трудный предмет всего естественного отделения, и как могут во 2-ю половину года слушать минералогию, не пройдя основательно кристаллографии. Фактически это отразилось на практических занятиях: они в 1/2 года должны пройти практически то, что проходили раньше в течение года, и употребить, конечно, меньше времени, и пройти, понятно, поверхностно! Но ничего нельзя сделать, так как насчет этого был приказ министерства вполне определенный и ясный – и при раньше введенных полугодовых испытаниях они по необходимости приуждены были так уродовать курс.

Если получены оттиски моей французской статьи⁸, о посылке которых ты послала мне счет, непременно перешли их мне сюда заказным. Они мне очень нужны.

Прилагаю список образчиков почв и ракушек, которые прошу переслать мне скорее, если не очень дорого, можно переслать скорым поездом, если можно было бы; выгоднее было бы из каждого мешочка с почвой переслать лишь 1/2, а половину пока оставить – это сделало бы пересылку дешевле. Получил очень хорошее письмо от Дриша, которое скоро перешлю. Дриш оставил Германию и – в Цюрихе.

Оп. 7, д. 37. лл. 90–91.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 5 к письму № 228.

⁴ Хранителем Минералогического кабинета Петербургского университета В.И. Вернадский был назначен 19 марта 1886 г. и занимал эту должность до 1 ноября 1890 г.

⁵ См. комментарий № 9 к письму № 230.

⁶ Николай Павлович Боголепов состоял профессором по кафедре римского права, в 1884–1887 гг. был избран ректором университета, в 1891 г. был вновь назначен на эту должность.

⁷ Речь идет о новом университетском уставе, утвержденном 18 августа 1884 г. Он отменял все демократические завоевания высшей школы, зафиксированные предыдущим уставом 1863 г. Ректор и подчиненные ему деканы не избирались, а назначались свыше.

Существовавший ранее выборной суд из трех профессоров по уставу 1884 г. упразднился. Высшей судебной инстанцией в университете стало Правление, приговор которого утверждался попечителем. Роль Совета университета была сведена на нет. Совет университета не

мог вмешиваться в прохождение персональных дел студентов как в отношении назначения стипендий, так и при решении вопроса об исключении из университета. По новому уставу менялся порядок экзаменов и зачетов. Студенты медицинского факультета должны были сдавать зачеты за 10 семестров, а студенты остальных факультетов – за 8 семестров. Студент, сдавший все семестровые зачеты, получал выпускное свидетельство, которое давало ему право держать государственные экзамены в особых правительственных комиссиях. Одной из важнейших задач этих комиссий было отсеять демократическую и «неблагонадежную» молодежь.

Студенты принимались в университет лишь по представлении свидетельства от местной полиции о безукоризненном поведении. Устав запрещал принимать в университет женатых и жениться во время пребывания в университете. Студенты считались «отдельными посетителями университета», на этом основании запрещались какие бы то ни было студенческие общественные организации.

Непрерывное повышение платы за обучение, которое происходило после принятия нового устава, было заложено в самом уставе (см.: Общий устав университетов. СПб., 1884; История Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1955. Т. 1. С. 268–274).

⁸ См. комментарий № 11 к письму № 224.

№ 234

24 октября [1890 г., Москва]¹

Понедельник, 24. X, утро

Дорогая моя, родненькая девуня, моя Натуся, мой бедный воробушек. Очень я беспокоюсь, что с тобою, и прошу написать мне скорее и подробнее, обращалась ли ты к доктору? Не возилась ли и не бегала ли много это время? Моя родная девочка, мое счастье, так трудно быть врознь, когда ты больна. Так хочется быть возле тебя, приласкать мою головушку, взглянуть в мои чистые, дорогие, умненькие глазки. А еще и в прошлом письме побранили! Моя радость, мое счастье дорогое, моя любимая.

Сегодня, думаю, решу с квартирой и, очень может быть, возьму тот флигель на Малой Никитской – улица эта очень тихая, больше все особнячки-дома; не так далеко бульвары Никитский и Тверской и Патриаршие пруды. Я думаю, что ты можешь уже высылать громоздкие вещи (если нужен постоянный адрес для расписки, то на мое имя в Минералогический кабинет Московского университета).

Я не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем (или Тутька их плохо читает?), – я писал, что Станкевича биография Грановского² давным-давно вышла из продажи, и я тебе писал довольно подробно свое мнение о письме Адьки³ Письмо Шаховского ты, верно, скоро от Ади получишь. «Вестник Европы» я не могу достать, так как в библиотеке я подписан по 3-му разряду, но дело, о котором ты пишешь, знаю (верно, по поводу 2-миллионного капитала, пожертвованного для покупки земли крестьянам, кажется, Пантелеевым?)⁴ – я лично думаю, что главное и здесь заключается в самых общих вопросах – в признании прав человека (и связанной с этим свободы печати, агитации и частной инициативы и т.п.), в контроле обществом деятельности правительства и его местных органов и т.п. Это теперь основная задача, и горе русским людям, если они этого не сделают. Дело этих крестьян представляет превосходный пример этого, и плохо, если оно не возбуждает этих коренных вопросов. Нынешнее время ясно доказывает, как мало можно надеяться на прочность без прав. А в письме Адьки я вижу много в этом отношении неясности, путанности (или, как говорит Дмитрий Иванович, ужасно оно иногда

детское). Целую тебя крепко, мою дорогую рыбку, Гагу⁵ (как он поживает?) и всех наших целую.

Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 89.

¹ Год и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 17 к письму № 212.

³ См. письмо № 229.

⁴ Речь идет о сведениях, приведенных в статье: *Слонимский Л.* Вопросы поземельной политики // Вестник Европы. 1908. Кн. 9. С. 321–340; Кн. 10. С. 761–787 (о Пантелееве – с. 768).

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 235

[25 октября 1890 г., Москва]¹

Дорогая моя Натуся, квартиру сегодня нанял (Малая Никитская², дом Крюкова) за 600 руб. – будет считаться с того дня, как приедут вещи. Теперь высылай **скорее** вещи – надо устраиваться, а то так врознь и на бивуаке не гоже. Я писал о высылке вещей маме, Сергею³, Гольштейн и Клейберу. Напиши, что надо покупать из вещей, куплю дров и отоплю к приезду квартиру. Хочется скорее уже иметь тебя тут. При найме квартиры хозяин – доктор и приват-доцент здешнего университета⁴ – единственное условие ставит – чтобы не было животных, а затем он предлагает сделать все, что хотим, так как не тянется получить больше денег с квартиры. Не помню, присылал ли план двора, а план квартиры присылал⁵. Да, домик на солнечной стороне и, кажется, светленький. Наружную дверь он обобьет, чтобы не дуло. Двор очень чистый, чем выгодно отличается от московских ужасных дворов. Хочется уже скорее, чтобы ты переехала, моя дорогая, родная девунька – мой светик. Теперь работаю в лаборатории, читаю для диссертации, в свободное время с великим удовольствием и вдумыванием читаю Плавта во французском переводе, очень хочу, чтобы ты прочла его живые комедии⁶. Из интересного читаю, по-видимому, слабую «Geschichte d. Chemie» Мейера (1889)⁷. Целую тебя крепко, и всех наших, и Гагусю⁸.

Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 92.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 5 письма № 228.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Андриан Александрович Крюков.

⁵ Далее следует рисунок плана двора.

⁶ См., например: *Plauti T. Macci. La marmite Comédie.* P.: Belin, 1877.

⁷ Meyer E. *Geschichte der Chemie von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart.* Leipzig, 1889.

⁸ Г.В. Вернадский.

26 октября 1890 г., [Москва]¹

26.X 1890, утро

Дорогая моя, родная, ненаглядная девушка, мое золото, счастье мое нежно любимое [...] Как только вышлешь вещи, я их расставлю, так и приезжай, моя голубка. Хочется уже зажить вместе, мне хочется быть под твоим крыльшком.

Марья Петровна Сахарова уже подговорила нам прислугу, хорошую женщину, которая служит у ее знакомых, которые уезжают, за 7 руб. в месяц. Она будет готовить, прибирать и т.п. комнаты, мыть детское белье и что придется из другого белья. Если ты ничего не имеешь (против) – дай знать. Комната для прислуги в этой квартире есть рядом с кухней. Тутька дуручка – в Москве и не слыханы квартиры с проведенной водой, по крайней мере я их нигде не видел и никто про них не знает. Нельзя забывать, что Москва вообще очень нечистоплотный город, и трудно себе представить, до чего доходит грязь в квартирах, на улицах и т.п., а о цивилизованных удобствах москвичи имеют самое смутное понятие. По грязи и по неудобству трудно сравнить Москву с каким-нибудь другим городом. То же самое и в университете Московском по сравнению с Петербургским университетом.

Относительно Таисии Степановны² писал я Сергею³, послал ему ее письмо в Комитет грамотности и к тебе. (Ольденбург) спрашивал о результате, но ответа не получил. Напиши мне ее адрес, я напишу Калмыковой о высылке ей от нас библиотеки в 3 руб.⁴ – я сему сочувствую.

Сегодня пойду опять справиться о результате моих бумаг в канцелярию, а завтра, может быть, отправлюсь к Капнисту⁵. Его очень не хвалят и самые разнообразные люди. В университетскую жизнь он вмешивается очень старательно, и она гораздо больше зависит здесь от попечителя, чем в Питере.

Встретился вчера здесь с моим товарищем по университету, вместе кончали курс, здешним помещиком Осиновичем – он поступил теперь студентом на юридический факультет. Вот удивился я встретить его в студенческом мундире! Как он рассказывает о положении студента тогда и теперь, то можно выразиться;

Как посравнить, да посмотреть

Век нынешний и век минувший...⁶

Работаю в лаборатории понемногу, и работа идет так себе, теперь сижу над анализами соединений из фарфора и готовлю кое-что для других анализов. К 15-му ноября мне надо бы сделать сообщение в здешнем Обществе естествоиспытателей, куда я хочу поступить в члены, так как там лучшая в Москве естественноисторическая библиотека⁷ (Общество основано в начале нашего столетия)⁸, а в университетской я доброй части книг не могу достать. Хочу приготовить работку о влиянии нагревания на слюду, качественно сделал уже часть в Париже, результаты введу частью и в диссертацию, и мне кажется, они имеют интерес, так как совершенно новые и дают очень рельефное представление о химическом строении слюды. Надо только выработать метод отделения, и до сих пор (работая в Париже) я не мог добиться удачных вполне результатов. Попытаемся – я люблю добиваться, когда не сразу дается, а то если сразу – несколько наскучает возиться.

Получил письмо Васи⁹ и письмо твое к Васе; у Васи весьма большая каша в голове, может быть, ему ответчу, хотя я не в особенном расположении об этом писать. Твое письмо мне больше нравится. Я думаю, Вася напрасно не обратил внимания на следующее: [рассказы] есть в науке **да и в общественной деятельности**, в работе на человеческую пользу дорого стоят люди и тут и там, и из гор родится часто мышь и тут и там. Я думаю, что мерилом жизненной работы «общественная польза», или как ее там ни называй, никогда не может быть для человека, который вкусил науки, потому что он видит в научной деятельности далекую традиционную преемственность вне времени, места, государственного строя, а общественная польза, благо людей часто совершенно противоречиво принимались в разные эпохи и т.п. Интерес науки гораздо более отвлеченное и независимое представление, чем интерес человека, а потому оно гораздо глубже может служить устоями работы. И тут я туманно выразился, а сумею ли ему написать, не знаю.

Целую тебя, мою драгоценную девушку, мое родненькое серденько. Гагуню¹⁰ поцелуй и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 93–94.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² Мищенко; в письме от 23 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Отчего ты не пишешь, получил ли ты письмо Таисии Степановны, которое я тебе послала, и ее прошение Комитету грамотности. Послал ли ты это прошение? Очень важно было бы ей и от нас выписать рубля на 3 книг» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 127 об.).

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ В письме от 28 октября 1890 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Адрес Таисии Степановны: Полтавская губ., Кобелякский уезд, Кустоловское училище, в мест. Новые Сенжары, учительнице Т.С. Мищенко» (ф. 518, оп. 3, д. 256, л. 139 об.).

⁵ См. комментарий № 5 к письму № 225.

⁶ Слова Чацкого, см: *Грибоедов А.С.* Горе от ума. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1886. С. 51.

⁷ См. письмо № 240 и комментарий № 4 к нему.

⁸ Московское общество испытателей природы при Московском университете было основано в 1805 г.

⁹ В.В. Водовозов.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 237

28 октября 1890 г., Москва

Москва, воскресенье, 28.X 1890, утро

Дорогая моя, родненькая, моя милая Натуся, мое серденько, вчера вместо письма от тебя получил лишь каталог через Юргенсона. Письмо Юргенсона получил. Жду очень сведений относительно твоих мнений по поводу квартиры и также, что тут надо покупать. Получил ли Георгий¹ Милля²?

Я все по-прежнему понемножку живу себе. Сейчас иду в лабораторию и начну работу над слюдой, которую хочу окончить к 15 ноября. Вчера секретарь Совета³ показывал мне уже совсем приготовленную бумагу обо мне в С.-Петербургский университет, где они спрашивают от имени Московского

университета, не будет ли препятствий со стороны С.-Петербургского университета на переход (мой) в Московский университет приват-доцентом «для преподавания минералогии». Сейчас же, как придет ответ (формулярный список и бумаги), они пошлют на утверждение попечителя: в бумаге просят прислать мои бумаги скорее, и, может быть, к твоему приезду вся эта история покончится. Таким образом, из двух комнат шла бумага больше (чем) 1 1/2 недели! Я надеюсь, что из С.-Петербурга, ввиду поданной мною отставки, мои бумаги и формулярный список посланы, и, таким образом, в начале этой недели будут здесь. Скорее бы вся эта каша покончилась.

С 1-го ноября принимаюсь аккуратно писать диссертацию. Ужасно это трудновато, и мне не совсем приятно, что приходится так спешить. Здесь беда с книгами, нужных мне работ Берцелиуса не могу достать – в таком хаосе библиотеки. Верно, одной из первых просьб, с какими обращусь в факультет, будет просьба о пополнении основной библиотеки. Уже библиотека Кабинета улучшилась заметным образом. Не прислали ли моих отписок? Завтра, заказным, пришлю тебе письмо Дриша и записку Шаховского, очень характеризующую его настроение.

Давно забываю написать тебе для Георгия, заметь об условиях доставки книг Калмыковой: она делает в среднем уступку в 15%, а пересылка стоит, она точно не знает, около 1 руб. 50 коп. с пуда. Напиши мне адрес Таисии Степановны⁴ – я ее письма отправил давно к Сергею⁵, ей тогда устраю высылку от нас библиотечки (кроме Комитета грамотности). Вышли мне книгу, которую я оставил у тебя на этажерке: «Kohlrauch Zeits. z. Experimental-Physik».⁶ Привези с собой или же вместе с пересылаемыми камнями (или с **нашими вещами**) целиком следующие образчики собранных мною мешочков: 381, 382, 383, 384, 380, 238, 236, 233, 234, 235, 231, 214, 215, 216, 217, 206, 208, 207 (остаток пересыпь в маленький мешочек, о чем я писал раньше), 118, 119, 115, 116, 316, 317, 318, 319, 312, 323, 325, 326, 320, 261, 262, 263, 43, 40, 280, 281, 282, 283, 284, 51, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 310, 299.

Мне ужасно теперь совестно и досадно, что я не остался лишний день и не привел в порядок и что задал теперь такую у вас кутерьму. Эти все образчики мне нужны для солонцов.

Моя милая дорогая Тутя, мой ангелок дорогой, моя девочка, как сильно и страстно люблю я тебя и так хочется скорее, скорее зажить, устроиться вместе. Я рад, что ты напишешь в «Вестник воспитания». Какое впечатление произвело на тебя чтение Тацита (именно его «Annales»)⁷, мне очень интересно это знать. Читала ли Нина⁸ Мольера? Что ты еще читаешь, моя дорогая голубка? Я несколько ближе схожусь с Криштофовичем – офицером-натуралистом, о котором я говорил тебе в одном из писем. У него мысль работает в области таких же вопросов, какие видны из писем Васи⁹, и т.п., и это он не первый, кого я встречаю. Видно такое начинается течение.

Крепко целую тебя, Гагу¹⁰, всех наших. Что Гагунька глупенький поделывает? Я хочу знать подробнее о твоём здоровье.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 95–96.

¹ Г.Е. Старицкий.

² См. комментарий № 26 к письму № 216.

³ Секретарем Совета Московского университета в 1890 г. был Василий Александрович Рахманов.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 236.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ О какой работе идет речь, установить не удалось.

⁷ См. комментарий № 13 к письму № 203.

⁸ Н.Е. Старицкая.

⁹ В.В. Водовозов.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 238

30 октября 1890 г., Москва

Вторник, 30.X 1890, утро

Дорогая моя девуня, мой Тутик ненаглядный, родная моя. Получил я твои письма с указанием мебели и на днях куплю ее и тогда перееду. Квартира будет числиться за нами, как только перевезут мебель. Она совсем чистая. Этим летом ее ремонтировали. Пол везде паркетный, так что мыть его не надо, комнаты небольшие, так что наша очень громоздкая мебель (диван), не знаю, поместится ли. Я думаю, что это выяснится позже. Я тебе план квартиры посылал, а теперь пишу его на память и потому за полную верность не ручаюсь. Двор очень чистый, под полом рельсы, и я не думаю, чтобы было холодно¹. «Больших» вещей, о которых ты пишешь, покупать нельзя, хотя я и выписал уже свой большой стол – не знаю, где его поместим! Шкаф для посуды ввиду существования внутреннего стенного шкафа может быть не нужен, равно как и большой стол для моих книг, раз я выписал его из С.-Петербурга, ламп же придется, конечно, больше. Теперь я еще раньше купил два подсвечника. Денег у меня теперь больше 300 руб. (около 340 руб.), да я уже заплатил за квартиру 50 руб. задатка, так что думаю, что мне хватит и на мебель, и на жизнь, и на сюртук, который иду сегодня заказывать. Мама вещи уже выслала, Сергей² книги обещает через неделю – 1 1/2 (хотя Сергеевы недели 1 1/2 могут быть и больше). Клейбер еще не отвечал.

Твои письма еще не отправил, так как не было времени идти на почту для отправки их заказным. Когда пришлешь мне мои оттиски, о получении которых пишешь, они мне очень нужны. Завтра думаю идти к Капнисту. Диссертацию теперь пишу и так распределил: до 1-го ноября minimum 1 страница в день (начисто, со всеми литературными и т.п. справками), с 1-го по 15 ноября по minimum 2 страницы в день, а с 15 ноября minimum 4. Если мне удастся отработать ее, как хочется, она может быть интересной.

Теперь читаю для диссертации, да так кое-что читаю между делом – новые работы по естественным наукам вообще, читаю «Zeitschr. f. Krystallographie», «Zetischr. fur physikalische Chemie» и т.п. Прочел на днях в «Русской мысли» довольно интересный биографический очерк Хвоцинской, написан Семевским³, кончил Плавта⁴ – и хочу, чтобы ты прочла его некоторые комедии, а главным образом за последние дни читал не важный, но очень интересный очерк Мейера: «Geschichte der Chemie»⁵, который мне надо было прочесть и для диссертации. Третьего дня я читал не отрываясь страниц 260

из Мейера, а ты знаешь, как редко я читаю что-нибудь одно без перерыва, и мысль все время напряженно работала, и в уме рисовалась картина научной сознательной работы – как-то, по временам, вспыхивала и искрилась вера в то, что основные тезисы моей работы верны и новы и что путь мой есть путь, каким шли раньше в других областях химии. Я думаю, что если даже только одна чисто отрицательная часть моей работы будет принята, и то будет дело, а это: из всех **силикатов, которые считаются теперь солями разных кремневых (часто гипотетических) кислот, только часть является солями таких кислот; другие не имеют с ними химически ничего общего.** Я убежден, что на меня сильно нападут на диспуте, но это меня не страшит, только жалость берет, что обстоятельства заставляют спешить с работой и представлять ее в менее разработанном виде. Как motto⁶ хочу взять следующие слова Берцелиуса, высказанные им в 1814 году: «Минералогия, хотя и изучается как отдельная наука, является, как учение о неорганических соединениях, составляющих наш земной шар, лишь частью химии, на учениях которой она вполне и исключительно основывается». С этим его тезисом вполне я согласен. Вчера начал работу над слюдой, и, кажется, идет удачно; только 15 ноября сделаю сообщение, а работу еще до выхода в свет диссертации хочу напечатать по-французски – пошлю Фуке, для сообщения академии, если он найдет ее интересной. Вчера мне, по-видимому, удалось-таки наметить условие для отделения продуктов разложения слюды, и все дело состоит в том, чтобы выделить эти продукты для анализа их и проанализировать. Две стадии разложения слюды при разных температурах являются логическим следствием моей гипотезы строения силикатов, никогда не наблюдались и не предполагались, мною были найдены и, по-видимому, являются **общим** процессом, т.е. являются отличием **всех** силикатов, не являющихся солями кремневых кислот, у меня есть уже для этого опыты – к сожалению, материал остался в Париже, если не пропал.

Целую тебя, мою дорогую, родную девуню, мое солнышко ясное. Как я хочу тебя скорее сюда, хочу зажечь вместе с тобой, моей дорогой.

Письмо твое редактору сегодня посылаю: не знаю адрес его.

Целую всех наших, Гагуна⁷.

Твой Владимир

P.S. Надо было выставить чернилом №№ всех мешочков. Как я жалею, что не остался ⟨на⟩ день и не окончил тогда!

Оп. 7, д. 37, лл. 97–99.

¹ Далее дается план расположения комнат.

² С.Ф. Ольденбург.

³ *Семевский В.И.* Н.Д. Хвошинская-Зайончковская (В. Крестовский – псевдоним) II Русская мысль. 1980. № 10. С. 49–90; № 11. С. 83–111; № 12. С. 124–149.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 235.

⁵ См. комментарий № 7 к письму № 235.

⁶ Девиз (нем.).

⁷ Г.В. Вернадский.

1 ноября 1890 г., Москва

Четверг, 1 ноября 1890, Москва

Дорогая моя, родная Тутя, моя девуня милая, пишу немного, так как довольно много теперь работы, а хочу тебе письмо бросить сегодня.

Мама уже выслала вещи, и они скоро придут. Я еще не переезжал на новую квартиру и не мог переехать, так как у меня нет никакого вида: отпуск мой давно кончился, а канцелярская возня так невозможно тянется, и невесть когда я получу отсюда бумаги. Тутька глупенькая, что послала мои брошюры в университет заказным: здесь все проходит через руки правления, и целая кутерьма получить заказное письмо для меня, пока я не утвержден. Я едва получил заказное письмо Дриша. Я ходил сегодня туда объяснять, чтобы книги не отослали назад, обещали, но пока еще не получены, говорят. И чего тебе это пришла фантазия послать туда, раз я не писал, – не понимаю.

Послезавтра, должно быть, пойду покупать вещи – думаю пока не покупать шкаф для посуды, так как есть шкаф в стене, зато хочу купить два кресла. Все будет стоить 100–200 руб. Надо непременно занавески: есть или купить их? Полки для книг сделаю на заказ. Если мой старый диван окажется очень великим для квартиры, надо купить еще диван. Заказал себе сюртук. Писем никуда не пересылал, так как не было времени идти на почту (терять добрые часа 2), все вожусь в библиотеке – просто берет злость на хаос и кутерьму, какая тут идет. Но нравы здесь еще странные: вообрази, в пополнении библиотеки теперь имеет большое влияние правление, и, таким образом, недавно вдруг они вычеркнули из университетской библиотеки «Вестник Европы»¹, но настоял и заметил это профессор Герье, так что снова стали выписывать! Достал сегодня после длиннейшей возни нужный мне старый химический журнал, который они «по ошибке» занесли как сочинение издателя. Я уже собирался писать Сергею² и просить прислать мне заказным из Питера! Теперь пишу диссертацию, работаю в лаборатории, читаю, да заканчиваю посылку рефератов Гроту³, которые я было запустил. Между делом читаю новеллы Сервантеса и стихотворения Гюго. Теперь они мне очень нравятся, а раньше я, должно быть, их не понимал. Читаю теперь его «Ballades» и «Les orientales»⁴ и думаю прочесть помаленьку и остальные.

Меня сильно смущает, как я буду читать с января курсы – подумай: 4 часа лекций минералогии для естественников, 2 часа медикам и около 5 практических занятий еженедельно! Ко всему надо готовиться, да еще у меня на плечах докучаевский отчет, диссертация. Нет абсолютно никаких приспособлений для чтения лекций (кроме, точно на смех, электричества – а проекционного аппарата нет! Сговорились с Павловым сообща выписать для 2-х кабинетов) – нет ни моделей, ни таблиц, ни образцов. Для практических занятий по паяльной трубке всего 6 мест, уже теперь мы с Кислаковским выписали еще на 6 или 12 (сколько будет средств), а доведем в будущем году на 20 мест; в декабре отберу коллекцию для студентов и для демонстраций на лекциях. Библиотеку уже пополнили! – по крайней мере самое важное, затем делали приспособления для занятий с гониометром и т.п. Ко мне на днях обратился один из кончающих студентов, которые уже слушали минералогию, с просьбой показать ему и товарищам измерение углов, так как их не учили и

они не видели никогда гониометра! А в довершение у медиков минералогия поставлена в шутовское положение – с января по май мне, вероятно, придется экзаменовывать не одну сотню фармацевтов и медиков (тоже удовольствию). Если будет малейшая для меня возможность, курс для медиков я буду литографировать, так как экзаменовывать их по конспекту было бы против совести, а указать печатного руководства не могу. Думаю перевести с Кислаковским еще руководство для паяльной трубки, так как на русском языке ничего нет, а я указал немецкое; может быть, весной можно будет издать. С осени стану литографировать весь курс (а химическую кристаллографию, может, и печатать). Порядком надо будет летом работать, но это не беда. Целую тебя, Гагу⁵, всех наших. Моя родная рыбка. Много будет мне легче, когда будешь ты здесь.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 100–101.

¹ См. комментарий № 6 к письму № 188.

² С.Ф. Ольденбург.

³ См. комментарий № 4 к письму № 227.

⁴ См., например: *Hugo Victor. Oeuvres...*: In 30 vol. P.: Hetzel-Quantin, 1880. Vol. 1: Odes et ballades. Vol. 2: Les orientales.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 240

2 ноября 1890 г., [Москва]¹

2.XI 1890

Дорогая моя Натуся, ты глупенькая девуня – прислала мне посылку не «на предьявителя», а на мое имя! Разве можно так делать! Теперь придется мне самому ехать за вещами, а нельзя послать (так как у меня: 1) нет вида и 2) с передачей etc. при здешней канцелярщине ужасная возня). Неужели ты и весь багаж так распорядилась? Из университета я ничего не получаю и, где мои книги, не [ведаю] – вот Тутька напутала.

Завтра иду с М. Петр.² покупать мебель. Как только получу вид.

3.XI 1890, суббота

Сейчас еду на Курский вокзал получать почвы (Тутька – глупенькая – прислала мне именную накладную!), а затем около часу отправлюсь за мебелью. К 4-м часам – к обеду – будет у меня Глинский, который приезжает сюда на ненадолго. Так что сегодня не придется работать в лаборатории, но вечером буду работать. Я не знаю, когда получу оттиски³, дай мне знать – неужели ты послала их не заказной посылкой? Тогда они пропали, что весьма неприятно было бы.

Заседание Общества испытателей природы будет 15.XI вечером; я не знаю, смогу ли к этому времени закончить свое сообщение, хотя мне бы хотелось им сообщить. Оказывается, что они уже предложили меня в члены и 15-го будут баллотировать⁴. Мне не хочется пройти, так сказать, не традиционным путем, а благодаря «протекции», а из библиотеки Общества они были так любезны, что уже выдают мне книги.

Присматриваюсь к здешней университетской жизни, к людям и ее условиям. И так несколько лет буду внимательно и старательно ее изучать, а там посмотрим. Поражает разрозненность, разброд здешней университетской жизни: ее здесь нет. Помнятся мне слова одного из старых петербургских профессоров, что теперь нет университетской жизни и что устав 1884 года⁵ совершенно подрезал ее. Я думал, что это преувеличение в пылу развития страстей, но, по-видимому, я ошибался. Здесь это ужасно ясно видно. В университетской жизни начинает играть роль Правление университета, в котором все члены назначены министром и только часть из профессоров; целый ряд профессоров примкнули к ним. И здесь, например на нашем факультете, дело обстоит так: старые лучшие почти все умерли, молодые лучшие держатся совершенно в стороне от университетской жизни и живут врознь, занятые вполне своим ближайшим делом, а целый ряд «темных» профессоров, не имевших никакого влияния прежде, теперь с помощью попечителя и правления орудуя все дело. Довольно сказать, что, например, потрачены деньги на химическую лабораторию, на здание для нее, и здание через год почти требует вновь ремонта, и половина здания отдается под квартиры! Всплывают какие-то темные дела, и начинают играть роль какие-то неслыханные раньше «советники правления»! А мелкая сошка открыто берет взятки. По словам моего одного старого товарища – теперь студента⁶ здесь, установилась «такса» педелям и служителям для записывания посещающих лекции и т.п. *Sic transit gloria mundi*⁷. С другой стороны, открываются для меня совершенно неожиданные вещи; я думал – по тому, что видел в Питере – что указания министерства⁸, будто целый ряд профессоров страшно недобросовестно читает лекции, манкируют – плод злой фантазии, но оказывается это верно! Целый ряд профессоров здесь это делали и теперь делают, и теперь как раз *persona grata*⁹ попечителя – так что устав 1884 года не пресек и этого злоупотребления. Я стараюсь и буду стараться несколько лет, присматриваясь к жизни и изучая университетскую жизнь в теории, разбираться в этой путанице и выработать себе вполне определенную мысль о реформе.

Крепко целую тебя, мою дорогую голубку, мою маленькую Тутю, и очень-очень тебя жду, мою дорогую. Хочется скорей под твое крылышко.

Целую Гагу¹⁰ и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 37, лл. 102–103.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² М.П. Сахарова.

³ Возможно, отгиски статьи В.И. Вернадского. См. комментарий № 1 к письму № 194.

⁴ В действительные члены Московского общества испытателей природы В.И. Вернадский был избран по предложению А.П. Павлова и Е.Д. Кислаковского 20 декабря 1890 г. С докладом в обществе на этом заседании В.И. Вернадский не выступал.

⁵ См. комментарий № 7 к письму № 233.

⁶ Очевидно, Осиневич. См. письмо № 236.

⁷ Так проходит земная слава (лат.).

⁸ Министерство народного просвещения.

⁹ Лицо, пользующееся особым расположением где-либо, у кого-либо (лат.).

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 241

4 ноября 1890 г., [Москва]¹

Воскресенье, 4-го

Дорогая моя Натуня, моя милая девочка, получил я мои оттиски², наконец, сегодня, а равно и почву. Купил диван и материю (диван – 25 руб., да материи на 15 руб.), две кровати, лампу, обеденный стол, два подсвечника. Был сегодня на квартире – там уже все почти прибрано, чисто. Шкаф в стене очень мал, так что надо купить буфет, а равно нужно заказать полки в кухню. Если мои бумаги придут к этому времени, то в четверг или в пятницу перееду, а затем скоро жду и тебя, мою драгоценную, милую девочку.

Сегодня занимался довольно плохо: что-то болит голова, кажется, моя мигрень – сейчас иду в университет, где частное заседание устроившегося кружка минералогов и геологов (Павлов, его ассистент³ etc.), может, головная боль пройдет.

От мамы получил уже накладную и на днях заеду узнать, пришли ли вещи.

Работать в лаборатории ни вчера, ни сегодня не мог – сегодня главным образом вследствие лени от головной боли. Кончил Гроту рефераты и завтра, должно быть, pošлю их ему⁴.

Мой светик ненаглядный, моя любимая девочка, очень сильно жду я вас, и скорее бы нам устроиться, здесь уже холода, но снегу нету.

Целую тебя крепко, Гагу⁵ и всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 105.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² См. комментарий № 3 к письму № 240.

³ Ассистентом А.П. Павлова был В.М. Цебриков.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 227.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 242

5 ноября 1890 г., [Москва]¹

Понедельник, 5.XI 90

Дорогая моя, родная девуня, моя милая, умная Тутя, как хочется уже скорее, скорее быть с тобою, с моею ненаглядной, родной рыбкой.

Я все по-прежнему работаю более или менее усердно, хотя несколько лениво – вахлчески, другими словами, делаю больше то, что интересует, чем прямо нужное с практической точки зрения. Познакомился вчера с одним здешним химиком, занимающимся кристаллографией, и сегодня ему надо будет показать некоторые приемы работы с оптическими приборами. Он говорит, что он думал уже ехать куда-нибудь учиться кристаллографии, так как здесь никто не мог показать ему обращение с приборами. Работа его интерес-

ная, и результаты получились уже. Верно, мне и в этом году придется целому ряду лиц показать обращение с приборами, частью студентам, уже прослушавшим курс Толстопятова, а частью и вот таким отдельным лицам.

Эти дни закрутили разные отвлечения от лаборатории, и я боюсь, что к 15-му² не окончу работы, сегодня опять частью придется быть в библиотеке, а частью возиться с разными мелочами. Эти дни мало писал диссертацию. Как медленно идет работа! Для диссертации прочел я около 600 работ, а ведь это капля в море, и это ничтожное количество по сравнению с тысячами работ, с которыми ознакомились те или иные работники и с которыми мне предстоит еще ознакомиться для всей моей работы, которой диссертация лишь часть! Получил вчера от декана медицинского факультета³ приглашение читать на медицинском факультете минералогию студентам медикам и фармацевтам с 1891 г., с января, а мои бумаги до сих пор еще не приехали из Питера! Вот ужасная вещь канцелярия! Я должен ответить и сегодня отвечу декану, что согласен взять преподавание минералогии на медицинском факультете, но что окончательный ответ могу дать лишь после утверждения меня в правах приват-доцента.

Программа испытаний минералогии медицинского факультета положительно ужасная. Самые важные отделы опущены, а зато внесены такие вопросы, о которых и говорить отдельно на лекциях не придется. Над курсом мне придется сильно поработать; на экзамене я буду лишь спрашивать (так как *de facto* и теперь экзамены делаются преподавателем) лишь то, что есть в программе, но в **моем** освещении; некоторые отделы программы не буду развивать на лекции и, следовательно, не буду спрашивать на экзамене; а на лекциях введу многое, чего на экзамене спрашивать не буду. Едва ли удастся хорошо поставить практические демонстрации с этого же полугодия, но понемногу их надеюсь поставить. А к лекциям надо все-таки заранее подготовиться – начну, как переедем на квартиру (жалко, что ты не выслала вещей раньше), а то с какой стати несколько сотен студентов будут страдать из-за того, что **мне** надо защитить магистерскую диссертацию.

Целую тебя, мою родную девуньку, Гагу⁴ и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 2, д. 31, лл. 148–149.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 220.

² См. комментарий № 4 к письму № 240.

³ Иван Федорович Клейн.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 243

[8 ноября 1890 г., Москва]

Дорогая моя Тутя, моя рыбочка, сегодня послал за вещами, пришедшими, вероятно, из С.-Петербурга, и сегодня принесут здесь заказанные вещи. Я начну завтра топить квартиру и сегодня куплю дров. Прислуга переедет туда завтра, и завтра же я закажу полки. Я перейду, как только получу бумаги, надеюсь, в субботу или в воскресенье; Сергею², который справлялся, сказали,

что задержка в высылке моих бумаг произошла потому, что Капустин уезжал на несколько дней; а теперь мне их на днях вышлют. Нет хуже бед, чем канцелярия! Здесь очень холодно, а снега нет; вчера мороз доходил до 20°, и я не знаю, как ты с Гагой³ поедешь. Не переждать ли вам? 15-го я читать не буду, так как при устройстве квартиры совсем не могу кончить работу. Тутька глупенькая, нечего волноваться, что надо тратить время на устройство: это дело житейское, да и всего немногих дней. Хочется, чтобы скорее вы приехали и вошло все в колею. Я думаю, мои ящики с почвой можно малой скоростью отправить сюда на Никитскую⁴. Сергей пишет, что книги скоро отправляются. Насколько помню, во всех комнатах по два окна. Москва при морозах меньше воняет. Работается так себе.

Целую тебя, Гагу и всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Наталье Георгиевне Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 37, л. 104.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 228.

№ 244

9 мая 1891 г., Москва

⟨№⟩ 1¹

Москва, 9 май 1891

Дорогая моя Натуся, моя милая девуня, все еще не знаю, как доехала ты², моя рыбка, мое сокровище, – боюсь, что сильно устала, – боюсь, чтобы не было очень тряско в последнем вагоне. Телеграмма твоя пришла очень поздно, получили ее лишь в 4 1/2 часа дня, и я был раньше весьма смущен. Сегодня был прекутерьмистый день, и теперь, вечером в 9 часов, когда я пишу тебе, я совсем устал. Подумай, утром в 9 1/2, как только что я встал, пришел Анцыферов, собственно к Александре Михайловне³, но так как к ней зашел ее молодой приятель, которого она ждала, то с Анцыферовым я все время просидел – часа 1 1/2! Разговор был все о Комитете грамотности – в общем интересный, и мне Анцыферов весьма нравится. Я к нему пойду в следующую пятницу. Вчера они решили меня выбрать в комиссию воскресных школ – я несколько и недоволен, и смущен, так как эти все комиссии уж очень меня смущают⁴. Еще эта лучше других. Ничего определенного я не отвечал. Едва успел уйти Анцыферов, явился Кислаковский, и мы с ним отправились к Соколову, у которого рассматривали часа два с лишним коллекцию статуй с Урала, из которой лучшие вещи приобретает университет. Меня этот разбор – таки утомил. Вернувшись, застал: 1) приглашение Сахарова быть крестным отцом его сына (Ehen, me miserum!)⁵, 2) приглашение Испытательной комиссии⁶ составить распределение билетов к экзамену и 3) заходили от Мензбира. Часа 1 1/2 просидел, исправил статью и от Мензбира узнал, что к 7-ми часам ждет француженка для исправления, был у нее (оставил до субботы на

исправление)⁷, у Сахарова и вернулся домой усталым. Еще ответил Миклашевскому, узнал адреса для Докучаева и напрасно пытался достать сюртук у корпуса – заперто. С Сахаровым объяснился, заявив ему, что я не отказываюсь, но считаю своей обязанностью предупредить его, что это религиозная церемония, а что я не только не православный, но даже не христианин, – я думаю, что это должно быть неприятно или является обманом для иных родных ребенка. Он обещал подумать и завтра даст знать.

Видишь, какая кутерьма, моя родненькая, золотая Тутя – так мне не достает тебя, моей умной, золотой головки, моих серых хитрых глазок. Что Гага?⁸ Так я жду писем. Посылаю тебе присланные письма мамы и из Полтавы. Георгий⁹ прислал план. Марье Ивановне¹⁰ написал несколько слов.

Целую тебя, мое сокровище. Береги себя, моя родненькая девонька. Поцелуй Гагу и всех наших.

Моя радость, любимая.

Твой Володя

Оп. 7, д. 38, лл. 1–2.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Н.Е. Вернадская уехала на отдых к Шаховским, которые жили по адресу: Ярославский уезд, почтовая станция Курба, село Михайловское.

³ Калмыкова.

⁴ При Комитете грамотности; в письме от 12 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «... я не понимаю, отчего ты колеблешься относительно того, соглашаться ли на их предложение сделать тебя членом комиссии воскресных школ. Ведь ты в принципе против этих комиссий, по крайней мере в той форме, (в) какой они теперь существуют. Зачем же тебе там работать. Меня вопрос этот смутил. Делаю тебе знак [поцелуем], который означает, что ты страшнее на словах издала и добренький ужасно на деле» (ф. 518, оп. 3, д. 257, л. 6 об.).

⁵ Увы, я несчастный! (лат.).

⁶ Московского университета.

⁷ Речь идет о диссертации: *Вернадский В.И.* О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах // *Bull. Soc. natur. Moscou.* 1891. Vol. 5, N 1. P. 1–100. М.А. Мензбир начиная с 1882 г. и до 1935 г. нес обязанности редактора всех изданий Московского общества испытателей природы. В журнале давалось резюме на французском языке (с. 165–169), поэтому в письме упоминается «французенка».

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Г.Е. Старицкий.

¹⁰ Старицкая.

№ 245

11 мая 1891 г., [Москва]¹

№ 2²

11 мая 1891

Дорогая моя Натуня, моя радонька, моя милая девуня, получил я вчера твое дорогое письмецо и ужасно был рад. Какая ты славная девуня что написала. Сегодня Митя³ приехал и совсем меня успокоил. Я надеюсь, что все будет хорошо. Я все эти дни никак не могу прийти в колею: слишком много видал людей и совсем не имею времени заниматься. Вечером вчера был проездом Конст. Степан.⁴ – он очень тебе кланяется и Елли Ивановне⁵, он едет к своим в деревню – надеется быть в начале июля в Тамбовской губернии и

тогда заехать к Любошинским, если будешь там ты. С ним и с Калмыковой мы гуляли в Кремле до 12 1/2 ночи! Александра Михайловна⁶ все еще здесь – сегодня уезжает и все по-прежнему рыщет по городу. Сегодня с утра были братья Шаховские, которые ищут друг друга, затем мы говорили с Митей и Александрой Михайловной почти до 12 часов дня, только что они ушли и я сел заниматься, как пришла Ек.Н. Янжул к Александре Михайловне – ее не застала, познакомилась со мной, и я завтра вечером к ним отправляюсь! Она мне довольно понравилась. Едва она ушла, как явился Деккер, и с ним пришлось идти в университет – выбрать кристаллы, он провалился на экзамене и едет за границу. Затем в университете задержал Любавин, потом пошел за справкой для ответа экзаменационной комиссии и Павлову и теперь, вернувшись, пишу тебе. У меня еще вечером поправление статьи! Просто прихожу в ужас от такой кутерьмистости! Подумай – и завтра: 1) утром у меня Деккер – набросать и свести программу кристаллографического исследования двух рядов органических соединений, 2) обедаю у Павлова, 3) вечер у Янжул – просто чувствую, что совсем-совсем не по-моему все это делается. Для отчета Докучаеву⁷ – ничего, для статьи – ничего. И Попов своими письмами меня весьма тревожит – боюсь, как бы не следовало бы больше пробыть там⁸. Иван Николаевич⁹ избавил, вследствие моих соображений, от роли крестного отца. Что ты думаешь об этом? Но знаешь, у меня просто душа вся поднимается при мысли о чтении «верую». Ведь это мое убеждение! Ведь я не могу быть индифферентным к религии. И в самом отрицании я чувствую себя религиозным. Было письмо сестер, что они презжают 15-го, а 25 будет Докучаев¹⁰, так что едва ли придется мне приехать между 20–29 мая, Докучаеву писал. Переписку немного привожу в порядок. Не пришлось быть у Ильинских, так как все эти дни был совсем загнанный [...]

Как-то ты устроилась, моя роденькая Тутя, мое золотое сердечко, моя любимая. Как хочется быть чаще и больше с тобой [...] Что Гага?¹¹ О фотографиях дал целую инструкцию¹². Заплатила ли за коляску Шаховскому?

Пиши мой светик, мое родное, глубоко любимое дитяtko, моя Тутя золотая.

Твой Владимир

Елли Ивановне кланяюсь. Всех наших целую. Прилагаю письмо Маши¹³, которое, конечно, не читал.

Оп. 7, д. 38, лл. 3–4.

¹ Это и последующие 10 писем были написаны В.И. Вернадским в Москве, так как до начала июня он из Москвы не выезжал. В письме В.В. Докучаеву от 8 мая 1891 г. В.И. Вернадский писал: «В Москве я буду до конца мая, так как 29 мая у меня экзамен» (Научное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 820).

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ Лерке.

⁶ Калмыкова.

⁷ См. комментарий № 1 к письму № 204.

⁸ Очевидно, В.И. Вернадского волновали письма от Попова – арендатора в имени В.И. Вернадского в Вернадовке.

⁹ Сахаров.

¹⁰ Очевидно, В.В. Докучаев приезжал в Москву для обсуждения проекта организации кафедр почвоведения в России. В связи с попыткой царского правительства закрыть Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства в 1891 г. была создана специальная Комиссия по вопросу о высшем сельскохозяйственном образовании в России, в которую вошел В.В. Докучаев. В письме В.И. Вернадскому от 20 апреля 1891 г. В.В. Докучаев писал: «А вот и просьба к Вам. 1) Мне нужно переговорить с Вами лично об одном важном (для почвоведения России) деле, почему я был бы очень рад найти Вас в Москве около 25 мая, я пробуду в Белокаменной 3–4 суток» (Научное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 819).

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² В письме от 11 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Не забыл ли ты заказать фотографии Гули и пойти за своими фотографиями? Не потерял ли расписок?» (ф. 518, оп. 3, д. 257, л. 5).

¹³ М.С. Гревс.

№ 246

13 мая 1891 г., Москва

№ III¹

13.V 91, Москва

Дорогая моя Натуня, моя милая, славная девунька, вчера получил я твое письмо и так рад, что тебе хорошо, и я так сильно, страстно хочу, чтобы тебе все время было так же хорошо. Моя радость, любимая, моя деточка. Эти дни я все не вхожу в колею, и все разные отдельные дела отвлекают меня от начатых научных работ, от чтения и от отчета Докучаеву². Вчера большую часть времени провел в гостях, частью у Павлова, частью у Ивана Ильича³ – где и было заседание той комиссии Комитета грамотности, куда меня выбрали, оказывается, по настоянию Петрункевича, было всего 5 человек, и в общем у меня несколько неопределенное впечатление в том смысле, что я был в частном заседании и не знаю, насколько деятельность будет тормозиться общими собраниями всего Комитета грамотности и всей комиссии. Если от этого тормозящего влияния удастся избавиться, несомненно, можно сделать многое...

У меня все сильнее и сильнее впечатление, что под давлением, под нынешней реакцией начинается и идет новое, живое течение и это будет время, когда оно проявится. Следствие ли это беспорядочной циничности реакционного движения или начинающаяся новая «реакция»? С Митей⁴ хорошо говорили мало, но я думаю – мы так удивительно близко думаем, что нам особенно сговариваться и нет надобности. К проекту журнала Митя отнесся осторожно, но обусловил свою веру в него участием Федора Измайловича⁵. Теперь надо ждать. От Сергея⁶ ответа нет. К Янжулам я не поспел вчера и буду у них сегодня или завтра с визитом. Вследствие моего страха болтовни и одной болтовни в Комитете грамотности у меня, как реакция, является стремление приводить быстро решения в исполнение, и я несколько сам удивляюсь прыти. Кажется, удастся основать в Москве библиотеку нового типа – об этом на днях сговоримся.

С фотографиями пришли инструкции, до сих пор я ничего не делал, да и не знаю, что делать, так как ты поручила все Александре Михайловне⁷.

Относительно движений Гаги⁸ и его привязанности к тем, которые входят в эти его интересы, – мне эта мысль никогда не приходила в голову, и я ду-

маю, что ты права. Я так глубоко, глубоко верю, как много можешь ты дать и дашь Гаге. Моя родная птичка. Гагу поцелуй хорошенько.

Елли Ивановне⁹ кланяюсь, наших целую. Моя родненькая, золотая девуня.

Твой Владимир

Письма Маши¹⁰, конечно, не читал.

Оп. 7, д. 38, лл. 5–6.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 1 к письму № 204.

³ Петрункевич.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ Родичев.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

⁷ Калмыкова.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Лерке.

¹⁰ М.С. Гревс.

№ 247

14 мая 1891 г., [Москва]¹

14.V 1891, вечер

Дорогая моя, родная Натуся, моя милая девунька, сегодня получил я твое письмо и ответу сейчас на него. Еще на раньше бывшее письмо не отвечал я, что твои листики с выписками поищу и тогда вышлю². Ты спрашиваешь, почему я не отказался решительно относительно комиссии³ в Комитете грамотности – вот почему: мне сообщили не о желании выбрать меня, а о **состоявшемся** выборе, и так предложить меня, очевидно, могло только лицо, ко мне более или менее близкое, и я догадывался, что меня предложил Иван Ильич⁴, – из близких мне на заседании, кроме него и Калмыковой, никого не было. Оттого я до поры до времени не сказал ни да, ни нет. Затем, как знаешь, был на заседании и сегодня еще с Иваном Ильичем, у которого я был, говорил об этом заседании. Оно на меня произвело двоякое впечатление, и приемы мне очень не нравятся, но, может быть, можно кое-что сделать. Я думаю, впрочем, что напрасно Иван Ильич поспешил и сам войти, и меня ввести туда. Сегодня должен был с ним видаться, но вследствие его халатности потерял часа 3–4, ничего не сделал, и так как к нему пришли гости, то я часов в 10 ушел и теперь пишу тебе. Постоянно вспоминаются слова Докучаева, что русские люди не только своего времени не ценят, но и чужое и в грош не ставят! От Сергея⁵ получил письмо, что надо сейчас же списаться с Митр. Ив.⁶, иначе «Северный вестник» перейдет в другие руки – но, как обстоят дела, я думаю, списываться не стоит; никто из нас не может сейчас же взять дело в свои руки, следовательно, надо снова ждать⁷. Завтра еду с Сахаровым и Иваном Ильичем к Миклашевскому⁸. Работалось мало эти дни – жары стоят невозможные – вечером, часов в 9 1/2, после захода солнца больше 25°, и, говорят, в тени перевалило за 30° – притом сушь, так что и я эти жары выдер-

живаю с трудом. Гадость порядочная. Читал больше журналы новые – «Русскую старину»⁹, «Nature»¹⁰, «Revue des sciences génér»¹¹ и тому подобное. Вчера сдал в печать свое французское résumé¹². В общем работается плохо, часто вследствие того, что с послезавтра у меня начинаются экзамены. За все это время чаще всего мысль обращалась к далеким от жизни вопросам о молекулярном строении вещества и о странных аналогиях, представляющихся уму при принятии одной не вполне изысканной теории Вант-Гоффа. Получается «парадокс» – что «пустое» пространство не пусто, иначе не будут получаться те законы газов, какие мы имеем. Вывод может быть интересен, так как допускает применение измерения, если бы теория была доказана. Но ее сторонники этого вывода не делают; его можно формулировать так: или эфир, заполняющий все пространство, аналогичен по свойствам с весомой материей, или есть больше 3-х измерений! Но оставим это. Чувствую, натыкаюсь на каждом шагу, полную неподготовленность свою во всех вопросах, а систематически работать – лень!

Что мой Гага?¹³ Читала ли защиту розог и тому подобных наказаний в «Гражданине» с педагогической точки зрения?¹⁴

Целую всех наших. Елли Ивановне¹⁵ поклон. Что ты ешь? Как устроилась с платой?

Целую тебя очень крепко, мою родную, любимую. Как бы хотелось быть с тобой.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 7–8.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 245.

² В письме от 11 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Дорогой, отыщи в моей папке с выписками – 2 или 3 листочка, где я выписала факты о памяти Гули из первых его дневников. Вышли мне эти листочки поскорее» (ф. 518, оп. 3, д.257, л.4 об.).

³ Комиссия воскресных школ. См. письмо № 244.

⁴ Петрункевич.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ Возможно, Митрофан Иванович Свешников.

⁷ В письме от 18 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Отчего никто из вас не может сейчас же взять “Северный вестник” в свои руки. А Иван Ильич, а Федор Измайлович, а привлечение Мити и Адьки. Мне жаль, что у вас теперь менее решительное настроение относительно возможности и необходимости устройства этого дела. Отчего вы решили, что никто не может сейчас заняться журналом всецело. А Иван Ильич? Он ведь свободен. И Федор Измайлович, Мите же гораздо более по душе была бы деятельность в журнале, чем потягивание гимназической лямки. Мне ужасно жаль, если Митя уйдет в гимназию, в уроки. Конечно, есть нужно и семья большая. И журнал и для него был бы выходом. Адьку это бы оживило, он бы воспрянул духом, вышел бы из теперешнего своего тяжелого настроения. И если это невозможно теперь, то когда же это будет возможнее, когда Иван Ильич, Федор Измайлович (отказывающийся от должности) будут свободнее, когда обстоятельства жизни общие и личные будут менее сложны. Не есть ли это решение ждать признаком отсутствия силы, веры? Меня мучает этот вопрос. Я сознаю, что приниматься за дело, не обдумавши положение, силы [...] – очень легкомысленно. Но если есть люди налицо, могут быть средства, есть возможность создать дело нужное и важное, в чем же остановка, отчего так часто у нас таким возможным, близким в разговорах кажется осуществление известного дела [...] А как приступать нужно к делу – охлаждение, раздумывание и пр. и пр. Что это – отсутствие веры в себя, в идеал, или слишком мы легко воспламеняемы и легкомысленны в этих порывах, или и тут сказывается русская халатность, отсутствие инициативы. Слишком трудна жизненная, настоящая борьба с трудны-

ми условиями общей жизни» (ф. 518, оп. 3, д. 257, лл. 16–19 об.). Позднее в письме от 20 мая Н.Е. Вернадская писала: «Прочитав твои строчки о журнале и услышав от Шуры (А.П. Ольденбург) о положении «Северного вестника», поняла, что была несправедлива в своем настроении, о котором писала тебе» (ф. 518, оп. 3, д. 257, л. 20 об.).

⁸ Очевидно, Александр Николаевич Миклашевский.

⁹ См. комментарий № 8 к письму № 188.

¹⁰ См. комментарий № 3 к письму № 186.

¹¹ Очевидно, это «Revue générale des sciences pures et appliquées» – журнал, выходивший в Париже.

¹² См. комментарий № 7 к письму № 244.

¹³ Г.В. Вернадский.

¹⁴ К. Воскресная беседа. Дети и наказание // Гражданин. 1891. 12 мая. № 130.

¹⁵ Лерке.

№ 248

16 мая 1891 г., Москва

16, май, 1891, Москва, утро

Дорогая моя, мое сокровище, моя Тутя любимая, вчера вечером приехал в Москву, где застал 2 твоих письма – заказное и простое. Моя радость и сокровище, моя любимая Натуся, моя рыбка – так тяжело, что я не вместе с тобой, с моей единственной. Сегодня же я отправляюсь по делам и в поиски за квартирой. Сперва отвечу на твои письма, моя роденькая. Тутя такая удивительно аккуратная и обо всем заботится, – меня так радует, так дорого в тебе этот всюду проявляющийся дух – эта сознательность в жизни. О деньгах напишу позже, после того, как побываю в банке. Я торопил тебя написать Спинову – ему написала о том же и Мария Ивановна¹ – не для более быстрой уплаты Марку², а для уплаты долга в 1500 руб., срок которого в конце августа. Аннушка подыскала, по-видимому, весьма мало квартир, говорит – из тех, что подыскивала, сильно нанимают, да и дороги довольно квартиры. Относительно дивана посмотрим, как будет с квартирой, – в случае чего его можно отправить в Вернадовку. Красный шкаф напрасно выписала – его так любит Маша³, а нам он вовсе не так важен. Ивану⁴ я послал из Полтавы маленькую карточку⁵.

О Тьере: я очень, очень рад, что ты так живешь теперь среди «политических» впечатлений, мне кажется, характеры времен революции у Тьера несколько преувеличены, менее люди, чем они были на самом деле: сказалось влияние романтизма, одновременных характеров драм В. Гюго и т.п. Личность Тьера сама по себе представляет большой интерес – как бы то ни было, это был один из самых замечательных французских государственных людей текущего столетия. Он действительно был первым президентом 3-й Республики – благодаря ему главным образом и утвердилась республика во Франции (хотя едва ли сам он был республиканец). Плохим или нет президентом он был, не знаю, но ему обязана Франция беспощадным кровавым подавлением Коммуны 1871 (г.), когда десятки тысяч народа – парижан, в том числе женщин и детей, были расстреляны, высланы на смерть. Это вызывает до сих пор к нему нескрываемую ненависть значительной части французского народа. С его точки зрения – умеренно устойчивой буржуазной (?) республики – это, может быть, было необходимо. Но, во всяком случае, это ужасно.

В августе я не буду писать отчета – отчет по уезду должен подать в октябре⁶, а в августе хочу написать небольшую предварительную заметку. О нравственности etc. напишу в другой раз⁷.

Наташа – могла ли бы ты перевести биографию Гладстона с английского?⁸ Тогда я бы ее (написана Расселем) выписал, и мы издадим. Ответ скорее.

Елли Ивановны⁹ мне совсем не надо – это лишняя трата денег, и я справлюсь сам. В неделю надеюсь закончить. Напиши вкратце, что ты писала Мих. Викт.¹⁰

Когда поедет М. Ант.¹¹ Конечно, если мы не переедем в это время, я постараюсь устроить ее возможно лучше, и у нас место, как знаешь, есть.

Целую тебя, всю мою неоценимую, **мою** Тутю. Гагу¹² и наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 22–23.

¹ Старицкая.

² М.М. Любошинский.

³ М.С. Гревс.

⁴ И.М. Гревс.

⁵ Очевидно, фотографию сына. В письме от 15 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «О фотографии Гули: зайди к фотографу и закажи 3 больших его фотографии и 2 дюжины маленьких» (ф. 518, оп. 3, д. 257, с. 13 об.).

⁶ *Вернадский В.И.* Кременчугский уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губернии. Естеств.-историч. часть: Отчет Полтавскому губернскому земству. СПб., 1892. Вып. 15.

⁷ Речь идет, очевидно, об ответе Н.Е. Вернадской на замечание В.И. Вернадского о невозможности кому-либо из друзей взять на себя издание «Северного вестника». См. комментарий № 7 к письму № 247.

⁸ Возможно: *Gladstone W.E. Russel's. Life in the Queen's Prime Ministers Series.* 1891.

⁹ Лерке.

¹⁰ Михаил Викторович Зарудный, двоюродный брат Н.Е. Вернадской.

¹¹ Очевидно, Мария Антоновна Любошинская.

¹² Г.В. Вернадский.

№ 249

17 мая 1891 г., Москва

17.V 1891, Москва

Дорогая моя Натуня, моя милая, родненькая, так я рад, что ты себя лучше чувствуешь в деревне. Я желаю иметь от тебя, однако, более подробных сведений: 1) о твоей еде, 2) сне и т.п., о чем ты мне совсем в последнем письме не пишешь.

Сперва на твои вопросы. О фотографии Гули¹ – сделаю.

Относительно Маши²: мне представляется очень нехорошим с твоей стороны не ехать теперь к Ане³. Мне кажется, что в этом и проявляется та черствость наших отношений, на которые жаловались не раз люди, не принадлежащие к нашему тесному кружку. Они хороши, близки, милы – пока нет («братца»!). Я не вижу никакого исхода, как и Маше ехать к Ане. Меня Гревсы сердят своими поздними решениями и вообще излишней заботой

и разговором о самих себе. Так трудно решить, но на меня неприятно подействовала одна мысль твоя не ехать к Ане, чтобы пожить с Машей...

У меня начались экзамены – эти два дня они были. Отвечают плохо, частью истомленные жарой и экзаменами. Я двух-трех прогнал и поставил даже одну двойку (которую, впрочем, сегодня после вторичного опроса переменял на три). Сегодня отвечают лучше. Приблизительно двум третям поставил 3. Ужасно неприятная вещь эти экзамены!

Был проездом Александр⁴, а сегодня у нас Шура⁵. Александр произвел на Меня очень неожиданное впечатление какой-то мягкости и нежности. Эта сторона его мне раньше была скрыта. Он был у Ани⁶, вернулся расстроен несколько (Ане не лучше). Вечером я свел его с Петрункевичем, Сахаровым в Петровском и Миклашевским, и мы долго и много говорили. После переговоров с ним и т.п. вопрос о «Северном вестнике», решили отрицательно, но о журнале в той или иной форме все яснее и настоятельнее мысль. Не говоря всех планов, говорили с Миклашевским. Чувствуется недовольство «Русскими ведомостями» и необходимость газеты. Кажется, и я убежден, что в той или иной форме вещь осуществимая и будет.

За это время видался с Петрункевичем и хорошо. Времени нет даже на чтение. **Напиши скорее Маше: Гольштейн не высылают!!!**

Я думаю, что удастся с осени открыть библиотеку в Москве.

Кончаю – поздно. Целую тебя очень крепко, мою родную, милую Натуню, мою единственную любимую. Гагуна поцелуй.

Твой Владимир

О приезде Л. и М. Бекарюковых – очень, конечно, рад.

Оп. 7, Д. 38, лл. 9–10.

¹ Г.В. Вернадский.

² М.С. Гревс.

³ А.Е. Любошинская.

⁴ Очевидно, А.С. Зарудный.

⁵ Очевидно, А.П. Ольденбург.

⁶ Очевидно, у сестры – Анастасии Сергеевны Зарудной, которую в семье звали Аней.

№ 250

20 мая [1891 г., Москва]¹

Понедельник, 20 мая

Дорогая моя, родная Натуня, пишу открытую карточку, так как боюсь, что не пойдет мое письмо: вчера был я у Янжул, попал на «званный вечер» (рождение Екатерины Николаевны)² и пришлось пробыть до 2-го часа ночи! В общем мне у них понравилось, но особенно привлек к себе Чупров? – это, должно быть, чудесный человек. С ним я познакомился и осенью буду у него. Сейчас иду на экзамен – у меня сегодня с 9 1/2 часа утра экзамен в государственных комиссиях, а с 4 часов дня экзамену ю медиков.

Крепко целую тебя и всех наших. Как доехала бедненькая Шура³ – мне так тяжело, что ей не удалось лучше устроить. Береги себя, родная. Что Гага?⁴

Твой Владимир

Напиши маме.

На обороте: Ст. Курба, Ярославского уезда, Ярославской губернии, Ее сиятельству княгине Анне Николаевне Шаховской с просьбой передать Н.Е. Вернадской.

Оп. 7, д. 38, л. 11.

¹ Год и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Янжул.

³ А.П. Ольденбург.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 251

23 мая 1891 г., [Москва]¹

Дорогая моя, родненькая, моя Натуся, моя радость, серденько мое. Очень меня Митя² подбивает ехать с ним, и хочется, и нельзя до конца университетского семестра. Я что-то давно не имел от тебя писем, и мне страшно хочется повидать тебя, мою родную, дорогую девоньку. В начале июня я буду у тебя, а теперь, должно быть, не буду. Завтра поеду на экскурсию в окрестности Москвы, 29-го приезжает Докучаев, и с ним также сделаю экскурсию. Может, позже проеду на день-другой в каменноугольные копи здешнего бассейна и оттуда уже прямо к тебе. Аннушка³ ищет квартиры и пока неудачно. Вино тебе посылаю с Митей – коньяк я взял кавказский, крымский не нашел. Написала ли ты моей маме? Я потерял ее дачный адрес! Бандажиста хвалят Кирхена на Тверской улице.

Я очень боюсь, что я так плохо исполняю твои поручения, но я был завален работой, а эти дни мне несколько не по себе: немного болит голова.

Приехала вчера ко мне Зоя Алексеевна с Анастасией Сергеевной⁴, с которой она мучается и не может справиться, так как обе они характером схожи. Сегодня я к ним отправляюсь.

Это время мало работал – больше читал новые журналы научные, Кенана, Пушкина – думалось немного. Вчера в «Edenb. Review» прочел интересную статью о древней живописи Помпей⁵. Надо бы привести в порядок переписку, да как-то не хочется.

Целую тебя всю, мою драгоценную. Гагу⁶ поцелуй. Всех наших также.

Твой Владимир
23 мая 1891

Как хочется скорее быть с тобою.

Оп. 7, д. 38, лл. 12–13.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 245.

² Д.И. Шаховской.

³ Прислуга Вернадских.

⁴ Зарудные.

⁵ Очевидно, журнал «The Edinburgh Review or critical journal» (см. комментарий № 9 к письму № 296), указанной статьи за этот год не обнаружено.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 252

24 мая 1891 г., [Москва]¹

Дорогая моя, родненькая Натуня, несмотря на всю соблазнительность ехать с Митей², я решил остаться. Кроме всего прочего, я заявил студентам, которые у меня получили 3, что согласен их переэкзаменовывать, раз это поможет их переходу на 2-й курс, и хотя, кажется, они все перейти не могут (так как декан заявил, что могут переэкзаменоваться лишь те, которые по другим предметам получили 4 или 5, а у них по физике – 1, а по большинству других – 3), но все же мне лучше остаться. Теперь скоро, в начале июня, я буду с тобой и пробуду с неделю. С Митей посылаю вино, № «Русских ведомостей» – интересно, о новом открытии Эдисона³ и об открытии детской больницы в Москве⁴ и определитель растений.

Чувствую себя так себе. Крепко целую тебя, мою дорогую, любимую Натуню. Также Гагуна⁵.

Твой Владимир
24 май 1891

P.S. Сегодня послал и другое письмо.

Оп. 7, д. 38, л. 14.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 245.

² Д.И. Шаховской.

³ Д. Новое изобретение Эдисона // Русские ведомости. 1891. 24 мая. № 140.

⁴ Открытие детской больницы им. М.А. Хлудова // Там же.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 253

27 мая 1891 г., Москва

27.V 1891, Москва

Дорогая моя, родная Натуся, моя рыбонька, теперь уже скоро буду с тобой, с моей дорогой птичкой. Вот мои планы. 29-го у меня экзамен, 29–30 будет Докучаев, и с ним я пробуду дня 3¹, затем на следующий день после того я проеду на большую экскурсию с Соколовым в Серпухов, Тарусу, Алексино, где осмотрю каменноугольные копи, железные рудники и завод, ломки известняка². Продлится она дня 2–3 и будет стоить рублей 10. Оттуда я проеду к тебе, и 12-го июня мы выедем с тобой – ты потом отправишься к Ане³, а я поеду в Полтаву⁴ и уже из Полтавы приеду к тебе в Тамбов. Работаю я это время мало, только читаю – теперь читаю «Русскую старину» за старые годы (много интересного о декабристах и т.п.)⁵, Аристофана и новые научные журналы. Аристофан меня переносит в древнюю жизнь – вообще едва ли кто может переносить так полно в жизнь прошедшей эпохи, как комики.

Ежедневно мне приходится объясняться со студентами, получившими 1 из физики и у меня 3. Они хотят получить 4 и бегают с клякчем к попечителю, декану, профессорам. Я лично согласен переменить балл после переэкзаменовки, если они мне ответят на 4, но переэкзаменовку им можно дать лишь с разрешения декана. Я думаю, впрочем, что беды большой не будет, если эти студенты не перейдут на другой курс и выйдут из университета или перейдут на другой факультет: послаблениями здесь понижается уровень студенчества. А приемы всех этих оставленных далеко не симпатичны. В будущем году надеюсь поставить правильно практические работы и тогда буду иметь право относиться на экзамене строго. Мне не раз приходилось в разговорах с этими «потерпевшими» переносить вопрос на общую почву (у меня было их около 10), и меня поражало неумение их мыслить вне сферы узкой – практических [жизненных] интересов или буржуазность, если не хуже, всех их интересов. Может быть, здесь снисходительность прямо преступна. Я имею больше других профессоров возможность судить о справедливости их отметок по физике, так как есть общие отделы с минералогией: невежество удивительное!

Вчера были у меня Петрункевич и Миклашевский – разговор был самый общий, но кое-что интересное – за лето для нашего кружка. А. Миклашевский приготовит реферат «О законах в политической экономии» и т.п. Я думаю, что будет возможно в будущем году поставить дело интересно и правильно.

Ты спрашиваешь об обязательном обучении⁶ – я думаю, что больше согласен с тобой, чем с Шурой⁷, и вот на каких основаниях:

1. Переносить вопрос на почву «ограничения» свободы личной нельзя, так как *de facto* этот элемент всегда присутствует, т.е. дозволение родителям не учить своих детей грамоте отражается не на родителях, а на детях, следовательно, относительно детей является принуждением и стеснением всей их будущей деятельности в этом случае.

2. Вопрос о коренных правах человека не может иметь здесь места, так как на основании этих прав родители имеют право требовать, чтобы их детей не заставляли учить вещей, которым они не верят, например известным религиозным верованиям, известным политическим идеям etc. И только мы в России как раз страдаем от такой постановки задач и требований. Но вопрос об обязательном обучении касается совсем иного: вопрос идет об доставлении детям единственной серьезной возможности добыть какие-нибудь идеи и единственной возможности принятия участия в жизни и государственном управлении. А лишать этой возможности кого-нибудь не имеет права ни один гражданин, ни даже отец сына, так как и у «сына» есть права человека. Вопрос о пределах и размерах подобных обязательных требований стоит вне всякой связи с основным допущением теоретического права подобного требования со стороны государства.

3. Для государства демократического вопрос об обязательном обучении является фактически одним из самых важных. Демократическое государство требует участия, того или иного, всех граждан в управлении. А это участие, несомненно, может быть сознательным только при владении всеми гражданами грамотностью и известным *minimum*'ом образованности. Иначе демократизм будет лишь на словах, и всегда будет сильная возможность всяких царизмов и т.п. В возможно быстром и полном проведении обязательного

обучения я вижу один из краеугольных камней прочности демократического строя.

Отчего ты читала декларацию 1791 <г.> – она совсем малоинтересна, так как на нее наложила печать уже реакция. Возьми декларацию⁸ 1789 <г.> или американскую⁹.

Для Нины¹⁰ очень трудно так сразу придумать что-нибудь, особенно из французских авторов!¹¹ Из Тэна я бы выбрал скорее другое, чем ты, например «Hist. de la literature ang.»¹², очень хорошенькая книжка **Ренана**: «Histoire de ma vie»¹³ или его же «Les trois premiers siècles du christianisme» (Hibbert-lectures – превосходная книжка)¹⁴ и т.п., Милль о религии¹⁵ у меня был: его взял или Яроцкий, или Иван¹⁶ (или Клейбер?).

В его мнении о христианской религии, тобою приводимом, я, противно тебе, вижу прямое доказательство отсутствия смелости мысли и прикрытие своих мыслей словами, в сущности выражающими совсем иное.

Крепко целую тебя, мою дорогую, родную Натусю. Гагу¹⁷ также. Это ужасно, если он станет плаксой! наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 15–17.

¹ См. комментарий № 10 к письму № 245.

² Экскурсировал В.И. Вернадский с Владимиром Дмитриевичем Соколовым, об этом эпизоде из жизни отца Д.В. Соколов написал: «В начале девяностых годов он работает в области каменноугольных отложений на берегах р. Оки, в родном Алексинском уезде, и пишет весьма интересную статью (см.: *Соколов В.Д.* Материалы для геологии Алексинского уезда Тульской губ. // Бюл. МОИП. 1892., № 1. – *Ред.*), богатую, кроме геологического, новым в то время геоморфологическим содержанием» (*Соколов Д.В.* В.Д. Соколов: (Жизнь и деятельность). 1855–1917. М., 1940. С. 13).

³ А.Е. Любошинская.

⁴ Речь идет о продолжении работ по обследованию Кременчугского уезда Полтавской губ., которые В.И. Вернадский проводил летом 1890 г. (см. письма № 189–206). В письме от 20 апреля 1891 г. В.В. Докучаев писал В.И. Вернадскому: «Не будете ли Вы наступающим летом в Полтавской губернии? Вам было бы весьма полезно еще раз посетить (конечно, за Ваш счет) Градижск и еще кое-какие места Кременчугского уезда. Сам я тогда буду (за свой счет) экскурсировать в Полтавской губернии в течение 1–1½ месяца». В ответ на это письмо В.И. Вернадский 8 мая 1891 г. писал: «В Полтаве я думаю быть в начале или середине июня – хочу заехать навестить родных. Оттуда постараюсь проехать в Кременчуг–Градижск. Меня, впрочем, больше всего интересует местность около Ламанного и в других оврагах по Днепру: тут у меня есть недочеты, да и в иных случаях совершенно непонятно строение места (овраг около Манжелев). Всего у меня в распоряжении будет дня 4–5» (Научное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 819–820).

⁵ См. комментарий № 8 к письму № 188. О декабристах см., например: День 14 декабря 1825 г. в С.-Петербурге // Русская старина. 1885. Т. 46. С. 665; Михаил Александрович фон-Визин, декабрист, в воспоминаниях М.Д. Францовой // Там же. Т. 43. С. 283–308; *Якушкин В.Е.* Матвей Иванович Муравьев-Апостол, декабрист: Очерк // Там же. 1886. Т. 51. С. 151–170; Воспоминания Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, записанные Алекс. Петр. Беляевым в 1883 г. // Там же. Т. 51. С. 519–552; Воспоминания декабриста А.П. Беляева о пережитом и пережитом с 1803 г. // Там же. Т. 45. С. 653–670; Т. 48. С. 553–568; 1886. Т. 49. С. 377–398; Т. 52. С. 285–310 и др.

⁶ В письме от 25 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Мы с Шурой кончили Милля. У нас возник спор: как относиться к обязательному обучению детей грамоте. Есть ли это нарушение свободы? Шура думает, что это нарушение. А по-моему, необходимо поставить это обязательство, потому что иначе вся духовная жизнь ребенка в руках отца, который может не пожелать,

чтоб он учился читать. Это слишком большой простор для деспотизма семьи» (ф. 518, оп. 3, д. 257, лл. 28–28 об.).

⁷ А.П. Ольденбург.

⁸ Декларация прав человека и гражданина – программный документ Великой французской революции, принятый Учредительным собранием 26 августа 1789 г. Вошла составной частью в конституцию 1791 г. Текст декларации см., например, в сборнике: Helie. Les constitutions de la France. P., 1880.

⁹ Декларация независимости 1776 г. – акт, которым 13 североамериканских колоний Англии объявили себя независимым от нее союзом государств (штатов). Текст декларации см., например: United States: Declaration of Independence. N.Y., 1917.

¹⁰ Н.Е. Старицкая.

¹¹ В письме от 20 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Если возможно, достань Нине биографию Грановского, написанную Станкевичем, и вышли ей. Не посоветуешь ли ты ей какие-нибудь французские книги. Я ничего не придумую. Написала ей только об “Essais” Тэна [...] Ей очень важно почитать что-нибудь хорошее» (ф. 518., оп. 3, д. 257, лл. 22–22 об.).

¹² *Taine H.A. Histoire de la litterature anglaise.* P.: L. Hachette, 1863. Vol. 3.

¹³ Точное название работы установить не удалось.

¹⁴ *Renan Ernest. Les trois premiers siecles du christianisme.* London; Edinburgh: Williams and Norgate, 1880.

¹⁵ *Mill J.-St. Essais sur la religion.* P.: G. Bailliere, 1875.

¹⁶ И.М. Гревс.

¹⁷ Г.В. Вернадский.

№ 254

30 мая 1891 г., Москва

30 май 1891, Москва

Дорогая моя Натуня, моя милая, дорогая девонька, вчера у меня кончились последние экзамены; отвечали недурно – это были естественники 2-го курса, те, которые слушали часть моего курса. Теперь сижу и жду Докучаева¹, которого очень надо было бы повидать, и через дней 5–7 надеюсь свидеться с тобой, с моей дорогой, родной девонькой. Здесь холода, дожди – вообще ужасная погода, то же самое и всюду почти в России. Страшное время! Вчера видел Митю², говорил не много (сидел его брат)³, вчера уехали Бекарюковы, которые провели здесь дня 2. Попов пишет из деревни, что урожай будет, вероятно, очень плох – то же самое видно и по газетам. В некоторых местах (например, Новомосковск, Екатеринослав) уже начались болезни, голод и голод! Тамбовская губ. будет одной из плохих. По словам Попова, он за 23 года не запомнит такого тяжелого года – в окрестных местах нужда. И здесь повздорожал хлеб. Я думаю, мы пробудем у Шаховского до 10–11, а затем ты отправишься к Ане⁴, а я в Вернадовку, откуда уже проеду в Полтаву, а затем к Марку⁵ и через Вернадовку вернусь в Москву. В сущности говоря, З.А.⁶ хорошо сделала, что послала деньги Гревсам: они у нее лучшего употребления не нашли бы. Она взяла у меня 100 руб., которые пришлет в Полтаву мне назад. У тебя была Якунчикова⁷ и привезла Bromidium. Меня очень смущает, что нет моих препаратов: пусть Маша⁸ скорее справится у Гольштейн. Ни в какую таможду, раз адресованы в университет, они идти не могли⁹.

Я эти дни мало работал. Все мое время шло на кое-какое чтение, на возню с экзаменами, объяснения со студентами. Удивительно развита здесь система попрошайничества со стороны студентов! Иногда понятна, как вчера, – не знаю, как быть в таком случае: Павлов поставил одному студенту из мине-

ралогии 2 (мы оба экзаменовали одновременно), тот после стал просить дать переэкзаменовку. Так как этого студента я знал в лицо – он бывал на практических занятиях (работал, однако, неважно), и вообще давно готовился к экзамену, то мы переправили ему 2 на 3. Позже, по словам товарищей его, оказывается, что он по всем предметам работает много, знает мало. Неспособный. Как быть в таких случаях?

Подумываю о будущем курсе, не знаю, как удастся его поставить. Хочется поставить курс ближе к практическим занятиям и связать эти части вместе. Недавно читал чрезвычайно интересные воспоминания Никитенко¹⁰, Валуева¹¹ и Колмакова¹² в «Русской старине», а также автобиографию Либиха в «Deutsche Rundschau»¹³, теперь читаю Дельбёфа (Pourquoi mourons-nous? В «Revue Phil.»)¹⁴ – все те же вопросы в связи с работами Мопя. Интересны методологически.

У меня часто бывает Михаил Викторович¹⁵ – без места и вообще его нельзя так оставить, но как быть?

Мое родное серденько. Целую тебя, Гагу¹⁶, наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 18–19.

¹ См. комментарий № 10 к письму № 245.

² Д.И. Шаховской.

³ Очевидно, Сергей Иванович Шаховской.

⁴ А.Е. Любошинская.

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ З.А. Зарудная.

⁷ Возможно, мать В.А. Гольштейна – Якунчикова.

⁸ М.С. Гревс.

⁹ В письме от 20 мая 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Маша писала мне, что ящики твои уже высланы, потому не понимаю, что значит, что ты их не получаешь. Может держат в цензуре» (ф. 518, оп. 3, д. 257, лл. 21 об. – 22).

¹⁰ См. комментарий № 10 к письму № 188.

¹¹ Дневник графа Петра Александровича Валуева // Русская старина. 1891. № 4. С. 167–182; № 5, С. 339–360; № 6. С. 603–616.

¹² Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания // Русская старина. 1891. № 4. С. 23–43; № 5. С. 449–469.

¹³ Liebig Justus von. Gigenhädige biographische Auszeichnungen // Deutsche Rundschau. В., 1891. Bd. 66. S. 30–39.

¹⁴ Delboeuf J. Pourquoi mourons-nous? // Rev. philos. France l'étran. 1891. Vol. 3. p. 408–427.

¹⁵ Зарудный.

¹⁶ Г.В. Вернадский.

№ 255

2 июня 1891 г., [Москва]¹

2, июнь, 1891

Моя дорогая, родная девонька, пишу немного, так как, завтра думаю выехать и, следовательно, может быть, буду раньше письма. Может быть, впрочем, выеду послезавтра. С Докучаевым виделся² – в Полтаве с ним встретился³. Вчера он уехал. Отчет⁴ я могу представить не к 1 сентября, а к 15 октября, следовательно, могу пробыть вне Москвы до 1 августа. Теперь здесь мне

надо только закончить кое-какие работы, надо до 1-го июля послать Деккеру⁵ измерения, что я думаю сделать или частью завтра, частью 12–13, когда для этого останусь день-другой в Москве: затем проеду в Вернадовку, к Марку⁶ и в июле в Полтаву (с Докучаевым). Надо покончить с рефератом Гроту⁷, что сделаю в Михайловском, – заберу туда книги и вот боюсь, не придется ли остаться до вторника, так как библиотека открыта лишь по вторникам и четвергам. Докучаев устроит диспут к середине октября – другим оппонентом будет или Меншуткин, или Коновалов – оба из химиков⁸.

Вчера простился с Павловым, сегодня еду к Миклашевскому и Сахарову и, таким образом, покончу со здешними визитами.

Моя роденькая, мое сокровище драгоценное. Так хочу скорее, скорее быть с тобою, моею родною, дорогою дитяткой. Так страстно люблю я тебя, мою родную. Как, должно быть, ты волновалась из-за Гаги⁹. Как он себя чувствует теперь? До скорого свидания. Целую тебя крепко, мою радость.

Твой Владимир

Наших поцелуй.

Оп. 7, д. 38, лл. 20–21.

¹ Место написания письма устанавливается по его содержанию.

² См. комментарий № 10 к письму № 245.

³ См. комментарий № 4 к письму № 253.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁵ См. письмо № 245.

⁶ М.М. Любошинский.

⁷ См. комментарий № 4 к письму № 227.

⁸ См. комментарий № 3 к письму № 204. Оппонентами на защите диссертации у В.И. Вернадского были В.В. Докучаев и Д.П. Коновалов.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 256

1 июля 1891 г., Полтава

1.VII 1891, Полтава

Дорогая моя Натуся, пишу немного – лишь бы письмо пошло сегодня. Нина¹ его сейчас бросит. От Докучаева нет ни слуху, ни духу. Приехал Паша², и очень он на меня произвел хорошее впечатление – с ним говорили. [Дадьё]³ занимается целые дни непрерывно с 9 часов утра до 3 часов ночи – я никогда не видал подобной работы! Мария Ивановна⁴ раньше была нездорова, а теперь совсем ничего – она обращалась к доктору, и Маслов ей помог: у нее болели ноги. Мама, по-моему, изменилась за это время больше всех: слышит она гораздо хуже. Нет ли чего общего в болезни ее и Егора Павловича⁵? С Егором Павловичем говорил довольно много. Он советует выплатить долг в 1500 (руб.), перевести деньги в Москву – не может ли это сделать Михаил Иванович⁶. Или надо тебе будет в Москве выдать доверенность мне на это особенную. Говорили о Мише⁷ – о чем я тебе писал etc.

Работаю мало. Писем еще от тебя нет – от моей родной птички – как долго идут письма! Прочти **непрерывно** в сборнике «В память Юрьева» ста-

тью М. Ковалевского (есть интересные данные и в статье Веселовского) и напиши мне свое мнение⁸. Прочел статью Рубакина в «Северном вестнике» сего года – интересна⁹. Начал работать для лекций, но как-то мало. [Для межевания] Егор Павлович советует ехать в Тамбов и там устроить и узнать все на месте – я думаю, так и сделаю: я вообще не люблю всякие такие дела вершить письменно. Целую тебя [...] мое родное, дорогое сокровище. Гагу¹⁰ поцелую и всех наших.

Твой Владимир

Моя любимая птичка, радость, сокровище мое, Натуся.

Оп. 7, д. 38, лл. 24–25.

¹ Н.Е. Старицкая.

² П.Е. Старицкий.

³ Возможно, Г.Е. Старицкий.

⁴ Старицкая.

⁵ Старицкий.

⁶ Очевидно, Спилов.

⁷ М.В. Зарудный.

⁸ *Ковалевский М.М.* Народ в драме Лопе де Веги Овечий источник // В память С.А. Юрьева: Сб. статей. М.: Тип. И.Н. Кушнерева и К°, 1891. С. 97–131; Веселовский А. Из воспоминаний о старом друге // Там же. С. 131–159.

⁹ *Н. Рубакин.* К характеристике читателя и писателя из народа // Северный вестник, 1891. № 4. С. 111–145; № 5. С. 55–73.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 257

4 июля 1891 г., [Полтава]¹

4.VII 91

Дорогая моя Натуся, моя милая, славная рыбонька, моя дорогая. Получил сегодня мой вид и твое письмецо, мое серденько. Сперва отвечу о делах. Как и следовало ожидать, Гревсы не принимают денег. Мне не хочется вообще заниматься, и я думаю лучше всего было бы устроить следующее: из 5000 ⟨руб.⟩, нам оставшихся, выплатить в августе 1500 ⟨руб.⟩ долга (что очень советует сделать и Егор Павлович)² и временно до осени взять оттуда 400 руб. на уплату в банк. Как ты думаешь? Гораздо это лучше, чем заниматься. Следовательно, если взять у Марка³, то мы ему через один-два месяца и отдадим. Для этого надо тебе написать Спилову и просить его перевести твои деньги в Москву, в Государственный банк – на твое имя, а тебе придется мне дать доверенность. Это вообще лучше сделать, чтобы освободить его от возни (так сделала и Мария Ивановна)⁴. Напиши **ему непременно скорее**, а то нам опять платить около 50 руб. в августе – что совсем лишнее.

С Егором Павловичем много говорю о доме и Вернадовке – он всем этим очень интересуется. Попроси Марка сказать тебе, когда начнут косить рожь, и напиши мне об этом.

Завтра выезжаю в Кременчуг, 9-го вернусь в Полтаву и числа 12–13 буду в Москве – следовательно, туда и пиши. Вторую половину июля и август буду в Вернадовке и заеду в Никольское. Может быть, придется – в Тамбов для

межевых дел, но главный склад планов и справок, по словам Егора Павловича, находится в Москве, где я буду возиться. Пришли мне туда скорее номер заклада имения – найдешь в портфеле в какой-нибудь из бумаг Общества взаимного поземельного кредита, кажется, за № 10084? Я хочу навести справки, нельзя ли как-нибудь избавиться от Общества взаимного поземельного кредита. Спроси Марка, советует ли он при продолжительной сухости обрабатывать пар. Попов, по-видимому, не сдаст (отчасти – очень удобный повод к удалению): и я думаю все оставшиеся около 90 десятин обратить временно на яровое, т.е. на весну. Написал ли Алекс. Емел.⁵ своему приятелю?

Скажи Марку, что для Над. Викт.⁶ (он говорил – справится) нужны все бумаги, касающиеся ввода Ани⁷ во владение⁸, – пусть он их пришлет Марии Ивановне⁹.

Докучаев был сегодня здесь – видел Егора Павловича. Он прочел уже первую часть диссертации, говорит, никаких затруднений не будет, и, может быть, устроит диспут в сентябре¹⁰.

У меня начинает исчезать моя расхлябанность – хотя жары отчаянные. Теперь мысль занята Вернадовкой, лекциями, экскурсией и т.п. Кое-что думаю и больше о Вернадовке и вступительной лекции, знаешь, ведь я всегда раньше сам думаю, а потом пишу. Как-то советоваться, говорить хочется лишь с тобой одной, моей неоценимой, любимой Натуней. Две темы вступительной лекции рисуются: о задачах и методах минералогии и более близкая к теме – о силикатах или и синтетическом методе. Лекции будут трудноваты¹¹. Но ты знаешь – это всегда меня подзадоривает.

Теперь начал с великим интересом читать «Федон», или о душе, Платона¹² – **непреренно ты должна прочесть** – это передача Платоном диалога Сократа с учениками перед смертью о бессмертии, перечитываю Шекспира. Вообще чувствую себя умом лучше, должно быть, моя усталость удирает от меня.

Мой родной светик, моя дорогуся – как мне хорошо с тобой, хочется скорее к тебе, к моей единственной. Натуня, мой светик. Знаешь, я чувствую силы справиться с Вернадовкой etc., и меня даже радует, что жизнь заставляет меня этим заняться. Не боги горшки лепят.

Крепко тебя всю целую. Гагу¹³ и всех наших поцелуй.

Твой Владимир

Моя рыбонька!

Оп. 7, д. 38, лл. 26–28.

¹ В.И. Вернадский пишет из Полтавы, что видно из содержания письма: «...вернулся в Полтаву...» и др.

² Старицкий.

³ М.М. Любошинский.

⁴ Старицкая.

⁵ Личность установить не удалось.

⁶ Н.В. Янович.

⁷ А.Е. Любошинская.

⁸ Н.В. Янович – многолетний друг семьи Старицких – владела большим домом с садом в Полтаве на Институтской улице, где Е.П. Старицкий построил флигель, в котором жила многочисленная семья Старицких. Свой дом Н.В. Янович завещала Анне Егоровне Любошинской (Старицкой), которая была ее крестницей. В письме идет речь об оформлении документов для вступления во владение этим домом.

⁹ Старицкая.

¹⁰ См. комментарий № 3 к письму № 204.

¹¹ См. комментарий № 2 к письму № 260.

¹² См., например: Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные проф. Карповым. СПб.: Тип. духовного журн. «Странник». 1865. Т. 2. С. 36–144.

¹³ Г.В. Вернадский.

№ 258

8 июля 1891 г., Кременчуг

Кременчуг, 8.VII 91

Дорогая моя, родная Натуня, пишу всего несколько слов, так как теперь 5 часов утра, и я сейчас выезжаю с Докучаевым и еще одним молодым натуралистом. Вчера вечером вернулся из Градижска, а завтра ночью думаю быть в Полтаве¹. Теперь ничего не буду писать – я здоров, работа дала кое-какие, небольшие результаты.

Мой светик ненаглядный. Как я люблю тебя и как часто о тебе думаю – моя милая, маленькая Тутя, мое единственное сокровище.

Крепко, крепко хочется тебя всю зацеловать, приголубить. Хочется постоянно знать, что ты думаешь, делаешь. Моя родненькая, умненькая девонька. Поцелуй Гагу² и наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 29–30.

¹ См. комментарий № 4 к письму № 253.

² Г.В. Вернадский.

№ 259

11 июля 1891 г., Полтава

11 июль 1891, Полтава

Дорогая моя рыбонька, моя Натуся, ненаглядная, сегодня получилось твое письмо, где ты говоришь, что 4 дня нет от меня писем – ты, может быть, не получаешь моих писем, так как раз около 4-го числа я послал тебе длинное письмо с целым рядом поручений к Марку¹, на которое я еще от тебя никакого письма не получал. Теперь сперва о поручениях: пришли мне в Москву (университет) сведения о счетах с Аннушкой². Спинову сегодня хотела написать Мария Ивановна³, я же очень подсадовал твоему легкомыслию: как же я могу писать Спинову о твоих деньгах, и вообще как можно откладывать то, что надо делать скорее. Писал ли Александр Емельянович⁴ об управляющем – я очень думаю, что придется сменить Попова теперь же, он, по-видимому, совсем разошелся, – увижу, впрочем, на месте.

Я очень мало доволен твоими письмами сюда ко мне и жду с нетерпением твоих писем в Москву, а здесь чувствуется, что ты пишешь для общего чтения, они очень мало личные, мало мне писанные.

Отсюда еду завтра. Здоровье Марии Ивановны теперь, как в прошлом году, боли и опухоли ног, кажется, теперь нет, или они меньше. Она обращалась к доктору, а на вид все такая же бодрая и сильная духом.

Мой цыпленок, моя Натуня – мне хочется, чтобы скорее прошло лето, чтобы скорее мы были вместе. Я думаю, вы к началу сентября должны будете приехать в Москву, чтобы быть нам вместе.

Здесь я несколько возился с отчетами об экскурсии⁵, и в последней в Крюкове мне удалось найти подтверждение своих мыслей, читал июльские книжки «Вестника Европы»⁶, «Северного вестника»⁷. В «Вестнике Европы» помещена большая выдержка из статьи Федора⁸. Всю экскурсию пришлось мне сделать вместе с молодым (старше меня) здешним заведующим естественноисторическим музеем – Олеховским – большим медлителем, но очень симпатичным по духу и направлению человеком. Просто удивительно, какая масса здесь хороших людей, людей интересующихся наукой, искусством, жизнью, – но все они сидят в углах, друг друга мало знают и так не исполняют того дела, какого от них можно требовать. Я думаю, что приблизительно то же самое всюду у нас теперь на Руси и нет одного – общей связи, общего дела. Нет слова, нет штаба, который бы соединил всю эту могучую, разброшанную, не знающую, что делать, но верящую армию. . .

Знаешь, здесь живет художник Мясоедов и жил и в прошлом году – я был у него, но оказалось – он уехал в Харьков, не судьба нам, видно, встречаться!

Крепко целую тебя, мою дорогую, родную, единственную, любимую. Поцелуй Гагу⁹ и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 31–32.

¹ М.М. Любошинский.

² См. комментарий № 3 к письму № 251.

³ Старицкая.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 188.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 195.

⁸ Выдержки из статьи Ф.Ф. Ольденбурга использованы в редакционной статье: Правила 4 мая 1891 г. о школах грамоты: Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1891 г. Кн. 7. С. 374–375.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 260

13 июля 1891 г., Полтава

Дорогая моя Натуся, моя родная, вот уже два дня нет от тебя писем, сегодня пришло сюда письмо от Ани¹, а от тебя все еще нет. А я от тебя письма **ко мне** бог знает когда получал, и ни на одно мое письмо ты мне не отвечала.

Еду отсюда или сегодня ночью, или завтра утром и, как писал тебе в прошлом письме, относительно скоро буду с тобою. Все это лето прохо-

дит как-то безалаберно в том смысле, что я ничего не делаю – этому, конечно, мешают переезды, и в это лето я сделал совсем мало. Больше всего меня смущает курс², к которому я совсем не успел и теперь не успею подготовиться. А главное – это то, что и основы курса для меня не вполне ясны – я не знаю, как мне провести границу между двумя крайностями – чисто геометрическим рассматриванием кристаллографии и введением теории Браве. Тут для меня все неясно, что для чтения лекций крайне неудобно.

14-го июля

Сейчас еду, но хочу еще тебе написать, моя дорогая – во всех этих переездах писал я не так уж аккуратно – совсем не рассчитаешь времени. Выезжаю несколько позже, так как Егор Павлович³ хотел еще, чтобы я остался, приезжал один из знакомых его – важный чиновник из С.-Петербурга. Теперь укладываюсь и урывками пишу письмо.

Мне хочется, моя дорогая, чтобы скорее прошло это лето, и мы зажили бы уже нормальной жизнью в Москве, а то в этих переездах как-то плохо работается и масса времени пропадает даром. И мне не хорошо в разлуке с тобой, моей глупенькой Тутей. Аня пишет, что ты пополнела: правда ли это, что ты читаешь, что ты думаешь, работала ли ты хоть над чем-нибудь, как сложились твои отношения с Елли Ивановной⁴? Обо всем этом напиши мне в Москву. Крепко целую тебя, мою радость. Гагу⁵ и всех наших поцелуй.

Твой Владимир
Полтава

Моя дорогая Туля.

Оп. 7, д. 38, лл. 34–35.

¹ А.Е. Любошинская.

² Речь идет о курсе лекций по минералогии на физико-математическом факультете Московского университета.

³ Старицкий.

⁴ Лерке.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 261

26 июля 1891 г., Вернадовка

Вернадовка, 26. VII 1891

Дорогая моя Натуся, пишу тебе немного, так как очень скоро надеюсь быть уже с тобою. Здесь уж теперь начинается настоящее бедствие, и скоро будет еще хуже. Неурожай почти полный¹. Взять с имения в этом году ничего не придется, а придется еще потратить с капитала. Обо всем этом при свидании.

А.А. Корнилов

Целую тебя крепко, мою дорогую, Гагу² и наших. Приеду, верно, послезавтра утром, приехать мог бы ночью завтра, да не хочется всех будоражить в Никольском.

Мой дорогой Тутик.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, л. 36.

¹ В 1891 г. в 20 губерниях России был полный неурожай. Побывав в июле в своем имении Вернадовка, В.И. Вернадский увидел надвигающееся народное бедствие и понял неспособность государства предотвратить голод. Вернувшись в Москву,

И. Вернадский немедленно приступил к организации помощи крестьянам Тамбовской губ. Начал он свою работу со сбора средств и уже в ноябре выслал своему управляющему именем А.И. Попову 500 руб., на которые была куплена рожь и роздана наиболее нуждающимся крестьянам. В.И. Вернадский хорошо понимал несовершенство этого способа оказания помощи, но чтобы перейти к более рациональному способу, указанному Л.Н. Толстым, – к устройству столовых, нужно было кому-нибудь ехать на место. Занятия в университете не

позволяли В.И. Вернадскому выехать в Вернадовку. Туда поехали его друзья Л.А. Обольяников, В.В. Келлер, И. Шаховской, А.А. Корнилов, П.И. Алексеевский, Ю.Н. Сиротинина и др. Всего участвовали около 18 человек. В.И. Вернадскому и его друзьям удалось организовать систему столовых, медицинскую помощь крестьянам в Кирсановском и Моршанском уездах Тамбовской губ.

Ими было собрано 45 359 руб. 94 коп. и получено значительное количество овса, картофеля, гороха и т.д. Это дало возможность кормить в столовых 6256 человек. Помощь оказывалась в течение 7 месяцев, до 8 июля 1892 г. Кроме того, были куплены 363 лошади и розданы безлошадным крестьянам, организовано кормление 1558 крестьянских лошадей.

² Г.В. Вернадский.

№ 262

8 августа 1891 г., Москва

Дорогой мой, родной Натусик, пишу, согласно обещанию, вечером в день приезда. Сегодня я уже кое-что разобрал – теперь разбираю старые письма и бумаги свои и отцовские и др. Как-то грустно, как-то страстно, страстно хочется твоего присутствия, моя дорогая, неоценимая девочка. Кабинет устроил в комнате между Гагиной¹ и твоей. В твоей спокойно поместятся и стол, и шкаф, и кресло с рукомошкой. В столовой – надо стол поменьше. Занавески развесил уже – не хватает одной двойной и две лишних, так как у Гаги в комнате, в зале и у меня все двойные окна. Кабинет кажется мне странно большим, так как, кроме двух полок с книгами, свободно поместится тот старый диван!

Зоя Алексеевна² мебели не вернула и все забирает больше посуды – ничего с ней не поделаешь. Знаешь, она устроила скандал у Крюкова с какой-то прачкой, требовала полицию, и Крюков едва от нее избавился. Аннушка³ уверяет, что и квартиру он не сдал, а подослал, чтобы она съехала! Вообще, по-видимому, какая-то неприятная история! Завтра утром придут столяры и уставят полки, затем уложу, и квартира примет вид совсем как следует. Был в университете, в библиотеке. Завтра или послезавтра начну работать в лаборатории. Работы много, и справлюсь ли, не знаю. В университете видел Кислаковского, Цебрикова – Павловы уехали в Америку. По словам декана Некрасова, лекции надо начать 1-го сентября⁴, не позже, – наша аудитория будет готова лишь к 1-му. Чем ближе лекции, тем я более смущен, что и как стану я читать?

Целую тебя, мою драгоценную, ненаглядную, родную девоньку, мое сокровище. Всех наших и Гагу поцелуй.

Твой Владимир

8 августа 1891 г., Москва

Оп. 7, д. 38, лл. 37–38.

¹ Г.В. Вернадский.

² Зарудная.

³ См. комментарий № 3 к письму № 251.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 260.

10 августа 1891 г., Москва

10. VIII 1891, Москва

Дорогая моя Натуня, моя рыбонька родненькая. Сегодня получил я твою записочку, которую ждал.

Я уже несколько разобрался на квартире, хотя очень еще мало – из 7 ящиков с книгами выложил всего 3, да и то еще не убрал. Хаос порядочный. Занимаюсь же совсем плохо, а работы страшно много. Книги я буду все ставить по алфавиту авторов (кроме справочных словарей) и Тутькины книги войдут в общую библиотеку? да?

Как-то раньше не казалось так трудно читать курс¹, как мне это теперь представляется – или еще не вошел в колею? Я страшно чувствую свою неподготовленность, и, что хуже всего, в целых отделах я совсем не хозяин, плохо с ними могу и умею справиться. Жду, когда вернется мое более легкомысленное настроение – не отказываться ни от чего, говоря: сделаю как смогу. Верно, завтра начну писать первую лекцию – всякий хаос теперь здесь, конечно, немало мешает работе.

Марка² письмо помещено в «Русских ведомостях»³, если их у него нет, пришлю.

Еще не был в таможне и почти нигде. У Зои Алексеевны⁴ был урывками вчера, и я стараюсь себя держать от нее подальше – она и жалка, но и очень неприятная; вчера прибежали и она, и Аня⁵: от обедов и чаев у ней решительно под всякими предложениями (вполне прозрачными) отказался (она, по видимому, хотела, чтобы Аннушка у нее готовила – *de facto*, чтобы Аннушка⁶ ей прислуживала, и я приходил обедать, пить чай etc!); у них сбегает (не от одной Анастасии Сергеевны, а от них обеих) прислуга, и вчера отпросила ночевать Аннушку. Вообще все это теперь принимает какой-то страшно пошлый и неприятный характер. Нельзя сказать, чтобы она была приятной соседкой. К Маше⁷, не знаю, поеду ли: надо терять целый день. А времени нет, нет совсем.

Кое-что почитываю урывками – из новых научных журналов, для лекций, да отдельные главы Гиббона и Фридендера, которых читаю понемногу. В моем теперешнем настроении на меня хорошо действует погружение в историю. С завтрашнего дня надеюсь начать писать курс⁸ и завтра же в первый раз – после завтрака – пойду в лабораторию. Лекции думаю писать, если не сплошь, то все.

Разбирая бумаги отца, наткнулся на его лекции⁹. Сколько в них положено работы кропотливой и усидчивой! И какая трудная вещь передать «личность» в курсе. А между тем эта передача – самое главное, самое дорогое, что есть в университетском преподавании. Я понимаю, отчего у заурядных, средних ученых преподавание и курс принимает характер шаблонный. По учебнику читать нетрудно. Но это будет не курс университетской. Мне кажется, в сильной степени эта трудность является результатом малого глубокого знания предмета и отсутствия того живого огня, который называется талантливостью.

Видит око, а зуб неймет. Ясен план, а сил исполнить не хватает. Крепко целую тебя, мою драгоценную, родную девуньку, Гагу¹⁰ и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 39–40.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 260.

² М.М. Любошинский.

³ В «Письме к редактору» М.М. Любошинский информировал читателей о создании общества из землевладельцев, некоторых крестьян, священников и других местных жителей для попечения о голодающих в Козловском уезде Тамбовской губ. и обращался с просьбой присылать деньги (см.: Русские ведомости. 1891. 10 авг. № 218). М.М. Любошинский был избран казначеем этого общества. Такое же «Письмо к издателю» было помещено в «Московских ведомостях» (1891. 20 авг. № 229).

⁴ Зарудная.

⁵ А.С. Зарудная.

⁶ См. комментарий № 3 к письму № 251.

⁷ М.С. Гревс.

⁸ См. комментарий № 2 к письму № 260.

⁹ Иван Васильевич Вернадский был профессором политической экономии и статистики, в 1846 г. преподавал в Киевском университете, а с 1847 по 1856 г. – в Московском.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 264

13 августа 1891 г., [Москва] ¹

13.VIII 1891, вторник

Дорогая моя, родная Натуня, это письмо придет позже, так как вчера приехала Маша², с которой я и просидел очень поздно ночью. Только сегодня утром, когда она ушла к Зое Алексеевне³, я пишу тебе. Она на меня произвела хорошее впечатление, и я был очень рад ее видеть – говорили мы главным образом об Анастасии Сергеевне⁴, О Кате⁵ и о всем прежнем, о близких, Париже, о будущем. Она приехала для Анастасии Сергеевны, с которой Зоя Алексеевна, кажется, хочет пробовать новое средство – замужество и подыскивает ей мужа – вообще что-то творится тут нехорошее: я раньше мог только догадываться из ее цинических речей и недомолвок, а от Маши она не скрывалась. Маша говорит, что Гольштейн В.А. прямо отрицает возможность зависимости болезни от безбрачия, следовательно, даже с чисто внешней стороны это средство не может служить к ее излечению, особенно в руках такого **грязного** человека, как Зоя Алексеевна. Я смотрю очень свободно на эти явления, как ты знаешь, но не понимаю, как можно связывать их с **замужеством**, т.е. связью на жизнь, – только такие грубые бабы, как Зоя Алексеевна, могут так смотреть на брак. Она свяжет Анастасию Сергеевну на **всю жизнь** с каким-нибудь негодяем. Удивительно, как глубоко и далеко идет ипокритство в обычной общественной морали. Точно только два выхода – или гибель моральная, или гибель жизни, связанной с негодяем. Во имя нравственности!.. А временную жизнь без брака, не связанную неизбежно на всю жизнь, назовут безнравственной, и человек, решающийся погубить всю жизнь доче-

ри, на это не решится во имя «блага» дочери!! Сегодня предстоит объяснение с Зоей Алексеевной.

С Машей надеемся свидеться 30 декабря⁶, всем, может быть, в Твери. По рассказам ее вижу, что жизнь в Клину и для нее, и для Кати – ужасная. Катя не спала, и Маша – много ночей сряду.

Кстати, род сплетни, может быть, необходимой. Зоя Алексеевна, по-видимому, имеет намерение везти Анастасию Сергеевну к Любоцинским! Что наделала дыня!!

Чем дальше я всматриваюсь, тем более вижу, что с Зоей Алексеевной необходимо вести себя иначе, чем с другими людьми [...] Она, несомненно, представляет пример атавизма в современном обществе и интересный объект в смысле уголовной антропологии.

Вчера приехал Новгородцев, и я был страшно рад его видеть, освежиться в беседе с ним. Он все тот же – мы говорили о голоде, о политическом строе России в связи с русскими попытками ограничения самодержавия в 18 веке («верховники»⁷, Анна Иоановна, Панин, Малороссия) и т.п. Вчера же был у меня Михаил Викторович⁸ – все прежний.

Работать начал, и ум лучше работает. Я думаю прочесть вступительную лекцию по минералогии в виде 1-й лекции общего исторического очерка развития минералогии и 2-й лекции общего введения в связи с теориями строения вещества⁹. А для диспута взять ясное и точное выяснение цели и задач моей работы¹⁰. Работать в лаборатории почти невозможно: идут переделки, и, кроме того, Кислаковский занял все нестерпимым анализом с вонью от выделяющихся кислот.

Нашел бумаги о вводе во владение и утверждении в правах наследства рязанского – отца¹¹ и брата¹² **вместе** (отца в законной части). Только после 1875 (г.) бумага почти нет. Думаю, что Гославские учинили [подлог]¹³. Сегодня будет Сахаров.

Здесь будет в декабре съезд: новая масса работы. Крепко целую тебя, мою родную, Гагу¹⁴, наших. Как хочу скорее тебя видеть, быть с тобой. Письмо Дочучаева очень прошу переслать назад.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 41–42.

¹ Письмо написано в Москве, так как, приехав в Москву 8 августа, В.И. Вернадский, готовясь к началу учебного года и обживая новую квартиру, никуда не уезжал, о чем можно судить по содержанию следующих писем.

² М.С. Гревс.

³ Зарудная.

⁴ Зарудная.

⁵ Е.С. Кавос.

⁶ 30 декабря был днем встречи членов «Братства», которые в этот день ежегодно у кого-нибудь собирались все вместе, а отсутствующие присылали к этому дню письма.

⁷ Члены Верховного тайного совета в России (1726–1730 гг.).

⁸ Зарудный.

⁹ См. комментарий № 2 к письму № 260.

¹⁰ В.И. Вернадский имеет в виду диспут при защите кандидатской диссертации.

¹¹ И.В. Вернадский.

¹² Николай Иванович Вернадский.

¹³ Речь идет об имени Шигаевка, находящемся в Старом Пластикове, Сапожковского уезда, Рязанской губ., которое принадлежало первой жене отца В.И. Вернадского – М.Н. Вернад-

ской (Шигаевой), которое после смерти ее сына – Н.И. Вернадского И.В. Вернадский передал отчасти Гославским (родственники первой жены), отчасти на содержании школы им. Николая Ивановича Вернадского (ф. 518, оп. 2, д. 31, лл. 68–69).

Вернадско-Старо-Пластиковское училище существовало с 1875 г. В 1891 г. после смерти Софьи Николаевны Гославской и раздела ее имущества, на счет которого это училище содержалось, наследники отказались финансировать училище, о чем сообщил Училищному совету попечитель училища Петр Васильевич Гославский (ф. 518, оп. 2, д. 32, лл. 48–49).

¹⁴ Г.В. Вернадский.

№ 265

14 августа 1891 г., Москва

14.VIII 1981, Москва

Дорогая моя Натуся, моя рыбонька. Не понимаю, отчего ты не получаешь моих писем, я пишу аккуратно через день – кажется, это 4-е письмо. Табак я хотя и буду покупать, верно, завтра. Ссуду в долгосрочную перевел не я, а они перевели на основании закона, который вышел в то время, когда я был за границей, отчего я о нем и не знал. Что такое за особый дом, я не знаю, только это не за просрочку, – переплаты будет около 4 руб., и ее в смете нет, так как расчет они прислали мне задним числом (помечен 1-м июля и шел из С.-Петербурга в Богоявленск 1 1/2 месяца !!).

Здесь есть письма мамы, Агафонова, Дриша – пришлю иные потом. Все это время меня опять охватили Зарудных дела – вот уже кутерьма. Маша¹ на меня произвела очень хорошее впечатление, и мы с ней много обо всем говорили; она поправилась и окрепла. Ужасно только, что ей пришлось жить в совершенно невозможных условиях, и она опять устала и утомилась: в Акуловке было довольно тяжело среди шпилек Лидии Карловны² и Тимофеевых, а в Клину совершенно невозможные условия: она и Катя³ несколько ночей не спали, и постоянные разговоры с грубым животным Дегтяревым. Приехали сюда – у Вари⁴ заболело ухо, и она не дает спать маме опять всю ночь. Так что Маша опять совсем будет разбита. Да еще Аня⁵ пристает и Зоя Алексеевна⁶. Теперь вдруг оказывается, что к ней едет Лиза⁷ без всякого предупреждения (какая подлость со стороны Анны Ивановны)⁸. Боюсь, что ей будут невозможные условия жизни в Питере. А так она на меня произвела хорошее впечатление – бодрой и сильной.

Вот уже неделя, что я здесь, а для лекций сделал немного – кое-что прочел, кое-что передумал. Мне уже так хочется, чтобы ты была скорее со мной, моя родная, милая Натуня – так неприятно и тяжело жить в разлуке. Относительно твоих мнений о пауперизме⁹, я, как ты знаешь, еще тогда в Париже совсем не был согласен с Адькой¹⁰ и теперь вполне остался при прежнем моем мнении.

Крепко целую тебя, всю мою дорогую, единственную, умненькую Натуню. Гагу¹¹, наших поцелуй.

Твой Владимир

P.S. Письмо пойдет позже, так как дома не оказалось конвертов!

Оп. 7, д. 38, лл. 43–44.

¹ М.С. Гревс.

² Ольденбург.

³ Е.С. Кавос.

⁴ В.С. Зарудная.

⁵ А.С. Зарудная.

⁶ Зарудная.

⁷ Елизавета Михайловна Гревс.

⁸ Анна Ивановна Гревс.

⁹ В письме от 12 августа 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Читаю “Вестник Европы” – августовскую книжку: там интересная статья Мак-Гахана о пауперизме (см.: *Мак-Гахан В. Пауперизм в Соединенных Штатах // Вестник Европы. 1891. Кн. 7. С. 274–297; Кн. 8. С. 570–605. – Ред.*). Американские научные филантропы стоят за развитие в бедноте стремления к накоплению денег, сбережению, ради возможности их пропить, а иметь цель в будущем – истратить их на что-нибудь необходимое для повышения удобств жизни в санитарном и другом отношении. Помнишь, Адька очень был против подобных принципов, проповедуемых отдельными рабочими товариществами в Париже, выставил как развивающими буржуазный дух. Но я думаю, думаю и не могу вполне согласиться с Адькой: мне кажется, иным путем трудно подвигаться культуре. Что ты мне скажишь на все. Ответь. Жду твоих мыслей» (ф. 518, оп. 3, д. 257, лл. 73–73 об.).

¹⁰ А.А. Корнилов.

¹¹ Г.В. Вернадский.

№ 266

16 августа 1891 г., Москва

16.VIII 1891, Москва

Дорогая моя, родненькая Натуня, моя радость. Сегодня послал тебе коротенькую записочку, так как не успел написать более длинной. Это время очень мало, все отвлекали разные посторонние встречи, да и мысль неуклонно интересовалась не тем, чем нужно. Мне кажется, я начинаю улавливать более широкий **принцип** научный в кристаллографии, чем что бы то ни было другое в ней известное. А когда мне приходят в голову идеи, мне всегда трудно ими заниматься, хочется охладиться и заняться другим. Но главным образом отвлекали люди; вчера только уехала Маша¹, которая с Варей² прожила дня два. Она на меня, как я писал тебе, произвела **очень** хорошее впечатление, и я чувствовал себя с ней, как с **совсем** близким и дорогим для меня человеком [...]

Вчера у меня просидел долго Новгородцев – он ждет Грабаря, которому предлагают урок за границу. Сегодня пришлось ездить в музей с Олеховским³. Завтра на целый день с утра пойду в геологическую экскурсию в Коломенское. Я очень страшно рад видеть тебя скорее, мою радость, но боюсь твоего возвращения до отъезда А.С.⁴ – она не даст покоя. Мне бы страшно хотелось иметь тебя возле, мою единственную, любимую Натулю. И хочется, чтобы моя бивуачная жизнь здесь кончилась. Я все еще ничего не написал для лекций! И мысль как-то беспокойно работает, как-то скачками.

Маша просила тебе передать, что пока не будет тебе писать, так как очень устала. Я не думаю, чтобы она могла к вам приехать, так как обещала забрать Катиных детей в С.-Петербург, чтобы дать отдых Кате⁵.

Натуся, будь у меня более знаний математики и философские начала разных отделов, строение твердого вещества мог бы высказать в целой новой **системе**. А тянет к занятию историей человеческого духа – где надо учиться по-гречески, а вместе и математике, и древности, но хватит ли сил? Я с ув-

лечением читаю Гиббона об Юлиане и заставлю Тутьку прочесть у него о христианах⁶. Мне важно и дорого с тобой делиться.

Целую тебя, Гагу⁷, наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 45–46.

¹ М.С. Гревс.

² В.С. Зарудная.

³ Возможно, М.А. Олеховский – заведующий Полтавским естественноисторическим музеем.

⁴ А.С. Зарудная.

⁵ Е.С. Кавос.

⁶ См.: например: *Гиббон Эдуард*. История упадка и разрушения Римской империи / Пер. с англ. В.Н. Неведомского. М.: Тип. К.Т. Солдатенкова, 1883–1886. Ч. 1–7.

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 267

20 августа 1891 г., [Москва]¹

20.VIII 1891, утро

Дорогая моя, родненькая девочка, моя Тутя золотая. Был у меня Грабарь, который приехал сюда на день, он мне рассказывал про вас, а вчера же получил я и твое письмецо, мое серденько. Я отправлю это письмо к Шуре², только не в Акуловку, а в Петербург, так как она должна быть в Питере. Вчера приехали в Москву Кавосы, были у меня, – они скрываются от Анастасии Сергеевны³, так что та не знает о их приезде. Маша⁴ же взяла Катиных⁵ детей к себе. Кавосы подумывают, кажется, о посещении Никольских обитателей⁶. Я не понимаю – от каких поездок должен я отговаривать Зою Алексеевну⁷? Если дело идет о поездке в Никольское, то я это знаю стороной, и она мне никогда не говорила об этом. Да и вообще все мои старания направлены на возможно меньшее с ней общение. Сейчас еду на почту получить деньги от Попова и посылать в банк – просит она получить и ее, так что никак от нее не избавиться. А у нее вечные истории, так и здесь – потеряла расписку, дворник напился пьяный и т. п. Вчера весь день я был какой-то расклеенный, оттого и тебе вечером не написал письма и не занимался совсем. Сегодня же уже ничего. Как мне ни хочется, чтобы вы скорее приехали, я думаю, нельзя приезжать, пока Зоя Алексеевна и Анастасия Сергеевна⁸ здесь.

Третьего дня целый день был на экскурсии с утра и вернулся поздно ночью. Кое-что показывал Соколов⁹ интересного, но с его объяснением я не мог согласиться, и теперь дальнейшая, лабораторная работа может показать, кто из нас прав. Я теперь читаю много общего по геологии – Неймайра, Зюсса, Мушкетова, мне надо это для лекций медикам¹⁰, а частью для окончательной обработки докучаевского отчета¹¹. Пока ничего еще не сделал. Просто ужасно, как плохо работается, да еще и масса всякой мелочной возни. За парижскими вещами еще не ходил, так как нет времени и, кроме того, не было денег. Пойду как-нибудь на этих днях. От Спирова не было писем?

Целую тебя крепко, мою радость, Гагу¹², всех наших. Кончаю письмо, так как надо спешить на почту: 1) получить деньги и <2)> отправить в банк мои и Зои Алексеевны и разьяснить недоразумения с деньгами Зои Алексеевны.

Пиши, моя родненькая. Книги еще не все разобрал, и все еще хаос!

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 47–48.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 264.

² А.П. Ольденбург.

³ Зарудная.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ Е.С. Кавос.

⁶ В Никольском жила сестра Н.Е. Вернадской – А.Е. Любошинская.

⁷ Зарудная.

⁸ Зарудные.

⁹ Очевидно, В.Д. Соколов.

¹⁰ На медицинском факультете Московского университета В.И. Вернадский читал краткий курс минералогии и вел практические занятия с 1891 по 1898 г. Курс был опубликован. См.: *Вернадский В.И.* Краткий курс минералогии, читанный студентам-медикам в 1891–1892 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1891.

¹¹ См. комментарий № 6 к письму № 248.

¹² Г.В. Вернадский.

№ 268

24 августа 1891 г., [Москва]¹

24.VIII 1891

Дорогая моя Натуся, сперва отвечу на твои вопросы. Право, не знаю в одинаковые ли часы бросал письма – пишу же через день. Заболела Алекс. Ив. Свечина [...] Когда Зоя Алексеевна ²думает уехать, не знаю – да и думаю, никто не знает. Нисколько не сомневаюсь, что можно оградить себя от нее, но также не сомневаюсь, что это будет достигнуто с массой борьбы. Пока есть надежда, что она уедет скоро, лучше вам выждать, хотя ужасно неудобна такая бивуачная жизнь с массой кутерьмы. О постели от Шаховского ничего не знаю. Твое письмо Кате³ отнес, ехать она никуда не может – запретил доктор. Кавосы застряли здесь. Катя никакого впечатления на меня не произвела – ни больного, ни здорового.

Завтра приезжают сестры⁴ – поеду встречать. Жалко, что не увидятся с вами. Маме писал в Петербург на днях.

Работаю отвратительно, чувствую себя так себе. Для лекций почти ничего не сделал – как-то не работается – нет настроения для писания вступительных лекций, если еще продлится так – начну прямо курс⁵. Читаю довольно много – в общем в злом настроении. Самое противное время, когда все не вошло в колею: в университете масса переделок, аудитории не готовы, к лекциям подготовить ничего нельзя, работать с гониометром нельзя. Приходится работать над вопросами, относительно мало меня интересующими, – геологическими, для полтавского отчета⁶. Читаю с большим интересом рабо-

ты Зюсса по динамике земного шара – первая широкообъемлющая, не чисто местная работа по геологии. Много для меня нового, и интересует мысль.

Для лекций подумывал над темой исторической и по строению материи, но и там и тут чувствую себя совсем не дома и, верно, не решусь прочесть. А главное, нет смелости убеждения, нет особенно сильного желания убедить других, в чем убежден сам. Как-то смотришь на все абстрактно, больше интересуешься всем с индивидуальной точки зрения (я нарочно пишу индивидуальной, а не эгоистической); между моралью «индивидуальной» и эгоистической великая разница. Roland⁷ постараюсь достать.

Крепко целую тебя, мою дорогую, родную девочку; Гагу⁸, наших поцелуй.

Написал Мих. Попову, Левенсону, а Гославским не хочется писать до разговора с Сахаровым, который исчез. Нашел копию (правда, не засвидетельствованную, известен нотариус) перевода **всех рязанских** имений братом отцу в 1874 г, о чем писала мама. Следовательно, официально Шигаевка брату при его смерти не принадлежала. Эти бумаги нашел сегодня⁹.

Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 49–50.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 264.

² Зарудная.

³ Е.С. Кавос.

⁴ Ольга Ивановна Алексеева и Екатерина Ивановна Короленко.

⁵ См. комментарий № 2 к письму № 260.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁷ Речь идет о книге; *Mémoires de madame Roland*. P., 1864; на рус. яз.: Личные мемуары г-жи Ролан. СПб., 1893. См. комментарий № 11 к письму № 292.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ См. комментарий № 13 к письму № 264.

№ 269

25 августа 1891 г., Москва

25 авг. 1891 г., Москва

Дорогая моя, родная Натуся – мое серденько, мое счастье. Это письмо придет позже, так как вместо 24 вечером пишу 25 утром. Мне эти дни не совсем здорово, и я вчера лег раньше спать. Эти дни я совсем не занимался, третьего дня был с Катей Кавос в галереях Третьякова и Солдатенкова, вечером приехали Оля и Кир¹, и я ездил их встречать – они у меня переночевали, и вчера весь день провел я с ними – были в Кремле и на французской выставке. В Третьяковскую галерею ты должна непременно пойти, моя милая, моя золотая рыбка, а равно и в старую часть Кремля – в реставрированные палаты Ивана III, в палаты Алексея Михайловича и Никона. Как-нибудь пойдем вместе. Сегодня или завтра приезжает сестра Катя² – поеду ее встречать. Это ужасно, как много отнимают времени все эти встречи и наезды, а теперь я тут один, так что все падает на меня! Не знаю, смогу ли я заниматься сегодня – у меня все эти дни головные боли и сильно всего ломит – должно быть инфлюэнца, которая в Москве ходит.

Зою Алексеевну³ не видел несколько дней и вполне не знаю, что она делает и думает. Я вообще думаю, что как ни тяжело все это, а надо дать ей делать, что хочет, так как из детей – сестер и братьев – никто не может принять активного участия в судьбе Ани⁴. Так что же здесь и толковать?

Посылаю тебе письмо Маши⁵, на днях полученное. Очень меня беспокоит Шура⁶, да я думаю, что условия жизни Маши будут ужасные. Еще когда подумаешь, что приедет Лиза⁷. Вообще нельзя сказать, чтобы радостные были перспективы. И когда вмешиваются личности вроде Зои Алексеевны и Анны Ивановны⁸ – то добра ждать трудно. Представь, Катя с Кавосом приехали сюда incognito⁹ от Анастасии Сергеевны, так как она расстраивает Катю, и вчера Зоя Алексеевна сделала визит с Анастасией Сергеевной en personne¹⁰. Хорошо, что сегодня Кавосы уезжают.

Лекции будут, должно быть, через неделю: что я успею сделать – не знаю. У меня вообще голова идет кругом от всей этой кутерьмы и от неурядицы – и дома, и в университете – все в хаосе, и живешь на бивуаке! Теперь утром напишу письма, а затем примусь за работу, но что и сколько сделаю – не знаю, так как все еще несколько нездоровится. Если же буду себя чувствовать слабым и нездоровым, отправлюсь в какой-нибудь музей, так как это физическое утомление и напряжение мысли и мечты и чувство художественного наслаждения – очень полезно, думаю, при безздоровье.

Крепко целую тебя, мою родненькую, и Гагу¹¹, и всех наших. От Шаховского кровать пришла, Аннушка¹² пойдет ее завтра получать.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 51–52.

¹ Ольга Ивановна и Кир Алексеевич Алексеевы.

² Е.И. Короленко.

³ Зарудная.

⁴ А.С. Зарудная.

⁵ М.С. Гревс.

⁶ А.П. Ольденбург.

⁷ Е.М. Гревс.

⁸ Гревс.

⁹ Негласно (ит.).

¹⁰ Лично (фр.).

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² См. комментарий № 3 к письму № 251.

№ 270

26 августа 1891 г., Москва

26, веч., VIII 1891, Москва

Дорогая моя, родная, любимая Натуся, мое счастье и радость. Сегодня от тебя нет письма, мой глупенький цыпленок, и так как время отправления писем у вас одно, один раз в день, то Тутьку надо наказать. Ее надо также и еще кое за что. Приезжают Маша¹, Оля² и Катя³, и все уже знают, что квартира у нас хуже прежней – всем Тутька, квартиры не выдавши, успела дать

знать! Мне теперь лучше, и я начинаю заниматься. Сегодня проезжала через Москву Катя⁴, и я провожал ее из одного вокзала в другой.

Я пробую писать вступительную лекцию и уже довольно обдумывал ее план, может быть, выйдет – мне хочется дать понять, что мы присутствуем в минералогии при разложении науки на две самостоятельные – на минералогию и кристаллографию и что такой процесс «специализации» не есть что-нибудь внешнее, а есть необходимое следствие большого углубления и понимания науки. Как естественный процесс дробления совершенства при росте клеточных организмов, так точно при сохранении цельности, происходит дробление и распадение наук при сохранении их единства. В истории науки это второй раз случается: 1) в Александрийский период и 2) начиная с конца XVI в. и до наших дней.

С глубоким интересом и чувством удовольствия читаю я драму Ибсена в немецком переводе «Kaiser und Galiläer»⁵ – несомненно, сильное сочинение со многими красотоми. В очень многих местах и она, как и другие его драмы, шокирует некоторой резкостью, угловатостью, грубоватостью сцен, черт – известной утрировкой. Но это так обще всем народным произведениям и таким авторам, как Шекспир или Аристофан. Как архаические статуи или статуи и здания грубых, простых веков, так и такие драматические произведения могут производить глубокое и серьезное впечатление.

Зоя Алексеевна⁶ прислала кровать и диван.

Целую тебя, мою родную, Гагу⁷, наших. Отчего ты не прислала письма с этой почтой?

Твой Владимир

Сегодня надо идти в университет: у меня у натуралистов лекции от 9–11 во вторник, от 9–10 в среду и четверг и практические занятия в субботу от 2–4⁸, а медики назначили лекцию в среду же от 9–10!⁹ Медикам начну читать со следующей недели, а естественникам – не знаю когда: аудитории не готовы!

Оп. 7, д. 38, лл. 53–54.

¹ М.С. Гревс.

² О.И. Алексеева.

³ Е.И. Короленко.

⁴ Возможно, Е.С. Кавос.

⁵ *Ibsen H. Kaiser und Galilaer.* Leipzig: Reclam, Vorw, 1887.

⁶ Зарудная.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ См. комментарий № 2 к письму № 260.

⁹ См. комментарий № 10 к письму № 267.

№ 271

28 августа 1891 г., Москва

28.VIII 91, Москва

Дорогая моя, родная Натуня – сегодня не было от тебя письма, хотя должно было быть.

Относительно здоровья жильцов, прежде бывших, узнать не мог – жили двое немцев – муж, жена, детей, говорят, не было. Как можно так не сдер-

живать себя и допускать превращение верных теорий в комизм и абсурд в мелочах – как в этих последних твоих вопросах и страхах! Мне кажется, необходимо иметь [известный] такт, особенно, когда, как ты, веришь, что жизнь должна быть иллюстрацией верований. Это лучший способ отогнать от них людей. Совсем как в комедии Толстого с бактерической барыней¹, так же смешно, только более печально, так как тут не в комедии, а в жизни.

Утро, 29

Вечером вернулся с экскурсии и не дописал письма, а сегодня надо было бежать в университет, чтобы свидеться с Армашевским, приехавшим из Киева. От сегодняшней экскурсии я отказался – будет у меня Новгородцев, и надо с ним сговориться. Постараюсь написать о голоде, но когда, что – не знаю.

Чувствую себя так себе. Лекций еще ни одной не написал. Естественникам, верно, придется читать еще не с этой недели², а медикам со среды³, так что если приедете на следующей неделе, то во вторник не приезжайте – встретить будет некогда, а если останетесь еще неделю, то можете приехать только в четверг, пятницу, субботу или воскресенье – остальные дни мне будет неудобно, да и некогда.

Здесь теперь холодно, и меня беспокоит, как ты доедешь, есть ли у тебя теплое платье? Крепко, крепко целую тебя, мою единственную девоньку. Твое письмо о настроении в деревне, по-моему, **очень** хорошее. Жаль, что нет свободы прессы. Ты не сердись на меня, что я тебя побранил за твои глупые страхи – я в очень злом и скверном настроении. Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 55–56.

¹ Героиня пьесы Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» – Анна Павловна Звездинцева.

² См. комментарий № 2 к письму № 260.

³ См. комментарий № 10 к письму № 267.

№ 272

30 августа 1891 г., Москва

30.VIII 1891, Москва

Дорогая моя, радость моя, счастье мое – моя Натулька. Начинать письмо надо с выговора Тутьке: я, правда, не могу ручаться за аккуратность времени отсылки моих писем, но я пишу **аккуратно** через 1 день, а Тутька нет. Мое сокровище, я так ждал твоих писем! Мне теперь совсем лучше, и я думаю, что инфлюэнцу выгнал. Я страстно хочу, чтобы ты скорее приехала сюда, мое родненькое серденько – так я отвык жить без тебя – мне и грустно, и скучно, и тяжело. Теперь уже и холодно, и вернуться вам пора, только нельзя на этой неделе вам приезжать во вторник и среду, а на следующей нельзя в понедельник, вторник и среду.

Зоя Алексеевна¹ все еще здесь, но должна скоро уехать, когда – неизвестно. Сегодня я был у них и наскочил на сцену между ней и Анастасией

Сергеевной². Просто невозможные люди! Но Бог их знает, как долго они проживут.

Твое письмо я не отправлю, так как оно мне нужно. Получила ли ты письмо Маши³ ко мне? Сегодня послал Марку⁴ «Русские ведомости», где г-жа Рокасовская поместила письмо⁵, очевидно, направленное на Марка. Вот дура-то, во всяком случае, это письмо – удивительный патент ее уму и ее порядочности. Мне кажется, после такого письма едва ли ей можно посылать деньги.

У меня сегодня был Шигаев, под предлогом адреса Кавосов, сидел недолго, да я твоё письмо получил позже его прихода⁶. А я не думаю, чтобы я теперь был очень покладист. Он на меня произвел какое-то странное впечатление. Едет в Тверь к Федору⁷, Шаховскому – знаком с Сережкой⁸ и о нас знает через него!

Завтра будут у меня Павел Иванович⁹ и Грабарь для обсуждения литературной деятельности по поводу голода. Были обоюднo друг у друга с Иваном Ильичом¹⁰, но не застали. Он опять куда-то уехал. Павла Ивановича я убедил вступить в переписку с Адькой¹¹ по поводу письма его. Не правда ли, хорошо?

Ты мне не отвечаешь на мои вопросы и слишком мало пишешь о себе. Приезжай скорее, моя дорогая, любимая голубка. Я чувствую и сильнее, и лучше с тобою. Гагу¹² целую и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 57–58.

¹ Зарудная.

² Зарудная.

³ М.С. Гревс.

⁴ М.М. Любошинский.

⁵ См.: Русские ведомости. 1891. 30 авг. № 238. Здесь А.В. Рокасовская поместила идентичное обращению М.М. Любошинского письмо к редактору (см. комментарий № 3 к письму № 263). Баронесса А.В. Рокасовская была председателем официально оформленного через Министерство внутренних дел при Тамбовском губернском полечительном обществе о бедных Комитета для вспомоществования нуждающемуся населению путем сбора частных пожертвований и их распределения. Этот комитет должен был действовать через официальные каналы: в уездных городах через уездных предводителей дворянства, во вновь образованных земских участках через земских начальников и в селениях через землевладельцев и священников с их согласия. Размеры бедствия были столь велики, что противопоставлять в печати работу своего комитета частной инициативе жителей губернии было по меньшей мере неразумно.

⁶ В письме от 28 августа 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «Я не говорила тебе, что на днях сюда приезжал твой свойственник – брат Марии Николаевны – Николай Николаевич Шигаев [...] Он очень интересуется узнать все, что возможно, о Марии Николаевне и о своем отце. Он хочет очень познакомиться с тобой, надеясь на то, что ты ему кое-что сообщишь» (ф. 518, оп. 3, д. 257, л. 95 об.–97).

⁷ Ф.Ф. Ольденбург.

⁸ Очевидно, С.Е. Крыжановский.

⁹ Новгородцев.

¹⁰ Петрункевич.

¹¹ А.А. Корнилов.

¹² Г.В. Вернадский.

1 сентября 1891 г., Москва

Москва, 1 сент., 91

Дорогой мой Натусик, моя радость, мое счастье, мое сокровище, сегодня получил твое письмо от 30-го – я хотя и не писал, правда, 28, но писал 29 и 30, так что ты должна была потом получить два письма подряд.

Только что ушли Грабарь и Новгородцев – мы с ними начинали готовить материал для статей о голоде. А теперь я начинаю писать лекции – одну обдумал и теперь буду писать; кажется, ко мне начинает возвращаться настроение работать. Мне страшно хочется скорее твоего возвращения, мне так необходимо твое присутствие, моя единственная, моя любимая, славная Тутя. Отчего ты мне излагаешь статью Карцева¹, неужели ты ей веришь?² Она и ряд статей «Московских ведомостей» (sic!) против розог ввиду опасности крестьянских волнений чрезвычайно поучительны. Я глубоко убежден, что нынешнее бедствие сыграет роль Крымской войны и также явится лучшей критикой и лучшей оценкой нынешнего regime'a³ и направления теперешних реформ. Все старания указать на вину земства указывают на пробуждение в целых слоях русских граждан критической работы мысли – а это самое опасное занятие. Если Марку⁴ не надо № «Нового времени», где помещена ст. Карцева, привези мне, а также если ему не нужны бюллетени Елецкой биржи. Получил ли он № «Русских ведомостей» с письмом Рокасовской?⁵

Мне хочется представить в ряде статей: 1) распространение бедствия, отчет о принятых раньше мерах и 3) о необходимых мерах. Кроме того, может быть, удастся вызвать для сравнения целый ряд мер, принятых в других случаях (например, в Индии в 1876–(187)7 и т.п.)⁶. Мне кажется, немислимы никакие меры, кроме **общих единовременных – не ссуды** на обсеменение и на продовольствие, а **общего государственного долга** на продовольствие и обсеменение. Это первая и коренная ошибка, которая теперь сделана. При разборе сведений выяснится, думаю я, и вторая страшно важная прореха в нашем государственном строе – недостаток влияния местных выборных органов на исполнительную власть, отсутствие сведений у центрального правительства о местных нуждах и отсутствие возможности вызывать известные мероприятия. Едва ли на каком примере, как не на этом бедствии, может быть выяснен так ясно общий недостаток нашего местного строя и вред от неимения представительства. При теперешних размерах Руси и при современных условиях жизни абсолютному правительству без выборных (от) земли задача борьбы не по силам.

Был сегодня у меня Ал. Ив.⁷ – то, что он говорил о Новгородцеве, меня заставило сильно задуматься – как бы не вышло с ним неприятностей. Но, конечно, выбора нет.

Когда ты приедешь? Я так тебя жду. Крепко целую тебя, мою дорогую голубку, мое счастье. Есть письмо Маши⁸ и очень нехорошее письмо Ивана⁹ к Маше, на которые пока отвечаю, не присылаю. Гагу¹⁰ поцелуй и наших.

Твой Владимир

¹ Е. Карцев. В Центральной полосе // Новое время. 1891. 21 авг. (2 сент.). № 5559; 1891. 28 авг. (9 сент.). № 5566.

² В письме от 30 августа 1891 г. Н.Е. Вернадская писала: «В “Новом времени” от 28 августа фельетон Е. Карцева “В Центральной полосе” по поводу неурожая – обвинительная статья против земства, заменившего хлебные запасные магазины денежным продовольствием и поставившего, таким образом, целые губернии в страшно тяжелое положение. Экстренные земские собрания, созванные губернатором, обратились за помощью к правительству, и еще раз подтвердилось то, что в затруднительных случаях “органы нашего самоуправления называются [...] несостоятельными и немедленно призывают на помощь правительство”» [...] и далее: «Наши земства должны наконец понять опасность, в которую они поставили население благодаря своей беспечности и беспорядочности». Он доказывает затем, что все мероприятия, предпринятые для борьбы с голодом, будут недостаточны, если в среду крестьянского быта не будет введен строгий порядок. Достигнуть этого возможно при помощи земских начальников, которые «выражают собой ту “крепкую власть”, продолжительное отсутствие которой принесло столько вреда» (ф. 518, оп. 3, д. 257, лл. 93–93 об.).

³ Образ правления (фр.).

⁴ М.М. Любошинский.

⁵ См. комментарий № 5 к письму № 272.

⁶ Засуха 1876–1877 гг. поразила несколько районов Индии, в которых проживало 58 300 000 человек. Правительство организовало общественные работы, на которых было занято 877 024 человека, бесплатная помощь была оказана 446 641 человеку, но помощь была оказана слишком поздно и в недостаточном размере. В результате голода и болезней, вызванных голодом, погибло 5 1/4 млн человек (см.: А. Воейков. Рецензия на книгу Е. Ламанского «Индия... Экономический этюд». СПб., 1893 // Изв. Рус. геогр. о-ва. Б/г. Т. 29).

⁷ Очевидно, Александр Иванович Яроцкий.

⁸ М.С. Гревс.

⁹ И.М. Гревс.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 274

3 сентября 1891 г., [Москва]¹

3 сент., 1891, вечер

Сегодня пятилетие нашей свадьбы, моя дорогая, неоценимая Натуня. Мне ужасно грустно, что ты не со мной в этот день. Из полученного письма я вижу, что тебе еще хотелось бы пробыть без меня. Я рад, однако, что это последнее письмо, которое я пишу тебе, и что ты затем уже будешь со мной, мое сокровище ненаглядное. Так мне пусто и нудно без тебя, без моей умной дурочки. Полученные письма (Маши², сестер³ и мамы) не пересылаю, так как прочтешь сама, когда приедешь. Очень жалко, что не захотела приехать раньше 8-го, может быть, впрочем, это к лучшему, так как Зоя Алексеевна⁴ еще здесь. Она решила отправить Анастасию Сергеевну⁵ в Париж.

У меня сегодня опять головная боль, и я опять плохо занимаюсь. Сегодня был с визитом у Духовских⁶ (sic!) (собственно у Евд. Ив.⁷, которая, между прочим, собирает Марку⁸, и она, и Варв. Фед.⁹, но собрали, кажется, рублей 27–28) и у Петрункевичей. Оба последние похудели и помолодели. В составлении статей и затем организации комитета о голоде они примут большое участие. Ты не пишешь, получил ли Марк «Русские ведомости» с письмом Рокасовской?¹ Печи протопят – можно и не раз. А вот мебели у нас в гостиной совсем мало. Я не знаю вообще, как быть с деньгами, если не вышлет Мих. Ив.¹¹ твой билет, так как денег у меня совсем мало. Маша пишет про

стеклянный шкаф, что его пересылать и дорого будет, и как? – предлагают выслать деньги на шкаф, так как им все равно придется покупать шкаф, но я думаю, что совсем не стоит этот шкаф трогать. В гостиную нам надобен не шкаф, а кресло и стол или стулья. Все это, приехав, увидишь. Ужасно неудобно, что раньше тебе было неудобно приехать, а теперь пойдет кутерьма в разгар работы. Об Александре Ивановне Свечиной, кажется, неверно передавали – она теперь поселилась в Москве¹².

Завтра первая лекция у медиков¹³, приготовил ее плохо, и нет вдохновения, перечел свою диссертацию: слог, способ изложения и в иных местах передача мыслей очень плохи, но в общем она не хуже других¹⁴. Шуре¹⁵ лучше, а Лиза Гревс (я к ней совсем хладнокровно не могу относиться) – утка – уже приехала!!

Мое радонько, мое серденько – так я сильно, страстно люблю тебя, так **нужно** мне иметь тебя возле себя, успокоиться возле тебя. У меня какое-то злое настроение, насмешливый анализ самого себя (в области мысли) и других. Все мирозерцание мое истекает из любви к тебе, и только эта любовь меня сдерживает. Я чувствую себя **рабом**, рабство кругом и полное бессилие, и в области мысли одни порывания. А нет хуже сознания этого бессилия и слабости своей и чужой мысли. Только в любви к тебе – гармония и прекрасное. Так хочется всмотреться в твои глазки, прижать к себе твою головку.

Твой Владимир

Гагу¹⁶, наших целую.

Оп. 7, д. 38, лл. 61–62.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 264.

² М.С. Гревс.

³ О.И. Алексеева и Е.И. Короленко.

⁴ Зарудная.

⁵ Зарудная.

⁶ Семья двоюродной сестры Н.Е. Вернадской – Варвары Федоровны Духовской.

⁷ Е.И. Голицына.

⁸ М.М. Любошинский.

⁹ В.Ф. Духовская.

¹⁰ См. комментарий № 5 к письму № 272.

¹¹ М.И. Спиров.

¹² См. письмо № 268.

¹³ См. комментарий № 10 к письму № 267.

¹⁴ См. комментарий № 4 к письму № 204.

¹⁵ А.П. Ольденбург.

¹⁶ Г.В. Вернадский.

№ 275

[6 сентября 1891 г., Москва]¹

Дорогая Натуся, жду твоего приезда и пишу несколько слов. В воскресенье я вас выеду встречать. За Анастасией Сергеевной² приехала сестра Елли Ивановны³, которая отвезет ее в Париж. Не знаю, удастся ли ей свидеться с Елли Ивановной, так как при состоянии Анастасии Сергеевны надо пользоваться каждым ее настроением: теперь она не хочет ехать в Париж (хочет в

С.-Петербург или к Саше!⁴), и как только уговорят – уедут – завтра, в субботу или воскресенье. Крепко целую тебя, Гагу⁵, наших.

Владимир

На обороте: Ст. Богоявленск, Рязанско-Козловской ж.д., Его высокопревосходительству Марку Марковичу Любошинскому. С просьбой передать Н.Е. Вернадской.

Оп. 7, д. 38, л. 63.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Зарудная.

³ Лерке.

⁴ А.С. Зарудный.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 276

26 сентября 1891 г., [С.-Петербург]¹

Суб. 26/IX 91

Дорогая моя, родная Натуся, вчера приехал я сюда, в С.-Петербург, и виделся с очень многими людьми. Видел Докучаева и Коновалова – оба они отзываются хорошо о моей работе. Докучаев говорит, что он будет возражать лишь на частности и что в общем он считает работу хорошей и по вопросам, в ней затронутым, и по разработке. Она бы много бы выиграла, если бы я ее лучше обработал, а то ему иные страницы приходилось перечитывать раза 4. Коновалов также хвалит диссертацию по постановке темы и по ее разработке и говорит комплименты – он говорит, что должен возражать по обязанности и что, конечно, есть целый ряд частных вопросов, с которыми он не вполне согласен. Во всяком случае, говорит, возражения будут носить характер частный и разговора.

Мама нездорова и так себя чувствует. Был у Ольденбургов и теперь пишу от них. Сергей² и Маша³ на меня производят впечатление как **сильных** людей, и у Сергея это не **экзальтация**, а сила. Сегодня был на могиле Шуры⁴, Сергей пишет, Александру Иванову⁵ очень жалко. Митя⁶ здесь страшно энергичен и молодец. Федор Измаилович⁷ ничего не сделал и никому ничего не говорил! Завтра вечером иду к Арсеньеву. Сегодня 5-летие свадьбы Сергея Ольденбурга. Крепко, крепко целую тебя, родную, всю и Гагу⁸. Поклон Елли Ивановне⁹.

Твой Владимир

На обороте: Москва. Наталья Георгиевне Вернадской, угол Трубниковского и Дурновского пер., д. Крахт.

Оп. 7, д. 38, л. 64.

¹ Место написания устанавливается по содержанию письма: «...приехал я сюда, в С.-Петербург...»

² С.Ф. Ольденбург.

³ М.С. Гревс.

⁴ А.П. Ольденбург.

⁵ Возможно, Тимофеева.

⁶ Д.И. Шаховской.

⁷ Родичев.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Лерке.

№ 277

28 октября 1891 г., С.-Петербург

28 окт. 91, СПб., утро

Дорогая моя, родная Натуся, мое сокровище неоценимое. Вчера я тебе послал телеграмму, а не писал. Диспут¹ кончился в 4 часа, а затем я был у мымы и вечером у Арсеньева. О последнем расскажу при свидании, а теперь напишу про диспут. Сошел он, говорят, хорошо, я себя чувствовал так себе: публичная хвальба также мало приятна, как и нападки. Возражали Докучаев и Коновалов – оба касались **общих** вопросов и не придирались к мелочам. В общем, мне кажется, диспут держался общих общепонятных вопросов и методики, т.е. того, что, по моему убеждению, составляет силу диспута. Защищался я так себе. Коновалов и после диспута был очень любезен и рассыпался в комплиментах. Возражал еще Вульф и Федоров – оба неважно. Вульф получает место в Дерпте. Здесь вижусь с нашими: Сергей², Иван³, Митя⁴ были на диспуте⁶. С Митей вечером были у Арсеньева, на которого, по-видимому, сильное впечатление произвел Марк⁵ своими письмами и деятельностью. Завтра еще увижусь с ним. Сегодня обедал у Докучаева, буду у Медведева, Кауфмана, Гревсов, Ольденбурга, Ремезова. Завтра иду к Соколову etc.

Ту работу, которую мы делали по поводу регистрации сведений о голоде, будут **вместе** делать и здесь. Этот главный результат пока поездки. Я никогда бы не решился – но Митя устроил: главные – Арсеньев, Кауфман и наши etc. В общем здесь вялы донельзя. Вчера получил письмо от Попова – ужасное. Денег пока собрали 92 руб., да еще обещали. Можно кое-что.

Крепко целую тебя мою родную. Я чувствую, что дело пойдет, когда кто-нибудь возьмет на себя руководство – в случае чего могу я, хотя я и не экономист⁷.

Получил телеграмму от Янжула. О работе Докучаева говорили – но оба виноваты в промедлении. Целую тебя, мою драгоценную, родную, неоценимую. Гагу⁸ поцелуй. Елли Ивановане⁹ кланяюсь.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 65–66.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 204.

² С.Ф. Ольденбург.

³ И.М. Гревс.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ См. комментарий № 3 к письму № 263.

⁷ См. комментарий № 3 к письму № 261.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ Лерке.

29 октября 1891 г., [С.-Петербург]

Вторник, 29 окт. 1891, утро

Дорогая Натуся, моя родненькая, милая девонька. Сегодня я был так рад получить твое милое, дорогое письмо. Вчера я очень мало сделал: был у Кауфмана, у Ольденбурга, Докучаева, Ремезова, Медведева etc., но в общем как-то сильно болела голова и было не по себе. Верно, от нервов после диспута. Для сбора денег в пользу Липовки и Подъема оставляю уполномоченных Марью Дмитриевну² и Сергея³. Ремезов и Ушинский обещали собирать. Анатолий⁴ собрал вчера 13 руб. Сегодня вечером буду у Калмыковой для переговоров с Арсеньевым и Кауфманом. Вчера мне было грустно видеть и Анатолия, и Сергея. Анатолий до сих пор какой-то меланхолический, надломленный. Сергей был вчера в ясном болезненно раздраженном состоянии, и сильно щемит сердце за него. Я думаю теперь, что Ивану⁵ лучше уехать, как ни тяжело и ни вредно это для него: иначе **Маше**⁶ очень трудно. Так думает и Сергей. Маша тебе теперь завтра уже напишет – ей дозволено, и в среду перейдет она к Ла...⁷, дабы дезинфицировать всю квартиру.

В общем здесь чувствуется безалаберщина, общее русское размякшее настроение, однако беда начинает себя давать знать и разговоры принимают более определенный и решительный характер. Нет одного элемента – знания – знания фактического.

Я твердо решил в этом году тратить значительную часть времени нашей работе – для этого надо много, много читать, у меня в целых областях мало знаний. Работу регистрации надо закончить скорее⁸.

Вчера познакомился с Менделеевым, куда ни ткнется он – виден умный человек, так и тут в его теоретических представлениях о голоде и т.п.

Мне уже хочется скорее уехать от здешней сутолоки и возни и хочется скорее войти в более правильную жизнь, скорее быть с тобой, с моей неоценимой, родненькой Натусей. Завтра вечером думаю выехать. Крепко целую тебя всю; Гагуна⁹ поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 38, лл. 67–68.

¹ Письмо написано в Петербурге, так как в нем В.И. Вернадский перечисляет петербургских знакомых (С.Ф. Ольденбург, В.В. Докучаев и т.д.), у которых он побывал.

² Возможно, Ольденбург.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Очевидно, Медведев.

⁵ И.М. Гревс.

⁶ М.С. Гревс.

⁷ Фамилия написана неразборчиво, возможно, «Лаппо»; Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский – друг М.С. Гревс.

⁸ См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁹ Г.В. Вернадский.

27 декабря 1891 г., Вернадовка

Вернадовка, 27/XII 1891

Дорогая моя Натуня, очень скоро буду назад¹. Пишу тебе всего несколько слов, так как много дела.

Арсеньева видел – он сегодня уехал отсюда в Пензу. Он пожертвовал 500 руб., и мы открываем теперь, кроме 2 столовых в Каменке² (130 человек), еще 1 столовую в Бояровке (70 человек)³, 1 столовую в Милашенке (45 человек)⁴, 2 столовые в школах Каменки (около 100 человек), одну школьную в Липовке⁵ (около 45 человек) – т.е. теперь имеем уже на попечении 390 человек, да еще кормим раздачей хлеба в Подъеме⁶ 10–20 человек, т.е. всего **более 400 человек**. Я сегодня был у земского начальника – не застал.

В Каменке **прекрасный** человек священник⁷ – мы вчера весь день с ним и все описывали Милашенку. **Прямо** вследствие того, что помощь земская запоздала, **умерло** несколько человек от голоду! Я теперь так ясно и определенно, вне всяких сомнений, вижу, что всякие толки о вреде «даровой помощи» etc. – так лживы, так безбожно вредны, что я не знаю, как и назвать таких людей. Если бы земство выдавало не 30 фунтов на часть населения, а на **все** население по 30 фунтов в месяц – нужда сильно уменьшилась бы. Надворная перепись всего крестьянского хозяйства в Милашенке, я впервые ее производил, дала мне очень много. Я еще не разобрался вполне (Арсеньев будет писать в февральское внутреннее обозрение «Вестника Европы»)⁸. Я ясно вижу, что через 4–3 недели еще ужаснее беда: конец корму скота и т.п. Много тяжелого. Крестьяне разорены страшно: из скота уже распродано 3/4 minimum, – а это ведь все. Мы были при благоприятных условиях: около 20-го числа роздано земское пособие, а на Рождество пособие от помещика Олива (он в Москве – надо видеться) – оно уже съедено, или хватит на день-два-три! Что будет до 20-го января? Голодные просят хлеба: что будет? На хутор ездят толпы крестьян, и бабы плачут и становятся на колени, прося хлеба. Трудно отказывать, а надо – потому что ведь надо продержат столовые не на один месяц, а на семь. Мы рассчитали бюджет на 4000 руб. (уже есть около 3300) и имеем возможность открыть еще столовую на 100 человек. Решили ждать, когда можем открыть на 250 человек и тогда **сразу** открыть 5 столовых в Липовке, где 3000 человек. К Арсеньеву обращались за справками обо мне петербургские адвокаты: очень возможно, мы получим и от них помощь. К.К.⁹ по приезде в С.-Петербург сейчас же напишет им, что он видел. Лелька¹⁰ уезжает: собственно дела есть на 2-х, но я не думаю, чтобы Владимир Васильевич¹¹ с ним ужился (он очень мил, хорошо ведет дело, но ему лучше действовать одному – между нами это, конечно. Лелька же держит себя хорошо очень!). Завтра ему в Моршанск.

Крепко целую тебя, мою родную, и Машу¹², Гагу¹³, Катюшу¹⁴. Е.И.¹⁵ поклон. Мой родной, глупенький Тутик – от тебя письма нет!

Твой Владимир

P.S. Дорогой ехал с Кон.Кон.¹⁶ и Орловой¹⁷ – много разговаривали и довольно хорошо.

¹ В.И. Вернадский находился в Вернадовке с 25 декабря 1891 г. по 11 января 1892 г. Он непосредственно принимал участие в организации столовых для голодающих крестьян. См. комментарий № 1 к письму № 261.

² Каменка – село Громовской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губ.

³ Бояровка – деревня Громовской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губ.

⁴ Милашенка – деревня Громовской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губ.

⁵ Липовка – деревня Питимской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губ.

⁶ Подъем – село Тараксинской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губ.

⁷ В Каменке священником был отец Петр Трескин.

⁸ *Арсеньев К.* Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестник Европы. 1892. Фев. Кн. 2. С. 835–850.

⁹ Константин Константинович Арсеньев.

¹⁰ Л.А. Обольянинов.

¹¹ Келлер.

¹² М.С. Гревс.

¹³ ГВ. Вернадский.

¹⁴ Е.И. Гревс.

¹⁵ Лерке.

¹⁶ Очевидно, Арсеньев.

¹⁷ Очевидно, Елизавета Николаевна Орлова.

№ 280

23 января 1892 г., С.-Петербург

Четверг, 23.I 1892, Москва¹

Дорогая Натуся, моя рыбонька, пишу тебе теперь немного. Я ничего не пишу о деле², для которого приехал. Завтра или послезавтра это вырешится – не знаю еще как. В письме лишнее писать – могу только сказать, что мы не угадали, откуда деньги, а устроил все Алекс. Васил.³ (он уезжает назад в Крым). Был у Сергея⁴ (где ночую), мамы, Арсеньева, Винберга, Нины⁵, Паши⁶. Сергей и Маша⁷ похудели немного – все-таки тяжело и грустно. Сергей сильно тревожится, как быть с Иваном⁸. Правда, трудно. Если все окажется мифом, выеду в субботу или завтра вечером. Лелька⁹ может уезжать. В Лизину школу отсюда уже выслали деньги, так что те деньги должны идти в Сухой-Карбулак¹⁰.

Родная моя, неоценимая, ненаглядная, моя любимая Тутя, как мне хочется с тобой, с моей дорогой, не расставаться – быть с тобой всегда. Я очень боюсь, что ты мне не напишешь. Неужели ты не догадаешься, родненькая? Гагу¹¹ целую.

Твой Владимир

На обороте: Москва, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской, угол Трубниковского и Дурновского, д. Крахт.

Оп. 7, д. 39, л. 1.

¹ Описка В.И. Вернадского: вместо «С.-Петербург» указано «Москва».

² Речь идет, очевидно, о сборе средств для борьбы с голодом в Тамбовской губ.

³ Александр Васильевич Келлер.

⁴ С.Ф. Ольденбург.

⁵ Н.Е. Старицкая.

⁶ П.Е. Старицкий.

⁷ М.С. Гревс.

⁸ И.М. Гревс.

⁹ Л.А. Оболянинов.

¹⁰ Сухой-Карбулак – село в Саратовском уезде.

¹¹ Г.В. Вернадский.

№ 281

26 февраля 1892 г., [Москва]¹

26. II, утро

Моя дорогая, ненаглядная Натуня, моя милая, нежная девуня, так страшно грустно мне без тебя, быть здесь одному, так мне недостает тебя – хотя моя дурашка и говорит, что с ней не разговаривают etc. Я буду тебе писать род своего дневника изо дня в день и хочу, чтобы и ты мне писала все, что думаешь, над чем работаешь, все, что волнует мою милую, нежную птичку. Вчера я не занимался – как-то не хотелось. Был Дьяконов, потом Мария Николаевна (я ей заплатил 25 руб.), потом Софья Александровна Ильинская, которая очень была огорчена, что тебя не застала. Затем зашел еще один студент-юрист 4-го курса – Дубенский, услышавший, что нам нужны люди³. Ехать он будет на свой счет. Очень симпатичный, почему я и решился его взять. Прямых знакомств нет, но косвенные есть – также ведь proprio motu⁴ наехал и Алексеевский, надеюсь – будет хорош. Он из Тульского землячества, которое устроило столовую в Елецком уезде (куда и Комитет грамотности посылает деньги), но туда людей не надо: по его словам, здесь медики и юристы 4-го курса соединились и с большими трудами собрали крохи и устроили столовые в 2-х местах. Я думаю, что в нем не ошибся. Вечером читал – но мало – Щедрина (sic!), кое-что из новых научных журналов – интересную статью о книге [Jougu]⁵ о новейших работах по физиологии мозга – для меня открылось совершенно новое, неизвестное движение в Италии – оригинальная школа Флоренции заставила меня очень заинтересоваться этим течением. Сегодня примусь вечером за отчет⁶, в 11 ¹/₄ буду в Петровской академии, а теперь, написав тебе письмо, приготовлю лекцию, да еще кое-что из мелочей, новинок по минералогии etc. подчитаю. Писем куча. Я их тебе посылаю в отдельном конверте. Я, кажется, не согласен с Нат. Павл.⁷ и Федором⁸ о плохом исходе выборов: забаллотировали Мамонтова etc. Ведь это и есть защита принципа своих прав. Как этого не поймут!

Целую всех, Гагу⁹ и тебя, мою ненаглядную.

Твой Владимир

Нечаеву телеграфировал. Встретил ли вас Краснов?

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, С просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 39, л. 2.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Личность установить не удалось.

³ Люди необходимы были для работы по борьбе с голодом в Тамбовской губ. См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁴ По собственному побуждению (лат.).

⁵ О какой работе идет речь, установить не удалось.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁷ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

⁸ Ф.Ф. Ольденбург.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 282

26 февраля 1892 г., [Москва]¹

28.II 1892, вечер

Дорогая моя Натуся, теперь ты подъезжаешь к Полтаве и, верно, моя роденькая, скоро там будешь – если не опоздает поезд. Как-то ты справишься с усталостью, моя драгоценная, неоченимая рыбка. Я сегодня опять мало сделал!! Утром читал газету, затем подготовил лекцию да написал тебе письмо – а потом с Павловым был в Петровской академии и вернулся в 6-м часу: погода ужасная, и мы промерзли изрядно. Коллекции там лучше университетских – чувствуется, что был хороший ученый когда-то профессором (покойный Ауэрбах). Коллекция вдвое-втрое меньше и во много раз ценнее и важнее университетской. Я просидел с ним все время над коллекцией метеоритов, когда-то одной из лучших в Европе, – частная коллекция Ауэрбаха, завещанная им в Академию. Но в каком это все виде теперь! Кровью обливается сердце при мысли, что это попадет в руки и распоряжение вандалов, не понимающих ни научного значения, ни философского интереса этих коллекций. Коллекции метеоритов, такой, как эта, нет ни в одном нашем университете, и она одна из десяти лучших во всем мире, и вдруг это **народное** достояние пропадет. А теперь разорение и апатия – на все махнуть рукой – царят в Петровской академии. Вечером я немного отдохнул (читал Шевченко), а затем занимался частью мидиями, частью кое-что читал – интересные сводки новых работ по теории растворов. У меня сегодня был Юрковский, который тоже едет². Очень славный юноша, уже более солидный. Какая масса хороших людей, сколько горячих сердец, сколько живого, дорогого во всех этих людях. Я чувствую, как и на меня вся эта молодежь, едущая на места голода, действует возвышающе. Я чувствую веру в хорошее будущее. Не может пройти бесследно для русского общественного движения – это новое хождение в народ. Вопросы, связанные с народным обеднением, вопросы о народных правах станут перед всеми этими людьми, на деле и на месте столкнувшимися с жизнью. Я чувствую это настроение. Вечером был у Петрункевича сдал комитетские дела. Очень удивлялись твоему отъезду. По обыкновению милы. У них познакомился с Покровским, статистиком из Твери, близким Федору³. Затеваются журнал–газета: есть 20 тысяч руб. – подробности позже⁴. Впечатление Ивана Ильича⁵ из выборов – тяжелое. Сорвали выборы – правые. Говорили много по поводу 19 февраля etc., и яснее становится злость и сознание, что не стоит тратить время с Гольц.⁶ К°. Павлов имел объяснение с Мензбиром⁷ по поводу нашего проекта⁸: Обществе испытателей природы большой шум, и гуси напуганы – хотят положить под сукно. Мы решили издать сами, если

они нас отвергнут. Рисуем очутиться вдвоем против всех⁹. Какое милое и тяжелое письмо Сергея¹⁰.

Целую всех.

Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 3–4.

¹ Письмо написано в Москве, так как Вернадский вел занятия в Московском университете и из Москвы не выезжал.

² Речь идет о поездке студента Петербургского университета Б.А. Юрковского в Тамбовскую губ. для борьбы с голодом.

³ Ф.Ф. Ольденбург.

⁴ Организовать издание журанала–газеты В.И. Вернадскому и его друзьям не удалось.

⁵ Петрункевич.

⁶ Очевидно, имеется в виду журналист В.А. Гольцев – редактор московского журнала «Русская мысль».

⁷ Михаил Александрович Мензбир был редактором изданий Московского общества испытателей природы (с 1888 г.).

⁸ *Вернадский В.И., Павлов А.П.* Проект устава Общества для обеспечения и организации русских естественно-исторических научных съездов. М.: Тип. Иноземцева, 1892.

⁹ На заседании Московского общества испытателей природы 19 марта 1892 г. было сделано следующее сообщение: «В закрытом заседании г. секретарь В.Н. Львов сообщил, что в Совет Общества поступил проект Общества для обеспечения организации русских естественнонаучных съездов, составленный А.П. Павловым и В.И. Вернадским. Совет Общества, находя для себя в высшей степени затруднительным подвергнуть этот проект обстоятельному рассмотрению, постановил предложить Обществу препроводить его в Распорядительный комитет будущего съезда как особое мнение нескольких членов. Ввиду позднего времени постановлено возбудить этот вопрос в особом заседании, а самый проект выложить в помещении Общества для ознакомления с ним тех членов, кои пожелают с ним ознакомиться» (см.: Протоколы заседаний Моск. о-ва испытателей природы // *Bull. Soc. Impér. Natur. Moscou*, 1893. Т.6. С. 7). Позднее, на заседании 16 апреля 1892 г., было принято решение: «Постановлено препроводить этот проект в Распорядительный комитет будущего съезда как особое мнение нескольких членов общества (если того пожелают его составители)» (см.: Там же. С. 11). В.И. Вернадский и А.П. Павлов издали свой проект отдельной брошюрой. См. комментарий № 8 к данному письму, а также письмо № 284.

¹⁰ С.Ф. Ольденбург.

№ 283

26 февраля 1892 г., [Москва]¹

28.III 1892

Дорогая моя Натуся, посылаю тебе заказным полученные письма Ивана², Сергея³ к нему и Машино⁴. Машиного письма я не читал. Какое сильное письмо Сергея. Напиши Ивану и успокой его.

Вчера мне опять не занималось. Прочел я лекцию, а затем до практических занятий совсем как-то попусту время ушло – на очень ленивую работу для Докучаевского⁵ отчета. Меня смущает отсутствие настроения к этой работе. Да и читал вчера немного – несколько новых вещей по моей специальности, главным образом новую библиографию и кое-какие статьи по минералогии: все обычные факты, их же несть числа: у меня самого их целый ряд – да лень печатать. Читал затем Гиббона, Шевченко и начал Гейгера: «*Geschichte d. Humanismus und Renaissance in Italien u. Deutschland*»⁶, чтобы заодно работать с Тутей. Все так себе. Вечером набросал и передумал весь

план статьи о Клейбере⁷. Но я совсем не умею писать! Мне хочется изложить его жизнь в связи с тем течением, в котором готовилась значительная часть нашего поколения, только теперь вступившего в жизнь. Сперва строгая научная работа. Студенческое общество⁸ как род selfgovernment⁹ и связи молодых сил, работающих в разных отделах, – вследствие этого расширение кругозора и интереса вне формальных делений наук*. Для Клейбера это вызвало интерес к приложению математического метода в других областях: в связи с общественными явлениями, психологией etc. Закрытие высших женских учебных заведений¹⁰ и реформа университета¹¹ вызвала в нас всех никогда не пропадающие думы о высшем образовании. Создание библиографии по высшему образованию, рефераты – статьи Клейбера в «Русском богатстве», «Вестнике Европы»¹², попытка составления записки о медицинских курсах, попытка основания «женского университета». Наряду с этим этические течения в это время вследствие неожиданного торжества реакции и нашей молодости особенно стали перед нами, для Клейбера они выразились в его разрыве с семьей¹³, переводе «Этики» Вундта¹⁴, статей Эберти. В то же время перед ним стояла его диссертация: он все время, неуклонно, несколько лет работал над теорией движения звезд и стремился понять звездную систему как целое. Я лично считаю эти его мысли – я знаю их и в состоянии оценить, так как когда-то эти вопросы были близки мне, и одно время мы вместе пытались работать над частным, сюда относящимся вопросом, считаю эти его мысли очень важными и убежден, что он мог бы достигнуть здесь многого. Ему пришлось работать относительно новым в астрономии методом – статистическим. Задача оказалась выше его знаний. Но И.А.¹⁵ неуклонно добивался ее: он обратился к изучению методов. Для этого: 1) небольшой частный вопрос (методологический), обработанный как магистерская диссертация, 2) целый ряд частных вопросов разных наук он пытался подчинить тому же методу, постепенно улучшая форму и глубину анализа. Этим являются его блукания в метеорологию, математическая теория экзаменов, математические отклонения в теории Дарвина**. Его вычисление π из разных невозможных случаев etc., 3) он убедился, что его математических знаний недостаточно, и отправился в Кембридж. Его занятия вопросами логики и генезиса методов привели его к вопросам наследственности: попытка программы наблюдений над детьми etc. (у тебя она?). Эта поездка за границу имела другие последствия: снова при взгляде на живую организацию Кембриджа (прочти, пожалуйста, неталантливую, но дельную статью Окольского об английских университетах в «Русской мысли»¹⁶) стали вопросы о высшем образовании¹⁷, в то же время рабочее движение Бельгии, свободная английская жизнь etc. натолкнули его неудержимо на вопросы политической жизни. Он понимал их отвлеченно очень, но ставил резко, и мало у него сознание своих прав так глубоко проникало в природу. Из Кембриджа Клейбер вынес: 1) знание математического метода (некоторые его математические статьи обратили там внимание) и 2) новую переработку методологических взглядов, отчасти под влиянием Седжуика: его интерес к психическим явлениям и к гипнозу. Частный вопрос

* Это является, по моему убеждению, одной из основ университета в отличие от остальных «специальных» заведений.

** Петербургские математики смеялись. В прошлом году в Англии возбудило общий интерес то же самое, сказанное другими.

был обработан как докторская диссертация, а в сущности, Клейбер усиленно работал все над той же темой строения звездного мира, над которой работал с 1882 г. Он мне говорил, что лишь одна часть не поддавалась его анализу. Перед болезнью он усиленно работал над этой темой. Теперь, когда стоит его жизнь передо мной, больно становится при мысли о его смерти. Как странно, что вопросы смерти так стоят перед нами. Напиши мне свое мнение об этой схеме биографии. Целую всех и тебя, мою радость.

Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 5–6.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.

² И.М. Гревс.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁵ Статья не была опубликована, рукопись хранится в личном архиве В.И. Вернадского (ф. 518, оп. 1, д. 299).

⁶ *Geiger Ludwig*. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. В.: Baumgärtel, 1882. Общий титульный лист: Hauptabt Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen. Hauptabt. Bd. 2. Т. 8.

⁷ Статья не была опубликована, рукопись хранится в личном архиве В.И. Вернадского (ф. 518, оп. 1, д. 299).

⁸ Имеется в виду Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета.

⁹ Самоуправление (англ.).

¹⁰ Закрытие в 1885 г. высших женских учебных заведений (Высшие женские курсы) было одним из проявлений реакционной политики Министерства народного просвещения. Предлогом для закрытия послужило создание при Министерстве народного просвещения особой комиссии для рассмотрения общего вопроса о женском образовании. На время деятельности этой комиссии по распоряжению министра народного просвещения Д.А. Толстого был прекращен прием слушательниц на курсы, т.е. фактически курсы прекратили свою деятельность, которая была возобновлена только в 1889 г. под давлением передовой общественности России и профессорской коллегии.

¹¹ Имеется в виду реформа 1884 г., когда был принят новый устав университетов, по которому университеты лишались автономии, отменялась выборность ректора, деканов, профессоров. Устав порвал связь между профессорской коллегией и органами университетского управления, поставив профессоров в положение чиновников. Профессора назначались попечителем учебного округа, за ходом преподавания был установлен надзор, отменялся университетский суд и учреждалась должность инспектора для надзора за студентами, назначаемого Министерством народного просвещения, со специальным штатом и полицейскими функциями. Увеличивалась плата за учение, студентам было запрещено издание научных трудов. Несмотря на борьбу профессорской коллегии за изменение этого устава, устав 1884 г. просуществовал до Великой Октябрьской социалистической революции.

¹² См., например: *Клейбер И.А.* Кембриджский университет // Вестник Европы, 1890. Сент. С. 214; Окт. С. 543; *Он же*. Ускорение процесса письма // Русское богатство. 1887. № 5/6;. С. 236; *Он же*. Суточная нутация Земли // Там же. С. 244; *Он же*. Солнечное затмение 7 августа // Там же. № 3. С. 61; *Он же*. Зависимость между спектральными линиями химических элементов // Там же. № 5/6. С. 248.

¹³ Разрыв с семьей у И.А. Клейбера произошел после женитьбы его на Лидии Владимировне Винберг, против которой возражали родители.

¹⁴ *Wundt W.W.* Ethik. Eine Untersuchung der Thatsachen und Gesetze des sittlichen Lebens. Stuttgart: F. Enke, 1886.

¹⁵ Клейбер.

¹⁶ *Окольский А.С.* Реформа английских университетов в XIX столетии // Русская мысль. 1892. Кн. 1. С. 60–81; Кн. 2. С. 1–21.

¹⁷ *Клейбер И.А.* Кембриджский университет // Вестник Европы. 1890. Сент. С. 214–237.

1 марта 1892 г., [Москва]¹

1.III 1892, воскресенье, утро

Дорогая моя Натуся, пишу тебе несколько слов, так как сейчас придет студент исправлять лекции. Работал я это время плохо – как-то не в настроении, да и читал неважно. Отчет Докучаеву подвигается², но очень слабо – думаю засесть настоящим образом. Вчера были у меня Новгородцев и Грабарь, много мы с ними говорили, читал я кое-что к своей теме, да еще Шевченко, Гиббона, Диккенса. С большим интересом прочел биографию Салтыкова, составленную Кривенко (из серии Павленкова)³. Я очень жду твоего мнения о плане биографического очерка Клейбера, я о нем думал и набрасывал. Наш проект Ассоциации в Обществе испытателей природы решили de facto положить под сукно, но для соблюдения уважения к нам предложили передать его через Общество, положить для подписи членам etc. Мы с Павловым от последнего отказались, заявив, что этот проект плод нашего убеждения и мы хотели лишь внести его к обсуждению в обществе, но раз дело стоит так, то мы его печатаем сами и сами вносим⁴. У меня было принципиальное объяснение с Львовым⁵ и Соколовым⁶ – Львов был весьма сконфужен и говорил невообразимую чушь о научной работе. Я терпеть не могу объяснять свои взгляды, а тут вопрос сошел на общественные задачи ученых. Удивительная страсть – зарыться в свой куток и заниматься смакованием научных вопросов и дразнами. Статья Об.⁷ пропущена с помарками.

Целую вас всех.

Владимир

Рад был очень твоему письму – рыбка моя.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Крахт⁸.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.² См. комментарий № 6 к письму № 248.³ *Кривенко С.Н.* М.Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Биограф. б-ка Ф. Павленкова, 1891.⁴ См. письмо № 282 и комментарий № 8 к нему.⁵ В.Н. Львов в это время – секретарь Московского общества испытателей природы.⁶ В.Д. Соколов – секретарь Московского общества испытателей природы.⁷ *Обольянинов Л.А.* Из поездки в голодающую местность // Русская жизнь. 1892. 8(20) мая. № 124; 11(23) мая. № 127; 13(25) мая. № 129. 16(28) мая. № 132.⁸ Описка у В.И. Вернадского, надо: «дом Янович».2 марта 1892 г., [Москва]¹

2.III 1892

Дорогая моя Натуся, сегодня получил твое письмо, и очень меня беспокоит, что ты себя скверно чувствуешь. Так бы хотелось, чтобы моя деточка была со мною, так мне сильно, страшно сильно недостает тебя, мое серденько. Я убежден, что перемена обстановки и правильное лечение должно на тебя хорошо подействовать. Моя любимая, родная, отчего ты думаешь, что меня касающиеся тебя мелочи жизни не интересуют? Совсем напротив.

Не помню писал ли я тебе, что в пятницу у меня был экзамен и опять одному фармацевту пришлось поставить неудовлетворительно. Он приходил на другой день ко мне, просил переэкзаменовку и плакал! Я отправил его к декану – конечно, напрасно.

Пишу тебе вечером. Завтра у меня две лекции, к ним более или менее готов. Сегодня утром работал для Докучаевского отчета³, а обедал у меня Арнольд – помнишь, издатель моих лекций прошлого года. Он обратился ко мне с просьбой помочь ему в переводе для издания в пользу голодающих. Издаст он сам, или помогут товарищи. Денег у него нет, а он хочет хоть трудом добыть немного денег для голодающих. Я ему предложил несколько из более новых вещей – думаю, статью Ру о механике развития организма (очень блестящая статья), или статью Фокка о физических свойствах элементов, или: Van Menebrughe. «Couscric sur la tension...»⁴. Мне дорого всякое проявление энергии, и, право, среди молодежи теперь очень много хороших людей – идет новое поколение с солидным желанием учиться и известной энергией. Много напоминает мне наши годы, но мы были меньшинство. Если упрочусь в университете, все силы употреблю на образование студенческого научного общества. После обеда был у Златовратского, который к нам позже придет⁵. Они сделали на меня хорошее впечатление и дети – так просто и серьезно ко всему относящиеся. Говорили о голоде, о современных течениях etc., в общем очень нескладно, но впечатление осталось хорошее. Я думаю у него бывать. Вечером готовился к лекции, а теперь тебе пишу. Прочел я новый журнал «Славянское обозрение» – весьма неважно, но есть интересные материалы в переписке Николая Милютина⁷; читал я Шевченко и очень хочу, чтобы ты прочла в маленьком издании заграничном (есть у Георгия⁸) его небольшое стихотворение: «Минають дни, минають ночі» (с. 73) – великолепно. Это одно из самого лучшего, что мне приходилось читать⁹. В субботу были Новгородцев и Грабарь – говорили. Вчера хотел пойти к Янжул, но так как обедал у Петрункевича, да комиссия – уже было мне вполне достаточно – не пошел.

Посылаю тебе письмо Попова. Кое-какие письма перешлю.

50 руб. от Егора Павловича¹⁰ получил.

Целую всех крепко и тебя, мою любимую, неоценимую, и Гагуна¹¹.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 8–8-а.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁴ Где были опубликованы статьи, установить не удалось.

⁵ В Тамбовскую губ. на борьбу с голодом.

⁶ Историко-литературный и политический журнал, выходил в Петербурге в 1892 г.; издатель-редактор проф. А.С. Будилович.

⁷ Из переписки князя В.А. Черкасского и Н.А. Милютина по польским делам // Славянское обозрение. 1892. Т. 1, кн. 1. С. 51–69.

⁸ Г.Е. Старицкий.

⁹ См., например: Шевченко Тарас. Киев, 1961, Т. 1. С. 328.

¹⁰ Старицкий.

¹¹ Г.В. Вернадский.

4 марта 1892 г., Москва

№ 6/81¹

Москва, 4. III 1892

Меня очень беспокоит, моя неоцененная, дорогая Натуся, что сегодня нет от тебя письма. Последнее письмо твое (от 29 февраля) я получил уже давно, и вот уже 6-й день я не знаю ничего о тебе, а ты пишешь в том письме, что очень плохо себя чувствуешь и не оправилась с дороги. Я прошу тебя не ждать, когда ты можешь и в расположении писать письма о более общих вопросах, а писать мне хоть коротенькие письма, а не оставлять меня долго без твоих писем.

Сперва о всяких мелочах. Во-первых Мария Николаевна² спрашивает, сколько надо заплатить за переписку статьи Л.Ал. Обольянинова³ и получила ли ты переписанный экземпляр⁴. Потом спроси Елли Ивановну⁵, если она переписала отложенное белье, то куда она девала запись: например, она, по-видимому, не отложила ни одной простыни и т.п.

Занимался я это время мало. Сегодня болела голова, да и вообще был в плохом настроении работать. Сегодня приехал Дмитрий Иванович⁶. Был вчера из Вернадовки Сергей Иванович⁷, но его я видел совсем мельком, то он, то я были заняты: теперь у нас больше 37 столовых, т.е. кормится нами около 2000 человек, мы решили вести деятельность дальше, т.е. не расширять дело в захваченном районе, а расширять район, чтобы оказывать помощь **наиболее нуждающимся**. У нас там теперь около 10 человек, и теперь еще легче доставать людей. Мы отказались от вступления в Губ. Ком⁸., но отношение властей остается по-прежнему прекрасным. Все на местах ладят, лишь у Яроцкого были какие-то несогласия с остальной К°. Ю.Н.⁹ чувствует прекрасно, а Сергей Иванович **весь** поглощен этим делом и совсем другой человек. Сегодня поехал туда еще студент – медик Еленевский. Пантелеев закупает на наш район **500** лошадей (мы мечтали всего о 200!) и 100 прямо отдает нам, а остальных будет помещать сообща.

С 8 по 30 мая у меня сплошь экзамены (государственные, медицинские¹⁰ и полукурсовые), да еще факультет¹¹ назначил меня ассистентом на экзамен Столетова. Не особенно приятная перспектива!

Митя¹² говорит, что Федор¹³ из С.-Петербурга говорит, что Сергея¹⁴ здоровье очень плохо, да и Маша¹⁵ не вполне здорова.

Только что вернулся я с доклада Астырева о продовольственном деле в Статистическом обществе. Доклад чрезвычайно интересен и очень недурно составлен. На прения не остался. Митя еще там. В общем тяжелая картина, но ясная мысль о необходимости разобраться во всех этих вопросах.

Прилагаю письмо Гизетти: я думаю, что мне, во всяком случае, надо отказаться: чисто физически **нет** времени бегать по издателям¹⁶.

Крепко целую тебя, Гагу¹⁷ всех наших. Мне очень тяжело, и беспокоит твое молчание, моя родная.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 9–10.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Личность установить не удалось.

³ Возможно, речь идет о статье Л.А. Оболянинова в «Русской жизни» (см. комментарий № 7 к письму № 284).

⁴ В письме от 8 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская пишет: «Я сама не знаю, сколько платить за переписанную статью Оболянинова, ты лучше это знаешь. Отчего ты спрашиваешь, получила ли я переписанный экземпляр? Ведь он был послан в цензуру» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 11).

⁵ Лерке.

⁶ Шаховской.

⁷ Шаховской.

⁸ Очевидно, Губернский продовольственный комитет.

⁹ Юлия Николаевна Сиротинина.

¹⁰ Имеется в виду прием экзаменов на медицинском факультете Московского университета.

¹¹ Физико-математический факультет Московского университета, членом которого В.И. Вернадский стал после защиты диссертации (28 октября 1891 г.) с совещательным голосом и с решающим голосом по делам, касающимся Минералогического кабинета.

¹² Д.И. Шаховской.

¹³ Ф.Ф. Ольденбург.

¹⁴ С.Ф. Ольденбург.

¹⁵ М.С. Гревс.

¹⁶ В письме от 9 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Отчего ты так долго держал письмо Толи Гизетти и не присылал мне его? Неужели это возьмет много времени переговорить с издателем, и не мог ли бы ты поручить кому-нибудь это сделать. Не сердись на меня за этот вопрос, не думай, что я не вхожу в твою жизнь. Я пишу об этом, так как, может быть, возможно без большой жертвы устроить дело, которое мы все, несомненно, считаем возможным: печатание хороших, серьезных статей для народа, которые, изданные в Москве, шире распространятся во все концы России» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л.12–12 об.).

¹⁷ Г.В. Вернадский.

№ 287

6 марта 1892 г., Москва

№ 7/92¹

6.III 1892, Москва

Дорогая моя, родная Натуся, моя драгоценная девонька, сегодня был так рад получить от тебя два письма. Я очень беспокоюсь, как ты себя чувствуешь. Я пойду к Попову², но ты мне не пишешь самого главного. **Какой** бок болит, и сильна ли боль и в правом? Я думаю, со слов Захарьина³ etc., что тебе нельзя пить молоко с вредом для здоровья. Моя родненькая, любимая птичка, так я часто вспоминаю про тебя. Сегодня я мало работал или, вернее, работал вполне безалаберно, но мысль все больше сосредоточивается, и я начинаю сознавать красоту – гармонию известной выдержки в своей работе и чувствую, что скоро введу все в рамки. Тут мне поможет мое упрямство.

Много читал сегодня – несколько специальных статей по геологии Подольской губ. и Сибири, статью об assarement⁴ платины (чуть не единственную в русской литературе по этому довольно важному предмету). Всюду дух запрещения – и тут автор советует забрать всю торговлю платиной правительству в свои руки. Вот уж царство будет бюрократии! Кое-что по истории горного дела при Елизавете прочел: прелюбопытные материалы по переходу в царское владение Алтайского горного округа, читал и еще новые кое-какие статьи по естественным наукам – все неважные; был в банке, менял деньги для покупки ржи⁵, а затем после обеда был студент поправлять лекции – после твоего отъезда издаю уже 3-й лист, а всего будет у меня до 20 листов (из-

дано теперь 12)⁶. С ним я разговаривал довольно много, а позже зашел Ив. Дмитр. Бек.⁷ – у них теперь идея для сбора и регистрации сведений о голоде: говорили об этом. Вечером просматривал «Вестник Европы»⁸. Мало работало – голова несколько болела, а в сущности, среди машинального чтения, просмотра романов etc. мысль работала над отчетом Докучаева⁹, над статьей о Клейбере¹⁰. Я надеюсь послать во вторник или среду Докучаеву листа 2 для печати – завтра засяду на весь почти день за эту работу.

В Комитете грамотности новый переворот: после новой статьи «Московских ведомостей»¹¹ Горбунов отказался от председательства в нашей комиссии¹² и комиссии воскресных школ¹³. В нашей мы можем обойтись без председателя, а в комиссии воскресных школ выбрали Вахтерова. Горбунов, должно быть, откажется и от председательства в Комитете¹⁴, тогда мы думаем с Иваном Ильичем¹⁵ выставить кандидатуру Вахтерова, если он может по своему служебному положению. Это было бы хорошо.

Посылаю тебе письмо Лидии Клейбер и еще письмо Келлера. Не может ли Саша¹⁶ через Серг. Серг.¹⁷ узнать: о ценах на землю, условиях переселения, времени сельских работ, проезда, качества почвы etc. в Омске? Я по этому письму узнал кое-что у Астыр.¹⁸, писал Кауфману¹⁹ и в Переселенческое общество, где я членом.

Целую тебя, мою родную, и Гагу²⁰, и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 11–12.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Имеется в виду лечащий врач Н.Е. Вернадской П.М. Попов, ученик Г.А. Захарьина.

³ Григорий Антонович Захарьин.

⁴ Скупка (фр.).

⁵ См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁶ Речь идет о литографированном издании лекций В.И. Вернадского: Краткий курс минералогии, читанный студентам-медикам 1891–1892 гг. М.: МГУ, 1891. 158 с.

⁷ Иван Дмитриевич Бекарюков, двоюродный брат И.М. Гревса.

⁸ См. комментарий № 6 к письму № 188.

⁹ См. комментарий № 6 к письму № 248.

¹⁰ См. комментарий № 7 к письму № 283.

¹¹ В письме от 9 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Очень благополучно, что Горбунов уходит из комиссий и Комитета грамотности. Туда ему и дорога. Напортил все дело и ушел!» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 14 об.).

На заседании Комитета грамотности 11 февраля 1892 г. член Совета комитета Е.Н. Орлова заявила, «что в “Московских ведомостях” появился отчет о заседании Общества сельского хозяйства, в котором сообщается неблагоприятное для Комитета заключение ревизионной комиссии, производившей ревизию приходо-расходных книг Комитета грамотности» (см.: Отчет о деятельности Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства за 1891 г. М.: Т-во А.А. Левенсона, 1892. С. 36). В связи с этим членам Совета Комитета грамотности (И.И. Петрункевич, Е.Н. Орлова и С.И. Анцыферов) было поручено проверить отчет казначая Комитета за 1891 г. и заключение ревизионной комиссии, производившей ревизию приходо-расходных книг и кассы Комитета грамотности. Члены Совета «нашли документы, книги и наличность сумм у казначая в полном порядке» (Там же. С. 39), «неправильность заключения ревизионной комиссии произошла в результате недоразумения, которое было объяснено членами Совета Комитета грамотности» (Там же. С. 39).

¹² Очевидно, имеется в виду Комиссия по вопросу о вспомоществовании учащимся в народных школах местностей, пострадавших от неурожая, которая была образована Комитетом грамотности 3 декабря 1891 г. Секретарем этой комиссии был В.И. Вернадский.

¹³ Имеется в виду Комиссия по воскресным, вечерним и другим подобным школам Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства. На заседании 15 апреля 1892 г. Н.П. Горбунов из-за недостатка времени отказался быть председателем этой комиссии, председателем был избран товарищ председателя В.П. Вахтеров, а товарищем председателя – И.И. Петрункевич (см.: Отчет о деятельности Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства за 1892 г. М.: Т-во А.А. Левенсона, 1893. С. 73).

¹⁴ На заседании Комитета грамотности 10 марта 1892 г. было заслушено заявление Н.П. Горбунова «о желании отказаться от должности председателя Комитета ввиду слишком большого обременения своими служебными занятиями. Все присутствовавшие члены единогласно просили Н.П. Горбунова остаться в должности председателя Комитета и продолжать свою плодотворную деятельность. Н.П. Горбунов, ввиду единодушной просьбы членов Комитета, согласился остаться председателем» (см.: Отчет о деятельности Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства за 1891 г. М.: Т-во А.А. Левенсона, 1892. С. 40).

¹⁵ Петрункевич.

¹⁶ Возможно, А.С. Зарудный.

¹⁷ Возможно, Сергей Сергеевич Зарудный.

¹⁸ Очевидно, Николай Михайлович Астырев, земский статистик, который в это время вел статистические работы в Иркутской губ.

¹⁹ Александр Аркадьевич Кауфман, экономист и статистик, который с 1887 по 1894 г. по поручению Министерства государственных имуществ занимался исследованиями землепользования и хозяйства крестьян-старожилов и переселенцев в Сибири.

²⁰ Г.В. Вернадский.

№ 288

8 марта 1892 г., [Москва]¹

№ 8/107²

8. III 1892

Дорогая моя Натуся, я с большим нетерпением жду всегда твоих писем и так надеюсь сегодня получить их. Я эти дни страсть расписался: вот уже 107-е письмо за 33 дня! вчера написал 7 писем, да сегодня это уже 6-е.

9. III 1892

Вчера не успел отправить тебе письмо, и это пойдет позже. Я так ждал от тебя письма, и его не было! Сегодня так поздно отправляю, так как была масса дела с Сергеем Ивановичем Шаховским и писал Великому князю³ и т.п. Великому князю пишу о необходимости теперь же иметь 15 000 руб., и С. Шаховской едет с письмом в С.-Петербург, думал ехать я, но совсем невозможно, чтобы лично объяснить все и получить деньги. Ты из письма Корнилова увидишь, как все дело стоит – теперь у нас уже 56 столовых, вчера начали кормить лошадей. Всех столовых будет у нас 80 на 4000 людей; и увеличено будет содержание лошадей в этом районе – дойдет до 1500, да 350 куплено Пантелеевым. Пантелеев уезжает, а всех лошадей передает нам для раздачи и прокормления (это крупное пожертвование – свыше 5000 руб.). По словам Шаховского, весь контингент удачен, исключая Яроцкого, который грубит, путает и т.п. Яроцкий чуть не испортил наших отношений с Липовским священником⁴, на жену которого – одну из лучших наших помощниц⁵ – он накричал и т.п. Его, может быть, придется отправить. Клавдия

Николаевна⁶ заболела. Работы масса и люди очень нужны (напиши Паше)⁷. Кормление лошадей не могло идти, так как купленный овес лежит на станциях; не отправляют грузов иных, кроме Особого комитета и Красного Креста, а у нас были лишь земские свидетельства, а Красного Креста получили и все отправили на рожь в Торжок, а больше в Моршанске нет. Вчера Бобринский⁸ прислал нам 11 свидетельств, и теперь мы обеспечены еще на 11 вагонов даровым и быстрым провозом⁸. Дело у нас еще, по-видимому, расширится. Наши столовые осматривал Половцев⁹, остался доволен и передал, что Чолокаев (предводитель дворянства)¹⁰ наметил нас как лиц, которым передать помощь лошадям **во всем уезде** от Особого комитета, и что нам тогда передадут на это 14–15 000 руб. Отказываться в таком деле нельзя, и надо будет всеми силами добывать людей.

У нас тут злоба дня – выход Горбунова. Он перессорился в Обществе сельского хозяйства¹¹ и отказался от председательства¹². По-видимому, надо выбрать председателем отца Смирнова-Платонова (протоиерей), а товарищем председателя Вахтерова. Это компромисс, который необходим.

Здесь ходят тревожные слухи о войне. Недавно на австрийской границе произошло столкновение нашей пограничной стражи с австрийским войском, и несколько стражников убито. Вследствие этого вызван в С.-Петербург Драгомиров¹³ (называют как будущего главнокомандующего) и Лобанов-Ростовский¹⁴. Только войны и не доставало! Положение очень серьезное, по доволно достоверным сообщениям.

Целую тебя, моя радость. Теперь я весь в докучаевском отчете¹⁵. Ему хочу в среду или четверг послать для печати первые 2 листа. От него получил неожиданно 30 руб. на голодающих. Получил интересное письмо Чолокаева к князю Вяземскому как опровержение частного письма Келлера ко мне – эти сведения представлялись в Особый комитет. Письмо любопытное, моя радонька, пиши мне все; так мне страшно нужны твои письма, моя голубка. Что Егор Павлович¹⁶, Саша¹⁷? Гагу¹⁸ целую.

Оп. 7, д. 39, лл. 13–14.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Имеется в виду Великий князь Николай Михайлович, который пожертвовал на борьбу с голодом 35 тыс. руб. (ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 72). Он желал это сделать инкогнито и с большей пользой для дела. Узнав о хорошо организованной помощи голодающим в Моршанском уезде Тамбовской губ. и познакомившись с некоторыми членами – организаторами этой помощи, великий князь доверил свои деньги группе В.И. Вернадского.

⁴ Липовский священник – отец Александр Федорович Виноградов.

⁵ Елена Васильевна Виноградова; А.А. Корнилов пишет о деятельности липовского священника и его жены: «Липовский священник о. Александр Виноградов в течение месяца заведовал всеми липовскими столовыми, а жена его Елена Васильевна приняла на себя заведование липовским складом (от января до марта), для помещения которого отвела нам свой собственный амбар. Эта хлопотливая и неприятная обязанность заставляла ее иногда проводить целые дни на морозе, отпуская провизию хозяевам столовых, входивших в состав липовского участка» (см.: *Корнилов А.А. Семь месяцев среди голодающих крестьян*. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1893. С. 224–225).

⁶ Сиротинина.

⁷ П.Е. Старицкий.

⁸ Алексей Александрович Бобринский в это время был уполномоченным Особого комитета наследника цесаревича для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем.

В своем отчете А.А. Корнилов пишет: «Благодаря [...] любезности графа А.А. Бобринского, доставившего нам 11 провозных свидетельств Особого комитета, мы получили возможность даром или по пониженному тарифу и притом без замедления перевезти купленную нами рожь из Тверской губ. и другие продукты для наших столовых и крестьянских лошадей (см.: *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1893. С. 229–230).

⁹ Александр Александрович Половцев – в это время уполномоченный Особого комитета наследника цесаревича для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем.

¹⁰ Николай Николаевич Чолокаев – в это время тамбовский губернский предводитель дворянства.

¹¹ Московский комитет грамотности состоял при Московском обществе сельского хозяйства.

¹² См. письмо № 287 и комментарии № 11 и 14 к нему.

¹³ Очевидно, Михаил Иванович Драгомиров, в 1892 г. генерал от инфантерии, командующий Киевским военным округом (с 1889 г.).

¹⁴ Очевидно, Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, в это время посол в Вене (1882–1895 гг.).

¹⁵ См. комментарий № 6 к письму № 248.

¹⁶ Старицкий.

¹⁷ Возможно, А.С. Зарудный.

¹⁸ Г.В. Вернадский.

№ 289

10 марта 1892 г., Москва

№ 9/155¹

10.III 1892

Дорогая Натуся, моя рыбонька, очень рад был получить от тебя весточку. Ты не пишешь, который бок у тебя болит, чтобы я мог пойти к Попову², и вообще напиши об этом подробнее.

Теперь все занят Вернадской. Сегодня есть телеграмма от Корнилова, что Юлия Николаевна³ опасно заболела: температура выше 40°. Мария Петровна⁴ поехала предупредить Клавдию Николаевну⁵, чтобы она туда ехала. Очень это неприятно. От Сергея⁶ из Петербурга ничего не имею, ни одного письма, а писал ему несколько раз и по делу. Завтра к нам едет Золотарев, в случае надобности он будет вести дело кормления лошадей всего уезда, если нам дадут эти деньги. Сегодня от Калм.⁷ получил телеграмму и ответил, чтобы ехал оттуда один надежный Золотарев и его помощник, они оба торговали и в Моршанском уезде, и его приятель – очень милый толстовец – знает там всех купцов лично и их проделки, они ищут теперь людей. Понимаешь, никогда я прежде не ожидал, чтобы фактически существовала такая связь между людьми: всюду жизнь и дух единства. Я думаю, что к концу недели у нас будет новых 7–8 человек, и мы можем свободно взять дело помощи лошадям. Ищем людей с выбором (ведь масса условий: политическая благонадежность, уживчивость и т.п.). Едут все на свои деньги. Для нашего дела надо человек 12 да для помощи лошадям человек 8–10, и столько людей найдем. Сергей Иванович⁸ на меня произвел очень хорошее впечатление. Он говорит, что для него поездка много дала: никогда бы он не поверил тому, что видел, и прежде сомневался в необходимости ссуды, а теперь видит, что без помощи правительства и земства был бы мор. Он сильно растет.

Я убежден, что вся масса людей, вернувшихся с мест, явится с новыми запросами, требованиями. Серьезно работает мысль и сильно бьется сердце

теперь у целых тысяч энергичных и искренних людей. А это есть **крупное**, очень крупное общественное событие, которого важность мы едва сознаем.

Прочел я твой разговор с Алекс. Ив.⁹ и улыбнулся, и больно мне стало. Но, знаешь, они правы – действительно в стране, где нет свободного общественного мнения, где трудна частная инициатива, правительство не может знать настоящей нужды, и это-то и есть трагизм современного положения. Не ведают они, что говорят...¹⁰

Первые две главы Докучаеву кончил¹¹ и вышло, вероятно, послезавтра, а остальное в 3 недели кончу и буду пан. Начал читать Петрарку – сонеты, вовсе не так трудно, а есть очень милые вещи. Сейчас иду в Комитет грамотности, а затем буду заниматься отчетом и лекциями.

Ан. Серг.¹² уезжает к дочери в Моршанский уезд, будет и у нас. Не думаю, чтобы Янжулы могли что сделать Гизетти¹³, они завалены работой с указателем, который начал печататься и, по-видимому, будет интересен. Я был у них в воскресенье – из 103 участников не ответило лишь 3, это лишь при энергии Ивана Ивановича¹⁴ и можно было сделать с москвичами¹⁵.

Целую тебя, мою ненаглядную. Гагу¹⁶, наших поцелуй. Что делает Егор Павлович?¹⁷ О чем думаешь? Здесь снова тревожные слухи о войне – отчасти династические сплетни. Москва!

Твой Владимир

P.S. О новом романе Ward'a¹⁸ – прочел в «Таймс» как о более сильной вещи, чем «Rob. Elsmere»¹⁹ – история трех поколений. Выписать тебе?

Оп. 7, д. 39, лл. – 15–16.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 2 к письму № 287.

³ Сиротинина.

⁴ Личность установить не удалось.

⁵ Сиротинина.

⁶ С.Ф. Ольденбург.

⁷ Очевидно, А.М. Калмыкова.

⁸ Шаховской.

⁹ А.И. Старицкий.

¹⁰ В письме от 6 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Во время дороги сюда мы в Курске встретили Ал.Ив. Старицкого, посланного от Особого комитета для помощи голодающим. Очень мил, приобрел спокойствие и апломб. Нас сразу устроил великолепно! Хотя виделись секунду, но втроем поспорили, они с Аней против меня, так как я защищала кричащих о голоде. Александр Иванович доказывал, что вследствие того, что некоторые сильнее кричат, средства правительства не могут распределяться равномерно, и Аня тоже. А я им возражала, что если бы эти крикуны не кричали (я невольно себя причисляла к этой группе), то меньше обратили бы внимание на голод вообще. Относительно же неравномерного распределения они неповинны, это не дело частных лиц, Александр Иванович против того, чтоб долг взыскивался со всех по всей России. Он говорит, что тогда мужики никогда не будут обеспечены и не выйдут из своего тяжелого положения, что это произвол» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 10).

¹¹ См. комментарий № 6 к письму № 248.

¹² Возможно, Анастасия Сергеевна Петрункевич.

¹³ В письме от 8 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Как жаль, что нельзя помочь Толе Гизетти, очень мне это обидно, я сознаю, что ты не можешь, но нельзя ли через [...] Янжул» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 11).

¹⁴ Иван Иванович Янжул.

¹⁵ Речь идет о работе: В пользу голодающих: Книга о книгах: Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знаний / Под ред. И.И. Янжула, при ближайшем участии

П.Н. Милюкова, П.В. Преображенского и Л.З. Мороховца. Издание на средства Д.И. Тихомирова. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1892.

¹⁶ Г.В. Вернадский.

¹⁷ Старицкий.

¹⁸ Очевидно: *Ward M.A. The history of David Grieve.* N.Y.; L.: Macmillan and C°, 1892.

¹⁹ *Ward M.A.* Robert Elsmere. L.; N.Y.: Macmillan and C°, 1888.

№ 290

12 марта 1892 г., Москва

№ 10/118¹

12. III 1892, Москва

Дорогой мой Натусик, моя любимая, родная девочка, так рад был получить от тебя весточку. Сперва отвечу тебе на твое письмо. Об Иосифе Андреевиче² пишу, но больше рву: такая вещь не может писаться по приказу. Какое-то тяжелое настроение налагает смерть Шуры³ и Иосифа Андреевича. Тяжело, грустно, а между тем чувствуешь сознание долга, долга наложенного их чистой, безупречной личностью и желанием и в памяти остаться вместе с ними. Точно связан с ними и после их смерти, и связь эта – в воспоминании – усилилась и углубилась. Мне они часто вспоминаются, и часто щемит сердце. К Попову⁴ пойду на днях.

Сперва о деле нашем: писем с места мало: все ведь были люди оттуда – Алекс.⁵ да затем дважды Сергей Иванович Шаховской. У Юлии Николаевны⁶ сыпной тиф, и туда мы пошлем, должно быть, сиделку – как это страшно. Теперь, кажется, надвигается новая гроза: на них идет с востока и юга сыпной тиф, если только окажется заметным увеличение, мы постараемся организовать медицинскую помощь, но ведь это стоит денег. Все-таки пока что стараюсь подыскивать доктора и фельдшерицу. Для первых мер для обеззараживания Михаил Петрункевич⁷ пришлет нам суммы. Сегодня вернулся из С.-Петербурга Сергей Шаховской. Николай Михайлович⁸ выдал ему 15 000 руб. и был очень любезен. Он расспрашивал его около часу, говорил, что он хочет знать все подробности, что страшно хотел бы ехать сам и огорчен, что его («нас») не послали вместе с другими гвардейскими офицерами. Не понимаю, причем была та его телеграмма? Он выразил удовольствие, что мы не присоединились ни к какому комитету. Так что хорошо, что мы не присоединились. К нам из СПб. едет еще один юноша – Безчинский, по словам С. Шаховского, очень милый. А.С. Шаховской меня совсем удивляет своим умственным ростом и милым упрямством мысли – что (последнее) я очень ценю в людях. Мне нравится его стремление внести сознательность в жизнь, он находится под сильным впечатлением дружной работы, какую ему пришлось вести на месте, и под впечатлением вдумывания в условия крестьянской жизни. Но он и много думает, и много у него стремления к знанию. Рассказывал он подробно историю Золотарева: какая странная судьба – ведь вот борьба из-за идеи. Я все глубже начинаю понимать, как важен этот год для русской интеллигенции, какая школа для общественной самодеятельности и для развития энергии! Знаешь, теперь **почва** для масонских лож нового типа, как было после 12-го года. Их не было в 1860-х годах лишь вследствие того, что тогда открылось иное поле. Я очень занят в последнее время мыслью об этом.

Работал для Докучаева⁹ немного – как-то вяло, плохо работается, как-то нет рамок, да и мысль фантазирует и рвется куда-то не туда, куда надо. Читал

довольно много, а интересного мало – неважную статью Faguet в «Revue des Deux Mondes»¹⁰ о Стендале, но есть места интересные. Хочется и чувствую потребность хорошей музыки и театра, но не знаю, соберусь ли. Без тебя так часто мне грустно и больно на себя. Больно на свой дилетантизм и на свое легкомыслие, а между тем начинаешь чувствовать **долг** по отношению к дорогим покойникам. Или это заменит религию, или создаст ее в культе сознания тесной связи в одной гармонии, в одном общем стремлении? Сергей Шаховской был в СПб. – видел всех наших: здоровы.

В Комитете грамотности Горбунов¹¹ остался – все это противно своей мелочностью и своей грязью.

У меня вчера была какая-то барышня, которая вместе с женою Земятченского едет устраивать столовую в Липецком уезде Тамбовской губ., затем вечером Клопский, едущий в Казанскую губ., затем С. Шаховской, Золотарев etc., и я весь как бы поглощен этим. Но теперь нужны были бы мощные, сильные руководители. Право, нужны бы ловцы людей. А где они?

Здесь масса всяких толков. Посылаю тебе № «Московских ведомостей» о Толстом. Затем – ходит письмо Соловьева Победоносцеву и, говорят, ответ Победоносцева¹³. Говорят, что Медицинские женские курсы отсрочены вследствие того, что царь согласился с одним голосом (Победоносцева) против всего Государственного Совета. Относительно Гизетти – право, совсем невозможно¹⁴. Ведь ходить по издателям, если не взять дело для проформы, нет времени. Наконец, я в этом году, кроме обычной научной работы, культурной мысли и основных вопросов текущей жизни (голод), ничем заниматься не могу. А брошюра о сифилисе, признаться, в настоящую минуту меня интересует мало.

Целую тебя, Гагу¹⁵ и всех наших.

Владимир

Оп. 7, д.39, лл. 17–18.

¹ Номер, поставленный В.И. Вернадским.

² Клейбер.

³ Л.П. Ольденбург.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 287.

⁵ Возможно, П.И. Алексеевский.

⁶ Сиротинина.

⁷ Михаил Ильич Петрункевич, выпускник Медико-хирургической академии, в это время земский врач в Тверской губ.

⁸ См. комментарий № 3 к письму № 288.

⁹ См. комментарий № 6 к письму № 248.

¹⁰ Французский научно-политический и литературный журнал, основанный в 1829 г. Бюло, издавался до 1931 г., *Faguet Emile. Stendhal. // Rev. des deux Mondes. 1892. Vol. 109, N 2. P. 594–633.*

¹¹ См. письмо № 287 и комментарии № 11 и 14 к нему.

¹² См.: Московские ведомости. 1892. 12 марта. № 71. В этом номере приводится переписка Л.Н. и С.А. Толстых с редакцией по поводу неточности (см.: Московские ведомости. 1892. 22 янв. № 22) перевода из «Daily Telegraph» статьи Л.Н. Толстого «О голоде», которую он писал для журнала «Вопросы психологии и философии» и которая была запрещена цензурой, после чего Л.Н. Толстой опубликовал ее в «Daily Telegraph».

¹³ Возможно, имеется в виду письмо В.С. Соловьева К.П. Победоносцеву из Москвы, от 18 января 1892 г., о «политике религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия» и о запрете некоторых работ Соловьева, Грота и Толстого (см.:

К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки / Предисл. М.Н. Покровского. М.: Госиздат, 1923. Т. 1, п/т. 2. С. 969–970).

¹⁴ См. комментарий № 16 к письму № 286 и № 13 к письму № 289.

¹⁵ Г.В. Вернадский.

№ 291

14 марта 1892 г., [Москва]¹

№ 11/125²

14.ІІІ 1892

Дорогой мой Натусик, моя рыбонька, так всегда я рад получить от тебя весточку. Сперва отвечу на твои вопросы. Перешли мне письмо Сергея³. Статью о Клейбере несколько раз принимаюсь писать – не выходит⁴. Много мешают. Теперь приехал Александр Иванович Яроцкий и остановился у меня, хотя я в общем и не буду особенно много терять с ним времени, но несколько придется. Докучаевский отчет не кончил⁵. Относительно Сахарова и Гизетти не знаю⁶: если будет завтра в заседании комиссии Сахаров, то спрошу его. Письма я тебе пересылаю, лишь не посылаю таких, которые касаются больше всяких личных сношений – частных вопросов, но могу пересылать и такие. Сегодня к нам поехал от Верещагина Гусев, а затем завтра едет Лубенской⁷. Сегодня был проездом в Витебск Марк⁸, мы много говорили. Он на меня (произвел) все то же хорошее впечатление.

Моя рыбка любимая. Тутя, мое серденько, так мне без тебя нехорошо, недостает мне тебя.

Я эти дни писал отчет Докучаеву – пробовал писать о Клейбере, но все вяло, читал все, что попадалось, большей частью по специальной текущей литературе, Диккенса «Bleak House»⁹. На Диккенсе отдыхаешь – с его мягкими чертами среди самых разнообразных людей. Думал о масонстве. Право, это очень важная вещь.

Переписку деловую не запустил. Ты можешь следить по №№, которые выставляю на письмах. Хочется разделаться с Докучаевским отчетом, но не знаю когда – все как-то страшно плохо работается. Начал было поправлять первые две главы и все переделываю!

Хочу вставать раньше. Уж не знаю, как избавиться от своей лени.

Целую тебя, мою драгоценную, ненаглядную Тутю, мое серденько, дорогого моего Гагу¹⁰, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д.39, лл. 19–20.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.

² Номер, поставленный В.И. Вернадским.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ См. комментарий № 7 к письму № 283.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁶ См. письмо № 290 и комментарий № 14 к нему.

⁷ В Тамбовскую губ. на борьбу с голодом.

⁸ М.М. Любошинский.

⁹ См., например: *Dickens Ch. Bleak House*. L., 1960. Vol. 3.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

17 марта 1892 г., Москва

17.III 1892, Москва

Дорогая моя Натуся, вчера страшно болела голова, а потому тебе и не писал, да и то весь день почти пропал для работы. Еще до обеда пересилил себя и занимался, да и то больше чтением для Докучаевского отчета¹, а уже после обеда едва-едва приготовился к лекциям. Пишу тебе из университета, а потому и не отвечаю на все твои вопросы: письма твоего с собою нет. Сегодня голова болит значительно меньше, а потому буду работать. Читаю теперь много, как всегда среди работы, больше по изящной литературе. Прочел «Bleak House» Диккенса², «Вильгельма Телля» Шиллера³ и читаю «Сатирикон» и другие отрывки Петрония⁴, несмотря на массу цинических сцен и мест, это сочинение удивительно живо и смешно рисует среду, когда было написано (времена Нерона), и читается с большим и глубоким интересом. Гораздо больше дают подлинные памятники, чем всякие изложения. Есть ряд мест художественных, великолепных, а масса тонких намеков, указывающих на то, чем все-таки жило все это общество, – удивительны. Например, в развратной среде, среди обеда, превосходно вставленные рассуждения о равенстве всех людей по рождению. Как ясно, что вопрос о рабстве всюду давал себя чувствовать – мне еще в прошлом году и раньше при чтении Апулея, Плавта и т.п. это ясно представилось, а теперь я вполне, вполне понимаю. Благородная мысль! пробивалась в подонках общества – среди роскоши развратного двора и т.п., и они победили в конце концов. Сильны места о цели жизни у Петрония. В «Comtemp. Revue»⁵ очень интересная статья Ланина «The Tsar Persecutor»⁶ в защиту штунды – пользовался русскими материалами, а между тем многое очень новое, тяжелое. Прочла ли ты несколько времени (назад) из «Гражданина» о преследованиях буддистов в Сибири – насильственное крещение и т.п.⁷ Тут опять то же самое. Интересна основная мысль Ланина: помощи штундистам, вследствие их преследований, со стороны их английских единомышленников, он указывает на существование аналогичных религиозных движений среди англичан и американцев. Если образованные верующие люди, а таких много, конечно, среди англичан и американцев (как странно, что так мало среди русских!), придут на помощь, это важное течение вступит в другой фазис. Преследование вызывает защиту, а теперь нельзя отделиться китайской стеной, все в мире народы идейно соединены. Для меня ново было – указание на эмиграцию штундистов в Румынию. Статья Ланина опять заставила меня вдуматься в этот вопрос; помню, много лет назад был у меня раз вечером незнакомый средних лет человек, приехавший в С.-Петербург для подбора лиц по составлению целого ряда обзоров религиозных учений и солидных этических статей и книг для русских рационалистов. Он жил среди них и отправился к ним, но из него ничего не получилось. А между тем мысль верная. Я думаю, православие как религия красивее протестантства, но не православие – гонитель и инквизиция. Неужели все лгать – я гнусь и чувствую – прямо больно, всем существом своим ощущаю и чувствую цепи раба на себе и всех!..

Здесь задумывается новое издание по инициативе кружка студентов-медиков. Они хотят издавать дешевую библиотеку по всем вопросам, при даровом

труде переводчиков и редакторов книжка будет стоить 40–60 коп. Так, под редакцией Виноградова выйдет «Ancien Regime» Токвиля⁸, под редакцией Тимирязева – «Происхождение видов» Дарвина и т.п.⁹ Мысль превосходная.

О Клейбере пишу понемногу¹⁰. Сборник так скоро не выйдет, а я не могу, не могу писать о нем, постоянно думая о цензуре и о количестве отведенных мне строк. Что выйдет пошло им, а черновик пришлю тебе, пришли мне письмо, где я набросал тебе программу.

Мемуары Ролан¹¹ я выписал давно через Ивана¹², книги, о которых ты пишешь, выпишу. Только не лучше ли биографии получше Павленковских¹³, например из английских или французских? Их теперь масса серий. Роман Ward выпишу¹⁴.

Нечаеву напиши, поблаговари его и напиши, что с кукурузой устроились на месте¹⁵. О свидании С. Шаховского с Николаем Михайловичем¹⁶ писал тебе уже.

Я получил ответ на свою справку о переселении, на днях выйдет циркуляр, запрещающий пускать переселенцев даже туда, куда они шли: их поэтому будут водворять обратно¹⁷. Попроси Александра¹⁸ узнать через Сережу¹⁹, нет ли возможности устраивать **de facto**: 500 ведь семей!

Сколько я тебе прислал экземпляров «Лепты»²⁰ – сколько продала? Не пойдет ли экземпляров 10 (по 3 руб. том) книги Стоюнина²¹. Собрание сочинений, пожертвованное нам в комиссию, – тогда пришлю тебе²².

В последнем письме ты не пишешь ни о здоровье, ни о работе.

Целую тебя, Гагуна²³, всех.

Твой Владимир

P.S. Ивану²⁴ ответил: совсем он бестолковый. Я не помню, что писала Александра Васильевна²⁵, а потому ответить не могу тебе: ее письмо не дало мне ничего нового из того, что я знал.

У меня теперь Александр Иванович Яроцкий; порядком мне надоедает, хотя я его почти не вижу.

Береги себя, моя рыбка, а о здоровье своем пиши в каждом письме.

Оп. 7, д.39, лл. 21–24.

¹ См. комментарий № 6 к письму № 248.

² См. комментарий № 9 к письму № 291.

³ См., например: *Шиллер Фр.* Вильгельм Телль. СПб., 1858.

⁴ См., например: *Петроний А.* Сатириконт. М., 1913.

⁵ О каком журнале идет речь, установить не удалось.

⁶ Так в подлиннике.

⁷ Политическая и литературная газета–журнал выходила в Петербурге с 1872 г. еженедельно, в 1887–1914 гг. ежедневно, издатель и с 1882 г. редактор кн. В.П. Мещерский, с 1893 г. совместно с К.Ф. Филиппеусом. В марте 1892 г. указанной статьи не было.

⁸ *Tocqueville Alexis Charles.* De L'ancien régime et la révolution. P.: Lévy, 1860. *Токвиль Алексис.* Старый порядок и революция / Пер. под ред. [и с предисл.] проф. Моск. ун-та П.Г. Виноградова. [М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 1896].

⁹ *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение избранных пород в борьбе за жизнь / Пер. проф. К. Тимирязева. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1896.

¹⁰ См. комментарий № 7 к письму № 283.

¹¹ В письме от 13 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Вышли ей (маме. – *Ред.*), кроме того, «Mémoires M-me Roland» (см. комментарий № 7 к письму № 268. – *Ред.*) и исторические биографии Goncourt «Marie Antoinette» и “M-me de Pompadour”» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 140).

¹² И.М. Гревс.

¹³ В письме от 13 марта 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Пришли побольше Павленковских биографий маме, которая очень любит биографии вообще и очень увлеклась биографией Салтыкова» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 140).

Имеется в виду серия: «Биографическая библиотека» (вышло 180 книг) издателя Ф.Ф. Павленкова.

¹⁴ См. комментарий № 18 к письму № 289.

¹⁵ Кукуруза нужна была для столовых, организованных в Моршанском уезде. См. комментарий № 1 к письму № 261.

¹⁶ См. письмо № 288 и комментарий № 3 к нему.

¹⁷ Начавшийся голод резко увеличил число переселенцев из неурожайных областей России в Сибирь. Наплыв переселенцев опережал работы по образованию участков земли в Сибири. Это обстоятельство вызвало специальный циркуляр министра внутренних дел И.Н. Дурново от 6 марта 1892 г., запрещающий всякое переселение в Сибирь. Циркуляр действовал до 1895 г., но его действие оказалось ничтожным, самовольное переселение в Сибирь резко возросло. В 1892 г. число лиц, перешедших Урал, достигло 90 000 человек. Правительству не оставалось ничего другого, как сделать исключение в пользу нарушителей правительственного циркуляра и обязать местные власти устроить этих самовольных переселенцев на избранных ими местах (ф. 518, оп. 5, д. 68, л. 164).

¹⁸ Возможно, А.С. Зарудный.

¹⁹ Возможно, С.С. Зарудный.

²⁰ См.: Из переписки Белинского. Воспоминания о Белинском А.В. Орловой. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1892. См. комментарий № 22 к данному письму.

²¹ Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. СПб.: Тип. училища глухонемых, 1892.

²² Здесь речь идет об изданиях, пожертвованных Комиссии по вопросу о вспомоществовании учащимся в народных школах местностей, пострадавших от неурожая. В отчете этой комиссии, составленном товарищем председателя И. Петрункевичем и секретарем В.И. Вернадским, значится в статье прихода: «Выручено от продажи изданий: а) «Лепта Белинского» – 107 руб.; б) «Сочинение Стоюнина» – 133 руб. 75 коп.; в) «Из эпохи великих реформ» – 6 руб. 20 коп.; г) «Педагогические музеи» – 8 руб. 60 коп.» (Отчет о деятельности Комитета грамотности... за 1892 г. М.: Т-во А.А. Левинсона, 1893. С. 14).

²³ Г.В. Вернадский.

²⁴ И.М. Гревс.

²⁵ Гольштейн.

№ 293

18 марта 1892 г., [Москва]¹

№ 13/136²

18. III 1892

Мой дорогой светик, моя родная Натуся, сегодня я получил два твоих письма и так был рад их иметь. Я посылаю тебе письмо Келлера, и из него ты узнаешь все наиболее полные сведения, какие имею о Вернадовке. Также и о здоровье Ю.Н.³ ничего больше не знаю. Конечно, расходы на сиделку и т.п. должны быть приняты на счет организации, и я писал и еще пишу об этом Келлеру. Я не понимаю, отчего ты не получила мои письма, я довольно аккуратно их посылаю, следи по №№ (против предыдущего, где я не написал номера).

Эти дни я кое-что работаю, для Докучаева⁴ большей частью для карты почвенной, но очень опасаясь, что своим неумением располагать временем отчета не кончу к сроку! Очень может быть, приеду в начале Страстной⁵ кон-

чать отчет в Полтаве. Докучаев дал срок до конца Святой⁶. Как ты думаешь об этом плане?

Только что были у меня Янжулы за кое-какими справками, в пятницу к ним пойду обедать, а позже засяду за работу. Какая масса у них возни, но подписка пойдет хорошо и выручит более 4000 руб. в пользу голодающих.

Сегодня я получил телеграмму. Может быть, это самое лучшее. Но неужели надо так торопиться? Очень я боюсь для тебя, моей радоньки, лета в местности, такой неустановившейся, какую теперь будет представлять Тамбовская губ. Отвечу на телеграмму после свидания с Поповым.

Я очень рад твоему интересу к реформации. Одно время Ульрих фон Гуттен (в моем юношестве) был одним из моих любимых героев. Я купил и привезу тебе Burckhardt'a «Die Kultur der Renaissance in Italien»⁷, там, а равно у Фойгта⁸ ты ознакомишься лучше всего о гуманизме, а затем надо читать памятники: письма Ульриха ф. Гуттена⁹, лучшие вещи Эразма (например, «Похвалу глупости»)¹⁰ и т.п. Знаешь драму Лассалья о Франце Зиккингене?¹¹ Я глубоко убеждаюсь в единстве человеческой истории и в непрерывности процесса развития человеческой личности: менялась одна форма и изменялась лишь глубина человеческого интереса. Для меня с этой точки зрения очень интересна история таких народов (каковы персы), где несомненно **развитие** при сохранении силы живучести **народной** личности среди разнообразных веков. Нет, думаю, ничего сильнее, как силы идеи: она всем движет, потому что есть всегда у ней искренние поборники и потому что всегда для массы искренних является **выгодным** пользоваться экстазом или увлечением искренних людей. Не знаю, ясно ли высказал тебе мысль мою. Среди лекций, работы с отчетом и теснящих мое сердце и ум мыслей я плохо работаю, а читаю отрывки и т.п. А вот, что больше всего теперь меня волнует: **пора**, пора выступить с ясным, сильным, глубоким провозглашением идеи братства как формы борьбы и жизни среди разлагающих условий. Мне кажется, наиболее подходящее условие – масонство с его взаимной помощью и необходимой, следовательно, организацией, с постановкой основных принципов: во имя человеческих прав, любви к народу etc., во имя презрения и гнева против поборников лжи, поработителей, рабов и рабовладельцев по духу. Я думаю, что общие этические формулы созовут многих воедино, и думаю, что собиранье людей во имя гнева etc. придает активный характер. У меня рисуется план статьи: «Об идее братства»¹².

Мне еще мыслится о возможности подобных же активных артелей, как у нас в Вернадовке, для борьбы с разными народными бедами. Но об этом позже.

Толки о войне примолкают, а равно уменьшаются и всякие сплетни. Вижу кого мало. Масса всяких мелочей по Кабинету: частью хозяйственных соображений, частью с поправлением etc. лекций.

Моя радонька, моя рыбонька, я так сильно, сильно люблю тебя и так мне хорошо с тобой, моей единственной. Гага¹³ получил мое письмо, которое было вложено в одно из твоих? Письмо дипломата-священника сохрани¹⁴.

Всего тебе лучшего. Гагу, наших целую. Целую тебя.

Твой Владимир

P.S. Аннушка¹⁵ ушла сегодня в приют. Письмо Келлера перешли Федору¹⁶.

Оп. 7, д.39, лл. 25–28.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ Ю.Н. Сиротинина. См. письмо № 289 и комментарий № 3 к нему.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁵ Страстная пятница – 2-й день перед Пасхой – приходилась в 1892 г. на 3 апреля.

⁶ Святая – Пасха приходилась в 1892 г. на 5 апреля.

⁷ *Burckhardt J. Gesammelte Werke: Die Kultur der Renaissance in Italien. B., [1957]. Bd. 3.*

⁸ *Фойгт Г. Возрождение классической древности, или первый век гуманизма: В 2 т. М., 1884–1885.*

⁹ *Гуттен У. Письма темных людей. М., 1907.*

¹⁰ *Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 1840.*

¹¹ *Лассаль Ф. Франц фон Зиккинген: Истор. трагедия в 5-ти действ. СПб., 1873.*

¹² Статья не была написана.

¹³ Г.В. Вернадский.

¹⁴ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁵ См. комментарий № 3 к письму № 251.

¹⁶ Ф.Ф. Ольденбург.

№ 294

20–21 марта 1892 г., Москва

Москва, 20. III 1892, пятница, 21. III

Дорогая моя рыбочка, моя милая, славная детоня, я очень рад был получить твое письмо, узнать, что тебе все-таки лучше. Сперва об устройстве. Я много думал и полагаю, что лучше всего было бы действительно устроиться под Полтавой, если не у Ани¹. Вот почему: тебе необходимо теперь серьезно этим летом заботиться о своем здоровье, т.е. вести образ жизни вполне гигиеничный. Этого нельзя достигнуть около Вернадовки или еще где-нибудь, так как там везде обстановка будет совсем случайная. Тогда как в Полтаве или у Любошинских эти условия вполне существуют. Климат совершенно одинаковый – раз ты не будешь в самом городе, где очень пыльно. Если только ты не будешь около Вернадовки, то я одинаково часто могу быть или у Любошинских, или в Полтаве, так как до Любошинских около 10–12 часов езды – в Полтаву больше, но я буду там на долгий срок. Приеду в 2 раза: очень может быть, что проведу с тобой сплошь один месяц, если все будет у нас в деревне благополучно, и буду работать над подготовительными работами для докторской диссертации. Едва ли много чаще пришлось бы мне ездить к Любошинским. Я очень сомневаюсь, чтобы тебе при современном положении здоровья стоило и являлось возможным жить на бивуаке, чем неизбежно будет жизнь около Вернадовки. Я был у Попова – он не думает, чтобы переезд по железной дороге был тебе так вреден, но лучше, конечно, не ездить, если то возможно. На кумыс, однако, он думает, невозможно, так как дорога туда для тебя слишком утомительная. Тебе надо на газированный кумыс, а это около Оренбурга или Уфы, далеко в степи. Молоко считает совершенно необходимым пить, сообразно состоянию желудка. Советует по возможности

избегать потов после ванн. Ванны советует брать реже – не более 2 ванн в неделю (на следующий день после ванн не выходить, чтобы не простудиться). Температуру ванн понизить до 28, а если возможно до 27° (но не надо, чтобы было ощущение холода), в воду, кроме соли, прибавлять еще 8 ф. соды. Вот все указания, какие он дал. Я думаю, моя рыба, что раз условия позволяют лечиться, самое благоразумное не двигаться из Полтавы.

Теперь вкратце, подробнее – позже, о всем, что здесь. У Аннушки² родилась вчера дочь, она, говорят, очень хорошо перенесла и уже в воскресенье придет. Относительно Юлии Николаевны³ известия малоутешительные – ее здоровье плохо: при ней Клавдия Николаевна⁴, сиделка, один из приехавших – студент-медик 4-го курса Еленевский. Дело у нас⁵ в общих чертах до распутицы закончено: хлеб всюду перевезен, склады устроены, корм лошадям роздан, лошадей начинаем раздавать. Отношения сохраняются по-прежнему хорошие. Только усилился полицейский надзор: урядники, становые и тому подобное – но этого надо было ждать. Хорошо, что это началось, когда в главных чертах дело закончено и остановить его невозможно. Из новых людей не вполне удачно: Золотарев, который **не может** выносить картин беды, плачет – совсем нервами расстроен. Можем ждать, по некоторым указаниям, подвохов со стороны Хвощинского, бывшего исправника, теперь управляющего у Воронцовых-Дашковых – силы в округе, которому наши столовые страшно неудобны ввиду его хозяйственных дел.

Целую – теперь утро, надо кончить, сейчас с С.И.⁶ идем заканчивать и составлять счета. Сегодня еще напишу. Поцелуй всех.

Твой Владимир

Моя любимая птичка.

Оп. 7, д.39, лл. 29–30.

¹ А.Е. Любошинская.

² См. комментарий № 3 к письму № 251.

³ Сиротинина.

⁴ Сиротинина.

⁵ Речь идет об организации борьбы с голодом в Тамбовской губ. См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁶ С.И. Шаховской.

№ 295

22 марта 1892 г., Москва

№ 15/149¹

Москва, 22.III 1892

Дорогая моя Туся, моя радонька, нежно любимая. Я так мечтал быть скорее с тобою, с моей ненаглядной. Никаких новых известий из Вернадовки нет: думаю я довольно много об устройстве постоянного попечительства для устройства дешевого кредита на покупку лошадей («Лошадиный фонд»). Удастся ли нам его устроить?² Я не знаю, проеду ли раньше на место или же раньше в Полтаву, последнее вероятнее, так как если не кончу Докучаевского отчета³, то в деревню совсем не поеду. Первым делом теперь отчет. Карту

кончил и, если бы не моя лень и дилетантство, давно бы все закончил. Я думаю так распределить лето, чтобы иметь 1 месяц свободным – провести его с тобой и пройти термодинамику и некоторые отделы проективной и начертательной геометрии, которые мне нужны для диссертации, а также чтобы заняться над кое-какой сводкой для того же самого. Что ты об этом думаешь? Чем больше думаю, тем план полтавский представляется лучшим: 1) не надо тебе двигаться и можно продолжить лечение; 2) будешь в хороших климатических и прочих условиях, 3) съедешься с Машей⁴, и она будет не на бивуаках и не в голодной местности (см. письмо Ивана)⁵, и Гага⁶ будет в Полтаве, что очень хорошо для Егора Павловича и Марии Ивановны⁷. А я буду приезжать к своей глупенькой Туте.

Аннушка⁸ уже со вчерашнего дня здесь, и сегодня крестины девочки (Клавдии). Не надо ли было бы что-нибудь им дать? Я совсем не знаю. Пишу тебе утром, а сегодня я вечером у Петрункевичей и у них же, должно быть, буду обедать. Выеду в Полтаву, верно, в субботу⁹. Надо кончать. Целую тебя крепко, крепко. Гагу, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп.7, д.39, лл. 31–32.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Попечительство о безлошадных крестьянах Моршанского уезда было создано в 1892 г. Членами-учредителями были Л.Ф. Пантелеев, С.И. Шаховской, А.А. Корнилов, В.В. Келлер и др. В.И. Вернадский был пожизненным членом попечительства.

³ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ И.М. Гревс.

⁶ Г.В. Вернадский.

⁷ Старицкие.

⁸ См. комментарий № 3 к письму № 251.

⁹ Очередная суббота в марте 1892 г. приходилась на 28 число.

№ 296

24 марта 1892 г., Москва

№ 16/152¹

24.III 1892, Москва

Дорогая моя Натуся, моя родная девонька. Теперь скоро, скоро увидимся – я так жду этого времени, так мне хочется быть с тобой, с моей драгоценной. По приложенному письму Келлера ты увидишь, как идет дело в Вернадовке – он пишет о возможности устройства около Вернадовки, я же телеграфировал со слов Шаховского. Но я думаю, что для твоего здоровья, а следовательно, и для нас лучше не трогаться тебе из Полтавы. Так важно, чтобы ты в этом году набралась сил. Моя любимая, дорогая, неоценимая.

Сегодня Половцев был у Петрункевича и отзывался с большой похвалой о Шаховском и Келлере. Он говорит, что в Моршанском уезде, благодаря широкой частной помощи, вообще положение лучше, а что худшее положение в Тамбовской губ. – в Спасском уезде. Виделся я с Пантелеевым и много говорил с ним: произвел он на меня хорошее впечатление – мысль его о «Лошади-

ном фонде» – об устройстве попечительства для борьбы с обезлошадиваньем – очень хорошая мысль². Как дело родит дело, и как жизнь вырабатывает формы деятельности! Он едет в С.-Петербург, где будет хлопотать об утверждении этого общества в законодательном порядке. Началось маленькое дело у нас: помощь 30–50 человекам в месяц, а разрослось совсем в большое!³

Я теперь поглощен другим, которое займет, может быть, весь будущий год. Вопрос идет об издании журнала⁴. Я уже тебе писал, что один господин желает положить на это дело 20 тыс. руб., а теперь сюда приехал Тельнихин, который желает передать свой журнал («Помощь самообразованию») в Москве⁵. Мы теперь ведем переговоры. На днях будет заседание финансовое. Я думаю, что деньги будут (между прочим, сегодня, услышав об этом, Елизавета Николаевна⁶ сама явилась к Ивану Ильичу⁷ с предложением взять пай в 2000 руб.). А затем пойдет вопрос о редакции (намечаются Иван Ильич, Герценштейн, Миклашевский, я, Корнилов). Журнал будет выходить 4 раза в год – книжками вроде «Quarterly Review» и «Edinburgh Review»⁹. Хотим переговорить с Виноградовым, не войдет ли он в редакцию и не сделается ли официальным редактором. В журнале не будет беллетристики. Он должен заключать статьи по истории, критике, философии, общественным и естественным наукам. Должен выражать то, чего **мы** являемся выразителями – идеалистического направления в философии, этические идеалы, стремление сознательности в жизни (как необходимое и неизбежное условие политической деятельности). Журнал должен иметь определенную физиономию. Он должен выражать известное стремление **положительных** идеалов. Я думаю, что отличие всего теперешнего течения, к которому и мы принадлежим, – то, что это течение синтетическое, стремящееся **создать** новые формы деятельности, выставляя определенные положительные требования к жизни и т.п. Если это осуществится, то в будущем году масса работы, масса хорошей работы! Завтра думаю зайти к Пав.Ив.¹⁰

Всего тебе лучшего, моя радонька. Целую тебя и так страстно жду, когда буду с тобой. Гагу¹¹, наших поцелуй. Отчего сегодня не было письма от тебя?

Твой Владимир

P.S. Подписка на сборник Янжула¹² идет великолепно, и 2400 экземпляров, по-видимому, не хватит. Знаешь, баронесса Икскуль, поехавшая в Казанскую губ., захватила оспу и лежит. Не понимаю, откуда ты выдумала о Толстых – они и не думали быть у меня¹³.

Оп.7, д. 39, лл. 33–34.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 2 к письму № 295.

³ См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁴ Издание задуманного журнала осуществлено не было.

⁵ Журнал «Помощь самообразованию» издавался нерегулярно в Саратове в 1839–1892 гг. Вышло 6 выпусков. Издатель-редактор – врач А.Ф. Тельнихин. В 1892 г. журнал выходил в Москве. Основной его задачей была популяризация научных знаний. Журнал не был приобретен В.И. Вернадским и его друзьями.

⁶ Очевидно, Орлова.

⁷ Петрункевич.

⁸ «The Quarterly Review», журнал, выходивший в Лондоне.

⁹ Возможно, «The Edinburgh Review or critical journal», выходивший в Лондоне 4 раза в год начиная с 1802 г.

¹⁰ П.И. Новгородцев.

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² См. комментарий № 15 к письму № 289 и письмо № 293.

¹³ В письме от 20 марта 1892 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Отчего ты не написал, что у тебя в воскресенье была графиня Толстая и 17 сам Толстой?» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 148).

№ 297

13 апреля 1892 г., [Москва]¹

13.IV 1892

Дорогой Натусик, сегодня приехал. Так без тебя грустно, пусто кругом. Моя родная.

Дорогой с великим интересом читал сочинение Рождественского о штунде². Знаешь, отчего бы тебе не попробовать написать **биографию** для дешевого издания: Цвингли, или Мильтона, или Нокса. Вообще биографию лица, удачно боровшегося за **свободу веры**, и где бы эта свобода веры провозглашалась и проходила через всю жизнь личности. Я очень убежден в важности подобных книг, а для тебя это была бы работа наряду с твоим чтением. Напиши, что ты думаешь³. Федь Цвингли для тебя очень подходил бы. Писать – не мудрствуя лукаво, а лишь делая ясной идейную сторону жизни. Над трудностью не останавливайся, а добивайся.

14.IV 1892

[...] Были лекции. Здесь и, может быть, у меня остановится мой двоюродный брат Саша Неелов. Он на меня произвел гораздо лучшее впечатление, чем я ожидал. Еще мало занимался – как-то не работается. Сегодня, кроме лекций, возня по банку, да еще приехал минералог Miers из Лондона – с ним много разговаривал (по-английски!). Я напишу тебе позже и перешлю кое-какие полученные письма. Моя дорогая, любимая Тутя, мое сокровище. Так мне без тебя грустно. В Полтаве все тишь да гладь, да божья благодать, а здесь сразу пришлось окунуться во всякие истории. Рассказывают, что на Страстной⁴ и на Святой⁵ были многочисленные аресты и обыски – говорят, среди студентов много⁶. Много, должно быть, по московскому обычаю, преувеличивают. То же и в Питере. В числе арестованных называют писателя Астырева⁷. Теперь наступило время экзаменов – завтра факультетское заседание, на которое и меня пригласили⁸.

На днях, вероятно, начну работать, а теперь с дороги не расчухался⁹. Целую тебя крепко и всех наших.

Твой Владимир

Гагу¹⁰ поцелуй.

Оп. 7, д. 39, лл. 35–36.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 282.

² *Рождественский Арсений*. Южно-русский штундизм. СПб.: Тип. департамента уделов, 1889.

³ В письме от 19 апреля 1892 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Мне очень понравилась твоя мысль написать биографию для дешевого издания. Мне хотелось сделать перевод хорошей повести, но это еще лучше. Я бы выбрала не Цвингли, а Мильтона или Нокса. Интереснее было бы взять Мильтона, потому что тема шире, но зато Нокс меньше известен русской малограмотной публике. Выбираю их, а не Цвингли, потому что Англия меня сильнее влечет к себе, нежели Швейцария. Для меня Мильтон был бы лучше Нокса еще потому, что он принадлежит более новой эпохе. А чем более я читаю, тем более убеждаюсь, что я ни за что не остановилась бы на вопросе не новой истории» (ф. 518, оп. 3, д. 258, лл. 159–159 об.).

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 293.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 293.

⁶ См. также письмо № 301.

⁷ Н.М. Астырев в Москве в 1892 г. за пропаганду среди голодающих крестьян был посажен в тюрьму, где в 1894 г. умер.

⁸ См. комментарий № 11 к письму № 286.

⁹ В.И. Вернадский ездил на пасхальные каникулы в Полтаву.

¹⁰ Г.В. Вернадский

№ 298

14 апреля 1892 г., Москва

№ 29/251¹

Москва, 14.IV 1892

Дорогая моя Натуся, от тебя вчера не было письма, хотя оно должно было быть. Хотя я сам и не вполне аккуратен эти дни, но от тебя хочу получать аккуратно письма. Подумай, какая масса у меня спешной возни. Вчера уехал Адя² – мы с ним все время считали, составляли таблицы, и он уехал в С.-Петербург с моим письмом к Великому князю (копию (после перепечатки незначительное изменение слога) тебе прилагаю) и черновыми таблицами³. В общем представляется все в следующем виде: из денег у нас всего около 300 руб. у меня, да около 1500 руб. на местах, а надо еще до 6000–7000 руб. для окончания дела. Деньги на местах все пойдут на покупку хлеба для продажи, и, несмотря на широкий и легкий кредит, открывшийся нам на месте, деньги теперь очень нужны⁴. Ввиду этого я не решаюсь пока отдавать в Комитет⁵ французские деньги⁶, хотя и получил разрешение из Парижа. В сущности говоря, наше дело вчетверо крупнее дела Комитета грамотности. Мы свели денежный отчет вполне⁷, отчет продуктов (купленных) вполне, кроме капусты (всего ее куплено на рублей 400); неясно лишь количество лошадей, которых мы поддержали, по-видимому, около 1800 (столько же и дворов), может быть, больше. «Лошадиная операция»⁸ распространилась на 5 волостей (кормление людей – на 8–10) и стоила около 14 000 руб., а если считать (что, конечно, надо) помощь Пантелеева, то больше 20 000 руб. Только этим путем и могли быть **отчасти** уничтожены самые вопиющие последствия неурожая. А истратить 4000–5000 руб. на волость не хватило смелости и государственного умения, а между тем придется тратить сторицей позже, когда в сильной степени дело будет непоправимо. Тяжело думать о таком последствии неурожая, какое придется пережить, а между тем это не что иное, как немного более быстрое проявление того же процесса обеднения народа, который идет уже десятки лет – и последние лет десять особенно быстро и заметно.

Здесь обратила общее внимание история в Лукояновском уезде⁹ (о ней ты прочти во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы» за май)¹⁰, где резко

проявилось, по-видимому, сознательное стремление крепостников воспользоваться голодом. На это указывают здесь распространенные рассказы и рассказы лиц, бывших на местах. Вчера Иван Николаевич Сахаров, приехавший оттуда на днях, рассказывал совсем странные вещи – даже по газетам можно заключить о том же. Вся эта история очень поучительна. Между прочим, теперь рассказывают, что между Барановым¹¹ и земским начальником уезда идет борьба: он сменяет их, а они не сдают дел, так как уездный предводитель дворянства Философов¹² поехал в С.-Петербург хлопотать о смещении Баранова, который подал в отставку. Философов выставляет будто бы, что голод полезен для развития крупного дворянского землевладения, а последнее полезно для государства, почему они и употребляли все силы на то, чтобы не дать крестьянам умереть с голоду, но дать разориться. Теперь столовые там энергично устраивает Владимир Галактионович¹³ (его статью в «Русских ведомостях» – читала?¹⁴). Я постараюсь достать записки лукояновских «крепостников», которые, говорят, были поданы.

В общем у меня плохое настроение, частью вследствие экзаменов. Я, между прочим, чувствую себя плохо и потому, что пропускал всех без различия, несмотря на полное незнание. А между тем резать учеников Толстопятова я не мог, так как, по совести, не верю, чтобы Толстопятов знал минералогию, и знаю, что он не мог (по средствам его учебных пособий) дать ясного понятия об основных явлениях науки. Как же я могу требовать с них? А между тем такой экзамен – разврат, ложь – все, что хочешь. Как тут быть, я не знаю, но никогда бы не поверил, если бы сам не испытал, какое зло эти государственные экзамены и как понизился уровень студентов в них! Болит сердце, вдумываясь в это. Я много переговаривал с Павловым и думал сам о постановке преподавания; через год мы войдем в факультет с запиской и попытаемся распределить иначе занятия на своих курсах. Я думаю ввести практические занятия, но для этого мне надо разбить курс на два года, так как в один год получается лишь каша в голове, не привыкшей к геометрическим представлениям и к наблюдению. Самое удобное было бы ввести на 2 и 3 курсе минералогию, но если я введу преподавание на 3 курсе, то должен буду экзаменовывать в государственных комиссиях, отчего Боже упаси, а потому надо распределить на 1-й и 2-й курс, что несколько менее удобно. В будущем году я разработаю проект и войду в факультет с просьбой дать мне средства для покупки микроскопов и тому подобное. Теперь много об этом думаю, мне очень бы хотелось летом побывать с этой целью в Германии и Австрии. Вместо лекций издам в будущем году конспекты, таблицы, а преподавание оживлю демонстрацией и опытом. Какая разница между теперешними моими слушателями и сдающими на государственный экзамен! Не сумели воспользоваться материалом, или контингент улучшается?

Итак, уже написал много, а Докучаев прислал 5 листов корректуры!¹⁵ да еще и другой работы по горло. Крепко целую тебя, мою любимую, как мне тебя недостает, как ты мне нужна, моя родная Натуся. Не взялась ли бы ты переводить под редакцией и вместе с Павлом Ивановичем¹⁶ «Geschichte der Philosophie» Виндельбанда (новое сочинение)¹⁷? Ответь скорее. Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² А.А. Корнилов.

³ См. комментарий № 3 к письму № 288.

⁴ См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁵ Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства.

⁶ Друзьями В.И. Вернадского супругами Гольштейн и находившимся в то время в Париже И.М. Гревсом во Франции было собрано 16 тыс. фр. для борьбы с голодом в России. В письме от 17 апреля 1892 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Что тебе ответили Келлер и Корнилов по поводу устройства отдельного района французской помощи? Считают ли они возможным взять на себя новые деньги и обязательства при наличных силах?» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 157).

⁷ Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губ. в 1891–1892 гг. Он был позднее опубликован в книге: *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1893. В предисловии к этой книге А.А. Корнилов написал: «Приложенный в конце цифровой, денежный и материальный отчет проведен и подписан В.И. Вернадским, В.В. Келлером и мною».

⁸ См. письмо № 295 и комментарий № 2 к нему, а также письмо № 288.

⁹ Лукояновский уезд находился в Нижегородской губ.

¹⁰ См.: Вестник Европы, 1892. Кн. 5. Май. С. 372–394.

¹¹ Генерал Николай Михайлович Баранов в это время был губернатором Нижегородской губ. и председателем Губернской продовольственной комиссии.

¹² М.А. Философов – предводитель дворянства Лукояновского уезда Нижегородской губ. и председатель Лукояновской продовольственной комиссии.

¹³ Короленко.

¹⁴ *Короленко В.Г.* Поездка в Лукояновский уезд Нижегородской губ.: (Доклад Нижегородскому благотворительному комитету) // Русские ведомости. 1982. 4 и 10 апр.

¹⁵ Речь идет об отчете по летним работам 1890 г. в Кременчугском уезде Полтавской губ. См. комментарий № 6 к письму № 248.

¹⁶ Новгородцев; издание не было осуществлено.

¹⁷ *Windelband V.* Geschichte der Philosophie. Strasburg, 1892.

№ 299

17 апреля 1892 г., Москва

№ 18/187¹

17.IV 1892, Москва

Дорогая моя, родная Натуся, это письмо придет несколько позже, так как меня задержал студент с поправлением лекций. Письма я тебе также перешлю позже. Сперва о всяких житейских фактах. Главное – вчера неожиданно явился ко мне в университет Паша² с Зоей Серг.³ – он здоров и здесь всего на 2–3 дня, остановился со своим начальством – Норпс. С ним мало виделись, так как то он, то я были заняты. Он говорит, что он писал – я его порядком журил за его молчание и за то беспокойство, какое он своей молчаливостью произвел. Но он страшно был занят. Вчера было заседание в Обществе испытателей природы – мы с Павловым не поддерживали нашего требования читать проект в заседании, но отказались от того исхода, какой предлагали нам, – послать проект через Общество, по-моему, совершенно не стоит это, а гораздо лучше его напечатать и разослать в разные общества самим etc.⁴ Члены были несколько сконфужены, так как мы с Павловым упорно хранили молчание, а они старались подбирать аргументы, но малоудачно.

На днях со мной говорил профессор Тихомиров, секретарь факультета, он сообщил, что факультет решил хлопотать о назначении мне содержания экстраординарного профессора и что, хотя такого прецедента не было и в законе право такого ходатайства выражено очень неясно, он думает, что если у университета будут деньги, то я получу это содержание. А деньги в этом году, кажется, есть. Это, конечно, на год, но все-таки лишние 1200 руб. очень нужны. Я не знаю, по чьей инициативе это устраивается, но расспрашивать неловко было. И он, и Павлов, и другие профессора, которых видел, очень настаивают на том, чтобы я спешил с докторской диссертацией. Очень возможно, что с этой точки зрения было бы благоразумно посвятить лето работе над ней, но останавливает постройка дома. Думаю. Не знаю, как устроится. Над диссертацией раздумываю и на днях приступлю к кое-каким опытам. Меня тянут обе темы – а какая раньше даст результаты, не знаю. А вдруг и в будущем году ее не кончу? Совсем бы важно было лето проработать над ней⁵.

Мой светик драгоценный, моя золотая девонька, так мне недостает тебя, хочется твоего слова и около тебя быть. Что-то ты теперь делаешь? Посмотрел в новой редакции «Русское богатство». Несмотря на шокирующее восхваление Михайловского⁶, он мне показался **живым органом** – всюду проходит струя борьбы за дорогие идеалы, борьба с пессимизмом, грубым материализмом и т.п. Я думаю, что он обещает быть журналом, а не гнилым сборником вроде «Русской мысли»⁷ или «Северного вестника»⁸. В «Athenaeum»⁹ очень интересный отзыв о книге Джефсона «The platform»¹⁰ – Джефсон излагает развитие политической платформы, т.е. идею, значение и способ ведения публичных речей, митингов и т.п. В связи он излагает историю Англии с прошлого столетия до 1885 г., все движения – как чартизм, отмену хлебных законов, избирательную реформу etc. и дает очень подробную историю радикальной партии в Англии. Если бы не цена (30 shilling'ов), непременно купил бы. Вот, верно, стоит изложить это сочинение в русском журнале.

Целую тебя, Гагу¹¹ и всех наших. Моя дорогая и любимая Тарусик (Тутя может зачеркнуть это слово, если оно ей не нравится). Когда Георгий¹² вернется, не забудь попросить купить брошюры против штундизма для Петрункевича – пусть купит все, что есть. Петрункевич зачитался книгой Рождественского¹³, а моя отправилась к Вахтерову. Целую тебя.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 41–42.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² П.Е. Старицкий.

³ Возможно, Зоя Сергеевна Зарудная.

⁴ См. письмо № 282 и комментарии к нему № 8 и 9, а также письмо № 284.

⁵ Докторскую диссертацию «Явления скольжения кристаллического вещества» В.И. Вернадский защитил 20 мая 1897 г.

⁶ Ежемесячный журнал, выходил в Петербурге (1883–1916), редактор-издатель в 1883–1891 гг. Л.Е. Оболенский, с 1892 г. журнал стал органом старых народников во главе с Н.К. Михайловским.

⁷ Журнал научный, литературный и политический, выходил ежемесячно в Москве (1880–1917), с 1880 г. издатель-редактор В.М. Лавров, с 1884 г. соредатор В.А. Гольцев.

⁸ Литературно-научный и политический ежемесячный журнал, выходил в Петербурге (1885–1896), редактор в 1880-х годах А.М. Евреинова, издательница А.В. Сабашникова.

⁹ Английский журнал, выходил в Лондоне с 1835 г. еженедельно, в 1921 г. объединился с журналом «The Nation and Athenaeum».

¹⁰ [Recensio] // Athenaeum J. Lit., Sci., Fine Arts, Music and Drama. 1892. N 3358, Mar. P. 302–303. – Rec. ad op.: The platform: its rise and progress: In 2 vol. / By H. Jephson.

¹¹ Г.В. Вернадский.

¹² Г.Е. Старицкий.

¹³ См. комментарий № 2 к письму № 297.

№ 300

19 апреля 1892 г., Москва

№ 19/195¹

Москва, 19.IV 1892

Дорогая моя, неоценимая Натуся, мое счастье, радость моя. Так мне без тебя одиноко, нехорошо. Так все время недостает мне тебя, моей любимой, родной девоньки, моего единственного любимого Тутика. Сегодня пишу довольно поздно – как-то весь день в плохом настроении. Работается плохо, да все не могу войти в колею во всей толчее и все не по себе. Не люблю я таких настроений, а они у меня бывают, и теперь опять оно. День-два и пройдет.

Прилагаю письмо Федора² – из него все увидишь. Ему я уже ответил, что препятствий на поселение в Полтаве нет.

Все это время я много думаю-гадаю, правда, урывками, о том, как расположить лето. Чувствую, как важно было бы остаться здесь и поработать над диссертацией: стать вполне, окончательно на ноги в университете. Ведь это сильно определило бы и упростило бы всю жизнь. Но как будет все – не знаю.

Тебе теперь едва ли придется работать – будет Маша, дети, и все это займет такую массу твоего времени, что о работе нечего будет и думать.

От Докучаева было письмо, где он пишет, что не получил моего отчета, просит не задерживать и т.д. Когда ты послала? Сохранилась ли расписка? Из Парижа получил еще 2000 franc'ов⁵. Письмо Пантелеева прилагаю. Пишем, писем мне писать несть числа, а писать – не пишется. Мой роденький, любимый Тутик, мое сокровище дорогое, единственное. Много думал я это время вот над чем. Необходимо дальше работать в деревне, и я ставил бы следующую цель: поставить задачей добиться в том районе, какой захвачен нашей помощью, того, чтобы через 10 лет не было в нем безграмотных. Мне представляется это вполне исполнимым. Для этого должен существовать кружок, изыскивающий средства и тому подобное. Я глубоко убежден, что только путем подобного рода организаций и возможно добиваться известной силы и что только этим путем получают большую силу всякие комитеты грамотности и т.п. Целью подобного рода кружка должно быть: 1) устройство школок грамотности и передвижных учителей – как наиболее дешевого и быстрого способа, 2) образование библиотек и организация всего, что надо для воскресных и вечерних чтений, 3) точное выяснение нужд местности для достижения общей грамотности и неуклонное стремление их удовлетворения путем ходатайств, печати и т.п. Я думаю, что задача подобных живых частных организаций, охватывающих небольшой район, очень важна теперь – она должна захватить людей не только на месте, но и в Москве. А для всего этого

важна постановка практической, вполне не утопической цели. Мне очень хочется знать, что ты думаешь об этом. Корнилову придется, верно, выбраться в мировые судьи, и тогда надо ему устроить ценз из Вернадовки, а это еще больше свяжет всех нас с этой местностью. Я вполне убежден, что силу может составить там наше «Братство». Сиротинины здесь. Клавдию Николаевну видел. У Юлии Николаевны на днях буду. Из интересного прочел недавно статью об Аврааме Линкольне в «Quarterly Review» и первую лекцию в «Lehrbuch des physiologischen und pathologischen Chemie» Бунге, которую теперь читаю. Бунге – виталист! Личность – гуманная – Линкольна глубоко захватила. Это то, что называется героем во все времена, и во многом человек будущих демократий. Вашингтон и Линкольн – два очень схожих идеалиста во власти.

Целую тебя и всех крепко. Если решусь остаться в Москве для диссертации, может быть, разобью приезд в Полтаву на 2 раза.

Твой Владимир

Гагу¹¹ поцелуй.

Оп. 7, д. 39, лл. 43–43а.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Ф.Ф. Ольденбург.

³ См. комментарий № 5 к письму № 299.

⁴ См. комментарий № 15 к письму № 298.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 298.

⁶ Сиротинина.

⁷ Сиротинина.

⁸ *Roscoe E.S.* The bishop of Lincoln's case: A report of the proceedings in the court of the archbishop of Canterbury // *The Quarterly Review*. 1891. Vol. 172, N 344 P. 451–489.

⁹ *Bunge G.* *Lehrbuch des physiologischen und pathologischen Chemie*. Leipzig, 1887.

¹⁰ См. комментарий № 5 к письму № 299.

¹¹ Г.В. Вернадский.

№ 301

20 апреля 1892 г., Москва

№ 20/204¹

20.IV 1892, Москва

Дорогая моя, родненькая Натуня, мое золотое серденько, сегодня ждал от тебя письма, но его не было. Пишу тебе вечером, вернувшись от Павловых, где сегодня было пение, давно не слышал его, пела новая здешняя певица Зотова, да и у самого Павлова прекрасный голос. Сегодня же утром был на выставке, устроенной из частных коллекций Москвы в пользу голодающих. Есть великолепные вещи, как Куинджи, Фортуну, Dias. Этих испанцев я вижу впервые, а Куинджи – лучшая его картина, какую я видел. Много старых мастеров – очень хорошие вещи Гольбейна, Мурильо, Рюисдаля, Греза, Кейпа, [Сидра] я вижу впервые, и он произвел на меня очень сильное впечатление. Посещение выставки как-то дало мне спокойное настроение, настроение очень высокое. Вспомнилось многое, что переживал при посещении Лувра и Пинакотеки, и, к удивлению, я не забыл и целые образы, и картины в ясных и целых красках восставали предо мной. В них есть что-то, что сильно и глу-

боко влияет на душу человека. Здесь было великолепное собрание портретов старых и новых мастеров, как старинных русских – Левицкого, Боровиковского, так и великолепные образчики работы Лампи. Никогда не думал, чтобы в Москве были такие собрания, а самое большое кн. Оболенского, говорят, и не представлено. Я весь под впечатлением виденного.

Посылаю тебе письма – посылаю лишь те, на которые уже ответил, ты так можешь следить за моей корреспонденцией. То, что ты чувствуешь, читая Буркхардта², и есть обычное, когда тебе выясняется цель чтения. О каких лицах и событиях ты не знаешь, какие вещи тебе являются непонятными, какие указываются Буркхардтом источники? Это **отмечай**, и так ты сама ориентируешься понемногу. Какие события или лица отмечены менее твоего желания? Вот тебе и начало настоящего **изучения**. Старайся подыскивать: ведь никогда в одной книге ты всего, что надо, не найдешь – в этом отличие изучения от школьного учения. Аресты были, кажется по пустякам. Видел Пав. Ив³. и Грабаря. Грабарь получил университетскую стипендию (неожиданно) для подготовки к кафедре международного права – он очень огорчен, а Павлу Ивановичу предлагают командировку на 2 года за границу. Очень это хорошо. Судя по словам Сахарова, передача Адьке⁴ Вернадовки не может стоить менее 1500 руб., тогда это невыполнимо. Пока довольно – час ночи, а я встаю теперь в 7 часов.

Целую тебя всю, мою драгоценную, любимую, дорогую. Гагу⁵ и наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 44–45.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 7 к письму № 293.

³ П.И. Новгородцев.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 302

22 апреля 1892 г., Москва

№ 21/209¹

22.IV 1892, Москва

Дорогая моя, драгоценная Тутя, мое ясное солнышко, так часто, часто я с тобой мыслью и чувством. Сперва отвечаю на твои вопросы. Из банка я получил известие, что мне прошлая январская и нынешняя июльская уплата отсрочена на 10 лет. Сперва я также был очень смущен телеграммой и даже отправил в банк письмо, но затем в тот же день получил письмо из банка. Так что пришлось посылать туда вторичное письмо.

23.IV Утро

Вчера я кончил лекции естественникам, но медикам еще нет – им буду читать в среду² и в среду же уеду на несколько дней в Вернадовку. От Докучаева получил письмо с извещением, что он получил отчет³, что за поздним временем не мог его прочесть и прямо сдал в печать – следовательно, масса будет работы с корректурой. Какая-то невообразимая кутерьма с этим новым

уставом: с меня требуют, кроме экзаменов, еще зачеты студентам, а осенью назначают еще какой-то экзамен по минералогии. Никто ничего не понимает, и все дело является чрезвычайно запутанным. Вчера мне пришлось давать факультету медицинскому отзыв о новом проекте экзаменов для фармацевтов, уже принятом в Военно-медицинской академии. Я ответил, что не согласен с программой, и объяснил почему. Программа составлена очень бестолково и невежественно. Не знаю, согласился ли факультет с моим отзывом. Я его тебе позже пришлю. У меня гостит Сам Ив. Яроцкий, приехавший из Вернадовки, нельзя не сознаться, что эти братья Яроцкие являются весьма скучными синьорами, я его почти не вижу, но он меня раздражает – какая-то удивительная серость мысли при всяческих потугах и стремлениях к более высокому. То же и у его брата⁴. Вчера приехал Дьяконов – я его еще не видел, так как он был в Петровском, а я вчера вечером был у Петрункевича с Новгородцевым и Грабарем. Вечер прошел в живой беседе – о религии, народе и тому подобное. Я отдохнул, а то вчера совсем устал. Вот мой был день: 6 1/2 – 9 часов утра – готовился к лекции, 9–11 – лекции, 11–12 – поправление лекций со студентами, 12 1/2 – 4 1/2 – очень утомительный разбор Полтавской коллекции и кое-какие пробы. 6–7 1/2 – поправление лекций, а в 8 пошел к Петрункевичу. Мысль урывками направляется к темам, но настоящей работы еще не вел.

Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Гагу⁵ поцелуй.

Оп. 7, д. 39, лл. 46–47.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Очередная среда приходилась на 29 апреля.

³ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁴ А.И. Яроцкий.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 303

25 апреля 1892 г., Москва

№ 22/214¹

Москва, 25.IV 1892, утро

Дорогая моя, родная Натуся, моя ненаглядная, я так бываю всегда рад получить от тебя письмо, мне так дорого твое страстно сильное переживание высоких идей. Я рад, что ты, по-видимому, начинаешь иначе относиться к эпохе Возрождения. Интересно было бы проследить, как работа освобождения личности отразилась на ее [иных] порывах, приведших ее к борьбе за религиозную и политическую свободу. Мысль твоя дать краткую биографию Мильтона мне очень по душе². Я не решаюсь теперь тебе посылать книг и т.п., так как не знаю, будешь ли ты иметь время заниматься, живя с Машей³. Я думаю, что – как многое тебе не будет скучно – ты должна **прочсть** все или главные сочинения и переписку Мильтона и должна будешь в начале по ним пытаться воссоздать эту личность, а затем ознакомиться с немногими главными сочинениями по его эпохе и его жизни, а также с некоторыми из тех сочинений или статей, которые имели значение на склад ума, направление деятельности Мильтона.

Это будет для тебя первая серьезная работа – не бросай ее. Мне Мильтон, конечно, представляется более близким, чем Цвингли, хотя бы по его могучему таланту. Не будет ли для тебя его «Paradise» отдален?⁴ Но там есть великолепные, страшно сильные, красивые части, и в общем это одно из самых замечательных произведений. Оно сильно отразило всю личность Мильтона. Читала ты его?

Я еще не знаю, как решу с летом. На днях придет Келлер, и мы будем составлять отчет⁵. О Корниловском цензе хлопочу, но перевод Вернадовки делать неудобно (стоять будет не менее 1500 руб.!), а надо купить землю или дом дешевый. Об этом позже. Я уже тебе писал, что платежи мне банк отсрочил. У меня теперь Дьяконов – с ним жить вместе приятно, должно быть, очень я стал исключительно нетерпимым человеком. А то мне Сам. Ив. Яроцкий надоел! Но какой он легкомысленный – увидишь из письма Келлера. Медицинский факультет согласился с моим мнением и отказался принять присланную программу испытания фармацевтов. Кажется, и другие дали такой же отзыв, и факультет отбросил всю программу en bloc⁶, не знаю, впрочем, как относительно фармацевтических предметов. Вчера у меня был последний экзамен фармацевтов. Чувствую себя так себе. Whitman – поэт, недавно умерший⁷, по-видимому, новатор в английской поэзии, его выходят дешевые издания, и я некоторые выпишу, дабы с ним ознакомиться. Знаешь, вышла итальянская работа Тодаро об истории опытного метода в биологических науках. Вот по поводу ее написать статью? Планов у меня вообще много.

Целую тебя, Гагу⁸ и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 48–49.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 3 к письму № 297.

³ М.С. Гревс.

⁴ *Milton John. Paradise lost, a poem: In 12 books. L.: Jacob Tomson, 1692.*

⁵ См. комментарий № 7 к письму № 298.

⁶ Полностью, целиком (фр.).

⁷ Американский поэт Уолт Уитмен умер 26 марта 1892 г.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 304

28 апреля 1892 г., Москва

№ 23/224¹

28.IV 1892, Москва

Дорогая моя Натуся, вчера не успел написать тебе, а потому пишу сегодня утром. Был вчера вечером в Петровском-Разумовском вместе с Грабарем, Новгородцевым, Петрункевичем и т.д., вечер провели недурно, а главное хорошо было пройтись, а то совсем засиделся. Погода стоит мягкая, теплая – все распускается. Спешу с письмом, так как сейчас придет Келлер, и мы с ним будем составлять отчет² и пр., а сегодня вечером выборы в Комитете грамотности³. Может быть, в четверг поеду в Вернадовку – вернее, в пятни-

цу, а затем вскоре пойдут мои экзамены. Сперва ⟨ответчу⟩ на твои вопросы. Новгородцев кончил экзамен (остался один на осень, и он ими теперь не занимается) – с ним, чем дальше, тем больше схожусь, он теперь увлекается Белинским, Салтыковым и пр. Его адрес: Константиновский межевой институт, кв. В.М. Грабаря. Грабарь решил отказаться от стипендии, если ему предложат, так как до ноября ни за что не хочет оставлять института. Сегодня выборы в Комитет грамотности – надо пойти непременно, хотя меня комитет со своей громадной машиной привлекает очень мало, Иван Ильич⁴, однако, думает, что из него может выработаться нечто лучшее. И он, и Миклашевский, и все, с кем я ни говорил, относятся очень сочувственно к моей мысли об устройстве кружков с целью добиваться полной грамотности в определенном районе. Что если бы покрыть сетью таких кружков значительную часть Руси?

Я не вполне согласен с твоей постановкой вопроса об итальянских князьях. Ты не должна вдаваться в их изучение, но ты должна иметь литературу и краткие очерки о главных из них, раз, читая, чувствуешь непонимание явлений – иначе никогда не вылезешь из обычного чтения. Неужели ты думаешь, что где бы то ни было можно найти не безграничное поле для изучения? Мне очень интересно, как идет дальше твое чтение Буркхардта⁵. Я прочел недавно очень интересную статью Ренана в «Journal des Savants»⁶ об эссеях – старой еврейской секте за 2 века до Христа и напоминающей очень первое христианство. Читаю с большим наслаждением Taine'a «Philos. de l'art». Как французы умеют писать! Во фразе и во всем видна отделанность, культура – в форме фразы видна мысль и традиция вековой исторической жизни. В этом ее красота. Наши указывания с Павловым на безжизненность Московского общества испытателей природы не остаются бесследными. Возник проект с будущего года устроить ряд лекций для публики по естественным наукам, а осенью и летом свободные публичные естественноисторические экскурсии в окрестности Москвы. Что ты об этом думаешь?

Крепко целую тебя, мою ненаглядную. Поцелуй Гагу⁷ и наших.

Твой Владимир

Р. С. О лете и доме еще ничего не решил и не решу, пока не побываю на месте.

Р. С. Об Адьке⁸ я тебе писал. По-моему, **невыгодно** устраивать передачу Вернадовки (от 1500–2000!), а надо купить **землю** за ту же цену. Веду переговоры в Тверской губ.⁹

Оп. 7, д. 39, пл. 50–51.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 7 к письму № 298.

³ См. комментарий № 14 к письму № 287.

⁴ Петрункевич.

⁵ См. комментарий № 7 к письму № 293.

⁶ *Renan Ernest*. P.E. Lucius. Die Therapeuten und ihre Stellung in der Geschichte der Askete: Eine kritische Untersuchung der Schrift «De vita contemplativa». Strasbourg, 1880; Idem. Le même. Der Essenismus in seinem Verhältniss zum Judenthum. Strasbourg, 1881 // J. savants. 1892. Févr. P. 83–93.

⁷ Г.В. Вернадский.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ Вписано на полях л. 50 об.

1 мая 1892 г., Москва

№ 24/228¹

Москва, май 1, 1892, утро

Дорогая моя, ненаглядная Тутя, эти несколько дней тебе не писал. Совсем был завален разными счетами² – считал почти с утра до вечера – вместе с Сергеем Шаховским, Келлером и Митей³. В общем, мы еще не вполне разобрали все счета, но в общем привели все в большую ясность. Для окончания дела в тех размерах, в каких оно ведется, нам надо будет еще до 7–8 тысяч, а есть возможность свободно иметь больше этой суммы, считая имеющиеся в наличности и деньги Николая Михайловича⁴ и парижские⁵. Часть денег надо иметь теперь же, так как надо закупить около 3100 пудов ржи. Я вступил в переговоры с Линдом и тому подобными – опять начинается горячее время. Главная беда – людей знающих остается все меньше, может быть, поедет Алексеевский. В С.-Петербург к Николаю Михайловичу поедем, вероятно, я и Сергей Иванович⁶ или я с Корниловым, если Корнилову можно будет теперь оставить дело. Всего у нас теперь в работе почти 80 верст, находится 119 столовых, в которых кормится до 5700 человек; из письма Келлера ты уже знаешь, что мы начали продажу хлеба. В общем у нас нет теперь проявлений крайней нужды, но положение **хуже**, чем было зимою, так как земская помощь проедена, а будет ли новая, неизвестно. Всходы хороши, и, если будет дождь, можно ждать урожая. А если не будет – неизвестно. Из других мест в Комитет грамотности теперь приходят печальные вести. Комитет решил улучшить пищу в некоторых столовых Нижнедевицкого уезда Воронежской губ., где началась цынга среди детей, то же пишет один из инспекторов народного училища из Саратовской губ., говорил мне о том же Шлуккер.

В Комитете грамотности Вахтерова **не** выбрали 7-ю голосами, а выбрали священника Смирнова. Я теперь как-то мало им интересуюсь, а более убеждаюсь в необходимости местных мелких фактических единиц для практической задачи грамотности, о чем я тебе писал. С Митей много говорил. Он хочет добиваться в члены губернской Ярославской управы и имеет все шансы. Видел Аюту⁷, а детей – нет, так как у них не был.

У Павла Ивановича⁸ была довольно серьезная история личного характера, но мы подробно с ним о ней не говорили – кончилось все ничего, по словам Грабаря. Оба они выглядят очень скверно – заработались, да кажется, и очень сильно волновались.

Еще масса писем, а потому надо кончать. Напиши, как устраиваешься летом. Часто думаю и мечтаю о тебе и крепко тебя люблю.

Твой Владимир

Гагу⁹ и наших поцелуй [...]

Оп. 7, д. 39, лл. 52–53.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Счета, связанные с организацией борьбы с голодом в Тамбовской губ. См. комментарий № 1 к письму № 261.

³ Д.И. Шаховской.

⁴ См. комментарий № 3 к письму № 288.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 298.

⁶ Шаховской.

⁷ А.Н. Шаховская.

⁸ Новгородцев.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 306

3 мая 1892 г., Москва

3. V 1892, Москва

Дорогая моя, ненаглядная девонька, мое счастье неоценимое, так я сильно чувствую твое отсутствие, так всей душой стремлюсь к тебе, к моей дорогой, постоянно о тебе думаю, не особенно люблю жизнь врознь. Я до сих пор не уехал из Москвы и не знаю, когда уеду – может быть, на несколько дней проеду во вторник, но, вернее, выеду 12-го мая в Вернадовку, хотя тут у меня масса всяких дел. Теперь, может быть, придется ехать к Великому князю¹ в С.-Петербург – поеду между 2-мя другими экзаменами. Мне хочется кончить те аналитические пробы, какие я делаю для Докучаевского отчета², часть взял делать Кислаковский. Вчера в первый раз настоящим образом работал для диссертации³. Работал по обеим темам, но думаю, что остановлюсь на вопросе о полиморфизме азотнокислых солей в связи с общей теорией полиморфизма: тут ясна для меня дорога, по какой надо идти, а в другой теме, несмотря на ее заманчивость, сам план должен выработываться. Вчера мне удалось получить новую разность одной из азотнокислых солей, которую я случайно добыл еще в Париже и с тех пор, несмотря на все мои здесь попытки, вновь получить не мог. Если работа пойдет, то я убежден, что получу результаты довольно общего характера. Много работы будет и для вступительной главы, где я думаю связать явления полиморфизма с общими вопросами механики твердых систем и с теориями строения твердого вещества вообще.

Сегодня получил более 1100 руб. из Парижа от французского комитета⁴ – это нам позволит ехать позже к Великому князю, я считаю это важным, потому что **тогда** может поехать Корнилов. От французской помощи мы не отказывались прямо, но больше в нашем районе при имеющихся силах брать не следует, а если начинать, то надо начинать где-нибудь отдельную помощь, на что время прошло. Помощь французская организована в виде особого района (около 25 столовых). Еще неизвестно, какое влияние окажет начало⁵ весенних работ, пока – увы – очень малое, а правительственная помощь уменьшается. Даже в нашем районе при очень сильной общественной помощи последствия года будут страшно тяжелы, а что будет в других местностях России?

Нет ли у Егора Павловича⁶ докладов уполномоченных Особого комитета (Нечаева-Мальцева, Юзефовича и др.) – в «Правительственном вестнике»⁷ печатаются лишь отрывки, а отдельно они в продажу не поступают. В отчете Бобринского⁸ будет о нас. Нельзя ли их достать?

Целую крепко тебя, Гагу⁹. Поцелуй всех наших. Моя дорогая Натуня.

Твой Владимир

P. S. Ты мне ничего не пишешь о своем здоровье.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 288.

² См. комментарий № 6 к письму № 248.

³ См. комментарий № 5 к письму № 299.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 298.

⁵ В тексте – «начание».

⁶ Старицкий.

⁷ Правительственный вестник. 1892. 3 (15) мая. № 97.

⁸ См. комментарий № 7 к письму № 313.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 307

5 мая 1892 г., Москва

№ 26/240¹

Май, 5, 1892, Москва

Дорогая моя девонька, моя неоценимая, сегодня от тебя нет письма, моя рыбка (прости, что так называю тебя: зачем налагать узы на ласку?) – верно, будет завтра заказное. Я не знаю из твоих писем, как твое здоровье, лечишься ли, когда переезжаешь на дачу, что делает Гага² – обо всем этом мне напиши.

6 мая, утро

Я совсем завален работой и вчера не успел тебе послать письмо. Оттого и письма приходят к тебе не вполне аккуратно. Вот мой вчерашний день: накануне очень плохо спал (не спал до часов 4!) и проспал – встал в 10 часов и сейчас же отправился к Петрункевичу, где просидел до 3 1/2 часов, поправляя и проверяя счета по нашему делу³: очень они безалаберны у Келлера. После обеда с 4 1/2 до 9 часов просидел в лаборатории, зашел к Сахарову, чтобы узнать подробности о корниловском месте, но не застал. Вернулся домой, и пришлось еще просидеть со студентом, который, вероятно, отправится к нам на место⁴. Вечером поправлял лекции. Сегодня день будет вроде этого – опять до 3 часов буду у Петрункевича (еще не кончили!), затем часа 4 буду работать в лаборатории (я положил непременно работать *minimum* 4 часа в лаборатории – все выходит *minimum*), надо зайти к Орловой за ответом о той бежецкой учительнице, письмо которой у тебя было, есть возможность, кажется, устроить ее у Беклемишевой, а затем еще отправка Келлеру денег, поправка лекций, письменных экзаменационных работ (вот новость – в наше время в университете *extemporalia*⁵ не было, а новым уставом введено!) и пр. Так что весь день сплошь будет занят. Я на днях кончу совсем докучаевские анализы⁶ и буду работать более специально для своей работы, а так теперь думаю, я, кажется, нашел более ясную формулу основной идеи полиморфизма: мне думается, что возможно найти термический закон механики твердого тела, совершенно аналогичный тому, какой лежит в основании теории тел газообразных. Вот как я его формулирую: в твердом веществе без всякой зависимости от химического состава количество работы, тратящееся на определенное изменение кристаллической формы, одно и то же. Я не буду вдаваться в рассуждение здесь, но думаю, что не ошибусь, если сочту его аналогичным

закону Авогадро для газов, и что закон Дюлонга и Пти явится лишь частным выводом этого положения. Но надо спокойствие для работы, а его среди жизненного круговорота нет. Да и летом возня с квартирой. Я пока с домом остановился вот на каких основаниях: у нас опять засуха, прекрасные всходы грозят погибнуть, и, следовательно, будет опять голод. Надо выждать, когда определится урожай. Ужасно, если повторится опять то же самое, а в целом ряде мест – несомненно.

Я не согласен с твоим отзывом о классическом образовании и вполне не согласен с необходимостью положить в основу детского воспитания естественные науки. Мне кажется, ты говоришь потому так, что смотришь на естествознание сквозь призму гуманитарного образования. Я в следующем письме постараюсь изложить свою мысль подробнее, а здесь набросаю, сколько успею до отхода. Воспитание может основываться или на религиозной подкладке, или на гуманитарной, или на гражданской. Это потому, что одна из его задач – и самая главная – осмыслить жизнь и **цель** жизни должна проходить сквозь все воспитание. Эта цель может быть дана религией (в широком смысле), может быть понята в смысле работы на пользу человечества, может быть поставлена гражданским обществом (например, греки). Но какая **цель** может быть дана естествознанием? В нем **цели** нет, оно бесстрастно, оно оживляется в наших представлениях лишь вследствие чуждых ему гуманитарных элементов (например, пантеистического мировоззрения на природу, сознания блага от развития науки для человечества, сознания проявления творца в природе – у разных людей различно). Это и понятно – **воспитание** готовит людей для жизни, оно должно главным образом создать личность в обществе, а как могут создать это естественные науки, которые само общество и само человечество низводят с того пьедестала, на каком они неизменно должны стоять в жизни. Весь смысл и вся цель такого воспитания может лишь быть дана, когда его ведут люди гуманитарно образованные, преподающие и естествознание с чуждым ему оттенком. Но – каково будет другое поколение учителей, которое само воспитано на «естествознании»?

Мне кажется, должно быть **аксиомой**: воспитание **человека** может быть основано только в связи с изучением жизни, идей, истории **человека** же. Я не отрицаю значения естественных наук и не говорю, что им не надо учиться, – сам занимаюсь тем, что учу им, но думаю, что на них **не может быть основано** воспитание.

Я согласен с тобой в пагубе нашей гимназической системы. Но разве у нас есть гуманитарное, классическое образование? Разве не так же мало дают наши «реальные училища», неужели это идеал – да я не знаю, что хуже. Причина здесь более коренная – в ложных основах и, мне кажется, в ложном понятии идеи среднего образования вообще – как то из классического, так (из) реального.

Знакомство с древней классической жизнью и с произведениями древних классиков (я не говорю о языке) должно лежать среди основ современного воспитания. Это время духовного единства человечества, время зарождения **человечества и гражданина** – от него исходят все без исключения наши основные идеи, наши общественные учреждения и даже европейские религии

(так как христианство, как все более выясняется, тесно генетически связано с греческой философией).

Я глубоко не согласен с тобой, чтобы ребенок жил среди **природы**, – он живет среди природы как гуманист, он оживотворяет природу, он **переносит** на природу свои мысли, чувства, и мы все в своем толковании естественных процессов приноравливаемся к такому его пониманию. Но это не будут естественные науки. Я думаю, что великие **личности** и великие события истории ему еще ближе, и сам [...] все это видел и испытывал.

Пока довольноно. Крепко целую тебя, мою дорогую, любимую. Пиши мне – мне так нужны твои письма. Целую всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 56–59.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 2 к письму № 305.

⁴ В Тамбовскую губ. для борьбы с голодом.

⁵ Искусственно составленные отрывки, предназначенные для перевода на древний язык (лат.).

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 248.

№ 308

8 мая 1892 г., [Москва]¹

№ 27/244²

Май, 8, 1892

Дорогая моя, родная. Пишу тебе немного – масса работы. Адька³ приезжает на днях, едет к Николаю Михайловичу⁴ – надо кончать отчет⁵, экзамены и т.п. Отвечали сегодня мне очень скверно – просто хуже нельзя: вообще никогда таких ответов, как на государственных экзаменах, мне слышать не приходилось. В голове у них каша – они обязаны сдать все за все 4 года в 3 недели и приноравливать свои требования к программам, заранее напечатанным. Это последнее, по-моему, ужасно, и раньше этот вред не приходил мне в голову. Хороший студент всегда мог выбрать **важное** и только его запомнить: в этом главным образом и интерес экзамена – чтобы студент знал, почему он выучил то-то и то-то. За немногими исключениями, всякий профессор всегда входил в это положение; я сам помню из своего студенчества свой разговор с Фан-дер-Флитом, когда я не знал подробности строения какой-то машины, потому что считал лишним их учить, а знал принцип и цель машины. Тут же он обязан вызубрить то, что требует программа, составленная, по крайней мере по минералогии, невежественно (по словам Павлова, тоже и программа ⟨по⟩ геологии), и в общем ответы ужасные. Я рад, что это один из последних государственных экзаменов по минералогии, и жду с некоторым интересом экзамена своих слушателей – не в государственной комиссии.

От Докучаева получил, что первая корректура⁶ скоро мне будет прислана. Он летит на почтовых и хочет издать до 20 мая, а всякие добавления, исправления относит на конец отчета, очень мне это не нравится.

О финансах напишу тебе позже. Из прилагаемого письма Попова и Келлера видишь, что на урожай надежда плоха. Строить дом при таких условиях рискованно, но, с другой стороны, ведь мы проживем в этом году 2000 (руб.), отложенные на дом! Надо, чтобы и Гревсы, и Ольденбурги, и Лиза⁷ платили свою часть, а ты свою за лето – **мы не можем иначе**. Я очень огорчен приездом Лизы и Федора⁸ и нахожу это каким-то грубым и неделикатным поступком по отношению к Егору Павловичу⁹, для которого ты этим испортила весь свой приезд.

Пока довольно. Крепко целую тебя, Гагу¹⁰ и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 60–61.

¹ Письмо написано в Москве, так как В.И. Вернадский вел занятия в университете и никуда из Москвы до 30 мая не выезжал (см. письмо № 309).

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ А.А. Корнилов.

⁴ См. комментарий № 3 к письму № 288.

⁵ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁷ Очевидно, Елизавета Михайловна Гревс.

⁸ Ф.Ф. Ольденбург.

⁹ Старицкий.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

№ 309

11 мая 1892 г., [Москва]¹

11 мая, 1892

Дорогая Натуся! Все эти дни не успевал писать тебе. Пишу эти несколько строк – думаю написать позднее письмо. Только что вернулся с экзамена, а надо идти в заседание комиссии, к довершению беды – сильная мигрень. Ждал сегодня Корнилова – он не приехал. Думаю, что не уеду до 30 мая никуда.

Крепко целую тебя, мою любимую, Гагу² и всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Вернадской³, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович

Оп. 7, д. 39, л. 62.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 308.

² Г.В. Вернадский.

³ Описка у В.И. Вернадского, надо «Старицкой».

15 мая 1892 г., [Москва]¹№ 30/254²

15 мая, 1892

Дорогая моя, неоценимая девонька, очень меня беспокоит, что тебе опять похуже, неужели опять будет сутолока, и ты не отдохнешь летом? Пиши мне обо всем подробнее, о своем здоровье, береги себя, моя единственная, горячо любимая Натуня. Мне так тяжело быть без тебя и знать, что моя родная птичка больна. Моя золотая, ведь тебе было бы легче, если бы я был с тобою? Я подумаю устроить лето так, чтобы приехать к тебе на две недели в июне и на месяц в августе. Как ты думаешь? Все время надо усиленно работать для диссертации³. Мне ее хочется написать для **тебя**. В общем **план** у меня есть, и весь вопрос в том, как **ее** разработать. Во введении хочу поместить очерк теоретических воззрений на строение твердого вещества, и над ним надо много работать. Начал проходить термодинамику по Липпманну и хочу пройти и прочесть лучшие вещи за лето. К концу мая кончу анализы Докучаеву (войдут в сводный том)⁴ и буду свободен, надеюсь к этому же времени сдать в печать и статью «Sur la polymorphisme des sulfates de baryum. et de strontium»⁵. Только что вернулся домой – был до 9 1/2 часов в лаборатории, а оттуда прошел напиться чаю к Петрункевичам, у которых и просидел с часок. Мне очень нравятся и молодые Петрункевичи (он оставлен по философии при университете). Завтра у меня ассистенство на экзамене по физике.

Биографии Грановского⁶ на полке нет. Я никому ее не давал. Не дала ли ты кому-нибудь? А между тем она ни за кем не записана (Ане?⁷, Елли Ивановне?⁸, Бекарюковым?). Автор книги «Неурожай и народное бедствие» – Ермолов⁹, метящий в министры земледелия¹⁰. Книга эта, говорят, и написана с этой целью. Я ее не читал (а равно не читал и Слонимского), отзывы Янжула и Миклашевского о книге неодобрительные. Книжки Елли Ивановне (стоит она 7 франков, т.е. около 4 руб.) и Нине¹¹ на днях выпишу.

Эти дни читал с интересом физиологическую химию Бунге¹² – живую, талантливую вещь. Бунге – виталист, и я думаю, резонно, так как это для него есть нечто иное, как оценка методов; с интересом читаю термодинамику Липпманна¹³ и биографию Ньютона (Брюстера)¹⁴. У меня намечается план статьи об *enfant terrible*¹⁵ XVII в. Гуке – этом гениальном неудачнике, ведущим борьбу за приоритет с Ньютоном. Он первый дал начала современной теории кристаллов. Его биография чрезвычайно интересна с точки зрения научных методов.

На твое письмо о значении естественных наук в воспитании отвечу позже. Я со страхом и грустью вижу вторжение естественных наук в эту область: я думаю, воспитание нельзя строить на науке, а оно может быть построено или на вере, или на государственном долге. Целью воспитания вообще не может быть приготовление человека к исканию истины, так как вопросы воспитания суть вопросы массовые, а искание истины личностью есть всегда исключительное явление. Яснее позже.

Крепко целую тебя, Гагу¹⁶, наших. Мой родной Тутик. Получила ли письмо Вотчала... Иногда у них буду.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 63–64.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 308.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ См. комментарий № 5 к письму № 299.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁵ Статья под таким заглавием не была опубликована.

⁶ См. комментарий № 17 к письму № 212 и комментарий № 11 к письму № 253.

⁷ Возможно, А.Е. Любошинская.

⁸ Лерке.

¹⁰ Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб.: Тип. В. Кришбаума, 1892.

¹⁰ А.С. Ермолов с 1892 г. был министром Министерства государственных имуществ, переименованного затем в Министерство земледелия и государственных имуществ. Эту должность он занимал до 1905 г.

¹¹ Н.Е. Старицкая.

¹² Бунге Н.А. Учебник физиологической и патологической химии в двадцати лекциях для врачей и студентов. Дерпт: Склад изд. у Г. Лакмана, 1888.

¹³ О какой книге идет речь, установить не удалось.

¹⁴ Brewster D. The life of sir Isaac Newton. L., 1831.

¹⁵ Человек своевольный, дерзкий (фр.).

¹⁶ Г.В. Вернадский.

№ 311

19 мая 1892 г., [Москва]¹

№ 31/260²

19 мая, 1892, утро

Дорогое мое сокровище, моя рыбуся, нежная, любимая девонька. Вчера у меня был экзамен, а вечером заседание комиссии продовольственной (мы перенесли заседание на вечер), и я не успел тебе написать. Пишу немного, так как сейчас надо ехать по банкам – посылать деньги Линду за рожь и получить деньги, а от 2 до 4 (часов) у меня практические занятия у медиков, которые зубрят к экзамену. Ответы по физике (естественников) гораздо лучше, чем в государственных комиссиях. Это время я очень мало мог работать для себя: теперь постараюсь наверстать время. Об Адьке³ из С.-Петербурга ни слуху ни духу, Федор⁴ писал мне, что еще 15-го он не был у Великого князя⁵.

Моя дорогуся, меня очень беспокоит твое здоровье, и я прошу тебя писать мне о нем подробнее – что ты делаешь для его поправления, берешь ли ванны, гуляешь ли? Сильны ли боли, и все, все мне напиши подробнее, моя ненаглядная. Я, может быть, так устрою, чтобы в июне к тебе приехать, а в августе также, весь же июль и часть августа провести здесь. В деревне же пробуду, вероятно, недолго, хотя боюсь, что все мои планы заниматься летом могут расстроиться. Буду ли строить дом теперь – ничего не знаю, решу на месте. Мне и хочется и колется с его постройкой.

Крепко целую тебя, мою любимую. Гагу⁶, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 65–66.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 308.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Ф.Ф. Ольденбург.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 288.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 312

21 мая 1892 г., Москва

№ 32/266¹

Мая 21, 1892, Москва

Дорогая моя, ненаглядная детонька, так я рад был получить твои два последних письма: так живо, живо мне от них тобою повеяло. Я все-таки хочу, чтобы ты подробнее писала о себе, моя любимая. Так мне хочется скорее все-таки повидать тебя, и очень может быть, что я приеду к тебе в июне – одновременно и несколько отдохну, так как все-таки некоторая вялость чувствуется. Сегодня у меня экзамен (у медиков) длился почти до 7 часов (с 10!), и я таки довольно устал. Отвечали **лучше** прошлогоднего: даже сравнивать нельзя. В сущности говоря, при некотором старании можно поставить будет так, что будут знать. Лишь бы скорее мне избавиться от диссертации. А ее надо писать и писать, а главное, для нее работать. Ведь это докторская, а к ней требования гораздо больше². Главное, трудно уйти в работу от житейских мелочей и от обществвнных интересов.

Вчера был наконец у Дьяконова в Петровском, видел Надежду Александровну³ и их Сашу, остальные дети спали. Саша очень вырос. Эти дни я так кое-как читал: окончил один анализ глины Полтавской губ., корректуру Докучаева⁴ и начал рефераты Гроту (я отказался от этой работы, но надо докончить ее, пока Грот не найдет кого-нибудь)⁵. Читаю теперь Брюкнера о колебаниях климата⁶ – мне хочется изучить, сколько могу, вопрос о засухах, ранних морозах etc. в связи с неурожаями. Недавно прочел интересную заметку Гладстона в «Nineteenth Century» о книге Джефсона о платформе⁷, о которой я тебе писал, Гладстон указывает, что англичане добились политической свободы в 19 столетии благодаря трем Р – Petition, Press, Platform⁸, перечитывал Лопе де Вега, прочел (не кончил) «Confession» Руссо⁹, Лопе де Вега ты должна прочесть, особенно некоторые его комедии, как лучший судья – король и т.п. Читаешь ли Буркхардта?¹⁰ Как только увижусь с П.Ив.¹¹, переговорю с ним о переводе, я очень рад, что тебе эта мысль нравится¹². Твоя мысль о статье по детскому воспитанию мне очень нравится¹³. Ты должна непременно написать (я тебе послал новую брошюрку Ланге). Я рад, что ты прочла статью Ключевского¹⁴: его курс, вследствие всяких здешних передраг, будет печататься лишь в будущем году, так как издавался без всякого разрешения¹⁵. Подписаться на него, кажется, поздно.

Из деревни и из Питера давно не имею известий. Целую тебя, мою драгоценную. Гагу¹⁶, наших поцелуй.

Твой Вернадский

P.S. Мое сокровенко, как я страстно хочу быть с тобою!

Оп. 7, д. 39, лл. 67–69.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 5 к письму № 299.

³ Н.А. Дьяконова.

⁴ См. комментарий № 6 к письму № 248.

⁵ См. комментарий № 4 к письму № 227.

⁶ О какой работе идет речь, установить не удалось.

⁷ *Gladstone W.E.* Noticeable books. The Platform, its Rise and Progress // The nineteenth century. L., 1892. Vol. 31. P. 686–689. – [Recensio] Jephson Henry. Vol. 2. L.: Macmillans, 1892.

⁸ Петиция, пресса, политическая платформа (англ.).

⁹ См. например: *Rousseau Jean.* Les confessions. P.: Firmin-Didot, 1890.

¹⁰ См. комментарий № 7 к письму № 293.

¹¹ П.И. Новгородцев.

¹² В письме от 17 мая 1892 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «А сегодня совсем увлечена и в восторге от новой работы, которую ты мне предлагаешь, – перевод истории философии под редакцией Павла Ивановича. Согласно и счастлива этой возможности применить себя к делу. Если только Павел Иванович не боится такого неопытного и не блестящего переводчика, то пусть скорее присылает книгу. Напиши, к какому сроку он намерен закончить работу. Страшно рада, что без нахальства могу приняться за работу, над которой посижу и много подумаю. Для меня это идеально и физически себя буду лучше чувствовать, когда будет это душевное удовлетворение» (ф.518, оп. 3, д. 258, лл. 192 об.–193). Издание не было осуществлено.

¹³ В письме от 17 мая 1892 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я [...] решила обдумать статью для педагогического сборника: «О детских капризах». Я знаю, что в этой области у меня есть собственные мысли, может быть ложные, но в которые я верю и которые хотела бы высказать, потому что считаю их полезными. Меня поражает, какое беспросветное поле – воспитание малолетних детей в семье. Сколько тут насилия, ломки, невежества, и как важно внести новый, свежий взгляд на детей как на складывающиеся личности, с которыми невозможно поступать прямолинейно. Что [иные] уклонения являются в силу ошибок воспитателей, другие являются проявлением оригинальных черт характера. Ломать огульно и гнуть по шаблону – страшное преступление. Уничтожаются великолепные, нежные, еще не установившиеся наклонности [...] Больше уважения к детской личности, меньше произвола, раздражения, гнета, высокая домашняя среда – вот мой лозунг в воспитании первого детства» (ф. 518, оп. 3, д. 258, лл. 191 об.–192).

¹⁴ В письме от 18 мая 1892 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Очень меня увлек Ключевский своей лекцией: «Добрые люди древней Руси». (Эту книгу В.О. Ключевский издал в пользу пострадавших от неурожая в 1892 г. – *Ред.*) Захотелось прочесть его курс истории. Прибери, если возможно, для зимы. Меня заинтересовала медная эпоха в русской истории XVII в. Я не ожидала там встретить блеск мысли, идеи» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 196).

¹⁵ До принятия реакционного университетского устава 1884 г. и университетских правил 1885 г. студенты очень часто лекционные курсы профессоров издавали как учебные пособия. Вновь принятый устав категорически запрещал студенческие литографии. Несмотря на это, «Курс» В.О. Ключевского неоднократно нелегально издавался студентами. Например, в 1884–1885 гг. такую литографию подготовил ученик В.О. Ключевского, будущий академик С.Б. Веселовский. Упомянутый В.И. Вернадским «Курс», который «издавался без всякого разрешения», был напечатан в 1892 г. в нелегальной типографии рабочего кружка, во главе которого стоял В.К. Оленин. По поводу этого издания к профессору обращался министр народного просвещения И.Д. Делянов. Первый том «Курса русской истории» В.О. Ключевского издал в 1904 г.

¹⁶ Г.В. Вернадский.

25 мая 1892 г., Москва

№ 33/269¹

Май, 25, 1892

Дорогая моя радость, моя драгоценная, как я рад, что тебе лучше, мое солнышко ясное, моя любимая Тутя, нежная, моя родная девонька. Эти дни я тебе не писал – среди экзаменов едва-едва успевал что-нибудь делать, да и был Адя². Сегодня у меня передышка.

Сперва о деле. Телеграфируй мне немедленно адрес (денежный) Лизы Гревс, если ей надо послать денег, мы с Адей решили послать ей 300 руб. из французских сумм³. Равно если ей надо денег, то вслед за посылкой мне телеграммы извести ее о высылке ей 300 руб. Адя не знает ее адреса! и вспомнил об этом по отъезде Маши⁴ и Сергея⁵. Скажи, как она будет вести там помощь, если думает уехать? Пусть она мне телеграфирует, если надо ей даму-помощницу.

О похождениях Ади – знаешь. Мы мало набросали отчет, но решили: 1) формальный денежный поместить в газетах и 2) более обстоятельный очерк напечатать брошюрой⁶. В «Правительственном вестнике»⁷ напечатано извлечение из отчета Бобринского – относительно нас неверно, между прочим, напечатали, что помощь на **мои** средства! Неужели это необходимость канцелярской сохранения невинности: частные-де люди без разрешения собирать пожертвования не смеют? После экзаменов я думаю проехать в Вернадовку, и в начале июня поместим отчет. К нам⁸ едут два студента: Лисицын и Панютин (из Калуги оба – симпатичные). Был у меня на днях проездом Пантелеев: «Лошадиный комитет»⁹ нельзя было пустить в министерство, оказалось, что надо было раньше представить губернатору. Пантелеев отправился теперь в Тамбов и будет переговаривать с Рокасовским¹⁰. Я получил очень интересные письма французов от Морсье¹¹, перешлю их копии тебе; меня очень порадовало, что в них нет **шовинизма**, а всюду христианские и гуманные чувства.

Вне экзаменов мысль все занята, урывками, правда, более общими вопросами – о полиморфизме, да теперь все больше и больше ухажу в вопросы о причинах неурожая. Я непременно буду писать об этом. Теперь кончаю прекрасное и очень важное сочинение Брюкнера о колебаниях климата¹². Читаю Maxwell'a и пр.

Надо, собственно говоря, как-нибудь от этих теоретических вопросов избавиться. Ведь: 1) школа с Гославскими¹³, 2) постройка дома и 3) выборы в земство. Не могу сказать, чтобы это последнее прельщало меня: шансы на избрание слабы, и идти мне не хочется, так как нет времени¹⁴. А тут еще в университете всякие бумажные отписки – навалили массу ненужной возни по кабинету, хотя ее ведет Кислаковский, но и мне много всяких бумаг и т.п. Наш проект с Павловым идет в печать и скоро выйдет¹⁵.

Вчера умер неожиданно Имшенецкий – я видел его за несколько дней здоровым и бодрым. Какая ужасная вещь смерть.

Елли Ивановне¹⁶ Адыка искал книгу в нескольких магазинах – не нашел. Послезавтра сообщу окончательно, есть ли здесь. За Нинину¹⁷ книгу надо

3 руб. 20 коп. (с пер.). Целую Гагу¹⁸, тебя, мою драгоценную. Тутя, моя любимая.

Твой Владимир

Что Сергей¹⁹ и Маша²⁰?

Оп. 7, д. 39, лл. 70–71.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² А.А. Корнилов.

³ См. комментарий № 6 к письму № 298.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ С.Ф. Ольденбург.

⁶ См. комментарий № 7 к письму № 298.

⁷ См.: Правительственный вестник. 1892. 24 мая (5 июня). № 111.

⁸ В Тамбовскую губ. для борьбы с голодом.

⁹ См. комментарий № 2 к письму № 295.

¹⁰ С 1889 г. В.П. Рокасовский был губернатором Тамбовской губ.

¹¹ Упомянутые письма в фонде В.И. Вернадского не сохранились.

¹² *Brückner E. Klima – schwankungler seit 1700, nebst bemerkungler über die klimaschwankungen der diluvialzeit.* Wien; Olmütz: E. Hölzel, 1890.

¹³ См. комментарий № 13 к письму № 264.

¹⁴ В.И. Вернадский в июле 1892 г. был избран земским гласным в Моршанском уезде Тамбовской губ. Он входил в состав ревизионной и сметной комиссии Моршанской земной управы. Кроме того, начиная с 1892 г. В.И. Вернадский периодически переизбирался в гласные Тамбовского губернского земского собрания. См. письмо № 334.

¹⁵ См. комментарий № 8 к письму № 282.

¹⁶ Лерке.

¹⁷ Н.Е. Старицкая.

¹⁸ Г.В. Вернадский.

¹⁹ С.Ф. Ольденбург.

²⁰ М.С. Гревс

№ 314

27 мая 1892 г., Москва

№ 34/282¹

Май, 27, 1892, Москва

Дорогая моя, родная Тутя, очень я рад, так жду каждого письма твоего. Я сроднился с каждой твоей мыслью, и мне твои мысли, твоя чуткая душа красят жизнь. Я непременно буду в Полтаве до августа, когда, еще не знаю, так как совсем не ясно представляю себе распределение работы. Мое ясное солнышко! Теперь с тобой Маша² и Сергей³, надеюсь, что немного уходит времени и сил у тебя на принижающие разговоры о личных делах, я, по крайней мере, со слов Ади⁴, вынес такое впечатление о настроении Маши. Все перемалывается история Маша versus⁵ Иван⁶. Для меня это грустно с другой стороны – с точки зрения уродливости: на словах одно, а на деле совсем иное. Какая важная вещь **гигиена мысли**. Мне кажется, это важнее всего в жизни, потому что этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создается человеком этим путем. Надо не позволять себе думать о всем дурном, что пришлось сделать, нельзя мысль отвлекать исключительно

в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густой стеной великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, когда кругом идет гибель, идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность. Я даже стал набрасывать «Наброски о гигиене мысли», если что выйдет, пришло тебе.

Я читаю Толстого – прочел его «Севастопольские рассказы», военные очерки и теперь читаю «Крейцерову сонату». Для меня встает вся его личность, по-моему, удивительная по своей неизменности – и в мыслях о Севастополе и Кавказе, и в «Войне и мире», и всюду в новых произведениях это все тот же человек, чуткий, сильный, основная черта – боль вследствие неимения глубокой веры в цельность жизни, вдумчивость и прочее, всюду проглядывает «Крейцера соната», думаю (не кончил еще), сильное, замечательное произведение.

Вчера кончились экзамены медиков⁷. В общем они сдали лучше, гораздо лучше, чем я ожидал. И мне совестно. Ведь я самым бесцеремонным образом отнесся к их курсу – легкомысленно и вел его спустя рукава. В будущем году поработаю.

Крепко, крепко целую тебя, мое сокровище, мою ненаглядную, мою страстно любимую девоньку. Гагу⁸, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 72–73.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² М.С. Гревс.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ По отношению (к) (лат.).

⁶ И.М. Гревс.

⁷ См. комментарий № 10 к письму № 286.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 315

29 мая 1892 г., Москва

№ 35/287¹

Москва, 29, май, 1892

Дорогая моя, любимая Натуня, мое счастье, мое сокровище, получил вчера я твое письмо. В нем пишешь ты мне, что я не отвечаю на [твои] мысли, но я их сильно чувствую, много о них думаю и если не отвечаю, то лишь потому, что думаю, скоро поговорим с тобой на словах. Работа мысли в тебе мне страшно дорога, я так ценю ее в тебе, она представляет из себя самую высшую гармонию личности.

На днях пришло тебе первую половину тома Виндельбанда². Обдумав, П.Ив.³ думает лучше перевести двухтомное сочинение, так как оно более доступно для широкой публики. Вчера мы послали письмо к Виндельбанду – он профессором в Страсбурге – с запросом, не подготавливает ли он новое издание (это вышло в 1878–1882 гг.)⁴. Зверев говорил Новгородцеву, что он

с удовольствием возьмет редакцию перевода, хотя для меня не представляет никакой приманки его имя. То, что ты мне пишешь об Елли Ивановне⁵, я вполне чувствую и понимаю, и для меня это совсем все ясно. Меня удивляет, что ты мне не присылаешь телеграмму с адресом Лизы Гревс⁶. Если ей денег не нужно, то ведь их можно послать в другие места – ужасны сведения из Воронежской губ. Очень прошу тебя поспешить с адресом: денежный адрес Лизы Гревс пришли мне, ей напиши (или телеграфируй), что я ей высылаю 300 руб. Ведь каждый день проволочки ужасен, а мы тянем 1 1/2 недели! Неужели мое письмо к тебе пропало? Теперь у меня Митя⁷, мы с ним еще мало говорили, так как теперь он пошел по делам, а у меня в 5 часов экзамен: он на меня всегда так бодряще, так хорошо действует, такая его личность обаятельная. Я совсем не чувствую какого бы то ни было прекращения обмена с друзьями – совсем, совсем напротив. И с Адькой⁸, и с Митей гораздо больше подымалось в этом году общих вопросов, чем, например, в прошлом. Смерть Шуры⁹ отразилась совсем иначе. Я, впрочем, не люблю сравнивать эти разные свои отношения. Я знаю, что смерть Шуры гораздо глубже коснулась всего мирозерцания, она дала и укрепила чувство ответственности и стремления к тому, во имя чего она жила и к чему шло все наше «Братство». Спроси Сергея¹⁰, как с ее перепиской? Кто будет ее разбирать? Я думаю, теперь стоит перед нашим «Братством» задача – поменьше занимать сердце и мысль личными дрызгами, а больше, сильнее, страстнее всей мыслью и всей личностью идти к одной великой цели, при создании которой умерла дорогая Шура. Она мне часто вспоминается.

Я читаю теперь Толстого с большим интересом. Прочел недавно некоторые из стихотворений А. Шенье (раньше ничего не читал). Пошли заказной бандеролью Анне Николаевне¹¹ «Memoires de M-me Roland»¹².

Крепко целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

P. S. Для Аматуни думаем до октября занять у Лельки¹³.

Оп. 7, д. 39, лл. 74–75.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 17 к письму № 298.

³ П.И. Новгородцев.

⁴ *Windelband Wilhelm*. Die Geschichte der neueren Philosophie in ihren Zusammenhänge mit der allgemeinen Cultur und den besonderen Wissenschaften. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1878–1880. Vol. 2.

⁵ Лерке,

⁶ См. комментарий № 6 к письму № 298, а также письмо № 313.

⁷ Д.И. Шаховской.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ А.П. Ольденбург.

¹⁰ С.Ф. Ольденбург.

¹¹ Шаховская.

¹² См. комментарий № 11 к письму № 292.

¹³ Л.А. Обольянинов.

№ 316

31 мая 1892 г., Москва

№ 36/289¹

Май, 31, 1892

Дорогая моя Натуся, вероятно, вследствие приезда Маши² и Сергея³ от тебя письма не было вчера, хотя оно должно было быть. Меня очень удивляет, что ты мне ничего не отвечаешь о Лизе⁴. Разве так дела, да еще связанные со страданиями, делают! Или письмо пропало?

Я пишу тебе теперь немного. Сам не знаю, когда к тебе попаду, вероятно, раньше проеду в деревню. Вообще, кажется, этим летом мало придется работать для диссертации. Я все более и более склоняюсь к тому, что надо строить дом, мне хочется, чтобы в будущем году ты могла бы уже жить вполне у себя. Из деревни ни слуху, ни духу! Адя⁵ ничего не пишет. Посылаю тебе копии с французских писем. Я прочел на днях отчет графа Бобринского; он напечатан не будет, в «Правительственном вестнике»⁶ помещено не «извлечение», а искажение, искажен часто весь смысл его сообщений. Отчет написан очень хорошо и очень интересен. Ему его прочесть перед наследником не позволили! И иметь аудиенцию у наследника он не мог. Я думаю ему «писать по поводу неприятного объявления в “Правительственном вестнике”», что средства шли в нашей местности **от меня**», но в его отчете этого нет! Это помещено в «Правительственном вестнике». Вообще вся эта история постыдная. Еще как тут быть, я не знаю.

Мой родной, родной Тутик! Боже, как мне хочется, как мне нужно побыть с тобой, моей дорогой, единственной Тутей!

Крепко целую тебя, наших.

Твой Владимир

P. S. Может быть, очень скоро приеду. Книга Елли Ивановне⁷ стоила 3 руб. 75 коп.

Оп. 7, д. 39, лл. 76–77.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² М.С. Гревс.

³ С.Ф. Ольденбург.

⁴ Е.М. Гревс: см. письма № 313, 315.

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ См. комментарий № 7 к письму № 313.

⁷ Лерке.

№ 317

1 июня 1892 г., Москва

№ 37/295¹

1, июнь, 1892, Москва

Дорогой мой Натусик, пишу всего два слова лишь для того, чтобы известить тебя, чтобы ты писала мне в Вернадовку (Сызрано-Вяземской ж.д.). Я еду туда на днях. Если будет возможность, проеду оттуда к тебе сейчас же, а то перед возвращением в Москву.

От тебя нет ни слуху, ни духу. То, что ты ничего не отвечаешь на вопрос, куда Лизе Гревс послать деньги², – меня начинает беспокоить. Получила ли ты мое письмо № 33/269 от 25 мая и если получила, отчего не ответила телеграммой? Если до отъезда не получу ответа, я оставляю чек Ивану Николаевичу Миклашевскому, и он вышлет (его прямой адрес: Петровская академия, проф. И.Н. Миклашевскому etc.).

Мой родной, родной Натусик, как мне хочется быть с тобой, отдохнуть и успокоиться. А то как-то несколько устал. И как-то неприятно, что год прошел, и я ничего не сделал! Эти дни мало читаю, а много всякой мелкой возни. Сегодня был у Петрункевича, поправлял письмо к де Морсье, затем был в банках, затем иду сейчас в типографию, оттуда опять к Петрункевичу свести счета для Комитета грамотности⁴, вечером комиссия в университете всех заведующих научными институтами по вопросу об электрическом освещении! У меня теперь Обольянинов, едущий в Томск, он очень расспрашивал о тебе и Гаге⁵. Его статью тебе посылаю. Поцелуй Машу⁶, Сергея⁷. Последнего мне ужасно хочется видеть, и я постараюсь выехать скорее из Вернадовки.

Крепко, крепко целую тебя [...]

Твой Владимир

Как ты относишься к моей мысли: образовать подписной фонд имени и памяти всех погибших в борьбе с народной бедой (помещиков, священников, учителей, врачей, студентов etc.), например Веневитиновой, Розанова и пр. Это, мне кажется, общественный долг. Этот капитал должен идти на хорошее дело: например, фонд для издания дешевых книг, или премия, или школа etc. Напиши.

Оп. 7, д. 39, лл. 78–79.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. письма № 313, 315.

³ Письмо к де Морсье в фонде В.И. Вернадского не сохранилось.

⁴ См. комментарий № 22 к письму № 292.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ М.С. Гревс.

⁷ С.Ф. Ольденбург.

№ 318

4 июня 1892 г., Москва

№ 38/307¹

4, июнь, 1892, Москва

Дорогая моя Натуня, моя ненаглядная девушка, завтра хочу ехать в Вернадовку. Ждал я здесь, ждал корректуры от Докучаева – не дождался и потому уезжаю завтра, так как больше здесь сидеть мне нечего.

5, июнь, 1892

Выехать придется лишь завтра утром, и послезавтра буду в Вернадовке. Очень мне досадно, что не увижу Сергея². У меня все время здесь Лелька³. Разговаривал я с ним мало, так как вообще не в разговорчивом на-

строении. Проездом был Агафонов, который просил очень тебе кланяться, он едет к Поссе в Йену готовиться к магистерскому экзамену. Усталый и нервный.

Вчера я, наконец, получил от тебя письмо, моя дорогая, ненаглядная Тутя. Так я всегда рад твоим письмам, так рвусь всею душою к тебе, к моей единственной, любимой. Ты пишешь о взглядах Сергея на брак и вообще на женский вопрос, я думаю, что в очень многом и существенном с ним здесь не согласен. Его выводы, с одной стороны, слишком непреложны, слишком субъективны и слишком просты. Я не отрицаю существования абсолютных этических правил, хотя и не утверждаю, что они действительно существуют. Я утверждаю, однако, что если они существуют, то должны быть выражаемы в формулах гораздо более общих, таких формулах, которые могли бы давать разное решение для различных **личностей**. В наших всех этических правилах вместо личностей поставлены алгебраические величины, и, очевидно, правила, верные по отношению к алгебраическим величинам, окажутся неверными по отношению к живым личностям – постольку неверными, поскольку абстрактная алгебраическая личность отличается от живой личности. В построениях Сергея эти алгебраические личности наделены некоторыми качествами, присущими **его собственной** личности, и правила его, может быть, были бы верны, если бы все были типа Сергея, а так как этого нет, то и правила эти в жизни неверны. Я не отрицаю, что найдется целый ряд лиц, которым эти правила будут по плечу и по душе, с этой точки зрения я даже признаю желательным его пропаганду. Но я вполне отрицаю, чтобы этим путем можно было добиться изменения таких явлений, как, например, проституция. Если взять человеческое общество в целом, мы не видим нигде, чтобы какая бы то ни было религия уничтожала, положим, проституцию, отдельные лица, иногда слои от нее отходили, но все-таки эта язва продолжала существовать*. Мое глубокое убеждение состоит в том, что в явлении, связанном с развитием проституции, находит себе исход важное и вовсе не безнравственное свойство человеческой природы, и никогда ты не можешь дать этому, по существу, и унижительному для человеческой личности свойству красивое (хорошее) направление, если будешь отрицать его существование. Я думаю, что единственный выход для значительной массы людей – есть большая простота и свобода отношений между молодежью не фактически только, но и громко признаваемая. Я убежден, что этим путем значительная доля лжи исчезнет. Я не отрицаю для целого ряда личностей исключительную любовь к одному человеку, но думаю, что этого нельзя требовать от всех. Мне вспомнилось твое письмо, где ты пишешь о значении союза семей для того, чтобы женщина могла жить более сильной и серьезной умственной жизнью. В очень значительной части я с этим согласен. Знаешь ли ты, что *de facto*⁴ то же самое проповедают теоретики мормонства, «патриархальной» семьи, и я думаю, они для целого ряда человеческих личностей правы, для целого ряда, например, обычных «уток» – какой может быть иной исход в семейной жизни хоть для некоторого возвышения их личности?

* Отдельные люди (монашество, до известной степени «чистые» христианские семьи и т.п.) могли под влиянием религии жить иначе: но это именно отдельные категории личностей, а не вся масса людей. Это выборные.

Я вообще не понимаю деления любви на какую-то «чувственную» – животную и на какую-то возвышенную – идеальную. Мне кажется, вообще представление о чувственном, животном у нас является чем-то, право, комичным. Несомненно, бывают иногда болезненные проявления чисто чувственной страсти, такое направление даже воспитывается нашей обычной жизнью, как, например, той же проституцией, той же светской, «барышнической» жизнью и т.п., но в существе проявляется в жизни совсем иное, и когда мы говорим о любви, то мы видим проявление иного. Неужели это только проявления чисто «животного» элемента – все произведения поэзии, скульптуры, живописи, музыки, вызванные «чувственной» любовью, наконец, вся жизнь молодых личностей, которые впервые сживаются вместе и переживают во всем новое, неизведанное. Все дело лишь в том, насколько **вообще** высока личность каждого из любящих и насколько они **равны** между собой. Но совершенно то же мы видим всюду: в дружбе, в общем разговоре, в общем времяпровождении и т.п. всюду низменная природа или малая культура наложит все тот же отпечаток пошлости. Мне кажется, пора не смотреть на «тело» как на что-то презренное и пора избавиться от узкого христианского (или монашеского) деления на дух и тело. Настоящая душевная жизнь, настоящая идейная сторона жизни состоит именно в использовании лучших сторон и тела и духа.

Кончил я «Крейцерову сонату». Думаю, что много таких примеров в жизни. Но вот что мне показалось и что ярко видно во всем произведении. 1. Писал **старик**, который забыл или потерял то чувство поэзии любви, которая большей частью есть в человеке, и увидел и вспомнил одну формальную сторону. 2. Все мотивы поступков выдуманы *post factum*⁵ и, что составляет всю силу произведения, несомненно **должны были** быть выдуманы Позднышевым⁶ – малообразованным (но много начитанным). Понимаешь – видно, **что** могло дать смысл факту для такого человека.

Всю тебя, мою родную, целую. Гагу⁷, наших также. Страшно хочу скорее быть с тобой.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 80–83.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Л.А. Оболянинов.

⁴ Фактически (лат.).

⁵ После того, как событие произошло (лат.).

⁶ Герой повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната».

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 319

6 июня 1892 г., [Москва]¹

№ 39/314²

6, июнь, 1892

Дорогой Натусик, мой родненький светик, мое солнышко. Еду сейчас в Вернадовку, но сам рвусь, рвусь душой к тебе. Хочется всмотреться в твои глазки, успокоиться, отдохнуть и новую силу понять, и в идею погрузиться. Одна сила и одна мощь – **идея**. Я теперь читаю Платона «Пир (или о любви)»³ – непременно прочти, я привезу. Мне так дорого, что в тебе сильна, красива гармония мысли и что так много, хорошо ты мыслью живешь.

Здесь Федор, Маша⁴. Федор поправился.

Целую тебя, мое сокровище родное.

Твой Владимир

Гагусю⁵ поцелуй. наших тоже. Если начало Виндельбанда трудно, начни с очерков⁶.

Оп. 7, д. 39, л. 84.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 308.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ См., например: *Платон. Пир*. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, [1904].

⁴ М.Д. и Ф.Ф. Ольденбурги.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ См. комментарий № 17 к письму № 298 и № 4 к письму № 315.

№ 320

21 июня 1892 г., Вернадовка

21.IV 1892, Вернадовка

Дорогая Натуся, сегодня приехал в Вернадовку, и послезавтра начнутся опять мои странствования. Я отправлюсь в Моршанск, Пензу по делам и заеду к Любощинским. Отправляюсь послезавтра, а завтра еду в Ручевку, где будет происходить последняя раздача лошадей. Сперва о деле¹: все идет у нас хорошо, приходится теперь увеличить продажу хлеба, так как кулаки подняли цену до 1 руб. 45 коп. за пуд муки! Теперь мы начинаем продажу по 1 руб. 05 коп.–1 руб. 10 коп. за пуд и таким образом собьем цену, на это мы сразу истратили 1200 руб. – как оборотный капитал. Земство и губернатор решили продолжить выдачу по крайней мере до 15 июля. Какая тяжелая вещь – это очень усиливающиеся болезни, особенно сильна дизентерия. Дети в иных семьях мрут, так что теперь у нас много идет на лекарства и затем на помощь детям. Большое удобство, что у нас в числе работающих есть молодой доктор (Берви) и студент-медик (Ступинский). «Лошадиный фонд»² подвигается. Воронцов-Дашков³ вступил в него членом и обещал всякое содействие для скорейшего утверждения устава и хотел писать об этом Плеве⁴. Губернатор⁵ заявил Пантелееву, что, как только устав получит утверждение, он вступит также членом. Теперь важно, как устроится выборный комитет. Мы начинаем

раздачу лошадей в соседнем Кирсановском уезде, так как получил 500 руб. из местного благотворительного комитета на столовые.

Я лично полон всяких планов. Для читальни имени Шуры⁶ есть 2 подходящих места: 1) в Каменке – учитель Котельников и 2) в Питиме – местный дьякон. В Моршанске узнаю официальное условие разрешения читальни.

22.VI 1892, утро

Она, несомненно, должна быть официальная. Я много думал дорогой и согласен с тобой, что надо устраивать школу имени Коли⁷ здесь, а не в Рязанской губ., тогда у нас будет свой человек в школе; надо только ее сделать школой Министерства государственных имуществ, независимой от Сената и Министерства народного просвещения, где-нибудь в Каменке или Липовке. Если добиться от Гославских 7000–10 000 (руб.), может быть весьма значительная школа. Корнилов говорил мне, что каменский священник хочет говорить со мной, так как 2 деревни – Бояровка и Милашенка – хотят иметь школу, Милашенка дает землю и т.п., надо добиться, чтобы у них построили школу. Я убежден, что школьное дело здесь можно будет поставить хорошо.

Теперь.

Моршанск, 23.VI 1892

Все не могу дописать письмо, моя рыбонька. Сюда приехал с Корниловым, едем к председателю земской управы Котельникову и попытаемся купить у него 3 вагона муки и сразу их направить для продажи в некоторых из наших сел. Земство начало продажу муки, но как коммерческое предприятие – цена 1 руб. 25 коп.–1 руб. 30 коп., кулаки доходят до 1 руб. 40 коп., но в общем это разорение неимущего! Мы не имеем достаточно средств, чтобы устроить продажу и сбить цену во всех селах нашего района, но в части сможем. Тут, очевидно, кулачество: в Козлове цена 1–1 руб. 12 коп., рожь на месте стоит около 1 руб. 10 коп.–1 руб. 05 коп., а продают его в розницу по 1 руб. 30 коп.–1 руб. 40 коп. !! Для всего этого надо денег, а у нас уже пошло на эту операцию около 1500 руб., да еще уйдет до 1500 руб., думаю, что успеем обернуться 2 раза.

Вчера была раздача лошадей в Рудовой и Вешенке Кирсановского уезда. Это выходит за пределы нашего района, попытаемся через местных деятелей устроить такую же лошадиную агитацию и в Кирсановском уезде. Мне вчера **очень** понравился член Местного попечительства и местный кирсановский помещик Кушинский, он берет все хлопоты на себя, и, должно быть, будет возможность повести дело через предводителя дворянства. Устав они возьмут Моршанского попечительства. Завтра еду, вероятно, к Марку⁸ и попытаюсь подбить его для подобного же устройства в Козловском уезде. Люди везде есть, везде мысль направлена на одно и то же, и важен теперь почин, важна **самодеятельность** граждан. Положение теперь довольно здесь серьезное. Будет ли выдана ссуда за 15 июля, неизвестно, управа говорит одно, земские начальники – другое, вызывается паника, которой пользуются местные скупщики и поднимают цены. Нужда очень сильна, а еще недели 2 1/2–3 до нового хлеба. Кое-где [жуют] сырой хлеб. А теперь еще 2 язвы: болезни усиливаются с большой быстротой. Тифы, дизентерия, куриная слепота захватывают нередко целые десятки семей подряд, и маленькие села страшно страдают. Теперь Берви в Колударове, где, говорят, дети прямо мрут. У нас

много идет на лекарства, сегодня мы с Адей⁹ набрасаем письмо в «Русские ведомости»¹⁰. Как будет дальше ввиду надвигающейся холеры, не знаем.

Ввиду всего этого и неопределенного положения мы не решаемся никуда ничего посылать, и нам необходимо иметь известную сумму, которую можно было бы сейчас пустить в ход в случае надобности, – так дали знать Федору¹¹.

В некоторых из мест нашего района – в Каменке, Липовке и т.п. – и в этом году будет плохо, так как урожай у них будет плох и они хлеба на зиму иметь не будут. Отчасти, несомненно, вина в поздней выдаче семян. Сторонники Котельникова объясняют позднюю выдачу не злоупотреблением (как говорят крестьяне и кое-кто из местных жителей), а тем, что он хотел выждать время, чтобы обсемениться все, у кого есть, и выдать лишь действительно неимущим. Вместо государственной точки зрения – точка зрения купецкая. Неразвитость ли русского общества в этом выражается? Беда грянула, и мы видим кругом разнообразные точки зрения на беду: чисто филантропическую, нищенскую, купецкую и т.п., а как мало государственного понимания.

Начал стройку дома. Главные уплаты все теперь, а здесь не берут моих (процентных)¹² бумаг, можно их продать лишь с потерей. Вот думал выгадать, не продав в Москве! Фундамент ставим, недели через 1 1/2 будет готов. Я прибавил еще аршин, всего фундамент будет 28 аршин длиной (а не 27), так как иначе комнаты слишком малы.

Сейчас надо отправлять на почту. О постройке дома напишу, может быть, сегодня же. Прилагаю 2 письма Пантелеева к Келлеру: надо копии – одно все, а из другого – разговор с Воронцовым и губернатором. Письма перешли назад.

Покупку муки (надо было в кредит) совершил удачно. Только что видел Рымарева, он приехал из Саратовской губ. Холера накануне его отъезда появилась в Саратове. Он семью перевозит сюда, хотя и здесь совсем ей небезопасно.

Сегодня был очень интересный разговор с председателем управы. Выборы в конце июля. Может быть, придется ехать в Москву менять бумаги!!

Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Пиши мне в Вернадовку.

Оп. 7, д. 39, лл. 85–86.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 261.

² См. комментарий № 2 к письму № 295.

³ Илларион Иванович Воронцов-Дашков владел имением Ново-Томниково в Тамбовской губ. и был членом Особого комитета под председательством Его императорского высочества наследника цесаревича, созданного в декабре 1891 г. для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем.

⁴ Вячеслав Константинович Плеве в это время был товарищем министра внутренних дел.

⁵ В.П. Рокасовский.

⁶ А.П. Ольденбург.

⁷ Н.И. Вернадский.

⁸ М.М. Любоцинский.

⁹ А.А. Корнилов.

¹⁰ Письмо А.А. Корнилова и В.И. Вернадского в «Русских ведомостях» не было опубликовано.

¹¹ Ф.Ф. Ольденбург.

¹² В подлиннике написано «%».

25 июня 1892 г., село Никольское

№ 41/332¹

25.VI 1892, с. Никольское

Дорогая моя, родная Натуся, мое ненаглядное солнышко, пишу из Никольского, куда приехал вчера, и уезжаю рано утром завтра. Я приехал сюда, чтобы узнать, может ли Марк² мне дать денег (возьму 600 руб.), переговорить с ним о целом ряде практических вопросов о доме, узнать о лесных складах Пензы и т.п., а также сговориться о мерах, какие надо принять против холеры. Здесь все спят и в то же время трусят. У нас оказалось **совершенно одинаковое** настроение с Марком. Я вчера еще был в Моршанской управе и пытался переговорить с председателем управы о мерах, *(которые)* теперь необходимо принять против занесения заразы в наши места, встретил полную халатность и отчасти растерянность. Он просит, например, не подымать шуму по поводу дизентерии, поноса, захвативших целые села нашего района и уносящих массу детей и даже взрослых! «Не подымать шуму!» Вследствие необходимости закупать у него хлеб нам сейчас было неловко выступить в газетах, но Корнилов попытается через земского врача устроить у нас более правильную помощь, но этого мало, и беда должна быть встречена мужественно и серьезно. Мы пока вводим кипяченую воду во все столовые, будем ее раздавать, необходимы дезинфекционные средства. А их теперь почти нельзя купить! Нигде нет! Гром не грянет – мужик не перекрестится! Я собираюсь, кроме газет, обратиться к князю Чолокаеву с проектом сейчас же разделить все уезды на участки, устроить склады дезинфекционных средств, ввести кипяченую воду, организовать помощь. Хочу эту записку подать вместе с Марком. Я был теперь в 3-х уездах Тамбовской губ. – Моршанском, Кирсановском, Козловском, всюду то же самое: всюду дизентерия, понос, увеличались болезни, а здесь даже уныние и отчасти паника населения в ожидании мора! Должно быть собрано не одно земское собрание, а и частные лица, живущие в уезде, еще не кончившие дела организации помощи, должны быть утилизированы в борьбе с надвигающейся бедой. Холеру можно задержать относительно недорого, а если запустят – что только будет, Боже мой! Очевидно, раз все молчат, дело должно быть поднято частной инициативой, а люди найдутся. На то Русь! Марк уехал в Козлов в управу узнать и переговорить там: оттуда придет сюда доктора Анну Фед.³, так как здесь заболели и Маркуся⁴, и Сонечка⁵ – понос, рвота и т.п. Маркуся – неделю, и все продолжается. Бедная Аня⁶, очень все-таки молодец. Ей приходится и лечить, так как Васса Пантел.⁷ уехала, а врача нет. Вчера мы написали студентам-медикам, я – Клейну, Аня – Пашутиной. Завтра утром из Ряжска я телеграфирую Бржозовскому, не согласен ли он приехать. Организовать одну помощь в Никольском, не организовав кругом, опасно, так как это будет крупница в море, надо добиться всюду санитарных участков. Если свести итоги этих годов – какой страшный урок: разорение огромной части России, **миллионов** хозяйств из-за экономии, не во время тратя миллионные из государственных средств – поздно, и вследствие этого в несколько раз большие падение овцеводства на юге, парализация иностранной хлебной торговли, усиленная смертность и болезни истощенного населения, усиленная задолженность населения. А наряду с этим

и всякие нравственные следствия: падение нравственности обнищавшего населения и т.п. А теперь упустили холеру, хотя знали ее с февраля. Нет у нас государственного порядка, и нет у нас государственного хозяйства. А Русь могуча, жива, и сколько, Боже мой, силы гибнет в ней непроизводительно. Кликни кличь!...

Дом я строю и буду строить. Надо иметь гнездо, и я убежден, что здесь его могу иметь. Пока выкладывают фундамент: 1 аршин глубины, 11 аршин над землей: кирпич с известкой. Еду ночью завтра или послезавтра утром в Пензу закупать лес. В этом году сделаю весь дом вчерне, кроме полов (чтобы убедиться в хорошей кладке наката, т.е. черного пола). От Марка вчера и сегодня выслушал целые лекции ⟨о⟩ стройке, сегодня осмотрел кое-что из производимых у него построек; цены сверил с его ценами. В общем сошлись. Корнилов говорит, что он всего более склоняется жить в Москве, и если болезнь его старшей сестры⁸ не заставит его искать больше средств, так и будет. Я считаю очень важным его поселение с нами.

Пока довольно. Крепко целую тебя, мою родную цыпуську. Пока еще не было от тебя писем, завтра надеюсь найти их в Вернадовке. Будь спокойна, смела и сильна. Что ты читаешь? Над чем думаешь? А мне очень много хотелось бы написать тебе. По дороге из Полтавы я много думал-мечтал, переливались образы из чтения Тургенева и Платона. Чувствовался уход юности, но в то же время не старость чувствую я, а какую-то мужественность. Право.

Целую тебя и всех наших крепко. Гагуна⁹ также.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 87–90.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² М.М. Любошинский.

³ Анна Федоровна Криволицкая.

⁴ М.М. Любошинский.

⁵ С.М. Любошинская.

⁶ А.Е. Любошинская.

⁷ Личность установить не удалось.

⁸ Татьяна Александровна Корнилова.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 322

28 июня 1892 г., Вернадовка

№ 43/339¹

Вернадовка, 28.VI 1892

Дорогая моя Натуся, моя родненькая девонька, вчера я ждал от тебя письма, но его не получил. Холера приближается сюда, и сегодня есть известие, что она в Самаре. Будем стараться принять ряд мер, а между тем теперь все страшно устали и нервно расстроены и, в сущности говоря, встретят беду без сил. Я телеграфирую Костылеву и Яроцкому – пусть Федор² ищет врачей или студентов-медиков, и сколько следует дать им содержания? Скорее – это очень важно. Сегодня я и Адя³ едем к земскому начальнику и с ним перегово-

рим о мерах. Кипяченую воду вводим. Чувствую я себя недурно, но гнев меня все более и более одолевает. Мы подали в Земскую управу заявление о выдаче хлеба целому ряду волостей: как раз прекратили (и неожиданно!) теперь!

Завтра еду закупать лес в Пензу. В доме уже кончают фундамент. Вот напасть: из Вернадовки, говорят, проводят новую железную дорогу (3-ю) на Кирсанов и Пичаево. В конце концов это будет центром дорог из Казани, Саратова, Москвы и Сызрани, но для жизни это неудобно, какое значение будет иметь на ценность имения, не знаю.

Целую всех, моя рыбка, Гагу⁴ и наших.

Твой Владимир

Адю отсюда выпроваживаю.

На обороте: Полтава, Яковцы, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской, Дача проф. Склифосовского.

Оп. 7, д. 39, л. 91.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Ф.Ф. Ольденбург.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 323

30 июня 1892 г., Вернадовка

№ 44/342¹

Вернадовка, 30.VI 1892

Дорогая моя Натуся, моя золотая девонька, получил я вчера твое письмо и письмо Бобринского. Еще ответа не имею. «Русские ведомости» хотели поместить наш отчет² без помещения имен и отдельных сумм пожертвований, почему я телеграфировал, прося такого отчета не помещать, я вторично написал Чупрову и Соболевскому. Первое письмо Чупрова прилагаю при сем. Очевидная трусость и политика «Русских ведомостей». Сегодня здесь получена телеграмма Федора³, я и рад, что он будет, но, может быть, ему лучше не ездить, так как дело ликвидируется⁴. Все страшно устали, и Келлер, и Антонов, и Лисицын – все в очень нервном состоянии. Адя⁵ уезжает на днях, к сожалению, теперь у нас в Рузовке довольно плохо, это, кажется, самый слабый пункт нашего дела. Очень мало было людей и тут и теперь, а мы отказывали. Впрочем, на этом прямо Келлер настаивал. Я теперь мало могу помогать, так как все время захватывает дом. Болезней масса, холеры нет еще. Воду кипяченую мы ввели, убеждаем крестьян ее вводить. Были с Адей у земского начальника Хржановского. Никаких мер не принимается, никаких им распоряжений не дано. Хржановский обещал написать о болезнях губернатору, просить о выдаче ссуд за первую 1/2 июля (все земские начальники просили тоже) и усилить медицинскую помощь. С медицинской помощью тут беда: в 10 верстах – в Пичаево – земский доктор, по-видимому, большой негодяй, не лечит крестьян etc., а в 3-х верстах в Каменке доктор числится лишь официально, а живет в Моршанске, теперь же уехал на Кавказ. Есть

фельдшерица etc., но этого мало. Хржановский будет просить об увеличении помощи. Сегодня Корнилов у Чолокаева, с которым переговорит обо всем.

Я очень жду твоих писем, моя дорогая, любимая Тутя. Целую тебя очень крепко. Надо кончать письмо и ехать в Пензу.

Целую всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 92–93.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Отчет удалось поместить в «Русской жизни», см.: *Вернадский В., Келлер В., Корнилов А.* Отчет о помощи голодающим в Моршанском уезде Тамбовской губ. // *Русская жизнь.* 1892. 16(28) июля. № 191. О полной публикации отчета см. комментарий № 7 к письму № 298.

³ Ф.Ф. Ольденбург.

⁴ Дело по борьбе с голодом в Тамбовской губ. См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁵ А.А. Корнилов.

№ 324

2 июля 1892 г., Вернадовка

№ 45/343¹

2.VII 1892, Вернадовка

Дорогая моя Натуся, сегодня к утру вернулся из Пензы – купил лес. Всего купил леса на 666,5 руб. – все, что надо, кроме леса для белого пола, да еще кое-каких приспособлений и леса, который думаю купить здесь на месте. Туда я поеду завтра с Поповым, или он поедет один, так как мне надо непременно около 6-го июля быть в Москве (так как 8 июля уплата за рожь, а деньги в Москве). Я думаю выехать отсюда 4-го июля. Лес сосновый, кажется хороший, купил у того же лесоторговца, что и Марк². Цены недорогие, так как теперь полное затишье. Сегодня окончат весь фундамент. В общем только одно мне не нравится, что сделаны очень узенькие и маленькие отверстия в нем, по здешнему обычаю. Ломать не хочется, да и всегда можно и позже. Под черный пол перерубы будут дубовые. В местах соединения камня с деревом буду обкладывать берестой, обмазывать смолой, вместо пакли для сруба возьму войлок, который, оказывается, кустарно производится неподалеку. Я мало-помалу начинаю входить во вкус всех этих дел. Число окон увеличил, но вот надо твоего и Егора Павловича³ мнение. В доме (всего 12 аршин длины) я сделаю 4 окна (по 1 аршину 4 вершка) и стеклянную дверь. В Гагиной⁴ и вообще в детской (комната для одного Гаги велика) – 4 окна, два на юг и два на восток. В кабинете хочу сделать всего **два окна**, и он будет темноватый. Может быть, изменю при стройке. Стараюсь всеми силами не выходить из сметы: пока на известь, кирпич и кирпичную работу пошло больше сметы (всего около 100 руб. лишнего), но зато перевоз леса обойдется на рублей 125 дешевле предположенного.

Здесь теперь начали жать. Приближается время ликвидации⁵. С продажей муки заканчиваем, столовым выданы последние запасы. Помощь изменяем. В центральном месте болезней, в больших, соединенных селах Липовке–Красивке–Питиме–Бадине Угле, организуем медицинский пункт из Берви и Сту-

пинского. В Красивке довольно значительная смертность от злокачественной дизентерии. Был одно время один случай, принятый вначале за холеру, но, к счастью, оказалось, что нет. Ввиду существования разных теорий холеры нельзя вполне утверждать, но все-таки является по меньшей мере легкомысленной отправка рабочих из зараженных мест на места родины. Недавно проехали через Вернадовку рабочие из Баку и т.п. Если холера действительно прямая заразная болезнь, это разнос ее во все закоулки нашего отечества! Правда ли, что были случаи в Харькове? Мы еще не решили, как организуем конец дела. Из Бадана Угла (где полный неурожай озимых и яровых), Питима, из Михайловской волости являлись депутации сходов с просьбой не закрывать столовых. Это, конечно, немыслимо, но придется оказать помощь и после отдельным семьям. С Бадиным Углом (Питимской волости) довольно странное явление. Я писал тебе, что мы просили управу выдать до 15 июля ссуду зерном в ряд волостей нашего [владения], недавно я получил официальную бумагу от председателя управы, что какое-то совещание из предводителя дворянства etc. решило выдать всем волостям, а в Питимскую послать для выяснения дела особого уполномоченного. Чолокаев говорил Корнилову, что никакого совещания не было, а Котельников (председатель управы) встретил его и Петрово-Соловово на улице и спросил, что ему делать по поводу нашего письма. Чолокаев сказал, что, по его [мнению], выдать. Корнилов был в управе, и в Питимскую волость ссуда также будет выдана, но, к сожалению, поздно. С отчетами⁶ масса возни, и не знаю, как мы справимся. В Рузовке теперь Корнилов и Ступинский, и Корнилов ликвидирует и распутывает там дела.

В конце июля выборы. В Моршанске буря, теперь, кажется, успокоившаяся. Город оказался без воды или, вернее, с зараженной водой. Оказалось чрезвычайно оригинальное явление. В городе колодезной воды хорошей нет. Пьют воду р. Цны у самого города, выше его на Цне находится огромная мельница Петрово-Соловово (уездный предводитель дворянства) и большая плотина. Мельница закрыта (сгорела), а плотину Соловово запер и воды в город не пускает. За пропуск воды стал требовать непомерную цену (кажется 300 руб. за один пропуск – на неделю не хватит, город давал 100 (руб.)). Вода стала гнить и исчезать, а тут приближение холеры. Город взволновался, пригороды стали грозить разнести мельницу и плотину. В экстренном заседании Дума решила потребовать по телеграфу от Соловово открытия плотины, а если он откажет, то жаловаться министру внутренних дел по телеграфу. Говорят, Соловово открыл плотину, не известно – надолго ли. Говорят, что по закону Петрово-Соловово вполне прав!

Вчера вечером в вагоне целый разговор о розгах (для детей), в который вмешался и я. Познакомился благодаря этому со здешним воинским начальником (сторонником розог и всех теперешних течений), но человеком, думаю, по-своему недурным и неглупым, даже очень. Я очень сомневаюсь в искренности его неглупой аргументации, и при виде его мне как-то показалось, что было время, этот человек говорил иное. «А жизнь образумила».

На твой вопрос о моем взгляде на науку как цель жизни теперь не успею ответить. Я не думаю, чтобы изменил взгляд. Я думаю, что мои стремления помощи людям не противоречат постановке вопроса: я опять повторяю, что **целью**, удовлетворяющею меня, не может быть благо людей, для этого не

стоит жить*. Мое увлечение общественной деятельностью в сильной степени проистекает из стремления к свободе.

Целую тебя крепко и всех. Как я доволен твоими письмами и твоим умственным ростом, мое счастье.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 94–97.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² М.М. Любоцинский.

³ Старицкий.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ См. комментарий № 1 к письму № 261.

⁶ См. комментарий № 2 к письму № 323.

№ 325

5 июля 1892 г., Вернадовка

№ 47/351¹

5.VII 1892, Вернадовка

Дорогая моя Натуся, моя рыбка ненаглядная. Получил я твое письмо от 1-го июля. На днях уезжаю в Москву, а оттуда опяшь вернусь сюда. Вот лето довольно страдное – перед лекциями не отдохнешь. Я очень рад, что начал строить дом, ведь холерная эпидемия может продлиться и не один год, а для нас иметь здесь свой home² совсем важно. Теперь жизнь – у нас урожаем ржи будет ничего себе, в среднем около 10–11 копен с десятины. Яровые кругом сильно пропали – мой весь. Посев овса вполне окупится и даст небольшой доход, горох хуже, у моих арендаторов гораздо, однако, хуже. На днях у меня был агент по проведению Земятченской железнодорожной ветки, переговоры с ним я думаю поручить вести Попову, а теперь лишь приведу в порядок главные условия. Необходимо иметь план имения. Если Антонов не получит места, то осенью он приедет и снимет весь план. Это, несомненно, одна из самых первых и важных затрат для упорядочения имения. Я думаю в года 3 можно привести его в приличный вид, а затем приняться за улучшение хозяйства: кругом начинается любопытный переход всех хозяйств к многопольной системе.

Здесь все тихо. В городах принимаются разные меры, а деревня остается без всякого призора. Поражаешься, как мало капитала вкладывается в улучшение деревенской жизни и условий существования в деревне. А между тем, несомненно, каждое полезное учреждение может существовать лишь на вложенный в дело капитал. Очень малоустойчиво положение учреждений, которые ежегодно получают весь свой доход из налогов и т.п. Каждое обеспеченное некоторым капиталом учреждение, несомненно, есть большой вклад в местную жизнь, очень ее улучшает и дает много совсем нового в стране. Меня несколько страшит, что «Лошадиный фонд»³, в сущности, ставит затра-

* Абсолют должен быть вне людей и выше их.

ченный капитал в легкую возможность исчезнуть. Все кругом быстро меняется и, как в организме, истрачивается и замещается новым, важно, однако, иметь в данной общине учреждения, малозависимые от такого роста и падения средств общины. Два их пути: или 1) чисто государственный, или 2) независимо обеспеченный средствами. Тут важный вопрос организации местного самоуправления, и правильно и устойчиво положение государства лишь при развитии [податных] общин.

О холере более ничего определенного нет: может быть, если до 15 июля ничего не будет, Берви и Ступинский уедут – Берви к себе в Тифлис.

Адя⁴ к вам заедет. Целую тебя, мою родную, и всех наших, Гагусю⁵.

Твой Владимир

P.S. Здесь вчера лишь начались жары. Сегодня с удовольствием купался – купанье у нас недурное.

Оп. 7, д. 39, лл. 98–99.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Дом (англ.).

³ См. комментарий № 2 к письму № 295.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 326

8 июля 1892 г., Москва

№ 48/359¹

8. VII 1892, Москва

Дорогой мой, родной Натусик, сегодня приехал в Москву и сегодня начну свои розыски квартиры. Со всем надеюсь управиться в течение 7–10 дней, а затем опять поеду в Вернадовку.

Я вполне не сочувствую тому настроению, какое пробивается в твоём письме, и считаю очень пагубным **страх** везде, как в личной, так и в общественной жизни. Мне кажется, что деление на важные общественные и неважные «личные» дела по отношению дозвоительности ломать жизнь из страха какой-то беды – чисто софистическое, и едва ли можно быть искренним общественным деятелем, строя всю личную жизнь на начале трусости. Я убежден, что ты и сама, вдумавшись, откажешься от этого своего мнения, я, по крайней мере, не могу даже понять, как можно искренно действовать без страха (конечно, лишь в смысле **мотива** поступков, а не в смысле переживаемого чувства – последнее лежит вне нас) в общественной жизни и строить всю личную жизнь на начале страха. Я не понимаю, отчего, если гражданское чувство мое разделяется другими, я имею право быть без страха как мотива поступков, а если не разделяется, то должен подчиняться, изгибаться, лежать во прахе – рабом!

Насколько можно рассчитывать, эпидемия холеры продлится, вероятно, в России несколько лет. Неужели все эти годы быть, наподобие овец, сбившихся в кучу ввиду опасности, или куриц, соединяющихся вместе при виде

ястреба и ожидающих, кого он вытащит и вытащит ли. Ни курицей, ни овцой я быть не хочу и не хочу, чтобы ты ими была.

Не согласен я с твоим мнением о «научности» разных средств. Первая страничка твоего письма – рецепт Галанина – является одним из многочисленных обманных «средствий», ничего общего с наукой не имеющих и только вследствие низкого уровня нашего так называемого «образованного» общества пристегиваемого к науке. Скепсис относительно кипяченой воды вполне уместен. Ведь мы **не знаем** причины холеры, и целая школа – с весьма сильными аргументами (Петтенкофер) – отрицает значение кипяченой воды. Признаюсь, из того, что я знаю и что прочел теперь, я более склоняюсь к этому последнему мнению и не особенно верю в карантин, кипяченую воду и т.п. Если я стою за нее теперь, то лишь 1) вследствие того, что такое вековое («ненаучное») впечатление во всех странах, где была холера, и 2) потому, что вода в огромном большинстве очень загрязнена и вредна и в обычное время. Для рабочих при уборке яровых хлебов я ввожу кипяченую воду (для желающих), но думаю сохранить ее и вне холеры, так как она источник вообще заболеваний желудком, тифом и пр. На средства дезинфекции можно смотреть как на **общие** гигиенические меры, значение коих совсем не отрицаю. Мне представляется такое усиленное теперь питье кипяченой воды etc., в очень многом имеющее чисто психическое значение, для успокоения умов.

У нас несколько устроилось. На оставшиеся деньги в Липовке поселились: Берви, Ступинский и, вероятно, Алексеевский, Панютин, Лисицын. Задача – бороться против кишечных заболеваний как удобной среды для распространения холеры. Я писал Чолокаеву (просил Марка² переслать тебе письмо) о желательности и необходимости теперь устройства врачебных пунктов и помощи в уездах. Берви остается до 1 августа, а если холера будет, надо будет искать людей.

Относительно дома я с тобой не согласен. Это самое важное, что надо сделать, так как только тогда войдет жизнь в колею, и мы можем получать правильный доход и правильно следить за имением, или надо его продать – последнее теперь немислимо. К зиме **будет готов** весь дом, кроме белого пола и печей, которые поставлю весной, и весной же будет поставлена изба-кухня. В начале мая можешь переехать. Целую тебя крепко, моя родная, Гагу³ и наших. Не будь трусишкой, нехорошо.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 100–103.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² М.М. Любошинский.

³ Г.В. Вернадский.

№ 327

10 июля 1892 г., Москва

№ 49/361¹

Москва, 10. VII 1892

Дорогая моя рыбка, пишу тебе несколько слов, сейчас надо идти искать квартиры. Пока поиски совсем неудачны: подходящих квартир не нашел, цены очень высоки. Во 2-м этаже совсем мало таких квартир, и цены значительно выше даже, чем особняки. Посмотрим, что дадут дальнейшие поиски.

Надеюсь все-таки в неделю справиться и затем уехать в Вернадовку. В день моего отъезда налетели тучи каких-то кузнечиков – по определению, сделанному здесь, это оказалась саранча, и я несколько опасуюсь, как бы она сильно не испортила посев. Саранча в этом году, по-видимому, сильно распространилась.

Хочется, чтобы скорее кончилось лето, столь тяжелое. Так даже к лекциям не могу готовиться – эта отчаянная масса вечной возни и хлопот. Твои страхи как повод поведения мне очень не нравятся, я понимаю, что можно бояться – это уже такое чувство, но укладывать жизнь из страха – совсем скверно. Здесь много возни по университету, но я стараюсь теперь ничего не думать об этом. Придется лишь подать заявление в Правление: внезапно уменьшили содержание и запретили им стирку – нашим сторожам – и дали всего 7 руб. 50 коп. в месяц! Просто безобразие. Пока из заведующих кабинетами лишь Павлов, Чернов и Столетов подали заявление, а Павлов имел крупное объяснение с ректором по этому поводу. Целую тебя и наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 104–106.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

№ 328

12 июля 1892 г., Москва

№ 50/ 366¹

Москва, 12. VII 1892

Дорогая моя, родненькая Натуся, очень был рад я получить твое письмо. Еще не знаю, когда отсюда выберусь. Пока квартиры не нашел. Есть две более подходящие. Одна (около Смоленского бульвара, Большой Левшинский переулок) несколько дорога (750 руб.), но удобна: есть комната для Аннушки², кухня внизу, комната, где поставить ванну; другая (Штатный переулок) совсем подходящая (660 (руб.)), лишь кухня мала. Не имела бы ты ничего (против), если бы сделать ванную в комнате, в которой в обыкновенное время могла бы помещаться Аннушка? Ведь Гаге³ для спанья не требуется большая комната, раз будет открыта дверь в нашу спальную? Сегодня после завтрака отправляюсь опять в поиски и покончу с поисками завтра-послезавтра. Осталась часть местности между Пречистенкой и Остоженкой, хочу осмотреть место между Долгоруковской⁴ и Дмитровкой⁵, а также, может быть, осмотрю

по ту сторону Zubовский и Смоленский бульвары. Вообще же квартир во 2-м этаже значительно меньше.

Послала ли ты Абрахоль письмо? Она прислала мне сюда оттиск его некролога⁶. Запиши на счет Ани⁷ за книгу для Марка⁸: Дубасов. «История Тамбовского края», 5 руб. 10 коп. с пересылкой⁹.

Дорогая моя, родная девуня, мое солнышко, нечего тебе очень так волноваться и страшиться холеры, надо прямо и смело смотреть в глаза жизни. Этот год страшен, как начало конца, как все более и более расстраивающее русскую государственную жизнь несчастье.

В свободное время я читаю теперь Щедрина «Дневник провинциала»¹⁰, Бунге «Физиологическую химию»¹¹ и т.п. «Дневник провинциала» ужасно много дает, и удивительно, как тогда (в начале 1870-х гг.) можно было ждать того, что теперь приводится в исполнение. Если бы нашелся великий талант и написал статью по поводу выхода сочинений Салтыкова. Сколько живого, сколько в нем сильного.

Что ты читаешь? Как Гага, что Маша?¹²

Пиши мне, моя рыбка ненаглядная. Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 106–107.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 3 к письму № 251.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ В настоящее время Каляевская ул.

⁵ До революции было две улицы: Большая Дмитровка – современное название Пушкинская ул. и Малая Дмитровка – с 1944 г. ул Чехова.

⁶ Имеется в виду некролог на Джона Абрахоля-Госкинса, присланный В.И. Вернадскому его матерью.

⁷ А.Е. Любошинская.

⁸ М.М. Любошинский.

⁹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М.: Тип. Е. Гербек, 1883–1897. Вып. 1–6.

¹⁰ См., например: Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1885.

¹¹ Бунге Густав. Учебник физиологической и патологической химии в двадцати лекциях для врачей и студентов. Дерпт: Скл. изд. у Г. Лакмана. 1888.

¹² М.С. Гревс.

№ 329

15 июля 1892 г., Москва

15.VII 1892, Москва

Дорогая моя рыбочка, мой нежный цыпик. Пишу утром – вчера не успел, сейчас иду кончать с квартирой. У меня есть одна, относительно которой я должен дать ответ сегодня до 12 часов, но я хочу осмотреть раньше квартиру Боголепова – вчера была заперта. Однако эта квартира кажется мне вполне подходящей: на углу Большого Левшинского переулка¹ и Смоленского бульвара, 700 руб. (всего на 70 руб. дороже нашей теперешней!), во 2-м этаже, но фактически особняк, 7 комнат, из которых 5 больших, комнаты высокие.

Кухня в том же этаже, но совершенно отделена коридором-комнатой от квартиры, при кухне небольшая комнатка для Аннушки и другая, которая может быть ванной. Правда, нет сада и во дворе много жильцов, но ведь угловой дом на Смоленском бульваре [...] Расположение комнат следующее²:

Если найму, пришлю план более подробный. Квартира Боголепова – 8 комнат и стоит 775 руб., так что, может быть, и слишком велика, и еще дальше от университета. Все-таки я ее осмотрую.

Мой дорогой цыпик, как мне хочется видеть тебя скорее, мою родную, и очень бы мне хотелось, чтобы осенью, если в Москве не будь холеры, ты скорее переехала. Я думаю уехать самое позднее завтра, пиши мне, следовательно, в Вернадовку.

Павлов говорил мне, что в Совете университета предложение факультета о назначении мне жалованья в размере, близком к экстраординарному профессору, прошло и пошло на утверждение министра, верю, не будет препятствий. Для нас 600–800 руб. в год совсем ведь не лишние!

Что Иван?³ «Promessi sposi»⁴ выслать неудобно, так как они в переплете. Что ты читаешь, моя ненаглядная? Спешу. Крепко целую тебя, мою драгоценную, Гагуна⁵, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 108–109.

¹ Современное название – ул. Щукина.

² Далее дается схематический план квартиры.

³ И.М. Гревс.

⁴ Очевидно, «I promessi sposi» («Обрученные») – роман итальянского писателя А. Манцони, вышедший в 1827 г. (русский перевод – в 1833 г.).

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 330

16 июля 1892 г., Москва

Москва, 16.VII 1892, утро

Дорогая моя, ненаглядная цыпуса, моя радость, мое сокровенно, сегодня переезжаю на квартиру и сейчас же уезжаю из Москвы в Вернадовку. Оттуда напишу подробно. Квартиру нанял: Большой Левшинский переулочек (угол Смоленского бульвара) дом Духовского. Мне кажется, квартира хорошая, за 700 руб., отчасти боязно, что не взял Боголеповской. Последняя очень хороша, но: 1) лестница крутая, 2) дорожке на 75 руб. и 3) очень грязная, без отделки. Сада в ней нет (есть общий для всех жильцов 6 квартир), и от бульвара дальше. Но зато заведомо теплая! Однако и эта, должно быть, не холодная, так как жил раньше генерал Липинский 9 лет. Но, может быть, я сделал глупость? Квартира мне понравилась. Вот план, сделанный Грабарем.

Моя родная, дорогая рыба, так страстно хочется (быть) с тобой и так больно, что ты еще не скоро будешь в Москве со мной. Если будет холера, то тебе совсем нельзя будет сюда скоро приехать. Говорят, холера уже в Москве.

Я так рад твоим письмам, так рад твоей мысли. Что твоя статья? Читала ли Бодрильяра, Шекспира?

Прочел первую главу «Philosophie de l'art» Тэна¹. Она меня совсем не удовлетворила. С его определением искусства я глубоко не согласен. Элемент «подражания», мне кажется, в искусстве совсем будет слаб, так как это не подражание, а **скорее** процесс, но существенно иной. Искусство, по самой сути своей, есть **отвлечение** и всегда имеет дело с **общими** понятиями, а не с конкретными случаями. Даже в портретах: не любая минута лица, а характер лица и т.п. и т.п. Поэтому абсолютом так отражен в искусстве и вечен. Я начал было набрасывать свои мысли, но все не доволен и порвал.

Читаю (на дороге) «Les châtiments» Hugo², мне кажется, пафос Hugo мне очень теперь по настроению и характеру.

Целую тебя, рыбку нежную. Paulhan³ не читал, а таких аналогий я не любитель.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 110–111.

¹ Taine H.A. Philosophie de l'art. P., 1880.

² Hugo V. Les châtiments. P., 1853.

³ См.: Paulhan Frédéric. L'activité mentale et les éléments de l'esprit. P.: F. Alcan, 1889. В письме от 12 июля 1892 г. из Яковцов Н.Е. Вернадская писала: «Не знаю, одобришь или будешь бранить, что я принялась за чтение заинтересовавшей меня книги Paulhan – «L'activité mentale et les éléments de l'esprit». Ты, может, скажешь, что я выхожу из пределов намеченной общей программы чтения? Но мы ведь решили, чтоб я не забрасывала психологию и продолжала читать по ней. Тем более, что область, в которой я двигаюсь наиболее свободно и самостоятельно, – это область, близкая к детской психологии, теории вопросов воспитания [...] Я не хочу замкнуться в ней, но думаю, что в ней научусь систематически работать над материалом собранных мыслей и фактов [...] Работа над маленькой областью будет для меня и ремеслом и необходимой подготовкой мысли для восприятия и работы над другими вопросами жизни и мысли более общего характера» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 265 об.).

№ 331

18 июля 1892 г., Вернадовка

Вернадовка, 18. VII 1892

Дорогая моя Натуся, мое родное дитяtko, пишу тебе из деревни и жду, что, может, получу от тебя сюда письмо. Ты, должно быть, уже получила известие, что я квартиру нанял, переехал. Мне очень хочется, чтобы скорее ты была со мной и чтобы опять скорее вошла вся жизнь в колею. Но еще не скоро все выяснится. Когда ты можешь приехать в Москву, будет зависеть от того, когда будет холера в Москве. В Яковцах, конечно, безопаснее, чем в Москве.

Дом строится – уже теперь ясно видна постройка, и подыматься начинают стены. Против предположенного плана я увеличил лишь число окон в зале и т.п. Лес, по-видимому, куплен хороший. До сих пор все колеблюсь, делать ли крышу гонтовую или железную.

Здесь у нас холеры нет, и если не будет до 1 августа, то Берви уедет. Пока здесь Корнилов, Келлер, Алексеевский, Берви и Антонов. Антонов се-

годня уезжает¹. Сегодня был у меня Кушинский – очень симпатичный, кирсановский помещик, он будет в Москве, и тогда его увидишь. Кирсановское попечительство о лошадях уже пошло также к губернатору. Если не перевернет все холера, то остаток – около 2000 руб. – мы приберегаем, так как, несомненно (яровые пропали у крестьян), кое-где сильно придется помогать. Холерные случаи есть в Тамбовском уезде, говорят, в Козловском. Отсюда всех, даже железнодорожных жандармов потребовали в Кузнецкий уезд и город Кузнецк, где, говорят, холерный бунт. Читала ты безобразные и возмутительные прокламации Баранова² – напоминают Ростопчинские афишки³...

Как долго здесь буду – не знаю. В конце июля выборы в земстве, и я до них здесь пробуду. Целую тебя и всех наших крепко.

Твой Владимир

Моя цыпка любимая, так мне хотелось бы видеть тебя и быть с тобой.

Оп. 7, д. 39, лл. 112–113.

¹ Участники борьбы с голодом в Моршанском и Кирсановском уездах Тамбовской губ.; см. комментарий № 1 к письму № 261.

² Н.М. Баранов – губернатор Нижнего Новгорода (1882–1897 гг.), о его деятельности во время голода 1891–1892 гг. см. подробно работы: *Короленко В.Г.* Третий элемент // Собр. соч. М.: Гослитиздат. 1955. Т. 8. С. 266 и след.; *Он же.* В голодный год // Там же. Т. 9. С. 100 и след.

³ «Ростопчинские афишки» названы так по имени Ф.В. Ростопчина – главнокомандующего (генерал-губернатора) Москвы с 1812 по 1814 г. Он в условиях войны вместо реальной помощи отступающей русской армии стал выпускать политические листки («афишки»), которые в значительной степени носили демагогический характер.

№ 332

20 июля 1892 г., Вернадовка

Вернадовка, 20. VII 1892

Дорогая моя Натуня, моя рыбуся, до сих пор сюда от тебя писем нет, и мне грустно без твоих писем. Я так рвусь к тебе, так мне без тебя трудно, без моей любимой, ненаглядной Натуси. Как только будет время, сейчас же полечу к тебе. Я поеду отсюда сейчас после выборов. До выборов теперь осталась неделя с небольшим, мне надо будет еще быть здесь, чтобы взвесить рожь, а начну это завтра утром.

Постоянно думаю о тебе, мое золотое серденько, будь осторожна в пище и веди себя как следует, моя птичка, мое счастье. Так неприятно быть врозь, и даже если здесь в будущем году не будет все в отделке, лучше провести лето здесь вместе.

Эти дни я мало что делал – кое-какие хлопоты по хозяйству, да еще всякие расчеты по делу продовольствия берут все время¹. Сегодня с Корниловым еду к Чолокаеву – сдадим ему «Лошадиное дело»² и поговорим о холере. Ее нет, может быть, она и не охватит всю нашу местность, а теперь она близко и от тебя – в Константиноградском уезде³ и Харькове, но я надеюсь, что Яковцы безопасны в этом отношении.

Корнилов не приедет в Полтаву, а поедет прямо в Варшаву, он и Келлер уезжают послезавтра. Едва ли мне много придется этим летом заняться. Целую тебя крепко, мою родную. Гагу⁴, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 114.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 261.

² См. комментарий № 2 к письму № 295.

³ Константиноград – название г. Краснограда в 1784–1922 гг.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 333

22 июля 1892 г., Вернадовка

22.VII 1892, Вернадовка

Дорогая моя Натуся, сегодня опять от тебя нет писем, и я начинаю беспокоиться, и из Москвы не пересылают – должно быть, Аннушка¹ перепутала адреса. Не отсылают ли их в Полтаву? Моя родненькая, мне так страстно, страстно хочется скорее к тебе и быть с тобой, и так мне грустно без тебя. Скорее бы прошло это скверное лето. Так неприятно быть в разлуке и на бивуаке.

Оп. 7, д. 39, л. 115.

¹ См. комментарий № 3 к письму № 251.

№ 334

22 июля 1892 г., Вернадовка

22. VII 1892, Вернадовка

Дорогая моя Натуня, моя родненькая, моя любименькая девонька. Сегодня, наконец, получил я твое письмо от 17-го! Так рад, что имею о тебе весточку, мой светик родненький. Так сильно соскучился я без тебя, так мне недостает тебя, так хочу, чтобы кончилось лето – не люблю я жить врозь с тобой, моим умненьким ребятенком. Теперь идет понемногу постройка дома, уже выясняются окна. Вот изменения, какие я ввел¹:

Я уменьшил число окон в твоей и Гагиной² комнате, дабы иметь простенки для постели дальше от окон. Затем фактически устроил небольшой коридор, так³:

Меня только и огорчает – это краткость здешнего лета – северный климат, столь далекий от Малороссии. Так всегда мечталось быть и жить на юге!

Я езжу сам во время холеры во 2-м классе, можешь успокоиться, и убедил в том же Адю⁴. Адя и Келлер сегодня уезжают. Остаются еще Алексеевский и Берви. Алексеевский остается на день, на два, чтобы сделать со мной геологическую экскурсию в окрестности Вернадовки.

На днях буду в Моршанске, на выборах, был на днях у Чолокаева, от которого получил очень любезное приглашение посетить его по поводу пись-

ма о холере. Сделать он ничего не может, но решили 29, во время выборов, добиваться от управы созыва экстренного земского собрания. Управа ничего не делает. Я буду всеми силами стараться пройти в земство⁵. К сожалению, Кушинский по оплошности не попал в Кирсановское земство, а это для нас вполне подходящий человек, но там, по-видимому, есть люди, а то бы Моршанский, Козловский, Кирсановский уезды – можно бы бороться.

Я считаю **вполне** ошибочным твое мнение, чтобы борьба за просвещение могла теперь сплотить **всех** или очень многих людей. Для меня это представляется детской пеленкой – как чисто политическая программа. Я не отрицаю необходимости этого пункта программы, но думаю, что это далеко не все и даже не самый важный пункт. Мне кажется, я могу показать тебе это на конкретном примере: что это значит? Как это возможно при нашем государственном строе? Да ты-то сама дашь всякую книгу и всякие сведения пустишь в народ (помнишь наши споры)? Мне кажется, что в стране иногда жизнь выставляет на первый план чисто политические вопросы, связанные с вопросами государственного управления, местного управления, податной системы etc. **Стыдно** считать панацеей народное образование и т.п. Я очень, по крайней мере, далек от этого и знаю, что Россия *farà da sè*⁶, что есть много, достаточно граждан, которые могут взять в свои руки ее правление и возьмут его, если твой «прогресс» будет еще совершаться.

Я очень рад, что тебе нравится книга о Бобэне⁷. Я прочел теперь кое-что из сентиментальных романов – читал «Manon Lescaut»⁸ Прево и в большом увлечении от «Châtiments»⁹. Всего тебе, моей родной девоньке, лучшего. Гагу, наших целую. Я буду в Полтаве, а оттуда вернусь сюда да и осенью приеду, так как **дом**. Я полон мыслей **медленного**, но верного упрочения хозяйства.

До скорого свидания, мое все.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 116–117.

¹ Далее дается схематический план расположения комнат Наталии Егоровны и сына в строящемся доме в Вернадовке.

² Г.В. Вернадский.

³ Далее дается схематический план коридора, передней и т.д. дома в Вернадовке.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ См. комментарий № 14 к письму № 313.

⁶ Постоит за себя (ит.).

⁷ О какой книге идет речь, установить не удалось.

⁸ См., например: *Prévost A.Fr. Histoire de Manon Lescaut*. P.: Bureaux publ., 1871.

⁹ См. комментарий № 2 к письму № 330.

№ 335

24 июля 1892 г., Вернадовка

24.VII 1892, Вернадовка

Дорогая моя Натуня, мое счастье и радость. Сегодня получил твое письмо. Завтра пришлю тебе список, куда послать наш отчет¹. Отчет еще не получили. Эти два дня я почти все время проводил с П.Ив.² на геологической экскурсии. Не еду теперь к тебе, так как 29-го выборы, а я очень хочу бал-

лотируются³. Моя роднюся дорогая, мое счастье. Дом подвигается. Урожай более или менее определен, и я доволен, что остался здесь некоторое время, так как получаю несомненные даты для отчетности. Еще много работы. Мне придется на день-два приехать и осенью.

Рыбка моя любимая [...] счастье мое! После этого письма пришли еще одно, так как я выеду 29 ночью в Полтаву, если состоятся выборы или надо будет остаться для разных совещаний, то могу выехать значительно позднее, здесь же хочу быть к 16–18 августа, а к 20–25 в Москве.

Целую.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Яковцы, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской, Дача проф. Склифосовского.

Оп. 7, д. 39, л. 118.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 323.

² Алексеевский.

³ См. комментарий № 14 к письму № 313.

№ 336

28 августа 1892 г., Вернадовка

Вернадовка. 28.VIII 92

Дорогая моя Натуся, сегодня приехал и пишу тебе несколько слов, так как весьма устал и сейчас лягу спать. Доехал благополучно, но только **мерзну** весьма изрядно. Здесь холодно, дождя нет, всходы так себе. Холера очень сильная в Моршанске, кругом нас все благополучно, был 16-го один случай в Каменке да недавно один, говорят, в Липовке. У нас же нигде нет и, авось, Бог даст, минет. Берви еще не видел. Кислаковский пишет, что в Москве никого нет и все спит до 15-го сентября, но меня тянет в Москву за работу. Ни земского собрания, ни «Лошадиного фонда» не было, и слуха о них нет, думаю, едва ли будет съезд в Моршанске по случаю холеры. Пишу запрос Чолокаеву. О стоимости etc. рязанского школьного имущества¹ даст на днях мне сведения Попов, который (дядя нашего – член управы) был долго арендатором этой земли и знает условия: он на днях сюда приедет, из осторожности, должно быть, не пишет ничего! Сегодня было объяснение с Вольским, который вздумал было, обрываясь канавой, захватывать мою землю. Я ему написал письмо, которое возымело блистательное действие, так как он немедленно явился, и мы с ним уладим дело в воскресенье. По дороге встретился с Ремезовым, и ехали вместе до Тулы, **очень** было с ним приятно и хорошо. А ргорос², напиши, что в бутылочке с надписью «Изв. вода» – сулема или борная кислота? Мне здесь сие весьма желательно и надобно.

Дом уже частью покрыт железом, а через месяц будет черне отделан. Комнаты светлые, вид презентабельный, высота комнат 4 аршина 10 вершков. В общем мне нравится. Кое-какие «украшения» – местного вкуса (резные etc.), которые сделали плотники и столяры от себя, может быть, оставлю. Очень надо знать, большой или малый надо ледник. Старый испортился,

надо ставить новый на новом месте, хочу земляной и землянку³. Урожай у меня оказался (по проверке) лучше, чем думал, рожь больше чем сам-11, в общем все, даже горох, окупит. Теперь важно, какие будут цены.

Вот письмо несуразное. Отрывочно. Но теперь много не пишу, так как спал отвратительно обе ночи. Целую много раз тебя, мою родную, Гагу⁴, всех наших поцелуй.

Твой Владимир

P.S. Ремезов говорит, что Обольянинов чуть не умер от холерины, была у него серьезная форма.

Оп. 7, д. 39, лл. 125–126.

¹ См. комментарий № 13 к письму № 264.

² Кстати (фр.).

³ Фраза вписана в конце страницы.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 337

30 августа 1892 г., Вернадовка

Вернадовка, 30. VIII 92, воскресенье

Дорогая моя Натуся, моя радонька, рыбка моя любименькая, еще от тебя нет ни одного письма, а хочется знать, что моя дурочка делает. В общем я оканчиваю мои дела здесь и, если бы не ожидание заседания «Лошадиного попечительства»¹, то во вторник ночью на среду мог бы уехать и, может быть, уеду.

Виделся со старшим Поповым: насколько он знает, ценность Шигаевского имения в Рязанской губ. не может быть менее 6000 руб. и <оно> должно давать ежегодно не менее 400 руб., но важным является определение ценности леса. Я решил осенью, когда холера прекратится, отправить туда Ал.Ив. Попова осмотреть и определить стоимость леса и осмотреть все на месте. Школа, как я сговаривался с Гославскими², должна открыться этой осенью, и Попов меня уведомит, откроют они ее или нет. Он говорил, что член Училищного совета говорил ему, что будто школа вновь открывается.

Я буду ждать заседания «Лошадиного попечительства» до 7-го числа, если же оно не будет, то 8-го выеду, а если получу известие, что будет позже 8-го, то выеду сейчас же (т.е. не раньше вторника). Корнилова решил не вызывать ввиду холеры, а поступать решил так: сегодня же я сообщаю Чолокаеву (о том же пишу Корнилову и Келлеру), что Ф.В. Берви записывается в члены нашего попечительства и в случае моего отсутствия или отсутствия Корнилова явится представителем нашего кружка, тем более что последнее время он вел все дело. Если же заседание будет до 7-го, то явимся мы оба, а это довольно, может быть, важно. Я еще постараюсь повидаться с Хржановским.

Сегодня был в Липовке у Берви. Холера там началась и в очень резкой форме. Со вчерашнего дня заболело 3, и все умерли. Сразу начинается с трудной формы. Сперва крестьяне не поверили, что первый случай холеры (так как не было судорог), и забились в избу, Берви, придя неожиданно в третий

раз к больной, застал в избе целое общество. Когда же на другой день или в тот же из пришедших заболела девушка, а затем ее отец сегодня, началась настоящая паника: никто к ним в избу не идет, все беспрекословно исполняют все приказания Берви: принимают каломель с опиумом, когда он велел всем с желудочными болями приходиться к нему, к нему валит народ. Он весь под впечатлением тяжелых форм болезни и тяжелых страданий. Да трудно и без помощника. Бабы, нанятые для ухода, сбежали. Придя в избу к больному, он застал его лежащим рядом с мертвой дочерью, и никто не решался прикоснуться и помочь ему, все приходится самому Берви, с 2-мя мальчиками-помощниками – растирать, переключивать и т.п.* Эти два мальчугана служат организации почти с самого начала дела. Один из них – Сеня – мечтает быть фельдшером, держат себя все время молодцами. Его следовало бы вывести в фельдшера. Сегодня наняли фельдшера из отставных военных фельдшеров. Кругом помощь поставлена неважно. В Каменке студент Плотников оказался прекрасным врачом и человеком, отовсюду слышатся о нем прекрасные отзывы, ему мы помогаем лекарствами, так как земство часть лекарств отпускает, мало. Зато врачи держат(ся) здесь плохо – ни врач в Пичаеве, ни верстах в 12 – в Вышинке – **не входят** в избы к холерным, посылают фельдшеров и т.п. В ближайших окрестностях – в Каменке, Подъеме, на станции – все до сих пор благополучно, тогда как несколько дальше мы кругом окружены холерой. Пичаево, Липовка, Липовка Протасьева, Вышинка, Васильщина и пр. – в эпидемии. Странно, что в Подъеме (от нас 3 версты) не было никогда холеры, а в Каменке (от нас 3 версты) не было в 1871 г. и была очень слабая в предшествовавшие. Неужели действительно влияние местности? В Моршанске холера сильная, а паника еще более сильная.

На днях решится, сколько я здесь останусь. Дорогой прочел книгу «Анненков и его друзья»³. Какая масса роится мыслей, сколько интересного в переписке и очерках о Герцене⁴. Самые интересные письма – В. Боткина – напрасно их не прочла⁵. У меня много аналогий с кружками нашего времени, но есть существенное и печальное для нас отличие, и вот оно. Мы люди более формы, чем они. Так как для нас в переписке все лучшее не потому, чтобы мы не могли пропагандировать публично наши мнения, а потому что не хотели (т.е. «не решались» – какое постыдное и мерзкое слово: для меня оно **отравляет** воспоминания о всем нашем прошлом), переписка же людей сороковых годов глубоко интересна лишь потому, что цензурные условия того времени вполне мешали иному проявлению мысли. И может быть, во многом нам будет стыдно, что наша лучшая мысль прошла лишь в переписке да в толках с друзьями. Сравни у сороковиков: какая у них всюду страсть к литературе, как ясно сознание ее необходимости, единственного средства влиять на общественное мнение. Мы перед ними формалисты. Мы «чище» их в жизни, мы много болтали о малых тратах, не пили шампанского, когда могли, не

* Здоровый мужик, брат умирающего, которому Берви говорит, что осторожно надо помочь, нельзя так оставлять (Берви сам оттаскивал мертвую девушку, так как все боялись прикоснуться к ней, и умирающий отец лежал несколько времени рядом) – брат больного, здоровый мужик, говорит, что он знает, что нельзя, да что же делать, когда он весь трясется, и, действительно, он здоровый не может ничего держать в руках от нервного трепета!

ели роскошных ужинов и т.п. Они все это делали, но они много-много выше нас, потому что мы в узком мировоззрении своем истратили слишком много времени на толки о таких вещах, которые не позволили нам заняться другим (забыли о гигиене мысли).

Еще резче бьет 3-я разница между нашей и их мыслью. Мы все обсуждали со своей, узкой, эгоистической точки зрения: что **нам** делать, что мы хотим etc. – они обсуждали все с широкой точки зрения, что **людям** надо делать, что нужно для идеи, во имя человечества и т.п.

А между тем я думаю, что среди нас есть люди, из которых могли бы выйти недюжинные силы. Слишком много в нас и в нашем кружке стремления к маленькому практическому делу, слишком мало понимания красоты **идеи**, слишком мало веры, и, Боже, как это гадко и как это тяжело...

Под влиянием этих мыслей я начал набрасывать заметку о книге Анненкова для печати – я не хочу писем, но, верно, брошу и порву. Мысль роится и в другом направлении. **Между нами**. Я хочу ответить на твой вопрос о сознании, но не в виде письма, а в виде поэмы (в прозе) или философической драмы. Во всяком случае, в образной форме. И образы роятся, и я иногда ощущаю их⁶.

Оп. 7, д. 39, лл. 119–124.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 295.

² См. комментарий № 13 к письму № 264.

³ П.В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892.

⁴ Там же. С. 1–111, 625–632.

⁵ Там же. С. 516, 581.

⁶ Конец письма не сохранился.

№ 338

1 сентября 1892 г., Вернадовка

1.IX 92, Вернадовка

Дорогая моя Натуся, пишу несколько слов, так как сейчас уезжаю с поездом в Москву. Все более или менее устроил, как говорил в последнем письме, заседание «Лошадиного попечительства»¹ будет 15-го сентября, следовательно, остаться не могу. Рад, что могу скоро приняться за более нормальную работу.

Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Яковцы, Ее Высокопревосходительству Наталье Егоровне Вернадской, Дача проф. Склифосовского.

Оп. 7, д. 39, л. 127.

¹ См. комментарий № 2 к письму № 295.

3 сентября 1892 г., Москва

IX 1892, Москва

Дорогая моя Натуся, сегодня 6 лет нашей свадьбы. Который уже год это время приходится жить врозь. Может быть, в будущем не будем врозь в это время. Мое серденько любимое, моя нежная птичка, так я страшно сильно, страстно люблю тебя, моя дорогая, так мне хочется скорее полнее быть с тобою, с моим глупеньким воробышком; хочется мне скорее зажить с тобою нашу общую жизнь – чувствовать и видеть проблеск твоего ума, отзвуки твоего сердца при всех событиях, какими мы вместе с тобой живем. Эти 6 лет – такие хорошие года. Мне хочется лишь одного для большего гармонического житья – это большей **производительности** той работы мысли, какую мы ведем с тобой, большего внедрения в жизнь во имя дорогих для нас великих идеалов. Этого особенно нет у нас всех и у нас в частности. А это, вероятно, самое важное, чем держится и что значит семья в жизни – не личной, а родовой.

Те мысли, какие я набросал тебе во время прочтения статей и переписки Анненкова¹, все меня гнетут, и все ужасней дилетантизм моего ума и моего образования не дает мне успокоиться. Я знаю – ты не любишь, когда я начинаю разбирать себя, но не ради хныканья, не ради чего-нибудь такого я хочу выяснить себе это, а ради того, чтобы знал сверчок свой шесток и соответственно этому шел. Хочется великого, хочется большого дела, старые мечты (честолюбие?) снова начинают выходить, а между тем где силы, где ум и где знания, для этого достаточные? Не лучше ли успокоиться, если то возможно, на маленьком деле. Но возможно ли это? Не буду больше писать тебе об этом, мое дурное настроение, надеюсь, пройдет скоро, и я снова успокоюсь и примусь за маленькое дело. А кажется, буду я в рабочем настроении.

Кончаю Дайси² – с тобою я не всего прочел, как помнишь, теперь я дочитываю и начал сначала. Мне много дает эта книга, не так она сама, как те мысли, какие ею возбуждаются, и еще более и яснее хочется мне кончать и работать над «Годом»³, особенно над переработкой темы о произволе. Фактов кругом не оберешься, и я понимаю, что я схватил самую суть вопроса и подошел к коренным чертам русских устоев. Мысль очень работает в этом направлении, и оживают (к полному моему удивлению) старые знания. Я очень усердно и много читал по юридическим вопросам в 1878–1881 и 1885–1886 гг., теперь снова хочу приняться. При правильном распределении времени все это возможно.

Скорее бы ты приехала, моя дорогая, и скорее бы все вошло в колено.

Приехал я сюда вчера вечером. Застал Фед.⁴ и Машу⁵. У нас все устроил, как писал тебе в письме.

Целую тебя много раз, очень жду письма. Всех наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 128–129.

¹ См. письмо № 337 и комментарий № 3 к нему.

² О какой книге идет речь, установить не удалось.

³ Указанная работа В.И. Вернадским не была написана.

⁴ Ф.Ф. Ольденбург.

⁵ М.Д. Ольденбург.

№ 340

5 сентября 1892 г., Москва

№ 61/404¹

Москва, 5.IX 92

Дорогая моя Натуня, моя родненькая девочка, я еще не получил ни одного письма от тебя сюда, скоро надеюсь получить, так как думаю, что ты будешь писать уже с 3-го в Москву. Я еще не вошел в колею, еще не вполне разобрался, но уже сделал возможным свое пребывание в квартире и начинаю понемногу заниматься, главным образом читаю – всякие новинки из научной международной жизни, от которой порядком отстал. Сегодня иду в первый раз в лабораторию и буду работать над разными, сперва мелкими недоконченными работами, которые надеюсь приготовить к печати до лекций. Начинаю работать и над лекциями, для диссертации и т.п. В общем все начинает входить в колею, хочется лишь, чтобы скорее и ты приехала, моя дорогая Тутя. Как-то тебе будет с Гагой?² Кто же довезет его сюда вместо Е.И.³, ведь неудобно и невозможно ехать тебе с Машей⁴ и 3-мя детьми. Эта немецкая Frau должна была бы подождать твоего отъезда. Я боюсь, что переезд будет труден, так как всюду переполненно, надо будет взять в случае чего купе или перейти в первый класс. Я понимаю, как ты должна беспокоиться с дифтеритом, особенно при твоём страхе перед ним, и вообще, думаю, лучше тогда уезжать поскорее. Отчего до 15-го сентября ты отложила отъезд в Полтаву – прожила бы эти две недели там, а Маша – в Яковцах, если твои тетушки не уехали.

Здесь я никого еще почти не видал. Сегодня пойду обедать к Павловым. Жалованье мне прибавили, и теперь сверх гонорара буду получать вместо 1200 (руб.) 2000 руб., начиная с июля месяца.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Хочется, чтобы скорее ты была здесь, моя рыбешка. Гагу, наших целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 130–131.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

³ Лерке.

⁴ М.С. Гревс.

№ 341

7 сентября 1892 г., [Москва]¹

7. IX 92

Посылаю тебе, моя дорогая, письмо Ади² и мое письмо к нему, которое **немедленно** прошу послать заказным ему в Плонск, Плоцкой губ., Харламову для передачи. Я тебе подробнее напишу сегодня же. Теперь надо идти. Я так уверен в твоём ответе. Мое счастье, моя дорогая, моя родная, как сильным себя чувствуешь, когда знаешь, что рядом идешь в жизни с тобою. Ведь ты не согласна с решением Ади? Я как-то в этом уверен³.

Не знаю, показывать ли Маше⁴, я думаю – да, и оба письма. Адю просил телеграммой приехать и телеграфировать, что не согласен с его решением. В ответ получил эту телеграмму.

Отчего нет письма в Москву, если ты 3-го писала, сегодня пришло твое письмо Аннушке⁵ от 4-го?

Целую крепко тебя и всех.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, л. 132.

¹ Письмо написано в Москве, так как у В.И. Вернадского начался учебный год в университете, и он из Москвы не выезжал.

² А.А. Корнилов.

³ Очевидно, речь идет о незаконнорожденном ребенке А.А. Корнилова. В письме от 11 сентября 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Вчера получила твое письмо заказное от 7-го со вложением письма Адьки и твоего ответа к нему, с каждым словом которого я согласна. Так горячо я сочувствую всему тому, что ты говоришь. Ужасно дорого знать, что ко всему важному в жизни мы относимся одинаково и всегда будем идти рядом. Твое письмо мне ужасно понравилось. Относительно ребенка переговорим при свидании. Я тоже, как и ты, считаю его своим [...] Важно, чтоб все ему заявили свое несогласие с его поступком» (ф. 518, оп. 3, д. 258, лл. 176–177). См. письмо № 342.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ См. комментарий № 3 к письму № 251.

№ 342

9 сентября 1892 г., Москва

№ 63/412¹

Москва, 9 сент., 92

Дорогая моя Натуся, наконец получил я вчера от тебя письмо от 5-го сентября, а до тех пор не было. Ты, верно, не писала 3-го, как хотела, в Москву, или оно пропало. Я уже начал беспокоиться. Я послал тебе третьего дня письмо Ади². Оно, верно, тебя очень огорчило и удивило, и мне жаль, что оно не пришло, когда мы были вместе. Я не знаю точно, что ты ответишь, думаю, что, хотя ты не будешь согласна с моим основным воззрением, ты согласишься с частными выводами из него относительно Ади. Ему теперь гораздо **важнее** твое письмо, чем мое, и твое мнение, чем мое. Я думаю, что его поступление на службу обусловлено главным образом стыдом перед тобой и К°, а между тем он рушит всю свою жизнь и залезает в петлю. Я знаю, что у него есть благородное честолюбие, и он его здесь под влиянием раскаяния и стыда губит и удаляется в ту мелкую жизнь, которая является *pium desiderium*³ тех членов нашего кружка, которые на первом месте ставят узкую практическую работу. Если он сделает это и если действительно друзья его одобряют, признаюсь, мне будет казаться это грязным поступком и не только со стороны его, но и со стороны К°.

Я лично считаю все такие мнения не чем иным, как предрассудком и недостатком убежденности идей. Мне кажется далее, что есть что-то развращающее в подобного рода оценках и мыслях...

Чем более всматриваешься в окружающую жизнь, тем более убеждаешься в том, что является одним из самых ужасных, губительных явлений в жизни недостаток правильных воззрений в отношениях, связанных с половой жизнью человека. Я хочу сказать, что жизнь людей, которые боятся проводить на практике то, что вытекает из их мнений, и подавляют свободную критику в этом отношении, очень часто является разбитой. Наше поколение и то движение, к которому мы примкнули, старательно обходили эти вопросы, старались об них не думать, не позволяли делать выводы из коренных своих идей. Люди 60-х годов стояли в этом отношении выше. Они были **нравственнее** нас. Не потому, чтобы их мнения в этом отношении были вернее, а потому, что менее было ипокритства и больше было сознательности в этом отношении.

В сущности, взгляни кругом, и ты увидишь, что и теперь в жизни все эти вечные неурядицы половой жизни играют первую роль. Но мы стараемся об них не думать, стараемся даже игнорировать их, как будто бы этой стороны жизни в нас не было, как будто бы она не играет такой великой роли в самых наших важных поступках. А между тем я полагаю, едва ли когда она не налагала такой бедственной печати, как на наше поколение. Я думаю, что и здесь основная причина – недостаток **веры**, разлад между **словом и делом**, что составляет очень интересную картину нашей эпохи. Будущий историк общества выведет, вероятно, здесь черты переходной эпохи. Но нам от этого не легче.

Я думаю, что мы поступали в жизни так, как будто бы мы были убеждены, что половая жизнь вообще есть гадость и только по слабости мы ей предаемся или что моногамическая – самая строгая форма брака – есть прямое следствие всяких наших основных идей, есть нечто для человека абсолютное (так **есть** в христианстве. Я глубоко убежден, что развод, например, для верующего христианина немислим. Ведь брак там таинство). Между тем для нас нет ни того, ни другого.

А между тем во имя чего, как не пустых приличий, губится кругом жизнь? Посмотри на девушек – не буду называть имена – разве не ужасна их жизнь, и чем мы можем оправдать ее? Во имя чего такая жизнь? Можно сказать лишь одно: вас заедят люди, если вы поступите, как **следует**; но также ясно, что вас заест, загубит противоречие с природой, принизит вашу личность, не даст ей развиваться как следует, если вы не будете стараться поступать здесь согласно вашим убеждениям. Тут дилемма, а следствие ее – болезни нервные и физические, масса мыслей в нежелательном направлении, неправильное развитие личности. Что приходится делать человеку, когда гармония организма требует половой жизни и когда половая жизнь – у молодых – может являться связанной с лучшими поэтическими сторонами личности. Надо идти и дальше – и не одну семью близких людей видим мы разбитой вследствие ипокритства в этом отношении. Неужели опять страх скандала, жалость, но, Боже мой, ведь это губит лучшую сторону человека. . . Следствием является и та болезненная, печальная жизнь, какую пришлось вести Аде. Разве то должно было быть при свободной любви? Разве там, а не здесь – принижение личности. Но где ему выход? Он не мог жить с равными ему по развитию и стремлению девушками, потому что он должен был бы жениться, а это такая трудная вещь, и как мало она доступна. Да, наконец, как редко такой брак будет удачен. И он бессознательно нашел исход, и он мучится теперь и готов разбить свою жизнь, потому что **мы** были лжецами.

Наше поколение, не желающее бросать ребенка и не дающее свободы половому чувству, губит человека.

Я написал, моя дорогая, любимая, очень неясно. Как-то плохо пишется. А много мыслей роится, и горькое чувство у меня на душе, не к Аде, а к нам. «Много было дано вам и что вы сделали?» Что мы сделали?

Ошибки, ошибки и ошибки! А сил и смелости признать их и идти новым путем – нет.

Непреренно ты должна написать Аде, не дать ему свернуть с должного пути.

Крепко целую и люблю тебя, мою дорогую. Поцелуй наших.

Твой Владимир

P.S. Видел Митю⁴. Говорили мало, но хорошо.

Оп. 7, д. 39, лл. 133–136.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² А.А. Корнилов; см. комментарий № 3 к письму № 341.

³ Идеал (лат.).

⁴ Д.И. Шаховской.

№ 343

12 сентября 1892 г., Москва

№ 64/418¹

Москва, 12. IX 92, утро

Дорогая моя Натуня, мое счастье ненаглядное, это письмо придет несколько позже – вчера не послал тебе. Сперва отвечу на твои вопросы. Я очень сочувствую твоей поездке в 1-м классе, если только это может уменьшить усталость, а я думаю, раз пассажиров будет много, – может. Еще два поручения: я забыл в Яковцах калоши новые, не забудь привезти, а то здесь без калош неудобно и 2) не у тебя ли квитанции на получение «Вестника Европы»² и сочинений Салтыкова: у меня их нет, и я боюсь, не пропали ли. Помнится, я тебе их передал в первый приезд в Яковцы.

Работаю мало – много времени берет уборка, страсть сколько, особенно с книгами. Читаю, впрочем, кое-что, да и настроение неважное. Читал, кроме новинок в журналах, трагедии Эсхила, а вчера свое плохое настроение изгонял чтением милого Пиквика³, еще с интересом читал сборник, изданный Хорватской академией в память Босковича⁴ – одного из малоизвестных в широкой публике гениев, воззрения на строение вещества которого все более и более получают значение, мне весь строй мысли этого иезуита очень симпатичен. Вчера отправил в Вернадовку к Берви молодого медика – Кожина, найденного Анатолием⁵. Очень симпатичен. Попов пишет, что холера всюду кругом растет, а в Каменке и Подъеме всего один случай! Был проездом у меня Алекс⁶.

Целую тебя и наших крепко.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, С просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович

Оп. 7, д. 39, л. 137.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² См. комментарий № 6 к письму № 188.

³ См., например: *Dickens Ch. Pickwick papers. L., 1960. Vol. 1.*

⁴ *Život i ocjena djela Kugjera Josipa Boskovica. Uspomeni prvostogodisnjice smrti njegovе. 1890, Zagreb. Knj. 87/88.*

⁵ Возможно, Анатолий Медведев.

⁶ Возможно, П.И. Алексеевский.

№ 344

14 сентября 1892 г., [Москва]¹

14.IX 92

Дорогая моя Натуня, моя радость, счастье мое, получил я вчера обратно письмо Ади² и твою записочку, так я рад был ей и так был уверен, что ты будешь думать так же, как я, мое родненькое, ненаглядное сокровище. Такую силу придает уверенность, что вместе, мы думаем одно и то же и всегда будем идти в жизни вместе.

Я все еще не вошел в общую колею. Лекции начнутся, самое раннее, в конце недели, но, вероятно, позже, вступительную лекцию набрасывал, но еще не написал, да, может быть, еще изменю весьма значительно перед началом чтения – как-то все ею недоволен.

Вчера у меня значительная часть времени прошла на гостей: Протопопов, Петрункевич, Миклашевский. Был с визитом хозяин дома – Духовской. Петрункевичи приехали на днях, очень они тебе кланяются, у них я встретился с Герценштейнами, которые опять повторяли, что хотят с нами познакомиться, и я на днях к ним отправлюсь. Очень сильно они желают познакомиться с Гулей³ и ищут целую подходящую маленькую компанию: их девочке около 4-х лет, маленькому Дрилю 5 лет etc. Рассказывали любопытный, комичный эпизод про стремления Дриля устроить своему сыну общество (для развития «альтруистических чувств» ребенка). Дон Кихот во многом Дриль. Но в общем люди все подходящие, и я думаю, что это как раз то, что ты желаешь. Сегодня иду обедать к Новгородцеву и Грабарю, хотел идти и с Миклашевским, который у меня ночевал, но ему сделалось нехорошо, и он уехал к себе. Горько и обидно за него, столько у него есть сознательных сил, а положение такое нехорошее. Много надежд на будущее, а долгое ли будущее? Так кругом.

Расписки «Вестника Европы» и Салтыкова нашлись; когда будешь приезжать, возьми непременно книгу Van Bebber «Ausüben de W. Witterungenunde», vol. 1⁴ (оставил в Яковцах) с собою или еще лучше перешли ее мне с Машей⁵ – она нужна Срезневскому. Да вообще переслала бы малой скоростью книги etc.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Так жду тебя.

Твой Владимир

Гагу, наших поцелуй.

Оп. 7, д. 39, Лл. 138–139.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 341.

² А.А. Корнилов, см. комментарий № 3 к письму № 341.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ *Bebber W.J.* Handbuch der ausübenden Witterungskunde. Geschichte und Gegenwärt. Zustand der Wetterprognose. Stuttgart: Enke, 1885. Т. 1.

⁵ М.С. Гревс.

№ 345

16 сентября 1892., Москва

Москва, 16 сент. 92

Дорогой мой Натусик, моя ненаглядная птичка, получил я сегодня твое письмо, так ждал его вчера. Хочется, чтобы ты скорее приехала, так без тебя нудно.

Лекции мои начнутся 20-го, я до сих пор не написал 1-й лекции – все колеблюсь сюжетом. Боюсь, что не справлюсь, как задумал раньше, хотя очень меня эта тема подзадоривает. Боюсь, что не решусь прочесть, так и начну курс с абзугу¹ – с кристаллографии. А хочется мне изложить связь представления о строении материи, и в частности о строении кристаллов, от способа исследования. Теория атомистическая явится простым выводом из фактов в **пределах** фактов, следовательно, не есть что-нибудь более доказательное, чем каждый отдельный факт.

На твое письмо я не буду возражать², так как надеюсь скоро увидеть тебя – так я этого жду! Думаю только, что твои возражения совсем не касаются того, что есть, я думаю, что любовь между молодыми исключительно как половое чувство больше может существовать в теории – при **равном** развитии молодости и **равном** положении мужчины и девушки. Она случается теперь, едва ли случится при других условиях общества, ибо часты тогда будут возможности другой любви. Один из моих аргументов в этом.

Не забудь прислать с Машей³ книгу v. **Bebber'a**⁴.

Крепко, крепко целую тебя, мою родную. Гагу⁵, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 140–141.

¹ От «das Abzug» (нем.) – отдушина.

² В письме от 13 сентября 1892 г. Н.Е. Вернадская писала: «Я совершенно согласилась со всеми выводами твоего предыдущего письма относительно Адьки, вытекающими из общих твоих воззрений на отношения [...] Я понимаю, что ему бросать [...] все, что было дорого, чем красилась жизнь и чем она освещалась высоким смыслом, ради искупления дурного поступка – страшный эгоизм, тоже стремление спасти душу, которое делается центральным делом жизни! Это отступление от идеалов и очень страшный шаг [...] Что касается теоретических твоих воззрений на самый предмет отношений, то я не знаю – смотрим ли мы совсем одинаково на дело [...] мне кажется [...] искажают личность отношения с человеком, к которому тебя влекут только половые побуждения. В этом я вижу падение, и мне горько и больно, когда хорошим людям приходится переживать это унижение и горечь. В этом ужасно дикое – стремление к интимному сближению с человеком, который для тебя чужой и далекий во всех областях духа. Для меня стремление к близости сливается со всеми сторонами существования, и иначе оно теряет весь смысл и достоинство и превращается во что-то унижительное и грязное [...] Я потому не понимаю той легкости, с которой бы ты хотел видеть образование союзов» (ф. 518, оп. 3, д. 258, л. 299).

³ М.С. Гревс.

⁴ См. комментарий № 4 к письму № 344.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 346

19 сентября 1892 г., Москва

Дорогая моя Натуся, моя родненькая, так я жду тебя, мое солнышко, уже пора тебе приехать! Хотя я понимаю, как нужна ты и там.

Моя рыбешка, пишу тебе несколько слов – среди набрасывания моей лекции. Нахожусь в настроении, но писать не могу, пишу проспект, ход мыслей – буду говорить. Знаешь, как всегда, когда очень интересуется что, я этим не могу заниматься или должен работать урывками. Лекция будет, кажется, логическая, но должно быть [...] ¹ У меня послезавтра – начало, две лекции подряд. Очень было бы удобно, чтобы ты приехала на этой неделе, так как у меня следующая лекция опять лишь в понедельник. Боюсь лишь, как бы не было большой езды к празднованию Сергия. До сих пор мало работаю. Начал вычислять вещество Сабанеева, но в вычислениях наделал ошибок (страшно в них рассеян), и все пришлось начать сначала.

Много времени прошло с всякой мелкой возней с нашим проектом с Павловым², придется, кажется, писать статью в защиту: мы между двух партий очутились.

Много говорил и думал о журнале. Пишу Аде³, может ли быть редактором. Деньги есть, и если добьемся разрешения, то, может быть, в декабре начнем – должно быть, еженедельную газету⁴. Обо всем при свидании.

Крепко целую тебя и наших.

Твой Владимир

Москва, 19 сент. 92.

Оп. 7, д. 39, лл. 142–143.

¹ Одно слово написано неразборчиво.

² См. комментарии № 8,9 к письму № 282.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Газету В.И. Вернадскому и его друзьям издать не удалось.

№ 347

25 октября 1892 г., Моршанск

25 окт. 92, Моршанск

Дорогая моя, сегодня первый день очень печального собрания. Пишу вечером после двойного заседания – утреннего и вечернего – в комиссии¹. Завтра опять – продлится, может быть, дольше, чем я ожидал, но я останусь лишь до конца главных заключений. Я **очень** рад, что приехал: сейчас в комиссии, где я провалился, я явился единственным **говорящим** противником сокращения школ. Ввиду дефицита комиссия большинством 8 против 4 (в том числе я) решила из 72 школ оставить всего 39! Народную медицину удалось отстоять. Есть все шансы отстоять школы в собрании, так как вопрос будет обсуждаться закрытой баллотировкой, а все **крестьяне** подадут голос за школы, да и некоторые из других будут стоять за них. В комиссии характерно: из 12 членов – 3 крестьян, они все + я подали голос за школы, остальные

8 дворян и образованных купцов против. В собрании большинство крестьянское (так как вместо 24 дворян выбрано всего 16, а явилось 13), а 12 крестьян плюс 3 купца все явились, но они влияют лишь при закрытой баллотировке. Два течения: чисто ретроградское (но против нового земства: Вольский и Ильин) и деловое (князь Чолокаев) в этом вопросе соединились. Я очень надеюсь отстоять его перед собранием. Имел много любопытных разговоров и многому очень учусь. Если даже в этом году не удастся, то в будущем уверен, что снова можно вернуть. Интересно – как я попаду дальше в баллотировках: в комиссию я попал 4-м (получил 20 голосов из 29 по запискам); мне предлагали в секретари собрания, я, к счастью, успел отказаться, иначе нельзя было бы заниматься. Порядки здесь странные: заседания комиссии закрытые, баллотироваться в губернские гласные буду, вероятно. Собрание печально тем, что в нем совсем мало сил и совершенная каша в голове, кроме, может быть, Чолокаева. С ним я все время и сцеплялся, да с Вольским – самой вредной штукой в собрании. Холеры здесь нет. Берви уезжает на днях. В общем дело в следующем: в земстве дефицит >40 000 (руб.) на будущий год (правительство требует возврата 40 000 (руб.) из 80 000 руб., выданных в прошлом году Моршанскому земству) да долга около 150 000 (руб.). По-моему, выход: новый заем, ходатайство перед правительством об отсрочке платежа, ходатайство об ином поступлении земских денег. О последнем ходатайствовать решило собрание по инициативе Чолокаева. Чолокаев считает: население разорено, ему не до школ, но в общем у него другая звучит нота – земство не филантропия, и платить за других нельзя etc.

Целую тебя крепко, мою родную, и Гагусю².

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 144–145.

¹ Комиссии Моршанского уездного земства; см. комментарий № 14 к письму № 313.

² Г.В. Вернадский.

№ 348

27 октября 1892 г., Моршанск

Дорогая моя Натуся, пишу тебе несколько слов: в 12 часов собрание, а мне надо написать мотивы большинства и меньшинства комиссии по сокращению сметы. Вчера выбрали в губернские гласные (20 белых и 8 черных). Сегодня будет обсуждаться вопрос о закрытии школ и больниц – главная баталия, как нарочно, головная боль. Я очень надеюсь не дать провести это предложение. Мне удалось привлечь нескольких из стоявших за эту меру: вчера вновь выбранный председатель управы положительно сказал, что он будет баллотировать за сокращение школ, также и бывший председатель управы согласился. Я могу рассчитывать на 17 голосов из 28, но все эти счета – такая трудная вещь. Крестьяне-гласные обращались ко мне с просьбой защитить школы, в виде компромисса я согласился на некоторые сокращения. Вольский, мой главный противник, вчера заявил о возможности компромисса и сокраще-

ния школ. Чолокаев хитрит. Все это выяснится после собрания, моя дорогая. А теперь надо за работу. Целую тебя, мою родную Тутю.

Твой Владимир

27 окт. 92, Моршанск, утро

P.S. Не успел тебе послать сегодня утром это письмо. Пишу вечером после заседания комиссии – немного, теперь первый час ночи. Сегодня как встал, до 12 часов писал доклад, от 12 до 5 1/2 (часов) – заседание собрания, а от 7 до 12 часов – заседание комиссии. Вопрос о школах будет дебатироваться завтра. Трудно сказать, но я все более получаю надежду. Сегодня в комиссии при редактировании перешли на мою сторону Попов и Котельников (бывший председатель управы) – последний весьма энергично, Вольский говорит, что он начинает колебаться; большинство комиссии отказалось от первоначально поднятого вопроса о том, что школы плохи и церковно-приходские могут-де их заменить, и Вольский, и Чолокаев, и Ильин говорят, что они не ретрограды, всегда стояли и стоят за народное образование и только печальная необходимость etc. Может быть, и верно. И Чолокаев, и Вольский говорят, что они уверены, что в собрании вопрос не пройдет.

Сегодня меня выбрали в члены ревизионной комиссии на будущий 1893 г. и в почетные мировые судьи. Выборы идут очень хорошо, так как я-де собранию понравился (Ильин в частном разговоре напирал, что не одни крестьяне подают за вас, но и мы и тому подобное). Пока, как новый человек.

С одной стороны, как новые обязанности мне это очень неприятно и страшно неловко, так что все кажется «ворона в павлиньих перьях», должно быть, у меня натура такая гадкая (не сердись, Тутя). Я решился идти на все это, так как в общественном положении, может быть, это важно. Я думаю, много импонирует мое подозрительное профессорство.

Буду едва ли раньше пятницы.

Целую тебя крепко.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 146–147.

№ 349

10 декабря 1892 г., Тамбов

10 дек. 92, Тамбов

Дорогая моя Натуся, меня очень удивляет, что от тебя нет писем, говорят, однако, что почта идет правильно.

Пишу тебе сегодня утром – остался дома: только и ездил, что на почту и с визитом к Вышеславцевой, которую не застал и которая из-за Ади¹ передала через Чолокаева, что хочет со мной познакомиться.

Много мешает мне насморк, сопровождаемый хрипотой, головной и горловой болью и кашлем, так что являюсь довольно плохим работником, а вопросы, как нарочно, очень важные. Вчера в комиссии я остался один против всех в вопросе о ходатайстве перед правительством об отмене круговой поруки для сельских обществ за голод 1891 (г.) и о переложении такой круговой поруки на все население губернии. Я был за это. Я очень убежден, что я прав, и, если позволит мне здоровье, буду говорить. Марк² со мной уже согласился.

Сегодня или завтра поднимется вопрос об общественных запашках.

Вчера мы с Марком убедили всю комиссию перейти на нашу сторону по поводу вознаграждения одного из купцов, поставивших хлеб: мы убедили их в отсутствии у нас права награждать из денег, которые берутся с голодавших, и что если собрание захочет, то оно имеет лишь право награждать из обычной раскладки. Очень многому учишься, присутствуя на земском собрании, и я даже не представлял себе, какая это полезная и важная школа для всякого. Жалко лишь, что здесь комиссии не публичные (их сразу 4: докладная (где и я), бюджетная, комиссия из председателей уездных управ для рассмотрения протестов губернатора по поводу уездных смет и ревизионная комиссия производственных операций). Хотя сознаешь пользу и значение всей такой работы и такой деятельности, но в общем я все-таки чувствую себя неважно.

Вчера осматривали прекрасно обставленную земскую больницу – больницу для душевнобольных. Я в первый раз видел такую больницу. Какое тяжелое, принижающее, отчасти юмористическое и злобное чувство возбуждает вид таких людей. Здесь как бы природа постаралась mettre les points sur les i.³

Крепко целую тебя, и Гагу⁴, и Адю. Моя дорогая Натуня, отчего ты не пишешь?

Твой Владимир

Оп. 7, д. 39, лл. 148–149.

¹ А.А. Корнилов.

² М.М. Любоцинский.

³ Ставить точки над «i».

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 350

13 декабря [1892 г., Тамбов]¹

13 дек.

Дорогая Натуня, пишу тебе несколько слов на земском собрании.

Вчера у нас было бурное заседание, и мы с Марком² с треском вышли из заседания, не согласившись с постановкой вопроса Чолокаевым. Результат, однако, окончился ничем себе. Вчера вечером у нас было дружелюбное объяснение с Чолокаевым, а сегодня он был у нас с визитом. Собрание закончится еще через много дней. Думаю, что не буду до конца. Мой насморк продолжается и страшные головные боли etc., что я присутствую на заседаниях сверх силы. Я думаю, что уеду в среду.

Целую тебя крепко, крепко, мою рыбку ненаглядную. Гагу³ поцелуй.

Твой Владимир

На обороте: Москва, Е.Вр. Наталии Георгиевне Вернадской, Смоленский бульвар, д. Духовского.

Оп. 7, д. 39, л. 150.

¹ Год и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² М.М. Любоцинский.

³ Г.В. Вернадский.

ПИСЬМА 1893–1894 гг.

№ 352

7 мая 1893 г., Моршанск

Моршанск, 7 мая 93

Дорогая моя Натуся, до сих пор никаких от тебя известий. Я уже уезжаю сегодня в Москву. Дом заканчивается, и кухня также будет скоро готова, через месяц все будет готово – к осени буду ставить двор, теперь перенесу амбары. К будущему году можно будет жить. Сад в общем принят (пропали лишь все елки). С прудом я пересолил – в прошлом году воды не было, я поднял плотину, обрыл его, часть углубил, а теперь не только масса воды, но она залила часть моих посадок и знаменитую ветловую аллею! Хорошо, что ты не приехала: в этом году все дети и часть взрослых были на хуторе в лихорадке. Такой лихорадки здесь не запомнят. Кажется и воды почвенные стоят выше. Всходы пока прекрасные – не только озимья, но и яровые. Что-то будет дальше. Вчера у меня была депутация стариков схода в Подъеме: заявили, что общество просит меня быть попечителем земской школы и «председателем церкви». За первое я благодарил, а от второго решительно отказался – тем более, что это новые какие-то братства, вводимые Победоносцевым против земской школы! Любопытные вещи здесь сами же крестьяне рассказывают про школы грамотности церковные.

Целую всех.

Твой Владимир

Как-то ты себя чувствуешь, моя родименькая, так тяжело не иметь о тебе известий. А с меня начинает спадать моя апатия, и мысль работает и энергии больше.

Оп. 7, д. 40, л. 3.

№ 353

12 мая 1893 г., Москва

Москва, 12 мая 93

Дорогая моя Натуся, мое сокровище нежно любимое, давно от тебя нет весточки, да и письма твои – не письма, а очень краткие записочки.

Сперва о делах. Я был в банке, и деньги, наверное, можно получить, но получение будет, может быть, через месяц, а потому не лучше ли бы тебе достать у Марии Ивановны¹ на время. Наверное же летом можно отдать, и вообще я избавлюсь от всех частных долгов, гораздо лучше брать в банке, чем у самых близких. Едут ли Гревсы и когда?² Не имею никаких известий.

Вчера был в Комитете грамотности³ – последнее заседание⁴, страсти еще не совсем улеглись, но в общем начинают успокаиваться⁵. Вчера же у меня кончились первые экзамены. Студенты жаловались мне на мою строгость, но я ставил баллы даже до *pes plus ultra*⁶ снисходительно. Отвечали ужасно. Не понимаю, что это такое за государственные экзамены: на них все отвечают мерзко, утверждают (и, кажется, справедливо), что им приходится в короткой срок сдавать массу предметов, почему все путается и т.п. Двое у меня срезались, и всего двое или трое получили «весьма удовлетворительно». Неприятная это вещь экзамены. А для меня сюрприз: мне придется в государственных комиссиях постоянно экзаменовать. У меня было объяснение с Сохоцким, председателем государственной комиссии. Он хотел заставить меня вторично проэкзаменовать тех, которых я уже экзаменовал на 2-м курсе из того же предмета! Я решительно отказался и настоял на том, чтобы ставить те же отметки, какие я поставил тогда. Ведь это совершенный абсурд! Пускай тогда они приглашают нового экзаменатора, а если никого нет, кроме меня, по минералогии, то требовать с меня нового экзамена старых учеников не могут. Сохоцкий говорил, что тогда я экзаменовал как профессор, а теперь как экзаменатор государственной комиссии! Но я его заверял, что я все же остаюсь я и в двух личностях быть не могу. На этот раз уступили. А к будущему создали прецедент. Но, Боже мой, какая глупость эти государственные комиссии и какое невежество в законодательной деятельности царя Александра III! В последнее время все чаще и чаще задумываешься над организацией университета и чувствуешь, как он совершенно губится, гибнет среди этих невозможных условий. Стоит ли держаться за университеты русские? Разбирая свои мнения по этому вопросу, я и в них нахожу много неясного и неопределенного, но думаю, что справлюсь, разьясню себе.

Здесь царский приезд – масса стеснений и много торжества⁷. Говорят, царь очень болен⁸.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Как нашла своих?

Напиши скорее о деньгах.

Твой Владимир

P.S. Мне, может быть, придется съездить в Тамбов в июне для банка.

Оп. 7, д. 40, лл. 4–5.

¹ Старицкая.

² Н.Е. Вернадская с сыном отдыхала в Крыму (см. комментарий № 1 к письму № 351), и туда на отдых должны были приехать и другие члены «Братства» с детьми – М.С. Гревс, С.Ф. Ольденбург. В открытке от 4 июня 1893 г. Наталия Егоровна писала: «Вчера приехали Маша, Сергей и дети» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 28).

³ В Московском комитете грамотности, членом которого В.И. Вернадский был с 15 января 1891 г.

⁴ В.И. Вернадский имеет в виду последнее заседание Московского комитета грамотности перед летними каникулами, следующее заседание состоялось 27 октября 1893 г.

⁵ На заседаниях, которые проходили 6 апреля (на этом заседании присутствовала Н.Е. Вернадская – член Московского комитета грамотности с 3 декабря 1891 г.) и 27 апреля, бурно обсуждался вопрос о создании сельских публичных библиотек и читален (подробно о прениях см.: Отчет о деятельности Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства и его комиссий за 1892 г. и журналы заседаний Комитета и комиссий в 1892–1893 гг. М.,

1893. С. 20–39). 11 мая 1893 г. товарищем председателя Московского комитета грамотности В.П. Вахтеровым был прочитан доклад «О книжных складах», которые наряду с библиотеками должны были способствовать распространению улучшенных народных изданий (подробно о заседании 11 мая см.: Отчет о деятельности Комитета грамотности при Московской общесте сельского хозяйства и его комиссий за 1892 г. и журналы заседаний комитета и комиссий в 1892–1893 гг. М., 1893. С. 39–41).

⁶ Крайняя степень (лат.).

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 351.

⁸ Александр III действительно был тяжело болен (нефрит), скончался 20 октября 1894 г.

№ 354

13 мая 1893 г., [Москва]¹

13 мая 1893

Дорогая моя Натуся, моя Тутя, нежно любимая!

Очень все-таки мало ты мне пишешь, или тебе нездоровится? Что Маша?²
Едет и когда³?

Сперва на твои вопросы: если не можешь взять на месяц денег у Марии Ивановны⁴, то скорее напиши – я как-нибудь обернусь. Игрушки Егор⁵ отправил в день моего отъезда. Давала ли ты на них деньги Петр?⁶ У Остроградского не был, и даже неловко мне у него быть. Марк⁷ и Аня⁸ до сих пор не заплатили! Марк писал мне, что думает ему послать 100 руб., но это совсем мало, и очень неловко все это вышло. Я написал Марку, что следует не менее (200 руб.), это все здесь говорят, да он потерял почти два дня. Во всяком случае, очень неприятное и мое положение.

У меня теперь Александра Михайловна⁹ (которую я вижу лишь утром, так как ее целый день нет дома) и Грабарь. Он выдержал все экзамены и уже подал прошение в Дерпт¹⁰. Я думаю 100 руб. отправить Марии Николаевне¹¹ в Шадринский уезд¹² (из Янжуловских денег) – получил для Богородицкого уезда¹³ 200 руб. от Унковского – от Совета присяжных поверенных (через Арсеньева). Все эти дни обедал у Петрункевичей, которых видел довольно много. Сегодня весь день просидел дома, как-то работается плохо, так еле-еле все время возился. Как-то не работается – да и веры в себя совсем нет.

Читал с большим интересом комедии и стихотворения Вольтера. Так переносят в былую жизнь 18-го века, в довольно родную мне по философскому настроению среду.

Ведь самого важного, чего не хватает, это созидającego стремления, не стремления знать, а стремления творить – а вследствие этого и делаешь мало. Это все лень и барство. А оно так и сидит.

Я все время сводил вчера счета по имению. Постройка дома, двора и кухни обошлась уже несколько более 3000 руб. Если ты примешь во внимание этот расход и то, что: 1) в позапрошлый неурожайный год мы не получили из имения ничего, а вложили (на семена) более 1000 руб., 2) только в этом году впервые я стал получать на 800 руб. в университете больше, 3) в этом году мы истратили доход имения на постройку, и доход был рублей на 800 меньше, так как земля шла дешевле (по случаю неурожая), то ясно станет тебе наше финансовое временное затруднение. В общем мы из имения в этом году по-

лучили доход (пришло тебе расчет) и уплатили почти все недоимки земские и государственные (осталось рублей 80), сделали план etc. Я тебе пришло расчеты.

Крепко целую тебя, мою дорогую Натусю, мою радоньку, и Гагу¹⁴, и всех наших.

Твой Владимир

P.S. У меня был сегодня Дмитрий Измаилович¹⁵ – для адреса Алекс. Ан.¹⁶

В этом году, если будет средний урожай и не будет саранчи, доход с имения будет значительно больше, чем все годы (увеличил посев свой).

Оп. 7, д. 40, лл. 6–7.

¹ Письмо написано в Москве, так как продолжались занятия в университете и В.И. Вернадский не выезжал из Москвы до 4 июня.

² М.С. Гревс.

³ См. комментарий № 2 к письму № 353.

⁴ Старицкая.

⁵ Повар в семье Вернадских.

⁶ Возможно, Анастасия Сергеевна и Иван Ильич Петрункевичи.

⁷ Марк Маркович Любошинский.

⁸ Анна Егоровна Любошинская.

⁹ Калмыкова.

¹⁰ Владимир Эммануилович Грабарь в 1893 г. сдавал экзамены в Московском университете, кандидатом которого он являлся, и в этом же году был принят в Юрьевский (Тартуский) университет на должность доцента на кафедру международного права.

¹¹ Личность установить не удалось.

¹² Шадринский уезд Пермской губ. (с 1796 г.).

¹³ См. комментарий № 3 к письму № 351.

¹⁴ Г.В. Вернадский.

¹⁵ Очевидно, Родичев.

¹⁶ Личность установить не удалось.

№ 355

16 мая 1893 г., [Москва]¹

Воскресенье, 16 мая 93

Дорогая моя, ненаглядная Натуся, мое ясное солнышко, мой светик любименький! Как мне грустно без тебя, без моей глупенькой Тути. Эти дни я какой-то разваренный – частью головные боли, частью просто работает плохо. Надеюсь скоро совсем хорошо работать. У нас очень жарко. Как-то ты летом перенесешь жару, моя дорогая, хотя это тебе и хорошо. Что ты думаешь о квартире Боголепова, которую ты смотрела зимой? Я все-таки ее осмотрю, так как ничего все-таки не находится подходящего. Егор² ходит и смотрит. Сегодня пойду и я смотреть несколько подобранных, но сомнительных квартир. Такая это неприятная вещь – квартиры. Вчера у меня весь вечер просидел [Мачтет]³, который вернулся недавно в Москву, он рассказывал очень интересно о своей жизни, и я с удовольствием его слушал; он разогнал мою головную боль. Читаю я много – главным образом по Крыму, кое-что по теме

диссертации, да новые запущенные новости по минералогии, кристаллографии, химии и физике.

Крепко целую тебя, мою дорогую, и Гусика⁴ и наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой с просьбой передать Н.Е.Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 8.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 5 к письму № 354.

³ Фамилия написана сокращенно, возможно, Григорий Александрович Мачтет – член Московского комитета грамотности с 20 февраля 1891 г.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 356

19 мая 1893 г., [Москва]¹

19 мая 93

Дорогая моя Тутя, пишу тебе эту записку, так как хочу, чтобы она пошла сегодня, а у меня нет марки. Моя радонька нежная, так я сильно чувствую твое отсутствие, и так мне хочется, чтобы ты меньше расставалась со мною, моя любименькая. Все эти дни у меня экзамены, я ассистентом по физике, и еще один день завтра: имел сегодня неприятное объяснение с профессором физики Соколовым, который поставил 1 и 2 двум студентам, по-видимому, несправедливо и не хотел их еще спросить! Но, кажется, удалось отстоять. Отвечают плохо. Молочники высланы будут лишь завтра!² Квартыры Егор³ ищет и все неудачно. Просто беда с нашими требованиями. Маша⁴ проехала, и я не видал. Ведь у нее должны быть деньги, а в июне я достану, так пока возьми у нее. От мамы давно не имею никаких известий: не было ли писем тебе?

Моя рыбочка, моя любименькая Тутя, так хотелось бы быть возле тебя, не отойти от тебя и всмотреться в мои дорогие глазки. Гагу⁵, наших целую.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 9.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 354.

² В письме от 7 мая 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «Еще поручение Егору, пусть он его исполнит скорее: купит у Верещагина такие штуки для молока, как наши, которые он заказывал, но разных величин, одну как наша, одну больше и одну меньше, и пришлет как скорее в Полтаву на имя мамы» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 100).

³ См. комментарий № 5 к письму № 354.

⁴ М.С. Гревс.

⁵ Г.В. Вернадский.

22 мая 1893 г., [Москва]¹

22 мая 93

Вчера отправил тебе письмо в Полтаву, моя дорогая, сегодня пишу в Крым, так как думаю, что ты теперь там². Моя дорогая Натуся, моя милая девонька, очень я боюсь, что ты сильно устанешь.

23 мая

Все не отправил письма тебе, моя ненаглядная. Вожусь с квартирами: сегодня хотел нанять, но остановился: 1) квартиру на Остоженке – взяли, 2) квартира [Симолин.] очень мала, и кухня и комната для кухни над холодным погребом, кажется. Сегодня смотрел квартиру в доме Шереметева в Шереметевском пер. Кажется, очень подойдет, и хотя стоит она 900 руб., я думаю, я ее найму, так как мне извозчики стоили значительно больше 100 руб., да еще и для работы удивительно удобно: выиграю массу времени, и место хорошее. Я думаю, что если мы наши расходы регулируем, то можем вполне взять квартиру и жить правильно на получаемые деньги. Ведь в средний год мы должны получать до 4800–5000 руб. Неужели нельзя так сделать, чтобы прожить на эту сумму как надо быть. Я так чувствую, что это необходимо устроить, и с будущего года мы приведем все это в порядок, мой дорогой Тутик. В доме Шереметева комнаты достаточно большие и высокие, двор прекрасный и близко есть места прогулок для Гусика³.

Уже было бы хорошо так поселиться, чтобы не переезжать.

Вчера был проездом Митя⁴, он говорил, что у Сегони⁵ инфлюэнца, и это отложило на неделю отъезд Сергея⁶. Сегодня уезжают Петрункевичи. От Ади⁷ есть письмо, что он будет здесь между 23–26 мая, но я не знаю, где он, и письма его удивительно малосодержательны.

Как-то мало пишется, моя дорогая птичка, так тяжело мне без тебя, без моей любимой Тути, моей родной, дорогой, горячо любимой. Целую тебя и Гусю.

Я здесь до 1 июня.

Целую тебя.

Твой Владимир

P.S. Представь, все что я писал о Клейбере, пропало – надо начинать сначала!⁸

Оп. 7, д. 40, лл. 12–13.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 354.

² См. комментарий № 1 к письму № 351.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Дмитрий Иванович Шаховской.

⁵ Сергей Сергеевич Ольденбург.

⁶ Сергей Федорович Ольденбург.

⁷ А.А. Корнилов.

⁸ Работая над воспоминаниями, 11 декабря 1942 г. в Боровом В.И. Вернадский записал: «В бумагах С.Ф. Ольденбурга я нашел, мне кажется, недоконченную мою статью об И.А. Клейбере для сборника, который мы хотели издать и не издали. С разрешения Е.Г. Ольденбург я взял ее из его бумаг, но так и не прочитал! Я надеюсь, что она сохранилась в моем архиве в Дурновском пер.» (ф. 518, оп. 2, д. 32, л. 63 об.). Статья об Иосифе Андреевиче Клейбере не была опубликована, но сохранилась в рукописи (ф. 518, оп. 1, д. 299).

25 мая 1893 г., Москва

Москва, 25 мая 93

Дорогая моя Натуся, моя рыбочка! Эта неделя у меня совсем страдная. Экзамены с 10 часов утра и до 7–8 часов вечера, а затем укладка и переезд на квартиру. Несмотря на ряд неудобств, я решаюсь брать Шереметевскую квартиру. Неудобства следующие: 1) Она в 1-м этаже, и можно было бы опасаться холода, но пол устроен основательно и, по-видимому, опасности холода нет. Под ней нет жилого помещения – подвалы. Пол изолирован бетоном, залит, и толщина слоя больше $\frac{1}{2}$ аршина (почти 1 аршин), так что едва ли может дуть. Я осматривал подвалы. Дом заведомо сухой. 2) 3 большие комнаты на солнечной стороне, но 2 комнаты имеют против себя другой дом, так что они не особенно светлы. 3) Всех комнат 6 – нет комнаты для прислуги, но есть большой коридор и большая кухня. Есть прачечная. Если мы займем все 6 комнат, то есть некоторые неудобства в распределении. Квартира, однако, много больше и удобнее Боголеповской. Очень может быть, я и напрасно беру эту квартиру, но искать теперь мне совсем не по силам, и так уже надоела возня с этими квартирами ежегодно. Хоть бы где-нибудь поселиться, уж больно мы привередливы. Уеду отсюда 30–31 мая. Попов¹ пишет, что от засухи начинают страдать хлеба. Как-то ты доехала, родная моя. Целую.

Твой Владимир

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Его высокопревосходительству Владимиру Васильевичу Келлеру, с просьбой передать Н.Е. Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 14.

¹ Александр Иванович Попов.

26 мая 1893 г., [Москва]¹

Дорогая моя Натуся, моя радонька нежно любимая, так я рад был получить от тебя письмо, и так сильно, сильно хотелось бы мне быть с тобою, с моей родной Тутей. Я все эти дни опять на экзаменах – ассистентом по физике, такая это тяжелая и неприятная вещь – экзамены.

26 мая 1893

Послал тебе я письмо – закрытую карточку, теперь посылаю это письмо. От тебя вчера получил письмо – так был рад, так я рад всегда твоим письмам, хотя бы и коротким записочкам. Моя ненаглядная, любимая Тутя! Вчера у меня кончилась первая серия экзаменов, а с понедельника и до воскресенья у меня экзамены будут без перерыва. Такое это неприятное дело.

Сегодня смотрел квартиры, выбранные Егором². Сверх той на Поварской, которую ты смотрела, останавливаюсь на 2-х – одна бывшая Боголеповская (ты ее видела): ее отделали, обчистили – дают еще одну комнату для прислуги – так что, может быть, завтра решу ее взять. От нее в двух шагах конка,

которая привозит почти к университету. Другая квартира около храма Спасителя на Остоженке (она больше нравится Ивану Ильичу) – в ней комнаты больше, но она гораздо ниже – ниже нашей здешней квартиры, в каменном доме. Расположение комнат прекрасное. Мне Боголеповская квартира нравится больше: 1) комнаты очень высокие, 2) прислуга дальше (теперь комната для них за кухней), тогда как на Остоженке она рядом с нами, и 3) заведомо теплая, 4) есть ванная. Но есть удобства и в той квартире: размер комнат зала совсем большая. Все это ставит меня в нерешимость, но между этими двумя квартирами я решусь и съеду скоро. Так надоели мне все эти поиски и вся эта каждодневная возня с квартирами. Хотелось бы быть менее требовательным и привередливым.

Эти дни мало и неправильно читаю, главным образом готовлюсь к Крыму, но как-то все вяло. Вещи для молока выслал⁴. Надеюсь, что это мое письмо тебя застанет еще в Полтаве, сам я когда-то туда попаду – вся эта возня с деньгами и всей стройкой жизни не позволяет ясно рассчитать. Скорее бы устроить все как следует.

Читал я, между прочим, Rocquin. «L'Esprit revolutinaire avant la Révolution»⁵ – чрезвычайно любопытная и много заставляет думать, вообще немало думаешь над тем, что творится.

Я много думаю о статье или речи весьма общего содержания: хочется мне обнять весь процесс образования минералов (химической жизни Земли) и представить его как следствие поглощения энергии Солнца. То есть не только солнечной энергией поддерживается жизнь организмов, но и все изменения – химические, идущие на земном шаре, и сосредотачиваются как в очень небольшом слое – наружном. Я сведу массу земных процессов к немногим.

Пока довольно. Целую тебя, мою дорогую Тутю, мою нежную, люблю, Гусика⁶ и наших поцелуй.

Твой Владимир

От мамы есть очень тяжелое письмо. Напиши ей.

Оп. 7, д. 40, лл. 10–11.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 354.

² См. комментарий № 5 к письму № 354.

³ Петрункевич.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 356.

⁵ Rocquin Félix. L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, 1715–1789. P.: E. Plon, 1878.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 360

[27 мая 1893 г., Москва]¹

Дорогая Натуся, очень удивился, что ты не в Крыму. Пишу короткое письмо в университете, перед экзаменом.

Квартиру нанял (Шереметевский пер., дом Шереметева) и теперь жалею. Меня пугает первый этаж, но дом прочно построен – пол залит цементом, с бетоном больше $\frac{1}{2}$ аршина толщины, над подвалом. Я осмотрел подвалы – в двух комнатах еще раз заливают цементом. Там же была превосходная кварти-

ра, но на 3-м этаже! Но, понимаешь, надо съезжать – у меня сплошь до 7 – 7 ¹/₂ часов вечера экзамены, а Егор² еще запил.

Эту квартиру нашел я. Дом сухой. Близко от университета, так что я могу иначе работать. Целую тебя и всех наших.

Твой Владимир

Моя дорогая детка, любименькая. От мамы тяжелое письмо.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 15.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² См. комментарий № 5 к письму № 354.

№ 361

[29 мая 1893 г., Москва]¹

Мой дорогой, мой ненаглядный светик, мое солнышко, моя Тутя! Как мне без тебя нудно. Я не знаю, где ты. Кончаю экзамены. Завтра последний. Целую неделю сплошь. Переезжаю на квартиру, а наряду с этим всякие побочные козни – с деньгами помощи голодающим и т.д. и т.д. Мне страшно теперь квартиры в нижнем этаже, хотя Голубев и говорил, что можно. И я теперь себя корю. Надо было бы поискать. Но когда? Легкомысленный Адька² не приехал, а у меня с экзаменами с 10 часов утра до 8 часов вечера не было сил. Ну да авось велик Бог. Масса возни неприятной со студентами: двоечники не дают покоя: порезалось 7 медиков. Только что были у меня два – я им объяснял, что не беда им и на второй год – заняться и т.д. Один совсем славный юноша, очень он мне понравился, а все же я ему 2 не переменял на 3 и его убедил, что ему два года пробить полезно. Он стоит на совсем иной точке зрения, чем другие. Сегодня был экзамен и у естественников, и опять тяжело и неприятно с получившими неудовлетворительные отметки. С Павловым имел очень интересный и продолжительный разговор об университете, о студентах – я подбиваю его устроить студенческое научное общество, и как только я буду профессором, я добьюсь этого. Я убежден, что без такого общества многого нельзя достигнуть лекциями etc. У меня теперь много мыслей и много желаний для университета. Я убежден, что если бы профессора разных факультетов или даже сперва на одном факультете привыкли фактически решать все сообща, то университет мог бы снова явиться силой. Павлов очень пессимистично смотрит – он признает, что это единственный выход, но не верит в успех. Я убежден, что это так и что это должно быть. Если бы у меня было больше энергии, больше знания, больше ума, я бы добился. А теперь мне кажется, что я не на месте. Отчасти хорошо, что мы близко будем от университета, теперь у меня пропадала масса времени – я мог вести научную работу не так как следовало вследствие отдаленности нашей квартиры. Теперь будет близко. И выяснится, если причина, как я в сущности думаю, глубже – в моей неспособности. Тогда мне останется или перейти в другую деятельность, или сделаться ремесленником науки и нанизывать факты. А то

теперь меня тянет к чему-то, а силенки нет. И теперь строится мысль над общими законами и причинами химических реакций Земли. Внутри Земли мертво и холодно – лишь в наружном слое живые лучи Солнца будят химические элементы и строят их в круговороты, дают начало разнообразным минералам и в конце концов организмам. Земля – звезда, где лишь снаружи идет некоторая работа на счет Солнца. Моя дорогая, моя родная – как бы хотелось быть с тобою – тебя люблю и тебе я верю, моей Натусе.

Из деревни плохие вести: засуха. Но справимся с делами – это-то наверное.

Целую тебя. Что Гусик?³

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 16–17.

¹ В письме № 359 от 26 мая 1893 г. В.И. Вернадский писал: «...с понедельника и до воскресенья у меня экзамены будут без перерыва». 26 мая 1893 г. приходилось на среду, очередное воскресенье – 30 мая, следовательно, письмо было написано 29 мая.

² А.А. Корнилов.

³ Г.В. Вернадский.

№ 362

[31 мая 1893 г., Москва]

Дорогая моя Натуся, твоя телеграмма пришла поздно. Она пришла ночью накануне выезда – когда все было нанято и т.д. Я остановился все-таки на Шереметевской квартире и вот на каких основаниях: 1) Поселяться мне далеко от университета становится с каждым годом труднее. Я ведь благодаря этому с самого Парижа (кроме времени, когда жил в Москве один) имею вдвое или втрое меньше времени для научной (лабораторной) работы, чем другие. Есть некоторые вопросы, которыми я не могу даже вследствие этого заниматься. Мне надо кончить диссертацию в этом году² и или надо поселиться вблизи университета, или возвращаться домой лишь к вечеру, обедая не дома. Наконец, раз я останусь в университете, то на долгое время устраиваться далеко от университета совершенно невозможно. А следовательно, опять переезд. 2) Сверх всего этого Боголеповская квартира нам мала. После твоей телеграммы (1-й) я решил ее нанять и отправился, чтобы дать задаток, но, сообразив все, не решился. Она меньше нашей теперешней квартиры. Целую зиму стояла пустая, дом старый, и если она теплая, то лишь благодаря массе печей. Расположена она неудобно. 3) Я очень боюсь Шереметевской квартиры, и если бы у меня было время, я бы, конечно, искал другую возле университета, но Егор³ не мог ничего найти и частью даже запил (теперь раскаялся, но я ему мало верю), а у меня были сплошь экзамены. Ты должна была бы остаться или прислать Адьку⁴, а я сделал что мог при этих условиях. 4) Я рассчитал Шереметевскую квартиру без Егора и Аннушки⁵, как ты мне писала. Очень страшно, что низ, но а) дом известен как сухой, а квартиры как теплые. Дом мне рекомендовал Мензбир, который там же живет, его знает, как вполне благоустроенный, сухой etc. Эрисман последний меня уверил, что дуть с полу при устройстве дома едва ли может. б) Из 6 комнат – 4 – большие,

а 2 – средние, комнаты высокие*, большой коридор, большая кухня, прачечная. Есть ряд неудобств: 1) швейцар, 2) отсутствует комната для прислуги, но это можно, думаю, устроить. Для Гаги⁶ есть сад – мал(енький) – в нашем дворе, побольше во дворе Павлова, рядом университет, куда я достану ключ. Когда отсюда соберусь – не знаю. Когда попаду в Крым – также не знаю. В деревне – засуха и саранча. Год может быть тяжелый.

Целую.

Твой Владимир

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Е.Вр. Владимиру Васильевичу Келлеру, с просьбой передать Н.Е. Вернадской.

* От земли выше человеческого роста, так что в окна не видно. 3 комнаты на солнечной стороне. Оп. 7, д. 40, л. 18.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Докторскую диссертацию «Явления скольжения кристаллического вещества» В.И. Вернадский защитил 20 мая 1897 г.

³ См. комментарий № 5 к письму № 354.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ Жена Егора, прислуга в семье Вернадских.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 363

2 июня 1893 г., [Москва]¹

2, июнь, 93

Дорогая моя Натуся, не имею я никакого известия от тебя из Крыма – знаю лишь по телеграмме, что ты в Биюк-Ламбате. На квартиру переезжаю – пишу на бивуаке в момент переезда. Сперва помешала твоя телеграмма, а затем телеграмма Сергея², который хотел приехать, и мне хотелось его встретить. Не знаю, как с квартирой, но думаю – напрасно вы мне это дело поручаете – никак тебе не угодишь с ней, а говорить и думать о квартире мне надоело. Это для меня самое страшное из здешних глупостей – внутри как-то коробит при мысли о квартире. Надеюсь, что мне больше не придется писать тебе о квартире, а то и твои и мои письма носят характер квартирных писем. А сколько со всем этим связано всяческих пустяшенок. И, в сущности, все это паллиативное и притворное решение вопроса: единственный выход – покупка дома и устройство его сообразно со своими требованиями. В сущности говоря, все мы буржуи и жизнелюбцы до конца мозга, и на всех этих мелочах – на квартире, еде, детских привычках etc. – сказывается это ясно. Очень жаль лишь, что не входит в кодекс. Впрочем, вторую часть – необходимость отрицания аскетизма – умственного и физического – я вполне признаю.

Целую тебя, родная Тутя, и Гусю³. Мой дружеский поклон нашим.

Вчера было препротивное заседание Комитета съезда⁴. Как-то неприятно.

Твой Владимир

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской, имение гг. Келлер (Карабах).

Оп. 7, д. 40, л. 19.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 354.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Очевидно, заседание Распорядительного комитета IX съезда русских естествоиспытателей и врачей, членом которого был В.И. Вернадский. Съезд готовил Московский университет при участии некоторых сторонних ученых по постановлению предшествующего VIII съезда, который проходил в С.-Петербурге во время рождественских вакаций 1889–1890 учебного года. Съезд решено было провести через два года, но постигший Россию голод заставил отсрочить запланированное собрание естествоиспытателей. IX съезд проходил в Москве с 3 по 11 января 1894 г. Председателем Распорядительного комитета был К.А. Тимирязев, в работе съезда приняло участие 2170 человек. См. письмо № 424 и комментарий № 9 к нему.

№ 364

[2 июня 1893 г., Москва]¹

Дорогая моя, очень ты меня огорчила. Я сегодня отправил тебе письмо, а теперь посылаю 2-е после получения твоей телеграммы Корнилову, которую я вскрыл, так как его нет. По обыкновению письмо мое будет квартирному характера, да, кажется, это тебя теперь больше всего интересует. Я могу объяснить все твои телеграммы лишь тем, что что-нибудь новое, мне неизвестное, случилось – какое-нибудь ухудшение твоего здоровья, и, признаюсь, я только этим могу сдерживать мое тяжелое, гнетущее от твоих телеграмм настроение. Я не вижу причины менять квартиру, бросать сотню рублей. Хотел завтра выехать, но отложил свой отъезд – хотя это все откладывает отъезд в Крым. Надеюсь, что там ты не будешь заниматься главным образом квартирным вопросом. Я жалею, что не послушал мудрого совета Грабаря, советовавшего брать Боголеповскую квартиру, хотя она и не годится нам – по крайней мере ты бы не мучилась и не мучила других квартирным вопросом. Нечего было уезжать, раз это для тебя так важно.

Из Крыма от тебя не имею известий.

Твой Владимир Вернадский

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской, имение Келлер (Карабах).

Оп. 7, д. 40, л. 20.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

№ 365

4 июня 1893 г., Москва

4 июня 1893, Москва

Дорогая моя, родная моя, нежненькая Тутя, сегодня получил я твою телеграмму о том, что нанять квартиру в 3-м этаже, но я думаю, что ты не знаешь, что она так высоко, и я ее не найму. 70 ступенек – ведь это для тебя, без-

условно, вредно. И для меня становится неприятная дилемма: нанять в 3-м этаже – тебе неудобно и вредно, нанять в 1-м – и вдруг будет дуть! Тутя моя, Тутя – сильно печалюсь я за свою легкомысленность, но ничего не поделаешь. Много недостатков в квартире, но ничего не поделаешь. Верно, не судьба мне находить квартиры. Я очень думаю, однако, что дуть в нашей квартире с полу не может: отделяют ее от погребов капитальные строения, пол устроен внимательно, еще в двух комнатах поправлен капитально (новый накат), часть погребов теплая (2 печки, отапливающие парадную и черную лестницу), на зиму погреба наглухо с нашей стороны запираются. Откуда же дуть? Но все это, может быть, и ошибочное рассуждение, но наверху – высота меня совсем смущает. И я решаюсь остаться в этой квартире. Сегодня ночью (в этом году поезда переменили и сообщение с Вернадовкой хуже) уезжаю – мне и так досадно, что лишние дни не повидаюсь с тобой. А сколько еще там пробыть придется, если саранча – так долго. На меня напала какая-то обычная у меня смесь апатии и планов. Настроение, частью благодаря квартире, неважное, а частью вообще слишком как-то в душе все насмехаешься и глумишься над собой. Хотя это и малоинтересное занятие, но оно происходит как-то невольно – в виде тонких намеков – неустанно.

Мне кажется, точно во мне идут совсем разные процессы мысли – то какими-то неосознанными для меня путями выясняются внезапно разные обобщения, наведения, картины – как касающиеся научных, так и философских или общественных идей, а частью является полная неумелость и апатия в их проведении. При вопросе о квартире я с печалью несколько раз ловил себя на сожалении, что, поселившись вблизи университета, я лишаю себя того оправдания, что работа идет плохо у меня отчасти от этого. Также обломовщина сказывается и в мысли о Крыме, о поездках на новые в научном и художественном смысле для меня места. И так все время. Иногда же мне как-то кажется, что есть во мне задатки сделать многое, что если бы у меня явилось и вылилось во внутреннюю необходимость стремление созидания, я мог бы сделать что-нибудь и не даром бы прошел на свете. И мне на своем горьком опыте кажется, что одной из самых важных задач воспитания является выработка сознания необходимости творчества для людской жизни, проявления – громкого, сильного – той внутренней работы сознания, которая идет всегда во всяком человеке. Очень может быть, впрочем, это все является следствием, что мне никогда не приходилось работать для жизни, что я работал из удовольствия: благодаря обеспеченности материальной все время. Но есть и еще объяснение, что у меня «натура» лентяя-дилетанта. Я не говорю, что не интересно так жить, но является трудным для меня не исповедовать того, что является, в сущности, общим строем моей внутренней личности.

Но довольно об этом, довольно о квартире, обо всем, связанном с этими вопросами. В деревне я думаю заняться несколько, буду снова писать статью о Клейбере (очень досадно, что все написанное раньше пропало – должно быть, в бумагах Адьки)¹ и затем заниматься «хозяйством» – т.е. главным образом счета, решить насчет построек, решить насчет введения в севооборот свеклы и т.п. – ряд вопросов. Мне хочется добиться большего дохода.

Знаешь, я думаю, что для практической жизни нет ничего вреднее, как то положение, какое я занимаю: материальная небольшая обеспеченность и отсутствие стремления достигнуть большого богатства. Мне кажется, что в

жизни, в практической жизни, можно успевать, или ничего не имея и добиваясь права на жизнь неустанной работой из-за куска хлеба, или имея и стремясь работой поддерживать и увеличивать имение. So steht (es) geschrieben² – философское презрение к достатку, но в то же время им пользование – весьма вредно. Кроме того, я думаю, что совсем и с точки зрения наших общих целей первым и главным делом для нас всех является приобретение средств. Мы во многом бессильны, потому что оправдываем свое неделанье отсутствием денежных средств. Точно это оправдание! Если нет, надо чтобы были. Ведь – они достигаются же другими.

Читал я эти дни кое-что: «Вестник Европы», «Вопросы философии», вчера вечером «...»³ George Sand. Она совсем в моем вкусе, и я читаю ее до некоторой степени полезные и страстные произведения с большой охотой.

Сегодня ночью у меня было странное забытье, и странно, если бы что случилось с моей матерью.

Целую крепко тебя, мою дорогую, славную птичку. Бедненький мой дурачок, верно, все время трепетал и волновался, воробышек мой. Гусю⁴ целую.

Твой Владимир

P.S. Буду стараться раньше уехать из Вернадовки, но, может быть, попаду лишь к середине июля.

Оп. 7, д. 40, лл. 22–25.

¹ А.А. Корнилов. См. также комментарий № 8 к письму № 357.

² Так выражено (нем.).

³ Название работы написано неразборчиво, возможно роман «Gorge de Guérin» Sand G. Le Piccinino. P.: Calmann Levy, 1886.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 366

7 июня 1893 г., Вернадовка

Вернадовка, 7.VI 93

Дорогая моя, не буду тебе писать о квартире. Здесь я застал твою телеграмму и твои письма, но на все это не буду отвечать. Мое настроение по поводу всей этой возни, я думаю, ты более или менее верно и сама понимаешь.

Я поселился в новом доме. Зала у нас такая, что хоть танцуй. Пробуду здесь довольно долго, частью надо: 1) устроиться с деньгами (для чего придется, может быть, съездить в Тамбов), 2) вырешить с некоторыми необходимыми перестройками (в августе начнется перенос и перестройка двора), 3) есть кое-какие дела здесь – по «лошадиному попечительству»¹, 4) решить насчет того, принять предложение Гофм.² о посеве свеклы etc. Сверх того, хочу здесь поработать, гербаризирую etc. Сегодня хотели начать борьбу с саранчой, но осмотр вчера утром убедил меня, что ее здесь у нас после дождя немного. Сегодня с ночи проливной дождь, и я думаю, что она не выдержит (вчера рано утром был маленький мороз!) – стоят холода. Здесь по поводу саранчи большое волнение. В окрестных местах больше всего ее у Вольского, липовских крестьян, <в> Каменке. Вольский уже давно ведет борьбу, вчера

и липовские крестьяне начали – она еще совсем маленькая, бьют ее метлами, выжигают поляны etc., но очень сомнительно, чтобы с ней справились. В иных случаях – как и у нас, где ее немного, – не знаешь, как ее истреблять, хочу пахать, а частью сжигать etc. Я очень надеюсь, что ливни и холода ее истребят. Очень усердно ее пожирают грачи, которые все, по-видимому, сделали из этого свою специальность. У нас пока яровые хороши, а рожь своего посева недурна, крестьянская в иных местах плоха.

Мне страшно хочется света, тепла – я мечтаю о юге, но когда-то попаду туда! Здесь среди холодов великорусской степи я исполняю все это устройство, и все помыслы мои идут лишь из чувства долга, нет сердца моего в этом. Как бы иначе, где-нибудь в Малороссии или еще лучше – еще южнее. Ты пишешь – нет исторических традиций в Крыму, но меня туда влечет в сильной степени моя любовь к греческой древности, к той эпохе, когда человеческая – и физическая и духовная – личность достигала такой красоты. Здесь было влияние Милета, Афин, отсюда на границе с незатронутым еще наукой и философией северо-востоком проникала высшая форма человеческой культуры до Перми и до степей Восточной Азии. Я думаю об этом, и бессвязно хорошее чувство родится во мне, и я что-то переживаю.

Незадолго до отъезда из Москвы я был на разрытии старинного городища под Москвой, около с. Коломенского. Это старинное – думают, финское поселение, бывшее здесь еще до прихода русских: как бы начало Москвы до Москвы. Археологи уверяют, что оно существовало за немного столетий до или после Р.Х. Приблизительно в то время, когда на окраине этого темного царства, там, где ты теперь, относительно жила высшая культура. Народ жил здесь долго: так называемый «культурный слой» имеет очень большую мощность; укрепление было выбрано превосходно – на высоком берегу, окружено валом, кругом был лес. Здесь сменилось много поколений – и что они оставили, чем жили? Тяжело становится. Их жизнь проходит перед нами целиком – находят орудия домашнего обихода, оружие, орудия рыболовства etc. из камня и кости, изредка из железа и меди, это стрелы, копья, молотки, гарпуны, иголки etc., etc., масса костей животных, отчасти обделанных, много гончарной посуды (в том числе детские игрушки) грубой отделки; занимались и земледелием, торговлей (золоченые бусы неместного производства). Для чего они жили целыми поколениями? Какая это тяжелая, грустная, ужасная, непросветная жизнь даже тогда, когда она выражается в виде каких-нибудь сельских идиллий или как она рисуется в старых народных песнях или эпopeях. Из года в год, из поколения в поколение – если бы здесь жили Филемоны и Бавкиды³, и то бы это было ужасно! Знаешь, единственное, что мне показалось просветом среди темного царства, – это орнамент посуды и ее в иных случаях форма. Здесь чувствуется какое-то стремление куда-то вдаль от этой темной будничной жизни – от заботы о желудке, судьбе потомства etc., etc. В этих, иногда красивых формах почти единственное проявление тех высших ступеней сознания, которые ведь были присущи человеку и в это время. Но как все это ничтожно. Невольно родится вопрос: что бы найдено было в нашей крестьянской деревне по сравнению с этим старинным поселением? Или даже с поселением времен княжеских – как то видно по Княжой Горе? Какая тут жизнь кругом, кругом!

Я глубоко убежден и все более убеждаюсь, что есть единственная возможность сделать культуру прочную – это возвысить массы, сделать для них культуру необходимостью. Для меня один выход для достижения и развития высших форм сознания – это устройство общества в демократию (но не социал-демократию).

Крепко целую тебя, Гусю⁴, мой сердечный поклон близким.

Я этим летом хочу побывать по дороге в Крым или из Крыма в некоторых рудниках юга России – ртутные, соляные etc.

Дорогой читал, между прочим, «Horace» George Sand⁵, и чем более ее читаю, тем более она мне нравится. В ее произведениях чувствуется другая сторона либерализма (демократии), вражда, которая должна быть – это по отношению к семье, к личности etc.

Тутя, собирай мне цветы.

Твой Владимир

А немецкие социал-демократы! Прелюбопытно и чрезвычайно важно. Мне представляется чрезвычайно поучительным: 1) разгром либералов, которые, по идее (демос), не могут быть сторонниками буржуев, и 2) превышение демократических тенденций над социализмом в программе (практической) немецких социал-демократов.

Оп. 7, д. 40, лл. 26–29.

¹ Имеется в виду Попечительство о безлошадных крестьянах Моршанского уезда Тамбовской губернии, пожизненным членом которого был В.И. Вернадский с 1892 г. (см. письмо № 295 и комментарий № 2 к нему, т. 2).

² Фамилия написана сокращенно, личность установить не удалось.

³ Филемон и Бавкида, по греческой легенде, неразлучная и любящая чета, незлобивая и радушная.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ См., например: *Sand George. Horace*. P.: C. Levy, 1880.

№ 367

10 июня 1893 г., Вернадовка

Вернадовка, 10.VI 93

Дорогой мой Натусик, мой светик нежно любимый, моя радонька, так хочется быть скорее возле тебя. Я не знаю до сих пор, как ты устроилась и как себя чувствует Гуська¹ – напиши, что его селезенка. Удобно ли тебе, моей дорогой детоньке...

В последнем письме пишешь ты об общих разговорах с Л.В.² и пишешь об общем мирозерцании, в котором сквозит идея пантеистическая. Я совсем не могу понять пантеизма, как не могу понять счастья и цели в слиянии с природою или того удовлетворения, какое дает сознание, что твоя погибель (а в данном случае вся жизнь, в сущности, сводится к умению хорошо погибнуть) полезна для общего. Для меня единственно и понятна религия, где есть вечно сущая бессмертная личность – и всякое божество мне представляется вторичным явлением в религиозном чувстве человека. Я не могу понять пантеизма как религию еще потому, что он допускает единство мира, мировые

законы и т.п., одним словом, целое – природу – как нечто несомненное, и мне кажется, все это есть фикция, есть создание человеческого сознания или духа... Ну да об этом долго писать, но много, часто приходится вспоминать все эти вопросы и скользить по ним мыслью, так как невольно чаще и чаще, большее и тяжелее мысль на них останавливается. Приближаешься ведь к концу жизни, и кто знает, сколько осталось прожить. А при постоянном настроении мысли на таких вопросах и при скепсисе любопытен становится и этот последний шаг.

Я мало работаю, как-то неможилось это время. Были большие холода, сегодня первый ясный теплый день. Немного читаю, немного гербаризирую, собираю жуков и клопов – пытаюсь определять, вдумываюсь, учусь, но все как-то не к ладу. Читаю с большим интересом Сергеевича «Русские юридические древности»³ – вот заставляет думать, и в связи с нею родится масса, масса вопросов. Для меня много здесь нового. Любопытны изменения форм русской жизни в разные периоды, закрепощение народа etc. Удивительно сильно вылезает коренная связь самодержавия с определенным общественным строем и его nonsens⁴, если этот строй не будет восстановлен: теперешняя борьба крепостников есть, в сущности, борьба за самодержавие, так как оно тесно связано коренным образом с крепостным правом. Земству грозит сильный удар – с земской медициной, и является опять вопрос, как тут быть – не может ли быть высказано в них по этому поводу свободное слово, хотя бы связанное и с прекращением этой деятельности лицами, его высказавшими.

Целую тебя, мою единственную, мою радость. Когда буду с тобою – не знаю.

Твой Владимир

Получила ли письма мамы, Янжул⁵ etc.?

Оп. 7, д. 40, лл. 30–31.

¹ Г.В. Вернадский.

² Возможно, Лев Васильевич Келлер.

³ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1890–1903. Т. 1–3.

⁴ Бессмыслица (лат.).

⁵ В письме от 15 июня 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «Ты спрашиваешь, получила ли я письмо Янжул, а я первый раз о нем слышу. Верно, пропало» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 33).

№ 368

12 июня 1893 г., Вернадовка

Воскресенье, 12.VI 93, Вернадовка

Дорогой мой, родной Тутик – 3 дня нет письма от тебя, мое серденько, моя единственная, любимая. Я все сижу здесь, в настроении неважном, но несколько развлекаюсь природой. Определяю и изучаю растения, насекомых, и как-то мысль и душа строятся правильнее и как-то бывает хорошо. Кончаю счета. Сегодня начинаем сжигать саранчу – завтра пришлют рабочих (от земства). У меня эти дни по вечерам были гости – член Управы Кот.¹ и о. Петр из Каменки². Много любопытного из земской деятельности – вмеща-

тельство губернатора³ в разные мелочи, приводящее к нарушению им закона. Я подумываю о том, как быть с такими фактами при ревизии Управы (так как я тоже член ревизионной комиссии); одно упущение очень важное, так как он не утвердил (и сделал выговор Управе) лицо, заведовавшее продовольственной операцией, хотя по закону ему сообщается факт назначения лишь к сведению. Управа не протестует, по совету Чолокаева⁴, но я думаю, что создан очень опасный прецедент и собрание должно взглянуть на это иначе. Всматриваясь ближе в окружающую жизнь, я очень мрачно смотрю на земскую деятельность и думаю, что недолго придется быть в ней, так как правительство хочет и может превратить ее в *nonsense*⁵. Если из земской деятельности будет фактически изъята медицина и школа, как к этому идет, и всюду будет начальствовать перст губернатора, быть в земстве не стоит. Правительство отказало земству Моршанскому в ссуде, и снова станет, думаю, вопрос о школах. Я был в Подъемской школе. Уже после моих выборов Вольский, который был попечителем ее несколько лет и в течение нескольких лет ничего не делал для школы, вдруг прислал поправлять. Знаешь, я хочу достать волшебный фонарь и устроить зимой чтения для всей округи: он должен передвигаться из одной школы в другую. Ал. Ив.⁶ берется с радостью вести это дело и из местных: священник, учитель etc. найдутся. Ужасно непроглядна крестьянская жизнь, она тяжела, невыносима экономически, но она ужасна и в духовном отношении. Право, работать для одной сытости нельзя, и такая деятельность меня, по крайней мере, не удовлетворит. Волшебный фонарь с рядом картин должен находиться на хуторе, и тогда никакого разрешения ни от кого спрашивать нечего. Я пишу Калмыковой, чтобы узнать о стоимости.

Я читаю теперь некоторые из статей Осипа Андреевича⁷ и Clerke «History of astronomy dur. XIX cent.»⁸ (у меня издание 1887, в последнем – 1893 – вероятно, есть и про Иосифа Андреевича?) и все больше увлекаюсь своей старой страстью. Я даже мечтаю, что через несколько лет заведем телескоп, и при распланировке сада оставляю для сего поляну. Если уже жить на таком севере, так надо, по крайней мере, обставить жизнь. А летом с небольшим телескопом массу можно делать наблюдений – учиться.

Крепко целую тебя, мою дорогую детоньку, мою пташечку, мою нежную. Так хотелось бы часто, часто быть с тобой. Целую Гусю⁹. Нашим мой дружеский привет.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 32–33.

¹ Возможно, доктор медицины Александр Иванович Котовщиков – инспектор Врачебного отдела Тамбовского губернского правления.

² Священник в с. Каменка о. Петр Трескин.

³ Губернатором Тамбовской губ. в 1893 г. был Владимир Платонович Рокасовский.

⁴ Николай Николаевич Чолокаев в 1893 г. был Тамбовским губернским предводителем дворянства.

⁵ Бессмыслица (лат.).

⁶ Возможно, Александр Иванович Котовщиков, о котором идет речь в начале письма.

⁷ Иосиф (Осип) Андреевич Клейбер.

⁸ Clerke A.M. A popular history of astronomy during the nineteenth century. 2-d ed. Edinburgh: A. & C.Black, 1887; 3-d ed. L.: A. & C.Black, 1893.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 369

16, 17 июня 1893 г., Вернадовка

Вернадовка, 16.VI 93

Дорогая моя Натуся, моя милая птичка, сегодня еду в Тамбов, но когда еще попаду к тебе – не знаю, совсем боюсь, что очень мало мне придется быть в Крыму, так как в Москве мне надо быть к 20 августа, а, думаю, следует даже неделей раньше, да и в августе следовало бы побывать в деревне. Поездку на Тамань, должно статься, придется отложить, так как едва ли успею. В очень я неподвижном настроении также для этого.

17, утро

Поезда по новому расписанию переменены, и придется ехать сегодня утром. В этом году переменили и всюду поезда, так что сообщение с Москвой стало гораздо менее удобным – ехать приходится дольше на несколько часов, оказывается так же и с Тамбовом. Вот так реформы с переходом дороги в казенное ведомство! Вообще чем больше вглядываешься, тем более думаешь о том, что едва ли годное может выйти из казенных управлений, и у нас на Руси все такие попытки прямо-таки вредны.

Очень мне хочется из Тамбова уже сюда не возвращаться, а ехать прямо в Полтаву и затем к тебе, так как всего-то у меня месяц какой-нибудь в моем будет распоряжении. Но думаю, так не придется, моя радонька милая.

Сегодня сделал неприятное открытие: рожь и так не особенная, на ней еще немного было попорчено и гессенской мухой, а теперь ее очень усердно и сильно кто-то поедает – по-видимому, кузька (жук). Вот недоставало-то! Я его еще заметил давно, но меня уверяли, что это похожий и для ржи полезный. Вот так полезный-то. Если не он, так все-таки отчего-то колос гибнет.

Очень спешу, моя дорогая Натуся, потому кончаю письмо.

Целую тебя, Гуська¹, наших. Что Гусек? Как он себя в Крыму ведет? Что делает?

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 34–35.

¹ Г.В. Вернадский.

№ 370

18 июня 1893 г., Тамбов

Тамбов, 18.VI 93

Дорогой мой, ненаглядный Тутик, дела так складываются, что я не знаю, когда попаду в Крым. Сегодня еду опять в Моршанск, чтобы поторопить с нужными бумагами, и затем еду, вероятно, в Питер, если есть надежда уладить все это дело около 2–3 июля – оттуда уже в Крым. А если уладить будет нельзя, то придется ждать здесь и, пожалуй, вся процедура кончится не раньше середины июля. Ни о какой экскурсии тут и думать нечего, может быть, приеду на недели 2–3 к тебе и поживу, немного отдохнув. Давно надо устроить себе кредит, так как фактически мы так все и обходились. Очень следует серьезно обсудить наше финансовое положение, я думаю, что при

кредите около 3000 руб. мы свободно можем обходиться. Все это письмо мое будет деловое, моя рыбешка, так как я этим теперь главным образом занят. Мы получаем около 3200 руб. в год из университета, но получаем неправильно, благодаря чему нам необходимо иметь в своем распоряжении сумму до 800 руб. для пополнений всяких. В среднем мы бы должны были довести жизнь до 270 руб. в месяц для того, чтобы иметь возможность вполне стать на ноги. Теперь же, не считая 300 руб. Паше¹, взятых Гревсами, у нас имеется масса долга: 700 руб. Мите², 600 руб. Марку³, 200 руб. Сахарову, 200 руб. Марии Ивановне⁴ и 75 руб. Георгию⁵, т.е. 1775 руб.! Это объясняется: 1) Переходом без капитала к своему хозяйству и устройству Вернадовки. У нас оставалось 1000 руб., но не хватало на жизнь в Москве, так как я до сего года получал на 800–900 руб. меньше; мы истратили 1000 (руб.) с лишком на семена, около 400 руб. на инвентарь и затем 3700 руб. на постройку – на них и заняты 600 руб. Марка и фактически и все остальное, так как в этом году мы дохода с имущества не трогали. 2) В этом году (считая с прошлого лета) мы истратили много на не себя: *α*) жизнь в Яковцах, *β*) Элли Ивановна⁶ и Аннушка⁷, *γ*) расходы Ади⁸ в Москве, *σ*) разные расходы в связи с голодом и т.п. Я думаю, вообще необходимо точнее учесть наши расходы. Выйти из этого положения я предполагаю: 1) занять под соло-векселя 2000 руб. и расплатиться со всеми этими долгами, кроме Пашиного; 2) из этих 2000 руб. погасить 500 руб. в конце августа, 500 руб. в конце декабря и 1000 руб. в конце марта – из доходов по имению. Однако ввиду необходимых там расходов я думаю, нам 1000 руб. опять придется взять в марте или апреле, и этот долг у нас останется. Нам следует постараться прожить не более 3500 руб. в этом году, хотя я боюсь, что это мало. Чтобы ты могла судить более правильно о наших тратах, я присылаю тебе выписку о приходе и расходе денег в Вернадовке с 1-го апреля 1892 г. по 1 апреля 1893 г.

Приход:

1. За аренду земли с крестьян	1753 руб.	93 коп.
2. За гуменные корма с крестьян	112	90
4 ⁹ . За рожь	1855	68
5. За просо	182	59
6. За полевые корма	67	50
7. За картофель	12	20
8. За овес	920	90
9. За сено	138	68
10. За горох	953	90
11. С железной дороги	78	34
12. Разные получения	77	10
13. За порчу леска и обесценение земли с Землячской ж.д.	180	
	<hr/>	
	7335 руб.	72 коп.

Сверх того, в имение внесено мною в этом отчетном году 1715 руб. Из всех этих доходов лишь пункт 13 случайный. Доход с 4, 8, 9 будет увеличиваться, по 1 с будущего года несколько уменьшится (в этом году летом он будет значительно больше – около 2000 руб.).

Расход за истекший год был следующий:

1. Постройка дома, кухни, ледника, переноска и поправка амбаров etc.	3140 руб.	34 коп.
2. Инвентарь (телеги, сохи, плуги etc.)	220	31
3. Семена	40	75
4. Почта, телеграф, пересылка денег, канцелярские принадлежности	25	72
5. Плата поденным	86	44
6. Жалованье Попову (часть за прошлое)	673	
7. Устройство сада	106 руб	
8. Содержание рабочих (часть этой суммы была фиктивная, и я с середины года – с октября – уже ввел в число расхода лишь денежные траты на покупку мяса, соли etc.)	205 руб.	14 коп.
9. Поездки в Моршанск (около 4–5 поездок по делам благотворительности – Стебута etc.)	30	77
10. Жалованье рабочим	183	82
11. Ремонт старых построек	6	35
12. Покупка лошадей	75	
13. Деготь и мазка	4	19
14. Гербовый сбор	5	68
15. Ковка etc. лошадей	5	16
16. Уборка ржи	100	95
17. Размол ржи и обработка проса	12	17
18. Молотьба ржи и овса	161	45
19. Страхование	79	64
20. Уборка овса	22	98
21. Подсев хлебов	26	64
22. Уборка гороха и т.д.	38 руб.	24 коп.

Я оставляю в стороне разные текущие расходы, которые всегда покрываются доходом, и беру лишь такие, которые в оборот не входят:

Обрывка канавами и обсадка кустов	40 руб.	8 коп.
Вычистка пруда и исправление плотины	40	
Составление землемером плана имения	131	81
Подати	310	
Банк	475 руб.	50 коп.

Мы получили с имения 1386 руб. 16 коп., т.е. фактически, считая постройку etc., внесли в текущем году в имение 330 руб. и ничего с него не получили. Теперь, в этом году, расходов все-таки предстоит немало, хотя гораздо меньше. Из больших расходов – следующие:

- 1) постройка двора – около 500 руб.,
- 2) краска крыши и другие расходы по дому – около 200 руб.,
- 3) сад – около 150–200 руб.

Надо произвести и некоторые другие расходы, которые должны быть сделаны в случае твоего приезда: 1) покупка пары порядочных коней – около 200 руб.; 2) покупка рессорного экипажа – около 150 руб.; 3) исправление плотины etc., таково же устройство молотильного тока etc. – около 100 руб.; 4) покупка обмеллировки – около 150 руб.; 5) покупка коров – около 100 руб. Как видишь, расходы предстоят значительные, и было бы самое благоразумное прожить, взяв с имения меньше. В общем, считая плохой урожай ржи, мы можем получить д 4^{1/2} тыс. руб. этим летом и осенью.

Дом, кажется, хорош, но окнами и дверьми я очень недоволен и боюсь, что они будут холодные. Кстати, напиши скорее, в какую краску выкрасить крышу: в зеленую или коричневую. Зеленая вдвое дороже, но прочнее. Я разбил план сада. Только с этой осени он будет садом, до сих пор сад и двор вместе. Я думаю, что будет недурно. Примут двор (вероятно, поручу всю эту работу Архипу Екушеву, который постоянно работает у меня и который шлет низкий привет Влад. Вас.¹⁰) etc., и, прекратив езду через плотину, пруд будет чист: скота пускать не буду, а вырою на дворе, далеко от пруда, колодезь. Почти вся новая посадка принялась. Отделаю лишь часть сада, так как все дорожки очень дорого. Новую засадку буду делать все-таки дольше.

Я теперь погружен весь в планы и хочу изменить систему обработки. Именно думаю ввести черный пар. Чем больше вдумываюсь и вглядываюсь в нашу местность, тем более убеждаюсь в странности явления, что она страдает от засух, тогда как в общем она довольно сильно отличается от обычных степных мест и дождя падает достаточно, лишь очень неравномерно. Мне кажется, путем внимательной обработки, засадки etc. возможно всегда обеспечить влагу в почве, а это главное, и на это надо обратить все внимание. У меня вырабатывается целый план изучения этого вопроса в нашей местности в связи с практическими вопросами: влажность почвы в связи с обработкой и рельефом, водопроницаемость ее, явления росы и грунтовых вод. С будущего года начну я эти исследования. Наша земля весьма отличается, думаю, от чернозема, и свойства ее не изучены. Есть много вопросов, которые интересны и для практики и требуют в то же время знаний естественно-исторических, которых так кругом мало. Из финансовых соображений я не

решаюсь – несмотря на ее выгодность, по-видимому, – пускаться в посадку свеклы и решаюсь еще лишь на введение черного пара или ранней весенней пахоты пара. Условия хозяйства позволят мне, сверх того, увеличивать [стог] без травосеяния – это большая выгода нашего участка. Ну, да об этом Туте – не интересно ведь.

Я в Тамбове читаю и работаю – на бивуаках это не особенно удобно. Видеть людей мне не хочется и даже как-то неприятно – почему и сижу в номере. Начал читать Вейсмана «Etudes sur la sélection et l'hérédité»¹¹, но мне хочется читать с тобой, моя дорогая птичка, и я отложу до Крыма или Москвы, когда станем читать вслух. А я теперь кое-что читаю о Крыме, о механической обработке почв etc. и начал читать книгу Боймкера о теориях материи в греческой философии¹². На этом отдыхаю от текущей жизни.

Целую тебя, мою любименькую, Гусика¹³ поцелуй и наших.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 36–40.

¹ Павел Егорович Старицкий.

² Д.И. Шаховской.

³ М.М. Любоцинский.

⁴ Старицкая.

⁵ Георгий Егорович Старицкий.

⁶ Лерке.

⁷ См. комментарий № 5 к письму № 362.

⁸ А.А. Корнилов.

⁹ № 3 пропущен в подлиннике.

¹⁰ Очевидно, Владимир Васильевич Келлер.

¹¹ *Weismann August. Essais sur l'hérédité et la sélection naturele: (Contient 11 etudes)*. P.: C. Reinwald, 1892.

¹² *Baeumker C. Das Problem der Materie in der griechischen Philosophie*. Münster, 1890.

¹³ Г.В. Вернадский.

№ 371

21 июня 1893 г., Моршанск

Моршанск. 21, июнь 1893

Дорогая моя Натуся, теперь окончательно выяснилось, что я раньше конца июля или начала августа в Крым не попаду. Даже при самом ускоренном темпе получения кредита едва ли удастся его привести к исполнению к концу июля, а в это время уже будет возможность получить деньги и из имения. Брать денег еще частным образом в долг – совсем запутаешься, лучше переждать до конца июля. Меня очень беспокоит, как ты взяла денег у твоих – на каких условиях, да еще очень боюсь, что подвел я Митю¹. Поэтому никак не могу послать ничего и Аннушке², письмо которой мне не понравилось, тем более что, со слов Егора³, я имею возможность думать, что деньги у них идут на хозяйство. Это, конечно, не дело. Егору я выплатил вперед жалованье за месяц – он послал их Аннушке, хотя я очень боюсь, что деньги эти идут не туда, так как он, получив деньги от Грабаря и Келлера, запил, и, следовательно, и тут могло быть так же, хотя он и давал всякие обещания. Устройство

кредита я все же решил ускорить и для этого поеду еще в Пичаево⁴, а затем в Тамбов и потом застряну здесь. У меня есть около 100 руб., но эти деньги совсем необходимы здесь по хозяйству.

Удивительная волокита – русское чиновничество. Здесь я занимаюсь ловлей бумаг и справок о моем имении, и все сие любопытно. Сколько лишней, никому не нужной потери времени, лишних, ненужных трат! Так, я начал дело теперь месяца 1 ¹/₂ – 2 уже, и если его не ускорить, оно продлится месяца 4 еще! Так, по словам исправника, бумага от них старшему нотариусу идет обыкновенно около месяца (по словам старшего нотариуса, они держат до 2 месяцев) – и ее же мне удастся, по-видимому, получить в 3 дня! По поводу той же справки в Земскую управу обращался старший нотариус, по его же заявлению туда же о том же Уездное полицейское управление и Казначейство!! Я сперва ехать хотел в Питер, но теперь оказывается это ненужным, так как из Питера оно имеет все шансы прийти в Моршанск. Конечно, это все отчасти моя вина – надо было начать хлопоты не в мае или апреле, а в январе. В другой раз буду умнее. Кстати, спроси Сергея⁵, можно ли ему поручить покончить дело с Гославскими, так как Елиз.⁶ непременно просит кончить дело скорее в С.-Петербурге. Тогда я поручил бы Сергею окончить это дело. Много времени оно не возьмет.

Настроение мое скверное и не от того, что все лето проходит у меня в возне с квартирой, переездом и всякими делами, и не от того, что моя поездка в Крым фактически пропала, потому что что же я увижу в какие-нибудь 3 недели, а из-за недовольства собой, из-за чувства своего дилетантизма, отсутствия умения мыслить и согласно мысли действовать. Масса навалившихся на меня дел едва ли здесь много виновата – недовольство это глубже и тем неприятнее. Оно связано с несоответствием между жизнью и мыслью. Так, при том положении, при каком мы находимся в России, я не могу уйти в одну науку, да и при теперешнем положении русских университетов это чрезвычайно трудно. С другой стороны, нет никакой возможности настоящей политической борьбы при том строе жизни, при каком мы живем. Заниматься наукой и вести политическую борьбу – возможно более сильным людям, чем я, а у меня нет ни знаний, ни таланта, ни рабочей силы, для этого потребных. Теперь выходит ни то ни се. Если бы я мог что-нибудь сделать для науки, то только не в России, и, право, я не знаю иногда, к чему проводить здесь бессмысленную жизнь раба, когда можно, ликвидировав дела, жить свободным человеком на Западе. Можно бороться там за Права России и не в качестве лукавящего, связанного по рукам и ногам раба, а в качестве раба, ставшего свободным человеком и борющегося свободно за других. Меня душит все здесь – и собственное бессилие, и рабьи мысли, рабьи чувства, и рабьи удовольствия кругом. Всюду залезли холопы и мелкие людишки московских государей и татарвы, и они с дикой, томящей радостью и самодовольством всюду высоко напоказ несут свои знамена, свои принципы. Я понимаю один ответ на все это – это свободное слово, это критику, протест против всего, что здесь совершается, но это невозможно и по двум причинам – этого нельзя в России, и на это у меня нет знаний, нет таланта, нет умения. Я не могу выразить, ...чувствуя, не умею передать другим ни чувства стыда, ни чувства горя и злобы, которые часто [душат] мучают, бессилият меня. Знаешь, бывает так, когда понимаешь, а передать, сказать, сообщить другим не можешь...⁷

Крепко, крепко целую тебя, мою рыбку, дорогую, любимую. Пиши мне чаще, моя нежная, любимая. Гусю⁸, наших целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 41–44.

¹ Д.И. Шаховской.

² См. комментарий № 5 к письму № 362.

³ См. комментарий № 5 к письму № 354.

⁴ С. Пичаево – Моршанского уезда Тамбовской губ.

⁵ С.Ф. Ольденбург; в открытке от 1 июля 1893 г. он писал В.И. Вернадскому: «Милый мой, конечно, согласен насчет школы брата действовать. Напиши подробно: что, где и как?» (ф. 518, оп. 3, д. 1194, л. 23).

⁶ Личность установить не удалось.

⁷ Концы строк текста, начиная со слов: «Я не могу выразить...», размыты водой, плохо читаются.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 372

[27 июня 1893 г., Вернадовка]¹

Дорогая моя Натуся, совсем мало пишется. От тебя я имею лишь коротенькие цидулечки. Я посылаю эту карточку и сегодня, может быть, буду писать тебе, мой светик ненаглядный. Получила ли ты план квартиры – я послал его тебе еще из Москвы. Вышел новый закон о соло-векселях, который, может быть, ускорит получение денег. Здесь я теперь читаю, определяю растения, несколько вхожу в хозяйство. Целую тебя крепко. Сейчас надо на поезд.

Твой Владимир

Мой родной, дорогой Тутик, Гусю² поцелуй.

На обороте: Бююк-Ламбат, Южный берег Крыма, Е.Вр. Наталье Георгиевне Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 45.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

№ 373

29 июня 1893 г., Вернадовка

Вернадовка, 29.VI 93, утро

Дорогая моя, от тебя не было давно писем, и, наконец, вчера я получил твою записку, где ты пишешь, что не знаешь, куда мне писать. Должно быть, мои письма пропадают. Я давно уже писал тебе, что дела складываются так, что я не попаду в Крым раньше конца июля, а, может быть, приеду лишь в начале августа. Удивительная это затхлая, безжизненная сила – русское чиновничество, и вся масса никому не нужной переписки, которая связана с каждым без исключения делом. Несмотря на все старания ускорить дело, не

думаю, чтобы мне это вполне удалось, и давай Бог, если я смогу получить деньги к середине июля.

Я теперь сижу здесь и несколько работаю, впрочем, очень немного. Оз-накопился более или менее со здешней флорой, наблюдаю саранчу и других насекомых, вдумываюсь в хозяйство, которое меня некоторыми сторонами глубоко интересует. Я думаю, что возможно, например, поставить вполне правильно хозяйство так, чтобы не страдать от засух, и у меня вырабатывается целый план исследования в пользовании почвенной и атмосферной водой – путем устройства лесков, сохранения болотцев, черного пара и т.п. Много стало ясно теперь, и лишь экономические соображения заставляют не делать того, что считаешь лучшим, например, следя за обработкой крестьян, видишь, как они портят землю и должны портить, так как даже желающие не могут обработать наемной земли хорошо – им приходится в самое нужное время идти на отработку к помещикам, и они запускают свою землю, а уже не говоря о наемной, цена которой так высока, что не делает выгодным для них ее хорошую обработку. Обычные мои съемщики – егуны¹ – совсем разорились (им опять плохо: рожь у них не уродилась – у меня в общем средняя, а к их полям ниже среднего, а у них еще хуже моей), и теперь главный контингент съемщиков – пичаевцы. Я полагаю в течение 4 лет прекратить раздачу земли крестьянам – тут совсем чувствуются экономические «законы», заставляющие подаваться отдельные хозяйства в определенную сторону, и это, как все более общее, любопытно. До сих пор наш посев был 36 десятин из каждого поля (в 160 десятин), с этого года он будет 56, в будущем году 80, в 1895 г. – 120, и в 1896 г. прекращу раздачу. Может быть, и раньше, если это окажется возможным по экономическим соображениям. Наше хозяйство страдает главным образом: 1) плохой и несвоевременной обработкой земли, 2) плохими семенами и 3) очень скверным посевом. Первая причина теперь исчезнет. Я очень хочу избавиться от 3-й и понемногу начну изменять семена. Рожь уже в этом году начал улучшать, а с будущего года хочу завести семена хорошего овса и сеялку, но на это потребуется затрата около 180 руб., и я при массе разнообразных затрат еще не решил – хотя так долго вести все будет нельзя. В хозяйстве меня сильно интересует сторона, связанная с жизнью природы (и моей теорией гармонии, или равновесия: я боюсь, что это сделается источником моих ошибок, так как я всюду вижу ее подтверждение, а может быть, я прав в своем воззрении на природу?) и с общим влиянием широких экономических и общественных условий. Менее интересны столкновения с личностями, с людьми, но это ведь неизбежно и в общественной жизни, и в университетской, и в частной. Конечно, хорошо бы было жить среди друзей. А тут мне иногда хочется никого не видеть.

Кончил я книжку Виндельбанда «Geschichte der antiken Philosophie»², которую прочел залпом, и много, хорошо думалось: любопытны и ценны указания ⟨на⟩ изменения исторической перспективы, указания на связь с христианством etc. Еще более угадывается, чем может быть доказано. Теперь одолеваю с трудом плохую книгу немецкого гелертера³ Боймкера «Das Problem der Materie in ⟨der⟩ griechischer Philosophie»⁴ и с великим интересом и вниманием кончаю первый том Лассвица «Geschichte der Atomistik»⁵ и изучаю с наслаждением Duhamel'я, «Cours d'analyse infinitésimale»⁶ Какая это любопытная штука – бесконечное. Из Lasswitz'a некоторые главы прочтем вместе: этот

метафизик и умен, и силен мыслью, а некоторые учения, им разбираемые, чрезвычайно интересны, например Мухаммедский «Mutakallimun»⁷ и т.п.

В одном письме ты пишешь возражения против значения сознания в «мире». Я эти возражения не могу счесть возражениями – многое хотелось бы написать, но не знаю, смогу ли. Ты пишешь, что: 1) сознание количественно наблюдается так мало в мире, что не может быть главным фактом мировой жизни и 2) оно является поэтому как бы роскошью, и главная масса мировых процессов бессознательны, отсюда 3) развитие сознания не может являться целью. Кажется, я так сформулировал твои или Л.В.⁸ возражения. Мне хочется по поводу них высказать свои сомнения. 1) Я не понимаю, почему главные явления жизни природы и вырабатываемая ею цель должны занимать количественно главное место. Ведь это чисто антропоморфическое представление. 2) Из наблюдаемой природы мы как раз должны ожидать обратного (хотя это и не необходимо): везде, где является целесообразность, например цветков в связи с явлением опыления их, количество гибнущих семян в связи с уцелевшими и т.п. 3) Мы даже не можем судить о количестве сознания в мире, так как сам мир есть продукт нашего сознания, по аналогии мы можем сознания не видеть, как не чувствуем давления на нас атмосферы и т.п. 4) Есть один факт развития Земли – это усиление сознания, хотя я допускаю, что, может быть, через миллионы лет пойдет обратный процесс. Но ведь для нас – продуктов этой жизни Земли – едва ли явится желательным работать в последнем направлении, а я думаю, что многое зависит от работы лиц, одаренных сознанием. 5) Наконец я не понимаю жизни без сознания. Мне представляется так: есть в жизни течения регрессивные, которые тянут человека к тупой, тяжелой, чувственной, животной жизни: они накладывают свою печать на все совершающееся, и в этой же жизни является другой элемент – небольшой – зерно прогресса – силы сознания. Она тянет вверх – она является результатом огромного количества затраченной Землею работы для выработки более высоких форм. Иногда первая побеждает и вторая сторона заглушается: это было даже большей частью, и большая часть человечества явилась нам в виде дикарей, варваров и т.п. Сила сознания в них есть, но слаба, и она выражалась лишь в коллективных работах, в некоторых сказках, песнях, мифах и т.п. Но в некоторой части человечества сила сознания развилась, и это соответствовало общему процессу «природы» (как она рисуется сознанию – тут *circulus vitiosus*⁹, и такие племена выдвинулись (большая аналогия с палеонтологическим развитием форм и гибелью побочных ветвей) – еще шире двинутся они, когда сознание сознает свою силу, и еще больших, высших ступеней оно может достигнуть, какие – трудно сказать. Та «жизнь», которая будто бы может быть целью человека только потому (по моему мнению), <что> ему такой рисуется, что в ней существуют люди, несущие знамя сознания и ими уже глубоко окружающая нас жизнь проникнута: что бы случилось с «жизнью» – во что бы она превратилась, если бы такой сознательной работы не было? Что бы было, если бы лица, могущие развивать сознание, его не развивали бы – во имя чего? Я не ставлю целью жизни человека – принесение пользы другим людям (долго объяснять – почему), но не могу не указать, что: 1) людей, могущих развивать сознание в стране, по многим причинам, немного, и горе той стране, где такие люди зарывают тот огонь, который теплится в них, и скрывают, искажают его святое воздействие, и

2) никогда этого не может быть везде, а потому – те народы, где лица, могущие развивать сознание, исполняют свою обязанность, будут сильны, отсюда следует, что другие народы будут жить хуже и в общем нарушается равновесие развития человеческих племен. Я считаю печальной чертой русской теперешней жизни странное и непонятное для меня отношение к науке как к роскоши. По-моему, в этом еще сказывается некоторое варварство нашего общества...

Я много думал в связи с историей науки. Мне хочется написать о значении личности в развитии человеческой мысли. Я мало верю в массовые силы в истории. Много думал и о печальном недоразумении русского интеллигента – общине. Какой, в сущности, русский человек – холоп в душе!

Крепко целую тебя, мою дорогую любимую Тутю. Пиши.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 46–50.

¹ «Егун, ягун, ягунами называли по Волге белорусов, смолян и вообще тех акальщиков, которые произносят окончание *ago, ego*, как оно пишется, а не как; принято: *аво, ево*» (В. Даль. Толковый словарь. М.: Худ. лит-ра, 1935. Т. 1. С. 529).

² См., например: *Windelband Wilhelm. Geschichte der antiken Philosophie. München: Beck, 1912.*

³ От немецкого слова «*Gelehrte*» – ученый.

⁴ См. комментарий № 12 к письму № 370.

⁵ См., например: *Lasswitz K. Geschichte der Atomistik von Mittelalter bis Newton. Bd. I. Die Erneuerung der Korpuskulartheorie. Leipzig: L. Voss, 1926.*

⁶ См., например, работы Дюгамеля: *Duhamel J.M.K. Cours d'analyse de l'Ecole polytechnique. P.: Bachelier, 1847. 2t.; Eléments de calcul infinitésimal. P.: Mallet-Bachelier, 1856. 2 vol.*

⁷ Об этом см. в книге К. Лассвица (ком. 5), главу «*Die Atomistik der Mutakallimun*» (S. 134–146).

⁸ Возможно, Л.В. Келлер.

⁹ Порочный круг (лат.).

№ 374

1 июля 1893 г., Вернадовка

1.VII 93, Вернадовка

Дорогая моя Натуся, получил твое письмо, а то от тебя не было писем. Дурочка, думала, что я так скоро могу приехать. Клубок запутывается все больше, и для меня совершенно не ясен день выезда. Может быть, я в Полтаву поеду лишь на обратном пути (когда Нинина¹ свадьба? напиши) – ничего, впрочем, не знаю. С нашим чиновничеством каши не сваришь. Например, в Тамбове старшего нотариуса я спрашивал, нужно ли что платить сверх приложения гербовых марок, он ответил – ничего, а теперь присылает известить, что не вышет долгового свидетельства, пока я не совершу целого ряда мелких доплат – отчего задержал, и что я мог сделать тогда же! Еду сейчас в Моршанск.

Ты пишешь о Вернадовке². Признаюсь, я не вернадовский патриот – меня не тянет куда-нибудь, чтобы быть связанным с местом, а для меня необходимость вожжаться с людьми здесь – составляет печальную и очень непри-

ятную обязанность. Я знаю, что домом Вернадовка быть никогда для меня не может. Меня будет тянуть отсюда. Я хочу для лета места, где бы можно было работать и думать – совсем отвлеченно. У меня выясняется все больше и больше план истории развития человеческого знания – написать его надо много лет, можно бы, казалось, потратить на это всю жизнь, а свободным временем для работы и мысленя по складу нашей жизни будет являться только лето. И жаль мне проститься со старыми мечтами и употреблять это лето на «связь с местностью» и на тот идеал летней жизни, который чувствуется в твоём письме и который меня совсем не привлекает. Поэтому я не хочу летнего пребывания – постоянного из года в год – где-нибудь близко к деревне, к крестьянству. Я хочу иметь возможность жить где-нибудь, где теплее, где лучше природа, где больше лета и больше свободы. Меня привлекает поэтому очень Крым или некоторые места Кавказа, и я мечтаю о том, чтобы купить там небольшой клочек земли, где бы можно было жить и работать каждое лето. По состоянию наших финансов, я думаю, это может быть сделано очень скоро. Если я теперь вожусь здесь – строюсь etc., то лишь потому, что: 1) это неизбежно, дабы получать доход, 2) потому что не знаю, как могут сложиться обстоятельства ввиду всяких политических etc. усложнений, и 3) потому что ценность имения падает при таком способе хозяйства. Я содрогаюсь в ужасе, когда мне рисуется вся моя жизнь здесь среди противной и чуждой мне природы, не заключающей прелести южной степи и северного леса, но заключающей все их недостатки, среди чуждого мне великорусского племени. Я пишу тебе все это, потому что мне кажется, ты слишком поверхностно смотришь на мое стремление к югу и сознание возможности «связи с местностью» лишь в Малороссии. Но юг для меня важнее³. Можно все перебороть, но во имя чего? Зачем и для чего? Никогда душа моя не будет здесь спокойна, и всегда меня будет тянуть dahin, dahin⁴... Если мы будем проживать – несколько лет – лишь университетское жалованье, то возможно, взяв под имение, легко и без осложнения купить клочек земли в Крыму ценою 20–25 000 руб. Признаюсь, я даже мечтал, что тебя привлечет так Крым, сознание его пользы для Гаги⁵ etc., что ты сама увлечешься этой моей давнишней мечтою, и никак не ожидал, что тебя потянет сюда, где я всегда себя буду чувствовать – в тюрьме. Разве если сошлют сюда – ну, тогда можно и здесь жить, можно даже хорошо жить, потому что всегда в природе найдешь интересное и глубокое...

Эти дни хорошо работалось, и я витал среди отвлеченных фантазий и теорий о строении вещества и среди математических. Продолжаю читать Ласвица⁶, Дюгамеля⁷ и между ними читаю Reye «Geometrie der Lage»⁸, и все это сильно занимает и сильно волнует меня... Еще так много, так много мне совсем неизвестного, и такого основного, и такого существенно важного для критического отношения к миру.

Ну, пока довольно.

Целую тебя, рыбешку мою дорогую, Гусю поцелуй. Что он делает? Всего тебе лучшего.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 51–53.

¹ Нина Егоровна Старицкая. В письме от 26 июня 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «Нинина свадьба отложена до сентября» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 48).

² В письме от 24 июня 1893 г. из Карабаха Н.Е. Вернадская писала: «Очень интересно было, что ты мне написал о делах Вернадовки. Мне очень хочется в будущем году туда поехать и больше входить во все дела. Я очень рада, что ты вычистил пруд и рассаживаешь дальше сад [...] Очень мне приятно, что ты думаешь над вопросами, связанными с обработкой земли, для которых требуются знания естествоиспытателя. Мне кажется, это страшно важная культурная задача для окружающего населения и тебя свяжет с местностью Меня сильно влечет в Вернадовку, хочется также основать свой дом, и чувствую потребность в таком доме, где бы нас многое связывало бы с окружающей жизнью» (ф. 518, оп. 3, д. 259, лл. 41 об.; 44).

³ В письме от 5 июля 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «Ты пишешь о Крыме, о том, что Вернадовка не может быть домом, и пишешь с какою-то грустью и болью, предполагая, что я рисую тебе план местной жизни, несогласный с тем, к чему тебя влечет и любовь к югу, и стремление [создавать] место отвлеченной работы мысли [...]

Мой любимый [...] Меня тянуло в Вернадовку, потому что ты там работаешь и говорил часто, что еще много придется работать в ней. Думал устраивать научную станцию, служить в земстве заниматься хозяйством. Если Вернадовка тебе не может дать этого удовлетворения, то я совсем никогда не буду настаивать на ней. Меня самое Крым бесконечно больше влечет к себе, и если я говорила, что мечтаю о жизни в Вернадовке, то потому что хочу проводить лето с тобой, делить всю твою жизнь. И конечно, никакая самая яркая, сияющая природа не сможет мне заменить тебя, потому что и прелесть юга, и польза его для Гаги не является еще для меня всем. Я прежде всего хочу жить общей жизнью с тобой, думать, быть вместе» (ф. 518, оп. 3, д. 259, лл. 55–56).

⁴ Туда, туда (нем.).

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ См. комментарий № 5 к письму № 373.

⁷ См. комментарий № 6 к письму № 373.

⁸ *Reye Theodor. Die Geometrie der Lage: Zweite vermehrte Auflage. Leipzig: Baumgärtners Buchhandlung, 1882. Bd. 1,2.*

№ 375

3 июля 1893 г., Вернадовка

3, июль, 1893, Вернадовка

Дорогая моя Натуня, моя славная птичка! Очень я рад, что Суслова дала такой утешительный отзыв¹ и что ты, моя милая дурочка, хорошо себя чувствуешь. Только все-таки очень-то себя не распускай.

Относительно денег вот что: было бы очень большим облегчением и весьма упростило бы все, если бы ты устроила так, чтобы Георгий² или Паша³ послали 700 руб. Мите⁴ (ст. Курба, Ярославского уезда, Ярославской губ.). Меня очень тревожит, что я поставлю его в трудное положение, а между тем чем дальше, тем более сомневаюсь в возможности получить деньги из банка к 15 июля. Устрой это, моя рыбка: тебе удобнее писать. Деньги все эти можно вернуть Паше или Георгию самое позднее – в конце августа. Если это дело устроено, мне телеграфируй. Об экскурсии на грязевые вулканы и на нефть я оставил помышления. Если бы иметь рублей 50–100 на первое время, приехал бы в Крым сейчас по подаче заявления в банк, т.е. недели через 1 1/2. Может быть, и выеду, получив жалованье, т.е. числа 25 июля, а до сих пор пиши мне сюда. Ничего не поделаешь, мой милый Тутик. Здесь я занимаюсь: частью читаю, частью математикой. Что Гуся? Как он себя чувствует и что делает: пусть напишет. Целую тебя и наших.

Твой Владимир

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Ее Высокопревосходительству Наталии Георгиевне Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 54.

¹ Н.Е. Вернадская в письме от 26 июня 1893 г. писала о посещении врача Н.П. Суловой: «... повидалась с Суловой. Она меня подробно исследовала и находит, что я могу себя считать вполне выздоровевшей и здоровой женщиной [...] Она говорит, что теперь важно, чтоб я и все, особенно ты, меня считали здоровой. И это такое новое захватывающее наслаждение. Какое-то чувство внутренней свободы и нравственной силы. Мой дорогой, так мучила меня эти годы ради тебя моя болезнь. На твою жизнь тоже падет отблеск моего выздоровления, тоже даст свободу и независимость какую-то. Можем ехать, куда хотим, и не жить больничной жизнью» (ф. 518, оп. 3, д. 259, лл. 46–47).

² Г.Е. Старицкий.

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Д.И. Шаховской.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 376

5 июля 1893 г., Вернадовка

5, июль, 1893, Вернадовка

Дорогая моя девонька, моя милая Тутя, я все еще здесь и не знаю, когда выберусь. Лето прескверное – нет достаточно тепла, каждый день дожди, сыро, ветрено, нехорошо. На меня всегда очень сильно и очень скверно ложится окружающая природа. Мне хочется не уезжать отсюда, не передавать дела в банк, а когда будет – с русским чиновничеством дела не сладишь, не знаю. Полезно и весьма сталкиваться с жизнью в каком-нибудь деле. Например, для меня теперь ясна логическая ошибка, которую кругом делают и делал и я, например, говорят – необходимо, чтобы железные дороги были в руках государственной власти, но из этого не следует, чтобы они были переданы в руки нашей теперешней государственной власти, а лишь той, которая не является источником рабства для граждан. Самый сильный буржуй-купец лучше чиновника как представителя власти, основанной на принципе рабства. Очевидно, лучше не в этическом, а в общественном смысле. Для меня все яснее и яснее стало, как жизнь в государстве, где все управление основано на рабстве и на отрицании человеческого достоинства, проникается затхлым – люди в этой атмосфере с трудом и усилием в состоянии подняться выше нее и ориентироваться в своем положении. Я много думаю все это время, но урывками – иные дни как-то не работается. Теперь моя мысль крепнет, по крайней мере мне так кажется, в некоторых политических вопросах – все глубже меня интересует вопрос о федерализме как основе правильного демократического строя и о прогрессивном подоходном налоге – последний, по моему убеждению, может и должен принять иную окраску в руках федеральной демократии: значительная часть основанных на рабских принципах выводов социализма (особенно – русского) потеряет при этом свое практическое значение...

День мой проходит абы как. Довольно правильно занимаюсь математикой, кое-что читаю (II-й том истории атомистики Лассвица¹, «Русское государственное право» Алексеева²), но все-таки очень я недоволен собою и тем, как я делаю все, и тем, что мало делаю, и то, что нужно, – не делаю.

Меня все более занимает мысль – посвятить – серьезно – свои силы работе над историей развития науки. И хочется и колется: чувствую для этого недостаток образования, малые силы своего ума по сравнению со стоящей задачей. На много лет такая работа, так как много надо самому к ней готовиться. Меня интересует не одна прагматическая сторона, хотя важно связанное изложение самого хода развития, согласно новейшим данным. Ничего подобного нет в литературе. Меня привлекает мысль о возможности некоторых обобщений в этой области и о возможности этим историческим путем глубже проникнуть в понимание основ нашего мировоззрения, чем это достигается – путем ли философского анализа или другими отвлеченными способами. В начале перед изложением хода развития науки мне хочется разобрать некоторые отдельные вопросы, которые сами по себе важны, – таковы вопрос о наследственности, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о самих способах открытия научных истин (особенно любопытно изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания научного). Мне кажется, изучая открытия в области науки, делаемые независимо разными людьми при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире. С этой точки зрения интересны биографии таких лиц, как Леонардо да Винчи, Роджер Бэкон, Роберт Гук и т.п. Здесь все интересно – и то, что отдельная личность среди общей тьмы была в состоянии сделать за сотни лет правильные выводы и т.п. Очень интересны и вопрос о лживом и его значение в развитии науки.

Надо кончать, а то опоздает на почту. Целую тебя, родную мою.

Твой Владимир

Я писал в прошлом письме – не можешь ли написать Паше³ или Георгию⁴ и достать 700 руб. для Мити⁵ (ст. Курба) к 15 июля – это чрезвычайно развязало бы мне руки. Можно вернуть им в конце августа. Телеграфируй мне об этом⁶.

Оп. 7, д. 40, лл. 55–57.

¹ См., например: *Lasswitz K. Geschichte der Atomistik von Mittelalter bis Newton. Bd. II. Höhepunkt und Verfall der Korpuskulartheorie des 17 Jahrhunderts. Leipzig: L. Voss, 1926.*

² *Алексеев А.С. Русское государственное право: Лекции доц. А.С. Алексеева. М., 1883–1884. Изд. литогр.*

³ П.Е. Старицкий.

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ Д.И. Шаховской.

⁶ В письме от 10 июля 1893 г. из Крыма Н.Е. Вернадская писала: «... ты [...] пишешь, что в предыдущем своем письме писал о том, чтоб я у Паши или Георгия заняла 700 руб. для уплаты Шаховскому к 15 июля и немедленно тебе телеграфировала о результате. Но я твоего предыдущего письма не получала, оно, очевидно, пропало. Писать же Георгию или Паше было уже поздно [...] решила занять 700 руб. у Владимира Карловича. Эти деньги были у него на руках, и это был скорейший способ доставания денег. Надеюсь, что они придут к сроку. Телеграфировала и Мите, и тебе о высылке их. Освободит ли тебя эта уплата (я заняла деньги до конца августа, придется уплатить %, которые Владимир Карлович заплатит в банк) и придешь ли скорее?» (ф. 518, оп. 3, д. 259, лл. 59–60).

10 июля 1893 г., [Вернадовка]¹

10 июля 1893 г.

Дорогой мой Натусик, моя родная, любименькая птичка! Очень я удивляюсь, что пропало письмо Янжул и план квартиры. Кажется, все это было в одном конверте, и он очень топорщился, и я даже думал, что он того и гляди не дойдет, и какой-нибудь негодяй заинтересуется. Там же было и письмо моей мамы. Отсюда, кажется, письма не пропадают, но я полагаю, что большая неурядица здесь царит вообще с почтой. С этого года почтовое сообщение с Москвой и Тамбовом почти на сутки сделалось длиннее, а какие новые порядки, ясно из того, что в Вернадовке из Москвы газеты мы получаем часов в 8 вечера, а в Моршанске, который к Москве ближе, на другой день около 12 часов дня! Говорят, большие неурядицы и в Рязске. А все же с письмами неприятно. Любимая, получила ли ты мое письмо перед письмом от 1-го, где я писал, между прочим, о тех основаниях, почему я считаю основной задачей – увеличение «сознания» в мире?²

Я совершенно потерял надежду всякую добиться толку более или менее скоро с правом на соло-векселя. Но ведь даже, право, смешно и грустно – как всякая вещь в существе основана на протекции и обходе закона. Мне теперь неприятно, что я начал всю эту возню о кредите – легче бы добиться кредита в каком-нибудь частном учреждении под большой процент, но уже теперь я, наверное, переплатил всю разницу. Завтра еду опять в Моршанск. Мне хочется не уехать отсюда, не подав заявления в банк, так как я боюсь каких-нибудь новых требований, усложнений etc. Затем уеду отсюда, оставив доверенность Попову получить деньги, да недели через 2–3 и здесь начнутся денежные поступления, и мы расплатимся с главными долгами, частью отсюда. Если я приеду без денег, то недели через 2 можем получить их в Крыму из имения. А мне очень сильно хочется к тебе, моя дорогая птичка, уменькая дурочка моя.

Относительно плана квартиры могу я тебе ее нарисовать на память, хотя это и не будет вполне точно³. Вот, кажется, и так. Кое-как разместился, моя неоценимая Тутя. Мой ненаглядный цыпик. Что Гусик?⁴

Эти дни как-то не работается и не читается. Читал любопытные лекции Осборна «Present problems in evolution and heredity»⁵ много, много заставляют думать. Целую тебя [...]

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 57а–57б.

¹ Из содержания письма видно, что оно написано в Вернадовке, где В.И. Вернадский находился до 15 июля.

² См. письмо № 373.

³ Далее нарисован схематический план квартиры.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ *Osborn H.F. Present problems in evolution and heredity // Smit. Inst. Annu Rep. 1892. Washington, 1893. P. 313–374.*

№ 378

[13 июля 1893 г.]¹, Моршанск

Моршанск

Моя дорогая, умненькая дурочка, Натуся моя любимая! Пишу из Моршанска. Еду скоро к тебе, так как с соло-векселями ничего не поделаешь, и я оставляю их идти своим путем и жалею немного о своем малороссийском упрямстве, заставлявшем здесь добиваться. Я выехал бы завтра, но в Земятчине, судя по описанию, найдена масса остатков ихтиозавров, в том числе гемос, и я хочу завтра туда ехать. Так что выеду через несколько дней. Мой любименький Тутик! Когда попаду к тебе, не знаю, так как, может быть, и заеду куда-нибудь по дороге.

Относительно града улучшилось. У нас потерь меньше, чем я ожидал, но кругом страсть. В Сосновке, Подъеме, Липовке, Васильеве, Шереметеве и т.д., у одного Вольского из [990] десятин посева 450 истреблены сплошь, а 500 [испорчены], вроде моего, у подъемских крестьян 50 десятин не дадут сполна и пр., и пр.

Целую тебя, мою родную.

На обороте: Биюк-Ламбат, Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 58.

¹ На открытке штемпель Симферополя «18 июля 1893», судя по другим открыткам, из Моршанска письма шли приблизительно 5 дней.

№ 379

15 июля 1893 г., [Вернадовка]¹

Дорогой мой, умненький, маленький Тутик, пишу чуть ли не последнее письмо, из Вернадовки выезжаю завтра или послезавтра.

Четверг, 15.VII 93

Выезжаю завтра днем. Не знаю, когда буду с тобой, моя родная. Очень мне хочется быть скорее с тобой, но, очень может быть, я еще останвлюсь кое-где. Если выеду завтра днем (в пятницу), то в понедельник днем буду в Феодосии, а оттуда уже скоро ведь до вас? Но я думаю, что поеду более дальним путем (стоит столько же, около 25 руб.) на Новороссийск, и тогда постараюсь осмотреть выходы нефти в Ильской станице [цементный комбинат], около Новороссийска, etc. – так ведь я пересеку часть Кавказа! Если не очень задержусь, то во вторник буду в Керчи (а может быть, в среду), где пробуду некоторое время, так как хочу осмотреть сопки etc. Ты напиши мне в Керчь до востребования. Я не знаю, как к вам удобнее (цены etc.) пробраться из Керчи или Феодосии. Я хочу пешком, если не будет болеть нога, которая что-то разболелась.

Целую тебя крепко, мою дорогую, нежную.

Твой Владимир

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, Ее Высокопревосходительству Наталии Георгиевне Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 59.

¹ Письмо написано в Вернадовке, что следует из его содержания: «... из Вернадовки выезжаю завтра».

№ 380

24 августа 1893 г., Полтава

Полтава, 24.VIII 93

Дорогая моя Натуня, мое серденько! Пишу тебе карточку, чтобы письмо это дошло раньше. Твоих всех я застал здесь в хорошем состоянии: все более или менее поглощены Нининой¹ свадьбой. Здесь Евдокия Ивановна² и Анастасия Сергеевна³. Георгию⁴ я телеграфировал. Я говорил с Марьей Ивановной⁵ об Ан.⁶, и она хочет их устроить: Егора поваром и Аннушку при нем без особенно определенного дела⁷. Она тебе об этом будет писать. Я пробуду здесь до 27 или 28 и затем еще заеду, может быть, на день-два к Паше⁸, а потом в Москву. Хочется уже за работу.

Мой дорогой Тутик, очень я беспокоюсь, не утомилась ли ты в Ялте, и с большой нетерпеливостью жду твоего письма. Знаешь, был разговор о Сегоне⁹ (я скрыл то, что ты хотела), и я, обдумав, думаю, что как все были бы рады Маше¹⁰ с Катей¹¹, так Сегоню сюда везти не годится. Особенно, если бы Мария Ивановна поняла, а она поймет (так как считает его общество вредным Гаге¹² и Кате, не зная даже всего). И мне бы было больно за Сегоню везти сюда.

Целую тебя, мою родную, дорогую, и Гусика, и наших.

Твой Владимир

Сколько стоит участок около Келлера – для Маки¹³? Егор Павлович¹⁴ очень одобряет мысль мою о покупке земли в Крыму¹⁵.

На обороте: Биюк-Ламбат, Южный берег Крыма, имение «Карабах», Ее Высокопревосходительству Наталье Георгиевне Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 60.

¹ Н.Е. Старицкая.

² Голицына.

³ Зарудная.

⁴ Г.Е. Старицкий.

⁵ Старицкая.

⁶ Аннушка.

⁷ Аннушка и Егор – прислуга Вернадских в Москве; Вернадские устраивали их в Полтаве в более благоприятных климатических условиях, так как Аннушка заболела туберкулезом.

⁸ П.Е. Старицкий.

⁹ С. С. Ольденбург.

¹⁰ М.С. Гревс.

¹¹ Е.И. Гревс.

¹² Г.В. Вернадский.

¹³ Мария Егоровна Старицкая.

¹⁴ Старицкий.

¹⁵ В.И. Вернадский приобрел земельный участок в Крыму в 1913 г.

№ 381

28 августа 1893 г., [Полтава]¹

28 августа 93

Дорогая моя, совсем нет тут времени писать. Сегодня ночью уезжаю. Хочется скорее за работу, но и в Москве будет нудно без моей дорогой цыпки, моей любимой, родной Тути. Так бы хотелось, чтобы ты была скорее со мной.

Сегодня утром еду с П.П.² в оп.³ поле и буду иметь с ним разговор о земских делах. Паша и Георгий⁴ приехали.

Мой родной, дорогой Тутик, подробнее напишу с дороги или <из> Москвы.

Твой Владимир

Гусю⁵ поцелуй.

На обороте: Биюк-Ламбат. Южный берег Крыма, имение «Карабах», Ее Высокопревосходительству Наталии Георгиевне Вернадской.

Оп. 7, д. 40, л. 61.

¹ На открытке штемпель отправления: «Полтава».

² Возможно, Петр Павлович Старицкий.

³ Одно слово написано сокращенно и неразборчиво.

⁴ П.Е. и Г.Е. Старицкие.

⁵ Г.В. Вернадский.

№ 382

31 августа 1893 г., Москва

Москва, 31 авг. 1893

Дорогая моя, родная Натуся, мой светик нежнолюбимый... Я так был рад получить от тебя письмецо. Я здесь со вчерашнего дня и начинаю понемногу устраиваться. Лекции начну со следующей недели – хочу раньше съездить в Моршанск, где 5-го будет экстренное Земское собрание и где необходимо свести все счета, так как Попов кое-что напутал, да и вечные дожди нанесли, по-видимому, большой убыток. Всего на поездку потрачу не более 3–4 дней. Оттуда тебе распоряжусь и высылкой денег; в случае чего продам рожь, как это ни неприятно. Здесь Грабарь, который на днях уезжает в Дерпт¹, видел Ивана Ильича². Им всем нравится наша квартира. Иван Ильич дает совет, который мне очень понравился, а именно: 2 комнаты (спальную и предполагаемую столовую) соединить маленькой дверью и таким образом устроить 2 спальные комнаты: последняя будет вместе с тем и твоим будуаром. Право, Тутя, это будет самое удобное для жизни. Напиши мне немедленно, если ты согласна, так как надо работу произвести до твоего приезда. Я очень одобряю этот план. Мои полки не помещаются. Я хочу сделать или доверху, или поставить одну полку с книгами в коридоре. Егор³ здесь. Я не знаю, как ты решишь с ними, но предпочитаю, чтобы ты все это устроила после своего приезда – отчасти из эгоистических видов⁴.

С Иваном Ильичом много разговаривали. Много, много планов и всяких у меня начинаний, а времени совсем мало. В университете все пока по-старому. Здесь большое впечатление произвела отставка Марковникова⁵, произведенная чрезвычайно грубо. Я мало знаю Марковникова, и очень он мне не нравится – да и слышишь больше о нем дурное, но выгонять так человека: это слишком. Право, нет никакой ни в чем уверенности.

Здесь я все более и более мечтаю о Крыме. Непременно осмотри имение Воскресенского около Кастели⁶. Чем более я думаю и разговариваю (с Егором Павловичем⁷, Петрункевичем), тем более склоняюсь к покупке. Я тогда начну зимой хлопоты о деньгах и к лету буду иметь до 30 тыс. Петрункевич указывает еще одно имение около Симеиза, стоимостью около 20 000 – 70 десятин. Оно продается так дешево совершенно случайно. Попроси Владимира Карловича⁸ осмотреть с тобою имение⁹ Вознес.¹⁰

Все это время у меня уйдет на разборку вещей, на приготовление к лекциям и на поездку в Моршанск. На следующей неделе примусь за научные работы. Но мне сильно недостает тебя здесь, моего родного Тутика, хотя я теперь и досажаю на себя, что тянул тебя на разборку: уже лучше перенести без тебя эту гадость.

Крепко целую тебя, Машу¹¹, Гусю¹². Келлерам, Винбергам сердечный поклон.

Петрункевичи будут в Крыму и заедут к Келлерам и познакомятся с Владимиром Карловичем. Если ты будешь там, то прямо проедут к тебе из Ялты до Симеиза.

Целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 62–63.

¹ См. комментарий № 10 к письму № 354.

² Петрункевич.

³ См. комментарий № 5 к письму № 354.

⁴ См. комментарий № 7 к письму № 380.

⁵ Позднее В.И. Вернадский вспоминал: «В сентябре формально правильно, но по существу как политическая мера на место заслуженных профессоров В.В. Марковникова и А.Г. Столетова (академическая оппозиция) были назначены из Одессы Н.Д. Зелинский и Н.А. Умов. Они присоединились к академической оппозиции и вышли с честью из трудного положения» (ф. 518, оп. 2, д. 32, л. 77).

⁶ Кастель – гора на Южном берегу Крыма в 5 верстах от Алушты.

⁷ Старицкий.

⁸ В.К. Винберг.

⁹ См. комментарий № 15 к письму № 380.

¹⁰ Фамилия написана сокращенно, личность установить не удалось.

¹¹ М.С. Гревс.

¹² Г.В. Вернадский.

2 сентября 1893 г., Москва

Москва, 2 сент. 93

Завтра еду, моя дорогая, на дня два в Вернадовку и Моршанск – 5-го экстренное собрание¹, и мне необходимо быть в деревне, так как дожди грозят уничтожить $\frac{1}{2}$ урожая: дело усложняется тем, что у нас нет риги, и потому в дождливый год нам совсем плохо. Ригу же я буду строить в будущем году. Было бы выгоднее занять 300 руб. и построить ригу! Но я все боюсь зарваться и потому теряю.

Моя дурашка, пишешь послать Элли Ивановне 50 руб.², но у меня теперь совсем нет денег, и если только я теперь же не выручу в банке соло-векселя, то придется мне продать рожь, чтобы выслать тебе и Элли Ивановне. Ведь мы говорили с тобою в Крыму и решили не посылать! Как же Тутя перерешила? В Моршанском банке уже решен в благоприятном смысле мне кредит – они 6-го августа послали в С.-Петербург, но все нет оттуда ответа. В университете официальное открытие будет, говорят, 6-го, я начну лекции или 7-го или 9-го. К ним очень мало успел приготовиться, так как массу времени берет уборка книг etc. Надеюсь кончить: очень многие мелочи оставляю до твоего приезда. Я очень советую тебе поступить по совету Ивана Ильича³ и проделать дверь между спальней и «столовой» – там тогда будет наш семейный home⁴, обедать будем в столовой, и отдельно кабинет. У Ади⁵ же в комнате будет совсем отдельно⁶. Полки я сделаю до самого потолка и занимаю все свободные промежутки. Для карт хочу заказать стоячий деревянный футляр.

С Сахаровым устроился так, что он заложит на 200 руб. бумаги, а я заплачу %. Он будет у тебя в Крыму. Очень жду твоих сведений о Кагельской земле – я весь в планах приобрести землю в Крыму, где и устроить свой настоящий приют⁷.

На душе неважно. Хочется, чтобы ты была скорее со мною. Работается совсем плохо, а мысль идет не в тех областях, в каких приходится работать. Начал, впрочем, готовиться к 1-й лекции, читал новости, вышедшие за последнее время. Сахаров видел Митю⁸ и очень обеспокоен его состоянием, но выход ведь один – Мите нельзя быть ни учителем, ни земским служащим в настоящее время. Ему надо или ученую, или литературную карьеру. По моему мнению, если он не хочет жить литературой или хозяйством, то он должен в 2 года сдать юридический экзамен, поступить в присяжные поверенные. Ему ведь одна дорога – политическая деятельность. А для этого надо или иметь средства, или жить независимыми от правительства средствами: хозяйство, адвокатура, литература или техника. Капитализировав доход и уехав на 2 года за границу, Митя выйдет молодцом. Посылаю письмо Васи⁹ к Саше¹⁰, которое Саша просит вернуть. От Федора¹¹ получил [чепушную] карточку.

Целую тебя [...]

Твой Владимир

Гусика¹² целую и наших. Поклон сердечный Келлеру, всем. Ответь скорее.

¹ Имеется в виду Уездное земское собрание.

² Елли Ивановна Лерке была воспитательницей сына Вернадских Гули с 1888 по 1892 г. В письме от 28 августа 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «Сегодня получила письмо от Елли Ивановны [...] Елли Ивановна едет в Петербург, она будет искать место, а пока вышли ей скорее 50 руб. по следующему адресу: Васильевский остров, 5 линия, д. 58. Пожалуйста, исполни эту мою просьбу скорее. Она задолжала 15 руб., столько же ей нужно на дорогу и 20 руб. до приискания места. Я ей их уже обещаю. Ведь это последнее, что мы для нее сделаем, а иначе она не поправилась бы. Вышли ей деньги скорее» (ф. 518, оп. 3, д. 259, лл. 83–84). См. письмо № 385.

³ Петрункевич.

⁴ Дом (англ.).

⁵ А.А. Корнилов.

⁶ В 1893 г. член «Братства» А.А. Корнилов жил с Вернадскими в одной квартире.

⁷ См. комментарий № 15 к письму № 380.

⁸ Д.И. Шаховской.

⁹ Очевидно, Василий Васильевич Водовозов.

¹⁰ Возможно, Александр Сергеевич Зарудный.

¹¹ Федор Федорович Ольденбург.

¹² Г.В. Вернадский.

№ 384

5 сентября 1893 г. Моршанск

Моршанск, 5 сент. 93

Дорогая моя Натуня, сегодня окончилось экстренное земское собрание. Я остаюсь в Моршанске, так как сегодня праздник, и я не мог ничего сделать а завтра покончу с банком, буду у нотариуса etc. Я надеюсь закончить все в один день, т.е. фактически получить кредит под соло-векселя, получить деньги etc. Из Москвы прошла бы еще неделя, по крайней мере. Я думаю распорядиться так, что я возьму 1500 на год и 500 руб. до 6 ноября (эти 500 руб. вернутся из имения), 600 руб. Паше¹ выплачу из имения не позже 15 декабря. Из 1500 руб. – 600 руб. пошлю Марку², 70 – Георгию³, 50 – Элли Ивановне⁴, 300 руб. – тебе, 200 – Сахарову – остальное останется нам до декабря, когда будет большая получка из жалованья. Мне бы очень хотелось не выйти из этой суммы – она представит собою весь наш долг (так как подати – 410 руб.), за все года выплачу также из имения. В общем, следовательно, итог наш будет тогда следующий:

Вложено в имение:

На постройку	дома	3500 руб.	
»	»	кухни, ледника	500
»	»	двора	500
»	сад	300	
»	инвентарь	400	
»	семена	около 2000 руб.	

т.е. вложено в имение около 7000 руб., тогда как из твоего капитала у нас оставалось около 2500 руб. Остальные 4000 мы истратили из дохода, сделав на все, на жизнь и имение долг по 4 $\frac{1}{2}$ % в 1500 руб. Я надеюсь в будущем году довести его еще меньше. И в этом году он был бы меньше, если бы не

несчастья: град и затем дожди! Рожь, например, я должен продавать, так как негде хранить, овес прорастает и т.д., и т.д. В общем доход будет значительно меньше, но мы обернемся при тех условиях и, сверх того, в этом году значительно увеличим хозяйство (на одни семена и обработку новых для ржи около 300 руб., столько же на яровые)...

В общем этот год очень поучителен. Крестьяне в очень многих местах оправятся, так как высокие цены на рабочие руки. «Крестьянский год», как говорят кругом. В общем чувствуется в иных отзывах даже озлобление. «Свиной буду кормить, а такую цену за уборку проса не дам им, подлецам!» – говорил мне один здешний помещик и лесничий. Редко когда проявляются так ясно и определено не только людские характеры, но весь экономический строй, как в такие обостренные минуты. Я очень себя плохо чувствую в среде работодателей, среди их appetitов, их вожделений, их рассуждений. Они нагнали на меня какую-то не то печаль, не то гадливое чувство. Изредка слышится более справедливое мнение (Чолокаев) – что и работы больше и выгодно заплатить дороже. А у многих так ясно сквозит: не хочется ничего лишнего отдать из дохода, хотя взять лишнее куда как желательно. Самое худшее положение в нашей местности, где и градом побило, и дожди все испортили – их было больше, чем где-либо. Из Земского собрания я вернулся очень не в духе. Мне ужасно тяжело видеть людей, ужасно неприятно с ними разговаривать, и ты не можешь себе представить, как мне тяжела вся эта процедура земских собраний и всяких собраний вообще вне кружка близких, дорогих людей. С годами все это усиливается и даже меня несколько тревожит, но я с таким бы удовольствием отошел бы ото всего этого, Я был секретарем собрания; оно решило отклонить предложение взимать крестьянские земские подати хлебом. Я мог бы быть, однако, доволен, так как мне удалось не допустить поставить вопрос о выражении благодарности правительству за его поддержку цен etc., etc., но в общем какая неприятная поднимается во мне самокритика, потому что я ясно и сильно чувствую всю неясность и неполноту моих знаний, мыслей и понятий в этой области; но довольно, Тутя, об этом. Так как-то тяжело, неприятно и грустно. Ну, да не беда.

Мысль моя все это время очень усиленно работает, но совсем не в направлении моих обычных научных работ. Я много и очень хорошо думал, и многое мне становится яснее в области философии науки, если можно так выразиться, и в области общественной жизни, и в области обычной житейской. В сущности, право, ведь и это все нудно, и даже иногда смешно станет, когда ловишь себя на мысли, что я чем-то чуждым и сторонним занимаюсь. А как много, много дается человеку при правильном углублении в размышление о жизни, в изучение и обсуждение основных научных понятий и общественных форм. Я много думаю над вопросом о способе познания научных истин, о законе (естественноисторическом) и наследственности. Мне хочется все это вместить во введение в историю развития ризико-химических наук и над ним начать работать! Но когда! Кругом все, все отрывает, а главное, Боже, хоть немного бы веры в свой дух, хотя бы немного самоуверенности. Право, даже завидуешь самоуверенным людям. В сущности, ведь они всегда больше достигают.

Ну, да довольно, моя родная. В очень уже я злом настроении.

Целую тебя крепко, крепко. Как долго еще тебя не будет. Неужели ты не приедешь до моего отъезда на Земское собрание (оно будет 2 октября, а я уеду из Москвы 30-го сентября)? Мне бы хотелось прожить с тобой подольше до отъезда.

Гусю⁵ целую и наших. Келлерам, Винбергам сердечный привет.

Твой Владимир

Читаю здесь Dickens «Christmas stories»⁶ и преинтересную книгу Пермского земства об экономических мероприятиях⁷. Прочел биографию Альфреда де Мюссе, которую тебе купил⁸. Написана Varine'ом плохо, очевидно, очень скудоумным французом, но как глубоко любопытна история связи Мюссе с George Sand. Varine на основании нового материала дает новое освещение. Болезнь Сергея⁹ меня опять серьезно заставляет думать над ложью в наших понятиях о браке etc. Даже не в учреждениях, а понятиях. Оттого и это все интересно.

Оп. 7, д. 40, лл. 66–67.

¹ П.И. Старицкий.

² М.М. Любошинский.

³ Г.Е. Старицкий.

⁴ См. комментарий № 2 к письму № 383.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ См., например: Christmas stories from «Household Words» and «All the year Kound» / Ch. Dickens. L.: Chapman & Hall, 1898. Vol. 1–5.

⁷ Возможно, один из номеров «Сборника Пермского земства», издававшегося Пермской губернской земской управой, начиная с 1872 г.

⁸ *Varine Arvéde*. Alfred de Musset. P., 1893.

⁹ С.Ф. Ольденбург.

№ 385

9 сентября 1893 г., Москва

Москва, 9 сент. 93, утро

Дорогая моя Натуся! Пишу тебе немного, так как надеюсь скоро увидеть тебя здесь. Завтра начинаются мои лекции¹, и я к ним готовлюсь. В университете теперь некоторая кутерьма: у нас новый декан², а теперь Боголепов подал в отставку³, так как он раньше Министерству ставил условием *sine qua non*⁴ сохранения им ректорства, чтобы против Столетова и Марковникова не было никаких приняты мер⁵.

Элли Ивановне⁶ деньги посылаю сегодня. Твою телеграмму о деньгах получил лишь вчера, и уже я отправил тебе 300 руб. на имя Келлера из Моршанска, так что твоя телеграмма запоздала. Адя⁷ вчера приехал, но я его почти не вижу: целые дни пропадает у какой-то барышни. Он совсем такой же, каким был в прошлом году по отношению к Ю.Л.⁸, но только теперь об Ю.Л. не говорит. Удивительно комичный в этом отношении он человек.

Крепко, крепко целую тебя, мою рыбку, Гусю⁹, поцелуй наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбою передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 69.

¹ В 1893–1894 учебном году у В.И. Вернадского на физико-математическом факультете Московского университета было 6 часов в неделю: 2 часа – практические занятия по кристаллографии и минералогии; в I полугодии – 4 часа кристаллографии, во II полугодии – 4 часа минералогии, кроме того, при содействии хранителя Минералогического кабинета Е.Д. Кислаковского Вернадский проводил практические занятия с паяльной трубкой. Одновременно на медицинском факультете университета читал краткий курс минералогии (1 час в неделю) и вел все практические занятия с паяльной трубкой и по определению кристаллов и минералов (2 часа в неделю).

² Декана физико-математического факультета Федора Алексевича Слудского сменил Николай Васильевич Бугаев.

³ Николай Павлович Боголепов был ректором Московского университета с 1883 по 1887 г. и в 1891 г. был вновь назначен министром на эту должность, вышел в отставку в 1893 г.; в 1895 г. получил пост попечителя Московского учебного округа.

⁴ Непременное условие (лат.).

⁵ См. письмо № 382 и комментарий к нему № 5.

⁶ См. комментарий № 2 к письму № 383.

⁷ А.А. Корнилов.

⁸ Очевидно, Юлия Львовна Любенкова – дочь Льва Владимировича Любенкова, владельца с. Понарино, Богородицкого уезда, Тульской губ., где в 1893 г. первоначально разместился центр по борьбе с голодом А.А. Корнилова. Ю.Л. Любенкова приняла деятельное участие в организации помощи крестьянам и их лечению.

⁹ Г.В. Вернадский.

№ 386

9 сентября 1893 г., [Москва]¹

9 сент. 93

Дорогая моя Наталочка! Я получил твою телеграмму Попову уже здесь дня через 2 после того, как выслал тебе 300 руб., так что я тебе в Полтаву денег посылать не буду. Паше отошли 100 руб., а 600 ему будут возвращены не позже 15 декабря. Я потерял адрес Елли Ивановны³! и просил сегодня Адю⁴ тебе телеграфировать: письмо пришло при разборке, и я, верно, вложил его с другими в старые письма. Вот неприятная рассеянность, а главное, Елли Ивановна, бедная, без денег. Сегодня начал лекции, в среду уезжает Грабарь⁵. Видел Миклашевского – он выдержал экзамен, очень устал и очень похудел. Напиши скорее, действительно ли тебе надо в день 18 бутылок молока, как ты написала, не стаканов ли? Он очень удивлен такому количеству, а я не мог дать ему никаких указаний. Адя третий день здесь, но я его совсем не видел и не сказал двух слов: он целый день вне дома, увлечен до невозможности какой-то барышней и когда войдет в себя – не имею понятия. Я не знаю, насколько этот год ему много дал что-то очень говорит смутное, и я, признаюсь, очень боюсь видеть опять не его, а его барышню, как тогда, помнишь, он повторял Ю.Л.⁶ Теперь он говорит о необходимости, как главного, распространения образования в народе (бесспорная истина), но это тот опасный путь, на котором лучшие люди сходили с дороги. Впрочем, может быть, все это старая

моя мнительность после прошлогодних повторений им мыслей Ю.Л. Начиная работать – больше для лекций, а с будущей недели в лаборатории.

Целую тебя крепко, мою родную.

Твой Владимир

Гусю⁷, наших целую.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 68.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² П.Е. Старицкий.

³ Лерке.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ См. комментарий № 10 к письму № 354.

⁶ См. комментарий № 8 к письму № 385.

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 387

13 сентября 1893 г., Москва

Москва, 13 сент. 93

Дорогой мой Натусик, сегодня получил письмо Келлера о вашем выезде и телеграмму Маши¹ о проезде. Надеюсь увидеть скоро и тебя – мою дорогую Натуську, хотя, верно, все-таки еще нескоро ты будешь. Да я так рад, что ты побудешь со своими. Как ты с деньгами? Я ведь 6-го отправил Влад. Вас.² – 300 руб. на его имя для передачи тебе. Он тебе, должно быть, перешлет в Полтаву. Очень я жду известий, как ты доехала и не очень ли устала.

Здесь еще все на бивуаке. В среду уезжает Грабарь³, который в этот день читает свои пробные лекции, и оттуда прямо едет в Дерпт. Адя⁴ вернулся и несколько отошел, начинает немного заниматься. Мы с ним немного говорили. Я очень занят – увлечен лекциями! Сегодня у меня было 2 лекции⁵, и я впервые читаю их с удовольствием – много думаю, и многое мне становится ясным, не знаю, как я все это передаю слушателям. По-видимому, однако, они слушают с интересом, потому что несколько человек приходили ко мне спрашивать меня о книгах для более подробного ознакомления с теорией кристаллизации, которую я им читаю вкратце (все-таки около 6–8 лекций) и главным образом стараюсь освещать с общей философской точки зрения: с точки зрения теории материи и связи наших отвлеченных воззрений с данными опыта и наблюдения. Я отбросил всякие формы и стараюсь читать кристаллографию, как я понимаю, – освещая сомнительные части с точки зрения моей. Курс выигрывает в цельности – и я могу проводить и развивать ту идею однородности, которая, в сущности, лежит во всех наших представлениях о материи. Ввел я и исторический материал (частью даже биографический) для выяснения и оценки основных понятий науки и генезиса ее законов. Курс я пишу сплошь и хочу так издать. Это совсем другое, чем составление лекций по запискам и конспектам. Как бы ни относились к лекциям – я думаю, что я,

со своей стороны, даю, что могу дать. Экспериментальная часть будет хуже, хотя теперь есть газ, много есть нового, и еще приобретем.

Медицинский курс⁶ прочесть также как следует, к сожалению, времени не будет.

Вообще я много времени трачу на курс. Теперь еще идет время на молодых минералогов. У меня появился еще один, который хочет заниматься минералогией, сегодня будет у меня к обеду – это Стрижов...

Хочу отправить скорее это письмо, моя дорогая.

Адя опять уезжает – в Питер: он совсем на себя не похож, и я думаю, что теперь у него было серьезное, но знаешь, что мне очень кажется тяжелым – что можно так меняться, как он изменился. Ну, да я ничего не знаю, так что судить не могу.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Гусю⁷, наших поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 40, лл. 70–71.

¹ М.С. Гревс.

² Келлер.

³ См. комментарий № 10 к письму № 354.

⁴ А.А. Корнилов.

⁵ См. комментарий № 1 к письму № 385.

⁶ См. комментарий № 1 к письму № 385.

⁷ Г.В. Вернадский.

№ 388

16 сентября 1893 г., Москва

Москва, 16 сент. 93

Для тебя одной.

Дорогая Натуся! Получил я твое письмо от 14-го. Очень рад, что ты скоро приедешь, хотя у меня чувство радости несколько туманится при мысли об известной эгоистичности моего чувства, так как я этим как бы лишаю Егора Павловича и Марию Ивановну¹ присутствия Гули². Во всяком случае, хорошо, что ты приедешь и возьмешь в свои руки ведение дома, а то у меня ни то ни се – много уходит времени, а мало толку. Наконец, многое мне безразлично, и я не знаю, как ты захочешь сделать. Теперь еще Егор³ опять запил – беда с ним. Но твой план устройства с ним мне совсем не подходит. Где я буду искать прислугу? Не лучше ли тебе с ним переговорить самой, тем более что я не знаю, как им быть: все-таки нельзя людей так бросать, а если ехать в Полтаву, то нельзя сразу. Лучше ты приезжай – Аннушка⁴ же не приедет сюда раньше конца месяца. Егор опять написал ей, да и ты, оказывается, писала⁵. Следовательно, пока будет один Егор (у него бацилл нет), ты подыщешь прислугу, не допустишь Аннушку приехать, и тогда, если он захочет, то поедет в Полтаву. Тем более что, как я писал тебе, Ади⁶ теперь нет. Он вообще вернулся из лета совсем другим, чем был. Теперь он в С.-Петербурге, и насколько я могу знать из его слов, он весь, по-видимому, в сильном чувстве к какой-то барышне-сибирячке⁷, с которой у него что-то не то ладится, не то нет. Поехал в С.-Петербург устраивать – заниматься не может, не то в голове. На меня он произвел тяжелое впечатление. У него

пропал всякий личный интерес: и Митя⁸, и Сергей⁹, и все, что его трогало так в нашей личной жизни, от него далеко. Вчера пришла телеграмма от его матери¹⁰ ему, что она беспокоится, не получая известий. А здесь он три дня уходил в 9 часов утра, возвращался в 2 ночи и когда провожал барышню свою, то уехал в Бологое, откуда вернулся совсем потерянным. Он, очевидно, и в Тульской губ. из-за этого так долго оставался и ездил все время к ней в Полтавскую губ. и т.д. Теперь хочет искать места и все говорит о месте¹¹ в Сибири. Я нисколько не скрою от тебя, что эта сильная личность его как-то на него, кажется мне, плохо подействовала – он точно поглупел. Должно быть, всегда в постороннем обществе влюбленные производят такое впечатление. Видишь – ему не до нас и не до квартиры¹². Да и отсюда он будет рваться – dahin, dahin¹³, хороший год: Сергей свалился, Митя тоже что-то вроде (Аннота¹⁴ пишет мне – нет известий, но я тоже ничего не знаю). Адя¹⁵ отошел. All right!¹⁶

Целую тебя и очень жду.

Твой Владимир

Над лекциями хорошо работаю.
Гусю, наших целую.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 72.

¹ Старицкие.

² Г.В. Вернадский.

³ См. комментарий № 5 к письму № 354.

⁴ См. комментарий № 5 к письму № 362, а также комментарий № 7 к письму № 380.

⁵ В письме от 28 августа 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «Написала Аннушке, чтоб она подольше оставалась в деревне и не выезжала бы оттуда, не получив от меня письма. Пусть Егор ей тоже об этом напишет» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 83).

⁶ А.А. Корнилов.

⁷ Наталья Антиповна Федорова.

⁸ Д.И. Шаховской.

⁹ С.Ф. Ольденбург.

¹⁰ Елизавета Николаевна Корнилова.

¹¹ А.А. Корнилов стремился в Сибирь, так как «барышня», по выражению В.И. Вернадского, Н.А. Федорова была из Иркутска и по окончании Высших женских курсов в Петербурге должна была вернуться домой, где у нее были старый отец, больная мать и две младшие сестры, которым она хотела дать возможность учиться на курсах в Петербурге. Кроме того, Наталья Антиповна была стипендиаткой Иркутской городской думы и считала себя нравственно обязанной отработать несколько лет городской учительницей. В письме к В.И. и Н.Е. Вернадским от 8.1 1894 г. А.А. Корнилов писал: «В конце концов, после раздумываний и колебаний я все-таки решил взять место в Иркутске в крестьянском делопроизводстве канцелярии генерал-губернатора, от которого раньше отказался ввиду того, что хотел вовсе не служить на государственной службе» (ф. 518, оп. 3, д. 814, л. 31). Назначение А.А. Корнилов получил в феврале 1894 г. и 8 марта выехал в Иркутск.

¹² В письме от 14 сентября 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «...отправила Аде письмо с просьбой объявить Егору и Аннушке о том, что они не могут остаться у нас, и предложить им место в Полтаве. Мне очень совестно перед Адей, что я навязала ему это неприятное дело, но иначе невозможно устроить ввиду спешности дела. Надеюсь, что Егор более или менее сдаст Аде квартиру и вещи и что вы найдете верную женщину до моего приезда. Когда же я приеду, я все устрою окончательно. Мне очень хочется, чтобы все это дело с Егором и Аннушкой взял на себя один Адя, а не ты. Это совсем не в твоём характере и только собьет с колеи работы. Адя же другой человек, эти житейские мелочи не так тягостны ему. Когда же я приеду, что,

надеюсь, случится очень скоро, то все, конечно, перейдет ко мне. Я на первое время оставляю горничной Дашу» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 95).

¹³ Туда, туда (нем.).

¹⁴ Анна Николаевна Шаховская.

¹⁵ А.А. Корнилов вспоминал: «Что касается Владимира, то он еще больше был огорчен моим решением бросить или, по крайней мере, отложить надолго свои научные занятия и вновь вступить в службу по крестьянским делам, то обстоятельство, что служба эта должна была происходить в новом, мало известном и в тот момент особенно интересном краю, мало его успокаивало и утешало. Он слишком ясно видел, что решение мое продиктовано мне страстью, а вовсе не теми разумными соображениями, которыми я старался его оправдать. Порою наши споры на этот счет принимали столь острый характер, что Наташа, опасаясь ссоры между нами, старалась всячески смягчить и умерить нападки Владимира на меня. Милый Владимир! Он был, разумеется, тысячу раз прав в то время, и хотя я не имею повода сожалеть о годах, проведенных мною в Сибири, и о делах, которыми мне пришлось там заниматься, так как занятие ими чрезвычайно расширило мой горизонт и обогатило меня весьма разносторонним жизненным опытом, тем не менее научные занятия мои, по крайней мере тою наукою, которою я тогда интересовался, были утрачены навсегда. И когда я вновь вернулся к занятию науками, то специальностью моею стала уже не политическая экономия, а история» (ф. 518, оп. 5, д. 68, лл. 79–79 об.).

¹⁶ Ладно! (англ.).

№ 389

16 сентября 1893 г., Москва

Москва, 16 сент. 93, утро

Тебе одной.

Дорогая Натуся, пишу еще несколько слов. Твой легкомысленный план привезти с собою Маку¹ привел меня в величайшее затруднение². По моему мнению, Макочку здесь у нас поместить, хотя с самыми небольшими удобствами, негде. И какая это у тебя фантазия, не поняв и не видав квартиры, так поступать! Посуди сама. Если в одной из маленьких комнат, выходящих в залу, будешь спать ты и Гага³ (я перейду в кабинет, который значительно меньше прошлогоднего, и опять эта жизнь на бивуаке!), то больше в этой комнате и повернуться нельзя. В комнате же рядом, по-моему, Мака не может поместиться, так как теперь, после того как проделали дверь (еще не окончили и если не окончат, то Маке совсем ехать нельзя, и тогда ты жди моей телеграммы), постель большого человека может поместиться лишь у наружной стены. И я думаю, что Маку поместить так нельзя. Затем твой стол может (если перенести большой диван в кабинет для спанья мне) поместиться лишь в зале, где тебе придется заниматься. И вообще: Мака больной человек – ей надо не только спать, но очень часто она должна быть целый день в своей комнате, и тогда негде будет в квартире повернуться, так как еще и от коридора, и от Адиной⁴ комнаты квартира наша теперь отрезана. Воображаю, какие будут прекрасные условия для работы! Положим, я могу уйти в университет. Затем, наконец, у тебя начнется катавасия с уборкой и новой прислугой: самые подходящие условия для лечения. Я очень прошу тебя не привозить теперь Маку, а приехать, осмотреться и затем решить, можешь ли ты поместить Маку хотя бы с некоторыми удобствами. На месте все увидишь сама лучше, чем теперь. Если Адя не будет с нами жить, то тогда мы можем очень удобно поместить Маку, а теперь, по моему мнению, это немислимо.

Целую.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбою передать Н.Е.Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 73.

¹ М.Е. Старицкая.

² В письме от 14 сентября 1893 г. Н.Е. Вернадская писала: «... со мною приедет на короткое время Мака полечить свои уши и горло. Устрой ее во второй комнатке (соседней с Адей)» (ф. 518, оп. 3, д. 259, л. 96).

³ Г.В. Вернадский.

⁴ А.А. Корнилов.

№ 390

17 сентября 1893 г., Москва

17 сент. 93, Москва

Мой дорогой, ненаглядный Тутик, мое счастье, моя рыбонька, я так, так рад, что ты скоро приедешь. Вчера послал я тебе письмо о Макином¹ приезде. Обдумав, думаю, что не беда, если Макочка немного будет стеснена – ей, может быть, даже это полезно, и, во всяком случае, как бы ей мало удобно у нас не было, ей хотя немного проехаться очень и очень хорошо и нужно. Больше всего должна смущать наружная стена, где будет постель, но стена очень толстая, так что я думаю, что ничего. Можно обить. Так что, думаю, как-нибудь ее устроим.

Моя родная девонька, мне не пишется, так хочется скорее увидеть тебя, мою любимую девоньку. Сегодня пришло заказное письмо к Аде², вероятно, об Егоре³. Но Ади, как тебе писал, нет, и он теперь весь поглощен своими похождениями, а Егор опять пьян! Оба они хороши. Скорее бы надо, чтобы все вошло в колею.

Крепко целую тебя, мою Тусю, и жду тебя очень. Гусю⁴ и наших поцелуй.

Твой Владимир

Я все с увлечением работаю для лекций⁵, пишу курс и многое придумываю для демонстраций – даже придумал снаряд, с помощью которого можно ясно объяснить теории строения. Закажу. Любопытно бы мне знать, какие теперь мои лекции, пока слушают. На необязательные занятия записалось столько, что не знаю, как справимся.

Целую.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 40, л. 74.

¹ М.Е. Старицкая.

² А.А. Корнилов.

³ См. комментарий № 5 к письму № 354, а также комментарий № 12 к письму № 388.

⁴ Г.В. Вернадский.

⁵ См. комментарий № 1 к письму № 385.

8 февраля 1894 г., Москва

Москва, 8 февраля 1894

Дорогой мой Натусик¹, сегодня как-то не работается, да как-то сгрустнулось. Утром я был у Цинка, того старика, который продает коллекцию минералов, и внимательно осмотрел его коллекцию – есть очень хорошие вещи, так что мы купим, что не будет очень уж дорого. Потом заходил к Кислаковскому, который собирается уезжать, но попал под ломового и сидит без движения. Надо было сводить счета, возился со счетами в университете, делал справки в канцелярии для Старынкевича и т.п. Потом с Орловым возился с прибором и приспособлениями для электричества. Позже физик Лебедев пришел по делу и просидел 2 часа! Домой вернулся усталый, и к обеду пришел Пав. Ив.² Он в четверг читает пробные лекции, а в среду уезжает на 2 года за границу. С ним говорили об университете, о философии, об Англии, Толстом и т.п. После его ухода я как-то мало мог заниматься со своей головной болью, читал «Северный Вестник»³, Well'я «Oxford and Oxford life» (очень интересная книжка), поправил корректуру⁴, но писать лекции – не пишется как-то, так что бросил. Пишу теперь тебе – напишу еще кое-какие письма и так буду читать кое-что.

Я хотел иметь известие о времени закрытия студенческого общества⁵, так как хотел было написать статью о нем и вообще о студенческих обществах⁶, но материала оказалось мало (в университетской библиотеке нет полных отчетов С.-Петербургского университета!). Я все-таки статью напишу в виде небольшой заметки по крайней мере. Мне хочется на примере развития студенческих обществ в заграничной университетской жизни указать на их необходимость и неизбежность для правильного развития университетов. Хочется выяснить, как не может идти без этого правильное университетское образование. У меня кое-какой материал есть, но для России мало. Нет ли чего о студенческом С.-Петербургском обществе у Ивана⁷? Не было ли где напечатано о студенческом С.-Петербургском математическом обществе? Что было и стало со студенческим филологическим обществом в С.-Петербурге? Спроси его. Любопытно, что в Отчетах С.-Петербургского университета 1887 <г.> есть о студенческом научно-литературном обществе, а в 1888 <г.> – нет, и что оно закрыто, не сказано!

Не знаю, отчего это я сегодня в таком кислом настроении, что ничем порядочно я заняться не могу. Бывает это со мною – и так в это время насмешливо и беспощадно к себе относишься и ко всей своей жизни, и к мысли. И так это как-то неприятно: копаться в душе. Нет, анализа – строгого и мелочного, сознательного – нет, а бессознательно он идет, ибо нередко вдруг при той или иной мысли, при том или ином занятии выльется и пробьется это в тебе идущее течение. И мне даже кажется, что в этом дурном настроении виновата без сознания идущая самокритика. Я ее чувствую все время, а сознаю лишь вот так минутами, так что не волен даже над нею. Неужели и столь сложные акты могут идти бессознательно? Ну, да Бог с ними. Крепко целую тебя, мою дорогую Натуню. Гусика⁸, наших, маму поцелуй.

Твой Владимир

Сегодня 8 февраля – день памяти нашего университета. Вследствие телеграммы Ади⁹ я послал телеграмму и Ивану, и ректору. Составил ее плохо, как все (в) эти дни. А многое хорошее было, верно, и будет, верно, и есть. Только этого мало.

Оп. 7, д. 41, лл. 1–2.

¹ Н.Е. Вернадская с 3 февраля была в Петербурге, где находилась несколько дней.

² Павел Иванович Новгородцев.

³ Ежемесячный журнал, издававшийся в 1885–1897 гг. в Петербурге. Первые годы, редактируемый А.М. Евреиновой, продолжал традиции «Отечественных записок»; в 1890-х годах, перейдя в руки Л.Я. Гуревич, сделался органом русских символистов.

⁴ Возможно, корректура «Лекций по кристаллографии». М.: Изд. студ. физ.-мат. фак-та Моск. ун-та, 1894.

⁵ Имеется в виду Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета, деятельным участником которого был В.И. Вернадский. Оно было закрыто после покушения на Александра III в 1887 г., так как все участники покушения: А.И. Ульянов, В.Д. Генералов, П.И. Андреюшкин, П.Я. Шевырев, были членами этого общества.

⁶ Очевидно, указанная статья не была написана.

⁷ Иван Михайлович Гревс.

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ А.А. Корнилов.

№ 392

29 мая 1894 г., [Москва]¹

29 мая 1894, утро

Дорогая моя, родная Натуся, эти дни не писал я тебе, так как 27 мая у меня длился экзамен до 2 часов ночи, а 28 мая, вчера, переезжал. От тебя нет телеграммы, и это меня удивляет, так как я думал, что ты мне обещала телеграфировать в день приезда. С нетерпением жду письма.

Экзамен у меня окончился, и я все еще под тяжелым и неприятным его впечатлением. Я не могу вполне разобраться, как тут быть: в результате 43 двойки! И из них около 14–15 таких, которые заставят их обладателей остаться на второй год на первом курсе. Я считаю вообще совсем не бесполезным, и даже наоборот, остаться лишним год в университете, но мне теперь нет покоя от таких провалившихся: ловят на улице и т.д. Много печального, много унижительного в их разговорах и мнениях. Никогда бы я не поверил, что студенты могут так унижаться и говорить таким языком (например, декана – профессора – называть «Его Превосходительство», стоять без шапки и т.д., и т.д.), хотя бы в отдельных своих представителях. Признаюсь, это мне больнее, чем слышать упреки и раздражение, какие приходилось, и это вызывает во мне сознание, что такое полное ослабление требований, которое введено уставом 1884 г., развращающе действует на студентов. Уже один переход на второй курс, введенный новым уставом даже при имени двойки, и уничтожение осенних переэкзаменовок ведут к такому понижению требований, о каком мы не имели понятия в свое время. Моя мысль усиленно работает теперь над университетскими вопросами; под влиянием размышления и этого экзамена у меня начинает складываться более ясно программа постановки медицинского курса², и я думаю, что, не увеличивая объема курса, явится

полная возможность поставить его как следует, а для практических занятий я введу очень простой, но очень, думаю, полезный небольшой цикл определения всех главных (около 70–100) минералов по внешнему виду и точным внешним признакам. Без этого нельзя быть³. Но этот цикл придется выработать, кажется, он имеется во Фрейбергской горной академии, где постараюсь ознакомиться. У Грота была попытка его ввести, крайне неудачная и не педагогическая. У меня слагается ряд соответственных задач. Я введу его одновременно для натуралистов и для медиков в будущем году – в разном объеме. После этого экзамена нет другого выхода, как поставить свое преподавание на медицинском факультете более разумно и больше поработать над курсом, чем я делал это все эти годы, и я думаю, что справлюсь с этим свободно. К сожалению, неимение свободного человека для этих занятий сильно стеснит меня, так как Ауновский получил диплом 2-й степени, так что для него закрыт доступ к официальному ведению практических занятий. По поводу моих медицинских экзаменов у меня был ряд объяснений со всем курсом и с отдельными студентами. Они присылали ко мне «депутацию» с просьбою поставить 3 (и переэкзаменовать осенью) всем тем, для которых получение 2 по минералогии равносильно оставлению на второй год (т.е. которые получили еще вторую двойку) или выходу из университета. Относительно первой группы студентов я заявил им, что не желаю входить ни в какие переговоры, так как не вижу беды в том, что они останутся лишний год в университете. Относительно же вторых (их было 2 человека) я согласился поставить 3, хотя одному (я поймал его в обмане) совсем а *contre soeur*⁴. Относительно него «курс» взял на себя обязательство, что он придет осенью экзаменоваться.

Мы переехали на квартиру. Лаппа ходил узнавать о дезинфекциях, но оказалось, что: 1) в Москве имеется единственный частный дезинфектор – доктор Тугенгольд, который теперь заболел и уехал из Москвы. Он берет по 15 руб. за комнату, и 2) в Думе не берутся производить дезинфекций согласно желаниям частных лиц, но могут производить их лишь по свидетельству врача через полицию – после смерти etc. Вследствие этого придется обойтись без этого. Обои уже внизу сделаны, потолки, подоконники etc. побелены. Затем мы завтра призываем полотеров, которые вымоют с опилками пол, натрут мастикой etc. Только тогда внесем в дом мягкую мебель, которая пока в сарае. У Маши Ольденбург нарыв прокололи, так как ей было совсем плохо, теперь лучше, но они, верно, приедут не скоро.

Крепко целую тебя, мою дорогую, и Гусика⁵ и всех наших.

Жду с нетерпением письма.

29, май, 1894

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 3–4.

¹ Из содержания письма видно, что оно написано в Москве, так как в нем говорится о работе в университете.

² См. комментарий № 1 к письму № 385.

³ В 1894–1895 учебном году по сравнению с 1893–1894 г. на физико-математическом факультете нагрузка у В.И. Вернадского увеличилась с 6 часов в неделю до 8 часов за счет введения обязательных для всех студентов практических занятий по определению минералов и краткого курса анализа с помощью паяльной трубки.

⁴ Неохотно, скрепя сердце (фр.).

⁵ Г.В. Вернадский.

31 мая 1894 г., [Москва]¹

31, май, 1894

Дорогая Натуся, от тебя до сих пор еще нет письма, и я этому очень удивляюсь. Я кое-как занимаюсь – очень мало, среди всякой мелочной возни в университете – справлял и отсылал счета, сделал представление в факультет о Шкляревском. К сожалению, еще будет возня с его военной службой, и не очень-то легко будет устроить его денежные дела с содержанием от университета. Ауновский и Стрижев получили свидетельства 2-й степени и будут все-таки заниматься минералогией. Таким образом, не считая специалистов-студентов, у меня будут 3 человека, специально занимающиеся наукою под моим руководством после университетского курса, и я теперь много думал об этом, так как считаю, что это дело должно быть поставлено иначе, чем обыкновенно ставится, и должно идти под более близким руководством профессора. Некоторая усталость от лекций, экзаменов и т.п. несколько мешает мне также заниматься научно, да скоро надо ехать в деревню, а затем недели 2 всего останется на работу и на подготовку к заграничной поездке. Здесь Аргутинский, который много рассказывал интересного и много тяжелого про Казань. Он все так же мил, и так хорошо и дорого его стремление к лучшей жизни. В университете он себя поставил, по-видимому, хорошо, но нравы так дики, и Кузьмин² играет роль, а есть и похуже Кузьмина. Аргутинский хочет летом где-нибудь отдохнуть недели 3³. В сущности говоря, у него идет прекрасная, благородная работа мысли. Урывками я думал о кристаллографии, и у меня вновь является мысль о еще новой переработке моего курса – именно, мне хочется переработать введение в связи с понятием о графических представлениях как своеобразных формах логики. Мне рисуется, что совершенно подобно тому, как теперь возможна логика так называемая алгебраическая, которая резко проявляется, например, в умозаклчениях и т.п. простых процессах, возможна логика, если можно так сказать, геометрическая, которая в наиболее чистой форме проявляется в науке о природе – везде, где входит опыт и научное наблюдение. Мне кажется, что в понятиях о законах природы, в сущности, скрываются лишь формы нашего логического процесса и с этой точки зрения нет более благодарного поля для исследования, как наука о физических и химических процессах в твердом кристаллическом веществе. Ибо здесь все основано на разных геометрических представлениях «законов природы». Но в общем как-то работает плохо или, вернее, совсем не работает, и время тратится по-пустому. С молодым Левицким⁴ справлял счета Александра Александровича⁵ и теперь очень беспокоюсь, так как по счетам должно быть на текущем счету 1400 руб. сверх 1500 руб.⁶, которые высланы были мною Павлу Ивановичу⁷, между тем как положено в банк было Александром Александровичем всего 900 руб., т.е. 500 руб. не хватает. У Александра Александровича теперь один ветер-воробушки в голове, так что я весьма беспокоюсь, не просчитался ли он на 500 руб., и тогда ведь ему придется их выплатить, ибо он публично заявил, что на школы должно идти 2900 руб., сдал такой отчет Сабашниковым⁸, и Левицкий соответственно рассчитал постройку. Он обещал мне из Кургана подробно известить обо всем Левицкого и ничего не сделал! Ведь нам он 500 руб. не оставлял, а было всего лишь ос-

тавлено 100? Какие эти 100 – ты не помнишь? Вошли они в отчет в «Русских Ведомостях»?⁹ Не выручены ли за продажу муки после отчета? Единственная надежда, что Левицкий получил 500 руб. раньше, и я жду телеграммы. Все-таки какая бы у него любовь ни была, но так распускать себя безобразно и ставить других в такое положение бессовестно. А разбираться, когда он в Иркутске, довольно-таки трудно¹⁰. Ну, да что поделаешь?

Я еду в деревню, вероятно, числа 5-го июня и очень прошу тебя написать мне словечко – ты можешь рассчитать, когда послать тебе письмо. Я думаю, что пробуду там числа до 12–14 и выеду из Москвы за границу около 22. Так мало и заняться придется, а то так ничего и сделать не успеешь за границей. Наконец, все-таки некоторое утомление чувствуется, и работаешь плохо. Или, может быть, лень одолела.

Крепко целую тебя, мою родную, дорогую Натусю. Гуську¹¹ и наших целую.

Твой Владимир

Что это нет от тебя писем?

Оп. 7, д. 41, лл. 5–8.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 392.

² Имеется в виду Василий Иванович Кузьмин – профессор хирургической факультетской клиники медицинского факультета Казанского университета с 18.X 1893 г.

³ В письме от 6 июня 1894 г. Н.Е. Вернадская из Полтавы писала: «Папа и мама, узнав, что Аргутинский охотно провел бы 3 недели у кого-нибудь, решили его пригласить к нам в Полтаву, чему мы все очень рады, только не знаем его адреса. Телеграфировали Лаппе, может, он знает. Очень приятно будет, если Аргутинский примет мамино приглашение и проведет с нами свое время отдыха. Мы все его очень любим» (ф. 518, оп. 3, д. 200, лл. 90–90 об.). Петр Михайлович принял приглашение Старицких и отдыхал в Полтаве.

⁴ Очевидно, Александр Павлович Левицкий.

⁵ Корнилов.

⁶ В письме от 30 января 1894 г. П.И. Левицкий писал В.И. Вернадскому: «Деньги 1500 руб. получены, и трачу их на покупку материалов и наем мастеров, началось уже. Со своей стороны, извиняюсь за беспокойство вас своею телеграммой. Я не принял в соображение съезда и связанной с этим университетской суеты. Где в настоящее время Ал.Ал. Корнилов, я несколько затрудняюсь тем, что не знаю окончательно, какая сумма находится в распоряжении его, а следовательно, и моем для постройки школ, строю же, несмотря на это, две школы, причем рассчитываю одну из них, Грязновскую, довести до полного окончания, т.е. снабдить ее и партами, и вносом в земство 225 руб. [...], а другую в зависимости от средств, может быть, и не окончу вполне [...] но надеюсь, что окончание поймет на себя земство, если бы средств и не хватило» (ф. 518, оп. 3, д. 941, лл. 2–2 об.). В письме от 27 мая 1894 г. П.И. Левицкий писал: «7 мая я писал Вам, прося выслать остальные деньги, сколько их ассигновано А.А. Корниловым для школ. Деньги очень нужны, я задолжал уже за материалы, одна школа оканчивается, другая строится. Не получая от Вас денег, посылаю сына Сашу [...] потому что боюсь, как бы не уехали из Москвы на каникулы. Невысылка денег может остановить постройку, и школы не будут готовы к осени. Это было бы очень грустно; я рассчитывал открыть их к 1 сентября и вообще окончить и пустить в ход до очередного Земского собрания; я придаю этому большое значение, надеюсь, что это повлияет на ассигнование Земским собранием на школы уезда вообще» (ф. 518, оп. 3, д. 941, л. 1–1 об.).

⁷ Левицкий.

⁸ См. комментарий № 3 к письму № 351.

⁹ В письме: от 6–7 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Досадно, что Адины счета так запутаны. У нас хранились лишь 100 руб. (не совсем 100 руб.: 94 руб. с копейками). Ты не вложил их в банк, чтоб иметь дома деньги на расходы, связанные с делом голода. Вынул

их ты мне, кажется, когда отправлял Левицкому деньги. Мне кажется, я не уверена, что они вошли в отчет “Русским ведомостям”» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 22).

¹⁰ См. комментарий № 11 к письму № 388.

¹¹ Г.В. Вернадский.

№ 394

3 июня 1894 г., [Москва]¹

№ 3²

3, июнь, 1894

Дорогая моя Натуся, мое серденько, моя милая, славная Туся! Хотел было сегодня ехать в деревню, но выеду теперь завтра в 1 час дня, так как иначе мне придется сидеть довольно долго в Ряжске. Я решил ехать скорее, так как совсем теперь не работаешь и время идет даром, а быть в деревне теперь мне нужно. Я думаю, что пробуду там 7–10 дней, т.е. между 11–14 июня приеду сюда и затем за границу. Так заниматься и не пришлось. А мне хочется захватить в Кракове и Львове (т.е. при начале поездки) местных минералогов и получить от них соответственные указания, рекомендации и т.п. В Полтаву, как мне ни хотелось бы, заехать не придется, так как для поездки в Галицию (Восточную) это большой крюк и опять много пройдет времени.

Настроение мое эти дни самое отвратительное – мне кажется иногда, что вся эта поездка слишком дорога, и хотя я чувствую и понимаю, что она необходима для правильной постановки преподавания минералогии, но весь вопрос состоит в том, смогу ли я ее поставить так и извлечь, что нужно. Ну, да что теперь об этом говорить. И бедненькую Туську только смущать и огорчать.

Среди всякой мелочной возни в университете и здесь я ничего почти не делаю – читал всякую чушь, и так как-то ничего особенно делать не хочется. И ни переписку свою, ни уборку кабинета – ничего в порядок не привел, а между тем этим-то и надо было бы заняться. Лаппы скоро переедут в квартиру. Там внизу уже все вычистили, теперь красят полы и оклеивают наверху.

Со своим настроением я, конечно, справлюсь. В то же самое время идет – чувствую это – во мне сильная и упорная работа мысли над основными вопросами метафизическими и религиозными. Вчера у меня был продолжительный разговор с Петрункевичем об основных научных и философских вопросах – о душе, божестве и т.д. Я чувствую, как у меня все определеннее начинает укладываться мое мировоззрение и мой взгляд на человека и на природу. И хотя много, конечно, неясного и много спорного, но мне кажется, я сам начинаю несколько разбираться в тех следствиях, которые вытекают из признания бессмертного личного духа и иллюзии внешней Вселенной. Но писать об этом все еще трудно, так как слишком много неясного для самого себя и всюду чувствуешь пробелы своего знания. Мне иногда даже как-то любопытно подвергать свое и чужое суждение критике и соображать, что здесь действительно основывается на знании и что на привычке: ибо и я, и все кругом очень многим удовлетворяемся и говорим, что знаем, если сумеем выразить это в формах и образах обычных научных представлений, хотя бы, по существу, все это было бы карточным домиком³. Так вчера для меня ясно это

стало во вчерашнем споре с Лаппой по вопросу об эндогамических браках (браках между близкими родственниками) в широком смысле.

Целую тебя крепко, Гусю⁴ и всех поцелуй. Очень жду твоего письма.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 9–10.

¹ Из содержания письма видно, что оно написано в Москве, так как в нем говорится о работе в университете.

² Номер, проставленный В.И. Вернадским.

³ В письме от 6–7 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Что бы я дала, чтоб услышать разговор твой с Иваном Ильичом об религии. Если будет когда-нибудь настроение, постарайся набросать мне свои мысли о следствиях, вытекающих для тебя из твоего общего взгляда о бессмертии личного духа и иллюзии внешней Вселенной. Я совсем не понимаю, как возможно считать все иллюзией – внешний мир [...] Я помню, что в детстве мне иногда приходила в голову мысль, что я одна существую на свете и что весь мир, все люди, все обстоятельства свершаются для меня [...] но я и тогда отгоняла эту мысль как дикую и сумасбродную. Если же считать мир иллюзией духа – выходит нечто вроде [этих] диких детских мечтаний [...]

В эту минуту за собором летают птицы, и они кажутся белыми на фоне темных грозовых туч [...] Я сознаю всем своим существом, что и в них, и в этих летающих, далеких, блестящих птицах есть своя жизнь, жизнь, не являющаяся иллюзией, созданием моего духа, а представляющая собой [нечто] объективное, существующее рядом со мной и миллионом других существ, в эту же минуту сознающих каким-нибудь образом мир» (ф. 518, оп. 3, д. 260, лл. 22–23 об.).

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 395

6 июня 1894 г., Вернадовка

№ 4¹

Вернадовка, 6, июнь, 1894

Дорогая моя Натуся, со вчерашнего дня я здесь. Думал я найти здесь твое письмо (так как и в последнем письме в Москву ты писала, что будешь писать уже сюда), но письма не получил. Здесь я пока только осматривался, а сегодня приступлю ко всяким расчетам, счетам и отчетам. У нас все здесь благополучно. Урожай пока обещает быть – но все это, конечно, неизвестно. Дожди последнего времени принесли большую пользу, кое-где лишь немного попáдала прекрасная рожь. Таковую рожь, какая здесь теперь в этом году (цветет уже), я вижу здесь чуть не в первый раз. Неизвестно, что будет дальше. А пока все хлеба хороши. Сегодня и вчера осматривал наши посевы. Это самый большой свой посев: мы начали свой посев в позапрошлом году – 30-ю десятинами ржи, в прошлом году наш посев был уже 67 десятин, в этом году – 106 десятин озимого и ярового. Посев на будущий год рассчитан будет на 150 десятин. Еще 3 года, и мы вполне перейдем к своему хозяйству (т.е. в трехпольном хозяйстве) с 310 десятинами посева. Соответственно приходится увеличивать инвентарь. Пока я думаю, в этом году можно будет остановиться с постройками, лишь сделать фундамент под кухню. Зимой начать подвозить лес и другой материал для риги и домика. В этом же году сделать осенью затрату на приобретение скота, так как иначе справляться становится трудно. Вести же все эти затраты сразу также трудно, так что надо выбирать, что нужнее или выгоднее. Раз приходится заводить свое хозяйство, то ясно становится, как много надо всяческих столкновений с людь-

ми, чтобы добиться известных желаемых результатов личной выгоды. В городе все это гораздо более прикрыто всякими выработками жизнью, приемами механических приспособлений (конки, банки etc.). Здесь же все это значительно виднее, хотя, по существу, одинаково. Теперь встает передо мной новый вопрос – вопрос о найме рабочих, ибо справляться, как было до сих пор, нельзя, а тратить на рабочих больше, чем тратят кругом, немислимо. Со многим и другим сталкиваешься при ведении хозяйства. Обезлошадивание и разорение крестьян, очень резко проявившееся после голода, точно так же сильно проявляется, и мне кажется, что лишь теперь начинает вполне проявляться его влияние на строй жизни. У нас отразилось это, например, изменением состава съемщиков земли (стали брать более далекие – из Пичаева – торгового села), а казенный земледелец обнищал и тем, что справиться благополучно со съемной землей при высоких ценах они не могут – не могут ни обработать, ни вовремя убрать, ничего. Ясно чувствуется, что такое крестьянское хозяйство погибло и что в то же время, когда условия жизни сделались так трудны кругом и становится все труднее, крестьяне спутаны, перепутаны на каждом шагу волостью, общиной, земскими начальниками. Ты знаешь, я не сторонник экономических объяснений исторических явлений, но иногда, конечно, такие объяснения верны, и мне кажется, что теперь чисто вследствие экономических изменений должна пасть вся эта безобразная и глупейшая система опеки над народом в виде наших последних реформ. Любопытны вообще процессы, которые неуклонно заставляют изменять хозяйство под влиянием внешних причин. Так, например, наше хозяйство. Нам нет иного выхода, кроме: 1) продажи земли (конечно, очень дешевой) или 2) своего хозяйничанья. Ибо сдавать в аренду одному лицу нельзя с достаточной выгодой, так как нет инвентаря, а сдавать крестьянам невозможно, ибо они обеднели и цены пали так низко, что им невыгодно брать землю, или приходится сдавать ее ниже того, что она давала раньше, а это также невыгодно. Если бы мы решились на это, без каких бы то ни было соображений, то я убежден, что долго бы не продержалась и такая система, ибо потребовалось бы еще большее понижение платы и т.д. Ясно чувствуется, что совершается кругом определенный, вне нашей воли стоящий процесс, связанный с жизнью всего государственного целого, и этот процесс коренным образом меняет установившуюся систему. Это не только чисто экономический процесс, связанный с изменением в хозяйстве окружающего нас населения, это процесс еще более глубокий, связанный с народной психологией (то, что чувствуется в грубой и детской форме у наших «местных» сведущих людей, когда они говорят о народном пьянстве и народном праздничаньи) и некоторыми естественными причинами. Я очень сомнительно отношусь к будто бы наблюдаемым изменениям климата, но существование какой-то неизвестной нам и мало принимаемой во внимание периодичности в климате и явлений, связанных с истощением земли при старых способах обработки и плохих семенах, – несомненно. А это вызывает также совершенно неизбежно изменение хозяйства. Больше расширение всемирной культуры и всемирного обмена вызывает и неизбежно вызовет еще дальше понижение цен на хлеб. А при этом явится необходимым или: 1) увеличить посевы, т.е. перейти к многопольному хозяйству, или 2) увеличить урожай, или 3) улучшить сорта хлебов или найти другие побочные источники дохода. Это является необходимым не только потому, что мы не можем сократить доходы вследствие наших уже установившихся потребностей и привычки жизни, но и потому: 1) что та-

кое сокращение расходов в жизни есть чистейший паллиатив, которого хватит на короткий срок, и 2) потому, что на имении есть долг, который рассчитан на 40–60 лет и который не может быть уменьшен. В сущности говоря, эти долгосрочные займы такого типа самая дорогая и невыгодная вещь еще и потому, что в эти 40–60 лет сильно меняется количество капитала и, следовательно, приходится платить значительно дороже, чем сколько бы следовало при текущих условиях. Я до сих пор не могу найти определенного нам выхода. Решаться на многопольное хозяйство нельзя без капитала и без большого риска, особенно для нашего хозяйства, где и хорошее трехполье едва-едва установится через 3–4 года. Сразу установить трехполье и затем переходить к многопольному хозяйству – невыгодно, так как нам потребный большой капитал будет стоить очень дорого. Думал я в прошлом году воспользоваться сбытом свекловицы в Шуваловский завод и этим путем перейти к многополью. Но для этого надо затраты, хороший надзор, некоторый контингент выработанных рабочих, и этим путем станем в такую зависимость от Шуваловской экономии, которая совершенно невыгодна. Улучшить сорта хлебов возможно лишь при правильно установленном хозяйстве, и это даст мало, так как сделать из имения семенную плантацию можно лишь многими годами усиленной работы самому. Хотя такой характер производства кажется мне очень удобным средством стать мало зависимым от рынка, но он для меня невыполним. Точно так же мало возможны при наличных условиях и другие способы, связанные с обработкой продукта в том или ином виде. Мне остается единственный пока, сколько могу видеть, способ, связанный с моим хозяйничаньем. Я не решался вступить на него, но, кажется, придется. Надо заняться временной выкормкой скота как побочной статьёй дохода и такой, которая позволит удобрить землю и, может быть, с течением времени поможет улучшить севооборот. При теперешних ценах на скот и близости сбыта это является, кажется мне, очень удобным. В этом году у меня корм пропал, так как скота своего мало, а его не купили, часть продал за бесценнок etc. Я теперь много обо всем этом думаю, но ничего пока не буду писать, и так бедная Туська – с массой этих подробностей.

Когда я здесь – я сильно желал бы и остаться на лето в деревне, и были бы вместе, но, конечно, это было бы нехорошо с точки зрения университетских дел. Только что-то я вынесу из-за границы и вынесу ли что-нибудь. А здесь много вопросов, связанных с жизнью окружающей природы. В возможность помогать населению хозяйничаньем я не верю, так как, несомненно, это хозяйничанье всеща внесет в крестьянскую жизнь очень мало, так как интересы во многом противоположны – но жизнь на месте может быть и не бесполезной для населения. У меня много вопросов в связи с естественными условиями окружающей жизни с точки зрения равновесия природных условий; многое надо изучить.

Пока довольно. Целую тебя крепко, мою родную. наших поцелуй. Гуська² мне писал? Я заеду перед Москвой на день-два к Любощинским.

Твой Владимир

Выеду отсюда числа 10–11 июня.

Оп. 7, д. 41, лл. 11–14.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Г.В. Вернадский.

7 июня 1894 г., Вернадовка

№ 5¹

Вернадовка, 7, июнь, 1894

Дорогая моя, родная Натуся, так рад я был получить вчера сюда твое письмо. Мне страшно неприятно, что я не смогу заехать к тебе в Полтаву: так бы хотелось повидать и тебя, и наших. Я, впрочем, рассчит(ыв)аю, но едва ли удастся. Это время я сводил счета Ади². Ужасно неприятно, что не хватает 500 руб. почти против напечатанного отчета. Почти наверное он просчитался! Но теперь должен он, во всяком случае, эту сумму выплатить. Неудобно и перед Левицким, так как Адя Левицкому написал о 3209 руб. (в печатном отчете около 2914) и тот на эту сумму повел постройку³. Аде я послал телеграмму и написал письмо, теперь жалею – сухое⁴. Но я напишу ему еще раз. Этакая он кислятина стал – просто ни на что не похоже и никуда не годен.

У нас здесь все то же. Славу Богу, что вот 3-й день у нас нет дождя, а то кругом рожь гибнет – в Фитингофке, Липовке и т.д. Сегодня пасмурно, кругом дожди, но пока у нас не было дождя. Хороша «степь» – когда вот второй год страдаем от избытка влаги. У меня масса роится вопросов геологически-биологических в связи с хозяйничаньем – в будущем году поживем, увидим. Сад плох. Отчасти моя вина, так как я очень сжимаю относительно него деньги, но много влияет открытое место и неуменье Попова. Но тратить на сад можно лишь при жизни здесь. Теперь только-только поддерживать. Новая посадка принялась, но посажены совсем мелкие деревца из-за дешевизны, и это весьма плохо.

Ты все пишешь относительно обоев в квартире. Но твои письма пришли поздно. Внизу уже 27 мая обои были наклеены, вскоре и наверху. Их не сдирали. Но так как все это сплошь покрыто, выбелено и т.д., то я думаю, совершенно, по существу, неважно. Мебель же мягкую внесли лишь 3-го июня, когда были и полотеры, и внизу от старого не осталось ничего. Лаппо, верно, переехали 5 или 6-го. Маша⁵ совсем поправляется.

Здесь, говорят, лихорадка, так что ты бы волновалась. Всюду, где еще в прошлом году можно было (во впадинах) сеять, теперь стоит вода. За эти 2 года лощина Красная снова держит много воды и кое-где превращается в болото.

Целую тебя, наших.

Твой Владимир

Получила ли одно письмо с 6-копеечной маркой? В Моршанск еду 9, а числа 10–11 буду у Любоцинских.

Оп. 7, д. 41, лл. 14а–14б.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² А.А. Корнилов.

³ См. комментарий № 6 к письму № 393.

⁴ В письме от 12 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Досадно, что не хватает 500 руб. у Ади. Мне также неприятно, что ты ему написал сухое письмо. Ты обещаешь ему написать еще, но боюсь, что по обычной халатности ты это обещание не исполнишь.

Грустно же, когда отношения портятся. Что бы временно ни происходило между нами, Адя не может не быть очень близким и дорогим другом» (ф. 518, оп. 3, д. 260, лл. 27–27 об.).

⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

№ 397

10 июня 1894 г., Вернадовка

№ 6¹

10 июня 1894, Вернадовка

Дорогой мой Натусик, завтра закончу все здесь дела и поеду в Моршанск. Все это время сводил всякие счета и делал общую проверку, разные расчеты. Ригу и дом для Попова решил строить в будущем году, так как в этом году мы не запаслись материалом, а теперь это будет стоить гораздо дороже и рига может обойтись весьма дорого. И так ее едва ли можно будет сделать меньше 500 руб. Домик я хочу сделать возможно дешевле, но как ни сокращай смету, а меньше 800–1000 руб. не выйдет (12 аршин длины, 9 аршин ширины, в лапу). Я приведу тебе некоторые цифры, чтобы ты знала положение дел, а то у моего Тусика самые смутные представления, часто неверные. Сперва приведу стоимость постройки (цифры могут быть неверны в нескольких рублях): дом (27 аршин длины) стоил 3247 руб. 47 коп. Он готов вполне; выстоял хорошо, этой весной или осенью начну красить полы, окна, двери; погреб – 78 руб. 60 коп.; двор и людская изба – 695 руб.; кухня для дома – 383 руб. 37 коп. Мы получили в этом году с 1 апреля 1893 г. по 1 апреля 1894 г. чистого дохода с имения 2909 руб. 15 коп.; в сущности говоря, доход больше, так как в счет обычных расходов я включаю приобретение нового инвентаря, вырытие колодца, устройство сада и т.д., что, по существу, не должно быть сочтено за обычный расход; точно так же не принимаю во внимание происшедшего увеличения запашки, что также повело к новым расходам (наша собственная запашка была в 1892 г. 61 десятина, в 1893 г. – 70 десятин, в 1894 г. – 105 десятин и будет в будущем году 150 десятин). Эти 2900 руб. разошлись следующим образом: долг в банк 940 руб.; нам около 500 руб.; выплата государственных, земских, дворянских налогов и повинностей – 490 руб. (мы заплатили теперь все за прежние годы, и теперь пойдет обычный ежегодный платеж – около 200 руб.), постройка 1250 руб. Таким образом, ты видишь, что еще избыток (не считая мелких, например Подъемской школы, стоившей 54 руб. 35 коп.) – он произошел оттого, что за продажу земли мы получили 300 руб. Этот год неудачный; в 1892 г. (с 1 апреля 1892 г. по 1 апреля 1893 г.) мы получили чистого дохода более 3800 руб. Если считать обязательные лежащие на имении платежи (по банковскому долгу и податям) в 1100–1200 руб., то у нас должно было бы получиться в 1892 г. 2600 руб., в 1893 г. 1700 руб., из которых эти годы мы почти все употребили на постройки. Неудача, относительная, конечно (так как, считая обычные 4–5% как доходы с сельского нашего хозяйства, мы должны получать около 3000 руб. в год (или за выплатой необходимых платежей около 1700–1800 руб.) – мы же получили 2900 руб.), произошла: 1) от относительного неурожая в прошлом году главного нашего хлеба – ржи (в 1892 г. с десятины 98 пудов, в 1893 г. – 58,5 пудов), 2) оттого, что часть хлебов была побита градом в начале июля, и 3) главным образом от

падения цен на хлеб. Если бы цены 1893 хозяйственного года были такие же, как 1892 г., то мы получили бы более значительный доход и в этом году. Цены же пали страшно. В этом году повышения цен, конечно, нечего ждать. Это повышение всегда будет временное – на него нельзя рассчитывать, оно будет происходить лишь в годы бедствий, вроде голода 1891–1892 гг., или в годы государственных крупных ошибок. Понижение цен (вместе с понижением % на деньги, т.е. стоимости денег) есть прямое следствие мирового человеческого процесса: расширения культуры, увеличения обмена, быстроты сообщений и оборотов и т.д. Оно может служить прекрасным показателем этого процесса. Детски мысли о частных причинах этого явления, глубоко ошибочны стремления государственными мерами «поднять цены» – тут даже такой колосс, как Россия, теряется в общем вихре человечества. Надо, следовательно, приравливать хозяйство к падению цен, и способы выхода меня теперь чрезвычайно занимают. В течение этого года думаю сделать следующие крупные затраты: I) употребить 500–600 руб. на покупку скота; часть этого скота будет нами весной снова продана: 1) иначе у нас пропадают корма, и 2) останется больше навоза – удобрения. Выкормка скота должна быть побочной статьей, вместо почти убыточных сена и подножных кормов мы будем в состоянии получать больше, переведя их в более ценный (на несколько лет) продукт – скот. Одна статья этого скота – свиньи – может быть, сделается постоянной статьей хозяйства. Мы делаем пробу посева картофеля для выкормки свиней, и, я думаю, этим путем получим с соответственных десятин больше, чем обычным посевом, так как переработанный в сало, шкуры, мясо свиньи, картофель должен принести на десятину больше, чем прямой продажей его или другого обычного продукта ярового поля. II) Купить лес в Пензе, подвезти кирпич, песок и т.д. в течение зимы для риги и дома. На это потребуется не менее 800 руб. Никаких других, более капитальных затрат не станем делать. Об увеличении площади посева говорил. Начатые пробы: черный пар, гречу, лен – станем вести не увеличивая. Может быть, засеем для семян мак и чечевицу и [будем] продолжать постепенно увеличивать сад, огород и пр. В мое отсутствие Александр Иванович² будет тебе писать раз в 2 недели, письма его пересылай мне, а сама, если надо, распорядись. Надо проследить, чтобы: 1) не позже конца августа он заплатил в банк 460 руб.; 2) внес в Моршанское отделение взятые в прошлом году 1000 руб. (под соло-вексель). Это он должен сделать в сентябре или октябре. Я переведу уплату к 1 ноября, но надо, чтобы он сделал, если можно, ее в сентябре. Тогда, несмотря на 1000 руб., которые я теперь возьму для заграничной поездки, этой же осенью наш долг банку не увеличится; 3) в сентябре он должен внести 200–300 руб. нам для первого устройства в Москве. Надо надеяться, что в этом году мы получим несколько больше прошлогоднего, так как урожая можно ждать гораздо лучшего и посев наш больше. Ржи такие, каких я здесь не видел, овсы тоже великопелны, и все хлеба хороши. Эти дни перепадали дожди, но нашу рожь мало повредили – кое-где (немного) она прилегла.

Вот и все, мой бедный Тусик! Но я так полон всяческих хозяйственных соображений, что и письма мои носят такой характер. Наконец, я думаю, тебе бы следовало немного более войти во все это, так как вполне убежден, что понемногу эти годы привожу в порядок имение, увеличиваю его стоимость, и для того чтобы правильно оценивать наше положение и наши долги, надо это

принимать во внимание, иначе будет получаться неправильное впечатление, очень вредное и ненужное, и оно у тебя есть. Конечно, при этом делается немало ошибок, но важно взять верный тон в намеченном плане устройства, и, мне кажется, тон взят мною верный. Много думал я это время над условиями хозяйства. Сколько тут сплетается всяческих экономических, агрономических и всяких других соображений, сторон вопроса, явлений! Часто они противоречивы. Нам же еще надо принимать и некоторые другие стороны: например, затрата на дом, которая и с агрономической, и с экономической точки зрения лишняя, явилась необходимой как условие личной большой свободы от всяких явлений произвола по службе. Мне ужасно теперь ясно, что ни один шаг, ни одно решение не проходит в хозяйстве бесследно. Так, впрочем, и надо было ждать в этом сложном явлении. В природных процессах всюду устанавливается известное равновесие, известная гармония, и часто она достигается не так, как нам желательно. Два года назад на скатах Красной, установившихся столетиями и вполне приурочившихся к условиям жизни местности, я велел обрыть от скота кусты дубов. Совершенно неожиданно этим самым нарушился вековой строй. Началось размывание, начали образовываться овраги, и местность прорылась так глубоко, как никогда, появились ниже ледникового слоя лежащие зеленые пески. От канавы Вольского начал образовываться огромный овраг. Совершенно то же самое устанавливается и в почве. Всякая неверная обработка, всякая дурная обработка отражается не в этом году, а на все годы. Совершенно так, как хорошая скрипка только годами в руках хорошего игрока наигрывается, так же точно постепенно укладывается и почва. Нужны года, чтобы путем правильной культуры дать почве правильные, нужные свойства. Где это делается давно, там почва приобретает неопределимые свойства. Почвы культурных стран запада выше наших. Они несут в себе след разумной, строго выдержанной работы многих поколений, и его надо поддерживать и передать дальше. Как в скрипке научно можно вычислить общую форму, но то, что достигается изменениями объема, получаемыми хорошей игрой, не может быть научно предвидено, так как наука всегда есть лишь далекое приближение. Так <и> в гораздо более сложном деле – почве. Но общие пути должны быть даны наукой, и горе той стране, где знание мало развито, где оно мало проникло в рабочие массы. Каждый шаг, каждый год накладывает свою руку на почву и передает ее обезображенной, с фальшивыми ложными свойствами следующим поколениям. Кто исчислит тот великий вред и то ужасное наследство, которое мы оставляем будущему, благодаря задержке и слабому распространению образования, благодаря неверной трате средств, благодаря стеснению свободной, благородной, человеческой личности?

Ну, всего лучшего, моя рыбка. Гусика³ поцелуй.

Твой Владимир

P.S. Как хорошо теперь среди полей цветущей ржи!

Оп. 7, д. 41, лл. 15–18.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² Попов.

³ Г.В. Вернадский.

11 июня 1894 г., Рязжск

Рязжск, 11.VI 94

Дорогая моя Натуся!

Сижу здесь, ожидая поезда в Богоявленск. К сожалению, придется приехать к Любошинским поздно вечером, но я решился ехать, так как иначе мне пришлось бы терять день, а раньше выехать из Моршанска я не успел. В Москве буду 14-го и, должно быть, 21 или вечером 20-го (получив жалованье), выеду за границу. ⟨За⟩ квартиру заплачу до 1 октября. К моему приезду будет жалованье за сентябрь. За июль и август, верно, придется мне взять за границу. Тебе Попов вышлет 300 руб. в сентябре (около 10-го) в Биюк-Ламбат¹. Я это время занят всякими вопросами – теоретического и общего характера, связанными с хозяйством, главным образом более широко вопросы экономического характера занимают.

Целую крепко тебя, мою родную. наших поцелуй. Что Гуська?²

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 41, л. 19.

¹ Д. Ялтинского уезда, Таврической губ.² Г.В. Вернадский.

13 июня 1894 г., Никольское

№ 8¹

Никольское, 13.VI 94

Дорогая моя Натуся, вчера я приехал сюда и несколько застрял, так как дорогой заболел немного желудком, и только внес всякую кутерьму Ане² и Марку³. Теперь поправился и поеду завтра в Москву. Аня совсем молодцом, она уже сидит с сегодняшнего дня на балконе и чувствует себя совсем хорошо. Маленькую ее девочку я видел только издали, но надо будет ее посмотреть, а то Тутя на меня рассердится⁴. Маркуша и Сонечка⁶ прелестные дети, дружны, милы и мне очень полюбились. Я много разговаривал об разных делах с Марком и Аней. Теперь здесь ожидание урожая связано с опасением недостатка в рабочих руках, вызываемым каким-то особым возбуждением рабочих. Рук нет, или они страшно дороги, и многие помещики начинают терять голову. То же слышалось всюду по железной дороге, у нас гораздо все спокойнее. Все ближе всматриваясь в окружающую хозяйственную жизнь, как-то все более и более интересуешься ею, и гораздо сильнее и рельефнее, выставляются многие вопросы и явления общественной жизни, чем то видно в чисто отвлеченных мнениях или среди случайных разговоров и чтений. Но как-то яснее и сильнее чувствуешь всю необходимость серьезной и силь-

ной, мужественной работы для достижения коренной, основной причины, без которой невозможны никакие реформы, никакие улучшения, более или менее прочные, – освобождение человеческой личности. Как-то сильно чувствуется это особенно здесь в деревне, где на каждом шагу, на каждом сельскохозяйственном мероприятии сталкиваешься с неравноправными с тобой людьми, вся жизнь которых – во всех ее мелких и крупных проявлениях – связана железным кольцом произвола. И произвола земского начальника, и местной полиции, попа, помещика, общины. Невозможна при этих условиях правильная и нормальная постановка хозяйства – такого, какое требуется теперь обстоятельствами времени и общественной жизни России. Мне кажется, это вполне опускается всеми нашими доморощенными экономистами, которые всюду подкладывают вместо действительного крестьянина – крестьянина абстрактного, вместо действительной общины – общину абстрактную. Право, иногда мне кажется, что крепостничество ввелось в плоть и кровь даже лучших русских людей и то, что они считают терпимым для крестьян во имя их «экономического» блага, для себя благом не признают. Я думаю, что это кратковременное пребывание в деревне очень сильно на меня подействовало, и я еще не вполне разобрался во всех его последствиях. Но я чувствую приток энергии и какую-то мужественность при сложных условиях и в жизненных стремлениях. Пока ничего больше не пишу.

Крепко обнимаю тебя, мой дорогой Тутик, моя рыбочка любимая. Как ты работаешь? Начала ли декабристов⁷ – напиши, пожалуйста. Я хочу за эти ближайшие годы прочесть главных экономистов, чтобы не судить со вторых рук. С Марком много говорил, и в очень многом у нас настроение общее.

Целую всех наших. Гусю⁸ поцелуй.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 20–21.

¹ Номер, проставленный В.И. Вернадским.

² А.Е. Любошинская.

³ М.М. Любошинский.

⁴ В письме от 30 мая 1894 г. Н.Е. Вернадская из Полтавы писала: «У Ани родилась дочь – 28 мая. Слава Богу, все благополучно» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 15–15 об.).

⁵ М.М. Любошинский.

⁶ С.М. Любошинская.

⁷ В письме от 17 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Хочу все начать заниматься серьезно. Начала читать следственную комиссию о декабристах и уже увлеклась» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 57).

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 400

16 июня 1894 г., Москва

Москва, 16, июнь, 94

Дорогая моя, родненькая Натуся, получил вчера твои коротенькие записочки, одну, пересланную из деревни, другую, прямо пришедшую сюда. Я так рад их получать и так жду всегда, и так ты их коротко пишешь. Сперва на твои вопросы. Ничего я не сделал и как-то так затуркан, что ничего и

сделать не успею. Сергею Митрофановичу¹ не писал – напиши ты – брат Ив. Ник.³ – Ник. Ник.⁴ из Бирюча⁵, где он городским судьей, просит о переводе его на то же место в Чернигов, где есть вакансия⁶. Верно, теперь поздно и писать. Твой вид не выслал, потому что совсем забыл, и если бы ты не написала, то так бы и не выслал! Хотел 20-го вечером выехать, но едва ли успею, так много всякой возни: пришли приборы, надо их получить, ответить на кое-какие деловые письма и т.д., а я еще не подготовлен совсем к поездке (много надо читать), еще надо сделать условие с хозяином, осмотреть квартиру, массу всякой чепухи (белье etc.) закупать и т.д., и т.д. Во всяком случае, следующее письмо напиши мне в Lemberg (Львов) Antriche-Horgvic, poste restante⁷, а может быть, будешь так любезна и отправишь сейчас по получении этого моего письма карточку о себе в Krakow, Antriche-Horgvic, poste restante. Мой маршрут выяснился теперь следующий: прямо в Краков, из Кракова сделаю экскурсию в Величку, где спущусь в шахты, постараюсь добыть характерные образчики соли, осмотрю окрестности Велички и Кракова до Свощовиц, чтобы ориентироваться в строении этого месторождения. Если погода будет благоприятствовать и если я найду кого-нибудь из местных людей, то отправлюсь или в Татры (на Бабью Гору), или в Калуш, где находится другое месторождение каменной соли. Из Кракова проеду во Львов, а из Львова совершу поездки в Борислав, Трускавец, Коломыю, Слободу для осмотра условий выхода нефти и озокерита (твердой нефти). Из Львова прямо проеду в Будапешт. Если достану там рекомендации и если погода будет благоприятствовать, а время позволит – я проеду в Наги-Банью, Фельш-Банью и т.д. Оттуда через Шемниц (где также центр горного дела и знаменитая исстари Горная академия) в Вену, а оттуда на Пршибрам в Прагу. По приблизительным расчетам, в середине июля выеду из Праги в Рудные горы. А там еще Гарц и Эйфель и масса, масса разных проектов! Но как-то и хочется и как-то колется. Ибо я чувствую, что я мало знаю, что я мало подготовлен и что может быть результат поездки лишь при усиленной, энергичной работе во время и после поездки. Надеюсь, что справлюсь, а теперь нечего уже мне ныть.

Крепко-крепко целую тебя, мою дорогую, много любимую. Так хочется более длинных писем от тебя, моя Туся. Всех наших поцелуй. Что Паша?⁸ Елену Иван.⁹ выпустили, и она едет в Крым. Здесь я вчера видел Елену Дмитриевну¹⁰ и Александра Сергеевича¹¹ – они производят очень хорошее впечатление. Неохота Федора¹² оставлять в школе Максимовича! Аде¹³ напишу, но ругаю его – он прислал бестолковую до пес plus ultra¹⁴ телеграмму. Что ты читаешь, начала ли декабристов?¹⁵

Твой Владимир

Ты должна 1–2 часа в день работать над своей работой.

Оп. 7, д. 41, лл. 22–23.

¹ Очевидно, Зарудный.

² В письме от 29 мая 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Владимир, напиши, пожалуйста, сам Сереже про Миклашевского. Я забыла, какое место Миклашевский занимал и в каком городе и на каком месте стремится в Чернигов» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 13).

³ Иван Николаевич Миклашевский.

⁴ Николай Николаевич Миклашевский.

⁵ Уездный город Воронежской губ.

⁶ Н.Н. Миклашевский – земский деятель Городнянского уезда Черниговской губ. (в 80-х годах и с 1895 г.). Очевидно, он перевелся в Чернигов, так как Б. Веселовский пишет: «Н.Н. Миклашевский в 1891 г. был членом I Губернской управы; потом служил членом окружного суда» (см.: *Веселовский Б.* История земства. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. С. 313).

⁷ До востребования (фр.).

⁸ П.Е. Старицкий.

⁹ Личность установить не удалось.

¹⁰ Лаппо-Данилевская.

¹¹ Лаппо-Данилевский.

¹² Ф.Ф. Ольденбург.

¹³ А.А. Корнилов.

¹⁴ До крайности (лат.).

¹⁵ См. комментарий № 7 к письму № 399.

№ 401

17 июня 1894 г., Москва

17, июнь, 94, Москва

Моя дорогая Натуся, моя радонька, девонька моя! Так бы мне хотелось быть возле тебя, моей дорогой, нежно любимой. О твоём виде я подал прошение ректору, и вышлет его тебе уже Лаппа, так как мне ждать его будет некогда. Я почти наверное выеду за границу вечером 20-го. По моим расчетам, с Петрункевичем доеду только до Гарца включительно. Как следует быть, подробный расчет поездки мы с ним сделали до этого пункта. Вполне подготовлен я только к Величке, но более или менее и к остальным частям Австрии. А там везде буду учиться по мере движения. Павлов выедет 20 июля, и с ним мы, может быть, свидимся. Как-то и интересно и как-то жутко, что не сделаешь, что надо сделать. Но при чтении и при размышлении как-то пластически укладываются в голове все процессы Земли, и я много жду себе от этой поездки. В сущности, это будет лучшая, возможная выработка курса, и многое мне уясняется. Тебе будет писать Попов, письма ему пересылай. Всего тебе лучшего, мой драгоценный светик, моя радонька, моя дорогая. Сегодня приезжают Федор¹ с Машей².

Твой Владимир

Гусю³, наших поцелуй. Пиши подробнее. Жду в Кракове письма.

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 41, л. 23а.

¹ Ф.Ф. Ольденбург.

² Мария Дмитриевна Ольденбург.

³ Г.В. Вернадский.

19 июня 1894 г., Москва

Москва, 19 июня 94

Дорогая моя Натуся, моя родненькая девонька! Завтра почти наверное выезжаю. Мне осталось очень немногое: разменять деньги, кое-что купить и т.д., и со всем этим я справлюсь. Вчера получил из-за границы приборы (в том числе большой рефрактометр Цейса), которые ждал месяцы! Осталось лишь посмотреть и спрятать все до осени. Сперва отвечу на твои вопросы. 10 руб. передал Тане¹ для Аннушки², и она их вчера ей дала. Доклад Яцевич надо достать³. Я тебе, кажется, писал, прося достать изданную Полтавским статистическим комитетом брошюру Щ-на: программа для собирания сведений о народных математических приемах и воззрениях. Не забудь ее достать⁴.

Относительно уроков Гуле⁵ совершенно согласен, что их надо поставить серьезно. Мне очень трудно сейчас среди всякой кутерьмы по поводу отъезда тебе написать об этом. Хочется об этом обстоятельнее подумать, и так невольно не раз об этом задумывался. Относительно Ек.Е.⁶ две вещи мне не нравились: легкомысленное преподавание арифметики и приученье к мелочным фактам из области истории и т.п. Порча почерка etc. мне представляется совершенно несущественным, и вообще грамматическому преподаванию я не придаю никакого значения. Это скорее вопрос приличия, чем знания. Гораздо важнее и существеннее вопрос о выработке слога и связанной с ним выработке ясности выражения своей мысли. Но это может быть достигнуто лишь правильным преподаванием математики и, в его возрасте, чтением хороших и хорошо написанных вещей. По моему мнению, гораздо опаснее всех Ек.Ег. преподаваний и всех вообще этих вопросов очень случайная и легкомысленная постановка чтения Гули. Этим путем он приобретает больше. Выход один, о котором я тебе давно говорил, ознакомиться самим с детской литературой. Важно не только содержание, но сама форма произведения. Мне бы очень хотелось заняться с ним математикой, но не знаю, смогу ли. Для меня очень неясно, как и каким способом должно принаравливаться к детскому организму. Организм этот гораздо более сложен, чем то рисуется в обычных, грубых воззрениях, где вместо ребенка подставляется хорошо устроенная машинка, об утомлении, о вреде учения etc. Вредно не то, что дают знать много, а то, что дают знать то, что не нужно, и не дают того, что нужно. Это последнее так же вредно, как и излишнее «отягощение». Относительно преподавания арифметики то, что мне приходилось слышать о школьном преподавании, меня смущает. Вероятно, там много и нужного, т.е. такого, что требуется детским организмам, но еще больше такого, что зависит: 1) от ложных воззрений и ошибочных теорий г.г. педагогов и 2) от низкого уровня общего образования и развития и слабого постоянного биения мысли учителей и учительниц. Уж много слишком у них практики или стремления принести пользу – этого противного стремления. Наконец, все приноровлено к среднему ученику, и прилагать это без поправки, а иной раз без коренной ломки к одиночному ученику никак нельзя. Я заняться с ним попробую. Но не знаю, начну ли с арифметики. Совместным занятиям с Дорей⁷ etc. **я не сочувствую**. Не нравилось мне такое совместное преподавание вот по каким причинам: 1) совместное преподавание может быть очень хорошо, но когда

учеников много, когда есть дисциплина извне и когда изнутри на эту дисциплину отвечает «класс», «товарищество» и каждый мальчуган часть такого товарищества составляет и его жизнью живет; 2) если же детей мало – это исчезает. И тогда является другое. Надо превосходный, не случайный подбор детей. И не только детей, но и семей. По-моему, если товарищество – отдать надо в школу. А так такие опыты дома, подбор детей с бору (по) сосенке кажется мне самообманом. Если не отдавать ребенка в школу, я предпочитаю одиночное воспитание. Или подобрать соответствующий кружок. Но это последнее для нас вполне немыслимо⁸.

Всего тебе лучшего. Целую тебя и наших.

Твой Владимир

Мне очень не нравится, что ты не работаешь⁹.

Оп. 7, д. 41, лл. 24–25.

¹ Прислуга в семье Вернадских.

² Бывшая прислуга в доме Вернадских. В письме от 14 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «...начну с поручений: дай, пожалуйста, Аннушке 10 руб. от меня. Я ей пишу, чтоб она пришла к тебе за ними (эти 10 руб. мне дала мама для них [...]). Но не посылаю ей их по адресу, потому что адрес какой-то безграмотный, и боюсь, чтоб они не попали в руки Егору. Кроме того, мне нужны деньги на мелочные расходы, потому завладеваю этими 10 руб. и надеюсь, что тебе возможно будет выплатить их (ф.518, оп. 3, д. 260, л. 30).

³ В письме от 23 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Доклад Яцевич и брошюрку, которые ты просишь достать [...] постараюсь купить, но здесь книжный магазин так жалок, что не знаю, что в нем можно будет иметь» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 59). В письме от 2 июля 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Была [...] у Яцевич, не помню, писала ли тебе об этом. Она мне подарила свою книжку и была очень мила» (там же, л. 48 об.). См.: Начальное народное образование в Полтавской губернии / Сост. Ю.В. Яцевич. Полтава: Полтав. губ. зем. управа, 1894.

⁴ О какой брошюре идет речь, установить не удалось.

⁵ Г.В. Вернадский.

⁶ Учительница Г.В. Вернадского Екатерина Егоровна (Георгиевна) Лопатина. В «Хронологии» В.И. Вернадский записал: «Уроки (Георгия) с Е.Г. Лопатиной вместе с Илюшей Шаховским и Ваней Сахаровым» (ф.518, оп. 2, д. 32, л. 18).

⁷ См. комментарий № 6.

⁸ В письме от 15 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Мне очень хотелось бы, чтоб, если у тебя будет время, ты бы мне написал, как ты думаешь поставить уроки Гули на будущую зиму. Это нужно обдумать вперед, так как Ек. Ег. просила ей дать знать заранее. Я много говорила по этому поводу с Машей, и ей тоже кажется, что Ек.Ег. совсем неопытная учительница, незнакомя с методами и приемами преподавания и даже не сознающая необходимости подготовляться к урокам для маленьких детей [...] Опытная учительница будет, конечно, стоить дороже, но, может быть возможно будет присоединить Дорю или других детей к урокам или, чтоб меньше тратить, устроить прогулки Гули с горничной, что возможно устроить, если к нам поступит подруга Анюты (Машиной няни). Словом, в голову приходят разные комбинации. Напиши, что ты думаешь и чему придаешь значение. Мне кажется, что Гуля достиг такого возраста, когда важно, чтоб преподавание его поставлено было серьезно и хорошо [...] Напиши также, продолжаешь ли ты думать, что возьмешь на себя уроки арифметики с ним» (ф. 518, оп. 3, д. 260, лл. 32 об.–33об.).

⁹ В письме от 14 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я еще не начала заниматься. То одно, то другое какое-нибудь обстоятельство мешает [...] Думаю себе назначить 1½ часа для перевода и 1½ часа для чтения» (ф. 518, оп. 3, д. 260, лл. 30 об.–31).

20 июня 1894 г. [Москва]¹

20.VI 94

Дорогая Натуся, сейчас уезжаю. Все справил и готов к отъезду. Паспорт тебе получил, и вышлет его тебе завтра заказным письмом Лаппо². Тане³ выплатил жалованье (по) 8 июня и оставил ей 22 руб. сверх того (всего дал сегодня 30 руб.). Пусть она тебе обо всем напишет. Уж ведайся теперь с нею ты. Сегодня получил я твое письмо о Карно, анархизме и т.д.⁴ Правду сказавши, все это не произвело на меня совсем того впечатления, какое произвело на тебя. Все эти течения или, вернее, такие характеры и натуры были всегда, во все времена истории и не переводятся. Сама личность Карно бесцветная и слабая с исторической точки зрения, действительно, мало могла возбудить ненависти. С этой точки зрения убийства других лиц, вроде Авраама Линкольна или Тарфильда, куда больше могли бы возбудить страхи и охи за будущее. А все шло и идет своим порядком. Такие личности и характеры мало зависят от того или иного идейного течения – они всюду и всегда приноравливаются к самым различным. История карбонариев или Наполеона [же] великолепно это доказывает. Я решительно не понимаю, какое влияние на анархизм в Англии могут оказать народные университеты Англии. Это движение, правда, все в будущем – но сила его заключается не в том, а в том, что оно совпало с демократизацией местного самоуправления Англии и что с этим местным самоуправлением они, можно ждать поначалу, будут тесно связаны. И это – местное самоуправление в его полном народном развитии – есть единственная и полная школа народа.

Брест-Литовск, 22.VI.94

Письмо не кончил и кончаю теперь. Мы доехали с Ал.Ив.⁵ до Бреста превосходно – попали в такой вагон 3-го класса – прямого сообщения, который включает немного публики, и обе ночи отлично спали. Сегодня приезжаем в Варшаву, отсюда выедем лишь через 11 часов! Так как с заграницей принорованы лишь курьерские поезда, а почтовый, которым мы едем, – нет. Завтра рано утром будем в Кракове. Из Варшавы едем курьерским поездом: иначе нам пришлось бы ждать еще больше.

Дорогой я читал с большим интересом Шерера «Историю немецкой литературы»⁶, которую купил для дороги и советую прочесть и тебе, я кончаю первый том, который кончу до Варшавы. Возобновляю в памяти польский язык, но уже от Смоленска на вокзалах польских газет и книг уже совсем нет, неужели то же и дальше. Дорогой читал Петербургский «Kraj». Погода эти два дня превосходная, местность очень живописная, типичный моренный ландшафт окраин – холмы с малым наклоном, покрытые хвойным лесом, кое-где мелкие валуны. Давно я не видел этих милых сердцу моренных ландшафтов с их очень малоуклонными линиями, и как-то многое пережитое связано с ними, и мысль о протекших, прошедших годах носится, льется в душу. Как-то грустно. Со странным чувством я еду за границу. Как-то и интересно, и в то же время я чувствую какую-то лень. Я не верю в свою «будущность», а интересного так много кругом, что можно было бы мне или в деревне войти, как давно хочется, в жизнь окружающей природы и хозяйства, или заняться

в лаборатории, или основательно заняться математикой и ознакомиться с философией [ав 000]. Все это могло бы быть – и не надо бы было ездить. Лишь если из меня выработается профессор или если мне удастся моя, может быть, чересчур смелая попытка объять иначе минералогию и поставить ее задачи не так, как они ставились и ставятся, – лишь тогда моя поездка незаменима⁷. Но это попытка рискованная. С этой точки зрения присутствие Александра Ивановича для меня очень важно, так как благодаря ему я не выйду из рамок и не потеряю времени, как много делал раньше, – так как он в первый раз за границей, и он начинающий работник, и надо будет мне вести себя как следует. Погода такая чудная, что из Кракова, вероятно, я сделаю поездку в Татры – одно из самых чудных мест Европы, судя по описаниям, интересное и геологически. Для этого мне надо лишь кое-что прочесть. Надеюсь, найду в Кракове.

Я много думал вновь о твоём, письме о Карно и анархизме⁸. И мне очень не нравится настроение твоего письма. Я его совсем не понимаю. Франция находится в самом трагическом положении. Она устроила республику без народного управления. Она являет из себя политический non-sens⁹: централизованная республика без местного самоуправления и без местной сильной жизни. И это так удивительно ясно проглядывает во всей ее жизни. Ей нет выхода – или централизованный империализм (хотя бы под именем республики), или децентрализация. Опасно, что реакция при отсутствии сильных государственных людей еще более усилит реакцию и увеличит внутреннее противоречие ее жизни. Уже в президентство Карно по поводу буланжизма были нанесены сильные удары начинающей поднимать голову местной жизни.

В письме твоём мне не нравится страх перед народом – тот странный страх, который у тебя есть, и не нравится ошибочная мысль, точно книжное образование даст народу политическую мудрость. Я не вижу, чем хуже анархизм политических убийств, совершаемых другого рода правительствами, и то и другое гадость, и то и другое мало связано с идеей того или другого устройства – монархизма ли или анархизма. Вопрос в средствах – одинаково скверных. А в монархизме действуют **не** массы.

Затем, какой я ни сторонник университетов, но требовать и ждать от них большего, чем могут они дать, – невозможно и опасно. А для людей лучшая и единственная школа практической политической мудрости – правильное и сильное децентрализованное (чтобы больше граждан сознательно участвовали в жизни) самоуправление. Есть еще другой способ сильного государства: держать массу силой в узких рамках. Промежуток, как хотят французы, одинаково боясь того и другого, – нет.

Я надеюсь получить в Кракове твоё письмо. Ты писала бы мне больше, если бы ясно чувствовала, как мне нужны твои письма, моя дорогая! Как ты работаешь? Что читаешь сверх «декабристов» и Мильтона? С Лаппо много говорил. Целую всех.

Твой Владимир

Очень жду твоих писем, моя нежная, любимая, дорогая Натуся.

Оп. 7, д. 41, лл. 26–29.

¹ Письмо начато в Москве, о чем свидетельствует его содержание.

² А.С. Лаппо-Данилевский.

³ См. комментарий № 1 к письму № 402.

⁴ В письме от 17 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Мы все поглощены политическими событиями – убийством Карно – набрасываемся на газету и жадно прочитываем ее. Будет ли это событие иметь влияние на судьбы Франции? И какое дальнейшее развитие принесет анархизм? Как страшно это движение. Неужели гласное слово не больше обратит внимание общества на плохие стороны правительства, чем убийство и насилие, которые, напротив, должны запугать многих людей [...] Как я ненавижу насилие, как бы оно ни проявлялось, но нет, трудно человечеству идти мирным путем прогресса, свободного слова и пр. Наверное, Англия со своими университетами для народа сделает больше для понимания всех людей друг друга и блага свободы и мирного развития, чем что-нибудь другое. В этих университетах для меня чудится самый купный фонд современной европейской жизни» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 57–57 об.).

⁵ Возможно, Александр Иванович Петрункевич. См. письмо № 401, где он пишет: «По моим расчетам, с Петрункевичем доеду только до Гарца...» (с. 94).

⁶ Scherer W. Geschichte der deutschen Litteratur. В.: Weidmann, 1883.

⁷ В письме от 25 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Твое настроение безверья к себе я не люблю. Оно мне всегда кажется слабостью. Я люблю, когда интерес к миру и мысли увлекают тебя и ты не думаешь о том, насколько ты лично способен внести в мир, насколько плодотворной будет твоя работа. Мне всегда такое мучительное сомнение в своих силах, такая рефлексия кажется слабостью и мелочностью, недостойной твоего характера» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 64).

⁸ См. комментарий № 4.

⁹ Бессмыслица, нелепость (фр.).

№ 404

23 июня/5 июля 1894 г., Краков

Краков, 23, июнь (5 июля), 1894

Дорогая моя Наталочка, я был так рад, что получил здесь твое письмо, и теперь их так долго еще не будет, так как я еще через несколько дней буду во Львове, где надеюсь получить твои письма. Я приехал сюда сегодня. Теперь, вечером, мы с Ал.Ив.¹ засели писать и рано ляжем спать, так как ночь не спали, а завтра надо встать рано, чтобы к 9 часам попасть в галерею Чарторыхских, где мне хочется увидеть одну картину Леонардо. Завтра вечером мы едем в Величку. Я буду тебе писать подробно, не знаю, долго ли выдержу, а следовало бы. Мои письма будут иметь характер дневника впечатлений, отрывочных и случайных. Я, кроме того, буду вести подробный дневник более технического, научного характера. Тебе он неинтересен, и вот я не знаю, как я смогу и успею это сделать. Но сделать бы следовало, так как это будет заставлять держать себя в рамках и сделает мне поездку более целесообразной, хотя фиксировать эти летучие впечатления, вообще говоря, и не стоит, но тебе это будет интересно. Ты письма эти сохрани и отметь, где я буду говорить о высшем образовании в его разных формах или о горном деле. Технически я то и другое веду в дневнике. Буду писать тебе главным образом свои мысли и свои впечатления скорее, чем описания того, что видел.

I

Меня сильно поразила и много заставила думать – Варшава. Огромный, европейский город с населением около полумиллиона людей незаметно и постепенно вырос у нас на западной границе. Еще в начале столетия в нем едва-едва было 60 тысяч жителей, а 4 года тому назад он с предместьями за-

ключал более полумиллиона населения, не считая войска. И с тех пор он растет, и процесс его роста – естественный процесс, так как сила и значение Варшавы в экономической жизни России вместе с тем все увеличивается. Это город нам чужой. Кто-то любил и любит говорить о значении Москвы как такого города, где господином является не чиновник, не царский слуга в той или иной форме, а купец, т.е. человек независимый в своем достатке от государства и правительства, а тесно связанный с жизнью иными устоями, чем те, которые даются службой или подачкой. Еще более можно это сказать о Варшаве. Более быстро, чем в Москве, вполне независимо от правительства, благодаря пресеченному туда доступу и внешним политическим неблагоприятным условиям – весь тон в Варшаве задает неслужилый человек, тесно связанный с западной кипучей жизнью, сильно чувствующий уже не племенные, а чисто житейские неудобства детских пеленок, в которых он находится, и совсем чужой и чуждый, враждебный всему русскому. Если Москва может поражать иного россиянина своим малым служилым характером и действительно является полным отрицанием Николаевских идеалов русского города, то что же сказать о Варшаве ... Больше всего меня поражало и поражает полная разрозненность двух народностей; прошло 30 лет, и также грозно одна против другой стоят две силы – польское общество и русское правительство, русское общество в Царстве Польском. И нигде, нигде не прошла хоть какая-нибудь сглаживающая черта, которая позволила бы подняться на лучшее будущее. Чувствуешь – враг спокоен, враг не проявляется, пока грубая внешняя сила держит и давит его, но стоит только случиться чему-нибудь, стоит как-нибудь подряд несколько раз крупно ошибиться в своих поступках этой грубой силе, и враг подыметесь, сметет, не оставит камня на камне из того, что сделано было за все это время. И что такое сделано? Внешне это проявляется в бесчисленном множестве фортов, солдат на каждом шагу – чувствуешь себя в военном лагере, надо надеяться – хорошо устроенном. В Варшаве можно всюду объясняться с грехом пополам по-русски, всюду вывески на двух языках (а на железных дорогах на одном русском) и – только. Не внешне: сделано в свое время было достаточно для временного улучшения в положении крестьянской массы Царства, много было сделано попыток, окончившихся вполне неудачно, порвать связь наших поляков с галицкими и познанскими их братьями – много было внесено этим злобы, много было этим нанесено несмываемого, тяжелого горя. Еще больше было сделано для мелочной, грубой обиды в самой тяжелой, непрощаемой форме – в мелочах жизни. И вся тяжесть нашего режима, со всеми ее сторонами, иногда в квадрате, всюду и на каждом шагу годами и не уменьшаясь давит каждого мыслящего поляка ... Я много раньше расспрашивал и разговаривал с разными людьми, жившими долго в Царстве о причинах полной разрозненности двух обществ – русского и польского – даже в лучших его представителях после 1863 г., и всегда мне казалось, что одна из этих причин в незнании, а другая – в малой политической мудрости славянских народов с их мягкостью мысли и малой сознательностью действий, с их несчастной ленью и отсутствием выдержанной энергии. Поляки политически давно делали лишь ошибки и этим погубили Польшу и губят ее теперь своим полным непониманием окружающей жизни. Русское общество после великой реформы 60-х годов пошло по ложному пути – от него мы до сих пор страдаем и никак не можем вырваться. А эти

последние годы мы видим только ряд крупных политических ошибок нашей государственной практики – ошибок, которые надолго, верно, определяют весь характер русской государственной деятельности. Неужели издавна умная, ловкая – хотя бы безнравственная и лукавая – политика московских бояр и государственных людей петербургского периода также последовала общей славянской болезни? Оставляя в стороне всякие другие вопросы, больше всего поражает это в проявлении национальной и религиозной нетерпимости и ненависти. Я могу проследить, как мало-помалу она сделалась одной из коренных и основных формул нашего правительства. Я жил вполне сознательной жизнью, когда она, вкравшись в правительственную деятельность издавна, мало-помалу ясно обозначилась и, наконец, прямо определилась в законодательной и законотолковательной деятельности – то в известных циркулярах Деянова, то в законоположениях об университетах и гимназиях, дразнении Финляндии и мерах в Остзейском крае (хотя бы многое там и надо было сделать), мерах против евреев, от самых крупных до мелких и обидных, вроде законом караемого неупотребления собственных имен на еврейском жаргоне и т.п. Еще сильнее это здесь в Царстве и вообще по отношению к полякам. Здесь в Кракове, на расстоянии часа от границы, особенно это чувствуешь, так как здесь все это замечается, подчеркивается и иногда бессознательно вся здешняя жизнь работает над тем, чтобы ничто не было забыто и ничто не было прощено. И как-то всей душой больно и тяжело это чувствую, хотя вполне понимаю. Во всех мелочах жизни проявляется это в Варшаве, и меня поразило уже в то короткое время – в день, который я провел в городе. Уже началось это проявляться в вагоне. Я попал в «чистый» вагон – третьеклассная публика была более чистая. Был я в малом иастроении разговаривать и больше читал. Но разговоры кругом и отношение публики невольно проявлялись. Стоило появиться еврею, и то из того, то из другого конца вагона раздавались на его счет громко и выразительно обидные прозвища, насмешки в тех случаях, когда он обращался с вопросом, начинались рассказы о разных еврейских проделках и подчеркивалась их общность среди этого племени. Соседи мои, которых я первоначально принял за евреев, доводили это до того, что на вопросы евреев давали заведомо ложные ответы и хохотали в глаза ... И каждый еврей должен был чувствовать себя в вагоне травленным зверем. Иные громко огрызались, быстро проходя, а другие, как дикий хитрый зверек, быстро съжившись, проходили или сидели, стараясь возможно меньше показываться на глаза своим мучителям в разных концах вагона. Было душно и отвратительно в этой атмосфере, но не есть ли это проявление того, что ныне является признаком благонадежности? Не таковы ли условия высылки евреев из Москвы, которые мне ярко помнятся? И вся, вся законодательная деятельность относительно евреев за это десятилетие. В Варшаве опять появились знакомые по Москве и по Петербургу надписи вроде «Шмуль, Мозер, Меерзонг» и т.п. Но уже выйдя из вагона, вся эта толпа русских или старающихся быть русскими потерялась среди огромного города, живущего своею собственной, неизвестною нам жизнью. То же, что по отношению к евреям, то же и по отношению к полякам. В вагоне громко и постоянно они разбирались по косточкам, иногда в этих отзывах слышалась добродушная, глупая наивность Щедринских героев. Но были проекты и зловердные, вроде громкого обсуждения в одном углу проекта устройства в каждой деревне за-

ставы, постановки сторожевого колокола – созыва жителей при проезде подозрительного прохожего и проезжего и предоставления его в руки урядника, дальше станового и т.д. Проект этот обсуждался в разных частностях, становился с видимым знанием и любовью к делу. В этих вагонных разговорах больше всего меня поразило тот отголосок отзывов о разных частях русского государства, который нередко услышишь в обществе наших черноземных помещиков, чиновников и т.п. Оно воспитывается прессой, которая подбирается и подлаживается правительством, и пустило ростки в нашу бедную жизнь. Ростки крепки, а плод горек и опасен. Поляк, который попадает в такую атмосферу, чувствует себя несчастным, верно, озлобленно молчит, но те же русские в городе – невольно чувствуют себя подавленными городской текущей жизнью и в то же время нередко самовольно дают чувствовать: мы-де господа все-таки над вами. Мелочные проявления этого мне пришлось видеть, а характер этих «господ» всюду один – и в их деятельности, в полиции, и в земском начальничестве, и в качестве помещиков...

Я был вечером в Саксонском саду и долго ждал там поезда. Масса публики всюду толкалась. Чрезвычайно нарядная, одетая не по-нашему, нередко красивые польские дамы – с лицом энергическим, довольно полные, кокетливые. Рядом – совершенно иной, нервный, иногда то, что называется затасканный, ряд также расфранченных мужчин. Попадались также умные лица, но в общем и лицо, и вся фигура их как-то терялась среди цветущих женских фигур. Эти точно уже раньше пожилы, точно много и много им пришлось и в молодые годы пережить и перекутить. Нигде я не видел такого резкого различия, как здесь в Варшаве. Оно бросалось в глаза, и, признаюсь, как-то невольно думалось, неужели они, эти затасканные, неприятные фигуры, произвели весь этот город и то чувство силы, которое невольно тебя охватывает при размышлении о большом растущем европейском городе помимо нас и нам враждебном? Мне иногда казалось, что в этих мужских лицах я вижу как бы копию (дурного тона), карикатуру на Париж – и польская женщина осталась нетронутой и цельной. Это стремление жить одною жизнью с большими центрами чувствуется всюду – в продаже французских, английских, итальянских газет, книг и т.п. Это чувствуется здесь, в Кракове, на выставке польских художников, произведших на меня сильное тяжелое впечатление подражанием французским художникам нового типа и отсутствием самостоятельности и силы.

При виде всей этой публики – самой разношерстной и разнообразной, толкающейся по Саксонскому саду, невольно вдумываешься в то несомненное новое течение, которое наблюдается в польской жизни. Это сильная и незаметная демократизация. Саксонский сад сохранил еще кое-где остатки старого стиля, переносающего нас в манерный 18-й век тогдашней придворной жизни. То была жизнь небольшого кружка чувствительных, легкомысленных бездельников, для которых вся остальная масса существовала. В Польше при Саксонских королях и позже это особенно сильно чувствовалось и привело ее к ее испытаниям. Нельзя, однако, отрицать своеобразной и, мне кажется, очень сильной красоты в созданиях этого времени. Но когда среди остатков

этой прежней жизни движется и гогочет, разговаривает, ухаживает и ссорится толпа разночинцев, то это производит особенно сильное впечатление. Правда, польская шляхта со всем ее гонором всегда имела характер дворни при магнатах и королях, но все-таки теперь вполне, по крайней мере, сильно проявляется нивелирующее влияние новой жизни. Оно должно быть и внутренним. Русские крестьянские мероприятия в Царстве Польском должны были, в [конце] концов, выдвинуть из крестьян многих лиц, прошедших в польское общество; среди этого общества они должны были вызвать сознание близости с народом: эту часть своей реформы понимал и предчувствовал еще Н. Милютин. Но особенно, кажется мне, две стороны жизни должны были выдвинуть демократическое по внешности явление. С одной стороны – неудача шляхетских восстаний 1830 и 1863 гг. и шляхетского правления до 1863 г. и закрытие многих путей достойного заработка, оставаясь в Царстве Польском, с другой стороны – сильное развитие технической промышленности и горного дела должны были совершенно реформировать строй польского общества. Особенно любопытна вторая сторона: как она могла проявиться? Кто был деятелем в этом движении? Ведь создалась настоящая крупная фабричная промышленность, которая все развивается и которая грозит совершенно перестроить всю жизнь польского общества. Неужели на эту работу пошла более энергичная, живая часть польского общества? Или и здесь немец (вроде лодзинских фабрикантов), еврей явились пионерами и только мало-помалу поляки начали входить и входят, втягиваются в эту новую для них сферу деятельности. Последнее вероятнее. Но влияние этого факта огромное. Прислушиваясь и присматриваясь к окружающей публике, вчитываясь в здешнюю прессу, видишь, что это является наиболее ярким и живым, характерным явлением здешней, Царства Польского, экономической жизни. Уже здесь, в Галиции, слышны лишь отголоски. Теперь по поводу грозящей от дождей беды земледелию раздаются голоса о необходимости перехода к технической промышленности подобно происходящему в Царстве Польском, Познани и Силезии. Две стороны очень важны – с одной, появление новых капиталов и возможность работы в руках более энергичных, практических научно образованных людей. Это должно было совершенно отодвинуть на второй план значение шляхты как класса помещиков. В то же время среди фабричной работы и дисциплины народные массы должны были мало-помалу приучаться к иной политической деятельности. Здесь рабочее движение Запада и течение польских социалистов должны иметь нешуточный характер и должны обратить на себя серьезное внимание мыслящих русских людей – особенно в связи с Силезией и Познанью. Другое важное новое, которое вносится этим движением, – это тесная материальная зависимость от России и от русской жизни. Если движение это будет расти и захватит все глубже и глубже польское общество, то, думается мне, сильнее всяких военных оккупаций – оно свяжет интересы страны с русской жизнью. Уже давно, со слов «Всероссийского купечества», можно было понять значение этого нового промышленного центра, тарифные мероприятия здесь дело улучшили и расширили. В здешней прессе видно внимательное слежение за русской торгово-экономической жизнью, теперь всюду всякие толки и расширение экономических сношений с Кавказом. На поезде постоянны разговоры о том же. Я ехал с сапожником из Саратова – он ведет 25 лет большое дело и ездит последние 10 лет сюда еже-

годно. От Москвы еще 1000 верст, а ему оказывается выгоднее закупать товар здесь, а не в Московских фабриках. Несмотря на большой провоз, дешевле и лучше. Теперь он прекращает покупку заграничного товара, так как польский товар теперь становится лучше германского и дешевле. То же слышал я и о других производствах. Итак, незаметно завязывается новая связь, могущественная и глубокая, связь интересов, которая обеспечит край (контактами) с Россией гораздо больше всяческих оккупаций. Надо еще несколько лет, и она должна войти сильнее в сознание и в жизнь польского общества...

О Кракове после. Целую тебя, мою дорогую, наших всех целую. Чувствую себя хорошо, лишь ревматические боли, захваченные еще в Москве, дают себя чувствовать. Перемены в поездке пока нет. Здесь минералог Крейц очень советует поездку в Татры, если хорошая погода – туда поедем.

Целую тебя. Пиши.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 30–37.

¹ Петрункевич.

№ 405

25 июня/7 июля 1894 г., Краков

Краков, 25 июнь/7.VII 94

Дорогая моя Натуся, еще я в Кракове и только завтра выеду отсюда и еду (если не будет проливного дождя) в Татры, где пробуду 3–4 дня. Из Татр отправляюсь в Ветржно, где осмотрю выходы нефтеносных песчаников и скважины нефти, а оттуда во Львов. И только там я получу твои письма, моя родная, дорогая Натуся. Так скучно не иметь о тебе никаких сведений. Сегодня только вернулся из Велички. Осмотрел ее великолепно и вынес страшно много. Я осмотрел только одну шахту – эрцгерцога Рудольфа, но зато так хорошо, что все, что мне надо, видел, и меня до *plus ultra*¹ любезно приняли, провели не как туриста, и я отсылаю завтра в Кабинет довольно драгоценную коллекцию из Велички – то, что хотел иметь. Если дальше будет так же удачно, то жалеть о поездке не придется, а теперь – после о Величке – мне хочется набросать тебе мои впечатления и размышления в Кракове и о Кракове.

июнь 26/июль 8, 1894

II

Краков – последняя польская земля, потерявшая самостоятельность (еще в 1840-х годах он был вольным городом Краковом – независимым от Австрии, Пруссии и России), и до сих пор сохранил характер чисто польского города. Здесь скопилось масса остатков старины, и весь город как бы вычистился и приспособился к современному европейскому городу, не бросая характера и стиля старинной, древней столицы. Когда-то он был достаточно велик для тогдашней Польши и среди тогдашних окружающих городов. С тех пор обстоятельства изменились, и он, оставшись прежним, из большого города сделался маленьким, провинциальным городком, сохранившим печать

и отблеск прежнего значения. Все его значение в прошлом, его влияние на настоящее сказывается главным образом в вечном напоминании полякам их прежней, старой славы и величия. Сюда как в центр польского народа начинают стекаться все воспоминания о прежней жизни народа, создания его современного гения – образуется как бы умственный и духовный центр живучей польской отрасли славянского племени. И мне кажется, на этом изменении характера Кракова можно предугадать некоторые живые ростки будущего – и на меня посещение Кракова произвело достаточно сильное впечатление.

Львов, 11, июль, 94

Очень долго жизнь польского общества сосредоточивалась исключительно около церкви и около политического восстановления Польского государства – притом и то и другое являлось по идее чрезвычайно малоподвижным, малоизменчивым идеалом. А такие неупругие идеалы едва ли могут когда-нибудь вполне быть достигнуты, и стремление к их достижению в значительной степени тщетно. Нарождаются и выясняются новые течения, и они должны быть приняты в старый идеал для того, чтобы идти рука об руку со временем. Так и в идеалы либеральных течений вошел могущественный и важный вопрос о лучшем устройстве экономических отношений, и только тогда и старый идеал свободы получил свою настоящую силу и форму. Краков – в значительной степени средоточие старинного идеала польского общества. На каждом шагу тут чувствуется напоминание о прошлом и о теперешних несчастиях или притеснениях Польского края. В книжных лавках масса различных сочинений по этому поводу, в каждом номере каждой газеты, выходящей в Кракове, мы найдем то или иное напоминание о прошлом блестящем и современном несчастном положении Польши. В каждом храме, на картинной выставке мы видим то же самое. Так, в одном из старинных памятников Кракова – в церкви Св. Франциска (чудном создании готического стиля) – находится ряд статуй старинных краковских епископов начиная с XIV столетия. Среди этих статуй выделяется одна – без всякой подписи, но полная различных эмблем – это статуя епископа Солтыка, кажется, бежавшего из ссылки и протестовавшего против деления Польши; его же еще более полный того же самого характера памятник находится в Краковском соборе. В этом Краковском соборе целый ряд памятников и целый ряд надписей напоминают о борьбе с Россией начиная с XVIII столетия. На картинной выставке среди картин (в общем очень плохих), среди немногих хороших одна картина выделяется по жизненности и силе – представляет она насильственное причащение униата – крестьянина, который числится православным. Русский священник вливает причастие связанному крестьянину, рот которому открывает находящийся тут староста. Все фигуры сделаны очень верно, картина производит сильное впечатление и тем более сильное, что эти факты, к сожалению, верны. В превосходной картинной галерее Чарторыжских имеется опять много картин того же характера и среди них одна аллегорическая картина и по художественному своему значению весьма сильная, это картина Матейки, представляющая 1863 г. В ней только совсем не удалась фигуры русских. То же самое мы видим на каждом шагу. И несмотря на это, мне кажется, во всем этом течении чувствуется новое веяние и это веяние должно иметь решающее значение для польской общественной жизни. Для меня это впечатление было совсем неожиданно, так как я как-то совсем считал погиб-

шей Польшу в ее стремлениях к политическому государству с шляхтой и католическим попом. Очевидно, все представления о прошлом и настоящем Польши односторонни, и надо ей искать более глубокого объяснения ее падения, чем всякие внешние поражения и притеснения. Посещая все эти храмы и видя возвеличение всяких важных польских родов как раз в тех их представителях последних столетий, которые погубили и продали свой родной край, всех этих Чарторыжских, Потоцких, Радзивиллов и *tutti quanti*², великолепно сумевших обделать свои дела при гибели родной страны, мне как-то становилось грустно. Внешний враг был, но он победил, потому что народ польский был в Польше рабом, для него уже много столетий ее не существовало, а вместо того на нем висела толпа магнатов, и шляхты, и попов, всячески теснящих и оскорблявших его. Какая резкая картина деления Польши и попыток деления Франции в прошлом столетии! Действовали те же государственные люди и те же политические силы – но с Францией они сладить не могли, потому что встретились с компактной, сильной духом массой французского народа, выступившего с высокими идеалами и глубокой сознательностью, а с Польшей они относительно быстро сладили, и многие из самих магнатов, шляхты и народа их предавали и помогали врагу. Если бы сознание было бы развито в польском обществе, то многие из этих их героев оказались бы печальными памятниками людской пошлости. Очевидно, только одним путем, путем возвращения к народному сознанию, путем чистых демократических идеалов возможна сильная и живая жизнь польского общества и польской нации. Любопытна попытка этих демократических течений, проходящих через всю польскую историю с конца прошлого столетия, но иногда не имевших достаточной силы – они шли лишь из головы или из сердца, но кругом в жизни не было тех условий, которые позволяют бессознательно стремиться к тому же самому. И в этом последнем является самое важное недостающее условие для развития польской демократии. Сознание необходимости демократических идеалов проявляется и теперь здесь, во время празднования памяти Костюшки: всюду, на каждом шагу копии, фотографии картины Матейки, представляющей чуть ли не единственный момент польской истории, когда народ, с косами и в белых свитках, двинулся вместе с панами за свой родной край. О самой картине я тебе напишу после – Матейко произвел на меня глубокое впечатление. Мне хочется лишь указать на тот момент, который был выбран для празднования. Все польские газеты переполнены всяческими рассуждениями о необходимости идти с народом, о значении народа, об единственной возможности чего-нибудь достигнуть, если только народ пойдет вместе с ними; на выставку во Львов, носящую название *krajowy*³, но, в сущности, представляющую из себя национальную польскую выставку, из разных мест привозятся толпы народа, и с ними кокетничают всякие Сангумки, Сапеги и т.д., и т.д. Здешние демократические газеты (например, «*Kurier Lwowski*») всячески подчеркивают противоречия между такими заигрываниями, громкими словами и действительным отношением к этому самому хлоппу, но факт остается – факт необходимости, хотя бы и против воли, обратиться как к единственной поддержке и единственной силе к этому самому народу. Долго блуждали польские государственные люди, и горьки их ошибки: они надеялись и на папу, и на Наполеона I и III, и на французов, и на Англию – на всех, и все их оставляли, и так вековой историей разочарований возвращаются они к тому самому народу, который представляет единственную действи-

тельную силу – если он жив – Польши. Я бы не обращал на это внимания, если бы в жизни не было новых условий, которые заставляют меня предполагать, что теперь демократические стремления имеют больше опоры и больше будущности, чем всегда раньше. Ибо в жизни созданы условия, которые им благоприятствуют. Прежде они были созданием лишь остальных светлых умов и горячих сердец, теперь же они сверх того накладываются великим демократическим течением, которое на наших глазах начинает перестраивать вековой строй европейского общества. Думается, что в исторических событиях мало одного влияния великих идей и великих сознаний, надо, чтобы условия текущей, будничной жизни, условия среды благоприятствовали историческому процессу. С этой точки зрения правы те историки, которые придают важное значение экономическим условиям жизни, верны и те мнения, которые отводят такое решающее значение хорошим институтам. Медленно, но верно и в них идет переработка характера народа, налагается известная правильная дисциплина, и масса людей, не имеющих возможности, охоты или сил жить сознательной общественной жизнью, входит в работу, нужную, необходимую, хотя бы и бессознательно. Есть много условий в текущей польской жизни, которые делают демократический идеал более достижимым, чем когда бы то ни было раньше. Эти условия заключаются в новых силах, выступивших на общественное поприще в самой Польше, в новых течениях, господствующих кругом в окружных странах, и в совершенно необычном развитии науки, техники и международного обмена. В самой Польше выступили новые силы, которых прежде не было, частью вследствие роста промышленности в Познани и в Царстве Польском, частью вследствие развития разночинцев и богатых крестьян в Царстве, Галиции и Познани, благодаря отбросу всяких прежних привилегий шляхты. Это класс новый в польской истории, и он состоит из людей сильных, энергичных, самих пробившихся в жизнь. И с ними должны невольно *coûte que coûte*⁴ пойти все застарелые, столько зла принесшие своему народу слои, бывшие долгие годы впереди народа. Совсем необычные явления представляют крестьянские движения среди польских крестьян. Под влиянием демократического малорусского движения начались вече (*platforms*)⁵ и политические интересы и среди польских крестьян в Галичине, и к ним теперь начинают все больше и больше, частью с тревогой, частью с заигрыванием обращаться все польские партии. Под влиянием немецкого социал-демократического движения в Германии выступили и польские рабочие, а в Австрии они выступают, как только – а это неизбежно – право избрания etc. будет расширено. Наконец, выступил на политическую сцену целый польский край, где нет ни шляхты, ни пана и где рабочий и крестьянин являются единственным представителем польского народа. Это Горная* Силезия. Любопытно, что первые депутаты этих крестьян, прошедшие в последние выборы в Рейхстаг, отказались записаться в Польский клуб, так как они не хотели вотировать за новый военный закон и т.п. Все это – новые элементы, и их влияние только-только начинает сказываться. Оно все в будущем. В то же время кругом совершается все большая и большая демократизация государственного строя, и она не может быть остановлена ни попытками реакции, которая может возникнуть под влиянием страхов анархизма, ни тем искусственным и глубоко вредным подъемом классового духа, который царит

* Верхняя (Horna – польск.)

у нас в России. В то же самое время развитие науки по самому существу своему в настоящее время вполне демократично.

Так все складывается к тому, что готовится почва для демократии в Польше и что эта попытка демократического роста может быть сильна и нам с нею надо считаться.

И в Кракове видно влияние этого движения. Первым изменился университет, потерявший свой старинный, средневековый характер и мало-помалу теряющий свою строго католическую тенденцию. Появились музеи – вроде физиографического, где научный интерес и научное изучение не дает опоры шляхетской Польше, появилось стремление улучшить школы (целое движение теперь), новая, уже не поповская народная литература и пр., и пр. Все это живые ростки будущего. А народ талантлив и силен духом.

Ты видишь из этого письма, что я не уехал прямо в Ветржно, а еду из Львова. Выезжаю сегодня и буду завтра в Калуше, послезавтра в Бориславе, затем в Ветржно и оттуда проеду в Будапешт. Всего тебе лучшего, моя дорогая, родная Натуся. Сейчас иду на почту доставать твое письмо – пока получил всего одно! Неужели ты только одно адресовала мне во Львов? Напиши, Гусика⁶ целую.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 38–43.

¹ В высшей степени (лат.).

² И им подобные (ит.).

³ Всеобщий, национальный (польск.).

⁴ Во что бы то ни стало (фр.).

⁵ Политические платформы (анг.).

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 406

[27 июня/9 июля 1894 г., Lemberg]¹

Дорогая Натуся!

Сегодня приехал я во Львов. Татры etc. по зрелом обсуждении оставил в стороне. Я пришлю тебе завтра-сегодня письмо более подробное, теперь пишу карточку, чтобы ты знала, где я. Величку осмотрел превосходно, добыл все, что мне надо, – больше, чем ожидал. Здесь пробудем дня 2–3, а отсюда едем в Калуш, Дрогобыч, Ветржно, в Будапешт. Пиши мне теперь в Pest, Ungarn, до востребования. Целую тебя, Гусю², наших. Пиши.

Твой Владимир

Здесь получил одно твое письмо.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбою передать Н.Е. Вернадской. Полтава, Институтская ул., д. Янович, Poltawa, Russie.

Оп. 7, д. 41, л. 44.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке. Получена открытка в Полтаве 30 июня 1894 г.

² Г.В. Вернадский.

29 июня/11 июля 1894 г., Львов

Львов, 11 июля/28¹ июня 1894

Дорогая моя Натуся, сегодня получил я твое большое письмо, на него отведу я тебе после. Мне хочется тебе только написать, что тот анализ, которому ты подвергаешь себя и наше чувство, по самому существу своему, совсем и всегда неполон, так как я думаю, что любовь между нами основывается на более глубоком чувстве и на таком, которое не может быть обосновано разумом. Для меня в этом чувстве много совсем другого, и мне представлялось всегда в аналогичных случаях и представляется теперь, что анализируя мы не в состоянии разобраться в чувстве, которое далеко не основывается на той стороне нашего сознания, которая познается любым логическим процессом. Я вообще не понимаю, как можно говорить о нашем с тобою «товариществе» – это нечто иное и большее². Хочется ответить и об альтруизме. Я только пока замечу, что я не отрицаю хороших сторон альтруизма, но думаю, что он может легко являться и элементом регресса, а следовательно, это не тот чистый идеал, который всегда правит и который может нас только удовлетворить³. Мне хочется, однако, продолжать тебе свои размышления и впечатления среди путешествия (если тебе они интересны). Я еду сегодня вечером в Калуш, куда добыл уже разрешение на посещение от здешнего управления Горного округа. Оттуда завтра направляюсь в Дрогобыч и оттуда в Борислав. Я думаю, что числа 14–15 июля могу выехать или прибыть в Будапешт. Путешествие мое пока идет хорошо. Для А.И.⁴, однако, я, думаю, слишком сухой и отвлеченный проводник. Я покупаю пока книги, не жалея, но все это как-то так. Ну, да посмотрим, моя родная Натуся.

III

И в Кракове, и во Львове я посетил более или менее все главные польские научные учреждения. Мне совершенно ясно, что в современном развитии народном всякое научное учреждение должно играть более важную роль, чем какая ему рисуется в наших обычных представлениях.

Калуш, 12.VII 94 н. ст.

Будапешт, 16.VII 94

Так и не успел, моя дорогая, среди постоянных передвижений дописать письмо и теперь начинаю его опять. Здесь я получил твои письма, моя радонька, и так был им рад. Мне очень и очень дорого получать твои письма, и всегда я их так жду. Сегодня я был в Минералогическом кабинете, познакомился с профессором Креннером (мой старый знакомый, Сабо – умер месяца два назад). Кабинет здесь превосходный. Очень может быть, что я сделаю еще одну-две экскурсии по Венгрии – куда еще поеду, не знаю. Но языка абсолютно не понимаю – с немецким, однако, справляться можно вполне хорошо⁵.

Оп. 7, д. 41, л. 45.

¹ Описка у В.И. Вернадского. 11 июля в XIX в. соответствовало 29 июня ст.стиля.

² В письме от 25 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «...только самые выдающиеся люди, как ты, Митя и другие, спасаетесь от тоски, неудовлетворения своей жизнью,

сознания мелочности всего того, что делаешь и думаешь. Я была забита всю эту зиму, при-
давлена этими чувствами, этим горьким и мучительным неудовлетворением [...] Я не могла не
сознавать, что мое движение вперед шло слишком медленно, что и нравственно будто мельча-
ла душа. И это меня мучило [...] А во-2-х, потому что я даже не чувствовала себя подходящей
женой для тебя. Мне казалось, что если пойдет так же дальше, все должно идти к неизбежному
разрыву понимания и близости, без которого я не понимаю и не признаю брака. На чем может
держаться чувство в таком браке, как нашем, исключительно основанном на чувстве товари-
щества (не так, как в прежних браках, на юности, красоте женщины), если развитие жены
останавливается и лишь мысль мужа сильно двигается вперед [...] Мне кажется, что я пере-
живала эту зиму кризис. Я даже писать тебе не могла первое время после нашего расставания
[...] Будущее покажет, способна ли я на движение. Все это заставляет много думать» (ф. 518,
оп. 3, д. 260, лл. 62–63об.).

³ В письме от 25 июня 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала:

... несправедливо и неверно твое отношение к людям, стремящимся приносить пользу, –
это сама по себе благородная и высокая черта. Я понимаю, что жизнь сознания, идейная жизнь
для тебя выше и лучше, но и альтруизм очень высок, красив и благороден. По крайней мере,
люди, лишенные альтруизма, мне не представляются красивыми и изящными. Почему много
современных девушек так плохи, так лишены чувства долга, не привлекают тебя, именно по-
тому что им, между прочим, недостает альтруистических стремлений. Я совсем не понимаю
твоего отрицательного отношения к альтруизму» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 65–65 об.).

⁴ Очевидно, Петрункевич.

⁵ На этом письмо обрывается.

№ 408

15 июля 1894 г., Новый Загуж

Новый Загуж. 15.VII 94

Дорогая моя Натуся, пишу тебе с дороги в Будапешт, со станции, где до-
жидаюсь поезда несколько часов. Ни из Калуша, ни из Дрогобыча я не успел
тебе написать. Большое письмо пишу и надеюсь послать тебе завтра из Буда-
пешта, куда приеду в час дня. Своей поездкой и в Калуш, и в Борислав чрез-
вычайно доволен. Из Борислава везу драгоценную коллекцию горного воска,
из Калуша мне обещали выслать. Я вынес очень много и научно, и житейски.
Посещение рудников особенно горного воска, где условия работы и рудни-
ков поистине ужасны (под землею на глубине 185 м, все время нагнувшись,
иногда ползком и так в полутьме до 12 часов работы! Причем опасность в
этих рудниках чуть не в 200 раз больше, чем в остальных! Я пробыл там часа
1¹/₂ и рад был, когда выбрался), очень много заставляет меня думать по воп-
росу о государственном вмешательстве. Всюду я встречаю самое любезное
содействие. Если так будет дальше, то не жаль ни времени, ни денег. В Буда-
пеште пробуду дней 5–6; оттуда, если можно будет, проеду в Вереспатак или
Фельше-Банья, а оттуда в Вену. Вышли, пожалуйста, заказной бандеролью
несколько хороших дешевых изданий (народных) Толстого, Гаршина, Коро-
ленко etc., если можно – «Крейцерову сонату» (не народное издание) и что
найдешь из хорошего дешевого. Сама заплати. Вышли по следующему адре-
су: Drogobucz (Дрогобыч), Bergcommissar Igov Sepulič. Я много ему обязан,
и мне хочется отплатить ему. На бандероли отметь, что от меня. Это хорват,
очень интересующийся русской литературой, и он мне будет здесь собирать
коллекцию. Целую крепко тебя, всех.

Твой Владимир

Моя ненаглядная! Чувствую себя хорошо, только сегодня зубная боль немало порядочно мешала.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Полтава, Poltawa, Russia, Россия.

Оп. 7, д. 41, л. 46.

№ 409

17 июля 1894 г., Будапешт

Будапешт, 17.VII 94, н.ст.

Дорогая моя Натуся, я все еще не успел кончить тебе свое большое письмо и пишу эти несколько слов пока. В Будапеште я уже осмотрел часть минералогического собрания – весьма большого – и уезжаю отсюда завтра или послезавтра, может быть, в Шемниц и Кремниц, а оттуда в Вену. В Вене я пробуду с неделю. Сегодня получил твое письмо. Ты напрасно думаешь, что я неверно даю тебе адреса. Я получаю вполне аккуратно все твои письма: ведь из Львова в Пешт письма проходят день, а я ехал 4 дня и т.д. Письма мне пересылают, и я нашел, приехав в Пешт, и все твои письма, которые ты адресовала во Львов. Сегодня-завтра сюда приезжает Вася Водовозов. Ты спрашиваешь об определителе жуков – я знаю по-русски Фриккена «Определитель жуков»¹. Недурно, но он все-таки мал. Атласа не знаю, узнаю – напишу.

Минералогический музей здесь великолепен: оно и не удивительно – на коллекции государство отпускает 3000 гульденов в год, а одно частное лицо 15–20 000 гульденов в год; у нас же, как тебе известно, на весь Кабинет отпускается 500 руб., да университет из своих средств уделяет до 800, – т.е. всего 1300 руб. на все! Здесь видел я такие уникалы, которые стоят 1000 и больше рублей – один минерал. Многому научился. Вот тебе мой завтрашний день: утром в 8 часов буду у проф. Лочка, который покажет мне некоторые новые приспособления для анализа минералов, $\langle \text{в} \rangle$ 9¹/₂ часов с профессором Шмидтом осмотрю Кристаллографический институт и минералогические коллекции университета, потом осмотрю коллекцию Геологического комитета и по земледельческой геологии, в 3¹/₂ часа с профессором Креннером осмотрю Кристаллографический институт в Политехникуме. А еще писать! Я аккуратно веду научные etc. записи (хотя еще дошел лишь до Борислава!). Были ли письма от мамы? Я ей писал из Львова.

Целую тебя крепко.

Твой Владимир

Гусю² целую. Сегодня ему пишу. наших поцелуй.

P.S. Из осмотра коллекции вынес очень много. Кое-какие общие мысли пришлю в письме к тебе.

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович, Полтава, Poltawa, Russia.

Оп. 7, д. 41, л. 47.

¹ Фриккен Вильгельм. Карманная книжка для собирателей жуков. Пер. с нем. М. Мелиоранского. СПб.: И.И. Паульсон, 1884.

² Г.В. Вернадский.

№ 410

23/11 июля 1894 г., Вена

Вена, 23.VII/11.VII 1894

Дорогая моя Наталочка, сегодня я получил твою записку в Будапешт и затем твое письмо сюда: я не понимаю, отчего ты сомневаешься писать сюда: я тебе аккуратно писал, куда писать, и получал соответственно твои письма; а теперь Туся начала мудрить. Я еще не совсем выяснил свой маршрут. Пиши мне теперь в Прагу, до востребования. Я пробуду здесь еще несколько дней, затем дня 3 в Пршибраме, не доезжая Праги, а затем дня 3–4 в Праге. Оттуда я, по всем вероятностям, поеду прямо во Фрейберг (Deutschland, Sachsen, Freiberg, poste restante), куда мне пиши после Праги. Если окажется возможным, то Фрейберг будет центром для всех Рудных гор, а если нет, то я раньше него проеду в какой-нибудь городок Чешских Рудных гор. Выношу я довольно много; даром времени не теряю; чувствую себя так себе. Здесь начинаются лекции (и работа) очень поздно (в сущности, с октября), так что, может быть, я вернусь в Москву раньше, чем думал, впрочем, все это выяснится, если увижу и застану в Праге Бекке и кого-нибудь в Геттингене. Очень может быть, по окончании значительной части экскурсий займусь в Гамбурге, как тебе говорил.

Я внимательно изучаю тут минералогические коллекции, осматриваю устройство институтов и т.п. В общем убежден, что при некоторой работе вполне могу поставить Кабинет так, что он не уступит здешним лучшим учреждениям. Надо мне лишь непременно завязать связи с Уралом, так как увеличить средства Кабинета нельзя, а имея под рукою уральские минералы, возможно обменом поставить нашу коллекцию научно прекрасно. У меня теперь целый план, и я верно еще наметил это до поездки. Любопытно, что мне сообщит Фосс, Стрижов, Козицын на Урале, которым я дал соответствующие инструкции. Думаю, с небольшими затратами возможно организовать добычу минералов на Урале, и тогда наш Кабинет может стать на ноги. Относительно научности преподавания минералогии и кристаллографии, то она здесь поставлена так себе. В университетах Краковском и Львовском – вроде нашего, в Будапештском хорошо, хотя ни один из профессоров не решается идти по новому направлению: один (Креннер) даже не изучает, другой – Шмидт – колеблется, но, я думаю, он пороха не выдумает. Здесь я видел пока Шрауфа – этот слишком оригинален по натуре и самоуверен, чтобы менять свои мнения. Он занимает свое положение и во многом неправ, кажется мне. Я думаю, что единственный профессор, который иначе читает минералогию, чем другие, и с этой стороны он мне интересен, так как читает близко к тому, как думаю ее поставить я. У него много любопытных педагогических устройств – много лишнего. Мне представляется, что даже сторонники нового течения в кристаллографии не охватывают всего его значения. Это я видел в

Вырубове, Дюфе в Париже и теперь вижу в Шрауфе, Шмидте. Мне очень бы хотелось с этой целью проехать в Геттинген, так как там, думается, вернее всего понял и глубоко захватил Либиш, Фойхт и ученики их. Может быть, напрасно я не проехал туда прямо. Но в общем я чувствую, что мысль моя укрепляется и что я, приехав назад, спокойнее и решительнее пойду по пути, на который вступил отчасти в этом году. В минералогии начну совсем нового типа курс. Я подбираю нужный материал здесь очень внимательно. Для работы собираю материалы, что, оказывается, очень трудно и дорого. Так, необходимый мне кальций, по-видимому, будет стоить до 100 руб.! (лет 10 назад не более 15 руб. это стоило бы!). Много мыслей о постановке института, и есть сознание, что, ставя его по-новому, буду делать дело.

Крепко целую тебя, Гусю¹, наших. Моя дорогая.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 48–49.

¹ Г.В. Вернадский.

№ 411

25/13; 28/16 июля; 2 августа/21 июля¹ 1894 г., [Вена]²

25/13.VII 94

Дорогая моя Натуся, сегодня я получил твое письмо от 8/20. Очень мне досадно, что вышло так с Поповым, и боюсь, что Марка все это поставило в неприятное и затруднительное положение³. Я иду завтра в Посольство и вышлю засвидетельствованную доверенность.

В Вене я несколько дней. Среди всяких работ по минералогии я очень мало видел здешние чудные художественные музеи! Читаю к Пршибраму, осмотрел внимательно институт Шрауфа, Национальный музей и т.д. Теперь остались: Geologische Reichsanstalt с интересующей меня коллекцией искусственных кристаллов Гауэра, большая фабрика микроскопов и оптических препаратов Рейхерта, да еще 3 торговца минералами. Последних я аккуратно всех посещаю. Благодаря любезности д-ра Кеклина, заведующего теперь музеем, я, кроме того, что сам хотел, мог осмотреть все приобретения музея с 1891 г. и этим путем ознакомился с новыми минералами, разными фирмами и т.д. Я веду записи и многое не пропадет. В Пршибрам получил ряд рекомендаций, как к ученым, так и к тамошним чиновникам, так что осмотреть могу хорошо. Эти дни меня беспокоит сильно боль в ноге – началась раньше в Москве, я думал – ревматизм, но эти дни хожу с некоторым старанием воли, и в колене болит и небольшая опухоль. Если не пройдет завтра – отправлюсь к доктору. Верно, как-нибудь растянул жилу или ударил! Главное, неприятно, когда надо экскурсировать, да и в рудниках надо лазать по лестницам и т.п. – весьма некстати. Так, ходить по городу можно, и хожу много – ну а лазать совсем больно. Пишу тебе, потому что обещал, но ты не беспокойся, я очень осторожен (боль почти сошла на нет, и я опять себя чувствую хорошо).

Я стараюсь не думать и не гадать о будущем и не допускаю особого анализа. Поставить преподавание хорошо смогу, ну, а сделаю ли что научно – не

знаю. Очень бы хотел, чтобы у меня было хоть немного научного честолюбия. Вижу кругом, как это двигает и как все без исключения пока под этим импульсом работают! Да, верно, так и должно быть. А мешает мне моя «метафоричность».

Ты пишешь о проповедях Чаннинга⁴. Я кое-что его читал. Лет 15 назад о нем много писали в русской литературе, и были его переводы (или переделки?), кажется, г-жи Грот⁵. Я не поклонник таких попыток и не понимаю такого «примирения» религии с наукой. Они или непримиримы, или, как мне думается, имеют свою область: наука (и философия – безразлично) – логическую сторону нашего духа, религия – мистическую, если можно так выразиться. Соединять же их в неестественном союзе – в области логической (а это и есть так называемое «примирение») – всегда никого не убеждает и редко приносит даже практическую пользу. А религию это, по моему мнению, всегда убивает. Что касается, в частности, христианства, то я не вижу христианской религии в протестантизме – это, мне кажется, суррогат разума, который не смеет идти до конца. Католичество куда глубже, смелее. А его соединение с мистицизмом и метафизикой Фомы Аквинского может придать ему совсем нерушимую научной критикой силу. Недаром мистики протестантизма всегда склонялись к католическим тенденциям. Я не понимаю, о каком значении Чаннинга теперь в Америке ты пишешь. Мне кажется, все это очень старое? Разве в чартизме, т.е. в первой половине столетия, оно не сказалось окончательно? Не имеет ли все это исторического интереса, как соответственный демократический католицизм Ламенэ и т.п.? Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, в твоём письме о Чаннинге какая-то хронологическая путаница. Напиши. Урывками приходится всматриваться в здешнюю жизнь – да и все время движешься и передвигаешься не для ради изучения жизни, течений или стремлений европейского общества, а из-за определенной, узкой цели, мною поставленной. Я держу себя в этом отношении в ежовых рукавицах. Продолжаю тебе свои беглые мысли. Пока еще о Галичине.

IV

Вся Австро-Венгрия представляет из себя удивительно устроенное государство для привилегированных – разного рода, типа и характера. Великие идеалы свободы, права человеческой личности и свободного человеческого духа были провозглашены и теперь провозглашаются, но в жизнь они были проведены для некоторых, и для них, этих более сильных, они существуют. А для других, большинства, их нет. Переход постепенен, наблюдаются все градации, различные оттенки, но в общем полная и разнообразная неравноправность. В законе это искусно, казуистически скрыто. В жизни это бьет в глаза, на каждом шагу. И меня поразило это сейчас при въезде в Галичину. И мне стало ясно, что то, что в других государствах, где-нибудь во Франции или Германии, скрыто еще лучше – и на существовании чего основывается все могущество социализма в практической жизни, то здесь ярко, резко-грубо и нахально выставлено напоказ имеющему уши и глаза и желание знать, видеть и слышать. В Венгрии еще больше, чем в Австрии.

О Венгрии я напишу тебе после. Первое, что поражает в Галиции всякого мало-мальски знающего условия жизни страны, – это полное затемнение одной народности другою. Можно проехать по всей Галиции по железной дороге и нигде не увидеть никакого следа другой народности, кроме польской (включая сюда и евреев, говорящих большей частью по-польски). Всюду на железных дорогах, на вывесках, в сношениях с чиновниками и служащими слышится польская речь. Лишь ближе всматриваясь, можно заметить следы чего-то другого. Можно поверить, так просто проехав по стране, официальному путеводителю по выставке и по городу Львову, изданному под покровительством Комитета выставки (krajuowy, т.е. местной) на польском и немецком языках, что поляки составляют больше 80% жителей страны, русины – 7% и т.д. В действительности же более половины населения – русины, меньше половины – поляки. По закону во всей Галичине одинаковым равным правом пользуются два языка – польский и малороссийский. На этих двух языках должны вестись, по желанию, суд, все производство дел в чиновных местах, на железных дорогах, преподавание и т.д. Полная автономия и самоуправление провинции доведено здесь до того, что и умственная и общественная жизнь идет здесь совершенно независимо от Австрии и тесно связана с совершенно другими идеалами. Редко где слышишь немецкий язык, и если бы не евреи, то нам легче было бы, да и было, объясняться по-русски, чем по-немецки. Можно было бы предположить, что нет стремления остальной части населения воспользоваться принадлежащим ей правом пользоваться в общественной жизни своим языком и что она сознательно и добровольно приняла чужой язык как более культурный, например как некоторая часть ирландцев – английский. Но скоро убеждаешься в противном: на железных дорогах есть и не польские надписи, но расположены они следующим образом: у русской границы наряду с польскими надписями помещены надписи на каком-то языке (совершенно невозможном), который должен официально считаться за малороссийский, но латинскими буквами. Далее в Кракове и около (где население польское) они исчезают. Около Львова (далеко после того, как появилось малорусское население) они появляются случайно, иногда и уже правильно по-малороссийски, обычной нашей азбукой. Вскоре, подвигаясь в глубь страны, они опять исчезают. Нигде по-малороссийски не понимают или делают вид, что не понимают, – в суде, в чиновных местах и т.д. Во Львове только частные вывески есть на малорусском языке. Малорусских газет нельзя достать почти ни в одном табачном траффике (казенная монополия), где продавать газеты только по заказу могут и т.д. Кажется, вся страна – польская. Самое тяжелое – это то, однако, что все средства провинции тратятся исключительно на польское дело, что с большим трудом добились здешние малороссы 2 гимназии на малороссийском языке, что общий польский идеал заставляет провинции принимать затраты (как на краевую выставку), имеющие характер и значение для польского дела. Все дело объясняется очень просто: 1) провинции предоставлено полное самоуправление, но право голоса в сейме неравномерно распределено; 2) прямым представительством пользуются богатые и города, коренное население не имеет прямых выборов; 3) города же и землевладельцы – поляки по большей части, и

потому они всегда имеют подавляющее большинство в сейме и в рейхсрате. На этой почве борьба очень трудна. Необходимо, чтобы в сознание народа и общества проникло понимание ненормальности подобного положения. Коренное население – крестьянство малорусское и польское – разоряется, и сила общественная тратится на другое. С них берут деньги, но тратятся эти деньги не на то, что нужно для этих плательщиков: ими распоряжаются совершенно своим желаниям горожане и богатые люди, которых интересы и желания совсем не соответствуют интересам крестьянства. И в местной галицкой жизни мы видим все это на каждом шагу. Народное образование поставлено безобразно, огромная масса населения безграмотна. В малорусском обществе лишь частной инициативой и основанной на этом подъеме борьбой в сейме удалось добиться некоторых результатов. В последнее время начинает расти стремление к знанию среди польского крестьянства и польской демократии. К выставке они издали памфлеты о положении бедственном и безграмотности населения, но эти памфлеты были изъяты из продажи, так как в Австрии не существует свободы нольпортажа! Отдел народного образования на выставке основан на внешнем обмане (впрочем, на меня такое впечатление произвела и вся выставка. Горный отдел внимательно мною изучен, с первого раза эффектен, но, когда хочешь знать, то убеждаешься лишь в его несерьезности).

Уже на примере Галичины видно, однако, глубокое и коренное значение всякого, хотя бы и очень плохого конституционного режима в жизни страны. Несмотря на все подобные ненормальности, возможна борьба с ними. И для меня стоит теперь ясно, вопрос, отчего эта борьба так слаба, бессильна, так банальна, если можно так выразиться. Но прежде чем перейти к этому, очень теперь меня интересующему вопросу – в связи с вопросом о значении в жизни таланта, отдельной личности и причин их отсутствия – я хочу указать еще на некоторые условия здешней жизни, которые, кажется мне, имеют большое теоретическое значение.

Август 2/июль 21, 1894, Прага

Так никак не могу довести своего письма до конца. А мне очень хочется написать для тебя о значении борьбы народностей, которую как-то я никак не могу тебе объяснить, несмотря на то что глубоко в это верю, хочется набросать свои мысли и наблюдения о возможности на примере Галичины – ясной и определенной – борьбы за свои права, даже когда представительство в конституционном правительстве поставлено неправильно и неравномерно (главное возражение наших так называемых «народников»), и о значении личности – над чем много я в это время думаю. Но об этом после. Здесь я получил 2 твоих письма и карточку, которую переслали мне из Вены. Теперь отвечу на них. Письмо же допишу после. Я уже тебе писал, что в Пршибраме я много видел, а главное, получил возможность через профессора Гофмана, очень мне понравившегося, достать для нашего университета те коллекции, которые как раз мне необходимы для постановки научной минералогии. С ним мы вместе будем вести одно наблюдение – он в Пршибраме, а я в Москве – над скоростью одной химической реакции в природе (образование глины) – изменения одного рода здешних гранитов. Этих наблюдений нет, они должны быть сделаны и правильно могут быть сделаны, лишь когда будут вестись в разных местах. Земные реакции медленны, но эта (одна из основных, по моему мнению), по-видимому, на этом граните идет быстро, т.е. че-

рез 1–2 года результат уже измерим. Здесь, в Праге, я не застал ни Бекке, ни Врбу⁶. Коллекции кончу осматривать завтра, и послезавтра рано утром едем во Фрейберг, куда приедем днем. Мой план очень зависит от того, что увижу там. Пока же он следующий: во Фрейберге дня 2–3, его окрестности – дня 3, экскурсия в гранитах около Хемница – дня 4. Затем через Дрезден (дня 2), Галле, Лейпциг прямо в Штасфурт, отсюда в Мансфельд. Из Мансфельда в Клаусталь (Гарц), где по Гарцу я хочу пройти в течение 5–6 дней. Затем через Геттинген в Бонн и Sieben-Gebirge и в вулканическую область Эйфеля. Оттуда спущусь по Рейну в область нассауских фосфоритов, и тут, может быть в Гамбурге, займусь над своей работой. Ехать в Цюрих на конгресс⁷, если работа будет идти удачно, не думаю. Я в очень малом настроении теперь видеть людей. Делать экскурсии по Альпам – выходит за пределы моей задачи. Я думаю проехать в Париж, главным образом повидаться с Гольштейнами, но А.В.⁸ будет в Англии, так что теперь у меня мелькает мысль назад в Москву проехать северной дорогой – заехать к Александре Васильевне и затем или морем через Копенгаген, или же через Берлин проехать в С.-Петербург, где совсем необходимо заехать к маме. Не знаю, получает ли она мои письма (ее адрес: Павловск, Зверинская ул., д. Фадеевой?). Моя экскурсия – довольно большая работа, так что этим путем я буду иметь недели 2–2½ отдыха. Не знаю, заеду ли в Париж, так как как-то не хочется. Вчера от Кокшарова, которого встретил в Пршибраме, узнал о смерти Малляра, которого надеялся повидать в Париже. Это великая потеря – самый талантливый, может быть, гениальный из живых кристаллографов. Он умер в цвете сил, внезапно. Фуке у берега моря – так что теперь никого и не увижу в Париже.

Ты пишешь, чтобы я дольше остался за границей⁹. Я не могу еще пока ничего определенного сказать. А написал я тебе так – вот почему. Ехал я сюда с двумя целями: минералогической и затем с точки зрения ознакомления с новыми методами. Первого я пока достиг вполне, как хотел, и если мои поездки во Фрейберг, Гарц и Эйфель будут также удачны, то я получу все, что хотел. Но второго я совсем пока не достиг. Из ближайшего рассмотрения вижу, что с этой целью мне следовало бы прямо проехать к Либишу в Геттинген, а затем поработать здесь у Бекке или в Людингаузене у Баумгауэра, но Бекке здесь нет. Занятия же здесь начнутся не раньше середины октября, т.е. позже моего отпуска. Так что об этом нечего и думать. Я теперь буду рад, если застану кого-нибудь – Либиша, Друде или Фойхта – в Геттингене и Пулфрича – в Йене. А занятия – займусь сам. Раз я стану прочно (а теперь я стану) в минералогии и стал довольно устойчиво в основах кристаллографии, я смогу сам добиться нужных мне опытных знаний. Для моей работы мне надо лично повидаться с Steeg'ом и Reuter'ом в Гамбурге, и если только они могут сделать препараты скоро, я останусь там. Если долго, то придется лишь указать. Трудно достать и соответствующий материал!¹⁰ Кое-что я достал у Бема в Вене, теперь надеюсь еще у того или другого из продавцов минералов. Так, не в обычае искать больших однородных кусков вещества. А когда пишешь, то получаешь не то!

Моя поездка ведется так, что я мало могу следить за здешней жизнью, относительно мало вижу художественных собраний и т.п., так как все приноровлено к цели учения минералогии. А после работы утомляется ум и притупляется наблюдение. Как-нибудь вместе с тобой, моя дорогая, проедем отдохнуть и помыслить над здешней жизнью. Так же только стороною каса-

ешься всех вопросов. Больше, как-то всем существом чувствуешь глухой и серьезный перелом здешней жизни. Думается – к хорошему.

Затем мне не хочется опаздывать к курсу, так как иначе мне страшно много будет работы, и я не буду в состоянии вести как следует работу над диссертацией. Гораздо труднее тогда будет, так как мне надо будет целый месяц нагнать в курсе, а я хочу и должен минералогию начать читать как следует, рассчитывая на $\frac{1}{2}$ года! Всякое уменьшение доставит мне лишние трудности. Затем надо приучать Шкляревского и молодых. А у меня теперь масса планов работ и есть ясно и определенно уложившаяся мысль постановки занятий в институте. Поэтому если меня не задержат г-да Штеег и Рейтер, то я буду в начале сентября в Москве. Но все еще это так неясно.

В своем письме ты затрагиваешь вопрос о том, что я будто бы вижу во всем лишь логическую сторону, и говоришь, что я склонен к какому-то узкому рационализму в решении¹¹. Но я никогда ничего подобного не говорил! Я от души всегда ненавидел всякие рационалистические стремления в религии. И мое отношение к протестантизму из этого происходит! И те обвинения в мистицизме, которые мне многие расточали и расточают! Но я прежде думал и теперь думаю, что всякие мелкие личности и всякие разнообразные житейские дела – есть печальное зло и ни к религии, ни к логике, вообще говоря, не относятся. В них дорога лишь одна сторона – сторона более глубокая: или сторона более общего (логическая), или сторона более красивого (мистическая). В понятии же идеи они, по-видимому, сливаются. Идею вполне выразить словами нельзя.

Меня сильно удивило это твое приписываемое мне мнение! Но ты вспомни: ко всем так называемым научным психологическим наблюдениям я относился и отношусь критически, потому что думаю, что это прокрустово ложе и что дух не может быть вложен в логические рамки. Ко всяким попыткам свести всю религию на мораль (а этим грешат все так называемые очистители христианства – от Гуса и до Толстого) я относился всегда и отношусь безусловно враждебно, ибо думаю, что и религия и мораль несоизмеримы. Одна глубока и необъятна, а другая может быть выведена на чем угодно, из чего угодно и какая угодно. Все попытки логически обосновать мораль из знания или логически вывести ее из религии одинаково верны или одинаково ложны. На широком основании религии или на широком основании знания одинаково удобно можно расположить всякие морали: А ___ В – религия или С ___ D – знание, а а ___ b, a(I) ___ b(1), a(II) ___ b(II), a(III) ___ b(III) и т.д. – разные системы моралей, очевидно, все они легко могут лечь безразлично и на АВ, и на CD, и т.д. Так, из христианства одинаково истекает мораль апостола Павла и Торквемады, Кальвина и Лойолы, Победоносцева и Толстого и т.д., и т.д. Поэтому мне кажутся пустячными всякие эти споры. Я всегда отрицал и отрицаю возможность примирения знания и религии, потому что считаю эти основы несоизмеримыми и разного порядка, а ты говоришь, что я все свожу к логическому рационализму! Я давно уже считал и считаю, что даже логический процесс в его самом чистом виде – в представлении о Вселенной и законах природы – не может отвечать действительности, ибо, по существу, вне его есть другое, а ты говоришь, что я всегда стремился к рационализму! Неужели ты это думаешь, что пишешь!

Правда – меня мало интересуют многие мелочи жизни, и я стремлюсь и стремился к умственной жизни, но ведь потому что у нас «умственная» жизнь не есть только жизнь разума. И художественные наслаждения и высокие формы (тоже «логический» процесс?) любви, дружбы, служения свободе – все это связывается с этой умственной жизнью. Разве ты не можешь вспомнить, что я никогда не был и никогда не буду сторонником логического процесса, сторонником проникновения разума, анализа, сравнения и т.п., и т.п. в эти вопросы так называемого чувства. Все эти так называемые психологические романы с их объяснениями человеческой души кажутся мне каким-то протестантизмом в искусстве, с его потугами и холодным, узким, неглубоким полужайством, они мне кажутся зарыванием человеческой души в яичную скорлупу. Все общественные и т.п. сплетни, т.е. те же «психологические» разборы близких и далеких лиц с их глупой моралью и слабым анализом, кажутся мне тем же для ума, чем для рабочего дня – является картежная игра. Мне очень больно это твое обвинение, так как я никогда не думал, чтобы я мог быть обвинен в чем-нибудь подобном!¹²

Напиши, что ты читаешь? Моя дорогая, любимая Натуся! Я думаю, что тебя не удовлетворяет работа над декабристами?¹³ Здесь мне хочется очень многое читать, но некогда совсем. Кроме газет и специальных вещей, я теперь учусь по-чешски (читаю Б. Немцову) и кончаю второй том истории немецкой литературы Шерера¹⁴. Надо серьезно почитать по экономическим вопросам.

Целую тебя крепко, мою нежно любимую, дорогую Натусю – так бы хотелось успокоиться около тебя, так часто вспоминаются наши поездки вдвоем. Гусю¹⁵ целую и наших.

Пиши в Дрезден.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 50–57.

¹ Письмо писалось в течение нескольких дней.

² Ясно из содержания письма, что оно написано в Вене: «В Вене я несколько дней».

³ В письме от 8 июля 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Посылаю тебе письмо, полученное вчера от Попова, я ему ответила, что он хорошо сделал, что обратился к Марку за деньгами» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 41 об.). См. комментарий № 2 к письму № 413.

⁴ В письме от 8 июля 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Читаем Channing а, его проповеди. Меня поражает, что его слова, обращенные к рабочим и простому народу, дышат свободой, требованием смелости мысли и преклонением перед свободной мыслью человека. Таких проповедей я никогда не читала и не воображала, что нечто подобное может существовать [...] Поднимается вера в будущее человечества и развитие его если уже теперь в Америке раздаются такие смелые, свободные и горячие слова. Читал ли ты когда-нибудь Channing'a и какое о нем вынес впечатление (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 41).

⁵ *Грот Н.П.* Свобода в жизни и государстве: Этюды по Чаннингу. СПб., 1878.

⁶ Фамилия написана сокращенно, личность установить не удалось.

⁷ Имеется в виду VI Международный геологический конгресс, который проходил в 1894 г. в Швейцарии, в Цюрихе.

⁸ Александра Васильевна Гольштейн.

⁹ В письме от 13 июля 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Отчего ты хочешь вернуться в Москву скорее, чем предполагал? Я бы на твоём месте во всяком случае воспользовалась отпуском до октября. Если кончишь осмотр всего того, что предполагал, поработай в каком-нибудь тихом местечке над своей диссертацией. В Москве тебя снова охватят всякие общественные обязанности, лекции, и ты не успеешь хорошо подумать и поработать над диссертацией» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 72).

¹⁰ Результаты этой заграничной экскурсии нашли отражение в отчете Московского университета: «В течение 1894-го отчетного года минералогическим кабинетом приобретено покупкой [...] ряд препаратов от Штеега и Рейтера для демонстрации плеохроизма, астеризма и поверхностных цветов кристаллов, 3) от Брилля модели поверхностей оптических волн в кристаллах и модели эллипсоидов [...] 5) коллекция 115 шлифов минералов от Фойхта и Гохгезанга [...]» и далее: «В дар поступило [...] от В.И. Вернадского – разные минералы (300 предметов)» (см.: Отчет о состоянии Имп. Московского университета за 1894 г. М.: Унив. типография, 1895. С. 176–178).

¹¹ В письме от 17 июля 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Мне всегда казалось [...] что все для тебя сводится исключительно к умственной логической деятельности, к развитию идей. Вся душевная сторона [...] как будто исчезала для тебя и представлялась чем-то личным, скучным и ненужным. Может, теоретически ты этого не высказывал, но в жизни выходило, что ты весь предавался исключительно умственной работе и отбрасывал как тормозящие твою работу все другие проявления духа» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 52 об.).

¹² В письме от 26 июля 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Только ты меня не совсем понял: я никогда не подозревала тебя в религиозном рационализме. Я знаю, что ты всегда проповедовал отвращение к рационалистическим стремлениям в религии и по вкусам и тенденциям своего ума – метафизик. Я только хотела сказать, что вся твоя жизнь всецело посвящена мысли и что в ней очень мало отведено места другим сторонам сознания. Поневолу является следствием такой односторонности некоторый узкий строй жизни [...] Ты говоришь о красивом, но красоты вообще очень мало в русской жизни, разве ее борьба. Нет ни красок, ни картин. Только одна кабинетная работа, и весь мир людей со всеми их сложными интересами касаются нас только отвлеченно [...] Может, это у меня под впечатлением «Miserables», или вообще иногда поднимается чувство оторванности от мира. Чаше я чувствую себя удовлетворенной в теоретическом мире, среди которого мы живем. Ты говоришь, что личности и всякие мелкие житейские дела не касаются ни логики, ни религии. Я думаю, что полная оторванность от личностей и житейских мелких дел происходит от очень отвлеченного мировоззрения. Мне кажется, что полнота сознания не может обойтись без интереса и любви к индивидуальной жизни. Ты любишь искусство на полотне картин или в драмах, книжках, но искусство, глубоко захватывающее житейское, тебя оставляет холодным, и в этом для меня что-то непонятное, непоследовательность какая-то. В этом у тебя проявляется какой-то узкий рационализм [...] Это происходит от лучшего, что только может быть в человеке, от всецело захватывающего интереса мысли к отвлеченным вопросам мира, но также потому что краски, картины, человеческие чувства, индивидуальные жизненные страдания и радости для тебя неинтересны, благодаря твоей отвлеченности. В общем своем мировоззрении ты никогда не бываешь узок, потому что мысль твоя сильная и свободная и ко всему ты относишься со смелой критикой» (ф. 518, оп. 3, д. 260, лл. 79–80 об.).

¹³ См. комментарий № 7 к письму № 399.

¹⁴ Scherer W. Geschichte der deutschen Litteratur. В.: Weidmann, 1883.

¹⁵ Г.В. Вернадский.

№ 412

27/15 июля 1894 г., Вена

Вена, 27.VII 94, пятница

Дорогая моя Натуся! В воскресенье рано утром я выезжаю из Вены в Пршибрам, куда приеду в тот же день к вечеру. В Пршибраме хочу внимательно осмотреть рудники (свинца, цинка, серебра), замечательные коллекции месторождений. Там рудники одни из самых глубоких в мире – до 1100 м, самые глубокие, где я был, в Величке – всего 220 м! Я думаю, что с рекомендациями академика здешнего Шрауфа меня всюду пустят. Здесь много осмотрел, главным образом все выношу по минералогии – внимательно осмотрел почти все коллекции. Сейчас иду кончать осматривать одну частную

коллекцию – профессора Паля – одну из лучших коллекций, какую я видел. Я ее уже вчера осматривал около 5 часов подряд.

Крепко целую тебя, мою дорогую. Пишу подробнее и вышлю письмо из Пршибрама или, если успею, завтра. Пиши во Фрейберг. Целую всех.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russia**.

Оп. 7, д. 41, л. 58.

№ 413

29/17 июля 1894 г., Пршибрам

Пршибрам, воскрес. 29.VII 94

Дорогая моя Натуся, сегодня приехали сюда. Завтра отправимся в шахты и осматривать коллекции Академии и т.д. Мне очень неприятна история с деньгами – я боюсь, что поставил Марка¹ в неприятное положение, так как ему в рабочую пору нужны деньги. И все по моей легкомысленной рассеянности! Не знаю, послал ли Марк деньги – напиши Попову, чтобы он выслал ему деньги при первой получке². Можно выслать новый вексель и доверенность – я был в Вене в консульстве, но оно оказалось запертым («господа» приходят лишь между 11 и 2 часами!), и мне пришлось бы сидеть 2 дня в Вене. Я решил поэтому уехать. Очень мне неприятно мое легкомыслие – ну, да ничего не поделаешь. Более подробное письмо пишу.

Целую тебя, Гусю, всех наших.

Твой Владимир

Жду твоих писем в Праге. Теперь пиши во Фрейберг, Германию.

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russia**.

Оп. 7, д. 41, л. 59.

¹ М.М. Любошинский.

² В письме от 4 августа 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «... посылаю тебе письмо Попова. Я ему написала о высылке 200 руб. Марку при первой возможности и напомнила о необходимости выплатить 460 руб. в банк не позже конца августа» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 93). См. комментарий № 3 к письму № 411).

³ Г.В. Вернадский.

№ 414

31/19 июля 1894 г. Пршибрам

Пршибрам, 31.VII 94, вторник

Дорогая моя Натуся, я еще пробуду в Пршибраме день и выеду отсюда послезавтра утром в Прагу, где очень жду твоего письма. Пребыванием здесь я очень доволен. Много видел. Вчера осмотрел превосходную коллекцию профессора Гофмана. Это единственная коллекция, которая преследует как

раз ту цель, какую я имею в виду: изучение не минералов – а химических реакций, результатом которых являются минералы. От него я приобретаю в обмен великолепную коллекцию (которая превзошла все мои ожидания) для Московского университета – не только из Пршибрама, но и из целого ряда других австрийских месторождений, которые я посетить не могу! Вчера с ним сделал геологическую экскурсию в окрестности Пршибрама, сегодня сделаю другую. Сегодня я спускался в шахту на глубину 1000 м, т.е. почти 1 верста в глубину – спуск 8–10 мин. Это самая глубокая шахта в Европе. Много для меня интересного. Завтра осматриваю разработку руды, получение чистых серебра и свинца. Меня интересуют шлаки, из которых хочется мне выбрать хорошую коллекцию для университета. В Праге, если не застану Бекке, пробуду недолго. Пиши во Фрейберг, в Саксонию.

Целую тебя, мою дорогую. Гусика¹, наших целую.

Твой Владимир

Мне необходимо собрать больше (для обмена) образчиков с Кастели. Нельзя ли достать еще кременчугских гнейсов?

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russie**.

Оп. 7, д. 41, л. 60.

¹ Г.В. Вернадский.

№ 415

6 августа/25 июля 1894 г., Фрейберг

6 авг./25 июль 94, Фрейберг

Дорогая моя Натуся, моя родная девонька! Получил я здесь лишь одно твое письмо с целым рядом заказных писем. Спасибо за них. Спроси Митю¹, не получил он разве моего заказного письма от Ади² и что ему отвечал и т.д. Полки в кабинете лучше ставить при мне. Сейчас иду в окрестности Фрейберга – осматривать обработку руд и потому пишу несколько слов. Здесь я не застал Вейсбаха, но благодаря любезности профессора Штельцнера многое видел. Минералогические коллекции не мог основательно осмотреть, но у Штельцнера видел превосходную и глубоко интересную коллекцию рудных месторождений, сговорился с конторой Академии и получу достаточную для моей коллекции жильных месторождений Саксонии. Так что совсем спокойно смогу читать как следует минералогию. Сделал вчера экскурсию в окрестностях Фрейберга. Завтра утром еду в Гаммельфюрст, где спущусь в рудник, а днем осматриваю частную коллекцию Френцеля и вечером еду в Дрезден. Оттуда проеду в Мейсен, где начну свою экскурсию по Рудным горам – продолжится несколько дней. Маршрут мне указан Штельцнером. Если погода будет благоприятна, вынесу много. Пиши мне до получения нового извещения – в Zwickau (Цвиккау) до востребования. В моей дальнейшей поездке происходит изменение. Я очень хочу видетсья с Дришем и для этого поеду или в Нюрнберг, или в Мюнхен и вследствие этого сделаю поездку

в Эйфель раньше Гарца. Еще как все распределю – не знаю. Вероятно, так: поездку по Рудным горам окончу в Цвиккау, оттуда проеду в Йену и из Йены (где хочу осмотреть Оптический институт) или в Мюнхен, или в Нюрнберг, оттуда прямо к Рейну и по Рейну до Бонна. Из Бонна сперва в Sieben-Gebirge, а после в Эйфель.

Крепко целую тебя, мою родную. Гусю³, наших поцелуй. Гусе пишу.

Твой Владимир

Оп. 7, д. 41, лл. 61–62.

¹ Д.И. Шаховской.

² А.А. Корнилов.

³ Г.В. Вернадский.

№ 416

10 августа/29 июля 1894 г., Дрезден

Дрезден, 10 августа н.ст. 1894

Дорогая моя, родная Натуся, я второй день в Дрездене. Завтра иду в Саксонскую Швейцарию – сделаю небольшую прогулку, а послезавтра начну свою поездку (большей частью пешком) по Erzgebirge. Утром рано выеду в Meissen, оттуда в Росвейн, из Росвейна в Хемниц и окрестности, затем в Аннаберг и наконец на 6-й день приеду в Цвиккау. Здесь я имею возможность посетить очень важную для понимания минералогических процессов область древних кристаллических пород и древних вулканических. Прекрасно выражены явления контакт-метаморфизма. План я выработал подробный с профессором Штельцнером, который снабдил меня подробными детальными картами, маршрутами и т.д. Из Цвиккау я заеду в Йену и 18 или 19 буду в Мюнхене, где пробуду дня два. Из Мюнхена поеду во Франкфурт (в Гамбург), где переговорю со Штеггом и закажу ему нужные мне для работы препараты. Оттуда по Рейну в Бонн и затем закончу свои экскурсии Эйфелем, Зибенгебирге и Лаакерским озером (типы новейших и древних вулканических процессов). Если удастся, заеду повидаться с Гольштейн, а затем через Геттинген, Штасфурт и Берлин вернусь в С.-Петербург и назад в Москву, в начале сентября. Дальше мне оставаться теперь, ввиду невозможности заниматься, – нет надобности. Гарц, вероятно, придется оставить, но Пршибрам дает мне достаточно и нового, Гарц даст мало. Когда-нибудь, в другой раз. Надо надеяться, что погода мне не помешает.

Теперь отвечу на твои вопросы, дорогая. Относительно поездки в Крым с Гагой¹, когда будет Сегоня² (кстати, какой у Сегони – немецкий тип, здесь масса детей на него похожих), конечно, нечего и думать, и я в этом ничего ужасного, как ты пишешь, не вижу. Наконец, может быть, ты вернешься к началу сентября в Москву, если я приеду? Напиши. Не думаю, чтобы тебе была отдыхом такая поездка, когда Маша поедет с двумя детьми.

То, что ты пишешь о высоком настроении, которое дается детям религией, – я не понимаю. Мне кажется, что так называемое влияние религии на детей есть влияние страха перед чем-то более сильным, более могущес-

твенным, которое может и наградить, и наказать, и спастись от чего некуда. Может быть, такой «страх» и должен быть, но тогда и все воспитание должно быть иное – воспитание, основанное на строгом авторитете. Я вижу иное влияние религии, если так могу выразиться, которое должно быть и для Гаги – по крайней мере, зависит от нас – это влияние настроя семьи, того духа, который в ней царит. С этой точки зрения я не вполне сочувствую: 1) твоему стремлению достать *soûte qui soûte* детское общество для Гаги, хотя бы Сахаровых и детей доктора на дворе и т.п., и 2) думаю, что твое опасение влияния взрослого общества для Гаги неверно. Я бы хотел, чтобы он больше и больше привыкал к нашей жизни.

Знаешь, вредное влияние (для мысли) товарищей (привилегированного заведения) я вижу на Алекс.Ив.⁴ Он вообще очень милый человек, человек хороший, но может выйти и плохой, относительно, конечно. Но мысль связана, и я думаю никто у детей так не связывает мысль и сердца, как другие дети же.

Целую тебя, родная. наших поцелуй. Как устроился Паша⁵ – напиши.

Твой Владимир

P.S. Что с Поповым? Пиши в Мюнхен, а потом во Франкфурт-на-Майне, где я буду около 23⁶.

Оп. 7, д. 41, лл. 63–64.

¹ Г.В. Вернадский.

² С.С. Ольденбург.

³ Во что бы то ни стало; непременно (франц.).

⁴ А.И. Петрункевич.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Приписка сделана на полях л. 63.

№ 417

14/2 августа 1894 г., Росвейн

Росвейн, 14.VIII.94

Дорогая моя Натуня, давно от тебя не имею писем, так как в Дрездене бывал все время, когда почта была закрыта. И еще до Цвиккау далеко, и буду-то я там рано утром! Так мне хотелось бы иметь скорее о тебе весточки. Моя экскурсия по Рудным горам и т.д. не особенно пока удачна. Первый день – по Саксонской Швейцарии – погода была чудная; местность удивительно красивая; второй день в окрестностях Мейсена ничего, сносно, но вчера в окрестностях Росвейна было очень скверно, мы совсем промокли, и половина нашей экскурсии пропала. Теперь едем в Хемниц, но идет дождь, и я не знаю, какова будет наша прогулка из Хемница в Росвейн! Это очень досадно, так как я, оказывается, для моей цели выбрал местность – Саксонию – удачно, и мне много дало то, что я вижу. Я надеюсь 18 или 19 августа нового стиля быть в Мюнхене и там иметь от тебя письма, моя дорогая Натуня. Если такая дождливая и холодная погода будет все время, то я не знаю, как мы справимся в вулканических областях Эйфеля и Лаакерского озера. Здесь теперь моей

целью является видеть на месте выходы различных пород – самых разнообразных, которые развиты здесь на небольшом пространстве. Эти породы находятся в связи с рудными месторождениями Саксонии. Еще много над всем работать в Москве! Я уже отправил более 4 ящиков в Москву, да еще сколько будет, да сколько пришлют. Надо только работать.

Целую тебя крепко. Гусю¹ поцелуй и наших.

Твой Владимир

На обороте: Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович, **Полтава, Poltawa, Russland.**

Оп. 7, д. 41, л. 65.

¹ Г.В. Вернадский.

№ 418

16/4 августа 1894 г., Хемниц

Хемниц, 16/4 августа 1894

Дорогая моя Натуся, пишу тебе из Хемница, где сижу, задержанный плохой погодой. Дождь – почти непрерывно, целый день. Утром отправился на экскурсию, но сделать смог весьма мало, так как помешал дождь. Скоро еду в Аннаберг. Надеюсь, что можно будет мне ходить свободно и дождь не помешает. Вчера погода была прекрасная, и я сделал большую экскурсию в Эренфридерсдорф, Грейфенхайн и Гейер. Этой экскурсией очень доволен, она дала мне целую картину генезиса минералов в гранитах, неожиданно яркую. Несмотря на дожди, я все-таки вынесу отсюда довольно много. И вообще с точки зрения минералогии я стану теперь совсем на ноги, а это даст мне силу и возможность хорошо повести и свою работу, так как с главными частями кристаллографии я также теперь вполне стал на свои ноги. Все дело было в том, что я несколько рано стал профессором, слишком мало знаю, а по характеру своему работаю всегда постепенно и так повел дело, и идет. Это чувство мешало мне, и я теперь вполне убежден, что с этим со всем и вполне покончил. Теперь я спешу закончить свою поездку; только область вулканов – и затем буду возвращаться домой возможно скорее – в первых числах сентября.

Мне хочется сделать много в связи с курсом, а затем скорее приняться за свою работу. Я бы очень хотел, чтобы и ты приехала скорее в Москву, моя дорогая, родненькая Натуся. С материалом, собранным во время поездки, много работы будет у меня в Москве. Если я его успею обработать так, как хочу, – обработать для себя, то могу начать с будущего года экскурсии минералогического характера в России. Начну с Урала и Средней России и задачей поставлю вопросы, связанные с происхождением и условием изменения руд и других минералов. Мне хочется выяснить себе и проверить выводы, которые теоретически кажутся мне верными, связанные с химическими реакциями земного шара как планеты. У меня теперь масса есть мыслей, намеков, много нового узнал и знаю или догадываюсь, как узнать. Но надо много лет работы и много ездить. Только тогда можно будет попытаться собрать материал для

минералогии с новой точки зрения – как химии земного шара. Чтение курса поможет мне, и я начну так вести курс с этого же года.

Если бы не необходимость проехать к Гольштейнам, я бы вернулся еще раньше. Видеть А.В.¹ и В.А.² очень хочется.

Я давным-давно жду твоих писем, моя дорогая. Так давно я не имел о тебе известий и очень без твоих писем соскучился, и хотелось бы уже скорее быть вместе с тобой. Если мне ничто не помешает, то я 19-го буду в Мюнхене и там получу твои письма, моя дорогая девонька. В Мюнхене я пробуду дня два.

Здесь мне много приходилось думать над разными вопросами, но главным образом урывками, точно так же, как и в Москве. Скорее жизнь и здесь и там постоянно наталкивает на разные вопросы и с ними приходится считаться.

Глухая борьба чувствуется здесь, и эта борьба сильна, и трудно сказать, к чему она приведет европейскую жизнь и европейское общество. Выступают новые силы, и старые – стремятся принять иные формы. Всюду, однако, силой становится тот, за кого стоят народные массы, и мы видим, как всюду идет, по крайней мере внешняя, демократизация: церковь, старые консервативные партии, социал-демократия, и трудно решить, куда направится история будущего. Много думал я над вопросами, связанными с социал-демократией, и с совершенно новой стороны открывается мне анархизм. Проявления его в виде убийств и т.п. есть явление внешнее, он, однако, гораздо более глубокое явление, чем я думал. Обо всем этом как-нибудь позже – надо кончать и идти на поезд.

Целую тебя крепко, и наших поцелуй. Что Гусик?³

Твой Владимир

P.S. Верно ли известие (касающееся и Полтавы), которое я прочел в хемницких газетах?⁴ Здесь прилагаю.

Оп. 7, д. 41, лл. 66–67.

¹ А.В. Гольштейн.

² Владимир Августович Гольштейн.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ На этот вопрос в письмах Н.Е. Вернадской ответа не было.

№ 419

21/9 августа 1894 г., Мюнхен

Мюнхен, 21/9.VIII 94

Дорогая моя, родная Натуся, я в Мюнхене 2 дня уже и уеду отсюда завтра с утренним поездом во Франкфурт. Там я пробуду неделю и затем еду в Кобленц, откуда делаю экскурсии на Лаакерское озеро и Эйфель. Оттуда в Бонн и из Бонна в Зибенгебирге. Этим моя экскурсия кончится. Если в Бонне получу деньги, которые просил выслать Павлова, то я еду к Александре Васильевне¹, а если нет, то ехать не могу, так как с деньгами не справлюсь и у меня останется их в обрез до Москвы с остановками в Геттингене, Берлине и

Петербурге. Это узнаю через неделю. Во всяком случае, я вернусь в Москву к началу занятий.

Здесь виделся с Гротом, который со мной очень любезен. Он теперь печатает курс кристаллографии² на новых началах – вводит то, что ввел и я в прошлом году³. Он думает, что когда выйдет его книга, то в значительном числе немецких университетов новое течение войдет в преподавание. Теперь не было более доступного курса, а по трудным мемуарам или сочинениям вроде Либиша (очень трудным, хотя и превосходным) нельзя было преподавать. Смешно, оказывается мой курс – первый, так как я его напечатал до Грота! С Гротом мы сошлись во многих мелочах, многое, что я вывел и напечатал в курсе, напечатал и он, и он был очень удивлен, кажется, что то, что он думал новое – не новое! Так, например, приняв теорию Томсона—Либиша, мне удалось доказать, что Либиш сделал ошибку в дальнейших выводах, и получить верный вывод. Я сделал об этом доклад на съезде⁴ и напечатал в курсе – то же самое сделал и Грот и тем же путем и напечатал в своем курсе! Из теории я вывел, что форма многих минералов понималась неверно, излагал это на лекциях, собрался доказать это на одной важной группе – группе желтой свинцовой руды. То же самое для той же группы сделал и Грот... У меня получились, однако, некоторые новые теоретические выводы, и их я напечатаю и по-немецки в «Zeitschrift» Грота⁵. Любопытно, как переработка теории приводит независимо к одинаковым результатам. Из теории я вывел, что вещество может существовать в двух строениях правильной [симметрии], и мне удалось доказать это на опыте, а Стрижов в прошлом году разработал то же явление дальше еще на двух веществах. К тому же выводу пришел и Грот, но остановился, так как на опыте доказать не удалось. Между тем вопрос имеет значение, так как Арцруни, Ретчерс и др. из старинных воззрений считают это невозможным.

В общем я доволен свиданием с Гротом – надо только по-немецки напечатать несколько теоретических статей из курса, а также сговорился с Гротом написать большую статью по теории строения силикатов⁶ (моя магистерская диссертация)⁷, которую Карножицкий изложил для Грота бессовестно⁸. Только бы сдержать эти благие начинания. Но я думаю – надо мне напечатать по-немецки.

В физической кристаллографии мы расходимся с Гротом во многом. Я думаю, что я свой курс переработаю и напечатаю настоящим образом.

В Йене я был у Цейса и осматривал некоторые новые приборы, один, особенно для меня важный – дилатометр – очень интересен, но стоит более 500 руб.! Для этого мне главным образом интересно было ехать в Париж – но тамошний прибор хуже.

Я еще на день застрял в Мюнхене, так как Александр Иванович⁹ заболел: он не выдержал, я думаю, утомления поездки, хотя я старался ехать и ходить с ним с большими удобствами, чем обыкновенно. Он совсем устал, и как только поправится, едет назад. Я чувствую себя хорошо.

С Дришем много виделся, говорил. В общем впечатление хорошее, хотя во многом он увлекается, думаю, неверно.

Целую тебя крепко, Гусю¹⁰, наших поцелуй.

Твой Владимир

Я бы очень хотел твоего раннего приезда в Москву: 1) жизнь вошла бы в колею, и если будущим летом поеду на Урал, все-таки будем больше вместе, и 2) я не верю, чтобы ты отдохнула в Крыму с Машами и массой детей¹¹.

Оп. 7, д. 41, лл. 68–69.

¹ Гольштейн.

² *Groth P.H.* Physikalische Krystallographie. Leipzig W. Engelmann, 1895.

³ *Вернадский В.И.* Лекции по кристаллографии. М.: Изд. студ. физ.-мат. фак-та Моск. ун-та, 1894.

⁴ Имеется в виду IX съезд русских естествоиспытателей и врачей, который проходил в Москве с 3 по 11 января 1894 г. В.И. Вернадский выступил с докладом: «К вопросу о так называемых искусственных двойниках кристаллов» в Секции минералогии и геологии 11 января (см.: Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. 1894. № 10. С. 11).

⁵ Журнал Грота – «*Zeitschrift für Krystallographie und Mineralogie*», очевидно, статья для указанного журнала в это время не была написана В.И. Вернадским.

⁶ Идея осуществлена В.И. Вернадским несколько позже. См.: *Zur Theorie der Silikate // Zeitschrift für Krystallographie und Mineralogie*. 1901. Bd. 34. H.1.

⁷ *Вернадский В.И.* О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах. М., МОИП, 1891.

⁸ О какой статье А.Н. Карножицкого идет речь, установить не удалось.

⁹ Петрункевич.

¹⁰ Г.В. Вернадский.

¹¹ М.С. Гревс и М.Д. Ольденбург и их дети.

№ 420¹

24/12 августа 1894 г., между Майнцем и Кобленцем

Рейн. Между Майнцем и Кобленцем. 24/12.VIII 94

Дорогая Натуся, еду теперь в Бонн, оттуда делаю экскурсию в Зибенгебирге и затем в вулканические области. Там решу, куда еду дальше, и сегодня же напишу тебе, куда писать. Эта карточка очень грязная, не знаю, разберешь ли. Во Франкфурте нашел одно твое письмо – другого, о котором ты писала в Мюнхен с письмом Попова, не получил, не пошло ли оно во Франкфурт-на-Одере. Даже если я получу в Бонне деньги, и поеду к Гольштейнам, я скоро вернусь в Москву, и мне бы хотелось повидать тут же и тебя поскорее, моя рыбка. А то мы все будем врозь, если ты уедешь в Крым. Очень жду этого твоего решения. Приехать в Полтаву, как бы мне ни хотелось, не могу.

Крепко целую тебя, Гусю², наших.

Твой Владимир

В Париже ли Иван?³

На обороте: **Полтава, Россия**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russia**.

Оп. 7, д. 41, л. 70.

¹ Открытка была написана карандашом и впоследствии кем-то обведена чернилами, возможно А.Д. Шаховской.

² Г.В. Вернадский.

³ И.М. Гревс.

25/13 августа 1894 г., Бонн

Бонн, 25/13.VIII 94

Дорогая моя, родная Натуся, я очень надеялся получить в Бонне письмо – я тебе писал с дороги, еще в Саксонии, чтобы ты писала в Мюнхен, Франкфурт и Бонн. Верно, карточка не дошла, так как ты во вчерашнем письме во Франкфурт пишешь, что не знаешь, куда дальше писать! И во Франкфурте я получил всего одно твое письмо. Я думаю, не пошли ли другие (с письмом Попова – что он пишет?) во Франкфурт-на-Одере, куда я пишу, чтобы переслали. Я приехал вчера под вечер в Бонн, получил здесь письмо и деньги от Павлова, так что могу ехать повидать Гольштейнов. Мой маршрут теперь таков – из Бонна в Зибенгебирге, оттуда назад и затем в Геральштейн, Майн, Андернах и т.д., в область Эйфеля и Лаакерского озера, затем в Кобленц и оттуда или прямо в Париж, или через Страсбург (где знаменитая минералогическая коллекция) в Париж, где пробуду дня 2–3, оттуда в Бретань к Александре Васильевне¹ и оттуда прямо ближайшим путем, посетив 2–3 интересных места, в Петербург. К самому началу лекций буду в Москве. Мне уже хочется работать. В Бонне достал материал для работы, у Штегеа заказал часть нужных для опытов препаратов (ужасно дорого!), и я хочу постараться засесть за диссертацию и скорее ее закончить. Гора свалится с плеч. А я, как думаю, могу ее кончить в этом году².

У меня еще выяснились некоторые стороны вопроса, и поскольку вижу и наблюдаю в коллекциях, думаю, что я захватил очень общее явление, которое постоянно всегда упускалось из виду.

Мне бы очень хотелось уже с начала сентября зажить нашей общей жизнью, моя дорогая, и для меня будет большим разочарованием, если ты приедешь лишь в конце октября, так как ехать в Крым на 3 недели – никакого отдыха для тебя не будет, и если ехать, то ехать до конца октября. А подумай, в ноябре я еду дней на 10 в Тамбов и т.д., и т.д. Затем масса всякой возни – съезд и т.п. – не позволит пожить вместе так, как эти более тихие месяцы – сентябрь и октябрь. Я надеюсь очень при усиленной работе к февралю или марту диссертацию напечатать, и мне бы страшно хотелось иметь тебя возле при работе. Я пишу все это при полной уверенности, что раз будет столько детей etc., ты не отдохнешь там, а если кто из них заболеет, то только измучаешься.

Александр Иванович³ уехал. Он совсем измучен и заболел. Хотя я старался, и ели мы так и столько, как никогда во всех моих экскурсиях, иначе он не выдержал бы и недели-двух. Признаки утомления у него были уже в Вене. Я вообще оказался плохим путеводителем: стоило ему дорого (так как мы ездили очень интенсивно), замучил его, и, наконец, я еще ворчун дорогой. Он человек хороший, но очень холодный. Ум связан – привилегированным заведением и товарищеской средой. Из дому он взял лишь те стороны Ивана Ильича⁴ и Анастасии Сергеевны⁵ (последняя влияла на него наиболее), которые не противоречили основному фону товарищеской среды. Идеалы научные у него очень определенные – «профессорские», и этого он, вероятно, добьется, так как связанный в рамках ум для этого как раз. Настоящего, живого огня нет.

О Дрише потом. Я много о нем думал и за многое боюсь. У него много критики к сторонним мнениям – весьма сильной и изящной – и совсем мало к своим положительным воззрениям. Имеет последователей, и у них целая борьба с дарвинистами. Ну, да об этом после – надо идти.

Целую тебя, мою рыбку, Гусю⁶, наших поцелуй.

Твой Владимир

P.S. Пиши одно письмо в Кобленц, а затем в Париж к Гольштейнам, а затем на адрес Александры Васильевны: Port Blanc Commune de Penrévau Côtes du Nord.

Оп. 7, д. 41, лл. 71–72.

¹ Гольштейн.

² Защита докторской диссертации «Явления скольжения кристаллического вещества» состоялась в С.-Петербургском университете 20 мая 1897 г.

³ Возможно, Петрункевич.

⁴ Петрункевич.

⁵ Петрункевич.

⁶ Г.В. Вернадский.

№ 422

25/[13 августа 1894 г.]¹, Бонн

Бонн, 25.VIII

Моя дорогая Натуся! Я послал сегодня тебе письмо с просьбой писать в Кобленц. Рассчитавши, вижу, что в Кобленце не буду. Пиши в Триер, а оттуда в Париж, к Гольштейнам. Здесь я пробуду всего дней 7–8, а затем еду в Париж, в Бретань и оттуда назад в Москву через С.-Петербург.

Крепко целую тебя, моя родная, ненаглядная Натуся, всех наших, Гусика² поцелуй.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russie**.

Оп. 7, д. 41, л. 73.

¹ Дата устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

№ 423

[27/15 августа 1894 г., Бонн]¹

Дорогая моя, родная Натуся! Надеюсь сегодня получить твое письмо, но ты, верно, не писала. Из Франкфурта-на-Майне также должно было бы прийти – я туда писал, а в Германии очень аккуратны на почте. Сегодня выезжаю к Лаакерскому озеру, а оттуда через Эйфель в Трир и затем в Париж, куда надеюсь приехать 3 сентября н.ст. (т.е. 22 августа). Пробуду там дня 2–3, а

затем заеду на 1–2 дня к Александре Васильевне и оттуда через Берлин прямо в Петербург, так что около 2–4 сентября н.ст. буду в Москве. Надо приняться уже за работу. Мне досадно, что в Петербурге и Париже придется пробыть так недолго, но что же делать! Вчера совершил прогулку по Sieben-Gebirge. Погода все очень скверная и сильно мешает. Целую тебя, Гусю³, наших.

Твой Владимир

Поцелуй от меня крепко Нину и ее детеныша⁴.

Натуся, ты мне не отвечаешь совсем на мои вопросы: 1) что Паша⁵ и его положение на заводе, 2) чем кончилось с Лев.⁶ – что тебе написал об этом Д.И.⁷, и 3) как с деньгами Марка⁸ Попову.

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбою передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russia**.

Оп. 7, д. 41, л. 74.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Гольштейн.

³ Г.В. Вернадский.

⁴ Нина Егоровна Жедринская – сестра Н.Е. Вернадской, в Полтаве родила дочь, которую назвали Марией.

⁵ П.Е. Старицкий.

⁶ Фамилия написана сокращенно, личность установить не удалось.

⁷ Шаховской.

⁸ М.М. Любошинский. См. комментарий № 3 к письму № 411 и комментарий № 2 к письму № 413.

№ 424

28/16 августа 1894 г., Нидерлиндиг

Нидерлиндиг. 28/16.VIII 1894

Дорогая моя, пишу тебе, вернувшись с экскурсии, из маленького немецкого городка или, вернее, деревни (они называют Нидерлиндиг – Dorf¹, но для нашего понимания это слишком). Как везде, в маленьких городках и деревнях немецких (не австрийских) – чисто, большой комфорт, особенно сравнивая цену. Чувствуется совсем другая народная жизнь. Мне рисуется, что у нас быстро, неожиданно быстро идет тот же рост так называемой «полуинтеллигенции» (какое противное слово) со всеми ее требованиями к жизни и ее пробивающимся сознанием.

Сегодня я совершил свою первую экскурсию к Лаакерскому озеру. Со мной произошел неприятный сюрприз. Приехал я вчера ночью из Бонна (2 часа по железной дороге), сегодня утром собрался идти к озеру, как вдруг хватился бинокля, и оказалось – забыл его в Бонне, пришлось бежать на станцию, ехать в Бонн – нашел бинокль в гостинице, и пока приехал обратно в Броль, было уже почти 2 часа дня! Пропало $\frac{1}{2}$ дня – для экскурсии. Страшно жаль. Я все-таки успел почти засветло прийти из Броля в Нидерлиндиг (более 20 верст) – места чудные, и я как нельзя более доволен выбором местности для экскурсии. Мне надо было по составленному мною плану ближе ознакомиться с генезисом минералов в вулканической области. Конечно, лучше

всего было бы поехать в Неаполь, на Липарские острова или в окрестности Рима, но о такой роскоши нечего было и мечтать при недостатке времени и необходимости посещения других мест в Германии и Австрии. Я выбрал Лаакерское озеро и Эйфель. Теперь Эйфель решаюсь отбросить в сторону, так как 3–4 дня, которые я ему могу посвятить, – очень мало, и 2 дня, которые я иначе оставил бы Лаакерскому озеру, также.

Все время я решил посвятить Лаакерскому озеру – а 4–5 дней совершенно достаточно. Между тем эта область дает удивительную, разнообразную картину химической деятельности. На небольшом пространстве здесь находится, пожалуй, до 20 вулканов, из которых некоторые сохранили вполне свой внешний вид, так как они геологически юны – прекратилась их деятельность уже в ту эпоху, когда и фауна и флора были те же, что и теперь. А кое-какие следы угасания – в виде источников углекислоты – еще и теперь дают память об интенсивной деятельности здесь многие столетия назад. Вероятно, эта местность была центром грандиозных извержений, так как огромное Лаакерское озеро – более 380 гектаров – считают не чем иным, как заполненным водою кратером огромного вулкана! Такие только находятся на Сандвичевых островах да, говорят, на Луне. А кругом возвышаются вулканы, при рытье наталкиваются на огромные толщи лавы – далеко за Рейн, и кругом сохранились еще кое-какие следы старой деятельности этих вулканов – в виде пепла, туфа, несмотря на то что целые столетия, если не тысячелетия реки, дожди и пр. смывают и уносят эти легкие, беззащитные порошкообразные массы. Сегодня из Броля и до Вейссена на протяжении 7–8 км я прошел по долине, которая является такой же загадкой, как и само Лаакерское озеро. Кругом возвышаются огромные стены – до 50–60 саженей и более высоты, составленные из мелкого туфа, в нем куски разных вулканических пород – главным образом острые реберные куски пемзы. Он слоист и идет от озера к Рейну. Несомненно, здесь участвовала вода; объясняют извержением грязевого вулкана. На каждом шагу масса людей копает, этот туф мелют (и готовят особый камень), а кругом возвышаются саженные, огромные, беловато-желтые стенки туфа с причудливой формой разработки, донельзя примитивной и довольно опасной.

Местность удивительно красива, так как основной фон долины пробит в древних сланцах, а сланцы дают нам для долин самые ласкающие глаз формы рельефа (Тироль, Крым), туф же прислонен к ним, так как долина, несомненно, существовала раньше.

Завтра я посетую некоторые вулканы. Сегодня лишь был на двух лавовых потоках и собираю сознательно материал. Я думаю, что хорошо посетив Лаах и изучив потом эту местность по литературе, я возьму, что хотел, из поездки. Только бы не помешала погода.

У меня масса всяких отдельных наблюдений. И в общей минералогии мысль окрепла. Мне кажется, я подмечаю законы. Чувствую потуги мысли охватить сразу картинно Землю как планету. Как это трудно! Но мне кажется, с каждым разом яснее и яснее становится картина, и мне иногда блестит перед умственным взором – общая схема химической жизни Земли, производимой энергией Солнца. Не изнутри, «из Земли», идет вся жизнь на Землю и образование всех минералов, а извне, производится энергией, постоянно приносимой нам каждым лучом нашего Солнца.

Когда быстро идешь по красивой местности и когда стараешься отгадать, заметить основные черты жизни местности, – то быстро в уме пробегают картины былого, иногда удивительно ясно, но всегда мгновенно. Часто они так быстры, что бессознательны. Остается лишь впечатление, что они были, чувство или память интенсивного наслаждения, а самих сознание не заметило. Особенно теперь, когда я стараюсь улавливать не картину рельефа, а более глубокое свойство – химические процессы, мысль особенно сильно так картинно работает.

В это время мыслится очень много. И постоянно самые разнообразные вспоминаются вещи, создаются положения относительно многого, что, по-видимому, не стоит ни в какой связи с картиной местности, с научным наблюдением и размышлением при виде ее.

Но для меня совсем ясно, что именно все это находится в связи, так как научное размышление и наблюдение есть наиболее полное и ясное проявление моего духа и в это время все его стороны напряжены и в это время «сознание» бьет самым сильным темпом.

Так и сегодня, так и теперь передо мной пролетела такая масса самых разнообразных мыслей, факторов, впечатлений, что я бы потерялся, если бы стал делать «психологический» разбор связи всех этих проявлений душевного напряжения. Их часто нельзя передать словами, нельзя всегда рассказать все, что перечувствовано и пережито – нельзя не потому, чтобы был беден язык или плохо им владеешь, а нельзя потому, что язык, по существу, не может охватить всей мистической стороны духовной жизни. Мы привыкли говорить о важности переживания известных впечатлений или о том, что иные явления природы и искусства вызывают родственные настроения у массы людей, словами не передаваемые, особенно музыка.

Среди таких мыслей есть всякие, и я хочу набросать тебе некоторые свои мысли, которые могут быть словами переданы, ибо всегда при этом окончательно рельефно формируются у меня некоторые мои мнения. Работа шла все время для меня незаметно – а в такие моменты внезапно проблескивает готовая формула. Но теперь поздно, завтра рано вставать, а надо еще кое-что прочесть и несколько отдохнуть. Я замечу лишь, о чем хочу тебе написать, чтобы не забыть: 1) о Дрише (мысль о нем меня мучает); 2) о плане моих занятий в университете – с медиками; 3) о возможности иначе поставить русские университеты (если брать их как есть с их уставом и условиями), выдвинув новые стороны научной работы, которые могут совсем поднять их силу и de facto² сбросить оковы устава, я думаю, русские университеты могут внести многое новое в научную жизнь человечества; 4) в ответ тебе по поводу моего отношения к людям, я много об этом думал; 5) о социализме и либерализме. Для меня многое здесь стало яснее. Но если даже не успею обо всем этом написать – то расспросишь и расскажу. А теперь пока довольноно.

30.VIII 94

Завтра еду в Кельн и послезавтра утром буду в Париже. Мне надо ехать в Кельн для отправки минералов и раз не ехать в Эйфель, то через Кельн ближе, чем через Трир. Я уже писал о пересылке писем в Кельн и надеюсь, получу, наконец, там твою записочку. Мне очень хочется знать, как ты решила о Крыме. В Питере очень хочу видеть Льва Васильевича³, а если это

возможно – Макса Васильевича⁴, если там Сергей⁵, то адрес Льва Васильевича узнаю, а то сообщи. Я думал писать об этом Владимиру Васильевичу⁶, но не знаю маминого адреса, ни Сергея и не могу ему сказать, куда писать в Петербург. Экскурсией очень доволен; больше оставаться стоило бы, но тогда совсем мало пробуду в Париже, а это также важно. Кроме свидания с друзьями, я хочу еще кое-что там посмотреть и для диссертации просмотреть несколько сочинений, которые в Москве достать не мог. Все существенное из Лааха я взял. Окончив свою поездку, с точки зрения научной (минералогической) и учебной – я доволен ею. Я буду иметь в распоряжении теперь массу пособий: у всех главнейших минералогических контор и т.п. я сделал выбор всего, что может мне для этой цели годиться, и достал разными судьбами еще много. Теперь все зависит от меня. Дли явлений вытравления материал и т.п., кажется, также достану – по крайней мере, Шрауф указал мне путь. Кроме сделанных заказов и обещанных в разных местах (из Будапешта, Калуша, Борислава, Пршибрама, Фрейберга) вещей, я отсылаю завтра 6-й ящик с минералами, большей частью мною собранными, – более 300 экземпляров – много очень хороших вещей.

Хочется скорее за работу – но так мне сильно недостает тебя, моей дорогой, единственной Натуси. Мне так тяжело подумать, если ты вернешься лишь в октябре; подумай: я должен ехать в Моршанск (в октябре)⁷ и Тамбов (в декабре)⁸, так как это последняя сессия собраний до новых выборов и в Тамбове важно по поводу [агрон. смотр.]; в Моршанске мне необходимо завязать связи с [тамошними] преданными народному образованию кружками: тогда можно и в собрании провести много. Я думаю, что на это надо потратить время. Затем Земский съезд⁹ в Москве, много времени уйдет на борьбу из-за ассоциации¹⁰ (и мне и Павлову придется на это потратить время), ибо будет съезд комитетов до представления проекта министру и все силы будут направлены к тому, чтобы не допустить проект, а ты знаешь, какие тут пускаются неприятные средства¹¹. И это все кроме всякой обычной работы и работы над диссертацией¹², которую я во что бы то ни стало хочу кончить в этом году. Мне хотелось бы прожить тихий месяц – сентябрь – с тобою в Москве, мне было бы дорого войти в работу, когда ты возле, наконец, я очень бы хотел во многом посоветоваться с тобой по поводу медиков. Я хочу в первой лекции изложить им, почему я предъявляю такие требования, почему я считаю вредным, скверным и ложным практический взгляд на университетское преподавание. Я попытаюсь изложить, что не дело университетского преподавания дрессировка ремесленников и подготовка их к зарабатыванию наживы, а что для медиков курс естественных наук имеет задачей дать уму строгое, научное – устойчивое и смелое – строение и что никакой другой, прикладной, цели преподавание естественных наук на медицинском факультете иметь не может. Конечно, не может в университете. После моего осеннего поведения на экзамене, ввиду массы разговоров, какие я имел с отдельными студентами и толпою их, мне необходимо выступить с таким введением. Это первый и очень для меня важный шаг в университетской жизни, и мне бы страшно было важно с тобою прежде о многом посоветоваться. Передавать всего в письме нельзя; я уверен, однако, что я поступил правильно и заставлю студентов работать как следует. Я уже обдумал план практических занятий. У меня неожиданно вышла другая сторона из-за этих историй, необходимо

обратить внимание на материальную сторону – это главная ссылка. Конечно, уменьшить требований из-за этого нельзя, но и так безучастно относиться нельзя. Профессора должны войти в это, и здесь очень важная задача фактического существования университетской корпорации. В сентябре же начнутся у меня семинарии со специалистами – сперва совсем частно и на дому, и я боюсь тут сделать кое-какие лишние шаги. Мне надо тебя возле себя, моя дорогая, умненькая Натуня.

Я чувствую себя сильно и бодро. Может быть, не напрасно потратил деньги, так как у меня спала с плеч тяготившая меня неуверенность в своих знаниях – а это главным образом мешало моей научной работе и моему положению в университете. Я во многом стану иначе, решительнее.

Еще напиши – могла ли бы ты мне помочь в немецком переводе значительной части диссертации (старой и того, что сделано для новой) для Гротовского журнала?¹³

Крепко целую тебя, мою Натуню. Гусика¹⁴ поцелуй. Ему скоро – из Парижа – напишу. наших целую.

Твой Владимир

Скорее бы с тобою свидеться. Неужели ты не приедешь раньше октября, когда я должен ехать и буду в разгаре всяких начинаний? Если все в университетской жизни пойдет, как надеюсь, то именно теперь, при начале, мне важно бы стать верно, – а для этого ты мне необходима, моя Натуся. И я чувствую себя сильно апатичным в Москве без тебя.

Всей душой чувствую, что только с тобой и при тебе я могу правильно стать, а мне кажется, только в этом году я вступлю в университет как должно было раньше. Приезжай непременно раньше, родная.

Оп. 7, д. 41, лл. 75–78.

¹ Деревня (нем.).

² Фактические (лат.).

³ Возможно, Л.В. Келлер.

⁴ Возможно, Макс Васильевич Келлер.

⁵ Сергей Федорович Ольденбург.

⁶ Возможно, В.В. Келлер.

⁷ Имеется в виду Уездный земский съезд.

⁸ Имеется в виду Губернский земский съезд.

⁹ Имеется в виду нелегальное, частное совещание земских деятелей.

¹⁰ Имеется в виду Русская ассоциация естествоиспытателей и врачей.

¹¹ Так как В.И. Вернадский и А.П. Павлов были членами распорядительного комитета IX съезда (1894 г.) русских естествоиспытателей и врачей, они приняли активное участие в подготовке и редактировании проекта устава Русской ассоциации естествоиспытателей и врачей. Вскоре после съезда проект устава был представлен в Министерство народного просвещения на утверждение, но утвержден не был. На заседании 22 августа 1898 г. уже X съезда русских естествоиспытателей и врачей было принято решение: «...просить г. министра народного просвещения об ускорении утверждения проекта устава Русской ассоциации естествоиспытателей и врачей» (см.: Дневник X съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. Киев, 1898. С. 122).

¹² См. комментарий № 2 к письму № 421.

¹³ См. комментарий № 5 к письму № 419.

¹⁴ Г.В. Вернадский.

№ 425

3 сентября/[22 августа] 1894 г., [Paris]¹

3 сентября 1894

Дорогая моя, родная Натуся! Я так был рад получить от тебя вчера письмо, которое пришло из Франкфурта. Очевидно, ты не получила моего письма из Бонна, где я тебя просил писать мне сюда. Я здесь второй день. Мельком видел Владимира Августовича², которого застал перед отъездом в Бретань. Еду в Бретань завтра. Из Бретани, вероятно, прямо, нигде не останавливаясь, проеду в Петербург. Там пробуду очень мало. Здесь виделся с Михаилом Петровичем³, который очень плох, и жить ему осталось немного; так это тяжело и больно – человек в полном цвете сил и блеске ума. На меня очень и очень тяжелое это сделало впечатление. Мой дорогой Натусик, моя родная, я так страшно рад, что скоро увижу тебя в Москве, так мне хочется скорее быть вместе с тобою. Может быть, тебе следовало бы проехать в Крым, но при тех условиях, при которых пришлось бы жить теперь, едва ли бы ты отдохнула, а затем дорога туда и обратно заняла бы так много времени! Я боюсь для тебя лета, когда рядом еще дети, когда приходилось бы тебе стесняться в жизни, но, с другой стороны, климат и виноград! Но все-таки я думаю, лучше, что ты приедешь раньше, моя дорогая, любимая Натуся. Мне очень жаль, что не удастся приехать теперь в Полтаву, может быть, приеду в декабре.

Целую крепко тебя, наших, Гусика⁴.

Твой Владимир

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне Старицкой, с просьбою передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович, **Poltawa, Russie**.

Оп. 7, д. 41, л. 81.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² Гольштейн.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 426

8 сентября/27 августа 1894 г., Портблан

Portblanc, 8 сент./27 авг. 1894

Дорогая моя Натуся, сегодня уезжаю в Париж и оттуда через Берлин прямо еду в Петербург, но в Париже дня два еще пробуду, так как мне надо купить пальто и т.д. Мое пальто пришло в совершенно невозможный вид и холодно.

Сперва о финансовых делах. Твое мнение о жизни выше средств и расстрате (медленной) имения, безусловно, неверно, и мне очень жаль, что ты судишь и на тебя все это влияет, но никогда ты не посмотрела ближе на дела и, в сущности, ничего не знаешь. Надо тебе это сделать. А то эти охи и ахи портят тебе настроение, а, в сущности, ты ничего не делаешь, чтобы эти охи и ахи проверить. Просмотри в Москве счета. Я уже тебе много раз говорил, что нам теперь труднее справляться не из-за жизни сверх сил, а из-за того, что приходится без капитала заводить хозяйство и расширять посевы! О каком же тут

разорении имения может быть речь. Если ты посмотришь стоимость построек и т.п., мною произведенных, и сравнишь с 4% долгом, то увидишь, что она значительно больше – т.е. значительная ее часть покрыта из доходов, помимо жизни. На жизнь же нашу мы долгов не сделали за эти годы, несмотря на переезд и массу условий, кроме старого долга Паше¹, который в значительной степени не наш. Точно так же и долг Петрункевичам – из него 200 руб. Стар.² (Аде³ я выплатил) и только 100 руб. наши, которые я выплачу скоро. Я ничего не имею против сокращения ⟨для⟩ жизни, но совершенно не согласен делать сокращения относительно умственных и общественных интересов, так как это будут сокращения Коробочки⁴, в конце концов даже экономически невыгодные. Во всяком случае, тебе надо ближе всмотреться, а то на тебя вредно влияют эти настроения – а твои страхи сильны, мучения портят тебе жизнь, а серьезного, разумного изучения вопроса – нет. Относительно продажи хлеба – не продавать больше 6–7 месяцев нам, конечно, нельзя. Цена в 30 коп. не будет бызвыгодна, в конце концов. А я очень сомневаюсь, чтобы цена повысилась. Вопрос тут гораздо труднее, и он должен быть решаем изменением системы хозяйства, что нам много лет не по силам.

Жалованье за август я не брал – застану в Москве, и сверх того за квартиру заплачено по октябрь. Всегда можно иметь из деревни некоторую сумму, помимо продаж в течение сентября, так как среди поступлений — арендная плата за землю (больше 2000 руб.) должна поступить целиком, так как крестьяне имели хорошие заработки и урожай⁵.

Относительно диссертации ты до известной степени права⁶. Зимой, конечно, ее не защищу – разве весной или осенью⁷. Да в этом году много работы университетской, мне гораздо важнее, в смысле упрочения положения, напечатать скорее, хотя бы часть ее, – в немецких журналах. Во всяком случае, помимо лекций, буду работать главным образом над нею.

Я очень рад, что ты приятно провела лето, хотя, как знаешь, не особенно сочувствую времени, которое проходит без работы, а ты, верно, и не отдохнула!

Крепко целую тебя, мою рыбку – так страшно хочу быть скорее с тобой в Москве и приняться за лекции и работу. Естественникам хочу прочесть 1-ю вступительную лекцию общего характера: Эрнест Малляр и современное развитие кристаллографии, которую напечатаю. План обдумал. Гольштейны милы, и я очень рад с ними видиться. Расскажу. Гусю⁸, наших целую.

Твой Владимир

Мой дорогой Тусик!

Оп. 7, д. 41, лл. 79–80.

¹ П.Е. Старицкий.

² Личность установить не удалось.

³ А.А. Корнилов.

⁴ Персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

⁵ В письме от 19 августа 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «... мне ясно, что тебе совсем недостает ясного, прямого взгляда на наши финансовые дела. Чем мы будем жить эту осень? Я живу в долг, и Тане жалованье не заплачено, твое же жалованье взято, Петрункевичам долг не выплачен, а в деревне хлеб просто невыгодно продавать, хоть бы не задаром. Я не прихожу в отчаяние, но ты должен знать, что положение дел вовсе не блистательно, и прямо

смотреть на это дело. Нужно сжаться эту зиму. Меня положительно тяготит, что мы все живем выше средств и понемногу растрчиваем имение. Я считаю это не разумным и не хорошим» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 97–97 об.).

⁶ В письме от 19 августа 1894 г. из Полтавы Н.Е. Вернадская писала: «Я рада, что ты доволен научными результатами твоей поездки. Мне хочется, чтоб ты теперь скорее и энергичнее засел за свою диссертацию и защитил ее этой зимой. Я только боюсь безалаберности в работе. Мне кажется так ясно, что теперь нужно всецело – поскольку то позволит университетская работа – засесть за диссертацию. Это необходимо для твоего независимого положения в университете и даже в обществе и ради твоей деятельности вообще» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 96–96 об.).

⁷ См. комментарий № 2 к письму № 421.

⁸ Г.В. Вернадский.

№ 427

[2 сентября 1894 г., Петербург]¹

Дорогая моя Натуня, сегодня приехал сюда. Пробуду неделю. 4-го хочу быть в Москве. Надо приниматься за лекции. Страшно рад скорее с тобою увидиться – так без тебя соскучился. Пищу тебе два слова, чтобы послать весточку, так как давно не писал и давно и от тебя не имел писем. О Париже и обо всем тебе подробно расскажу, а писать не хочется теперь, когда скоро увидимся.

Целую тебя, мою дорогую, крепко. Гусю², наших поцелуй.

Твой Владимир

Сегодня четверг – а выехал из Бретани в субботу! Только переночевал в Париже.

На обороте: **Полтава**, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбою передать Н.Е. Вернадской, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 41, л. 83.

¹ Дата и место написания устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

² Г.В. Вернадский.

№ 428

4 сентября 1894 г., [С.-Петербург]¹

4 сент. 94

Дорогая моя Натуся, сейчас еду в Москву, через неделю с тобою увидимся! Бедненькая Туська даже телеграфировала маме – верно, тебя обеспокоило несчастье на поезде между Кельном и Парижем; я ехал на другой день и из-за этого чуть не опоздал ко всем поездом. Чувствую себя неважно, простудился дорогой – болят спина, ноги, голова, так что едва двигаюсь – с палкой хожу, как инвалид! Поэтому и в Питере мало кого мог видеть – на следующий день по приезде совсем не мог выходить, еще мой желудок дал себя знать. Совсем стариком стал. Но ничего опасного нет, и ты не должна беспокоиться – пишу тебе лишь, как обещал писать, если нездоров. Теперь скоро будем вместе.

Здесь видел Сергея², Стар.³ и т.д., но как-то писать теперь не хочется. Скорее хочется быть вместе.

Целую тебя, Гусю⁴, наших.

Твой Владимир

На обороте: Полтава, Ее Высокопревосходительству Марии Ивановне **Старицкой**, с просьбой передать **Н.Е. Вернадской**, Институтская ул., д. Янович.

Оп. 7, д. 41, л. 82.

¹ Место написания устанавливается по почтовому штемпелю на открытке.

² С.Ф. Ольденбург.

³ Личность установить не удалось.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 429

7 октября 1894 г., Моршанск

Моршанск, 7 октября 1894 г. четверг

Дорогой мой, родной Натусик, мое серденько ясное, так мне без тебя скучно, хочется скорее под твое крылышко. Я, верно, приеду только в воскресенье утром. Собрание, вероятно, кончится завтра. Оно интересное – я жалею, что опоздал, так как провалили одну больницу и чуть было не провалились школы. Но эти дни настроение собрания переменялось: отпущено 250 руб. на библиотеки при школах для взрослого населения, на воскресные чтения, на приобретение кос и пр. для крестьян и т.д. В общем впечатление от деятельности хорошее, несмотря на новые сокращения земской деятельности – вроде лечебного устава¹; но, кажется, для нашего уезда удастся свести на минимум его вредное действие. Также и вопрос об оценках *de facto*² передается в руки статистиков³. Для меня наиболее интересно было настроение людей и возможность многих принципиальных вопросов, которые все время подымались и подымаются. Но все-таки эта общественная деятельность для меня тяжела.

Крепко целую тебя, мою родную. Гусика⁴ поцелуй.

Твой Владимир

На обороте: Москва, Е.Вр. Наталье Егоровне Вернадской, угол Трубниковского пер. и Поварской ул., д. Старикова.

Оп. 7, д. 41, л. 84.

¹ По лечебному уставу 1892 г. из ведения земств должны были быть изъяты больницы и приемные покои. На заседании Тамбовского губернского земского собрания об уставе говорилось: «Лечебный устав, по поводу которого все земства высказались, что он не годен для применения к земской жизни, и лечебный устав не был введен в действие» (см.: Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1895–1906 гг. / Сост. В.И. Маюцков. Тамбов, 1909. С. 620).

² Фактически (лат.).

³ Речь идет об оценках имуществ для обложения налогом, которые, как правило, проводились по усмотрению управ, многие из которых, в свою очередь, фактически передоверяли это самим землевладельцам. Обложение шло в интересах крупных землевладельцев, поэтому

нетрудно объяснить нелюбовь, проявленную администрацией к организации правильной статистики. Отсюда такая удовлетворенность В.И. Вернадского в том, что им в Моршанском уезде удалось вопросы об оценках передать в руки статистиков. Оживление земской статистики было связано с законом об оценочных работах от 8 июня 1893 г.

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 430

9 декабря 1894 г., Тамбов

Тамбов, 9 декабря 1894

Дорогая моя, родная Натуня, так я ждал вчера от тебя письма, но не получил его. Надеюсь, что ты, моя рыбонька, написала его. К первому заседанию я-таки опоздал, так как заезжал за Марком¹ и перепутал поезда! Но этим ничего не потерял, так что очень жаль, что не остался вечером в Москве. Адрес² решили, в принципе, подать, его сдали в Докладную комиссию³ (где мы оба с Марком членами), но о нем не говорят, совсем как бы позабыли. Случилась комичная вещь: Земству была выражена благодарность царя за адрес, которого не подавали. Подали адрес часть гласных, так как управа не решилась вновь созывать гласных, так как на экстренное собрание по поводу бракосочетания царя⁴, тогда еще наследника, дважды не явилось законного числа гласных. Министр сперва не хотел принимать такого адреса, но потом представил. Адрес был приличный⁵. Настроение собрания крайне вялое. Точно все устали. Два вечера мы сидели над страхованием скота и затем теперь решили отложить вопрос до лучшего исследования. В докладе много важных и принципиальных вопросов. Из С.-Петербурга здесь вести неважные. Главный предмет интереса – Московские студенческие истории. Студенты держат всех гласных au courant⁶ не только фактов, но и все их извещения здесь циркулируют. Они, несомненно, создали благоприятное к себе настроение земского общества. А я душою в Москве и с нетерпением жду оттуда известий⁷.

Крепко целую тебя, Гулю⁸, моя родная. Как-то ты себя чувствуешь? Как Сегоня?⁹

Твой Владимир

На обороте: **Москва**, Е.Вр. Наталье Георгиевне Вернадской, Поварская ул., Трубниковский переулок, дом Старикова, кв. № 5.

Оп. 7, д. 41, л. 85.

¹ М.М. Любощинский.

² Адрес по случаю восшествия на престол Николая II. Приход к власти нового царя ожидал в земских кругах и в обществе надежду на перемену правительственной политики в отношении земского самоуправления. В связи с этим ряд земств, в том числе и Тамбовское (см. письмо № 433), выступили с робкими конституционными адресами на имя царя. Но первый же адрес, направленный Тверским земством, Николай II не принял, а на докладе о нем министра внутренних дел написал: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместной выходкой 35 гласных губернского земского собрания» (см.: *Веселовский Б.* История земства. СПб., 1911. С. 498). Окончательно всякие иллюзии о реформах были рассеяны речью Николая II, с которой он обратился к представителям земств, городов и сословий, собравшимся по случаю его бракосочетания 17 января 1895 г. «Мне известно, – сказал он, – что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я,

посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель» (Там же. С. 500).

³ Докладная комиссия Тамбовского губернского земства.

⁴ Бракосочетание Николая II с принцессой Алисой Гессенской (Александрой Федоровной) состоялось 14 ноября 1894 г.

⁵ См. письмо № 433.

⁶ В курсе (фр.).

⁷ В письме от 8 декабря 1894 г. из Москвы Н.Е. Вернадская писала: «... беспорядки в университете улеглись. Такое счастье, что удалось сдержать волнение. Все теперь идет тихо и гладко, и лучшие надежды приведены в исполнение. Говорят, настроение среди профессоров очень хорошее. Вчера была у Марии Васильевны (Павловой. – *Ред.*). Она говорит, что больна от волнения, хотя все события не должны бы ее касаться. Она очень хорошо говорила о разрозненности профессоров и о необходимости пробуждения сознания прав среди них, но их интересы она коренным образом отделяла от интересов и жизни студенчества, считая ошибкой смешение их и утверждая, что эти интересы представляют совершенно отличные области. На мой вопрос о том, как их разграничить, она отвечала, что следует просто думать лишь о том, чтоб не попирали собственных прав, все же другое не касается и должно быть игнорируемо. Господи, сколько людей, столько и мнений. Постоянно чувствуешь, что люди, живущие друг от друга на расстоянии нескольких шагов, делящие во многом жизнь, совсем не понимают друг друга и говорят на различных языках» (ф. 518, оп. 3, д. 260, л. 120–120 об.).

⁸ Г.В. Вернадский.

⁹ С.С. Ольденбург.

№ 431

10 декабря 1894 г., Тамбов

Тамбов, 10 дек. 1894

Дорогая моя Натуся! Вчера получил я твое письмецо – так был рад иметь его. Вся душа в университете, и тревожно живешь это время студенческими волнениями¹. А вчера здесь распространились тревожные слухи о поведении студентов, исходящие, правда, из административных сфер, которые желают прервать сочувствие студентам, которое всюду проявляется. Что-то у вас – надеюсь получить сегодня от тебя письмо. Адрес рассматривали вчера на предварительном совещании некоторых членов Комиссии². Он мне вполне понравился. Не знаю, как будет дальше, когда он будет рассмотрен Комиссией *in pleno*³ и затем собранием. В адресе подчеркивается бессословность земства, указывается на экономическое благосостояние крестьян как основу всей русской жизни, выражается надежда на дальнейшую деятельность в духе деда и на единение и расширение единения между земством – представителями населения – и верховной властью. Вчера в собрании по другому вопросу был прелюбопытнейший инцидент, вызванный одним гласным Гуаданини, действовавшим на почве «благонадежности» и который чуть-чуть не вызвал скандала, так как его предложение, если бы было пущено, провалилось бы с треском. В подкомиссию для рассмотрения его предложения (в память бракосочетания отбросить земские недоимки по лечебным etc.) попал и я, и нам надо найти благородный выход с отказом. Здесь месяц назад вышел любопытный инцидент с дворянским адресом царю, который был найден сенатором Жихаревым недостаточно патриотичным, слишком либеральным. Жихарев предлагал свой адрес, в котором подчеркивал просьбу о сохранении самодержавия. Заседание было прервано. Собрание дворян большинством всех голосов против 4 провалило адрес Жихарева. А за свой адрес получило

особо выраженную благодарность царя, но их адрес совсем и не был либеральным.

Наш адрес вызвал возражения князя Цертелева, и еще неизвестно, что будет в собрании, хотя в Комиссии Цертелев остался один. Сегодня вечером еще раз в Комиссии.

Крепко целую тебя, моя дорогая, Гусю⁴, и напиши скорее, как все в Москве.

Твой Владимир

На обороте: **Москва**, Е.Вр. Наталье Георгиевне **Вернадской**, угол Поварской ул. и Трубниковского пер., д. Старикова, кв. 5.

Оп. 7, д. 41, л. 86.

¹ См. комментарий № 7 к письму № 430.

² См. письмо № 433.

³ В полном составе (лат.).

⁴ Г.В. Вернадский.

№ 432

[12 декабря 1894 г., Тамбов]¹

Дорогая Натуся!

Пишу несколько слов. Адрес² прошел громадным большинством 38–40 голосов против 6. В нем сделано было лишь самое небольшое несущественное изменение. Работа идет медленно, так что совсем неизвестно, когда кончится собрание. Почти наверное разъедется собрание раньше конца. Дифтеритная сыворотка пройдет почти наверное: доклад внесен в Комиссию и принят собранием сочувственно. Среди некоторых более старых гласных есть намерение возбудить ходатайство об избавлении окончивших курс в сельских школах от телесного наказания. Цертелев невольно подчеркнул политическое значение адреса, так что с этой точки зрения баллотировка была особенно интересна. Я не знаю, пробуду ли до конца собрания. Очень жду от тебя писем, моя дорогая.

Крепко целую тебя, мое сокровище, моя умненькая дурочка. Гусика³ целую.

Твой Владимир

12 декабря 94, Тамбов

На обороте: **Москва**, Е.Вр. Наталье Георгиевне **Вернадской**, угол Поварской ул. и Трубниковского пер., д. Старикова.

Оп. 7, д. 41, л. 87.

¹ Письмо написано в Тамбове, так как в нем говорится об адресе Николаю II, готовившемся Тамбовским земством.

² См. письмо № 433 и комментарий № 2 к письму № 430.

³ Г.В. Вернадский.

14 декабря 1894 г., [Тамбов]¹

Дорогой мой Натусик, еще не знаю, когда приеду, так как важные вопросы есть.

Посылаю лишь тебе копию нашего адреса: «Всемиловейший Государь! Бракосочетание В.И.В. является ярким лучом, озарившим сердца Вашего верноподданного народа после мрачных дней глубокой скорби. Тамбовское губернское земское собрание спешит засвидетельствовать от имени всего объединенного в нем населения губернии, что мыслию и сердцем оно сливается в одной горячей молитве к Всемогущему Богу, да ниспошлет он Вам и Августейшей супруге Вашей полное и безмятежное счастье на многие года и да благословит он брачный союз Ваш, как благословил он союз Ваших Августейших родителей **на счастье России**. В ознаменование радостного для Вас и для всего русского народа дня Вам благоугодно было, Государь, в числе многих других милостей, оказанных всем Вашим подданным, **также** сложить с сельского населения значительную часть продовольственного долга и тем укрепить его экономические средства, поколебленные бедственным 1891 г. Принося за все столь щедрые милости глубочайшую благодарность В.В., Тамбовское земство с радостью усматривает в восстановлении благосостояния населения новый источник силы для доброго и неуклонного продолжения того великого дела, начало которому было положено Незабвенным Дедом Вашим Царем Освободителем, призвавшим общественные силы страны к совместной работе с правительственной властью и тем создавшим прочное между ними единение. Памятуя драгоценные для всех нас слова, с которыми В.В. обратились к Вашему верноподданному народу в торжественную минуту вступления на Прародительский Престол, мы уповаем, что **среди глубокого мира, упроченного в Бозе почившим Августейшим Родителем Вашим**, единение это, развиваясь и укрепляясь, станет краеугольным камнем, на котором созиждется наша государственная будущность. И ныне, собравшись в первый раз в Ваше Царствование и призвав благословение Божие на начало указанного Вам Божественным Промыслом пути, Тамбовское земство, ободренное великими милостями, приемлет смелость уверить В.В., что у него нет более высокой и более заветной цели, как приложить все силы к устройению благосостояния родного края».

Адрес, по-моему хорош. Выделенные слова, вставлены в виде компромисса, но, как ты видишь, они ничего не изменили. Князь Цертелев грозил скандалом – в конце концов, занесены в протокол мотивы его порицания этого адреса и его адрес, отринутый собранием (продолжать дело отца), так что он подчеркнул его значение.

Дифтеритное дело прошло. Адрес писал Петр.-Сол.² С ним мы теперь сошлись – сегодня я делаю им визит.

Целую тебя крепко, мою родную, Гусика³.

Твой Владимир Вернадский

14 декабря, 94

Оп. 7, д. 41, лл. 88–89.

¹ См. комментарий № 1 к письму № 432.

² Очевидно, Василий Михайлович Петрово-Соловова – гласный Тамбовского губернского земства.

³ Г.В. Вернадский.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абих (Abich) Герман Вильгельм (1806–1886), геолог, исследователь Кавказа, ординарный акад. (1853), почетный акад. (1866) Петербург. АН, проф. Дерптского ун-та (1842–44), причислен к корпусу горных инженеров на Кавказе (1847–86), в 1877 г. переселился в Вену, где начал обработку своих трудов
- Абрамов Яков Васильевич (1858–1906), публицист
- Абрахоль-Госкинс (Abrahall-Hoskyns) Джон Лейх (1865–1891), английский химик, стипендиат, занимающийся исследовательской работой в Owens College в Манчестере, с ним В.И. Вернадский работал в Мюнхене в лаборатории П. Грота
- Абрахоль-Госкинс (Abrahall-Hoskyns), мать Джона Абрахоля-Госкинса
- Авель, в Библии второй сын Адама и Евы, по преданию, был убит старшим братом Каином
- Авессалом, в Библии любимый сын царя Давида
- Авогадро (Avogadro) Амедео (1776–1856), итальянский физик и химик, чл.-корр. (1804), ординарный акад. (1819), а затем директор отд-я физ.-мат. наук АН в Турине, проф. (1820–22; 1834–50) Туринского ун-та
- Аврелии Марк (Marcus Aurelius) (121–180), римский император (с 161), автор книги «Наедине с собой»
- Агафонов Валериан Константинович (1863–1955), почвовед, геолог, минералог и писатель, проф. Таврического ун-та (Симферополь) и Сорбонны (Париж) с 1921 г., друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Агафья Ивановна, акушерка, знакомая В.И. и Н.Е. Вернадских
- Агрикола (Agricola) Георг (наст. фамилия Бауэр, Bauer) (1494–1555), немецкий ученый в области горного дела и металлургии (по образованию врач), работал в Яхимове (Чехия), а затем в Хемнице (Саксония)
- Адам, в пудиисгской и христианской мифологии первочеловек и отец рода человеческого
- Аксинья, кухарка в доме Вернадских
- Александр I (1777–1825), российский император с 12 марта 1801 г.
- Александр II (1818–1881), российский император с 19 февраля 1855 г.
- Александр Емельянович, личность установить не удалось
- Алексеева (девичья фамилия Вернадская) Ольга Ивановна (1864–1920), сестра В.И. Вернадского
- Алексеев Кир Алексеевич, корнет лейб-гвардии уланского полка, муж Ольги Ивановны Вернадской, после отставки (1879) служил членом Новомосковского уездного по крестьянским делам присутствия, почетным мировым судьей
- Алексеевский П.И., студент, чл. Тульского землячества, принимал участие в борьбе с голодом в Тамбовской губ. в 1891–1892 гг.
- Алексеевы, семья К.А. и О.И. Алексеевых
- Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г.
- Алехин Алексей Васильевич (1859–1934?), химик, выпускник Моск. ун-та, последователь учения Л.Н. Толстого, организатор нескольких земляческих общин, которые через год–два распадались, в 1896 г. вернулся к научной работе по химии, преподаватель Киевского политехн. ин-та (с 1899)
- Амадей-Фердинанд-Мария, Амадей Савойский (Amadeo de Savoia) (1845–1890), герцог Аостский, сын итальянского короля Виктора Эммануила II, после Испанской революции кортесами избран королем Испании (1870–73), во время Гражданской

- войны не сумел удержать власть, отрекся от престола и вернулся в Италию
- Аматуни Никодим Исаевич, студент юрид. фак., казначей Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (с 1887)
- Ампер (Ампере) Андре Мари (1775–1836), французский физик, математик и химик, чл. Парижской АН (1814), Петербург. АН (1830), сотрудник (с 1805), проф. (1809–24) Политехнической школы в Париже, проф. Коллеж де Франс (с 1824)
- Андрей, священник с. Новоселки Рославльского у.
- Аничков Евгений Васильевич (1866 – ок. 1937), историк литературы и критик, приват-доцент Киевского ун-та (1895–1900), организатор и секретарь Русской высшей школы общественных наук в Париже (с 1901), приват-доцент Петербург. ун-та (1902–03). В 1907 г. был привлечен к суду по политическому делу и просидел в тюрьме 13 месяцев; в период первой русской революции был деятельным членом Всерос. крестьянского союза, за участие в котором был приговорен к году одиночного заключения, после Октябрьской революции белоэмигрант
- Аничков Иван Васильевич, брат Евгения Васильевича, студент, секретарь Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (1887), исключен из университета за участие в студенческих выступлениях, происходивших 9–10 декабря 1887 г.
- Аничков Николай Милиевич (1884–1916), педагог (с 1864), директор Департамента Министерства народного просвещения, чл. Гос. совета (1906), был товарищем министра народного просвещения (1896–1897), служил в Сенате в департаменте герольдии (с 1898)
- Аничковы, братья Е.В. и И.В.
- Анна Иоановна (Ивановна) (1693–1740), российская императрица (с 25 января 1730 г.)
- Анненков Павел Васильевич (1813–1887), литературный критик и мемуарист
- Анушка, прислуга в доме Вернадских
- Аносов, помещик Моршанского у. Тамбовской губ.
- Антипа (Antipa Or.), румынский зоолог
- Антоний Марк (Marcus Antonius) (ок. 83–30 до н.э.), римский политический деятель и полководец
- Антонов М.Т., участник борьбы с голодом в Тамбовской губернии в 1891–1892 гг.
- Анцыферов Сергей Иванович, педагог, преподаватель 5-й Моск. гимназии, секретарь Совета Моск. комитета грамотности
- Аполлон, в древнегреческой и древнеримской мифологиях и религиях божество
- Апулей (Apuleius) (ок. 124 н.э. – неизв.), древнеримский писатель
- Аргутинский-Долгоруков Петр Михайлович (1845–1911), врач и писатель, служил военным врачом (1879–84), экстраординарный (с 1893) и ординарный (с 1897) проф. Казанского ун-та, лечил детей В.И. Вернадского
- Аристотель (Aristotéles) (384–322 до н.э.), древнегреческий философ
- Аристофан (Aristophânēs) (ок. 445 – ок. 385 до н.э.), древнегреческий драматург, «отец комедии»
- Армашевский Петр Яковлевич (1851–1918), минералог и геолог, хранитель Минерал. кабинета (с 1873), доцент (с 1883) и проф. (с 1885) Киевского ун-та, преподаватель в Фундуклеевской женской гимназии (с 1887)
- Арнольд, студент Моск. ун-та, издатель лекций В.И. Вернадского 1891 г.
- Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), юрист, либеральный публицист, литературовед и общественный деятель, почетный акад. Петербург. АН (с 1900), один из основателей партии демократических реформ, вел в «Вестнике Европы» внутреннее обозрение (с 1880)
- Арцуни (Arzuni) Андреас (Андрей Еремеевич) (1847–1898), немецкий минералог, чл.-кор. Петербург. АН (с 1895), проф. Бреславльского (Вроцлавского) ун-та (с 1884) и Высшей технической школы в Ахене (с 1884)
- Асклепий (Asklēpiós), в древнегреческой мифологии бог врачевания
- Астырев Николай Михайлович (1857–1894), общественный деятель, статистик, писатель; работал в статистическом бюро Моск. губ. земства и Иркутском статистическом бюро; сотрудничал в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Русской мысли» и др.
- Ауэрбах (Auerbach) Бертольд (1812–1882), немецкий писатель
- Ауэрбах Иван Богданович (1815–1867), геолог, проф. Петровской с.-х. акад.
- Байрон (Вугон) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт-романтик

- Бальзак (Balzac) Оноре де (1799–1850), французский писатель
- Баранов Николай Михайлович (1837–1908), генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны, Ковенский (1881), Архангельский, Нижегородский (с 1885) губернатор, градоначальник С.-Петербурга (с 1 марта 1881 г.)
- Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920), филолог, историк литературы, критик, приват-доцент Петербург. ун-та (1885–98), проф. Психоневролог. ин-та в Петербурге, редактор ж. «Мир божий» (1902–06)
- Башкирцевы, знакомые Вернадских, жившие в Ницце
- Бебер (Bebber) Вильгельм Яков (1841–1909), выпускник Йенского ун-та (1871), учитель Высшей школы в Клеве, ректор реального училища в Вейсенбурге (с 1875), руководитель 3-го отд-я (земная метеорология, штормовое предостережение, прогноз погоды) в немецкой обсерватории в Гамбурге (с 1879), проф. (с 1890)
- Безчинский, юноша из С.-Петербурга, участник борьбы с голодом в Тамбовской губ.
- Бекарюкова М.Д., см. Ольденбург М.Д.
- Бекарюкова Ольга Дмитриевна (Лёля), двоюродная сестра И.М. Гревса
- Бекарюков Иван Дмитриевич, двоюродный брат И.М. Гревса
- Бекарюковы, сестры Мария Дмитриевна и Ольга Дмитриевна
- Бекер, знакомая Вернадских
- Бекетов Андрей Николаевич (1825–1902), ботаник-морфолог и ботаник-географ, почетный чл. Петербург. АН (1895), ректор Петербург. ун-та в период, когда в нем учился В.И. Вернадский
- Беклемишева, знакомая Вернадских
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), литературный критик, публицист
- Беллами (Bellamy) Эдвард (1840–1898), американский писатель
- Белозеров, выпускник юрид. фак. Петербург. ун-та (1883), секретарь Совета Петербург. ун-та (с 1888)
- Беляев Александр Петрович (1803–1887), декабрист (формально членом тайного о-ва декабристов не был), мичман гвардейского экипажа, активно участвовал в подготовке восстания в Петербурге и 14 декабря 1825 г. с батальоном был на Сенатской пл., приговорен к 12 годам каторги, после амнистии (1856) жил в Москве, печатая воспоминания декабристов
- Беннигсен-Фердер (Bennigsen-Förder), немецкий геолог и почвовед
- Берви Федор Вильгельмович (Васильевич) (1867–?), врач-хирург, выпускник мед. фак-та Дерптского ун-та (1893), принимал участие в борьбе с голодом и болезнями в Тамбовской губ. в 1891–1892 гг. вместе с В.И. Вернадским
- Бернулли (Bernoulli), династия швейцарских ученых (с XVII в.), родоначальник которой Якоб (ум. 1583) был выходцем из Голландии
- Берцелиус (Berzelius) Йёне Яков (1779–1848), шведский химик и минералог, чл. Королевской шведской АН (с 1808), ее президент (с 1810), почетный чл. Петербург. АН, работал в Медико-хирургическом ин-те в Стокгольме (1802–32)
- Беспалый М.М., геолог, исследователь солонцов
- Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, пианист и дирижер
- Бирюков Павел Иванович (1860–1931), писатель и общественный деятель, друг и первый биограф Л.Н. Толстого, пропагандист «толстовства»
- Бисмарк (Bismark) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898), германский государственный деятель
- Битовт Юрий Юлианович, литератор и библиограф
- Благоев Димитр (1856–1924), деятель революционного движения в России и Болгарии. В 1883 г. основал в Петербурге с.-д. группу, организатор (1891) Болг. с.-д. партии, партии тесняков (1903), компартии (1919)
- Благосветлов Г.Е., переводчик
- Блюм (Blum) Роберт (1807–1848), немецкий политический деятель, публицист, вожь Саксонской революции (1848), избирался вице-президентом предварительного парламента Саксонии и во франкфуртский парламент, казнен австрийскими властями после поражения венской революции
- Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), государственный и общественный деятель, председатель Археологической комиссии (1886–1917), чл. III Гос. думы, чл. Гос. совета (с 1912), товарищ министра внутренних дел (с 1916), министр земледелия (с 1916), обер-гофмейстер (с 1916), председатель Совета объединенного дворянства (1906), эмигрант с 1919 г.

- Богданов Модест Николаевич (1841–1888), русский орнитолог, зоогеограф, проф. Петербург. ун-та (с 1881)
- Боголепов, владделец квартиры в Москве, в которую должен был переехать В.И. Вернадский
- Боголепов Николай Павлович (1846–1901), государственный деятель, юрист, проф. римского права в Моск. ун-те, ректор ун-та (1883–1887, 1891–1893), министр народного просвещения (1898–1901)
- Бодрильяр (Baudrillart) Анри-Жозеф-Леон (1821–?), французский публицист и политэконом, читал лекции в Коллеж де Франс, редактор газ. «Constitutionnel», главный редактор «Journal des Economistes»
- Бойль (Boyle) Роберт (1627–1691), английский химик, физик и философ, чл. Лондонского королевского о-ва (с 1663)
- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон де (1732–1799), французский драматург
- Бонигер (Boniger) Мельхиор (1866–?), выпускник Цюрихского политехникума (1889), ассистент (1888–89), химик (с 1889) лаборатории аналитической химии объединенного политехникума в Цюрихе, директор (с 1896) химической фабрики в Базеле
- Борелли (Borelli) Альфредо, итальянский зоолог
- Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825), художник-портретист
- Боровский Вацлав Вацлавович (1871–1923), революционер, советский дипломат
- Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930), ботаник, акад. Петербург. АН (1902; чл.-кор. – 1897), вице-президент АН (1917–19), акад. АН УССР (с 1925), проф. Петербург. ун-та (с 1880), организатор. и президент Русского ботанического о-ва (с 1915)
- Боскович, Бошкович (Bošković) Руджер Иосип (1711–1787), хорватский физик, математик и астроном, проф. Римской коллегии (с 1740) ун-та в Павии (1764–1770)
- Боткин Василий Петрович (1812–1869), писатель, критик, искусствовед, брат врача С.П. Боткина
- Браве (Bravais) Огюст (1811–1863), французский кристаллограф, чл. Парижской АН (1854), проф. Политехнической школы в Париже
- Бракебуш, проф. в Кордобе
- Брамсен (Bramsen) Альфред, датский врач-педиатр (XIX в.)
- Брандбургский (Браниборский), герцог
- Брёггер (Brøgger) Вальдемар Кристофер (1851–1940), норвежский минералог, петрограф, проф. Ун-та в Осло (1890–1917), почетный чл. АН СССР (1930; чл.-кор. – 1898)
- Брем (Brehm) Альфред Эдмунд (1829–1884), немецкий зоолог, автор широко известного труда «Жизнь животных», переведенного на большинство европейских языков
- Брендель, немецкий биолог
- Бржезина (Březina), сотрудник Минералогического кабинета Венского ун-та
- Бржозовский, врач
- Бруно (Bruno) Джордано Филиппо (1548–1600), итальянский философ и поэт, представитель пантеизма, был обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме
- Бруньятели (Brugnatelli) Луиджи (1860–1928), итальянский минералог, проф. ун-та в Павии, работал с В.И. Вернадским в лаборатории П. Грота в Мюнхене (1888)
- Брюкнер, Брикнер (Brüchner) Эдуард (1862–1927), немецкий географ и климатолог, проф. ун-тов в Берне и Галле (1888–1904), в Вене (с 1906)
- Брюстер (Brewster) Дейвид (1781–1868), английский физик, чл. Лондонского королев. о-ва (1815), руководитель колледжей и проф. ун-та в Сент-Андрусе (1838–59) и Эдинбурге
- Бугаев Николай Васильевич (1837–1903), математик, чл.-кор. Петербург. АН (с 1897), проф. (с 1866), декан (1886–91) Моск. ун-та, один из основателей Моск. мат. о-ва, его президент (1891–1903)
- Будилович Антон Семенович (1846–1908), филолог-славист и языковед, чл.-кор. Петербург. АН (с 1882 г.), проф., издатель-редактор ж. «Славянское обозрение»
- Буланже (Boulangier) Жорж-Эрнест-Жан-Мари (1837–1891), французский генерал и политический деятель, глава буланжизма
- Бунге (Bunge) Густав (1844–ум. после 1911), химик и физиолог, доцент физиологии в Дерпте (с 1874), проф. физиологии в Базеле (с 1885)
- Бунге Александр Андрович (1851–?), врач и путешественник, выпускник медицинского ф-та Дерптского ун-та (1870–78), начальник экспедиции Петербург. АН (1885–87) на архипелаг Новосибирских о-вов, где в честь него названа «Земля Бунге»
- Бунге Николай Андреевич (1842–1915), химик проф. Киевского ун-та (с 1871), один из организаторов Русского хим. о-ва, возглавлял Киевское отд-е Русского техн. о-ва

- (1873–1905) и Киевское о-во естествоиспытателей
- Бурбоны (итал. Borboni), королевская династия в королевстве обеих Сицилий (или Неаполитанском) в 1735–1805, 1814–1860 гг.
- Буржуа (Bourgeois) Леон (1856–?), французский минералог, преподаватель в Коллеж де Франс (с 1880), в Политехнической школе в Париже (с 1884), с В.И. Вернадским работал у Ф. Фуке в Париже в 1889 г., ассистент органической химии в Музее натуральной истории (с 1890)
- Буркхард (Burckhardt) Якоб (1818–1897), швейцарский историк и философ культуры
- Бурцев Владимир Львович (1862–1942), публицист и издатель, в 80-х годах народо-волец, был арестован (1885), сослан в Сибирь, откуда бежал (1889) за границу, где издавал «Свободную Россию», «Народо-волец», «Былое» (с 1900; с 1906 г. в Петербурге), после революции эмигрировал
- Быков Петр Васильевич (1843–1930), писатель и библиограф, редактор журналов «Дело» (1880), «Русское богатство» (1881–1900), «Современник» (1911–1915) и др.
- Бэкон (Васон) Роджер (ок. 1220 – ок. 1292), английский философ и естествоиспытатель, преподавал в Оксфордском ун-те (до 1277), обличал феодальные нравы, идеологию и политику, за что по приказу церковных властей в 1277 г. заточен в монастырскую тюрьму
- Вагнер (Wagner) Вильгельм Рихард (1813–1883), немецкий композитор, дирижер и театральный деятель
- Вагнер Владимир Александрович (1849–1934), биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России
- Валуев Петр Александрович (1815–1890), государственный деятель, участвовал в законодательных работах под руководством М.М. Сперанского, под руководством В. Мила разработана земская реформа 1864; Курляндский губернатор (1853–58), директор департамента Министерства гос. имуществ (1858–61), министр внутренних дел (1861–68), министр государственных имуществ (1872–79), председатель Комитета министров (с 1879)
- Вальди, проф. астрономии в Париже
- Ван Дик, правильнее Ван Дейк (Van Dyck) Антонис (1599–1641), фламандский живописец
- Вант-Гофф (Van't Hoff) Якоб Хендрик (1852–1911), голландский химик, иностранный чл.-кор. Петербург. АН (с 1895), работал в Ветеринарной школе в Утрехте (с 1876), проф. Амстердамского (1878–1896) и Берлинского ун-тов (1896–1911)
- Варвара Елифановна, родственница или знакомая Вернадских в Полтаве
- Вахтеров Василий Парфирьевич (1853–1924), педагог и публицист, инспектор народных училищ г. Москвы, действительный чл. (с. 1889) и товарищ председателя Моск. комитета грамотности
- Вашингтон (Washington) Джордж (1732–1799), американский государственный деятель, первый президент США (1789–1797)
- Введенский Николай Евгеньевич (1852–1922), физиолог, чл.-корр. Петербург. АН (1908), приват-доцент (с 1884), экстраординарный (с 1889) и ординарный (с 1895) проф. Петербург. ун-та
- Вебер Валериан Николаевич (1871–194), геолог и палеонтолог, засл. деят. науки и техники РСФСР (1939), проф. Ленингр. горного ин-та (с 1920), работал в Геологическом комитете (позднее Всесоюзный н.-и. геологоразведочный ин-т)
- Вебер, исследователь, который работал с В.И. Вернадским у П. Грота в 1889 г.
- Вебский (Websky) Христиан Фридрих-Мартын (1824–1886), немецкий минералог, проф. Бреславльского (Вроцлавского) и Берлинского (с 1874) ун-тов, чл. Берлинской АН (с 1875)
- Вегеле (Wegele) Франц Ксаверий (1823–1897), немецкий историк, проф. Вюрцбургского ун-та и чл. Исторической комиссии при АН в Мюнхене
- Вегнер (Wagner) Вильгельм (1843–1880), немецкий писатель
- Вейншенк (Weinschenk) Эрнст (1865–1921), немецкий петрограф, проф. ун-та в Мюнхене
- Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941), литературный критик, историк литературы, переводчица, сестра С.А. Венгерова
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), критик и историк литературы, приват-доцент Петербург. ун-та (с 1897), проф. Петербург. высших женских курсов и Психоневрологического ин-та, автор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых»
- Веневитинова, участница борьбы с голодом в 1891–1892 гг.

- Венера Милосская, скульптура, мрамор (ок. 120 до н.э.), хранится в Лувре (Париж)
- Венсоков, знакомый В.И. Вернадского, с которым он встречался в Париже в 1889 г.
- Венюков Павел Николаевич (1856–1916), геолог, приват-доцент Петербург. и проф. (с 1889) Киевского унтов
- Вергилий (Vergilius) Марон Публий (70–19 до н.э.), римский поэт
- Верещагин Ираклий Петрович (1846–1888), учитель математики в гимназии, где учился В.И. Вернадский
- Верещагин Николай Васильевич (1839–1907), сельский хозяин-практик, организатор первой артельной сыроварни (с 1865) и автор статей по сыроварению
- Вернадская (девичья фамилия Константинович) Анна Петровна (1837–1898), мать В.И. Вернадского
- Вернадская (девичья фамилия Шигаева) Мария Николаевна (1831–1860), первая русская женщина-экономист, первая жена И.В. Вернадского
- Вернадская (по мужу Алексеева) Ольга Ивановна (1861–1920), сестра В.И. Вернадского
- Вернадская (по мужу Короленко) Екатерина Ивановна (1864–1910), сестра В.И. Вернадского
- Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), сын В.И. Вернадского, историк, проф. Йельского ун-та в Нью-Хейвене
- Вернадский Иван Васильевич (1821–1884), отец В.И. Вернадского, экономист, проф. политэкономии и статистики Киевского (1846–50) и Моск. ун-тов (1850–56), Главного педагогического ин-та Александровского лица в Петербурге (1861–68), чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1856), управляющий конторой Гос. Банка в Харькове (1869–76), одновременно председатель О-ва взаимного кредита (с 1870) и помощник председателя Харьковского статистического комитета, основатель и редактор-издатель ж. «Экономический указатель» (1857–61) и «Экономист» (1858–60), председатель Петербург. комитета грамотности и председатель Политико-экономического комитета Вольного экономического о-ва, чл. Географического о-ва, Моск. о-ва сельского хозяйства, Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа
- Вернадский Иван Никифорович (? – после 1786), прадед В.И. Вернадского, священник, окончил Киевскую духовную акад.
- Вернадский Николай Иванович (1851–1874), сводный брат В.И. Вернадского, сын И.В. Вернадского от первого брака
- Верна, литовский шляхтич, воевал на стороне казаков во времена войн Хмельницкого против Польши. Родоначальник фамилии Вернадских
- Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918), историк литературы, почетный акад. Петербург. АН (1906), почетный доктор Моск. ун-та (1879), проф. Моск. ун-та и Лазаревского ин-та (с 1881), преподавал на Высших женских курсах в Москве (1876–88)
- Веселовский Степан Борисович (1876–1952), историк, археограф, акад. АН СССР (1946; чл.-кор. – 1929), проф. Моск. ун-та (1917–25), Историко-архивного ин-та (1938–41), ст. научный сотр. Ин-та истории АН СССР (с 1936)
- Вильгельм (Wilhelm) II Фридрих-Виктор-Альберт (1859–1941), германский император и прусский король (1888–1918)
- Вильгельм (Wilhelm) I Гогенцоллерн (1797–1888), король Пруссии (с 1861) и германский император (с 1871)
- Винберг Владимир Карлович (1836– ?), выпускник Лесного и Межевого ин-тов, земский деятель, избирался гласным Ялтинского уезда, чл. и председателем Ялтинской уездной земской управы и гласным Таврического губернского собрания, мировым судьей Ялтинского уезда, председателем Губернской земской управы (1872–81), чл. Петербург. комитета грамотности (с 1887), отец Л.В. Клейбер
- Виндельбанд (Windelband) Вильгельм (1848–1915), немецкий философ, проф. ун-тов в Цюрихе, Фрейбурге, Страсбурге и Гейдельберге
- Винкель, немецкий врач, проф., лечивший Н.Е. Вернадскую в Мюнхене
- Виноградова Елена Васильевна, жена А.Ф. Виноградова
- Виноградов Александр Федорович, священник с. Липовка, Тамбовской губ.
- Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк-позивист, чл. Петербург. АН (1914), проф. Моск. (1884–1902; 1908–11) и Оксфордского унтов (с 1903). После Октябрьской революции уехал в Англию
- Вирхов (Virchow) Рудольф Людвиг Карл (1821–1902), немецкий медик, анатом, основатель целлюлярной паталогии, чл.-кор. Петербург. АН (с 1881)

- Водовозов Василий Васильевич (1864–1933), публицист, юрист и экономист, участник народнического революционного движения, в 1926 г. эмигрировал
- Водовозов Василий Васильевич (1864–1940), народник, публицист, в 1880-е годы примкнул к революционному движению, был сослан на пять лет в Архангельскую губ. (1887). После Октябрьской революции эмигрировал
- Воейков Александр Иванович (1842–1916), метеоролог, климатолог, географ, чл.-кор. Петербург. АН (с 1910), приват-доцент (1882), проф. (с 1885) Петербург. ун-та
- Волынский А., псевдоним Флексера Акима Львовича (1863–1926), критик и историк искусства, фактический редактор ж. «Северный вестник» (с 1891) при издательнице Л.Я. Гуревич
- Вольский, земский деятель Тамбовской губ.
- Вольтер (Voltaire) (наст. имя Мари Франсуа Аруэ, Arouet) (1694–1778), французский писатель, философ-просветитель, историк, чл. Французской АН (1746), почетный чл. Петербург. АН (1746)
- Вольтер, немецкий зоолог, с которым В.И. Вернадский путешествовал по Германии в 1888 г.
- Воронов Павел Николаевич (1851–?), генерал-лейтенант, военный писатель, редактор-издатель «Русской старины»
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), государственный деятель, после убийства Александра II в марте 1881 г. назначен начальником царской охраны, министр императорского двора и уделов (1881–1897), чл. Гос. совета (с 1897), председатель Красного Креста, наместник Кавказа (1905–15)
- Воропонов Ф.Ф., журналист, автор многих статей о крестьянских переселениях, помещенных в «Вестнике Европы» в 80–90-е годы XIX в.
- Вотчал Евгений Филиппович (1864–1937), физиолог растений, акад. АН УССР (1921), работал в лаборатории К.А. Тимирязева (Моск. ун-т, Петровская с.-х. акад.), проф. Киевского политехнич. ин-та (позднее Киевского с.-х. ин-та)
- Вульф Георгий (Юрий) Викторович (1863–1925), кристаллограф, чл.-кор. АН СССР (1921), работал в Варшавском ун-те (с 1885), проф. Казанского (1907–08) и Моск. (1909–11) ун-тов и Народного ун-та им. А.Л. Шанявского (1911–17)
- Вульфорт (девичья фамилия Малецкая) Лидия Карловна, крестная мать В.И. Вернадского
- Вундт (Wundt) Вильгельм Макс (1832–1920), немецкий психолог, философ-идеалист, почетный чл. Петербург. АН (1902)
- Вырубов Григорий Николаевич (1843–1913), минералог, химик, философ-позитивист, издатель сочинений А.И. Герцена
- Вышеславцева, жительница г. Тамбова, знакомая В.И. Вернадского
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895), ученый и государственный деятель, почетный чл. Петербург. АН (1888), проф. (с 1862) и директор (с 1875) Петербург. технологического ин-та, проф. Михайловской акад. (с 1865), министр финансов (1888–92)
- Вяземский Л.Д. (?–1917), начальник главного управления уделов
- Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893), публицист, издатель-сотрудник (с 1869) и издатель-редактор (с 1875) «Недели»
- Галанин Модест Иванович (1852–1896), врач-гигиенист, писатель, редактор «Вестника судебной медицины» и «Вестника общественной гигиены, судебной и практической медицины» (1890–1896)
- Галилей (Galilei) Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания, поэт, филолог и критик
- Галич (Говоров, Никифоров) Александр Иванович (1783–1848), психолог и философ-идеалист, преподаватель русского и латинского языков в Царскосельском лицее (был в числе учителей А.С. Пушкина) и философии (с 1813) в Педагогическом ин-те (с 1819 г. Петербург. ун-т). По обвинению в безбожии и революционных взглядах попечителем Петербург. учебного округа Руничем был отстранен от педагогической деятельности; начальник архива при провиантском департаменте (с 1837)
- Гаммершмидт А., владелец типографии в Киеве
- Ганн, см. Хан
- Ганткен, венгерский геолог, с которым И. Вернадский познакомился в Англии в 1888 г.
- Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807–1882), народный герой Италии, генерал, один из вождей национально-освободительного движения за объединение Италии

- Гарольд, знакомая В.И. Вернадского в Мюнхене
- Гаусгофер (Haushofer) Карл (1839–1895), немецкий проф. Политехнического ин-та в Мюнхене (с 1868), лекции которого в 1888 г. слушал В.И. Вернадский
- Геер (Heer) Освальд (1809–1883), швейцарский естествоиспытатель, профессор Ун-та (с 1835) и директор Ботанического сада (с 1855) в Цюрихе
- Гейгер (Geiger) Людвиг (1848–1919), немецкий историк и историк литературы, проф. Берлинского ун-та (с 1880)
- Гейзе, Хейзе (Heuse) Пауль (1830–1914), немецкий поэт
- Гейм, Хейм (Heim) Альберт (1849–1937), швейцарский геолог, проф. Ун-та в Цюрихе (с 1875)
- Гейне (Heine) Генрих (1797–1856), немецкий поэт, публицист, критик
- Геккель (Haeckel) Эрнст (1834–1919), немецкий биолог, приват-доцент (с 1861) и проф. (1862–1909) Йенского ун-та
- Гексли, Хаксли Томас Генри (1825–1895), английский естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения; проф. Королевской горной школы (1854–95), секретарь (1871–80) и президент (1883–85) Лондонского королевского о-ва
- Гельмгольц (Helmholtz) Герман Людвиг Фердинанд (1821–1894), немецкий физик, математик, физиолог и психолог, проф. ун-тов в Кёнигсберге (с 1848), Бонне (с 1855), Гейдельберге (с 1858), Берлине (с 1871), директор Физико-технического ин-та в Берлине (с 1888)
- Гении – в римской мифологии первоначальное божество – прародитель рода, затем бог мужской силы, олицетворение внутренних сил и способностей мужчины
- Генрих-Прибыслав (?–1150), бранденбургский князь славянского племени гаволян
- Гербек Е., владелец типографии в Москве
- Герд Александр Яковлевич (1841–1888), педагог, преподаватель 1-й военной гимназии в Петербурге (1865–71), директор исправительной колонии для малолетних преступников (около Петербурга) и женской гимназии (с 1877)
- Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ, писатель-просветитель
- Герланд (Gerland) Георг Карнелиус Карл (1833–1919), немецкий этнограф и географ. проф. Страсбургского ун-та (1875–1909), директор Главной германской станции по исследованию землетрясений (осн. в 1899 г.) и одновременно директор Центрального бюро Международной сейсмологической ассоциации
- Герман (Hermann), хозяин мюнхенской квартиры, в которой жил В.И. Вернадский
- Германн (Hermann) Лудимар (1838–1914), немецкий физиолог, проф. Цюрихского (с 1868) и Кёнигсбергского (с 1884) ун-тов
- Гермафродит, в греческой мифологии сын Гермеса и Афродиты, юноша необычайной красоты
- Гермес, в древнегреческой мифологии бог торговли
- Геродот (Heródotos) (ок. 490 и 480 – ок. 425 до н.э.), древнегреческий историк
- Герцен Александр Иванович (псевд. Искандер) (1812–1870), революционер, писатель, философ и публицист.
- Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906), экономист и общественный деятель
- Герценштейны, семья М.Я. Герценштейна
- Герш (Hersh) Карл, швейцарский геолог
- Герье Владимир Иванович (1837–1919), русский историк, проф. Моск. ун-та (1868–1904), организатор Высших женских курсов (1872), чл. Гос. совета (1907)
- Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель
- Гея, в греческой мифологии мать-земля, древнейшее доолимпийское божество
- Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737–1794), английский историк
- Гиганты, в греческой мифологии сыновья Геи и Урана, в отличие от Титанов, они смертны. Их насчитывают около 150
- Гизетти, знакомая В.И. и Н.Е. Вернадских
- Гизетти Толя, медик, знакомый Вернадских
- Гирард (Girard), немецкий почвовед
- Гладстон (Gladstone) Уильям Юарт (1809–1898), английский государственный деятель, министр торговли (1843–1845), министр колоний (1845–1847), министр финансов (1852–1855), премьер-министр (1868–1874, 1880–1885, 1892–1894)
- Глазер (Giaser) Эдуард (1855–1908), австрийский путешественник-ориенталист
- Глинка Сергей Федорович (1855–1933), геолог и минералог, приват-доцент Петербург. ун-та (с 1885), проф. и зав. Минерал. кабинетом Моск. ун-та (с 1911)
- Глинский Борис Борисович (1860–?), писатель, сотрудник «Исторического вестника», редактор-издатель «Северного вест-

- ника» (1900–1911), автор книг по русской истории
- Говелак, Овелак (Novelacque) Александр-Абель (1843–1896), французский антрополог и лингвист, директор Школы антропологии
- Гоголь, М-Ше, знакомая Вернадских в Полтаве
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель
- Голицына (девичья фамилия Зарудная) Евдокия Ивановна (1832–?), родная сестра М.И. Старицкой
- Гольбейн, Хольбейн (Holbein), семья немецких живописцев и графиков, 2-я пол. XV – 1-я пол. XVI в. Хольбейн Ханс–Старший и Хольбейн Ханс–Младший
- Гольцев Виктор Александрович (1850–1906), публицист, писал статьи в «Русских ведомостях», «Русской правде», «Голосе», «Вестнике Европы», «Русской мысли», где вел еженедельное «Политическое обозрение», а с 1855 г. стал ее фактическим редактором
- Гольштейн Владимир Августович, врач, эмигрант, живший в Париже, друг В.И. и Н.Е. Вернадских, муж А.В. Гольштейн
- Гольштейн (Ольстен) Александра Васильевна, известная бакунистка, на руках которой умер М.А. Бакунин; переводчица, друг В.И. и Н.Е. Вернадских
- Гольштейны, Ольстены – семья А.В. и В.А. Гольштейн
- Гонкуры (Goncourt), братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870), французские писатели
- Гончаров Иван Александрович (1812–1891), писатель
- Горбунов Николай Павлович, попечитель начального Петровско-пречистенского училища, председатель Моск. комитета грамотности (с 1890)
- Горбунов-Посадов (псевд., наст. фам. Горбунов) Иван Иванович (1864–1940), русский педагог, публицист, издатель, руководитель (1897–1925) основанного по инициативе Л.Н. Толстого издательства «Посредник», редактор ж. «Свободное воспитание» (1907–18)
- Гославская Софья Николаевна, родственница М.Н. Вернадской
- Гославские, родственники первой жены Ивана Васильевича Вернадского
- Гославский Петр Васильевич, родственник М.Н. Вернадской
- Госселе, французский проф. геологии из Лилля, с которым В.И. Вернадский познакомился в Лондоне в 1888 г.
- Готфейль, французский исследователь
- Готье Юрий Владимирович (1873–1943), историк и археолог, акад. АН СССР (1939; чл.-корр. 1922), приват-доцент (1903–1915), затем проф. Моск. ун-та; библиотекарь Румянцевского музея; преподаватель Моск. высших женских курсов и Межевого ин-та
- Грабарь Владимир Эмануилович (1865–1956), специалист в области теории и истории международного права, доцент, затем проф. Юрьевского (Тартуского) (1893–1918), Воронежского (с 1918) и Моск. ун-тов, науч. сотр. Ин-та права АН СССР и Всесоюзного ин-та юридических наук
- Грандо (Grandeau) Луи (1834–1911), французский химик и агроном, исследовал образцы черноземных почв, собранных В.В. Докучаевым
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк и общественный деятель, проф. Моск. ун-та (1839–55)
- Гребе (Grebe), немецкий почвовед
- Гревс (девичья фамилия Бекарикова) Анна Ивановна, мать И.М. Гревса
- Гревс (девичья фамилия Зарудная) Мария Сергеевна (1860–1941), выпускница Бес-тужевских высших женских курсов, педагог, общественный деятель, двоюродная сестра Н.Е. Вернадской
- Гревс Екатерина Ивановна (1887–1942), дочь И.М. и М.С. Гревсов
- Гревс Екатерина Михайловна, сестра И.М. Гревса
- Гревс Елизавета Михайловна, сестра И.М. Гревса
- Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, один из создателей Петербург. (Ленингр.) школы медиевистики, проф. Высших женских курсов (1892–1918) и Петербург. (Ленингр.) ун-та (1899–1941), друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Гревсы, семья И.М. и М.С. Гревс
- Гревсята, члены семьи И.М. и М.С. Гревсов
- Грез (Greuse) Жан Батист (1725–1805), французский живописец
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), писатель и дипломат
- Гримм Давид Давидович (1864–1934), специалист в области римского права, преподавал в Дерптском (1889–1891) и Петербург. (с 1894) ун-тах, в Училище правоведения

- (с 1891); ректор Петербург. ун-та (1910–1911); чл. Гос. совета (с 1907) от акад. курии, после Октябрьской революции эмигрировал
- Грот (Groth) Пауль (1843–1927), немецкий минералог и кристаллограф, проф. и консерватор научных коллекций в Мюнхене, под его руководством после окончания ун-та В.И. Вернадский совершенствовался в знании кристаллографии и минералогии
- Грот Николай Яковлевич (1852–1899), философ-идеалист, проф. Моск. ун-та (с 1886), председатель Моск. психологического о-ва, первый редактор ж. «Вопросы философии и психологии»
- Грунер (Gruner), немецкий геолог, проф., зав. геолого-педологическим отделом Земледельческого музея в Берлине
- Грюнлинг, знакомый В.И. Вернадского в Мюнхене
- Гудков (Gutzkow) Карл (1811–1878), немецкий писатель
- Гук, Хук (Нooke) Роберт (1635–1703), английский естествоиспытатель, первый дал начало современной теории кристаллов, чл. Лондонского королев. о-ва (1663), секретарь того же о-ва (1677–1683), проф. Лондонского ун-та
- Гульельмини (Guglielmini) Джузеппе, Доминик (1655–1710), итальянский врач, математик, кристаллограф
- Гуляев Семен, крестьянин с. Липовка (Моршанский у.)
- Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1941), писательница, переводчица, редактор-издательница (с 1891), редактор-издатель ж. «Северный вестник» (1895–97)
- Гуров Александр Васильевич (1845–?), геолог, исследователь района Кременчуга, преподаватель (с 1883) и проф. (с 1886) Харьковского ун-та и Харьковского технологического ин-та
- Гус (Hus) Ян (1371–1415), чешский национальный герой, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации
- Гусев, участник борьбы с голодом в Тамбовской губ. в 1891–1892 гг.
- Густавсон Гавриил Гаврилович (1842–1908), химик-органик, чл.-кор. Петербург. АН (1894), проф. Петровской земледельческой и лесной акад. в Москве (с 1875), Высших женских курсов в Петербурге (1892–1900)
- Гуттен (Hutten) Ульрих (1488–1523), немецкий гуманист, писатель и политический деятель
- Гюго (Hugo) Адель (1803–1868), жена В. Гюго, автор его биографии
- Гюго (Hugo) Виктор Мари (1802–1885), французский писатель
- Давид (кон. XI в. – ок. 950 до н.э.), царь израильско-иудейского государства; в еврейском фольклоре Давид изображен смельчаком, победившим великана Голиафа
- Дадые, см. Старицкий Георгий Егорович Дайси (Dicey) Альберт Вэнн (1835–1922), английский юрист, чл.-корр. Петербург. АН (с 1916)
- Дан (Dahn) Феликс (1834–1912), немецкий историк, юрист и поэт, проф. права в Ун-тах в Вюрцбурге, Кенигсберге и Бреславле
- Данаиды, в греческой мифологии дочери египетского царя Даная, которые в наказание за убийство своих мужей должны были в подземном царстве наполнять водой бездонную бочку
- Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265–1321), итальянский поэт
- Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора
- Дебогорий-Мокриевич В.К. (1848–1926), революционер-народник 70-х годов XIX в., с 1881 г. поселился за границей, где участвовал в издании либерально-народнических журналов
- Дегаев Сергей Петрович (1854–1908), чл. партии «Народная воля», провокатор
- Дегтярев, знакомый М.С. Гревс и Е.С. Кавос
- Декандоли (de Candolle), династия швейцарских ученых-естествоиспытателей, преимущественно ботаников, имевших огромное влияние на развитие науки; первое место по времени и значению принадлежит Огюстену Пираму Декандолю (1778–1841)
- Декарт (Descartes) Рене (латинизированное имя Картезий; Rénatus Cartesius) (1596–1650), французский философ и математик
- Деккер Герман, студент Моск. ун-та, знакомый В.И. Вернадского
- Дельбеф (Delboeuf J.), французский исследователь
- Деянов Иван Давыдович (1818–1897), государственный деятель России, директор публичной библиотеки (ныне им. Салтыкова-Щедрина) (1861–1882), министр народного просвещения (1882–1897), чл. Гос. совета (с 1874)

- Демаков Василий Федорович, владелец типографии
- Дементьев Евстафий Михайлович, врач, переводчик
- Демосфен (Dēmōsthēnēs) (384–322 до н.э.), афинский оратор и политический деятель
- Деникер (Deniker) Жозеф (1852–1918), французский антрополог, библиотекарь Национального музея естественной истории в Париже (с 1888)
- Детмер (Detmer) Вильгельм (1850–1930), немецкий ботаник-физиолог и почвовед
- Дефо (Defoe) Даниэль (около 1659–1731), английский писатель, памфлетист и общественный деятель
- Джефсон (Jephson) Генри, английский историк
- Джонстон (Johnston) Джеймс (1798–1855), английский химик и минералог, проф. ун-та в Дергеме
- Диаз, Диас де ля Пеня (Dias de la Pena) Нарсис Виржилль (1808–1876), французский жипописец, испанец по национальности
- Диккенс (Dickens) Чарлз (1812–1870), английский писатель
- Диоскуры, в греч. мифологии сыновья Зевса и Леды, герои-близнецы (смертный Кастор и бессмертный Полидевк), совершившие ряд подвигов
- Дмитриев Кирилл Нестерович, полковник, воинский начальник Моршанского уезда
- Дмитрий (отец), священник в с. Епишеве (Рославльский у.)
- Добрэ (Doubgée A.G.), французский геолог, автор работы о Декарте
- Доде (Daudet) Альфонс (1840–1897), французский писатель
- Докучаев Василий Васильевич (1846–1903), естествоиспытатель, основатель современного научного почвоведения и зональной агрономии, читал лекции в Инте гражданских инженеров (1874–1877), проф. Петербург, ун-та (с 1883), учитель В.И. Вернадского
- Дондерс (Donders) Франс Корнелиус (1818–1889), голландский физиолог и офтальмолог, доктор медицины Лейденского ун-та (с 1842), проф. Утрехтского ун-та (с 1848)
- Дон Жуан, Дон Хуан (Don Juan), герой многих произведений лит-ры и искусства. Образ рыцаря-сластолюбца, нарушителя моральных и религиозных норм; создан ср.-вековой легендой
- Дон Кихот, герой одноименного романа М. Сервантеса
- Доппельмайер Ю.В., переводчик
- Доренц, австрийский почвовед
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель
- Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), украинский буржуазный либерал, публицист, историк, фольклорист, общественный деятель, приват-доцент Киевского ун-та (1864–1875), из которого был уволен за политическую «неблагонадежность», эмигрировал в Швейцарию, где издавал на украинском языке ж. «Громада», а также соч. А.И. Герцена, Т.Г. Шевченко и др.
- Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), военный писатель и педагог, генерал от инфантерии (1891), проф. Николаевской Академии Генштаба (1863–1869), нач-к штаба Киевского военного округа (1869–1873), командир 14 пех. дивизии (1873–1878), нач-к Академии Генштаба (с 1878), генерал-губернатор Юго-Западного края (с 1898), чл. Гос. совета (с 1903)
- Дриль Дмитрий Андреевич (1846–1910), криминалист, проф. Политехн., и Психоневролог. ин-тов, сотрудник «Русских ведомостей» и «Русской мысли», сотрудничал в «Русском курьере», «Московском телеграфе» и «Земстве»
- Дриль, маленький Дриль (1887–?), сын Д.А. Дриля
- Дриш (Driesch) Ханс (1867–1941), немецкий биолог и философ-идеалист, работал на Биологической станции в Неаполе (1891–1907), проф. Гейдельбергского (с 1911), Кельнского (с 1920), Лейпцигского (с 1921) ун-тов, с 1922 г. работал в США, с ним В.И. Вернадский путешествовал по Германии в 1888 г.
- Дубасов Иван Иванович (1843–1913), педагог и историк, выпускник Киевской духовной академии, преподавал в Тамбове в Духовной семинарии (с 1867), Александрийском ин-те благородных девиц (с 1872), Екатерининском учительском мужском ин-те (с 1884 – директор), председатель Тамбовской ученой архивной комиссии (1884–1900), директор народных училищ в г. Курске
- Дубенский, студент-юрист 4-го курса Моск. ун-та, принимал участие в борьбе с голодом в Моршанском уезде Тамбовской губ.
- Дубровин Николай Федорович (1837–1904), историк, акад. (1899; чл-корр. – 1877), не-пременный секретарь (1893–1904) Петербург. АН, генерал от артиллерии (1893), редактор «Русской старины» (1896–1904)

- Дурново Иван Николаевич (1830–1903), государственный деятель, уездный, затем, губернский предводитель дворянства Черниговской губ., Екатеринославский губернатор (с 1882), министр внутренних дел (1889–1895), председатель Комитета министров (1895–1903)
- Духовская (девичья фамилия Голицына) Варвара Федоровна (1854–?), писательница, двоюродная сестра Н.Е. Вернадской
- Духовские, семья двоюродной сестры Н.Е. Вернадской – Варвары Федоровны Голицыной, в замужестве Духовской
- Духовской Василий Иванович, владелец дома по Б. Левшинскому пер. в Москве, в котором В.И. Вернадский в 1892 г. нанял квартиру
- Дьяконова Надежда Александровна, жена М.А. Дьяконова
- Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк, акад. Петербург. АН (с 1912), приват-доцент (1889), экстраординарный проф. (с 4. XII 1889), ординарный проф. (с 1901) по кафедре русского права Дерптского ун-та
- Дьяконов Саша, сын Дьяконова М.А.
- Дюлонг (Dulong) Пьер Луи (1785–1838), французский физик и химик, чл. Парижской АН (1823), президент (1828), работал в Нормальной и Ветеринарной школах в Париже (1811–1820), проф. Парижского ун-та (с 1820) и Политехнической школы (1820–1830)
- Дюрер (Durer) Альбрехт (1471–1528), немецкий живописец, рисовальщик, гравёр, теоретик искусства
- Дюринг (Dühring) Евгений Карл (1833–1921), немецкий философ и экономист, представитель мелкобуржуазного социализма, приват-доцент Берлинского ун-та (1863–1877)
- Ева, в библейской мифологии жена Адама; первая женщина и праматерь рода человеческого
- Евдокимов Е.А., владелец типографии в С.-Петербурге
- Евреинова Анна Михайловна (1844–1919), доктор права Лейпцигского ун-та, редактор (с 1885), редактор-издатель (1888–1890) ж. «Северный вестник»
- Еврипид, Эврипид (Euripidēs) (ок. 480 до н.э. – 406 до н.э.), древнегреческий драматург
- Екатерина II (1729–1796), российская императрица с 28 июня 1762 г.
- Еленевский Сергей Кузьмич (1868–?), выпускник медицинского фак-та Моск. ун-та в 1894 г., студентом 4-го курса принимал участие в борьбе с голодом в Тамбовской губ. вместе с В.И. Вернадским, работал фабричным врачом в с. Озеры, Коломенского уезда Московской губ.
- Елизавета (1709–1761), российская императрица с 1741 г.
- Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917), государственный деятель, автор трудов по с.-х. и экономическим вопросам; почетный чл. Петербург. АН (с 1899), министр земледелия и государственных имуществ, чл. Гос. совета
- Зайкевич Анастасий Егорович (1842–1931), агроном, проф. Харьковского ун-та (с 1884), один из первых организаторов с.-х. опытного дела в России и на Украине
- Заленский А.В. (?–1892), председатель Полтавской губернской земской управы (1880–1892), редактор газ. Полтавского земства «Земский обзор» (1883–1885)
- Зарудная Анастасия Сергеевна, в семье звали Аней (1865–?), двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного
- Зарудная Варвара Сергеевна (1873–?), двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного
- Зарудная (в замужестве Кавос) Екатерина Сергеевна (1861–1917), известная художница (портрет, жанровая живопись), сестра М.С. Гревс
- Зарудная (девичья фамилия Мясково) Зоя Алексеевна, тетя Н.Е. Вернадской, жена Сергея Ивановича Зарудного
- Зарудная Зоя Сергеевна (1867–?), двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного
- Зарудные, семья С.И. и З.А. Зарудных
- Зарудный Александр Сергеевич (1863 – после 1934), адвокат, получивший известность как защитник на политических процессах: 1-го Совета рабочих депутатов 1905 г., ЦК крестьянского союза, лейтенанта Шмидта, по делу о покушении на Николая II, по делу Бейлиса и др.; после Февральской революции примкнул к партии народных социалистов и вошел в состав Временного правительства в качестве товарища министра юстиции, а 24 июля (6 августа) вошел министром юстиции в состав 3-го Временного правительства, после корниловского мятежа вышел из состава Временного правительства, в 1918 г. отошел от партии

- народных социалистов; в советское время персональный пенсионер (по ходатайству Общества политкаторжан), любимый двоюродный брат Н.Е. Вернадской
- Зарудный Михаил Викторович, двоюродный брат Н.Е. Вернадской
- Зарудный Сергей Сергеевич (1866 – после 1899), двоюродный брат Н.Е. Вернадской, учился в Петровской с.-х. акад., но не окончил: был арестован по делу 1 марта 1887 г. и сослан в Акмолинскую обл., после ссылки служил в Нижегородском земстве
- Захарьин Григорий Антонович (1830–1897), врач-терапевт, почетный чл. Петербург. АН (с 1885), с 1869 г. проф. и директор факультетской терапевтической клиники Моск. ун-та
- Захер-Мазох (Sacher-Masoch) Леопольд (1836–1895), австрийский писатель
- Звездинцева Анна Павловна, героиня пьесы Л.Н. Толстого «Плоды просвещения»
- Зверев Николай Андреевич (1850–1917), юрист, проф. на кафедре истории философии права Моск. ун-та, сенатор, чл. Гос. совета
- Зевс, в греческой мифологии верховное божество, отец богов и людей; глава олимпийской семьи богов
- Зеленкий Михаил Самуилович (1829–1890), доктор медицины, специалист по детским болезням, приват-доцент Медико-хирургической акад. (1863–1887), директор школы Женского патриотического о-ва (1864–1890), врач-консультант в Ведомстве учреждений императрицы Марии
- Земятченская, жена П.А. Земятченского, оказывала помощь в устройстве столовых в Тамбовской губ. во время голода (1891–1892)
- Земятченский Петр Андреевич (1856–1942), геолог и почвовед, чл.-корр. АН СССР (1928), проф., зав. кафедрой минералогии Петербург, ун-та (1898–1926), организатор и директор первого в стране Гос. исследовательского керамического ин-та АН СССР (1919–27), сотрудник Почвенного ин-та АН СССР, оппонент докторской диссертации В.И. Вернадского
- Зеттегаст (Settegast) Герман (1819–?), немецкий ученый и писатель, преподаватель сельского хозяйства в Проскаууской академии, заведывал с.-х. акад. в Вальдау (вблизи Кёнигсберга) (1858–1863), директор Проскаууской академии, проф. в Берлинской высшей с.-х. школе (с 1881)
- Зиккинген (Sickingen), герой драмы Ф. Лассалля «Франц фон Зиккинген» (1859)
- Зильберберг М.Ф., владелец типографии в Харькове
- Зимонсфельд (Simonsfeld) Генрих (1852–1913), немецкий историк
- Златовратский Николай Николаевич (1845–1911), писатель-народник, участник борьбы с голодом в 1891–1892 гг. в Тамбовской губ.
- Золотарев, участник борьбы с голодом в 1891–1892 гг. в Тамбовской губ.
- Золя (Zola) Эмиль (1840–1902), французский писатель
- Зонке Л. (1842–1898), мюнхенский кристаллограф, у которого В.И. Вернадский после окончания ун-та в 1888 г. изучал геометрическую теорию строения кристаллов
- Зотова, московская певица
- Зыков Сергей Павлович (1830–?), генерал от инфантерии, военный историк, редактор-издатель ж. «Досуг и дело», редактор «Русской старины»
- Зюсс (Suess) Эдуард (Эдвард) (1831–1914), австрийский геолог, проф. Венского ун-та (1857–1901), президент Венской АН (1898–1911), почетный чл. Петербург. АН (с 1901; чл.-корр. – 1887)
- Ибсен (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский драматург
- Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский с 1462 г.
- Иваненко Дмитрий Алексеевич (1859–?), полтавский публицист и беллетрист, редактор «Полтавских ведомостей»
- Ивановский Дмитрий Иосифович (1864–1920), физиолог растений и микробиолог, основоположник вирусологии, ассистент Ботанической лаборатории Петербург. АН (с 1890), приват-доцент Петербург. (1895–1901), проф. Варшавского (1901–1915) и Донского (с 1915) ун-тов
- Иисус, Иисус Христос, в христианском вероучении богочеловек, основатель христианства
- Икскуль, баронесса, принимала участие в борьбе с голодом в 1891–1892 гг. в Казанской губ.
- Ильин Николай Иванович, председатель Уездной земской управы в Моршанске (с 1892 г.), губернский гласный от Моршанского уезда Тамбовского губернского земства
- Ильинская Софья Александровна (1855–1931), двоюродная сестра Н.Е. Вернадс-

- кой, автор книги «Исповедь бывшей душевнобольной» (СПб., 1908)
- Ильинские, родственники Н.Е. Вернадской
Имшенецкий Василий Григорьевич (1832–1892), математик и механик, акад. (1881) Петербург. АН, преподавал в Казанском (1860–70), Харьковском (1871–1882) унтах, на Высших женских курсах в Петерб. (с 1884) и Петерб. технолог. ин-те, один из основателей Харьковского (1890) и Петербургского мат. о-в
- Иноземцев Д.И., владелец типографии в Москве
- Иностранцев Александр Александрович (1843–1919), геолог, чл.-корр. Петербург. АН (1901), преподаватель (с 1867), проф. (с 1873) Петербург. ун-та
- Иоанн Богослов, в новозаветных легендах один из апостолов, ученик Иисуса Христа
Исократ (Isocrátēs) (436 до н.э. – 338 до н.э.), древнегреческий публицист
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), историк русского права, социолог и публицист, проф. Петербург. ун-та (1857–1861)
- Кавос (девичья фамилия Зарудная) Екатерина Сергеевна (1861–1917), известная художница (портрет, жанровая живопись), двоюродная сестра Н.Е. Вернадской, дочь С.И. Зарудного
- Кавос Евгений Цезаревич (1863–?), служащий департамента железнодорожных дел Министерства финансов, муж Е.С. Кавос
Кавос Сергей Евгеньевич, сын Е.С. Кавос
Кавосы, семья Е.Ц. и Е.С. Кавос
Каин, в Библии сын Адама и Евы, согласно преданию, убил младшего брата Авеля
Калморк (Kalmork), знакомая Вернадских
Калмыкова (девичья фамилия Чернова) Александра Михайловна (1849–1926), общественная и политическая деятельница. Постоянная сотрудница газеты «Южный край» в Харькове (1880–1881), участница создания женской воскресной школы в Харькове (1885), педагог воскресной школы для рабочих в Петербурге (с 1885), открыла книжный склад народных изданий (1889–1902), входила в редакцию журналов «Новое слово», «Начало», была тесно связана с деятельностью групп «Освобождение труда» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», оказывала большую материальную помощь изданию «Искры» и «Зари», после Октябрьской революции работала в Ленингр. отделе народного образования и в Педагогическом ин-те им. К.Д. Ушинского
- Калмыков Д.А., сенатор Гражданского кассационного департамента, муж Н.М. Калмыковой
- Калмыковы, семья А.М. Калмыковой
Кандинский Виктор Хрисанфович (1849–1889), врач-психиатр, автор и переводчик научных работ по медицине
- Капнист Павел Александрович (1840–1904), государственный деятель, окончил юридический факультет Моск. ун-та, управлял канцелярией Министерства юстиции, прокурор Московской судебной палаты, попечитель Московского учебного округа (с 1880), сенатор (с 1885)
- Капустин Михаил Николаевич (1828–1899), юрист, проф. Моск. ун-та (1852–1870), попечитель Петербург. учебного округа
- Каракаш Николай Иванович (1862–1915), минералог и геолог, сотр. Геологического комитета, проф. Петербург. ун-та, Психоневрол. и Женского педагогического ин-тов, директор с.-х. курсов в Петербурге
- Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк, чл.-корр. Российской АН (с 1910; почетный чл. АН СССР – с 1929), проф. Варшавского (1879–84) и позднее Петербург. ун-тов
- Карлос, дон Карлос Младший (Don Carlos Minor) (1848–1909), вождь испанских карлистов, претендовал на испанский престол, развязал 2-ю карлистскую войну (1872–76), но потерпел поражение и бежал во Францию
- Карнович Евгений Петрович (1823–1885), писатель
- Карпов, проф., переводчик
Карцев Е., журналист
Каспари Людвиг Гуго-Альберт, проф. технической химии Моск. ун-та
- Катков, владелец типографии в Москве
Кауфман (Kaufmann) Георг (1842–1929), немецкий историк, проф. в Мюнстере, потом в Бреславле
- Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919), экономист, статистик и общественный деятель, один из организаторов и лидеров партии кадетов, приват-доцент Петербург. ун-та, проф. Высших женских курсов в Петербурге
- Качалов (наст. фамилия Шверубович) Василий Иванович (1875–1948), актер
Квитка (псевд. Основьяненко) Григорий Федорович (1778–1843), украинский писатель

- Квицинский Михаил Иванович, петербургский врач-невропатолог, лечивший отца В.И. Вернадского
- Кей (Кей) Елен Каролина (1849–1926), шведская писательница и педагог
- Кейп (Сиур) Альберт (1620–1691), голландский художник
- Келлер Александр Васильевич, врач
- Келлер, американская художница
- Келлер Владимир Васильевич, студент юрид. фак., чл. Студенческого научно-литературного о-ва (с 1886) Петербург. ун-та, друг В.И. Вернадского
- Келлер Владимир Васильевич, юрист, участник борьбы с голодом в Тамбовской губ. в 1891–1892 гг.
- Келлеры, семья В.В. Келлера
- Кенан (Kenan) Джордж (1845–1924), американский писатель и журналист
- Кеннготт (Kenngott) Густав Адольф (1818–1897), немецкий минералог, приват-доцент Ун-та в Бреслау, проф. Ун-та. в Цюрихе (с 1875)
- Кесарь, Цезарь (Caesar) Гай Юлий (102 или 100–44 до н.э.), древнеримский государственный деятель, полководец и писатель
- Кетриц (прозвище «Дотик») Бернард Эрнестович (?–1921), юрист, земский деятель Тверской губ., присяжный поверенный, чл. Петербург, комитета грамотности
- Кирпичников Александр Иванович (1845–1903), засл. проф. Моск. ун-та, редактор-переводчик
- Кирхен, бандажист в Москве на Тверской
- Кислаковский Евгений Диодорович, хранитель Минерал. кабинета Моск. ун-та (1887–1897), казначей Моск. о-ва испытателей природы
- Клавдия, дочь прислуги Вернадских Аннушки
- Клейбер (девичья фамилия Винберг) Лидия Владимировна, жена И.А. Клейбера
- Клейбер Иосиф Андреевич (1863–1892), астроном, приват-доцент Петербург. ун-та, председатель научного отдела Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, друг В.И. Вернадского
- Клейберы (молодые), семья И.А. и Л.В. Клейберов
- Клейн (Klein) Карл, немецкий проф. минералогии
- Клейн Иван Федорович (1837–1922), патологоанатом, прозектор патологической анатомии (1864), проф. (1869–1906), секретарь (1870–1878), декан (1878–1880, 1888–1906) медицинского фак-та Моск. ун-та
- Клейн, студент-медик, принимавший участие в борьбе с голодом в Моршанском уезде в 1892 г.
- Клеопатра VII (греч. Kleopátra) (69 до н.э. – 30 до н.э.), последняя царица династии Птолемеев в Египте
- Климент
- Клопский Иван Михайлович, участник борьбы с голодом в 1891–1892 гг. в Казанской губ.
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, доцент (с 1879) и проф. (с 1882) Моск. ун-та, acad. Петербург. АН (1900; чл.-корр. – 1889), председатель Моск. о-ва истории и древностей российских (1893–1905)
- Книпович Борис Николаевич, сын Н.М. Книповича
- Книпович Николай Михайлович (1862–1939), зоолог, почетный чл. АН СССР (1935; чл.-кор. – 1927), приват-доцент Петербург. ун-та (с 1893), был уволен из него «как политически неблагонадежный», проф. Женского (1-го Ленингр.) мед. ин-та (1911–1930), сотрудник Зоологического музея Петербург. АН (1894–1921)
- Кноп (Knop) Иоганн Август Людвиг Вильгельм (1817–1891), немецкий химик и почвовед, учитель механики и естествознания в общественном торгово-учебном заведении в Лейпциге (1847–1856), председатель с.-х. испытательной станции под Лейпцигом (с 1856), одновременно доцент химии Лейпцигского ун-та (с 1853)
- Кобелль (Kobell) Франц (1803–1882), немецкий минералог, адъютант (с 1823) в хранилище коллекции минералов, проф. (с 1826), доктор минералогии Мюнхенского ун-та, чл. Мюнхенской АН (с 1827)
- Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891), математик и механик, первая женщина чл.-корр. Петербург. АН (1889), проф. Стокгольмского ун-та (с 1884)
- Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), историк, юрист, социолог, этнограф, acad. Петербург. АН (1914), чл. Гос. совета и I Гос. думы. В 1906 г. основал конституционно-монархическую партию демократических реформ
- Кожин, молодой медик, работал в Вернадовке в 1892 г., во время голода
- Колмаков Николай Маркович (1816–?), мемуарист и юрист
- Кольрауш

- Кольрауш (Kohlrausch) Фридрих Вильгельм Георг (1840–1910), немецкий физик-экспериментатор, чл. Берлинской АН (1895), проф. Гёттингенского (1866–1870), Юрцбургского и Страсбургского (1875–88), Берлинского (с 1900) ун-тов, Политехникума в Цюрихе (1870–71) и Дармштадте (1871–75), директор Физико-техн. ин-та в Берлине (1895–1905)
- Кольчугин Александр Григорьевич, владелец типографии в Москве
- Комаров Александр Федорович (псевд. Степовик О.) (1854–?), писатель, зоолог
- Коновалов Дмитрий Петрович (1856–1929), химик, акад. АН СССР (1923), ассистент (1882) и проф. (1886–1902) Петербург. ун-та, Горного ин-та (1900–1807, 1918–1822) и Ин-та инженеров путей сообщения (1886–1902); директор Н.-и. химико-энергетического ин-та в Днепропетровске (1919–1822), президент Главной палаты мер и весов, оппонент диссертации В.И. Вернадского
- Константинович, см. Вернадская Анна Петровна
- Корнев, нотариус в Моршанске (80-е годы XIX в.)
- Корнилов Александр Александрович (1862–1925), юрист, историк, писатель, один из организаторов партии кадетов, комиссар по крестьянским делам Конского уезда Радомской губ. (Польша) (1887–1892), комиссар по крестьянским делам при восточносибирском генерал-губернаторе Горемыкине, в начале 1900-х годов после возвращения в Петербург за литературную деятельность был арестован и выслан, после Октябрьской революции проф., преподавал русскую историю в Петрогр. политехн., ин-те, друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Корнилова Татьяна Александровна, сестра А.А. Корнилова
- Коробочка, действующее лицо поэмы-романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842)
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель, общественный деятель, троюродный брат В.И. Вернадского
- Короленко, генерал, родственник В.И. Вернадского
- Короленко (девичья фамилия Вернадская) Екатерина Ивановна (1864–1910), сестра В.И. Вернадского
- Короленко Евграф Максимович (1810–1880), любимый двоюродный дядя В.И. Вернадского, имел громадное влияние на формирование личности В.И. Вернадского
- Короленко Катя, см. Вернадская Е.И.
- Короленко Сергей Александрович (?–1908), муж Екатерины Ивановны Вернадской
- Косаговский Павел Павлович (1833–1895), Валдайский предводитель дворянства (с 1859), Симбирский вице-губернатор (с 1864), и.д. Витебского губернатора (с 1867), Одесский градоначальник (с 1882), Курский губернатор (с 1885), Полтавский губернатор (1889–1891)
- Костылев Борис Борисович (1856–?), врач, работал в губернской больнице в Твери, член Губернской управы (1886–1891)
- Котельников Николай Иванович, председатель Моршанской земской управы
- Котельников, учитель в с. Каменка, Тамбовской губ.
- Кофиньон (Coffignon A.) (1861–?), французский педагог
- Кочек, химик, проф. петрографии в Грейфсвальде
- Краснов Андрей Николаевич (1862–1914), ботаник и географ, проф. Харьковского ун-та (1889–1911), основатель Батумского ботанического сада, друг В.И. Вернадского с детских лет
- Крафт Федор Федорович, владелец дома в Трубниковском пер. в Москве, где жил В.И. Вернадский
- Крестовский В., см. Хвощинская-Зайончковская Н.Д.
- Кривенко Сергей Николаевич (1847–1907), публицист-народник
- Кривоуцкая Анна Федоровна, вольнопрактикующий врач г. Козлова, Тамбовской губ.
- Кришбаум В., владелец типографии в С.-Петербурге
- Криштофович Николай Иосифович (1866–1941), геолог, редактор-издатель «Ежегодника по минералогии и геологии России» (1896–1916)
- Крыжановский Сергей Ефимович (1862–?), студент юридич. фак-та и чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, после окончания которого служил в Синоде, где был близок к К.П. Победоносцеву, товарищ министра внутренних дел (с 1906), сенатор (с 1907), государственный секретарь (с 1911), друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844), писатель, баснописец, журналист
- Крюков Адриан Александрович (1849–1908), доктор медицины, офтальмолог, приват-

- доцент (с 1886), проф. (с 1894) Моск. ун-та, владелец дома в Москве, который нанял В.И. Вернадский в октябре 1890 г.
- Кудрявцев Н.В., геолог, с которым В.И. Вернадский путешествовал в 1887 г. по Рославльскому у.
- Кузнецов Александр Григорьевич, владелец типографии в Москве
- Кузнецов Николай Иванович, студент (с 1884), чл. Студенческого научно-литературного о-ва (с 1886) Петербург. ун-та
- Кузнецов, служащий министерства государственных имуществ
- Куинджи Архип Иванович (1841–1910), живописец-пейзажист
- Купфер, профессор-анатом в Мюнхене
- Курциус (Curtius) Эрнст (1814–1896), немецкий историк, филолог и археолог, проф. Берлинского (1844–56 и с 1868) и Гёттингенского (с 1856) ун-тов; руководил раскопками в Олимпии (1875–81)
- Кушинский, Кирсановский помещик
- Кушнерев Иван Николаевич (1827–1896), издатель, владелец типографии в Москве
- Кэй (Kay) Давид, английский исследователь
- Кэрнс (Cairnes) Джон Элиот (1823–1875), ирландский экономист
- Кюн (Kuhn), немецкий химик-почвовед
- Кюри, см. Склодовская-Кюри
- Лабриола (Labriola) Антонио (1843–1904), итальянский философ, публицист, теоретик и пропагандист марксизма; приват-доцент Неаполитанского (с 1871) и проф. Римского (1874–1902) ун-тов
- Лавров Вукол Михайлович (1852–1912), переводчик, издатель, редактор-издатель ж. «Русская мысль» (с 1880)
- Лавров Петр Лаврович (1823–1900), теоретик русского революционного народничества; мелкобуржуазный социалист, философ, социолог; издавал в эмиграции журнал и газету «Вперед» (1873–1877)
- Лавуазье (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794), французский химик, чл. Парижской АН (1772), директор Управления порохов и селитр (1775–1791)
- Лагорио Александр Евгеньевич, петрограф, проф. Варшавского ун-та (с 1885), директор Варшавского политехникума, управляющий учебным отделом, чл. совета по учебным делам и председатель ученого комитета Министерства торговли и промышленности
- Лагранж Фердинанд, врач, автор книги о гигиене физических упражнений для детей и молодых людей
- Лазарь, объезчик в Вернадовке
- Лайель, Лайелл (Lyell) Чарлз (1797–1875), английский естествоиспытатель, один из основателей современной геологии, чл. Королев. о-ва (1826)
- Лакруа (Lacroix) Альфред Франсуа Антуан (1863–1948), французский минералог и петрограф, чл. Французской АН (1904), почетный чл. АН СССР (1924), проф. Национального музея естественной истории
- Ламанский Е., критик
- Лампи (Lampi) Ламп Иоганн Баптист Старший (1751–1830), австрийский живописец
- Ланге Николай Николаевич (1858–1921), психолог, работал в психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге (с 1883), проф. философии Одесского ун-та (1888–1921)
- Ландуа (Landois) Леонард (1837–1902), немецкий физиолог, экстраординарный (с 1868) и ординарный (с 1872) проф. Ун-та и директор Физиологического ин-та в Грейфсвальде
- Ланин Николай Петрович (1832–1895), московский купец-публицист, учился за границей техническим наукам, редактор «Русского курьера»
- Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749–1827), французский астроном, математик и физик, чл. Парижской АН (1785), автор космогонической гипотезы об образовании Солнечной системы
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк, ординарный акад. Петербург. АН (1905; адъюнкт – 1899; экстраординарный акад. – 1902), секретарь научного отдела Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, приват-доцент (с 1890) и проф. Петербург. ун-та и Археологического ин-та
- Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), деятель немецкого рабочего движения, мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении – лассальянства; публицист и адвокат
- Лассвиц (Lasswitz) Курд (1848–1910), немецкий философ
- Лебедев Георгий Глебович, минералог, адъюнкт кафедры минералогии и кристаллографии Горного ин-та
- Леви (Levy) Огюст-Мишель (1844–1911), французский минералог и петрограф

- Левинсон А.А., владелец типографии в Москве
- Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939), геолог и петрограф, акад. АН СССР (1925; чл.-кор. – 1914), преподавал в Петербург. ун-те (с 1889), проф. Юрьевского (Тартуского) ун-та (1892–1902), Петербург. (Ленингр.) политехнического ин-та (1902–30), Высших женских курсов в Петербурге (1902–20), зав. кафедрой петрографии в Ленингр. ун-те (с 1921), сотрудник Геологического комитета (с 1919), выполнял большую научно-организационную работу в АН СССР (1925–39)
- Левицкий Дмитрий Григорьевич (ок. 1735–1822), живописец-портретист
- Леда, в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндарея
- Лекок (Lescocq) Анри (1802–1871), французский натуралист, на средства которого в Клермон-Ферране были созданы музей, ботанический сад и публичная библиотека; составил карту департамента Пуи-де-Дом на 48 листах (1856)
- Леланд, точнее Лелэнд (Leland) Чарлз, американский педагог
- Ленд (Lenz) Эмилий Христианович (1804–1865), физик и электротехник, ординарный акад. Петербург. АН (1834; адъюнкт по физике – 1828; экстраординарный акад. – 1830), проф. (с 1835) и ректор (с 1863) Петербург. ун-та, в качестве физика принимал участие в кругосветном плавании под командованием О.Е. Коцебу (1823–26), в экспедициях на Кавказ и в Николаев
- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452–1519), итальянский художник, скульптор, архитектор, ученый и инженер
- Леопольд, прусский принц
- Лерке Елли Ивановна, акушерка при клинике Баландина в Петербурге, воспитательница сына В.И. Вернадского
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель
- Леско Манон (Lescault), героиня романа Антуана Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско»
- Лефрансе (Lefrançais) Гюстав Адольф (1826–1901), по профессии учитель, французский революционер, левый прудонист, участник революций 1848 и 1870 гг., чл. Парижской Коммуны (с 1871), в середине 60-х годов вступил в 1-й Интернационал и стал чл. Федерального совета его парижских секций
- Ле Шателье (Le Chatelier) Анри Луи (1850–1936), французский физикохимик и металлург, чл. Парижской АН (1907), почетный чл. АН СССР (1927), проф. Парижской высшей горной школы (1877–1919), Коллеж де Франс (1898–1907) и Парижского ун-та (1907–1925), под его руководством В.И. Вернадский после окончания ун-та совершенствовался в знании кристаллографии и минералогии
- Либих (Liebig) Юстус (1803–1873), немецкий химик, чл.-корр. Петербург. АН (с 1830), проф. ун-тов в Гисене (с 1824) и Мюнхене (с 1852)
- Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм (1826–1900), деятель немецкого демократического и рабочего движения, ученик и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии
- Лиленд (Leland) Чарлз Годфрей (1824–1903), английский педагог
- Линд, помещик
- Линкольн (Lincoln) Авраам (1809–1865), государственный деятель США, президент США (с 1860)
- Липинский, генерал, жил до В.И. Вернадского в квартире в доме Духовского
- Липпман (Lippmann) Иоанс-Фердинанд-Габриэль (1845–1921), французский физик, чл. Парижской (с 1886) и чл.-корр. Петербург. (с 1912) АН, проф. Парижского ун-та (1883–1921)
- Лисицын, студент, принимавший участие в борьбе с голодом в Тамбовской губ. в 1891–1892 гг. вместе с В.И. Вернадским
- Лихачев Владимир Иванович (1837–1906), русский юрист и общественный деятель, чл. и товарищ председателя СПб. окружного суда, чл. СПб. судебной палаты, председатель городской комиссии общественного здоровья (в начале 80-х годов), СПб. городской голова (1885–1892), сенатор гражданского кассационного департамента (с 1896)
- Лихачев Владимир Сергеевич (1849–1910), поэт, драматург, переводчик
- Лихтенштейны, богатый род землевладельцев Австрии
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), государственный деятель и историк, посланник в Константинополе (1856–63), Орловский губернатор, товарищ министра внутренних дел (1867–78), посол в Константинополе (1878), Лондоне

- (1879–82), Вене (1882–95), министр иностранных дел, сенатор (с 1867)
- Лобко Надежда Петровна, курсистка, знаковая членов «Братства»
- Локк (Locke) Джон (1632–1704), английский философ-просветитель и политический деятель
- Лопе де Вега Карпью (Lope de Vega Carpio) Феликс (1562–1635), испанский драматург, поэт и прозаик
- Лоренц (Lorenz Ritter von Liburnau) Джозеф Роман (1825–1911), немецкий геолог и географ
- Лоэнгрин, герой одноименной оперы Рихарда Вагнера
- Лубенский, участник борьбы с голодом в Тамбовской губ. в 1891–1892 гг.
- Лукреций (Lucretius), Тит Лукреций Кар (99–95–55 г. до н.э.), древнеримский поэт и философ-материалист
- Львов В.Н., зоолог, секретарь Моск. о-ва испытателей природы
- Любавин Николай (1845–?), химик, лаборант Петербург. ун-та, экстраординарный проф. (с 1890) физ.-мат. фак-та Моск. ун-та
- Любошинская (в замужестве Бакунина) Софья Марковна (1890–?), дочь М.М. и А.Е. Любошинских
- Любошинская (девичья фамилия Старицкая) Анна Егоровна (1864–1930), сестра Н.Е. Вернадской
- Любошинская Мария Антоновна, мать М.М. Любошинского
- Любошинская Софья Марковна, сестра М.М. Любошинского
- Любошинские, семья А.Е. и М.М. Любошинских
- Любошинский Марк Маркович (1892–?), племянник Н.Е. Вернадской, сын А.Е. Любошинской
- Любошинский Марк Маркович, земский деятель Тамбовской губ.: почетный мировой судья, чл. по воинским делам присутствия (г. Козлов), гласный Козловского уездного и Тамбовского губернского земских собраний, товарищ председателя Козловского с.-х. о-ва; муж А.Е. Любошинской
- Людвиг I Карл-Август (1786–1868), король Баварский (1825–48)
- Ляппаран, французский проф., с которым В.И. Вернадский познакомился в Лондоне в 1888 г.
- Майер (Mayer) Адольф Эдуард (1843–1942), немецкий химик и почвовед, ассистент университетской лаборатории в Галле (с 1865), опытной станции в Карлсруэ (с 1867), приват-доцент (с 1868), экстраординарный проф. (с 1875) Гейдельбергского ун-та, директор Гос. опытной станции (с 1876)
- Майер, сотрудник П. Грота, с которым В.И. Вернадский работал в Мюнхене в 1889 г.
- Майрс (Miers) Генри Александр (1858–?), английский минералог и кристаллограф, ассистент в Минерал. отд-нии Британского музея (1882–1895), лектор в Центральном технологическом колледже в Лондоне (1886–1895), проф. Оксфордского ун-та (с 1895), проф. (с 1915) ун-та в Манчестере
- Макаров Николай Петрович (1810–1890), лексикограф и беллетрист
- Мак-Гахан (девичья фамилия Елагина) Варвара Николаевна (1850–1905), журналистка, сотрудница «Московских ведомостей» и «Нового времени»
- Максвелл (Maxwell) Джеймс Клерк (1831–1879), английский физик, создатель классической электродинамики, один из основателей статистической физики, чл. Лондонского королев. о-ва, проф. Маршалл-колледжа в Абердине (1856–60), Лондонского (1860–65) и Кембриджского (с 1877) ун-тов, создатель Кавендишской лаборатории и ее директор с 1871 г.
- Максимович Павел Павлович (1817–1892), педагог, общественный деятель, чл. Тверской губернской земской управы (1866–77), учредил в Твери на собственные деньги школу для приготовления сельских учителей (1870), которой присвоено имя ее основателя
- Макушин Петр Иванович (1840–?), сибирский деятель по народному образованию, обладатель Большой золотой медали Вольного экономического о-ва за особо выдающиеся труды по народному образованию (1889), смотритель духовного училища в Томске (1868–72), организатор первого в Сибири книжного магазина (1873) с библиотекой для чтения, гласный Томской городской думы (с 1875), председатель исполнительной училищной комиссии при Думе, организатор О-ва попечения о начальном образовании (1882), организатор первой в Сибири народной бесплатной библиотеки (1884) и т.д.
- Малляр (Mallard) Эрнст (1833–1894), французский кристаллограф, проф. минералогии в Ecole de mines в Париже, чл. Французской АН, чл.-корр. Петербург. АН,

- председатель Минерал. о-ва во Франции, членом которого состоял В.И. Вернадский
- Мамонтов А.И., владелец типографии в Москве
- Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, общественный деятель, проф., проректор (1905–08) и ректор (1908–11) Моск. ун-та; кадет, чл. ЦК партии кадетов, министр просвещения Временного правительства (1917), после Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре возвратился и сотрудничал с Советской властью
- Манфред, герой одноименной поэмы (1817) Дж. Байрона
- Манцони, совр. Мандзони (Mansoni) Алессандро (1785–1873), итальянский писатель
- Маржеро, французский исследователь, с которым В.И. Вернадский познакомился на экскурсии в 1888 г.
- Мария Антуанетта (Marie-Antoinette) (1755–1793), жена (с 1770) французского короля Людовика XVI
- Мария, кухарка Н.Е. Вернадской в С.-Ремо
- Маркс (Marx) Карл (1818–1883), основоположник научного коммунизма
- Мартиг (Martig) Эмануэль, швейцарский педагог
- Маслов, доктор, лечивший М.И. Старицкую в Полтаве
- Маценко, предводитель дворянства
- Медведев Анатолий, двоюродный брат В.И. Вернадского
- Мейер (Meuer) Эрнст Сигизмунд Христиан (1847–1916), немецкий химик, экстраординарный проф. (с 1878) ун-та в Лейпциге, ординарный проф. (с 1893) Политехникума в Дрездене
- Мелиоранский М., переводчик с немецкого
- Мелиоранский, служащий Петербург. ун-та
- Менады («безумствующие»), вакханки, бессариды, в греческой мифологии спутницы Диониса
- Менгер (Menger) Антон (1841–1906), австрийский юрист, засл. проф., ректор (с 1895) Венского ун-та
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, открывший периодический закон химических элементов, разносторонний ученый, педагог и общественный деятель, чл.-корр. Петербург. АН (1876), проф. Петербург. технол. ин-та (1864–66), Петербург. ун-та (1856–90), где его лекции слушал В.И. Вернадский
- Менебругхе, ван (Menebrughe)
- Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), зоолог, acad. АН СССР (1929; чл.-корр. – 1896; почетный чл. – 1926), проф. Моск. ун-та (1886–1911, 1917–19) и Высших женских курсов. В 1911 г. вместе с В.И. Вернадским и другими проф. покинул ун-т в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо
- Меншуткин Николай Александрович (1842–1907), химик, проф. Петербург. ун-та (1869–1902), где у него учился В.И. Вернадский, и Петербург. политехи. ин-та (1902–1907)
- Мержеевский Иван Павлович (1838–1908), врач-психиатр, проф. и директор клиники душевных болезней (1877–1893)
- Мертваго Александр Петрович, помещик Рославльского у., сосед А.Н. Энгельгардта
- Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), писатель, публицист, издатель газ. «Гражданин»
- Мидерабль (Miderable)
- Миклашевский Александр Николаевич (1864–1911), экономист, приват-доцент Моск. ун-та (с 1895), экстраординарный проф. Демидовского юридического лицея, проф. полит. экономии Юрьевского (Дерптского) ун-та
- Миклашевский Иван Николаевич (1858–1901), историк-экономист и статистик, преподавал в Петровской с.-х. акад., Ярославском лицее и Харьковском ун-те
- Милль (Mill) Джон Стюарт (1806–1873), английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель
- Мильтон (Milton) Джон (1608–1674), английский поэт, политический деятель, мыслитель
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, публицист и политический деятель, приват-доцент Моск. ун-та (1886–94), читал лекции по русской истории в Софийском и Чикагском ун-тах, один из организаторов партии кадетов (1905), председатель ее ЦК и редактор центрального органа – газ. «Речь» (1907), чл. III и IV Гос. дум, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства, после Октябрьской революции эмигрант
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, писатель, проф. Военной акад. (1845–56), товарищ министра (1860) и военный министр (с 1861), с 1881 г. в отставке

- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), экономист, государственный деятель, товарищ министра внутренних дел (с 1859), фактически руководитель работ по подготовке Крестьянской реформы 1861 г., председатель Комиссии по разработке Земской реформы 1864 г., статс-секретарь по делам Польши (с 1864), чл. Гос. совета (с 1865)
- Минаев Иван Павлович (1840–1890), востоковед, основатель русской индологической школы, доцент (с 1869), проф. (с 1873) Петербург. ун-та
- Михайловский Николай Константинович (1842–1904), писатель, публицист, социолог, критик и теоретик народничества
- Михайловский Яков Тимофеевич (1834–?), фабричный инспектор департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (1883–94), автор ряда работ по вопросам народного образования и фабричного законодательства
- Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798–1855), польский поэт, деятель национального движения
- Мичурин А., автор книги «В защиту книги: “Что читать народу?”» (Тифлис, 1887)
- Мищенко Таисия Степановна, учительница, преподавала в Кустоловском училище в местечке Новые Сенжары, Кобелякского уезда, Полтавской губ.
- Мищенко Ф.Г., переводчик
- Молешотт (Moleschott) Якоб (1822–1893), немецкий физиолог и философ, родом из Голландии, представитель вульгарного материализма, проф., преподавал в учебных заведениях Германии, Швейцарии и Италии
- Мольер (Moliere) (наст. имя Жан Батист Поклен, Poquelin) (1622–1673), французский драматург, актер, театральный деятель
- Монтень (Montaigne) Мишель де (1533–1592), французский философ и писатель
- Мопассан (Maupassant) Ги (полное имя Анри Рене Альбер Ги) де (1850–1893), французский писатель
- Морлей, правильнее Морли (Morley) Джон (1838–1923), английский политический деятель и писатель
- Моро (Moreau) Пауль, французский исследователь, автор книги «De la Folie chez les enfants»
- Мороховец Лев Захарович (1848–?), физиолог, проф. Моск. ун-та, Петровской с.-х. и лесной акад.
- Морсье, знакомый В.И. и Н.Е. Вернадских из Франции
- Мосовитинова, знакомая В.И. и Н.Е. Вернадских
- Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756–1791), австрийский композитор
- Мочульский В.И., владелец энтомологической коллекции, переданной на хранение в Моск. ун-т
- Муассан (Moissan) Анри (1852–1907), французский химик, чл. Парижской АН (1891), проф. Парижской высшей фармацевтической школы (1887–1900) и Парижского ун-та (с 1900), лауреат Нобелевской премии (1906), иностранный чл.-корр. Петербург. АН (1904)
- Мульдер, голландский химик
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886), декабрист, один из основателей «Союза спасения», чл. коренной управы «Союза благоденствия» и Южного о-ва декабристов, участник восстания Черниговского полка, приговорен к 20 годам каторги, сокращенной затем до 15 лет
- Мурильо (Murillo) Бартоломе Эстебан (1617–1682), испанский живописец
- Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), юрист и политический деятель, проф. Моск. ун-та (1877–1884), участник земских съездов (1904–05), чл. ЦК кадетской партии, председатель I Гос. думы
- Мутман (Muthmann) Фридрих Вильгельм (1861–1913), немецкий химик, проф. неорганической химии ун-та (с 1895) и Технического высшего учебного заведения (с 1899) в Мюнхене, с ним В.И. Вернадский в 1889 г. работал в лаборатории у П. Грота в Мюнхене
- Мушкетов Иван Васильевич (1850–1902), геолог и географ, преподаватель (1877), проф. (с 1896) Петербург. горного ин-та, сотрудник (с 1882) Геологического комитета, преподавал (с 1882) в Ин-те инженеров путей сообщения и других учебных заведениях, исследователь Урала, Средней Азии и Кавказа
- Мюллер, датский химик
- Мюнтц (Müntz) Эжен (1845–1902), французский историк искусства, преподавал в парижской Ecole des Beaux – Arts
- Мюссе (Musset) Альфред де (1810–1857), французский писатель, чл. Французской акад. (1852)
- Мясоедов Григорий Григорьевич (1834–1911), художник
- Мясоедов Константин Васильевич, помещик Рославльского у. Смоленской губ., введший фосфоритовую муку для удобрения

- почвы, чл. Смоленского о-ва сельского хозяйства, двоюродный брат Г.Г. Мясоедова
- Нарышкина** Наталия Кирилловна (1651–1694), вторая жена (с 1671) царя Алексея Михайловича
- Нарышкин** Дмитрий Львович
- Нарышкины**, дворянский род, происходящий, по преданию, от крымского татарина Нарышка, выехавшего в Москву в 1463 г.
- Нарышкин** Эммануил Дмитриевич (1813–?), обер-камергер, тамбовский землевладелец, земский деятель, известный крупными пожертвованиями (около 700 тыс. руб.) на дело народного просвещения в Тамбове. На его средства были открыты Учительский ин-т с ученическим общежитием, О-во для устройства народных чтений в Тамбове и Тамбовской губ. (1893)
- Натузиус**, немецкий зоолог
- Науманн** (Naumann) Карл Фридрих (1797–1873), немецкий минералог, проф. кристаллографии (с 1824) в Лейпциге, геогнозии в Берг-академии во Фрейберге (1835), проф. минералогии и геогнозии в Лейпцигском ун-те
- Наше**, специалист по оптическому оборудованию
- Неведомский** В.Н., переводчик
- Неелов** Александр А., уланский гвардейский офицер, двоюродный брат В.И. Вернадского, шафер у него на свадьбе
- Неймайр** (Neumaier) Мельхиор (1845–1890), австрийский геолог и палеонтолог, проф. Венского ун-та (с 1873)
- Неклюдова**, знакомая семья Старицких
- Некрасов** Павел Алексеевич (1842–?), математик, ординарный проф. (с 1890), и.о. декана физ.-мат. фак-та, ректор Моск. ун-та (1893–1895)
- Неринг** (Nehring) Альфред (1845–1904), немецкий зоолог и палеонтолог, проф. Высшей агрономической школы в Берлине
- Нерон** Клавдий Цезарь (Claudius Caesar Nero) (37–68), римский император
- Нечаев-Мальцев**, уполномоченный Особого комитета под председательством Его императорского высочества наследника цесаревича, созданного в декабре 1891 г. для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем
- Нидимир**, так называл В.И. Вернадского в детстве С.С. Ольденбург
- Никитенко** Александр Васильевич (1805–1877), историк литературы, проф. Петербург. ун-та (с 1830), цензор Петербург. цензурного комитета, ординарный акад. Петербург. АН (с 1855)
- Никитин** Сергей Николаевич (1850–1909), геолог и географ, старший геолог Геологического комитета (с 1882), председатель Гидрологического комитета при Министерстве земледелия и государственных имуществ
- [Никодин], знакомый В.И. Вернадского
- Николай** Михайлович (1859–1919), Великий князь, внук Николая I, президент Русского исторического о-ва
- Николай** (отец), священник церкви в Петербурге, где крестили сына Вернадского
- Никон** (Минов Никита) (1605–1681), русский патриарх с 1652 г.
- Никонов**, адмирал, помещик Рославльского у.
- Нобель** (Nobel), немецкий почвовед
- Новацкий**, немецкий почвовед
- Новгородцев** Павел Иванович (1866–1924), юрист и философ, преподавал в Моск. ун-те (1896–1911), в Моск. высшем коммерческом ин-те (директор с 1906), чл. партии кадетов, депутат I Государственной думы (1906). В 1917 г. эмигрировал, сотрудничал в белоэмигрантском журнале «Русская мысль» (1921–1924)
- Новицкий** Петр Петрович, делопроизводитель Департамента народного просвещения
- Нокс** (Кнок) Джон (1505 или ок. 1514–1572), пропагандист кальвинизма в Шотландии, основатель шотландской пресвитерианской церкви
- Норпс**, сослуживец П.Е. Старицкого
- Ньютон** (Newton) Исаак (1643–1727), английский математик, физик, механик, астроном, основоположник современной механики, чл. Лондонского королев. о-ва (с 1672), его президент (с 1703), преподавал в Кембриджском ун-те (1669–1701), смотритель (1695–1698), директор (с 1699) Лондонского монетного двора
- Оболенский** Леонид Егорович (1845–1906), писатель, критик, публицист, издатель ж. «Свет» (с 1878), переименованного в «Мысль» (с 1881), и «Русское богатство» (1883–91)
- Обольянинов** Лев Александрович, прогрессивный земский деятель в Гдовском уезде С.-Петербургской губ., друг В.И. Вернадского со студенческих лет, выпускник

- естественного отделения математического факультета Петербургского университета
- Овидий, Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso) (43 до н.э. – ок. 18 н.э.), римский поэт
- Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920), литературовед и лингвист, почетный академик Петербургской Академии Наук (1907), один из редакторов журнала «Вестник Европы» (1913–18)
- Огарев Николай Платонович (1813–1877), революционер, публицист, поэт
- Одарченко К., владелец типографии в Москве
- Оленин В.К., возглавлял нелегальную типографию рабочего кружка в 1892 г.
- Олеховский М.А., зав. Естественноисторическим музеем в Полтаве
- Олива, помещик Тамбовской губернии
- Ольденбург (девичья фамилия Бекарюкова) Мария Дмитриевна, жена Ф.Ф. Ольденбурга
- Ольденбург (девичья фамилия Берг) Надежда Федоровна (1831–1909), выпускница Смольного института, мать С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов
- Ольденбург (девичья фамилия Тимофеева) Александра Павловна (1864–1891), жена С.Ф. Ольденбурга
- Ольденбург (девичья фамилия Тимофеева) Александра Павловна (1864–1892), жена С.Ф. Ольденбурга
- Ольденбурги, братья С.Ф. и Ф.Ф.
- Ольденбурги, семья С.Ф. и А.П. Ольденбургов
- Ольденбурги, семья Ф.Ф. и М.Д. Ольденбургов
- Ольденбург Лидия Карловна
- Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1934), литератор и политический деятель, сын С.Ф. Ольденбурга
- Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, академик Петербургской Академии Наук (1900), преподаватель (с 1889) и профессор (с 1894) Петербургского университета, непререкаемый секретарь Академии Наук СССР (1904–1929), директор Института востоковедения Академии Наук СССР (1930–1934), друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Ольденбург Федор Федорович (1862–1914), общественный деятель и педагог, брат С.Ф. Ольденбурга и друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Ольстены, см. Гольштейны
- Ону Александр Михайлович (1865–?), историк, член Студенческого научно-литературного общества Петербургского университета, пом. статс-секретаря Государственного совета (с 1889), приват-доцент Петроградского университета (с 1916)
- Орлова А.В., автор воспоминаний о Беллинском
- Орлова Елизавета Николаевна (1861–1940), потомок М.В. Ломоносова, педагог, вместе с В.И. Вернадским работала в Комитете грамотности (с 1891) и Комиссии по организации домашнего чтения (с 1893)
- Орт (Orth A.) (1835–1915), немецкий геолог и агроном, профессор Почвенной лаборатории геолого-педологического отдела Земледельческого музея при С.-х. высшей школе в Берлине, профессор Берлинского университета
- Осинович, однокурсник В.И. Вернадского, позднее поступил на юридический факультет Московского университета
- Осипов Иван Павлович (1855–1918), химик, работал в Харьковском университете (1877–1881), профессор (с 1893) там же
- Островская (в замужестве Шателен) Мария Александровна (1867–1913), старшая дочь драматурга А.Н. Островского
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург
- Островский Михаил Николаевич (1827–1901), государственный деятель царской России, министр государственных имуществ (1881–93), председатель департамента законов Государственного совета (1893–99)
- Отос, в древнегреческой мифологии Гигант
- Отрыгальев, помещик Моршанского уезда
- Павел**, апостол, один из основателей христианства
- Павленков Флорентий Федорович (1839–1900), книгоиздатель (с 1866), переводчик, составитель книг
- Павлов Алексей Петрович (1854–1929), геолог и палеонтолог, академик Петербургской Академии Наук (1916; чл.-корр. – 1905), профессор Московского университета (1886–1929)
- Павлова Мария Васильевна (1854–1938), палеонтолог, почетный член Академии Наук СССР (1930; чл.-корр. – 1925), академик Академии УССР (1921), профессор Московского университета (1919–30); жена А.П. Павлова
- Павловы, семья А.П. и М.В. Павловых
- Панин Никита Иванович (1718–1783), государственный деятель и дипломат, участник дворцового переворота 1762 г., воспитатель Павла I, входил в немногочисленную группировку крупной аристократии, стремившейся к некоторому ограничению абсолютизма (реформа Сената, создание постоянного Императорского совета и т.д.)
- Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919), общественный деятель, член «Земли и

- воли» (1862–63), с 1866 г. в енисейской ссылке, издатель научной литературы в Петербурге (1877–1907), автор воспоминаний о 1860-х годах, Н.Г. Чернышевском, М.Е. Салтыкове-Щедрине, чл.-учредитель Попечительства о безлошадных крестьянах Моршанского уезда
- Панютин С.Д., студент Моск. ун-та, принимавший участие в борьбе с голодом в Тамбовской губ. в 1892 г.
- Паскаль (Pascal) Блез (1623–1662), французский религиозный философ, писатель, математик и физик
- Пассек Василий Богданович (1854–1889), дипломат и писатель, вице-консул в Рагузе (Дубровник) (1882–88)
- Пассек Евгений Вячеславович (1860–1912), юрист, питомец Берлинской семинарии, приват-доцент (по римскому праву) (1890) Моск. ун-та, приват-доцент Юрьевского (Дерптского) ун-та (с 1891), экстраординарный проф. (с 1893), ординарный проф. (с 1901)
- Пастер (Pasteur) Луи (1822–1895), французский микробиолог и химик, основоположник современной микробиологии и иммунологии, чл. Парижской АН (с 1862), Французской мед. акад. (с 1873), Французской акад. (с 1881), почетный чл. Петербург. АН (с 1893; чл.-корр. – 1884), проф. Страсбургского (с 1849), Лилльского (с 1854), Парижского (с 1867) ун-тов, первый директор Н.-и. микробиологического ин-та (Пастеровского ин-та) (с 1888)
- Паульсон И.И., педагог, чл. С.-Петербург. комитета грамотности
- Паульсон Иосиф Иванович (1825–1898), педагог-методист, издатель журнала «Учитель» (с 1861), автор многих учебников
- Паульхан (Paulhan) Фредерик, французский психолог
- Пашутина, студентка-медичка
- Пенденнис, герой романа У. Теккерея «История Пенденниса, его приключений и бедствий, его друзей и величайшего врага»
- Пере (Perez) Бернард (1836–1903), французский психолог
- Перье (Périer) Элизэ (1856–?), французский исследователь
- Петискус (Petiscus) Август Генрих (1780–?), немецкий историк
- Петр I Великий (1672–1725), русский царь с 27 апреля 1682 г., российский император с 22 октября 1721 г.
- Петр, апостол, один из основателей христианства
- Петрарка (Petrarca) Франческо (1304–1374), итальянский поэт
- Петрово-Соловово Василий Михайлович (1850–1908), Тамбовский уездный предводитель дворянства (с 1887), кандидат прав, чл. Моск. комитета грамотности (с 1893)
- Петроний, Гай Петроний Арбитр (Gaius Petronius Arbitr) (г. рожд. не изв. – ум. 66 н.э.), римский писатель
- Петрункевич (в первом браке Панина) Анастасия Сергеевна, жена И.И. Петрункевича
- Петрункевич Иван Ильич (1843–1928), общественный и политический деятель, гласный Борзенского уездного земства и Черниговской губ. (с 1868), участковый мировой судья (с 1869), председатель съезда мировых судей (1870–79), председатель «Союза освобождения» (1904), участник земских съездов 1904–05 гг., один из основателей и видных лидеров партии кадетов, председатель ее ЦК; член I Гос. думы, издатель центрального органа кадетской партии – газ. «Речь»; эмигрант (с 1917)
- Петрункевичи, семья И.И. и А.С. Петрункевичей
- Петрункевич Михаил Ильич (1845–1912), врач и земской деятель, выпускник Медико-хирургической акад., земский врач в Тверской губ., гласный Тверского уездного земства (с 1870), гласный Тверской городской думы (с 1890), гласный Петербург. городской думы, председатель Петербург. городской больницы комиссии, чл. I Гос. думы
- Петтенкофер (Pettenkofer) Макс Йозеф (1818–1901), немецкий химик, биохимик и гигиенист, чл. (с 1847) и президент (с 1890) Баварской АН, проф. Мюнхенского ун-та (1847–1878), организовал и возглавил Ин-т гигиены в Мюнхене (с 1879)
- Пиквик, герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»
- Пиклер, минералог из Инсбрука
- Пилецкий, глава кружка масонов в Киеве в начале XIX в.
- Питим С., крестьянин Моршанского у.
- Пит-Риверс А.Г. (1827–1900), археолог-любитель, генерал из Солсбери, к которому был приглашен В.И. Вернадский перед Международным геологическим конгрессом в 1888 г.
- Пиутти (Piutti) Арнольдо Теофило Петро (1857–1928), итальянский химик-фармацевт, экстраординарный проф. Ун-тов в Сассари (с 1886), Неаполе (с 1889) и ординарный проф. в Неаполе (с 1890)

- Плавт Тит Макций (Titus Maccius Plautus) (сер. III в. – ок. 184 до н.э.), римский комедиограф
- Платон (Plátōn) (428 или 427–348 или 347 до н.э.), древнегреческий философ
- Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель, директор департамента полиции (с 1881), сенатор и товарищ министра внутренних дел (1884–94), министр, статс-секретарь по делам Финляндии (с 1899), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1902). Убит эсером Е.С. Созоновым
- Плотников, студент-медик, помогавший в борьбе с холерой в Тамбовской губ. в 1892 г.
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), государственный деятель, юрист, сенатор (с 1868), чл. Государственного совета (с 1872), обер-прокурор Синода (1880–1905), вдохновитель крайней реакции и мракобесия
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель и журналист, проф. Моск. ун-та (1826–44), акад. Петербург. АН (1841), издавал журналы «Московский вестник» (1827–30) и «Москвитянин» (1841–56)
- Позднышев, герой рассказа Л.Н. Толстого «Крейцера соната»
- Покровский В.И., статистик из Тверского земства, знакомый Ф.Ф. Ольденбурга
- Покровский Михаил Николаевич
- Полевой Николай Алексеевич (1796–1846), писатель, критик, журналист и историк, издавал журнал «Московский телеграф» (1825–34)
- Половцев Александр Александрович (1832–1909), государственный деятель, почетный чл. Петербург. АН (1884), служил в Сенате (с 1851), государственный секретарь (1883–92), чл. Гос. совета (1892–1902; 1906–09), чл. Особого совещания о нуждах с.-х. промышленности (с 1902), секретарь (с 1866) и председатель (с 1879) Русского исторического о-ва
- Половцов Валериан Викторович (1862–1918), студент и чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, ботаник, лаборант (с 1891) при Ботаническом кабинете Петербург. ун-та
- Помпадур (Pompadour) Жанна Антуанетта Пуассон (1721–64), маркиза, фаворитка французского короля Людовика XV
- Понятовский Александр Николаевич, географ, преподаватель реального училища в Курске
- Попов Александр Иванович, мещанин, арендатор, а затем управляющий в имении В.И. Вернадского в Тамбовской губ.
- Попова О.Н., владелица изд-ва в С.-Петербурге
- Попов, арендатор, дядя А.И. Попова
- Попов Михаил Иванович, губернский землемер Тамбовской губ.
- Попов Петр Михайлович (1862–1920), врач, после окончания Моск. ун-та в 1886 г. остался работать в факультетской терапевтической клинике проф. Г.А. Захарьина, с 1894 г. сверхштатный экстраординарный проф. этой клиники, с 1896 г. проф. и директор этой клиники, работал также в Екатеринбургской больнице
- Поссе Владимир Александрович (1864–1940), журналист и общественный деятель, редактор ж. «Легальных марксистов» «Новое слово» (1897) и «Жизнь» (1898–1901). После закрытия царским правительством ж. «Жизнь» издавал его в 1902 г. за границей. В 1906–1907 гг. выступал за создание независимых от социал-демократической партии рабочих кооперативных организаций в России. В 1909–1917 гг. издавал и редактировал ж. «Жизнь для всех». После Октябрьской революции занимался литературной деятельностью
- Постель Эмиль, ботаник
- Потапов Николай Гаврилович, помощник попечителя Казанского учебного округа в конце XIX в.
- Похитонов Николай Данилович (1857–1897), офицер, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., чл. партии «Народная воля» и активнейший деятель ее военной организации (с 1880), узник Шлиссельбургской крепости, друг семьи Вернадских, оказал большое влияние на духовное развитие В.И. Вернадского
- Превост д'Экзиль (Prévoſt d'Exiles) Антуан Франсуа (1697–1763), французский писатель
- Прейер (Preyer) Вильям (1841–1897), английский физиолог, доцент Боннского (с 1865), проф. Йенского (с 1869) и приват-доцент Берлинского ун-тов
- Прендель Ромул Александрович (1851–?), минералог, приват-доцент (с 1884), проф. (с 1890) Новороссийского ун-та
- Преображенский Петр Васильевич

- Прометей, в древнегреческой мифологии Титан, защитник людей от произвола богов
- Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1917), государственный деятель, крупный помещик и промышленник, чл. партии октябристов, депутат III и IV Гос. дум, министр внутренних дел (с 1916), после Октябрьской революции расстрелян по приговору ВЧК
- Пти (Petit) Алексис Терез (1791–1820), французский физик, проф. (с 1810) Лицея (Париж) и Политехнической школы (с 1815)
- Пуаро, ботаник, с которым В.И. Вернадский встречался в Париже в 1889 г.
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742–1775), предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России
- Путткаммер (Puttkammer) Роберт Виктор (1828–1900), прусский государственный деятель: чл. рейхстага (1873–91), министр народного просвещения (1879–81), министр внутренних дел (1881–91)
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт, основатель новой русской литературы
- Пфафер, ученый, работал с В.И. Вернадским в лаборатории П. Грота в 1888 г.
- Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), литературовед, этнограф, акад. Петербург. АН (1898)
- Рабле (Rabelais) Франсуа (1494–1553), французский писатель
- Радецкий Иван Иванович (1834–?), врач, лечивший жену и сестер В.И. Вернадского
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802), писатель, философ, революционер
- Разуваев, герой цикла «Убежище Монрепо» М.Е. Салтыкова-Щедрина
- Райт, эсквайр из Челтнема, к которому был приглашен В.И. Вернадский перед Международным геологическим конгрессом в 1888 г.
- Рамбо (Rambaud), лечащий врач Н.Е. Вернадской в Париже
- Рамзай (Ramsay) Вильгельм, финский минералог, проф. Гельсингфорского ун-та
- Рамзай, правильное Рэмзи (Ramsay) (1865–1928), геолог, с которым В.И. Вернадский работал в лаборатории П. Грота в 1888 г.
- Ранке (Ranke) Леопольд (1795–1886), немецкий историк, проф. Берлинского ун-та, педагогическую деятельность начал с 1818 г., редактор журнала «Historisch-politische Zeitschrift», почетный чл. Петербург. ун-та (с 1867)
- Раскин (Ruskin) Джон (1819–1900), английский писатель, историк, искусствовед и публицист
- Раскольников, герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866)
- Рассель (Russel W.E.), автор биографии У.Ю. Гладстона
- Рауль (Raoult) Франсуа Мари (1830–1901), французский физик и химик, чл.-корр. Парижской АН (с 1890), иностранный чл.-корр. Петербург. АН (с 1899), работал (1867–1901) в Гренобльском ун-те (с 1870 – проф.)
- Рахманов Василий Александрович, в 1890 г. секретарь Совета Моск. ун-та
- Ребиндер Саша
- Резенер Ф.Ф., педагог, чл. Петербургского комитета грамотности
- Рейтлингер Николай Александрович, выпускник юрид. фак-та Петербург. ун-та, чл. Студенческого научно-литературного о-ва (с 1884) и кружка народной литературы, друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Реклю (Reclus) Жан Жак Элизе (1830–1905), французский географ, социолог, политический деятель, один из теоретиков анархизма
- Ремезов Евгений Иванович (1862–?), врач, выпускник (1888) медицинского фак-та Петербург. ун-та, врач городской богадельни в Петербурге, друг В.И. Вернадского с гимназических лет
- Ремсен (Remsen) Ира (1846–1927), американский химик, проф. в Вильям-колледже (Филадельфия) (с 1872), проф. Школы Гопкинса (Балтимора), чл. (с 1882) и председатель (с 1907) Американской АН
- Ренан (Renan) Жозеф Эрнст (1823–1892), французский писатель, историк и филолог-востоковед
- Реневье (Renevier) Евгений (1831–1906), швейцарский геолог, проф. Лозаннского ун-та (с 1857)
- Рескин, Рэскин (Ruskin) Джон (1819–1900), английский писатель
- Рибо (Ribot) Теодюль Арман (1839–1916), французский психолог, проф. Сорбонны (с 1885), Коллеж де Франс (с 1888), чл. Французской АН (с 1906)
- Ригаллэ, хозяйка гостиницы в Сан-Ремо, где жила Н.Е. Вернадская в 1889 г.
- Ринке, ассистент немецкого проф. Клейна Рихтер В., владелец типографии в Москве
- Рихтер Виктор Юльевич (1841–1891), химик, приват-доцент Петербург. ун-та (1872),

- проф. Ин-та сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (с 1873), приват-доцент (с 1875) и проф. (с 1879) Бреславльского ун-та, директор Бреславльского ин-та технологии и сельского хозяйства (с 1890)
- Ришар (Richard), сотрудник «Bull. Soc. franç. minér.»
- Родичев Федор Михайлович (1856–?), юрист, тверской помещик, земский деятель, Весьегонский уездный предводитель дворянства, один из лидеров партии кадетов, чл. ее ЦК, участник земских съездов в 1904–1905 гг., депутат Гос. думы всех созывов, после Февральской революции 1917 г. – комиссар буржуазного Временного правительства по делам Финляндии, после Октябрьской революции эмигрант
- Рождественский Арсений, исследователь штундизма
- Розанов, участник борьбы с голодом в Тамбовской губ. 1891–1892 гг.
- Розе (Rose) Густав (1798–1873), немецкий минералог и кристаллограф, приват-доцент (с 1823), проф. (с 1826) Берлинского ун-та, сопровождал А. Гумбольдта во время путешествия по Сибири (1829)
- Розенбуш (Rosenbusch) Карл Генрих Фердинанд (1836–1914), немецкий геолог, проф. Страсбургского (с 1873) и Гейдельбергского (1878–1907) ун-тов, основатель и директор (с 1888) Геологического комитета в Бадене
- Рокасовская Александра Валериановна, попечительница Тамбовской женской гимназии, Моршанского детского приюта. Дома трудолюбия, жена В.П. Рокасовского
- Рокасовский Владимир Платонович, Тамбовский губернатор с сентября 1889 г.
- Рокачевский Сергей Степанович, купец г. Рославля, чл. Рославльского податного присутствия, автор книги «Опыт собирания исторических записок о городе Рославле» (1885)
- Ролан, Ролан де Ла Платьер (Roland de la Platière) Жанна Мари (или Манон) (1754–1793), деятель Великой французской революции, автор мемуаров
- Роско (Roscoe E.S.), автор биографии Линкольна
- Роско (Roscoe) Генри Энфильд (1833–1915), английский химик, чл. Лондонского королевского о-ва (1863), проф. Оуэнского колледжа в Манчестере (1857–87)
- Росси (Rossi) Мишель Стефано (1834–1898), итальянский геолог и минералог, проф. (с 1868) Ун-та в Риме
- Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), государственный деятель, фактический руководитель Коллегии иностранных дел (1798–1801), главнокомандующий (генерал-губернатор) в Москве (1812–1814), чл. Гос. совета (1814–1823), автор ряда лит. произведений, во время Отечественной войны 1812 г. вел антифранцузскую пропаганду, в значительной степени демагогическую
- Рот (Roth) Юстас Людвиг Адольф (1818–1892), немецкий геолог, экстраординарный проф. Берлинского ун-та (с 1861)
- Ру (Roux) Вильгельм (1850–1924), немецкий анатом и эмбриолог, проф. ун-тов в Бреслау (с 1879), Инсбруке (с 1889), Галле (1895–1921)
- Рубакин Николай Александрович (1862–1946), книговед, библиограф и писатель
- Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712–1778), французский философ-просветитель, писатель, композитор
- Руффини (Ruffini) Джованни Доменико (1807–1881), итальянский писатель и политический деятель
- Рымарев Алексей Иванович, купец-земледелец в Моршанском уезде, потомственный почетный гражданин, городской голова – председатель Городской думы г. Моршанска, сосед В.И. Вернадского по имению
- Рюисдаль, правильнее Рейсдал (Ruysdael, Ruijsdael) Якоб, ван (1628 или 1629–1682), голландский живописец и график
- Сабанеев Александр Павлович (1843–1923), химик, работал в Петровской земледельческой и лесной академии (с 1868), преподаватель (с 1871) и проф. (1884–1914) Моск. ун-та
- Сабашникова Антонина Васильевна, издательница ж. «Северный вестник»
- Сабо, венгерский минералог, с которым В.И. Вернадский познакомился в Англии в 1888 г.
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), писатель
- Самуил, в Библии пророк и судья Израиля
- Сатиры, в греческой мифологии демоны плодородия, составляющие вместе с Силенами свиту Диониса
- Саул, в Библии сын Киса (из колена Вениаминова), первый царь Израиля

- Сахарова Мария Петровна, жена И.Н. Сахарова
- Сахаров Иван Николаевич (1863–1919), юрист, московский присяжный поверенный, секретарь Моск. комитета грамотности (1890–1895), секретарь Комиссии по устройству сельских библиотек Комитета грамотности
- Сахаровы, семья И.Н. и М.П. Сахаровых
- Свечина (девичья фамилия Зарудная) Александра Ивановна, родная сестра М.И. Старицкой
- Свешников Митрофан Иванович (1862–?), юрист, выпускник Петербург. ун-та, чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та (с 1883), друг Вернадских
- Свешников Митрофан Иванович (1862–?), юрист, приват-доцент (с 1888) по гос. праву Петербург. ун-та, лекции читал на фак-те восточных языков (1892), с 1893 на юридическом фак-те, чл. Юридического о-ва
- Свифт (Swift) Джонатан (1667–1745), английский писатель
- Седжвик (Sedgwick) Адам (1854–1913), английский зоолог, проф. Кембриджского ун-та
- Семевский Василий Иванович (1848–1916), историк, общественный деятель, приват-доцент Петербург. ун-та (1882–86), председатель Комитета помощи освобожденным узникам Шлиссельбурга (1905), чл. Комитета по оказанию помощи политссылным, один из создателей ж. «Голос минувшего»
- Семевский Михаил Иванович (1837–1892), историк, журналист, общественный деятель, редактор-издатель ж. «Русская старина» (1870–92)
- Сенкевич (Sienkiewicz) Генрик (1846–1916), польский писатель
- Сен-Симон (Saint-Simon) Луи де Рувруа (1675–1755), французский политический деятель, писатель
- Сеня, крестьянский мальчик, помогавший Ф.В. Берви в борьбе с холерой в Тамбовской губ.
- Серапис, Сарапис, один из богов эллинистического мира
- Сервантес Сааведра (Servantes Saavedra) Мигель де (1547–1616), испанский писатель
- Сергий Радонежский (до принятия монашества – Варфоломей Кириллович) (ок. 1321–1391), церковный и политический деятель и игумен Троице-Сергиева монастыря
- Серджи (Sergi) Джузеппе (1841–1936), итальянский антрополог, проф. Ун-тов в Болонье (1880) и Риме (1884–1916)
- Сеченов Иван Михайлович (1829–1905), естествоиспытатель-материалист, основоположник русской физиологической школы и естественнонаучного направления в психологии, почетный акад. Петербург. АН (1904; чл.-кор. – 1869). Преподавал в Медико-хирургической акад. в Петербурге (1860–70), Новороссийском (1871–76) и Петербург. (1876–88) ун-тах, на Бестужевских высших женских курсах, на Пречистенских курсах для рабочих (1903–04)
- Сибирцев Николай Михайлович (1860–1900), ученый-почвовед, ученик В.В. Докучаева, заведывал созданным им Естественно-историческим музеем в Нижнем Новгороде (1885–92), зав. кафедрой почвоведения Новоалександрийского ин-та с.х. и лесоводства (ныне Харьковский с.-х. ин-т)
- Сидр, художник
- Симонов Иван Иванович, студент филос. фак. и (с 1883) чл. Студенческого научно-литературного о-ва Петербург. ун-та, преподаватель Реального училища в Выборге
- Сиповский Василий Дмитриевич (1844–1895), педагог и писатель, с 1871 г. издатель-редактор журнала «Женское образование», преобразованного в 1892 г. в журнал «Образование»
- Сиротинина Клавдия Николаевна, общественная деятельница, чл. Моск. комитета грамотности (с 1890), сестра А.Н. Шаховской
- Сиротинина, см. Шаховская А.Н.
- Сиротинина Юлия Николаевна, общественная деятельница, чл. Моск. комитета грамотности (с 1890), сестра А.Н. Шаховской
- Сиротинины Клавдия Николаевна и Юлия Николаевна
- Сиротинины, семья А.Н. Шаховской
- Скакки (Scacchi) Арканджело (1810–1893), итальянский минералог, кристаллограф, проф. Ун-та в Неаполе (с 1842), директор Фармацевтической школы (с 1880), чл. Петербург. минералогического о-ва
- Скакки (Scacchi) Евгенио (1854–?), итальянский минералог, сын А. Скакки, ассистент (с 1880) и директор (1891) Минералогического музея, сверхштатный сотрудник Минералогической и фармацевтической школы Ун-та в Неаполе (с 1886), проф. Ун-тов в Генуе (1890) и Неаполе (с 1891)
- Скалон Василий Юрьевич (1846–1907), общественный деятель и публицист, гласный Московских губернского и земского соб-

- раний (1871), председатель уездной земской управы (1874–83), издатель-редактор еженедельной политической и общественной газеты «Земство» (1880–82), редактор «Трудов Вольного экономического общества» (1886–89), сотрудник центрального управления министерства финансов
- Скворцов, владелец дома в Москве на Моховой
- Склифосовский Николай Васильевич (1836–1904), русский хирург, проф. Киевского ун-та (с 1870), Петербург. медико-хирургической акад. (с 1871), Моск. ун-та (с 1880), директор Ин-та усовершенствования врачей в Петербурге (1893–1900)
- Склодовская-Кюри (Skłodowska-Curie) Мария (1867–1934), по национальности полька, училась и работала во Франции. Физик и химик; ей принадлежат основополагающие работы в области радиоактивности. Работала в Школе индустриальной физики и химии (с 1895), проф. и зав. кафедрой в Парижском ун-те (с 1906), директор Ин-та радия в Париже (1914), чл. Парижской медицинской академии (1922), почетный чл. АН СССР (1926), чл.-корр. Петербург. АН (с 1907) и других академий, лауреат Нобелевской премии (1903, 1911)
- Скорыходов И.Н., владелец типографии
- Слонимский Леонид-Людвиг Зиновьевич (1850–1918), публицист, окончил юрид. фак. Киевского ун-та, сотрудник многих газет («Русский мир», «Слово», «Порядок», «Вестник Европы»)
- Слонимский Леонид-Людвиг Зиновьевич (1850–1918), юрист, экономист и публицист, окончил юрид. фак-т Киевского ун-та (1872), сотрудник многих газет («Русский мир», «Слово», «Порядок», «Вестник Европы»)
- Смирнов-Платонов Григорий Петрович, протоиерей, товарищ председателя Моск. комитета грамотности
- Смит (Smith) Уильям (1769–1839), английский геодезист и геолог, впервые составил геологическую карту Англии (1813–15) с разделением горных пород по возрасту
- Соболевский Василий Михайлович (1846–1913), юрист, публицист, один из редакторов-издателей (с 1881) и редактор (с 1892) газ. «Русские ведомости»
- Сойкин П.П., владелец типографии в Москве
- Соколов Владимир Дмитриевич (1855–1917), геолог, проф. Моск. высших женских курсов и Моск. высшего технического училища, секретарь и почетный чл. Моск. о-ва испытателей природы
- Соколов Дмитрий Владимирович, сын В.Д. Соколова, автор книги об отце
- Сократ (Sokrates) (470/469–399 до н.э.), древнегреческий философ
- Солдатенков Козьма Терентьевич (1818–1901), прогрессивный книгоиздатель, владелец художественной галереи
- Соловово, см. Петрово-Соловово
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, публицист, богослов, поэт
- Соре (Soret), династия швейцарских ученых
- Соссюры (Saussure), династия швейцарских ученых, основателем которой был Николай Сосоор (1700–1790)
- Софокл (Sophoklēs) (ок. 496–406 до н.э.), древнегреческий драматург
- Спенсер (Spencer) Герберт (1820–1903), английский философ, психолог и социолог
- Спириков Михаил Иванович, пом. управляющего Управления межевой частью Министерства юстиции, знакомый семьи Старицких, вел финансовые дела Н.Е. Вернадской
- Срезневский Всеволод Измаилович (1867–1936), историк литературы, палеограф, чл.-корр. Петербург. АН (с 1906)
- Станкевич Николай Владимирович (1813–1840), общественный деятель, философ, поэт
- Старинг (Staring W.C.H.), голландский почвовед
- Старицкая (в замужестве Жедринская) Нина Егоровна (1871–1936), родная сестра Н.Е. Вернадской
- Старицкая (в замужестве Любошинская) Анна Егоровна (1864–1930), сестра Н.Е. Вернадской
- Старицкая (девичья фамилия Зарудная) Мария Ивановна (?–1914), мать Н.Е. Вернадской
- Старицкая Мария Егоровна, Мака (1870–1942), родная сестра Н.Е. Вернадской
- Старицкие, семья Е.П. и М.И. Старицких
- Старицкий Александр Иванович
- Старицкий Георгий Егорович, юрист, присяжный поверенный Округа Харьковской судебной палаты, городской судья в Полтаве, родной брат Н.Е. Вернадской
- Старицкий Егор Павлович (1825–1899), судебный деятель, председатель коммерческого суда в Тифлисе (с 1853), председатель межевой палаты (с 1862), чл. Государственного совета (с 1879), главноуправляющий кодификационного отдела, затем председатель департамента законов Госу-

- дарственного совета, отец Н.Е. Вернадской
- Старицкий Павел Егорович, Паша (1858–1942), родной брат Н.Е. Вернадской, инженер-технолог, выпускник Петербург. технолог. ин-та (1887), зав. чертежной адмиралтейских Ижорских заводов (с 1888), механик заводов Мальцевского т-ва Орловской губ. (с 1890), механик заводов того же т-ва Калужской губ. с (1891), директор Людиновского машиностроительного и чугунолитейного завода и Сукрензенского чугунолитейного завода Моск. акционерного о-ва Мальцевских заводов (1895–1901), главный мастер Невского механического и судостроительного завода (с 1902)
- Старицкий Петр Павлович (1836–1902), подполковник, чл. Губернской земской управы (1878–86), председатель Полтавской уездной земской управы, дядя Н.Е. Вернадской
- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, журналист, общественный деятель, преподаватель (с 1852) и проф. (1858–61) Петербург. ун-та, основатель и редактор ж. «Вестник Европы» (1866–1908)
- Стендаль (Stendhal) [псевд.; наст. имя и фам. Анри Мари Бейль (Beyle)] (1783–1842), французский писатель
- Стено, Стенон, Стенсон (Steenen, латинизированное Steno, Stenonius) Николаус (Нильс) (1638–1686), датский естествоиспытатель
- Степовик О. см. Комаров А.Ф.
- Стефанеску (Stefănescu) Саба (1857–?), румынский геолог, директор Лицея святого Саввы в Бухаресте
- Стефан, эрцгерцог, владелец коллекции минералов, которая хранилась в ин-те Клейна в Берлине
- Столетов Александр Григорьевич (1839–1896), физик, преподаватель (с 1866) и проф. (с 1873) Моск. ун-та
- Стороженко Николай Ильич (1836–1906), литератор, историк литературы, проф. Моск. ун-та по кафедре всеобщей литературы (с 1872), преподаватель, председатель О-ва любителей российской словесности (1894–1901), председатель Моск. отд-я Театрально-литературного комитета при Дирекции императорских театров (1893–1906), один из инициаторов создания ж. «Артист»
- Стоюнин Владимир Яковлевич (1826–1888), педагог, историк русской литературы
- Струве Петр Бернгардович (1870–1944), политический деятель, экономист, философ, главный представитель «легального марксизма», редактор ж. «Новое слово» и «Начало» (90-е годы XIX в.)
- Ступинский И.В., студент Медико-хирургической акад., участник борьбы с голодом и организатор медицинской помощи в Моршанском уезде 1891–1892 гг.
- Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), драматург, беллетрист, публицист, издатель газеты «Новое время» (с 1876)
- Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), издатель-просветитель
- Таиров Василий Егорович (Георгиевич) (1859–?), специалист по виноградарству и виноделию, чл.-кор. Ученого комитета министерства земледелия, редактор-издатель журнала «Вестник виноделия» (с 1892)
- Тальман, врач
- Тартарен, герой романа Альфонса Доде «Удивительные приключения Тартарена из Тараскона» (1872)
- Тартюф, герой комедии Мольера «Тартюф» (1664)
- Тарханов, Тархнишвили, Тархан-Моурави Иван Рамазович (1846–1908), физиолог, проф. Медико-хирургической акад. (1877–95), приват-доцент Петербург. ун-та (1895–1901)
- Тацит (Tacitus) Публий Корнелий (ок. 58 – после 117), римский писатель-историк
- Твен (Twain) Марк (псевд., наст. имя Сэмюэл Ленгхорн Клеменс (Clemens)) (1835–1910), американский писатель
- Теккерей (Thackeray) Уильям Мекпис (1811–1864), английский писатель
- Телль Вильгельм (Tell), герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарского народа против Габсбургов в XIV в. Легенда о Телле была положена в основу одноименной драмы Ф. Шиллера (1804)
- Тельнихин А.Ф., врач, издатель-редактор ж. «Помощь самообразованию»
- Тийainen, купец, член ратуши Сердоболя (Сортавала), с которым В.И. Вернадский встретился в поездке по Финляндии в 1886 г.
- Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), естествоиспытатель, дарвинист, один из основоположников русской школы физиологов растений, чл.-корр. Петербург. АН (1890), чл. Лондонского королев. о-ва (1911), проф. Петровской земледельческой и лесной акад. (1870–92), Моск. ун-та (с

- 1878). В 1911 г. покинул ун-т в знак протеста против действий реакционного министра просвещения Л.А. Кассо
- Тимофеева Александра Ивановна, мать А.П., Н.П. Тимофеевых
- Тимофеева Наталия Павловна, сестра Александры Павловны Тимофеевой (см. Ольденбург)
- Тимофеева Ольга Павловна, сестра Александры Павловны Тимофеевой (см. Ольденбург А.П.)
- Тимофеевы, семья А.П. и О.П. Тимофеевых
- Тимофеевы, семья А.П. Ольденбург
- Тиндаль (Tyndall) Джон (1820–1893), английский физик, чл. Лондонского королевского о-ва, преподаватель Куиндвуд-колледжа (Хемпшир) (1851–53), проф. (с 1853) и директор (с 1867) Королевского ин-та в Лондоне
- Тихомиров Александр Андреевич (1851–?), зоолог, экстраординарный проф. (с 1888), секретарь физ.-мат. фак-та (с 1891) Моск. ун-та
- Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915), педагог, деятель по народному образованию, чл. Моск. комитета грамотности
- Тодаро, итальянский исследователь
- Токвиль (Tocqueville) Алексис Чарлз (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель
- Толль Эдуард Васильевич (1858–1902), зоолог, геолог и полярный исследователь, участвовал в качестве помощника А.А. Бунге в экспедиции на Новосибирские острова (1885–86)
- Толстая (девичья фамилия Берс) Софья Андреевна (1844–1919), жена Л.Н. Толстого
- Толстая Мария Львовна (1871–1906), дочь Л.Н. Толстого
- Толстой Алексей Константинович (1817–1875), писатель
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), государственный деятель, обер-прокурор Синода (с 1865), одновременно министр народного просвещения (1866–80), министр внутренних дел (с 1882)
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель
- Толстомятов Михаил Александрович (1836–1890), минералог, читал лекции по минералогии (с 1861) в Моск. ун-те, предшественник И. Вернадского на кафедре минералогии
- Толстые, семья Л.Н. и С.А. Толстых
- Томас (Thomas) Сидней Гилкрист (1850–1885), английский химик, работал в Париже
- Трескин, отец Петр, священник с. Каменка, Моршанского уезда, Тамбовской губ.
- Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), коллекционер, основатель Третьяковской галереи
- Тун Альфонс (1853–1885), уроженец Лифляндии, экономист, проф. в Базеле (1881–83) и Фрейбурге (1883–85), автор книги «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland» (Leipzig, 1883)
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель
- Тушнов В., владелец типографии в С.-Петербурге
- Тышкевич, графиня
- Тьер (Thiers) Адольф (1797–1877), французский государственный деятель, историк, чл. Французской акад. (1833)
- Тээр (Thaer) Альбрехт (1752–1828), немецкий агроном, проф. Берлинского ун-та (1810–19), один из организаторов с.-х. учебного заведения около Берлина (1807), которое возглавлял до конца жизни
- Тэн (Taïne) Ипполит Адольф (1828–1893), французский философ, эстетик, писатель, историк
- Уилкинб (Wilkinb), почвовед
- Уитмен (Whitman) Уолт (1819–1892), американский поэт
- Уорд (Ward) Эмри (1851–1920), английская писательница
- Уоткинс, владелец магазина английской книги и библиотеки для чтения в Петербурге
- Усов Сергей Алексеевич (1827–1886), зоолог, проф. (с 1868) Моск. ун-та, руководил основанным при его участии Моск. зоологическим садом (1864–70)
- Успенский Глеб Иванович (1843–1902), русский писатель
- Успенский, московский знакомый Вернадских
- Ушинский Николай Григорьевич (1863–1934), врач, доктор медицины, проф. Варшавского, Новороссийского ун-тов, друг В.И. Вернадского со студенческих лет
- Фаже (Faguet) Эмиль (1847–1916), французский историк литературы, чл. Французской акад. (с 1900)
- Фаллу (Fallou), немецкий почвовед
- Фан-дер-Флит Петр Петрович (1839–1903), физик, консерватор Физического кабинета

- та (с 1864), приват-доцент (с 1873), проф. (с 1880) и засл. проф. Петербург. ун-та
- Фауст, герой одноименной трагедии И. Гёте
- Федоров Евграф Степанович (1853–1919), кристаллограф, петрограф, минералог, геолог, акад. Российской АН (с 1919; адъюнкт по минералогии – 1901), проф. Моск. с.-х. ин-та (1895–1905), директор Петербург, горного ин-та (с 1905)
- Феофилактов Константин Матвеевич (1818–1901), геолог, преподаватель (с 1845) и проф. (с 1852) Киевского ун-та, чл.-учредитель и председатель Киевского о-ва естествоиспытателей (1877–98)
- Ферри Энрико, автор книги о Гарибальди
- Ферхмин А.Р. (1858–1905), почвовед, ученик В.В. Докучаева
- Феска (Fesca) М., немецкий почвовед
- Фетов, знакомый В.И. Вернадского в Мюнхене, с которым он собирался экскурсировать в 1888 г.
- Фигаро, герой трех пьес П.О. Бомарше и оперы В.А. Моцарта «Свадьба Фигаро»
- Фигье (Figuier) Луис (1819–1894), французский литератор и естествоиспытатель, проф. естественных наук Училища фармацевтов в Монпелье (с 1846), в Тулузе (с 1850), в Париже (с 1853)
- Филиппеус К.Ф., редактор-издатель (с 1893) совместно с В.П. Мещерским газеты-журнала «Гражданин»
- Философов М.А., предводитель дворянства Лукояновского уезда, Нижегородской губ., и председатель Лукояновской продовольственной комиссии
- Фойгт (Voigt) Георг (1827–1891), немецкий историк
- Фокк (Fock) Андреас Людвиг (1856–1928), немецкий физикохимик, приват-доцент (с 1885) Берлинского унта
- Фонвизин (уст. фон-Визин) Михаил Александрович (1788–1854), декабрист, генерал-майор в отставке, участник Отечественной войны, автор «Записок»
- Фортуни, Фортуни-и-Карбо (Fortuny y Carbó) Мариано (1838–1874), испанский живописец и график
- Фостер (Foster) Майкл (1836–1907), английский физиолог
- Фотиева, хозяйка дачи в Павловске, которую снимала мать В.И. Вернадского в 1888 г.
- Фотий (в миру Петр Никитич Спасский) (1792–1838), архимандрит, церковный деятель эпохи Александра
- Франкенгейм М. (1801–1869), немецкий кристаллограф, бреславльский профессор
- Франс (France) Анатоль (1844–1924), французский писатель
- Францова М.Д., автор воспоминаний о декабристе М.А. Фонвизине
- Францоз (Franzos) Карл Эмиль (1848–1904), австрийский писатель, журналист и критик
- Фрей Вильям (наст. имя Гейнс Владимир Константинович) (1839–1888), писатель, общественный деятель, выпускник Артиллерийской акад. и Акад. генерального штаба, эмигрировал (1868) в Северную Америку с целью найти форму жизни, которая обеспечивала бы безбедное существование наиболее обездоленной массе. Комунны, которые он создавал, распались, и через 17 лет он переехал в Англию, превратившись из социалиста-коммуниста, каким он приехал в Америку, в ортодоксального позитивиста – последователя Огюста Конта
- Фрейслебен (Freiesleben) Иоган Карл (1774–1846), немецкий минералог, коллекционер, у которого Моск. ун-т приобрел минералогическую коллекцию (после 1812)
- Фрейтаг (Freitag) Густав (1816–1895), немецкий писатель
- Фридель (Fridel) Шарль (1832–1899), французский химик и минералог, чл. Парижской АН, иностранный чл.-корр. Петербург. АН (с 1894), работал в Страсбургском (1853–76) и Парижском (проф. с 1871) унтах
- Фридрих III (1831–1888), король прусский и император германский
- Фриккен (Friccken) Вильгельм, немецкий зоолог
- Фринкенштейн, издатель «Zeitschrift für Agrarpolitik»
- Фуггер (Fugger) Фридрих Эберхард (1842–после 1902), австрийский геолог, проф. в гимназии в Стокенау (Stockenau) (1864–70), в средней реальной школе в Зальцбурге (с 1870), корреспондент Государственного геологического учреждения в Вене (с 1878), чл. Центральной комиссии по истории искусства, памятников в Вене (1894), почетный чл. О-ва зальцбургских краеведов (1893), руководитель городского музея Carolina-Augusteum (с 1902)
- Фуке (Fouque) Фердинанд Андре (1828–1904), французский минералог, проф. естественной истории неорганических веществ Коллеж де Франс в Париже
- Фукидид (ок. 460–400 до н.э.), древнегреческий историк

- Фурье (Fourier) Франсуа Мари Шарль (1772–1837), французский утопический социалист
- Фусс (Fuss) Генрих Людвиг Рудольф (1838–1917), немецкий механик, изготовлявший научные приборы
- Хан, Ганн (Напп) Юлиус (1839–1921), австрийский метеоролог и климатолог, директор австрийского Метеорологического ин-та (1877–97), редактор журнала «Meteorologische Zeitschrift», проф. Ун-тов в Вене (с 1874) и Граце (с 1897)
- Харламова Татьяна Александровна (девичья фамилия Корнилова), жена Н.В. Харламова
- Харламов Николай Васильевич, юрист чл. «Братства», после окончания Петербург. ун-та поступил кандидатом на судебные должности при Петербург. окружном суде, затем служил в канцелярии Варшавского генерал-губернатора
- Харламовы, семья Харламова Н.В.
- Хвоцинская (в замужестве Зайончковская; псевдоним В. Крестовский) Надежда Дмитриевна (1824–1889), писательница
- Хвоцинский, исправник, управляющий у Воронцовых-Дашковых (1892)
- Хлудов М.А., детская больница его имени
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595–1657), гетман Украины, полководец и дипломат, руководитель освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского гнета, за воссоединение с Россией (1648–54)
- Храповицкий Александр, студент Петербург. ун-та, земский деятель
- Храповицкий Владимир, студент Петербург. ун-та, впоследствии ученый-ботаник
- Хржановский Николай Иосифович, земской начальник 6-го участка в Моршанском уезде, губ. гласный Тамбовского губ. земства от Моршанского уезда (с 1895)
- Христос, см. Иисус Христос
- Хуман (Human) К. (1839–1896), немецкий инженер, открывший алтарь Зевса в Пергаме
- Цвингли (Zwingli) Ульрих (1484–1531), швейцарский религиозный и политический деятель
- Цебриков Владимир Михайлович, геолог, лаборант Геол. кабинета, а затем проф. Моск. ун-та, чл. С.-Петербург. минерал. о-ва
- Цейс (Zeiss) Карл Фридрих (1816–1888), немецкий оптик-механик, основатель оптической фирмы в Йене
- Ценгерле (Zengerle) Иоганнс Непомуцен, немецкий химик и минералог
- Циттель (Zittel) Карл Альфред (1839–1904), немецкий палеонтолог и геолог, чл. Баварской АН, ее президент (с 1899), проф. минералогии в Карлсруэ (с 1863), проф. ун-та и директор Палеонтологического музея в Мюнхене (с 1866), с которым В.И. Вернадский совершал экскурсию в Баварские Альпы в 1888 г.
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), мыслитель и публицист
- Чаславский Василий Иванович (1834–1878), экономист и статистик, сотрудник министерства государственных имуществ, автор почвенной карты Европейской России и ряда работ о хлебной торговле, отхожих промыслах и производительности труда в России
- Чацкий, герой произведения А.С. Грибоедова «Горе от ума»
- Чверульд, скандинавский геолог
- Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), государственный деятель, чл.-эксперт Комиссии для составления положений о крестьянах (1858–61), мировой посредник в Виневском уезде (1861–63); один из авторов «Положения 19 февраля 1864 г.», по которому польских крестьян наделили землей, Моск. городской голова (с 1868), один из составителей «Городского положения 1870 г.», во время русско-турецкой войны уполномоченный при действующей армии от центрального управления О-ва Красного Креста
- Чермак-Зейзенегт (Tschermak-Seysenegg) Густав (1836–1927), австрийский минералог и петрограф, действительный чл. АН в Вене (1875), почетный чл. Петербург. АН (1912), преподавал в Венском ун-те (1861–1906), директор Минералогического кабинета Венского ун-та (1868–77)
- Чернов Александр Александрович (1877–1963), геолог, зав. кабинетом, проф. Моск. ун-та
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), революционер и мыслитель, писатель, экономист, философ
- Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914), геолог, палеонтолог, акад. Петербург. АН (1909), сотрудник (с 1882), директор (с 1903) Геологического комитета, директор Геологического музея АН в Петербурге (с 1900)

- Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936), единомышленник и друг Л.Н. Толстого, издатель его сочинений, один из основателей издательства «Посредник» (1884)
- Чертораев Петр Семенович, лечащий врач семьи Старицких
- Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), юрист, философ, историк, публицист, общественный деятель, проф. Моск. ун-та (1861–68), Московский городской голова (1881–83)
- Чолокаев Николай Николаевич (1830 – после 1914), государственный и общественный деятель, участковый мировой судья Моршанского округа (1868–70), председатель съезда мировых судей этого округа (1871–83), Тамбовский губернский предводитель дворянства (с 1891), чл. Гос. совета (с 1906)
- Чупров Александр Иванович (1842–1908), экономист, публицист, либеральный общественный деятель. В «Русских ведомостях» сотрудничал в течение 35 лет и был одним из членов писательской артели, издававшей эту газету
- Шалфеев Петр Петрович** (1861–1893), зоолог, выпускник и сотрудник Петербург. ун-та (с 1885), ученый хранитель при Зоологическом музее Петербург. АН (с 1890)
- Шарицер, приват-доцент Венского ун-та, знакомый В.И. Вернадского
- Шателен, см. Островская М.А.
- Шаховская Анна Дмитриевна (1889–1959), дочь Д.И. Шаховского, впоследствии личный секретарь В.И. Вернадского (с 1938) и хранитель его Кабинета-музея в Инте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР
- Шаховская Анна Николаевна (девичья фамилия Сиротинина), жена Д.И. Шаховского
- Шаховская (в замужестве Шик) Наталья Дмитриевна (1891–1941), дочь Д.И. Шаховского
- Шаховская (девичья фамилия Сиротинина) Анна Николаевна, жена Д.И. Шаховского
- Шаховские, семья А.Н. и Д.И. Шаховских
- Шаховский Дмитрий Иванович (1861–1939), государственный и общественный деятель, внук декабриста Федора Петровича Ш., друг В.И. Вернадского со студенческих лет, земский деятель Ярославской губ., один из основателей и сотрудников журнала «Освобождение», чл. Совета «Союза освобождения», участник земских съездов (1904–05), чл. партии кадетов (с 1905), министр государственного призрения во Временном правительстве, в начале 1920-х годов служил в кооперации
- Шаховской Сергей Иванович (1865–1908), князь, сельский хозяин Серпуховского уезда, земский начальник, чл. Моск. комитета грамотности (с 1890), брат Д.И. Шаховского
- Шаховской Федор Петрович (1796–1829), декабрист, отставной майор лейб-гвардии Семеновского полка, один из учредителей «Союза спасения» (1816) и «Союза благоденствия» (1818)
- Шварценберги, богатый род землевладельцев Австрии
- Шеврёль (Chevreul) Мишель Эжен (1786–1889), французский химик-органик, чл. Парижской АН (1826), иностр. чл.-корр. Петербург. АН (1853), проф. Лицея Карла Великого (с 1813) и Естественно-исторического музея (с 1830) в Париже
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский народный поэт, художник, революционер-демократ, борец против царизма и крепостничества
- Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт
- Шене Эмилий (Герман) Богданович (1838–1896), химик и почвовед, ассистент на кафедре химии (1864–69), преподаватель (с 1869) и проф. (с 1875) Петровской земледельческой и лесной акад., проф. Моск. с.-х. ин-та
- Шенфельд, немецкий философ
- Шенье (Chénier) Андре Мари (1762–1794), французский поэт и публицист
- Шигаева М.Н., см. Вернадская М.Н.
- Шигаев Николай Николаевич, брат М.Н. Вернадской
- Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк
- Шильдер Н.К., редактор (1892–1896) ж. «Русская старина»
- Шировский, геолог
- Шмидт Федор Богданович (1832–1908), геолог, палеонтолог и ботаник, акад. Петербург. АН (1855; адъюнкт – 1872; экстраординарный акад. – 1874), директор Минералогического музея Петербург. АН (1873–1900)
- Шпильгаген (Spielhagen) Фридрих (1829–1911), немецкий писатель
- Штудер, профессор в Берне

- Шюблер (Schübler) Густав (1787–1834), немецкий естествоиспытатель, сначала врач-практик, затем проф. агрономической химии и естественной истории в Тюбингене, соавтор классификации почв Тэер–Шюблера
- Шапов Афанасий Прокофьевич** (1831–1876), историк и публицист, читал курс русской истории в Духовной акад. (1856–60) и Казанском ун-те (1860–61)
- Щедрин, см. Салтыков-Щедрин
- Щербачкая Марья Ипполитовна, жена С.Е. Крыжановского
- Щукин Борис Васильевич (1894–1939), народный артист СССР
- Эбельмен (Ebelmen) М.
Эбельмен (Ebelmen Н.), французский геохимик
- Эберс (Ebers) Георг (1837–1898), немецкий юрист, египтолог, проф. Йенского (1865–70) и Лейпцигского (1870–89) ун-тов, автор романов из жизни древнего и греко-римского Египта и средневековой Германии
- Эдисон (Edison) Томас Алва (1847–1931), американский изобретатель в области электротехники и предприниматель, основатель крупных электротехнических компаний
- Эйлер (Euler) Леонард (1707–1783), математик, механик и физик, адъюнкт по физиологии (с 1726), проф. физики (с 1731), высшей математики (1733–41), иностр. почетный чл. (с 1742), вторично проф. (с 1766) Петербург. АН
- Элзмир (Elsmere) Роберт, герой романа английской писательницы М. Уорд
- Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893), химик, агроном, публицист, редактор первого русского «Химического журнала» (1859–60), проф. химии Петербург. земледельческого ин-та (ныне Ленингр. лесотехническая акад. им. С.М. Кирова) (с 1866), за общественно-реформаторскую деятельность и распространение среди студентов демократических идей был арестован в 1870 г., заключен в Петропавловскую крепость, а в 1871 г. выслан под надзор полиции в свое имение Батищево (Смоленская губ.)
- Энгельгардт Михаил Александрович (1861–1915?), ботаник, сын А.Н. Энгельгардта
- Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895), вождь и учитель международного пролетариата, соратник К. Маркса
- Эпикур (Epikuros) (342–341–271 – 270 до н.э.), древнегреческий философ-материалист
- Эразм Роттердамский (Erasmus Roterodamus) Дезидерий (1469–1536), гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель
- Эрстед (Ørsted) Ханс Кристиан (1777–1851), датский физик, адъюнкт (с 1800) и проф. (с 1806) Копенгагенского ун-та, непреходящий секретарь Датского королевского о-ва (с 1815), директор-организатор Политехнической школы в Копенгагене (с 1829)
- Эсхил (Aischylos) (525–456 до н.э.), древнегреческий драматург
- Юлиан Флавий Клавдий (Flavius Claudius Julianus Apostata)** (331–363), римский император (361–363)
- Юниус, анонимный автор знаменитых «Писем Юниуса», которые появились в Лондоне (1769–1771)
- Юргенсон А., минералог из России, с которым В.И. Вернадский работал в 1889 г. в лаборатории П. Грота в Мюнхене, впоследствии научной работой не занимался
- Юринац, хорватский исследователь, с которым В.И. Вернадский познакомился в минералогической экскурсии по Европе в 1888 г.
- Юрковский Б.А., студент Петербург. ун-та, принимавший участие в борьбе с голодом в Тамбовской губ. в 1892 г.
- Якунчикова**, из купеческой семьи, мать В.А. Гольштейна
- Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912), историк, публицист, общественный деятель, приват-доцент Моск. ун-та (1890–99), внук декабриста И.Д. Якушкина, действительный чл. О-ва любителей российской словесности при Моск. ун-те (с 1884)
- Янжул (девичья фамилия Вельяшева) Екатерина Николаевна (1855–?), общественная деятельница, активная участница различных просветительных обществ и организаций
- Янжул Иван Иванович (1846–1914), экономист и статистик, проф. Моск. ун-та (с 1876), акад. Петербург. АН (с 1895), фабричный инспектор Московского округа (1882–87)
- Янжулы, семья И.И. и Е.Н. Янжулов
- Янович Надежда Викторовна, полтавская дворянка, некоторое время служила классной дамой в Ин-те в Тифлисе, где подружилась с семьей Е.П. Старицкого

Янсон Николай Кириллович, студент 3-го курса юрид. фак. Петербург, ун-та (1899)

Янсон Юлий Эдуардович (1835–1893), статистик и экономист, чл.-кор. Петербург. АН (1892), проф. Петербург. ун-та, зав. статистическим отделением Петербург. городской управы (с 1881), председатель отделения статистики и эпидемиологии Русского о-ва охраны народного здоровья (с 1884), член Международного статистического ин-та (с 1885)

Янус, в римской мифологии бог входов и выходов, дверей и всякого начала, Янус

часто изображался с двумя смотрящими в разные стороны лицами, откуда его эпитет «двойной» (Geminus)

Яроцкий Александр Иванович, медик, проф. Юрьевского ун-та

Яроцкий Василий Гаврилович (1855–1917), экономист, преподаватель (с 1883), позже ординарный проф. Александровского лицея, преподаватель Военно-юридической акад. (с 1855), приват-доцент Петербург. ун-та (с 1888)

Яроцкий Сам. Иванович, брат А.И. Яроцкого

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к семнадцатому тому	5
ПИСЬМА	
1886–1889 гг.	7
ПИСЬМА	
1889–1892 гг.	260
ПИСЬМА	
1893–1894 гг.	513
Именной указатель	626

Научное издание

ВЕРНАДСКИЙ
Владимир Иванович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в двадцати четырех томах
Т о м с е м н а д ц а т ы й

Письма жене –
Н.Е. Вернадской
(1886–1894)

Утверждено к печати
Ученым советом

Института геохимии и аналитической химии
им. В.И. Вернадского Российской академии наук,
Комиссией РАН по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Художник *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.А. Желнова, Т.А. Печко*
Компьютерная верстка *С.В. Ишутиной*

Подписано к печати 22.08.2013
Формат 70 × 100^{1/16}, Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 54,0 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 54,6. Уч.-изд.л. 60,0
Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukara.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038126-1

9 785020 381261